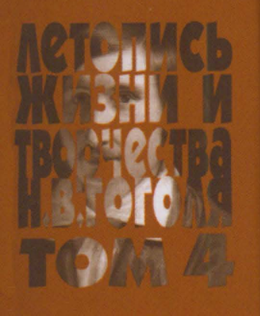
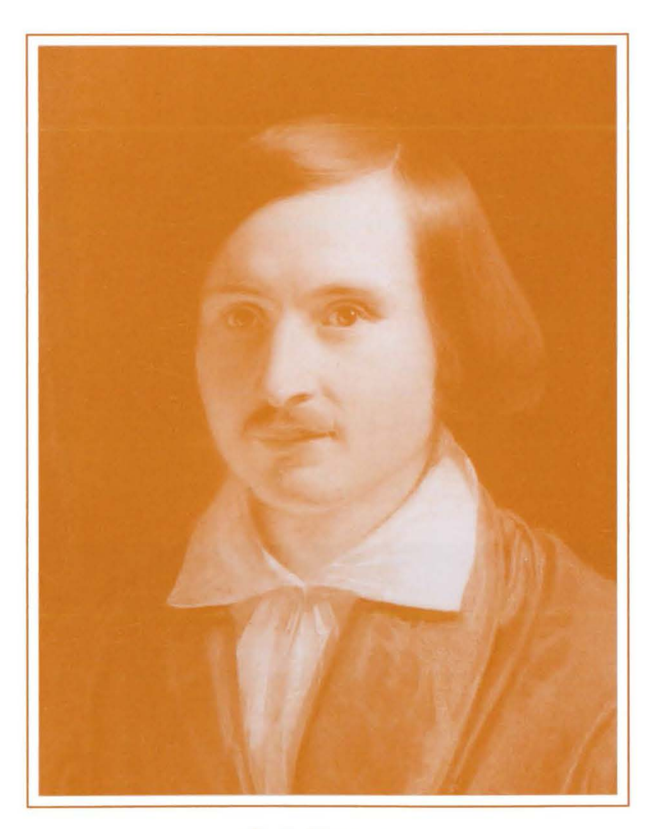

И. А. Виноградов

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Н. В. ГОГОЛЯ

ТОМ 4

1842—1844

Ф. А. Моллер.
Портрет Н. В. Гоголя
конец 1840 – начало 1841 г.
холст, масло

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А. М. Горького

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А. М. Горького

И. А. Виноградов

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Н. В. ГОГОЛЯ

в семи томах

1809–1852

Научное издание

Москва
ИМЛИ РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А. М. Горького

И. А. Виноградов

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Н. В. ГОГОЛЯ

том четвертый

1842–1844

**Москва
2018**

ББК 83.3

И. А. Виноградов. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание. В 7 т. Т. 4. 1842–1844. – М.: ИМЛИ РАН, 2018. – 704 с.

Книга представляет собой четвертый том впервые издаваемого систематического летописного свода жизни и творчества Гоголя. Вслед за периодом выхода в свет первого тома «Мертвых душ» и подготовки Гоголем к изданию первого прижизненного собрания сочинений в настоящем томе представлены годы новых заграничных странствий писателя. Собраны исчерпывающие сведения о путешествии Гоголя вместе с Н. М. Языковым из Гастейна в Рим и обратно в 1842–1843 гг.; о его общении в Риме с русскими художниками, с А. О. Смирновой (и ее окружением); о пребывании писателя осенью 1843 г. в Дюссельдорфе у В. А. Жуковского; о зиме 1843/44 г., проведенной в Ницце; о летних месяцах 1844 г. у Жуковского во Франкфурте; о морских купаниях в Остенде в конце лета – начале осени того же года и возвращении во Франкфурт. Подробно освещены разнообразные стороны писательской деятельности Гоголя этого периода: чтение им славянской Библии и духовной литературы; работа над переводом «Увещательных глав» диакона Агапита; составление сборника «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви»; создание сочинений <О благодарности>, «Правило жития в мире» и др., а также нескольких писем, вошедших позднее в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями»; начало труда над книгой о Божественной Литургии; продолжение работы над вторым томом «Мертвых душ». Как и в других томах, очерчены образ жизни Гоголя в указанный период и круг идей, занимавших его в это время. События за границей представлены в двух временных системах координат: они обозначены датами по новому и старому стилю. В работе использованы многочисленные мемуарные, эпистолярные, дневниковые материалы, документальные архивные свидетельства, собственные воспоминания Гоголя. Отдельные сведения, в частности, датировка около двух десятков писем, получили необходимые уточнения. Данные о каждом дне жизни писателя составляют отдельное аналитическое описание, с своей библиографией и необходимыми хронологическими отсылками. Том сопровожден маршрутным указателем (географической канвой жизни и творчества Гоголя), позволяющим наглядно представить перемещения писателя. Именной указатель насчитывает около двух тысяч имен.

ISBN 978-5-9208-0516-4
ISBN 978-5-9208-0547-8 (том 4)

ЛЕТОПИСЬ
ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
ГОГОЛЯ

1842–1844

ЯНВАРЯ 1. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ОБРЕЗАНИЯ ГОСПОДНЯ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ЯНВАРЯ 1. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ОБРЕЗАНИЯ ГОСПОДНЯ. МОСКВА

Сестра Гоголя Елисавета записала в своем дневнике:

«Весь день провела дома».

Свод. Т. 1. С. 170.

ЯНВАРЯ 2. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Вероятный день погребения А. М. Щепкиной (третий день после кончины)[1]. На похоронах присутствуют В. Г. Белинский и, возможно, Гоголь.

Позднее, 6 апреля 1842 г., В. Г. Белинский сообщал М. Н. Каткову: «В Москве я попал на похороны – Александры Михайловны Щепкиной»[2].

[1] См. ***1841. Декабря 31. Среда. Москва***.
[4] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1956. В Т. 12. С. 95.

1841 КОНЕЦ – 1842 НАЧАЛО. МОСКВА

В. С. Аксакова пишет брату Ивану в Петербург:

«Гоголь бывает у нас часто, но очень недоволен, если мы скажем кому-нибудь об этом – непременно требует, чтоб мы лгали; иногда он очень смешит; как-то раз он очень серьезно уверял, что сапог его чрезвычайно похож на Крылова (профессора здешнего)[1] и т. п. Очень забавно, когда он играет на биллиарде, играет очень дурно и бранит себя. Но только ты, милый Ванечка, пожалуйста,

не сообщай ничего никому, ни товарищам, ни Панаеву — из этого более выходят сплетни, и потом же Гоголь все это держит в величайшем секрете».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 814–815.

[1] См. ***1841. Декабря 12. Пятница. Москва.***

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА

А. С. Данилевский в чине губернского секретаря служит депутатом от Миргорода в Дворянском депутатском собрании Полтавской губернии.

Месяцеслов и общий штат Российской Империи на 1842. СПб., <1842>. Ч. 2. С. 205.

ЯНВАРЯ 2. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вышел в свет № 1 «Отечественных Записок» со статьей В. Г. Белинского[1] «Русская литература в 1841 году», в которой критик, в частности, писал:

«С Гоголя начался русский роман и русская повесть, как с Пушкина началась истинно русская поэзия... Гоголь внес в нашу литературу новые элементы, породил множество подражателей, навел общество на истинное созерцание романа, каким он должен быть; с Гоголя начинается новый период русской литературы, русской поэзии... <...> ...Комедия Гоголя “Ревизор” стоит всякой трагедии»[2].

[1] Белинский в это время находился в Москве (см. ***1841. Декабря 31. Среда. Москва***; ***1842. Января между 2 и 7. Москва***).

[2] <*Белинский В. Г.*> Русская литература в 1841 году // Отечественные Записки. 1842. Т. 20. № 1 (цензурное разрешение 31 дек. 1841). Отд. 5. С. 33, 35. — См. также ***1843. Февраля 5 <17>. Пятница. 7 часов вечера. Москва*** (примечания).

ЯНВАРЯ МЕЖДУ 2 И 7. МОСКВА

Во время непродолжительного пребывания в Москве В. Г. Белинского[1] Гоголь (возможно, после встречи с ним на похоронах дочери М. С. Щепкина Александры[2]) договорился о передаче рукописи «Мертвых душ» в Петербург князю В. Ф. Одоевскому.

После встречи с Белинским пишет письма к А. О. Смирновой, к Императору Николаю I (послания не сохранились) и к Одоевскому. Вновь встречается с Белинским (вероятно, посетив его вместе с М. С. Щепкиным) и передает ему письма и рукопись поэмы. Вместе с Щепкиным обещает проводить критика в Петербург 11 января 1842 г.[3]

7 января 1842 г. Гоголь сообщал П. А. Плетневу об отправленном с Белинским послании к Смирновой — о том, что просил ее действовать «через великих княжен или другими путями».

О послании Гоголя к Государю Николаю I Плетнев в письме к Я. К. Гроту замечал, что оно «написано с большим чувством и с полным достоинством»[4].

Сама Смирнова о посланиях к ней и Государю, написанных Гоголем между 2 и 7 января 1842 г., вспоминала впоследствии неоднократно.

П. А. Кулиш в декабре 1854 г. с ее слов записал: «Весной <1842 г.> она получила от него из Москвы очень длинное письмо, с горькими жалобами на его неудачи в Москве по предмету издания “Мертвых Душ”. К письму была приложена просьба к в Бозе почивающему Государю Императору, которую А<лександра> О<сиповна> должна была подать, в случае надобности[5]. Просьба была коротка, но написана с полным доверием к милостивому вниманию Государя и к Его высокому разуму. Она, впрочем, была удержана графом М. Ю. В<иельгорски>м, который горячо взялся за дело издания “Мертвых Душ” и устроил его к удовольствию автора вместе с попечителем С. Петербургского учебного округа князем Д<ондуковым>-К<орсаковы>м»[6].

Сведения об этом имеются в воспоминаниях о Гоголе в альбоме Смирновой (вероятно, написанных также в 1854 г.): «В том же году под весну я получила от него письмо, очень длинное, все исполненное слез, почти стону, в котором жалуется с каким-то почти детским отчаянием на все насмешливые отметки московской цензуры. К письму была приложена просьба к Государю, в случае, что не пропустят первый том “Мертвых <душ>”. Эта просьба была прекрасно написана, очень коротко, исполнена достоинства и чувства, вместе доверия к разуму Государя, который один велел принять “Ревизора” вопреки мнению его окружавших. Я, однако, решилась прибегнуть к совету графа М. Ю. Виельгорского; он горячо взялся за это дело и устроил все с помощью князя М. А. Дондукова, бывшего тогда попечителем университета. Ни этого письма, ни просьбы у меня не нашлось; вероятно, они у графа Виельгорского, и даже мне кажется, что просьбу я возвратила Гоголю, как вещь мне не принадлежащую»[7].

В мемуарах Смирновой в записи А. Н. Пыпина 1873 г.: «Весной 1841 я получила от него очень длинное п<исьмо>, исп<олненное> слез, воплей, стонов, в кот<ором> он жалуется на моск<овскую> цензуру с каки<м-то> почти детск<им> отчаян<ием>. К письму была прилож<ена> пр<осьба> к Госуд<арю>, к<оторую> я д<олжна> б<ыла> под<ать>, если отк<ажутся> печат<ать> I т<ом> “М<ертвых> Д<уш>”. Просьба была коротка и прекр<асно> написана, с полн<ым> доверием к милостив<ому> вним<анию> Г<осударя> Имп<ератора> и к его высок<ому> разуму. Я решилась, одн<ако>, посовет<оваться> с гр<афом> М. Ю. Виельгорским. Он горячо взялся за это дело и устроил его с кн<язем> Дундуков<ым>, попечит<елем> Пет<ербургского> окр<уга>. Ни письма, ни просьбы нет. Они у М. Ю. Вьельгорского»[8].

В письме Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «В этом же году я получила от него опять длинное письмо, все исполненное слез, почти вопля, в котором жалуется на московскую цензуру. К письму была приложена просьба в форме письма к Государю, в которой он напоминал, что он милостиво оказал ему протекцию на “Ревизора” и велел дирекции заплатить ему 8000 р<ублей> асс<игнациями>[9]. Я решилась посоветоваться с Мих<аилом> Юрье<вичем> Виельгорским; он горячо принялся за дело и все устроил с помощью князя Дундукова, который был товарищем министра просвещения, графа Уварова. Ни мое письмо, ни письмо Гоголя к Государю не нашлись, они или остались у Виельгорского, или были отосланы автору»[10].

В 1890 г. дочь Смирновой Ольга Николаевна сообщала также в редакцию «Русской Старины» о своей матери: «...Александра Осиповна даже способствовала появлению в печати первого тома “Мертвых душ”. Одно письмо Гоголя к Александре Осиповне о “Мертвых душах”, относящееся к 1841 и 1842 году (до напечатания их) было передано государю и осталось у Его Величества»[11].

В письме к Одоевскому, переданном с Белинским, Гоголь сообщал: «Я так устал после письма только что конченного к Алексан<дре> Осиповне, что нет мочи. <...> Но ты всё узнаешь из письма к Александре Осиповне, которое доставь ей сейчас же, отвези сам, вручи лично. Белинский сейчас едет. <...> Рукопись моя запрещена. Проделка и причина запрещения всё смех и комедия. Но у меня вырывают мое последнее имущество. Вы должны употребить все силы, чтобы доставить рукопись Государю».

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Тут случилось что-то такое, чего я и теперь объяснить не умею: Гоголь хотел послать первый том “Мерт<вых> Д<уш>” в Петербург к Жуковскому или к графу Вьельгорскому[12] для того, чтоб найти возможность представить ее <рукопись> прямо к Государю: ибо все мы думали, что обыкновенная цензура его не пропустит. Вдруг Гоголь переменил свое намерение и послал рукопись в Петербург прямо к цензору Никитенко[13] и, кажется, послал с Белинским, по крайней мере не сказал нам с кем. У нас возникло подозрение, что Гоголь имел [секретное] сношение с Белинским, который приезжал на короткое время в Москву, секретно от нас, потому что в это время мы все уже терпеть не могли Белинского, переехавшего в Петербург для сотрудничества в издании “Отеч<ественных> Записок” и обнаружившего[14] гнусную враждебность к Москве, к русскому человеку и ко всему нашему русскому направлению»[15].

Из «Воспоминаний о Гоголе» П. В. Анненкова (1857): «Никогда, может быть, не употребил он

в дело такого количества житейской опытности, сердцеведения, заискивающей ласки и притворного гнева, как в 1842 г., когда приступил к печатанию "Мертвых Душ". Плодом его неутомимого возбуждения окружающих к одной цели при помощи всяких мер, которые, конечно, далеко отстоят от идеала патриархальной простоты сношений, было скорое появление "Мертвых Душ" в печати. Тот, кто не имеет "Мертвых Душ" для напечатания, может, разумеется, вести себя непогрешительнее Гоголя и быть гораздо проще в своих поступках и выражении своих чувств. <...> ...Именно в эту страстную, необычайно деятельную эпоху своей жизни Гоголь постоянно оставался существом высокого нравственного характера, не переставал быть ни на минуту по мысли, образу жизни и направлению благороднейшим человеком в строгом смысле слова. Помирить образ подобного человека с теми частностями, которые приводят в тупик поверхностного наблюдателя, не искажая и не перетолковывая их, значит именно понять и настоящую задачу биографа. <...>

...Н<иколай> В<асильевич> <...>, пользуясь случайным пребыванием Белинского в Москве, <...> назначил ему в доме одного общего знакомого[16] свидание, но, как следовало ожидать, под условием величайшего секрета[17]. Пренебречь ропотом друзей, завязав откровенные сношения с критиком, он не мог даже по убеждениям своим[18]. <...> С другой стороны, несмотря на тогдашнюю бдительность литературных партий и строгий присмотр за людьми, Н<иколай> В<асильевич> понимал опасность оставаться безвыходно в одном кругу, да и сочувствие к деятельности Гоголя, высказанное не раз Белинским, сглаживало дорогу к сближениям: отсюда *секретные* сношения, первый пример которых подал, как известно, Пушкин, посылавший тайком критику нашему свои книги и одобрительные слова[19]. Не обвиняя никого, можно объяснить подобные явления чрезвычайной молодостью литературы и общества; но, как бы то ни было, при первом *таинственном* свидании Гоголя с Белинским Н<иколай> В<асильевич> решился на пересылку своей рукописи в Петербург, и тогда же обсуждены были меры для сообщения ей правильного и безостановочного хода. Белинский, возвращавшийся в Петербург, принял на себя хлопоты по первоначальному устройству этого дела... <...> С ним, как мы слышали, пошла в Петербург и самая рукопись автора...»[20]

В мемуарном очерке «Замечательное десятилетие» (1880) Анненков добавлял: «Николай Васильевич вспомнил о Белинском только в 1842 году, когда для успеха "Мертвых Душ" в публике, уже представленных на цензуру, содействие критика могло быть не бесполезно[21]. Он устроил тогда одно *тайное* свидание с Белинским, в Москве, где последний случайно находился...»[22]

В то время Белинский готовился писать цикл статей о Пушкине и, возможно, обратился к Гоголю за уточнением, кому адресовано стихотворение поэта, впервые напечатанное в девятом томе «Сочинений Александра Пушкина» (СПб., 1841)[23] под названием «К Н**» («С Гомером долго ты беседовал один...») (С. 159). (Ранее, в августовском номере «Отечественных Записок» за 1841 г., – еще до приезда Гоголя в Россию осенью 1841 г., – Белинский уже упомянул об этом стихотворении под названием «К Г***»[24], что, очевидно, означало «К Гнедичу».) По-видимому, в то время Гоголь, обсуждая с Белинским послание Пушкина, подтвердил догадку критика, что оно адресовано Гнедичу. Позднее, в письме к С. П. Шевыреву от 27 апреля (н. ст.) 1847 г., Гоголь замечал: «Слух о том, что это стихотворение Гнедичу, распустил я. С моих слов повторили это "Отеч<ественные> Зап<иски>"». (Думается, никакого особого «умысла» Гоголь, «распуская» свой «слух», не имел. К таким выражениям в письме к Шевыреву он прибегнул, вероятно, лишь для того, чтобы лишний раз не напоминать москвичам о своих встречах с Белинским[25].) Говоря об «Отечественных Записках», Гоголь имел в виду появившуюся в третьей статье критического цикла Белинского «Сочинения Александра Пушкина» (в сентябрьском номере «Отечественных Записок» за 1843 г.; без подписи) перепечатку пушкинского стихотворения, с пояснением Белинского: «...Пушкин высоко ценил перевод Гнедича. Вот еще стихотворение Пушкина, свидетельствующее о его уважении к труду и имени переводчика "Илиады": "С Гомером долго ты беседовал один..."»[26]

Позднее, в период с января 1842 по 1846 г., кто-то указал Гоголю на другого адресата послания Пушкина – Императора Николая I. Сообщенные этим неизвестным сведения Гоголь и пересказал в «Выбранных местах из переписки с друзьями». По всей вероятности, этим неизвестным была близкая к императорской семье бывшая фрейлина А. О. Смирнова.

Дочь А. О. Смирновой Ольга Николаевна в 1893 г. свидетельствовала, что ее мать однажды записала: «Вечер мы провели очаровательный, но немного грустный, потому что когда собираешься уезжать[27], всегда задаешь себе вопрос: когда-то свидимся. <...> ...Пушкин, вынув из кармана бумажку, сказал мне: "Отгадайте, что здесь заключается? <...> Это список поэм и стихотворений, которые эта прекрасная особа давала читать Государю, ранее чем их видел Катон[28], уже около восьми лет она мой фельдъегерь. <...> Здесь <...> и стихи Н., когда Го-

сударь читал Илиаду перед балом. Этот последний факт я рассказал Гоголю, который записал его, так он был им поражен..."»[29]

Однако, судя по тому, что вплоть до начала 1842 г. сам Гоголь считал это стихотворение адресованным Гнедичу, о том, что послание «К Н**» посвящено Императору Николаю I, он узнал не от самого Пушкина, а от А. О. Смирновой. Как и во многих других случаях, О. Н. Смирнова, передавая воспоминания матери, вероятно, допустила ошибку, сделав автором рассказа Гоголю об обстоятельствах этого события самого Пушкина. Гоголь же, сообщая о «происхожденьи» «оды императору Николаю, появившейся в печати под скромным именем: "К Н***"», отнюдь не говорит о том, что узнал эту историю от самого Пушкина. Он намекает на другое лицо: «Был вечер в Аничковом дворце, один из тех вечеров, к которым, как известно, приглашались одни избранные из нашего общества. Между ними был тогда и Пушкин». Вероятно, одним из «избранных» лиц, приглашенных во дворец, и была А. О. Смирнова. Добавим, что записки своей матери О. Н. Смирнова присылала на французском языке, а потому якобы пушкинскую фразу: «J'ai raconté le fait à Gogol qui l'a inscrit, il en a été si impressionné»[30], – вполне можно интерпретировать как вставную, пояснительную фразу самой Смирновой – и в таком случае перевести так: «Этот последний факт *я рассказала* Гоголю, который записал его, он был им поражен».

Со Смирновой Гоголь – после встреч с Белинским и до выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» – виделся не раз на протяжении 1842–1844 гг. Ближайшая встреча состоялась в том же 1842 г.[31] Возможно, именно тогда, «по горячим следам», Гоголь, в свою очередь, задал ей вопрос об адресате пушкинского стихотворения[32]. (Не исключено также, разговор о пушкинском стихотворении состоялся позднее, – возможно, в период наиболее тесного общения Гоголя со Смирновой в Риме в конце января – начале февраля (н. ст.) 1843 г.[33])

[1] См. ***1841. Декабря 31. Среда. Москва***; ***1842. Января 11. Воскресенье. Москва***.

[2] См. ***1842. Января 2. Пятница. Москва***.

[3] См. ***1842. Января 11. Воскресенье. Москва***.

[4] См. ***1842. Января 23. Пятница. Санкт-Петербург***.

[5] В. И. Шенрок, со слов О. Н. Смирновой, свидетельствовал: «Одно из писем к А. О. Смирновой было ею передано государю и, по словам дочери, покойной Ольги Николаевны, осталось у него» (*Шенрок*. Т. 4. С. 46).

[6] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 2. С. 217.

[7] <Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> // *Свод*. Т. 2. С. 228.

[8] <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод*. Т. 2. С. 243.

[9] На самом деле 2500 рублей (см. ***1836. Марта 9. Понедельник. Санкт-Петербург***).

[10] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод*. Т. 2. С. 250.

[11] *Смирнова О.* Ответ г-же Черницкой // *Свод*. Т. 2. С. 307; см. также: *Шенрок*. Т. 4. С. 46.

[12] Графу Михаилу Юрьевичу Виельгорскому.

[13] К князю В. Ф. Одоевскому (см. выше).

[14] См. ***1839. Ноября 25. Суббота. Санкт-Петербург***.

[15] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод*. Т. 2. С. 704.

[16] Имеется в виду В. П. Боткин (см. ***1842. Марта 14. Суббота. Санкт-Петербург***).

[17] См. ***1842. Февраля 13. Пятница. Москва***.

[18] См. ***1841. Апреля 28 <16>. Среда. Рим***.

[19] П. В. Анненков имеет в виду опубликованное им самим в «Материалах для биографии Александра Сергеевича Пушкина» (1855) письмо А. С. Пушкина к П. В. Нащокину от 27 мая 1836 г. (см. ***1836. Мая 2. Суббота. Москва***).

[20] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод*. Т. 3. С. 433, 458–459.

[21] Гоголь просил тогда Белинского исполнить лишь роль курьера.

[22] *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Свод*. Т. 3. С. 507.

[23] См. ***1840. Апреля 29. Понедельник. Санкт-Петербург***.

[24] «..."К. Г***"...» (<*Белинский В. Г.*> Сочинения Александра Пушкина. Томы IX, X и XI // Отечественные Записки. 1841. Т. 17. № 8 (цензурное разрешение – 31 июля). Отд. 6. С. 35). «...Мы склонны думать, что "К." опечатка (вместо "Къ"), а "Г***" поставлено нарочно, и это заглавие должно читаться "К Гнедичу", т. е., что Белинский уже тогда знал, кому пьеса посвящена...» (*Лернер Н. О.* Примечания // *Пушкин*. Собр. соч. / Библиотека великих писателей под ред. проф. С. А. Венгерова. Пг., 1915. Т. 6. С. 461). См. также: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 268, 811; *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1979. Т. 4. С. 432, 609.

[25] См. ***1843. Марта после 20 <после 8>. Рим*** (свидетельство С. Т. Аксакова). См. также ***1844. Октября 27 <ноября 8>. Пятница. Санкт-Петербург***.

[26] <*Белинский В. Г.*> Сочинения Александра Пушкина. Санктпетербург. Одиннадцать томов... Статья третья // Отечественные Записки. 1843. Т. 30. № 10. Отд. 5. С. 82; см. также: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 255–256; *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1981. Т. 6. С. 210–211. – См. также: «В IX-й том

изданных по смерти его сочинений вошли некоторые из старых, не попавших по недосмотру в первые тома, и некоторые из новых произведений, которых автор не хотел печатать, а некоторые и из действительно последних его произведений. Во всяком случае лучшие из них: <...> "К Гнедичу" ("С Гомером долго ты беседовал один")...» (<*Белинский В. Г.*> Сочинения Александра Пушкина... Статья пятая // Отечественные Записки. 1844. Т. 32. № 2. Отд. 5. С. 81; см. также: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 355; *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1981. Т. 6. С. 297).

[27] См. ***1835. Июня 30. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания).

[28] Вероятно, подразумевается С. С. Уваров.

[29] <*Смирнова О. Н.*> Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.) // Северный Вестник. 1894. № 8. С. 201; см. также: *Свод.* Т. 2. С. 342.

[30] Extraits des carnets de souvenirs d'Alexandrine Smirnoff née de Rosset de 1826 a 1845 // Северный Вестник. 1894. № 8. С. 213.

[31] См. ***1842. Мая 26. Вторник – июня 5. Пятница. Санкт-Петербург.***

[32] См. также: *Виноградов И. А.* «С Гомером долго ты беседовал один». К истории интерпретации пушкинского стихотворения // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 5. С. 59–70; *Виноградов И. А.* «Величественная ода». Гоголь о стихотворении Пушкина «К Н***» // Проблемы исторической поэтики: Вып. 14: Анализ, интерпретации, понимание. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2016. С. 140–154.

[33] См. ***1843. Января 26 <14>. Четверг. Рим – 1843. Мая 2 <апреля 20>. Вторник. Радоница. Рим.*** – См. также ***1843. Июля 8 <июня 26>. Суббота – августа 27 <15>. Воскресенье. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Баден-Баден, Карлсруэ, Баден-Баден***; ***1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца***; ***1844. Июня конец <июня средина>. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Июля 17 <5>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***

ЯНВАРЯ 15 <3>. СУББОТА. ГАНАУ

Н. М. Языков пишет брату А. М. Языкову:

«Гоголь обещался прислать мне наши лит<ературные> новости – да что-то притаился – и перестал писать ко мне: он живет у Погодина пустыннически, однако ж бывает у Хомяк<овых>. Само собою разумеется, что он ничуть не участвует в спорах диалектических, которые снова начались у Сверб<еевых>. Гоголь характера тихого – и враг всякой сумятицы и шума. П<етр> М<ихайлович>[1], конечно, отыщет его в Москве...»

Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 148.

[1] Языков.

ЯНВАРЯ 6. ВТОРНИК. ПРАЗДНИК КРЕЩЕНИЯ ГОСПОДНЯ. МОСКВА

Цензурное разрешение № 1 «Москвитянина» за 1842 г., где напечатана рецензия Гоголя и М. П. Погодина на альманах В. А. Владиславлева «Утренняя Заря»[1], а также программная статья С. П. Шевырева: «Взгляд на современное направление русской литературы. (Вместо предисловия ко второму году Москвитянина). Статья первая. Сторона черная». В этой статье Шевырев выступил против В. Г. Белинского как одного из «предводителей» «литературных промышленников», работающих «над ничтожною кучею одного бесполезного сора»:

«На место прежних славных лиц с известным образом мыслей и характером, на место литераторов, именами своими украшавших славу своего отечества, поступили компании журнальные, образуемые набором перьев безымянных. <...> ...Эта общественная сила <...> могла бы быть очень

полезна, если бы какие-нибудь особенные мнения одушевляли деятелей, если бы сильная, исполинская мысль <...> жила <...> во всем этом наружном движении!.. Цель тут <...> увы! не соответствует <...> величию, нами описанному. <...> Это саранча – настоящий потребитель приготовленной жатвы» (с. V–VI, XV).

О том, что Гоголь читал тогда статью Шевырева, свидетельствует содержание его статьи *XXXII. Светлое Воскресенье* в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1846), где говорится: «Люди темные, никому не известные, не имеющие мыслей и чистосердечных убеждений, правят мненьями и мыслями умных людей, и газетный листок, признаваемый лживым всеми, становится нечувствительным законодателем его не уважающего человека. <...> ...Злоба <...> на крыльях журнальных листов, как всепогубляющая саранча, нападает на сердце людей повсюду».

Белинский во время пребывания в Москве также познакомился с статьей Шевырева: он слышал ее в чтении Н. Х. Кетчера около 9 января 1842 г.[2] Позднее, 14 марта 1842 г., Белинский сообщал В. П. Боткину: «...Я способен ко многим родам сочинений, когда вдохновляет меня злоба. Идея “Педанта” мгновенно блеснула у меня в голове еще в Москве, в доме М. С. Щепкина, когда Кетчер прочел там вслух статью Шевырки»[3].

Таким образом, с публикацией памфлета «Педант»[4] к выходке Белинского против К. С. Аксакова 1839 г.[5] прибавилась еще одна – против Шевырева, также предварявшая будущее зальцбруннское письмо Белинского к Гоголю 1847 г. по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[1] См. ***1842. Февраля 7 <января 26>. Понедельник. Париж*** (примечания).
[2] См.: *Оксман Ю.* Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958. С. 316.
[3] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 12. С. 82.
[4] Отечественные Записки. 1842. № 3.
[5] См. ***1839. Ноября 25. Суббота. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 7. СРЕДА. МОСКВА

Гоголь после передачи В. Г. Белинскому, вместе с рукописью «Мертвых душ», писем к князю В. Ф. Одоевскому, А. О. Смирновой и Императору Николаю I[1], отправляет (возможно, не вполне доверяя Белинскому[2]) дополнительно по почте письмо в Петербург к П. А. Плетневу, где извещает о нахождении рукописи у Одоевского и сообщает толки по поводу «Мертвых душ» в Московском цензурном комитете[3]:

«Сильно хотел бы ехать теперь в Петербург, мне это нужно, это я знаю, и при всем том не могу. Никогда так не впору не подвернулась ко мне болезнь, как теперь. Припадки ее приняли теперь такие странные образы... но Бог с ними, не об болезни, а об цензуре я теперь должен говорить. <...> У меня, вы сами знаете, все мои средства[4] и всё мое существованье заключены в моей поэме. Дело клонится к тому, чтобы вырвать у меня последний кусок хлеба, выработанный семью годами самоотверженья, отчужденья от мира и всех его [приманок] выгод, другого я ничего не могу предпринять для моего существования. Усиливающееся болезненное мое расположение и недуги лишают меня даже возможности продолжать далее начатый труд. Светлых минут у меня не много, а теперь просто у меня отымаются руки. <...> Вы должны теперь действовать соединенными силами и доставить рукопись к Государю. Я об этом [писал] пишу к Александре Осиповне Смирновой. <...> ...Это ваше дело, об этом вы сделаете совещание вместе[5]. Попросите Алек<сандру> Осипов<ну>, чтобы она прочла вам мое письмо. Рукопись моя у князя Одоевского[6]. Вы прочитайте ее вместе человека три-четыре, не больше. <...> Только те, которые меня очень любят, должны знать. <...> Если рукопись будет разрешена и нужно будет только для проформы дать цензору, то, я думаю, лучше дать Очкину[6] для подписанья...»

В тот же день, 7 января 1842 г., А. М. Языков писал брату Н. М. Языкову в Ганау:

«У Гоголя сплин. Никуда не ходит, кроме Авдотьи Петровны[8]. Любит очень, до страсти В<ес-селя>[9] и говорит его стихи чудесно»[10].

[1] См. ***1842. Января между 2 и 7. Москва.***

[2] О том, что Гоголь сомневался в «надежности» Белинского, он упомянул позднее в письме к Н. Я. Прокоповичу от конца января 1842 г. (см. ***1842. Января между 22 и 27. Москва***): «Никто ко мне не пишет. Или Белинский неверный человек и не передал им вовремя писем и тетради». Сам Белинский извещать Гоголя о выполнении порученного дела не спешил, за что позднее, 20 апреля 1842 г., в письме к Гоголю извинялся: «Я очень виноват перед вами, не уведомляя вас давно о ходе данного мне вами поручения. Главною причиною этого было желание — написать вам что-нибудь положительное и верное, хотя бы даже и неприятное. Во всякое другое время ваша рукопись прошла бы без всяких препятствий, особенно тогда, как вы были в Питере <см. ***1841. Октября 7 <19>. Вторник — 14 <26>. Вторник. Санкт-Петербург***>. Если бы даже и предположить, что ее не пропустили бы, — то все же можно наверное сказать, что только в китайской Москве могли поступить с вами, как поступил г. Снегирев, и что в Петербурге этого не сделал бы даже Петрушка Корсаков, хоть он и моралист и пиэтист. Но теперь дело кончено, и говорить об этом бесполезно».

[3] См. ***1841. Декабря 12. Пятница. Москва.***

[4] Ср. ***1842. Января 22. Четверг. Москва.***

[5] См. ***1842. Января 23. Пятница. Санкт-Петербург.***

[6] Рукопись была отправлена князю В. Ф. Одоевскому через В. Г. Белинского (см. ***1842. Января между 2 и 7. Москва***).

[7] Амплий Николаевич Очкин (1791–1865), цензор, писатель, переводчик, редактор «Санкт-Петербургских Ведомостей».

[8] Елагиной.

[9] Семейное прозвище Н. М. Языкова (см. ***1841. Ноября 17. Понедельник. Москва***).

[10] Из писем А. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 181.

ЯНВАРЯ 11. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

В. Г. Белинский выехал из Москвы в Петербург[1]. Вероятно, Гоголь и М. С. Щепкин обещали провожать его из дома В. П. Боткина, однако обещания не выполнили[2].

[1] См. ***1842. Января 16–17. Пятница-суббота. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1842. Марта 14. Суббота. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 23 <11>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

П. И. Кривцов пишет М. П. Погодину в Москву:

«На днях получили мы обещанную для общины русских художников библиотеку[1]. <...> Извещая вас обо всем этом, я льщу себя надеждою, что присланные два ящика с книгами были только предвестниками следующих высылок... <...> В свое время я известил вас, что писал о выдаче г-ну Гоголю 2000 франк<ов>[2]. Письмо мое не застало его более в Риме, и поручение не было выполнено».

Воропаев В. Книги для Гоголя // Прометей. М., 1983. Т. 13. С. 133–134; см. также: *Свод.* Т. 2. С. 473–474.

[1] См. также ***1840 декабря 31 <1841 января 12>. Вторник. Москва.***

[2] См. ***1841. Октября 20 <ноября 1>. Понедельник. Москва.***

ЯНВАРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. МОСКВА

Гоголь отправляет записку к сестре Елисавете (в дом П. И. Раевской):

«Я на тебя больше не сержусь. Но я теперь слишком болен, болен в душе; у меня много горя — вот причина. Будь спокойна. Я тебе объясню всё. В воскресенье приезжай ко мне. А до того вряд ли мне удастся быть у вас. Я вчера у Аксаковых в силу мог двигаться. Прощай. Я на тебя не сержусь. Не грусти и будь весела».

Датировка письма уточнена. В. И. Шенрок относил эту записку «к промежутку от 10 до 17 мая 1840 г., когда Гоголь был на отъезде (он выехал 18 мая) и уже поместил сестру у Раевской, что было 10 мая»[1]. Но в таком случае упоминаемое в записке воскресенье («В воскресенье приезжай ко мне») должно приходиться точно на 12 мая 1840 г. Поскольку Гоголь перевез сестру к П. И. Раевской 10 мая, то единственно возможной датой отправления письма становится, таким образом, 11 мая 1840 г. Последнее невозможно по двум обстоятельствам. Во-первых, приглашая сестру в гости на следующий день, Гоголь, скорее всего, написал бы: «*Завтра* приезжай ко мне» (а не — «В воскресенье приезжай ко мне»). Во-вторых, сообщение в письме: «Я вчера у Аксаковых в силу мог двигаться», — отсылает (если принять датировку 11 мая) к тому дню, когда Гоголь отвез сестру к Раевской, т. е. к 10 мая. Но известно, что вечер этого дня Гоголь провел не у Аксаковых, а у Свербеевых[2]. Таким образом, единственно возможным представляется датировать записку Гоголя не 1840 г., а 1841–1842 гг., точнее, периодом следующего совместного пребывания Гоголя и его сестры в Москве с 17 октября 1841 по 23 мая 1842 г. В этот период обострение болезненного состояния Гоголя определенно приходится на январь 1842 г. Так, в письме к князю В. Ф. Одоевскому между 2 и 7 января 1842 г. он замечает: «...Я очень болен и в силу двигаюсь» (ср. в записке к сестре: «Я вчера <...> в силу мог двигаться»); в письме к Н. Я. Прокоповичу между 22 и 27 января 1842 г. вновь сообщает: «Так устал от писем и всяких тревог душевных и телесных и, от болезни моей, которой припадки были теперь сильнее, нежели когда-нибудь, что руки не поднимаются».

Аналогичным образом требует уточнения датировки еще одно письмо Гоголя к сестре Елисавете, в котором содержится поручение купить для него и «изрубить в куски» 3 фунта (т. е. около полутора килограмм) сахару, а также приобести 2 фунта (около килограмма) свечей и фунт (почти полкилограмма) кофе. Шенрок также отнес это письмо к последней неделе пребывания Гоголя в Москве в 1840 г.[3] Между тем, Гоголю всего на несколько дней перед отъездом вряд ли могли понадобиться столь существенные припасы. С другой стороны, хозяйственное поручение Гоголя предполагает известную самостоятельность сестры, какой она, учитывая шестнадцатилетний возраст и вынесенную из института застенчивость[4], вряд ли могла иметь в 1840 г. Вероятнее всего, записка Гоголя к сестре была написана после полутора лет проживания Елисаветы Васильевны в Москве, когда осенью 1841 г. она принялась за переписку последних восьми глав цензурного экземпляра «Мертвых душ»[5].

[1] Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 2. С. 42.
[2] См. ***1840. Мая 10. Пятница. Москва.***
[3] См.: Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 2. С. 42.
[4] См. ***1839. Ноября 19 — декабря 17. Санкт-Петербург.***
[5] См. ***1841. Ноября средина — ноября не позднее 25. Москва.***

ЯНВАРЯ 15. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

И. М. Снегирев записывает в дневнике:

«Я был на литературном вечере у князя Д. В. Голицына по его приглашению. Там были Загоскин, Чертков, М. Дмитриев, Ф. Глинка, Шевырев, Погодин, Н. Павлов, Хомяков, профессоры Крылов[1] и Баршев[2]. Рассуждали об упадке и улучшении Моск<овских> Ведомостей, <...> спорили о Гоголе и Пушкине».

Дневник Ивана Михайловича Снегирева // *Свод*. Т. 2. С. 172.

[1] Никита Иванович Крылов (1808–1879), цензор, профессор римского права Московского университета.
[2] Сергей Иванович Баршев (1808–1882), юрист, профессор Московского университета.

ЯНВАРЯ 16–17. ПЯТНИЦА-СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

В. Г. Белинский с рукописью «Мертвых душ», а также с письмами Гоголя к князю В. Ф. Одоевскому, А. О. Смирновой и Императору Николаю I[1] прибыл в Петербург[2].

Позднее, 17 марта 1842 г., младший брат Белинского Н. Г. Белинский сообщал Д. П. Иванову: «...Вот уже два месяца, как я в Петербурге... <...> Ехал я в Петербург, как тебе известно, один; отправились из Москвы 10 генваря, по утру в 10 часов, я прибыл в Петербург 13-го в 12 часов ночи. <...> Через два дня после меня приехал брат <Виссарион>. Он ехал 6 дней, выехав из Москвы на другой день после меня...»[3]

«Пребывание Белинского в пути в течение шести дней вместо обычных трех-четырех объясняется, вероятно, его остановкой в Новгороде у Герцена или в Премухине у Бакуниных»[4].

[1] См. ***1842. Января между 2 и 7. Москва.***

[2] См. также ***1842. Февраля 13. Пятница. Санкт-Петербург.***

[3] Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Публикация Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 56. М., 1950. С. 165–166.

[4] Там же. С. 166.

ЯНВАРЯ 28 <16>. ПЯТНИЦА. ГАНАУ.

Н. М. Языков пишет родным:

«Вчера получил я письмо от Гоголя[1], — несколько строк; он до сих пор не получил от меня ни одного письма с тех пор, как он приехал в Москву, а я писал к нему шесть раз[2]! Мне это тем досаднее, что в одном из пропавших писем к нему было и письмо к Авдотье Петровне[3]. Я все-таки не имею писем от Гоголя: видно, они продолжают пропадать. Странно и очень досадно мне, потому что я вообще пишу неохотно. Были в моем письме к нему письма и со вложением стихов[4], — это еще досаднее писателю».

Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 148.

[1] Письмо не сохранилось.

[2] См. также ***1842. Февраля 21 <9>. Понедельник. Ганау.***

[3] Елагиной.

[4] В частности, имеется в виду стихотворение Н. М. Языкова «Г<оголю>» («Благословляю твой возврат...»), отправленное писателю в средине ноября (н. ст.) 1841 г. из Ганау (см. ***1841. Октября 23 <ноября 4>. Четверг. Москва***) и напечатанное в 1842 г. в шестом номере журнала «Москвитянин» (см. ***1841. Ноября 17. Понедельник. Москва*** — примечания; ***1841 декабря 22 <1842 января 3>. Понедельник. Москва***; ***1842. Февраля 21 <9>. Понедельник. Ганау***; а также и коммент. в изд.: *Гоголь* 2009–2010. Т. 11. С. 470; Т. 17. С. 819–833).

ЯНВАРЯ 20. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова посылает П. А. Плетневу приглашение к обеду[1], чтобы обговорить обстоятельства прохождения в цензуре первого тома «Мертвых душ» Гоголя.

22 января 1842 г. Плетнев извещал Я. К. Грота: «...Во вторник писала ко мне Смирнова, чтобы я приехал к ней обедать для совещания о беде Гоголя, которого роман (Мертвые души) не пропускает московская цензура»[2].

[1] См. ***1842. Января 23. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] *Свод.* Т. 1. С. 662.

ЯНВАРЯ 22. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Вероятно, в этот день попечитель Московского учебного округа граф С. Г. Строганов «велел сказать» Гоголю, что распорядится о пропуске «Мертвых душ» в Московском цензурном комитете[1].

Около 22–25 января 1842 г. Гоголь сообщал князю В. Ф. Одоевскому: «Гр<аф> Строганов теперь велел сказать мне, что он рукопись пропустит, что запрещение[2] и пакость случились без его ведома, и мне досадно, что я не дождался этого неожиданного для меня оборота, мне не хочется также, чтобы цензору <И. М. Снегиреву> был выговор».

27 января 1842 г. Гоголь писал также Одоевскому о «Мертвых душах»: «Я уведомлен, что здесь хотят пропустить, но это, кажется, только слова, полагаться нельзя».

В тот же день, 22 января 1842 г., Строганов направил на имя начальника III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии графа А. Х. Бенкендорфа ходатайство об оказании Гоголю материальной помощи:

«Узнав о стесненном положении, в котором находится г. Гоголь[3], автор "Ревизора" и один из наших самых известных современных писателей, нуждающийся в особом содействии, думаю, что исполню по отношению к Вам свой долг, если извещу Вас об этом и возбужу в Вас интерес к молодому человеку. Может быть, Вы найдете возможным доложить о нем Императору и получить от него знак его высокой щедрости. Г. Гоголь строит все свои надежды, чтобы выйти из тяжелого положения, в которое он попал, на напечатании своего сочинения "Мертвые души". Получив уведомление от московской цензуры, что оно не может быть разрешено к печати, он решил послать ее в Петербург. Я не знаю, что ожидает там это сочинение, но это сделано по моему совету. В ожидании же исхода Гоголь умирает с голоду и впал в отчаяние. Я нимало не сомневаюсь, что помощь, которая была бы оказана ему со стороны Его Величества, была бы одной из наиболее ценных»[4].

Помощь была оказана Гоголю «через несколько дней»[5], в начале февраля 1842 г.[6]

[1] См. ***1842. Января около 22–25. Москва.***
[2] На самом деле официального запрещения не было (см. ***1841. Декабря 12. Пятница. Москва***; ***1841. Декабря 19. Пятница. Москва***; ***1841 после декабря 19 – 1842 января 1–7. Москва***).
[3] См. ***1842. Января 7. Среда. Москва.***
[4] Гоголь в письмах попечителя Московского учебного округа графа С. Г. Строганова // *Свод.* Т. 2. С. 174.
[5] *Лемке М.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. По подлинным делам Третьего отделения С<обственной> Е<го> И<мператорского> В<еличества> Канцелярии. СПб., 1908. С. 136.
[6] См. ***1842. Февраля 2. Понедельник. Праздник Сретенья Господня. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 2 ИЛИ 9 ИЛИ 16 ИЛИ 23. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Предположительно в одну из указанных пятниц[1] января 1842 г. Гоголь был на вечере М. А. Дмитриева.

[1] См. ***1842. Февраля 6. Пятница. Москва.***

ЯНВАРЯ 23. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев на обеде у А. О. Смирновой обсуждает с ней возможности разрешения к печати первого тома «Мертвых душ» Гоголя.

В этот день Плетнев извещал Я. К. Грота: «Смирнова показала мне письма Гоголя: одно к ней, другое к старому цензору “Ревизора”[1]. Последнее написано с большим чувством и с полным достоинством[2]. Мы условились передать его Великой Княгине Марии Николаевне, для вручения по адресу. Не знаем, какой это возьмет оборот. Что-то скажет министр, если ему будет передано»[3].

Вероятно, в тот же день Смирнова отправила письмо Гоголю[4].

[1] Императору Николаю I (см. ***1836. Февраля после 21 — не позднее марта 2. Санкт-Петербург***).
[2] См. также ***1842. Января между 2 и 7. Москва.***
[3] *Свод.* Т. 1. С. 662.
[4] См. ***1842. Января 27. Вторник. Москва.***

ЯНВАРЯ 23. ПЯТНИЦА. МОСКВА

А. П. Елагина сообщает В. А. Жуковскому в Дюссельдорф:

«Здесь Гоголь, опять болен и грустен. Хотел печатать роман свой, но цензура не пропустила “Мертвые души”, потому что душа бессмертна[1]. — Он собирается опять в Ганау, к Языкову и с ним в Гастейн, а оттуда — в Рим. Всё мелочи, но мелочи, которые всю жизнь портят».

Гоголь в письмах А. П. Елагиной // *Свод.* Т. 2. С. 133.

[1] См. ***1841. Декабря 12. Пятница. Москва.***

ЯНВАРЯ ОКОЛО 22–25. МОСКВА

Гоголь пишет в Петербург письмо к князю В. Ф. Одоевскому и ответное письмо к М. П. Балабиной; передает эти письма с А. Т. Аксаковым[1].

Из письма к Одоевскому: «Что ж вы все молчите? что нет никакого ответа? Получил ли ты рукопись? Получил ли письма? Распорядились ли вы как-нибудь? Ради Бога не томите. <...> Время уходит, время, в которое расходятся книги. <...> Письмо это тебе вручит Аркадий Тимофеевич Аксаков. Он через неделю едет назад в Москву[2], стало быть, рукопись можно вручить ему, если дело кончено. Я бы готов напечатать в Петербурге, но там напечатанье дороже станет».

Из письма к Балабиной: «С того времени, как только ступила моя нога в родную землю, мне кажется, как будто я очутился на чужбине. Вижу знакомые, родные лица; но они, мне кажется, не здесь родились, а где-то их в другом месте, кажется, видел; и много глупостей, непонятных мне самому, чудится в моей ошеломленной голове. Но что ужасно — что в этой голове нет ни одной мысли, и если вам нужен теперь болван, для того, чтобы надевать на него вашу шляпку или чепчик, то я весь теперь к вашим услугам».

Позднее, 17 февраля 1842 г., в письме к Балабиной Гоголь замечал: «...Я вам писал. Правда, это было не письмо, а маленькая записочка, но другого ничего не в силах я был тогда сделать, я был тогда болен и слишком расстроен».

[1] См. ***1842. Февраля 17. Вторник. Москва.***
[2] А. Т. Аксаков приехал в Петербург 26–27 января 1842 г. (см.: Прибавление к Санктпетербургским Ведомостям. 1842. 29 янв. № 23. С. 220). Следовательно, он выехал из Москвы 22–25 января.

ЯНВАРЯ МЕЖДУ 22 И 27. МОСКВА

Гоголь пишет Н. Я. Прокоповичу в Петербург:

«Ты слышал, я думаю, уже обо всем. Наведайся к Плетневу и узнай от него, что и как рукопись моя, и чтобы они мне присылали ее как можно скорее, если дело сделано – и типография и бумага ожидают».

ФЕВРАЛЯ 7 <ЯНВАРЯ 26>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПАРИЖ

П. В. Анненков в адресованных в «Отечественные Записки» «Письмах из-за границы» сообщает:

«...Публичные лекции знаменитейших профессоров Парижа <...> посещаемые всеми классами народа, принадлежат к числу парижских зрелищ, во-первых, по отсутствию, по крайней мере в философских и литературных лекциях, строгой науки, а во-вторых, по необычайному старанию профессоров сделать чтения свои как можно остроумнее, пестрее, замысловатее[1]. <...>

Книгопродавцы прибегли с горя к картинкам и великолепным изданиям, чтоб завлекать охладевшую публику; новый роман Сулье[2]: "Если б молодость ведала! Если б старость могла!" издается еженедельно листками, со всею типографскою роскошью...[3] <...> Политические брошюры распространяются страшно[4], так распространяются, что одному человеку уже и вычитать нельзя, что появляется в неделю. Я только хожу да посматриваю на окна книжных магазинов, где каждый день появляется новая афишка. Вчера возвещали о брошюре "Я бью стекла"; третьего дня: "Счет пощечин, полученных Францией"; сегодня: "Памфлет и история". Плюнешь всякий раз, да и отойдешь прочь!»

<*Анненков П. В.*> *А—в.* Письма из-за границы. Письмо IX // Отечественные Записки. 1842. № 3 (цензурное разрешение 28 февр.). Отд. «Смесь». С. 15–22; *Свод.* Т. 3. С. 409.

[1] В повести «Рим», в описании парижской жизни итальянского князя, Гоголь замечал: «В самой науке, в ее одушевленных лекциях, которых достоинство не мог не признать он, теперь стало ему заметно везде желание выказаться, хвастнуть, выставить себя; везде блестящие эпизоды, и нет торжественного, величавого теченья всего целого».
[2] Речь идет о романе французского писателя и драматурга Мельхиора Фредерика Сулье (1800–1847) «Si jeunesse savait et si vieillesse pouvait» (1841–1845).
[3] О «типографской», или «типографической роскоши» издаваемой в Париже литературы писал и Гоголь в повести «Рим»: «Книжная литература прибегала к картинкам и типографической роскоши, чтоб ими привлечь к себе охлаждающееся внимание. Странностью неслыханных страстей, уродливостью исключений из человеческой природы силились повести и романы овладеть читателем». Отметим, что письмо Анненкова было опубликовано в № 3 «Отечественных Записок» за 1842 г., вышедшем в свет 1 марта. Цензурное разрешение № 3 «Москвитянина» за 1842 г., где был впервые напечатан гоголевский «Рим» – 11 марта 1842 г. Исходя из близкого сходства цитируемых отрывков, следует предположить, что либо Гоголь воспользовался при создании повести статьей Анненкова, либо Анненков, проживавший с Гоголем в Риме весной – летом 1841 г., слышал ранее повесть в авторском чтении (и, возможно, сделал при этом какие-то записи). Последнее предположение представляется более вероятным (см. ***1841. Апреля 28 <16>. Среда. Рим***). Гоголь действительно знакомил

своих друзей в Риме с своей повестью. Об этом свидетельствует отрывок из неопубликованного произведения В. А. Панова с одноименным названием (см. ***1841. Февраль <января вторая половина – февраля средина>. Рим***). Кроме того, о «типографической роскоши» Гоголь упоминал уже в рецензии на альманах В. А. Владиславлева «Утренняя заря», опубликованной в 1842 г. (с подписью: NN) – за два месяца до выхода в свет письма Анненкова – в № 1 «Москвитянина» (цензурное разрешение 6 января). Это упоминание находится в начальных строках гоголевской рецензии, не попавших в печать (они были исключены из рецензии М. П. Погодиным и сохранились в автографе, опубликованном лишь в 1902 г.): «Начнем блестящим изделием типографической роскоши, легким сверкающим цветком, приветствующим наступающий 1842-й год». В соответствии со строками «Рима» Гоголь в рецензии на «Утреннюю зарю» (написанной, очевидно, по просьбе Погодина) как бы демонстративно игнорирует литературную (откровенно слабую) сторону альманаха, останавливаясь лишь на «типографической роскоши» и портретах красавиц. Соответствующий (критический и при этом обширный) разбор произведений, вошедших в альманах, вынужден был сделать (вычеркнув несколько ни к чему не обязывающих строк Гоголя) сам редактор «Москвитянина» Погодин.

[4] Похожее наблюдение встречается в повести Гоголя «Рим»: «...Всякий француз воспитывался этим странным вихрем книжной, типографски движущейся политики и, еще чуждый сословия, к которому принадлежал, еще не узнав на деле всех прав и отношений своих, уже приставал к той или другой партии, горячо и жарко принимая к сердцу все интересы, становясь свирепо против своих супротивников, еще не зная в глаза ни интересов своих, ни супротивников...»

ЯНВАРЯ 27. ВТОРНИК. МОСКВА

Гоголь сообщает князю В. Ф. Одоевскому в Петербург:

«Сейчас я только получил письмо от Александры Осиповны <Смирновой>[1]. Оно меня очень успокоило. Благодарю ее и всех вас много-много. <...> Я писал тебе через Аркадия Тимофеевича Аксакова[2]. <...> ...Если что будет готово, то можно вручить для передачи мне, Аксакову. Он пробудет в Петербурге пять или шесть дней».

[1] См. ***1842. Января 23. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1842. Января около 22–25. Москва.***

ФЕВРАЛЯ 2 <ЯНВАРЯ 21>. СРЕДА. РИМ

А. А. Иванов получил[1] из Москвы письмо от Гоголя[2].

[1] См. ***1842. Февраля между 9 и 13 <между января 28 и февраля 1>. Рим.***
[2] См. ***1841 декабря 25 <1842 января 6>. Четверг. Праздник Рождества Христова. Москва.***

ФЕВРАЛЯ 7–11 <ЯНВАРЯ 26–30>. РИМ

А. А. Иванов получил у римского банкира Д. фон Валентини деньги, высланные Гоголем из Москвы, с запиской[1].

Позднее на составленном Ф. А. фон Моллером списке вещей, оставленных им у Амалии Лаваньини[1], А. А. Иванов записал: «216 скуд получены от Гоголя мною на перв<ой> неделе поста».

«"216 скуд" – сумма, оставшаяся от 416 скудо, за вычетом из нее банкиром Валентини 200 скудо[3]. Католический великий пост 1842 года начался в понедельник, 7 февраля <н. ст.>»[4].

[1] См. ***1841 декабря конец <1842 января средина>. Москва.***
[2] См. ***1842. Марта около 26 <около 14>. Флоренция.***
[3] См. ***1842. Февраля между 9 и 13 <между января 28 и февраля 1>. Рим.***

[4] *Гусева Е. Н.* Александр Иванов. Письма к Гоголю // Сов. искусствознание. Вып. 26. М., 1990. С. 433.

ФЕВРАЛЯ МЕЖДУ 9 И 13 <МЕЖДУ ЯНВАРЯ 28 И ФЕВРАЛЯ 1>. РИМ

А. А. Иванов пишет Гоголю в Москву:

«[В ср<еду?>][1] На прошедшей неделе получил я от Вас письмо, а третьего дня[2] повестил меня Валентини явиться к нему в банк, где я ему продал вексель за 416 скуд, из коих двести остались у него, сто двадцать я взял себе, а 96 остальными я нахожу большое затруднение распорядиться. <...> Шаповалов <...> по убеждению новоприезжего художника Орлова стал просить место в России... <...> Кривцов, узнав, что копия Шаповалова идет изрядно и будет стоить по крайней мере две тысячи рублей, объявил, что Шаповалов ему находится должным три тысячи рублей по случаю ошибочной выдачи на его содержание; вместо одного года, положенного Обществом, он выдавал ему в продолжении трех лет и не видит другого способа приобрести выданные деньги, как взять за долг оканчиваемую им копию. Узнав об этом, наш добрый Федор Антонович Моллер опять решился говорить за Шаповалова с Кривцовым и успел выпросить обещание заплатить столько за копию, чтобы и долг был уплочен и Шаповалову бы тут оставалось получить до двух тысяч рублей.

Представьте мое несчастье, я третий месяц болею глазами и следовательно до сих пор ничем не занимаюсь. – Однако ж мне лучше, и это письмо первое мое дозволенное занятие. – Кривцов спрашивал Моллера, чем я живу. – Сказал ему за тайну, что он хлопочет, чтоб мне дали содержание [еще] на год, в течение коего он думает, что я окончу мою картину.

Моллер чуть было не уехал в генваре месяце курьером в Россию, но слезы любовницы[3] отложили его отъезд до апреля. – Как бы я желал взять разорвать эту позорную связь, но это очень трудно. Он теперь пишет эскиз. Слепой Владимир в первом движении принять крещение греческое. Это сочинение, долженствующее выйти из головы, напитанной историей русскою и критикою. Здесь [все] оперлось только на любимый им предмет и, таким образом, ОНА, сестра ИМПЕРАТОРОВ, сама убеждает его на греческом языке принять веру. Ее положение самое героическое: правой рукой показывая к небу, а левой берет крест с распятым Спасителем из рук архиерея, который как аксираричное[4] лицо ею же подводится к Владимиру. Из сего видно, что покуда художник будет жить со своей красавицей, его сочинения только те будут хороши, где она войдет как сцена домашнего быта. – Как то "Поцелуй". Как бы желал я их развести для пользы искусства, для его здоровья, для целости денег и чтоб очистить от позорного дому. – Моллер постарается исполнить Вашу просьбу в возможно скором времени[5]. Я теперь живу с ним вместе и именно в той комнатке, где он был болен».

[1] 2 февраля (н. ст.) 1842 г. (см. ***1842. Февраля 2 <января 21>. Среда. Рим***).
[2] Между 7 и 11 февраля (н. ст.) 1842 г. (см. ***1842. Февраля 7–11 <января 26–30>. Рим***).
[3] Имеется в виду натурщица Амалия Лаваньини.
[4] От греч. axios – достоин.
[5] Вероятно, речь идет о разрыве с А. Лаваньини (см. ***1842. Марта около 26 <около 14>. Флоренция***).

ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЯ НАЧАЛО. МОСКВА

Гоголь заканчивает, вчерне, работу над повестью, или «отрывком» «Рим»[1].

В основу повести был положен фрагмент незавершенного романа «Аннунциата», начатого Гоголем в Риме весной 1838 г. или зимой 1838/39 г.[2] (первоначальное название «Мадонна дей Фьори»[3]).

В этот же период, в январе – начале февраля 1842 г., Н. П. Огарев сообщал жене из Москвы:

«Гоголь грустит – “Мертвые Души” не прошли»[4].

[1] См. также ***1842. Февраля 26. Четверг. Москва.***

[2] См. ***1838. Февраля 26 <14>. Понедельник. Рим***; ***1838. Марта 15 <3>. Четверг. Рим***; ***1838. Апреля 15 <3>. Суббота. Рим***; ***1838. Апреля 23 <11>. Понедельник. Рим***; ***1838. Апреля 28 <16>. Суббота. Рим***; ***1838. Июня 14 <2>. Четверг. Католический праздник Тела Господня. Дженцано, Рим***; ***1838. Июня 30 <18>. Суббота. Рим***; ***1838 ноября 15 <3>. Четверг – 1839 июня средина <июня начало>. Рим***; ***1838. Ноября 19 <7>. Понедельник. Рим***. – См. также ***1837. Января 25 <13>. Среда. Париж***; ***1837. Марта средина <марта начало>. Бра***; ***1837. Июня 3 <мая 22>. Суббота. Рим.***

[3] См. ***1837. Марта средина <марта начало>. Бра***; ***1839. Марта 10 <февраля 26>. Воскресенье.***

[4] Гоголь в письмах Н. П. Огарева // *Свод*. Т. 2. С. 142.

ФЕВРАЛЯ 1. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

С. Т. Аксаков сообщает сыну Ивану в Петербург:

«Гоголь бодр и весел. По секрету скажу тебе, что он пишет много, всякий день и, кажется, собой доволен. Едва ли он не пишет повесть в “Москвитянин”[1]. Боюсь, что варварская, алжирская здешняя цензура ее не пропустит. Молодые профессора, образовавшиеся в чужих краях[2], хуже стариков, не выезжавших из Москвы».

Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 582.

[1] В «Москвитянине» (1842. № 3; цензурное разрешение 11 марта; цензор Н. И. Крылов) была напечатана незавершенная повесть Гоголя «Рим».

[2] Имеется в виду прежде всего цензор Н. И. Крылов (см. ***1841. Декабря 12. Пятница. Москва***).

ФЕВРАЛЯ 2. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПРАЗДНИК СРЕТЕНЬЯ ГОСПОДНЯ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Император Николай I, по докладу графа А. Х. Бенкендорфа, изъявляет согласие на предоставление Гоголю единовременного пособия в сумме 500 рублей.

В этот день Бенкендорф представил Императору всеподданнейший доклад: «Попечитель московского учебного округа генерал-адъютант гр<аф> Строганов уведомляет меня[1], что известный писатель Гогель <так> находится теперь в Москве в самом крайнем положении, что он основал всю надежду свою на сочинении своем под названием “Мертвые души”, но оно московскою цензурою не одобрено и теперь находится в рассмотрении здешней цензуры, и как между тем Гогель не имеет даже дневного пропитания и оттого совершенно упал духом, то граф Строганов просит об исходатайствовании от Монарших щедрот какого-либо ему пособия. Всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству о таковом ходатайстве гр<афа> Строганова за Гогеля, который известен многими сочинениями, в особенности комедией своей “Ревизор”, я осмеливаюсь испрашивать Всемилостивейшего Вашего Величества повеления о выдаче ему в единовременное пособие пятьсот рублей серебром».

На докладе Бенкендорфа Государь написал свою резолюцию: «Согласен».

Всеподданнейший доклад начальника III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии графа А. Х. Бенкендорфа от 2 февраля 1842 г. об оказании Гоголю единовременного пособия, с резолюцией Императора Николая I // *Свод*. Т. 2. С. 174.

[1] См. ***1842. Января 22. Четверг. Москва.***

ФЕВРАЛЯ 3. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«Судьба Мертвых душ еще не вдруг решится. М. Виельгорский хочет предварительно показать (*Гоголя письмо*[1]) министру, что и благоразумнее. Между тем, чтобы дать тебе идею о цензурных толках в Москве, я в № 2 Звездочки перешлю тебе подлинное ко мне письмо Гоголя[2]. После при случае ты перешлешь его ко мне».

Свод. Т. 1. С. 662.

[1] См. ***1842. Января между 2 и 7. Москва.***
[2] См. ***1842. Января 7. Среда. Москва.***

ФЕВРАЛЯ 3. ВТОРНИК. МОСКВА

«Афиша. Московские театры. 1842. Февраль. <...> 3, вторн<ик>. Мал<ый театр>. Ревизор, ком<едия> в 5-ти д<ействиях>»[1].

Состав исполнителей в 1842 г., за немногими исключениями (роли Хлестакова и Добчинского), был почти тем же, что на московской премьере 1836 г.[2]: «1842, июль 26, воскресенье. Состав при исполнении *26 июля 1842 г.*: Городничий – *Щепкин;* Жена его – *Львова-Синецкая;* Дочь их – *Ленская;* Хлопов – *Волков;* Жена его – *Кашина;* Судья – *П. Степанов;* Земленика – *Румянов;* Почтмейстер – *Потанчиков;* Добчинский – *Шумский*[3]; Бобчинский – *Никифоров;* Хлестаков – *Самарин*[4]; Осип – *Орлов;* Гибнер – Зеленин; Люлюков – *Кочетовский;* Ростановский – *Прохонцев;* Коробкин – *Богданов 2;* Жена его – *Златопольская;* Частный пристав – *В. Степанов;* Свистунов – *Щеглов 1;* Пуговицын – *Живокини 2;* Держиморда – *Максин 1;* Абдулин – *В. Соколов;* Пошлепкина – *Божановская;* Мишка – *Шуберт;* Половой – *Максин 2;* Жандарм – *Калинин*»[5].

[1] Репертуар Русского и Пантеон Всех Европейских Театров на 1842 год, издаваемый И. П. Песоцким. СПб., 1842. Кн. 3. С. 73. – См. также ***1841. Декабря 19. Пятница. Москва.***

Другие ближайшие по времени московские представления комедии состоялись: до приезда Гоголя в Москву – 31 августа 1841 г. («31 <августа>. Бол<ьшой> т<еатр>. Ревизор, к<омедия> в 5 д<ействиях>»; Репертуар Санктпетербургских и Московских Русских театров, с 16 августа по 1 сентября 1841 года // Репертуар Русского Театра на 1841 год, издаваемый И. П. Песоцким. СПб., 1841. Т. 2. Кн. 9 (цензурное разрешение 29 сентября 1841). <Отдельная пагинация>. С. 1); после отъезда – 26 июля 1842 г. (*Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя. 1836–1893 гг.> // *ГЦТМ.* Ф. 299. Ед. хр. 1852, черновой автограф; *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя. 1836–1897 гг.> *ГЦТМ.* Ф. 299. Ед. хр. 1853, окончательная редакция; *Ельницкая 1978.* С. 305).

[2] См. ***1836. Мая 25. Понедельник. Москва.***

[3] Сергей Васильевич Шумский (наст. фамилия Чесноков, 1820–1878), артист Малого театра.

[4] Роль Хлестакова И. В. Самарин исполнял и 17 октября 1839 г., когда Гоголь впервые видел московскую постановку «Ревизора» (см. ***1839. Октября 17. Вторник. Москва*** – свидетельство Н. П. Огарева); на премьере в Москве в 1836 г. эту роль исполнял Д. Т. Ленский.

[5] *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя. 1836–1893 гг.> // *ГЦТМ.* Ф. 299. Ед. хр. 1852.

ФЕВРАЛЯ ОКОЛО 3. МОСКВА

Гоголь получает от Н. М. Языкова из Ганау два стихотворения, которые передает М. П. Погодину для публикации в журнале «Москвитянин».

10 февраля 1842 г. Гоголь сообщал Языкову: «...За неделю пред сим получил пару твоих стихотвор<ений>[1], чудных стихотвор<ений>, которые дунули на всех свежестью и силою; все были восхищены ими. Впрочем, об этом, вероятно, не преминут уведомить тебя все тебя любящие. Я скажу только, что кроме всего прочего сила языка в них чудная. Так и подмывает, и невольно произносишь: Исполин наш язык!»

[1] Речь, вероятно, идет о стихотворениях «Альпийская песня» («Гастуна») и «Песня балтийским водам», опубликованных в «Москвитянине» (1842. № 3) М. П. Погодина, которому их, вероятно, и передал Гоголь.

ФЕВРАЛЯ 4. СРЕДА. МОСКВА

Гоголь обедает с Н. П. Огаревым.

На следующий день Н. П. Огарев сообщал жене: «Вчера обедал с Гоголем; он очень мил»[1].

В тот же день, 4 февраля 1842 г., С. П. Шевырев сообщал М. П. Погодину:

«Четверги открываются: завтра ты приглашен. — Гоголь обещал чтение, о котором я говорил Князю <Д. В. Голицыну>. Нельзя ли устроить его в этот четверг? Поговори ему и спроси у него»[2].

Речь идет о чтении повести «Рим». Уточнить дату чтения Гоголя этой повести на вечере князя Д. В. Голицына помогает обращение к письмам В. С. Аксаковой[3]. Поскольку в письме от 13 февраля 1842 г.[4] она еще не упоминает о чтении Гоголя его повести в их доме, а в 20-х числах февраля (после 25-го)[5] говорит об этом уже в прошедшем времени, то, учитывая, что литературные вечера у Аксаковых устраивались по субботам, можно предположить, что повесть была прочитана у них Гоголем не в «начале февраля», как вспоминал С. Т. Аксаков[6], а в субботу между 13 и 19 февраля (дата чтения повести у Голицына; см. ниже), то есть 14 февраля 1842 г.

О том, что чтение Гоголем повести «Рим» на вечере у князя Д. В. Голицына состоялось, скорее всего, в четверг 19 февраля 1842 г., позволяют судить следующие эпистолярные свидетельства.

Хотя Шевырев в цитированной записке к Погодину, отправленной в среду 4 февраля 1842 г., сообщает, что «четверги» у князя Д. В. Голицына открываются, и просит Погодина переговорить с Гоголем о возможном чтении его повести на следующий день, 5 февраля, однако из слов В. С. Аксаковой в упомянутом письме от 13 февраля 1842 г.[7] («Надобно прибавить, что кн<язь> Голицын звал на вечер к себе Гоголя, который сказывается больным») явствует, что на первых двух четверговых вечерах — 5 и 12 февраля 1842 г. — Гоголь не присутствовал. Вечер в четверг 26 февраля 1842 г. не состоялся[8]. Таким образом, чтение Гоголя могло состояться только в четверг 19 февраля 1842 г.[9]

[1] Гоголь в письмах Н. П. Огарева // *Свод*. Т. 2. С. 142.
[2] Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод*. Т. 2. С. 87.
[3] См. ***1842. Февраля 13. Пятница. Москва***; ***1842. Февраля 14. Суббота. Москва.***
[4] См. ***1842. Февраля 13. Пятница. Москва.***
[5] См. ***1842. Февраля 14. Суббота. Москва.***
[6] См. там же.
[7] См. ***1842. Февраля 13. Пятница. Москва.***
[8] См. ***1842. Февраля 25. Среда. Москва.***
[9] См. также ***1842. Февраля 23. Понедельник. Москва*** (примечания).

ФЕВРАЛЯ 6. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Предположительно в этот день[1] Гоголь провожал святителя Иннокентия (Борисова) в Харьков и получил от него благословение на путешествие к Святым Местам.

«Преосвященный Иннокентий, знаменитый автор трех Седмиц, славный Вития нашего времени, проехал в начале февраля <1842 г.> из Вологды в Харьков к новому месту своего служения. Почетные Московские граждане, ученые и не ученые, услышав о его проезде, устремились принять его благословение и насладиться его красноречивою беседою. К сожалению, он пробыл не более двух-трех дней в городе»[2].

«В это кратковременное свое пребывание в Москве Иннокентий чрез Погодина познакомился с Гоголем и благословил его образом Спасителя[3]. <...> 24 февраля 1842 года преосвященный Иннокентий прибыл в Харьков...»[4]

Позднее, 22 мая 1842 г., Гоголь сообщал владыке Иннокентию: «Ваш образ, которым Вы благословили меня, всегда со мною!»

В. С. Аксакова 30 мая 1842 г. писала М. Г. Карташевской: «Он долго не говорил никому о своем намерении, но один раз поздно вечером[5] вдруг входит к нам с каким-то просветленным лицом – видно, что он был чем-то радостно взволнован; он вошел, держа в руках образ Спасителя. Он провожал Ин<н>окентия и тот благословил его тем образом. Гоголь сказал нам: "Я все ждал, что кто-нибудь подарит мне образ, и никто не сделал этого; наконец Иннокентий благословил меня, теперь я могу объявить, куда я еду: в Палестину". – Тут же на вопрос наш[6]: "с какими намерениями приезжал он в Россию – чтоб остаться здесь или ехать?" – "С тем, чтобы проститься", – отвечал он. Сперва он сказал, что едет на два года, а потом, что на десять, но наконец, что останется долее пяти лет»[7].

Далее в авторской копии письма В. С. Аксакова сообщала: «Гоголь через несколько времени ушел домой и оставил образ у нас, взял его только на другой день»[8].

Кроме того, на полях копии В. С. Аксакова сделала два примечания, относящиеся к данному месту. К словам «останется долее пяти лет»: «Константин услышал от кого-то, что Гоголь опять уезжает из России, и не поверил тому, спросил его, он сказал, что не может долее оставаться, что ему необходимо ехать для того, чтоб быть в состоянии писать; Конст<антин> его убеждал погодить, но он отвечал, что сам решился попробовать *остаться донельзя*». – К словам «Гоголь через несколько времени ушел домой»: «В тот день был вечер у Дмитр<иева>, и хотя Гоголь хотел было давно побывать у него, но он не пошел»[9].

В письме к М. Г. Карташевской от средины мая 1842 г. (после 12 числа) В. С. Аксакова также сообщала: «Ты пишешь об *Риме*[10], да, я была уверена, что ты вполне разделишь с нами восхищение. Маменька как-то говорила с Гоголем о том, что теперь она ждет от него описания Палестины <...>: "*Да, я опишу вам ее, – сказал он, – но для этого мне надобно быть достойну, очиститься*"[11]. – И в самом деле, после Рима что можем мы ожидать. Но пожалуйста, чтоб Иван[12] не распространял этих слухов, иной журналист, пожалуй, сейчас напечатает, что Г<оголь> обещает нам описание Палестины и т. п.»[13]

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Вдруг дошли до Константина слухи стороной, что Гоголь сбирается уехать за границу и очень скоро; он не поверил и спросил сам Гоголя, который сначала отвечал неопределенно: "Может быть", но потом сказал решительно, что он едет, что он не может долее оставаться, потому что не может писать и потому что такое положение разрушает его здоровье. Константин был очень огорчен и с горячностью убеждал Гоголя не ездить, а испытать все средства, чтоб приучить себя писать в Москве. Гоголь отвечал ему, что он именно то и делает и проживет в Москве до нельзя. Вера, при которой происходил этот разговор, сказала Гоголю, что никак не должно доводить до нельзя, а лучше уехать немедленно. Я с огорчением и неудовольствием узнал об этом. Все делалось как-то неясно, неоткровенно, непонятно [тогда] для меня, и моя дружба к Гоголю тем оскорблялась. Теперь я вижу, что в этом виноват был я более всех, что я невнимательно смотрел на положение Гоголя, легкомысленно осуждал его, недостаточно показывал к нему участие, а потому и не пользовался его полной откровенностью. У меня всегда было правило, не навязываться с своим участием, не домогаться ничьей откровенности. Такое правило решительно иногда бывает ложно, а с Гоголем более лож-

но, чем с кем-нибудь. Будучи сам плохим христианином, я с неудовольствием и недоверчивостью смотрел на религиозное направление Гоголя[14]. Вероятно, это было главною причиною, почему он не открывался мне в своих намерениях. Если б я с любовью и горячностью приставал к Гоголю с расспросами, если б я заставлял его быть с собою откровенным с самого приезда в Москву, то, вероятно, я мог бы не допустить до огромного размера его неудовольствий с Погодиным[15], и тогда, может быть, Гоголь не уехал бы из России, по крайней мере так скоро. Через несколько дней, перед вечером, уезжал я в клуб, и все меня провожали до передней, вдруг входит Гоголь с образом Спасителя в руках и сияющим, [лучезарным] просветленным лицом. Такого выражения в глазах у него я никогда не видывал. Гоголь сказал: "Я все ждал, что кто-нибудь благословит меня образом, и никто не сделал этого, наконец Ин<н>окентий благословил меня. Теперь я могу объявить, куда я еду: [к Свя<тым Местам>] ко Гробу Господню". Он провожал Ин<н>окентия, и тот, прощаясь с ним, благословил его образом. Ин<н>окентию, как архи<е>рею, весьма естественно было [так поступить] благословить Гоголя образом; но [Гоголь видел в этом указание свыше] Гоголь давно желал, чтоб его благословила Ольга́ Семеновна, а прямо сказать не хотел. Он все ожидал, что она почувствует к этому влечение, и даже сам подговаривался, но Ольга Семеновна не догадывалась, да и как было догадаться? Признаюсь, я не был доволен ни просветленным лицом Гоголя, ни намерением его ехать ко Святым Местам. Все это казалось мне напряженным, нервным состоянием и особенно страшным в Гоголе, как в художнике, – и я уехал в клуб. Без меня было много разговоров об этом предмете, и особенно Вера приставала к Гоголю со многими вопросами, которые, как мне кажется, не совсем были ему приятны. Например, на вопрос: "С каким намерением он приезжал в Россию: с тем ли, чтоб остаться в ней навсегда или с тем, чтоб так скоро уехать?" Гоголь отвечал: "С тем, чтоб проститься". Всем известно, что и письменно и словесно Гоголь высказывал совсем другое намерение. На вопрос, надолго ли едет он? – Гоголь отвечал различно. Сначала сказал, что уезжает на два года, потом, что на десять и, наконец, что он едет на пять лет. Ольга Семеновна сказала ему, что теперь она ожидает от него описания Палестины, на что Гоголь отвечал: "Да, я опишу вам ее, но для того мне надобно очиститься и быть [достойным] достойну". Через несколько времени он ушел, оставя образ у нас, и взял его уже на другой день»[16]. – К словам: «Через несколько времени он ушел...», – Аксаков сделал примечание: «В этот день вечером он хотел было итти к Дмитриеву, у которого очень давно не бывал по пятницам[17]; но он был так расстроен, или, лучше сказать, так проникнут высоким настроением, что не имел силы итти на скучный вечер, где собирались нестерпимо скучные люди. Дмитриев, несмотря на свой замечательный ум, никогда вполне не понимал Гоголя»[18].

М. А. Дмитриев[19] вспоминал о Гоголе: «Когда он, по временам, жил в Москве, он бывал у меня[20]. <...> ...В то время, о котором я пишу теперь, Гоголь был еще надут своею известностию. Он был неговорлив; но это происходило едва ли тоже не от самолюбия: он не хотел высказываться перед всеми, как перед профанами. В нем было довольно ума, и ума малоросса, то есть хитрого под наружностию натуральной простоты. К сожалению, он был мало образован и совсем не знал обращения: он сам это чувствовал, и тем менее любил показываться там, где его принимали наравне со всеми; ему нужны были овации! – Одним словом: он был талантливый мужичок; но совсем не образованный писатель. – Я помню, что приехали ко мне в первый раз и увидя у меня на стене знаменитый эстамп Миллера с Рафаэлевой Madona di Santo Sisto, он сказал, взглянув на него: "Эка мерзость!" – Я захохотал и просил его объяснить мне, почему же это мерзость? – Вышло, что он видел в Дрездене подлинную картину[21] и что, по его мнению, эстамп не выражает вполне красоты подлинника! – Лучше, на своем демократическом языке, он не умел выразиться. – Таков был Гоголь, и нельзя никак сказать, чтоб его беседа была занимательна»[22].

Предположительно в тот же день, 6 февраля 1842 г., Гоголь получил из Петербурга письмо от Н. Я. Прокоповича[23]. В этот день Гоголь писал в Петербург П. А. Плетневу:

«Из письма Прокоповича я узнал, между прочим, что вы хотите рукопись отдать Уваро<ву>. [Ради Бога, этого не делайте] Отсоветуйте это делать. Уваро<в> был всегда против меня, хотя я совершенно не знаю, чем возбудил его нерасположение. Оно, казалось, началось со времен Ревизора».

Хотя замысел «Мертвых душ» находился в русле правительственных начинаний в сфере образования[24], однако гоголевское понимание народности – и, в частности, почти обязательное, при стремлении к истине, наличие в восприятии действительности критического начала – вряд ли могло быть вполне созвучно взглядам С. С. Уварова. Тем не менее, несмотря на предупреждение не прибегать к помощи Уварова для разрешения к печати «Мертвых душ», сам Гоголь спустя около двух недель, 24 февраля 1842 г., писал М. П. Погодину: «Из Петербурга известий никаких, я уже раскаиваюсь, что не сделал так, как тобою говорено, т. е. что не отправил к Плетневу письма к Уварову...» В тот же день он обратился в письме к Прокоповичу с просьбой: «Пожалуйста, зайди к Плетневу <...> и попроси его, чтобы он был так добр и заехал бы сам к Уварову и князю Дундукову-Корсакову, последний был когда-то благосклонен ко мне». Наконец, 4 марта 1842 г. Гоголь выслал свое прошение к Уварову о разрешении «Мертвых душ» при письме к Плетневу: «На всякий случай <...> прилагаю письмо к Уварову. Погодин, которому я показывал его, говорит, что оно убедительно, справедливо и, верно, возымеет действие». «...Ужели вам будет приятно, – писал Гоголь Уварову, – когда правосудное потомство, отдав вам должное за ваши прекрасные подвиги для наук, скажет в то же время, что вы были равнодушны к созданьям русского слова и не тронулись положеньем бедного, обремененного болезнями писателя, не могшего найти себе угла и приюта в мире, тогда как вы первые могли бы быть его заступником и меценатом. Нет, вы не сделаете этого, вы будете великодушны. У русского вельможи должна быть русская душа».

Гоголь определенно рассчитывал на понимание. Основания для этого были. Так, например, А. В. Никитенко, служивший под началом Уварова в цензурном комитете, в своей записке по поводу издания сочинений Гоголя (составленной 25–28 декабря 1842 г. и представленной Уварову 4 января 1843 г.) отнюдь не считал Уварова глухим к восприятию социально-критических произведений[25]. И все-таки даже в период 1834–1835 гг. – в то время, когда Гоголь предпринимал активные шаги к сближению с Уваровым, – «благоволение» к нему нового министра, по-видимому, не отличалось особой доверенностью. После конфликта с Пушкиным отношение Уварова к Гоголю стало, вероятно, еще более сдержанным. Показательна в этом отношении история поднесения Гоголем Императору сборника «Миргород» весной 1835 г.[26] За «Миргород», главным произведением в котором стала, по единодушному признанию критики, повесть «Тарас Бульба», Гоголь мог рассчитывать на определенное вознаграждение. Во всяком случае Гоголь мог надеяться хотя бы на отклик на свой сборник в «Журнале Министерства Народного Просвещения». Однако ничего подобного на «Миргород» ни тогда, ни позднее в журнале Уварова не появилось. Поскольку «Журналом Министерства Народного Просвещения» распоряжался сам Уваров – и он же делал Императору при представлении книг предложения о «награде сочинителю» (что чаще всего и решало дело), то ответственность в этом случае ложится на Уварова. Очевидно, сам Гоголь в то время даже предположил, что Императору не была должным образом представлена его книга. Позднее, в письме к В. А. Жуковскому от 18 апреля (н. ст.) 1837 г. из Рима Гоголь, отправляя к Императору Николаю Павловичу прошение о помощи, обращался к Жуковскому с просьбой обратить внимание Государя из всех своих произведений на две повести: «Найдите случай и средство указать как-нибудь Государю на мои повести: *Старосветские помещики* и *Тарас Бульба* <...> Если бы их прочел Государь! Он же так расположен ко всему, где есть [верные] теплота чувств и что пишется прямо от души...» Показательно также, что и позднее в «Журнале Министерства Народного Просвещения» не появилось ни одного отклика на произведения Гоголя. – Что касается «Мертвых душ», то в 1842 г. в журнале Уварова была благожелательно оценена негативная рецензия на «Мертвые души» К. П. Масальского: «...по *Критике* встречены нами разборы следующих книг: *Похождения Чичикова, Г. Гоголя,* Г. Масальского (С<ын> От<ечества>. № 6), – разбор весьма дельный и прекрасно написанный...»[27] «Главный недостаток автора, – писал, в частности, Масальский, – <...> состоит в том, что он, увлекаясь своим комическим направлением, переходит часто границы чистого вкуса и, для возбуждения смеха, свою художническую кисть обмакивает в грязные, недостойные художника краски»[28].

Несмотря на сходство воззрений Гоголя и Уварова, некоторые причины для взаимного отчуждения – подчас вызываемые недоразумениями – возникали уже в самом начале их сближения[29]. С другой стороны, к средине 1840-х – началу 1850-х гг. относится и некая самокритика Гоголя по поводу избранного им направления «народности». Православный священник в Германии, настоятель русской домовой церкви в Висбадене, отец Иоанн Базаров вспоминал, как Гоголь, приехав к нему весной 1845 г. в Висбаден, рассматривая его библиотеку и заметив свои книги, воскликнул «чуть не с испугом»: «Как! И эти несчастные попали в вашу библиотеку!»[30] «Это было именно то время, – пояснял отец Иоанн, – когда он раскаивался во всем, что им было написано». Дочь веймарского православного священника Стефана Сабинина М. С. Сабинина, вспоминая о посещении Гоголем Веймара летом 1845 г., в свою очередь сообщала: «Моей матери он подарил хромолитографию – вид Брюлевской террасы[31]; она наклеила этот вид в свой альбом и попросила Гоголя подписаться под ним. Он долго ходил по комнате, наконец сел к столу и написал: "Совсем забыл свою фамилию; кажется, был когда-то Гоголем"»[32]. М. П. Балабина, в 1850 г. высоко оценивавшая «Мертвые души», а позднее, спустя сорок лет, в 1890 г. (ко времени написания мемуаров о Гоголе), отзывавшаяся о поэме резко критически, вспоминала: «В Одессе, где Гоголь прожил довольно времени, он почти ежедневно бывал у моего брата <...> К матери моей <В. О. Балабиной> (мы жили в другом доме) он приходил довольно часто, был к ней очень почтителен, всегда целовал ей руку. Он рекомендовал ей проповеди какого-то епископа Иакова и однажды, застав Глафиру Ивановну, которая читала вслух матери моей

"Мертвые Души", он сказал: "Какую чертовщину вы читаете, да еще в великий пост!"»[33] А. О. Смирнова, хорошо знавшая Гоголя, не боясь его обидеть, 18 декабря 1844 г. писала ему по поводу его материальных дел: «...Вы не вправе налагать на себя наказание за свои литературные грехи голодом. Эти грехи уже тем наказаны, что вас препорядочно ругают и что вы сами чувствуете, сколько мерзостей вы пером написали».

Далее в письме к Плетневу Гоголь замечал:

«Иначе действовать при теперешних обстоятельствах тоже, кажется, нельзя, и потому прекратите это дело. <...> А ваше великодушное участье не потеряло чрез то нимало цены; скажите это всем: Александре Осиповне, графу Вельегорскому, кн<язю> Одоевскому, князю Вяземскому. <...> Отложим до времени появленье в свет труда моего. И теперь уже я начинаю видеть многие недостатки, и когда сравню сию первую часть с теми, которые имеются быть впереди, вижу, что и нужно многое облегчить, другое заставить выступить сильнее, третье углубить. О, как бы мне нужен был теперь тихий мой угол в Риме, куда не доходят до меня никакие тревоги и волненья! Но что ж делать: у меня больше никаких не оставалось средств. Я думал, что устрою здесь дела и могу возвратиться — вышло не так. Но я тверд. Пересиливаю, сколько могу, и себя и болезнь свою. Неотразима вера моя в светлое будущее, и неведомая сила говорит мне, что дадутся мне средства окончить труд мой. <...> ...Рукопись возвратите мне. Но прежде самое главное, прочтите ее вместе, т. е. впятером, и пусть каждый из вас тут же карандашом на маленьком лоскутке бумажки напишет свои замечания, отметит все погрешности и несообразности[34]. Грех будет тому, кто этого не сделает. Мне всё должно говорить; мне больше, нежели кому другому, нужно [до<лжно>] указывать мои недостатки. Но вы сами можете понять всё это. Пусть все эти лоскуточки они передадут вам, а вы их немедленно препроводите ко мне[35]. Эту небольшую записочку[36] вручите Александре Осиповне. <...> Будет ли в Современнике место для статьи около семи печатных листов[37], и согласитесь ли вы замедлить выход этой книжки, выдать [то есть выдать] ее не в начале, а в конце апреля, т. е. к празднику? Если так, то я вам пришлю в первых числах апреля. Уведомьте».

Настоящее письмо было отправлено Гоголем адресату только 17 февраля 1842 г.[38] Плетнев ответил Гоголю 24 февраля того же года[39].

[1] См. примеч. ниже.

[2] Московская летопись // Москвитянин. 1842. № 3 (цензурное разрешение 11 марта; в этом же номере опубликована повесть Гоголя «Рим»). Смесь. С. 281; *Свод.* Т. 1. С. 165.

[3] «Образ этот находился в недавнее время в Полтаве у Анны Васильевны Гоголь. Образ был в рамке, которая после была снята; теперь он снова украшен золотой рамкой» (Воспоминания А. В. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 163).

[4] *Барсуков.* 1892. Кн. 6. С. 250–251; *Свод.* Т. 1. С. 165–166.

[5] Далее в авторской копии письма В. С. Аксаковой следует примечание: «(мы были у дверей передней, провожали отесеньку, который ехал в клуб)».

[6] По свидетельству С. Т. Аксакова в «Истории нашего знакомства с Гоголем...», вопросы тогда задавались Гоголю самой Верой Сергеевной (см. ниже).

[7] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 821–822.

[8] См. ***1842. Февраля 7. Суббота. Москва.***

[9] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 822.

[10] Имеется в виду повесть Гоголя «Рим».

[11] См. также ***1842. Июня 18 <30>. Четверг. Гаврилково.***

[12] Аксаков.

[13] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 818.

[14] Подробнее см.: ***1849. Августа 27. Суббота. Радонежье (Абрамцево)*** (примечания).

[15] См. ***1841. Ноябрь-декабрь. Москва.***

[16] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 708–709; *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 640.

[17] По приведенному выше свидетельству Погодина, святитель Иннокентий проезжал через Москву в начале февраля 1842 г. Пятница начала февраля этого года, когда Гоголь провожал святителя, приходилась на 6 февраля. – См. также ***1842. Февраля 7. Суббота. Москва.***

[18] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 709–710.

[19] Михаил Александрович Дмитриев (1796–1866), критик, поэт, масон и апологет масонства (к масонству Гоголь относился негативно; см. ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург*** – примечания). Согласно «Главам из воспоминаний моей жизни», Дмитриев был принят в масоны 20 июля 1830 г. доктором медицины М. Я. Мудровым (*РГБ.* Ф. 178. Музейное собрание. К. 8184. Ед. хр. 2. Л. 39). Масонами были также упоминаемые в мемуарах М. А. Дмитриева князь Д. В. Голицын (Там же. Л. 41), Н. А. Головин (Л. 38 об.), А. Д. и П. А. Курбатовы (см.: *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 446–447), И. П. Писемский (Там же. С. 644), Ф. Н. Глинка, М. Н. Загоскин, А. Д. Чертков, П. Я. Чаадаев, М. Ф. Орлов, Ф. Ф. Вигель, Н. М. Шатров, А. П. Протасов, С. Д. Нечаев, князь П. И. Шаликов.

[20] См. ***1842. Января 2 или 9 или 16 или 23. Пятница. Москва.***

[21] См. ***1841. Сентября 27 <15>. Понедельник. Дрезден.***

[22] *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни // *Свод.* Т. 2. С. 178.

[23] Ср. ***1842. Января между 22 и 27. Москва.***

[24] См. ***1834. Февраля 11. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[25] См. ***1842 декабря 24 <1843 января 5>. Четверг. Рождественский сочельник. Санкт-Петербург.***

[26] См. ***1835. Марта средина, не позднее 17. Санкт-Петербург.***

[27] Обозрение Русских газет и журналов за второе трехмесячие 1842 года // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1842. № 10. Отд. 6. С. 31.

[28] <*Масальский К. П.*> Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя // Сын Отечества. 1842. № 6. Отд. 6. С. 19.

[29] См., в частности: ***1834. Февраля 27. Вторник. Санкт-Петербург.***

[30] См. ***1845. Апреля 23 <11>. Великая среда. Франкфурт-на-Майне, Висбаден.***

[31] Речь идет об одной из достопримечательностей Дрездена, названной по имени графа Генриха фон Брюля (1700–1763), министра Августа III, короля Польского и курфюрста Саксонского.

[32] См. ***1845. Июня 30 <18>. Понедельник. Веймар.***

[33] См. ***1851. Февраля 19. Понедельник – 25. Воскресенье. Одесса.***

[34] В это время Гоголь задумывает издать первый том «Мертвых душ» в исправленном виде (подробнее см.: ***1843. Мая 28 <16>. Воскресенье. Мюнхен*** – примечания).

[35] Подробнее о задуманной в то время Гоголем переделке первого тома «Мертвых душ» см.: ***1843. Мая 28 <16>. Воскресенье. Мюнхен*** (примечания).

[36] Не сохранилась.

[37] Спустя месяц, 17 марта 1842 г., Гоголь писал Плетневу: «Я силился написать для "Современника" статью во многих отношениях современную, мучил себя, терзал всякий день и не мог ничего написать, кроме трех беспутных страниц, которые тот же час истребил. Но как бы то ни было, вы не скажете, что я не сдержал своего слова. Посылаю вам повесть мою: "Портрет" <речь идет о второй редакции повести>... <...> Вы, может быть, даже увидите, что она более, чем какая другая, соответствует скромному и чистому направленью вашего журнала» (см. ***1842. Марта 17. Вторник. Москва***).

[38] См. ***1842. Февраля 17. Вторник. Москва.***

[39] См. ***1842. Февраля 24. Вторник. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 7. СУББОТА. МОСКВА

Гоголь вновь у Аксаковых, где знакомится с О. Ф. Кошелевой[1].

Предположительно в этот же день Гоголь забрал у Аксаковых оставленный накануне образ Спасителя, которым благословил его тогда святитель Иннокентий[2].

На следующий день, 8 февраля 1842 г., В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской: «В субботу по старой памяти собираются всегда у нас некоторые, как, например, Гоголь, Щепкин, Павлова; и Кошелева приехала в этот раз. Ей чрезвычайно хотелось видеть Гоголя, и каким-то чудом уговорили его войти в гостиную[3]. Горчаковы в этот день у нас обедали. Лиз<авета> Павл<овна>[4] все еще с больной рукой, но это не мешало веселиться в Рязани. Кажется, на днях мы должны будем познакомиться с Ховриными; что они желают с нами познакомиться, в этом нельзя сомневаться; кроме того, что они лично нас желают видеть, они в отчаянии, что нигде не встречают Гоголя, а у

нас это немудрено сделать! Мне странно как-то слышать, что есть люди, которые желают как не знаю чего видеть хоть только мельком Г<оголя>»[5].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Многие дамы, незнакомые лично с Гоголем, но знакомые с нами, желали его видеть; но Гоголя трудно было уговорить придти в гостиную, когда там сидела незнакомая ему дама. Одна из них, именно Кошелева, желала особенно познакомиться с Гоголем, а потому Вера и Константин так пристали с просьбами к Гоголю, что каким-то чудом уговорили его войти в гостиную. Это точно стоило больших трудов Константину и Вере. Они приставали к нему всячески, убеждали его; он отделывался разными уловками: то заговаривал о другом, то начинал им читать вслух что-нибудь из "Москов<ских> Ведомостей" и т. д. Наконец, видя, что он уступает, Константин громко возвестил его в гостиной, так что ему уже нельзя было не войти, и он вошел; но К<ошелева> не сумела сказать ему ни слова, и он, оставшись несколько минут, ушел. Конст<антин> проводил его и благодарил, но он был не совсем доволен, и на вопрос Конст<антина>, как он нашел Кош<елеву>, он сказал, что не может судить о ней, потому что не слыхал от нее ни слова, "а вы мне сказали, что она желает со мною познакомиться"»[6].

[1] Ольга Федоровна Кошелева (рожденная Петрово-Соловово, 1816–1893), жена А. И. Кошелева.

[2] См. ***1842. Февраля 6. Пятница. Москва***.

[3] Далее в авторской копии в текст письма В. С. Аксакова вписала примечание: «что, точно, стоило немало усилий со стороны Константина и меня. Мы приставали к нему всячески, убеждали его, он отделывался разными уловками; то заговаривал о другом, то начинал нам читать вслух что-нибудь в московских газетах и т. д. Наконец, Константин убедил его. Видя, что он уступает, мы возвестили его громко в гостиной, так что ему уже нельзя было не войти, и он вошел, но Кошелева не сумела сказать ему ни слова, и он, оставшись несколько минут, ушел. Мы с Константином его проводили и благодарили, но он был не совсем доволен, и на наш, кажется, вопрос, как он нашел Кошелеву, он сказал, что не может и судить о ней, потому что не слыхал от нее ни слова: "А вы мне сказали, что она желает со мной познакомиться"».

[4] Вероятно, княжна Горчакова.

[5] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 815.

[6] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 708.

ФЕВРАЛЯ 21 <9>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ГАНАУ

Н. М. Языков отвечает[1] брату А. М. Языкову:

«На днях получил я письмо от Гоголя[2], в котором он укоряет меня в том, что я ни разу не писал к нему с самого его отъезда из Ганау, а я, по крайней мере, шесть писем[3] отправил к нему в Москву по адресу, им оставленному! Удивляюсь и не понимаю, почему это делается!..

Ей-ей, не знаю, как и какие стихи мои попали во 2 часть "Беседы" Смирдина[4], не знаю также, какие стихи мои привез Гоголь в "Москвитянин"[5]. В письме его, которое напечатано в "Москвитянине"[6], виден он как в зеркале, весь, вполне: это письмо историческое. Что переделал он в "Ревизоре"[7]? он, помнится, переделал и "Бульбу"[8] для нового издания своих сочинений — заметил ли ты это?»[9].

[1] См. ***1841. Декабря 22. Понедельник. Москва***.

[2] Письмо неизвестно.

[3] См. также ***1842. Января 28 <16>. Пятница. Ганау***.

[4] Во втором томе «"Русской беседы"— собрания сочинений русских литераторов», изданном А. Ф. Смирдиным (СПб., 1841), стихи Языкова не напечатаны.

[5] См. ***1839. Июля 12 <июня 30>. Пятница. Ганау***; ***1841. Ноября 17. Понедельник. Москва***.

[6] В шестом номере «Москвитянина» за 1841 г. (часть III; цензурное разрешение 31 мая 1841 г.) был напечатан «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления "Ревизора" к одному литератору».

[7] В новой редакции «Ревизора» было переделано начало четвертого действия (вместо первых трех явлений прежней редакции появились новые пять) и добавлено описание немой сцены.

[8] После сожжения 26 августа (н. ст.) 1841 г. у В. А. Жуковского во Франкфурте драмы из эпохи Богдана Хмельницкого Гоголь в тот же день (см. ***1841. Августа 26 <14>. Четверг. Франкфурт***) переехал из Франкфурта в Ганау (в 20 километрах от Франкфурта), где в течение месяца, до 26 сентября (н. ст.) 1841 г., жил в обществе братьев Н. М. и П. М. Языковых. Здесь он приступил к работе над второй редакцией «Тараса Бульбы», фрагменты которой читал Н. М. Языкову (подробнее см. коммент. к драме в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 7). Из всех напечатанных ранее произведений, которые Гоголь подверг значительной переработке при издании своих «Сочинений» в 1842 г. («Тарас Бульба», «Вий», «Портрет», «Ревизор»), наибольшее внимание писатель уделил именно «Тарасу Бульбе». В результате объем повести увеличился почти вдвое (вместо девяти глав первой редакции – двенадцать), существенно обогатился весь ее идейно-художественный замысел.

[9] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 149.

ФЕВРАЛЯ 10. ВТОРНИК. МОСКВА

Гоголь пишет Н. М. Языкову в Ганау:

«Я получил от тебя письмо, писанное ко мне от 16 декабря[1]... <...> Меня мучит свет и сжимает тоска, и, как ни уединенно я здесь живу, но меня всё тяготит: и здешние пересуды, и толки, и сплетни[2]. Я чувствую, что [уже] разорвались последние узы, связывавшие меня со светом. Мне нужно уединение, решительное уединение. О! как бы весело провели мы с тобой одни вдвоем за нашим чудным кофеем по утрам, расходясь на легкий, тихий труд и сходясь на тихую беседу за трапезой и ввечеру. [Я думал, что присутствие мое тут нужно, что я могу быть чем-нибудь полезен] Я не рожден для треволнений и чувствую с каждым днем и часом, что нет выше удела на свете, как звание монаха. Я приеду сам за тобою. Мы отправимся вместе с Петром Михайловичем[3] и Балдовым[4]. Здоровье мое сделалось значительно хуже. Мне советуют ехать в Гастейн, как кстати! <...> Я бываю часто у Хомяковых[5]. Я их люблю, у них я отдыхаю душой».

Получив в Ганау письмо Гоголя, Языков в конце февраля – начале марта (н. ст.) 1842 г. писал дочери П. М. и Ел. П. Языковых Екатерине Петровне Языковой: «Гоголь до невероятности раздражителен и самолюбив как-то болезненно; хотя в нем это незаметно с первого взгляда, но тем хуже для него! В Москве он только и бывает, что у Хомяковых. "Я их люблю, – пишет он, – и у них отдыхаю душою..."»[6]

[1] См. ***1841. Декабря 16 <28>. Вторник. Ганау.***

[2] Позднее, в ответном письме к Языкову от 30 марта 1842 г., Гоголь пояснял: «Письма моего ты не понял. Я сам виноват, я писал его непонятно, потому что, признаюсь, мне не хотелось, мне было страх как тяжело обнаружить пред тобою мое положение. Неужели ты думаешь, что в самом деле меня могут смутить какие бы то ни было сплетни? Да я, пожалуй, сам про себя готов выдумать такие сплетни, каких им и не приснится никому. Но сплетнями я назвал много всяких гадостей, о которых не хотелось распространяться, таких странных, непонятных, непостижимых гадостей, что, клянусь, теперь, как я рассмотрю их, я в них вижу какое-то необыкновенное чудо, начертанное для меня свыше провиденьем не без особенной цели. Иначе изъяснить себе их почти невозможно. Можно бы не смутиться, если бы эти гадости состояли просто из одних пошлых толков. Но эти гадости, сплетни или каверзы, или как хочешь вообрази себе их, лишали меня всего, грозили отнять даже мои бедные средства существования. Эти гадости довели меня до последней крайности нужды, заставили меня быть бесчестным перед теми, у которых я взял деньги с обещанием выплатить в назначенное время, которых чрез то, может быть, лишил многого... Согласись, тут было чем смутиться».

[3] Языковым.

[4] Управляющий П. М. Языкова.

[5] См. ***1840. Мая средина. Москва***; ***1842. Января 15 <3>. Суббота. Ганау.***

[6] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 150.

ФЕВРАЛЯ 11. СРЕДА. МОСКВА

Сестра Гоголя Елисавета записала в своем дневнике:

«Была на вечере лит(ературном) у Киреевской. Было очень мало и было очень скучно; ничего не читали».

Свод. Т. 1. С. 170.

ФЕВРАЛЯ 13. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев сообщает Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«Гоголя роман граф Вьельгорский передал цензировать Никитенке, который нашел, что за исключением одного эпизода и нескольких выражений можно его пропустить. Только ждут Дондукова[1], который уехал на несколько дней в Москву»[2].

Позднее, 14 апреля 1842 г., В. Г. Белинский писал М. С. Щепкину в Москву: «Скажу вам несколько слов о приключениях в Питере рукописи Гоголя[3]. Приехав в Питер[4], я только и слышал везде, что о подкинутых в гвардейские полки, на имя фельдфебелей, безымянных возмутительных письмах. Правительство было встревожено; цензурный террор усилился. К этому наделала шуму повесть Кукольника "Иван Иванович Иванов, или Все заодно", напечатанная в сборнике "Сказка за сказкою". Предводитель дворянства[5] хотел жаловаться; министр флота, князь Меншиков[6], в Государственном совете сказал членам: "А знаете ли вы, дворяне, как вас бьют холопы палками" и пр. Дошло до государя и, по его признанию, граф Бенкендорф вымыл Нестору <Кукольнику> голову. Вследствие этого Уваров приказал цензорам не только не пропускать повестей, где выставляется с смешной стороны сословие, но где даже есть слишком смешное хоть одно лицо. <...> К этому еще Башуцкий написал пошлую глупость "Водовоз", в которой увидели невесть что; опять дошло до царя, и Башуцкий был у Бенкендорфа. <...> Ну, сами посудите, как было тут поступить? Вы, живя в своем Китае-городе, <...> ничего не знаете, что деется в Питере. И вот Одоевский передал рукопись графу Вельегорскому, который хотел отвезти ее к Уварову; но тут готовился бал у великой княгини <Марии Николаевны>, и его сиятельству некогда было думать о таких пустяках, как рукопись Гоголя. Потом он вздумал, к счастию, дать ее (приватно) прочесть Никитенко. Тот, начавши ее читать как цензор, промахнул как читатель, и должен был прочесть снова. Прочтя, сказал, что кое-что надо Вельегорскому показать Уварову. К счастию, рукопись не попала к сему министру погашения и помрачения просвещения в России. В Питере погода на это меняется 100 раз, – и Никитенко не решился пропустить только кой-каких фраз, до эпизода о капитане Копейкине»[7].

[1] См. ***1842. Марта 3. Вторник. Санкт-Петербург.***
[2] *Свод.* Т. 1. С. 662.
[3] Речь идет о цензурном экземпляре первого тома «Мертвых душ».
[4] См. ***1842. Января 16–17. Пятница-суббота. Санкт-Петербург.***
[5] Александр Михайлович Потемкин (1787–1872), действительный тайный советник.
[6] Светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков (1787–1869), адмирал, генерал-адъютант.
[7] Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 259–260.

ФЕВРАЛЯ 13. ПЯТНИЦА. МОСКВА

В. С. Аксакова пишет брату Ивану в Петербург:

«Последняя суббота[1] была отложена, как кажется – причина та, что Н<иколай> Ф<илиппович>[2] хотел дать другое направление разговору, который в последнее время на всех вечерах был ему совершенно не по сердцу, а именно: все спорили о Гоголе. Начался спор с субботы у него, потом у Елагиной, где Костя много говорил о Павлове и, разумеется, не ставил его высоко как сочинителя, потом у Киреевского тот же спор. Хомяков соглашается во всем с Константином[3], и другие просто сердятся; наконец, о том же Хомяков говорил и на вечере у кн<язя> Голицына[4], так что Голицын попросил на другой день Шевырева прочесть ему "Тараса Бульбу", и ему очень понравилось – сколько он может оценить. Он через Шевырева предлагал Гоголю место какое-то с жалованьем, но Гоголь отказался. (Надобно прибавить, что кн<язь> Голицын звал на вечер к себе Гоголя, который сказывается больным[5].) Павлов, который тоже был на вечере у Голицына, говорят, очень умно молчал, но, разумеется, оставался неравнодушным, потому что, приехавши на другой день[6] к нам, он, видимо, был раздосадован и бранил Хомякова, говоря, что его скоро нельзя будет понимать, что он потерял весь кредит свой и т. д., и, наконец, сказал под разными предлогами, что субботы в этот раз[7] не будет,– вероятно для того, чтоб этот спор истощился. Между тем, не знаю, успеет ли, потому что у Хомякова на вторнике[8] он снова повторился, и на этой субботе[9] будет то же. Павлов будет в отчаянии. Вообрази, что в разговоре о Гоголе его, т. е. Павлова, не то что ставят ниже, но даже и не упоминают о нем; и в голову никому не входит; не обидно ли это? Но, впрочем, конечно, кажется по всему, защитники Гоголя доходят почти до какого-то неистовства – пожалуй, что они говорят, то все это так, но такие похвалы очень могут повредить самому Гоголю. Но вот и о Гоголе: до сих пор ты, кажется, ничего не знаешь о его сочинении. Это был величайший секрет. Теперь же, как, вероятно, многие почти это знают и как это письмо идет с дяденькой, можно сказать. Он кончил первый том "Мертвых душ", подал в цензуру, там Крылов <Снегирев> остановил и сказал, что не решится пропустить сам; ты можешь вообразить себе, как это его расстроило. Теперь он послал рукопись в Петербург... с кем – не знаем наверное, но чуть ли не с Белинским[10], с которым, вероятно, он видался у Боткина».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 816. – Датировка письма уточнена.

[1] Имеется в виду суббота 7 февраля 1842 г. у Н. Ф. Павлова. Ср. ***1842. Февраля 7. Суббота. Москва.***
[2] Павлов.
[3] См. также ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки*** (примечания); ***1842. Июля 24 <августа 5>. Пятница. Москва.***
[4] Вероятно, в четверг 5 февраля 1842 г.
[5] Чтение Гоголем на вечере у князя Д. В. Голицына повести «Рим» состоялось, предположительно, в четверг 19 февраля 1842 г. (см. ***1842. Февраля 4. Среда. Москва***; ***1842. Февраля 19. Четверг. Москва***).
[6] Предположительно, 6 февраля 1842 г.
[7] 7 февраля 1842 г.
[8] 10 февраля 1842 г.
[9] 14 февраля 1842 г.
[10] См. ***1842. Января между 2 и 7. Москва.***

ФЕВРАЛЯ 14. СУББОТА. МОСКВА

Гоголь получил письмо от П. А. Плетнева из Петербурга, с извещением, что рукопись «Мертвых душ» «пропускается» и «на днях»[1] будет ему выслана, а также с «выговором» от Плетнева за то, что он не отвечал на письмо М. П. Балабиной[2].

Предположительно в тот же день Гоголь читал повесть «Рим» у Аксаковых[3].

В двадцатых числах февраля (после 25-го)[4] 1842 г. В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской: «...Гоголь читал нам одно свое сочинение[5], чудное, как и всё, что он ни пишет. Я не буду тебе давать отчета в том, что мы слышали, ты сама прочтешь это в "Москвитянине", вероятно, в 3-й книжке. Это нельзя назвать повестью, но это отрывок из одной повести, которую он хотел написать

и еще напишет, может быть, со временем. Тут же более описание <*1 нрзб.*> Рима, значения Италии, ее народа, и посреди всего является, как солнце, яркой, чудной образ красавицы Ан<н>унциаты. Не только как художественное произведение, оно так замечательно по тем глубоким новым взглядам на значение Италии, но тут есть сцена в Итальянской улице, это чудо...»[6]

С. Т. Аксаков в адресованных П. А. Кулишу «Кратких сведениях и выписках из писем для биографии Гоголя» (1854) свидетельствовал: «В 3-м нумере Москвитянина 1842 года была напечатана большая статья Гоголя под названием "Рим". Предварительно он прочел ее у меня в доме, а потом на литературном вечере у князя Дм. Вл. Голицына[7], который просил об этом Гоголя, но через кого[8] – не помню»[9].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Он прочел ее в начале фев<раля> предварительно у нас, а потом на литературном вечере у кн<язя> Дм. Вл. Голицына...»[10]

В тот же день, 14 февраля 1842 г., сестра Гоголя Елисавета записала в своем дневнике:

«Верочка Аксакова, madame Аксакова и я ездили на литературный вечер к Хомяковой и были одинаково одеты. Хомяковой, верно, я понравилась в этот день, что она меня просила показаться ее матери, которая не выходила. Начала ей говорить по-английски и я поняла, (что) она хвалила меня»[11].

[1] См. ***1842. Февраля 24. Вторник. Москва.***
[2] См. ***1842. Февраля 17. Вторник. Москва.***
[3] См. ***1842. Февраля 4. Среда. Москва.***
[4] См. ***1842. Февраля 25. Среда. Москва.***
[5] Имеется в виду незавершенная повесть «Рим».
[6] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 817.
[7] См. ***1842. Февраля 19. Четверг. Москва.***
[8] Через С. П. Шевырева (см. ***1842. Февраля 4. Среда. Москва***; ***1842. Февраля 19. Четверг. Москва***).
[9] *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 640.
[10] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 707.
[11] *Свод.* Т. 1. С. 170.

ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. МОСКВА

М. П. Погодин отправляет Гоголю записку с просьбой прочитать первую часть своей статьи «Месяц в Риме»:

«Прочти, пожалуйста, этот лист о Риме – нет ли чего поправить».

Статья Погодина «Месяц в Риме» печаталась во втором[1] и четвертом[2] номерах «Москвитянина» за 1842 г. Содержание первой части статьи составили дневниковые записи Погодина с 8[3] по 24[4] марта (н. ст.) 1839 г.; содержание второй части составили записи с 24 марта (н. ст.) по 9 апреля[5] (н. ст.) 1839 г. В статье, в частности, описаны встречи Погодина весной 1839 г. в Риме с Гоголем, графом И. М. Виельгорским и художником А. А. Ивановым[6]. В № 3 «Москвитянина» за 1842 г. был напечатан «Рим» Гоголя, оказавшийся таким образом как бы «в обрамлении» статьи Погодина.

На записку Погодина Гоголь в тот же день отвечал:

«Всё так, и прекрасно, живо и верно. Это лучшая статья из того, что я читал из твоих путешествий».

[1] <*Погодин М. П.*> Месяц в Риме // Москвитянин. 1842. Ч. I. № 2 (цензурное разрешение 16 фев. 1842 г.; цензор Н. Крылов). С. 360–410.

[2] *Погодин* <*М. П.*> Месяц в Риме (окончание) // Москвитянин. 1842. Ч. II. № 4 (цензурное разрешение 1 апр.; цензор В. Флеров). С. 309–356.

[3] См. ***1839. Марта 8 <февраля 24>. Пятница. Рим.***

[4] См. ***1839. Марта 24 <12>. Воскресенье. Рим.***

[5] См. ***1839. Апреля 9 <марта 28>. Вторник Светлой седмицы. Рим.***

[6] Позднее дорожные записки Погодина вошли в книгу «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (М., 1844. Ч. 2).

ФЕВРАЛЯ 17. ВТОРНИК. МОСКВА

Гоголь отправляет в Петербург новое письмо П. А. Плетневу, прикладывает к этому посланию письмо к Плетневу от 6 февраля 1842 г.[1], а также письмо к М. П. Балабиной.

В письме к Плетневу (от 17 февраля) Гоголь писал: «Я получил ваше уведомление о том, что рукопись пропускается. Дай Бог, чтоб это было так. Но я еще не получил ее, хотя [два] три дни уже прошло после полученья вашего письма[2]. Я немножко боюсь, что она попала к Никитенке. Он, кроме своих цензорских должностных взглядов, понимает званье цензора в смысле древних цензоров римских, то есть наблюдателей за чистотою нравов, и потому многие мои выраженья пострадают сильно от него. <...> Я уже ко всему приготовился и чуть не послал было к вам письма, которое нарочно прилагаю вам при сем. Вы можете во всяком случае прочесть его всем, к кому оно имеет отношение. <...> Отдайте прилагаемое письмо Мар<ии> Петр<овне> Балабиной».

В письме к Балабиной Гоголь замечает: «Мне Плетнев сделал за вас выговор, что я не отвечал вам на ваше письмо. Но я вам писал. <...> Но господин[3], с которым я послал ее в Петербург, вероятно, где-нибудь плотно пообедавши, выронил ее на улице и не посмел предстать к вам с извинением. <...> Я был болен, очень болен и еще болен доныне внутренно: болезнь моя выражается такими странными припадками, каких никогда со мной еще не было. Но страшнее всего мне показалось то состояние, которое напомнило мне ужасную болезнь мою в Вене[4]... <...> И нужно же в довершенье всего этого, когда и без того болезнь моя была невыносима, получить еще неприятности, которые и в здоровом состоянии человека бывают потрясающи. <...> А главное, что хуже всего, я не в силах здесь заниматься трудом, который для меня есть всё. Зато с каким нетерпением ожидаю весны! Но однако ж до отъезда моего я буду у вас. <...> Я был так здоров, когда ехал в Россию, думал, что теперь удастся прожить в ней поболее, узнать те стороны ее, которые были доселе мне не так коротко знакомы – всё пошло как кривое колесо, по словам пословицы. Скажите вашей маминьке <В. О. Балабиной>, что мне было передано ее участие, изъявленное ею в письме к одной приятельнице, что оно было мне очень кстати, оно пролило какое-то тихое утешение в мои трудные минуты... <...>

Посоветуйте вашему брату Викт<ору> Петр<овичу> не оставлять живописи. У него есть решительный талант. Талант есть Божий дар, и горе тому, кто пренебрежет им! Посоветуйте ему непременно сделать копии с Каналета, находящегося в Эрмитаже[5], а потом и с Клод Лорена[6], если будет возможность. Эти две противуположности сильно разовьют его и введут его во многие тайны искусства. Извините, что я решаюсь перенесть строки письма моего с этой почтительной четвертушки на сию короткую и дружескую осьмушку. Впрочем, мы с вами, кажется, очень коротки, то есть я разумею: оба невысокого роста. Надобно вам сказать, что начало письма этого писалось совершенно в другом расположении духа и начато было уже неделю назад. Теперь, сегодня, я получил письмо от Плетнева с известием, что дело мое идет, кажется, лучше. Дай Бог! Но я уже был

ко всему приготовлен, и к удаче и к неудаче, благодаря Провиденью, ниспославшему мне чудную силу и твердость».

[1] См. ***1842. Февраля 6. Пятница. Москва.***

[2] См. ***1842. Февраля 14. Суббота. Москва.***

[3] А. Т. Аксаков (см. ***1842. Января около 22–25. Москва***).

[4] См. ***1840. Августа вторая половина – конец <августа начало – средина>. Вена.***

[5] Имеется в виду картина итальянского художника Каналетто «Прием французского посла в Венеции» (1724).

[6] В Эрмитаже находятся четыре картины К. Лоррена: «Полдень» (Отдых Святого семейства на пути в Египет) (1661); «Вечер» (Ангел Рафаил и Товия) (1663); «Утро» (Иаков и дочери Лавана) (1666); «Ночь» (Борьба Иакова с ангелом) (1672).

ФЕВРАЛЯ 19. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Гоголь читает повесть «Рим» на вечере у московского генерал-губернатора князя Д. В. Голицына[1].

С. Т. Аксаков в адресованных П. А. Кулишу «Кратких сведениях и выписках из писем для биографии Гоголя» (1854), вспоминая об этом чтении, замечал: «У Гоголя не было фрака, и он должен был надеть чужой»[2].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «...У Гоголя не было фрака, и он надел фрак Конст<антина>[3]. Несмотря на высокое достоинство этой пиэсы, слишком длинной для чтения на рауте у какого бы то ни было Генерал-Губернатора, чтение почти усыпило половину зрителей; но когда к концу пиэсы дело дошло до комических разговоров итальянских женщин между собою и с своими мужьями, все общество точно проснулось и пришло в неописанный восторг, который и остался надолго в благодарной памяти слушателей»[4].

М. А. Дмитриев вспоминал о Гоголе: «В 1842-м году учредились литературные же вечера у генерал-губернатора Москвы, добродушного и благородного князя Дмитрия Владимировича Голицына. Мы этому очень удивились, потому что он был совсем не литератор. Но вот что было этому причиною. Ему велено было наблюдать, и наблюдать за всеми, бывающими на наших вечерах. Он, как человек благородный, нашел такое средство, чтоб этих же людей приглашать к себе и тем, с одной стороны, узнать скорее их образ мыслей, с другой – успокоить правительство тем, что они и у него бывают! – И что же? Эти четверги князя были самыми приятными и лучше всех наших вечеров. На них говорили свободнее, чем у нас, потому что сам генерал-губернатор был свидетелем и участником этих разговоров: никого уже не боялись, а вредных политических рассуждений и без того никому не приходило в голову. На этих вечерах, по желанию хозяина, читались и стихи; кроме того, был всегда прекрасный и тонкий ужин, чего у нас не было! – Но будь другой на его месте, надзор принял бы другое направление[5]. <...>

Я сказал уже, что к князю ездили все те же, кто и к нам, с тою, однако, разницею, что у него, на этих вечерах, не было людей, не принадлежащих к разряду ученых или литераторов: приглашаемы были только некоторые из более приличных профессоров и писатели. Из последних долго не являлся один Гоголь. Как ни старались, как ни хлопотали его почитатели, Шевырев и Погодин, ввести его к князю: никак не удавалось. – Князь спрашивал: "А что же Гоголь?" – Шевырев давал, с запинкой, оговорку, которая никак не могла бы послужить оправданием человеку порядочного общества: "Да что, Ваше Сиятельство! Он странный человек: отвык от фрака; а в сертуке приехать не решается!"[6] Князь говорил: "Нужды нет; пусть приедет хоть в сертуке!" – и смеялся. Но Гоголь не являлся. А истинная причина была та, что он был неуч, но неуч гордый, малороссийский медвежонок, которому было неловко в высшем обществе[7]. Он хотя и был знаком с некоторыми лицами, к нему принадлежащими; но те принимали его как самородного гения и спускали ему его демо-

кратическое, бесцеремонное обращение: его избаловали снисходительностию к его sans-taecru. А у князя нужно было уметь держать себя. Наконец, однако, два поводильщика, Шевырев и Погодин, привели его и представили князю своего медвежонка. Он приехал во фраке, но, не сказав ни слова, сел на указанные ему кресла, сложил ладонями вместе обе протянутые руки, опустил их между колен, согнулся в три погибели и сидел в этом положении, наклонив голову и почти показывая затылок. — В другой приезд[8] положено было, чтоб Гоголь прочитал что-нибудь из ненапечатанных своих произведений. Он привез и читал свою "Ан<н>унсиаду", писанную на сорока страницах, тяжелым слогом и нескончаемыми периодами. Можно себе представить скуку слушателей; но вытерпели и похвалили. Тем и кончились его посещения вечеров просвещенного вельможи»[9].

В 1844 г. в некрологе князю Д. В. Голицыну С. П. Шевырев также сообщал: «Он любил и науки изящные: на них отдыхал его ум, утомленный государственными занятиями. Мы все еще живо помним его литературные беседы, его веселую речь, его жаркие юридические и литературные споры в кругу ученых и литераторов... Давно ли, кажется, Гоголь читал у него в кабинете свой Рим? Давно ли мы все сидели тут кругом, в живом общении мысли и слова?..»[10]

[1] См. ***1842. Февраля 4. Среда. Москва***; ***1842. Февраля 14. Суббота. Москва.***

[2] *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 640.

[3] Аксакова.

[4] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 707–708.

[5] 1 февраля 1842 года М. А. Дмитриев написал пространный стихотворный гимн «Песнь Правде» (в масонском духе; см. также ***1842. Февраля 6. Пятница. Москва*** – примечания) и опубликовал это произведение, с посвящением князю Д. В. Голицыну, в погодинском «Москвитянине» (в том же номере, где был напечатан «Рим» Гоголя): *Дмитриев Мих.* Песнь Правде. Посвящено Его Светлости Князю Дмитрию Владимировичу Голицину // Москвитянин. 1842. № 3 (цензурное разрешение 11 марта). С. 1–7.

[6] См. ***1842. Февраля 14. Суббота. Москва.***

[7] О вероятных причинах неприязни М. А. Дмитриева к Гоголю см.: ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург.***

[8] Судя по свидетельствам других очевидцев, чтение Гоголем повести «Рим» состоялось в первый и единственный приезд Гоголя на литературный вечер князя Д. В. Голицына в четверг 19 февраля 1842 г. (см. ***1842. Февраля 4. Среда. Москва***). Таким образом, М. А. Дмитриев под первым и вторым приездами Гоголя к Голицыну описывает одно-единственное его посещение.

[9] *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни // *Свод.* Т. 2. С. 178–179.

[10] *Шевырев С.* Князь Дмитрий Владимирович Голицын // Москвитянин. 1844. № 5 (цензурное разрешение 18 мая). С. 161; см. также: *Свод.* Т. 2. С. 88.

ФЕВРАЛЯ 21. СУББОТА. МОСКВА

Гоголь отвез сестру Елисавету к Е. А. Свербеевой. Позднее ужинает с сестрой у Аксаковых. На ужине присутствовала К. К. Павлова.

В тот же день сестра Гоголя Елисавета записала в своем дневнике: «Брат меня отвез к m-me Свербеевой. В 10 уехал (он ленился и просил Марью Василь(евну) Киреевскую отвезти меня к Аксаковым). M-me Pavlof a etait bien aimable envers moi[1]. Шевырев мне накладывал кушанья; ужинали в 3 часа. M-me Pavloff m'a fait de compliments[2]»[3].

Через день, 23 февраля 1842 г., В. С. Аксакова в письме к М. Г. Карташевской сообщала: «В субботу у нас обедала Павлова, и Гоголь, который всегда с ней бывает очень любезен, так смешил всех». В позднейшем пояснении к письму Аксакова отметила: «Вероятно, он тогда сказал ей: "А я нахожу, что вы помолодели". Кажется, она отвечала, что ей очень приятно это слышать. "*Впрочем*, – прибавил Гоголь, – *может быть мне показалось, потому что на вас такой чепчик*"»[4].

[1] Госпожа Павлова была ко мне очень любезна (*фр.*).

[2] Госпожа Павлова делала мне комплименты (*фр.*).

[3] *Свод.* Т. 1. С. 170.

[4] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 817.

ФЕВРАЛЯ 23. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет М. П. Погодину:

«Отвечаю тебе на записку. О четверге[1] нечего сказать особенного. <...> Гоголя чудная вещь; я ее перечитал[2] с большим удовольств<ием>. Но надобно ему кой-где уделать слог, и особенно устроить два периода, мною замеченные.

Эк ты как гонишь! Статью во вторник!»[3]

Речь идет о второй части статьи Шевырева «Взгляд на современную русскую литературу», опубликованной в № 3 «Москвитянина» за 1842 г. Шевырев писал здесь о Гоголе: «Во главе молодого поколения прозаиков стоит *Гоголь:* также Малоросс по происхождению[4], носящий на себе яркие признаки южной природы, он отходит ото всех других писателей незаемною оригинальностию языка своего и становится резким особняком между ними. У него тоже Русская речь, прямо, не запинаясь, льется с уст на бумагу (видно, это особенный признак Малороссиян). Не ищите в нем качеств отрицательных слога. У него речь слишком покоряется могучей воле его воображения и не любит узды грамматической. Но он довел ее до высшей степени колорита: Гоголь — наш первый живописец в слоге; его язык — кисть; его слова — бесчисленные яркие краски на палитре; то, чего вы никогда не видали, он изобразит вам словами так, что вы это как будто глазами увидите, а слепой мог бы осязать и пальцами. Лицо ли человеческое, одежда ли, ландшафт ли какого бы то ни было климата, небо ли с его тысячеобразными оттенками, степь ли наша, тесная ли комнатка, целый ли город, будь он наш вчерашний губернский, будь щегольской Париж, будь Рим многовековой, покрытый темной пылью, на все у него есть краски, все и мелкое и великое забирает его всеобъемлющая, его широкая кисть. Не ищите, как мы сказали, правильного рисунка в его слоге и даже периоде: он рисует прямо красками, как Венецианец Тинторетто. В этой живописи Гоголева слога отзывается его природа южная. Недаром замечают, что между живописцами нашими Малороссияне особенно отличались колоритом. Не из этого ли свойства объясняется его неодолимое сочувствие к Италии, которую полюбил он перед всеми другими странами? Под его благосклонным небом живее горит воображение, яснеют в прозрачном воздухе самые дальние образы и кисть ярче схватывает все оттенки предметов.

Мы изобразили главный характер собственного Гоголева слога, но кроме того он владеет еще чудным даром подслушивать устную речь говорящего Русского человека и менять ее по характеру, свойствам, многоверному чувству лиц, им выводимых. В Ревизоре неистощима Поэзия комического слога, вся эта яркая бессмыслица уездной речи, рисующей нам какой-то безымянный город, получивший право действительного существования посредством Гоголевой кисти; Гоголь разговором также рисует характер лица, как своим слогом предметы внешние. Незваные критики осмеливаются до сих пор назвать Ревизора фарсом, а фарсам действительным дают хитрое имя милой и умной шутки. Никакой фарс не удержится долго на сцене, а то, что называют они шутками умных людей, не дожило и году существования. Другие критики, еще замысловатее, упрекают Ревизора в неправильности слога: но, конечно, в том виноват не Гоголь, что Городничий с братиею не читал еще Грамматики Греча»[5].

Позднее С. П. Шевырев также указывал: «...Нельзя не обратить внимание на симпатию Гоголя к Италии, на душевное влечение его к стране изящного. Откуда объяснить это? Из того только, что он истинный художник, что искусство — его призвание»[6].

[1] Имеется в виду литературный четверг у князя Д. В. Голицына 26 февраля 1842 г.

[2] Речь идет о повести Гоголя «Рим». Очевидно, С. П. Шевырев «перечитал» повесть после чтения ее Гоголем 19 февраля 1842 г. на вечере у князя Д. В. Голицына (см. ***1842. Февраля 19. Четверг. Москва***).

[3] Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 89.

[4] Ранее в статье речь шла о Г. Ф. Квитке-Основьяненко.

[5] *Шевырев С.* Взгляд на современную русскую литературу. Статья вторая. Сторона светлая. (Состояние Русского языка и слога) // Москвитянин. 1842. № 3 (цензурное разрешение 11 марта; в этом же номере опубликован «Рим» Гоголя). С. 179–180.

[6] *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Статья вторая // Москвитянин. 1842. № 8. С. 358.

ФЕВРАЛЯ 23–24. ПОНЕДЕЛЬНИК-ВТОРНИК. МОСКВА

М. П. Погодин отправляет Гоголю записку:

«Аксаков просит тебя подписать по вышеп<риведенному> образцу. Да 3 № начинает набираться — готово ли у тебя?»

Очевидно, речь в записке идет о повести Гоголя «Рим» для третьего номера журнала «Москвитянин» (цензурное разрешение 11 марта 1842 г.)[1].

В тот же день Гоголь отвечал Погодину:

«Будет готово к четвергу»[2].

[1] См. ***1842. Марта 11. Среда. Москва.***
[2] Т. е. к 26 февраля 1842 г.

ФЕВРАЛЯ 24. ВТОРНИК. МОСКВА

М. П. Погодин отправляет Гоголю записку, в которой сообщает:

«Еще радость — поздравь. Купил библиотеку у Строева за 8500 р<ублей>[1]. Имеешь ли ты еще известия из Петербурга?»

Гоголь в тот же день отвечал Погодину:

«С библиотекой поздравлю, когда узнаю, в чем именно она состоит. А впрочем, верно в ней много добра, когда ты обрадовался.

Из Петербурга известий никаких, я уже раскаиваюсь, что не сделал так, как тобою говорено, т. е. что не отправил к Плетневу[2] письма к Уварову, а впрочем, об этом с тобою поговорю».

В тот же день Гоголь отправил ответное письмо Н. Я. Прокоповичу в Петербург:

«Я получил твое уведомление, но такое же самое назад тому полторы недели[3] я получил уже от Плетнева, и с тем вместе было сказано, чтобы я готовился к печати, что на днях мне пришлется рукопись; а между тем уже две недели прошло. <...> Пожалуйста, зайди к Плетневу и разведай. И попроси его, чтобы он был так добр и заехал бы сам к Уварову и князю Дундукову-Корсакову, последний был когда-то благосклонен ко мне. Пусть он объяснит им, что всё мое имущество, все средства моего существования заключаются в этом...»

[1] Собрание рукописей П. М. Строева было куплено Погодиным для его Древлехранилища в тот же день, 24 февраля 1842 г.
[2] См. ***1842. Февраля 6. Пятница. Москва.***
[3] См. ***1842. Февраля 14. Суббота. Москва.***

ФЕВРАЛЯ 24. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет в Москву ответное[1] письмо Гоголю[2] (письмо не сохранилось).

[1] См. ***1842. Февраля 17. Вторник. Москва.***
[2] См.: *Городецкий*. С. 450; ***1842. Марта 4. Среда. Москва.***

ФЕВРАЛЯ 25. СРЕДА. МОСКВА

С. П. Шевырев отправляет М. П. Погодину записку:

«Вечера не будет у Князя[1]. Отлагается ради масленицы, от которой он не хочет отвлекать гостей своих»[2].

Вероятно, в ответной записке Погодин известил о рождении у него сына (третьего, Ивана). Такую же записку он отправил и Гоголю. Записка Погодина к Шевыреву не сохранилась; Гоголю же Погодин писал:

«Ты знаешь ли, что мне Бог дал сына, а тебе крестника[3]?»

В ответ Гоголь поздравлял Погодина:

«Поздравляю от всей души и сердца. Да будет над ним благодать Божья!»

Таким же поздравлением откликнулся в тот же день на сообщение Погодина Шевырев:

«Дай Бог новорожденному и вам много лет здравствовать!»[4]

Очевидно, Погодин благодарил Шевырева за поздравление, сообщив заодно о согласии Гоголя напечатать в «Москвитянине» повесть «Рим», так как в тот же день Шевырев отправил Погодину еще одну, третью записку, в которой восклицал:

«Слава тебе! Чудо, чудо! Как я рад этому приобретению[5]! Это придаст мне еще сил к работе. Дай тебе Бог выручить все это! – Только где же она? У тебя ли? – Уж у него <у Гоголя> оставлять опасно.– Надобно ею заняться во время поста[6].

У Князя вечера нет: я о том писал к тебе. <...>

Ты уж слишком напал на статью Буслаева[7]. В ней есть много хорошего. – Я ему указал на некоторые противоречия. – В литерат<урные> прибавления она идет»[8].

Позднее Ф. И. Буслаев записал в дневнике: «*Июля 26 <1842>*. <...> Святой Петр обнародовал. Удивительное стечение обстоятельств: с рукописью от Шевырева отправился к Погодину – и не застал обоих: потом обоих нашел – у Шевырева. Они читали корректуру Погодина, дело шло о Пантеоне. Погодин сказал, что мы с ним сошлись предметами: приятно для ученика! Я читал Шевырева перевод из Данта – ему нравилось: Погодин был занят своим и не слушал меня, говоря, что жалеет, что не имеет времени послушать: первый удар авторскому самолюбию. Я приехал домой в лихорадочном состоянии. Гоголь дал свою рукопись: Рим. Удар обухом для начинающего дарования: но я упросил напечатать в одном с ним №. Шевырев сказал, что мы сошлись в мысли о Св. Петре, когда смотришь на него издали. Для меня, суеверного – стечение обстоятельств

презначительное. Когда я принес свою рукопись – последний уж раз для печати – в универ<ситетскую> типогр<афию> – дожидаюсь в Профессорской: Наверху страшное хлопанье – Шевырев читал свои стихи на Железную дорогу[9] – в первый раз в авдитории. Стечение обстоятельств. В первый раз увидел я напечатанным своего Петра – у Шевырева: приехал Погодин поздно вечером и привез №. "Вот я привез Св. Петра", – сказал он мне улыбаясь. А я именно ему тогда привез от Графа Итальянского <?> сочинение о рукописи Болонской. Стечение обстоятельств. При том вообще я суеверен»[10].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Гоголь продолжал бывать у нас очень часто, почти всякой день, и охотно слушал рассказы Константина о том, как он держал себя и действовал в так называемом большом свете, который он начал посещать тогда и в котором искали его знакомства. Константин увлекался мыслью, что истины, которые он проповедовал там, согласно с своим задушевным и глубоким убеждением, – произведут благотворное действие. Он ошибался. Свет с любопытством и удовольствием слушал его, как диковинное явление, – и только. Это сделалось модою. Правда, некоторые полюбили его за теплоту убеждений, но самые убеждения считали прекрасными мечтами. Гоголь хорошо понимал настоящее значение этого явления и очень им забавлялся. Докуки Погодина увенчались, однако, успехом. Он дал ему в журнал большую статью под названием "Рим", которая была напечатана в 3-м № "Москвитянина"»[11].

[1] Речь идет о несостоявшемся литературном четверге у князя Д. В. Голицына 26 февраля 1842 г.

[2] Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод*. Т. 2. С. 90.

[3] Позднее, в письме от 16/28 июля 1844 г., Е. В. Погодина сообщала Гоголю: «Крестник ваш становится теперь большим буяном...»

[4] Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод*. Т. 2. С. 91.

[5] Погодин в записке, относящейся, по-видимому, к 23–24 февраля 1842 г., сообщал Гоголю об очередном номере «Москвитянина»: «3 № начинает набираться – готово ли у тебя?» Гоголь отвечал: «Будет готово к четвергу» (т. е. к 26 февраля 1842 г.) (см. ***1842. Февраля 23–24. Понедельник-вторник. Москва***). Вероятно, лишь получив этот ответ, Погодин решил сообщить Шевыреву о «приобретении» для журнала повести Гоголя.

В третьем номере «Москвитянина» за 1842 г. (цензурное разрешение 11 марта), в разделе «Критика», были также напечатаны отрывки из первой публикации о преподобном Серафиме Саровском: <*Сергий (Васильев), иеромонах*> *I. С.* Сказание о жизни и подвигах блаженныя памяти отца Серафима, Саровской пустыни Иеромонаха и Затворника. М., 1841, 32 с. (цензурное разрешение 30 сент.). См.: *N. N.* Сказание о жизни и подвигах блаженныя памяти отца Серафима, Саровской пустыни Иеромонаха и затворника. Москва, 1841, в 8-ку, 31 с. // Москвитянин. 1842. № 3. С. 201–205. Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Преподобный Серафим Саровский и Гоголь: О почитании Старца в ближайшем окружении писателя // Творчество Гоголя в диалоге культур. Четырнадцатые Гоголевские чтения. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2015. С. 80–86.

[6] Великий Пост в 1842 г. начинался 2 марта.

[7] Статья Ф. И. Буслаева «Храм Св. Петра в Риме» была напечатана в том же номере журнала, где был опубликован «Рим» Гоголя (*Буслаев Ф.* Храм Св. Петра в Риме // Москвитянин. 1842. № 3 (цензурное разрешение 11 марта). <Отд. 2>. Смесь. С. 22–33).

[8] Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод*. Т. 2. С. 90.

[9] Упоминаемое Буслаевым стихотворение было также опубликовано в 1842 г. в «Москвитянине» М. П. Погодина (с пометой: «16 февраля»), вместе с повестью Гоголя «Рим» (см.: *Шевырев С.* Железная дорога // Москвитянин. 1842. № 3 (цензурное разрешение 11 марта). С. 7–10).

[10] *Свод*. Т. 3. С. 319–320.

[11] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод*. Т. 2. С. 707.

ФЕВРАЛЯ ОКОЛО 25. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович пишет письмо Гоголю в Москву.

*См. **1842. Марта около 6. Москва**; **1842. Марта 13. Пятница. Москва**; **1842. Марта 25. Среда. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Москва**.*

ФЕВРАЛЯ 26. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Гоголь завершил работу над «отрывком» «Рим».

См. ***1842. Февраля 23–24. Понедельник-вторник. Москва.***

МЕЖДУ ФЕВРАЛЯ 24 И МАРТА 4. МОСКВА

Гоголь пишет в Петербург письмо к министру народного просвещения С. С. Уварову с просьбой ускорить цензурное прохождение «Мертвых душ»:

«Не получая дозволенья цензуры на печатанье моего сочинения, я прибегаю к вашему покровительству. Всё мое имущество и состояние заключено в труде моем. Для него я пожертвовал всем, обрек себя на строгую бедность, на глубокое уединение, терпел, переносил, пересиливал сколько мог свои болезненные недуги в надежде, что, когда совершу его, отечество не лишит меня куска хлеба и просвещенные соотечественники преклонятся ко мне участием, оценят посильный дар, который стремится всякий русский принести своей отчизнѣ. Я думал, что получу скорее ободрение и помощь от правительства, доселе благородно ободрявшего все благородные порывы, и что же?.. Вот уже пять месяцев меня томят странные мистификации цензуры, то манящей позволением, то грозящей запрещеньем, и наконец я уже сам не могу понять, в чем дело... <...> Почему знать, может быть, несмотря на мой трудный и тернистый жизненный путь, суждено бедному имени моему достигнуть потомства. И ужели вам будет приятно, когда правосудное потомство, отдав вам должное за ваши прекрасные подвиги для наук, скажет в то же время, что вы были равнодушны к созданьям русского слова и не тронулись положеньем бедного, обремененного болезнями писателя, не могшего найти себе угла и приюта в мире, тогда как вы первые могли бы быть его заступником и меценатом. Нет, вы не сделаете этого, вы будете великодушны. У русского вельможи должна быть русская душа».

Написав письмо, Гоголь показывает его М. П. Погодину[1].

Письмо было приложено Гоголем к посланию П. А. Плетневу от 4 марта 1842 г., но Уварову затем передано не было.

[1] См. ***1842. Марта 4. Среда. Москва.***

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ. МОСКВА

К. С. Аксаков сообщает В. А. Панову:

«Гоголя мы видаем часто; он бодр духом и, кажется, пишет».

Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 791.

ФЕВРАЛЯ КОНЕЦ – МАРТА НАЧАЛО. МОСКВА

Гоголь отправляет записку к Погодину:

«Дай пожалуйста сколько-нибудь в зачет писцу нашему денег. Он ко мне прислал эту записку. У меня нет ни копейки. Он тебе за них напишет.

Потом еще пришли, если принесут к тебе, корректуру»[1].

Тогда же Погодин в записке к Гоголю просил узнать у бумажного фабриканта В. И. Усачева, может ли тот еще приготовить бумаги:

«Усачев присылал опять – что же ты не побываешь? Кстати спроси, будто для себя, может ли он еще приготовить такой бумаги сот 5?

А бедный писарь!»

Гоголь в ответной записке к Погодину отвечал:

«Я не был у Усачева, потому что ты сказал, что заплатишь ему деньги, потому что теперь у тебя есть.

Вопроса: а бедный писарь! я немножко не понял. Разве ты не дал ему? У меня ничего нет. Я едва мог заплатить то, что ему следует.

Что же корректура[2], я ее ожидаю?

Как здоровье? Твое и Елисав<еты> Вас<ильевны>[3] и Саши[4]?»

В этот же период С. П. Шевырев писал Погодину:

«Возвращаю листы. Сообщи их Гоголю[5]. Я нарочно все отмечал карандашом. Статью Буслаева, пожалуй, напечатай[6]. Я назначил ее в "Смесь", в "Литературные прибавления". – Я обещал ему: надо поощрить молодого человека. Статья ведь очень хороша. – В "Смеси" она удалена будет от опасного Гоголева соседства»[7].

Тогда же Погодин в записке к Гоголю задал несколько вопросов по корректуре «Рима»:

«23. Что такое ищерь, тронутый солнцем. 25. olio di ricino[8]? С<траница> 30, строка 2 – в картин<ном> *склоне*?»

Гоголь в ответной записке к Погодину сообщал:

«Ищерь – горячий уголь, коренное русское слово.

Я не знаю, почему Шевырев переправил ricino, у меня было olio di rigido [то есть горчичное масло]. Впрочем, он верно имел резон.

Склоне пусть его так и останется».

[1] Речь идет о корректуре повести «Рим».
[2] Корректура повести «Рим».
[3] Жена Погодина.
[4] Старшая дочь Погодина.
[5] Корректурные листы повести Гоголя «Рим».
[6] См. ***1842. Февраля 25. Среда. Москва.*** – Спустя несколько дней, 6 марта 1842 г. Шевырев сообщал Погодину: «Корректуру статьи Буслаева ко мне не приносили» (Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 91).
[7] Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 91.
[8] Касторовое масло, касторка (*ит.*).

МАРТА 3. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

По прибытии в Петербург из Москвы председателя Санкт-Петербургского цензурного комитета князя М. А. Дондукова-Корсакова[1], на заседании комитета состоялось обсуждение «Мертвых душ», прочитанных ранее[2] цензором А. В. Ни-

китенко (кроме Дондукова-Корсакова и Никитенко, присутствовали также цензоры П. И. Гаевский, А. Л. Крылов, П. А. Корсаков, С. С. Куторга, А. Н. Очкин и А. И. Фрейганг). Никитенко на заседании докладывал:

«Роман сей есть не иное что, как юмористическая и сатирическая картина некоторых темных сторон в быту чиновников какого-то Губернского города и наших провинциальных помещиков, — картина, представляющая эти стороны более в комическом, чем отвратительном виде. Основа романа состоит в том, что чиновник Чичиков скупает у помещиков вымершие ревизские души, под залог коих, как под залог действительного имения, намеревается взять значительную сумму денег в Опекунском Совете»[3].

По предложению Никитенко, в тексте поэмы был сделан ряд исправлений и вынесено решение:

«Комитет признал позволительным содержание романа, с тем, чтобы заглавие его было переменено следующим образом: *Похождения Чичикова или Мертвые Души*. <...> ...Комитет признал весь рассказ о Капитане Копейкине подлежащим к исключению»[4].

Позднее, на заседании Санкт-Петербургского цензурного комитета 19 мая 1842 г., под председательством нового главы комитета князя Г. П. Волконского[5], сообщалось, что Никитенко «в минувшем апреле <марте> месяце представлял на разрешение Комитета рассказ о Копейкине в романе Г. Гоголя, под названием: *Похождения Чичикова, или мертвые души* и Комитет положил не дозволять к печатанию сего рассказа»: «В нем представлен был раненый Офицер, сражавшийся с честию за отечество, человек бедный, простой, но благородный, приехавший в Петербург хлопотать о пенсии; здесь сначала какой-то из важных Государственных людей принимает его довольно ласково, обещает ему пенсию, но после обращается с ним сурово и наконец на жалобы офицера, что ему нечего есть, отвечает: "так промышляйте сами себе как знаете". Вследствие этого Копейкин делается атаманом разбойничьей шайки. Ныне Автор (в мае 1842 г.), оставив главное событие в том же самом виде, как оно было, изменил характер главного действующего лица в своем рассказе; он представляет его человеком беспокойным, буйным, жадным к удовольствиям, который заботится не столько о средствах прилично существовать, сколько о средствах удовлетворять своим страстям, так что начальство находится наконец в необходимости выслать его из Петербурга. Комитет определил эпизод сей дозволить к напечатанию в таком виде, как он изложен автором»[6].

[1] См. ***1842. Февраля 13. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1842. Марта 4. Среда. Москва***.
[2] См. ***1842. Февраля 13. Пятница. Санкт-Петербург***.
[3] *Гоголь 2001–2012*. Т. 7. Кн. 2. С. 484.
[4] Там же. Т. 7. Кн. 2. С. 484–485.
[5] См. ***1842. Мая 7. Четверг. Санкт-Петербург***.
[6] *Гоголь 2001–2012*. Т. 7. Кн. 2. С. 502.

МАРТА 4. СРЕДА. МОСКВА

Гоголь, получив из Петербурга письмо от П. А. Плетнева[1], пишет ему ответное послание, к которому прилагает письма к министру народного просвещения С. С. Уварову[2] и к попечителю Санкт-Петербургского учебного округа, председателю Санкт-Петербургского цензурного комитета князю М. А. Дондукову-Корсакову.

Письма к Уварову и к Дондукову-Корсакову не были переданы по назначению, так как 9 марта 1842 г. рукопись «Мертвых душ» уже была подписана А. В. Никитенко к печати[3], и письма остались у Плетнева.

Из письма к Плетневу: «Хотя письмо ваше (от 24 ф<евраля>), которое я получил сегодня (4 марта), и льстит мне скорою присылкой рукописи, но я так уже истомлен нежданными рассрочками, и притом с моей рукописью такие происходят чудеса, что я того и жду, что опять какая-нибудь случится загвоздка.

На всякий случай, если что-нибудь случится, я прилагаю письмо к Уварову. Погодин, которому я показывал его, говорит, что оно убедительно, справедливо и, верно, возымеет действие. Оно было написано до получения вашего письма, когда я изнывал от ожиданья бедной моей рукописи. Итак, если только окажется надобность, то вы это письмо вручите ему, если ж нет, пусть остается у вас до времени моего приезда. Посылаю также письмо к князю Дундукову. Я хотел у него быть в Москве, но случившееся одно обстоятельство, а потом моя периодическая болезнь, подвернувшаяся не в пору, помешали. Письмо это ему отдайте во всяком случае. Оно вместе и просительное и благодарственное. Иначе с моей стороны было бы невежливо. А на остальную, неофициальную половину вашего письма я буду отвечать вам в скором времени. А Никитенке передайте мою искреннюю благодарность и особливо, если он так будет добр и умен, что оставит в покое мои бедные выражения, которые решительно никому зла не делают».

Из письма к Дондукову-Корсакову: «К величайшему сожалению, мне не удалось быть у вас в бытность вашего сиятельства в Москве. Один раз Чертков, Александр Дм<итриевич>, с которым мы условились ехать вместе, не заехал за мною по причине какого-то помешательства, а потом овладела мною моя обыкновенная периодическая болезнь, во время которой я остаюсь почти в неподвижном состоянии в своей комнате иногда в продолжение двух-трех недель. Впрочем, как я рассудил потом, приезд мой к вам был бы лишним. Дело мое уже вам известно. Я знаю, душа у вас благородна, и вы верно будете руководствоваться одним глубоким чувством справедливости, дело мое право, и вы никогда не захотите обидеть человека, который в чистом порыве души сидел несколько лет за своим трудом, для него пожертвовал всем, терпел и перенес много нужды и горя и который ни в каком случае не позволил бы себе написать ничего противного правительству, уже и так меня глубоко облагодетельствовавшему. Итак, и теперь я не прилагаю к вам никаких ненужных просьб моих, но если дело уже кончено, моя рукопись послана ко мне и вы были моим справедливым и вместе великодушным заступником — то много, много благодарю вас. Вы не можете взвесить всей моей благодарности к вам, но если бы вы снизошли в глубину моей души, если бы увидели там все томления, которыми меня мучили пять месяцев, отняв чрез то все необходимые средства мои, тогда вы бы поняли, как велика благодарность».

[1] См. ***1842. Февраля 24. Вторник. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1842. Между февраля 24 и марта 4. Москва.***
[3] См. ***1842. Марта 9. Понедельник. Санкт-Петербург.***

МАРТА ОКОЛО 6. МОСКВА

Гоголь получил из Петербурга письмо от Н. Я. Прокоповича.

См. ***1842. Марта 13. Пятница. Москва.***

МАРТА 9. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение «Мертвых душ»:

«*Печатать позволяется* с тем, чтобы по отпечатании представлено было в Ценсурный Комитет узаконенное число экземпляров. С.-Петербург, Марта 9-го дня 1842 года. *Ценсор А. Никитенко*»[1].

«...Только 9 марта <1842 г.> на рукописи первого тома "Мертвых Душ" было написано: "Печатать позволяется, с тем, чтобы .... Цензор А. Никитенко"»[2]. При этом А. В. Никитенко изменил заглавие (вместо «Мертвые души» — «Похождения Чичикова, или Мертвые души»), исключил «Повесть о капитане Копейкине» и сделал ряд других исправлений в тексте.

[1] Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма. *Н. Гоголя*. М.: В Университетской Типографии, 1842. 475 с. Оборот титула.
[2] *Тихонравов Н.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь 1889–1896*. Т. 3. С. 474.

МАРТА МЕЖДУ 1 И 11. МОСКВА

М. П. Погодин в записке к Гоголю просит его прочесть две страницы корректуры «Рима»:

«Прочти теперь эти две странички».

В тот же период Гоголь в записке к Погодину просит прислать вторую корректуру «Рима» вместе с черновой:

«Пожалуйста пришли мне вторую корректуру вместе с черновою. Мне непременно нужно будет ее сверить, потому что поправки были важные».

МАРТА 11. СРЕДА. МОСКВА

Цензурное разрешение № 3 «Москвитянина», где напечатан «отрывок» Гоголя «Рим».

Гоголь. Рим. Отрывок // Москвитянин. 1842. Ч. II. № 3 (цензурное разрешение 11 марта; цензор Н. Крылов). С. 22–67.

МАРТА МЕЖДУ ВОСКРЕСЕНЬЕМ 8 И ЧЕТВЕРГОМ 12. МОСКВА.

Гоголь напоминает М. П. Погодину об оттисках повести «Рим»:

«Не забудь отправить записку и сказать, чтобы к субботе непременно было готово».

Подробнее см. ***1842. Марта 14. Суббота. Вечер. Москва.***

МАРТА 13. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь пишет Н. Я. Прокоповичу в Петербург:

«Вот уже неделя прошла со времени полученья твоего письма[1] и почти две недели с тех пор, как оно тобою написано[2], а между тем я до сих пор не получаю моей рукописи. <...> В "Москвитянине" не повесть моя, а небольшой отрывок[3]. Я велел набрать десяток экземпляров, — и ты получишь свой от Плетнева. Это единственная вещь, которая у меня была годная для журнала. Погодину я должен был дать что-нибудь, потому что он для меня много делал. Плетневу я тоже должен[4], хотя до сих пор еще не выполнил».

[1] См. ***1842. Марта около 6. Москва.***
[2] См. ***1842. Февраля около 25. Санкт-Петербург.***
[3] «Рим».
[4] См. ***1841. Октября 13. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1842. Марта 17. Вторник. Москва.***

МАРТА 14. СУББОТА. ВЕЧЕР. МОСКВА

Гоголь, предположительно, спрашивает у М. П. Погодина, готовы ли отдельные оттиски повести «Рим».

Позднее, в начале ноября 1852 г., М. С. Щепкин расказывал П. А. Кулишу: «Когда покойный Гоголь напечатал свой "Рим" в "Москвитянине"[1], то, по условию, выговорил себе <у Погодина> 20-ть оттисков, но тот, по обыкновению своему, не оставил, сваливая вину на типографию[2]. Однако Гоголь непременно хотел иметь их, обещав наперед знакомым по оттиску. И потому, настаивая на своем, сказал, разгорячаясь мало-помалу: "А если Вы договора не держите, так прикажите вырвать из своего журнала это число оттисков". – "Но как же, – заметил издатель, – ведь тогда я испорчу 20-ть экземпляров?" – "А мне какое дело до этого?.. Впрочем, хорошо: я согласен Вам за них заплатить, – прибавил Гоголь, подумав немного, – только чтоб непременно было мне 20-ть экз<емпляров> моей статьи, слышите? 20-ть экземпляров!"

Тут я увел его в его комнату, наверх, где сказал ему: "Зачем Вам бросать эти деньги так на ветер? Да за 20-ть целковых Вам наберут вновь Вашу статью". – "В самом деле? – спросил он с живостью. – Ах, Вы не знаете, что значит иметь дело с кулаком". – "Так зачем же Вы связываетесь с ним?" – подхватил я. "Затем, что я задолжал ему шесть тысяч рублей ассигнациями: вот он и жмет меня. Терпеть не могу печататься в журналах, – нет, вырвал-таки у меня эту статью! и что же, как же ее напечатал? Не дал даже выправить хоть в корректуре. Почему уж это так, он один это знает!" – "Ну, – подумал я (прибавил тут Щепкин), – потому это так, что иначе он и не сумеет: это его природа делать все, как говорится, тяп да ляп[3]"»[4].

Вероятно, в период тогдашнего пребывания в Москве Гоголь завел еще одну[5] записную книжку – 1842–1845 гг.[6], в которой тогда же появились заметки: «Характер»; «Не эгоист в душе...»; «О Щепкине»; «50 раз должно ездить...»; «О Крылове».

Содержание указанных заметок нашло отражение в третьей главе второго тома «Мертвых душ»[7]; в статьях «Выбранных мест из переписки с друзьями» *XX. Нужно проездиться по России*[8], *XIV. О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности*, *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность*.

Возможно, в этот же период Гоголь услышал от Щепкина рассказ о чиновнике И. В. Котельникове, использованный позднее во втором томе «Мертвых душ». В своих записках Щепкин сообщал: «Жили в Курске <...> весело, и это продолжалось до губернатора А<ркадия> И<вановича> Н<елидова>[9], со вступления которого в управление губернией, не могу определить точно времени, когда это было, в 1808 или в 1809 году, общество начало расстраиваться и делиться на партии, так что к концу года его веселость исчезла... <...> ...Главное, что возмущало все общество, это то, что он не брал взяток. "Что мне в том, – говорил всякий, – что он не берет? зато с ним никакого дела не сделаешь". А в этом веке не было и жалобы на взятки, а был попрек от общества следующий: "Вот, говорят, был дурак – покойник такой-то: 25 лет был секретарем гражданской палаты, а умер – похоронить было нечем". В самом Курске было два человека, которых имена были записаны у каждого гражданина, имеющего дела, или в святцах, или в календаре: это П. М. Торжевский и Л. С. Баканов; да в Судженском уезде было знаменитое лицо Котельников[10] – тот самый, о котором Гоголь сказал в "Мертвых Душах" несколько слов, и в том числе фразу: "Полюбите нас черненькими, а белинькими нас всякий полюбит"[11]. Все означенные три лица считались за благороднейших людей, потому что брали и делали; а то все служащее брало и ничего не делало. Последний был по веку удивительное лицо, хотя служба его была как бы черновая; он был всю жизнь письмоводителем при исправниках. Я как его узнал, то он выражался, что он уже на 13-м исправнике ездит. "Как приведут, – говорит, – с выборов нового исправника, а особливо который служил прежде в военной службе, –

приступу нет, точно дикий жеребец, бьется и задом и передом, и даже кусается; а как огладишь хорошенько, так такой в езде хороший станет, что любо-дорого!" Этот человек отличался необычной памятью, так что очень часто приезжали из других губерний спрашивать, что вот по такому делу не знает ли какого-нибудь закона, который бы был в пользу этого дела, и даже при выходе какого нового указа приезжали спрашивать: "Ну, что, Иван Васильевич, что вы скажете о новом указе?" – "Что же, ничего! лазейки две есть". И когда где случится дело, которое подходило под смысл этого указа, то, разумеется, тотчас бежали к И<вану> В<асильевичу>, и он указывал лазейку, за что брал условленную плату. И его всегда считали за благороднейшего человека»[12].

В июне 1853 г. сам Щепкин писал сыну Николаю: «В прошлый понедельник у Софьи Петровны Апраксиной я читал для великого князя Константина Николаевича из "Мертвых душ" <...>, а потом рассказал "Полюби нас черненьких, а беленькими нас всякий полюбит" – ему сказали, что это мой рассказ»[13].

В 1864 г. А. Н. Афанасьев, со слов М. С. Щепкина, также сообщал: «В уцелевших от огня пяти главах второго тома "Мертвых душ" рассказ "полюби нас черненькими, беленькими нас всякой полюбит" сообщен автору также Щепкиным и есть действительно случившееся происшествие, и, по моему мнению, рассказ этот в устах Щепкина имел несравненно больше живости, чем в поэме Гоголя. Не один Гоголь – и другие русские писатели брали содержание для своих повестей из воспоминаний Щепкина; таковы повести: "Сорока-воровка"[14], напечатанная в «Современнике» 1848 г. (№ 2), и "Собачка" графа Соллогуба – в альманахе "Вчера и сегодня". По словам М<ихаила> С<еменови>ча, для характера Хлобуева послужила Гоголю образцом личность П. В. Н<ащоки>на; а разнообразные присутственные места, упоминаемые при описании имения Кашкарева, действительно существовали некогда в малороссийском поместье графа Кочубея»[15].

Жена Н. М. Щепкина (сына актера) А. В. Щепкина (рожд. Станкевич), познакомившаяся с М. С. Щепкиным в Москве в мае 1845 г., в 1887 г. замечала: «Щепкин очень любил пьесы Гоголя и самого автора, с которым хорошо был знаком; Гоголь, со своей стороны, был очень расположен к нему. Оба они знали и любили Малороссию и охотно толковали о ней, сидя в дальнем углу гостиной в доме М. С. Щепкина. Они перебирали и обычаи, и одежду малороссиян, и, наконец, их кухню. Прислушиваясь к их разговору, вы могли слышать под конец: вареники, голубцы, паляницы, – и лица их сияли улыбкою. Из рассказов М. С. Щепкина Гоголь почерпал иногда новые черты для лиц в своих рассказах, а иногда целиком вставлял целый рассказ его в свою повесть. Это делалось по просьбе М. С. Щепкина, который желал, чтобы характерные выражения или происшествия не пропали бесследно и сохранились в рассказах Гоголя. Так, М. С. Щепкин передал ему рассказ о городничем, которому нашлось место в тесной толпе, и о сравнении его с лакомым куском, попадающим в полный желудок. Так слова исправника: "полюбите нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит", – были переданы Гоголю М. С. Щепкиным»[16].

В. И. Живокини[17] вспоминал: «Из литераторов меня очень любил Гоголь. В первый раз он увидал меня в "Комедии с дядюшкой" в 42-м году[18]. У Гоголя в ложе был Кетчер и еще кто-то из его знакомых, которым он, как мне потом передавали, сказал обо мне: "Вот прекрасный талант..." <...> Гоголь жил у Погодина на Девичьем поле. Ему захотелось <...>, чтобы я играл Хлестакова в "Ревизоре"[19]: он просил Щепкина познакомить меня с ним. Щепкин привез меня к нему, тут же захватил он с собою братьев Горшковых, очень похожих друг на друга, которых Гоголь прочил для Бобчинского и Добчинского. Он сам читал нам "Ревизора"[20] и читал так прекрасно, что я просто испугался трудности роли Хлестакова и отказался[21]. Обрадовавшись сначала сходству Горшковых, Гоголь потом однако побоялся отдать им роли Бобчинского и Добчинского. <...> Гоголь всегда вообще был молчалив, разговорчивым делался он только в самом коротком кругу»[22].

[1] *Гоголь.* Рим. Отрывок // Москвитянин. 1842. Ч. II. № 3 (цензурное разрешение 11 марта). С. 22–67.

[2] Во второй половине марта – начале апреля 1842 г. сам М. П. Погодин писал Гоголю: «...Мне случилось позабыть однажды о напечат<ании> твоей статьи, то ты так рассердился, как будто бы лишили тебя полжизни, по крайней мере в твоем голосе я услышал и в твоих глазах это я увидел!» (см. ***1842. Март – апреля начало. Москва***). Упомянутый случай произошел, по-видимому, 14 марта 1842 г. Незадолго перед тем, в период между воскресеньем 8 марта и четвергом 12 марта 1842 г., Гоголь напоминал М. П. Погодину об обещанных оттисках повести «Рим»: «Не забудь отправить записку <в типографию> и сказать, чтобы к субботе <т. е. к 14 марта> непременно было готово» (см. ***1842. Марта между воскресеньем 8 и четвергом 12. Москва***). По-видимому, Погодин забыл тогда о просьбе друга и записку в типографию отправил, судя по всему, только после нового гоголевского напоминания, которое следует отнести к вечеру 14 марта, – т. е. к тому самому времени, когда Гоголь ожидал уже готовые оттиски – вероятно, именно тогда Гоголь и «рассердился» на Погодина. Записку в типографию (адресованную, по-видимому, ее владельцу Н. С. Степанову) Погодин отправил, вероятно, уже наутро следующего дня, 15 марта 1842 г., – и получил в тот же день ответ: «Михайла Петрович! Рим еще не отпечатан, потому что нет формату, да и некому печатать. Все допечатывают остальные листы Москвитянина».

Ответ Степанова Погодин тогда же доставил Гоголю, который с горечью откликнулся: «Ради Бога пусть отпечатают во что бы то ни было. Что за несчастье такое!» В свою очередь Погодин обратился к Гоголю с новой запиской: «Да ведь они пишут только, что нынче <т. е. 15 марта> не будет готово, а завтра-то <16 марта> непременно», — на что Гоголь отозвался коротко: «Хорошо». Через два дня, 17 марта 1842 г., полученные Гоголем оттиски «Рима» были отправлены П. А. Плетневу, о чем Гоголь извещал его в письме: «Посылаю вам отдельные брошюры статьи, напечатанной в Москвитянине, разошлите по адресам». Таким образом, главную «вину» в задержке оттисков «Рима» нес в глазах Гоголя Погодин, хотя эту вину отчасти можно было приписать типографии, чем, возможно, и воспользовался в своих оправданиях Погодин.

[3] Ср. предание о том, что у М. П. Погодина был слуга по имени Тяпкин-Ляпкин. «У известного историка М. П. Погодина служил слуга по имени Тяпкин-Ляпкин. Погодин дружил с Гоголем, тот часто у него гостил. Отсюда, вероятно, и попал в комедию "Ревизор" судья Ляпкин-Тяпкин с несколько измененной фамилией» (Из записной книжки В. Вирена // Театральная жизнь. 1981. № 10; *Свод.* Т. 2. С. 409).

[4] Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1852–1856 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 233. — Дневниковая запись Бодянского от 31 января 1853 г. (датировка уточнена).

[5] См. ***1841. Октября после 20 — декабря первая половина. Москва.***

[6] Датировка записной книжки уточнена (см. ***1842 октября 4 <сентября 22> — 1843 мая 2 <апреля 20>. Рим*** — примечания).

[7] См. ***1841. Март-апрель <февраля средина — апреля средина>. Рим*** (примечания).

[8] См. ***1844. Мая 23 <11>. Четверг. Баден-Баден*** (примечания).

[9] Аркадий Иванович Нелидов (1772–1834), курский губернатор с 1811 г.

[10] Иван Васильевич Котельников, титулярный советник, в 1810-х гг. служил в Судже секретарем земского суда. Рассказы Щепкина о И. В. Котельникове несколько раз вспоминал А. И. Герцен.

[11] См. также ***1842. Мая 26. Вторник — июня 5. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1852. Декабря 29. Понедельник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[12] *Щепкин М. С.* Из моих записок // *Свод.* Т. 3. С. 15.

[13] См. ***1852. Декабря 29. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[14] Повесть А. И. Герцена.

[15] *Афанасьев А. Н.* М. С. Щепкин и его записки // *Свод.* Т. 3. С. 23.

[16] *Щепкина А. В.* Михаил Семенович Щепкин в семье и на сцене // *Свод.* Т. 3. С. 34.

[17] Василий Игнатьевич (Иванович) Живокини (наст. имя и фамилия Ламмона Джиованнио, 1807–1874), артист Малого театра.

[18] Пьеса П. И. Григорьева, впервые поставленная в Петербурге в 1841 г.

[19] Перед этим, во время пребывания Гоголя в Москве, в Малом театре прошли два представления «Ревизора» (см. ***1841. Декабря 19. Пятница. Москва***; ***1842. Февраля 3. Вторник. Москва***).

[20] Чтения, вероятно, не было. Ср. свидетельство самого Гоголя в письме к М. С. Щепкину от 16 декабря (н. ст.) 1846 г.: «Бывши в Москве, я не мог читать вам "Ревизора". Я не был в надлежащем расположении духа, а потому не мог даже суметь дать почувствовать другим, как он должен быть сыгран».

[21] См. также ***1842. Декабря 3 <ноября 21>. Суббота. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Рим.***

[22] *Живокини В. И.* Из моих воспоминаний // *Свод.* Т. 3. С. 40.

МАРТА ОКОЛО 26 <ОКОЛО 14>. ФЛОРЕНЦИЯ

А. А. Иванов пишет Гоголю в Москву:

«...ибо дерево должно быть выветрено, а после и грунт очень крепко высушен[1]. — Теперь я во Флоренции и чрез 12 дней надеюсь ехать в Рим и начать работать сурьезно. Болезнь моя как ни горька, однако ж имеет и свое доброе, напр<имер>, — мне, во-первых, посоветовали не жить в студии, а взять комнату на солнце. — Только у Моллера мог я найти ее в Риме, ту самую, где он сам страдал прошлого году. — Живя вместе с ним, я невольно узнал весьма подробно его домашний образ жизни и совершенно уверился, что он его совсем уничтожает как в искусстве, так и в характере. — Мало-помалу я успел склонить его на разрыв с подлым семейством[2], и успел. Хотя это стоило временной утраты здоровья и его, и моего. — Мы спаслись[3] тайным бегством во Флоренцию, где теперь отдыхаем от понесенных напастей; он отправляется скоро[4] в Россию, а я в Рим[5], где может быть ждут меня новые неприятности по сему случаю... Надеюсь, что вы ничего ему не скажете ни в каком случае, а примете мое слово как за отчет моральных моих действий в жизни, которые мне приятно поверять только вам.

Копия [с] групп женщин Еллеодора еще не начата – если начнет Шаповалов для вас головки с Христов, то это по прорисам с оригиналов, это будет всего лучше и для его легче и вернее – кипарисные доски будут или паралелограмы или квадраты – сообразно с красотою помещения сих частей картин Рафаэля, может быть третья голова Христа будет с "Диспута" Рафаэля, но я бы прежде желал знать, что вы тут скажете. – Разумеется, что с "Тайной вечери" Леонардо де Винчи всего бы лучше было сделать. – Но для этого нужен Милан – если мои обстоятельства улучшатся, то я, копируя всю ее для себя, сделаю и для вас одну головку Спасителя. – Я еще не добрался до окончания фигуры Спасителя в моей картине, по причине моей болезни, но только что это место пройду, то и вас удовлетворю. Прощайте. Благодарю за укрепительное наставление в конце письма вами мне написанное, я его буду читать каждый день по возвращении в Рим. Буду вспоминать вас и таким образом продолжать мое дело, доколе достанет сил и средств».

[1] Начало письма не сохранилось. Очевидно, Иванов говорит о заказе Гоголя художнику И. С. Шаповалову сделать одну из копий изображения Спасителя с картины Рафаэля «на кипарисной доске» (см. ***1841 декабря конец <1842 января средина>. Москва***).

[2] Имеется в виду семья натурщицы Моллера Амалии Лаваньини (см. ***1842. Февраля между 9 и 13 <между января 28 и февраля 1>. Рим***). – См. также ***1842. Апреля конец <апреля средина>. Рим***; ***1842. Сентября конец <сентября средина>. Рим***; ***1843. Января 14 <2>. Суббота. Рим***; ***1843. Мая первая половина <апреля вторая половина – мая начало>. Рим***; ***1843. Мая конец – июня начало <мая вторая половина>. Рим***; ***1843. Июня конец – июля начало <июня вторая половина>. Рим***.

[3] 4 марта (н. ст.) 1842 г.

[4] 1 апреля (н. ст.) 1842 г.

[5] 7 апреля (н. ст.) 1842 г.

МАРТА 14. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. Г. Белинский пишет В. П. Боткину в Москву:

«Уведомь меня <...>, – проводивши меня, застал ли ты у себя Гоголя и Щепкина?[1] Что Гоголь? Печатает ли "Мертвые души"?»

Из писем В. Г. Белинского // *Свод*. Т. 3. С. 256.

[1] Возможно, Гоголь обещал Белинскому проводить его в день отъезда в Петербург (см. ***1842. Января 11. Воскресенье. Москва***), однако по каким-то причинам в дом В. П. Боткина (где останавливался в Москве Белинский) вовремя не приехал. До этого, между 1 и 7 января 1842 г. состоялась встреча Гоголя с Белинским (возможно, в присутствии М. С. Щепкина), во время которой Гоголь просил критика исполнить роль курьера: поручил ему передать в Петербурге князю В. Ф. Одоевскому рукопись первого тома «Мертвых душ» – для доставления, через других лиц, Государю. Пакет был сопровожден письмами Гоголя к князю В. Ф. Одоевскому, А. О. Смирновой и к самому Императору Николаю I. Отдельно, по почте, 7 января 1842 г. было отправлено письмо к П. А. Плетневу – которое в определенном смысле должно было служить «контролем» за исполнением Белинским данного ему поручения (см. ***1842. Января между 2 и 7. Москва***). Гордый доверием, которое оказал ему Гоголь, Белинский позднее, 14 апреля 1842 г., писал Щепкину о рукописи «Мертвых душ», отправленной к тому времени обратно в Москву: «Я думаю, что Погодин ее украл, <...> чтоб, притаив ее до времени, выманить у <...> Гоголя еще что-нибудь для своего холопского журнала» (см.: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 509–510; *Свод*. Т. 3. С. 28).

МАРТА 15. ВОСКРЕСЕНЬЕ. УТРО. МОСКВА

М. П. Погодин, предположительно, посылает владельцу типографии Н. С. Степанову запрос: готовы ли отдельные оттиски повести Гоголя «Рим»[1].

Степанов в тот же день отвечал Погодину:

«Михайла Петрович! Рим еще не отпечатан[2], потому что нет формату, да и некому печатать. Все допечатывают остальные листы Москвитянина».

Записку Степанова Погодин в тот же день отправил Гоголю. На обороте записки Гоголь отвечал:

«Ради Бога пусть отпечатают во что бы то ни было. Что за несчастье такое!»

Погодин, в свою очередь, в тот же день сообщал Гоголю:

«Да ведь они пишут только, что нынче не будет готово, а завтра-то непременно».

Получив это сообщение, Гоголь вновь писал Погодину:

«Хорошо. Я получил из Симбирска от Языкова статью Н. Языкова драматическую»[3].

[1] Подробнее см. ***1842. Марта 14. Суббота. Вечер. Москва***.
[2] Подразумеваются отдельные оттиски повести Гоголя «Рим».
[3] Речь идет о сценах Н. М. Языкова «Странный случай», напечатанных в № 5 «Москвитянина» за 1842 г. (С. 1–19). Гоголь получил их, по-видимому, от брата поэта, П. М. Языкова.

МАРТА 16. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Гоголь отправляет записку к М. П. Погодину:

«Павлова[1] тебе велела сказать, что Орлова хоронят сегодня[2] в Девичьем монастыре. Ермолаевич (Великопольский) просит от тебя какой-то немецкой книги, о которой он тебе писал. Писем нет никаких?»

В тот же день, 16 марта 1842 г., В. П. Боткин писал А. А. Краевскому в Петербург:

«В 3-м № Москвитянина помещен большой отрывок из романа Гоголя: “Рим”. Это так хорошо, что сказать нельзя. Что за язык, что за краски, что за колорит! Между колоритом и манерою Брюллова и языком и колоритом Гоголя сходство необыкновенное. Как освещают они свои картины! Какая смелость в постановке и очерке фигур! У обоих все, до чего ни коснутся они, все становится рельефно и пластично. У Гоголя фоном картин всегда служит возвышенное поэтическое созерцание: оно сообщает яркому колориту его идеальность и воздушную прозрачность; не будь этого созерцания, колорит его сверкал бы только, а не грел. Вы изумитесь, как возмужало его искусство, как окреп его резец, — но оставляю вас насладиться самому. Покажите мое письмо Белинскому»[3].

Ответ В. Г. Белинского см.: ***1842. Марта 31. Вторник. Санкт-Петербург.***

[1] Каролина Карловна Павлова (1810–1893), поэтесса.
[2] Михаил Федорович Орлов умер 14 марта 1842 г.; похороны его состоялись 16 марта.
[3] Из писем В. П. Боткина // *Свод*. Т. 3. С. 292.

МАРТА 17. ВТОРНИК. МОСКВА

Гоголь посылает П. А. Плетневу в Петербург рукопись второй редакции повести «Портрет» и отдельные оттиски повести «Рим». Спрашивает о рукописи «Мертвых душ»:

«Вот уже вновь прошло три недели после письма вашего[1], в котором вы известили меня о совершенном окончании дела, а рукописи нет как нет. Уже постоянно каждые две недели я посылаю каждый день осведомиться на почту, в университет и во все места, куда бы только она могла быть адресована, – и нигде никаких слухов! <...>

Я силился написать для Современника статью[2] во многих отношениях современную, мучил себя, терзал всякий день и не мог ничего написать, кроме трех беспутных страниц, которые тот же час истребил. Но как бы то ни было, вы не скажете, что я не сдержал своего слова. Посылаю вам повесть мою: Портрет. Она была напечатана в Арабесках; но вы этого не пугайтесь. Прочитайте ее, вы увидите, что осталась одна только канва прежней повести, что всё вышито по ней вновь. В Риме я ее переделал вовсе или, лучше, написал вновь, вследствие сделанных еще в Петербурге замечаний. Вы, может быть, даже увидите, что она более, чем какая другая, соответствует скромному и чистому направленью вашего журнала. Да, ваш журнал не должен заниматься тем, чем занимается торопящийся шумный современный свет. Его цель другая. Это благоуханье цветов, растущих уединенно на могиле Пушкина. Рыночная толпа не должна знать к ней [к нему] дороги, с нее довольно славного имени поэта. <...> Вы говорите, что я бы мог достославно подвизаться на журнальном поприще, но что у меня для этого нет терпенья. Нет, у меня нет для этого способностей. Отвлеченный писатель и журналист так же не могут соединиться в одном человеке, как не могут соединить<ся> теоретик и практик. Притом каждый писатель уже означен своеобразным выражением таланта, и потому никак нельзя для них вывести общего правила. Одному дан ум быстрый схватывать мгновенно все предметы мира в минуту их представления. Другой может сказать свое слово, только глубоко обдумавши, иначе его слово будет глупее всякого обыкновенного слова, произнесенного самым обыкновенным человеком. Ничем другим не в силах я заняться теперь, кроме одного постоянного труда моего. Он важен и велик, и вы не судите о нем по той части, которая готовится теперь предстать на свет (если только будет конец ее непостижимому странствию по цензурам). Это больше ничего, как только крыльцо к тому дворцу, который во мне строится. Труд мой занял меня совершенно всего, и оторваться от него на минуту есть уже мое несчастие. Здесь, во время пребыванья моего в Москве, я думал заняться отдельно от этого труда, написать одну, две статьи, потому что заняться чем-нибудь важным я здесь не могу. Но вышло напротив: я даже не в силах собрать себя.

Притом уже в самой природе моей заключена способность только тогда представлять себе живо мир, когда я удалился от него[3]. Вот почему о России я могу писать только в Риме. Только там она предстоит мне вся, во всей своей громаде. А здесь я погиб и смешался в ряду с другими. Открытого горизонта нет предо мною. Притом здесь, кроме могущих смутить меня внешних причин, я чувствую физическое препятствие писать. Голова моя страждет всячески: если в комнате холодно, мои мозговые нервы ноют и стынут, и вы не можете себе представить, какую муку чувствую я всякий раз, когда стараюсь в то время пересилить себя, взять власть над собою и заставить голову работать. Если же комната натоплена, тогда этот искусственный жар меня душит совершенно, малейшее напряжение производит в голове такое странное сгущение всего, как будто бы она хотела треснуть. В Риме я писал пред открытым окном, обвеваемый благотворным и чудотворным для меня воздухом. <...> Повесть не разделяйте на два нумера, но поместите ее всю в одной книжке и отпечатайте для меня десяток экземпляров. Скажите, как вы нашли ее (мне нужно говорить откровенно)? Если встретите погрешности в слоге, исправьте. Я не в силах был прочесть ее теперь внимательно. <...> Посылаю вам отдельные брошюры статьи[4], напечатанной в Москвитянине, разошлите по адресам. А две неподписанные я определил: одну для наследника. Он был в Риме[5]. Она ему напомнит лучшее время его путешествия, когда он так весело предавался общей веселости в

карнавале и был участником во многом хорошем. А другой экземпляр для в<еликой> к<нягини> Марьи Николаевны. <...> Последней я почитаю ныне священным долгом представить ее. Два другие экземпляры дайте кому найдете приличным — а не то Прокоповичу»[6].

[1] См. ***1842. Февраля 24. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1842. Марта 4. Среда. Москва.***
[2] См. ***1842. Февраля 6. Пятница. Москва.***
[3] См. также ***1829. Июля 26 <августа 7>. Пятница. Санкт-Петербург или Кронштадт*** (примечания); ***1843. Июня 20 <8>. Вторник. Эмс, Дюссельдорф, Эмс***; ***1850. Июля 10–18. Васильевка.***
[4] «Рим».
[5] См. ***1838. Декабря 16 <4>. Воскресенье. Рим.***
[6] См. ***1842. Апреля 9. Четверг. Москва.***

МАРТА 17. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В деле Санкт-Петербургского цензурного комитета сделана отметка о выдаче одобренной к печати рукописи «Мертвых душ».

Гоголь 2001–2012. Т. 7. Кн. 2. С. 483.

МАРТА 29 <17>. ВТОРНИК. РИМ

Ф. В. Чижов[1] записывает в дневнике:

«*Мастерская Айвазовского.* <...> "Тишина на море" (Гагариной)[2]. Беспредельное море, на горизонте сливающееся с небом, и на нем разбросано несколько лодок, ближайшие фигуры, которые не отражают на себе внимания, — вот вся картина. Припомните вы старосветских помещиков Гоголя: мухи, репа, кашка, тихая спокойная ночь, вот вся канва рассказа, но немногие без слез могли читать его. Никто без глубокого вздоха и потом без какого-то приятного ощущения полного спокойствия не смотрит на простую эту картину. Такой немирской тишины и так же превосходно исполнены все картины»[3].

[1] Чижов прибыл в Рим 13 марта (н. ст.) 1842 г. (см.: *Виноградов 2001.* С. 255). К концу марта (н. ст.) был уже близко знаком с А. А. Ивановым (см.: *Виноградов 2001.* С. 256) и познакомил с ним своего воспитанника Г. П. Галагана. «Именно Чижов познакомил Галагана весной 1841 г. во время его первого заграничного путешествия с жившими в Риме художниками А. А. Ивановым, Ф. И. Иорданом и другими» (*Гусева Е. Н.* Воспоминания Г. П. Галагана о Н. В. Гоголе в Риме // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1984. Л., 1986. С. 64).
[2] Помета в скобках означает, кому принадлежала картина, — княгине Изабелле Адамовне Гагариной (рожд. Виленской), жене князя С. С. Гагарина.
[3] Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 50.

МАРТА 18. СРЕДА. МОСКВА

Гоголь на вечере у Киреевских читает «главу из своего романа» (вероятно, из «Мертвых душ»).

Через несколько дней, в воскресенье 22 марта 1842 г., Е. М. Хомякова сообщала брату Н. М. Языкову: «Гоголь в последний раз[1] читал <у Киреевских> главу из своего романа и смешил нас ужасно. Он очень мил, всегда спрашивает об Вас».

Гоголь в письмах А. С. Хомякова и его жены Е. М. Хомяковой (рожденной Языковой) // *Свод.* Т. 3. С. 191.

[1] Литературные вечера у И. В., П. В. и М. В. Киреевских проходили по средам.

МАРТА 19. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Гоголю исполняется 33 года.

АПРЕЛЯ ОКОЛО 1 <МАРТА ОКОЛО 20>. ФЛОРЕНЦИЯ

А. А. Иванов пишет Гоголю в Москву:

«Послав к Вам недавно письмо[1], я не успел высказать всего, что мне казалось нужным. Находясь в нерешенном положении насчет содержания продолжать картину, я еще желаю испробовать счастье мое посредством Федора Ант<оновича> Моллера, который по приезде своем в Петерб<ург>, что будет на первых числах мая, хочет поговорить обо мне посредством Резвого, нынешним секретарем Общества поощрения художников, с Обществом и посредством Юрьевича, родственником, с Наследником. — В обоих случаях Моллер думает опираться на незаплоченную мою картину Иисуса и Магдалины, — находящуюся в Импер<аторском> Эрмитаже. — Втолковать посредством их, что бесплатеж, доставшийся в удел одному мне, совершенно лишает меня возможности продолжать занятия. Вследствие сих планов, если [бы] Вы потрудились сочинить просьбы, то весьма много меня обяжете, прислав их ко мне в Рим для переписки моей рукой. Так, чтобы написанные начисто могли поспеть в Петербург к половине мая. — Впрочем, все это желал бы я поверить самими Вами и если не найдете это удобоисполнимым, то просил [бы] ничего не начинать».

[1] См. ***1842. Марта около 26 <около 14>. Флоренция.***

МАРТА 22. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Гоголь пишет матери в Васильевку:

«Я долго не писал к вам потому, что был совершенно не в силах... <...> Влияние ли климата или что другое, но дурно то, что это действует на мои умственные занятия, и я до сих пор не в силах привести в порядок дел своих. Как было я чувствовал себя хорошо весь год, проведенный в Риме, так теперь нехорошо. Но Государь милостив и [кажется] благоволил меня причислить к нашему посольству в Риме, где я буду получать жалованье, достаточное для моего содержанья».

На самом деле намерение Гоголя занять место конференц-секретаря в Риме при инспекторе русских художников П. И. Кривцове не осуществилось[1]. (Сообщение о якобы состоявшемся причислении, по-видимому, было сделано с целью успокоить мать.)

[1] См. ***1841. Августа около 26 <около 14>. Дюссельдорф, Франкфурт.*** — Подробнее см. ***1840. Февраля 1. Четверг. Москва*** (примечания).

АПРЕЛЯ 4 <МАРТА 23>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ГАНАУ

Н. М. Языков сообщает родным:

«Гоголь пишет ко мне письма мрачные, как осенняя ночь: у него хандра в высочайшей степени — и если она не пройдет, то, ей-ей, быть с ним худу. Гаштейн полезно освежил его — но исцелит

ли вовсе болезнь, которая находится в самом характере: это себялюбие, самолюбие или эгоизм — что почти все равно (будь сказано между нами)».

Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 150.

МАРТА 25. СРЕДА. ПРАЗДНИК БЛАГОВЕЩЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. МОСКВА

Гоголь пишет Н. Я. Прокоповичу в Петербург:

«Не могу решительно постичь, что сделалось и что могло сделаться с моей рукописью[1]. <...> ... Вот уже почти месяц от числа, в которое было пущено твое последнее письмо[2]. Уже четвертая неделя поста к концу, уже нет никакой возможности приступать к печатанью».

[1] Речь идет о рукописи «Мертвых душ».
[2] См. ***1842. Февраля около 25. Санкт-Петербург.***

МАРТА 26. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Гоголь получил из Петербурга письмо от Н. Я. Прокоповича[1].

Позднее, в письме к Прокоповичу от 30 марта 1842 г., Гоголь замечал: «...Ты <...> сказал так неясно: Плетнев велел сказать, что она отправлена в середу на первой неделе поста, но каким образом, им ли самим или из цензурного комитета, и как отправлена, по почте или с оказией — ничего этого не сказал».

В письме к Прокоповичу от 9 апреля 1842 г. Гоголь, получив рукопись, также замечал: «Задержка произошла не на почте, а от Цензурного комитета. Уведомивши Плетнева, что отправлена 7 марта, Ценз<урный> ком<итет> солгал, потому что 9-го[2] только подписана она цензором».

14 апреля 1842 г. В. Г. Белинский писал М. С. Щепкину в Москву: «...Никитенко не решился пропустить только кой-каких фраз, до эпизода о капитане Копейкине[3]. Но и тут горе: рукопись отослана 7 марта, за № 109, на имя Погодина, а Гоголь ее не получал. Я думаю, что Погодин ее украл, чтоб променять на толкучем рынке на старые штаны и юбки; или чтоб, притаив ее до времени, выманить у (простодушно обманывающегося насчет сего мошенника) Гоголя еще что-нибудь для своего холопского журнала. <...>P. S. Сейчас пришел ко мне человек, от которого я узнал, что рукопись Гоголь не получил вовремя по недосмотру Плетнева[4], следовательно, Погодин не воровал ее, да все равно: не теперь, так когда-нибудь украдет»[5].

[1] См. ***1842. Марта 27. Пятница. Москва.***
[2] См. ***1842. Марта 9. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1842. Февраля 13. Пятница. Санкт-Петербург.***
[4] Более вероятно, что рукопись была задержана А. В. Никитенко (см. ***1842. Апреля 1. Среда. Санкт-Петербург***).
[5] Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 259–260.

МАРТА 27. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь сообщает П. А. Плетневу в Петербург:

«Вчера я получил письмо от Прокоповича[1], которым он уведомляет меня, что вы послали рукопись[2] еще четвертого марта, в среду на первой неделе поста. <...> Время ушло, и я без копейки, без состоянья выплатить самые необходимые долги, которых не выплатить бесчестно,

без возможности собрать сколько-нибудь на дорогу. <...> Я не знаю даже, где отыскивать следы моей рукописи».

Позднее, 19 апреля (н. ст.) 1843 г., Гоголь писал С. П. Шевыреву: «Сколько выдумок <...> произошло при мне в Москве насчет Мертв<ых> д<уш>, когда они были в Петербурге!»

[1] См. ***1842. Марта 26. Четверг. Москва.***
[2] Имеется в виду рукопись «Мертвых душ».

МАРТА 27. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет в Москву ответное[1] письмо Гоголю[2] (письмо не сохранилось).

[1] См. ***1842. Марта 17. Вторник. Москва.***
[2] См.: *Городецкий.* С. 451.

МАРТ. МОСКВА

Гоголь в доме П. И. Раевской встречается с Н. Н. Шереметевой.

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Во время еще пребывания своей сестры <Елисаветы> у Раевской, месяца за два до отъезда[1], у ней в доме Гоголь познакомился короче с одной почтенной старушкой, Над<еждой> Ник<олаевной> Шереметевой, которая за год перед сим, еще не зная Гоголя лично[2], упросила Раевскую взять его сестру. Шереметева была глуха и потому, видев Гоголя несколько раз прежде, не говорила с ним и почти совсем его не знала. Но по случаю болезни Раевской, просидев с Гоголем наедине часа два, она была поражена изумлением, найдя в нем [самого религиозного] горячо верующего и набожного человека. Она, уже давно преданная исключительно молитве и добру, чрезвычайно его полюбила, несколько раз сама приезжала к нему, чтоб беседовать с ним наедине, и наконец непременно захотела его проводить».

Аксаков С. Т. История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 712.

[1] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки.***
[2] В бумагах Н. Н. Шереметевой сохранились три записки к ней А. П. Елагиной от апреля 1840 г., связанные с помещением сестры Гоголя к П. И. Раевской, из которых следует, что личное общение Шереметевой с Гоголем в 1840 г. все-таки состоялось (см. ***1840. Апреля 23–24. Вторник-среда. Москва***; ***1840. Апреля 23. Четверг. Москва***); знакомство же между ними произошло, по-видимому, еще ранее (см. ***1839. Октября 7. Суббота. Москва***).

МАРТА ВТОРАЯ ПОЛОВИНА. МОСКВА

В. С. Аксакова в письме к М. Г. Карташевской в Петербург сообщает:

«Наконец вышел Москвит<янин> и мы перечли и еще раз перечтем *Рим*[1], – чем мы больше читаем, тем более удивляемся».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 818.

[1] *Гоголь.* Рим. Отрывок // Москвитянин. 1842. Ч. II. № 3 (цензурное разрешение 11 марта; цензор Н. Крылов). С. 22–67.

МАРТА 30. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Гоголь обедал у Хомяковых. В тот же день Гоголь написал письма к Н. Я. Прокоповичу в Петербург и к Н. М. Языкову в Ганау.

Через день, 1 апреля 1842 г., Е. М. Хомякова сообщала брату Н. М. Языкову: «Гоголь третьего дни приходил обедать к нам. Я очень люблю его; он не так глубок, как другие, и поэтому с ним гораздо веселее. Он познакомился даже и с Машенькой[1]. Он все не хорошо себя чувствует: у него пухнут ноги[2]. Крепко собирается к вам и говорит, что будет счастлив, когда сядет в карету и уедет из Москвы. Повесть его в Москвитянине[3] чудесная»[4].

Из письма Гоголя к Прокоповичу: «После получения письма твоего[5] я [три] неделю еще прождал, думая, не получу ли как-нибудь уведомления об этом неизъяснимом для меня происшествии, и, наконец, пишу к тебе. Вот уже 30 марта, а рукописи всё нет как <нет>. Всякий день я посылаю разведывать на почту, и всё бесплодно. <...> Тебе легко произносить подобное утешение: рукописи-де моей все равно хоть к июню выйти, она равно разойдется. Она, конечно, разойдется больше, чем всякая иная книга. Но я беру расход ее не в сравнении с другими книгами, а в сравнении или в отношении к ней же самой. Выйди она зимой, мне бы оставалось четыре или пять месяцов продажи, время, в которое, по моему расчету, успело бы выпродаться всё первое издание, и могло бы к маю месяцу накопиться денег, сколько мне нужно на дорогу. А теперь разве только к зиме может что-нибудь набраться... <...> Подумай только, что размен мыслей, новостей и впечатлений у нас производится только зимою. Зимой всё соединяется в общества, в города; всё расходится быстро, всё узнается всеми до последней мелкой сплетни. Летом всё гаснет и дремлет; сообщенья людей исчезают: один на Кавказе, другой за границей, третий зарылся в деревенское захолустье. Слухи движутся лениво, новости и вести едва доносятся; шум и крики, способствующие огласке, умолкают все. Сообщенья нет: все разъед<ин>ено. Как же ты хочешь, чтобы могли быть эти два противоположные времена равно благоприятны расходу книги какой бы то ни было. Разница видна, и тебе пора это знать, потому что тебе предстоит деятельность по этой части[6], а каким образом и как, мы об этом поговорим сурьезно. <...> Если выйдет какой-нибудь случай, что я не успею извернуться с обстоятельствами своими, то приготовь мне около пяти тысяч денег. Мы сделаемся в Петербурге. Ты их в октябре всех получишь. Там я тебе расскажу обстоятельно, какую обделал я для тебя жизненную верную дорогу. Не покупай дома и береги деньги: ты будешь получать двадцатый, если не тридцатый, процент верно».

Позднее, 28 февраля (н. ст.) 1843 г., Гоголь, отвечая из Рима на упреки С. П. Шевырева, что он «плохо распорядился» изданием своих сочинений, писал: «Сколько я могу догадываться, <...> вероятно Прокопович сделал по неопытности какую-нибудь глупость. Впрочем, вот причины, почему я печатание их предпринял в Петербурге и распорядился не так, как бы следовало относительно разных выгод житейских. Издание всех сочинений моих непременно нужно было произвести не откладывая, не затягивая этого дела, к новому году или сейчас после нового года. <...> Признаюсь, я помышлял было обратиться к тебе, несмотря на то, что совесть кричала против этого; но когда я увидел, что и Погодин едет за границу[7] и что "Москвитянин" взвален на тебя, у меня не достало духу. Я думал обратиться к Сер<гею> Т<имофеевичу>, но Сер<гей> Тим<офеевич> сказал, что он будет летом в деревне; впрочем, молодые люди (К<онстантин> С<ергеевич> и братья) могут, оставаясь в городе, заведывать печатаньем, — я уже думал поручить дело в Москве; но меня вдруг смутила мысль, что дело пойдет на страшную проволочку. Не говоря о медленности московских типографий, меня сильно остановило цензурное дело. Из всех цензоров один только Никитенко был подвигнут ко мне участием искренним; но беспрестанная пересылка мелких пьес из Москвы в Петербург (они же поступали к цензору не в одно время), письменные объяснения и недоразумения, все это мне предвещало такую возню, что у меня просто не подымались руки и, как я вспомню, чего мне стоило вытребовать и получить из Петербурга рукопись "М<ертвых> Д<уш>", после того как она уже целый месяц была пропущена комитетом... И притом Никитенко, при всем доброжелательстве, малороссиянин и ленив, его нужно было подталкивать беспрестанно личными посещениями. Все это заставило меня печатанье производить в Петербурге. Прокоповичу я поручил, потому что знаю его совершенно с детства как лучшего школьного товарища: это человек во всех

отношениях честный и благородный и деятельный, когда того потребуют. Плетнева я просил напутствовать его во всяких затруднениях. У Прокоповича было все лето совершенно свободно, и он мог неутомимо и безостановочно заняться печатаньем. Этой работой я имел отчасти намерение возбудить его к деятельности, усыпленной несколько его черствой и непитательной работой».

В письме к Шевыреву от 20 сентября (н. ст.) 1843 г. из Дюссельдорфа Гоголь добавлял: «Конечно, лучше, если бы все дела мои были в Москве, и все те препятствия, о которых я писал, могли бы быть побеждены, но я думаю ты заметил, что в том же письме, где я исчислял причины, заставившие меня печатать сочинения мои в Петербурге, [заметно] есть что-то, как будто, недосказанное. Что ж делать, так уж видно на роду мне написано быть скрытным. Но зато вот мое слово, всё будет до последнего движения явно. Многого я не потому не могу сказать, чтобы не хотел сказать, но не могу потому сказать, что не нашел еще слов, как сказать. Иногда человек не от того не понят другими, что его не могут понять, но от того, что он еще глуп, невоспитан и не умеет так выразиться, чтобы его поняли. Чего не сумеешь объяснить, о том лучше молчи. Ну что, если б я сказал, например, что один из вас[8] был невинною причиною того, что я решился утвердительно печатать сочинения в Петербурге? Воображаю, какими бы вопросами осыпали меня и ты и другие, а я бы на то не отвечал именно потому, чтобы вы меня потом похвалили сами за то, что я молчал. Но оставим всё это, это дела не важные и не ведут к делу».

24 сентября (н. ст.) 1843 г. Гоголь писал также Прокоповичу из Дюссельдорфа: «Теперь, сообразя все мои грядущие доходы, я вижу, что большое сделал неблагоразумие, затеяв издание в Петербурге. Восемь тысяч я потерял из собственного кармана. Сам отнял у себя. Напечатание тома "Мертвых душ" мне стало 2 тысячи. Четыре подобных тома составили бы 8 тысяч, а в Петербурге издание этих томов обошлось ровно вдвое больше. Обо всем этом я помышлял уже в Петербурге[9] и мне хотелось перенести издание в Москву, но манила скорость печати и желание видеть прежде напечатанными в собрании те пиэсы, которым должно было играться на театре, причину чего отчасти ты поймешь и сам. Но всё пошло на выворот».

Плетневу Гоголь 6 октября (н. ст.) 1843 г., в свою очередь, признавался: «Мне жаль, что удержался я вначале совестью навьючить вас моими делами. Мне бы следовало просто быть нахальну, взвалить на вас одних издание моих сочинений, не путаясь самому ни во что и не затевая от себя ничего, а особливо в то время, когда мне вовсе было не до того и когда всё свернул и скомкал впопыхах. Вы бы, конечно, сказали: вот навалил обузу! — и выбранили бы только сначала, а потом всё бы таки дело сделали. А с Прокоповичем немудрено, что случилась, как с новым человеком, такая история, которой, впрочем, я до сих пор не знаю в настоящем виде».

24 октября (н. ст.) 1844 г. Гоголь писал А. О. Смирновой: «Основываясь на словах ваших, что Плетнев на меня досадует, я думаю, что часть упреков относится по делу издания моих сочинений. Если так, то на этот счет скажу вам только, что знаю: что это до сих пор неразрешимая загадка, как для них, так равно и для меня. Знаю только, что меня подозревают в двуличности или какой-то Макиавелевской штуке. Но настоящего сведения об этих делах не дала мне до сих пор ни одна живая душа. Вот уже два года я получаю такие странные и неудовлетворительные намеки и так противуречащие друг другу, что у меня просто голова идет кругом. Все точно боятся меня. Никто не имеет духу сказать мне, что я сделал подлое дело и в чем состоит именно его подлость. А между тем мне всё, что ни есть худшего, было бы легче понести этой странной неизвестности. Скажу вам только, что самое ядро этого дела самое детское — это почти ребяческая безрассудность выведенного из терпения человека[10]. Но около ядра этого накопилось то, о чем я только теряюсь в догадках, но чего на самом деле до сих пор не знаю. Но скажу вам также, что с этим делом соединился больший грех, чем двуличность. Всё это дело есть действие гнева и тех тонких оскорблений, которые грубо были нанесены мне добрым человеком[11], не могшим и вполовину понять великости нанесенного оскорбления, но оно тронуло такие щекотливые стороны, что их перенести разве могла бы одна душа истинно святого человека. Несколько раз мне казалось, что гнев мой совершенно исчез, но потом однако же я чувствовал пробужденье его в желании нестерпимом оправдаться[12]. А оправдаться я не мог, потому что не имел в руках обвинений».

С. Т. Аксаков в адресованных П. А. Кулишу «Кратких сведениях и выписках из писем для биографии Гоголя» (1854) замечал: «Еще в генваре 1842 года дошли до нас слухи из Петербурга, что первый том Мертв<ых> Душ, одобренный к напечатанию, отправлен в Москву; но Гоголь не получал его целый месяц. Итак, можно ли обвинять его за беспокойство, за то, что он писал об этом своим приятелям и даже хотел сам ехать в Петербург? Это происшествие осталось неразгаданным»[13].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) Аксакова: «Еще в январе 1842-го года дошли до нас слухи, что первый том "Мерт<вых> Д<уш>" в рукописи ходит по рукам в Петербурге. Гоголь не знал, что и делать: он писал туда к своим приятелям, даже хотел сам ехать на выручку его... <...> Я не могу утвердительно сказать, дознались ли мы тогда настоящим образом, где и по чьей милости прогуливался целый месяц первый том "Мер<твых> Д<уш>". У нас оставалось подозрение, что тот господин, которому поручено было его отправить на почту, или почтам<т>ский чиновник, принявший посылку, вздумали наперед прочесть любопытную новость и дать почитать своим приятелям; дело только в том, что рукопись ехала из Петерб<урга> до Москвы целый месяц. Я уверен, что Никитенко не смел пропустить ее сам и что она была показана какому-нибудь высшему цензору, если не Государю»[14].

Из письма Гоголя к Языкову: «...Состояние мое до сих пор еще тягостно и <...> припадки, которые было совершенно оставили меня вне России, теперь возвратились. И потому как благодати жду счастливого отъезда. <...> Я получил на днях от Петра Мих<айловича[15] письмо>. Извещает меня, чтобы я был готов в дорогу. Получил ли ты от к<нязя> Вяземского статью мою[16], помещенную в Москвитянине, под заглавием Рим, которую я велел для тебя отпечатать отдельно?»

[1] Мария Алексеевна Хомякова (1840–1919), дочь А. С. и Е. М. Хомяковых.

[2] См. также ***1842. Мая между 11 и 22. Москва.***

[3] Отрывок «Рим» был напечатан в № 3 «Москвитянина» за 1842 г. (цензурное разрешение 11 марта).

[4] Гоголь в письмах А. С. Хомякова и его жены Е. М. Хомяковой (рожденной Языковой) // *Свод.* Т. 3. С. 191.

[5] См. ***1842. Марта 26. Четверг. Москва.***

[6] Речь идет об издании собрания сочинений Гоголя.

[7] См. ***1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково.***

[8] Согласно указанию В. И. Шенрока, имеется в виду М. П. Погодин. В подтверждение своей догадки Шенрок ссылался на слова Гоголя в письме к П. А. Плетневу от 24 октября (н. ст.) 1844 г. о «тонких оскорблениях», перенести которые могла бы «разве <...> одна душа истинно святого человека» и которые «грубо были нанесены» ему «добрым человеком, не могшим и вполовину понять великости нанесенного оскорбления» (*Шенрок.* Т. 4. С. 150).

[9] См. ***1842. Мая 26. Вторник – июня 5. Пятница. Санкт-Петербург.***

[10] Имеется в виду ссора Гоголя с М. П. Погодиным (см. ***1842. Ноябрь-декабрь. Москва***; ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки***).

[11] Подразумевается М. П. Погодин.

[12] Ср. строки сочинения Гоголя 1843 г. <О гневе и безгневии>, адресованного А. О. Смирновой: «...Часто пробуждается в нас желание непреодолимое оправдаться, показать <...> человеку его ошибку...»

[13] *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 640.

[14] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 708.

[15] Языкова.

[16] Повесть «Рим».

МАРТА 31. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. Г. Белинский отправляет ответное[1] письмо В. П. Боткину в Москву:

«*Неуважение к Державину*[2] возмутило мою душу чувством болезненного отвращения к Гоголю: ты прав – в этом кружке он как раз сделался органом “Москвитянина”. “Рим” – много хорошего, но есть фразы; а взгляд на Париж возмутительно гнусен[3].

“Мертвые души” отправлены в Москву (цензурным комитетом) 7 марта[4], за № 109, на имя Погодина с передачею Гоголю. Но Гоголь не получал; подозревает Плетнев, Прокопович и я, что Погодин получил, но таит до времени, с целию выманить у него пока еще статейку для журнала. Нельзя ли разведать в почтамте – получил ли Погодин, и поскорее уведомить меня?»[5]

[1] См. ***1842. Марта 16. Понедельник. Москва.***

[2] В. Г. Белинский в статье «Русская литература в 1841 году», опубликованной в первом номере «Отечественных Записок» за 1842 год, писал о Г. Р. Державине: «Державин поздно ощутил свою силу, а ощутив, обнаружил ее в исполинских и бесплодных проявлениях <...> Это только имя – не больше; поэт, а не поэзия <...> ...Поэзия Державина <...> чужда всякого содержания» (*Белинский В. Г.* Русская литература в 1841 году // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1954. Т. 5. С. 528, 530). Очевидно, прочитав статью Белинского, Гоголь критически отозвался об этих высказываниях критика, отметив в них «неуважение к Державину» (подробнее см.: *Виноградов И. А.* Народная песня в творчестве Гоголя // *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 702–705).

Позднее в статье о русской поэзии «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь писал: «...Стремление Державина начертать образ непреклонного, твердого мужа в каком-то библейско-исполинском величии не было стремленьем произвольным: начала ему он услышал в нашем народе. Широкие черты человека величаво-

го носятся и слышатся по всей Русской земле так сильно, что даже чужеземцы, заглянувшие вовнутрь России, ими поражаются еще прежде, чем успевают узнать нравы и обычаи земли нашей. Еще недавно один из них, издавший свои записки с тем именно, чтобы показать Европе с другой стороны Россию (маркиз Кюстин), не мог скрыть изумленья своего при виде простых обитателей деревенских изб наших. Как пораженный, останавливался он перед нашими маститыми беловласыми старцами, сидящими у порогов изб своих, которые казались ему величавыми патриархами древних библейских времен. Не один раз сознался он, что нигде в других землях Европы, где ни путешествовал он, не представлялся ему образ человека в таком величии, близком к патриархально-библейскому. И эту мысль повторил он несколько раз на страницах своей растворенной ненавистью к нам книги».

Судя по этим словам Гоголя, его наибольшее внимание в книге А. де Кюстина «Россия в 1839 году» (Париж, 1843) привлек отрывок, посвященный описанию дороги от Москвы до Свято-Троицкой Сергиевой Лавры: «Нигде более, чем в этой части России, не видал я столько прекрасных старческих лиц – и безволосых, и седых. Лики Иеговы, непревзойденно писанные первым учеником Леонардо да Винчи, – творения не столь идеальные, как думалось мне при виде фресок Луини в Лайнате, Лугано, Милане. Здесь такие лики встречаются вживе на пороге любой хижины; эти красавцы старики – румяные, круглощекие, с блестящими голубыми глазами, с умиротворенным выражением на лице, с серебристою, переливающеюся на солнце бородой, оттеняющею безмятежно-благожелательную улыбку на устах... <...> Надобно побывать среди русских селян, чтобы постичь чистый образ патриархального общества и возблагодарить Господа за тот блаженный удел, что даровал Он, невзирая на все ошибки правительств, этим кротким созданиям, между рождением и смертью которых пролегает <...> долгая череда лет, прожитых в невинности. <...> Словно патриархи нашего времени, они на склоне лет своих величаво вкушают покой... <...> Если б из своего путешествия в Россию я привез одно лишь воспоминание об этих безмятежных старцах, сидящих у незапиравшихся дверей, – я и тогда не пожалел бы о тяготах поездки, в которой повидал людей, столь непохожих на крестьян любой другой страны» (*Кюстин А., де.* Россия в 1839 году. В 2 т. / Пер. с фр. под ред. В. Мильчиной. М., 1996. Т. 2. С. 185–186. – Письмо 29; сходные фрагменты в книге Кюстина см. в указ. изд.: Т. 1. С. 309. – Письмо 18; Т. 2. С. 48. – Письмо 23).

[3] См. также ***1842. Апреля 4. Суббота. Санкт-Петербург.*** – Оценивая «Рим», Белинский не мог не сравнивать гоголевскую повесть с присланными ему «Письмами из-за границы» П. В. Анненкова, печатание которых началось в 1841 г., через посредство критика, в «Отечественных Записках» – незадолго до публикации «Рима» в ненавистном для Белинского «Москвитянине». Хотя в «Письмах из-за границы» Анненкова определенно сказалось влияние Гоголя (см. ***1841. Апреля 7 <марта 26>. Великая среда. Рим*** – примечания), однако анненковские «Письма...» Белинский, очевидно, рассматривал как произведение своего сторонника, тогда как в гоголевском «Риме» не без оснований видел отражение взглядов идейного противника. И то, что протежируемый Белинским Анненков оказывался в «Отечественных Записках» своего рода «троянским конем» Гоголя в стане западников (поскольку повторял в своих «Письмах...» ряд гоголевских размышлений, в том числе во «взгляде на Париж»), могло только усилить раздражение Белинского.

Неприязненный тон Белинского в его отзыве о «Риме» объясняется еще и тем, что этот отзыв является ответом на откровенно восторженную оценку гоголевской повести своего адресата – давнего единомышленника Белинского Боткина (см. ***1842. Марта 16. Понедельник. Москва***). Очевидно, что Боткин, хваля повесть Гоголя, проявил, с точки зрения Белинского, досадную недальновидность. (Возможно, высокую оценку гоголевской повести В. П. Боткин дал под влиянием брата Н. П. Боткина, который, подобно Анненкову, также изучал Рим вместе с Гоголем; см. ***1840. Сентября 25 <13>. Пятница. Рим***. Кроме того, сам В. П. Боткин был автором очерка «Письмо из Италии. Рим», опубликованного в 1842 г. в апрельском номере «Отечественных Записок», с датой: «Октября 29. 1841»; очерк написан в основном в 1835 г.) Позднее, 29 марта 1847 г., Боткин писал П. В. Анненкову о Белинском: «...Нашего друга время, кажется, миновалось. Да об этом после, и между нами» (см. ***1847. Марта 20–29 <апреля 1–10>. Москва***). В письме к А. А. Краевскому от 3 апреля 1847 г. Боткин также замечал: «Скажу вам по секрету: я считаю литературное поприще Бел<инского> поконченным. Он сделал свое дело. Теперь нужно и больше такта, и больше знания. Еще о рус<ской> литературе он может говорить (да и она у него, увы, сделалась рутиною), а чуть немного выходит из нее, из рук вон плохо: доказательством, наприм<ер>, рецензия его в 3 № Совр<еменника> на романы Дюма» (Письма В. Г. Белинского и В. П. Боткина к А. А. Краевскому // Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1889 год. СПб., 1893. Приложения. С. 79; *Свод*. Т. 3. С. 292).

Негативное отношение Белинского к «Риму» Гоголя было поддержано И. И. Лажечниковым, который 12 апреля 1842 г. писал критику: «В статье *Рим*, помещенной в Москвитянине, узнали ли вы Гоголя? По первым двум страницам думал я, что это посмертное произведение Марлинского» (В. Г. Белинский и его корреспонденты. М., 1948. С. 184; *Свод*. Т. 3. С. 258). См. также дневниковую запись Ф. В. Чижова от 25 октября 1845 г.: ***1845. Октября 25 <ноября 6>. Четверг. Киев***.

[4] Ср. ***1842. Марта 9. Понедельник. Санкт-Петербург***.

[5] Из писем В. Г. Белинского // *Свод*. Т. 3. С. 257.

МАРТА КОНЕЦ – АПРЕЛЯ НАЧАЛО. МОСКВА

М. П. Погодин в записке спрашивает Гоголя, достал ли он денег, чтобы заплатить купцу В. И. Усачеву за бумагу (вероятно, предназначавшуюся для печатания «Мертвых душ»[1]):

«Достал ли ты денег сколько-нибудь? Вчера Усачев присылал опять. У меня решительно нет – разве получу».

На записку Погодина Гоголь тогда же отвечал:

«Пусть Усачев пришлет свою бумагу в типографию и ожидает меня завтра к нему в *три* часа. Я ему привезу, если не все, то часть.

Я получил от Языкова вновь подтверждение поскорее напечатать брошюрку об гастейнских водах»[2].

В тот же период Погодин получил следующую записку:

«Прашу написать записку, каму бумага от Усачева и прашу даставить счет. А то продасца».

Погодин переслал эту записку Гоголю, с вопросом:

«Был ли ты у Усачева? Вот записка, коей я не понимаю».

На обороте записки Погодина Гоголь написал:

«Я буду у него сегодня и постараюсь кончить дело».

Погодин отозвался:

«Вот то-то же. Ты ставишь меня перед купцом *целый месяц* или *два* в самое гадкое положение, человеком несостоятельным. А мне случилось позабыть однажды о напечат<ании> твоей статьи[3], то ты так рассердился, как будто бы лишили тебя полжизни, по крайней мере в твоем голосе я услышал и в твоих глазах это я увидел! Гордость сидит в тебе бесконечная!»

Гоголь отвечал Погодину на его упреки:

«Бог с тобою и твоей гордостью. Не беспокой меня в теченье двух неделей по крайней мере. Дай отдохновенье душе моей!»

[1] См. ***1842. Апреля между 5 и 9. Москва.***

[2] Брошюра Г. Д. Кине «Гастейнские воды» (М., 1842; оттиск из № 5 «Москвитянина» за 1842 г.: <*Кине Г. Д.*> Гастейнские воды (близ Зальцбурга) // Москвитянин. 1842. № 5 (цензурное разрешение 6 мая). С. 187–193). Брошюра была передана Гоголю лечившимся в Гастейне Н. М. Языковым (см. ***1841. Сентября 26 <14>. Воскресенье. Праздник Воздвижения Креста Господня. Ганау***). На разных страницах своей записной книжки 1842–1851 гг. Гоголь сделал для памяти четыре заметки: «Гастейн»; «Взять Гастейн», «Гастейн, статья», «О Гастейне».

[3] Речь идет о повести «Рим» (подробнее см.: ***1842. Марта 14. Суббота. Вечер. Москва***).

АПРЕЛЯ 1. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензор А. В. Никитенко, вероятно, отправив Гоголю в Москву рукопись «Мертвых душ»[1], пишет ему письмо, призванное, судя по всему, отчасти загладить более чем трехнедельную задержку издания (рукопись была одобрена 9 марта 1842 г.[2]):

«...Вы, вероятно, уже получили рукопись вашу "Мертвые души", отправленную из здешнего цензурного комитета на имя М. П. Погодина по адресу, который доставил мне П. А. Плетнев. Сочинение это, как вы видите, прошло цензуру благополучно; путь ее узок и тесен, и потому не удивительно, что на нем осталось несколько царапин и его нежная и роскошная кожа кой-где поистерлась. Впрочем, надеюсь, что вы отдадите также и справедливость умеренности нашей цензуры: она всячески щадила прекрасное творение, которое искажать придирчивостию слишком осторожною я считал святотатственным посягательством на нашу бедную литературу. Совершенно невозможным к пропуску оказался эпизод Копейкина — ничья власть не могла защитить от его гибели, и вы сами, конечно, согласитесь, что мне тут нечего было делать. <...>

После сего оффициального изъяснения, не могу удержаться, чтоб не сказать вам несколько сердечных слов — а сердечные эти слова не иное что, как изъяснение восторга к вашему превосходному творению[3]. Какой глубокий взгляд на самые недра нашей жизни! Какая прелесть неподдельного, вам одним свойственного, комизма! что за юмор! Какая мастерская, рельефная, меткая обрисовка характеров! Где ударила ваша кисть, там и жизнь, и мысль, и образ — и образ так и глядит на вас, вперив свои живые очи, так и говорит с вами, как будто сидя возле вас на стуле, как будто он сейчас пришел ко мне в 4-й этаж прямо из жизни — мне не надобно напрягать своего воображения, чтоб завести с ним беседу — он живой, дышущий, нерукотворный, Божье и русское созданье. Прелесть, прелесть и прелесть! и что это будет, когда все вы кончите; если это исполнится так, как я понимаю, как, кажется вы, хотите, тот тут выйдет полная великая эпопея России XIX века. <...> Я слышал, что вас иногда посещает проклятая гостья, всем, впрочем, нам чадам века сего не незнакомая, — хандра, да Бог с ней! вам дано много силы, чтоб с нею управиться. <...> Да хранит вас светлый гений всего прекрасного и высшего — не забывайте в вашем цензоре человека, всей душой вам преданного и умеющего понимать вас».

Позднее, 18 августа (н. ст.) 1842 г., Гоголь писал С. Т. Аксакову о толках по поводу «Мертвых душ»: «При всякой неблагоприятности первого впечатления на массу, которое я подозревал заранее, я чувствовал вместе с тем, что у меня будут новые читатели и что будут душевные сочувствия. Еще первое испытание получило<сь> самое благоприятное. Оно произведено было над цензором <И. М. Снегиревым>[4]. Второе после получения рукописи из цензуры Петербургского комитета. Я получил на другой день письмо от моего цензора Никитенка. Оно уже мне было приятно потому, что заключало <случай> узнать прекрасную сторону в человеке. Я не был знаком коротко с Никитенком, считал его раньше за неглупого человека, несколько тяжелого в суждениях. И потому-то вы можете судить, <как> мне было <приятно> найти в душе <его> глубину чувства. Я не говорил о его письме, потому что это было неловко, и потом я не хотел, чтобы на вас подействовало как-нибудь невольно суждение другого. Мне хотелось, чтобы впечатление было чисто вашим».

30 октября (н. ст.) 1842 г. Гоголь писал самому Никитенко: «...Странное замедление выхода Мертвых душ при всех неприятностях принесло мне много прекрасного, между прочим оно доставило мне вас. Да, я дотоле считал вас только за умного человека, но я не знал, что вы заключаете в себе такую любящую, глубоко чувствующую душу».

В тот же день, 1 апреля 1842 г., П. А. Плетнев писал Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«Во вторник <31 марта> чтение было в кабинете Государыни. Читали "Рим" Гоголя[5]. Вот чудо-то! Прочитай его в № 3 Москвитянина, да непременно вели перевести на шведский язык для какой-нибудь газеты. Это даст высокую идею о русской литературе»[6].

В тот же день В. И. Даль писал М. П. Погодину:

«Удивительный человек Гоголь! Увлекаешься рассказом его[7], с жадностию проглотишь все до конца, перечитаешь еще раз и не заметишь, каким диким языком он пишет. Станешь разбирать крохоборчески — видишь, что совсем бы так писать и говорить не следовало; попробуешь поправить — испортишь, нельзя тронуть слова. Что, как бы он писал по-русски?»[8]

[1] См. ***1842. Апреля 5. Воскресенье. Москва.***

[2] См. ***1842. Марта 9. Понедельник. Санкт-Петербург.*** — См. также ***1842. Марта 17. Вторник. Санкт-Петербург.***

[3] 14 апреля 1842 г. В. Г. Белинский в письме к М. С. Щепкину сообщал: «...Никитенко <...> начавши ее <рукопись Гоголя> читать как цензор, промахнул как читатель, и должен был прочесть снова» (см. ***1842. Февраля 13. Пятница. Санкт-Петербург***).

[4] См. ***1841. Декабря 9 или 10. Вторник или среда. Москва.***

[5] *Гоголь.* Рим. Отрывок // Москвитянин. 1842. Ч. II. № 3 (цензурное разрешение 11 марта; цензор Н. Крылов). С. 22–67.

[6] *Свод.* Т. 1. С. 663. — Спустя неделю, 8 апреля 1842 г., Плетнев вновь писал Гроту: «Мы все читаем Гоголя "Рим". А что ты о нем скажешь?» (*Свод.* Т. 1. С. 663).

[7] Отзыв Даля вызван «Римом», напечатанным в третьем номере «Москвитянина» за 1842 г. (см. также ***1841. Начало года. Москва***).

[8] Гоголь в письмах В. И. Даля // *Свод.* Т. 1. С. 725.

АПРЕЛЯ 4. СУББОТА. МОСКВА

Гоголь пишет А. С. Данилевскому в Белгород[1]:

«Прости меня! я не писал к тебе. Не в силах. Ничего я не могу делать. Если бы ты знал, как тяжело здесь мое существование! <...> Я толковал здесь об твоих делах, и все говорят в одно: что за глаза это не делается, что для этого нужно тебе приехать и жить здесь, и мне кажется, ты сделал точно дурно, что не приехал; но летом нельзя этого сделать — нужно ожидать зимы».

[1] См. ***1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва.***

АПРЕЛЯ 4. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. Г. Белинский пишет В. П. Боткину в Москву:

«Наши гении всему учились понемножку[1]. Страшно подумать о Гоголе, ведь во всем, о чем он написал, одна натура, как в животном. Невежество абсолютное. Что он наблевал о Париже-то!»[2]

Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 258.

[1] Из V строфы 1 главы «Евгения Онегина» А. С. Пушкина.

[2] Подразумевается повесть Гоголя «Рим». О причинах раздражения Белинского см.: ***1842. Марта 31. Вторник. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 5. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Гоголь получает из Петербурга рукопись первого тома «Мертвых душ».

См. ***1842. Апреля 9. Четверг. Москва.***

АПРЕЛЯ МЕЖДУ 5 И 9. МОСКВА

Гоголь приступает к печатанию первого тома «Мертвых душ» (в количестве 2400 экземпляров)[1]; работает над переделкой запрещенной цензурой «Повести о капитане Копейкине» в десятой главе поэмы[2].

В эти дни на титульном листе цензурной рукописи первого тома «Мертвых душ» «в самом низу подлинника» Гоголь написал: «Печатать на моей бумаге[3] 2400. Деньги сто рублей в задаток положил. Н. Гоголь»[4].

С. Т. Аксаков в адресованных П. А. Кулишу «Кратких сведениях и выписках из писем для биографии Гоголя» (1854) замечал: «По получении рукописи, немедленно приступили к печатанию 2500 экземпляров. Обертка была нарисована самим Гоголем[5].

Несмотря на то, что Гоголь был сильно занят изданьем Мерт<вых> Д<уш>, очевидно было, что он час от часу более расстраивался духом и даже телом: он чувствовал головокружение, и один раз впал в такой сильный обморок, что долго лежал без чувств и без всякой помощи, потому что это случилось наверху в мезонине, где он жил и где у него на ту пору никого не было»[6].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) Аксакова: «...Наконец, нетерпеливо ожидаемая рукопись, вся без исключения[7] пропущенная цензором <А. В. Никитенко>, была получена. <...> Мы не верили глазам своим, не видя ни одного замаранного слова; но Гоголь не видел в этом ничего необыкновенного и считал, что так тому и следовало быть. Вначале напечатаны 2500 экземпл<яров>. Обертка была нарисована самим Гоголем. Денег у Гоголя не было, потому "Мер<твые> Д<уши>" печатались в типографии в долг, а бумагу взял на себя в кредит Погодин[8]. Печатание продолжалось два месяца. Несмотря на то, что Гоголь был сильно занят этим делом, очевидно было, что он час от часу более расстраивался духом и даже телом: он чувствовал головокружение и один раз имел такой сильный обморок, что долго лежал без чувств и без всякой помощи, потому что случилось это наверху, в мезонине, где у него никогда никого не было»[9].

[1] См. ***1842. Апреля 9. Четверг. Москва.***

[2] См. ***1842. Апреля 5. Воскресенье. Москва; 1842. Апреля 9. Четверг. Москва.***

[3] См. ***1842. Марта конец – апреля начало. Москва.***

[4] *Бодянский О. М.* Мертвые души, поэма Н. В. Гоголя, сверенная со списком, представленным в Цензурный комитет, теперь принадлежащим Библиотеке Московского университета // Чтения в Имп. Обществе Истории и Древностей Российских при Московском ун-те. 1866. Кн. III. Отд. V. С. 241; Гоголь в портретах, иллюстрациях, документах. Составитель А. М. Гордин. Л., 1959. С. 226 (фотокопия); *Свод.* Т. 2. С. 169.

[5] См. также ***1842. Мая около 17. Москва.***

[6] *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 640.

[7] С запрещением «Повести о капитане Копекине» в десятой главе.

[8] См. ***1842. Март – апреля начало. Москва***; ***1842. Мая между 17 и 22. Москва.***

[9] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 708.

АПРЕЛЯ МЕЖДУ 17 И 26 <МЕЖДУ 5 И 14>. ГАНАУ

Н. М. Языков сообщает родным:

«В половине мая, если отпустит Коп<п>, поеду я в Дрезден <...> отдохнуть хоть мало-мальски от лекарств и их благодетельных действий – перед Гаштейном – куда, по предписанию Ко<пп>а же, отправится и Кн<язь> Хованский и Е<лизавета> П<етровна>[1]. <...> Я уже писал тебе, что мне там квартира с 8 июля. Хорошо бы если бы П<етр> М<ихайлович>[2] и Гоголь и Б<алдин>[3] хоть в

конце мая поспешили бы в Дрезден — а потом уже... едва ли это сбудется; нелегко подняться из такой дали в такую даль. <...> Нынешним годом в Гаштейне будет много русских — Кн<язь> Мещерский[4] с семейством, Е<лизавета> П<етровна>, Кн<язь> Хованский с семействами же, вероятно, с Топорковыми <?> и прочими, Генерал Крейц[5] с братом — потом П<етр> М<ихайлович>, Гоголь, Балд<ин> — и я — это просто будет колония — дай ей Бог здоровья!»

Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 150–151.

[1] Языкова, жена П. М. Языкова.
[2] Языков.
[3] Балдин, управляющий П. М. Языкова.
[4] Князь Николай Иванович Мещерский (1798–1862), отставной гвардии полковник, разбитый параличом и лечившийся за границей.
[5] Граф Киприан (Циприан) Антонович Крейц (1777–1850), генерал от кавалерии.

АПРЕЛЯ 8. СРЕДА. МОСКВА

Гоголь получил из Петербурга письмо от цензора А. В. Никитенко.

См. ***1842. Апреля 1. Среда. Санкт-Петербург***; ***1842. Апреля 10. Пятница. Москва.***

АПРЕЛЯ 9. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Гоголь извещает Н. Я. Прокоповича о получении из Петербурга рукописи «Мертвых душ»:

«Рукопись получена 5 апреля[1]. <...> Выбросили у меня целый эпизод Копейкина, для меня очень нужный, более даже, нежели думают они. Я решился не отдавать его никак. Переделал его теперь так, что уж никакая цензура не может придраться. Генералов и всё выбросил и посылаю его к Плетневу для передачи цензору. Пожалуйста, наведайся к нему и узнай.

Больше всего для меня опасна проволочка. Рукопись начата печататься[2], и потому задержка мне весьма повредит. Мне странно, что ты не получил экземпляра “Рима”, тогда как Плетнев прежде всего должен был доставить тебе[3], потому что ты виновник был того, что и другим досталось по экземпляру. Из-за тебя я велел отпечатать пятнадцать брошюр отдельно. Да что же ты меня не уведомишь и не расскажешь о слухах и толках? <...> Теперь рукопись моя, вероятно, таскалась по рукам многих, стало быть, о ней говорят. Я же страх люблю слышать все толки, особенно жесткие толки и взгляды с неблагосклонных сторон. Они мне теперь все нужны до последнего. <...> ...Жду с нетерпеньем времени свиданья[4] и встречи, чтоб о многом поговорить с тобой».

[1] См. ***1842. Апреля 5. Воскресенье. Москва.***
[2] См. ***1842. Апреля между 5 и 9. Москва.***
[3] Ср. ***1842. Марта 17. Вторник. Москва.***
[4] См. ***1842. Мая 26. Вторник — июня 5. Пятница. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 10. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь в письмах в Петербург к П. А. Плетневу и к А. В. Никитенко обращается с просьбой ускорить вторичное прохождение в цензуре «Повести о капитане Копейкине» (письмо к Никитенко, а также рукопись «Повести...» были приложены к письму Плетневу[1]).

Из письма к Плетневу: «Уничтожение Копейкина меня сильно смутило! Это одно из лучших мест в поэме, и без него — прореха, которой я ничем не в силах заплатать и зашить. Я лучше решился переделать его, чем лишиться вовсе. Я выбросил весь генералитет, характер Копейкина означил сильнее, так что теперь видно ясно, что он всему причиною сам и что с ним поступили хорошо. Присоедините ваш голос и подвиньте кого следует. Вы говорите, что от покровительства высших нужно быть подальше, потому что они всякую копейку делают алтыном. Клянусь, я готов теперь рублем почитать всякую копейку, которая дается на мою бедную рукопись. Но я думаю даже, что один Никитенко может теперь ее пропустить. <...> Третьего дня я получил от него письмо, из которого видно, что он подвигнут ко мне участьем. Передайте ему при сем прилагаемый ответ и листы Копейкина и упросите без малейшей задержки передать вам для немедленной пересылки ко мне, ибо печатанье рукописи уже началось».

Из письма к Никитенко: «Благодарю вас за ваше письмо[2]. В нем видно много участия, много искренности и много того, что прекрасно и благородно волнует человека. Да, я не могу пожаловаться на цензуру: она была снисходительна ко мне, и я умею быть признательным. Но, признаюсь, уничтоженье Копейкина меня много смутило. Это одно из лучших мест. И я не в силах ничем залатать ту прореху, которая видна в моей поэме. Вы сами, одаренные эстетическим вкусом, который так отразился в письме вашем, вы сами можете видеть, что кусок этот необходим, не для связи событий, но для того, чтобы на миг отвлечь читателя, чтобы одно впечатление сменить другим, и кто в душе художник, тот поймет, что без него остается сильная прореха. Мне пришло на мысль: может быть, цензура устрашилась генералитета. Я переделал Копейкина, я выбросил всё, даже министра, даже слово: “превосходительство”. В Петербурге за отсутствием всех остается только одна временная комиссия. Характер Копейкина я вызначил сильнее, так что теперь ясно, что он сам причиной своих поступков, а не недостаток состраданья в других. Начальник комиссии даже поступает с ним очень хорошо. Словом, всё теперь в таком виде, что никакая строгая цензура, по моему мнению, не может найти предосудительного в каком бы ни было отношении. Молю вас возвратить мне это место, и скорее сколько возможно, чтобы не задержать печатанья. У Плетнева вы возьмите рукопись и передайте ее потом ему же для пересылки ко мне».

[1] См. ***1842. Апреля 12. Вербное воскресенье. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1842. Апреля 1. Среда. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 12. ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев отправляет А. В. Никитенко «Повесть о капитане Копейкине», с письмом Гоголя[1] и своей запиской:

«Вы растрогали Гоголя своим письмом — и он за то с новою к вам просьбою. Посылаю письмо его к вам и переделанного Копейкина. Ради Бога, помогите ему, сколько возможно. Он теперь болен, и я уверен, что если не напечатает “Мертвых Душ”, то и сам умрет. Когда решите судьбу рукописи, то, не медля ни дня, препроводите ко мне для доставления страдальцу. Он у меня лежит на сердце, как тяжелый камень»[2].

[1] См. ***1842. Апреля 10. Пятница. Москва.***
[2] *Свод.* Т. 1. С. 663.

АПРЕЛЯ 13. ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. Г. Белинский пишет В. П. Боткину в Москву:

«...Третьего дня (11 апреля) был на похоронах А. Я. Краевской. <...> 7 апреля <...> часу в 12 ночи <...> у нее снова <...> начинался бред и начались предсмертные страдания. <...> Я один; ужас, ужас, трагический ужас полился по моим жилам, дыхание занялось, волосы встали; прислушиваюсь в полуотворенную дверь — молчание — страшное молчание <...> Она умерла в беспамятстве <...> На другой день (3-й после смерти) она начала гнить; Краевский переехал к Брянским, и это известие о запахе его еще более растерзало. Хочу видеть! Я понял, что ему надо видеть, ибо гниющий труп всего лучше мог положить черту между ним и милым образом <...> На лбу ее было синее пятно, из носу и изо рту била пеною слабая кровь — вонь сильная; но он этого не чувствовал и горячо обнимал ее голову и целовал лоб. На другой день, увидев меня, он тотчас с рыданием начал мне жаловаться, что уж и узнать нельзя. Когда опустили в могилу, сложив руки, он как будто готов был рвануться туда, но, махнув рукою, скоро пошел прочь. Вообще его горесть не отчаянная, я даже не умею тебе характеризовать ее; но она объяснила мне, почему Гоголь считает “Старосветских помещиков” лучшим своим произведением[1]. И оно, точно, лучшее его произведение».

Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 259.

[1] См. также ***1842. Апреля 20. Понедельник Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 26 <14>. ВЕЛИКИЙ ВТОРНИК. ГАНАУ

Н. М. Языков сообщает родным:

«Я вчера получил письмо от Гоголя[1], в котором он говорит, что наши путешественники писали к нему[2], чтобы он был готов к отъезду (письмо из Москвы от 30-го марта), Гоголь продолжает хандрить немилосердно; говорят, что его болезнь крайне усиливается от досад, им в Москве претерпеваемых. Не знаю, что это значит. Я вообще не понимаю еще, что его тревожит и чего он хочет»[3].

В тот же день Языков писал кому-то из родных:

«В письме старика[4] не говорится ни слова о поездке в чужие краи — а между тем Гоголь пишет мне[5], что он получил от него побуждение быть начеку к отъезду! Гоголь хандрит по-прежнему; я не понимаю его — он обещает мне объяснить, в чем дело, — здоровье его расстроилось-де снова от неприятностей и досады, им в Москве претерпенных. Вероятно, тут должно принять в соображение финансовые обстоятельства. Увидим»[6].

[1] Письмо от 30 марта 1842 г.: ***1842. Марта 30. Понедельник. Москва.***
[2] Имеется в виду письмо П. М. Языкова (не сохранилось).
[3] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 151.
[4] Старик — домашнее прозвище брата Н. М. Языкова, Петра Михайловича.
[5] В письме от 30 марта 1842 г.
[6] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 151.

АПРЕЛЯ 15. ВЕЛИКАЯ СРЕДА. МОСКВА

Гоголь в письме к Н. Я. Прокоповичу вновь[1] просит приятеля передать П. А. Плетневу, чтобы тот «отстаивал» «Повесть о капитане Копейкине» «во что бы то ни было»; замечает, что печатанию «Мертвых душ», вероятно, «помешают» праздники: «...В продолжение почти полторы недели нельзя никакими силами заставить здесь наборщиков работать» (Пасха в 1842 г. отмечалась 19 апреля). Вновь просит сообщать ему толки о «Мертвых душах»:

«...Рукопись моя, без сомнения, уже побывала во многих руках в Петербурге, стало быть, о ней носятся толки. Пожалуйста, разведай, как и что говорят о ней, и, если можно, перескажи мне с сохраненьем самой физиогномии замечаний. Это мне очень нужно и полезно».

[1] См. ***1842. Апреля 9. Четверг. Москва***.

АПРЕЛЯ КОНЕЦ <АПРЕЛЯ СРЕДИНА>. РИМ

А. А. Иванов пишет ответное[1] письмо Ф. А. фон Моллеру в Марсель:

«Если поедете сухим путем, то я бы советовал ехать через Москву. Тут вы бы могли разделить Ваше горе с нашим почтеннейшим и добрейшим Гоголем, а он бы постарался вам сочинить письмо к Кривцову, так что из Москвы же можно бы было устроить и кончить все Ваши дела и приехать в Петербург уже совершенно и спокойным и здоровым[2]. <...>

Родителям вашим[3] вы скажите, что Москву и Гоголя вам нужно непременно видеть[4] для вашего сюжета, к которому вы готовитесь[5]. Тем более, что, приехав к ним, уже Вы найдете большое затруднение вскоре выехать из их дому»[6].

Около того же времени Иванов опять писал Моллеру:

«Если Вы поедете в Москву, то прошу Вас отдать Гоголю 96 скуд римских, и тогда уже вычтете опять из суммы, которую пришлете в Рим на уплату Ваших здесь долгов. <...> Я Гоголю объясню после причину, почему я ему деньги эти возвращаю»[7].

[1] Письмо является ответом на неизданное письмо Моллера от 11/23 апреля 1842 г. из Марселя (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 618).

[2] Моллер был вынужден покинуть Рим вследствие преследований со стороны матери своей бывшей натурщицы Амалии Лаваньини (см. ***1842. Февраля между 9 и 13 <между января 28 и февраля 1>. Рим***; ***1842. Марта около 26 <около 14>. Флоренция***; ***1842. Сентября конец <сентября средина>. Рим***; ***1843. Января 14 <2>. Суббота. Рим***; ***1843. Мая первая половина <апреля вторая половина – мая начало>. Рим***; ***1843. Мая конец – июня начало <мая вторая половина>. Рим***; ***1843. Июня конец – июля начало <июня вторая половина>. Рим***).

[3] Отец – адмирал Антон Васильевич (Отто Беренд) фон Моллер (1764 – 5 октября 1848 г.), мать – Ю. Ш. фон Моллер.

[4] Встреча Моллера с Гоголем состоялась в Петербурге 27 мая 1842 г. (см. ***1842. Мая 27. Среда. Санкт-Петербург***).

[5] Крещение князя Владимира (см. письмо А. А. Иванова к Гоголю, написанное между 9 и 13 февраля (н. ст.) 1842 г.: ***1842. Февраля между 9 и 13 <между января 28 и февраля 1>. Рим***).

[6] Из писем А. А. Иванова // *Свод*. Т. 3. С. 329.

[7] Там же. Т. 3. С. 330.

АПРЕЛЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА, НЕ ПОЗДНЕЕ 28[1]. МОСКВА

М. П. Погодин предлагает Гоголю поместить одну или две главы из первого тома «Мертвых душ» в «Москвитянине», на что Гоголь отвечает:

«...Ты бессовестен, неумолим, жесток, неблагоразумен. <...> Я думал уже, что я буду спокоен хотя до моего выезда. Но у тебя всё порыв! Ты великодушен на первую минуту и чрез три минуты потом готов повторить прежнюю песню. Если б у меня было какое-нибудь имущество, я бы сей же час отдал бы всё свое имущество с тем только, чтобы не помещать до времени моих произведений».

На записке имеется помета М. П. Погодина: «Это ответ на мою записку, не хочет ли Гоголь вместо объявления о выходе Мертв<ых> душ поместить одну главу или две в нумере Москвитянина, который тогда выходил!!»

Погодин полагал, что «даже имел право» на публикацию глав поэмы в «Москвитянине», а потому, получив отказ Гоголя, даже «рассердился»[2].

Взамен Гоголь послал Погодину стихотворение Н. М. Языкова («Посылаю послание Языкова»), которое, по-видимому, первоначально публиковать не хотел – во всяком случае до своего отъезда из Москвы. (Это стихотворное послание «Гоголю» («Благословляю твой возврат...»), представляющее собой ответ Языкова на письмо к нему Гоголя из Москвы от 23 октября 1841 г.[3], было напечатано в шестом (июньском) номере «Москвитянина» за 1842 г.)

[1] См. ***1842. Апреля 26–28. Фомино воскресенье – вторник Радоницы. Москва.***

[2] См. ***1841. Ноябрь-декабрь. Москва.***

[3] См. ***1841. Октября 23 <ноября 4>. Четверг. Москва***; ***1841. Ноября между 16 и 20 <между 4 и 8>. Ганау***; ***1841. Ноября средина (до 16 числа) <ноября конец (до 28 числа)>. Москва***; ***1841. Ноября 17. Понедельник. Москва*** (примечания).

АПРЕЛЯ 18. ВЕЛИКАЯ СУББОТА. МОСКВА

В. П. Боткин сообщает В. Г. Белинскому в Петербург:

«Вчера видел М. С. Щепкина – он сказал мне, что Мертвые Души получены и уже печатаются».

Из писем В. П. Боткина // *Свод.* Т. 3. С. 293.

АПРЕЛЯ 30 <18>. ВЕЛИКАЯ СУББОТА. ГАНАУ

Н. М. Языков сообщает родным:

«К Гоголю не пишу, потому что мое письмо не застанет его в Москве, по моему расчету. Он чрезвычайно как хандрит и хмурится: недоволен Московс<кою> жизнью: у него просто ипохондрия, а он думает, что болеет. Гаштейн ему поможет, как помог П<етру> М<ихайловичу>[1], он развеселил, при<о>бодрил и развернул нашего старика...»[2]

Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 152.

[1] Языкову.

[2] Старик – семейное прозвище П. М. Языкова, старшего из братьев Языковых (см. также ***1842. Мая 18. Понедельник. Москва***).

АПРЕЛЯ 20. ПОНЕДЕЛЬНИК СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. Г. Белинский отправляет Гоголю в Москву вызывающее письмо, призванное, по его признанию, устранить между ними «ложные отношения» («...Знай наших – и люби, уважай; а не любишь, не уважаешь – не знай совсем»):

«Очень жалею, что "Москвитянин" взял у вас все[1] и что для "Отечественных записок" нет у вас ничего. Я уверен, что это дело судьбы, а не вашей доброй воли или вашего исключительного расположения в пользу "Москвитянина" и в невыгоду "Отечественных записок". <...> ..."Отечественные Записки" теперь *единственный* журнал на Руси, в котором находит себе место и убежище честное, благородное и – смею думать – умное мнение... <...> "Отечественные Записки" ни в каком случае не могут быть смешиваемы с холопами[2] знаменитого села *Поречья*[3]. <...>

С нетерпением жду выхода ваших "Мертвых душ". Я не имею о них никакого понятия: мне не удалось слышать ни одного отрывка, чему я, впрочем, и очень рад: знакомые отрывки ослабляют впечатление целого. Недавно в "Отечественных Записках" была обещана статья о "Ревизоре"[4]; думаю по случаю выхода "Мертвых душ" написать несколько статей вообще о ваших сочинениях. С особенною любовию хочется мне поговорить о милых мне "Арабесках", тем более что я виноват перед ними: во время оно с юношескою запальчивостию изрыгнул я хулу на ваши в "Арабесках" статьи ученого содержания[5], не понимая, что тем самым изрыгаю *хулу на духа*. Они были тогда для меня слишком просты, а потому и неприступно высоки; притом же на мутном дне самолюбия бессознательно шевелилось желание блеснуть и беспристрастием. Вообще, мне страх как хочется написать о ваших сочинениях. <...> ...Надумалось во мне много нового с тех пор, как в 1840 г. в последний раз врал я о ваших повестях и "Ревизоре"[6]. Теперь я понял, почему вы Хлестакова считаете героем вашей комедии, и понял, что он точно герой ее; понял, почему "Старосветских помещиков" считаете вы лучшею повестью своею в "Миргороде"[7]... <...> ...Больше всего этого меня радуют доселе и всегда будут радовать, как лучшее мое достояние, несколько приветливых слов, сказанных обо мне Пушкиным[8] и, к счастию, дошедших до меня из верных источников. <...> Вы у нас теперь *один*,– и мое нравственное существование, моя любовь к творчеству тесно связана с вашею судьбою: не будь вас – и прощай для меня настоящее и будущее в художественной жизни моего отечества... <...> Хотелось бы мне сказать вам искренно мое мнение о вашем "Риме"[9], но, не получив предварительно позволения на откровенность, не смею этого сделать. Не знаю, понравится ли вам тон моего письма,– и даже боюсь, чтоб он не показался вам более откровенным, нежели сколько допускают то наши с вами светские отношения...»

После прочтения настоящего письма, 11 мая 1842 г. Гоголь писал Н. Я. Прокоповичу в Петербург, что хотел бы поговорить с Белинским при встрече[10]. Встреча Гоголя с Белинским, ставшая последней, произошла в Петербурге между 26 мая и 5 июня 1842 г.[11]

В тот же день, 20 апреля 1842 г., В. Г. Белинский писал в Москву В. П. Боткину:

«"Мертвые души" Гоголь, наконец, получил. Я к нему послал письмо, которое думал доставить через тебя, но, полагая, что эта тетрадь не будет отослана, послал сегодня по почте. Прилагаю черновое: из него ты увидишь, что я повернул круто – оно и лучше: к черту ложные отношения – знай наших – и люби, уважай; а не любишь, не уважаешь – не знай совсем. Постарайся через Щепкина узнать об эффекте письма»[12].

[1] В 1842 г. Гоголь опубликовал в «Москвитянине» повесть «Рим» (№ 3) и отредактированную М. П. Погодиным рецензию на альманах «Утренняя заря» (№ 1, под псевдонимом).

[2] Так дерзко Белинский характеризует друзей Гоголя, издателя «Москвитянина» М. П. Погодина и его главного сотрудника С. П. Шевырева.

[3] Поречье – усадьба министра народного просвещения С. С. Уварова.

[4] В сообщении о выходе второго издания «Ревизора» (Отечественные Записки. 1841. № 9. Отд. VI. С. 5).

[5] В статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835) (см. ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва***). Новое – столь же далекое от убеждений Гоголя – понимание Белинским статей «Арабесок» было связано с наступлением «примирительного периода» его критической деятельности. К концу 1830-х гг. Белинский проникается идеей об абсолютном, религиозном значении европейской цивилизации: «...Все, что ни есть теперь, чем ни гордится, чем ни наслаждается современное человечество <...> вышло из <...> Нового Завета» (*Белинский В. Г.* Горе от ума... Сочинение А. С. Грибоедова // Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. С. 187–188; см. также:

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений Д. И. Фонвизина... // Там же. Т. 2. С. 98). Под этим углом он и пересматривает свой взгляд на гоголевские «ученые статьи» «Арабесок», стремясь увидеть в них прямое освящение технического прогресса. Но с тем большим раздражением встречает тогда Белинский критику Гоголем европейского «просвещения» в опубликованной в 1842 г. повести «Рим» (см. ***1836. Мая 2. Суббота. Москва***).

[6] Речь идет о статье «Горе от ума» (1840) (см. ***1840. Января 2. Вторник. Москва*** – примечания).

[7] В 1835 г. в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» Белинский, имея в виду героев «Старосветских помещиков», писал: «О, г. Гоголь истинный чародей, и вы не можете представить, как я сердит на него за то, что он и меня чуть не заставил плакать о них, которые только пили и ели и потом умерли!» Переоценку Белинским этой повести вызвала глубоко пережитая им за неделю от отправления письма к Гоголю смерть жены А. А. Краевского (см. ***1842. Апреля 13. Великий понедельник. Санкт-Петербург***).

[8] См. ***1836. Мая 2. Суббота. Москва.***

[9] См. ***1842. Марта 31. Вторник. Санкт-Петербург.***

[10] См. ***1842. Мая 11. Понедельник. Москва.***

[11] См. ***1842. Мая 26. Вторник – июня 5. Пятница. Санкт-Петербург.***

[12] Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 260.

АПРЕЛЯ 23. ЧЕТВЕРГ СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. С. КОНОНОВКА

Кончина иерея Меркурия Кирилловича Яновского.

Гиляровский В. А. Троюродный брат и предки Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 366.

АПРЕЛЯ ДО 26–28. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет М. П. Погодину:

«Посылаю тебе все мои статьи в “Смесь”[1]. <...> Скажи Гоголю, чтоб он заключил и поправил – мне некогда: и то опоздаю».

Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 92.

[1] Возможно, одной из статей была заметка С. П. Шевырева «Шекспир о Русских» (*Шевырев С.* Шекспир о Русских // Москвитянин. 1842. № 5 (цензурное разрешение 6 мая). Отд. «Науки». С. 93–96).

АПРЕЛЯ 26–28. ФОМИНО ВОСКРЕСЕНЬЕ – ВТОРНИК РАДОНИЦЫ. МОСКВА

М. П. Погодин выехал в Петербург для встречи и переговоров «с министром»[1] (С. С. Уваровым). Накануне отъезда Погодина Гоголь поручил ему забрать у цензора А. В. Никитенко «Повесть о капитане Копейкине»[2].

В своей записной книжке 1841–1844 г. Гоголь сделал помету: «С Михал Петров<ичем> о Копейкине. Адрес Никитенка. Уварову об отношении».

«В. Ф. Одоевский выехал в Москву из Петербурга между 14 и 20 апреля[3] (см. “Прибавления к СПб. Ведомостям”, № 88 от 23 апреля 1842). 26–28 апреля Погодин выехал в Петербург, откуда вернулся 9 мая (там же, № 92 <97> от 3 мая и № 105 от 13 мая)»[4]. «В Петербург Погодин прибыл 30 апреля или 1 мая, о чем свидетельствует список приехавших в столицу в эти два дня (см.: Прибавление к С.Петербургским ведомостям. 1842. 3 мая. № 97. С. 1060)»[5].

[1] *Гоголь 2001–2012.* Т. 7. Кн. 2. С. 499.

[2] См. ***1842. Мая 3–4. Воскресенье-понедельник. Санкт-Петербург.***

[3] Одоевский прибыл в Москву в начале мая 1842 г. (см.: *Барсуков*. 1892. Кн. 6. С. 263; см. также ***1842. Мая 5. Вторник. Москва*** – примечания).
[4] *Гоголь 1937–1952*. Т. 12. С. 598.
[5] *Гоголь 2001–2012*. Т. 7. Кн. 2. С. 499.

АПРЕЛЯ 30. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Гоголь пишет М. П. Погодину в Петербург (записка была вложена в письмо Е. В. Погодиной к мужу от того же числа):

«Я до сих пор не получил из Петербурга Копейкина. Печатанье чрез это остановилось. Всё почти уже готово. Какой медлительной Никитенко, просто нет мочи. Ну хоть бы дал знать одной строчкой: пожалуйста, добейся толку[1]. Еще: постарайся быть к 9 мая[2] здесь. Этот день для меня слишком дорог, и я бы хотел тебя видеть в этот день здесь».

[1] Очевидно, получив письмо, Погодин нанес визит Никитенко, который обещал вскоре лично передать ему рукопись «Повести о капитане Копейкине» (см. ***1842. Мая 3–4. Воскресенье-понедельник. Санкт-Петербург***). 7 мая 1842 г. рукопись была выслана Погодину по почте (см. ***1842. Мая 7. Четверг. Санкт-Петербург***).
[2] К именинам Гоголя (см. ***1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***).

ЯНВАРЬ-АПРЕЛЬ. МОСКВА

Гоголь, бывая у Аксаковых, встречается с Д. М. Княжевичем.

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Я сказал[1], что были случаи, в которых я никак не умел объяснить себе поступков Гоголя... <...> ....В течение первых четырех месяцев 1842 года было два таких случая[2]: приехал в Москву старый мой, еще по гимназии товарищ и друг, Дмитрий Макс<имович> Княжевич; он был прекраснейший человек во всех отношениях: умный, образованный, живой, добрый, любящий и одаренный сильным эстетическим чувством. Кроме того, что он, по крайней мере до издания "Мер<твых> Д<уш>"[3], [вполне] понимал и ценил Гоголя, он был с ним очень дружески знаком в Риме[4] и, как гостеприимный славянин – не один раз угощал у себя Гоголя. Княжевич очень обрадовался, узнав, что мы с Гоголем друзья и что он бывает у нас всякий день. Я думал, что и Гоголь этому обрадуется. Что же вышло? В первый раз, когда Княжевич приехал к нам при Гоголе и стал здороваться с кем-то за дверьми маленькой гостиной, в которой мы все сидели, Гоголь неприметно юркнул в мой кабинет, и когда мы хватились его, то узнали, что он поспешно убежал из дому. Такой поступок поразил всех нас, особенно удивил Княж<евича>. На другой день продолжалась такая же история, только с тою разницею, что Гоголь не убежал из дому, когда приехал Княжевич, а спрятался в дальний кабинетец, схватил книгу, уселся в большие кресла и притворился спящим. Он оставался в таком положении более двух часов и так же потихоньку уехал. На вопросы, что с ним сделалось, он отвечал самыми детскими отговорками: в первый приезд Княжевича он будто вспомнил какое-то необходимое дело, по которому надобно было ему сейчас уехать, а в другой раз – будто ему так захотелось спать, что он не мог тому противиться, а проснувшись, почувствовал головную боль и необходимость поскорее освежиться на чистом воздухе. Мы все были не только поражены изумлением, но даже оскорблены. Я хотел даже заставить Гоголя объясниться с Княжевичем, но последний упросил меня этого не делать и даже взял с меня честное слово, что я и наедине не стану говорить об этом с Гоголем. Он думал, что, вероятно, Гоголю что-нибудь насказали и что он имеет на него неудовольствие. Княжевич так любил горячо и меня и Гоголя, что буквально счел бы за несчастие быть причиною размолвки между нами. Несмотря на то, наше обращение с Гоголем изменилось и стало холоднее. Гоголь притворился, что не примечает того. На третий день опять приехал Княжевич с дочерью, тогда как мы с Гоголем сидели все в моем кабинете. Мы все сейчас встали, пошли навстречу своему гостю и, затворив Гоголя в кабинете, расположились в гостиной. Через полчаса вдруг двери отворились,

вбежал Гоголь и с словами: "Ах, здравствуйте, Дмитрий Макс<имович>"... протянул ему обе руки, кажется, даже обнял его... и началась самая дружеская беседа приятелей, не видавшихся давно друг с другом!.. Точно он встретился с ним в первый раз после разлуки и точно прошедших двух дней не бывало. Покорно прошу объяснить такую странность! Всякое объяснение казалось мне так невыгодным для Гоголя, что я уже никогда не говорил с ним об этом — в чем раскаиваюсь теперь.

Таких недоразумений, оставшихся без объяснений, было много, и, вероятно, они были причиной тому, что Гоголь никогда не бывал со мною вполне откровенен»[5].

[1] См. ***1841. Ноябрь-декабрь. Москва.***

[2] Второй случай, относящийся на самом деле к 1839 г., см.: ***1839. Октября 17. Вторник. Москва.***

[3] О вышедшем вскоре первом томе «Мертвых душ» Д. М. Княжевич отзывался критически. Н. Н. Мурзакевич вспоминал о Княжевиче: «Странная черта замечалась в покойном: быв крайне снисходителен ко всем литераторам, он не мог спокойно слышать и говорить о Гоголе и его "Мертвых душах"» (Записки Н. Н. Мурзакевича. 1806–1883 // Русская Старина. 1887. № 56. № 12. С. 665; см. также: *Мурзакевич Н. Н.* Автобиография. СПб., 1889. С. 167).

[4] См. ***1841. Март-июнь. Рим.***

[5] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 706.

МАЯ 1. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь обедает у Аксаковых, после чего два часа работает над корректурой «Мертвых душ»[1]. Вечером посещает гулянье в Сокольниках[2].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «1-го мая вот что случилось. Гоголь у нас обедал, после обеда часа два сидел у меня в кабинете и занимался поправкою корректур, в которых он не столько исправлял типографические ошибки, сколько занимался переменою слов, а иногда и целых фраз. Корректур был огромный сверток. Гоголь не успел их кончить, потому что условился ехать вместе с Шевыревым на гулянье, а Констант<ин> уехал ранее с Боборыкиным[3]. В 6 часов мы дали Гоголю лошадь, и он отправился к Шев<ыреву>, поручив мне спрятать и запереть корректуры, так чтоб их никто не видал. Зная, что Гоголь должен воротиться очень поздно и что в этот вечер никто нам не помешает, мы расположились в моем кабинете, и я начал читать вслух именно те главы "Мерт<вых> Д<уш>", которых мое семейство еще не знало. Только что мы расчитались, как вдруг Гоголь въехал на двор... Сделалась страшная суматоха, и мы едва успели скрыть наше преступление. Мы переконфузились не на шутку, потому что очень боялись рассердить или, лучше сказать, огорчить Гоголя; по счастью, он ничего не заметил. Он приехал в большой досаде на Шевырева, который не подождал его пяти минут и уехал один, ровно в 6 часов. Поболтав кой о чем с нами и продолжая жаловаться на немецкую ак<к>уратность Шевырева, Гоголь хотел было уже опять засесть за свои корректуры, как вдруг приехала карета четверкой в ряд, которую из Сокольников прислала Кат<ерина> Алекс<андровна> Свербеева и приказала убедительно просить Гоголя к ним в палатку; она узнала от Шев<ырева>, что он не подождал Гоголя и что Гоголь у нас. Гоголю не очень хотелось ехать, ему казалось уже поздно, но мы его уговорили, и он уехал»[4].

[1] См. также ***1842. Апреля между 5 и 9. Москва***; ***1842. Мая около 4. Москва.***

[2] Описание гулянья см.: <*Шевырев С. П.*> *Москвич.* Гулянье в Сокольниках 1-го Мая // Москвитянин. 1842. № 5 (цензурное разрешение 6 мая). С. 218–220.

[3] Николай Николаевич Боборыкин (около 1812 — 1888), поэт.

[4] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 710.

МАЯ 3–4. ВОСКРЕСЕНЬЕ-ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

М. П. Погодин незадолго перед отъездом из Петербурга[1] навещает, по поручению Гоголя[2], цензора А. В. Никитенко, намереваясь взять у него рукопись «Повести о капитане Копейкине»[3].

Никитенко, обещав передать рукопись в ближайшее время лично Погодину, по болезни не выполнил своего обещания и послал Погодину «Повесть...» в Москву 7 мая 1842 г.[4]

[1] См. ***1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва.***
[2] См. ***1842. Апреля 26–28. Фомино воскресенье – вторник Радоницы. Москва.***
[3] См. ***1842. Апреля 30. Четверг. Москва.***
[4] См. ***1842. Мая 7. Четверг. Санкт-Петербург.***

МАЯ ОКОЛО 4. МОСКВА

Окончен типографский набор «Мертвых душ», за исключением «Повести о капитане Копейкине», находящейся в петербургской цензуре.

См. ***1842. Апреля 12. Вербное воскресенье. Санкт-Петербург.***

МАЯ НАЧАЛО. МОСКВА

Гоголь встречается с прибывшим в Москву[1] князем В. Ф. Одоевским, дарит ему отдельный оттиск повести «Рим» (из третьего номера «Москвитянина» за 1842 г.), с надписью:

«Князю Владимиру Федоровичу Одоевскому».

Возможно, к этому времени относится недатированная записка Гоголя к Одоевскому: «Я был и приносил страшную тетрадищу под мышкой; а вас всё нет дома»[2].

[1] См. ***1842. Мая 5. Вторник. Москва.***
[2] См. ***1833–1842 июня 4. Санкт-Петербург.***

МАЯ 5. ВТОРНИК. МОСКВА

А. С. Хомяков пишет К. С. Аксакову:

«Любезный Константин Сергеевич, Н<иколай> Васильевич и Лизавета Вас<ильевна> Гоголь хотели сделать нам удовольствие приехать вечером к нам. Если вы их увидите прежде, чем они к нам соберутся, попросите быть не ранее 8 часов или половины 9-го. Православный Одоевский играет на органе в Немецкой кирхе в 8-ом, и так как жена моя[1] никогда не слыхала органа, то мне хочется ей доставить случай узнать этот инструмент во всей его красе. Надеюсь на вас и на Вашего батюшку, тем более, что нынче едва ли их <не> последний вторник»[2].

Князь В. Ф. Одоевский приехал в Москву, после десятилетнего отсутствия, в начале мая 1842 г.[3] «В начале мая он в сопровождени <жены> Ольги Степановны прибывает в первопрестольную. Десять лет не ступала

его нога на старинные мостовые. <...> ...Князь на первый взгляд – "Одоевский 32-го года"[4]. <...> Москва приветствовала редкого гостя чередой празднеств; он, в свою очередь, собрал всех в лютеранскую кирху, чтобы усладить слух москвичей Баховыми фугами – в собственном, органном исполнении[5]. <...> 4 июня Владимир Федорович вместе с женой отбывает в первое свое заграничное путешествие»[6].

7 мая 1842 г. А. П. Елагина сообщала А. Н. Попову: «Я уезжаю 10-го... <...> Здесь продолжаются праздники в честь Одоевского... <...> Он собрал нас всех в лютеранскую кирку дать нам фуги Баха на органе; съехалось карет 20; посидели все в кирке, а Немцы пришли и всех со стыдом выгнали и бранились, зачем нам die Thüre aufgemacht haben! <открыли прогулки; *нем.*>»[7].

Поскольку Хомяков в своей записке сообщает о том, что игра Одоевского на органе состоялась во вторник, то, согласно цитированному письму Елагиной от 7 мая, этот концерт в кирхе – и, соответственно, посещение Гоголем Хомякова – следует датировать вторником 5 мая 1842 г. С этой датой вполне согласуется то, что на вечер к Хомяковым Гоголь отправился лишь с сестрой Елисаветой. Спустя четыре дня, 9 мая 1842 г., в Москву вновь приехали, на именины Гоголя, его мать и сестра Анна[8]. И хотя Елисавета, прожив два года в Москве, была, несомненно, ближе, чем Анна, знакома с кругом московских друзей брата, однако после 9 мая брать с собой в гости лишь Елисавету, без старшей сестры и матери, было бы, вероятно, для Гоголя затруднительным.

[1] Е. М. Хомякова.

[2] Гоголь в письмах А. С. Хомякова и его жены Е. М. Хомяковой (рожденной Языковой) // *Свод.* Т. 3. С. 191. – Очевидно, Хомяков не знал точной даты будущего отъезда Гоголя из Москвы (23 мая 1842 г.), так как «последний вторник», который писатель провел в Москве, пришелся на 19 мая 1842 г.

[3] См. также ***1842. Апреля 26–28. Фомино воскресенье – вторник Радоницы. Москва.***

[4] Слова А. С. Хомякова из недатированного письма к А. В. Веневитинову (см.: *Барсуков.* 1892. Кн. 6. С. 264; *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 54).

[5] Пересказывается содержание письма А. П. Елагиной к А. Н. Попову от 7 мая 1842 г. (см.: *<Бартенев П. И.> П. Б.* Из бумаг Александра Николаевича Попова // Русский Архив. 1886. № 3. С. 335).

[6] *Турьян М. А.* Странная моя судьба. О жизни Владимира Федоровича Одоевского. М., 1991. С. 347–348.

[7] *<Бартенев П. И.> П. Б.* Из бумаг Александра Николаевича Попова // Русский Архив. 1886. № 3. С. 335.

[8] См. ***1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва.***

МАЯ 6. СРЕДА. МОСКВА

Цензурное разрешение № 5 «Москвитянина» за 1842 г., в котором напечатано следующее извещение:

«Мы знаем, с каким нетерпением публика ожидает нового романа Гоголя: *Мертвые Души*. Мы можем обрадовать их приятным известием, что этот роман, почти отпечатанный, скоро выйдет в свет. – Здесь талант нашего романиста предстанет нам еще на высшей степени своего развития, нежели на какой мы видели его прежде. Этого довольно, чтобы возбудить участие к этому роману, которого появление должно составить эпоху в нашей повествовательной литературе»[1].

Вероятно, к этому объявлению относится помета в записной книжке Гоголя 1842–1851 гг. : «Михаилу Петровичу <Погодину>: Объявление»[2].

[1] Литературное известие // Москвитянин. 1842. № 5. Смесь. С. 80.

[2] Ср. ***1842. Мая 15. Пятница. Москва.***

МАЯ 7. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. В. Никитенко пишет в Москву М. П. Погодину:

«Я заболел, и очень сильно, вечером в тот самый день, как Вы были у меня[1]; и хотя сегодня мне легче, но всё не могу выйти еще. Вот почему, вместо того, чтобы иметь удовольствие лично вручить

Вам письмо к Н. В. Гоголю, я теперь посылаю его к Вам, с покорнейшею просьбою доставить его по принадлежности: в нем и процензурованная статья <“Повесть о капитане Копейкине”>»[2].

В. И. Шенрок, беседовавший в 1887 г. с А. С. Данилевским, сообщал: «...Не лишнее будет указать между прочим на то обстоятельство, что, вследствии строгой ответственности цензоров и их крайней напуганности частыми суровыми взысканиями, Гоголю мало помогали даже и такие чрезвычайно благоприятные для него случайности, как напр<имер> та, что во главе петербургского цензурного комитета стоял человек, ему близко знакомый и во всяком случае относившийся к нему с полным расположением. Это был князь Григорий Петрович Волконский, о котором нам покойный А. С. Данилевский сообщил следующее: “Это сын министра двора Петра Михайловича Волконского. Он был близким родственником княжны Варвары Николаевны Репниной<-Волконской>. Репнины собственно Волконские. Фамилия Репниных угасала; оставалась только дочь Репнина, известного Николая Васильевича, который был посланником в Варшаве. Это одна из известных древних фамилий. Единственная представительница рода <княжна А. Н. Репнина> вышла за <князя Г. С.> Волконского и передала свою фамилию <...> детям”. Что Гоголь дружески встречался еще в конце тридцатых годов с кн<язем> <Г. П.> Волконским и был с ним довольно короток, показывает, между прочим, следующее место в одном из его писем к княжне Репниной<-Волконской>[3]: “Я думаю, князь Григорий Петрович в больших теперь хлопотах...”»[4]

Между тем, решение о дозволении к печати «Повести о капитане Копейкине» было вынесено именно при вступлении князя Г. П. Волконского в должность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа и председателя Санкт-Петербургского цензурного комитета 7 мая 1842 г. «Высочайшими указами, данными Правительствующему Сенату, 7-го Мая, Попечитель С. Петербургского Учебного Округа, Тайный Советник Князь <М. А.> Дондуков-Корсаков, Всемилостивейше уволен, по прошению, от сей должности, <...> в звании Камергера Коллежскому Советнику Князю Григорию Волконскому Всемилостивейше повелено быть исправляющим должность Попечителя С. Петербургского Учебного Округа...»[5] П. А. Плетнев сообщал об этом Я. К. Гроту еще 29 апреля 1842 г.: «Приехал из-за границы князь Григорий Волконский. Будет, следовательно, важная у нас перемена в делах. Он назначен попечителем вместо Дондукова, который сам вышел»[6].

Официальное рассмотрение «Повести о капитане Копейкине» состоялось уже после того, как Никитенко выслал ее Погодину, – 19 мая 1842 г. «По всей вероятности, еще до цензурного заседания между Никитенко и новым председателем цензурного комитета Г. П. Волконским была достигнута соответствующая договоренность, отражавшая их общее <...> расположение к Гоголю»[7].

[1] См. ***1842. Мая 3–4. Воскресенье-понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] Гоголь в письмах А. В. Никитенко // *Свод.* Т. 1. С. 731.

[3] Письмо от 14 июня 1838 г.: ***1838. Июня 14 <2>. Четверг. Католический праздник Тела Господня. Дженцано, Рим.***

[4] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 518. – П. И. Бартенев, со слов княжны В. Н. Репниной-Волконской, сообщал, что однажды в Москве «одна из Репниных» встретила «где-то» Гоголя и пригласила его обедать запиской на имя Яновского, на что Гоголь обиделся и не приехал (см. ***1830. Ноября 29. Суббота. Санкт-Петербург***).

[5] Северная Пчела. 1842. 18 мая. № 109. С. 433.

[6] Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 1. С. 526.

[7] *Гоголь 2001–2012.* Т. 7. Кн. 2. С. 503.

МАЯ 8. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь с сестрой Елисаветой и В. С. Аксаковой был на вечере у А. С. Хомякова.

В средине мая (после 12 числа) В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской: «Мы были на вечере у Хомякова, с Лизой, там был и Гоголь, но он уехал до ужина, а мы оставались ужинать»[1].

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 818.

[1] См. также ***1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва.***

МАЯ 9. СУББОТА.
ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО.
МОСКВА

Утром в Москву из Петербурга вернулся М. П. Погодин[1] (без «Повести о капитане Копейкине»[2]). Гоголь отправляет записку к М. Н. Загоскину[3] с приглашением на свой именинный обед в саду Погодина:

«Гоголь просит покорнейше Михайла Николаевича, если только он не дал никому слова на сегоднишний день, пожаловать на довольно умеренный обед в халате, в архалуке и в чем заблагорассудится... — в 3 часа, к Погодину».

На состоявшемся позднее обеде среди гостей были С. Т., К. С. и Г. С. Аксаковы, А. О. Армфельд, Т. Н. Грановский, В. В. Григорьев, братья В. А., Н. А. и А. А. Елагины, М. Н. Загоскин, братья И. В. и П. В. Киреевские, П. В. Нащокин, Н. Ф. Павлов, С. В. Перфильев[4], П. Г. Редкин, Ю. Ф. Самарин, Д. Н. Свербеев, А. С. Хомяков, вероятно, А. Д. Чертков[5], М. С. Щепкин[6] и др. (Князь В. Ф. Одоевский, по-видимому, на обеде не присутствовал, так как, вероятно, именно в этот день — «в субботу с восходом солнца»[7] — отправился, как предполагал сразу по приезде в Москву[8], в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру.)

Возможно, Нащокин подарил тогда Гоголю часы А. С. Пушкина[9]. (В свою очередь, Гоголь во время тогдашнего пребывания в Москве обещал Нащокину переговорить в Петербурге с Д. Е. Бенардаки о представлении ему какого-нибудь места[10].)

«Остались в памяти у А<лександры> М<ихайловны> <дочери Погодина, в замужестве Зедергольм> и воспоминания о шумных обедах у М. П. Погодина в день именин Н. В. Гоголя, праздновавшихся 9 мая... <...> Тогда Гоголь был распорядителем на этих обедах, устраивавшихся в ал<л>ее сада, прилегавшего к дому Погодина, обеды были веселые, шумные»[11].

Вечером того же дня Гоголь в погодинском саду принимал, вместе с женой Погодина Е. В. Погодиной, О. Сем. Аксакову с дочерью Верой и его сестрой Елисаветой, Е. А. Свербееву, А. П. Елагину, Е. М. Хомякову и Е. Г. Черткову. Вероятно, поздно вечером в Москву приехала М. И. Гоголь с дочерью Анной, чтобы увидеться с сыном и забрать домой дочь Елисавету. Остановились также у Погодина.

В средине мая (после 12 числа) В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской: «На другой день[12] мы провели вечер у Погодиной в саду, по приглашению самого Гоголя. К Гоголю обещались быть в этот день некоторые дамы. Часов в 6 вечера маменька, я и Лиза поехали, Гоголь нас встретил на террасе со словами сожаления, что мы не приехали раньше, что так было хорошо, а теперь уже солнце садится. Мы сошли в сад, гуляли вместе, но вскоре приехали Свербеева и Авд<отья> Пет<ровна> Елагина. Гоголь был очень смешон в роли хозяина, и даже жалко было на него смотреть, как он употреблял всевозможные усилия, чтоб занимать приехавших дам. Маменька, Авд<отья> Петр<овна> и Погодина сели в саду у чайного стола, а мы пошли гулять: Свербеева с Гоголем, а сзади их мы с Лизой; помню, что в большой аллее того сада Гоголь, видно истощивши весь запас разговора, говорил следующее своей спутнице: “Хорошо, если б вдруг из этого дерева выскочил хор песельников и вдруг бы запел” и т. д. — Все это было вяло, принужденно, но спутница его считала долгом

находить все очень любезным и забавным и очень привлекательно улыбалась (я слышала потом, что Свербеева говорила, что Гоголь был чрезвычайно любезен). Я же внутренно смеялась, а иногда даже жаль было видеть Гоголя в таком затруднительном положении. Мы с Лизой иногда останавливались, тогда они обращались к нам, а один раз, когда мы сели на скамью, а они от нас ушли дальше, то, вдруг, заметя, что нас нет, воротились к нам. Наконец, пошли пить чай; сделалось холоднее. Гоголь подавал всем салопы, услуживал, как умел. После чаю воротились в комнату. Тут Гоголь продолжал рассказывать всякие пустяки об леченьи Присница[13], чему дамы много смеялись, хотя вовсе не было смешно, потому что было видно, какое Гоголь делал себе принуждение. Нельзя было не заметить (по крайней мере мне так показалось), что он был доволен, когда они уехали. Он, проводя их, сел в угол дивана, как человек, исполнивший свой долг и довольный, что может отдохнуть. Тут он был свободен совершенно, расспрашивал нас про вечер у Хомякова, что там делалось после его ухода. Мы рассказывали про споры за ужином, об Одоевском, что-то говорили об обществе и т. д. Наконец и мы простились. Погодина и он вышли нас провожать; было уже темно и свежо. Помню, как они стояли на крыльце, когда мы уже уезжали, и прощались с нами»[14].

Вечером этого дня, 9 мая 1842 г., сестра Гоголя Елисавета Васильевна записала в своем дневнике: «Маменька с Аннет приехала как раз к именинам брата, и он давал литер(атурный) обед. После обеда были: m-me Свербеева, Хомякова и m-me Черткова в амазонке»[15].

В. И. Шенрок в 1897 г., вероятно, со слов сестры Гоголя Анны Васильевны, сообщал: «Почти перед самым отъездом, в день своих именин, 9 мая, Гоголь давал у Погодина обед для друзей. Главная задержка – печатание “Мертвых Душ” – устранялось, и он чувствовал себя отрадно и легко. Отъезд был решен; оставалось дождаться выхода из типографии первых печатных экземпляров. Гоголь был в наилучшем расположении духа. В этот же день утром[16] прибыли его сестры и мать. Анна Васильевна Гоголь припоминает, что незадолго перед тем они получили от брата письмо, в котором он просил их поскорее приехать с ним повидаться и проститься. Пустившись в дальний путь за несколько дней до 9 мая, они непременно хотели поспеть ко дню его ангела, но в дороге произошли досадные задержки и промедления, так что уже в самый день именин они въехали на почтовом дилижансе на двор дома Погодина на Девичьем поле»[17].

21 мая 1842 г. Е. М. Хомякова в письме, отправляемом с Гоголем, сообщала брату Н. М. Языкову: «В день именин его и Ваших[18] мы с Катериной Александровной Свербеевой были у него»[19].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «9-го мая сделал Гоголь такой же обед для своих друзей в саду у Погодина, как и в 1840-м году. Погода стояла прекрасная; я был здоров, а потому присутствовал вместе со всеми на этом обеде. На нем были профессора: Григорьев (проездом случившийся в Москве)[20], Армфельд, Редкин и Грановский. Был Ст. Вас. Перфильев, особенный почитатель Гоголя, Свербеев, Хомяков, Киреевские[21], Елагины[22], Нащокин (известный друг Пушкина, любивший в нем не поэта, а человека, чем очень дорожил Пушкин), Загоскин, Н. Ф. Павлов, Ю. Самарин, Константин, Гриша <Аксаковы> и многие другие из общих наших знакомых. Обед был шумный и веселый [и Гоголь сам казался оживленным], хотя Погодин с Гоголем были в самых дурных отношениях и даже не говорили, чего, впрочем, нельзя было заметить в такой толпе. Гоголь шутил и смешил своих соседей. После обеда Гоголь в беседке сам приготовлял жженку, и когда голубоватое пламя горящего рома и шампанского обхватило и растопляло куски сахара, лежавшего на решетке, Гоголь говорил, что “это Бенкендорф, который должен привесть в порядок сытые желудки”. Разумеется, голубое пламя и голубой жандармский мундир своей аналогией подали повод к такой шутке[23], которая *после обеда* показалась всем очень забавною и возбудила общий громкий смех. Не помню, тут ли был Перфильев. <...>

Перед своими именинами[24], по случаю прекрасной погоды, еще до приезда матери, Гоголь пригласил к себе в сад некоторых дам и особенно просил, чтоб приехала Ол<ьга> Сем<еновна> с Верой. В 6 часов вечера Ол<ьга> Сем<еновна> с Верой и Лизой отправились к Гоголю; он встретил их на террасе и изъявил сожаление, «что они не приехали раньше, [пото<му>] что так было хорошо, а теперь уже солнце садится». Они сошли в сад и гуляли вместе. Вскоре приехали Катер<и-

на> Алекс<андровна> Свербеева и Авд<отья> Петр<овна> Елагина. Гоголь был очень смешон в роли хозяина, и даже жалко было на него смотреть, как он употреблял всевозможные усилия, чтоб занимать приехавших дам. Ол<ьга> Сем<еновна>, Авд<отья> Петр<овна> и [Ли<за>] жена Погодина[25] сели в саду у чайного стола, а Гоголь с Кат<ериной> Алекс<андровной> и за ними Лиза с Верой пошли гулять. Гоголь употреблял все усилия, чтоб занимать свою спутницу, которую можно было занимать только светской болтовней, как он думал. Две девушки шли за ними и посмеивались. Истощив наконец, как видно, весь свой запас, Гоголь прибегал, например, к следующим разговорам: "Хорошо, если б вдруг из этого дерева выскочил хор песельников и вдруг бы запел", и тому подобным в этом роде. Все было вяло, принужденно и некстати; но спутница его считала долгом находить все очень любезным и забавным, и очень привлекательно улыбалась; я слышал потом, как Сверб<еева> говорила, что Гоголь был чрезвычайно любезен и остроумен. Наконец пошли пить чай; сделалось холоднее. Гоголь подавал всем дамам салопы и услуживал, как умел. После чаю воротились в комнату; тут Гоголь, для той же цели, принялся рассказывать всякий вздор и пустяки, об водяном лечении Присница, чему дамы очень смеялись, хотя, правду сказать, тут ничего не было смешного, потому что слышалось тяжелое принуждение, которое делал себе Гоголь. Ол<ьга> Сем<еновна> и Вера не могли не заметить, что он был очень доволен, когда уехали Елагина и Свербеева. Проводя их, он сел в угол дивана, как человек, исполнивший свой долг и довольный, что может отдохнуть. Тут он был совершенно свободен, расспрашивал их про недавно бывший вечер у Хомякова, именно о том, что там делалось после его ухода, про Одоевского, про Боборыкина, которые всегда его забавляли. Наконец, когда сделалось уже совершенно темно, Ол<ьга> Сем<еновна> и Вера уехали. <...>

В первых числах мая[26] приехала мать Гоголя с его сестрой Анютой, чтоб взять с собой Лизу, которая целый год[27] жила у Раевской, и чтоб проститься с сыном, который, вероятно, уведомил ее, что уезжает надолго. Она остановилась также у Погодина»[28].

Анна Васильевна Гоголь в 1889 г. писала А. М. Черницкой: «...Портрет <Гоголя> рисовал в Италии Моллер[29], и <...> в 1842 году он <Гоголь> его привез в Москву и сказал матери, что сделал его собственно для нее, что христианин должен быть с светлым лицом!»[30]

В 1902 г. Н. Горова (рожд. Щитинская), приезжавшая в 1857 г. в гоголевскую Васильевку, вспоминала: «Как только мы вошли в гостиную, Марья Ивановна указала нам большой портрет сына, писанный собственно для нее, и сказала, что это самый лучший и наиболее схожий из его портретов. (Об этом портрете мне потом рассказывали, что Николай Васильевич, желая сделать сюрприз матери, сам привез его, тайком от нее, искусно уставил и осветил его лампадой возле ее кровати за ширмой[31], и что будто бы Марья Ивановна в этом полусвете приняла изображение за живого сына.)»[32]

В. А. Чаговец в 1901 г. сообщал: «У Н. В. Быкова находится <...> оригинальный портрет Гоголя, писанный Моллером, на котором поэт изображен с таким выразительным сходством, что, рассказывают, будто сама мать поэта, Мария Ивановна, приняла однажды портрет за живое лицо...»[33]

В. И. Шенрок в 1897 г., со слов А. В. Гоголь, сообщал: «Шереметева, желая с своей стороны навестить Гоголя, сначала несколько раз не заставала его и оставалась беседовать с его матерью, с которой сошлась очень скоро. Марья Ивановна, сама очень добрая и сообщительная, приходила в восторг от чистосердечия наивной старушки и особенно от любви ее к сыну. Обе женщины охотно проводили целые часы в беседе об общем любимце в уютном антресоле погодинского дома, причем Шереметева неоднократно повторяла свои уверения, что она полюбила ее сына не как знаменитого писателя, а как хорошего человека и доброго христианина. Но Надежда Николаевна очень стеснялась в чужом, незнакомом доме, и ее приходилось всячески успокоивать, после чего она оставалась еще на некоторое время. Со своей стороны она не приглашала к себе своих новых знакомых, но просила позволения чаще приезжать ей самой, так как в большом семействе, где она жила, был постоянный шум, мешавший спокойной, интимной беседе»[34].

Младшая сестра Гоголя Ольга Васильевна вспоминала: «Лиза в Москве два года прожила. Переписку она вела с Аннет, хотя и не любила ее, поневоле, потому что к матери она была холодна, а меня мало знала. Итак, переписками они помирились. В одном письме Лиза писала, как она на дрожках перекинулась и зашибла грудь; мы с Аннет расплакались. Аннет сейчас написала брату, чтобы Лизу привез к нам. <...> ...Как мы обрадовались, когда Лиза приехала, и с тех пор Аннет с Лизой были в дружбе до самой смерти, хотя, бывало, иногда поссорятся»[35].

Вероятно, М. И. Гоголь привезла тогда в Москву какие-то письма к ней сына, которые тот тогда же уничтожил. Позднее, 25 апреля 1853 г., Мария Ивановна сообщала С. П. Шевыреву: «Как много недостает у меня писем моего сына самых лучших, как я нашла, когда и откуда я их получала и об чем они были писаны; в бытность мою в Москве они были истреблены. Грустно вспомнить об этом»[36].

В день своих именин, 9 мая 1842 г., Гоголь, получив письмо от А. С. Данилевского, пишет ему ответное послание в Миргород[37], посылая при этом отдельный оттиск повести «Рим»:

«Из письма твоего (я получил его сегодня, 9 мая, в день моих именин, и мне казалось, как будто я увидел тебя самого) — из письма твоего вижу, что ты не получил двух моих писем: одного, отправленного того же дня по получении твоего, и другого — месяцем после[38]. Я адресовал их обоих в Белгород[39] на имя сестры[40], так, как ты сам назначил, сказавши, что останешься в нем долго.

Но нечего пенять на то, что мы не увидались с тобой и в сей раз! Так, видно, нужно! По крайней мере, я рад и спокоен, получивши твое письмо; в нем слышится ясное спокойствие души. Слава Богу! труднейшее в мире приобретено, прочее всё будет в твоей власти. <...>

Ответа не жду на это письмо в Москве, потому что через полторы недели от сего числа еду[41]. Это будет мое последнее и, может быть, самое продолжительное удаление из отечества: возврат мой возможен только через Иерусалим. Вот всё, что могу сказать тебе.

Посылаю тебе отрывок под названием "Рим", который я нарочно тиснул в числе 10 экз<емпляров> отдельно. Как он тебе покажется и в чем его грехи, обо всем этом напиши. Ты знаешь сам, что я всегда уважал твои замечания и что они мне нужны.

Письма адресуй в Рим на имя банкира барона Валентини (Piazza Apostoli nel suo prorio palazzo). <...> Если же тебе захочется получить ответ еще до сентября месяца (европейского), то адресуй в Гастейн, что в Тироле, откуда в сентябре я выеду в Рим[42].

Через неделю после этого письма ты получишь отпечатанные "Мертвые души", преддверие немного бледное той великой поэмы, которая строится во мне и разрешит, наконец, загадку моего существования. Но довольно.

Крепись и стой твердо: прекрасного много впереди! Если же что в жизни смутит тебя, наведет беспокойство, сумрак на мысли, вспомни обо мне, и при одном уже твоем напоминании отделится сила в твою душу! Иначе не сильна дружба и вера, обитающая в твоей душе! <...> Вместе с письмом сим несется к тебе благословенье и сила».

Позднее, в письме к Н. Я. Прокоповичу от 15 мая 1842 г., Гоголь сообщал о дне своих именин: «Я хорошо провел день сей, и не может быть иначе: с каждым годом торжественней и торжественней он для меня становится. <...> Девятого же мая я получил письмо от Данилевского. Оно меня утешило. Я за него спокоен. Три-четыре слова, посланные мною еще из Рима[43], низвели свежесть в его душу. Я и не сомневался в том, чтобы не настало, наконец, для него время силы и деятельности. Он светло и твердо стоит теперь на жизненной дороге».

[1] См. ***1842. Апреля 26–28. Фомино воскресенье — вторник Радоницы. Москва***; ***1842. Апреля 30. Четверг. Москва.***

[2] См. ***1842. Мая 7. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1842. Мая 11. Понедельник. Москва***; ***1842. Мая между 11 и 15. Москва.***

[3] Ко времени общения Гоголя в Москве с Загоскиным относится заметка в гоголевской записной книжке 1841–1845 гг. «Поговорки Михаила Николаевича». К началу 1842 г. относится заметка в той же книжке Гоголя «Выражения Кольчугина» (московский книгопродавец): «Журнал долго не выходит. — Эти журналисты с своими книгами, как девушка с платоническою любовью: люблю, люблю; а всё ничего нет.

— Я просила катихизис за 1842-й, а вы дали за 1830-й.— Да ведь это всё равно, сударыня: катихизис такого рода вещь, что тут воображением не разыграешь, хоть сам Филарет».

[4] Степан Васильевич Перфильев (1796–1878), генерал-майор, начальник московского округа Корпуса жандармов.

[5] А. Д. и Е. Г. Чертковых Гоголь, вероятно, навестил сразу по приезде в Москву, о чем свидетельствует заметка в его записной книжке 1841–1845 гг.: «На Лубянке, пройдя Кузнецкий мост, к Черткову».

[6] *Гриц.* С. 291.

[7] *Барсуков.* 1892. Кн. 6. С. 264.

[8] См. ***1842. Мая 5. Вторник. Москва.***

[9] См. ***1844. В течение года. Москва.***

[10] См. ***1842. Мая 26. Вторник – июня 5. Пятница. Санкт-Петербург.***

[11] *В. С.* Из воспоминаний о Н. В. Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 540.

[12] См. ***1842. Мая 8. Пятница. Москва.***

[13] В. Присниц (подробнее о нем см.: ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** – примечания). В Грефенберге-Фрейвальдау у Присница Гоголь лечился позднее: первый раз вместе с графом А. П. Толстым со второй половины августа по 21 сентября (н. ст.) 1845 г., второй раз – во второй половине июня (н. ст.) 1846 г. (см. ***1845. Августа около 21 <около 8> – сентября 21 <9>. Грефенберг-Фрейвальдау***; ***1846. Июня вторая половина <июня первая половина>. Грефенберг-Фрейвальдау***).

[14] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 818–819.

[15] *Свод.* Т. 1. С. 170.

[16] Вероятнее, поздно вечером.

[17] Воспоминания А. В. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 162.

[18] 9 мая 1842 г.

[19] Гоголь в письмах А. С. Хомякова и его жены Е. М. Хомяковой (рожденной Языковой) // *Свод.* Т. 3. С. 192.

[20] Василий Васильевич Григорьев (1816–1881), историк-ориенталист, профессор Ришельевского лицея. См. фрагмент из его воспоминаний «Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве»: ***1834. Октября вторая половина. Санкт-Петербург.***

[21] Братья Иван Васильевич и Петр Васильевич Киреевские.

[22] Братья Василий (1818–1879), Николай (1822–1876) и Андрей (1823–1844) Алексеевичи Елагины, сыновья Алексея Андреевича Елагина (1790–1846) и Авдотьи Петровны Елагиной (рожд. Юшкова, в первом браке Киреевская, 1789–1877).

[23] См. также ***1832. Июля начало. Москва***; ***1840. Мая 9. Четверг. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва.***

[24] На самом деле вечером в день своих именин (см. выше).

[25] Елизавета Васильевна (рожд. Вагнер).

[26] Поздно вечером 9 мая 1842 г.

[27] Два года.

[28] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 710–711; *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 640–641.

[29] См. ***1841 Июня конец – июля первая половина <июня вторая половина – июля начало>. Рим и окрестности (Олевано, Субиако и др.).***

[30] *Черницкая А.* Анна Васильевна Гоголь. (Мое знакомство и переписка с нею) // Исторический Вестник. 1914. № 10. С. 198–199; *Свод.* Т. 1. С. 154.

[31] Вероятно, в доме Погодина.

[32] *Горова Н.* Воспоминания о семье Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 167.

[33] *Чаговец В. А.* На родине Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 229.

[34] Воспоминания А. В. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 163.

[35] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 199.

[36] *Свод.* Т. 1. С. 129.

[37] См. ***1842. Августа 22 <10>. Понедельник. Гастейн.***

[38] См. ***1842. Апреля 4. Суббота. Москва.***

[39] В. И. Шенрок, беседовавший с А. С. Данилевским в 1887 г., сообщал: «...Обыкновенно письма адресовались в Миргород, а в Белгород, только когда Данилевский гостил у дяди, который там командовал полком» (*Свод.* Т. 1. С. 523).

[40] У Данилевского было три сестры: Марья Семеновна (в замужестве Лаппо-Данилевская), Анна Семеновна и Варвара Семеновна.

[41] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки.***

[42] См. ***1842. Августа 1 <июля 20>. Понедельник. Гастейн.***

[43] См. ***1841. Августа 7 <июля 26>. Суббота. Рим.***

МАЯ 9. СУББОТА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович отправляет в Москву письмо к Гоголю, в котором поздравляет его с именинами.

См. ***1842. Мая 15. Пятница. Москва.***

МАЯ 10. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Гоголь, вероятно, получив из Рима письмо от А. А. Иванова[1], пишет В. А. Жуковскому в Дюссельдорф:

«...Я буду к вам[2], ждите меня! Много расскажу вам прекрасного. Если вы смущаетесь чем-нибудь и что-нибудь земное и преходящее вас беспокоит, то будете отныне тверды и светлы верою в грядущее. Всё в мире ничто пред высокой любовью, которую содержит Бог к людям. Благословенье снизойдет на вас и на вашу подругу[3]. <...> Напишите какой-нибудь ответ Иванову об его деле[4]. Он в затруднительном положении. Клянусь, он боле, чем кто другой, достоин помощи!»

[1] См. ***1842. Мая 16 <28>. Суббота. Москва.***

[2] См. ***1843. Июня 8 <мая 27>. Четверг. Франкфурт***; ***1843. Июня 18 <6>. Воскресенье. Эмс***; ***1843. Июня 21 <9>. Среда. Эмс***; ***1843. Августа 22 <10>. Вторник. Баден-Баден.***

[3] Имеется в виду жена Жуковского, Елисавета Алексеевна.

[4] Речь идет о продлении содержания А. А. Иванову на три тода для продолжения работы над картиной «Явление Мессии» (см. ***1841. Сентября 20 <8>. Понедельник. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Ганау***).

МАЯ 11. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Гоголь пишет Н. Я. Прокоповичу в Петербург:

«Ты удивляешься, я думаю, что до сих пор не выходят “Мертвые души”. Всё дело задержал Никитенко. Какой несносный человек! Более полутора месяца он держит у себя листки Копейкина[1] и хоть бы уведомил меня одним словом, а между тем все листы набраны уже неделю тому назад[2], и типография стоит, а время это мне слишком дорого. <...> Я пожду еще два дни и, если не получу от [несносного] Никитенка, обращусь вновь в здешнюю цензуру, тем более, что она чувствует теперь раскаяние, таким образом поступивши со мною. Не пишу к тебе ни о чем, потому чрез недели две буду, может быть, сам у тебя[3], и мы поговорим обо всем и о деле[4], от которого, как сам увидишь, много будет зависеть твое положенье и твоя деятельность. Я получил письмо от *Белин<ского>*[5]. Поблагодари его. Я не пишу к нему, потому что, как он сам знает, обо всем этом нужно потрактовать и поговорить лично, что мы и сделаем в нынешний проезд мой чрез Петербург».

[1] Ср. ***1842. Апреля 12. Вербное воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1842. Мая 7. Четверг. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1842. Мая около 4. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1842. Мая 26. Вторник – июня 5. Пятница. Санкт-Петербург.***

[4] Имеется в виду издание собрания сочинений Гоголя.

[5] См. ***1842. Апреля 20. Понедельник Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

МАЯ ПОСЛЕ 12. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщает М. Г. Карташевской в Петербург:

«Вот кстати об Лизе Г<оголь>; она скоро отправляется в Малороссию, приехала на днях[1] мать ее и сестра, по этому случаю она и проводила у нас три дни, а сегодня была ее <сестра> у нас и недавно только уехала. Какая теперь разница между ними. Лиза была всегда застенчивее и неловчее сестры своей и гораздо более походила на избалованного ребенка, теперь же, напротив, она так переменилась, и не только в приемах, но и в понятиях, что сестра ее кажется какой-то неопытной. Мне было приятно увидаться с Анетой, не видавшись два года, она смешит нас очень рассказами, а бедная Лиза ужасается»[2].

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 818.

[1] См. ***1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва.***
[2] См. также ***1842. Мая 27–30. Москва.***

МАЯ 13. СРЕДА. МОСКВА

В «Прибавлении к № 38-му Московских Ведомостей», в разделе «Отъезжающие за границу», напечатано извещение о готовящемся отъезде Гоголя за границу:

«В Италию и ко Святым местам, 8-го класса Николай Васильевич Гоголь; жительство имеет в доме Погодина на Девичьем поле».

<Извещения газеты «Московские Ведомости» от 13, 16 и 20 мая 1842 г. об отъезде Гоголя за границу> // *Свод*. Т. 2. С. 183. – В тех же номерах газеты, непосредственно за извещениями об отъезде Гоголя, печатались извещения об отъезде за границу П. М. Языкова: «В Германию, Италию, Францию и Англию, Петр Михайлович Языков, Гит<т>енфервальтер <горный чиновник 10-го класса>; жительство имеет в Симбирской губернии».

МАЯ 14. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Сестра Гоголя Елисавета Васильевна записывает в дневнике:

«Бал у нас, т. е. у Прасковьи Ивановны <Раевской>, вечер и лоторея, было очень весело. Я почти весь вечер танцовала с Nadine Ц. Это был последний вечер, который я провела в доме многообожаемой Прасковьи Ивановны. Я к ним всем так привыкла, так всех полюбила»[1].

«Гостя после выхода из института в Москве в доме Раевских, она <Е. В. Гоголь> встретилась с молодым сапером Владимиром Ивановичем Быковым, за которого и вышла замуж в 1851 году»[2]. Возможно, знакомство состоялось через Аксаковых[3].

[1] *Свод*. Т. 1. С. 170.
[2] Гоголь на родине. Альбом художественных фототипий и гелиогравюр, относящихся к памяти Н. В. Гоголя / Вступ. статья и примеч. В. Горленко. Издание фотографии И. Ц. Хмелевского в Полтаве, 1902. С. 7; *Свод*. Т. 1. С. 173. – См. также ***1851. Апреля 8. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Кагорлык***; ***1851. Июля 4. Среда. Кагорлык.***
[3] См. ***1851. Октября 3. Среда. Москва.***

МАЯ МЕЖДУ 11 И 15. МОСКВА

Гоголь получил из Петербурга рукопись «Повести о капитане Копейкине» с цензурным разрешением[1] (рукопись была отправлена цензором А. В. Никитенко в Москву на имя М. П. Погодина 7 мая[2]).

Полученный из петербургской цензуры автограф «Повести о капитане Копейкине» был вклеен в те дни в цензурную рукопись «Мертвых душ», на место вырезанных страниц первоначальной редакции повести[3], и отдан в набор.

Билет на выпуск в свет отпечатанной[4] книги «Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма. Н. Гоголя» был выдан в те же дни цензором И. М. Снегиревым, о чем в журнале заседаний Московского цензурного комитета была сделана запись:

«1842 Мая 15-го дня в присутствие Московского Цензурного Комитета прибыли по полуночи Правящий должность Председателя, Помощник Попечителя Московского Учебного Округа Его Превосходительство и Кавалер Димитрий Павлович Голохвастов, Иван Михайлович Снегирев, Никита Иванович Крылов, Василий Павлович Флеров. <...> Присутствию Комитета докладываемо было о том, что с 8 по 15 число сего Мая месяца выданы были ГГ. Цензорами билеты на выпуск в свет отпечатанных книг и нот, а именно: Г. Цензором Снегиревым на книги: <...> 6. Похождения Чичикова или мертвые души, поэма Н. Гоголя»[5].

[1] См. ***1842. Мая 11. Понедельник. Москва***; ***1842. Мая 15. Пятница. Москва.***
[2] См. ***1842. Мая 7. Четверг. Санкт-Петербург.***
[3] Историю последующей публикации запрещенной цензурой редакции «Повести о капитане Копейкине» см.: ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** (примечания).
[4] Ср. ***1842. Апреля между 5 и 9. Москва.***
[5] *Свод.* Т. 2. С. 170.

МАЯ 15. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь, после получения из Петербурга рукописи «Повести о капитане Копейкине»[1], пишет Н. Я. Прокоповичу:

«Благодарю тебя именно за то, что ты в день 9 мая написал письмо ко мне[2]. Это было движенье сердечное: оно сквозит и слышно в твоих строках. <...> Нет нужды, что не сидят за пиром пировавшие прежде[3]; они присутствуют со мной неотразимо... <...> Ничтожна грусть твоя, которая на мгновенье осенила тебя в сей день... <...> Обманула тебя, как ребенка, мысль, что веселье твое уже сменилось весельем нового поколенья. Веселье твое еще и не начиналось. Запечатлей же в сердце сии слова: ты узнаешь и молодость, и крепкое, разумное мужество, и мудрую старость. Узнаешь их прекрасно, постепенно, торжественно-спокойно, как непостижимой Божьей властью я чувствую отныне всех их разом в моем сердце. <...> Имей в меня каплю веры, и живящая сила отделится в душу твою. Я увижу тебя скоро. Может быть, через две недели[4]. Книга тоже выдет к тому времени, всё почти готово».

В приписке к посланию Гоголь, вероятно, получив известие о выдаче билета на выпуск в свет отпечатанной книги «Похождения Чичикова...»[5], добавляет:

«О книге можно объявить. Постарайся об этом. Попроси Белинского, чтобы сказал что-нибудь о ней в немногих словах[6], как может сказать не читавший ее. Отправься также к Сенковскому и попроси от меня поместить в литературных новостях известие, [объяв<ление>] что скоро выдет такая-то книга[7], такого-то, и больше ничего. В этом, кажется, никто из них не имеет права отказать. Я думаю, я все экземпляры, назначенные в Петербург, отправлю к тебе, и потому ты объяви это заранее книгопродавцам, чтобы они говорили заране, сколько каждому нужно экземпляров. На комиссию я никогда не отдавал своих книг, и потому ты можешь <объявить>, что деньги они должны будут тебе внести в минуту получения книг, без чего они не будут им выданы».

В тот же день сестра Гоголя Елисавета переехала из дома П. И. Раевской в дом М. П. Погодина, где гостил ее брат с матерью и сестрой Анной.

Елисавета Васильевна записала в своем дневнике: «*15 <мая 1842>*. Утром я оставила добродетельный дом Прасковьи Ивановны с стесненным сердцем»[8].

[1] См. ***1842. Мая между 11 и 15. Москва.***
[2] См. ***1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1830. Мая 9. Пятница. День памяти св. Николая Мирликийского. Санкт-Петербург; 1831. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Санкт-Петербург; 1832. Мая 9. Понедельник. День памяти св. Николая Мирликийского. Санкт-Петербург; 1833. Мая 9. Вторник. День памяти св. Николая Мирликийского. Санкт-Петербург; 1834. Мая 9. Среда. День памяти св. Николая Мирликийского. Санкт-Петербург; 1836. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Санкт-Петербург.***
[4] См. ***1842. Мая 26. Вторник — июня 5. Пятница. Санкт-Петербург.***
[5] См. ***1842. Мая между 11 и 15. Москва.***
[6] Просьба Гоголя была выполнена (см. ***1842. Июня 1. Понедельник. Санкт-Петербург***).
[7] Эта просьба Гоголя была также выполнена (см. ***1842. Мая конец — июня начало. Санкт-Петербург***).
[8] *Свод*. Т. 1. С. 170.

МАЯ 16 <28>. СУББОТА. МОСКВА

В «Прибавлении к № 39-му Московских Ведомостей», в разделе «Отъезжающие за границу», напечатано второе объявление о готовящемся отъезде Гоголя «в Италию и ко Святым местам» и П. М. Языкова «в Германию, Италию, Францию и Англию»[1].

В тот же день Гоголь отправил ответное[2] письмо А. А. Иванову в Рим:

«Я получил ваше письмо и отвечаю вам только теперь, потому что прежде никак не мог по многим разным весьма хлопотливым обстоятельствам. Насчет вашего дела я советую все-таки прежде дождаться ответа на представление Жуковского. Моллер пусть своим чередом скажет <С. И.> Юрьевичу, Юрьевич Государю Наследнику[3]. <...> Почему вы не написали еще раз к Жуковскому? <...> Вы упомянули в письме, что хлопочете о доставлении вам работы: копии с Рафаэлева фреска. А по моему мнению, вам нужна теперь не копия с фреска, все-таки более или менее поврежденного и выполненного быстро, но копия с окончательнейшего произведения Рафаэля. Вы теперь в вашей картине приближаетесь к окончательной отработке, и потому вам нужно теперь приобресть высокую чистоту и полную окончательность кисти. Заказ вам есть, если хотите только воспользоваться. Напишите копию с Мадонны di Foligno[4]. Она будет вам хорошо заплачена, в этом я уверен. <...> ...Сею же осенью, может быть, мы с вами увидимся. <...> Распоряжения ваши Шаповалову насчет моих работ все хороши... <...> Если захотите теперь после получения вашего письма писать ко мне, то адресуйте в Гастейн».

[1] См. ***1842. Мая 13. Среда. Москва.***

[2] См. ***1842. Мая 10. Воскресенье. Москва.***

[3] См. ***1842. Апреля около 1 <марта около 20>. Флоренция.***

[4] Многие черты образа Иоанна Крестителя с картины Рафаэля «Мадонна ди Фолино» (1511–1512) были перенесены Ивановым в его «Явление Мессии». – См. также ***1843. Января 30 <18>. Понедельник. Рим.***

МАЯ 15–17. ПЯТНИЦА-ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Закончилось печатание части тиража «Мертвых душ».

См. ***1842. Мая около 17. Москва; 1842. Мая 18. Понедельник. Москва.***

МАЯ ОКОЛО 17. МОСКВА

Гоголь поручает С. П. Шевыреву продажу первого тома «Мертвых душ», а также выплату своих долгов.

Черновой набросок доверенности Шевыреву, с «регистром» долгов, сохранился в записной книжке Гоголя 1842–1852 гг.[1]: «Препоручаю распоряжение продажи Мертвых душ Степану Петровичу Шевыреву – 2400 экземпляров за вычетом двадцати процентов для книгопродавцев, берущих по 100 экземпляров. Поныне из типографии взят<о> 570 экземпляров, 240 в конторе, 30 взято мною, остальные триста находятся у Степана Петровича.

Первые вырученные деньги обращаются в уплату следующим[2]:

Свербееву – 1500	Хомякову – 1500
Шевыреву – 1900	Погодину – 1500
Павлову – 1500	

Выплачивать прежде тому, кому будут нужны.

Выплативши означенные деньги, выплатить следующие мои долги:

Погодину – 6000
Аксакову – 2000.

Остальные деньги, если наберутся, будут ждать у <...>

Экземпляры по мере изготовления препровождать к Степану Петровичу. Литографщик Сиверс на Кузнецком мосту возле Лицея обязан изготовить их сорочки[3], экземпл<яров> по 300 в день, после чего получить книги. Все деньги 102 рубли, 30 <копеек?> ему заплочено».

Позднее, 27 октября 1843 г., Шевырев писал Гоголю: «Не знаю, помнишь ли ты записку долгов, тобою мне оставленную. Вот она в копии: Свербееву 1500 р<ублей>, Павлову 1500 р<ублей>, Хомякову 1500 р<ублей>, Аксакову 3500 р<ублей>, Погодину 7500 р<ублей>, мне 400 р<ублей>»[4].

Обращает на себя внимание расхождение в суммах долгов Аксакову и Шевыреву в черновом наброске Гоголя и в письме Шевырева: в записной книжке Гоголя: Аксакову – 2000; Шевыреву – 1900; в «копии» Шевырева: Аксакову – 3500; Шевыреву – 400. (Соответствующие суммы стоят в приложенной Шевыревым к его письму таблице: «Мне – 400 р<ублей> / Аксакову – 3500». Кроме того, в таблице добавлено: «Еще ему же <т. е. Аксакову> за уплату новых 3500 р<ублей>»[5].)

В письме к Шевыреву от 15 августа (н. ст.) 1842 г. Гоголь также сообщал: «[Да еще слово насчет уплаты долгов моих. Я, не рассмыслив, сделал <пред>положения, кому первому понадобятся, и боюсь, что, может быть, никто не захочет быть первым. Пусть будет порядок первой серии такой. Первые полторы <тысячи> – неизвестному[6], кому именно я не знаю, об этом спросить у Аксакова, он не сказал, втор<ой> Свербеев, третий Павлов, четвертый Хомяк<ов>.] И потому вот непременный порядок. Погодину полторы тысячи, я полагаю, заплачено. Затем следует заплатить Свербееву, потом неизвестному, кому именно не знаю, Аксаков мне не сказал, потом Павлову. Потом Хомякову, а вторая серия как следует по писанному. Этот порядок ни на чем не основан, даже не на алфавите, а просто зажмуря глаза, и потому каждый не может отказываться».

В письме к С. Т. Аксакову от 18 августа (н. ст.) 1842 г. Гоголь еще раз уточнял: «Шевыреву я написал порядок, как уплачивать по случаю возникшего несогласия насчет первенства[7]. Нужно, чтобы эти деньги были уплачены как можно скорее. Они должны были быть отданы в первые два месяца».

В письме к Шевыреву от 12 ноября (н. ст.) 1842 г. Гоголь писал, что просил С. Т. Аксакова прислать ему вырученные деньги в Рим к 1 октября 1842 г.[8] Очевидно, Гоголь рассчитывал, что к тому времени его долги уже будут выплачены.

В письме к Н. Я. Прокоповичу от 17 апреля (н. ст.) 1843 г. Гоголь признавался: «Я, признаюсь, их обманул: пред выездом я сказал, что мне деньги не нужны, что у тебя есть деньги, и я их возьму в счет печатающих<ся> экземпляров. Мне хотелось, чтобы скорей как можно выплатилась хотя половина моих долгов из продажи М<ертвых> д<уш> и чтобы не брать оттуда для себя ни копейки до того времени. Тем более, что я видел собственными глазами, как нуждались во многом великодушно ссудившие меня. Не могу до сих <пор> вспомнить без глубокого душевного умиления о той помощи и о тех нежных участиях, которые шли ко мне всегда из Москвы. Петербургу просто некогда подумать обо мне. Кому, например, придет в голову сделать вопрос: этот человек ниоткуда не получает ни копейки дохода, ничего не печатает в течение шести лет — чем он живет в это время при расстроенном здоровье, при частых и необходимых для него переездах из климата в климат, из земли в землю? Два раза я мог бы просто умереть от нужды и голода, и обо мне составилась бы, может быть, потом довольно трогательная история, как о многих талантах, окоченевших [от голода] во время [уг<ара>] окружавших <их> призраков славы и прочего; но великодушные друзья мои умели проникнуть то, что может только проникнуть одно нежное участие, умели предложить мне таким образом, чтобы я даже и подумать не мог, что это с их стороны какое-нибудь одолжение, и сделали это большею частию те, которые меньше всего имели средств помочь. Итак, если я тебе дорог и душе твоей радостно, что я живу еще на свете, то этим ты обязан им».

Спустя более пяти лет, 14 июля 1847 г., М. П. Погодин писал Гоголю: «...Передача тобою продажи "Мертвых душ" Шевыреву, когда только что заведена была контора "Москвитянина", служила врагам моим доказательством, что ты не имеешь доверенности ко мне! Это были горькие для меня минуты, скажет тебе на том свете и моя Лиза. Шесть лет я делил с тобою последние свои крохи, не думая, не зная о возвращении (потому что ты в 1839 г. в Мариенбаде[9] уверял меня, что "Мертвые души" при жизни не будешь печатать), и вдруг, начав печатать, ты отшатнулся от меня, обратился за деньгами для напечатания к другим, давшим муку взаем, когда рожь услышали они в закроме, и проч. и проч., и я увидел себя поруганным, отстраненным (теперь ты объясняешь причину). За что? "За любовь мою", — стонал я внутри».

31 августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь отвечал Погодину: «Охота же тебе была пустые мелочи принимать к сердцу и выводить подозрительные заключения изо всякого обыкновенного дела. Что тебе, например, из того, что я поручил некие дела по моей книге "М<ертвые> д<уши>" Шевыреву? В этом деле я такой же хозяин, как и ты в деле издания книг своих. У меня это было сделано вовсе не из предпочтенья к кому бы то ни было, но просто из расчета: Шевырев аккуратнее тебя в сведении счетов, меньше твоего занят, меньше твоего забывчив, меньше обременен изданием всякого рода других книг. Всё это я принял в расчет и поручил ему, и в этом не раскаиваюсь, потому что это дело он обделал так аккуратно, как тебе не сделать; мне известен стал всякий рубль и копейка — куда что пошло».

1 См. также ***1838. Сентября 1 <13>. Четверг. Москва*** (примечания).

2 По свидетельству С. Т. Аксакова, в «реестр» не были включены 2000 рублей, которые Гоголь был должен М. П. Погодину, Е. А. Боратынскому, Н. Ф. Павлову, И. Е. Великопольскому и самому Аксакову (см. ***1838. Июня вторая половина, не позднее субботы 25 <июня конец — июля не позднее 7>. Москва***; ***1838. Сентября 1 <13>. Четверг. Москва***).

3 Сорочка — здесь: обертка из плотной цветной бумаги, наклеиваемая на сброшюрованную книгу (см. также ***1842. Февраль — мая 23. Москва***). В денном случае речь идет о литографии гоголевского рисунка обложки первого тома «Мертвых душ» (см. ***1842. Апреля между 5 и 9. Москва***).

4 См. ***1843. Октября 27 <ноября 8>. Среда. Москва.***

5 См. ***1843. Апреля 17 <5>. Великий понедельник. Рим.*** — См. также ***1845. Октября 4 <16>. Четверг. Москва.***

6 Д. Е. Бенардаки, 2000 рублей (см. ***1839. Ноября 16. Четверг. Санкт-Петербург***).

7 «Друзья Гоголя сложились по 1500 р<ублей> асс<игнациями> и дали ему на дорогу эти деньги (всего 6000 р<ублей> асс<игнациями>) с тем, чтобы получить их из выручки за Мертв<ые> души. Когда Шевырев стал расплачиваться, то никто не хотел взять первый» (примеч. С. Т. Аксакова на копии письма Гоголя к С. Т. Аксакову от 18 августа (н. ст.) 1842 г., снятой В. С. Аксаковой для П. А. Кулиша: *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 642).

8 См. ***1842. Ноября 12 <октября 31>. Суббота. Рим.***

9 См. ***1839. Июля 13 <1>. Суббота — августа около пятницы 23 <около пятницы 11>. Мариенбад.***

МАЯ МЕЖДУ 11 И 22. МОСКВА

Гоголь отправляет записку М. П. Погодину:

«Перфильев просит тебя сегодня в три часа обедать, где будет Одоевский[1]. Я бы и сам поехал, но кажется мои ноги не пустят. Так распухли[2] и разболелись, что не могу натащить других сапогов кроме спальных»[3].

[1] Ср. ***1842. Апреля 26–28. Фомино воскресенье – вторник Радоницы. Москва***; ***1842. Мая 5. Вторник. Москва***; ***1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва.***

[2] См. также ***1842. Марта 30. Понедельник. Москва.***

[3] Датировка записки уточнена.

МАЯ МЕЖДУ 17 И 22. МОСКВА

М. П. Погодин в записке к Гоголю сообщает:

«Комиссионер г. Полевого хочет поговорить с тобою о Мертвых душах – свободно ли тебе видеться с ним».

В тот же день на обороте записки Погодина Гоголь отвечал:

«Нет, не могу, ради Бога переговори и от него узнай, чего он хочет. Если экземпляров[1], то пусть отнесет в контору прежде деньги и потом возьмет сколько их нужно завтра.

А дальнейшие все дела будут принадлежать Шевыреву[2]. Я не могу видеться с книгопродавцами. Я уже давно так положил».

В тот же период Погодин в записке к Гоголю спрашивал:

«Взял ли ты билет ломбардный от <В. И.> Усачева?»

Гоголь на обороте записки Погодина в тот же день отвечал:

«Нет, не брал».

Вероятно, в то же время Гоголь отправил записку купцу В. И. Усачеву:

«Прошу покорнейше г. Усачева обменить находящийся у него билет сохранной казны, данный мною в уплату за бумагу, ценой в тысячу рублей с процентами, на прилагаемый при сем равной цены».

В тот же период Гоголь послал Погодину новую записку:

«Пожалуйста напиши две строки к квартальному[3], чтобы он написал мне свидетельство о неимении препятствий. Иначе опять пропал день, а мне сегодня же нужно хлопотать в канцелярии о пашпорте»[4].

Тогда же Гоголь еще раз писал Погодину:

«Аксаков присылает тебе эту записку. Чертков велел сказать, что он был у Цынского[5], но не застал его».

[1] См. ***1842. Мая 15–17. Пятница-воскресенье. Москва.***

[2] См. ***1842. Мая около 17. Москва.***

[3] Квартальными надзирателями пятого квартала Хамовнической части Москвы, где жил Погодин, были титулярные советники Ф. В. Григорьев и И. А. Ярцев.

[4] См. ***1842. Мая 22. Пятница. Москва.***

[5] Лев Михайлович Цынский, московский обер-полицеймейстер в 1834–1845 гг. Гоголь обращался к нему в связи с хлопотами о получении заграничного паспорта.

МАЯ 18. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Гоголь пишет ответное письмо П. М. Языкову:

«Я получил письмо ваше, заключающее полное решение не ехать[1]. <...> Посылаю вам Мертвые души, они вам будут напоминать обо мне. Да зачем вы не прислали мне ничего на дорогу? Слов и всяких заметок[2] теперь у вас, без сомнения, понабралось вдоволь. Велите переписать всё, что ни набралось, на тоненькую почтовую бумагу и пошлите в письме к Никол<аю> Мих<айловичу> <Языкову>... <...> Прощайте! Надеюсь, не медлить в дороге и спешить как можно. Сгораю нетерпением видеть старика»[3].

[1] Гоголь ждал П. М. Языкова, чтобы отправиться с ним вместе в Ганау к Н. М. Языкову (см. ***1842. Апреля 26 <14>. Великий вторник. Ганау***; ***1842. Мая 13. Среда. Москва*** – примечание). Кроме того П. М. Языков собирался ехать к лечившейся за границей жене (см. ***1841. Сентября 27 <15>. Понедельник. Дрезден***; ***1842. Ноября 18 <30>. Среда. Москва***).

[2] См. также ***1841. Сентября 26 <14>. Воскресенье. Праздник Воздвижения Креста Господня. Ганау*** (примечания).

[3] Старик – семейное прозвище самого П. М. Языкова (см. также ***1842. Апреля 30 <18>. Великая суббота. Ганау***).

МАЯ МЕЖДУ 18 И 23. МОСКВА

Гоголь сообщает Н. М. Языкову в Ганау:

«Петр Михалыч не едет[1]. Но я еду к тебе с огромной свитой. Несу тебе и свежесть, и силу, и веселье, и кое-что под мышкой[2]. Жди меня и не уезжай без меня никак. Клянусь, слетит с тебя последнее пасмурное облако, ибо я сильно, сильно хочу тебя видеть...»

В этот же период Гоголь подарил экземпляры «Мертвых душ» А. П. Елагиной (с надписью: «Авдотье Петров<не> Элагиной от Гоголя»), П. И. Раевской (с надписью: «П. И. Раевской от автора»); отправил «Мертвые души» А. С. Данилевскому в Миргород[3] (вместе с письмом)[4].

Позднее, 22 августа (н. ст.) 1842 г., Гоголь писал Данилевскому из Гастейна: «Я послал тебе <...> Мертвые души, просил тебя именем нашей дружбы не скрыть своих впечатлений после прочтения их, сказать всё, что ни есть на душе, указать недостатки, которых, без сомнения, там много...»

[1] См. ***1842. Мая 18. Понедельник. Москва.***

[2] Имеются в виду «Мертвые души».

[3] См. ***1842. Августа 22 <10>. Понедельник. Гастейн.***

[4] Письмо не сохранилось.

МАЯ 19. ВТОРНИК.
МОСКВА

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской в Петербург:

«Семейство Гоголя бывает очень часто у нас; все на той неделе уезжают и последнее время проводят у нас. Гоголь записал ваш адрес и зайдет, может быть, к вам[1], но я думаю, вы, верно, если только все здоровы, будете уже это время в деревне. Он едет теперь на неопределенное, но очень долгое время[2]. Мертвые души скоро выйдут, если б *нам вместе прочесть с тобой...*»[3]

30 мая 1842 г. В. С. Аксакова также писала Карташевской о Гоголе: «Не знаю, зайдет ли он к вам, потому что он будет очень занят в Петерб<урге>. Он хотел зайти к Ваничке. <...> Вчера, т. е. в пятницу[4], собрались мы поздно вечером в кабинете, вдруг видим в темноте входит офицер, в первую минуту все удивились, но я догадалась, что это должен быть Яша[5]. <...> Яша вспомнил твое препоручение и насчет Гоголя, я ему отвечала тоже, что и тебе написала, моя милая Машенька; вообще очень трудно отвечать за Гоголя, как и почему он поступает так, а не иначе, он так скрытен, молчалив насчет себя; впрочем тут может быть вина в излишней деликатности его друзей, которые боятся быть нескромными, а он кажется из таких людей, который и рад бы сообщить, но надобно, чтоб его спросили, впрочем, это только предположения»[6].

[1] См. ***1842. Июня 2. Вторник. Санкт-Петербург.***
[2] Гоголь выехал из Петербурга 5 июня 1842 г. (см. ***1842. Июня 5 <17>. Пятница. Санкт-Петербург***).
[3] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 819.
[4] 29 мая 1842 г.
[5] Яков Григорьевич Карташевский (род. в 1822), брат М. Г. Карташевской.
[6] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 821.

МАЯ 20. СРЕДА.
ДЕНЬ ПАМЯТИ СВЯТИТЕЛЯ АЛЕКСИЯ, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО.
МОСКВА

В «Прибавлении к № 40-му Московских Ведомостей», в разделе «Отъезжающие за границу», напечатано третье (последнее) объявление о готовящемся отъезде Гоголя «в Италию и ко Святым местам» и П. М. Языкова[1] «в Германию, Италию, Францию и Англию»[2].

В тот же день Гоголь на именинах А. С. Хомякова подарил имениннику[3] экземпляр только что вышедшего первого тома «Мертвых душ».

В следующий день, 21 мая 1842 г., Е. М. Хомякова в письме, отправляемом с Гоголем, сообщала брату Н. М. Языкову: «Вчера <были> именины Алексея Степановича. Гоголь подарил ему “Мертвые души”, приятнейший подарок!»[4]

[1] Ср. ***1842. Мая 18. Понедельник. Москва.***
[2] См. ***1842. Мая 13. Среда. Москва.***
[3] Именины А. С. Хомякова – день памяти святителя Алексия, митрополита Московского – 20 мая.
[4] Гоголь в письмах А. С. Хомякова и его жены Е. М. Хомяковой (рожденной Языковой) // *Свод.* Т. 3. С. 192.

МАЯ 21. ЧЕТВЕРГ. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНОГО ЦАРЯ КОНСТАНТИНА И МАТЕРИ ЕГО ЕЛЕНЫ. МОСКВА

Вероятно, в первой половине дня Гоголь вновь приезжает к Хомяковым[1] и, предположительно, дарит им свой портрет работы Ф. А. фон Моллера[2].

В этот день Е. М. Хомякова писала брату Н. М. Языкову: «Пишу Вам с Николаем Васильевичем. <...> Добрый Гоголь обеща<ет> Вам заменить батюшку. Он пробудет с Вами как можно дольше, поедет с Вами в Гаштейн[3]. Вообще трудно быть милее и добрее Гоголя. Я люблю его за его дружбу к Вам, и люблю его так, потому что его почти нельзя не любить. Он Вам будет живая грамота от нас, всё Вам расскажет; он видал даже малюток моих; Маша, которая не называет его иначе, как Гоголь-Моголь, любит его больше других. <...> Скоро мы перебираемся в деревню, съездивши прежде к Троице; поедет нас немного. <...> Николай Васильевич отказался. <...> Воображаю, как рады Вы будете прибытию Николая Васильевича»[4].

В тот же день, 21 мая 1842 г., Гоголь вместе с М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым был на именинах К. С. Аксакова, где подарил Аксаковым два экземпляра «Мертвых душ» и обещал через два года закончить второй том поэмы и прислать его для издания С. Т. Аксакову.

Спустя несколько дней К. С. Аксаков писал брату Ивану: «Вышли “Мертвые души”; это такая великая вещь... которой давно, давно не видел мир (в сфере искусства, разумеется); так смею я сказать и потом прошу тебя: не читай дорогою и удержися до твоего приезда сюда, где читай один или не один, все равно, но читай не в дороге, не кое-как, а спокойно, на месте»[5].

В письме к М. Г. Карташевской от 29 июня 1842 г. В. С. Аксакова сообщала: «Ты меня спрашивала, когда явится второй том. Вот что сказал Гоголь сам: что ровно через два года[6] выйдет другой том, и еще гораздо более объемом этого, но печатать он не будет сам, а хотел прислать отесеньке. Но два года, не правда ли, это слишком долго ждать»[7].

9 июня 1842 г. она же писала Карташевской: «...Но как долго ждать, что не прежде двух лет появится другой том, который будет объемом гораздо более первого. Он хотел его прислать печатать отесеньке»[8].

Спустя два года, 7 апреля 1844 г.[9], В. С. Аксакова в письме к Карташевской уточняла: «Через два года к 21 мая обещался он выдать другой том, однако ж, кажется, не сдержит своего обещания»[10].

К. С. Аксаков в конце августа – начале сентября 1845 г. писал самому Гоголю: «Вы, дорогой наш Николай Васильевич, <...> не сдержали вашего обещания: помните, по выходе первого тома “Мертвых душ”, вы сказали, что через два года выйдет другой том, и гораздо толще; срок пришел, и второй том не вышел. Конечно, верно, нельзя было этого вам сделать, и я далек от того, чтобы вас за то упрекать; но я очень, очень сожалею, и, разумеется, не один я. Хотя вы не любите, чтобы вам говорили о ваших созданиях, но отчего же не сказать, и сами вы знаете, что все на вас смотрит с ожиданием. Я не знаю причин, замедливших выход вашего сочинения, и нисколько вас не осуждаю».

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Печатанье “Мер<твых> Д<уш>” приходило к концу, и к отъезду Гоголя успели переплесть десятка два экземпляров, которые ему нужно было раздарить и взять с собой. Первые совсем готовые экземпляры были получены 21-го мая, в день именин Константина, прямо к нам в дом [к обеду], и тут же Гоголь подарил и подписал один экземпляр имениннику[11], а другой нам с надписью: “Друзьям моим, целой

семье Аксаковых". У нас было довольно гостей, и все обедали в саду. Были Погодин и Шевырев. Это был в то же время прощальный обед с Гоголем. Здесь он в третий раз обещал, что через два года будет готов второй том "Мер<твых> Д<уш>" [вдвое толще первого], но приехать для его напечатанья уже не обещал. Семейство Гоголя бывало у нас очень часто, почти всякий день. Мать его также собиралась ехать[12] и брала с собой вторую свою дочь Лизу, которая во время пребыва<ния> своего у Раевской много переменилась к лучшему, чем Гоголь был очень доволен»[13].

[1] Ср. ***1842. Мая 20. Среда. Москва.***

[2] См. ***1840 конец – 1841 начало. Рим.*** См. также ***1842. Мая 27–30. Москва***; ***1850. Марта 1. Среда. Москва.***

[3] См. ***1842. Июля 14 <2>. Четверг. Гастейн.***

[4] Гоголь в письмах А. С. Хомякова и его жены Е. М. Хомяковой (рожденной Языковой) // *Свод.* Т. 3. С. 192.

[5] Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 791.

[6] См. также ***1842. Мая 22. Пятница. Москва.***

[7] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 824.

[8] Там же. С. 823.

[9] См. ***1844. Апреля 7 <19>. Пятница. Москва.***

[10] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 842.

[11] С автографом: «Имениннику от Гоголя».

[12] См. ***1842. Мая 31. Воскресенье – июня начало. Москва.***

[13] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 711–712; *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 641.

МАЯ ДО 22. МОСКВА

Гоголь читает повесть «Шинель» в доме Киреевских.

В 1909 г. журналист Н. А. Голушков рассказывал: «В промежуток времени от 1868 по 1875 гг. мне пришлось столкнуться с двумя семьями[1], где бывал Николай Васильевич Гоголь во время своего пребывания в Москве. Первая – это семья Киреевских, близких родственников известного славянофила Киреевского. Семья их принадлежала в то время к высшему кругу московского общества, и Гоголь был введен в дом графиней Толстой.

Первый визит Гоголя, как мне рассказывала старушка Киреевская (урожд<енная> графиня Толстая), доживавшая свой век в своем имении Нижегородской губ<ернии>, произвел на нее неважное впечатление: "совсем, совсем не представительная личность, – говорила она, – какой-то неуклюжий, носатый, длинноволосый, пришел, сел в уголок и все время промолчал, как какой-то приживальщик".

Второй раз Николай Васильевич был приглашен в дом Киреевских на литературный вечер, где он прочел свой рассказ "Шинель". Жизнь мелкого чиновника с его душевными волнениями и невзгодами, среди чтения в этот вечер высокопарных и ничего не говорящих произведений, произвела громадное впечатление. Автор был награжден бурными аплодисментами, но скромность его заставила только краснеть, быть очень неуклюжим и незаметно скрыться с вечера».

Голушков Н. А. Кое-что из жизни Гоголя в Москве // *Свод.* Т. 3. С. 553.

[1] См. также ***1849. Мая 24. Вторник. Москва.***

МАЯ 22. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь получил заграничный паспорт[1].

В 1852 г. С. П. Шевырев на основании данных этого несохранившегося паспорта записал: «Паспорт из Москвы 22 <мая>. 1842»[2].

В тот же день Гоголь послал 100 экземпляров «Мертвых душ» в Петербург[3] и написал письмо к преосвященному Иннокентию в Харьков, которое вручил матери с тремя[4] экземплярами поэмы (из них два — для владыки Иннокентия и М. А. Максимовича), с тем, чтобы мать передала письмо с книгами лично владыке, будучи проездом в Харькове[5].

В письме к святителю Иннокентию Гоголь сообщал: «За несколько часов до отъезда[6] спешу написать к Вам несколько строк. Полный душевного и сердечного движенья, жму заочно Вашу руку; и силой Вашего же благословения благословляю Вас! Неослабно и твердо протекайте пастырский путь Ваш! Всемогущая сила над нами. Ничто не совершается без нее в мире. И наша встреча была назначена свыше. Она залог полной встречи у Гроба Господа[7]. Не хлопочите об этом и не думайте, как бы ее устроить. Всё совершится само собою. Я слышу в себе, что ждет нас многозначительное свиданье. Посылаю Вам труд мой[8]. Взгляните на него дружелюбно. Это бледное начало того труда, который, светлой милостью небес будет много не бесполезен. Прощайте! примите мое душевное сильное лобзанье. Если же почувствуете когда желанье внутреннее писать ко мне, напишите в Рим (на имя банкира Валентини Piazza Apostoli). В Риме я пробуду никак не менее двух лет[9], то есть пока не кончу труд[10], а там в желанную дорогу! <...> Обнимите за меня Максимовича, если увидите, и вручите ему прилагаемый при сем <экземпляр>. Другой экземпляр книги доставит Вам маминька моя лично, которую благословите Вашим благословеньем. Ваш образ, которым Вы благословили меня, всегда со мною!»

Позднее, 4 июня 1842 г., в письме к матери из Петербурга Гоголь спрашивал: «Напишите мне, видели ли вы в Харькове Иннокентия[11] и вручили ли ему письмо мое и книги».

[1] См. также ***1842. Мая между 17 и 22. Москва***.
[2] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод*. Т. 2. С. 124. См. ***1852. Мая 2–7. Москва***.
[3] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки*** (примечания).
[4] См. ***1843. Октября 27 <ноября 8>. Среда. Москва***.
[5] См. ***1842. Мая 31. Воскресенье — июня начало. Москва***.
[6] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки***.
[7] См. ***1842. Февраля 6. Пятница. Москва***.
[8] «Мертвые души».
[9] См. также ***1842. Мая 21. Четверг. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Москва***.
[10] Подробнее см.: ***1845. Марта 20 <апреля 1>. Вторник. Москва*** (примечания).
[11] «По просьбе Гоголя, Марья Ивановна заезжала на обратном пути благодарить преосвященного Иннокентия» (Воспоминания А. В. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 163).

МАРТ[1] — МАЯ ДО 23. МОСКВА

Н. Н. Шереметева рассказывает Гоголю о полковнике в отставке, бывшем декабристе И. А. Фонвизине.

Позднее И. А. Фонвизин высоко отзывался о книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Шереметева 20 февраля 1847 г. писала Гоголю в Неаполь: «Он вас отроду не видывал, но по этой книге познал и полюбил. Я с вами раз о нем говорила до отъезду вашего. Какой он высокой христианской жизни, с какою любовию, покорностию и благодарностию он перенес смерть единственного сына[2]. Вы тогда же записали его имя»[3].

Иван Александрович Фонвизин (1796–1853), племянник известного писателя, бывший декабрист, полковник (с 1817; с 1820 г. в отставке), масон (с 1818), брат декабриста М. А. Фонвизина[4], друг зятя Шереметевой, декабриста И. Д. Якушкина[5]. С 1826 по 1846 г. жил в Москве и в своем имении Марьине Бронницкого уезда Московской губернии под надзором полиции.

Нелицеприятную характеристику дал И. А. Фонвизину в 1827 г. в своих донесениях к А. Х. Бенкендорфу (в «Списке особам, взятым на замечание по тайным их сборищам» и «Списке о лицах, обративших на себя замечания») начальник 2-го округа корпуса жандармов генерал-майор А. А. Волков: «Фон-Визен <так в источнике> Иван Александр<ович> <...> отставной из Свиты полковник. Имеет большое родство и знакомство, давнишний масон, нрава крутого, злопамятного и непостоянного, а потому и не любим как родными, так и людьми своими. В числе преступников 14 декабря <1825 г.> был взят в С. Петербург, но возвратился, а брат его сослан. Состояние у него до 2000 душ в разных губерниях. В сем Обществе <масонов> не почитается за дальновидного человека, жена его была из фамилии Пущиных и скончалась, когда он был взят в С. Петербург. Живет в своем доме Мясницкой части, под № 322-м»[6].

[1] См. ***1842. Март. Москва.***

[2] И. А. Фонвизин потерял сына Александра в 1839 г. 27 декабря 1839 г. Шереметева писала жене М. А. Фонвизина Н. Д. Фонвизиной из Москвы в Тобольск: «Это время не писала, да и что сказать, одно что может возлюбленную Наталью Дмитриевну и мужа ее порадовать, то состояние достойнейшего Ивана Александровича; над ним вера показала всю силу, которую она имеет над душою, благоговеющей перед велениями Божиими. Не видавала такой покорности и в какое время – когда он лишился 15-летнего единственного сына, умного, милого мальчика. В самой этот день я очень рано к ним собралась, выхожу, его человек с запиской, не смею ни распечатать, ни спросить у человека, зачем он пришел, тяжко было. Что же он пишет: "в пять часов утра угодно было милосердому Господу взять к Себе моего сына; я уже вам сказал, что от всего сердца отдал его Господу. Помолитесь об усопшем вашем крес<т>нике и о мне". – Поймешь, мой друг, каково было ехать и как тяжко было видеть милого юношу на столе и кругом него стон и плач, все домашние учителя, все это плачет. "Где Иван Алек<сандрович>?" – "Он у обедни". Он всю ночь провел подле кровати умирающего сына; когда увидел, что кончается, положил ему распятие на сердце и стал молить Господа о принятии души его с миром, прочел отходную и, когда уже все свершилось, то, говорят, подошел к образу Спасителя, плакал, молился и кончил тем: "благодарю Тебя, Господи, что Ты меня посетил" (после сам его одел, положил на стол и пошел к обедни). Он не словом, а на деле доказал, что такое Христианин, принес Богу в жертву все, что имел, и возблагодарил Посетившего его. И доселе Господь его хранит в той же тишине и спокойствии духа. В полусорочины была у них в приходе, вместе поминали, потом к нему пришла и очутилась как-то в той комнате, где Саша скончался. Говорю: "Сиротливо вам", а он отвечает: "Ему там хорошо". Подкрепи его, Господи! Мой Алексей <А. В. Шереметев, сын Шереметевой> говорит, что Катерина Ва<сильевна> <вероятно, Ек. Ф. Пущина, свояченица И. А. Фонвизина, сестра его покойной жены> и Иван Александрович от того так хороши, что беспрерывно над собою наблюдают. Боже, милостив нам буди и помоги помнить час смертный» (*РГБ*. Ф. 319. К. 4. Ед. хр. 48. Л. 19–20).

[3] См. ***1847. Февраля 20 <марта 4>. Четверг. Москва.*** – О подлинном характере религиозных взглядов И. А. Фонвизина, называемого Шереметевой человеком «высокой духовности», а также о характере взаимоотношений его с Гоголем см.: ***1851. Июня между 5 и 25. Москва***; *Виноградов И. А.* Материалы по изучению масонского и декабристского движения, полученные Гоголем от декабриста И. А. Фонвизина и Н. Н. Шереметевой // Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 229–245; *Виноградов И. А.* Церковное и народное слово в творческом наследии Гоголя // *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 772–775.

[4] См. ***1847. Февраля 4 <16>. Вторник. Тобольск*** (примечания).

[5] См. ***1844. Июля 17 <5>. Среда. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[6] Масоны в жандармских донесениях (конец 20-х – начало 30-х гг. XIX в.) / Публ. В. Е. Корнеева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2003. С. 172–173, 179–180.

ФЕВРАЛЬ – МАЯ 23. МОСКВА

Гоголь пишет записку М. П. Погодину:

«Хорошо пусть придет подъемщик. Я думал, что достаточно записки к Ивану Яковлевичу[1], а когда лучше подъемщик, то пусть подъемщик. Письмо к Аксакову[2] написано хорошо».

В этому же периоду относится ряд помет в записных книжках Гоголя 1841–1844 и 1842–1851 гг.:

Из записной книжки 1841–1844 гг. : «Взять Экземпляр Посошкова[3]. – Ивану Яковлевичу о бумаге. *Наборщик<у>:* опустить ниже заголовки. Литографщику[4] за буквы и картинку»[5].

Из записной книжки Гоголя 1842–1851 гг.: «В Петербурге[6]: План Москвы. Карту России в Депо подклеенную. – Ивану Яковлевичу за бумагу и переплетчику. Литографщику о форме букв. <...> Михаилу Петровичу <Погодину>: Объявление[7]. Гастейн[8]. <...> Щепкину дать на ярманку[9] экземпляры. В типографию: Послать на сорочки[10]. Взять листы. Взять Гастейн. <...> Никитенке. Вяземскому. Узнать о графине Пален. Взять экземпляры для Корсак<ова>, Плет<нева> и <графини> Пален. Заехать к Краевскому. <...> К Балабиной. К Плетневу об портрете, об издании сочин<ений>, дать книгу. У Вельегорского взять. К Уварову[11]. <...> К Бенардаки. К Растопчиной. К Вельегорскому. <...> Сказать Смирновой о экземплярах. <...> Аксакову Энгеля[12]. Гастейн, статья. Место в дилижансе. Григор<ию> Петровичу[13] о пашпорте. О Гастейне. <...> Смирновой М<ертвые> д<уши> отвезти. Шевыреву. Тарновскому»[14].

[1] И. Я. Диринг (Деринг), фактор московской университетской типографии, где печатались «Мертвые души».

[2] Письмо Погодина к С. Т. Аксакову не сохранилось.

[3] Сочинения Ивана Посошкова, изданы, на иждивении Московского Общества Истории и Древностей Российских, Михайлом Погодиным, Профессором Русской Истории. М., 1842 (цензурное разрешение 6 февр., цензор П. Корсаков; «По определению Императорского Общества Истории и Древностей, учрежденного при Московском Университете, 1842 года Мая 31. Член Комитета С. Шевырев»). 317 с. – «Предисловие» М. П. Погодина (С. VII–XXIV) датировано в книге 30 мая 1842 г. Очевидно, что «Сочинения...» И. Т. Посошкова (1652–1726), о печатании которых Гоголь знал от Погодина, вышли в свет после отъезда писателя из Москвы 23 мая 1842 г.

[4] Вероятно, Л. Сиверсу.

[5] Имеется в виду гоголевский рисунок обложки «Мертвых душ» (см. ***1842. Апреля между 5 и 9. Москва***).

[6] См. ***1842. Мая 26. Вторник – июня 5. Пятница. Санкт-Петербург.***

[7] См. ***1842. Мая 6. Среда. Москва.***

[8] См. ***1841. Сентября 26 <14>. Воскресенье. Праздник Воздвижения Креста Господня. Ганау***; ***1842. Марта конец – апреля начало. Москва.***

[9] См. ***1842. Июня 1–10 <13–22>. Харьков.*** – 24 мая 1842 г. С. Т. Аксаков сообщал С. П. Шевыреву: «М. С. Щепкин едет в Харьков, и Гоголь просил его, чтоб он взял 25 экземпляров для распродажи по Малороссии» (см. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки***).

[10] См. ***1842. Мая около 17. Москва.***

[11] В Петербурге через министра народного просвещения С. С. Уварова Гоголь намеревался представить экземпляры «Мертвых душ» Государю, Государыне и Наследнику (см. ***1842. Мая 26. Вторник – июня 5. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1842. Июня 4. Четверг. Санкт-Петербург***). Позднее, 3 июля 1842 г., С. Т. Аксаков писал Гоголю: «Я получил ваше письмецо из Петербурга от 4-го июня. Вы намеревались выехать из него ранее, чем предполагали; по крайней мере, я помню, что поднесение экземпляров назначаемо было при вас...»

[12] Вероятно, Гоголь имеет в виду книгу И. Х. Энгеля (Engel J. Ch., 1770–1814) «Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Kosaken». Halle, 1796. – Позднее, в Петербурге, в той же записной книжке Гоголь сделал помету: «Купить у графа Энгеля».

[13] Князь Григорий Петрович Волконский (1808–1882), сын министра двора, князя П. М. Волконского, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа и председатель Санкт-Петербургского цензурного комитета (см. ***1842. Мая 7. Четверг. Санкт-Петербург*** – примечания).

[14] В. В. Тарновский, соученик Гоголя по Нежинской гимназии.

1841 ОКТЯБРЬ – 1842 МАЯ 23. МОСКВА

Гоголь отправляет записку к С. Т. Аксакову:

«Прошу вас покорнейше, дорогой Сергей Тимофеевич, отправить эти два письма к <А. Ф.> Томашевскому[1] для отправки за границу. Как ваше здоровье и что делается в желудке? И сходили ли на низ, и кстати что делает столяр?»

В этот же период Гоголь пишет записку М. П. Погодину:

«Чертков просил тебя к нему обедать. Зайди пожалуйста на одну минуту ко мне».

[1] Цензор Московского почтамта.

МАЯ 23. СУББОТА. МОСКВА, С. ХИМКИ

В «Московских Ведомостях» (№ 41) напечатано сообщение о продаже в книжной лавке Московского университета новой книги Гоголя:

«Похождения Чичикова, или МЕРТВЫЕ ДУШИ. Поэма *Н. Гоголя*, напечатана на веленевой бумаге в большую 8-ю долю листа, 475 страниц. М. 1842 г.; цена в красивой обертке 10 р<ублей> 50 к<опеек>, в хорош<ем> сафьян<ном> корешке 12 р<ублей> асс<игнациями>, за пересылку в города за 3 фун<та>».

В тот же день, 23 мая 1842 г., Гоголь выехал из Москвы в Санкт-Петербург. В доме Аксаковых простился с матерью и сестрами, Анной и Елисаветой. Н. Н. Шереметева (познакомившаяся в этот день с Аксаковыми[1]), провожала его до Тверской заставы[2]; Аксаков, с сыновьями Константином и Григорием, и М. С. Щепкин, с сыном Дмитрием (и, возможно, с сыном Николаем[3]), – до Химок.

Перед отъездом Гоголь подтвердил Щепкину свое обещание предоставить ему право для постановки комедии «Женитьба»[4], а также обещал дать ему такое же право на все свои «драматические сцены»[5].

При отъезде Гоголь оставил в доме М. П. Погодина свой портрет работы А. А. Иванова[6]. В отличие от мая 1840 г.[7], Погодин из-за размолвки с Гоголем[8] его не провожал.

Вероятно, в день расставания Гоголь просил друзей доставлять ему в письмах будущие критические отзывы о его сочинениях, в том числе принадлежащие О. И. Сенковскому[9]. По-видимому, Гоголь просил об этом Аксаковых[10], но М. С. Щепкин, «вместе с сыновьями», «вызвался сам», а «других отвадил» (впоследствии своего обещания он не выполнил)[11].

Позднее, 12 сентября 1843 г., Погодин писал Гоголю в Дюссельдорф: «Когда ты затворил дверь, я перекрестился и вздохнул свободно, как будто гора свалилась у меня тогда с плеч; все, что узнавал я после – прибавило мне еще больше муки, и ты являлся, кроме святых и высоких минут своих, отвратительным существом...»

2 ноября (н. ст.) 1843 г. Гоголь отвечал Погодину (письмо осталось Погодину неизвестным)[12]: «Ту же тяжесть, какую ты чувствовал от моего присутствия, я чувствовал от твоего. Как из многолетнего мрачного заключения, вырвался я из домика на Девичьем поле. Ты был мне страшен. Мне казалось, что в тебя поселился дух тьмы, отрицания, смущения, сомнения, боязни. Самый вид твой, озабоченный и мрачный, наводил уныние на мою душу, я избегал по целым неделям встречи с тобой. Когда я видел, как с помощью какой-то непостижимой силы закрутился между нами вдруг какой-то посторонний вихрь, в каком грубом буквальном смысле принимался всякой мой поступок, какое топорное значение давалось всякому моему слову, – почти ужас овладевал моею душою. Я уверен, что я тебе казался тоже одержимым нечистою силою: ибо то, что ты приписывал мне в уединенные минуты размышлений (чего, может быть, не сказывал никому), то можно приписать только одному подлейшему лицемеру[13], если не самому дьяволу. Надобно тебе сказать, что всё это слышала душа моя».

Поскольку это письмо Гоголя не было доставлено Погодину, то спустя более чем три с половиной года, в письме к нему от 8 июля (н. ст.) 1847 г., Гоголь предпринял новое объяснение[14].

Погодин 14/26 июля 1847 г., в числе прочего[15], отвечал Гоголю: «Множество было и других обстоятельств. Дьявол умеет собирать их ко времени. <...> Потому-то я перекрестился, затворяя за тобою дверь, и уже чрез год, кажется, или более мог писать к тебе. А ты сам меня в это время ненавидел! <...> Я вспомнил еще случай: кажется, перед твоим отъездом я был у тебя однажды наверху, говорил, помнится, об университете, был тронут и плакал, а ты уже тогда презирал меня! Это казалось тебе лицемерием?»

2 февраля (н. ст.) 1844 г. Гоголь писал С. П. Шевыреву о Погодине как журналисте: «Он не ведает <...> различного значения сотрудников, то есть, что один создан для ежедневной работы, другой для того, чтобы в месяц или в два дать одну статью, третий – и того реже. Он без всякого сострадания готов засадить за малую работу того, кто создан для работы покрупнее, и в случае отказа будет попрекать его эгоизмом, говорить, что его приятели не чувствуют, как он выбивается из сил и ни один не хочет помочь ему».

14 февраля (н. ст.) 1844 г. Гоголь еще раз обращался к самому Погодину: «Ты позабываешь весьма часто две вещи: во-1-х. Два человека, живущие в двух разных мирах, не могут совершенно понять друг друга. Если один живет жизнью среди тысячи разных забот и занятий, дергающих его со всех сторон и не дающих продолжительно входить в себя, а другой ведет жизнь, совершенно сосредоточенную в себе самом, то между ними будут вечные недоразумения, если они столкнутся между собою. Последний еще имеет более средств понять первого. Но редко может случиться, чтобы первый понял последнего. <...> Во 2-х. Ты иногда жаловался горько на неблагодарность людей, но всегда позабывал задать вопрос: не во мне ли самом заключена причина этой неблагодарности? <...> Ты часто хотел вкусить слишком скоро плоды своего доброго дела. Это было причиной многих твоих разрывов и недоразумений со многими людьми. <...> Я слышал, что ты бываешь часто одержим беспокойствами и тревогами частию нервическими, частию душевными. Всё это слишком мне знакомо. Много происходило во мне таких сильных душевных потрясений, раздражавших такие чувствительные и тонкие струны, что в один болезненный вопль превращалась душа моя. Это началось в сильнейшей степени, когда я был среди вас, но никто не был свидетелем этого, потому что я, как тебе известно, человек скрытный. Мне помогало одно средство...»[16]

12 марта (н. ст.) 1844 г. Гоголь писал также Шевыреву: «Погодин оказал мне великое благодеяние, и я теперь в лице нас всех приношу ему душевную благодарность. Думая напасть во мне на одно, он нечаянно напал на другое. Невинно, и не зная сам того, он напал на целое сцепление таких чувствительных струн, от которых целые полтора года болела душа моя, но зато я окреп во многом том, в чем иногда не бывают крепки многие люди».

14 декабря (н. ст.) 1844 г. Гоголь еще раз писал Шевыреву: «...Иногда человек только в сердцах высказывает правду. Это водится за нашим другом Погодиным и, признаюсь, я иногда его нарочно сердил только затем, чтобы узнать, что он обо мне думает».

9 января (н. ст.) 1845 г. Гоголь сообщал также А. О. Смирновой о своих «литературных приятелях», которые встретили его по приезде в Россию в 1841 г.[17] «с разверстыми объятиями»: «Всякий из них, занятый литературным делом, кто журналом, кто другим, пристрастившись к одной ка-

кой-нибудь любимой *идее* и встречая в других противников своему мнению, ждал меня как какого-то мессию, которого ждут евреи[18], в уверенности, что я разделю его мысли и идеи, поддержу его и защищу против других, считая это первым условием и актом дружбы, не подозревая даже того (невинным образом), что требования эти, сверх нелепости, были даже бесчеловечны. Жертвовать мне временем и трудами своими для поддержания их любимых идей было невозможно, потому что я, во-первых, не вполне разделял их, во-вторых, мне нужно было чем-нибудь поддерживать бедное свое существование и я не мог жертвовать им моими статьями, помещая их к ним в журналы, но должен был их напечатать отдельно[19], как новые и свежие, чтобы иметь доход. Все эти безделицы у них ушли из виду, как многое уходит из вида людей, которые не любят разбирать в тонкости обстоятельства и положения другого, а любят быстро заключать о человеке, а потому на всяком шагу делают беспрестанные ошибки. Прекрасные душой делают дурные вещи, великодушные сердцем поступают бесчеловечно, не ведая того сами.

Холодность мою к их литературным интересам они почли за холодность к ним самим. Не призадумались составить из меня эгоиста в своих мыслях, которому ничто общее благо, а дорога только своя собственная литературная слава[20]. <...> ...Вряд ли вы догадаетесь, какого рода были мои внутренние страдания, которых начало началось отсюда. (Плетнев меньше всех был в них виновен, или, лучше сказать, он вовсе невинен, но зато он был смешней всех и точный ребенок доныне.) Скажу вам только то, что между моими литературными приятелями началось что-то в роде ревности. Всякий из них стал подозревать меня в том, что я променял его на другого. И слыша издали о моих новых знакомствах и о том, что меня стали хвалить люди им неизвестные, усилили еще более свои требования, основываясь на давности своего знакомства. Я получал престранные письма, в которых каждый, выставляя вперед себя и уверяя меня в чистоте своих отношений ко мне, порочил и почти неблагородно клеветал на других, уверяя, что они мне льстят только из своих выгод, что они меня не знают вовсе, что они любят меня только по моим сочинениям, а не потому, что они любят меня самого (все они до сих пор еще уверены, что я люблю всякого рода фимиам), и упрекая меня в то же время такими вещами, обвиняя такими низкими [и подлыми] обвинениями, каких, клянусь, я бы не сделал самому дурному человеку, и поступков, приписываемых мне, я бы не приписал не только немного худшему меня, но даже никому бы не приписал, потому что просто безумное было бы дело приписать их кому бы то ни было. Они в мыслях своих сделали из меня какую-то игрушку, бесхарактерного человека, который не знает вовсе людей, меняется в мыслях и переходит от одного к другому. И с тем вместе придавали мне такие качества, которые явно противуречат такому бесхарактерному человеку, как-то: эгоизм, славолюбие, недоверчивость, скрытность и тому подобное. Одним словом, они наконец вовсе запутались и сбились со всякого толку. Каждый из них на месте меня составил себе свой собственный идеал, им же сочиненный образ и характер, и сражался с собственным своим сочинением в полной уверенности, что сражается со мною. Теперь конечно все это смешно, и я могу, сказавши: [только с некоторым легким прискорбием]: "Дети, дети!", обратиться по-прежнему к своему делу. Но тогда мне было невозможно того сделать. Недоразумения доходили до таких оскорбительных подозрений, такие грубые наносились удары и притом по таким чувствительным и тонким струнам, о существовании которых не могли даже и подозревать наносившие удары, что изныла и исстрадалась вся моя душа и мне слишком было трудно. Тем более это было трудно, что даже и оправдаться мне не было возможности, как ни хотелось оправдаться. Оправдаться мне уже потому было нельзя, что слишком многому мне нужно было вразумлять их, слишком во многом мне нужно было раскрывать им мою внутреннюю историю. А при мысли о таком труде и самая мысль моя приходила в отчаяние, видя пред собою бесконечные страницы. При том всякое оправдание мое было бы им в обвинение, а они еще не довольно созрели душою и не довольно христиане, чтобы выслушать такие обвинения. Мне оставалось одно – обвинить до времени себя, чтобы как-нибудь до времени их успокоить и, выждав времени, когда души их будут более размягчены, открывать им постепенно, исподволь и понемногу настоящее дело».

Уже в начале июня 1843 г. Гоголь сделал попытку примирения с Погодиным[21]. Спустя некоторое время Гоголь написал ему письмо, на которое тот не ответил[22].

В день отъезда брата, 23 мая 1842 г., сестра Гоголя Елисавета Васильевна записала в своем дневнике: «Грустный для меня день! Накануне я очень плакала, потому что это был последний вечер, что я видела брата. Его не было дома. Все легли спать, но я все сидела на постели и одна не спала: ожидала его. Наконец колокольчик зазвонил... Я побежала к брату. Он удивился, что я так долго не сплю; но могла ли я спать, когда он последнюю ночь здесь ночует! Я много плакала. Сегодня мы поехали все к Аксаковым и Праск. <Надежда> Ник<олаевна> Шереметева – провожать его. Мы все ужасно плакали. Он уехал во втором часу утра, а мы в 7 вечера к Троице с Аксаковыми»[23].

Позднее Елисавета Васильевна вспоминала: «Сначала мне очень дико было, [я ездила провожать его] грустно нам было его провожать, мы все собрались: Маминька, Анет, я, Погодин, Щепкин в доме Аксаковых, он хотел ехать ночью, о какая это <тя>гость была, меня уговорили уснуть, и я вздрагивала во сне и просыпалась, боясь, чтобы брат не уехал, не простясь со мной»[24].

При расставании Гоголь сказал матери и сестрам, что «раньше пяти или, по крайней мере, четырех лет» «не думает возвратиться»[25].

В. С. Аксакова сообщала тогда М. Г. Карташевской (письмо от 23–25 мая 1842 г.): «Сейчас едем к Троице. Сегодня проводили Гоголя, отесенька и братья поехали его провожать до первой станции[26] и еще не возвращались, а мы, т. е. Маменька, я, Олинька, Надинька и Любинька и Княжн<а> Горчакова едем в одном экипаже, в другом же – мать Гоголя с дочерьми! Нарочно так устроили, чтоб мать его в тот же день уехала, ей так тяжела разлука с сыном, а теперь же так надолго. <...> Я тебе еще не говорила про необыкновенное знакомство, которое мы сделали на днях, с одной удивительной старушкой. Это одна Шереметьева, старушка лет более 70, и уже давно, с молодых лет, отказавшаяся совершенно от всех условий и церемоний света, чрезвычайно умная и исполненная такой истинной религиозности, между тем веселая в разговорах, даже шутливая; действующая всегда так прямо, так просто, что в первую минуту, как ее увидишь, ты сама иначе не можешь с ней говорить, как будто век была с ней знакома, в ней в самом деле есть что-то необыкновенное... <...> Она одевается всегда в черном и не может сносить ничего на голове. По нашей просьбе она скинула с себя платок и осталась по обыкновению в седых волосах, обстриженных, с тем у ней такое прекрасное лицо, такое необыкновенное, привлекательное, в молодости она должна была быть красавицей. <...> Она как-то увидела Гоголя[27] и по какому-то особенному случаю просидела наедине с ним[28] несколько времени и до того его полюбила, что несколько раз сама у него была, не заставала дома и опять приезжала, ему не позволяла приезжать к себе, потому что хотела с ним быть наедине: помнит все числа тех дней, в которые она его видела, и наконец непременно хотела его проводить. Никола<й> Васильевич сказал ей, чтоб она приехала к нам, потому что он ехал от нас. Вот в субботу <23 мая 1842 г.> она сперва была у него, подарила ему шнурочек своей работы, написала прощальное письмо, потом приехала к нам, и через минуту никто бы не мог подумать, что мы только в первый раз виделись. <...> Об Гоголе она говорит, что она давно слыхала об нем как о человеке умном, образованном и т. д., но что никто ей не говорил об нем как о человеке, проникнутом так глубоко любовью к Богу (что совершенная правда, особенно с некоторых пор)»[29].

Позднее В. С. Аксакова вспоминала: «...Один раз, кажется, в день его отъезда она <мать Гоголя> была у нас, Мер<твые> Д<уши>, только что вышедшие, лежали на столе, она развернула их и прочла "О моя юность, о моя свежесть" и залилась слезами[30]. – Когда Гоголь уезжал, перед тем, как выйти из залы, он обернулся ко всем и перекрестил»[31].

В заметках о Гоголе 1861–1864 гг. В. С. Аксакова также сообщала: «В 1842 г. к 21 мая[32] вышла первая часть Мерт<вых> Д<уш>, и он сам скоро уехал опять в чужие края из нашего же дома. Уехал с тем, чтоб побывать в Иерусалиме. – Уезжая, перекрестил всех нас. Мать и сестры его были тут же»[33].

В письме к М. Г. Карташевской от 30 мая 1842 г. В. С. Аксакова замечала: «Ты спрашиваешь, моя милая Машенька, зачем Гоголь уехал, но ведь ты знаешь, что он едет к Святым Местам, это было давно его желание, и теперь он его исполняет. Приехавши сюда, он, может быть, сам еще не был уверен, будет ли он в состоянии привести его в исполнение, и по обстоятельствам его. Теперь книгу он кончил, напечатал, идет она хорошо, и он уехал более спокойный»[34].

14 марта (н. ст.) 1845 г. Гоголь писал Шереметевой из Франкфурта: «...Пора, наконец, отправляться в тот путь, ради которого я выехал из Москвы и простился с вами, о котором и первоначальная мысль была, без сомненья, Божьим внушеньем[35]. <...> ...Как только поможет Бог мне дотянуться до будущего года, то в начале его и не откладывая уже на дальнейшее время, отправляюсь в Иерусалим».

24 мая 1842 г. С. Т. Аксаков писал С. П. Шевыреву о Гоголе: «Мы проводили его вчера до первой станции. Он оставил мне записку *для* получения, смотря по надобности, экземпляров Мертвых душ, в которых я спешу давать вам отчет. На первый случай прикажите мне дать 25 экземпляров: некоторые назначены им в подарки, а другие пойдут на удовлетворение его мелких долгов. М. С. Щепкин едет в Харьков, и Гоголь просил его[36], чтоб он взял 25 экземпляров для распродажи по Малороссии. Он явится сам или пришлет к вам, а там прикажите ему их отпустить»[37].

На следующий день, 25 мая 1842 г., С. Т. Аксаков сообщал сыну Ивану: «Третьего дня мы проводили Гоголя до первой станции, или, лучше сказать, поехали обедать в Химки, где в половине 6-го взял его экстрадилижанс... <...> Гоголь проездит не менее трех лет. “Мертвые души” вышли и расходятся живо! Мы почитаем их с тобой на просторе и на досуге в прелестном Гаврилкове, куда завтра хотели переехать, но, вероятно, сего не сделаем, ибо мать с сестрами еще не возвращались от Троицы, куда уехали третьего дня, вместе с матерью и двумя сестрами Гоголя и княжной Горчаковой. В Петербург выслали 100 экземпляров “Мертвых душ” четвертого дня, а вчера послали еще 262. Я прошу тебя прислушаться ко всем толкам о них, какие только случится тебе услышать. Это нужно для Гоголя... <...> Быть может, Гоголь заедет к тебе, а может, и нет; но если ты хочешь его видеть, то съезди к нему[38]; он пробудет в Петербурге, по крайней мере, неделю; остановится на Васильевском острове, в 9 линии, между Большим и Средним проспектом, в доме товарища и приятеля своего Прокоповича»[39].

В тот же день, 25 мая 1842 г., возвратившаяся из Свято-Троицкой Сергиевой Лавры В. С. Аксакова, вероятно, со слов отца, сообщала М. Г. Карташевской ряд дополнительных известий об отъезде Гоголя: «В этот раз Гоголю досталось ехать также с каким-то военным с иностранной фамилией, только уже совсем не похож на Пейкера, потому что этот, говорят, толст невероятно. Гоголь и теперь также подписался *Гоноль*, чтоб его не узнали. <...> Шереметева <...> его провожала до заставы, хотела проводить до первой станции, но побоялась их этим стеснить. Прощаясь с ним, крестила, благословляла как сына»[40].

Много лет спустя другая сестра Гоголя, Анна Васильевна, рассказывала В. И. Шенроку (вероятно, со слов Аксаковых): «Наконец состоялись проводы. Щепкин поехал проводить Гоголя до первой станции, а Аксаковы[41] и Шереметева – до городской заставы. <...> Дорогой случилось с ними довольно забавное приключение. Все вещи были отправлены на первую станцию, и Гоголь ехал за ними следом налегке. В то время существовал стеснительный обычай требовать паспорта и осматривать провозимые пассажирами вещи не только на границах, как это делается и теперь, но и на каждой подорожной заставе при выезде и въезде. Гоголь, не желая подвергаться скучной формальности[42], хотел показать вид, что выехал просто кататься. Известно, что ему нередко приходило желание ради шутки или устранения неуместного любопытства называть себя чужими именами, прятаться, прибегать к мистификациям. На этот раз пришлось это сделать поневоле. Но у самой заставы Шереметева, не привыкшая ни к каким хитростям и мистификациям, совершенно забыла о намерении Гоголя уклониться от полицейского досмотра и простосердечно бросилась обнимать и крестить его, заливаясь слезами. Гоголь простился с нею, но только что он отошел от Шереметевой, у них потребовали бумаги и спросили, кто же именно уезжает. Чтобы выбраться из затруднения, Гоголь крикнул: “вот эта старушка!”, погнал лошадей и скрылся, оставя Шереметеву в большом затруднении. Аксаковы же проводили Гоголя до Химок (первой станции). (Рассказ о Шереметевой передала нам покойная А. В. Гоголь . – *Примеч. В. И. Шенрока. – И. В.*)»[43].

В 1854 г. С. Т. Аксаков в адресованных П. А. Кулишу «Кратких сведениях и выписках из писем для биографии Гоголя» также писал: «23-го мая, в полдень, после завтрака, Гоголь уехал из нашего дома. [Кроме наших семейств, была на этом прощаньи одна достопочтенная старушка Н. Н. Шере-

метева, которую Гоголь очень любил. Простившись со всеми и вышед из залы, он вдруг обернулся с просветленным лицом и перекрестил всех нас.] Я с сыновьями и М. С. Щепкин с сыном провожали его до первой станции, т. е. до Химок, где расположились отобедать и дождаться дилижанса, в котором Гоголь должен был отправиться в Петербург и место в котором было взято им заранее. [Мы много гуляли по рощам, но были как бы чем-то связаны; искренних, дружеских излияний, которым, казалось бы, невозможно не быть при расставаньи на долгое время между друзьями, из которых один отправлялся с намереньем предпринять трудное и опасное путешествие к Святым Местам, – между нами не было.] Гоголь убедительно просил меня: старательно вслушиваться во все сужденья и отзывы о Мерт<вых> Д<ушах>... <...> [Я [чувствовал] видел, что Гоголь внутренно был чрезвычайно рад, что уезжает из Москвы (вам со временем объяснятся причины этой радости)[44], но глубоко скрывал свою радость. Он чувствовал в то же время, что обманул наши ожидания, что уезжает слишком рано и поспешно, не открыв даже мне настоящих причин своего отъезда; что, не зная этих причин, я имел полное право обвинять его в причудливости, непостоянстве, пристрастии к Италии, в равнодушии к Москве и России, и в недостатке дружбы лично ко мне. Он чувствовал, что делает такой поступок, который без искренних объяснений, мог показаться мне весьма двусмысленным. Все это отчасти так и было, и я, конечно, с неприятным изумлением и некоторою холодностью, в сравнении с прежним, смотрел на уезжающего Гоголя.] Мы сидели еще за столом, хотя уже давно отобедали, когда приехал дилижанс; увидав его, Гоголь торопливо встал, начал собираться и простился с нами [не с таким чувством, какого можно было ожидать]. <...> [Из всего рассказанного мною очевидно, что я не мог быть вполне доволен Гоголем, но по совести должен сказать, что несмотря на некоторые необычные его поступки, я обвиняю в этом одного себя. Во-первых, я должен был догадаться, отчего происходит телесное и духовное расстройство Гоголя. Во-вторых, мне надобно было преодолеть скрытность Гоголя и заставить его быть откровенным. Впоследствии в одном письме Гоголь намекнул мне об этом[45]. Дело бы объяснилось и, если б я не мог его поправить, [то все] по крайней мере у Гоголя было бы легче на душе.]»[46]

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Гоголь, взявши место в дилижансе на 23 мая, сказал [ей][47], что он едет из нашего дома и пригласил ее без всяких церемоний прямо приехать к нам. Шереметева, побывав поутру у Гоголя, подарив ему шнурок своей работы и отдав прощальное письмо[48], приехала к нам 23-го мая в субботу, чтоб еще [проводить Гоголя] проститься с Гоголем. Через четверть часа нельзя было узнать, что мы не были целый век дружески знакомы с этой почтенной и достойной женщиной. Когда началось прощанье, она простилась с Гоголем прежде всех и уехала, чтоб не мешать Гоголю проститься с матерью и сестрами. Простившись со всеми, Гоголь, выходя из залы обернулся и перекрестил всех нас. Я, Гоголь, Константин и Гриша сели в четвероместную коляску и поехали до первой станции, до Химок, куда еще прежде поехал Щепкин с сыном и где мы расположились отобедать и дождаться дилижанса, в котором Гоголь отправлялся в Петерб<ург>. Подъехав к Тверской заставе, я как-то выглянул из коляски и увидел, что Над. Ник. Шереметева едет за нами в своих дрожках. Мы остановились, Гоголь вышел и простился с ней очень нежно, а она благословила и перекрестила его, как сына. У самого шлагбаума подбежал к нам солдат и спросил: кто мы и куда едем? Константин, неспособный ни к какому роду лжи, начал было рассказывать: “что мы такие-то и едем провожать Гоголя, отправляющегося за границу”; но Гоголь поспешно вскочил и сказал, что мы едем на дачу и сегодня же воротимся в Москву. Я засмеялся, Константин несколько сконфузился, а Гоголь пустился объяснять, что в жизни необходима *змеиная мудрость*, т<о> е<сть> что не надобно сказывать иногда никому не нужную правду и приводить тем людей в хлопоты и затруднения; что если б он успел объявить о путешественнике, отъезжающем в чужие края, то у него потребовали бы паспорта, который находился в то время у кондуктора, в конторе дилижансов, и путешественника бы не пропустили. Потом Гоголь обратился ко мне с просьбами старательно вслушиваться во все суждения и отзывы о “Мертвых Душах”, предпочтительно дурные, записывать их из слова в слово и все без исключения сообщать ему в Италию. Он уверял меня, что это для него необходимо, просил, чтоб я не пренебрегал мнениями и замечаниями людей самых глупых и ничтожных, особенно людей, расположенных к нему враждебно; он думал, что злость, напрягая и изощряя ум самого пошлого

человека, может открыть в сочинении такие недостатки, которые ускользали не только от пристрастных друзей, но и от людей равнодушных к личности автора, хотя бы они были очень умны и образованы. В такого рода разговорах, но без всяких искренних, дружеских излияний, которым, казалось бы, невозможно было не быть при расставаньи на долгое время между друзьями, из которых один отправлялся с намерением предпринять трудное и опасное путешествие ко Святым Местам, – доехали мы до первой станции (Химки, в 13 верстах от Москвы). Мих<аил> Сем<енович> Щепкин, приехавши туда прежде нас с сыном, пошел к нам навстречу и точно встретил нас версты за две до Химок. Приехавши на станцию, мы заказали себе обед и пошли все шестеро гулять. Мы ходили вверх по маленькой речке, бродили по березовой роще, сидели и лежали под тенью дерев; говорили как-то мало, не живо, не связно и вообще находились в каком-то принужденном состоянии. Гоголь внутренно был чрезвычайно рад, что уезжает из Москвы, но глубоко скрывал свою радость. Он чувствовал в то же время, что обманул наши ожидания и уезжает слишком рано и поспешно, тогда как обещал навсегда оставаться в Москве. Он чувствовал, что мы, для которых было закрыто внутреннее состояние его души, его мучительное положение в доме Погодина[49], которого оставить он не мог без огласки, – имели полное право обвинять его в причудливости, непостоянстве, капризности, пристрастии к Италии и в холодности к Москве и России. Он читал в моей душе, а также и в душе Константина, что после тех писем, какие он писал ко мне, – его настоящий поступок, делаемый без искренних объяснений, мог показаться мне весьма двусмысленным, а сам Гоголь – человеком фальшивым. Последнего мы не думали, но, конечно, с неприятным изумлением и некоторою холодностью, в сравнении с прежним, смотрели на отъезжающего Гоголя. Мы воротились с прогулки, довольно скучной, сели обедать, выпили здоровье Гоголя привезенным с собой шампанским и, сидя за столом, продолжали разговаривать о разных пустяках до приезда дилижанса, который явился очень скоро. Увидав дилижанс, Гоголь торопливо встал, начал собираться и простился с нами, равно как и мы с ним, не с таким сильным чувством, какого можно было ожидать. Товарищем Гоголя в купе опять случился военный, с иностранной фамилией, кажется, немецкой, но человек необыкновенной толщины. Гоголь и тут, для предупреждения разных объяснений и любопытства, назвал себя *Гонолем* и даже записался так [в Конторе Дилижансов], предполагая, что не будут справляться с его паспортом. Хотя я давно начинал быть иногда недоволен поступками Гоголя, но в эту минуту я все забыл и чувствовал только горесть, что великий художник покидает отечество и нас. Горькое чувство овладело мною, когда захлопнулись дверцы дилижанса; образ Гоголя исчез в нем, и дилижанс покатился по Петербургскому шоссе. В то же время, как мы отправились провожать Гоголя, его мать с дочерьми и Ольга Семеновна, также с дочерьми, отправились в двух экипажах к Троице помолиться Богу. Марья Ивановна была очень огорчена: сердце матери предчувствовало долгую разлуку.

[Общее впечатление пребывания Гоголя <...>] Из всего рассказанного мною очевидно, что в этот приезд Гоголя я не был доволен им так, как в первый приезд, хотя по его письмам должно было ожидать, что взаимная дружба наша сделается гораздо сильнее. Повторяю, что, несмотря на некоторые необъяснимые поступки Гоголя, я обвиняю в этом себя. Мне должно было вмешаться в его неудовольствия с Погодиным, стать между ними посредником и судьей. Не надобно было смотреть на то, что Гоголь скрывал их; по рассказам Погодина я должен был понять, как страдал Гоголь. Если б нельзя было уладить их неприятности, то надобно было так устроить, чтоб Гоголь не жил с ним вместе. <...> Как бы то ни было, успел ли бы я или нет в своих действиях – вина состоит в том, что я их не начинал и что все это пришло мне в голову гораздо позже»[50].

В конце мая 1842 г. К. С. Аксаков писал Ю. Ф. Самарину: «Гоголь уехал. Мы его проводили. Поехал он необыкновенно ясен, почти с торжественным видом. Он похож был на свой портрет, который у Хомякова[51]. Подробнее, Бог даст, при свидании – об отъезде Гоголя. Что касается до "Мертвых душ", – только теперь, кажется, вижу я, что это такое. Признаюсь тебе: я восхищался ими. Эстетическое чувство говорило, что это хорошо, но какое-то недоумение сопровождало мое наслаждение. Я наслаждался, но мысль была в недоумении. Это недоумение, кажется, разрешилось; кажется, я понимаю, что такое "Мертвые души", и наслаждение ими стало оттого полное.

В голове у меня образуется целая статья, и я, может быть, напишу ее, может быть и напечатаю[52]. Вообрази, что многие нападают. Перед отъездом в деревню я заехал к Свербееву, который сказал мне, что он недоволен (а он перелистывал, как сам говорит, – вещь, самая невозможная с Гоголем, так же, как с Гегелем, хотя по другой причине); впрочем, он тут же согласился, что надо вникнуть, и потому своего мнения не подтверждает. Свербеев прибавил, что Павлову[53] не нравится и что он торжествует: говорит, что это падение Гоголя, что он себя уронит этим произведением, и радуется, встречая других недовольных; я пожалел, что нет вечеров. Мне было это неприятно, тем более, что я не мог еще дать себе ясного отчета в том, что такое "Мертвые души", и твердо стать против нападений, ложность которых я чувствовал. Я заехал к Хомякову, говоря с удивлением о мнении Павлова и Свербеева и в то же время опровергая их как мог. Хомяков, который читал только несколько, был со мною заодно. Вдруг входит Валуев[54], только что дочитавший "Мертвые души", в восторге совершенном; говорит, что нигде еще Гоголь не является так во весь рост, как здесь, что это великое создание, и вполне изливает свое негодование, услышав о словах Павлова. Я продолжал говорить о "Мертвых душах" и, воротясь домой, яснее и яснее понимал и отдавал себе отчет, что это такое. Через день поехал я к Свербеевой[55] (он уже уехал). Она сказала, что Чаадаев жарко нападает, но здесь я уже понимал ясно их ошибки, чувствовал, что бы мог сказать им, и повторил Свербеевой, что думал, — не знаю, понятно ли. Это была середа; она собиралась к Чаадаеву (это был день его рождения), говорила, что у него много будет, хотела сама пригласить туда Павлова, звала меня очень; но мне было никак нельзя; я должен был сделать несколько поездок и потом еще вечером ехать к Ховриным[56]: итак, я не был у Чаадаева. Ховрина сказала мне, что Кетчер говорит, что "Мертвые души" выше всего, что написал Гоголь. Это так, мне кажется: он выше и могущественнее является в своей *поэме* – поэме – не лишне это слово. – Грановский и молодые профессора, вероятно, говорят то же. Итак, увы, Николай Филиппыч! Рано вы начали торжествовать! Вы думали, что "Мертвые души" испытают участь вторых *трех* ваших повестей[57]! Но нет, то было согласие, мнения были снисходительны. А здесь не то. Пусть нападают, но есть диаметрально противоположное мнение в обществе. Да хоть бы в обществе его и не было: сильно само, сильно это создание, и если хотя несколько одушевленных голосов сильно подымаются за Гоголя, то это уже не участь, постигшая повести Николая Филипповича. Я рад теперь всем этим нападкам: они ясны, они естественное следствие такого великого произведения как "Мертвые души" Гоголя. "Скажите Чаадаеву, — просил я Свербееву, – что я с ним не согласен". – "О, он знает это, – отвечала она, — он уж говорил мне: вот Аксаков, верно, будет защищать". – "Да, сказал я: он не ошибся". Я считаю это произведение великим явлением, такого <не было> не только в нашей литературе, но в мире искусства. Вечером заезжал я к Хомякову. Он сказывал мне, что спор был жаркий; Хомяков защищал; Чаадаев и Дмитриев нападали. Свербеева с жаром защищала, так что Чаадаев говорил ей, что это род опьянения, и сказал ей: "Vous etes ivre-morte"[58].

Мы дружески простились с Хомяковым. Точно, многие против "Мертвых душ", но я виделся после с Шевыревым; он говорит, что общее мнение стало *за*. Очень жалко!»[59]

Высказанное в письме к Самарину намерение написать «целую статью» о «Мертвых душах» Аксаков выполнил, напечатав свою работу в конце июля 1842 г.[60] отдельным изданием: Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души (М., 1842, подпись под текстом: Июня 16 1842; цензурное разрешение 7 июля. Цензор Н. Крылов. С. 1–19). В брошюре Аксаков писал: «...Глубоко значение, являющееся нам в "Мертвых Душах" Гоголя! <...> ...Древний эпос восстает пред нами»[61]. (Мысль о единстве «акта творчества» Гомера, Шекспира и Гоголя появилось у К. С. Аксакова еще в 1839 г. — непосредственно после того, как он слышал первую главу «Мертвых душ» в чтении самого автора[62].)

По свидетельству Константина Аксакова в письме к Гоголю от начала ноября 1842 г., А. С. Хомяков и Ю. Ф. Самарин поддержали его идею при самом зарождении замысла статьи: «Когда стал я говорить о "Мертвых душах", то нашел согласным с собой Хомякова и Самарина»[63]. (См. также письмо В. С. Аксаковой к И. С. Аксакову от 13 февраля 1842 г.[64]; письма Хомякова к К. С. Аксакову от 24 июля 1842 г.[65], к С. П. Шевыреву от второй половины августа 1842 г.[66]; письма Самарина к А. Н. Попову от сентября-октября 1842 г.[67], к К. С. Аксакову от второй половины октября 1842 г. (отправленное К. С. Аксаковым Гоголю в апреле 1843 г.[68]), и письмо К. С. Аксакова к Попову от конца октября 1842 г.[69])

Положительно оценил также брошюру Аксакова П. А. Плетнев в № 4 журнала «Современник» за 1842 г.[70] (Двумя месяцами ранее сам Плетнев отозвался на поэму Гоголя статьей «Чичиков или Мертвые души, Гоголя»,

вызвавшей живой интерес Гоголя[71].) В. С. Аксакова 22 декабря 1842 г. писала М. Г. Карташевской по поводу заметки Плетнева об аксаковской брошюре: «В № 4 Современника помещено защищение брошюрки, говорят, ее расхвалили как только можно. На днях приехал в Москву Хомяков, он совершенно согласен с брошюркой и уже спорил за нее»[72]. Сторону К. С. Аксакова в полемике с В. Г. Белинским занял также Н. И. Надеждин[73]. Мнение о «Мертвых душах», высказанное Аксаковым в брошюре, разделял также Г. П. Галаган: «...Это Гомер, говорил он» (по свидетельству княжны В. Н. Репниной-Волконской)[74].

С другой стороны, Шевырев 1 сентября 1842 г. писал М. П. Погодину, отказавшему К. С. Аксакову в публикации статьи в «Москвитянине»: «Ты принял ответ Аксакова за смирение: он ту же минуту выдал статью свою брошюрой отдельной. Но всеобщий хохот читавших (даже и его стороны) был ему возмездием за гордость. Осрамился совершенно! Даже Белинский в Отеч<ественных> Зап<исках> сказал ему дело — оправдывается у нас в 9-м №»[75]. По свидетельству С. Т. Аксакова, именно Шевырев был противником публикации статьи Аксакова в журнале Погодина: «Статья Константина <...> была принята Погодиным в журнал без всякого сопротивления, но его сбил Шевырев»[76].

4 июля 1842 г. Погодин отказался напечатать в «Москвитянине» уже набранную статью Аксакова[77]. По объяснению Н. П. Барсукова, «познакомившись с этою статьею, Погодин, любя автора и оберегая его от насмешек, не согласился напечатать ее в Москвитянине; это возбудило неудовольствие С. Т. Аксакова, и он жаловался[78] на Погодина Гоголю»[79]. «Когда на брошюру Аксакова обрушился “град ругательств, злобных насмешек и всякого рода оскорблений”, Погодин был за границей и из Парижа, 1 октября 1842 года, писал С. Т. Аксакову: “Как горько было мне услышать, что Константин напечатал свою статью о Гоголе! Как досадно мне было на вашу слабость! Неужели и в вас недостало столько литературной доверенности ко мне, чтоб согласиться со мною, что статья не годится для печати в первом виде? Неужели я не напечатал ее без основания? Неужели легко мне было прислать ее назад? Неужели не рад бы я был всякому успеху Константина?”»[80] Однако дело заключалось, по-видимому, не только в «заботе» Погодина о литературной репутации Константина Аксакова. Сыграло роль и личное нерасположение М. П. Погодина к К. С. Аксакову (см. дневниковую запись Погодина от 25–26 апреля 1845 г.[81]; а также слова С. Т. Аксакова из письма к Гоголю от 21 мая 1848 г. о «давно затаенной злобе» Погодина «на Константина»), и сдержанное отношение самого Погодина к поэме Гоголя[82].

Несмотря на недоразумения и «град ругательств, злобных насмешек и всякого рода оскорблений» в адрес К. С. Аксакова по поводу его статьи о «Мертвых душах» представление об исключительной самобытности гоголевского творчества, высказанное в аксаковской брошюре, разделяло большинство современников Гоголя. В частности, И. В. Киреевский в 1845 г. указывал: «После появления Мертвых душ Гоголя много говорено было за них и против них <...> между тем от восторженных похвал и страстных порицаний осталось, кажется, одно общее убеждение, что Гоголь в словесности нашей есть представитель той новой, великой, до сих пор в ясном виде еще не являвшейся силы, которой неисчислимые результаты могут произвести совершенный переворот в нашей Литературе, и которую называют *силою Русской народности*»[83]. По-своему о самобытности творчества Гоголя отзывался его бывший однокашник В. И. Любич-Романович[84]. Граф В. А. Соллогуб, в частности, замечал: «Пушкин был великим художником, Гоголь гением. Пушкин все подчинял условиям пластики, эстетики, искусства: Гоголь ни к чему не готовился, не следовал никаким правилам, никаким образцам, не знал ни грамматики, ни правописания. Он был самобытен, самороден, и часто грешил против эстетического вкуса. Он обогатил русскую словесность своей личностью, своими произведениями... <...> Гоголь еще вероятно вырастет в мнении русского народа, по созданным им живым типам, не уступающим типам Мольеровским...»[85] См. также в наст. изд. письмо П. А. Плетнева к С. П. Шевыреву от 21 ноября 1846 г.[86]; отзывы о гоголевском творчестве Хомякова[87].

Брошюра К. С. Аксакова в целом отражала представление большинства современников о творчестве Гоголя. Даже Белинский, несмотря на полемику с Аксаковым по поводу его статьи, до конца разделял подчеркнутое тем ощущение редкого своеобразия творчества Гоголя. В 1847 г., в «Ответе “Москвитянину”», критик писал: «...Гоголю не было образца, не было предшественников ни в русской, ни в иностранных литературах»[88]. Еще в 1835 г., предваряя наблюдения К. С. Аксакова, критик замечал о «Тарасе Бульбе» как «картине <...> достойной Гомера»[89]. Хотя позднее, в полемике с Аксаковым по поводу «Мертвых душ», Белинский, вопреки высказанному ранее мнению, утверждал, что с Гомером у Гоголя «нет ничего общего», однако, по наблюдению М. Я. Ермаковой, слова Белинского, сказанные в этой полемике, что «“Илиаду” может напомнить собою только такая поэма... в которой... жизнь *полагается*, а не *отрицается*», могли быть все-таки вполне применены к «Тарасу Бульбе», — а следовательно, не исключали и прежнего сравнения Гоголя с Гомером[90].

В исследовательской литературе сложилось однако мнение, будто сам Гоголь неодобрительно воспринял брошюру К. С. Аксакова. Это мнение, как позволяет судить переписка Гоголя с Аксаковыми, основано на случайном недоразумении. Отзыв Гоголя, несмотря на упреки в «незрелости», был в целом положительным. На предположение Аксакова-отца, что Гоголь может «досадовать за брошюрку Константина» (см. письмо С. Т. Аксакова к Гоголю от 6–8 февраля 1843 г.[91]), писатель 18 марта (н. ст.) 1843 г. отвечал: «Константину Сергеевичу скажите, что я и не думал сердиться на него за брошюрку; напротив, в основании своем она замечательная вещь. Но разница страшная между диалектикою и письменным созданием, и горе тому, кто объявляет какую-нибудь

замечательную мысль, если эта мысль еще ребенок, не вызрела и не получила образа, видного всем, где бы всякое слово можно почти щупать пальцем. И вообще, чем глубже мысль, тем она может быть девственней самой мелкой мысли»[92].

Строки эти являются единственным известным нам откликом Гоголя на брошюру К. С. Аксакова, если не считать предупреждения, высказанного Гоголем еще до знакомства с аксаковской статьей в письме к С. Т. Аксакову от 18 августа (н. ст.) 1842 г.: «Я был уверен, что Кон<стантин> Сер<геевич> глубже и прежде поймет, и уверен, что критика его точно определит значение поэмы. Но, с другой стороны, чувствую заочно, что Погодин был отчасти прав, не поместив ее, несмотря на несправедливость этого дела. Я думаю просто, что ей рано быть напечатанной теперь. Молодой человек может встретить слишком сильную оппозицию в старых. Уже вопрос: почему многие не могут понять "Мертвых душ" с первого раза? – оскорбит многих. Мой совет – напечатать ее зимою, после двух или трех других критик. Недурно также рассмотреть, не слышится ли явно: *Я первый понял*. Этого слова не любят, и вообще лучше, чтобы не слышалось большого преимущества на стороне прежде понявших. Люди не понимают, что в этом нет никакого греха, что это может случиться с самым глубоко образованным человеком, как случается всякому, в минуты хлопот и мыслей о другом, прослушать замечательное слово. Лучше всего, если бы Кон<стантин> Сер<геевич> прислал эту критику мне в Рим, переписавши ее на тоненькой бумажке для удобного вложения в письме. Я слишком любопытен читать ее»[93]. (Кроме того, в письме к С. Т. Аксакову от 21 декабря (н. ст.) 1844 г. Гоголь замечал, что К. С. Аксаков «опозорился в глазах света <...> написавши статью о "Мертвых душах"»[94].)

Основанием для закрепившегося в литературе ошибочного мнения о неодобрительном отношении Гоголя к брошюре Константина Аксакова служит главным образом ошибка, допущенная в свое время С. Т. Аксаковым при комментировании письма Гоголя к К. С. Аксакову от 24 мая (н. ст.) 1843 г.[95]

В 1881 г. И. С. Аксаков сообщал: «Кажется, в 1842 г. Гоголь, уезжая за границу, оставил К<онстантину> С<ергееви>чу Аксакову на хранение черновые свои тетради и записные книги[96]. Когда, по возвращении его из-за границы, К<онстантин> С<ергееви>ч напомнил ему о них, Гоголь махнул рукой и сказал, что они ему не нужны[97]. В них заключаются первоначальные наброски некоторых повестей "Вечеров на Хуторе близь Диканьки", "Тараса Бульбы", "Портрета", "Невского Проспекта", "Коляски", всего "Ревизора", а также некоторых журнальных, напечатанных в "Собрании его сочинений" статей. Эти книги и тетради были на рассмотрении П. А. Кулиша, которого издание сочинений Гоголя[98] и до сих пор остается самым полным. Из них и извлек П. А. Кулиш начало трагедии "Альфред"[99] и начала некоторых повестей, помещенные им в 3 томе под заглавием: "Начатые повести"[100]. При новом, тщательном осмотре этих тетрадей и книг, из которых, надобно заметить, многие исписанные листы, как можно судить по обрывкам, оставшимся в корешке, вырваны самим Гоголем, найдена мною рукопись, тщательно рукою Гоголя переписанная, под заглавием: «"Борис Годунов". Поэма Пушкина». Она должна быть отнесена к 1831 г., когда появилась эта драма или поэма, как назвал ее Гоголь. На рукописи видны зачеркнутые слова: "Петру Александровичу Плетневу", и сверху, неизвестно чьею рукою[101]: "Как вам кажется, как вы находите это сочинение?" <...> Затем другое, помещаемое нами ниже произведение – это уцелевшая в переплетенной книге страница, отрывок из какой-то неизвестной драмы[102], – черновой набросок с недописанными словами, без проставки, большею частью, имен лиц при их речах. Пред этой страницей вырвано, как видно, из книги много таких же страниц. <...> Странно, что Кулиш, довольно обстоятельно описывая в тех же своих "Записках" (т. I, стр. 161) книги и тетради, хранившиеся у К. С. Аксакова, – ни слова не говорит о печатаемых нами теперь произведениях. – Все эти рукописи Гоголя приготовляются нами к сдаче в Румянцевский Публичный Музей»[103].

[1] См. ***1842. Августа 22 <сентября 3>. Суббота. Покровское – августа 27 <сентября 8>. Четверг. Москва.***

[2] Позднее, 5 января (н. ст.) 1843 г., Гоголь писал Шереметевой: «Вы проводили меня за московскую заставу, вы, верно, и встретите меня у московской заставы».

[3] См. ***1844. Мая 16 <4>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Франкфурт-на-Майне*** (письмо к С. Т. Аксакову); ***1844. Ноября 12 <октября 31>. Вторник. Франкфурт-на-Майне*** (письмо к С. Т. Аксакову).

[4] См. ***1842. Октября 24 <ноября 5>. Суббота. Москва.*** – См. также ***1832. Июля начало. Москва*** (примечания); ***1836. Апреля 29. Среда. Санкт-Петербург.*** – Вероятно, еще в апреле 1836 г. в Петербурге (см. ***1836. Апреля 29. Среда. Санкт-Петербург***) Гоголь в рукописи «Женитьбы», в эпизоде появления среди женихов купца Старикова, сделал помету: «Здесь Кочкарев со свахой пикируются острыми словами. Каким образом пикируются, я уж не помню; об этом следует узнать у Щепкина и Сосницкого, так же, как и об обрядах, какие при

этом употребляются у купцов. Они могут, пожалуй, посоветоваться об этом с Погодиным, знающим этот быт, и пополнить таким образом эту сцену» (*Гоголь 1937–1952.* Т. 5. С. 301). Указанная сцена, однако, так и не была пополнена ни весной 1836 г. (так как рукопись Гоголь увез тогда с собой за границу), ни позднее, во время пребывания Гоголя в России, в Москве и Петербурге, осенью 1839 – весной 1840 и осенью 1841 – весной 1842 гг.

[5] См. ***1842. Октября 21 <ноября 2>. Среда. Санкт-Петербург***; ***1842. Октября 24 <ноября 5>. Суббота. Москва***; ***1842. Ноября 26 <14>. Суббота. Рим***; ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим***.

[6] См. ***1841. Январь – августа средина <январь – августа начало>. Рим***; ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт*** (примечания).

[7] См. ***1840. Мая 18. Суббота. Полдень. Москва, Перхушково***.

[8] См. ***1841. Ноябрь-декабрь. Москва***.

[9] Рецензия О. И. Сенковского на «Мертвые души» была напечатана в августе 1842 г. (см. ***1842. Августа начало <августа средина>. Санкт-Петербург***).

[10] См. ниже свидетельства С. Т. Аксакова. – См. также ***1842. Мая между 23 и 28. Москва***.

[11] См. ***1844. Ноября 12 <октября 31>. Вторник. Франкфурт-на-Майне*** (письма Гоголя к Н. М. Языкову и С. Т. Аксакову). – См. также ***1844. Мая 16 <4>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Франкфурт-на-Майне*** (письмо к С. Т. Аксакову).

[12] См. ***1843 ноябрь-декабрь <1843 ноября средина – 1844 января первая половина>. Москва***; ***1844. Февраля 14 <2>. Среда. Праздник Сретения Господня. Ницца***.

[13] В отдельном наброске Гоголь также писал: «Когда бы нас кто-нибудь назвал лицемером, мы глубоко оскорбились бы, потому что каждый гнушается этим низким пороком; однако читая в первых стихах 7-й главы Евангелия от Матфея, не укоряет ли совесть каждого из нас, что мы именно тот лицемер, к которому взывает Спаситель: *Лицемере, изми первее бервно из очесе твоего.* Какая стремительность к осуждению...»

[14] См. ***1841. Октября 17. Пятница. Москва*** (примечания).

[15] См. ***1841. Октября 17. Пятница. Москва*** (примечания); ***1842. Мая около 17. Москва***.

[16] Речь идет о ежедневном чтении духовных книг (см. ***1844. Февраля 14 <2>. Среда. Праздник Сретенья Господня. Ницца***).

[17] См. ***1841. Октября 7 <19>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1841. Октября 17. Пятница. Москва***.

[18] Подразумевается, что евреи, желавшие иметь в Мессии земного царя и не принявшие Спасителя, продолжают ожидать исполнения своих чаяний. Оттого, согласно Евангелию, перед концом мира за Мессию, обещанного пророками, они примут антихриста (Ин. 5, 43; 2 Фес. 2, 9–12). Ср. также выписку *<45> Пророчества о Христе* гоголевского сборника «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви».

[19] Имеется в виду «Сочинения Николая Гоголя» (СПб., 1842).

[20] Подразумеваются слова П. А. Плетнева к Гоголю в письме от 27 октября 1844 г.: «...Что такое ты? Как человек существо скрытное, эгоистическое, надменное, недоверчивое и всем жертвующее для славы. <...> Я <...> желал бы, чтобы ты возвысился до настоящего нравственного чувства, проливающего в сердце свет на обязанности наши к Богу, к людям, отечеству и даже к нашему здесь призванию...»

[21] См. ***1842. Июня 4. Четверг. Санкт-Петербург***.

[22] См. ***1842. Июля 14 – сентября первая половина <июля 2 – сентября начало>. Гастейн, Зальцбург, Мюнхен, Гастейн***. – См. также ***1843. Сентября средина, после 12 <после 24>. Москва***.

[23] *Свод.* Т. 1. С. 170.

[24] Воспоминания Е. В. Быковой // *Свод.* Т. 1. С. 185.

[25] Письмо Гоголя к матери и сестрам от второй половины марта – апреля 1843 г. – См. также ***1842. Мая 27–30. Москва*** (письмо В. С. Аксаковой).

[26] До Химок (см. ниже).

[27] См. ***1839. Октября 7. Суббота. Москва 1840***; ***1840. Апреля 23–24. Вторник-среда. Москва***; ***1840. Апреля 23. Четверг. Москва***.

[28] См. ***1842. Март. Москва***.

[29] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 819–820.

[30] См. также ***1842. Мая 28. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва***.

[31] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 821.

[32] См. ***1842. Мая 21. Четверг. Москва***.

[33] Список с заметок Веры Аксаковой, писанных карандашом, о Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 898.

[34] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 821–822.

[35] См. ***1842. Февраля 6. Пятница. Москва***.

[36] См. ***1842. Февраль – мая 23. Москва***.

[37] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 582.

[38] Сведения о встрече Гоголя с И. С. Аксаковым неизвестны.

[39] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 583.

[40] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 820.

[41] Судя по свидетельствам С. Т. и В. С. Аксаковых, отец и сыновья Аксаковы также провожали Гоголя не до городской заставы, а до Химок.

[42] См. также ***1839. Октября первая половина. Москва.***

[43] Воспоминания А. В. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 163.

[44] См. ***1841. Ноябрь-декабрь. Москва.***

[45] См. ***1842. Августа 18 <6>. Четверг. Праздник Преображения Господня. Гастейн.***

[46] *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 641.

[47] Н. Н. Шереметевой.

[48] Письмо не сохранилось.

[49] См. ***1841. Ноябрь-декабрь. Москва.***

[50] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 712–714.

[51] Портрет Гоголя, предположительно работы Ф. А. фон Моллера (см. ***1840 конец — 1841 начало. Рим***; ***1850. Марта 1. Среда. Москва***). См. также ***1842. Мая 28. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва***; ***1852. Февраля 27. Среда. Москва.***

[52] См. примеч. ниже.

[53] Н. Ф. Павлову.

[54] Д. А. Валуев.

[55] Е. А. Свербеева.

[56] Николай Васильевич и Марья Дмитриевна Ховрины.

[57] Имеются в виду «Новые повести» Н. Ф. Павлова (СПб., 1839) «Маскарад», «Демон», «Миллион».

[58] Вы мертвецки пьяны (*фр.*).

[59] Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 791.

[60] См. ***1842. Июля 24 <августа 5>. Пятница. Москва.***

[61] *Аксаков К.* Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души. М., 1842. С. 1.

[62] 14 октября 1839 г. (см. ***1840. Января 2. Вторник. Москва*** — примечания).

[63] См. ***1842. Ноября начало <ноября средина>. Москва.***

[64] См. ***1842. Февраля 13. Пятница. Москва.***

[65] См. ***1842. Июля 24 <августа 5>. Пятница. Москва.***

[66] См. ***1842. Августа вторая половина <августа конец — сентября средина>.***

[67] См. ***1842. Сентябрь-октябрь <сентября средина — ноября начало>.***

[68] См. ***1842. Октября вторая половина <ноября начало>***; см. в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 12. С. 227–231.

[69] См. ***1842. Октября конец <ноября первая половина>. Москва.***

[70] См. ***1842. Сентября 2 <14>. Среда. Санкт-Петербург.***

[71] См. ***1843. Января 26 <февраля 7>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[72] См. ***1842 декабря 22 <1843 января 3>. Вторник. Москва.***

[73] См. ***1842. Ноября 13 <25>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[74] См. ***1840. Января 2. Вторник. Москва***; см. также ***1848. Мая между 25 и 29. Яготин.***

[75] См. ***1842. Сентября 1 <13>. Вторник. Москва.***

[76] См. ***1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково.***

[77] См. ***1842. Июля 4 <16>. Суббота. Гаврилково***; ***1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково.***

[78] См. ***1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково.***

[79] *Барсуков.* 1892. Кн. 6. С. 297–298.

[80] *Барсуков.* 1892. Кн. 6. С. С. 298–300; см. также ***1842. Октября 1 <сентября 19>. Суббота. Париж.***

[81] См. ***1845. Апреля 25–26 <мая 7–8>. Среда-четверг. Москва.***

[82] См. ***1841. Января 31 <февраля 12>. Пятница. Москва*** (примечания).

[83] *К<иреевский И. В.>* Библиография // Москвитянин. 1845. № 1. <Отд. 10>. С. 4–5.

[84] См. ***В течение 1824/25 учебного года (1824 август — 1825 май). Нежин***; ***1825. Январь-апрель. Нежин***; ***1828. Марта 1. Четверг. Нежин.***

[85] *Соллогуб В. А., граф.* Из воспоминаний // *Свод.* Т. 1. С. 651.

[86] См. ***1846. Ноября 21 <декабря 3>. Четверг. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

[87] См.: ***1843. Августа 8 <20>. Воскресенье. Москва***; ***1844. Мая 18 <30>. Четверг. Москва***; ***1845. Марта 1 <13>. Четверг. Москва***; ***1845. Мая 26 <июня 7>. Суббота. Москва***; ***1846. Мая 13 <25>. Понедельник. Москва***; *Свод.* Т. 3. С. 200–203.

[88] *Белинский В. Г.* Ответ «Москвитянину» // *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 8. С. 350.

[89] См. ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва.***

[90] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 6. С. 415, 430; *Ермакова М. Я.* «Тарас Бульба» Гоголя как исторический роман-эпопея. Дис. ...канд. филол. наук. Горький, 1955. С. 267. – См. также ***1840. Января 2. Вторник. Москва.***

[91] См. ***1843. Февраля 8 <20>. Понедельник. Москва.***

[92] См. ***1843. Марта после 20 <после 8>. Рим.***

[93] См. ***1842. Августа 18 <6>. Четверг. Праздник Преображения Господня. Гастейн.***

[94] См. ***1844. Декабря 21 <9>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[95] См.: ***1843. Мая 24 <12>. Среда. Гастейн*** (примечания).

[96] См. также ***1826. Января конец. Нежин***; ***1833. Декабря 23. Суббота. Санкт-Петербург.***

[97] См. ***1848. Сентября 9. Четверг. Москва.*** См. также ***1852. Февраля 26. Вторник. Москва.***

[98] Соч. и письма *Н. В. Гоголя.* Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 1–6.

[99] Альфред. Начало трагедии из английской истории // Соч. и письма *Н. В. Гоголя.* Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 2. С. 543–564. Первоначально напечатано Кулишом в «Приложении» ко второму тому «Записок о жизни Н. В. Гоголя...», под заглавием: «Набросок начала безымянной трагедии из английской истории» (*Кулиш 1856.* Т. 2. С. 281–302). В декабре 1854 г. В. С. Аксакова записала в дневнике: «Кулиш <...> очень работал по утрам, списывая из черновых бумаг Гоголя, находящегося у нас, Альфреда, отрывок из драмы. Это ему стоило много труда, написано оно чрезвычайно тесно и слепо. Он перебирал все бумаги и книги Гоголя, разобрал кое-что новое, небольшие отрывки, часто состоящие из нескольких только слов, но и в них видны следы его гения» (Из дневника В. С. Аксаковой 1854–1855 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 895). См. также послед. примеч.

[100] Имеются в виду: отрывок из романа «Гетьман» «Мне нужно видеть полковника...», начало «Повести из книги под названием: Лунный свет в разбитом окошке чердака на Васильевском острове...» («Страшная рука»), отрывки «Я давно уже ничего не рассказывал вам», «Дождь был продолжительный...», «Фонарь умирал...», <Рудокопов> («Я знаю одного чрезвычайно замечательного человека») (см.: Начатые повести // Соч. и письма *Н. В. Гоголя.* Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 3 (цензурное разрешение 28 марта). С. 318–324; с подстрочным примечанием: «Найдены в бумагах Гоголя и списаны издателем»). Все эти наброски и отрывки первоначально были напечатаны Кулишом в 1856 г. в восьмой главе первого тома «Записок о жизни Н. В. Гоголя...» (*Кулиш 1856.* Т. 1. С. 164–165, 167–169, 171–175). См. также предшеств. примеч.

[101] Рукою Гоголя.

[102] Отрывки из неизвестной драмы, начинающиеся словами: «...[иногда чувствуешь] понятно это ужасное чувство».

[103] <*Аксаков И. С.*> От редактора / Из неизданных бумаг Гоголя // Русь. 1881. 31 янв. № 12. С. 19. – См. также ***1826. Января конец. Нежин*** (примечания); ***1848. Сентября 9. Четверг. Москва***; ***1852. Февраля 26. Вторник. Москва.***

МАЯ 25–26. ПОНЕДЕЛЬНИК-ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь приехал в Санкт-Петербург. Почти сразу по приезде получил из Москвы письмо от С. Т. Аксакова[1].

28 мая 1842 г. в «Прибавлении к Санкт-Петербургским Ведомостям», в разделе «Приехавшие в столичный город С. Петербург мая 25 и 26 дня 1842 года», напечатано извещение о прибытии Гоголя в Петербург: «Из Москвы <...> здешнего Университет<а> Профессор *Гоголь*»[2].

[1] См. ***1842. Июня 4. Четверг. Санкт-Петербург.***

[2] <Извещение газеты «Санкт-Петербургские Ведомости» от 28 мая 1842 г. о прибытии Гоголя в Санкт-Петербург> // *Свод.* Т. 2. С. 184.

МАЯ 26. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В «Северной Пчеле» (№ 116; цензурное разрешение 25 мая 1842 г.) напечатано объявление о продаже «Мертвых душ»:

«В книжных магазинах *Ксенофонта Алексеевича Полевого,* в С. Петербурге, на Невском Проспекте, против Городской Думы, в доме Рогова, и в Москве, на Тверской, в доме г-жи <П. И.> Мят-

левой, продается на днях вышедшая книга: МЕРТВЫЕ ДУШИ. Сочинение *Н. Гоголя*. Книга в тридцать печатных листов, в большую осьмушку. Цена 3 рубля серебром; весовых прилагается за два фунта».

МАЯ 26. ВТОРНИК – ИЮНЯ 5. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь живет в Петербурге проездом за границу; остановился либо у Н. Я. Прокоповича[1] (которому поручает издание собрания своих сочинений в четырех томах и на квартире которого происходят его встречи с В. Г. Белинским[2], А. А. Краевским, А. А. Комаровым[3], И. И. Панаевым[4]), либо, что более вероятно, у П. А. Плетнева. Встречается с князем Г. П. Волконским[5], К. П. Брюлловым[6], князем П. А. Вяземским, М. Н. Лонгиновым, князем В. Ф. Одоевским[7], А. П. Заблоцким-Десятовским[8], Д. Е. Бенардаки[9], графиней Е. П. Ростопчиной[10] и др., читает у А. О. Смирновой главы «Мертвых душ», «Женитьбу» и «Шинель»; бывает у Балабиных[11], у Ф. А. фон Моллера[12]; навещает Карташевских[13]; передает графу Мих. Ю. Виельгорскому три экземпляра «Мертвых душ» для последующего представления царской семье – Императору Николаю I, Императрице Александре Феодоровне и Наследнику Александру Николаевичу[14] (первоначально Гоголь предполагал передать экземпляры, через министра народного просвещния С. С. Уварова[15], еще до отъезда из Петербурга[16]); дарит «Мертвые души» А. В. Никитенко[17] (с надписью: «Александру Васильевичу Никитенко от Гоголя»), графине Пален[18] (вероятно, жене русского посла во Франции графа Петра Петровича Палена; 1778–1864), цензору П. А. Корсакову[19] и др.

О встрече в Петербурге с Д. Е. Бенардаки Гоголь в письме к П. В. Нащокину, отправленном из Гастейна 29 июля (н. ст.) 1842 г., сообщал: «Я думаю, вы изумляетесь, Павел Воинович, <...> почему я не писал к вам ничего из Петербурга о вашем деле[20] и о следствиях, которые имел мой разговор с Дм<итрием> Ег<оровичем> Бенардаки [с которым я бы желал от всей души, чтобы вы сошлись]. <...> ...Вы <...> владеете знаньями и качествами и познанием света и людей, ясным умом и верным взглядом... <...> Я думал давно о вашей участи и <о> том, каким образом дать ход вашим способностям... <...> Жизнь ваша протекла шумно, разгульно, бешено, как веселилась прежде наша молодеж<ь>, и в свете осталось за вами название повесы. <...> ...Вам закрыты все пути <к> казенной должности. <...> Вот почему я предложил вам <поговорить с Бенардаки>. Знакомство мое с ним началось не так давно[21], но Бог одарил меня способностью понимать и узнавать людей. Половина жизни моей протекла, и я до сих пор еще не обманывался ни в одном человеке, начиная с лет ребячества и юности. <...>

Я ему рассказал всё откровенно, не скрывая ничего, рассказал, что вы промотали всё свое именье, что провели шумно и безрасчетно вашу молодость, что были в обществе знатных повес, что были в обществе игроков, но среди всего не потерялись душою, сохранили благородные движения души, умели заслужить невольное уважение достойных <и> умных людей, дружбу Пушкина, которую он питал <к> вам преимущественно пред всеми до конца своей жизни, сохранили доброе сердце, приобрели познание людей и света. И будучи низринуты в несчастие и бедность, в обстоятельства, от которых пошла <бы> кругом голова у другого, вы не вдались в отчаяние, не прибегнули ни к одному бесчестному средству, не вдались ни в один порок, в которые способен вдаться русский, приведенный в отчаяние, но с чудным терпен<ием> умели нести крест, благословляя имя Божие и становясь выше и выше христианином в душе, который в бедах тверже и сильней становится по мере того, как несчастнее и тяжелее становится участь его. <...>

И в заключение сказал я, что если у него есть такое место, на которое потребовался бы честнейший и благороднейший человек, то он никого другого не употребил бы для этого с такою пользою,

как вас. <...> Он слушал меня со вниманием, и по окончании сделал предложение, которого я вовсе не ожидал, именно предложил быть воспитателем его сына. Я, зная, что вы никогда не имели в виду подобного места и не готовили себя совершенно, что в свете обыкновенно берут на эти места молодежь <...>, я уже готовил, чем ему вашими устами произнести отказ. Но несколько слов, которые он тут же произнес, показали мне вдруг его образ мыслей насчет воспитан<ия>, и я должен сказать откровенно, что уваженье мое к нему возросло с тех пор еще больше. В словах его и в самом голосе, с которым он произнес эти слова, был слышен отец, глубоко понимающий всю важность воспитания, высокого воспитания души, а не наружного блестящего воспитания, о котором заботятся ныне почти все».

Князь П. А. Вяземский 8 июня 1842 г. сообщал Н. Н. Пушкиной: «Здесь был Гоголь, привез нам свои "Мертвые души"[22], первый том, и отправился за границу. Он в нынешний приезд был очень мил и весел»[23].

М. Н. Лонгинов в 1854 г. вспоминал: «Весною 1842 года я уже оканчивал курс в Петербургском университете, в который перешел из Лицея. В один теплый солнечный день веселый кружок молодежи (в том числе и я) обедал у известного в то время ресторатёра Сен-Жоржа. После обеда общество наше продолжало пировать в саду. Туда перешли из комнат и другие обедавшие. Тут-то встретился я с небольшого роста человеком, причесанным a' la mougik, в усах и эспаньолетке, и с трудом узнал прежнего своего учителя. Действительно, это был Гоголь, очень переменившийся лицом и похожий на тот портрет его[24], который помещен при альманахе Бецкого: "Молодик, 1844 года"[25]. Гоголь только что приехал в Петербург, и в это время вышли в свет "Мертвые души". Я подошел к Гоголю, который находился у Сен-Жоржа в обществе нескольких своих приятелей, в числе которых был князь П. А. Вяземский. Он обрадовался, когда я назвал себя. После расспросов о моих домашних он в свою очередь должен был отвечать на разные мои вопросы, которые особенно относились до второй части "Мертвых Душ". Восторги мои по случаю первой части, по-видимому, доставили ему удовольствие. Он говорил, что осенью надеется напечатать следующий том. Нельзя было не заметить перемены в его характере: беззаботная веселость юноши в десять лет нашей разлуки частию заменилась в нем большею зрелостью мыслей и расположение духа сделалось серьезнее. Через несколько дней после этой встречи я уехал из Петербурга и не видел больше Гоголя; это было последнее наше свидание. Когда он приезжал в Петербург в последние годы своей жизни, я был беспрестанно в отлучках и кочевал по всевозможным концам России»[26].

П. А. Кулиш в декабре 1854 г. со слов А. О. Смирновой записал: «Во время обратного переезда через Петербург, Гоголь останавливался у П. А. Плетнева, часто бывал у А. О. С<мирнов>ой и очень сблизился с ее братом А. О. Р<оссет>и. Он читал им тогда у князя П. А. В<яземско>го отрывки из напечатанных "Мертвых Душ", и особенно хорош выходил в его чтении разговор двух дам. Но, по словам А<лександры> О<сиповны>, никто тогда не подозревал еще тайного смысла поэмы; сам же Гоголь не обнаруживал ничего.

После этого он предложил А<лександре> О<сиповне> прочитать ей комедию "Женитьба". Она пригласила к обеду, по назначению Гоголя, князя П. А. В<яземско>го, П. А. Плетнева, А<нд>. Н. и В. Н. К<арамзины>х и брата своего А. О. Р<оссет>и. После обеда все собрались в кабинете. Швейцару приказано было никого не принимать. Гоголь начал чтение. Вдруг неожиданно взошел князь М. А. Г<олицы>н, который долго жил за границею, почти там воспитывался и мало знал русский язык. С Гоголем он был почти незнаком. Это появление смутило хозяйку. Она подошла к князю и рассказала, в чем дело. Он извинялся и убедительно просил позволения остаться. К счастью, Гоголь не обратил на помеху никакого внимания и продолжал чтение. После чтения все его благодарили, и в особенности князь Г<олицы>н, который сознавался, что никогда не испытывал такого удовольствия. Гоголь казался очень доволен произведенным впечатлением, был весел и ушел домой.

Тут кстати заметить, что смех, возбужденный чтением "Мертвых Душ" производил на него совсем не то впечатление, как смех во время чтения комедии. Ему, очевидно, делалось грустно»[27].

Из письма Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «...Легко представить, что произошло в его душе, когда он увидел, что Чичиков, Манилов, Собакевич и Ноздрев возбуждают лишь смех или отвращение. "Полюбите нас черненькими, а беленькими нас всяк полюбит", задумал он уже тогда[28]. Перед ним уже летали образы почище, поидеальнее, Уленька, Чагранова, Никита, генерал-губернатор, помещик Вороново-Дряново, Платонов, который влюбился в портрет петерб<ургской> львицы Чаграновой. Все это в первую пору своей авторской жизни он почувствовал, но до страдальчества оно дошло позже, когда создалась его школа, т. е. реалистическая литература. Его жалобы и стоны вырвались из груди в его "Переписке с друзьями". Эту переписку никто не понял, она подняла гвалт на всю Русь, потому что Гоголь не был открыт. "Никто не знает, – писал он мне, – что перегорело в моей душе, оно известно только Богу".

В июле <в июне> месяце я оставалась в Пет<ербурге>, и Гоголь предложил прочесть мне новую комедию "Женитьба". После обеда Вяземский, Плетнев, Аркадий, Тютчев[29] – мы сидели в гостиной, и он начал читать в рукописи; смех был постоянный, Подколёсин, Сваха, Капитан Жевакин, Яичница – все, начиная с фамилий, возбуждало смех. Швейцару приказано было не принимать; он пропустил князя Михаила Алекс<андровича> Голицына, как короткого знакомого; тот вошел. К счастию, Гоголь не обратил внимания, <продолжал> читать, и после чтения пошел в кабинет мужа и крепко уснул на диване, и проснулся на вечере, потому что у мужа собрались играть в ералаш и префер<анс>. Он пошел ко мне и сказал: "Там занимаются делом до 8-ми часов утра, но там ангел-хранитель в синем мундире под сладким лицом генерала Дубельта, следовательно, до драки не дойдет". Голицын не находил слов, чтобы благодарить меня за приятные минуты, которые он провел у меня: "Я читал с восторгом «Мертвые души» и всегда желал видеть их автора. Подобных минут я не проводил в этом пошлом Петерб<урге>"»[30].

Из альбома А. О. Смирновой (1854): «Весною 42 года Гоголь приехал в Петербург и остановился у Плетнева, приходил ко мне довольно часто и уже очень запросто, очень дружески. Очень сблизился с братом моим Аркадием О<сиповичем>, изъявил желание прочитать отрывки уже напечатанных "Мертвых душ" и читал у Вяземского разговор двух дам. Никто так не читал, как покойный Николай Васильевич и свои и чужие произведения; мы смеялись неумолкаемо[31], и, если правду сказать, Вяземский и мы не подозревали всей глубины, таящейся в этом комизме. Такова уже участь комика, и надобно, чтобы долго смеялись ему, пока вдруг не уразумеют некоторые избранные, что этот смех вызван у него плачем души любящей и скорбящей, которая орудием взяла смех.

А отчего душа так или иначе выражает свои чувства, известно одному Богу. Этот вопрос, конечно, смущал самого Гоголя. Высокий христианин в душе, он знал, что образец наш, Христос Спаситель, не смеялся никогда. Потому легко понять, что произошло в нем, когда он увидел, что Чичиков, Собакевичи, Ноздревы производят лишь смех с отвращением для иных, отвращение в людях высшего тона и в малом числе его поклонников смех с восторгом к артисту. Один Плюшкин в 1-м томе выступает резко, как трагическое лицо, но Плюшкин вообще менее интересовал читающую публику. Все это в первую минуту Гоголь чувствовал; но до страдальчества дошло это позже, когда пошла так называемая его школа, и страдание это вырвалось из груди его в "Переписке с друзьями". Ее ничто не понял, эту переписку, потому что никому не был открыт он вполне, и что *перегорело в его душе* (собственные его слова в письме ко мне), было известно только Богу.

Летом в июле <в июне> месяце я жила в городе. Он сам предложил читать мне новую комедию "Женитьба". Вяземский, Плетнев, брат мой Аркадий и двое Карамзиных были приглашены к обеду. Гоголь был весел, спокоен; после обеда, отдохнув немного, вынул из кармана тетрадку и начал читать так, только как он один умел читать. Швейцару было приказано никого не принимать; но внезапно взошел князь Михаил Александрович Голицын, который мало знает русский язык. Меня это смутило, я подошла к нему и рассказала, в чем дело; он просил позволения остаться. К счастью Гоголь не обратил никакого внимания и продолжал читать. После прочтения все его благодарили; он казался весел и доволен впечатлением и ушел домой. <...> Вскоре Гоголь уехал за границу»[32].

Из воспоминаний Смирновой 1877 г.: «Летом я жила в городе, потому что у детей была скарлатина. Петр Петр<ович>[33] приехал погостить у нас и все разговаривал с своим камердинером Павлом, которого он звал Пашкой. <...> Чтобы развлечь дядю, мы приглашали Вяземского, Виельгорского и Баско обедать. У нас жила немка Мамзель Кайзер, настоящая ворона вечно с раскрытым ртом. Баско уселся возле нее, и она сделалась жертвой его шуток. Подали апельсины, она уже начала чистить свой, как он очутился на люстре. После обеда мы повели его в детскую, где он делал ventriloque[34]: в нем то сыпался сор, то валились камни. Петр Пет<рович> – большое дитя, и дети очень забавлялись. Баско в самом деле был самый искусный штукарь. Театр был всегда полон, когда он делал представления, они были разнообразны и всегда новы. <...>

Имп<ератору> <Александру I> хотелось видеть все и всех в Париже, и <он> посетил известную гадальщицу Le Normand; она раскладывала карты про форма[35], но говорила в сомнамбулическом сне, который вызывала своей волей. Она ему сказала, что конец его царства будет очень грустный, что он умрет на юге России, что новое царство его брата начнется смутами, что его царствование будет длиннее, славнее, но потом смешала карты и сказала: "Et a present je ne vois que du feu, de flammes et du sang et la mort. Il sera suivi d'un regne tres doux, plain, de liberte"[36].

У государя был карандаш, подаренный ему Лавотером. Этот карандаш был в красном футляре и Государь никогда им не писал. <...> Лавотер дал его Юнг Штелингу; Юнг Штелинг M-me Криднер, которая дала его Александру I-му. Лавотер задумался на словах Спа<си>теля людям: "не <*1 нрзб.*> меня, я из <*4 нрзб.*>", и не мог вывести заключения, когда к нему вошел почтенный старец, дал ему карандаш и сказал: "Вот твоя со<*нрзб.*>ция, она в Евангелии от Иоанна". Не знаю, где этот карандаш. Это мне рассказывал М<ихаил> Юрьевич Виельгорский. Удивительный человек был этот милый Граф; его библиотека была наполнена разных книг о <*2 нрзб.*> илюминатов, он прочитал всю эту литературу в 20000 томов[37], был масон петербургской ложи с другом своим Сергеем Степ<ановичем> Ланским. Имп<ератор> был генералом du grand Orient[38]. Правила этих лож совершенно схожи с Иерусалимскими. Виельгорский мне говорил: "On a tres bien fait de les fermer: c'est un tres puissant moyen pour tenir les masses dans leur devoir, mais c'est une epee a deux tronchants"[39]. Гоголю были равно ненавистны Ленорманы и масоны»[40].

Дочь А. О. Смирновой Ольга Николаевна вспоминала: «Гоголь всегда говорил, что его доля – жалкая жизнь человека, особенно когда речь идет о бедных, малых и скромных мира сего <...> которым нужно столь немного, чтобы сделать их счастливыми или навсегда уничтожить. Он блестяще доказал это положение в одной из своих первых новинок – в "Шинели"... <...> Это было смелым новшеством – помещать целую драму в историю украденного сюртука. Когда он читал эту новость нескольким друзьям, то семилетняя девочка, которая играла в другой комнате и на которую не обращали внимания, в тот момент, когда бедный герой, после кражи его шинели, в горячке умирает, неожиданно разразилась такими жестокими рыданиями, что ее ничем не могли успокоить; ее уверяли, что бедный человек будет счастливее в другом мире; ребенок все равно плакал. Несколько дней спустя Гоголь захотел узнать, почему его герой так ее тронул, но малышка снова таяла в слезах. Весьма удивленный, Гоголь спросил ее, не смерть ли она так сильно оплакивает? "Нет, – отвечал ребенок, – другие тоже умирают; но то кажется таким жалким, так ужасно печалит, что он умирает из-за столь немногого, из-за ничтожной, гадкой шинели". Гоголь был восхищен этим ответом; это было именно то, что он желал выразить...»[41]

По свидетельству В. И. Шенрока, девочкой, оплакивавшей смерть Башмачкина, была сама О. Н. Смирнова[42]; семь лет ей исполнилось в 1841 г. Возможно, чтение состоялось в период пребывания Гоголя в Петербурге с 26 мая по 5 июня 1842 г., когда Гоголь читал у А. О. Смирновой главы «Мертвых душ» и «Женитьбу».

Сходное суждение о гоголевской повести высказывал позднее, в 1847 г., А. А. Григорьев: «...В образе Акакия Акакиевича поэт начертал последнюю грань обмеленья Божьего создания до той степени, что вещь, и вещь самая ничтожная, становится для человека источником беспредельной радости и уничтожающего горя, до того, что шинель делается трагическим fatum в жизни существа, созданного по образу и подобию Вечного...»[43]

Примечательно неоднократно обращаемое А. О. Смирновой в ее мемуарах внимание на то, что в конце мая – начале июня 1842 г. Гоголь испытал острое огорчение, когда увидел, как герои «Мертвых душ» вызывают лишь смех. По-видимому, это огорчение было сродни тому, которое он испытал ранее, в 1836 г., после первой постановки «Ревизора». Возможно, в тот же период, незадолго до отъезда Гоголя из Петербурга 5 июня 1842 г., Смирнова на примере стихотворения А. С. Пушкина «К Н**» («С Гомером долго ты беседовал один...») рассказала Гоголю о христианском, исполненном «высшей милости» отношении Императора Николая I к своим подданным – указав одновременно на адресата упомянутого пушкинского стихотворения. (В. Г. Белинскому, с которым в начале января 1842 г. в Москве Гоголь, по-видимому, беседовал об адресате стихотворения «К Н**», писатель сообщить тогда свидетельство Смирновой, вероятно, уже не успел.)[44] По воспоминаниям Г. П. Галагана, весной 1843 г. в Риме Гоголь, провожая Галагана в Россию, также говорил о «примирении с людьми», какими бы «дурными» они ни казались[45].

Возможно, после тогдашних бесед с Смирновой в записной книжке Гоголя 1842–1845 гг.[46] появилась заметка: «...а на деле выходит так. Соединяя в лице <своем> званье верховного хранителя и блюстителя Церкви, <...> Государь у нас <*1 нрзб.*> стремится к свету. И если только он вполне христианин, <...> ничего не может произвести он худого, ибо Сам Дух Божий двинет его повеленья<ми>». Содержание этой заметки впоследствии нашло отражение в статье *X. О лиризме наших поэтов* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

В 1880 г. П. В. Анненков вспоминал: «Николай Васильевич вспомнил о Белинском только в 1842 году... <...> Он устроил тогда одно *тайное* свидание с Белинским, в Москве[47]... <...>, и другое, хотя и не тайное, но совершенно безопасное, в кругу своих петербургских знакомых, не имевших никаких соприкосновений с литературными партиями: секрет свиданий был действительно сохранен, но, как я узнал после, они нисколько не успели завязать личных дружеских отношений между писателями. Все это было, однако же, <...> случилось уже в мое отсутствие из Петербурга и России»[48].

Из «Воспоминаний о Гоголе» Анненкова (1857): «...В доме П<рокопови>ча в Петербурге устроено было опять совещание, не требовавшее уже таких предосторожностей, как московский его предшественник[49], но все-таки носившее характер секрета, без которого Н<иколай> В<асильевич> не мог его ни понять, ни представить себе. <...>

Нам уже почти несомненно известно теперь, что <...> вторая часть <"Мертвых душ"> в первоначальном очерке была у него готова около 1842 года (есть слухи, будто она даже переписывалась в Москве в самое время печатания первой части романа)»[50].

Мнение Анненкова и сообщаемые им «слухи» об окончании второго тома «в первоначальном очерке» около 1842 г. – не подтверждаемые другими свидетельствами, служат в концепции мемуариста основанием для последующего столь же сомнительного утверждения о первом уничтожении (или «совершенной переделке <...>, равняющейся уничтожению») рукописи второго тома в 1843 г. Говоря о якобы совершавшемся в это время «переломе» в мировоззрении Гоголя, Анненков затрагивает события того периода в жизни писателя, о которых он не мог судить как очевидец. После совместного пребывания в Риме в 1841 г., Анненков вновь встретился с Гоголем лишь спустя пять лет, в мае 1846 г.[51]

В то время Гоголь, выславший ранее из Москвы, для публикации в плетневском «Современнике», вторую редакцию повести «Портрет»[52], избегает разговора с Плетневым о своем дальнейшем участии в журнале, чем вызывает его недовольство[53].

Позднее, в 1890 г., П. А. Кулиш, служивший в 1845–1846 гг. при Плетневе, в письме к В. И. Шенроку, вспоминая о раздражении Плетнева против Гоголя, сообщал: «Бывая у Плетнева по средам и воскресеньям, Гоголь оставался до тех только пор, пока беседой не овладевал кто-нибудь другой, но лишь только разговор делался общим или являлся рассказчик более интересный, Гоголь незаметно исчезал. Плетнев приписывал это, не обинуясь, его самолюбию и желанию играть первенствующую роль. С крайним негодованием рассказывал он мне, как Гоголь, по возвращении из заграницы, поддакивал ему в его искреннем суде о журналистах, а тайком от него делал визиты Белинскому, Краевскому, Некрасову[54], Панаеву и другим. Вообще представлял он Гоголя человеком двуличным и похожим на описываемых им в своих сочинениях людей...»[55]

Сам Гоголь 9 января (н. ст.) 1845 г., сообщал Смирновой: «Ему <Плетневу> вообразилось, что он, по смерти Пушкина, должен защищать его могилу изданьем Современника, к которому сам Пушкин и при жизни своей не питал большой привязанности, хотя издавал его собственными руками, и хотя я тоже с своей стороны под-

задоривал его на это дело. Журнал определенной цели не имел никакой даже и при нем, а теперь и подавно[56]. Плетнев связывает с ним какую-то пространную идею, которую имеет всякий и толкует по-своему, впрочем и сам он этой идеи в статьях своего Современника никому не дал понять. Но тем не менее он считает, что один только идет по прямой дороге, по которой должен идти всякий литератор, и всех, кто не помещает статей в Современнике, считает людьми отшатнувшимися и чуть не врагами тени Пушкина. Я это видел, а потому избегал всякого литературного разговора с ним в бытность мою в Петербурге, ибо мне предстояло или сказать: идея твоя совершенно справедлива, великодушна и благородна, — я твой помощник и сотрудник, или же сказать: любезный друг, ты гоняешься за тенью. Первого я бы не мог выполнить, а вторым я бы рассердил его навсегда. Вот почему я избегал с ним всяких речей о подобных предметах, что повергало его в совершенное недоумение, ибо он считает, что я живу и дышу литературой. Я очень хорошо знал и чувствовал, что он терялся обо мне в догадках и путался в предположениях, хотя этого не давал он мне заметить и хотя об этом не писал мне писем, а изредка только в разговорах с другими выражал неясно свое неудовольствие на меня».

[1] С. Т. Аксаков в письме к сыну Ивану от 25 мая 1842 г., по-видимому, со слов Гоголя, сообщал, что тот намеревался остановиться у Прокоповича (см. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки*** — примечания).

[2] Ю. Г. Оксман приблизительно датировал тогдашнюю встречу Гоголя с Белинским временем около 1 июня 1842 г., сделав отсылку на «Опыт хронологической канвы к биографии Гоголя» А. И. Кирпичникова, однако в книге Кирпичникова такого свидетельства нет (см.: *Кирпичников А. И.* Опыт хронологической канвы к биографии Гоголя. М., 1902. С. LI; *Оксман Ю. Г.* Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958. С. 330).

[3] Позднее, 22 октября (н. ст.) 1842 г., Гоголь писал Н. Я. Прокоповичу из Рима: «Кланяйся всем помнящим меня <...> Белинскому, Комарову». И. И. Панаев вспоминал: «А. А. К<омаров> был очень хорош с покойным Прокоповичем и через него сошелся очень близко с Гоголем. Первое время своей известности Гоголь обыкновенно, приезжая в Петербург, останавливался у Прокоповича и часто бывал у К<омарова>» (*Панаев И. И.* Воспоминание о Белинском // *Свод.* Т. 3. С. 277). «...У Панаева неточность: Гоголь останавливался в 1839 г. у Плетнева и Жуковского и только в 1841 г. у Прокоповича...» (*Шенрок.* Т. 4. С. 44–45).

[4] См. ***1839. Ноября вторая половина — декабря не позднее 17. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1842. Февраль — мая 23. Москва***; ***1842. Мая 27. Среда. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1842. Между мая 26 и июня 5. Царское Село, Санкт-Петербург.***

[7] См. ***1842. Мая 28. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Санкт-Петербург.***

[8] См. там же.

[9] См. ***1842. Июля 29 <17>. Пятница. Гастейн.***

[10] См. ***1842. Февраль — мая 23. Москва.***

[11] См. ***1842. Февраля 17. Вторник. Москва***; ***1842. Мая около 31. Санкт-Петербург.***

[12] См. ***1842. Мая 27. Среда. Санкт-Петербург***; ***1842. Июня до 5 <до 17>. Санкт-Петербург.*** — См. также пометку в записной книжке Гоголя 1842–1851 гг.: «У Балабиной узнать о Моллере. К Никитенке. К Одоевскому. К Смирновой. Плетневу; поговорить о портрете. Купить мешок. Купить у графа Энгеля» (см. также ***1842. Февраль — мая 23. Москва***).

[13] См. ***1842. Июня 2. Вторник. Санкт-Петербург.***

[14] См. ***1842. Июня 4. Четверг. Санкт-Петербург.*** — Позднее, 2 ноября (н. ст.) 1842 г., в письме из Рима Гоголь спрашивал П. А. Плетнева: «Узнайте, что делают экземпляры Мертвых душ, назначенные мною к представлению государю, государыне и наследнику и оставленные мною для этого у гр<афа> Вьельгорского. В древние времена, когда был в Петербурге Жуковский, мне обыкновенно что-нибудь следовало».

[15] См. ***1842. Февраль — мая 23. Москва.***

[16] См. ***1842. Июня 4. Четверг. Санкт-Петербург.*** — Уваров с 1833 г. занимался представлением новых книг Государю (см. ***1835. Марта средина, не позднее 17. Санкт-Петербург***).

[17] См. также ***1842. Июня 5 <17>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[18] См. ***1842. Февраль — мая 23. Москва.***

[19] См. ***1842. Февраль — мая 23. Москва.***

[20] См. ***1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва.***

[21] См. ***1839. Июля 13 <1>. Суббота — августа около пятницы 23 <около пятницы 11>. Мариенбад.***

[22] О том, что Гоголь подарил тогда Вяземскому экземпляр «Мертвых душ», свидетельствует также помета в гоголевской записной книжке 1842–1851 гг. (см. ***1842. Февраль — мая 23. Москва***).

[23] Гоголь в письмах князя П. А. Вяземского // *Свод.* Т. 1. С. 846.

[24] См. ***1840. Февраля 9 — мая 18. Москва***; ***1844.***

[25] См. ***1844. Февраль <февраля средина — марта средина>. Санкт-Петербург.***

[26] *Лонгинов М. Н.* Воспоминание о Гоголе. (По поводу «Опыта» его биографии) // *Свод.* Т. 1. С. 647. — См. также ***1845. Июня между 18 и 26 <между 6 и 14>. Гостиница по дороге из Франкфурта-на-Майне в Гастейн*** (примечания).

[27] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 217–218.

[28] См. ***1842. Марта 14. Суббота. Вечер. Москва.***

[29] «Гоголь обедал у меня с Крыловым, Вяземским, Плетневым и Тютчевым» (*Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 262). На самом деле Ф. И. Тютчев находился в то время за границей.

[30] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 251.

[31] «В нем был залог великого актера» (*Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 251).

[32] <Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> // *Свод.* Т. 2. С. 229; см. также: <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 243.

[33] Петр Петрович Смирнов (1772–1854), дядя Н. М. Смирнова, тайный советник.

[34] Чревовещание (*фр.*).

[35] Pro forma – для виду.

[36] А теперь я вижу только огонь, пламя, кровь и смерть. За ним последует царствование мягкое, ровное и свободное (*фр.*).

[37] Дочь А. О. Смирновой Ольга Николаевна в 1893 г., пересказывая записки матери, также сообщала: «У Вьельгорского множество книг по франкмасонству, и он говорит: "Я боялся смерти до тех пор, пока не стал франкмасоном". Он разговаривал с В<еликим> К<нязем> о Сведенборге и о Якове Беме» (*Смирнова О. Н.* Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.) // *Свод.* Т. 2. С. 332).

После смерти графа Мих. Ю. Виельгорского его собрание масонской литературы было передано его родственниками в дар Публичной библиотеке: «Обращаемся к новым приобретениям библиотеки. <...> В прошедшем году принесено в дар Библиотеке наследницами покойного графа М. Ю. Виельгорского собрание *псевдо-философических сочинений,* принадлежавшее покойному графу. Эту библиотеку, плод многолетних трудов и изысканий ее владельца, не щадившего на постоянное ее увеличение никаких издержек, составляют сочинения, частию уж давно исчезнувшие из книжной торговли, частию никогда в нее не поступавшие и представляющие самый живой интерес для истории как мистицизма, чернокнижничества и многих других суеверий, так и разных обществ, имевших направление мистическое, благотворительное и социальное» (Русская литература. Новые книги. Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1856 год, представленный г. министру Императорского Двора, директором Библиотеки, членом Государственного Совета статс-секретарем бароном М. А. Корфом // Санкт-Петербургские Ведомости. 1857. 27 апр. № 89. С. 457).

[38] Ложи Великого Востока (*фр.*).

[39] Очень хорошо сделали, что их закрыли; это очень мощное средство для удерживания масс в повиновении, но это палка о двух концах (*фр.*).

[40] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 261–262.

[41] *Smirnoff Olga.* Etudes et souvenirs // La Nouvelle Revue. Paris, 1885. V. 37. Novembre-Décembre. P. 14–15; на фр. яз.; см. также: *Свод.* Т. 3. С. 19.

[42] «...Когда Гоголь читал "Шинель", то семилетняя девочка, которая играла в другой комнате и на которую не обращали внимания, неожиданно разразилась такими рыданиями, что ее ничем не могли успокоить. (См. "Novelle Revue", 1885, novembre, p. 14). Это девочка была покойная О. Н. Смирнова» (*Шенрок.* Т. 3. С. 129; *Свод.* Т. 3. С. 106).

[43] <*Григорьев А. А.*> *А. Г.* Гоголь и его последняя книга // Московский Городской Листок. 1847. 10 марта. № 62. С. 250.

[44] См. ***1842. Января между 2 и 7. Москва*** (примечания).

[45] См. ***1843. Апреля конец <апреля средина>. Рим.*** – См. также ***1837. Мая 8 <20>. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1837. Мая 25 <июня 6>. Вторник. Царское Село.***

[46] Датировка записной книжки уточнена (см. ***1842 октября 4 <сентября 22> – 1843 мая 2 <апреля 20>. Рим*** – примечания).

[47] См. ***1842. Января между 2 и 7. Москва.***

[48] *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Свод.* Т. 3. С. 507.

[49] См. ***1842. Января между 2 и 7. Москва.***

[50] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 459.

[51] См. ***1846. Мая конец <мая средина>. Париж.*** – См. также ***1846. Июля между 6 и 19 <между июня 24 и июля 7>. Бамберг.***

[52] См. ***1841. Октября 13. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1842. Марта 13. Пятница. Москва***; ***1842. Марта 17. Вторник. Москва***; ***1842. Июля 12 <июня 30>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[53] См. ***1844. Октября 27 <ноября 8>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[54] Николай Алексеевич Некрасов (1821–1877), поэт.

[55] *Свод*. Т. 1. С. 704. – См. также ***1846. Январь <января средина – февраля средина>. Санкт-Петербург.***
[56] См. также ***1846. Августа конец. Калуга***; ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург*** (примечания).

МЕЖДУ МАЯ 26 И ИЮНЯ 5. ЦАРСКОЕ СЕЛО, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. П. Милюков[1] в вагоне поезда Царскосельской железной дороги встретил Гоголя и К. П. Брюллова.

Из воспоминаний Милюкова: «Летом, вскоре после открытия нашей первой железной дороги[2], возвращался я из Царского Села в Петербург. В вокзале, перед самым отходом поезда, я встретил одного молодого человека Ф., которого видал в университете. <...> Любимой темой его рассказов было сообщение, с какими знаком он актерами, литераторами, художниками; но все мы легко догадывались, что если в этих рассказах и была кое-какая правда, то в весьма небольшой дозе. <...> На этот раз мы вошли вместе в вагон второго класса, и мне поневоле пришлось сидеть рядом с Ф. На противоположной стороне, наискось от нас, поместились два господина средних лет, – один невысокого роста, плотный, с открытым лицом и небольшой эспаньолкой, в довольно поношенном пальто; другой худощавый, с длинными волосами и большим тонким носом, в каком-то не совсем модном плаще с капюшоном. Лица их показались мне как будто знакомыми, хотя я и не мог придумать, где и когда видел их. Господин в пальто курил сигару, а товарищ его молча оглядывал сидевших в вагоне. Изредка они обменивались короткими фразами, которых я не мог расслушать не столько от шума поезда, сколько от болтовни моего надоедливого соседа. Когда он стал показывать мне перстень с подозрительным алмазом и в довольно прозрачных выражениях намекнул, что получил его от известной в то время танцовщицы, давая понять о близости своего знакомства с нею, наши молчаливые соседи переглянулись между собой с легкой улыбкой. Мне было крайне совестно на моего хлыща.

На полдороге к Петербургу в наш вагон вошел низенький смуглый человек в сильно потертом черном сюртуке и совсем порыжелой черной шляпе. Он быстро оглянул пассажиров и, так как мы сидели ближе других, подошел прямо к нам, вынул из бокового кармана бумажник и с каким-то заискивающим поклоном заявил, что он художник, вырезывает в три минуты необычайного сходства силуэты, по рублю за экземпляр, и удостоился внимания многих знаменитых людей, поощривших его талант. Вычитывая эту рекламу на плохом французском языке с резким итальянским выговором, он вынул из своего бумажника и развернул сложенную в виде карточной колоды длинную белую бандероль, на которой наклеены были вырезанные из черной бумаги профильные силуэты. Сосед мой принялся их рассматривать, очевидно, не столько из прямого любопытства, сколько с желанием показать свое знакомство с известностями литературного и артистического круга.

– Это Александр Сергеич? – спросил он итальянца, показывая на довольно удачно вырезанный профиль Пушкина.

– Точно так, мосьё.

– С натуры снято?

– С живого, незадолго до смерти.

Кажется, на этот раз, как говорится, нашла коса на камень, и бродячий артист был так же беззастенчив, как и мой сосед.

– А это Василий Андреич! – продолжал Ф. – Выражение, мне кажется, напоминает Каратыгина в "Гамлете".

– В театре, в уборной снимал.

– А! И Карл Павлыч Брюллов? Очень, очень похожи.

Силуэтист на все эти замечания кивал утвердительное головой и в то же время нетерпеливо пощелкивал маленькими ножницами, поглядывая на всех нас с видимым желанием и надеждою получить от кого-нибудь заказ. При последнем замечании моего соседа господин в плаще, который во все это время посматривал с улыбкой то на него, то на итальянца, быстро переглянулся со своим товарищем и, обратясь к Ф., спросил:

— А вы знаете Брюллова?

— Да, часто видал, — отвечал тот без малейшего смущения.

— Вероятно, на картине "Последний день Помпеи"? И силуэт, должно быть, по ней же вырезан! Ну, видите, Брюллов пококетничал там, помолодил себя и поприкрасил, иначе и вы, молодой человек, и господин художник давно бы узнали его, когда он сидит перед вами собственной особой.

При этих словах своего компаньона господин с эспаньолкой приподнял шляпу и наклонил с улыбкой голову. Я понял, отчего лицо его с самого появления в вагоне показалось мне знакомо: это был действительно К. П. Брюллов, которого впоследствии мне пришлось еще встретить перед отъездом его за границу. Теперь мне любопытно было, кто его товарищ, так забавно обличивший фатовство моего хлыща, и я перебирал мысленно известных тогда художников, думая, что это, должно быть, какой-нибудь из собратий Брюллова по искусству. Разумеется, не зная никого лично, я не мог ни на ком остановиться.

В первый раз я видел, что Ф. несколько сконфузился. Между тем итальянец с заискивающими поклонами просил позволения снять силуэт великого артиста с натуры, и когда ему это было разрешено, он менее чем в пять минут вырезал из черной глянцевитой бумаги очень похожий профиль художника. Брюллов похвалил его.

— Снимите же и с моего приятеля, — сказал он артисту, показывая на своего соседа в плаще. — А вы, молодой человек, — продолжал он, обращаясь к Ф., — так интересуетесь знакомством с известными сколько-нибудь людьми, что, без сомнения, видались с Николаем Васильевичем Гоголем?

При этом я догадался, что товарищ Брюллова был именно автор "Ревизора", который возбуждал тогда самые оживленные толки в обществе и в большинстве университетской молодежи. Мне показалось только, что лицо его было гораздо красивее, чем на литографированном его портрете, и в действительности на нем не так резко замечалось саркастическое выражение, каким наделяли его художники.

Хлестаков мой понял, что Брюллов ставит ему ловушку, и отвечал художнику, что, к сожалению, не имел случая встречаться с Гоголем.

— Так позвольте рекомендовать его, — сказал Брюллов, показывая на своего соседа. — Он тоже не будет, конечно, жалеть, что случай доставил ему возможность встретить молодого человека, который так интересуется нашим бедным артистическим миром и составил уже в нем столько знакомств.

Не знаю, понял ли эту насмешку Ф. Что касается Гоголя, то он, по-видимому, был недоволен, что художник назвал его. Может быть, ему хотелось остаться неизвестным и повнимательнее всмотреться в тип нового Хлестакова. Но выдав раньше своего товарища, он, конечно, сам подал повод и к своему разоблачению. Как бы то ни было, но он нахмурился, и когда итальянец обратился к нему с предложением снять с него силуэт, он решительно отказал. Силуэтист несколько времени не спускал с него глаз, потом поклонился и быстро перешел в другой вагон. Минут через десять после этого поезд остановился у петербургского дебаркадера. Наши знаменитые спутники ушли. Но Ф. не отставал от меня и принялся уверять, что с первого взгляда угадал, кто они. Когда мы с платформы вошли в залу, наш артист-итальянец остановил нас и, показывая не наклеенные еще на бумагу и, очевидно, только что вырезанные с замечательным сходством силуэты Брюллова и Гоголя, обратился к Ф. с предложением, не угодно ли ему заказать копии с них.

— Когда же вы успели сделать портреты? — спросил я с удивлением.

— Сейчас, в другом вагоне.

— Заочно?

— О, это мой талант... я могу через год снять, кого хорошо видел. <...>

Таким образом, благодаря фатовству Ф., мне удалось хотя один раз видеть и хорошо всмотреться в Гоголя»[3].

Из воспоминаний П. П. Соколова[4]: «Однажды Булгакова[5] посетил Н. В. Гоголь и пресерьезно осматривал его коллекцию портретов и рисунков. Не заметя, что на диване сидел какой-то важный генерал, и к тому же очень щепетильный, Гоголь долго стоял над диваном, рассматривая висевшую

над ним картину, не замечая сидевшего генерала, бесившегося от злобы на неделикатность какого-то обыкновенного смертного.

— Я заметил, — рассказывал Булгаков, — что Гоголь, не видя этого петуха, осеняет его своим длинным носом, и стал их представлять. "Mon cher, — сказал я генералу, моему старому приятелю, — je te presente la personne du célèbre Gogol — l'écrivain"[6]. Тогда надо было видеть, как флегматически Гоголь опустил свой длинный нос на моего бедного генерала, побагровевшего от такого неслыханного sans façon[7] обращения, и как они оба в унисон промычали что-то вместо приветствия»[8].

[1] Александр Петрович Милюков (1817–1897), писатель. Собирал автографы русских писателей и впоследствии передал своей архив В. П. Авенариусу (1839–1923), а тот, в свою очередь, — в Пушкинский Дом (см.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 838).

[2] Первая железная дорога в России — Царскосельская, между Петербургом и Павловском, — была открыта в 1838 г. 7 ноября (н. ст.) 1838 г. Гоголь писал М. П. Балабиной из Рима: «Ваше описание железной дороги и поездки по ней очень живо... <...> Хотя <...> при мысли о Петербурге, мороз проходит по моей коже, <...> но хотелось бы мне сильно прокатиться по железной дороге и услышать это смешение слов и речей нашего вавилонского народонаселения в вагонах. Здесь много можно узнать того, чего не узнаешь обыкновенным порядком. Здесь бы, может быть, я бы рассердился вновь — и очень сильно — на мою любезную Россию, к которой гневное расположение мое начинает уже ослабевать, а без гнева — вы знаете — немного можно сказать: только рассердившись, говорится правда» (см. ***1838. Ноября 19 <7>. Понедельник. Рим***).

[3] *Милюков А. П.* Встреча с Н. В. Гоголем. (Отрывок из воспоминаний) // *Свод.* Т. 2. С. 186–187.

[4] Петр Петрович Соколов (1821–1899), сын художника П. Ф. Соколова, рисовальщик и живописец.

[5] Константин Александрович Булгаков, сын почт-директора А. Я. Булгакова (1781–1863), соученик М. Ю. Лермонтова по Московскому университетскому благородному пансиону, приятель М. И. Глинки и графа В. А. Соллогуба.

[6] Мой дорогой, представляю тебе знаменитого Гоголя, писателя (*фр.*).

[7] Бесцеремонность (*фр.*).

[8] Воспоминания академика П. П. Соколова // *Свод.* Т. 2. С. 185.

МАЯ 27. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь посетил Ф. А. фон Моллера.

В этот день Моллер сообщал А. А. Иванову: «Вообразите себе мою радость; сию минуту был у меня Николай Васильевич Гоголь! Он пробудет здесь несколько дней[1], а потом, может быть, поедет за границу, а зиму, может, проведет в Риме. *Прошу, однако ж, молчать покамест об этом*»[2].

Вероятно, Моллер передал тогда Гоголю от Иванова «96 скуд римских»[3].

Вероятно, после разговора с Моллером Гоголь в записной книжке 1842–1845 гг. пометил: «В Риме купить: Рафаэля очерки в маленьком формате; Овербека молитвенник[4]; Новогреческую грамматику у Ромени[5]. Узнать об очерках Монарди[6]. Княз<ю> Волконскому[7] от Цимермана»[8].

О предполагаемом содержании тогдашнего разговора Гоголя с Моллером см. также: ***1842. Июня средина <июня начало>. Рим*** (примечания).

[1] Гоголь прибыл в Петербург 25–26 мая 1842 г. и пробыл здесь до 5 июня. Сам Ф. А. фон Моллер приехал в Петербург 2 мая 1842 г.

[2] Гоголь в письмах Ф. А. фон Моллера // *Свод.* Т. 3. С. 385.

[3] См. ***1842. Апреля конец <апреля средина>. Рим.***

[4] Имеется в виду молитвенник, иллюстрированный немецким художником-«назарейцем» И. Ф. Овербеком.

[5] См. ***1842 октября 4 <сентября 22> — 1843 мая 2 <апреля 20>. Рим.***

[6] Подразумеваются статьи об итальянском искусстве Т. Минарди, одного из создателей манифеста пуристов «О пуризме в искусствах» (1842). К тому времени Минарди опубликовал очерк «Ragionamento detto alle

Pontificie Accademia Romana di Archeologia e di Can Luca in solenne adunanza» (Roma, 1835) (см.: *Джулиани Р.* Гоголь, назарейцы и вторая редакция «Портрета» // Поэтика русской литературы. М., 2001. С. 136, 145).

[7] Князь Г. П. Волконский.

[8] Врач, лечивший Гоголя и А. А. Иванова в Риме и Неаполе.

МАЯ 27–30. СРЕДА-СУББОТА. МОСКВА

Сестра Гоголя Елисавета перед отъездом, с матерью и сестрой Анной, из Москвы на родину[1] заводит альбом, в котором появляются прощальные записи Аксаковых, П. И. Раевской и др.

Альбом начат 27 мая 1842 г. В его первой части содержатся прощальные записи: 27 мая – младших детей Аксаковых Софьи (7–8-ми лет), Любови (или Марии) и Надежды (13-ти лет); 28 мая – Ольги Семеновны Аксаковой и ее старших дочерей – Веры и Ольги, француженки m<ademois>elle Анны Пото, жившей в доме Аксаковых, по-видимому, в роли гувернантки, и рисунок М. Г. Карташевской (изображение св. Веры, Надежды, Любови).

«Атмосфера дома Прасковьи Ивановны Раевской отразилась в четырех записях, сделанных 29 мая 1842 г. и подписанных именами С. Молчановой, Dorothée Arsenieff (Доротеи Арсеньевой), Barbe Masaloff (Варвары Мосоловой) и инициалами П. Р. с витиеватым росчерком пером (судя по содержанию записи, автор – Прасковья Ивановна Раевская). Обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от Аксаковых окружение П. И. Раевской предпочитает французский язык русскому[2]. И благочестивая сентенция ее 13-летней племянницы Вареньки Мосоловой (в переводе: После удовольствия выполнять свой долг наиболее сладостное удовольствие – творить добро), и напыщенная фраза неизвестной Доротеи Арсеньевой (Когда время, которое разрушает все, изгладит мои черты из Вашей памяти, дорогая Элиза, тогда эти строки будут моими посланцами и вызовут меня в Вашей памяти) написаны на французском языке. Автограф П. И. Раевской в обеих своих частях (большей – французской и меньшей – русской) отражает ее глубокую набожность и материнскую привязанность к Елизавете Васильевне. Она пишет: *Желаю тебе милости Божией много, милая Лиза,* – и это единственное «ты» в обращении к его хозяйке из ее московских друзей.

Очень показателен автограф 37-летней кузины Раевской Софии Николаевны Молчановой:

"Кто имя дружбы расточает,
Тот не имел прямых друзей,
Тот сладости любить не знает
И сердцем сир в толпе людей.
Когда я вижу испещренный
Руками разными альбом,
Всегда сужу, что развлеченный
Хозяин с дружбой незнаком!
Мне зрится храм воспоминаний
Для всех без выбора открыть,
Где чистый отзыв чувствований
Неотличен и позабыт.
Мне зрится шумная беседа,
Где льются нежности рекой,
Но где ни вида нет, ни следа
Бесценной нежности прямой.

С. Молчанова.

1842 год 29 Маия. Москва"».

К 30 мая 1842 г. относится детский карандашный рисунок в альбоме малолетнего сына М. П. Погодина Мити[3].

[1] См. ***1842. Мая 31. Воскресенье – июня начало. Москва.***

[2] См. также ***1840. Июня 25 <13>. Четверг. Вена.***

[3] См.: *Тарланов Е. З.* Альбом Е. В. Гоголь-Быковой // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1985. М., 1987. С. 39–40; *Свод.* Т. 1. С. 187–188. – В альбоме имеются также пейзаж с замком (вероятно, рисунок девятилетнего Д. М. Погодина), помеченный 15 декабря 1845 г. (видимо, прислан в письме), а также несколько

записей 1843–1844, 1848 и 1850–1851 гг., принадлежащие разным лицам: некой Камилле, Евдокии Лукашевич, Александрине Псиол, Луизе (Елизавете) Калайдович, М. Н. Синельниковой, Ульяне фон М...р (неразборчиво), П. Ф. фон Минстер, Александрине Скалон, Надежде Гавриловне Лукьянович, Вере Васильевне Черныш, Павлу П. Косяровскому, а также М. А. Максимовичу и Д. А. Трощинскому. Второй том альбома представляет собой сборник лирических стихотворений и прозаических отрывков, переписанных рукою Елисаветы Васильевны; в альбоме есть стихи ее собственного сочинения (не опубликовано) (*Тарланов Е. З.* Альбом Е. В. Гоголь-Быковой // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1985. М., 1987. С. 36).

МАЯ 28. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь на обеде у князя В. Ф. Одоевского, куда П. А. Плетнев привел Ксавье Мармье[1].

29 мая 1842 г. Плетнев извещал Я. К. Грота: «Вчера в 3-м часу пополудни явился ко мне Мармье. <...> Мы с ним перед обедом отправились с визитами. <...> Были <...> у Одоевского, где обедали с Гоголем, разговаривавшим с Мармье наискосок, т. е. Мармье по-французски, а Гоголь по-итальянски»[2].

Из воспоминаний К. Мармье в предисловии к выполненному им в 1856 г. переводу «Шинели» (Au bord de la Neva. Contes russes, traduit par X. Marmier. Paris, 1856, p. 214): «В 1842 году, после блестящего успеха его последних повестей и “Мертвых душ”, мы видели Гоголя в Петербурге, *появлявшегося подобно одной из своих мертвых душ* в кружке преданных друзей, безучастно слушающего все то, что говорилось вокруг него, и отвечающего лишь холодной улыбкой на те искренние похвалы, которые расточались его произведениям; с интересного вечера он возвращался столь же пасмурным и угрюмым, каким входил туда»[3].

Вероятно, у Одоевского Гоголь встретился также с А. П. Заблоцким-Десятовским, о чем свидетельствует заметка в гоголевской записной книжке 1841–1844 гг.:

«О<т> Заблоцкого: Об откупщиках, о казенных крестьянах, о городах, о рекрутск<их> наборах».

[1] Ксавье Мармье (1809–1892), французский писатель и путешественник.
[2] *Свод.* Т. 1. С. 663.
[3] *Мармье К.* Николай Гоголь // *Свод.* Т. 2. С. 192.

МАЯ МЕЖДУ 23 И 28. МОСКВА

С. Т. Аксаков принимает участие в толках о «Мертвых душах».

Позднее, 3 июля 1842 г.[1], Аксаков сообщал Гоголю в Гастейн: «Я обещал вам записывать разные толки о Чичикове[2]; я сделал это, сколько мог успеть, ибо через неделю мы уехали из Москвы. Вот они: выписываю их с дипломатическою точностью. С. В. Перфильев сказал мне: “Не смею говорить утвердительно, но признаюсь: *Мертвые души* мне не так нравятся, как я ожидал. Даже как-то скучно читать; все одно и то же, натянуто; видно желание перейти в русские писатели; употребление руссицизмов вставочное, не выливается из характера лица, которое их говорит”. Он прочел залпом в один день. Я просил его через несколько времени прочесть в другой раз и не искать анекдота. Он хотел прочесть три раза. Уходя, он прибавил, что сальности в прежних сочинениях, даже в “Ревизоре”, его не оскорбляли; но что здесь они оскорбительны, потому что как будто нарочно

вставляются автором. – Н. И. Васьков[3] говорил, "что состав губернского общества не верен (как и в «Ревизоре»), где пропущены: стряпчий, казначей и исправник); что председателей двое, что полицеймейстер лицо ничтожное в губернском городе; что, представив [все] сначала все в дрянном и смешном виде, странно сделать такое горячее обращение к России; что часто шутки автора плоски, неблагопристойны, и что порядочной женщине нельзя читать всю книгу". Наконец, нашелся один, который обиделся следующими словами: "*посмотрим, что делает наш приятель?*" – "И кто же этот приятель?.. Селифан или половой!.. Что же они мне за приятели?.." Не сочтите за выдумку последнего выражения – все правда до последней буквы. Есть, впрочем, обвинения и справедливые: я очень браню себя, что одно просмотрел, а на другое мало настаивал: крестьяне на вывод продаются с семействами, а Чичиков отказался от женского пола; без доверенности, выданной в присутственном месте, нельзя продать чужих крестьян, да и председатель не может быть в одно и то же время и доверенным лицом и присутствующим по этому делу».

По-видимому, Аксаков в настоящем письме к Гоголю умолчал еще об одном отзыве о «Мертвых душах», который слышал у генерал-майора С. В. Перфильева, – высказывании графа Ф. И. Толстого[4]. Об этом отзыве Аксаков упомянул позднее в письме к Гоголю от 25 декабря 1850 г.[5] В «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) Аксаков также сообщал: «...Были люди, которые возненавидели Гоголя с самого появления "Ревизора". "Мертвые Души" только усилили эту ненависть. Так, например, я сам слышал, как известный граф Толстой-американец говорил при многолюдном собрании в доме Перфильевых[6], которые были горячими поклонниками Гоголя, что он "враг России и что его следует в кандалах отправить в Сибирь". В Петербурге было гораздо более таких особ, которые разделяли мнение графа Толстого. <...> Вскоре после отъезда Гоголя "Мерт<вые> Души" быстро разлетелись по Москве и потом по всей России. Книга была раскуплена нарасхват. Впечатления были различны, но равносильны. Публику можно было разделить на три части. Первая, в которой заключалась вся образованная молодежь и все люди, способные понять высокое достоинство Гоголя – приняла его с восторгом. Вторая часть состояла, так сказать, из людей озадаченных, которые, привыкнув тешиться сочинениями Гоголя, не могли вдруг понять глубокого и серьезного значения его поэмы; они находили в ней много карикатуры и, основываясь на мелочных промахах, считали многое неверным и неправдоподобным. Должно сказать, что некоторые из этих людей, прочитав "Мерт<вые> Д<уши>" во второй и даже в третий раз, совершенно отказались от первого своего неприятного впечатления и вполне почувствовали правду и художественную красоту творения. Третья часть читателей обозлилась на Гоголя. Она узнала себя в разных лицах поэмы и с остервенением вступилась за оскорбление целой России. К сожалению, должно сказать, что некоторые добрые и хорошие люди принадлежали к этой категории и остались в ней навсегда. <...> С. В. Перфильев исполнил свое обещание, прочел "Мертвые Души" три раза и оценил их по достоинству»[7].

Отзыв «Толстого-американца» о «Мертвых душах» передавала также Гоголю в письме из Петербурга от 3 ноября 1844 г. А. О. Смирнова: «У Ростопчиной при Вяземском, Самарине и Толстом разговорились о духе, в котором написаны ваши "Мертвые души", и Толстой сделал замечание, что вы всех русских представили в отвратительном виде, тогда как всем малороссиянам дали вы что-то вселяющее участие, несмотря на смешные стороны их; что даже и смешные стороны имеют что-то наивно-приятное; что у вас нет ни одного хохла такого подлого, как Ноздрев; что Коробочка не гадка именно потому, что она хохлачка. Он, Толстой, видит даже невольно вырвавшееся небратство в том, что когда разговаривают два мужика и вы говорите: "два русских мужика"; Толстой и после него Тютчев, весьма умный человек, тоже заметили, что москвич уже никак бы не сказал "два русских мужика". Оба говорили, что ваша вся душа хохлацкая вылилась в "Тарасе Бульбе", где с такой любовью вы выставили Тараса, Андрия и Остапа»[8].

Позднее эти представления были взяты «на вооружение» А. И. Герценом, в книге «О развитии революционных идей в России» (1851) – вызвавшей в свое время прямое возмущение Гоголя[9], а затем подхвачены Н. Г. Чернышевским, в «Очерках гоголевского периода русской литературы» (1855), а также первым биографом Гоголя, сепаратистом по убеждениям П. А. Кулишом (1857). Все они утверждали, что, в отличие от Украины, «под московским небом» Гоголь мог найти материал лишь для создания отрицательных образов[10].

Оценивая эти спекуляции, А. С. Хомяков, по поводу развернутой Кулишом «этнографической» и «исторической» критики украинских повестей Гоголя[11], в публичной речи 1859 г. замечал: «...В наше время нашлись из его <Гоголя> земляков такие, которые попрекнули ему в недостатке любви к родине и понимания ее. Их тупая критика и актерство неискренней любви не поняли, какая глубина чувства, какое полное поглощение в быт своего народа нужны, чтобы создать и Старосветского помещика, и великолепную Солоху, <...> и ту чудную эпопею, в которой сын Тараса Бульбы, умирающий в пытках за родину и веру, находит голос только для одного крика: "Слышишь ли, батьку?", – а отец, окруженный со всех сторон враждебным народом и враждебным городом, не может удержать громкого ответа: "Слышу!" Впрочем, я не стану говорить ни об этой тупой критике, ни об актерстве народности... <...> В иных отношениях был Гоголь к нам, великорусам: тут его любовь была

уже отвлеченнее; она была более требовательна, но менее ясновидяща. Она выразилась характером отрицания, комизма, и, когда неудовлетворенный художник стал искать почвы положительной, уходящей от его приисков, томительная борьба с самим собою, с чувством какой-то неправды, которой он победить не мог, остановила его шаги и, может быть, истощила его жизненные силы. <...> Гоголь любил Малороссию искреннее, полнее, непосредственнее; всю Русь любил он больше, много требовательнее, святее»[12].

Ранее С. П. Шевырев в статье о «Выбранных местах из переписки с друзьями» указывал: «Мы всегда думали, что Гоголь потому так чудно, так художественно, и так искренно, так сильно смеется над пошлостями русского человека, что глубоко чует в нем высшую его породу, славное его назначение, присутствие начал, которые должны в нем создать великое на благо всему миру. Без этого внутреннего, глубокого убеждения, невозможен бы был этот честный смех ни в самом Гоголе, ни в той публике, которая ему в этом сочувствовала и заодно с ним смеялась. Потому-то особенно странны казались нам мнения тех, которые готовы были в Гоголе видеть малороссиянина, неблагосклонного к достоинствам великорусской природы. Новая книга его разоблачала нам тайну его убеждений... <...> Великий недостаток в том, что все это выразилось не в художественной форме, а в виде поучительных писем и размышлений: должно предположить, что сила творческая стала в тупик перед величием задачи, или лучше задача искусства столкнулась с задачею действительной жизни, перед которой первая должна была поникнуть. Вот почему, вероятно, и второй том "Мертвых душ" полетел в огонь. <...> Гоголь обнаруживает много сильных сочувствий к Русскому человеку во всех сословиях, во всех слоях общества»[13]. По поводу первого тома «Мертвых душ» Шевырев также замечал: «...Одна из прекрасных, Христианских сторон Русского характера и Русского духа есть всегдашняя готовность сознавать открыто свои народные недостатки. В некоторых лицах доходит оно, может быть, до вредной крайности, унижающей вместе с недостатками и самое существо Русского духа; но в массе происходит от доброго источника. Сознавайте народные пороки, сознавайте недостатки Отечества, трудитесь денно и нощно за тем, чтобы их уничтожить; но признавайте с тем вместе внутреннее, неизменное, Богом и Христом Его данное и освященное существо Русского человека. <...> Да, Россия, как истинный Христианин, чем открытее, чем глубже будет исповедывать внутренние свои недостатки, чуждая всяких обольщений, могущих вредить ее успеху, — тем выше станет она перед лицем всех народов... Не бойся, не скрывай она никаких язв своих, а сознавай и лечи их скорым врачеванием... Лишь бы верила она в то, что коренное существо ее свято и вечно, и принадлежит не ей, а Самому Богу, давшему ей не даром такое огромное место и может быть, тысящелетиями неисчерпаемое назначение в мире»[14].

Новое «приложение» воззрения Герцена и Чернышевского получили в марксистском литературоведении, преследовавшем цель представить героев «Мертвых душ» и «Ревизора« в качестве «типичных» представителей тех лиц, которые «годны» были лишь на то, чтобы ставить их к стенке (а то, что утверждалось в сфере идеологии, получало, как известно, самое широкое применение на практике). Примечательны упоминания о гоголевских образах в статьях В. И. Ульянова (Ленина): «...угрожающе рычит черносотенец Собакевич» (1908); «...старая русская монархия, старая держиморда...» (1919)[15].

[1] См. ***1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково.***

[2] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки.***

[3] Николай Иванович Васьков, вице-губернатор Псковской губернии (ранее – прокурор); в 1843–1850 гг. – вице-губернатор Санкт-Петербурга.

[4] Граф Федор Иванович Толстой (1782–1846).

[5] См. ***1850. Декабря 25. Понедельник. Праздник Рождества Христова. Москва.***

[6] С. В. Перфильев и его жена Анастасия Сергеевна (рожд. Ланская, ум. в 1891).

[7] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 693, 714, 719.

[8] См. ***1844. Ноября 3 <15>. Пятница. Санкт-Петербург.*** – См. также ***1842. Ноября начало <ноября средина>. Москва.***

[9] См. ***1851. Сентября 13. Четверг. Санкт-Петербург; 1851. Сентября средина. Москва; 1851. Октября между 26 и 31. Москва.***

[10] См. ***1847. Апреля 14 <2>. Среда. Варшава.***

[11] См. ***1836. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Санкт-Петербург*** (примечания).

[12] *Хомяков А. С.* Речи, произнесенные в Обществе любителей российской словесности // Русская Беседа. 1860. № 1. С. 15.

[13] *Шевырев С.* Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя // Москвитянин. 1848. № 1 (цензурное разрешение 27 дек. 1847). <Отд. 2>. С. 12, 20.

[14] *Шевырев С.* Критический перечень произведений Русской Словесности за 1842 год // Москвитянин. 1843. № 1. С. 282–286.

[15] Цит. по: *Нечкина М. В.* Гоголь у Ленина // Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 557, 548, 563.

МАЯ 28. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ. МОСКВА

М. И. Гоголь с дочерьми Анной и Елисаветой провожают Аксаковых, уезжающих на подмосковную дачу в Гаврилково.

Через день, 30 мая 1842 г., В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской: «В четверг[1] приехали проститься с нами наши знакомые. Семейство Гоголь провожало нас[2], после обеда мы уехали. Лиза плакала, так была грустна, и нам было грустно с ними расставаться, и так надолго. Мы их искренно всех любим, и особенно Лизу, которую мы так коротко знаем, так привыкли к ней, и которая что-то имеет в себе, так много прекрасного, так же, как и сестра ее, но в той остались некоторые странности института и Малороссии. Бедная Лиза начинает теперь совершенно новую жизнь, она лет десять не жила в семействе, и Боже мой! какое зло, это публичное воспитание женщины, как оно отчуждает их от самых близких родных, они просто не понимают семейных отношений. Она теперь с знакомыми[3] расстается как с родными, а к своим идет как чужая. Такое грустное письмо написала она нам из Москвы. Вся моя жизнь с 10 лет, пишет она, состоит в расставании, то и дело разлучают с теми, которых полюблю и к которым привыкну я. Мать их – женщина прекрасная, полная любви к своим детям, так что она отдала им свое сердце, всю себя, и сама не только не имеет своей воли, но даже своего желания, по крайней мере не показывает его. Сына, разумеется, она любит более всего на свете и между тем должна от него почти отказаться и так мало и редко его видеть. Обстоятельства их тоже не радостные, и все вместе так ее мучит, огорчает и тревожит, что у ней всегда лицо такое грустное, особенно после отъезда сына; она плачет мало, но так глубоко огорчена, кажется, а между тем говорит, что не надобно грустить, у них есть поверье, что и тот человек будет от того более грустить. Ты не можешь вообразить себе, как странно видеть мать Гоголя, слышать, как она говорит об нем; все-таки она не может на него иначе смотреть, как на сына, во всем у ней примешивается материнское чувство, и тогда, когда она говорит об нем как о таком писателе; как она боится за то впечатление, которое произведет на свет его новая книга, боится потому, что это может его расстроить, повредить его здоровью. Как интересны все те мелочные подробности, которые она рассказывает про детство своего *Николиньки.* Какое он написал один раз какое-то сочинение и поднес ей, а потом она подозревает, что сам же у ней его взял[4] и т. д. – Как она смотрит на портрет его, который он ей оставил[5] и который в самом деле похож чрезвычайно, и как она объясняет то, что выражается в нем: *он улыбается, говорит она, но вместе с тем он думает грустное, как будто он хочет сказать, вы ошибаетесь во мне, моя душа чиста и ясна.*

Отесенька советовал ей записать все воспоминания о его детстве. Как она любит всех, кто принимает участие в ее сыне; все старается уверить себя, что он воротится скоро, хотя он сказал, что может быть не прежде 5 лет <см. также ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки***>»[6].

Спустя год, 31 мая 1843 г., В. С. Аксакова в письме к Карташевской также сообщала: «Все, что ты пишешь о том, что Коля[7] нашел в Миргороде, меня нисколько не удивило, прежде нежели я прочла в твоем письме, что говорил этот смотритель, я уже знала, что он будет говорить дурно. Малороссияне вообще, а особенно в Миргороде, разумеется, терпеть не могут Гоголя за то, что он их вывел в смешном виде, и говорят, что и "Мерт<вые> Души" написаны на них же; всегда выдумывают на него всевозможные сказки, так что бедную мать часто мучат. Она сама нам рассказывала. Эти Малороссы презлобный народ и особенно мстительны. Вообрази, что один раз один из них имел прежде дело с отцом Гоголя и потом все мстил матери, и как же он мстил: она как-то долго не получала писем от сына из чужих краев; этот господин написал к ней письмо, где объявляет ей, что сын ее сошел с ума или что-то такое, не помню, но хорошо, что письмо это она прочла, когда уже получила письмо от сына. Вот каковы Малороссы. Меня не удивило теперь и то, что Коля преклонился на сторону этого смотрителя[8]. Он никогда, кажется, не был к нему <к Гоголю> очень расположен. Конечно, всякий смотрит по-своему»[9].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Марья Ивановна с дочерьми провожала нас, когда мы уезжали из Москвы, и простилась с нами очень грустно; особенно плакала Лиза, которую сестра Анюта напугала рассказами о жизни в глуши Малороссии. Марья Ивановна – женщина необыкновенная. Она так моложава и хороша собой, что дочери кажутся при ней уродами; она вся исполнена самоотвержения и тихой любви к своим детям; она отдала им свое сердце и сама не только не имеет воли, но даже своих желаний; по крайней мере не показывает их. Сына любит она более всего на свете и между тем должна от него почти отказаться, видеть изредка, и то на короткое время. Лицо ее постоянно грустно, особенно после отъезда Николая Васильевича; она плачет мало, но видно, как глубоко огорчена, и между тем говорит, что не надобно грустить: ибо у них есть поверье, что тот человек, о котором грустят, будет оттого грустить больше. Вера очень справедливо пишет в письме к М. Карташевской[10], что как-то странно видеть мать Гоголя и слышать, как она говорит о нем. Например: «Когда *Николинька* писал *"М<ертвые> Д<уши>"*, он желал только добра людям» и т. п. выражения в этом роде. В самом деле, соединение подчеркнутых мною слов очень странно отзывается в ушах и в уме слушателя. Она, конечно, не может смотреть на него иначе, как на сына, и [во всем приме<шивается>] во всех словах о нем слышится материнское чувство, даже тогда, когда она говорит о нем как о великом писателе. Как она боится того впечатления, которое произведет на целую Россию его новая книга! Она боится неприязненного впечатления только потому, что это может его расстроить и повредить его здоровью. Как интересны все те мелочные подробности, которые она рассказывает про детство своего Николиньки. Например: как он написал один раз какое-то сочинение и поднес ей, а потом сам же тихонько утащил его и, вероятно, истребил, как она подозревает, и пр. и пр. Как она смотрит на портрет сына, который он оставил ей и который в самом деле похож чрезвычайно! Как она объясняет то, что выражается на лице его. "Он улыбается, – говорит она, – но вместе с тем он думает грустное; как будто хочет сказать людям: вы ошибаетесь во мне, моя душа чиста и ясна, и много любви в ней". – Вера прибавляет, что я советовал М<арье> И<вановне> записывать все воспоминания о детстве сына (кажется, всего было бы благонадежнее записывать их самим нам) и продолжает так: как любит М<арья> И<вановна> всех тех, кто принимает участие в ее сыне! Она все старается уверить себя, что он воротится скоро, хотя он сам сказал ей, что это может быть не прежде пяти лет (чего он [нам никому] мне, собственно, никогда не говорил). Она увидала один раз[11] только что вышедший том "Мертвых Душ", лежавший на столе у нас в гостиной; она развернула и прочла: "О моя юность, о моя свежесть"... и залилась слезами. Поразительно было видеть, как по наружности молодая, прекрасная и свежая женщина оплакивала увядшую юность и свежесть своего сына»[12].

[1] 28 мая 1842 г. – праздник Вознесения Господня.

[2] На подмосковную дачу в Гаврилково.

[3] Имеется в виду семейство П. И. Раевской (см. ***1840. Мая 10. Пятница. Москва***).

[4] Имеется в виду стихотворение «Россия под игом татар» (см. ***1825. Январь-апрель. Нежин***).

[5] Портрет Гоголя работы Ф. А. фон Моллера. См. ***1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***. – Ср. также письмо К. С. Аксакова к Ю. Ф. Самарину от конца мая 1842 г.: ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки***.

[6] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 821.

[7] Н. Г. Карташевский.

[8] См. также ***1843. Июня 27 <июля 9>. Воскресенье. Москва***.

[9] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 839.

[10] См. выше.

[11] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки***.

[12] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод*. Т. 2. С. 715.

МАЯ 30. СУББОТА. ГАВРИЛКОВО

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской:

«Когда-то ты прочтешь "М<ертвые> Д<уши>". Я сама не читала еще их сряду, у нас еще такая суматоха. <...> Сегодня перед обедом, собравшись все в зале, слушали Мертвые души, отесенька читал вслух. Это так чудно и так высоко, что, конечно, не вдруг и не все оценят. <...> Надобно даже вчитаться хорошенько, чтоб оценить вполне все мелочи, которые с первого раза могут показаться пошлыми. Не знаю, как ты достанешь эту книгу, у нас два экземпляра, один для брата <Ивана>, другой на всю нашу семью»[1].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Мы довольно скоро переехали на дачу[2]. Там перечел я "Мерт<вые> Д<уши>" вслух своему семейству, прочитывая каждый день по одной главе, и тут только я понял всю великость этого творения. Я открыл в нем много красот, которые ускользнули от меня во время чтения Гоголя и даже моего собственного, всегда отрывочного и не вполне внимательного в суете городской жизни»[3].

[1] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 822.
[2] См. ***1842. Мая 28. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва.***
[3] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод*. Т. 2. С. 714–715.

МАЯ ОКОЛО 31. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь отправляет записку В. О. Балабиной:

«Я уже вам говорил, что ни в понедельник[1], ни во вторник не могу быть. Поблагодарите и графа и графиню Местр[2] за их участие, скажите им, что я умею дорожить участием. А что касается до статьи meprisable[3], како<го>-то журнала, то я не читал ее, но доволен ею заранее, и твердо уверен, что она в своем роде очень недурна и мне очень пригодится. Пожимаю от всей души ваши руки, то есть вашу и Марьи Петровны»[4].

[1] 1 июня 1842 г.
[2] Имеются в виду граф Ксавье де Местр (1763–1852), младший брат Ж. де Местра, и графиня Софья Ивановна де Местр (рожд. Загряжская), тетка Натальи Николаевны, жены А. С. Пушкина.
[3] Méprisable (в автографе описка: mébrisable) – достойный презрения (*фр.*).
[4] Дочь В. О. Балабиной.

МАЯ 31. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Ф. Б. Миллер[1] пишет М. П. Погодину:

«На днях я слышал мнения двух особ о "Мертвых душах". Одна из них – дама, имеющая претензии на авторство, – она полагает, что в этом сочинении нет ни содержания, ни <*1 нрзб.*>, что характеры слишком оригинальны; но в целом оно очень занимательно. Другая особа – мужчина, – он говорит, что "Мертвые души" стоят несколько ниже "Вечеров на хуторе" и "Миргорода"; но все виден в них Гоголь; что характеры изображены прекрасно, только один Гарпагон[2] несколько преувеличен. В особенности понравилось ему своею естественностью рассуждение двух мужичков о колесе, доедет ли оно до Киева, и помещицы Коробочки с своею пенькою и медом, также поразительная противоположность двух прекрасных характеров Манилова и Собакевича. Краткие эпизоды, в которых автор разговаривает сам с собой, исполнены красоты необыкновенной»[3].

[1] Федор Богданович Миллер (1818–1881), поэт-переводчик.
[2] Имеется в виду Плюшкин.
[3] *Свод*. Т. 2. С. 548.

ИЮНЯ НАЧАЛО <МАЯ КОНЕЦ>. ПАРИЖ

А. И. Тургенев получает в Париже известие о выходе в свет «Мертвых душ» и сообщает об этом П. В. Анненкову.

Из «Воспоминаний о Гоголе» П. В. Анненкова (1857): «Наконец Мертвые Души вышли из печати[1]. Алекс<андр> Иван<ович> Тургенев, получивший это известие из России, распространил его в Париже, и легко понять, с каким восторгом принято было оно всеми, которые отчасти ознакомились с содержанием и направлением романа. С этих пор начинаются беспрерывные разъезды Гоголя по Европе».

Анненков П. В. Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 459–460.

[1] См. ***1842. Мая 15–17. Пятница-воскресенье. Москва.***

МАЯ КОНЕЦ – ИЮНЯ НАЧАЛО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение июньского номера «Библиотеки для чтения»[1], где О. И. Сенковский, откликаясь на просьбу Гоголя[2], напечатал извещение о выходе в свет «Мертвых душ»:

«Еще любопытное известие: в Москве вышел и здесь получен новый роман господина Гоголя *"Похождения Чичикова, или Мертвые души"*, в одном большом томе»[3].

[1] Цензурное разрешение указанного номера журнала, № 6, датируется, предположительно, концом мая – началом июня 1842 г., на том основании, что цензурное разрешение предшествующего, пятого номера последовало 6 мая; последующего, № 7, – 30 июня.

[2] См. ***1842. Мая 15. Пятница. Москва.***

[3] <*Сенковский О. И.*> Литературная летопись. Май, 1842. Разные известия // Библиотека для Чтения. 1842. Т. 52. № 6. Отд. 6. С. 68. – Позднее, в августовском номере журнала за 1842 г., Сенковский напечатал критическую рецензию на «Мертвые души» (см. ***1842. Августа начало <августа средина>. Санкт-Петербург***).

ИЮНЯ 1. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет № 6 «Отечественных Записок» (цензурное разрешение 31 мая 1842 г.), где В. Г. Белинский, по просьбе Гоголя[1], сообщает о выходе в свет «Мертвых душ»:

«Давно и с нетерпением ожидаемый всеми любителями изящного роман Гоголя *"Похождения Чичикова, или Мертвые души"* наконец вышел в Москве и только что сейчас получен в Петербурге. Мы не успели еще прочесть его, спеша окончить эту книжку журнала. Но имевшие случай читать этот роман, или, как Гоголь назвал его, эту *поэму*, в рукописи, или слышать из нее отрывки, говорят, что, в сравнении с этим творением, все доселе написанное Гоголем кажется бледно и слабо: до такой высоты достиг вполне созревший и развившийся талант нашего единственного поэта-юмориста! Вскоре мы отдадим нашим читателям подробный отчет о "Мертвых Душах", в отделе "Критики"... В этой статье мы обозрим всю поэтическую деятельность Гоголя и постараемся определить его настоящее значение как в сфере творчества, так и в русской литературе. Будет о чем поговорить, будет что сказать нового, чего еще у нас не было говорено...»[2]

[1] См. ***1842. Мая 15. Пятница. Москва.***

[2] <*Белинский В. Г.*> Библиографические и журнальные известия // Отечественные Записки. 1842. № 6 (цензурное разрешение 31 мая). Отд. 6. С. 61.

ИЮНЯ 2. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь представляет в цензуру первый и второй тома своих Сочинений.

Согласно «Реестру рукописей и печатных книг 1842-го года», где содержатся сведения о поступлении в петербургскую цензуру Сочинений Гоголя 1842 г., первый и второй тома собрания («Вечера...» и «Миргород») были представлены в цензуру «от Г<-на> Гоголя» 2 июня 1842 г. А. В. Никитенко получил, согласно «Реестру...», эти тома в тот же день, и 5 июня (как это и значится на обороте шмуцтитула книги) оба тома были одобрены к печати[1]. «Время обратной выдачи – июня 5. Расписка получившего – Г<-н> А. В. Никитенко»[2].

Вероятно, в тот же день, 2 июня 1842 г., Гоголь навестил Карташевских.

М. Г. Карташевская[3] 2 июня 1842 г. сообщала В. С. Аксаковой: «Наконец и Гоголь был у нас[4]. Признаться, я никак не думала, что он решится приехать, но он приезжал на одну секунду. Я не была в гостиной в ту минуту, когда он вошел; когда же пришла и спросила о вас, то он отвечал мне: "Я не передаю вам поклона от Веры Сергеевны, потому что она не дала мне этого поручения, но, кажется, это можно подразумевать". Я только что хотела спросить его о путешествии, как он поспешно встал и, несмотря на просьбу маменьки остаться обедать или приехать еще раз, отвечал, что он занят чрезвычайно и что у него нет минуты свободной. И так мы простились. Теперь у меня лежат Ванечкины "Мертвые души"[5], которые он оставил мне до дороги, и мне так хочется поскорее их прочесть. Когда Гоголь был у нас, то в гостиной также сидел Юрлов[6], который несколько раз повторял после, как доволен он, что видел Гоголя. Здесь это не часто услышишь, я думаю. Конечно, половина Петербурга не знает, что он существует»[7].

[1] См. ***1842. Июня 5 <17>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] *РГИА.* Ф. 777. Оп. 27. Ед. хр. 206. Л. 18 об.–19; ***Виноградов И. А.*** Комментарий // *Гоголь 2009.* С. 399.

[3] Мария Григорьевна Карташевская (1818–1906), племянница С. Т. Аксакова, двоюродная сестра В. С. Аксаковой.

[4] См. ***1842. Мая 19. Вторник. Москва; 1842. Июня 9–10. Вторник-среда. Гаврилково.*** – Позднее С. Т. Аксаков, в письме от 3–6 июля 1842 г., благодарил Гоголя: «Сердечно вас благодарю, милый друг, за то, что вы побывали у Карташевских; особенно благодарит вас Вера: вы доставили ей истинное удовольствие, давши взглянуть на себя ее другу, Машеньке Карташевской» (см. ***1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково***). К письму С. Т. Аксаков приложил выписки из посланий М. Г. Карташевской к В. С. Аксаковой от 6 и 16 июня 1842 г. о «Мертвых душах» (см. ***1842. Июня 6 <18>. Троицкая родительская суббота. Санкт-Петербург; 1842. Июня 16 <28>. Вторник. Санкт-Петербург***). См. также ответное письмо Гоголя к С. Т. Аксакову от 6/18 августа 1842 г. из Гастейна с упоминанием о Карташевской: «Вере Сергеевне скажите, что я был тоже доволен, увидевши в Петербурге ее друга К<арташевскую> и не жалею даже о кратковременности нашего свидания. Есть души, что самоцветные камни; они не покрыты корой и, кажется, как будто и родились уже готовыми и обделанными. Их видит издали зоркий глаз ювелира, только замечает их место, сказавши: слава Богу! и спешит к тем, где нужно много работы, чтобы отколоть грубую кору и сколько-нибудь огранить, дабы видел всякий, что это была не простая земля, но дорогой камень, закрытый вековыми накопленьями всего. Слова и мнения ее вы также выпишите и пришлите мне, хотя натурально нужно, чтобы она никак не знала этого. Всё то, что идет прямо от души и сердца, мне так же нужно знать, как и всё то, что идет от рассудка» (см. ***1842. Августа 18 <6>. Четверг. Праздник Преображения Господня. Гастейн***).

[5] Имеется в виду экземпляр первого тома «Мертвых душ», оставленный Гоголем для И. С. Аксакова.

[6] Александр Иванович Юрлов (1797–1885), знакомый Аксаковых по Симбирской губернии.

[7] Гоголь в письмах М. Г. Карташевской к Аксаковым // *Свод.* Т. 2. С. 956.

ИЮНЯ 2–3. ВТОРНИК-СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь беседует с чиновником П. К. Сильчевским[1].

Позднее сын П. К. Сильчевского, Д. П. Сильчевский, свидетельствовал: «Знакомство моего отца с Гоголем ограничилось единственной встречей, причем между ними произошла довольно продолжительная беседа, о которой мой отец, отличавшийся прекрасной памятью, на всю жизнь сохранил неизгладимое воспоминание и неоднократно рассказывал подробности этого свидания с великим писателем.

Эта встреча произошла в самых последних числах мая или же около 1–2 июня 1842 года, так как Гоголь в разговоре с отцом заметил, что дня через два уезжает за границу[2].

Отец мой служил в то время в капитуле орденов, где Гоголю понадобилось навести какую-то необходимую справку. Его и направили к “журналисту” капитула – моему отцу. Когда Гоголь получил необходимые ему сведения, то он как-то невольно разговорился с отцом. (По своему открытому, искреннему характеру отец мой привлекал к себе всех знавших его людей.) Узнав фамилию своего собеседника, отец спросил, не с писателем ли Гоголем, сочинениями которого он восхищался, пришлось ему беседовать. Гоголь отвечал утвердительно, а затем у него с отцом зашел разговор сперва о тогдашних писателях, а затем об их общей родине – Малороссии. Отец рассказывал, что он с детства страстный любитель чтения и литературы и рад случаю познакомиться с таким писателем, как Гоголь. На это последний спросил:

– А с другими писателями вам случалось быть знакомым?

Отец рассказал, что знавал незадолго перед тем умершего Карлгофа, а теперь знаком с Кукольником и Бенедиктовым, но особенно приятельски близок с Е. П. Гребенкой. При этих именах Гоголь, как выражался отец, “покрутил носом” с какой-то забавно-презрительной миной и проговорил:

– Ну, это все пустой народ...

Отец горячо вступился за Гребенку, рассказав, какой это чудесный человек. Гоголь заметил, что он лично не знает ни Гребенки, ни других названных отцом писателей, что легко может быть, что они хорошие и прекрасные *люди*, но как *писатели* они – пустой народ.

Далее отец заметил, что он давно и хорошо знает П. А. Плетнева, у которого был любимым учеником, еще в 20-х годах, в 1-м кадетском корпусе (еще с того времени и до самой своей смерти отец всегда с большим уважением и любовью относился к Плетневу).

– Вот насчет Петра Александровича (Плетнева) мы с вами вполне сойдемся, – сказал Гоголь. – Это прекрасный человек, истинный христианин и отличный писатель и тонкий критик... Вы бываете у него?

Отец ответил, что бывает очень редко, так как завален служебными занятиями: занимается в присутствии и, кроме того, берет дела и на дом для вечерних занятий.

Гоголь убеждал отца, что время найдется, что нужно бывать на литературных вечерах у Плетнева. “Иначе, – заметил он, – ваш брат-чиновник совсем одичает и мохом зарастет”.

Разговорились о Малороссии, из которой отец вывезен был еще мальчиком лет 10-ти, и с того времени не видал ее. Разговор принял такой откровенный, чуть не дружеский характер, что отец решился посоветоваться с Гоголем о своей судьбе. Он сказал, что долголетняя (кажется, с 1827 г.) служба ему надоела, и он стремится отдохнуть на родине, выйдя в отставку, что сделать это убеждает его в своих письмах его сестра, обещая передать отцу их родовое доставшееся ей имение в Черниговской губернии. Гоголь расспросил отца об его обстоятельствах служебных и частных и, узнав, что отец иногда посылает деньги сестре, отсоветовал отцу выходить в отставку. Гоголь сказал, что сестра приглашает отца выйти в отставку и приехать к ней, думая, что он человек с деньгами, и надеясь найти в нем дарового управляющего имением и пользоваться его добротою и деньгами. “Имения же она вам не передаст, попомните мое слово, – сказал Гоголь. – Начальство ваше вас любит, а потому служите да служите себе, а в Малороссию успеете поехать и под старость. Вы еще молоды (отцу в то время было 36 лет: он родился в 1805 г., умер в 1877 г.); грешно в ваши годы покидать службу”.

Разговор отца с Гоголем продолжался более часу. Наконец, Гоголь вспомнил, что он заговорился очень долго, а у него еще есть дела перед отъездом за границу, и сердечно распрощался с отцом, еще раз убеждая его не выходить в отставку и не верить заманчивым обещаниям сестры.

Отец, прослужив еще лет пять, все-таки, поддался просьбам своей сестры, в начале 1847 г. вышел в отставку и уехал в Малороссию. Он впоследствии глубоко сожалел, что не продолжал службы, так как предсказание Гоголя исполнилось буквально: отец ничего не получил от своей сестры; расстался с нею и вынужден был искать частных занятий (имение перешло к нему только уже перед ее смертью). "Пророк был Гоголь, пророк", – всегда неизменно заключал отец свой рассказ о свидании с Гоголем, разговор с которым навсегда запечатлелся в его памяти...»

Сильчевский Д. П. Встреча моего отца с Гоголем в 1842 году. (Отрывок из воспоминаний) // *Свод.* Т. 2. С. 190–191.

[1] См.: «Присутственные места и ведения, к Придворному штату принадлежащие. I. Капитул Российских Императорских и Царских Орденов. <...> В отделениях: <...> *Журналист.* Т<и>т<улярный> С<о>в<етник> Петр Кирил<лович> Сильчевский» (Месяцеслов и общий штат Российской Империи на 1842. СПб., <1842>. С. 35).

[2] «Гоголь действительно уехал за границу 4-го июня 1842 года, как это видно из его переписки» (примеч. Д. П. Сильчевского). См. ***1842. Июня 5 <17>. Пятница. Санкт-Петербург.***

МАЯ 31. ВОСКРЕСЕНЬЕ – ИЮНЯ НАЧАЛО. МОСКВА

М. И. Гоголь с дочерьми Анной и Елисаветой уезжает на родину[1].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Мать Гоголя с дочерьми уехала в свою Васильевку, или Яновщину, уже после нашего переезда на дачу»[2].

«С сестрами <по приезде их в Васильевку> Ольга Васильевна не сошлась – между ними, образованными институтками, великолепно болтавшими по-французски и мечтавшими о светской, городской жизни, и ею, деревенской барышней, получившей скудное домашнее образование, конечно, не могло быть ничего общего, и потому с приездом сестер она почувствовала себя еще больше одинокой и заброшенной; по-прежнему только письма брата вносили в эту печальную жизнь луч света и радости. <...> ...Самым любимым чтением было для нее <...> перечитывание писем брата; сначала эти письма были заполняемы просьбами о высылке различных материалов: описания свадеб, сватанья и других обычаев, названия различных национальных костюмов и кушаний и т. п.; затем он писал много советов и распоряжений по сельскому хозяйству. Но мало-помалу письма его начинали носить нравоучительный характер, он писал о жизни, о ее назначении, размышлял о том, как вести эту жизнь, чтобы приблизиться к Богу. Эти письма производили на Ольгу Васильевну глубокое впечатление»[3].

[1] См. ***1842.* Мая 27–30. Москва.**

[2] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 715.

[3] *Головня В. Я.* Сестра Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 257, 256.

ИЮНЯ СРЕДИНА <ИЮНЯ НАЧАЛО>. РИМ

А. А. Иванов пишет Ф. А. фон Моллеру:

«Сейчас получил я письмо от Гоголя[1]. – Вот его слова точь-в-точь[2]. Он советует притом немедленно и непременно писать к Жуковскому, прося его содействия и совета по сему делу. Я писал и жду ответа[3]. Я совершенно согласен с Гоголем, и потому, если Вы не принимались писать за меня новую просьбу Наследнику, то и слава Богу».

Из писем А. А. Иванова // *Свод*. Т. 3. С. 330.

[1] Письмо от 16 мая 1842 г. из Москвы: ***1842. Мая 16 <28>. Суббота. Москва.***

[2] В подлиннике пробел в несколько строк. Вероятно, имеется в виду следующий совет Гоголя: «Насчет вашего дела я советую все-таки прежде дождаться ответа на представление Жуковского. Моллер пусть своим чередом скажет Юрьевичу, Юрьевич Государю Наследнику. Нужно только, чтобы ваше имя было известно как следует и кому следует, нужно, чтобы на вашей стороне была гласность. А входить официально с новой просьбой, основанной на новых уже причинах, мне кажется, неловко».

[3] Письмо не сохранилось.

ИЮНЯ 4. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет письмо к матери в Васильевку и письма в Москву к Е. В. Погодиной, к С. Т. Аксакову, к С. П. Шевыреву и, возможно, в тот же день, к Н. Н. Шереметевой[1]. Письмо к Шевыреву, возможно, в тот же день или в день отъезда из Петербурга[2] передает Н. Я. Прокоповичу, который отправил его адресату 6 июня 1842 г.[3] – когда Гоголь уже выехал за границу[4].

В письме к матери Гоголь сообщал: «Пишу к вам из Петербурга за несколько минут пред отъездом[5]. Доехал я благополучно. Хлопот мне было много, еще до сих пор всего не могу кончить. Лето и плохое время для всех вообще дел несколько замедлило мои распоряжения, но авось Бог поможет, и без меня всё устроится относительно уплаты моих долгов и продажи книг. Не унывайте и вы и будьте всегда светлы душой. Помните, что всё, что ни посылается, посылается от Бога и для нашего же счастия. Прощайте! Обнимаю вас, посылаю вам мое благословенье и всем моим сестрам. Пока можете адресовать мне письмо в Гастейн в Тироле».

В письме к Погодиной Гоголь писал: «Пишу письмо к вам, ибо Михаила Петровича, вероятно, уже нет в Москве[6]. Обнимаю вас заочно. Не стану говорить о том, что я еще сильнее и глубже люблю друзей моих по мере того, как отдаляюсь от них. Вы должны это чувствовать и верить словам моим. Сердце женщины меньше подвержено недоверчивости и сомнениям, как мужчины. Передайте мое душевное и сердечное объятие Михаилу Петровичу в первом письме и скажите ему, что кто один раз вошел в мою душу, даже хотя бы он меньше его на то имел право, тот уже останется вечно там, и нет человеческих сил, властных его оттуда исторгнуть. Прощайте. Передайте поклон маминькам вашим[7] и перецелуйте ваших малюток. <...> Я выезжаю отсюда завтра».

Аксакова Гоголь извещал: «Я получил ваше письмо[8] еще в начале моего приезда в Петербург[9]... <...> Теперь пишу к вам несколько строк перед выездом. Хлопот было у меня довольно. Никак нельзя было на здешнем бестолковьи сделать всего вдруг, кое-что я оканчивать оставил Прокоповичу. Он уже занялся печатанием[10]. Дело, кажется, пойдет живо. Типографии здешние набирают в день до шести листов, все четыре тома к октябрю вы<й>дут непременно. Экземпляр “Мерт<вых> душ” еще не поднесен Царю[11]. Все это уже будет сделано по моем отъезде. <...> Пишите в Гастейн».

Позднее, в 1854 г., С. Т. Аксаков в адресованных П. А. Кулишу «Кратких сведениях и выписках из писем для биографии Гоголя», комментируя гоголевское письмо, замечал: «Гоголь в Петербурге пробыл недолго; он так торопился, что все дела свои оставил неконченными»[12].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) Аксакова: «Первое мое письмо в Петербург, о котором говорит Гоголь, не нашлось в его бумагах. Печатанье всех его сочинений в четырех частях, в числе 5000 экземпляров было поручено школьному товарищу и другу Гоголя, г-ну Прокоповичу. Я его совсем не знаю и никогда не видывал, но дело это он исполнил не совсем хорошо. Во-первых, издание стоило неимоверно дорого, а во-вторых, типография сделала значительную контрфакцию. Когда Шевырев впоследствии, с разрешения Гоголя, вытребовал все остальные экземпляры к себе в Москву, оказалось, что у книгопродавцев в Петербурге, и частью в Москве, находился большой запас “Мертвых душ”, не соответствующий числу распроданных экземпляров, так что в течение полутора года ни один книгопродавец не взял у Шевырева ни одного экземпляра, а все

получали их из Петербурга с выгодною уступкою. По прошествии же полутора года экземпляры начали быстро расходиться и пересылаться в Петербург»[13].

Из письма Гоголя к Шевыреву: «Пишу к тебе за несколько минут до моего отъезда. Ухлопотался сильно и едва мог кое-как обделать главные дела. Прокопович занялся ревностно изданием сочинений моих в 4 томах. Вы<й>дут все томы к октябрю[14]. Об Мертвых душах Прокопович пишет тебе отчет. Я взял у него из вырученных денег 500 рублей для себя, которые понадобились мне сильно. Впрочем, они пополнятся скоро царским подарком, который, говорят, после моего отъезда последует. <...> Из Гастейна напишу к тебе».

В письме к Шереметевой Гоголь благодарил ее за молитвы: «Благодарю вас от всего сердца за память обо мне и за молитвы. Здоровье мое, слава Богу, кое-как плетется. Тружусь, работаю с молитвою и стараюсь не быть свободным ни минуты. Испытав на опыте, что в праздные минуты к нам ближе искуситель, а Бог далее, я теперь занят так, что не бывает даже времени написать письмо к близкому человеку. Знаю, что близкий человек простит, потому и не извиняюсь. Работать нужно много особенно тому, кто пропустил лучшее время своей юности и мало сделал запасов на старость. Бог да хранит вас и да наградит вас за то, что не забываете меня своими молитвами».

[1] Позднее, в письме к С. Т. Аксакову, отправленном из Гастейна 29 июля (н. ст.), Гоголь сообщал: «Из Петербурга я писал письма к вам, к Е<лизавете> В<асильевне> Погодиной и к Над<ежде> Н<иколаевне> Шереметьевой». – См. также ***1842. Августа 22 <сентября 3>. Суббота. Покровское – августа 27 <сентября 8>. Четверг. Москва.***

[2] См. ***1842. Июня 5 <17>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1842. Июня 6 <18>. Троицкая родительская суббота. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1842. Июня 5 <17>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1842. Июня 5 <17>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[6] М. П. Погодин после отъезда Гоголя из Москвы собирался ехать в западнославянские земли и в Мариенбад, куда он выехал в июле 1842 г. (см. ***1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково***).

[7] Агр. М. Погодина и Е. Ф. Вагнер.

[8] Письмо не сохранилось.

[9] См. ***1842. Мая 25–26. Понедельник-вторник. Санкт-Петербург.***

[10] Ср. ***1842. Июля начало <июля средина>. Санкт-Петербург.***

[11] См. ***1842. Мая 26. Вторник – июня 5. Пятница. Санкт-Петербург.***

[12] *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 642.

[13] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 716.

[14] См. также ***1842. Июня 6 <18>. Троицкая родительская суббота. Санкт-Петербург.***

1833–1842 ИЮНЯ 4. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь оставляет записку князю В. Ф. Одоевскому:

«Я был и приносил страшную тетрадищу под мышкой; а вас всё нет дома».

См. также ***1842. Мая начало. Москва.***

ИЮНЯ ДО 5 <ДО 17>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь еще раз посетил Ф. А. фон Моллера.

Позднее, во второй половине июня 1842 г., Моллер сообщал А. А. Иванову: «На днях был у меня Гоголь. Теперь он уже уехал за границу и вероятно зиму пробудет в Риме. Я ему ничего

не говорил о моих запутанных обстоятельствах. Вы не поверите, как мне тягостно и неприятно не только говорить, но и думать об этом предмете. Бог знает, удастся ли мне с ним увидеться нынче в Италии. Едва ли. А здесь мне и думать некогда о занятиях и едва ли примусь серьезно за работу».

Гоголь в письмах Ф. А. фон Моллера // *Свод.* Т. 3. С. 386.

ИЮНЯ 5 <17>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение первого и второго томов «Сочинений Николая Гоголя» (цензор А. В. Никитенко[1]).

Позднее, 20 октября (н. ст.) 1846 г., Гоголь, решив отдать на прочтение цензору Никитенко рукопись «Выбранных мест из переписки с друзьями»[2], писал П. А. Плетневу из Франкфурта: «С Никитенком можно ладить, но с ним необходимо нужно иметь дело лично. Письмом и запиской ничего с ним не сделаешь. В нем не то главное, что он ленив, но то, что он не видит и не чувствует сам, что он ленив. Я это испытал: в бытность мою в Петербурге я его заставил в три дни прочесть то, что он не прочел бы сам по себе <в> два месяца. А после моего отъезда всякая небольшая статья залеживалась у него по месяцу».

В тот же день, 5 июня 1842 г., Гоголь в доме Н. Я. Прокоповича прочел и одобрил черновой контракт[3] Прокоповича с владельцем типографии В. Ф. Жернаковым о печатании своих сочинений в четырех томах.

Позднее, 19 апреля (н. ст.) 1843 г., Гоголь писал С. П. Шевыреву: «Прокопович человек новый, а книгопродавцы, с которыми я не хотел войти ни в какие сношения, натурально должны были напасть на него. Мне однако же очень прискорбно, если я был причиною того, что доставил ему в чем-либо дурную репутацию. Тем более, что я насильно его втянул в это дело, умоляя именем дружбы взяться за него и имея внутренно тайный умысел чем-нибудь пробудить этого человека, исполненного больших дарований, от непостижимого усыпления, в которое он погрузился. Но это прекрасная благородная душа, которую я уже испытал не раз с детского возраста почти».

18 марта 1843 г. сам Прокопович сообщал Шевыреву: «Я совершенно согласен с мнением Вашим насчет дороговизны печатания: оно стоит 16600 р<ублей>; в Москве, точно, обошлось бы дешевле, хотя и не вдвое; мне и другим Гоголь говорил, что издание "М<ертвых> душ" ему стоило 3500 р<ублей>; следовательно, 4 такие книги обошлись бы в 14 т<ысяч> р<ублей>, притом издание это походило бы на издание "М<ертвых> душ", всеми единодушно осуждаемое. Гоголь знал, что здесь и бумага и работа дороже; не я, а он сам сошелся с Жернаковым на 125 р<ублей> за лист; он сам читал и одобрил черновой контракт, заключенный мною с Жернаковым; в нем я изменил один только тот пункт, что уплата всего долга в типографию должна быть произведена не в один месяц, как предполагал Гоголь, а в два. Я могу назвать свидетелей, которые вместе с Гоголем читали этот контракт в день его отъезда у меня в доме. Насчет бумаги Гоголь сам сказал Жернакову, что он желает точно такого достоинства, как в "Русской беседе"; такая точно и была заказана Жернаковым; потрудитесь сами сличить[4]»[5].

21 октября 1842 г. Н. Я. Прокопович извещал самого Гоголя: «Бумага наша очень хороша, именно такая, какую ты хотел, т. е. та самая, на какой "Русская Беседа"».

10 февраля (н. ст.) 1844 г. Гоголь писал П. В. Анненкову: «...Я сделал глупость, напечатав свои сочинения в Петербурге, а не в Москве, и таковым образом возвысил издержки ровно вдвое. К этой глупости я присоединил другую глупость, напечатав их за глаза, тогда как доселе таковых дел я никому не доверял, кроме себя, чрез это ввел бедного Прокоповича, человека нового в этом деле, в хлопоты и страшную путаницу, так что, я думаю, и он сам теперь сбился с толку. <...> Никогда еще

так несчастливо не случилось мне издать. Никаких историй у меня не бывало ни с типографиями, ни с купцами, хотя я и не заключал с ними никаких письменных контрактов».

1 декабря (н. ст.) 1844 г. Гоголь сообщал также А. С. Данилевскому: «О Прокоповиче я сам не имею никаких известий. Я сделал глупость, поручив ему издание, но я торопился ехать; на ту пору в Петербурге не случилось никого; притом я думал его этим расшевелить и подстрекнуть на какое-нибудь литературное дело. Вышло всё вверх ногами: издание напечатано плохо; вместо заемн<ых> 30 тысяч я до сих пор не получил и одной тысячи, а между тем издание, как вижу из газет и журналов, продается не совсем дурно».

В тот же день, 5 июня 1842 г., Гоголь выехал из Петербурга за границу. Незадолго до отъезда сделал в записной книжке 1842–1851 гг. ряд записей бытового характера: список берлинских гостиниц (Гоголь ехал в Гастейн и в Италию через Берлин[6]), покупки, поручения и т. д. (в частности, наказ, полученный, по-видимому, от А. О. Смирновой: «Отыскать Долгополова[7] в доме князя Мещерского»[8]).

Поскольку последующие записи в настоящей книжке относятся к 1850–1851 гг.[9], можно предположить, что Гоголь забыл ее в Петербурге у Прокоповича и получил в руки только по возвращении в Россию[10]. Однако одна из записей, вероятно, относится ко времени пребывания в Гастейне во второй половине июля (н. ст.) 1842 г.[11] В таком случае следует допустить, что, возя книжку с собой, Гоголь около восьми лет ею не пользовался.

5 июня 1842 г. П. А. Плетнев сообщал В. А. Жуковскому в Дюссельдорф: «Нынешнюю весну провел здесь Гоголь. Сегодня опять отправляется он за границу. Он напечатал свой роман: Мертвые души. Это, без сомнения, лучшее из всего, что только есть в нашей литературе. Сколько комизму разнообразного, схваченного живьем в натуре и переданного со всею яркостию красок! Особенно это поражает всякого, когда *он* сам читает. Для его сочинений нужен чтец, который бы наперед изучил его: иначе досадно слушать, чувствуя, как гибнут изумительные красоты искусства поэтического»[12].

Позднее, 6 октября (н. ст.) 1843 г., Гоголь писал Плетневу: «Признайтесь: не показался ли я вам странным в наше последнее свидание, неоткровенным и необщительным, словом — странным? Не мог я вам показаться иначе, как таким. Захлопотанный собою, занятый мыслию об одном себе, о моем внутреннем хозяйстве, об управлении моими непокорными слугами, находящимися во мне, над которыми всеми следовало вознестись, иначе как раз очутишься в их власти, занятый всем этим, я не мог быть откровенным и светлым, это принадлежности безмятежной души. А моей душе еще далеко до этого».

[1] См. также ***1842. Мая 26. Вторник — июня 5. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1842. Июня 2. Вторник. Санкт-Петербург***.

[2] См. ***1846. Августа 1 <июля 20>. Суббота. Эмс*** (примечания).

[3] См. также ***1842. Июня 6 <18>. Троицкая родительская суббота. Санкт-Петербург***; ***1842. Октября 21 <ноября 2>. Среда. Санкт-Петербург***.

[4] 24 сентября (н. ст.) 1843 г. Гоголь писал Н. Я. Прокоповичу: «Издание сочинений моих вышло не в том вполне виде, как я думал, и виною, разумеется, этому я, не распорядившись аккуратнее. Книги, я воображал, выйдут благородной толщины, а вместо того они такие тоненькие. Подлец типографщик дал мерзкую бумагу; она так тонка, что сквозит, и цена 25 рублей даже кажется теперь большою, в сравнении с маленькими томиками. Издано вообще довольно исправно и старательно. Вкрались ошибки, но, я думаю, они произошли от неправильного оригинала и принадлежат писцу или даже мне. Всё, что от издателя — то хорошо, что от типографии — то мерзко».

«...Как бы ни был виноват Прокопович в сделанной им оплошности, несомненно мы не имеем ни малейшего основания подвергнуть сомнению его честность: ни воспоминания о нем Данилевского, ни позднейшие отношения Гоголя, ни печатные статьи и отзывы о нем и особенно дальнейшее разъяснение дела решительно не позволяют делать подобного заключения. Наконец, если бы на совести Прокоповича было хоть какое-нибудь серьезное пятно, Плетнев, очевидно, не мог бы потом энергично держать его сторону» (*Шенрок*. Т. 4. С. 160).

[5] Гоголь в письмах Н. Я. Прокоповича // *Свод*. Т. 1. С. 587–588.

[6] См. ***1842. Июня 20 <8>. Понедельник. День Святого Духа. Берлин.***

[7] Федор Иванович Долгополов (1794–1860), сенатор.

[8] Князь Николай Иванович Мещерский (1798–1862), знакомый А. О. Смирновой и С. Т. Аксакова, отставной гвардии полковник, разбитый параличом и лечившийся за границей. – См. также ***1843. Июля 24 <12>. Понедельник. Баден-Баден***; ***1843. Августа 30 <18>. Среда. Дюссельдорф***; ***1844 января 2 <1843 декабря 21>. Вторник. Ницца.***

[9] См. ***1849. Февраля после 25 (после пятницы второй недели Великого Поста) – марта 6. Крестопоклонное воскресенье. Москва, Ржев, Москва*** (примечания); ***1850. Июля 1 – сентябрь после 23. Васильевка***; ***1851. Июль. Москва***; ***1851. Сентября 2. Воскресенье. Москва*** (примечания).

[10] См. ***1848. Сентября 24. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечания).

[11] См. ***1842. Июля 14 <2>. Четверг. Гастейн.***

[12] *Свод.* Т. 1. С. 664.

ИЮНЯ 6 <18>. ТРОИЦКАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА. ТАУРОГЕН

В таможне Таурогена, на русской границе, в паспорте Гоголя сделана отметка:

«9[1] июня 1842 в таможн<е> [<*1 нрзб.*> Петерб<ург>] Таурогена».

Шевырев С. П. <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 124. – См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

[1] По-видимому, цифра «9» (вместо «6») представляет собой описку. 8/20 июня Гоголь был уже в Берлине (см. ***1842. Июня 20 <8>. Понедельник. День Святого Духа. Берлин***).

ИЮНЯ 6 <18>. ТРОИЦКАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович отправляет письмо С. П. Шевыреву в Москву, с вложением записки Гоголя от 4 июня 1842 г.[1]

Прокопович писал: «Счастливым почитаю я для себя случай быть сколько-нибудь полезным старому моему товарищу и другу Николаю Васильевичу Гоголю, но этот случай мне вдвойне приятнее теперь, сделавшийся причиною лестного Вашего знакомства. До сих пор зная и высоко ценя Вас, как литератора, заочно, я могу теперь назваться знакомым с Вами лично, так часто и так много говорил о Вас Ник<олай> Вас<ильевич>, и еще вчера, в последние минуты пребывания своего здесь, он оторвался от дорожных хлопот, чтоб написать Вам несколько строчек, прилагаемых при моем письме.

Два письма Ваши я имел честь получить, а по первым двум квитанциям получил и книги, которые и проданы мною с уступкою 20 % книгопродавцу Юнгмейстеру, за исключением 2 экз<емпляров>, взятых с собою Никол<аем> Васильев<ичем>. Из вырученных мною денег он взял у меня 500 р<ублей> асс<игнациями>, а насчет остальных жду Вашего решения: переслать ли их Вам теперь же, или дождаться прихода и продажи остальной сотни экземпляров.

С будущей недели[2] приступаю к печатанию сочинений Гоголя в 4-х частях, из которых в 1-й содержаться будут вечера, во 2 – миргород, в 3 – повести, а в 4 – драматические сочинения; всего будет до 100 листов, и содержатель типографии[3] обязывается контрактом[4] кончить издание к октябрю[5] месяцу»[6].

В тот же день М. Г. Карташевская писала В. С. Аксаковой в Гаврилково:

«Сегодня мы дочитали "М<ертвые> Д<уши>". Боже мой, что это за совершенство! Я не могу передать тебе, как много я была поражена чтением этой поэмы! Как можно было создать с таким совершенством все характеры этого романа и среди этой пошлой, бесцветной ничтожности отделить всякого такими резкими, отличительными чертами. Что это за разговоры! и что за восхитительные места везде, где автор говорит сам от себя!.. Я перечитывала их по нескольку раз и даже не могла удержаться, чтоб иных мест не прочесть Ваничке[7]; я просила его передать тебе, в каком я полном восхищении! Я даже просила его позволения означить карандашом те места, которые особенно превосходны. Делая это, я воображала, что передам тебе хотя отчасти свои впечатления и что, когда ты взглянешь на эти отмеченные листочки и перечтешь их, мы как будто перечтем их вместе. Воображаю, в каком вы были восхищении! Мне кажется, что только после этого сочинения вполне начинаю я понимать, что такое Гоголь и что это за талант. <...>

Вот и здесь (в деревне) скоро и жадно прочиталась поэма Гоголя. Это было чтение всеобщее. Любопытно слушала его и Надя[8]. Я как-то предчувствовала, что Гоголь не просто едет за границу в Италию, что не эта страна отнимает его у нас; но я не знала ничего, потому что ты не писала мне, что он едет в Палестину. Можно вообразить, как он опишет эту страну! Еще скажи мне, написаны ли уже другие две части "М<ертвых> Д<уш>" и скоро ли мы можем надеяться прочесть их? Что будет в них, как выше всякого выражения будет то удовольствие, которое обещает он нам! Как велики должны быть наши надежды, когда он сам объявляет, что "*явятся чудные образы, и все повергнется в прах*"».

5 июля 1842 г. эти отрывки из письма Карташевской были отправлены С. Т. Аксаковым Гоголю[9].

[1] См. ***1842. Июня 4. Четверг. Санкт-Петербург.***

[2] Печатание началось позднее (см. ***1842. Июля начало <июля средина>. Санкт-Петербург***).

[3] В. Ф. Жернаков.

[4] См. ***1842. Июня 5 <17>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[5] См. также ***1842. Июня 4. Четверг. Санкт-Петербург.***

[6] Гоголь в письмах Н. Я. Прокоповича // *Свод.* Т. 1. С. 583.

[7] И. С. Аксаков.

[8] Н. Г. Карташевская (в замужестве Маркевич).

[9] См. ***1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково.*** – Отклик Гоголя см.: ***1842. Августа 1 <июля 20>. Понедельник. Гастейн.***

ИЮНЯ 7 <19>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДЕНЬ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ

ИЮНЯ 20 <8>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЕНЬ СВЯТОГО ДУХА. БЕРЛИН

Гоголь в Берлине.

В паспорте Гоголя сделана отметка: «20 июня. Берлин».

Шевырев С. П. <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 125. – См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

ИЮНЯ 1–10 <13–22>. ХАРЬКОВ

М. С. Щепкин на Троицкой ярмарке в Харькове в числе ролей в восьми разных пьесах играет Городничего в «Ревизоре». В роли Хлестакова – Д. Т. Ленский.

Гриц. С. 294–295; *Клинчин.* С. 153.

ИЮНЯ 9–10 <21–22>. ВТОРНИК-СРЕДА. ГАВРИЛКОВО

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской:

«9 июня. <...> ...Мы заняты так Гоголем, как никогда, читаем и перечитываем “Мер<твые> Души”, и я не знаю, что можно сравнить с тем невыразимым наслаждением, которое доставляет нам это необыкновенное создание. Так странно вообразить, особенно слушая те места, где он говорит от себя, чтобы он был тот самый Гоголь, которого мы так часто видали у себя как самого обыкновенного человека. Что-то говорят в Петерб<урге>. Я думаю, там будут недовольны, как умно он сделал, что уехал от всех этих толков.

Сегодня отесенька дочел нам все, мы читали не вдруг. Мы, конечно, перечтем еще, и не раз. Это выше всего, что он ни писал до сих пор, и что он еще обещает... <...>

10 июня. Гоголь был наконец у вас[1], хоть на минуту, но ты его видела, и за то я ему благодарна. И Юрлов был доволен, что увидал его. <...>

Сейчас получили письмо от Гоголя из Петерб<урга>[2]. Письмо полное того чудного спокойствия и силы, которые выражались и в некоторых прежних его письмах, в искренности которых мы более не сомневаемся. – Как хорошо он сделал, что уехал, теперь поднялись разные толки, впрочем, здесь более в хорошую сторону, что то у вас?»[3]

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «10 июня, живя на даче в деревне Гаврилкове, я только что кончил вслух чтение “Мертвых Душ”, как получил первое письмо от Гоголя из Петербурга...»[4]

[1] См. ***1842. Июня 2. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1842. Июня 4. Четверг. Санкт-Петербург.***

[3] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 823.

[4] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 715.

ИЮНЯ 10 И 11 <22 И 23>. СРЕДА И ЧЕТВЕРГ. НОВГОРОД

А. И. Герцен записывает в дневнике:

«Июнь месяц. 10. Сегодня уехал <Н. П.> Огарев; после 11 дней. <...> 11. Он привез “Мертвые души” Гоголя, – удивительная книга, горький упрек современной Руси, но не безнадежный. Там, где взгляд может проникнуть сквозь туман нечистых, навозных испарений, там он видит удалую, полную сил национальность[1]. Портреты его удивительно хороши, жизнь сохранена во всей полноте; не типы отвлеченные, а добрые люди, которых каждый из нас видел сто раз».

Герцен А. И. Дневник 1842–1845 // Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 2. С. 213–214.

[1] Ср. ***1847. Июня 11 <мая 30>. Пятница. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

ИЮНЯ 26 <14>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. БЕРЛИН

Гоголь посылает В. А. Жуковскому в Дюссельдорф отдельный оттиск повести «Рим» (с надписью: «В. А. Жуковскому»), а также экземпляр «Мертвых душ», с письмом:

«В силу выбрался я из России и опоздал. Пишу к вам на дороге в Гастейн, куда велят мне ехать купаться. Еще вчера я думал было ехать к вам прежде в Дюссельдорф, но, взглянувши на дорожную карту, с ужасом заметил, что кругу приходится более, нежели вдвое. <...> ...С каждым днем и часом становится светлей и торжественней в душе моей, что не без цели и значенья были мои поездки, удаленья и отлученья от мира, что совершалось незримо в них воспитанье души моей, что я стал далеко лучше того, каким запечатлелся в священной для меня памяти друзей моих, что чаще и торжественней льются душевные мои слезы и что живет в душе моей глубокая, неотразимая вера, что небесная сила поможет взойти мне на ту лестницу[1], которая предстоит мне, хотя я стою еще на нижайших и первых ее ступенях. Много труда и пути и душевного воспитанья впереди еще! Чище горнего, снега и светлей небес должна быть душа моя, и тогда только я приду в силы начать подвиги и великое поприще, тогда только разрешится загадка моего существованья».

С завершением «Мертвых душ», задуманных как широкое эпическое полотно в трех томах, Гоголь предполагал не только раскрыть «тайну» его «поэмы», но и разрешить «загадку» всей своей жизни, которую связывал с «подвигом во имя любви к братьям» – об этом он писал в 1842 г. не только Жуковскому, но и А. С. Данилевскому и С. Т. Аксакову. 9 мая 1842 г. он сообщал Данилевскому: «Через неделю после этого письма ты получишь отпечатанные "Мертвые души", преддверие немного бледное той великой поэмы, которая строится во мне и разрешит, наконец, загадку моего существования». В письме к Данилевскому от 26 февраля (н. ст.) 1843 г. он пояснял: «...Жизнь моя давно уже происходит вся внутри меня, а внутреннюю жизнь <...> не легко передавать. Тут нужны томы. Да притом результат ее явится потом весь в печатном виде».

В черновике письма к С. Т. Аксакову от 18 августа (н. ст.) 1842 г. Гоголь, говоря о своем намерении отправиться в Святую Землю, в частности, замечал: «...Верно, не следствие мгновенного порыва эта мысль... <...> верно, это то, для чего [вызвано все] вызвано в мир мое существованье». Строки окончательного текста этого письма к Аксакову проясняют, что смыслом своего «существования» Гоголь считал «подвиг во имя любви к братьям»: «...Мысль предпринять это отдаленное путешествие <...> не есть следствие мгновенного порыва... <...> Но если б даже и не могло заключаться в ней никакой обширной цели, никакого подвига во имя любви к братьям, никакого дела во имя Христа, то разве жизнь моя не стоит благодарности...» Согласно строкам составленной Гоголем позднее молитвы («Боже, соделай безопасным путь его...», 1848), целью его путешествия к Святым Местам было «помолиться у Гроба Святого о собратьях и кровных своих, о всех людях земли нашей и о всей отчизне нашей, о ее мирном времени, о примирении всего в ней враждующего и негодующего, о водворении в ней любви и о воцарении Твоего царства, Боже!» «Придет время, – писал Гоголь С. Т. Аксакову 18 августа (н. ст.) 1842 г., – когда вам даже покажется странно, как вы не могли почувствовать в глубине души вашей, что в сем путешествии есть тайная связь со всей моей жизнью и с поэмой, которая разрешит загадку моей жизни». С размышлениями о жертвенном подвиге «во имя любви к братьям» связан и законченный Гоголем в 1842 г. «Театральный разъезд после представления новой комедии»[2], среди черновых набросков к которому находится отрывок, использованный в цитируемом письме к Аксакову: «Помните, что в то время, когда жизнь многих – жизнь мелочная, пустая, становится школой холода и эгоизма <...> в то время, может мне случилось чудо чудеснее всех чудес, – подобно как буря настает тогда, когда ждет обыкновенной тишины мореход на поверхности <...> Один только Всемогущий вселяет тогда в душу и заставляет хранить во глубине души сокровенно <*1 нрзб.*> до времени неясное слово».

Эти размышления не были новыми для Гоголя ко времени создания и выхода в свет первого тома «Мертвых душ». Свое выражение они нашли уже в первой редакции повести «Тарас Бульба» (1835) с изображенным в ней жертвенным подвигом запорожцев, а также в строках статьи «Петербургская сцена в 1835–36 г.» о самоотверженном чиновнике, исполненном «русской безграничной любви к Царю своему», готовом отдать за царя жизнь «как незначащую жертву». Само заглавие гоголевского произведения – «Мертвые души» – обнаруживает сострадательное стремление Гоголя к «мертвым душам» его современников. «У меня болит сердце, когда я вижу, как заблуждаются люди, – писал он, в частности, матери 2 октября 1833 г. – Толкуют о добродетели, о Боге, и между тем не делают ничего. Хотел бы кажется помочь им, но редкие, редкие из них имеют светлый природный ум, чтобы увидеть истину моих слов». «Ныла душа моя, – замечал также Гоголь в «Театральном разъезде...», – когда я видел, как много тут же, среди самой жизни, безответных, мертвых обитателей, страшных недвижным холодом души своей и бесплодной пустыней сердца...»

Отношение Гоголя к замыслу «Мертвых душ» как подвигу «во имя любви к братьям» во многом объясняет, почему творческая история поэмы тесно связана с историей ее восприятия в читательских кругах и критике. Эта принципиальная особенность гоголевского произведения проявилась уже при самом зарождении замысла и создании первых глав «Мертвых душ» в 1835 г. Уже тогда реакция Пушкина на содержание отдельных глав поэмы «в том виде, как они были прежде»[3] повлекла за собой существенную переработку Гоголем только что начатого произведения. В такой же ориентации на читательское восприятие заключается и смысл еще несколь-

ких авторских чтений поэмы, которые Гоголь устраивал на протяжении всего процесса создания первого тома поэмы. Впоследствии, при работе Гоголя над вторым томом, эта связь между творческим процессом и непосредственным читательским восприятием стала еще более тесной.

Далее в письме к Жуковскому Гоголь сообщал: «Посылаю вам Мертвые души. Это первая часть. Вы получите ее в одно время с письмом по почте, по уверению здешнего почтового начальства, в три дни. Я переделал ее много с того времени, как читал вам первые главы[4], но все однако же не могу не видеть ее малозначительности в сравнении с другими, имеющими последовать ей частями. Она в отношении к ним всё мне кажется похожею на приделанное губернским архитектором наскоро крыльцо к дворцу, который задуман строиться в колоссальных размерах, а без сомнения в ней наберется не мало таких погрешностей, которых я пока еще не вижу. Ради Бога, сообщите мне ваши замечания. Будьте строги и неумолимы как можно больше. Вы знаете сами, как мне это нужно. Не соблазняйтесь даже счастливым выраженьем, хотя бы оно показалось на первый вид достаточным выкупить погрешность. Не читайте без карандаша и бумажки, и тут же на маленьких бумажных лоскутках пишите свои замечанья. Потом, по прочтении каждой главы, напишите два-три замечанья вообще обо всей главе. Потом о взаимном отношении всех глав между собою и потом, по прочтении всей книги, вообще обо всей книге, и все эти замечания, и общие и частные, соберите вместе, запечатайте в пакет и отправьте мне. Лучшего подарка мне нельзя теперь сделать ни в каком отношении. Напишите мне, когда придется вам особенная и сильная потребность меня видеть. Я приеду... <...> Но лучше всего, если бы вы провели эту зиму в Риме. Это было бы особенно благодетельно для здоровья вашей супруги, не говоря уже о том, что теперешняя жизнь ваша была бы куды полнее тогдашнего мгновенного вашего пребыванья в Риме[5]. Туда переселим мы и Языкова[6], которому римский воздух будет во всех отношеньях благотворен. А пока посылаю вам вместе с Мертвыми душами статью мою Рим, помещенную в Москвитянине, которую я для вас отпечатал отдельною брошюрою. <...> Адресуйте в Гастейн близ Зальцбурга».

[1] См.: ***Конец 1820-х (не позднее 1829)***; ***1829. Июля 24. Среда. Санкт-Петербург***; ***1843. Марта после 20 <после 8>. Рим***.

[2] См. коммент. в изд.: *Гоголь 1994*. Т. 3–4. С. 545–546; *Гоголь Н. В.* Ревизор. Комедия в пяти действиях. С приложениями. Вступит. статья И. А. Виноградова. Сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Синергия, 1995. С. 340–341.

[3] См. ***1835. Ноябрь-декабрь. Санкт-Петербург***.

[4] См. ***1839 января 11 <1838 декабря 30>. Пятница. Рим; 1839. Января 18 <6>. Пятница. Праздник Крещения Господня. Рим; 1839. Января 29 <17>. Вторник. Рим***; ***1839. Октября 9. Понедельник. Вечер. Москва***; ***1839. Ноября 15. Среда. Санкт-Петербург***.

[5] См. ***1838. Декабря 16 <4>. Воскресенье. Рим***; ***1839. Февраля 13 <1>. Среда. Рим***.

[6] См. ***1842. Сентября 17 <5>. Суббота. Гастейн***.

ИЮНЯ СРЕДИНА <ИЮНЯ КОНЕЦ>. КУРСК

М. С. Щепкин на Коренной ярмарке в Курске в числе ролей в нескольких пьесах, играет Городничего в «Ревизоре».

Гриц. С. 295; *Клинчин*. С. 153.

ИЮНЯ 16 <28>. ВТОРНИК. МОСКВА

Попечитель Московского учебного округа граф С. Г. Строганов обращается к министру народного просвещения С. С. Уварову с запросом, какими правилами следует руководствоваться при рассмотрении в цензуре рецензий и критик на «Мертвые души»:

«На днях, прочитывая новую поэму Гоголя: *Похождения Чичикова или мертвые души*, я останавливался на многих местах, которые, несмотря на свою занимательность и юмор, не могли, как я думаю, быть дозволены к напечатанию без особенного Высшего разрешения и с какою-либо особенною целию.

Ценсурные постановления вообще неопределенны. Были случаи, что Ценсура, при одобрении некоторых сочинений к напечатанию или при неодобрении, руководствовалась доселе особенными указаниями Правительства и из них составляла для себя частные правила. Теперь, новое произведение Гоголя обратило на себя всеобщее внимание и конечно будет подвергнуто разным толкованиям и критике. В сем случае Ценсура будет поставлена в затруднение, потому, что не имеет указания, при каких обстоятельствах дозволено напечатание означенной поэмы.

Вследствие сего и для ограждения Членов Московского Ценсурного Комитета, покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство снабдить меня наставлением, какими условиями должно руководствоваться, в случае представлений рецензий и критик на поэму Гоголя[1], для напечатания в повременных изданиях и журналах»[2].

Позднее, 23 мая 1856 г., аналогичное обращение к новому министру народного просвещения (с 1850 г.) А. С. Норову написал брат С. Г. Строганова, Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор граф А. Г. Строганов по поводу статей о "Ревизоре": «С некоторого времени начали появляться в наших периодических изданиях такие статьи, которых содержание и следственно направление немало меня удивило. Я решился обратить на этот факт внимание вашего превосходительства и изложить об оном со всею откровенностью мое мнение.

Не знаю каково мнение вашего превосходительства о комедии "Ревизор"; я в глубине моего убеждения полагаю, что она по своему началу, содержанию и духу, есть копия au petit pied "Свадьбы Фигаро" Бомарше. Не знаю, сделала ли она какое-нибудь полезное влияние, исправила ли она хотя бы одного взяточника и обманщика. Но я уверен, что если "Ревизор" и сотни его последователей не произвели еще, благодаря Богу, таких печальных последствий для России, как творение Бомарше для Франции — но уже в переводе навлекли на Россию много нареканий и лживых суждений заграницей.

Поручая изложенные мои мысли зрелому обсуждению вашего превосходительства, я желал бы иметь наставление, как поступить с ценсурой перепечатываемых статей в журналах, издающихся в местах, отдаленных от Петербурга и Главного Правления Ценсуры, дабы сочинения, вроде вышеперечисленных, неосторожно передаваемых неопытной публике не имели последствий весьма вредных для читателей и со временем для самого Правительства...»[3]

[1] См. ***1842. Июля 18 <30>. Санкт-Петербург.***

[2] Гоголь в письмах попечителя Московского учебного округа графа С. Г. Строганова // *Свод.* Т. 2. С. 174.

[3] *Штрайх С.* Граф А. Г. Строгонов о «Ревизоре» (к истории старой Одессы) // Одесский Листок. 1916. 24 окт. № 290; М. В. Гоголь в Одесі. Матеріали до біографії. Упорядник О. Г. Нуньєс. Одеса, 2013. С. 402–403; см. также: *Оксман Ю.* Кровавый Бандурист (запрещенные страницы Гоголя) // Литературный музеум. (Цензурные материалы 1-го Отд<еления> IV секции Государственного Архивного Фонда). Под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пг., <1921>. Вып. I. С. 352.

ИЮНЯ 16 <28>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«16 <июня>. Втор<ник>. Алекс<андринский театр>. Ревизор, ком<едия>; Шила в мешке не утаишь, девушки под замком не удержишь, вод<евиль>. Посетителей 550. Карет 17. Прочих экипажей 11»[1].

В тот же день М. Г. Карташевская писала В. С. Аксаковой в Гаврилково:

«Как верно угадала я, еще из предыдущего твоего письма, что ты, не сознавая, может быть, сама, боишься, что я не почувствую всего удивительного совершенства "М<ертвых> Д<уш>". Ты думала, что они ускользнут от моего внимания, и между тем стараешься сама найти мне оправдание, говоря, что все достоинство этого сочинения не может быть постигнуто сразу. Вот что говорят твои строки и чего, может быть, ты не знаешь сама... И мысль, что "М<ертвые> Д<уши>" не про-

изведут во мне должного удивления, должна была тебе придти, потому что совсем не так слушала я “Ревизора” и не таково было впечатление на меня этой пьесы, и ты это знала! [Этому причиною были совсем другие обстоятельства.] Не знаю, передало ли мое предыдущее письмо[2] то глубокое впечатление, которое произвело на меня это сочинение; я чувствую, что полный отчет отдать в нем было бы трудно. Только поверь мне, что я ценю его так высоко, как должно, и что ни одна мелочная подробность из разговоров всех этих ничтожных людей, а еще менее, ни одно из тех восторженных, как ты говоришь, мест, где говорит Гоголь сам от себя, не прошло не замеченным, не почувствованным мною. Ах, как приятно и в разлуке знать, что чувства наши были одинаковы».

5 июля 1842 г. этот отрывок из письма Карташевской был отправлен С. Т. Аксаковым Гоголю[3]. – Отклик Гоголя см.: ***1842. Августа 1 <июля 20>. Понедельник. Гастейн.***

[1] Афиша. Петербургские театры // Репертуар Русского и Пантеон Всех Европейских Театров, на 1842 год, издаваемый И. Песоцким и книгопродавцем В. Поляковым. 1842. Кн. 13 (цензурное разрешение 30 июня). <Отд. 2>. С. 39.

[2] См. ***1842. Июня 6 <18>. Троицкая родительская суббота. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково.***

ИЮНЯ 29 <17>. СРЕДА. ДРЕЗДЕН

Гоголь в Дрездене.

В паспорте Гоголя сделана отметка: «17/29 июня. Дрезден».

Шевырев С. П. <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод*. Т. 2. С. 125. – См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

ИЮНЯ 30 <18>. ЧЕТВЕРГ. ПРАГА

Гоголь в Праге.

В паспорте Гоголя сделана отметка: «30 июня. Прага».

Шевырев С. П. <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод*. Т. 2. С. 125. – См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

ИЮНЯ 18 <30>. ЧЕТВЕРГ. ГАВРИЛКОВО

В. С. Аксакова отвечает М. Г. Карташевской:

«...Написана ли вторая часть[1] – этого никто не знает; т. е. что она у него является уже ясною в голове, это он сам говорит; но он был даже недоволен, когда спросили его, написал ли он вторую часть, недоволен потому, что это не может делаться так скоро. Прежде еще он говорил отесеньке, что он до тех пор не начинает писать и описывать какое-нибудь лицо, пока оно совершенно ясно, отчетливо с ног до головы, не явится перед ним. Я удивляюсь, милая Машенька, что ты пишешь, что не знала, что Гоголь едет в Палестину, я тебе об этом писала прежде[2] и даже ты мне отвечала, именно то, *каково же он опишет Палестину*[3]! Ты верно это забыла, моя милая Машенька; может быть, и потому, что ты, и так, как мы все, иначе смотришь теперь на самого Гоголя, и мы именно только теперь начинаем понимать его. Хотя, конечно, пришлось бы почти всю книгу исчертить, чтоб означить прекрасные места...»

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 824.

[1] Второй том поэмы «Мертвые души».
[2] См. ***1842. Февраля 6. Пятница. Москва.***
[3] См. ***1842. Июня 6 <18>. Троицкая родительская суббота. Санкт-Петербург.***

ИЮНЬ <МАЯ СРЕДИНА – ИЮНЯ СРЕДИНА>. МОНТЕКАТИНИ

А. А. Иванов отправляет в Гастейн ответное[1] письмо Гоголю:

«Вы не поверите, как я обрадовался, получив ваше письмо от 16 мая – 29 <28> июня. Я было начал мои занятия, и именно, копией частей с "Мадонны di Foligno", чтобы приступить к окончанию голов в моей картине. Но глаза опять заболели. Это несчастное положение согласило меня познакомиться с некоторыми русскими, приехавшими сюда в Рим: с профессором московского университета <П. Е.> Комаровским, с <А. И.> Васильчиковой[2], с Галаганом, коего мать, видя мое положение, упросила меня ехать с ней в Неаполь, к Циммерману на совет. Циммерман определил мне ехать во Флоренцию, для вод, куда я и приехал, вместе с Галаганами, и нахожусь теперь в Монтекатини. На водах мне точно лучше. Я, однако ж, оставлю Тоскану через две недели: я еду в Рим для питья декохта. В эти двадцать дней питья декохта мне запрещены самые малейшие занятия, и доктор надеется, что, по очищении мокроты, я совершенно должен выздороветь и глазами.

Письмо к В. А. Жуковскому я послал вчера; я ведь никак не предполагал, что могу к нему еще писать. Извините. Что касается до копии с Ватиканского фреска, то я тут имел целию получить вперед деньги и продолжать на оные мою картину, а по окончании ее занялся бы копией. Самое важное и радостное для меня то, что вы будете опять в Риме. Дай Бог, чтобы это случилось. Моллер будет осенью в Италии, но в Рим до тех пор не приедет, пока его дела там я не устрою. Я с ним в беспрестанной переписке. Теперь все это зависит от Кривцова. Знакомства вышеупомянутые доставили мне случай помочь Шаповалову. Я собрал для него 1050 фр<анков>, что, вместе с присланными от Общества червонцами, составляет 2500 фр<анков>; на это обязал его не только кончить копию в Ватикане, сколь можно лучше, но и доставить в Общество что-либо и своего сочинения. <...> Если бы вы могли не жить на via Felice, то это было <бы> лучше, потому что в том краю случилися все происшествия с Моллером, в которых я не мало потерпел неприятностей, и не желал бы встречать ненавистных мне людей.

По приезде в Рим, не замедлите сыскать <меня>: моя студия все там же, а квартиру имею вместе с Шаповаловым – Piazza S-ti Apostoli, palazzo Scacciapiatti № 42, al terzo piano. Это там, где жил первые дни Жуковский, когда приехал с Наследником в Рим»[3].

[1] См. ***1842. Мая 16 <28>. Суббота. Москва.***
[2] См. ***1836. Между мая 27 и июня 6. Санкт-Петербург*** (примечания).
[3] См. ***1838. Декабря 16 <4>. Воскресенье. Рим.***

ИЮНЯ 21 <ИЮЛЯ 3>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. СТАНИШНОЕ

А. М. Языков сообщает брату Н. М. Языкову:

«Вышла 1-я часть "Мертвых душ" Гоголя, мы ее скоро получим, прочтем и напишем тебе, что найдем. <...> "Мертвые души" произвели здесь разнообразные толки; большая часть читателей не поняла и не оценила их, как должно (это первая часть, завязки еще нет). Свербеев называет их отвратительною насмешкою, которая от первой до последней страницы преследует читателя и не дает ему отдохнуть спокойно. Но в этом-то состоит великое создание, что оно заставляет смеяться горько и не для одной забавы. – Вообще, тут в первый раз виден Гоголь, как писатель, вполне серьезный; он возмужал и окреп для подвига. Свербеев пишет, что переменил свое мнение! <...>

– Мы получили “Мертвые души”[1], прелесть, лучше всего прежнего; Гоголя дарование развилось удивительно, он, верно, пришлет их тебе, и ты позабавишься и усладишься. Пусть его пишет более и более: многие опасались, чтобы, живя в чужих краях, он не склонился к тамошнему и не сделался из русского, национального живописца живописцем итальянским»[2].

В тот же день А. М. Языков писал В. Д. Комовскому в Петербург:

«Как Вы нашли “Мертвые души”? Нам они очень понравились; мастерская, живая картина жизни, которой не касаются преобразования и которою живет большая часть наших власть предержащих. Вы никогда не бывали в губерниях и уездах и не можете чувствовать всё достоинство этой поэмы»[3].

[1] Экземпляр «Мертвых душ» был отправлен Гоголем П. М. Языкову тотчас по получении его из типографии – 18 мая 1842 г. (см. ***1842. Мая 18. Понедельник. Москва***).
[2] Из писем А. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 181.
[3] Там же. Т. 3. С. 182.

ИЮНЯ 22 <ИЮЛЯ 4>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В газете «Северная Пчела» напечатана рецензия Н. И. Греча на «Мертвые души». Греч, в частности, писал:

«Несколько лет толковали нам, что Г. Гоголь написал роман: *Мертвые души*, который превзойдет все прочие его сочинения... <...> Все лица, выведенные автором на сцену, более или менее карикатурны... <...> Это какой-то особый мир негодяев, который никогда не существовал и не мог существовать».

Г*<реч Н. И.>* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. 1842 // Северная Пчела. 1842. 22 июня. № 137. С. 546.

ИЮНЯ 26 <ИЮЛЯ 8>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Е. М. Хомякова пишет брату Н. М. Языкову в Гастейн:

«Где Вы теперь, и добрался ли до Вас Гоголь[1], прочли ли Вы его “Мертвые души”? Они Вам понравятся, их не хвалит только один Павлов, повестей которого никто не понимает, даром, что они писаны по-русски. Он перестал писать совсем, да и хорошо. <...> Воображаю, как рады будете Вы видеть Гоголя! Все любят его в Москве, всем жаль, что он уехал».

Гоголь в письмах А. С. Хомякова и его жены Е. М. Хомяковой (рожденной Языковой) // *Свод.* Т. 3. С. 193.

[1] См. ***1842. Июля 14 <2>. Четверг. Гастейн.***

ИЮНЯ 29 <ИЮЛЯ 11>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЕНЬ СВ. ПЕРВОВЕРХОВНЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА. ГАВРИЛКОВО.

В. С. Аксакова отвечает[1] М. Г. Карташевской:

«Вот и Ваничка[2] приехал. <...> ...Я, точно, никак не ожидала, чтоб ты так вполне, так глубоко почувствовала с первого разу всю великость “Мер<твых> д<уш>”, и потому боялась, что мои похвалы покажутся сперва тебе преувеличенными. Я думала не потому, чтоб ты невнимательно выслушала Ревизора и могла бы и это пропустить без внимания, нет, я этого не боялась в этом случае. Но вообще нам казалось почти невозможным, чтоб кто-нибудь не бывши знаком с этим произведением, прочтя его один раз, мог оценить его вполне. <...> У нас в доме, где почти с утра до вечера только и говорят об этом и хвалят, немудрено попасть скоро на эту точку, но ты согласись, что очень легко с первого разу могло бы показаться странным это произведение. <...> В “Москвитянине” ты прочтешь скоро много рецензий этой книги, и я заранее знаю, что тебе многое понравится, первая будет Шевырева[3]. К Погодину студенты принесли вдруг три рецензии, и, разумеется, все похвалы. Молодые люди и вообще все в восхищении. Ванечка теперь читает один, по порядку. Нечего и говорить, что он вполне разделяет наше и твое мнение, в этом случае оно <у> всех равно. Потом мы опять хотим перечесть все вместе, впрочем, мы, кажется, будем беспрестанно читать и перечитывать и с каждым разом всё с большим наслаждением»[4].

[1] См. ***1842. Июня 16 <28>. Вторник. Санкт-Петербург.***
[2] И. С. Аксаков.
[3] В 1842 г. в «Москвитянине» появилось лишь две статьи о «Мертвых душах» С. П. Шевырева: *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья первая // Москвитянин. 1842. № 7 (цензурное разрешение 10 авг.). С. 207–228; *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья вторая // Москвитянин. 1842. № 8 (цензурное разрешение 22 авг.). С. 346–376.
[4] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 824.

ИЮЛЯ 12 <ИЮНЯ 30>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение июльского номера «Современника» (т. 27), где напечатаны вторая редакция повести Гоголя «Портрет» и статья П. А. Плетнева (с подписью: «С. Ш.[1] 19 Июня, 1842. Житомир») «Чичиков или Мертвые души, Гоголя»[2].

[1] Семен Шаржинский (см. ***1834. Июнь – июля начало. Санкт-Петербург***; ***1843. Января 26 <февраля 7>. Вторник. Санкт-Петербург***).
[2] См. ***1842. Октября 21 <ноября 2>. Среда. Санкт-Петербург***; ***1842. Ноября 2 <октября 21>. Среда. Рим***.

ИЮЛЯ 14 <2>. ЧЕТВЕРГ. ГАСТЕЙН

Гоголь прибыл в Гастейн[1]. Привез Н. М. Языкову письмо от сестры Е. М. Хомяковой[2] и первый том «Мертвых душ»[3].

Вероятно, к этому времени относится помета Гоголя в его записной книжке 1842–1851 гг.: «Белье заплочено по 30 июля»[4].

[1] См. ***1842. Июля 21 <9>. Четверг. Гастейн.***
[2] См. ***1842. Мая 21. Четверг. Москва.***
[3] См. ***1842. Июня 26 <июля 8>. Пятница. Москва.***
[4] См. ***1842. Августа 1 <июля 20>. Понедельник. Гастейн.***

ИЮЛЯ 14 – СЕНТЯБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА <ИЮЛЯ 2 – СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО>. ГАСТЕЙН, ЗАЛЬЦБУРГ, МЮНХЕН, ГАСТЕЙН

Гоголь с Н. М. Языковым живут в Гастейне. Гоголь встретился здесь Н. Н. Норовым[1]. В начале августа Гоголь выезжал в Мюнхен[2], затем вернулся[3] в Гастейн. Предполагал лечиться у врача-гидротерапевта В. Присница в Грефенберге-Фрейвальдау, но отказался от этого намерения[4]. Вероятно, в этот период Гоголь написал примирительное[5] письмо к М. П. Погодину (письмо не сохранилось; на письмо Погодин не ответил)[6].

Позднее, 23 октября (н. ст.) 1842 г., Гоголь, обсуждая возможное место службы А. С. Данилевского, сообщал: «Если ж ты решился служить в Петербурге <...>, то совет мой – обратиться к <Н. Н.> Норову; он же был прежде твоим начальником. Теперь он обер-прокурор в сенате. Из всех служб, по моему мнению, нет службы, которая могла бы быть более полезна и более интересна сама по себе, как служба в сенате. Теперь же, как нарочно, все обер-прокуроры[7] хорошие люди. К Норову я напишу письмо, в котором изъясню, как и почему следует тебе оказать всякую помощь. Я с ним виделся теперь в Гастейне».

Год спустя, 8 июля (н. ст.) 1843 г., Гоголь писал Языкову: «Помнишь, когда я тебе один раз сказал с такой уверенностью, что ты будешь здоров и я даже буду способствовать к твоему излечению? Эти слова сказаны были не безрассудно, они сопровождены были внутреннею молитвою, они истекли из того источника, который находится у всех нас, хотя мы редко стремимся к тому, чтобы найти его, из источника этого исходит один только свет, но он есть, стало быть, есть не даром. Мне хотелось провести с тобой вместе время в Риме и узнать совершенно состоянье твоей болезни».

[1] Николай Николаевич Норов (1800–1860), действительный статский советник, обер-прокурор 2-го отделения 3-го департамента Правительствующего Сената (см. примеч. ниже).

[2] См. ***1842. Августа 3 <июля 22>. Среда. Зальцбург, Мюнхен.***

[3] См. ***1842. Августа 11 <июля 30>. Четверг. Гастейн.***

[4] 1 мая (н. ст.) 1845 г. Гоголь, в частности, сообщал Ар. О. Россету: «...Я <...> вам советовал прежде вашего путешествия к Призницу <см. ***1843. Апреля 20 <8>. Великий четверг. Рим*** – примечания; ***1843. Мая 26 <14>. Пятница. Грефенберг-Фрейвальдау***> не пускаться в такие глубины водовpачевания, а довольствовать<ся> просто утренним обливанием дома... <...> Я сам, бывши в Гастейне с Языковым, хотел было попробовать вод, но переменил это намерение единственно от того, что почувствовал себя вдруг лучше от одного гастейнского воздуха...»

[5] См. ***1841. Ноябрь-декабрь. Москва***; ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки.***

[6] См. ***1843. Ноября 2 <октября 21>. Четверг. Дюссельдорф.***

[7] Обер-прокурором 1-го департамента Правительствующего Сената был А. Ф. Веймарн; 2-го департамента – И. И. Подчасский; 3-го департамента – К. П. Безак (1-го отделения) и Н. Н. Норов (2-го отделения); 4-го департамента – Г. П. Митусов; 5-го департамента – М. М. Карниолин-Пинский (1-го отделения) и И. Х. Кангер; Межевого департамента – Ф. А. Дурасов; 6-го департамента – А. В. Дашков (1-го отделения) и князь Б. А. Лобанов-Ростовский (2-го отделения); 7-го департамента – М. А. Дмитриев; 8-го департамента – И. М. Сессаревский (см.: Месяцеслов и Общий Штат Российской Империи на 1842. СПб., <1842>. Ч. 1. С. 200–207).

ИЮЛЯ НАЧАЛО <ИЮЛЯ СРЕДИНА>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович приступил к печатанию «Сочинений Николая Гоголя» в четырех томах.

Позднее, 21 октября 1842 г., Прокопович сообщал Гоголю: «Печатание началось после отъезда твоего[1] не так скоро, как мы того желали[2], в этом причиною был Жернаков или, лучше, бумаж-

ная фабрика, не могшая вскорости поставить бумаги по случаю продолжительных петергофских празднеств»[3].

[1] См. ***1842. Июня 5 <17>. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1842. Июня 6 <18>. Троицкая родительская суббота. Санкт-Петербург.***
[3] Двадцатипятилетие брачного союза Императора Николая I и Императрицы Александры Феодоровны праздновалось в Петергофе 1 июля 1842 г. (см.: Северная Пчела. 1842. 6 июля. № 147. С. 586; Северная Пчела. 1842. 9 июля. № 150. С. 597).

ИЮЛЯ 3 <15>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

В «Журнале заседаний Московского цензурного комитета» отмечено поступление в цензуру в июне 1842 г. статьи К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души»:

«Июля 3-го дня <...> Представлены были <в июне>: Рукописи: <...> Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души. Определено: Поручить рассмотреть Г. Цензору Крылову».

Свод. Т. 2. С. 762.

ИЮЛЯ 4 <16>. СУББОТА. ГАВРИЛКОВО

К. С. Аксаков получает от М. П. Погодина письмо с отказом напечатать в журнале «Москвитянин» его статью «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души»[1].

О причинах отказа Погодина, в числе которых была, вероятно, тогдашняя размолвка Гоголя с Погодиным[2], см.: ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки*** (примечания).

[1] См. ***1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково.***
[2] См. ***1841. Ноябрь-декабрь. Москва***; ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки***; ***1842. Июля 14 – сентября первая половина <июля 2 – сентября начало>. Гастейн, Зальцбург, Мюнхен, Гастейн.***

ИЮЛЯ 6 <18>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ГАВРИЛКОВО

С. Т. Аксаков отправляет Гоголю письмо в Гастейн[1] (начатое 3 июля 1842 г.), с приложением отрывков из писем М. Г. Карташевской к В. С. Аксаковой о «Мертвых душах» от 6 и 16 июня 1842 г.[2]

«1842. Июля 3-го. Гаврилково.

Вот уже другой месяц живем мы в прелестной деревушке, милый друг Николай Васильевич! Другой месяц или читаем вас, или говорим о вас! Никому не поверю, чтоб нашелся человек, который мог бы с первого раза вполне понять ваши бессмертные “Мертвые души”! Я восхищался ими вместе с другими[3]... <...> Признаю торжественно превосходство эстетического чувства в моем Константине! Он понял вас более меня[4] и более всех, сколько мне известно, из прежних ваших творений. Что казалось восторженностью, доходившею до смешного излишества, то теперь стало истиною, понятою еще немногими, но тем не менее непреложной истиной! <...> Константин написал статью, которая печатается в “Москвитянине”[5]: в ней верно и ясно указаны причины, отчего

порядочные люди, понимавшие и чувствовавшие других поэтов, не могут вдруг и вполне понять и почувствовать “Мертвые души”. Я прочел их два раза про себя и третий раз вслух для всего моего семейства... <...> Теперь мы с жадностью бросились перечитывать все, написанное вами прежде, по порядку, как оно выходило. Расстояние велико; но элементы уже те! Главное: свежесть, ароматность, так сказать, жизни непостижимые!.. Прочту ли я остальные части “Чичикова”? <...> а трагедия[6]? Помните ли, что вы говорили мне о ней в Петербурге[7]?..Вы сами тогда считали ее совершеннейшим своим произведением, хотя она не была написана. Неужели толпа новых лиц, живущая в похождениях Чичикова, вероятно после вами созданная, сгладит образы и характеры лиц драммы, которые тогда (как вы сами выразились) предстояли пред вами живые и одетые в полные костюмы *до последней нитки*[8]? <...>

Я получил ваше письмецо из Петербурга от 4-го июня[9]. <...> ...Мы еще не имеем никакого известия, когда именно выехали[10] вы из этого северного Вавилона. Сердечно вас благодарю, милый друг, за то, что вы побывали у Карташевских[11]; особенно благодарит вас Вера: вы доставили ей истинное удовольствие, давши взглянуть на себя ее другу, Машеньке Карташевской. Эта необыкновенная девушка превзошла все мои ожидания! Как ни высоко я ценил ее эстетическое чувство, но не мог предполагать, чтоб она могла так понять и почувствовать “Мертвые души”. <...> Несмотря на лето, “Мертвые души” расходятся очень живо и в Москве и в Петербурге. Погодину отдано уже 4500; в непродолжительном времени и другие получат свои деньги (забавно, что никто не хочет получить первый, а всякий желает быть последним).

5-го июля.

Вчера получил Константин письмо от Погодина, который отказывается напечатать его статью о “Мертвых душах”, хотя она уже была набрана[12]; будучи сам слеп, боится, что осмеют человека зрячего... <...> Константин напечатает свою статью особой брошюркой. <...> Погодин, наконец, третьего дни получил отпуск и скоро уезжает[13]. – Банкир ваш, Валентини, умер, итак, пришлите мне немедленно ваш адрес в Риме. Жена моя не дождалась моего письма и писала к вам на прошедшей неделе[14]. Я теперь совершенно предался наслаждениям деревенской жизни. <...> Всякой день встаю в 4 часа утра и спешу удить: и река, и пруды у самого дома. <...> До обеда немного вздремну <...>, а вечером опять удить».

О пристрастиях Аксакова, автора книг «Записки об уженье рыбы» (1847), «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852), «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (1855), Гоголь знал с первой половины 1830-х гг.[15]. В. И. Шенрок, комментируя слова Гоголя в письме к С. Т. Аксакову: «Я боялся за вас <...>, чтобы вы, сидя над прудом, не простудились»[16], – отмечал, что рыбную ловлю «страстно любил не только сам С. Т. Аксаков, но и все его семейство»[17]. Н. М. Языков 14 июля 1845 г. сообщал Гоголю: «Аксаковы переехали в деревню близ Троицкой Лавры[18] и занимаются ужением рыбы; у них цветет благоденствие и сладчайшая деревенская жизнь»[19]. Самому С. Т. Аксакову Языков незадолго перед тем, 8–9 июня 1845 г.[20], отвечал: «Радуюсь, что мое желание: клев вам на рыбу! исполняется славно: 300 рыб в две недели т. е. 20 рыб в день: – ужение порядочное, а поимка щуки – подвиг геройский, – равняющий вас по крайней мере с Орлеанскою девой, одолевшей волка; или с каким-нибудь русским генералом, поймавшим турецкого пашу! Странно, что щука клевала на червяка: – это счастие; а что она не сорвалась у вас – это уже ваше искусство, сметливость, ловкость, просто стратегия рыболовная, которую употребили вы блистательно!»[21] И. С. Аксаков в письме к родным от 2 июля 1849 г., в частности, спрашивал: «Что возражает Константин на мои письма? Что придумал он нового, сидя за удочкой?»[22] Гоголь в наброске к речи генерал-губернатора в заключительной главе второго тома «Мертвых душ» обращался к своим читателям: «Земля не возделывается. Россия до сих пор остается в первоначальном пустынном виде. Нет, не возможно [это уженье] обратиться в рыбарей и удить рыбу. Следует оставить заботу о частной и личной <жизни> и нужно вспомнить о бедной России».

Слова Гоголя содержат в себе определенный евангельский подтекст: «Ходя же <Иисус> при море Галилейстем, виде два брата, Симона, глаголемого Петра, и Андрея, брата его, вметающа мрежи в море, беста бо рыбаря. И глагола има: грядита по Мне...»[23] Согласно толкованию св. Иоанна Златоуста (которое Гоголь перечитывал в первой половине 1840-х гг.[24]), описанное здесь призвание Спасителем «рыбарей» Петра и Андрея (а также Иакова и Иоанна), было уже вторым, последовавшим по заключении Иоанна Крестителя в темницу; тогда как призвание к апостольству тех же рыбаков Петра, Андрея, Иакова, Иоанна, Филиппа и Нафанаила, рассказанное Евангелистом Иоанном (Ин. 1, 35–51) – первым, после которого ученики, сначала последовавшие за Иисусом, «потом оставили Его и, увидя, что Иоанн посажен в темницу, удалились и опять возвратились

к своему занятию; потому Иисус и находит их ловящими рыбу» (Беседы на Евангелие св. апостола Матфея. Беседа XIV[25]). — Первое призвание галилейских рыбаков к апостольскому служению изображено на картине А. А. Иванова «Явление Мессии» (1832–1857), в разработке замысла которой активное участие принимал Гоголь[26].

По-видимому, мысль о призвании, призыв к «рыбарям» «вспомнить о бедной России», Гоголь намеревался заключить и в образе преданного рыбным ловлям и кулебякам помещика Петуха во втором томе «Мертвых душ», — тем более, что материалом для создания этого персонажа послужило Гоголю, в числе прочего, увлечение рыбной ловлей Аксаковых (а также целый ряд других черт аксаковского семейства)[27].

Далее в письме к Гоголю Аксаков писал: «Грустно мне, когда вздумаю, что время вашего возвращения так далеко... <...> Много воды утечет в продолжение почти трех лет!.. А кто знает, велик ли запас ее! Притом какое длинное, трудное, со многими опасностями сопряженное путешествие! часто я думаю, думаю и никак не могу объяснить себе причины этого последнего вашего путешествия. Не правда ли, милый друг, у вас не было и помышления о нем, когда вы воротились в Москву? Оно родилось мгновенно. По крайней мере, я не подозревал его. <...> Сейчас получили письмо от Лизы[28]. Маменька ваша и сестрицы доехали, хотя не скоро, с хлопотами и убытками, но благополучно; они верно к вам пишут. Всем нам очень жаль Лизу: она будет скучать, и ей не сладиться с тамошней, деревенской жизнью. — Константин будет к вам писать особо и скоро... <...> К нам приехал третий и последний наш сын[29]; часто бывает горько на душе, что уже не дождемся возвращения четвертого[30]... <...> Я предлагал Погодину, сейчас после вашего отъезда, заплатить весь ваш долг, но он отказался. Если вам понадобятся деньги, то, чур, ни к кому, кроме меня, не писать. <...> Я был два раза у Шереметевой[31]; она вас помнит и любит сильно. <...>

<6 июля>

Погодин едет завтра[32]. <...> Мы все благодарим Вас сердечно за приписку верхней строчки в нашем экземпляре “Мертвых душ”»[33].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Статья Константина, о которой говорится в этом письме, была принята Погодиным в журнал без всякого сопротивления, но его сбил Шевырев. Погодин очень боялся, что мы с Константином осердимся за его отказ напечатать статью, и написал об этом большое письмо ко мне, но оно затеряно; я отвечал очень ласково, что, может быть, он, как журналист, обязанный заботиться о выгодах журнала — поступает очень благоразумно, не помещая статьи, которая, разумеется, озлобит всех недоброжелателей Гоголя. Я умолчал о том, что мы намерены напечатать статью особой брошюркой, и уверял его, что Константин не питает никакого неудовольствия, что и было совершенно справедливо. Погодин очень обрадовался и написал к нам пренежную записку, в которой расхвалил Константина за его скромность и кротость. Погодин немедленно уехал за границу и, уже будучи в Париже, получил известие, что статья Константина напечатана. Ниже я приложу выписки из письма Погодина[34]. <...> В словах моих, что отсутствие Гоголя может продолжиться *почти три года*, заключается ясное доказательство, что он никогда не говорил мне о своем отъезде на пять лет. Здесь кстати сказать несколько слов о брошюре Константина. Погодин [и Шевырев] не ошибся в том, что она будет принята всеми враждебно. Статья называлась: “Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые Души”. Как только она вышла из печати, все журналисты, все неприятели и даже почти все приятели Гоголя, говоря буквально, взбесились. Град ругательств, злобных насмешек и всякого рода оскорблений посыпался печатно и письменно на Константина. (Надобно сказать, что один только Плетнев оценил печатно брошюрку Констант<ина> и отдал ей должную справедливость[35].) Раздражение было так велико, что сначала не было возможности ни с кем спорить. Я ожидал восстания, но не всеобщего и не в такой степени неистового. Я был так удивлен им, что даже на некоторое время усумнился в справедливости моего собственного взгляда и суда. 12 уже лет прошло этому событию; не один раз перечитал я эту брошюру с искренним желанием найти в ней справедливые причины общего раздражения. Собираясь писать эти строки, я еще раз прочел ее и не нахожу ничего, что могло бы оправдать волнение, ею произведенное. Раздавался общий крик, что Константин назвал Гоголя Гомером, что совершенная неправда. Константин сказал только, что *у Гоголя есть эпическое созерцание, древнее, истинное, какое было и у Гомера*. Я спрашиваю по совести каждого: значит ли это, что Гоголь равен Гомеру, что он Гомер? Бесновавшийся тогда Шевырев сам через несколько лет переврал в одной из своих статей именно эту самую мысль Константина[36], а потом и еще кто-то в одном из петербургских журналов повторил эту же мысль — и никто не обратил даже внимания на них. Этот общий неистовый гнев есть психологическое явление, остающееся неразгаданным: <оно>, без сомнения, явилось законно, и, было бы любопытно объяснить его законность. Гоголь также остался недоволен появле-

нием брошюры Константина[37], осуждая не столько ее смысл, как то, что она появилась не вовремя, в минуту общего недоуменья, пораженья, так сказать, произведенного "Мертвыми Душами", когда большинство публики, оскорбленное, раздраженное восторгами поклонников Гоголя, не знало, что делать: хвалить или бранить? Первого не хотелось делать, на второе не смели вдруг решиться. Брошюра Конст<ант>ина как будто развязала им язык, и скрываемая многими злоба на Гоголя излилась сначала на сочинителя брошюры, а потом и на творца поэмы. В этом отношении Гоголь был совершенно прав. Брошюра наделала ему много зла. Нашелся, однако, один добросовестный человек, П. А. Плетнев, который, в издаваемом им журнале "Современник", отозвался с большою похвалою[38] и уважением о статье Константина»[39].

5 июля 1842 г. В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской: «Ты пишешь, моя милая Машенька, о <Н. И.> Хмельницком, Бог с ним, от него нельзя было ожидать другого, но есть люди, которые гораздо его более могли бы понять, люди очень умные, многие не поняли. Но зато Ваничка по прочтении всей книги был в таком изумлении, в таком восторге, как я его никогда не видывала, он не мог почти сказать ни слова, говорил только отрывистыми словами: что-то такое, как возможно, чтоб человек мог творить так, возможно ли это, существуют такого рода наслаждения и т. д. <...> Знаешь ли, милая моя Машенька, отесенька был в таком восхищении, прочтя твое письмо, где ты пишешь в первый раз о Мер<твых> Д<ушах>[40], что хочет даже написать Гоголю об тебе. <...> Знаешь ли, что мы теперь читаем все прежние сочинения Гоголя, именно начиная с "Вечеров на Хуторе", и особенно интересно после М<ертвых> Д<уш> прочесть эти первые его произведения...»[41]

[1] См. ***1842. Июня 4. Четверг. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1842. Июня 6 <18>. Троицкая родительская суббота. Санкт-Петербург***; ***1842. Июня 16 <28>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1842. Августа 1 <июля 20>. Понедельник. Гастейн.***

[4] См. ***1840. Января 2. Вторник. Москва.***

[5] Речь идет о статье К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души», вышедшей отдельным изданием (М., 1842). О восприятии брошюры К. С. Аксакова современниками см.: ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки.***

[6] Имеется в виду драма из эпохи Богдана Хмельницкого.

[7] См. ***1839. Ноября 13. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[8] Подробнее см.: ***1851. Октября между 26 и 31. Москва*** (примечания).

[9] Письмо было получено Аксаковым 10 июня 1842 г. (см. ***1842. Июня 9–10 <21–22>. Вторник-среда. Гаврилково***).

[10] См. ***1842. Июня 5 <17>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[11] См. ***1842. Июня 2. Вторник. Санкт-Петербург.***

[12] О том, что М. П. Погодин в последний момент «испугался» и не поместил статьи К. С. Аксакова в журнале, хотя она «уже была набрана», писал К. С. Аксаков М. П. Погодину от 5–6 июля 1842 г. (см.: *Кошелев В. А.* «Мертвые души» Н. В. Гоголя в славянофильском истолковании // *Кошелев В. А.* Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов. 1840–1850-е годы. Л., 1984. С. 109; *Аксаков К. С.* Эстетика и литературная критика / Сост., подгот. текста, вступ. статья, коммент. В. А. Кошелева. М., 1995. С. 491). Цензурная история брошюры К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (М., 1842. Июня 16 1842. Цензурное разрешение 7 июля. Цензор Н. Крылов. 19 с.) отражена в «Журналах заседаний Московского цензурного комитета» за июль 1842 г. Из этой истории следует, что статья К. С. Аксакова была представлена в цензуру еще в июне 1842 г., следовательно, действительно предназначалась для журнала, так как Погодин отказал Аксакову в публикации лишь 4 июля (см. ***1842. Июля 3 <15>. Пятница. Москва***; ***1842. Июля 10 <22>. Пятница. Москва***; ***1842. Июля 24 <августа 5>. Пятница. Москва***).

[13] «7 июля отправился я из Москвы на Харьков...» (Из статьи «Поездка профессора Погодина за границу в 1842 году» // *Свод.* Т. 2. С. 479). – См., кроме этого, примеч. ниже, а также ***1842. Июля 16–17 <28–29>. Четверг-пятница. Васильевка.***

[14] Письмо не сохранилось.

[15] См. ***1832. Июля 2. Суббота. Москва***; ***1841. Октября после 20 – декабря первая половина. Москва.***

[16] См. ***1851. Октября 4 или 5. Четверг или пятница. Москва.***

[17] Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 4. С. 409.

[18] Речь идет об имении Радонежье (Абрамцево) в 12-ти верстах от Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, приобретенном С. Т. Аксаковым в конце 1843 г.

[19] См. ***1845. Июля 14 <26>. Суббота. Москва.***

[20] См. ***1845. Июня 8–9 <20–21>. Пятница-суббота. Москва.***

[21] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 174.

[22] *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 28.

[23] Мф. 4, 18–19; см. также: Мк. 1, 16; Лк. 5, 2.

[24] См.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 9. С. 721; ***1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца*** (примечания); ***1844. Апреля 2 <марта 21>. Великий вторник. Дармштадт***.

[25] Творения святаго отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб., 1901. Т. 7. Кн. 1. С. 143.

[26] О сотворчестве Гоголя в работе над картиной Иванова см. в пояснениях к «Альбому иллюстраций» в изд.: *Гоголь 1994*. Т. 9 (к ил. № 37–80); а также: *Виноградов И. А.* Явление картины – Гоголь и Александр Иванов // Наше наследие. 2000. № 54. С. 110–125; *Виноградов И. А.* Н. В. Гоголь и А. А. Иванов. К истории создания картины «Явление Мессии» // *Виноградов 2001*. С. 670–708.

[27] См. ***1842. Июня 10 <мая 29>. Среда. Варшава***; ***1847. Февраля 18 <марта 2>. Вторник. Москва*** (примечания).

[28] Е. В. Гоголь, уехавшая вместе с матерью и сестрой из Москвы на родину (см. ***1842. Мая 31. Воскресенье – июня начало. Москва***).

[29] И. С. Аксаков.

[30] Покойного М. С. Аксакова.

[31] В период между 23 и 28 мая 1842 г.

[32] 7 июля 1842 г. (см. примеч. выше).

[33] См. ***1842. Мая 21. Четверг. Москва.***

[34] См. ***1842. Октября 1 <сентября 19>. Суббота. Париж.***

[35] См. ***1842. Сентября 2 <14>. Среда. Санкт-Петербург.***

[36] См. также ***1842. Сентября 6 <18>. Воскресенье. Москва.***

[37] На самом деле о брошюре К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» Гоголь отозвался одобрительно. Критический отзыв Гоголя относится к статье К. С. Аксакова «Объяснение» (см. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки*** – примечания; ***1843. Мая 24 <12>. Среда. Гастейн*** – примечания).

[38] См. примеч. выше.

[39] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод*. Т. 2. С. 719–720.

[40] См. ***1842. Июня 6 <18>. Троицкая родительская суббота. Санкт-Петербург.***

[41] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 825.

ИЮЛЯ 7 <19>. ВТОРНИК. КОБРИНО

М. Г. Карташевская пишет В. С. Аксаковой:

«С любопытством ожидаю прочесть что-нибудь умное о “Мертвых душах”. Вообрази, что пишет наша “Полицейская газета”, которая, не знаю почему, вмешивается в дела литературы[1]. Сначала г. критик благоволит Гоголю, называет его “великим портретистом”, но потом прибавляет: “Ведь и в солнце есть пятнышки” и потому можно упрекнуть сочинителя в “неокругленности фраз”[2] и т. д. Он, верно, не заметил тех мест, где особенно всякая фраза имеет всю гармонию, всю прелесть стиха...»

Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 632; см. также: *Свод*. Т. 2. С. 825.

[1] Имеется в виду рецензия на «Мертвые души» в №№ 48, 50 и 51 «Ведомостей С.-Петербургской городской полиции» (от 16, 23 и 27 июня 1842 г.), принадлежавшая, по-видимому, редактору газеты В. С. Межевичу (фрагмент рецензии см. в следующем примечании, а также: ***1839. Октября 17. Вторник. Москва***).

[2] Имеется в виду следующее место рецензии: «Гоголь великий мастер, великий живописец, и в особенности портретист. <...> Конечно, если и в солнце есть темные пятна, взыскательные критики и читатели могут найти недостатки и в Гоголе: педантические пуристы и записные словесники упрекнут его: первые – за слишком смелые, может быть, картины, набросанные вольною рукою художника, забывая, что они совершенно готовы простить подобные артистические капризы какому-нибудь Теньеру; вторые – за некоторые небрежные периоды, неокругленные фразы, неправильные выражения, – все это так; но едва ли кто станет спорить с нами, что Гоголь *не первый оригинальный русский писатель* – прозаик ли, поэт ли, нам все это равно! Что <...> Гоголь идет своим, совершенно отдельным, независимым путем, чуждым всякого постороннего влияния, что, наконец, ни в одном русском писателе Русь не отразилась так истинно, верно, *дагерротипно*, как в Гоголе, отразилась со всеми оригинальными достоинствами русского человека, и, может быть, со всеми его недостатками!» (<*Ме-*

жевич В. С.> Литературное обозрение // Ведомости С.-П.-бургской Городской Полиции / Редактор Межевич. 1842. 27 июня. № 50. С. 218).

ИЮЛЯ 21 <9>. ЧЕТВЕРГ. ГАСТЕЙН

Н. М. Языков сообщает брату А. М. Языкову:

«Июля 14 дня прибыл в Гаштейн Гоголь: он поместился в одном доме со мною и мы живем как братья. Он, слава Богу, здоров, не лечится и явился в здешний городок собственно ради меня. Этот подвиг его — есть истинное для меня благодеяние — и эпоха в моем заграничном странствовании и в жизни моей вообще. Он подзывает меня ехать вместе с ним зимовать в Рим, в противном же случае Гоголь проводит меня в Россию. Вероятно, что я решусь на первое. Кроме того, что врачи не советуют мне после гаштейнского лечения осенью пускаться на Север, вроде было бы неблагородно, неблагодарно тащить Гоголя назад в Москву — и еще во время слякоти и проч. "Почему же и не съездить в Рим?" — говорит Сильвестр[1]. Но обо всем этом решительно напишу через неделю. <...>

Во время пребыванья Елизаветы Петровны[2] в Гаштейне мне скучно не было: время проходило незаметно, как бы дома, я был между русскими, между своими, а теперь Гоголь утешает, освежает и бодрит меня своим примером и словом. Он привез мне "Мертвые души", которыми и наслаждаюсь, тем более, что почитаю это сочинение чрезвычайно полезным нашему любезному отечеству. Не забудь написать мне, какое впечатление сделало оно на Губернских и уездных дворян у нас в Симбирске? Как смотрят они на это живое зеркало — столько верно и нелестно показывающее им самим образы их или образины? <...>

Нынче в Гаштейне съезд превеликий: множество глав владетельных, княжеских и знаменитостей. <...> Июль и август здесь самый разгар курсов; накопление и стеснение людей несносное, так что мы принуждены были перейти на другую квартиру, которая вовсе не годится для жительства больным — теперь у меня промежуток лечения — три недели отдыха после ванн, сильно меня рас<с>троивших! Другой курс начинается с 10 августа и продолжится, вероятно, недели с три же, не знаю, будет ли мне большая польза... <...>

Гоголь привез мне добрые вести о Хомяковых и о Москве вообще — слава Богу».

Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 152–153.

[1] Сильвестр — крепостной слуга Языкова.
[2] Языковой.

ИЮЛЯ 10 <22>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

В «Журнале заседаний Московского цензурного комитета» записано одобрение к печати рукописи К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души»:

«Июля 10-го дня <...> Одобрены к напечатанию <...> с 9 по 16 число Июня Г. Ценсором Крыловым рукопись: Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души. Определено: Выдать представившим».

Свод. Т. 2. С. 762.

ИЮЛЯ 12 <24>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ГАВРИЛКОВО

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской:

«Читала ли ты критику От<ечественных> Зап<исок>?[1] В сторону глупое и совершенно постороннее неприятное начало этой статьи и нелепые слова в самом конце, в ней есть много хорошего и намеки на верные мысли — которые вполне не высказаны, не умели высказать. До сих пор критика Шевырева в Москв<итянине> еще не вышла. Не знаем, что будет в ней. Не ты одна, моя милая Машенька, употребляешь выражения из “М<ертвых> д<уш>” — никто не может избавиться от этого, и беспрестанно и невольно приходят при случае эти выражения — так чудны и истинны они, и так сильно впечатление этого произведения».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 826.

[1] Имеется в виду статья В. Г. Белинского «Похождения Чичикова, или Мертвые души», опубликованная, без подписи, в 1842 г. в июльском номере «Отечественных Записок» (см. ***1840. Января 2. Вторник. Москва*** – примечания; ***1842. Августа 17 <29>. Понедельник*** – примечания).

ИЮЛЯ 27 <15>. СРЕДА. ГАСТЕЙН

Н. М. Языков сообщает сестре П. М. Бестужевой:

«...Елизавета Петровна[1] и кн<ягиня> Хованская отбыли отсюда в Венецию, откуда последняя поедет прямо в Россию, а Елизавета Петровна в Италию, в Рим зимовать – туда же и меня подзывают и она и Гоголь; но я еще не знаю, на что решусь; у меня теперь всё зависит от того, что сделают со мною здешние воды: если они помогут мне, то почему же и не съездить в столицу мира?– одна зима куда ни шла! – мне же там не может быть скучно. Гоголь найдет мне удобную, привольную квартиру и устроит житье-бытье мое добропорядочно – и я буду в своем кругу, со своими! Гоголь сидит теперь со мною, он нарочно для меня заехал в гаштейнскую трущобу – и мы вместе довольно хорошо перекочкиваем здешнюю скуку. Награди его Бог за это доброе дело! Он привез мне вести о Хомяковых, у которых бывал часто, несмотря на то, что он вообще не любит знакомств и посещений. С ним ехать будет мне легко: он очень распорядителен и в Италии, как дома. Но об этом позже, когда решусь. Теперь же боюсь загадывать вперед, чтоб не сказать после, что рано пташка запела. <...>

Стихов пришлю тебе, когда они у меня будут писаться – теперь же мне не до них. Гоголь говорит, что в Риме я непременно распишусь, – дай Бог, чтоб он напророчил! Нынешний год мне бесплоден в этом отношении – как и в других: жду чего-то лучшего...»

Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 153.

[1] Языкова.

ИЮЛЯ 16–17 <28–29>. ЧЕТВЕРГ-ПЯТНИЦА. ВАСИЛЬЕВКА

М. П. Погодин проездом за границу навестил в Васильевке мать Гоголя, Марию Ивановну. Встретился здесь также с сестрой Гоголя, Марией Васильевной, и с А. С. Данилевским.

В своей записной книжке Погодин дважды пометил: «16/28 в Полтаву и к Гоголям. 17/29 у Гоголей и в Миргород»; «16. Поутру в Полтаве, вечер<ом> у Гогол<ей>. 17. У Гог<олей> и ночевать в Миргород»[1].

В дорожном дневнике Погодин записал: «<*16 июля. Полтава*>. Вид *чудны<й>* с горы. <...> Никто не знает о Васильевке, Янов<щина>. <...>

<*Васильевка*>. Радость была неописанная, и я радовался в общей радости[2]. След<овательно>, я люблю Гоголя, хоть он и насолил мне и кажется мне, что я охладел к нему. Вместо часа решился ночевать. Послал к губерн<атору>[3] известие. Сыгра<л> с ними в префе<ранс>, чтобы позабавить. Блохи[4] и клопы.

17 <июля>. Уснул в саду. Обошел всю усадьбу. На Решетилов<ку>. Далее перемена маршрута. На Миргород. Отобедали. Чего не было: бублики с маком, сыр жареный, варенье, сыр глечаный[5], от особого способа творожить, пироги с вишнями. Кудривки[6], лотовки <?>[7]. На Ереськи и Мирг<ород>. Заехали в Толстое. Помещик[8] служил 1812 года. Поручил записывать сыну[9]. Мосты чрез Голтву. Вечер. Псел, домик низменный, где отдыхал Трощинский. <*1 нрзб.*> проехать в Мирг<ород> в час. Послали за лошадьми и легли спать.

18 <июля>. Прие<хали в Миргород> в 5 часов. <...> Нет ни заставы, ни исправника, ни окружного, ни помощника. А есть один Иван Семенович[10]. Вывеск<а> с генераль<скими> эполетами. Любопытно, кто заказывает. Гоголь польстил Миргороду. Те же грязь и луж<а>.

Хлеб, как яичной желток... <...> Дорога прекрасная. <...> Кибинцы Трощинского. Дорога Ромодань. <...> Жидовская корчма. Кор<мили> лош<адей>. Приехали в Лубны. По дороге везде много курганов, как в Луб<енском>, так и в Золотон<ошском> уездах. Доктор Петрашевский[11] малороссиянин. <...> Прогул<ялся> по саду. Какое здесь обилие, и как легко жить. <...> В Луб<енский> монастырь. <...> Св. Афана<сий> сидящий. <...> ...Капнист, Новиков, близко Тешань. Черныш о войне 1812 года. А о малорос<ийской> жизни. Анекдоты и проч. — Виды хороши. Что за небо! Звезды сверкают, но не так, как у вас. Вишенный кисель»[12].

В статье «Поездка пр<офессора> Погодина за границу в 1842 году» автор также сообщал: «<*16 и 17 июля*>. <...> ...Мне хотелось по дороге <...> навестить мать Гоголя около Миргорода и осмотреть его родину... <...>, и я, вооруженный разными видами и предписаниями, [осмотрев еще раз достопримечательности Полтавы], пустился в [Николаевку] Васильевку. <...> Какая природа вокруг благодатная! Какой везде простор! Что за невинность, простота на лицах! <...> Что за прелесть — полосы [совершенно] лиловые.

— Какие это цветочки?

— Сикирки[13].

Народу почти не встречалось, и очень трудно было допрашиваться о дороге. Случится увидеть где-нибудь на поле у скирда или стога бабу или мальчика, — так насилу докличешься:

— Чи се?

— Се, — отвечают они, чтоб как-нибудь отвязаться, а выходило дело совершенно напротив.

Что за мосты через Голтву, которая пробирается болотами!

К вечеру подъехал я к [Николаевке] Васильевке. На широкой поляне стоит скромная церковь, осененная ветлами. Вдали от нее, [за склоном] чрез небольшое углубление, виден [сельский] барский дом, в одно жилье[14], как везде в Малороссии, длинный, окрашенный белою краскою, увенчанный высокими, развесистыми деревьями. Впереди рассыпаны хаты. [Людей никого не встречалось.] Стадо возвращалось домой. Вот где тихая отчизна Поэта!

— Дома ли барыня[15]? — спросил я пастуха.

— Гоголиха? — отвечал он, — не скажу (т. е. не знаю).

Я вышел из брички и пошел по зеленому двору. Дворовые высовывались кое-где из окон.

— Барыня уехала к соседям, но сейчас будет.

— А дочери дома?

— Старшая[16].

Я [пошел] познакомился и попросил провожатого, чтоб идти навстречу. Не успели выйти из деревни, как я увидел длинные дрожки... — [Нечего говорить об удивлении неожиданности.]

[Здесь я ночевал.] Никак нельзя было отказаться от ночеванья. Нечего было и думать. А на другой день должно было непременно обедать. С вечера разосланы были гонцы в разные стороны, а [на другой день] поутру из-за сорока верст приехал г. Дан<илевский>[17], любезный мой парижский[18] сожитель. Мы осмотрели весь дом, сад на берегу пруда, густой, [плотной], с разными затейливыми гротами и пещерами, извилистыми дорожками, рощицами, гумно, кладовые, погреба с наливка-

ми, вареньями, сырами и прочими произведениями малороссийской природы; потом крестьянские хаты, сходили в церковь, покатались по пруду, наконец пообедали – борщ, вареники [и проч. и проч.], сыр жареный, глечаный (от особого способа творожить), пироги с вишнями и варенья. Все блюда и чашки верхом. Разумеется, одно кушанье надо было запивать терновкою, другое сливянкою, третье смородиновкою. Каждое кушанье имело свою историю со множеством случаев, происходивших при его употреблении[19].

Любезный г. Да<нилевский> растолковал мне дорогу; оказалось, что не надо возвращаться в Полтаву <...>, но чрез Миргород можно прямо выехать на Лубны, и тем выгадать верст 50. Мы отправились вместе... <...>.

Дорогою заехали к родственнику моего спутника, майору Чернышу, который служил с отличием всю войну 1812 года, был близок к некоторым знаменитым генералам и знает вообще много любопытного. Я просил его сына записывать его рассказы. Напившись чаю, продолжали путь.

В Ереськах, на Псле, взяли подставных лошадей. Здесь долго жил Трощинский. Обошел все комнаты запустелого дома, где проводил последние годы своей жизни этот знаменитый сановник, остатный из Екатерининского славного времени. Он был очень гостеприимен, и к нему собиралось все соседнее дворянство[20]. Что сталось с его бумагами? Замечу еще, что Трощинский выписывал все вновь выходившие русские книги и журналы[21], что, как известно, в высшем кругу случается еще редко.

<*18 июля*>. Ночью поздно приехали мы в знаменитый Миргород... <...> [Я нахожу, что Гоголь из любви...] Те же широкие улицы, низменные домики, грязь по дороге, и лужа на перекрестке, как [описаны у Гоголя] во время ссоры Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем. Гоголь только польстил немножко своему [родному] отечественному городу. Я заметил еще на вывеске [генеральской] мундир с толстейшими эполетами. Желательно знать, каких генералов приманивает к себе для заказов [расторопный портной] миргородский артист.

Дорога оказалась прекрасная, точно скатерть. Поля покрыты хлебом, как яичным желтком. На солнце [волнуется он] переливается он, что твое золото. <...> Проехали село Кибинцы, другое селение Трощинского, где, кажется, он скончался. Одна соседняя дорога называется Ромоданью, вероятно, в память походов Князя Ромодановского. На половине дороги, подле жидовской корчмы, кормили лошадей. <...>

По обеим сторонам дороги очень много курганов.

Перед вечернями приехали в Лубны, на высокой горе, и остановились у почтенного доктора Петрашевского. – Низенький, но обширный дом под тенью черешень, рябин и тополей, среди огромного сада... Что за привольная жизнь в Малороссии! Какое изобилие во всех естественных произведениях. А роскошь уже закралась, – и производит опустошения, рождает недостаток, а за недостатком притеснение и насилие. Малороссиянин дольше не чувствовал нужды, оттого он и невиннее; его не беспокоит жадность [великороссия<нина>] москаля, и он счастлив внутри своей хаты, под черемухою. Впрочем, и москаль не родился плутом, а сделан и сделался.

Пообедав, малороссиянин Д<анилевский> расположился отдыхать, а я, москаль, поспешил к начальникам хлопотать о продолжении дороги. <...> Между тем, чтоб не потерять времени, подговорил товарища съездить в знаменитый Лубенский монастырь в 5 верстах от города, [где Св. Афанасий почивает сидящий].

Какая живописная дорога, в гору между двумя борами; лучи солнечные прорезывают чащу и представляют волшебную игру света по разным направлениям. Группа баб подле шинка была достойна кисти Теньера[22]. Монастырь стоит на крутой горе Мгыри; вид на Сулу и заречье прелестный.

Приложился к руке Преосвященного Афанасия, который скончался здесь на возвратном пути из Москвы в Константинополь в 1634 г. Патриарх почивает в креслах, и вид его сидящего, вторые сто лет, с наклоненною головою, очень поразителен. <...>

За патриархальным ужином с вишневым киселем у нашего почтенного хозяина расспрашивал о примечательных здешних людях и местах. – Недалеко отсюда Ташань, где жил Румянцев-Задунайский и Обуховка с песнями Капниста; услышал о бумагах Новикова. Сколько любопытных сведений можно собрать везде! А малороссийская жизнь с своими бесконечными анекдотами и побасенками!»[23]

[1] *Свод.* Т. 2. С. 478.

[2] Подразумевается встреча с матерью Гоголя Марией Ивановной.

[3] Имеется в виду Александр Егорович Аверкиев (1792–1858), полтавский губернатор с 9 сентября 1840 по октябрь 1843 г.

[4] См. также заметку в записной книжке Гоголя 1842–1851 гг.: «Ольховый лист от блох» (запись относится к 1850–1851 гг.). В «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1833) после рассказа о сибаритском времяпровождении героев сообщается, что они «очень не любят блох; и оттого <...> никак не пропустят жида с товарами, чтобы не купить у него элексира в разных баночках против этих насекомых...» По-видимому, в настоящем отрывке нашли отражения аскетические правила преподобного Иоанна Синайского (VI в.). С его знаменитой «Лествицей» Гоголь был знаком с юношеских лет (см. ***Конец 1820-х, не позднее 1829***). Так, в пятой главе книги Иоанн Лествичник, рассказывая о подвигах подвижников в обители кающихся, восклицает: «Где там было приготовление постели? Где одежды чистые и крепкие? У всех одеяние было разорванное, смердящее и скнипами покровенное» (Преподобного отца нашего *Иоанна Лествичника* Лествица, возводящая на небо. М., 1785. Л. 42 об. – Слово 5-е, гл. 19; см. также: Преподобного отца нашего *Иоанна*, игумена Синайской горы, Лествица. Сергиев Посад, 1908. С. 64). («Скнипы, мошки, блохи» – гоголевский «объяснительный словарь» русского языка.) К дню памяти преподобного Акакия, о котором повествуется в Лествице, Гоголь отнес в своей повести самое начало ссоры «нетерпеливых» Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича: «...Дворянин Иван Никифоров, сын Довгочхун, сего 1810 года Июля 7 дня учинил мне смертельную обиду...» (см. ***1810. Июля 7. Четверг. День памяти преподобного Акакия, о котором повествуется в Лествице***). 6 декабря 1849 г. Гоголь в письме к А. О. Смирновой, говоря о различных мелких искушениях, выпадающих на долю человека, – в частности, о сплетнях, от которых «и бесстрашный лев» может «взреветь», – замечал: «Лев ревет оттого, что он животное, а если бы он мог соображать, как человек, что от комаров, блох и прочего не умирают, что с наступленьем холодов все это сгинет, что кусанья эти, может быть, и нужны, как отнимающие лишнюю кровь, то, может, и у него достало бы великодушия все это перенесть терпеливо». Значимо в этом свете и одновременное – осенью 1833 г. – возникновение сюжетов о «смиренном» Акакии Акакиевиче – «бунтующем» в финале герое «Шинели» – и «редких друзьях» Иване Ивановиче с Иваном Никифоровичем – превратившихся в итоге в заклятых врагов (см. ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург***).

[5] По-видимому, от слова «глек» («глечик») – кувшин.

[6] Вероятно, уменьш. от «кудри» – род печенья завитками.

[7] По возвращении Погодина в Москву в ноябре 1842 г. Мария Ивановна писала ему: «Надеюсь, что здоровье ваше поправилось... <...> Как мне жаль, что полынная водка, удостоившаяся вам понравиться, не досталась вам...» (см. примеч. ниже). Ср. черты гостеприимства героини «Старосветских помещиков»: «Гость <...> должен был непременно переночевать. <...> "Вот это, – говорила она, снимая пробку с графина, – водка, настоянная на деревий и шалфей. Если у кого болят лопатки или поясница, то очень помогает. Вот это на золототысячник: если в ушах звенит и по лицу лишаи делаются, то очень помогает. А вот эта – перегнанная на персиковые косточки... <...> Если как-нибудь, вставая с кровати, ударится кто об угол шкапа или стола и набежит на лбу гугля, то стоит только одну рюмочку выпить перед обедом – и все как рукой снимет..." <...>. После этого такой перечет следовал и другим графинам, всегда почти имевшим какие-нибудь целебные свойства». – См. также ***Около 1820, не позднее августа. Васильевка.***

[8] Василий Иванович Черныш, отчим А. С. Данилевского, сосед Гоголей по имению, отставной майор.

[9] Василий Васильевич Черныш, сын В. И. Черныша.

[10] И. С. Устименко, заседатель миргородского уездого суда.

[11] Василий Михайлович Петрашевский (1787 – 29 мая 1845), доктор медицины, отец М. В. Петрашевского-Буташевича.

[12] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1842 г. Черновой автограф // *Свод.* Т. 2. С. 477–478.

[13] Сикирки (секирки) – васильки.

[14] Т. е. в один этаж.

[15] Мария Ивановна Гоголь.

[16] Мария Васильевна, в замужестве Трушковская.

[17] С А. С. Данилевским Погодин беседовал тогда, в частности, о П. А. Лукашевиче, с которым ранее, в феврале 1839 г., познакомился в Праге (см. ***1839. Марта 25 <13>. Понедельник. Рим*** – примечания; ***1843. Октября 13 <25>. Среда. Березань***).

[18] См. ***1839. Мая 3 <апреля 21>. Пятница. Париж***; ***1839. Мая 5 <апреля 23>. Воскресенье. Париж.***

[19] «По возвращении в Москву <10 ноября 1842 г.> Погодин получил следующее письмо от матери Гоголя: "От всей души поздравляю вас с благополучным возвращением в дом ваш. Надеюсь, что здоровье ваше поправилось, и чем дальше будет лучше, как обыкновенно бывает после вод: воображаю себе, с какою радостью встретило вас милое семейство ваше, и как они теперь счастливы, что опять с вами; с этим счастьем ничто не может сравниться, когда благословенное Богом семейство вместе! О! как тяжела разлука с милыми сердцу. Вы верно видели в Гастейне моего сына! он долго там прожил, сделайте милость, напишите мне, каково тогда было

здоровье его и употреблял ли он воды, ко мне он об этом не писал; когда же занятия ваши не позволят написать ко мне, то попросите от меня Елизавету Васильевну утешить хотя несколькими строчками. Как мне жаль, что полынная водка, удостоившаяся вам понравиться, не досталась вам, как бы я рада была наделать ее побольше и когда бы можно доставить к вам. Вы не можете себе вообразить, как вы одолжили меня *Москвитянином*, с каким удовольствием, управясь с моими делами, принимаюсь за книгу и всегда в душе благодарю вас. Когда-то я буду в состоянии выписывать этот прекраснейший журнал на свои деньги» (*Барсуков*. 1893. Кн. 7. С. 62).

[20] См. ***1823. Июль. Нежин, Васильевка, Кибинцы.***

[21] См.: Каталог антикварной библиотеки книгопродавца Е. Я. Федорова, приобретенной после бывшего министра Д. П. Трощинского. Киев, 1874.

[22] Давид Теньер (Тенерис) (1610–1690), голландский художник, преимущественно писавший жанровые сцены.

[23] Цит. по черновому автографу: *РГБ*. Ф. 231. Разд. I. К. 41. Ед. хр. 5а. Л. 5 об.; опубл.: Поездка пр<офессора> Погодина за границу в 1842 году // Москвитянин. 1844. № 1 (цензурное разрешение 28 дек.). С. 159; см. также: *Барсуков*. 1893. Кн. 7. С. 6; *Свод*. Т. 2. С. 479–481.

ИЮЛЯ 29 <17>. ПЯТНИЦА. ГАСТЕЙН

Гоголь отправляет письма к П. В. Нащокину в Москву (послание начато 20 июля н. ст.); к Д. Е. Бенардаки в Петербург; к неустановленному лицу; к С. Т. Аксакову (на имя цензора Московского почтамта А. Ф. Томашевского; письмо начато 27 июля н. ст.) и к Н. Я. Прокоповичу – в Петербург (начато 27 июля н. ст.).

В письме к Нащокину Гоголь рассказывает о своем разговоре с Д. Е. Бенардаки в Петербурге[1], в результате которого тот предложил Нащокину стать наставником его сына: «...И я вслед за ним делаю теперь такое же предложение с своей стороны: не хотите ли быть воспитателем его сына? <...> ...Об науках и ученьи вам заботиться нечего, для этого у него будут профессора... [...Вы, не имея подробного понятия о науках, имеете о них вообще верные и светлые идеи, что очень важно, потому что в простых разговорах возбуждает охоту к науке, от которой всегда отталкивают нас подро<бности и> педантизм, с которым обыкновенно принимаются за науки. <...> Профессор, занятый односторонностью своего предмета, никогда не в силах открыть настоящей наклонности отрока. <...> Жизнь, живая жизнь должна составить ваше ученье, а не мертвая наука[2].] <...> ...Вы можете [уже с самых юных лет] внушить ему [науку, которой вы обязаны истории несчастия] <...> познание людей и света в настоящем их виде. Уже одно множество происшествий, случившихся в виду и на глазах ваших, истории разорившихся владельцев, множество нечаянных случаев и событий, которые рассказываете вы так живо и увлекательно и с такою верностью, в которых так отражается наш современный русский барин и человек, со всей своей оплошностью и недостатками, которых виною всегда почти сам, одни эти живые рассказы уже могут подействовать глубоко на душу и сильнее всяких теорий и наставлений книжных заставят увидеть и свои обязанности и долг. Испытанные несчастиями и крушеньями, вы можете одни сообщить твердость душе его, которой не в силах сообщить ни один, не изведавший сам горя. Вы более, нежели кто другой, можете водрузить в его душу неколебимую веру в Бога, потому что получили сами ее не внушеньями от других и преданьями, но нашли ее сами в глубине души своей среди горнила бедствий... [Вы слишком глубоко чувствуете в душе необходимость высоких христианских добродетелей, и Бог поможет вам передать не личину и маску ханжества[3], под которыми является религия, но глубокую внутреннюю силу, водружающую в наше сердце якорь и дающую ничем несокрушимый характер человеку.] <...>

Недостатки ваши могут быть разве только в неподвижности и лени, одолевающей русского человека во время продолжительного бездействия, и в трудности подняться на дело. [Но в той же силе русской природы есть способность, поднявшись на что-нибудь, совершить его так, как никто другой не в силах его совершить. Русский сидень больше делает дел, чем хлопотун.] <...>

...Вы совершите подвиг, угодный Богу. Нет лучше дела, как образовать прекрасного человека. Вспомните, что тому, кого вы образуете, предстоит поприще большое, может быть даже государ-

ственное. [Уже по одному состоянию своему и богатству он будет иметь сильное влияние...] Уже одни его богатства дадут ему всегда возможность иметь сильное влияние в России. <...> [Вы можете составить счастие не одного человека, но многих[4]...] Может быть, счастье многих будет зависеть от вас. <...> Вам предстоит <...> подвиг. Если вы предпримете его во имя Бога, <...> то подадутся вам с вышины и силы и помощь, <...> и много наслаждений вкусите вы в глубине души вашей. Потому что всё, предпринимаемое нами с такими, мыслями и с такой верою, награждается чудными внутренними наслаждениями, которых и тени не обретет человек во внешнем мире.

Насчет условий я ничего вам не скажу, как только то, что Бенардаки очень понимает всю важность воспитания сына, что он знает ваше положение, что вы и ваши дети будут обеспечены[5]... <...> Итак, не замедлите и напишите поскорее ваш ответ. <...> Как мое письмо к вам, так и ответ ваш я перешлю Бенардаки... <...> На всякий случай вот вам адрес Б<енардаки>. На Гагаринской пристани, в доме Неклюдова, Дмитрию Егорьевичу. Мне пишите прямо в Венецию Poste restante».

Адресат письма – Нащокин – прототип помещика Хлобуева в четвертой главе второго тома «Мертвых душ». Некоторые черты Нащокина – испытанного, подобно Чичикову, всеми «несчастиями и крушеньями» – угадываются также в образе «необыкновенного наставника» Александра Петровича в первой главе второго тома.

Ответ Нащокина см.: ***1842. Сентября вторая половина <сентября конец – октября средина>. Москва.***

В письме к Бенардаки Гоголь посылает копию с письма к Нащокину: «Посылаю вам копию с письма, которое я теперь только послал к Павлу Воиновичу Нащокину. Рассмотрите ее заблаговременно и скажите, всё ли в нем как следует и согласны ли мои мысли с вашими. <...> ...Скажу одну важную мы<сль> относительно воспитания, превращен<ного> в гонку. Ваш сын, кажется, уже находится в тех летах, когда, кто имеет в себе способности, становится живее к принятию всего. В эти годы имеют обычай загромаживать множеством наук и предметов и, чем более видят восприимчивости, тем более подносят ему [разнородного] со всех сторон. Нужно, чтобы наука памяти не отнимала свободы мыслить. Теперь слишком загро<ма>жива<ют> ум множеством самых разнородных наук, и никто не чувствует страшного вреда, что уже нет времени и возможности помыслить и оглянуть взором наблюдателя самое приобретенное знание. <...> Нынешнее обилие предметов, которые торопятся вложить в наше детище, не давая ему перевести духу и оглянуться, превращает его в путника, который спешит бегом по дороге, не глядя по сторонам и не останавливается нигде, чтобы оглянуться назад. Это правда, что он уйдет дальше вперед, чем тот, который останавливается на каждом возвышенном месте, но зато знает твердо, в каких местах лежит его дорога <...> и где именно есть путь в двадцать раз короче. Это важная истина. <...> Старайтесь, чтобы всякая наука ему была сообщаема сколько возможно в соприкосновении с жизнью. <...> Я нередко наблюдал в последнее <время, как> многие, считавшиеся лучшими и показывавшие способности, делались препустыми людьми. И лучшими бывают часто те, которые почти выгнаны из заведен<ий> за небрежность и неуспехи.

Зато теперь реже явленье необыкновенных умов, гениев. Самые изобретения тепрешние гораздо менее и ничтожнее прежних, и прежние изобретения, произведенные людьми менее учеными, гораздо колоссальнее. Их остановили ремесла[6], и не являются теперь давно те умы, действительно самородные и обязанные самому себе своим образованием, <как> какой-нибудь простой пастух, <который> открывает силу целительного действия воды[7] и разрешает, что и как нужно.

Еще надобна осторожность в отношении к языкам. Знать несколько языков недурно, но вообще многоязычие вредит сильно оригинальному и национальному развитию мысли. Ум невольно начинает мыслить не в духе своем, национальном, природном и чрез то становится бледнее и с тем <теряет> живость постигать предмет. <...> [Притом в России с каждым годом чувствуется], что меньше необходимо подражания! <...> Прощайте. Молю вас, не позабудьте уведомить меня двумя словами, чтобы знать, что письмо дошло исправно в ваши руки».

Адресат письма – откупщик Бенардаки – прототип помещика Костанжогло[8] и откупщика Муразова во втором томе «Мертвых душ».

В написанном на тех же самых страницах, что и письма к Бенардаки и Нащокину, послании к неустановленному лицу (возможно, оно является продолжением письма к Бенардаки) Гоголь замечал: «...Если найдете истину замеченн<ой> и вы <себя> почтете обязанным мне, то я человек корыстолюбивый и сейчас же потребую от вас благодарности. В благодарность вы должны мне сказать несколько слов об Мертвых душах. <...> Я наперед знаю, что скажут обо мне печатно в таком-то и таком-то журнале, но мнения людей, глубоко практических, знающих жизнь, имевших много опытов и много ума, обративших все их в пользу себе, для меня дороже книжных теорий, знаемых мною наизусть. <...> Я никак не требую определения настоящего достоинства и значения <“Мертвых душ”>... <...> Вы вообразите, что я трактирщик в каком-нибудь европейском отеле и даю [общий стол] или table d'hote. В столе моем 20 блюд, а может быть, и больше. <...> Итак, я вас только прошу о том, чтобы вы сказали: вот что в вашем творении по моему вкусу пришлось более, вот какие места. <...> Творения мои тем отличаются от других произведений, что в них все могут быть судьи, все читатели от одного до другого, потому что предметы взяты из жизни, обращающей-ся вокруг каждого».

В письме к С. Т. Аксакову Гоголь сообщает: «Я пробуду в Гастейне вместе с Языковым еще недели три, и в конце августа хотим ехать в Венецию, где пробудем недели две, если не больше; и потому вы адресуйте, если почувствуете благодатное желание писать, прямо в Венецию Poste restante. Напишите мне все: как вы проводите время, хороша ли дача, хороша ли рыбная ловля...[9] <...> Если Павловы точно едут, то вы мне сделаете большую услугу присланьем чрез них некоторых книг, а именно: “Памятник веры”[10], такой совершенно, как у Ольги Семеновны, и “Статистику России” Андросова[11], и еще, если есть какое-нибудь замечательное сочинение статистическое о России вообще или относительно частей ее, вышедшее в последних годах, то хорошо бы очень присовокупить его к ним. Кажется, вышел какой-то толстый том от Мин<истерства> Внут<ренних> дел[12]. – А Григория Сергеевича[13] попрошу присылать мне реестр всех сенатских дел за прошлый год с одной простой отметкой: между какими лицами завязалось дело и о чем дело. <...> Это мне очень нужно. Да чуть было не позабыл еще попросить о книге Кошихина[14], при Ц<аре> Ал<ексее> Михайловиче. <...> Около октября 1-го я надеюсь быть в Риме»[15]. Просит передать свой адрес Н. Н. Шереметевой[16].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Надобно признаться, что почти все поручения Гоголя насчет присылки статистических и других книг, а также выписок из дел и деловых регистров исполнялись очень плохо[17]; а между тем очевидно, что все это было ему очень нужно для второго тома “Мертвых Душ”. Павловы не поехали за границу, да и не думали ехать, а Гоголь счел их пустые слова за настоящее намерение. Конечно, отъезжающих за границу и кроме их было довольно, но мы плохо верили их ак<к>уратности. Не помню, с кем-то были посланы один раз бумаги и книги, но они совсем не дошли до Гоголя и пропали. Несмотря на такие уважительные причины, должно сознаться, что все мы без исключения были не довольно внимательны к просьбам Гоголя. Я должен к этому присовокупить, что некоторые сведения, каких требовал Гоголь, мне казались [не только недостаточными для узнания настоящего дела, но даже вредными] все равно недостаточными для узнания настоящего дела и даже вредными, потому что сообщали неверные понятия»[18].

В письме к Прокоповичу Гоголь посылает переработанное последнее явление «Ревизора» («...я совсем позабыл, что “Ревизор” без конца. Писец не разобрал примечания об немой сцене и оставил чистое место»). Сообщает, что продолжает работать над пьесой «Театральный разъезд после представления новой комедии»: «Я к тебе еще не посылаю остальных двух лоскутков[19], потому что многое нужно переправить, особливо в *Театральном разъезде после представления новой пиэсы*. Она написана сгоряча, скоро после представления “Ревизора”[20], и потому немножко нескромна в отношении к автору. Ее нужно сделать несколько идеальней, т. е. чтобы ее применить можно было ко всякой пиэсе, задирающей общественные злоупотребления, а потому я прошу тебя не намекать и не выдавать ее, как написанную по случаю “Ревизора”». «При корректуре второго тома» просит «действовать как можно самоуправней и полновластней»: «...В *Тарасе Бульбе* много есть погрешностей писца. <...> Пожалуста, поправь везде с такою же свободою, как ты переправляешь тетради своих учеников.

<...> Да, пожалуйста, попроси Белинского[21] отпечатать для меня особенно листки критики “Мертвых душ”, если она будет в “Отечест<венных> Запис<ках>”... <...> Адресуй первое письмо в Венецию, Poste restante, следующее – в Рим. В Венеции я пробуду до 1-х чисел сентября»[22].

[1] См. ***1842. Мая 26. Вторник – июня 5. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] Ср. характеристику наставника Александра Петровича в первой главе второго тома «Мертвых душ»: «...Он умел в немногих словах передать самую душу науки, так что и малолетнему было очевидно, на что именно она ему нужна, наука. Он утверждал, что всего нужнее человеку наука жизни, что, узнав ее, он узнает тогда сам, чем он должен заняться преимущественнее. Эту-то науку жизни сделал он предметом отдельного курса воспитания...» – См. также ***1847. Января 30 <февраля 11>. Четверг. Москва*** (письмо Д. К. Малиновского); ***1847. Марта 16 <4>. Вторник. Неаполь*** (письмо Гоголя к графине Анне М. Виельгорской).

[3] См. также ***1842. Августа 18 <6>. Четверг. Праздник Преображения Господня. Гастейн.***

[4] См. также ***1841. Октября 7 <сентября 25>. Четверг. Берлин.***

[5] Ср. реплику Костанжогло (обращенную к Хлобуеву) в заключительной главе второго тома «Мертвых душ»: «Знаете ли, Петр Петрович? отдайте мне на руки это – детей, дела; оставьте и семью вашу, и детей: я их приберегу».

[6] В статье *XXXII. Светлое Воскресенье* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846) Гоголь писал: «Что значит, что уже правят миром швеи, портные и ремесленники всякого рода, а Божии помазанники остались в стороне?» В повести «Рим» (1842) эта мысль была выражена следующим образом: «...Показалась ему теперь низкою роскошь XIX столетия, мелкая, ничтожная роскошь, годная только для украшенья магазинов, выведшая на поле деятельности золотильщиков, мебельщиков, обойщиков, столяров и кучи мастеровых, и лишившая мир Рафаэлей, Тицианов, Микель-Анжелов, низведшая к ремеслу искусство». Основанием для соотнесения художника с «Божиим помазанником» явилось у Гоголя представление об идеальном облике и высшем назначении монарха, – о его, подобном искусству художника, призвании быть вдохновляющим людей «образом Того на земле, Который Сам есть любовь». Изъятие же из среды «удерживающего», т. е. охранительных начал, знаменует наступление конца света (см. 2 Фес. 2, 7). В этом и заключается подразумеваемый ответ на вопрос: «Что значит, что уже правят миром швеи, портные и ремесленники всякого рода, а Божии помазанники остались в стороне». – См. также сопроводит. статью в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 3.

[7] Речь идет о В. Присснице (подробнее см. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** – примечания).

[8] См. ***1839. Июля 13 <1>. Суббота – августа около пятницы 23 <около пятницы 11>. Мариенбад.***

[9] См. также ***1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково*** (примечания).

[10] Имеется в виду церковный календарь, с приложениями, издававшийся в Москве в 1825, 1839 и 1843 гг. Об этом издании Гоголь узнал из февральского номера «Ведомостей Санкт-Петербургской городской полиции» за 1844 г. (от 10 февраля. № 10), сохранившегося в его бумагах: «*У книгопродавца Свешникова, в Гостином Дворе, по Невскому Проспекту, в лавках под №№ 4 и 16-м, продаются: Памятник Веры*, представляющий праздненства, установленные Святым угодникам, с описанием их жития. С присовокуплением текстов Священного писания, размышлений и стихотворений для упражнения в Богомыслии. С приложением листков для записывания мыслей и поступков и с прибавлением описания икон Богородицы, неисходимой Пасхалии, сведений о Епархиях в России, известий о всех церквах С.-п.-б. и Москвы, и изображений Святых, на каждый день, и чудотворных икон Богородицы. М. 1843 г. Ц<ена> в переплете 4 р<убля> 30 к<опеек> сер<ебром>».

Незадолго до отправления писем к С. Т. Аксакову и Н. Я. Прокоповичу Гоголь в своей записной книжке 1841–1845 гг. пометил: «*Не забыть:* Написать о книгах Аксакову – Памятник веры и статистика Андросова. Прокоповича прислать листки из Отеч<ественных> записок о Мертвых душах» (см. примеч. ниже).

[11] Книга Василия Петровича Андросова (1803–1841) «Хозяйственная статистика России» (М., 1827) (см. также примеч. выше).

[12] Гоголь имел в виду «Материалы для статистики Российской империи, издаваемые при Статистическом отделении Совета Министерства Внутренних Дел» (СПб., 1839–1841). Гоголь читал также «Журнал Министерства Внутренних Дел». В его записной книжке 1841–1846 гг. сохранилось три выписки из этого издания: «О Пермской губернии» (из № 5 за 1834 г.); «Моршанская мельница графа Кутайсова на реке Цне» (из ч. XXIII за 1837 г.; ср. ошибочное указание: ***1841. Сентября 26 <14>. Воскресенье. Праздник Воздвижения Креста Господня. Ганау*** – примечания); «О Нижегородской ярмарке» (из ч. XXIV за 1837 г.).

[13] Второй сын С. Т. Аксакова, служивший прокурором в Симбирске.

[14] Так ошибочно называли Г. К. Котошихина (ум. в 1667), автора книги «О России в царствование Алексея Михайловича» (1-е изд. – Археографической комиссии. СПб., 1840).

[15] Письмо было получено Аксаковым 11 августа 1842 г. (см. ***1842. Августа 11 <23>. Вторник. Москва***).

[16] См. ***1842. Августа 22 <сентября 3>. Суббота. Покровское – августа 27 <сентября 8>. Четверг. Москва.***

[17] Ср. ***1843. Мая 24 <12>. Среда. Гастейн***; ***1843. Июля 24 <12>. Понедельник. Баден-Баден.***

[18] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 722; *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 642.

[19] Имеются в виду «Игроки» и «Театральный разъезд...»

[20] См. ***1836. Апреля конец – май. Санкт-Петербург.***

[21] Обращению к Прокоповичу предшествовала помета в записной книжке Гоголя 1841–1845 гг.: «Прокоповича прислать листки из Отеч<ественных> записок о Мертвых душах» (см. примеч. выше) (ответ Прокоповича см.: ***1842. Октября 21 <ноября 2>. Среда. Санкт-Петербург***). Статьи Белинского были получены Гоголем летом 1843 г. (см. ***1843. Июня 1–3 <мая 20–22>. Четверг. Праздник Вознесения Господня – суббота. Мюнхен***; см. также письма к С. П. Шевыреву от 1 сентября (н. ст.) 1843 г. – ***1843. Сентября 1 <августа 20>. Пятница. Дюссельдорф***; и Н. Я. Прокоповичу от 24 сентября (н. ст.) 1843 г. – ***1843. Сентября 24 <12>. Воскресенье. Дюссельдорф***). В рукописном фонде Гоголя Российской государственной библиотеки сохранилось двенадцать вырезок из журнала «Отечественные Записки» со статьями и рецензиями о его творчестве Белинского 1842–1843 гг. (*РГБ*. Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 96–107). – Позднее в «Воспоминаниях о Гоголе» (1857) П. В. Анненков заявлял, что будто бы Гоголь, поручая Прокоповичу прислать «листки критики Мертвых Душ» Белинского, отдавал тем самым «должное нравственной силе, не признаваемой другими». Вопреки этому утверждению, сам Гоголь 1 сентября (н. ст.) 1843 г. сообщал С. П. Шевыреву: «Я получил разные критики от петербург<ских> журналов [на] М<ертвые> д<уши>. Замечательнее всех в Современнике (имеется в виду статья П. А. Плетнева. – *И. В.*). Отзыв Полевого в своем роде отчасти замечателен. Сенковского, к сожалению, не имею и до сих пор не мог достать, как ни старался. А вообще я нахожу, что нет средины между благосклонностью и неблагосклонностью. *Белинский смешон*» (курсив наш. – *И. В*) (см. ***1843. Сентября 1 <августа 20>. Пятница. Дюссельдорф***). Письмо было впервые опубликовано в 1875 г. и осталось неизвестным Анненкову.

[22] См. ***1842. Сентября 28 <16>. Среда. Венеция.***

ИЮЛЯ 18 <30>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Министр народного просвещения С. С. Уваров отвечает на запрос попечителя Московского учебного округа графа С. Г. Строганова по поводу рецензий и критик на «Мертвые души»[1]:

«Предполагая, что книга Г. Гоголя: "*Похождения Чичикова – или Мертвые души*", дозволена к напечатанию по особому высшему разрешению и с какою-либо особенно целию, Ваше Сиятельство испрашиваете, какими условиями должно руководствоваться в случае, представлений рецензий и критик на это сочинение. На сие считаю нужным уведомить, что книга *Похождения Чичикова* рассмотрена и одобрена Цензурою на общих основаниях, и при рассмотрении критик на это сочинение надлежит руководствоваться общими цензурными постановлениями»[2].

[1] См. ***1842. Июня 16 <28>. Вторник. Москва.***

[2] <Отношение С. С. Уварова к попечителю Московского учебного округа графу С. Г. Строганову> // *Свод.* Т. 1. С. 778.

ИЮЛЯ 19 <31>. ВОСКРЕСЕНЬЕ

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской:

«Вчера отесенька нам опять перечел «Рим«, уже в 4-й раз, и с каждым разом все глубже и лучше кажется нам это произведение».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 826.

АВГУСТА 1 <ИЮЛЯ 20>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ГАСТЕЙН

В паспорте Гоголя сделана отметка:

«1-го авг<уста>. Гастейн»[1].

Гоголь прибыл в Гастейн 14 июля (н. ст.) 1842 г.[2] Возможно, помета в паспорте: «1-го авг<уста>. Гастейн», – была сделана незадолго до отправления Гоголя из Гастейна в Мюнхен[3], откуда 5 августа (н. ст.) 1842 г. он отправил письмо к Н. М. Языкову[4].

В тот же день, 1 августа (н. ст.) 1842 г., Гоголь пишет ответное письмо В. А. Жуковскому в Дюссельдорф:

«Я получил три строки руки вашей из Дюссельдорфа. Благодарю вас и за них, но если бы вы к ним прибавили хотя одну строчку о Мертвых душах[5], какое бы сильное добро принесли вы мне... <...> До сих пор я еще ничего не слышал, что такое мои Мертвые души и какое производят впечатление, кроме кое-каких безотчетных похвал[6], которые, клянусь, никогда еще не были мне так досадны и несносны, как ныне. Грехов, указанья грехов желает и жаждет теперь душа моя! Если б вы знали, какой теперь праздник совершается внутри меня, когда открываю в себе порок, дотоле не примеченный мною. Лучшего подарка никто не может принесть мне. <...> Прощайте, адресуйте письмо в Гастейн, оно еще меня застанет, а впрочем, не позабудьте, что письмо ваше шло сюда целых восемь дней. Около двенадцатого или 13 августа я отсюда еду[7]. <...> Если же просрочите, то адресуйте в Венецию».

В тот же день Гоголь написал ответное[8] письмо А. А. Иванову в Рим:

«Извините, что не отвечал вам сейчас по получении вашего письма, которое <...> опечалило меня известием вашим о глазной вашей болезни. <...> С Жуковским я разъехался, однако же написал к нему. <...> Я уговариваю его сильно приехать на зиму в Рим[9]... <...> В Гастейне я пробуду, может быть, еще недели три[10], потом в Венецию[11] недели на две. Со мною едет также и наш известный поэт Н. Языков, который, я думаю, тоже проживет зиму в Риме, по причине своей хворости. Прощайте! будьте совершенно спокойны духом и принимайтесь не иначе за картину[12], как когда совершенно перестанут болеть глаза».

[1] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 125. См. ***1852. Мая 2-7. Москва.***

[2] См. ***1842. Июля 14 <2>. Четверг. Гастейн.***

[3] См. ***1842. Августа 3 <июля 22>. Среда. Зальцбург, Мюнхен.***

[4] См. ***1842. Августа 5 <июля 24>. Пятница. Мюнхен.***

[5] См. ***1842. Июня 26 <14>. Воскресенье. Берлин.***

[6] ***1842. Мая между 23 и 28. Москва; 1842. Июня 6 <18>. Троицкая родительская суббота. Санкт-Петербург; 1842. Июня 16 <28>. Вторник. Санкт-Петербург; 1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково.***

[7] См. ***1842. Сентября 17 <5>. Суббота. Гастейн.***

[8] См. ***1842. Июнь <мая средина – июня средина>. Монтекатини.***

[9] См. ***1842. Июня 26 <14>. Воскресенье. Берлин.***

[10] См. ***1842. Сентября 17 <5>. Суббота. Гастейн.***

[11] См. ***1842. Сентября между 22 и 26 <между 10 и 14>. Венеция.***

[12] «Явление Мессии».

АВГУСТА 3 <ИЮЛЯ 22>. СРЕДА. ЗАЛЬЦБУРГ, МЮНХЕН.

Гоголь через Зальцбург прибыл в Мюнхен.

В паспорте Гоголя сделаны отметки: «3 авг<уста>. Зальцбург. <3 августа>. Мюнхен».

Шевырев С. П. <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 125. – См. ***1852. Мая 2-7. Москва.***

ИЮЛЯ 23 <АВГУСТА 4>. ЧЕТВЕРГ

Н. К. Калайдович пишет К. С. Аксакову:

«Слухов и толков о Гоголе здесь не оберешься. Теперь не время, но, когда будет досуг, напишу Вам целую статью[1] о разнообразных суждениях о "Мертвых душах", из которых некоторые уморительны и оригинальны до невероятности».

Гоголь в письмах Н. К. Калайдовича // *Свод.* Т. 2. С. 542.

[1] Судьба статьи неизвестна.

АВГУСТА 5 <ИЮЛЯ 24>. ПЯТНИЦА. МЮНХЕН

Гоголь пишет Н. М. Языкову в Гастейн шутливое письмо (согласно почтовому штемпелю[1], письмо было отправлено из Мюнхена на следующий день, 6 августа):

«Иду на почту с тем, чтобы взять оттуда письмо твое (которое уже должно быть там) и бросить на место его сие, которое да пойдет тоже за письмо. В Мюнхене жарко и душно – в сем да будет заключено первое слово. Того же дни я вспомнил о Гастейне. Комната у меня великолепна, голубец[2] неподдельный, но солнце меня тревожит всё утро. Табльдот для немецких табльдотов королевский, но кофий смотрит подлецом – это статья тоже немаловажная. В Мюнхене много замечательного. Замечательно уже то, <что> в нем живет король[3], один из всех европейских королей, окруживший себя художествами и искусством, а не псарней, б<...>м, шагистикой, кроением мундиров и прочим. В архитектуре много замечательного, хотя много также и обезьянства, и вообще отсутствие оригинальности. Но расписывающиеся среди города фрески, на стенах, среди немецкого города, среди трактиров и пивных бочек – это точно что-то замечательное. Общество здесь почти то же, что и в Гастейне, но как-то не так обходительно: Полежаев, Храповицкий[4], Сопиков хотя и принимают, но не с таким радушием, нет той непринужденности в оборотах и поступках. Ходаковский тоже, хотя и наведывается чаще, но есть в нем что-то черствое, городское, слишком щеголеват, не так нараспашку, как в Гастейне, и еще беда: завел он дружбу страшную с помещиком, которого мы в Гастейне никогда не видали, и я сам даже не помню хорошо его фамилии, Пыляков, кажется, или Пылинский. Подлец, какого только ты можешь себе представить. Подобного нахальства в поступках и наглости я не видал давно: лезет в самый рот. Тепляков здесь тоже несносен, его бы следовало скорее назвать Допекаевым. Нет, Гастейн наш – рай. В четверг[5] я уже буду на высотах его. Закажи для меня комнату, во имя всех святых, без солнца по утрам. Здесь я не в силах даже письма написать, а не то, чтобы предаться как следует размышлению об руку с заседателем и потом отправиться в нижний земский суд, разумей к генералу Говену. Впрочем, Мюнхен свое дело сделал: он мне был необходим для того, чтобы вновь осветлить и сделать приятным Гастейн, огаженный дождями и помещеньем у шульмейстера, и для того, чтобы нам вновь встретиться как после годовой разлуки, что как известно тоже имеет свои приятности».

[1] См.: *Городецкий.* С. 471.
[2] См. также ***1831. Июня конец. Павловск.***
[3] Людвиг I (1786–1868), король Баварии с 1825 до 1848 г.
[4] См. также ***1827. Июня конец – августа средина. Васильевка***; ***1841. Сентября 27 <15>. Дрезден***; ***1850. Июня 15–16. Калуга***; ***1844. Февраля 15 <3>. Четверг. Ницца.***
[5] См. ***1842. Августа 11 <июля 30>. Четверг. Гастейн.***

ИЮЛЯ 24 <АВГУСТА 5>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

В «Журнале заседаний Московского цензурного комитета» сделана отметка о выдаче билета на выпуск в свет отпечатанной брошюры К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души»:

«Июля 24-го дня <...> с 17 по 24 число сего Июля месяца выданы были ГГ. Ценсорами билеты на выпуск в свет отпечатанных книг и нот; а именно: <...> Г. Ценсором Крыловым на книгу: Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души»[1].

В тот же день, 24 июля 1842 г., А. С. Хомяков писал К. С. Аксакову:

«Благодарю вас за письмо и за брошюрку[2]. Не понимаю трусости Погодина: чего он испугался[3]? Чего пугался цензор[4]? Храбрость была только с вашей стороны и то в смысле литературном, а не политическом. О Петербурге вы не говорите ничего, отстраняете его, – и только. Положим, что это не совсем лестно, да и ведь не революционно. Право, Погодин сам не понимает своих выгод: ему во всяком случае следовало напечатать вашу статью, уже не для того, чтобы было в критике имя не одного из редакторов, а для того, чтобы публика видела оценку серьезную, бесстрастную (т. е. без личной страсти) и чтобы петербургские журналы видели, что вопрос о Гоголе ими не понят, даже и теми, которые его хвалят. Кстати скажу, что в О<течественных> З<аписках> похвалы относятся более к уму журналиста[5], чем к гению писателя, и что ровно никакого смысла нет в самом разборе.

Вам великое спасибо! Вы высказали смело свою мысль: вы указали на достоинство поэмы и на ее народное значение, и вы не побоялись насмешек за фанатическую любовь к Гоголю, или за еще большую любовь к в<елико>-русскому началу. Я, как вам известно, вполне разделяю с вами мнение о М<ертвых> Душах и об авторе и о том, что в нем заметно воскресение первобытной искренней поэзии[6]; но не прогневайтесь за некоторые критические замечания. Жаль, что вы не назвали нескольких имен великих поэтов, задавших себе большие задачи, но не вполне разрешивших свои задачи. Это пояснило бы мысль вашу, и даже благоговение, с которым вы назвали бы Гёте или Шиллера или Байрона, показало бы, что в вас не пристрастие, а чисто эстетическое чувство. <...>

...Вы совершенно правы, сказав, что М<алая> Россия получила возможность полного выражения, только подчинив себя в<елико>-русскому началу; но вы не сказали ничего лестного для М<алой> России, а она заслуживает особую похвалу. Она имеет то, чего мы не имеем, да и иметь не будем: большую грацию, большую склонность к объективности, большую художественность. Сравнение В<елико>-России с головою справедливо, но унизительно для других областей. Быть может, ее скорее можно сравнить с высшими органами головы по черепословию. В них низшие органы получают свою общую гармонию; но они не заключают в себе весь смысл головы.

Вот вам мои замечания не на ошибки, а на недосказы»[7].

[1] *Свод.* Т. 2. С. 763.

[2] Речь идет о брошюре К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (1842).

[3] См. ***1842. Июля 4 <16>. Суббота. Гаврилково***; ***1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково.***

[4] О прохождении статьи Аксакова в цензуре см. также: ***1842. Июля 3 <15>. Пятница. Москва***; ***1842. Июля 10 <22>. Пятница. Москва.***

[5] Имеется в виду В. Г. Белинский.

[6] См. об этом: ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки*** (примечания); ***1842. Августа вторая половина <августа конец – сентября средина>***. – См. также ***1843. Августа 8 <20>. Воскресенье. Москва***; ***1844. Мая 18 <30>. Четверг. Москва***; ***1845. Марта 1 <13>. Четверг. Москва***; ***1845. Мая 26 <июня 7>. Суббота. Москва***; ***1846. Мая 13 <25>. Понедельник. Москва***; *Свод.* Т. 3. С. 200–203.

[7] Гоголь в письмах А. С. Хомякова и его жены Е. М. Хомяковой (рожденной Языковой) // *Свод.* Т. 3. С. 193.

ИЮЛЯ 26 <АВГУСТА 7>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1].

Состав исполнителей в 1842 г., за немногими исключениями (роли Хлестакова и Добчинского), был почти тем же, что на премьере 1836 г.[2]: «1842, июль 26, воскресенье. Состав при исполнении *26 июля 1842 г.*: Городничий – *Щепкин;* Жена его – *Львова-Синецкая;* Дочь их – *Ленская;* Хлопов – *Волков;* Жена его – *Кашина;* Судья – *П. Степанов;* Земленика – *Румянов;* Почтмейстер – *Потанчиков;* Добчинский – *Шумский*[3]; Бобчинский – *Никифоров;* Хлестаков – *Самарин;* Осип – *Орлов;* Гибнер – Зеленин; Люлюков – *Кочетовский;* Ростановский – *Прохонцев;* Коробкин – *Богданов 2;* Жена его – *Златопольская;* Частный пристав – *В. Степанов;* Свистунов – *Щеглов 1;* Пуговицын – *Живокини 2;* Держиморда – *Максин 1;* Абдулин – *В. Соколов;* Пошлепкина – *Божановская;* Мишка – *Шуберт;* Половой – *Максин 2;* Жандарм – *Калинин*»[4].

[1] *Гриц.* С. 295; *Ельницкая 1978.* С. 305.
[2] См. ***1836. Мая 25. Понедельник. Москва.***
[3] «...Роль Добчинского <...> играл в 1 раз <...> С. В. Шумский» (*Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя. 1836–1893 гг.> // *ГЦТМ.* Ф. 299. Ед. хр. 1852).
[4] *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя. 1836–1893 гг.> // *ГЦТМ.* Ф. 299. Ед. хр. 1853.

АВГУСТА 8 <ИЮЛЯ 27>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ГАСТЕЙН

Согласно почтовому штемпелю[1], Н. М. Языков получил в этот день письмо Гоголя из Мюнхена[2].

[1] См.: *Городецкий.* С. 471.
[2] См. ***1842. Августа 5 <июля 24>. Пятница. Мюнхен.***

ИЮЛЯ 29 <АВГУСТА 10>. МОСКВА

А. И. Герцен записал в дневнике:

«Был у Чаадаева. <...> Толки о “Мертвых душах”. Славянофилы и антиславянисты разделились на партии. Славянофилы № 1 говорят, что это апотеоз Руси, Илиада наша, и хвалят, след<овательно>; другие бесятся, говорят, что тут анафема Руси, и за то ругают. Обратно тоже разделились антиславянисты. Велико достоинство художественного произведения, когда оно может ускользать от вскякого одностороннего взгляда. Видеть апотеозу смешно, видеть одну анафему несправедливо[1]. Есть слова примирения, есть предчувствия и надежды будущего полного и торжественного, но это не мешает настоящему отражаться во всей отвратительной действительности. Тут, переходя от Собакевичей к Плюшкиным, обдает ужас, с каждым шагом вязнете, тонете глубже. Лирическое место вдруг оживит, осветит и сейчас заменяется опять картиной, напоминающей еще яснее, в каком *рву* ада[2] находимся, и как Дант хотел бы перестать видеть и слышать – а смешные слова *веселого* автора раздаются. <...> ...Не ревизские – мертвые души, а все эти Ноздревы, Маниловы и tutti quanti <все им подобные; *ит.*> – вот мертвые души[3], и мы их встречаем на каждом шагу. <...> Не все ли мы после юности, так или иначе, ведем одну из жизней гоголевских героев? Один остается при маниловской тупой мечтательности, другой буйствует à la Nosdreff, третий – Плюшкин и пр. Один деятельный человек Чичиков, и тот ограниченный плут. Зачем он не встретил нравственного помещика *добросерда, стародума*... да откуда попался бы в этот омут человек столько абнормальный, и как он мог бы быть типом? Пушкин в “Онегине” представил отрадное, человеческое явление в Владимире Ленском – да и расстрелял его, и за дело: что ему оставалось еще, как не умереть, чтоб

остаться благородным, прекрасным явлением. Через десять лет он отучнел бы, <стал бы> умнее, но все был бы Манилов».

Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 2. С. 220–221.

[1] См. также ***1842. Июня 10 и 11 <22 и 23>. Среда и четверг. Новгород.***
[2] См. также ***1847. Июня 11 <мая 30>. Пятница. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).
[3] См. также ***1842. Октября 24 <ноября 5>. Суббота. Москва*** (примечания).

ИЮЛЬ <СРЕДИНА ИЮЛЯ – НАЧАЛО АВГУСТА>. МОСКВА

С. П. Шевырев сообщает М. П. Погодину:

«Мертвые души разберу немедленно»[1].

Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 92.

[1] Статьи Шевырева о «Мертвых душах» были напечатаны в августе 1842 г.: *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья первая // Москвитянин. 1842. № 7 (цензурное разрешение 10 авг.). С. 207–228; *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья вторая // Москвитянин. 1842. № 8 (цензурное разрешение 22 авг.). С. 346–376.

АВГУСТА 11 <ИЮЛЯ 30>. ЧЕТВЕРГ. ГАСТЕЙН

Гоголь вернулся из Мюнхена в Гастейн[1].

В этот день Н. М. Языков сообщал родным:

«Никогда скука не угнетала меня в Гаштейне так сильно, как ныне... <...> На днях начнется мой второй курс... <...> Я теперь в нерешимости: куда устремлюсь отсюда? Ей-ей, не хотелось бы мне еще более удаляться от России — и за горы, — а если поеду в Рим, то вовсе не потому, что надеюсь там повеселеть или поздороветь, а *единственно* потому, что не могу, т. е. боюсь один ехать домой, куда сердечно желаю, пора, уж как пора мне кончать мое сказанье и поместиться на место!

Гоголь путешествует omnia sua secum portans[2] — ему и горя мало, сделать в дилижансе, где он, как дома, лишнюю сотню миль; в Риме же ему вольготнее и привычнее, чем в Москве, где для него слишком шумно и многознакомно. Разумеется, он знает Рим, как свои пять пальцев, и что с ним ходить по тамошним достопамятностям было бы очень весело: но ведь это все возможно человеку ходячему и не немощному, а не... и проч.[3] Вышла ли жизнь Фон-Визина, соч. Кн<язя> Вяземского[4]? Он прислал мне несколько листов ее[5], напечатанных уже — произведение большой важности и подвиг достославный и труд почтеннейший и вполне добросовестный.

Баратынский крайне помрачается духом — как видно из его стихотворений: *Сумерки*, — видно, что судьба угнетает его или что *его задавили*, как некогда А. Д. Маркова!!»[6]

[1] См. ***1842. Августа 5 <июля 24>. Пятница. Мюнхен.***
[2] Все своё неся с собой (*лат.*).
[3] Н. М. Языков, вследствие болезни спинного мозга, передвигался с большим трудом.
[4] Книга вышла шесть лет спустя: Фон-Визин. Сочинение князя Петра Вяземского. СПб., 1848.
[5] См. также ***1842. Августа вторая половина – сентября средина <августа средина – сентября начало>. Гастейн.***
[6] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 154.

ИЮЛЬ – АВГУСТА ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА <ИЮНЯ КОНЕЦ – ИЮЛЬ>. ГАСТЕЙН

Н. М. Языков сообщает родным:

«Не знаю, как благодарить Гоголя за все, что он для меня делает: он ухаживает за мною и хлопочет обо мне, как о родном; не будь его теперь со мною, я бы вовсе истомился. Вероятно, более, нежели вероятно, что я решусь ехать зимовать в Рим».

Из писем Н. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 153.

АВГУСТА 15 <3>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ГАСТЕЙН

Гоголь посылает в Москву письмо к С. П. Шевыреву (согласно почтовому штемпелю[1], письмо было отправлено из Гастейна позднее, 21 августа (н. ст.) 1842 г.[2]):

«Пишу к тебе под влиянием самого живого о тебе воспоминанья. Во-первых, я был в Мюнхене и вспомнил твое пребыванье там, барона Моля[3], нашу переписку и серебряные облатки, смутившие невозмущаемое спокойств<ие> города Дахау. Во-вторых, в Гастейне я нашел у Языкова Москвитянин за прошлый год и перечел с жадностью все твои [критики] рецензии. Все они до самой последней и незначительной имеют сильную значительность. Много глубокого эстетического чувства и везде какая ясная определенность. И везде нерушимо соединились с ними могущество, сила и красота языка. Какое твердое знание дела! И это доставило мне много наслаждения и между тем породило сильную просьбу. Нет, будет грех на душе твоей, если ты не напишешь разбора Мертвых душ[4]. <...> Во имя нашей дружбы, во имя правды, святейшей вещи в мире, и во имя твоего душевного верного чувства я прошу тебя быть как можно строже. Чем более отыщешь во мне и выскажешь мне мои недостатки, тем больше будет твоя услуга. <...> Верь, что нет человека, может быть, во всей России так жадного узнать скорее все свои тяжкие грехи и недостатки. <...> Чтобы прогнать <из> тебя как-нибудь идею о самолюбии моем, одно только скажу тебе, что в сердце пишущего много, много любви, что весь бы я хотел превратиться в любовь, о том молю Христа ежеминутно. <...> Если будешь писать скоро после получения письма моего, то адресуй в Венецию[5], но вернее прямо в Рим[6]. <...> Языков тебе кланяется».

[1] См.: *Городецкий*. С. 466.
[2] См. ***1842. Августа 21 <9>. Воскресенье. Гастейн.***
[3] См. ***1839. Октября 20 <8>. Воскресенье. Дахау.***
[4] См. ***1842. Августа 10 <22>. Понедельник. Москва***; ***1842. Августа 22 <сентября 3>. Суббота. Москва.***
[5] См. ***1842. Сентября между 22 и 26 <между 10 и 14>. Венеция.***
[6] См. ***1842. Октября 4 <сентября 22>. Вторник. Рим.***

АВГУСТА СРЕДИНА <АВГУСТА НАЧАЛО>. ГАСТЕЙН

Гоголь пишет А. А. Иванову в Рим:

«Что с вами делается, милый и добрый Александр Андреевич? Известите меня о себе хотя одною строчкою. Я собирался к вам ехать со дня на день и не мог, по причине нездоровья и моего и Языкова. Ради Бога, мужайтесь и будьте бодры! <...> В жизни нашей много бед, но все они даются нам как временное испытание, и верьте, что мы никогда не можем знать вначале, какое благодетельное следствие принесет нам то, что нам казалось жестоким несчастием».

АВГУСТА НАЧАЛО <АВГУСТА СРЕДИНА>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В августовском номере «Библиотеки для Чтения» О. И. Сенковский напечатал критическую рецензию на «Мертвые души», в которой, в частности, иронизировал:

«Книга названа поэмой *не в шутку*. Поэт провозглашен первым современным поэтом не в насмешку. Все это, уверяю вас, серьезно, и очень серьезно. Можно с ума сойти от радости, если хоть немножко любишь искусство, русский язык и честь своей литературы! <...> "Фуй, фуй! – кричите вы, я слышу, с ужасным негодованием. – Какие люди! какие понятия! И это, по-вашему, картина нравов и характеров России, поэма из русской жизни, цветки ее поэзии?" "Всё типы, всё копии с натуры, всё создания, по словам «нашей поэмы», почтеннейший читатель!" – важно отвечаю я. Вы, разумеется, этого не понимаете. Писать с натуры – великое искусство!»

<*Сенковский О. И.*> Похождения Чичикова, или Мертвые Души. Поэма Н. Гоголя. *Москва, в тип. Университетской, 1842, в 8. Том первый, стр. 475* / Литературная летопись. Июль, 1842. Новые книги // Библиотека для Чтения. 1842. Т. 53. № 8. Отд. 6. С. 24, 45–46.

АВГУСТА СРЕДИНА <АВГУСТА НАЧАЛО>. РИМ

А. А. Иванов отправляет письмо Ф. В. Чижову в Дюссельдорф, с вложением письма к Гоголю.

В письме к Чижову Иванов замечает: «Если вы будете видеться с Жуковским, то <...> узнайте от него, где Гоголь, и перешлите приложенное здесь к нему письмо[1]...»[2]

В письме к Гоголю Иванов сообщает: «Какое плачевное направление взяли дела мои! Вместо трехлетней пенсии по три тысячи мне, от имени Наследника, назначено только 1500 р<ублей> ассиг<нациями>... <...> Жду с нетерпением вашего приезда в Рим: может быть, вы убедите Кривцова – заплатить мне за копию в Ватикане самым щедрым образом, и деньги вперед выдать. Если в самом деле вы сюда приедете, то мне пособите обделать также и дела Моллера. Я уже ему писал, чтобы он ждал известия об устройстве его дел в северной Италии. Мое почтение Екатерине Васильевне[3], и графу Комаровскому[4] и супруге его»[5].

[1] Ответ Гоголя: ***1842. Августа 30 <18>. Вторник. Гастейн.***
[2] Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 331.
[3] Галаган.
[4] Граф Павел Евграфович Комаровский (1812–1873), сын генерала графа Е. Ф. Комаровского.
[5] Графиня Мария Павловна Комаровская (рожд. Галаган; 1822–1876), дочь Е. В. Галаган.

АВГУСТА 18 <6>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ. ГАСТЕЙН

Гоголь отправляет в Москву ответные письма С. Т. Аксакову и А. П. Елагиной.

Из письма к Аксакову: «Я получил ваше милое письмо[1] и уже несколько раз перечитал его. Вы уже знаете, что я уже было соскучился, не имея от вас никакой вести, и написал вам формальный запрос[2]; но теперь, слава Богу, письмо ваше в моих руках. Что же сделалось с тем, что писала, как видно из слов ваших, Ольга Семеновна, – я никак не могу понять; оно не дошло ко мне. Все ваши

известия <...> для [меня] любопытно и равно приятно. Начиная с вашего препровожденья времени, уженья в прудах и реках[3], и до известий ваших о “Мертвых душах”[4]. <...> Я знаю, что много еще протечет времени, пока узнают меня совершенно, пока узнают, что мне можно все говорить и более всего то, что более всего трогает чувствительные струны. Так же, как я знаю и то, что придет наконец такое время, когда все почуют, что нужно мне сказать и то, что в собственных душах, не скрывая ни одного из движений, хотя эти движения не ко мне относятся. <...> ...Теперь, когда еще не раскусили, в чем дело, когда не узнали важного и главнейшего, когда сочинение не получило определенного недвижного определения, теперь нужно ловить толки и замечания, после их не будет. <...>

Я был уверен, что Конс<тантин> С<ергеевич> глубже и прежде поймет, и уверен, что критика его точно определит значение поэмы. Но, с другой стороны, чувствую заочно, что Погодин был отчасти прав, не поместив ее, несмотря на несправедливость этого дела. Я думаю просто, что ей рано быть напечатанной теперь. Молодой человек может встретить слишком сильную оппозицию в старых. Уже вопрос, почему многие не могут понять “Мертвых душ” с первого раза, оскорбит многих. Мой совет напечатать ее зимою, после двух или трех других критик[5]. Недурно также рассмотреть, не слышится ли явно: *Я первый понял*. Этого слова не любят, и вообще лучше, чтобы не слышалось большого преимущества на стороне прежде понявших. <...> Ваше мнение: нет человека, который бы понял с первого раза “Мертвые души”, совершенно справедливо и должно распространиться на всех, потому что многое может быть понятно одному только мне. Не пугайтесь даже вашего первого впечатления, что восторженность во многих местах казалась вам доходившею до смешного излишества[6]. Это правда. Потому что полное значение лирических намеков может изъясниться только тогда, когда выйдет последняя часть. Вере Сергеевне скажите, что я был тоже доволен, увидевши в Петербурге ее друга К<арташевскую>[7] и не жалею даже на кратковременность нашего свидания. Есть души, что самоцветные камни, они не покрыты корой и, кажется, как будто и родились уже готовыми и обделанными. Их видит издали зоркий глаз ювелира, только замечает их место, сказавши: Слава Богу, и спешит к тем, где нужно много работы, чтобы отколоть грубую кору и сколько-нибудь огранить, дабы видел всякой, что это была не простая земля, но дорогой камень, закрытый вековыми накопленьями всего».

В седьмой главе «Мертвых душ» Гоголь также замечал: «Счастлив писатель, который мимо характеров скучных, противных, поражающих печальною своею действительностью, приближается к характерам, являющим высокое достоинство человека...» Но «я обыкновенно, – добавлял Гоголь в черновике письма к Аксакову, – до времени полной встречи с ними спешу <...> по странному влечению к тем, которых душа скрывается корою и труден к ним путь и Самому Создателю».

Это «странное влечение» писателя к характерам, покрытым «корою», было им самим вполне осознано. Гоголь прямо связывал создание своей поэмы с «подвигом во имя любви к братьям». По свидетельству А. О. Смирновой, присутствовавшей в 1842 г. на авторском чтении первого тома «Мертвых душ«, Гоголь – «высокий христианин в душе» – был огорчен, когда увидел, «что Чичиков, Манилов, Собакевич и Ноздрев возбуждают лишь смех или отвращение». (Так же Гоголь был огорчен и в 1836 г. после постановки «Ревизора».) «“Полюбите нас черненькими, а беленькими нас всяк полюбит”, задумал он уже тогда», – заключала Смирнова[8]. Как объяснял сам Гоголь во втором томе поэмы рассказанный здесь Чичиковым анекдот о «черненьких» и «беленьких» – о плутах-чиновниках, жестоко отплативших за пренебрежительное отношение к ним молодого «управителя немца» и в оправдание себе приведших потом эту пословицу, – «и в паденье своем гибнущий грязный человек требует любви к себе <...> это слабый крик души, заглушенный тяжелым гнетом подлых страстей, еще пробивающийся сквозь деревенеющую кору мерзостей, еще вопиющий: “Брат, спаси!”». «Вы посмеетесь даже от души над Чичиковым... – обращался Гоголь к читателю в одиннадцатой главе первого тома «Мертвых душ». – И после <...> самодовольная улыбка покажется на лице вашем <...> А кто из вас, полный христианского смиренья <...> углубит вовнутрь собственной души сей тяжелый запрос: “А нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?”».

В «Выбранных местах...» Гоголь прямо сравнивает гордого своей чистотой непримиримого «праведника» с евангельским богачом, отталкивающим «покрытого гноем нищего от великолепного крыльца своего». «Не нужно отталкивать от себя совершенно дурных людей и показывать им пренебрежение, – писал он сестре Елисавете 15 сентября (н. ст.) 1844 г., – лучше стараться иметь на них доброе влияние». В письме к князю П. А. Вяземскому от 11 июня (н. ст.) 1847 г. Гоголь, имея в виду Белинского и его сторонников, которым Вяземский публично выразил в печати свое неодобрение, замечал: «...Выразились вы несколько сурово о некоторых

моих нападателях <...> может быть <...> многие из них <...> влекутся даже некоторым <...> желанием добра <...> может быть, и нам будет сделан упрек в гордости за то, что несколько жестоко оттолкнули их...» В письме к Шевыреву от 11 февраля (н. ст.) 1847 г. Гоголь, порицая его за излишнюю осторожность по отношению к себе, также замечал: «Лучше бы ты эту осторожность наблюдал в своих прежних перепалках с Белинским и другими литераторами; подслащиванье можно употреблять в деле с людьми, стоящими на низшей перед нами ступеньке воспитанья...»[9]

Сострадательное христианское отношение к человеку, «представляющему неприятный вид необразованности, грубости, беспорядка, порока», было, в частности, свойственно и святителю Филарету (Дроздову), который в 1845 г. в своем «Слове в день восшествия на Всероссийский Престол Благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича...» (присланного Гоголю О. Сем. Аксаковой[10]) говорил: «...Смотря на человека, представляющего неприятный вид необразованности, грубости, беспорядка, порока, невнимательный презрит его, а внимательный пожалеет, но не презрит: потому что и в сей неблагообразной глыбе есть золото...»[11]

Сходный образ «золотоносной земли», означающий сокрытые достоинства человеческой души, встречается у Гоголя в повести «Рим» (1842), в рассказе об увлечении римского князя итальянскими древностями. Говоря об этих древностях, что они были похожи на «скрытые золотые рудники, покровенные обыкновенной землей, знакомые одному только рудокопу», Гоголь заключает об увлечении князя: «Итог всего этого был тот, что он старался узнавать более и более свой народ». Эти строки о постепенном обращении героя от изучения древних памятников к изучению своего народа – народа, еще не отметившего себя в истории, для которого только еще «готовилось какое-то поприще впереди» («Отмечали на страницах истории имена свои папы да аристократические домы, но народ оставался незаметен»), нашли в то же время отражение в сравнении Гоголем в «Театральном разъезде...» (1842) русских характеров с «искрами золотой руды, рассыпанными среди грубых и темных <...> гранитов». Один из героев пьесы восклицает: «Да хранит тебя Бог, малознаемая нами Россия! В глуши, в забытом углу твоем, скрывается подобный перл, и, вероятно, он не один. Они, как искры золотой руды, рассыпаны среди грубых и темных ее гранитов». Спустя три года строки об изучении героем «Рима» «непочатого» римского народа отозвались у Гоголя и в статье «Нужно проездиться по России»: «Таким же самым образом, как русский путешественник, приезжая в каждый значительный европейский город, спешит увидеть все его древности и примечательности, таким же точно образом и еще с бóльшим любопытством, приехавши в первый уездный или губернский город, старайтесь узнать его достопримечательности. Они не в архитектурных строениях и древностях, но в людях. Клянусь, человек стоит того, чтоб его рассматривать с бóльшим любопытством, нежели фабрику или развалину». Позднее Гоголь писал западнику П. В. Анненкову: «...Если бы на место того, чтобы дагеротипировать Париж <...> начали вы писать записки о русских городах <...> и <...> осматривать всякого встречного человека, как осматриваете вы на мануфактурных и всяких выставках всякую вещицу»[12].

Далее в письме к Аксакову Гоголь писал о Карташевской: «Слова и мнения ее вы также выпишите и пришлите мне, хотя натурально нужно, чтобы она никак не знала этого. Все то, что идет прямо от души и сердца, мне так же нужно знать, как и всё то, что идет от рассудка.

Вас устрашает мое длинное и трудное путешествие[13], вы говорите, что не можете понять ему причины; вы говорите, что несколько раз хотели спросить меня и все останавливались, не решаясь навязываться самому на доверенность. Зачем же вы не спросили? Никогда душевная жажда вопросить не должна оставаться в груди. Никогда сердечный вопрос не может быть докучен или не у места. <...> Рассмотрите меня и мою жизнь среди вас. Что вы нашли во мне похожего на ханжу[14], или хотя на это простодушное богомольство и набожность, которою дышит наша добрая Москва, не думая о том, чтобы быть лучшею. Разве нашли вы во мне слепую веру во все без различия обычаи предков, не разбирая, на лжи или на правде они основаны, или увлечение новизной, соблазнительной для многих современностью и модой? Разве вы заметили во мне юношескую незрелость или живость в мыслях? разве открыли во мне что-нибудь похожее на фанатизм и жаркое, вдруг рождающееся увлечение чем-нибудь? И если в душе такого человека, уже по самой природе своей более медлительного и обдумывающего, чем быстрого и торопящегося, который притом хоть сколько-нибудь умудрен и опытом, и жизнью, и познанием людей и свыше; если в душе такого человека родилась подобная мысль, мысль предпринять это отдаленное путешествие, то верно она уже не есть следствие мгновенного порыва... <...> Но если б даже и не могло заключиться в ней никакой обширной цели, никакого подвига во имя любви к братьям[15], никакого дела во имя Христа, то разве вся жизнь моя не стоит благодарности, разве небесные минуты тех радостей, которые я слышу, не вызывают благодарности, разве прекрасная жизнь тех прекрасных душ, с которыми встретилась душа моя, не вызывает благодарности? разве <любовь>, обнявшая мою душу и возрастающая в ней более и более с каждым днем, не стоит благодарности? Разве в сих небесных тор-

жественных минутах не присутствует Христос? Разве в сем высоком союзе душ не присутствует Христос? Разве эта любовь не есть уже сам Христос? Разве все, что отрывается от земли и земного, не есть уже Христос? разве в любви, сколько-нибудь отделившейся от чувственной любви, уже не слышится мелькнувший край божественной одежды Христа? И сие высокое стремление, которым стремятся прекрасные души одна к другой, влюбленные в одни свои божественные качества, а не земные, не есть ли уже стремление ко Христу? "Где вас двое, там есть церковь Моя"[16]. Или никто не слышит сих Божественных слов? Только любовь, рожденная землей и привязанная к земле, только чувственная любовь, привязанная к образам человека, к лицу, к видимому, к стоящему перед нами человеку, та любовь только не зрит Христа. Зато она временна, подвержена страшным несчастьям и утратам[17]. И да молится вечно человек, чтобы спасли его небесные силы от сей ложной, превратной любви! Но любовь душ – это вечная любовь. Тут нет утраты, нет разлуки, нет несчастий, нет смерти. Прекрасный образ, встреченный на земле, тут утверждается вечно, все, что на земле умирает, то живет здесь вечно, то воскрешается ею, сей любовью, в ней же, в любви, и она бесконечна, как бесконечно небесное блаженство. Как же вы хотите, чтобы в груди того, который услышал высокие минуты небесной жизни, который услышал любовь, не возродилось желание взглянуть на ту землю, где проходили стопы Того, кто первый сказал слово любви сей человекам, откуда истекла она на мир. – Мы движемся благодарностью к Поэту, подарившему нам наслаждения души своими произведениями; мы спешим принесть ему дань уважения, спешим посетить его могилу, и никто не удивляется такому поступку, чувствуя, что стоит уважения и самый великий прах его. Сын спешит на могилу отца, и никто не спрашивает его о причине, чувствуя, что дарование жизни и воспитание стоят благодарности. Одному только Тому, Кто рай блаженства низвел на землю, Кто виной всех высоких движений, Тому только считается как-то странным поклониться в самом месте Его земного странствия. – По крайней мере, если кто из среды нас предпримет такое путешествие, мы уже как-то с изумлением таращим на него глаза, меряем его с ног до головы, как будто бы спрашивая: не ханжа ли он, не безумный ли он? Признайтесь, вам странно показалось[18], когда я в первый раз объявил вам о таком намерении. Моему характеру, наружности, образу мыслей, складу ума и речей и жизни, одним словом, всему тому, что составляет мою природу, кажется неприличным такое дело. Человеку, не носящему ни клобука, ни митры, смешившему и смешащему людей, считающему и доныне важным делом выставлять неважные дела и пустоту жизни, такому человеку, не правда ли, странно предпринять такое путешествие? Но разве не бывает в природе странностей? Разве вам не странно было встретить в сочинении, подобном "Мертвым душам", лирическую восторженность, не смешною ли она вам показалась вначале, и потом не примирились ли вы с нею, хотя не вполне еще узнали <ее> значение? Так, может быть, вы примиритесь потом и с сим лирическим движением самого автора. И как мы можем сказать, чтобы то, которое кажется нам минутным вдохновением, нежданно налетевшим с небес откровением, чтобы оно не было вложено всемогущей волею Бога уже в самую природу нашу и не зрело бы в нас невидимо для других? Как можно знать, что нет, может быть, тайной связи между сим моим сочинением, которое с такими погремушками вышло на свет из темной низенькой калитки, а не из победоносных триумфальных ворот в сопровождении трубного грома и торжественных звуков, и между сим отдаленным путешествием? И почему знать, что нет глубокой и чудной связи между всем этим и всей моей жизнью и будущим, которое незримо грядет к нам и которого никто не слышит. Благоговение же к Промыслу! это говорит вам вся глубина души моей. Помните, что в то время, когда мельче всего становится мир, когда пустее жизнь, в эгоизм и холод облекается все, и никто не верит чудесам, в то время именно может совершиться чудо чудеснее всех чудес. Подобно как буря самая сильная настает только тогда, когда тише обыкновенного станет морская поверхность. Душа моя слышит грядущее блаженство и знает, что одного только стремления нашего к нему достаточно, чтобы всевышней милостью Бога оно ниспустилось в наши души. И так светлей и светлей да будут с каждым днем и минутой ваши мысли и светлей всего да будет неотразимая вера ваша в Бога, и да не дерзнете вы опечалиться ничем, что безумно называет человек несчастием. Вот что вам говорит человек, смешащий людей. Прощайте, это письмо пусть будет и для Ольги Семеновны вместе. Но не показывайте его другим. Лирические движения души нашей!.. неразумно их сообщать кому бы то ни было[19]. <...> Впрочем, помните, что путешествие мое еще далеко: Раньше окончания моего труда оно не может быть пред-

принято ни в каком случае[20], и душа моя для него не в силах быть готова. <...> Деньги мне не нужны раньше октября. Адресуйте на имя банкира Duc de Torlonia[21] для передачи Гоголю».

В среду 16 сентября 1842 г. В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской: «В пятницу[22] испытали мы невыразимые минуты наслаждения. Поутру нечаянно достали мы "Современника" № 3, в котором напечатана повесть Гоголя *Портрет*[23]. Ты знаешь ее, разумеется, но она теперь переделана, и переделка эта все равно что новое произведение и, Боже мой, как это хорошо. Достань этот номер и прочти. Мы не ожидали после М<ертвых> Д<уш> так скоро прочесть что-нибудь такое. Тотчас же поутру отесенька прочел нам; еще мы были совершенно полны этого впечатления, как отесенька, возвратясь очень рано из Клуба, привозит нам огромное письмо Гоголя. Именно об этом письме хотела было писать тебе и даже написала уже, но после решились оставить до твоего приезда сюда. Сверх всего другого в этом письме поразили меня строки, относящиеся к тебе. Как мог он разгадать тебя, видя тебя так мало»[24].

Позднее, в 1854 г., С. Т. Аксаков в адресованных П. А. Кулишу «Кратких сведениях и выписках из писем для биографии Гоголя» замечал: «Теперь следует одно из самых замечательных и самое огромное письмо Гоголя из Гастейна от 18/6 августа... <...> Это письмо было вызвано моим вопросом [или, лучше сказать, [выраженьем моего] изумлением]: зачем он едет в Иерусалим [оно произвело необыкновенное действие, кажется, на мое семейство]»[25].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) Аксакова: «Надобно рассказать, как я получил его. Это случилось в начале сентября, именно 2-го <11-го>[26]. В этот день поутру прочел я вслух переделанную и дополненную повесть Гоголя "Портрет", напечатанную в 3 № "Современника"[27]. Не защищая ее фантастического содержания, все дополнения, относящиеся к погибающему дарованию художника, привели меня в такой восторг, что слезы несколько раз прерывали мое чтение; тем не менее оно было так выразительно, что все слушавшие меня вполне разделяли мое восхищение. Целый день мы все были полны того благодатного чувства, которое оставляет по себе художественное создание. Вечером поехал я в Английский клуб и сел, по обыкновению, играть в карты. Вдруг приходит Томашевский и подает мне очень толстое письмо от Гоголя. Продолжая играть, я распечатал его, чтоб пробежать некоторые строки; но я попал на такие слова, которые сделали для меня продолжение игры – невозможным. Я нашел на свое место другого игрока и на извозчике прискакал домой; дома не только удивились, но даже встревожились моим, необыкновенно скорым, возвращением, но я развернул письмо и прочел моей семье следующее... <*цитируется текст письма*> <...>

К этому письму почти не нужно никаких объяснений, кроме того, что в нем Гоголь между прочим отвечает на мое письмо, которое, как и многие другие, пропало[28]. Хотя я не помню содержания этого письма, но решительно протестую против того, будто лирические места "Мертвых Д<уш>" показались мне смешными[29]. Я никогда так не думал, а потому и не мог написать. Я подозреваю, не принял ли Гоголь мнений других, сообщенных мною в письме, за мои собственные, единственно потому, что я вообще назвал их сделанными *не без основания*. Одно только лирическое место (стран. 58)[30] показалось мне, да и теперь кажется, неуместным, сказанным рановременно. Можно ли говорить о том, что человек еще намерен произвесть. Разве будущее нам известно? К несчастию, смерть Гоголя и сожжение "М<ертвых> Д<уш>" служат ужасным [подтверждением моего мнения] доказательством справедливости моего замечания. Должно также сказать, что это чудное письмо произвело тогда на нас необыкновенно сильное впечатление, вероятно подготовленное утренним чтением переделанной или почти вновь написанной Гоголем повести "Портрет". Я сам, не совсем довольный религиозным направлением Гоголя, которое мне казалось мистическим, был не то чтобы убежден, но растроган, умилен, очарован этим письмом. Надобно признаться, что не совсем строго было выполнено желание Гоголя, требовавшего, чтобы мы только двое с О<льгою> С<еменовной> прочли это письмо. Можно ли было не показать его Конст<антину> и старшим дочерям? Гоголь узнал об этом и был очень недоволен[31]. Под большим секретом было оно прочтено некоторым нашим друзьям. В 1847 году, когда вышла известная книга: "Избранные места из переписки с друзьями", сильно меня взволновавшая, я имел непростительную слабость и глупость, в пылу спорного разговора, в доказательство [прежнего] постоянного направления Гоголя, показать это письмо Павлову... Мне и теперь совестно, что я это сделал. Я был за это жестоко наказан: Павлов выпросил у меня это письмо на несколько часов, чтобы прочесть одному больному человеку, почтенному и достойному, любившему Гоголя, но сомневавшемуся в искренности его религиозных убеждений. Он уверил меня, что прочтение этого письма будет душевным и целебным наслаждением для больного, что это будет истинным добрым делом. Павлов не возвратил мне этого письма до сих пор: сначала говорил, что забывает привезть; потом, что куда-то далеко его запрятал, и, наконец, сказал, что он мне возвратил его, уверяя меня, что я забыл об этом. Я сердился и огорчался постоянно таким поступком и был убежден, что Павлов потерял письмо; но с год тому назад я узнал положительно, что это письмо было найдено <в 1853 г.> в его бумагах, когда их разбирали полицмейстер Бакунин и жандармский капитан <А. В.> Воейков. Я опасался даже, что Пав<лов> отдал кому-нибудь это письмо для печати, и потому ожидал сего <*1 нрзб.*>. Теперь я вижу в этом письме лирический порыв, дифирамб, чем назвал сам Гоголь свое путешествие ко Святым Местам»[32].

В письме к А. П. Елагиной (вложенном, вероятно, в послание к Аксакову) Гоголь замечал: «Благодарю вас за то, что вы вспомнили обо мне. <...> Скажите также и Катерине <Александровне>[33], если ее <увидите> или будете писать к ней, что я о ней думаю и что люблю очень ее прекрасную душу».

[1] См. ***1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково.***

[2] Письмо не сохранилось.

[3] См. ***1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково*** (примечания).

[4] См. ***1841. Октября вторая половина. Москва***; ***1842. Мая между 23 и 28. Москва.***

[5] «Критика была уже напечатана отдельно» (примеч. С. Т. Аксакова на копии письма Гоголя, снятой В. С. Аксаковой для П. А. Кулиша: *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 642.

[6] «Не понимаю, как пришла в голову Гоголю эта мысль! Никогда лирические места не казались мне смешными. Это недоразумение» (примеч. С. Т. Аксакова на копии письма Гоголя, снятой В. С. Аксаковой для П. А. Кулиша: *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 642). – Делая это примечание, С. Т. Аксаков забыл слова своего письма от 5 июля 1842 г., буквально цитируемые Гоголем: «Что казалось восторженностью, доходившею до смешного излишества, то теперь стало истиною...» (см. ***1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково***).

[7] См. ***1842. Июня 2. Вторник. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1842. Мая 26. Вторник – июня 5. Пятница. Санкт-Петербург.***

[9] См. также ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва*** (примечания); ***1845. Апреля 5 <марта 24>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Июня 11 <мая 30>. Пятница. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[10] См. ***1846. Января 23 <февраля 4>. Среда. Москва.***

[11] *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 753–754.

[12] См. ***1847. Августа 12 <июля 31>. Четверг. Остенде.***

[13] Паломничество к Святым Местам. Позднее объяснения этой части письма Гоголь повторит в «Авторской исповеди» (1847).

[14] См. также ***1842. Июля 29 <17>. Пятница. Гастейн.***

[15] См. также ***1842. Июня 26 <14>. Воскресенье. Берлин*** (примечания).

[16] Парафраз слов Спасителя, переданных св. апостолом и евангелистом Матфеем: «...Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (гл. 18, ст. 20).

[17] Гоголь намекает на отношение Аксаковых к смерти их сына Михаила (см. ***1841. Мая 15 <3>. Суббота. Рим***; ***1841. Мая не позднее 6 <апреля между 19 и 24>. Рим***).

[18] См. ***1842. Февраля 6. Пятница. Москва*** (воспоминания С. Т. Аксакова). – Подробнее см.: ***1849. Августа 27. Суббота. Радонежье (Абрамцево)*** (примечания).

[19] «...Кому нужда, кто пожелает знать мои тайные движения? – писал Гоголь в одной из своих ранних его статей, – <...> это <...> не то же ли, если бы кто вздумал стремительно ворваться в площадь, где чернь кипит и суетится, исполняя обычные свои требы, и воссылать, упавши на колени, жаркие молитвы к небу» («Борис Годунов. Поэма Пушкина», 1831). – См. также ***1828. Марта 1. Четверг. Нежин.***

[20] См. также об этом: ***1845. Марта 20 <апреля 1>. Вторник. Москва*** (примечания).

[21] Герцог Торлони (*ит.*).

[22] В пятницу 11 сентября 1842 г. С. Т. Аксаков в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» ошибочно указывает другую дату (приходящуюся на среду): 2 сентября 1842 г. (см. ниже).

[23] *Гоголь Н. В.* Портрет // Современник. 1842. Т. 27. № 3 (цензурное разрешение 30 июня 1842 г.). <Разд. 3>. Рас<с>казы и повести. С. 1–92.

[24] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 830.

[25] *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 642.

[26] См. выше свидетельство В. С. Аксаковой.

[27] *Гоголь Н. В.* Портрет // Современник. 1842. Т. 27. № 3 (цензурное разрешение 30 июня 1842 г.). <Отд. 3>. Рас<с>казы и повести. С. 1–92.

[28] На самом деле письмо сохранилось (см. ***1842. Июля 6 <18>.Понедельник. Гаврилково***).

[29] См. примеч. выше («Не понимаю, как пришла в голову Гоголю эта мысль!»).

[30] Ошибка. Следует: «258». Имеются в виду следующие строки в зачине седьмой главы: «И далеко еще то время, когда иным ключом грозная вьюга вдохновенья подымется из облеченной в святый ужас и в блистанье главы и почуют в смущенном трепете величавый гром других речей...»

[31] См. ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим.***

[32] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 722, 727. – См. также ***1843. Апреля средина – мая 2 <апреля начало – апреля 20>. Рим*** (еще один комментарий С. Т. Аксакова к письму Гоголя от 18 августа (н. ст.) 1842 г.).

[33] Свербеевой.

АВГУСТА 6 <18>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович отправляет в Москву письмо к С. П. Шевыреву:

«Письмо Ваше от 29 июля я получил и по желанию Вашему высылаю Вам деньги, вырученные мною за 200 экз<емпляров> Мертвых душ; это составляет за вычетом 20% и 500 р<ублей>, взятых Н<иколаем> В<асильевичем>, 1180 р<ублей> асс<игнациями>; остальные экземпляры еще не взяты, да и вообще большая часть здешних книгопродавцев получила из Москвы от своих корреспондентов. Что касается до исправности издания сочинений Гоголя, то я приложил все свое старание, в случае же недоразумений обращаюсь за советом к П. А. Плетневу; корректор у меня хорош, а две последние корректуры читаю сам и листами, до сих пор отпечатанными, я и все, кому показывал, довольны; судя по отпечатанным, кажется, могу надеяться, что это издание будет красивее и исправнее всех прежних изданий Гоголя. – Беда мне не с Миргородом, а с рукописными сочинениями: в них, что не разобрал и пропустил переписчик, так приятель наш и оставил, а я должен пополнять по догадкам. – От него я до сих пор не получил ни строчки, а между тем он должен еще прислать мне две статьи для последнего тома.

Не знаю, как Вам, а меня очень радует лай, поднятый здешними журналистами: Гоголю его не услыхать, а такая ожесточенная брань, мне кажется, не только не вредит, но споспешествует расходу книги. <...> Плетнев прислал мне несколько экз<емпляров> повести Гоголя <"Портрет">, один посылаю Вам».

Гоголь в письмах Н. Я. Прокоповича // *Свод.* Т. 1. С. 583–584.

АВГУСТА 21 <9>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ГАСТЕЙН

Гоголь отправляет в Москву написанное в понедельник 15 августа (н. ст.) 1842 г. письмо к С. П. Шевыреву.

См. ***1842. Августа 15 <3>. Понедельник. Гастейн.***

АВГУСТА 21 <9>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДЮССЕЛЬДОРФ

Ф. В. Чижов записывает в дневнике:

«Вчера взял у Жуковского "Мертвые души" Гоголя и сегодня кончил – хороши, очень хороши, хотя есть места вялые. Вообще он не так знает Россию, как Малороссию, это раз. Другое, ему не нужно говорить о гостиных и о женщинах, и те и другие дурны, сильно дурны. Но сколько души в самых простых сценах. Кучер его – это Поль Поттерова[1] коровка; просто, ничтожно само <по> себе и трогает сердце...»[2]

Позднее, 4 марта (н. ст.) 1847 г., Чижов сообщал Гоголю, как подействовало на него его сочинение: «В первый раз я прочел его в Дюссельдорфе и оно просто не утомило, а оскорбило меня. Утомить безотрадностию выставленных характеров не могло, – я восхищался талантом, но как русский был оскорблен до глубины сердца. Дошло дело до Ноздрева; отлегло от сердца. Выставляйте

вы мне печальную сторону, разумеется, но самолюбию будет больно читать, да есть истинное, а как же вы во мне выставите пошлым то, где пошлость в одной внешности? Чувство боли началось со второй страницы, где вы бросили камень в того, кого ленивый не бьет, — в мужика русского. Прав ли я, не прав ли, вам судить, но у меня так почувствовалось. С душой вашей роднится душа беспрестанно; много ли, всего два-три слова, как девчонка слезла с козел, а душе понятно это. Русский же, то есть русак, невольно восстает против вас, и когда я прочел, чувство русского, простого русского до того было оскорблено, что я не мог свободно и спокойно сам для себя обсуживать художественность всего сочинения»[3].

В 1854–1855 гг., Чижов рассказывал также П. А. Кулишу: «Жуковский, как известно, очень любил Гоголя, но журил его за небрежность в языке; а уважая и высоко ценя его талант, никак не был его поклонником. Проживая в Дюссельдорфе[4], я бывал у Жуковского раза три-четыре в неделю, часто у него обедал, и мне не раз случалось говорить с ним о Гоголе. Прочтя наскоро "Мертвые Души", я пришел к Жуковскому. Признаюсь, с первого разу я очень мало раскусил их. Я был восхищен художническим талантом Гоголя, лепкою лиц, но, как я ожидал содержания в самом событии, то, на первый раз, в ряде лиц, для которых рассказ о мертвых душах был только внешним соединением, видел какое-то отсутствие внутренней драмы. Я об этом сообщил Жуковскому и из его слов увидел, что ему не был известен полный план Гоголя. На замечание мое об отсутствии драмы в "Мертвых Душах", Жуковский отвечал мне:

— Да и вообще в драме Гоголь не мастер. <*Следует рассказ о сожжении Гоголем во Франкфурте около 26 августа (н. ст.) 1841 г. драмы из эпохи Богдана Хмельницкого*[5]>»[6].

[1] Поль (Паулюс) Поттер (1625–1654), голландский художник, известный живописным изображением животных.
[2] Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод*. Т. 3. С. 50.
[3] См. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Рим.***
[4] С конца июля (н. ст.) по сентябрь 1842 г. (см.: *Виноградов 2001*. С. 263–264, 269).
[5] См. ***1841. Августа около 26 <около 14>. Дюссельдорф, Франкфурт.***
[6] Воспоминания Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 3. С. 48.

АВГУСТА 10 <22>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Цензурное разрешение № 7 «Москвитянина», с первой[1] статьей С. П. Шевырева о «Мертвых душах»[2].

В статье Шевырев, в частности, писал: «Пора, пора уже нам от блестящей жизни внешней, которая нас слишком увлекает, возвращаться ко внутреннему бытию, к действительности собственно Русской, как бы ни казалась она ничтожна и отвратительна нам, увлекаемым незаслуженною гордостью чужого просвещения, — и потому каждое значительное произведение Русской Словесности, напоминающее нам о тяжелой существенности нашего внутреннего быта, открывающее те захолустья, которые лежат около нас, а нам кажутся за горами потому только, что мы на них не смотрим, каждое такое произведение, заглядывающее в глубь нашей жизни, кроме своего достоинства художественного, может по всем правам иметь достоинство и благородного подвига на пользу Отечества. Русская Словесность никогда не чуждалась этого практического направления, а всегда призывала народ к сознанию своей внутренней жизни, — и Правительство наше (честь и хвала ему) никогда не скрывало от нас таких сознаний, если только совершались они талантами истинными, с искренним чувством любви к России и с уверенностью в ее высоком назначении. В пышном веке Екатерины Фон-Визин вывел перед нами семейство Простаковых, и раскрыл одну из глубоких ран тогдашней России в семейном быту и воспитании. В наше время тот же подвиг[3] совершен был Гоголем в Ревизоре, и совершается теперь в другой раз в Мертвых Душах»[4].

[1] См. также ***1842. Августа 22 <сентября 3>. Суббота. Москва.***
[2] См. ***1842. Августа 15 <3>. Понедельник. Гастейн; 1842. Ноября 12 <октября 31>. Суббота. Рим.***

[3] См. также ***1842 декабря 24 <1843 января 5>. Четверг. Рождественский сочельник. Санкт-Петербург.***

[4] *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья первая // Москвитянин. 1842. № 7. С. 227–228.

АВГУСТА 22 <10>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ГАСТЕЙН

Гоголь пишет письмо к А. С. Данилевскому (письмо было отправлено позднее, 1 сентября (н. ст.) 1842 г., в Васильевку, вместе с письмами Гоголя к матери и сестре Марии[1]).

Из письма к Данилевскому: «Ты, кажется, употребляешь все усилия, чтобы сделать из меня великодушного человека: ни на одно из четырех писем, писанных мною из Москвы к тебе в Белгород[2] и Миргород[3], я не получил ответа. Я послал тебе мой Рим[4], потом Мертвые души[5], <...> – всё это кануло как в воду. <...> Я прошу даже маминьку[6] никак не посылать тебе письма [этого] моего с каким-нибудь подателем, а самой вручить лично в твои руки, чтобы тебе нельзя было никаким образом ускользнуть от ответа... <...> Адресуй в Рим, Poste restante, или, лучше, вручи маминьке, чтобы она отправила его в своем письме».

[1] См. ***1842. Сентября 1 <августа 20>. Четверг. Гастейн.***

[2] См. ***1842. Апреля 4. Суббота. Москва.***

[3] См. ***1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***; ***1842. Мая между 18 и 23. Москва.***

[4] См. ***1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва.***

[5] См. ***1842. Мая между 18 и 23. Москва.***

[6] См. ***1842. Сентября 1 <августа 20>. Четверг. Гастейн.***

АВГУСТА 11 <23>. ВТОРНИК. МОСКВА

С. Т. Аксаков получает[1] гоголевское письмо от 27–29 июля (н. ст.) 1842 г. из Гастейна[2].

Позднее, в 1854 г., С. Т. Аксаков в адресованных П. А. Кулишу «Кратких сведениях и выписках из писем для биографии Гоголя» замечал: «О пребывании Гоголя за границей я очень мало знаю и могу только сообщить вам его письма. Первое было из Гастейна и получено мною 11 августа 1842 года»[3].

Вероятно, около этого же времени письмо Гоголя из Гастейна от 20–29 июля (н. ст.) 1842 г.[4] получил П. В. Нащокин.

Позднее, 21 октября 1842 г., Н. Н. Шереметева сообщала Гоголю: «В одном из ваших писем к Аксаковым[5] вы спрашивали, получили ли письмо в дом Ивановой[6]. Давно получено, я в начале сентя<бря> тут была, и мне Павел Воинович[7] сказывал, что он недели две или более как от вас получил письмо[8]. Я много раз ему напоминала, пора отвечать»[9].

[1] О получении письма от Гоголя О. Сем. Аксакова тогда же известила в письме Н. Н. Шереметеву (см. ***1842. Августа 22 <сентября 3>. Суббота. Покровское – августа 27 <сентября 8>. Четверг. Москва***).

[2] См. ***1842. Июля 29 <17>. Пятница. Гастейн.***

[3] *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 642.

[4] См. ***1842. Июля 29 <17>. Пятница. Гастейн.***

[5] В письме к С. Т. Аксакову от 27–29 июля (н. ст.) 1842 г.

[6] Иванова — владелица дома, в котором проживал П. В. Нащокин.

[7] Нащокин.

[8] В бумагах Н. Н. Шереметевой сохранились выписки из письма Гоголя к Нащокину (*РГБ*. Ф. 340. К. 35. Ед. хр. 12. Л. 99). – Позднее, 8 ноября 1842 г., Н. Н. Шереметева в письме к О. Сем. Аксаковой из Покровского также обращалась с просьбой прислать ей «копию с письма Николая Ва<сильевича>» (см. ***1842. Ноября 8 <20>. Воскресенье. С. Покровское***).

[9] Ответ Нащокина см.: ***1842. Сентября вторая половина <сентября конец – октября средина>. Москва.***

АВГУСТА 17 <29>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

К. С. Аксаков завершает статью «Объяснение»[1], являющуюся ответом на рецензию В. Г. Белинского по поводу его брошюры «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души»[2].

Возможно, в тот же день Константин Аксаков писал Ю. Ф. Самарину (письмо не датировно):

«Ты прав, прав совершенно во всем, что говоришь ты касательно моей брошюрки. Но ты, как кажется, не знаешь, какую подлую статью об ней напечатали "О<течественные> З<аписки>"[3]. Я поручил Калайд<овичу>[4] отдать Краевс<кому> экземпляр, но он уже имел его. — Как? — признаюсь, не умею и придумать. — Ты соглашаешься с тем, что я часто повторял тебе, т. е. что особенно я возбуждаю к себе недоверчивость и сомнение. — Я узнал, что *Кетчер* (след<овательно> и Гранов<ский> и др.) против меня и даже согласен с статьею Белинс<кого>. Мне было это неприятно, но это уясняет мои с ним отношения — и тем я доволен. — Видел я Павлова; ему ужасно хочется отделить тебя и Хомякова от меня во мнении о Гоголе; он все мне доказывал, что ты и он не согласны со мною. — Жаль, очень жаль, что тебя нет в Москве; мне нужен был бы совет твой вот в чем: я написал ответ на подлую рецензию на меня и отдал в "Москв<итянин>"[5] — но помещать ли ответ вообще, и именно этот? — Вот о чем я у тебя спрашиваю; посылаю тебе черновой мой ответ. Скажи мне, мой любезный Самарин, как мне делать, отвечать ли? и если отвечать, хорош ли этот ответ? (Что касается до слога, то он будет, разумеется, исправлен.) Я еще успею взять у Шевырева свой ответ. Павл<ов> советует напечатать; ему нравится мое объяснение, но я все еще колеблюсь. Итак, я жду твоего ответа; не замедли, если можно»[6].

В тот же день, 17 августа 1842 г., В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской:

«Вот вы получили наконец статьи о Гоголе. Ты справедливо замечаешь, что пространное изложение было бы необходимо, тут[7] мысли так сжаты, они есть только результат тех разговоров, которые часто бывают; и, конечно, всем почти она должна показаться чрезвычайно странной. В От<ечественных> З<аписках> помещена самая недобросовестная статья[8] о ней, но на такую статью, где видно больше личности, не стоит возражать. Вышла, наконец, Критика Шевырева, но она очень плоха или, лучше, это вовсе не критика, в будущем № он обещал продолжение. — Невероятно, чтобы все М<ертвые> Д<уши> разошлись в Петерб<урге>, верно, есть у Прокоповича, приятеля Гоголя, мы знаем, что к нему было послано 500 экземпляров»[9].

[1] Напечатано в сентябре 1842 г. С. П. Шевыревым в «Москвитянине» (см. ***1842. Сентября 25 <октября 7>. Пятница. Москва***).

[2] *Аксаков К.* Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души (Москва, Июня 16 1842. Цензурное разрешение 7 июля. Цензор Н. Крылов). Цензурную историю этой статьи, а также историю ее восприятия современниками см.: ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки***; ***1842. Июля 3 <15>. Пятница. Москва***; ***1842. Июля 10 <22>. Пятница. Москва***; ***1842. Июля 24 <августа 5>. Пятница. Москва.***

[3] Имеется в виду рецензия В. Г. Белинского, опубликованная в августовском номере «Отечественных Записок» за 1842 г. (журнал вышел в свет 1 августа).

[4] Иван Федорович Калайдович (1796–1853), писатель и переводчик, брат археолога К. Ф. Калайдовича.

[5] Статья К. С. Аксакова «Объяснение» была опубликована в № 9 журнала «Москвитянин» за 1842 г., с датой: 17 августа 1842 г.

[6] Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 795–796. – Датировка письма уточнена.

[7] Речь идет о брошюре К. С. Аксакова, в которой тот писал о поэме Гоголя: «...Глубоко значение, являющееся нам в "Мертвых Душах" Гоголя! <...> древний эпос восстает пред нами» (*Аксаков К.* Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души. М., 1842. С. 1).

[8] Имеется в виду вторая статья В. Г. Белинского о «Мертвых душах», – «Несколько слов о поэме Гоголя "Похождения Чичикова, или Мертвые души"», – являющаяся рецензией на брошюру К. С. Аксакова с одноименным названием. Статья Белинского была опубликована, без подписи, в августовском номере журнала «Отечественные Записки» за 1842 г. (выход в свет 1 авг.). Подробнее см. ***1840. Января 2. Вторник. Москва*** (примечания).

[9] Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Публикация Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 56. М., 1950. С. 168; *Кошелев В. А.* «Мертвые души» Н. В. Гоголя в трактовке ранних славянофилов // Русская литература. 1976. № 3. С. 86; *Кошелев В. А.* «Мертвые души» Н. В. Гоголя в славянофильском истолковании // *Кошелев В. А.* Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов. 1840–1850-е годы. Л., 1984. С. 141; Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 827.

АВГУСТА 30 <18>. ВТОРНИК. ГАСТЕЙН

Гоголь пишет ответное[1] письмо А. А. Иванову в Рим:

«Я получил сейчас ваше письмо. Ничего плачевного я не вижу в вашем положении. Берите всё, что ни дают. Это ничего не значит. На своем мы все-таки настоим и поставим. Путей есть множество выйти из всякого положения, как бы затруднительно оно нам ни казалось. <...> Исполните только одну мою просьбу, которую я вам сейчас предложу: будьте ясны и тверды душою. Твердый и не потерявшийся человек всегда выигрывает: его взгляд не отуманен, и он сам увидит исходы из всякого лабиринфа. Нужно иметь также веру в небесную силу, которая всегда сходит от Бога твердому и уповающему человеку. Исполнясь этой силы, вы плюнете на то, что человек называет препятствием. Итак, не думайте ни о чем до самого моего приезда. Будьте веселы как только можно больше; идя по улице, подскакивайте, нужды нет, если и шлепнетесь о мостовую, – это не беда, всякий знает, что мостовая в Риме плоха, и потому извинит вас.

Я буду в Риме около 15 октября[2]. А до того времени вот вам поручение, пока у вас теперь свободное время и вы ничем не заняты. Поищите квартиры для Языкова, которого знакомство доставит вам, верно, удовольствие. Это один из самых лучших и близких мне приятелей. Квартиру из двух или трех комнат, одна, если можно, чтоб была большая, чтобы были они на солнце и особенно, чтобы был при них садик, то есть, терраца, чтобы можно было ему, не делая много ступеней, сойти и сидеть там всякий день. Ему предписан воздух, а ноги у него очень слабы и не в силах делать затруднительной прогулки. А для меня, если не случится квартиры, то я поселюсь опять в старом гнезде на Via Felice. Еще: нельзя ли вам зайти к Торлони и сказать ему, что я по случаю смерти Валентини просил письма ко мне адресовать к нему... <...> Прощайте же, будьте веселы и светлы духом и сохраните вечно в себе великую истину, которую я вам сейчас скажу: препятствия суть наши крылья. Они нам даются для того, чтобы сделать нас сильней и ближе к цели. Это вам говорит человек, изведавший сие по опыту. Если вам вздумается писать ко мне до приезда моего, то адресуйте в Венецию, Poste restante».

[1] См. ***1842. Августа средина <августа начало>. Рим.***

[2] См. ***1842. Октября 4 <сентября 22>. Вторник. Рим.***

СЕНТЯБРЯ 1 <АВГУСТА 20>. ЧЕТВЕРГ. ГАСТЕЙН

Гоголь пишет ответные письма в Васильевку к матери и к сестре Марии (Трушковской); к этим письмам прилагает письмо к А. С. Данилевскому (написанное заблаговременно, 22 августа (н. ст.) 1842 г.[1]).

Из письма к матери: «Я получил ваше письмо. Очень рад, что вы доехали благополучно... <...> Из всех подробностей письма вашего <...> более всех остановило меня известие наше о чиновнике, которого вы встретили в Харькове. Я не разобрал его фамилии. [Вы пишете, что он служит в Харькове в казенной палате[2]. <...> Он предпочит<ает> лучше терпеть бедность и унижение, чем брать взятки. Скажите, что подвиг высок его, <что> я проникнут к нему высоким уважением, [но] что не могу постигнуть, как можно когда-либо позволить себе думать об отчаянии. Бедность есть первое благо, [которое] нам посылается.] <...> Скажите ему, что неприязнь среды и ненависть, гордое презрение к подлому <и> низкому есть высокая черта, что он должен быть горд сим чувством и силою этого чувства преодолеть всё то, что привыкли называть бедствием и что воспитывает только крепче нашу душу. Несчастия, которые мы привыкли называть несчастиями, суть первые блага, которые посылаются нам Богом в доказательство глубокого и чудного. Они не дают заснуть душе и вызывают те благородные и прекрасные движенья, которых не знает человек, награжденный изобильем. Скажите ему, что чем тяжеле, чем труднее придется ему в жизни, скажите, тем тверже, выше он должен быть душой, что сими минутами своей честной совести он уже должен быть слишком горд, чтобы преклониться перед призраком отчаяния или малодушия, <...> что как бы ни казалась ему ничтожна приносимая им доля на жертвенник правды, эта малая доля много сделает. <...> Скажите ему это или лучше выпишите эти слова и пошлите к нему с письмом вашим в Харьков. Пусть в минуты горя, в часы мучительств совести они принесут ему облегчение.] <...> ...Скажите или напишите ему, что его благородство и честная бедность среди богатеющих неправдой найдут ответ во глубине всякого благородного сердца, что уже есть выше многих наград. Скажите ему: что эта честная бедность есть такое качество, которым он должен быть слишком горд для того, чтобы впасть в какое-нибудь малодушное отчаяние или не уметь встретить лицом несчастье и горечь жизни; что ему говорит это тот, кому внутренняя неисповедимая сила велит сказать это. И потому пусть он будет спокоен, как только можно быть спокойну в каком бы ни было тяжком случае жизни. Передайте ему эти слова.

Я вижу также из письма вашего, что вы уже [два раза] успели съездить на богомолье в Диканьку и Будище. [Молиться хорошо. [Но человек думает, что он уже все сделал] Но молитва слов еще ничего не значит. Молиться Богу и Христу должен человек делами. Любовью к ближнему, к брату должен человек молиться Богу, а мы этого не делаем и думаем о себе. Мы заботимся о том, что<бы> только родным да близким нашим было хорошо. Мы позабыли первую заповедь Христа, что брат наш есть всякий человек. Отец, доставивший [воспитание и деньги] всё своему сыну, думает, что он уже полный христианин. [И сын, давший отцу покойный угол, думает, что он уже все <сделал>] Сын думает, что он уже свой долг исполнил, если он хороший сын, а других как будто и нет на свете. [<...> Много, много на нас лежит обязанностей, много есть несчастных на свете.] <...>] Молитва – святое дело, но помните, что она ничтожна, если не сопровождена святыми делами. Молитвы дел, а не молитвы слов требует от нас Иисус. Не думайте, чтобы вы были бедны для того, чтобы помогать другим. Для этого не может быть беден человек. Не богатством, не деньгами мы можем помогать другим, но гораздо более мы можем помогать сердечным чувством, душевным словом, воздвигая, ободряя падший дух. И потому, если вы услышите, что где-нибудь страждет благородный душою человек, терпит горе жизни и готов предаться отчаянью, то спешите к нему первые на помощь. [Скажите ему, что нет выше удела как бедность. Она доставляет случай человеку быть ближе к Богу. Она доставляет случай человеку оказать те подвиги добродетели, которые никогда не доведется сделать богатому. Ибо жить среди бедности, среди унижений, среди высокой нужды и не соблазниться ничем преступным и выгодным есть несравненно высшая добродетель, чем раздать всё свое богатство. Будучи угнетаемому нуждой, исполнить весь свой долг терпеливо выше, чем, будучи богатым, исполнить свой. Итак, более всего мы должны благодарить Бога за бедность ниспосылаемую, за всё то, что безумно называет человек несчастиями, ибо они нас ближе приближают к Богу. Скажите, что если только подобные мысли хоть отчасти войдут в его душу, то в душе уже явится такая высокая гордость своим благородным чувством, которой не в силах одолеть человек, что он, как боец, будет глядеть презрительно на подлое и низкое, что даже среди них всякий подвиг его будет заметен. Пусть он и не мыслит, чтобы он был один в пустоте, что нигде не услышит он отголоска. Всякий за морями, за отдаленным пространством, всякая бессмертная душа

почует это величие и откликнется ему. Помимо того он сам святой и высокой дружбой освежится и почувствует в себе дивные силы соревновать такому подвигу. И таким образом вдвойне станет благороден его подвиг. Скажите ему всё это, а в заключение этого прочитайте ему лучше это письмо, которое послала глубина души человека, знающего цену прекрасных жертв. Это <я> напис<ал> вам, ибо небо велело написать это, и потому он должен откликнуться на воззвание пославше<го>. Если произведут слова эти глубокое впечатление, придите прямо в церковь и помолитесь вместе с ним, это будет красноречивее всех слов. Как прохладный лес среди безжизненной палящей степи, тог<да> приимет его молитва и прикроет сенью св<оей>. Тот, Кто всё вытерпел из любви к человекам, за них же подверг Себя тем несчастиям, перед которыми слабы те, которые претерпеваются человеком, Тот услышит и оценит всякую жертву и ниспошлет ту чудную твердость, которая озарила когда-то Его душу, когда Он был среди нас, приняв пред этим всю физическую немощь человека. Тогда, если вы сделаете такое дело, если пошлете силу в душу упадающего духом человека, если обратите его лицом к Богу, тогда будет сильна ваша собственная молитва. И чего бы вы ни пожелали, всё прямо дойдет к Богу. А без того бессильна наша молитва. Молитвы дела, а не молитвы слова требует от нас Христос. <...>] Скажите ему прежде всего: он должен благословить свою бедность и несчастья. Они становят человека ближе к Богу; они доставляют ему случай совершить те подвиги добродетели, которые редко доводится совершить человеку, ибо среди бедности, среди угнетений стать твердо, не упасть и совершить благородный подвиг несравненно выше, чем совершить таковой же подвиг среди богатства и довольства, хотя бы для этого даже вздумал человек истратить всё свое богатство. Пусть и в мысль не приходит ему, что подвиг его может быть безответен и не найдет отголоска. Везде найдется благородная душа, которая откликнется ему и осветится сама силой его подвига; ибо прекрасные подвиги сообщаются, и есть много тайн во глубине души нашей, которых еще не открыл человек и которые могут подарить ему чудные блаженства. Если вы почувствуете, что слово ваше нашло доступ к сердцу страждущего душою, тогда идите с ним прямо в церковь и выслушайте Божественную Литургию. Как прохладный лес среди палящих степей, тогда примет его молитва под сень свою. И Тот, Кто умел всё в жизни претерпеть за нас, Тот вооружит твердостью и силой его душу, о которые разлетятся земные несчастия. Сделавши такое дело, укрепивши изнемогшего и обративши его к Богу, вы воссылайте смело ваши молитвы. Они будут крылаты и возлетят прямо на небо. Всё, чего ни попросите, дастся вам. Я уверен, что вы понимаете всю силу слов сих.

Уведомляйте меня обо всем, что ни случается с вами. Не беспокойтесь, если не вдруг я буду отвечать на ваше письмо, а мне нужно отвечать многим [моим московским[3] приятелям] на письма, иногда очень нужные.

Передайте это маленькое письмецо Ал<ександру> С<еменовичу> Данилевскому[4], но передайте ему самому, а не через посланного. Допросите его сами, почему он не отвечал на мои письма [Узнайте от него тут же заме<чания на "Мертвые души">], и получил ли книги, которые я ему послал, и об этом уведомите».

Содержание настоящего письма перекликается с гоголевским «Театральным разъездом...» (1836–1842), а также с статьями «Петербургская сцена в 1835–36 г.» и «Напутствие» (1846). Единым для этих произведений является образ готового к самопожертвованию незаметного честного труженика – такого, к примеру, каким мог бы стать погубивший свой талант в «мертвой бумажной переписке» герой «Шинели» чиновник Башмачкин. В 1842 г. образ страдающего, но не изменяющего голосу совести честного чиновника появился у Гоголя в «Театральном разъезде...» Один из героев пьесы по поводу его восклицает: «Да хранит тебя Бог, малознаемая нами Россия! В глуши, в забытом углу твоем, скрывается подобный перл, и, вероятно, он не один. Они, как искры золотой руды, рассыпаны среди грубых и темных ее гранитов».

Образ этого честного труженика – «очень скромно одетого человека» – и был прямо навеян Гоголю письмом к нему матери. Отвечая ей, Гоголь 1 сентября (н. ст.) 1842 г. замечал: «Из всех подробностей письма вашего <...> более всех остановило меня известие ваше о чиновнике, которого вы встретили в Харькове <...> скажите или напишите ему, что его благородство и честная бедность среди богатеющих неправдой найдут ответ во глубине всякого благородного сердца, что уже есть выше многих наград <...> Везде найдется благородная душа, которая откликнется ему и осветится сама силой его подвига; ибо прекрасные подвиги сообщаются, и есть много тайн во глубине души нашей, которых еще не открыл человек и которые могут подарить ему чудные блаженства. Если вы почувствуете, что слово ваше нашло доступ к сердцу страждующего душою, тогда идите с

ним прямо в церковь и выслушайте Божественную Литургию. Как прохладный лес среди палящих степей, тогда примет его молитва под сень свою. И Тот, Кто умел все в жизни претерпеть за нас, Тот вооружит твердостью и силой его душу, о которые разлетятся земные несчастия».

Как позволяют судить строки черновика этого письма, упоминание здесь о Литургии связано именно с представлением Гоголя о всяком подвиге как «жертве» — подобной Жертве, приносимой за весь мир на Литургии. «Скажите ему, — писал Гоголь матери, — <...> что как бы ни казалась ему ничтожна приносимая им доля на жертвенник правды, эта малая доля многое сделает. <...> Тот, Кто все вытерпел из любви к человекам <...> Тот услышит и оценит всякую жертву...» — Гоголю было хорошо известно употребление слова «литургия» в значении «общественное служение или служба». Об этом значении, в частности, упоминал — со ссылкой на св. Иоанна Златоуста — И. И. Дмитревский, чьими изъяснениями на Литургию Гоголь пользовался в работе над своей книгой «Размышления о Божественной Литургии»: «Св. Златоуст называет литургиею благочестивую жизнь всякого христианина»[5]. «Верховнейшая минута» Евхаристии, пресуществление, писал Гоголь в своей книге о Литургии, «есть минута и Жертвоприношенья, и напоминанья всякому о жертве Творцу».

О «жертве» христианина — размышления о которой стали в 1834 г. основой повести Гоголя «Тарас Бульба» — он писал также в 1836 г. в статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.»: «Изобразите нам нашего честного, прямого человека, который среди несправедливостей, ему наносимых <...> исполнен той же русской безграничной любви к Царю своему, для которого бы он и жизнь <...> готов принесть, как незначащую жертву. Пусть он <...> не разглагольствует об этих чувствах, но упорно хранит в душе их, как старую свою святыню <...> воспитанную тысячелетием». Позднее образ незаметного честного труженика явился одним из важнейших для «Выбранных мест из переписки с друзьями». Его имеет в виду Гоголь, когда упоминает в письме к А. О. Смирновой «Что такое губернаторша» о неподкупном уездном судье Мещовского уезда А. И. Клементьеве — которого она, как «губернаторша», вызвала к себе с тем, чтобы «почтить его радушным угощением и дружеским приемом за прямоту, благородство и честность». Того же неизвестного честного труженика имеет в виду Гоголь, когда обращается в «Переписке с друзьями» к поэту Н. М. Языкову с призывом возвеличить «в торжественном гимне незаметного труженика, какие, к чести высокой породы русской, находятся посреди отважнейших взяточников, которые не берут даже и тогда, когда все берет вокруг их». Непосредственно к самому этому безвестному «труженику» — своему читателю — обращается Гоголь в письме «Напутствие»: «Все вижу и слышу: страданья твои велики. <...> Но вспомни <...> всех нас озирает свыше Небесный Полководец, и ни малейшее наше дело не ускользает от Его взора».

Из письма к сестре Марии: «Я получил письмо твое. <...> О воспитании твоего Коли[6] я забочусь, потому что это наш христианский долг образовать и воспитать душу, чтобы не пустая молитва, а дела означили любовь нашу к Богу.

Прекрасная душа мне дорога. И молитва ничто мне, если суетна, напротив того, она страшна даже, потому что ниспровергается на голову тех, которые всуе произносят. Если человек молится и не умеет удержаться от чувства гордости и самолюбия, и негодует, и ропщет на оскорбление, которое ему нанесли, если он молится и не умеет чувствовать любви даже и к врагам своим, то молитва его будет вопиять против его самого.

Я вижу из письма твоего, что <ты> молишься и учишь даже и Колю падать на колени. Молиться прекрасно и нужно. Но послушай слово желающего тебе истинно добра и старайся молиться, как должен молиться христ<ианин>. Приходило ли тебе когда-либо живо в ум, не приступая к молитве, произвести сердечную исповедь? Умеешь ли ты припомнить свои поступки и строго осудить их? Умеешь ли ты во всем обвинить себя, а не других, потому что обвинение других есть уже не христианское чувство, хотя бы даже другие и точно были виноваты, а без христианского чувства нельзя молиться. Умеешь ли ты сказать вместо слов: Господи, прости таким-то, которые нанесли мне зло, — Господи, прости меня за то, что мне кажется, будто они нанесли мне зло. Если ты умеешь это сделать, то тогда прекрасна твоя молитва, она понесется прямо к Богу, она доставит много душевных глубоких утешений. У тебя, я знаю, часто в голове бродит мысль, что я тебя меньше люблю, чем других. Знай же, я говорю тебе совершенную истину в эту минуту, — я никого из вас еще до сих пор не люблю так, как бы я хотел любить. Я ту из вас могу только любить, которая будет великодушнее всех других, которая будет уметь облобызать и броситься на шею <к тому>, кто оскорбит ее чем-нибудь, которая позабудет совершенно о себе и будет думать только о других сестрах, которая позабудет о своем счастье и будет думать только о счастии других. Та только будет сестра души моей, а до сих пор такой нет между вами, и сердце мое равно закрыто ко всем вам. Вот что я должен сказать вам, чтобы объяснить, почему я зол и почему сердце мое не в состоянии никого из вас любить так, как бы я хотел любить».

[1] См. ***1842. Августа 22 <10>. Понедельник. Гастейн.***

[2] Лицо неустановленное. В 1842 г. в Харьковской казенной палате служили, под председательством коллежского советника барона Михаила Карловича Розена: коллежский советник Иван Яковлевич Колтуновский (советник винного и солевого отделения); надворный советник Петр Степанович Любарский (советник ревизионного отделения); надворный советник Евгений Петрович Ковалев (губернский контролер); надворный советник Григорий Алексеевич Алексеев (губернский казначей); титулярный советник Михаил Николаевич Смыгин (асессор); титулярный советник Василий Степанович Филевский (секретарь) (см.: Месяцеслов и общий штат Российской Империи на 1842. Ч. 2. СПб., <1842>. С. 102).

[3] См. также ***1842. Октября 23 <11>. Воскресенье. Рим.***

[4] См. ***1842. Августа 22 <10>. Понедельник. Гастейн.***

[5] Историческое, догматическое и таинственное изъяснение Божественной Литургии. Основано на Священном Писании, Правилах Вселенских и Поместных Соборов и на писании Св. Отцев Церкви. Составлено *Иваном Дмитревским*. Издательский отдел Московского Патриархата, 1993 / Репринтное воспроизведение издания 1897 года. С. 52.

[6] Н. П. Трушковский.

АВГУСТА 22 <СЕНТЯБРЯ 3>. СУББОТА. МОСКВА

Цензурное разрешение № 8 «Москвитянина», со второй[1] статьей С. П. Шевырева о «Мертвых душах»[2].

[1] См. также ***1842. Августа 10 <22>. Понедельник. Москва.***

[2] См. ***1842. Ноября 12 <октября 31>. Суббота. Рим.***

АВГУСТА 24 <СЕНТЯБРЯ 5>. ПОНЕДЕЛЬНИК

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской:

«Отесенька точно писал о твоем мнении Гоголю, но не знал, что ты не будешь этим довольна. <...> Что касается до статьи в "От<ечественных> З<аписках>", она точно писана Белин<ским>[1], но это нисколько ни странно; он был как-то в Москве и прием, ему сделанный, конечно, должен был его восстановить против, потом же этот человек принял другое направление, это часто у него меняется; сперва он бранил французов[2], теперь же он ими только и живет, Москву променял на Петерб<ург> и т. д. Не знаю, что лучше: отвечать или не отвечать на эту статью. И как он понимает Гоголя, как вышедшего из Вальтер Скотта; то ли это?»

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 828.

[1] См. ***1842. Августа 17 <29>. Понедельник.***

[2] См., в частности, статью В. Г. Белинского «Менцель, критик Гете» (1840).

АВГУСТА 22 <СЕНТЯБРЯ 3>. СУББОТА. ПОКРОВСКОЕ – АВГУСТА 27 <СЕНТЯБРЯ 8>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Н. Н. Шереметева пишет в Венецию ответное[1] письмо Гоголю:

«Письмо ваше в начале июня из Петер<бурга> получила... <...>; не сказали, куды писать, а потому оставалась в молчании, но не прекращались сношения с вами молитвою... <...> Вчера получила через почту от О<льги> С<еменовны> Ак<саковой>[2] (за приятное знакомство[3] этого радушного семейства вам обязана и благодарна), пишут о вас, получили, не сказали откуда и от которого числа[4], но, слава Богу, что о вас узнала и что вы препоручили мне сказать писать к вам в Венецию, что с радостию выполняю... <...> ...Ничего не предпринимайте, не вздохнув прежде ко Господу,

тогда и удача, и неудача, все с благодарностию примется, и на сердце будет легко и свободно, что учреждались не по собственной воле. Кто знает, что нам предстоит завтра, а может, и сегодни еще встретим многое множество увлекающего нас от пути спасения, и нет иного средства оградить себя, как молитвою, которая может внутренно не прерываться, если мы безусловно отдадим себя Господу ради Христа... Берегите себя, наблюдайте за собою, на всяком шагу сие необходимо, доколе покорим свою волю воле Божией, чтобы ни в чем себя не видеть. Блажен, кто достиг самоотвержения, оно трудно, но, думаю, не невозможно, <если> кто возлюбит Бога всей душею».

Позднее, в письме к Гоголю от 21–22 октября 1842 г., Шереметева сообщала: «Еще в августе извещала Ольга Семеновна о вас, и я тотчас к вам написала в Венецию от 22-<го> августа, а из Москвы отправлено это письмо 27 ав<густа>, не знаю, застало ли оно вас в Венеции».

Настоящее письмо (от 22 августа 1842 г.) представляет собой первое послание Шереметевой в ее переписке и общении с Гоголем, которые продолжались вплоть до ее смерти в 1850 г.[5] В свое время, в 1892 г., один из биографов Гоголя, В. И. Шенрок, назвавший, без достаточных оснований, Шереметеву «духовной матерью» Гоголя (а Гоголя ее «духовным сыном»)[6], в 1901 г. заявлял, что все письма Шереметевой к Гоголю «неудобны для печати по крайнему однообразию содержания и совершенно не литературному изложению»[7]. В полном объеме письма Шереметевой к Гоголю, духовно близкого писателю человека, были изданы лишь в 2001 г.[8]

По поводу биографа Гоголя, Шенрока, сестра Гоголя Анна Васильевна в 1889 г. замечала: «Я позавидовала, прочитавши, что Погодин счастлив, что у него такой биограф попался, какой-то Барсуков. А это Бог знает что»[9]. По поводу разысканий Шенрока, опубликованных в его четырехтомных «Материалах для биографии Гоголя» (М., 1892–1897), один из авторитетных историков Малороссии А. М. Лазаревский указывал: «...Догадка почтенного биографа Гоголя о католичестве его предков не имеет ни малейшей исторической вероятности»[10]. Еще один из рецензентов книги Шенрока писал: «К профессуре Гоголя <в Петербургском университете> г. Шенрок относится очень строго и даже свысока... <...> Видимо г. Шенрок боится уронить себя чрезмерным пристрастием к человеку, уронившему себя ретроградным образом мыслей в переписке с друзьями и заклейменному кличкой “покаянного консерватора”»[11]. В. Я. Брюсов, общавшийся в те годы с П. И. Бартеневым, замечал о Шенроке: «...Попытки изображать внутренний духовный мир писателя (как то видно из его “Материалов для биографии Гоголя”) ему не удаются»[12]. Один из издателей неопубликованных гоголевских автографов К. Н. Михайлов также замечал: «Внутренняя жизнь Гоголя так богата разными моментами, что ее должно изучать не по методу г. Шенрока»[13]. Тогда же Д. С. Мережковский писал по поводу «Материалов...» Шенрока: «Что сказать <...> об олимпийском спокойствии современных биографов, которые христианскую трагедию Гоголя, этот, по их мнению, “больной бред изувера”, “разъедавшую его нравственное существо гангрену”, объясняют непониманием слова “прогресс” и сожалеют о том, что он “не нашел в себе силы при счастливом руководительстве <...> остановиться на скромной задаче преследования сатирой общественных язв”. (Все эти мнения высказаны г. Шенроком в его книге “Матер<иалы> для биогр<афии> Г<оголя>”.)»[14]. Развязным тоном, с каким описывал Шенрок взаимоотношения Гоголя с славянофилом Чижовым, был возмущен, в частности, личный секретарь покойного Чижова А. С. Чероков[15].

[1] См. ***1842. Июня 4. Четверг. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1842. Августа 11 <23>. Вторник. Москва.***

[3] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки.***

[4] См. ***1842. Июля 29 <17>. Пятница. Гастейн.***

[5] См. ***1850. Мая 11. Четверг. Москва.***

[6] См.: *Шенрок В. И.* Надежда Николаевна Шереметева, рожденная Тютчева, духовная мать Н. В. Гоголя // Русская Старина. 1892. № 10. С. 149–164.

[7] <*Шенрок В. И.* Примечания> // Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 4. С. 134.

[8] Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. 288 с.

[9] *Свод.* Т. 1. С. 155.

[10] *Лазаревский А.* Сведения о предках Гоголя // Родословие Н. В. Гоголя. М., 2009. С. 117.

[11] *Н.* Материалы для биографии Гоголя В. И. Шенрока... // Русский Вестник. 1893. № 5. С. 336.

[12] *В. Б.* <*Брюсов В. Я.*> В. Шенрок. П. А. Кулиш. Биографический очерк // Русский Архив. 1902. № 2. Обложка. С. 2.

[13] *Михайлов К. Н.* Вновь найденные рукописи Гоголя // Исторический Вестник. 1902. № 2. С. 599.

[14] Цит. по: *Мережковский Д. С.* В тихом омуте. М., 1991. С. 270.

[15] См.: *Чероков А.*, бывший личный секретарь покойного. Федор Васильевич Чижов и его связи с Н. В. Гоголем. М., 1902. С. 18–19.

СЕНТЯБРЯ 9 <АВГУСТА 28>. ПЯТНИЦА. ГАСТЕЙН

Н. М. Языков сообщает родным:

«Еду в Рим![1] <...> Мы пробудем несколько дней в Венеции: там, дескать, прохладно, а в Риме еще слишком жарко в сентябре. Гоголь берется доставить меня в Рим благополучно, а там устроить привольно на зиму, а в апреле отпустить восвояси — который путь у меня на Гаштейн — может быть, если посоветуют римские врачи то же, что советует Кине! <...>

Гоголь везде, как дома: везде водворяется по-своему и пишет: в Гаштейне он сидел так же, как и в Москве или в Риме: все утро один с пером в руке — и никому и ни на какой стук не отпирая двери! После обеда прохлаждается, лежа на диване и подремывая, гуляет и ложится спать часов в 9 — все это делается у него чрезвычайно аккуратно и вольготно, идет все это, как заведенные часы! Он же, слава Богу, здоров — чему он обязан, по его словам, преимущественно пиению воды римской, а прежде этого *лечения* никуда, дескать, не годился. Он и мне рекомендует ту же воду, говоря, что подобной — сладостной и освежительной — нет нигде!»

Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 154.

[1] Гоголь 30 августа (н. ст.) 1842 г. писал А. А. Иванову из Гастейна: «Я буду в Риме около 15 октября. <...> Поищите квартиры для Языкова, которого знакомство доставит вам, верно, удовольствие». Гоголь и Языков выехали из Гастейна в Рим 17 сентября (н. ст.) 1842 г. (см. ***1842. Сентября 17 <5>. Суббота. Гастейн***); 22 сентября (н. ст.) они прибыли в Венецию (см. ***1842. Сентября между 22 и 26 <между 10 и 14>. Венеция***); 2 октября (н. ст.) 1842 г. они были в Болонье, 3 октября (н. ст.) 1842 г. прибыли во Флоренцию (см. ***1842. Октября 3 <сентября 21>. Понедельник. Флоренция***); 4 октября (н. ст.) 1842 г. прибыли в Рим (см. ***1842. Октября 4 <сентября 22>. Вторник. Рим***).

СЕНТЯБРЯ 11 <АВГУСТА 30>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ГАСТЕЙН

Согласно почтовому штемпелю[1], в этот день Гоголь отправил Н. Я. Прокоповичу в Петербург рукопись «Игроков» — с написанным накануне сопроводительным письмом (письмо датировано: «Гастейн, 10 сентября/29 августа»):

«Не получая от тебя никакого до сих пор письма, я полагаю, что дела наши идут безостановочно и в надлежащем порядке. Я немного замедлил высылкою остальных статей. Но нельзя было никак: столько нужно было сделать разных поправок! Посылаемую ныне “Игроки” в силу собрал[2]. Черновые листы так были уже давно и неразборчиво написаны, что дали мне работу страшную разбирать. Но более всего хлопот было мне с остальной пиэсою “Театральный разъезд”. В ней столько нужно было переделывать, что, клянусь, легче бы мне написать две новых. Но она заключительная статья всего собрания сочинений[3] и потому очень важна и требовала тщательной отделки. Я очень рад, что не трогал ее в Петербурге и не спешил с нею. Она была бы очень далека от значенья нынешнего[4], а это было бы совсем нехорошо. Переписка ее еще не кончена. Не сердись. Ты не понимаешь, как трудно переписывать и стараться быть четким в таком мелком шрифте. Порядок статей последнего тома ты, я думаю, <знаешь>: “Ревизор”, потом “Женитьба” и под нею написать в скобках: (писана в1833 году), п<отом> на одном белом листе: “Драматические отрывки и отдельные сцены с 1832 по 1837 год”, а на другом, вслед за ним: “Игроки” с эпиграфом, потом всякая пиэса с своим заглавным листом: “Утро делового человека”, “Тяжба”, “Лакейская”, “Сцены из светской жизни”[5], “Театральный разъезд после представления новой комедии”. Получил ли хвост “Ревизора”, посланный мною три недели назад[6]? Уведомь обо всем. Всё лучше знать, чем не знать. И будь еще так добр: верно, ходят какие-нибудь толки о “Мертв<ых> душах”. Ради дружбы нашей, доведи их до моего сведения, каковы бы они ни были и от кого бы ни были. Мне все они равно нужны. Ты не можешь себе представить, как они мне нужны. Не дурно также означить, из чьих уст вышли они. Самому тебе,

понятно, не удастся много услышать, но ты можешь поручить кое-кому из тех, которые более обращаются с людьми и бывают в каком бы ни было свете. <...> Адресуй прямо в Рим (Poste restante). Через две недели я уже буду в Риме[7]. Будь здоров и да присутствует в твоем духе вечная светлость, а в случае недостатка ее обратись мыслию ко мне, и ты просветлеешь непременно, ибо души сообщаются, и вера, живущая в одной, переходит невидимо в другую».

[1] См.: *Шубинский*. С. 43.

[2] К письму была приложена рукопись «Игроков» с следующим примечанием: «Само собою разумеется, что переписать все это нужно писцу по примеру прочих, разгонисто и четко, чтобы цензор мог прочесть удобнее».

[3] Собрание своих сочинений в четырех томах (ставшее единственным прижизненным) Гоголь называл не иначе как «книгой», «книгой в четырех томах», изданием своих «мелких сочинений <...> из четырех томов» (см. его письма 1843 г. к С. Т. Аксакову от 18 марта (н. ст.); Н. Я. Прокоповичу от 17 и 19 апреля (н. ст.); С. П. Шевыреву от 28 февраля и 7 апреля (н. ст.); и письмо к Шевыреву от февраля 1851 г.). Тогда же, в 1842 г., параллельно четырехтомной «книге» «мелких сочинений» Гоголь издает и начало сочинения «большого» – первый том «Мертвых душ», как бы прямо продолжающий собрание, но не включенный в него по причине незавершенности поэмы. – См. также ***1835. Февраля 21. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1844. Ноября 23 <11>. Суббота. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[4] См. ***1842. Сентября 1 <августа 20>. Четверг. Гастейн*** (примечания).

[5] «Сцены из светской жизни» – первоначальное название драматического «Отрывка».

[6] См. ***1842. Июля 29 <17>. Пятница. Гастейн.***

[7] См. ***1842. Октября 4 <сентября 22>. Вторник. Рим.***

АВГУСТА 31 <СЕНТЯБРЯ 12>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение первой (сентябрьской) части т. 54 «Библиотеки для Чтения» с анонимной рецензией на брошюру К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова, или Мертвые души»:

«Эта брошюра имеет целью доказать, что автора *поэмы* Похождения Чичикова – Гомер, а сама поэма Похождения Чичикова – Илиада. <...> Когда люди издают, на свои деньги, такие похвальные брошюры, это очень плохо!.. это показывает, что *поэма* не хороша!.. <...> ...Когда человек – Гомер, когда талант – колосс, когда творение истинно удивительное, то люди печатают тогда, на свои деньги, бранные книги на него, а не панегирики!»

Август, 1842. Новые книги. <...> Несколько слов о поэме «Похождения Чичикова, или Мертвые души». Сочинение Константина Аксакова. Москва, 1842 // Библиотека для Чтения. 1842. Т. 54. Ч. 1. Сентябрь. Отд. 6. Литературная летопись. С. 12.

АВГУСТА ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА <АВГУСТА СРЕДИНА – СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО> ГАСТЕЙН

Гоголь пишет князю П. А. Вяземскому в Петербург:

«Пишу к вам письмо вследствие прочтения нескольких разрозненных листков из биографии Фонвизина, которые вы прислали Языкову[1]. Я весь [полон сего] чтения. Я читал прежде отрывки, и уже в них видны следы многообъемлемости ума вашего. <...> Критик, государст<венный> муж, полит<ик>, поэт, всё соединилось в биографе, и какая строгая многообъемлемость! <...> И ваше поприще другое. Простите ли вы мне дерзость указать ваше назначение? <...> Вы владеете глубоким даром историка – венцом Божьих даров, верх<ом> развития и совершенства ума. Я вижу в вас историка в полном смысле сего слова, и вечные упреки будут на душе вашей, если вы не приметесь за великий подвиг. Есть царствования, заключающие в себе почти волшебный ряд чрезвычайностей, которых образы уже стоят пред нами колоссальные, как у Гомера, несмотря на то, что и пяти-

десяти лет еще не протекло. Вы догадываетесь, что я говорю о царствовании Екатерины[2]. Нет труда выше, благодарнее и который бы так сильно требовал глубокомыслия полного, многостороннего историка. Из него может быть двенадцать томов чудной истории[3], и клянусь — вы станете выше всех европейских историков. <...> Если вздумаете написать мне, адресуйте прямо в Рим, в Poste restante».

Позднее переработанный текст этого письма лег в основу характеристики в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1846) книги князя Вяземского о Фонвизине и пожелания, чтобы тот посвятил себя изображению века Екатерины II. С этим же пожеланием Гоголь обратился также к Вяземскому позднее, в письме от 1 января 1852 г.[4]

[1] См. ***1842. Августа 11 <июля 30>. Четверг. Гастейн.***
[2] См. также ***1821. Июля 6. Среда. Ярески*** (примечания).
[3] Столько же, сколько в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.
[4] См. ***1851. Января 1. Вторник. Праздник Обрезания Господня. Москва.***

АВГУСТА ВТОРАЯ ПОЛОВИНА <АВГУСТА КОНЕЦ – СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА>

А. С. Хомяков пишет С. П. Шевыреву:

«Аксакову досталось от О<течественных> З<аписок>; да они, кажется, уже готовы и от Гоголя отступиться. Что за глупый народ! У них на одном ряду Сервантес, Байрон, Жорж Занд и Беранже. Аксаков увлекся далеко, но если он будет продолжать брошюрку свою, то, полагаю, выйдет дельное. Он пояснит то, что без пояснения кажется смешным и нелепым. Мысль его главная следующая: "Искусство утратило везде свою беззаботную свободу; в нем более придуманного, чем созданного. Гоголь (как древние и Шекспир) есть художник поневоле и без намерения". В этом много правды. О<течественные> З<аписки> говорят: "Гоголь зарожден В. Скоттом; без В. Скотта он был бы невозможен". Это просто бессмыслица. Ничего общего нет между ними».

Хомяков имел в виду следующие строки статьи В. Г. Белинского «Несколько слов о поэме Гоголя "Похождения Чичикова, или Мертвые души"»: «...Мы думаем, что Гоголь, вышел совсем не из Гомера, и не состоит с ним ни в близком, ни в дальнем родстве, — думаем, что он вышел из Вальтера Скотта, из того Вальтера Скотта, который мог явиться сам собою, независимо от Гоголя, но без которого Гоголь никак не мог бы явиться»[1].

Применительно к раннему периоду творчества Гоголя, утверждение Хомякова, что между Гоголем и В. Скоттом «ничего общего нет», справедливо лишь отчасти. Достаточно вспомнить известный пушкинский отзыв о «Тарасе Бульбе» — «коего начало достойно Вальтер Скотта»[2]. Не случайно сам Гоголь в статье «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» выражал возмущение по поводу одного из критических высказываний О. И. Сенковского о В. Скотте. Гоголь писал: «Вальтер Скотт, этот великий гений, коего бессмертные создания объемлют жизнь с такою полнотою, Вальтер Скотт назван шарлатаном». — Имеются в виду следующие строки рецензии Сенковского: «Один умный человек <...> видя упадок своей стихотворной славы <...> кинулся <...> к насильственному средству славы, или попросту шарлатанству, и сделал искусственную смесь истины и вымысла <...> и в свете явился исторический роман. Род был не новый... <...> но Вальтер Скотт употребил всю силу своего дарования и все богатство своей исторической учености, чтоб его воскресить, обновить и облагородить»[3]. Очевидно, что художественные, а также «охранительные» принципы В. Скотта были чрезвычайно важны для самого Гоголя как писателя[4]. Тем не менее, настаивая на отличии произведений Гоголя от романов В. Скотта, Хомяков был во многом прав — даже применительно к «Тарасу Бульбе». Впоследствии исследователи не раз отмечали большую эпичность гоголевской повести, в сравнении с произведениями шотландского романиста, а также то, что, в отличие от Гоголя, религиозное и патриотическое одушевление героев подчас изображается В. Скоттом с иронией и не без осуждения[5].

Далее в письме к Шевыреву Хомяков добавлял:

«Первая статья твоя о Гоголе[6] отличная. Я истинно благодарен тебе за нее; она может многих образумить и пояснить странные дисгармонии в душе многих читающих»[7].

В 1881 г. В. В. Стасов вспоминал: «Появление "Мертвых душ", в конце лета 1842 года, было для нас событием необычайной важности. Эта книга пришла к нам в руки в конце лета, когда мы воротились с каникул. Классы еще не начинались, несколько дней оставалось совершенно свободными, и мы могли заниматься чем хотели — тем более что мы только что перешли в первый, то есть высший класс, получили шпаги и были уже чем-то вроде офицеров. Вот мы и употребили свободное время так, как нам было всего дороже: на прочтение залпом "Мертвых душ" всеми нами вместе, одной большой толпой, чтоб прекратить все споры об очереди. Время стояло чудесное, август был в тот год жаркий, и мы все полегли в нашем классе, расстегнув куртки и сняв галстуки, просто на пол, а трое из нас, <А. С.> Оголин, Замятнин и я, как лучшие в классе чтецы, взялись громко читать по очереди — и вот в таком-то порядке мы в продолжение нескольких дней читали и перечитывали это великое, неслыханно оригинальное, несравненное, национальное и гениальное создание. Мы были все точно опьянелые от восторга и изумления. Сотни и тысячи гоголевских фраз и выражений тотчас же были всем известны наизусть и пошли в общее употребление. Гоголевский лексикон наш, уже с 30-х годов столько богатый, еще больше прежнего разрастался»[8].

[1] *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1979. Т. 5. С. 57.

[2] См. рецензию Пушкина на второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки»: ***1836. Марта 29. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи***; подробнее см.: *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009.* С. 424–426.

[3] <*Сенковский О. И.*> *О. О..... .О!* Мазепа. Сочинение Фаддея Булгарина. Санктпетербург... // Библиотека для Чтения. 1834. Т. 2. Отд. 5. С. 16–17.

[4] См. ***1836. Апреля между 19 и 29. Санкт-Петербург*** (примечания).

[5] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009.* С. 551–552.

[6] *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья первая // Москвитянин. 1842. № 7 (цензурное разрешение 10 авг.). С. 207–228.

[7] Гоголь в письмах А. С. Хомякова и его жены Е. М. Хомяковой (рожденной Языковой) // *Свод.* Т. 3. С. 194.

[8] *Стасов В. В.* Училище правоведения сорок лет тому назад, в 1836–1842 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 369.

ИЮНЬ-АВГУСТ. АРТЕМОВО

Е. А. Боратынский сообщает матери:

«"Мертвые души" Гоголя нас очень насмешили, но рассуждения о чувствах, тирады о России кажутся совершенно не к месту в этом бурлескном произведении, украшенном названием поэмы».

Гоголь в письмах Е. А. и А. Л. Боратынских // *Свод.* Т. 1. С. 752.

ИЮНЬ-АВГУСТ. ГЕРМАНИЯ

П. Ф. Заикин[1] пишет М. Н. Каткову:

«"Мертвые души", поэма Гоголя, уже напечатана, и я ее читал. Вот содержание ее: Чичиков, помещик, коллежский советник, разъезжает по России и закупает мужиков, которые *давным-давно* померли, но из ревизских сказок не исключены; хотя этот новый род покупки поражает всех, но добрые люди помещики на все соглашаются легко и всему верят — таким образом Чичиков скупил 400 душ. Вот главное содержание этой поэмы... Вероятно в следующем томе будет их закладывать в опекунский совет. Все, что есть гадкого, гнусного и подлого в России, все здесь обнаружено. — Разговор помещиков, помещиц, лакеев, кучеров с лошадьми и жизнь каждого и вообще целой России, т. е. провинциальных жителей, характеризованы очень верно; одним словом, когда я прочел поэму, как будто вышел из этого пошлого, безотрадного общества»[2].

[1] Павел Федорович Заикин, петербургский знакомый Белинского; летом 1842 г. находился в Германии. — См. также ***1845. Января 14 — марта 1 <января 2 — февраля 17>. Париж.***

[2] *Свод.* Т. 2. С. 193.

СЕНТЯБРЯ 1 <13>. ВТОРНИК. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет М. П. Погодину в Париж:

«Грустно мне было слышать, любезный друг, что ты так хворал в Лемберге. <...> Лечись хорошенько. <...> М<ертвые> Души шли прекрасно, теперь приостановились. – Ты принял ответ Аксакова за смирение[1]: он ту же минуту выдал статью свою брошюрой отдельной. Но всеобщий хохот читавших (даже и его стороны) был ему возмездием за гордость. Осрамился совершенно! Даже Белинский в Отеч<ественных> Зап<исках> сказал ему дело – оправдывается у нас в 9-м №»[2].

Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 92.

[1] По настоянию Шевырева Погодин отказал К. С. Аксакову в публикации его статьи о «Мертвых душах» в «Москвитянине» (см. ***1842. Июля 4 <16>. Суббота. Гаврилково***; ***1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково***). О восприятии брошюры К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (М., 1842. Июня 16 1842. Цензурное разрешение 7 июля. Цензор Н. Крылов. С. 1–19) см.: ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки*** (примечания).

[2] Имеется в виду статья К. С. Аксакова «Объяснение» (см. ***1842. Августа 17 <29>. Понедельник. Москва***; ***1842. Сентября 25 <октября 7>. Пятница. Москва***).

СЕНТЯБРЯ 2 <14>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение № 4 журнала «Современник» за 1842 г., в котором напечатан благожелательный отзыв о брошюре К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя...» П. А. Плетнева:

«*Несколько слов* о поэме Гоголя: *Похождение Чичикова или Мертвые души. В 8; 19 стран.* – В отношении к поэзии и вообще к искусствам, называемым изящными, эта брошюра содержит в себе много новых для нашей публики идей, много мыслей, по-видимому смелых, но тем не менее выведенных из сущности искусств. Мы сожалеем, что автор бросил их слегка, не развивши каждой и не дав им системы. Если бы на своем основании вывел он здание целой науки, мы уверены, что она подействовала бы благотворнее на читателей. Гоголь именно потому и является у нас чем-то загадочным, что наука, объемлющая все стороны искусства его, едва по частям промелькнула перед нами. От того одни смотрят на Гоголя с энтузиасмом, другие хулят его донельзя».

<*Плетнев П. А.*> Разбор новых книг. Новые сочинения // Современник. 1842. Т. 28. № 4. С. 82.

СЕНТЯБРЯ 4 <СЕНТЯБРЯ 16>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет № 9 «Отечественных Записок» с библиографической заметкой В. Г. Белинского о готовящемся издании сочинений Гоголя:

«К декабрю месяцу текущего года выйдет собрание сочинений Гоголя в *четырех* томах. <...> В *первый* том войдут "Вечера на Хуторе"... <...> *Второй* том будет состоять из "Миргорода", в котором повести "Старосветские помещики" и "О том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем" напечатаются без всяких поправок и изменений; повесть "Вий" с исправлениями, а "Тарас Бульба" совершенно переделанный, чуть не вдвое обширнее прежнего... <...> В *третий* том, кроме повестей, напечатанных в "Арабесках", – "Невский Проспект", "Записки Сумасшедшего"

и "Портрет" (последняя совершенно переделана), — войдут помещенные в "Современнике" 1836 года повести "Нос" и "Коляска", напечатанный в "Москвитянине" эпизодический рассказ "Рим", и новая, еще нигде не напечатанная повесть "Шинель" — одно из глубочайших созданий Гоголя. В *четвертом* томе поместятся: "Ревизор", <...> с новыми, против второго издания поправками автора и с письмом его[1] о первом представлении этой пьесы[2]; "Женитьба", *новая комедия* в двух действиях, нигде не напечатанная; драматические сцены: "Утро делового человека" (напечатанная в "Современнике"), "Тяжба", "Лакейская Сцена", "Разъезд после представления новой комедии", "Светские Сцены", "Игроки" (последние шесть еще нигде не были напечатаны)[3]».

[1] К А. С. Пушкину.

[2] Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору.

[3] <*Белинский В. Г.*> Библиографическое известие // Отечественные Записки. 1842. № 9 (цензурное разрешение 31 авг.). Отд. 6. С. 28.

СЕНТЯБРЯ 17 <5>. СУББОТА. ГАСТЕЙН

Гоголь с Н. М. Языковым и слугой Языкова Сильвестром[1] выехали из Гастейна в Рим[2].

[1] Ранее, 21 июля (н. ст.) 1842 г., Языков сообщал брату из Гастейна: «"Почему же и не съездить в Рим?" — говорит Сильвестр» (см. ***1842. Июля 21 <9>. Четверг. Гастейн***). 9 января (н. ст.) 1843 г. Языков писал также А. С. и Е. М. Хомяковым из Рима: «Мне тесно и холодно; Сил<ьвестру> нет особой конурки...»

Позднее, в письме в Москву от 5 октября (н. ст.) 1843 г., Гоголь спрашивал Языкова: «Каких мыслей Сильвестр о Москве и вообще каков его взгляд на отечество?»

[2] См. ***1842. Сентября 26 <14>. Понедельник. Праздник Воздвижения Креста Господня. Венеция***.

СЕНТЯБРЯ 6 <18>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской:

«Получила ли ты Москвитянин и прочла ли ты обе статьи Шевырева о Мер<твых> Душ<ах>[1], несмотря на разные смешные выражения, определения и рассуждения, многое, особенно во второй половине прекрасно, и я желала бы, чтоб ты прочла, пожалуйста, не пугайся нелепых его рассуждений в первой части и прочти все с начала до конца. Ты увидишь, как Шевырев сам невольно подтверждает ту мысль, что в Гоголе есть какое-то сходство или сродство с Гомером[2]; он приводит на одной странице сравнение из Гомера и сравнение из Гоголя и потом еще сравнение из Данта, но сравнение этого последнего совсем не носит того характера, заметь это. Шевырев, кажется, как будто невольно высказал то впечатление, которое сделали на него Мер<твые> Д<уши>, потом вдруг говорит так совершенно несообразно со всем тем, что сам сказал прежде, говорит, что он ученик Вальтер Скотта и т. д. Несмотря на то, что сам его сравнивает в некотором отношении с Гомером, он ужасно нападает на брошюрку[3] и вообще все тоже, потому что большею частию всех испугало сближение этих имен вместе, и никто больше ничего уже не рассмотрел. Однако как, сверх ожидания, Мер<твые> Д<уши> были поняты или, по крайней мере почувствованы, именно теми людьми, от которых всего менее можно было ожидать, и как именно они были совершенно не поняты теми людьми, от которых именно ждали того. Весь дом Юргановых, Кошелевых в восхищении, и видно, что они почувствовали то, что говорят, а Дмитриев, Княжевич, Армфельд, я не говорю уже про Павлова, тот, разумеется, из зависти <*1 нрзб.*>, и многие им <*1 нрзб.*> почти все не понимают, что в них хорошего. <...>

Здесь сделали какую-то пьесу из "Мер<твых> д<уш>", некоторые сцены[4], и Щепкин должен читать рассказ о Капит<ане> Копейкине; он сам не знает еще, будет ли это удачно на сцене. Во всяком случае, переделывать так в театральную пьесу есть вещь непозволительная, кажется».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 828–829.

[1] *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья первая // Москвитянин. 1842. № 7 (цензурное разрешение 10 авг.). С. 207–228; *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья вторая // Москвитянин. 1842. № 8 (цензурное разрешение 22 авг.). С. 346–376.

[2] См. также ***1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково.***

[3] Имеется в виду брошюра К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (М., 1842. Июня 16 1842. Цензурное разрешение 7 июля. Цензор Н. Крылов. С. 1–19).

[4] См. ***1842. Сентября 9 <21>. Среда. Санкт-Петербург***; ***1842. Сентября 11 <23>. Пятница. Москва.***

СЕНТЯБРЯ 20 <8>. ВТОРНИК. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. РИМ

А. А. Иванов пишет матери Г. П. Галагана, Е. В. Галаган:

«Я употреблю все усилия, чтобы познакомить его <Г. П. Галагана> с Николаем Васильевичем Гоголем[1]; если удастся, то это будет для него немалое приобретение – наш лучший поэт пять лет жил в Риме и прилежно изучал искусства».

Из писем А. А. Иванова // *Свод*. Т. 3. С. 331.

[1] См. ***1842. Декабря средина <декабря начало>. Рим***; ***1842. Декабря конец <декабря средина>. Рим.***

СЕНТЯБРЯ 9 <21>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В Александринском театре, в бенефис драматурга, актера и режиссера Н. И. Куликова (Н. Крестовского) (1812–1891) премьера спектакля «Комические сцены из новой поэмы *Мертвые души* сочинения Гоголя (автора Ревизора)...»[1] Постановка была осуществлена без ведома Гоголя.

«9 <сентября>. Сред<а>. Алекс<андринский театр>. Великий актер, др<ама>; Жены наши пропали, ком<едия>-вод<евиль>; Комедия о войне Федосьи Сидоровны с Китайцами, Сибирская сказка; Мертвые души, комические сцены. Посетителей 1550[2]. Карет 68. Прочих экипажей 17»[3].

Позднее, 21 октября 1842 г., Н. Я. Прокопович сообщал Гоголю в Рим: «Кто-то из актеров приноровил некоторые отрывки к сцене; вовсе не сценическое достоинство “Мертвых душ” и талантливая игра здешних актеров сделали то, что вышла чепуха страшная, все бранили и, несмотря на то, все лезли в театр, так что, кроме бенефиса Куликова, пять представлений на Большом театре было битком набито»[4].

26 ноября (н. ст.) 1842 г. Гоголь отвечал Прокоповичу: «Насчет разных корсарств в мои владения, о которых, признаюсь, мне неприятнее всего было слышать, я пишу письмо к Плетневу[5], чтобы он переговорил лично с Гедеоновым обо всем этом. А между тем объяви всем и распространи слух, что я слишком задет наглостью переделывателя и намерен искать законным порядком на него управы, что уже, дескать, сочиняю закатистую просьбу к какому-то важному лицу. Это несколько устрашит заблаговременно охотников. <...> Не дурно распространить и сделать предметом разговора, что ни в одном образованном государстве не может никакой антрепренер перетащить на сцену сочинения, не испрося согласия автора, и что если автор найдет три строки, взятые целиком из его произведения и не приведенные в смысле цитаты, то имеет право производить судовым порядком иск о похищении и воровстве, и вор ничем не разнится в наказании от уличного вора. Этому постановлению нужно дать гласность, и чтобы о нем все говорили. В моем деле больше значит общий голос и крик, чем частные хлопоты».

В письме к М. С. Щепкину от 28 ноября (н. ст.) 1842 г. Гоголь замечал: «Все драматические отрывки и сцены, заключающиеся в четвертом томе моих сочинений (их числом пять), все исключительно принадлежат вам. Об этом я уже написал к издателю моих сочинений, Прокоповичу[6], и просил Плетнева[7] объявить Гедеонову,

а вам прилагаю нарочно при сем письмецо[8], которое бы вы могли показать всякому, кто вздумает оспаривать ваше право».

В тот же день, 28 ноября (н. ст.) 1842 г., Гоголь писал П. А. Плетневу: «До меня дошли слухи, что из Мертвых душ таскают целыми страницами на театр. Я едва мог верить. Ни в одном просвещенном государстве не водится, чтобы кто осмелился, не испрося позволения у автора, перетаскивать его сочинения на сцену. (А я тысячи имею, как нарочно, причин не желать, чтобы из Мертвых <душ> что-либо было переведено на сцену.) Сделайте милость, постарайтесь как-нибудь увидеться с Гедеоновым[9] и объясните ему, что я не давал никакого позволения этому корсару, которого я не знаю даже и имени. [на<звания?>] Это очень нужно сделать, потому что в выходящем издании моих сочинений есть несколько драматических отрывков, которые как раз могут очутиться на сцене, тогда как на них законное право имеет один только Щепкин. Сделайте милость, объясните ему это. Скажите, что вы свидетель, что находящееся у Щепкина письмо, которым я передаю ему право на постановку этих пиэс на сцену, писано именно мною и есть неподдельное. Что я, в самом деле, за беззащитное лицо, которого можно обижать всякому? Ради Бога вступитесь за это дело. Оно слишком близко моему сердцу».

[1] *Ельницкая 1978.* С. 276; *Ельницкая 1979.* С. 350. – См. также ***1842. Сентября 6 <18>. Воскресенье. Москва***; ***1842. Сентября 11 <23>. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1842. Сентября 13 <25>. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1842. Сентября 15 <27>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1842. Сентября 18 <30>. Санкт-Петербург***; ***1842. Сентября 20 <октября 2>. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1842. Сентября 27 <октября 9>. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1842. Ноября 4 <16>. Среда. Санкт-Петербург***; ***1852. Января 14. Понедельник. Санкт-Петербург***.

[2] Число зрителей сцен из «Мертвых душ» в несколько раз превосходило число посетителей других спектаклей в Александринском и Большом театре в сентябре 1842 г.

[3] Афиша. Петербургские театры // Репертуар Русского и Пантеон Всех Европейских Театров, на 1842 год, издаваемый И. Песоцким и книгопродавцем В. Поляковым. 1842. Кн. 19 (цензурное разрешение 30 сентября). <Отд. 2>. С. 31.

[4] Н. Н. Шереметева 8 ноября 1842 г. сообщала также О. Сем. Аксаковой: «В октябре из Лицеи внук <Е. И. Якушкин> ко мне писал, что у них будет праздновать<ся> день открытия Лицеи, будет театр, и две сцены будут из "Мертвых душ"» (см. ***1842. Ноября 8 <20>. Воскресенье. С. Покровское***).

[5] 28 ноября (н. ст.) 1842 г. (см. ниже).

[6] См. ***1842. Ноября 26 <14>. Суббота. Рим***.

[7] В письме от 28 ноября (н. ст.) 1842 г. (см. ниже).

[8] См. ***1842. Ноября 26 <14>. Суббота. Рим***.

[9] Исполняя поручение Гоголя, Плетнев в день получения письма (10 декабря 1842 г.) написал соответствующее письмо А. М. Гедеонову (см. ***1842. Декабря 10 <22>. Четверг. Санкт-Петербург***). В ответном письме от 11 декабря 1842 г. Гедеонов обещал не допускать впредь на сцену «никакой пьесы, в которой бы входило что-либо из сочинений г. Гоголя без письменного его согласия» (см. ***1842. Декабря 11 <23>. Пятница. Санкт-Петербург***). Позднее, 30 января 1856 г., в Московском Малом театре, в бенефис актрисы М. Д. Львовой-Синецкой были поставлены «сцены в 3 картинах» «Похождения Павла Ивановича Чичикова», составленные из второго тома «Мертвых душ» П. И. Григорьевым.

СЕНТЯБРЯ МЕЖДУ 22 И 28 <МЕЖДУ 10 И 16>. ВЕНЕЦИЯ

Н. М. Языков сообщает родным:

«Я в Венеции, куда, под осененьем Гоголя, благополучно прибыл 22 сентября[1], и где мы сидим довольно хорошо. Погода стоит негодная, но я все-таки уже видел площадь св. Марка и даже самый собор»[2].

Позднее, 5 ноября (н. ст.) 1842 г. Языков писал брату А. М. Языкову из Рима: «В Венеции пробыли мы неделю[3], но, так сказать, бесполезно, потому что погода не благоприятствовала ни осматриванию достопримечательностей, ни катанию в гондолах: тогда было время ущерба луны, сиянье которой необходимо для этого водоплавательного удовольствия, и дожди лили непрестанно»[4].

[1] См. также ***1842. Сентября 26 <14>. Понедельник. Праздник Воздвижения Креста Господня. Венеция***.

[2] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 155.

[3] С 22 сентября по 1 октября (н. ст.) 1842 г.
[4] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 156.

СЕНТЯБРЯ 11 <23>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление спектакля «Мертвые души, комические сцены» (сост. Н. И. Куликовым) в Александринском театре[1].

«11 <сентября>. Пятн<ица>. Алекс<андринский театр>. Великий актер, др<ама>; Жены наши пропали, ком<едия>-вод<евиль>; Комедия о войне Федосьи Сидоровны с Китайцами, Сибирская сказка; Комические сцены из новой поэмы: Мертвые души. Посетителей 1550. Карет 47. Прочих экипажей 24»[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 276.
[2] Афиша. Петербургские театры // Репертуар Русского и Пантеон Всех Европейских Театров, на 1842 год, издаваемый И. Песоцким и книгопродавцем В. Поляковым. 1842. Кн. 19 (цензурное разрешение 30 сентября). <Отд. 2>. С. 31.

СЕНТЯБРЯ 11 <23>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

В Большом театре актерами Малого театра в бенефис И. В. Самарина впервые в Москве игрались «Комические сцены из новой поэмы *Мертвые души...*», составленные Н. И. Куликовым[1].

«1842. В б<енефис> Самарина, В пятн<ицу> 11 сентяб<ря> в 1 раз. Мертвые души. Известного автора “Ревизора” Г. Гоголя, составленная N. N. Действ<ующие лица> при первом представ<лении>: Антон Васильевич Сысоев, полицеймейстер губернского города – <П.> Рославский, Анна Григорьевна, жена его – Самарина, Софья Ивановна – <М. Д.> Львова-Синецкая, Иван Андреевич Дробяжкин, почтмейстер – <М. С.> Щепкин, Пантелей Миронович Медведев, председатель палаты – <В. Ф.> Соколов, Ив<ан> Иванович Завалишин, инспектор врачебной управы – <Н. М.> Никифоров, Иван Семенович Собакевич, помещик – <М. А.> Шуберт, Александр Петрович Ноздрев, помещик – <В. И.> Живокини, Павел Ив<анович> Чичиков, помещик – <И. И.> Немчинов[2], Петрушка, слуга Чичикова – <И. Е.> Турчанинов, Стефан, кучер его – П. <Г.> Степанов, Слуга – <А. А.> Ермилов[3], Служанка – Струева»[4].

Эта постановка эпизодически возобновлялась в Москве в 1844, 1846 и 1852 гг.[5]

В тот же день, 11 сентября 1842 г., Аксаковы получили письмо Гоголя из Гастейна от 18 августа (н. ст.) 1842 г.[6]

[1] *Гриц.* С. 296; *Ельницкая 1978.* С. 276; *Ельницкая 1979.* С. 350. См. также ***1842. Сентября 9 <21>. Среда. Санкт-Петербург***; ***1842. Сентября 17 <29>. Москва.***
[2] Иван Иванович Немчинов (1818–1861), московский актер.
[3] Имеется в виду либо Александр Алексеевич Ермолов, артист Малого театра с 1836 г., либо Петр Алексеевич Ермолов, артист Малого театра с 1840 по 1899 г.
[4] *Черневский С. А.* Гоголь в переделках для сцены // Свод. Т. 3. С. 42.
[5] *Данилов С. С.* Гоголь в инсценировках // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 438. – См. ***1844. Мая 29. Понедельник. Москва***; ***1846. Декабря 13 <25>. Пятница. Москва***; ***1846 декабря 20 <1847 января 1>. Пятница. Москва***; ***1852. Января 14. Понедельник. Москва.***
[6] См. ***1842. Августа 18 <6>. Четверг. Праздник Преображения Господня. Гастейн.***

СЕНТЯБРЯ 13 <25>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление спектакля «Мертвые души, комические сцены» (сост. Н. И. Куликовым) в Александринском театре[1].

«13 <сентября>. Воск<ресенье>. Алекс<андринский театр>. Великий актер, др<ама>; Жены наши пропали, ком<едия>-вод<евиль>; Комедия о войне Федосьи Сидоровны с Китайцами, Сибирская сказка; Комические сцены из новой поэмы: Мертвые души. Посетителей 1350. Карет 54. Прочих экипажей 20»[2].

[1] *Ельницкая 1978*. С. 276.
[2] Афиша. Петербургские театры // Репертуар Русского и Пантеон Всех Европейских Театров, на 1842 год, издаваемый И. Песоцким и книгопродавцем В. Поляковым. 1842. Кн. 19 (цензурное разрешение 30 сентября). <Отд. 2>. С. 31.

СЕНТЯБРЯ 26 <14>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПРАЗДНИК ВОЗДВИЖЕНИЯ КРЕСТА ГОСПОДНЯ. ВЕНЕЦИЯ

Н. М. Языков сообщает родным:

«Сентября 17 дня оставили мы Гаштейн – и 22 прибыли благополучно в Венецию, где и сидим добропорядочно: это путешествие наше шло быстро, несмотря на погоду, сильно противодействовавшую поспешению нашему: борей с дождем и холодом, особенно на высотах Бреннера[1], пытался воспрепятствовать одиноким странникам скорее добраться до перепутья, но напрасно! Мы было остановились в гостиннице (Европа), но вскоре перешли на частную квартиру, – ради уменьшения издержек и ради большего простора. Погода продолжает портиться – широкко – дует теплом и дождем и покрывает еще небесною влагою Венецию, и без того уже влажную; сидим перед камином, ждем чего-то лучшего и едим виноград.

Не знаю, долго ли мы еще пробудем здесь: это все зависит от Гоголя, у которого я на руках, или, лучше, в руках. В Рим, дескать, рано: теперь там еще жары несноснейшие!

Хожу гулять на площадь Св. Марка – место восхитительное! Собор разительно похож на наши. Жаль, что мы здесь во время ущерба луны: это препятствует слышать *баркароллы*[2], плывя в таинственной гондоле!»

Из писем Н. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 155.

[1] Бреннер – перевал в Альпах, у границы Австрии и Италии, высотой 1371 м.
[2] Баркарола (barcarola; *ит.*) – песня венецианских гондольеров.

СЕНТЯБРЯ 15 <27>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение третьего тома «Сочинений Николая Гоголя» (цензор А. В. Никитенко).

Представление спектакля «Мертвые души, комические сцены» (сост. Н. И. Куликовым) в Александринском театре.

«15 <сентября>. Втор<ник>. Больш<ой театр>. Великий актер, др<ама>; Комедия о войне Федосьи Сидоровны с Китайцами, Сибирская сказка; Жены наши пропали, ком<едия>-вод<евиль>; Комические сцены из новой поэмы: Мертвые души. Посетителей 663. Карет 45. Прочих экипажей 17»[1].

В тот же день, 15 сентября 1842 г., Императрица Александра Феодоровна изъявила желание прочесть «Тараса Бульбу» Гоголя[2].

16 сентября 1842 г. П. А. Плетнев сообщал Я. К. Гроту: «*Вторник (15 сентября).* В Царское Село. Великая Княжна Ольга Николаевна сказала, что Maman просит нас читать у нее. <...> Читали Ундину за недостатком Гоголева Бульбы, которого ей хотелось было слушать»[3].

[1] Афиша. Петербургские театры // Репертуар Русского и Пантеон Всех Европейских Театров, на 1842 год, издаваемый И. Песоцким и книгопродавцем В. Поляковым. 1842. Кн. 19 (цензурное разрешение 30 сентября). <Отд. 2>. С. 31.

[2] ***1842. Ноября 10 <22>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[3] *Свод.* Т. 1. С. 664.

1840 СЕНТЯБРЯ 2–10 <АВГУСТА 21–29> ИЛИ 1842 СЕНТЯБРЯ МЕЖДУ 22 И 28 <МЕЖДУ 10 И 16>. ВЕНЕЦИЯ

Возможно, к одному из указанных периодов относится предполагаемый портрет Гоголя венецианского художника Зони (Цони, Цани).

Впервые портрет был описан в 1902 г.: «<№> 50. Н. В. Гоголь (после 1839 г.). Писан неизвестным, очень плохим мастером, не с натуры, хотя узнать можно. Гоголь изображен с сигарой (Гоголь никогда не курил). Судя по типу, должен быть отнесен к позднему периоду жизни Гоголя, когда он уже не был “франтиком”. Фотография с оригинала масляными красками, принадлежащего А. П. Бахрушину в Москве. – <Из собрания> М<ихаила> С<перанского>»[1].

В 1927 г. в «Известиях ЦИК СССР...» также сообщалось: «ХАРЬКОВ, 4 марта. (По телеф<ону> от наш<его> корр<еспондента>). Всеукраинский музей им. Шевченко приобрел оригинал портрета Гоголя работы венецианского художника Зони, относящийся к 1847 г.»[2].

В том же 1927 г. В. А. Чаговец сообщал: «...В надуманно-хлестаковском пестром наряде, в бархатном алым подбитом халате, в тонком белье голландского полотна и с недокуренной сигарой, зажатой в застывших тонких пальцах <...> он <Гоголь> изображен на недавно найденном портрете работы венецианского художника Цони (или Цани?)...»[3]

Возможно также, что портрет написан не венецианским художником Зони, а известным Гоголю и А. О. Смирновой немецким историческим живописцем и портретистом К. Ф. Зоном[4] – и, следовательно, относится к другому времени, а именно ко времени пребывания Гоголя в Дюссельдорфе в 1843 г.[5].

[1] Гоголевская выставка. Каталог. I. Портреты Н. В. Гоголя, сцены из его жизни // Гоголевский Сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 192.

[2] К годовщине смерти Н. В. Гоголя // Известия Центрального Исполнительного Комитета СССР и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноарм<ейских> Депутатов. 1927. 5 марта. № 53 (2987). С. 4.

[3] *Чаговец Вс.* Gogoliana. (Гоголевская выставка в «Уник») // Вечерний Киев. 1927. 8 дек. № 252. С. 2; *Свод.* Т. 3. С. 991.

[4] См. ***1844. Августа 12 <июля 31>. Понедельник. Берлин.*** – См. также ***1844. Мая 6 <апреля 24>. Понедельник. Париж*** (примечания).

[5] См. ***1843. Августа 28 <16>. Понедельник – ноября 5 <октября 24>. Воскресенье. Дюссельдорф.***

СЕНТЯБРЯ 28 <16>. СРЕДА. ВЕНЕЦИЯ

В паспорте Гоголя сделана отметка об отъезде из Венеции:

«28 сент<ября>. Венеция».

Шевырев С. П. <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 125. – См. 1852. Мая 2–7. Москва.

СЕНТЯБРЯ 16 <28>. СРЕДА

М. Г. Карташевская пишет В. С. Аксаковой:

«Маменька привезла мне из города[1] два номера “Москвитянина”, и я прочла вчера, что есть в них интересного, т. е. статьи Шевырева[2]. Признаться, они показались мне чрезвычайно странными. Во-первых, меня поразило то, что он начинает как будто бы защищать “Мертвые души”, милостиво берет их под свое покровительство. Такой тон заставляет думать, что он сам не оценил, как должно, огромное достоинство разбираемого сочинения. Потом мне очень не нравится манера выписывать целыми страницами из книги, но я молчу: может быть, так надобно; только, читая статьи, мне все казалось, что автор взялся за слишком трудное дело и потому, чтобы избавить себя от трудности определять, выписывает просто из книги. Еще поразило меня обвинение, будто бы город описываемый – идеальное создание, и вообще все его нападения. <...>

И я тоже хотела сообщить тебе, что на нашем театре уже давалось какое-то представление, которого сюжет заимствован из “Мертвых душ”[3], и три представления сряду театр был полон. Это доказывает, я думаю, что “Мертвые души” произвели большое впечатление, когда поспешили представить их публике даже на театре, но я не знаю, приятно ли это будет Гоголю, особливо если всё обезобразят».

Гоголь в письмах М. Г. Карташевской к Аксаковым // *Свод.* Т. 2. С. 957.

[1] Имеется в виду Петербург.

[2] *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья первая // Москвитянин. 1842. № 7 (цензурное разрешение 10 авг.). С. 207–228; *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья вторая // Москвитянин. 1842. № 8 (цензурное разрешение 22 авг.). С. 346–376.

[3] См. ***1842. Сентября 6 <18>. Воскресенье. Москва***; ***1852. Сентября 9 <21>. Среда. Санкт-Петербург***.

СЕНТЯБРЯ 17 <29>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Представление спектакля «Мертвые души, комические сцены» (сост. Н. И. Куликовым) в Малом театре[1].

В тот же день В. П. Боткин писал В. Г. Белинскому в Петербург:

«...М. С. Щепкин писал к тебе, что Гоголь позволил ему дать в бенефис комедию “Женихи”[2] (кажется, эту, да, именно эту, которая будет напечатана в новом издании сочинений Гоголя). Следовательно ему нужен верный список с нее для представления в театральную цензуру. В письме он просил тебя похлопотать о списке и прислать ему. На письмо свое Щепкин не получил от тебя никакого ответа, так что сомневается даже, дошло ли это письмо до тебя. Теперь он просил меня написать к тебе о том же. Пожалуйста, похлопочи. Кажется, одного уверения М<ихаила> С<еменовича> достаточно, чтобы убедить Прокоповича в действительности обещания Гоголя. Сделай, или, по крайней мере, отвечай М<ихаилу> С<еменови>чу как можно скорее, потому что время к бенефису близится»[3].

[1] *Гриц.* С. 297; *Ельницкая 1978.* С. 276; см. также: *Черневский С. А.* Гоголь в переделках для сцены // *Свод.* Т. 3. С. 42.

[2] См. также ***1842. Октября 22 <10>. Суббота. Рим.***

[3] Из писем В. П. Боткина // *Свод.* Т. 3. С. 293.

СЕНТЯБРЯ 18 <30>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление спектакля «Мертвые души, комические сцены» (сост. Н. И. Куликовым) в Александринском театре[1].

«18 <сентября>. Пятн<ица>. Алекс<андринский театр>. Великий актер, др<ама>; Жены наши пропали, ком<едия>-вод<евиль>; Комедия о войне Федосьи Сидоровны с Китайцами, Сибирская сказка; Комические сцены из новой поэмы: Мертвые души. Посетителей 750. Карет 59. Прочих экипажей 25»[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 276.

[2] Афиша. Петербургские театры // Репертуар Русского и Пантеон Всех Европейских Театров, на 1842 год, издаваемый И. Песоцким и книгопродавцем В. Поляковым. 1842. Кн. 19 (цензурное разрешение 30 сентября). <Отд. 2>. С. 32.

СЕНТЯБРЯ КОНЕЦ <СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА>. РИМ

А. А. Иванов отвечает[1] Ф. А. фон Моллеру:

«Я решился теперь дождаться Гоголя, который уже на днях должен быть в Риме[2]. Ваше дело[3] в Риме совсем уже не секрет, и Гоголь его услышит (от меня слышать об Вашем деле лучше, чем от кого-либо другого[4]). Кривцов с Гоголем другой, чем со мной, и я надеюсь на самый лучший оборот. <...> Я бы желал, чтоб Вы купили для Василия[5] и для меня ультрамарину в порошке <...>, а в Австрии карандашей венских, тех самых, что нам Гоголь подарил когда-то[6]»[7].

[1] Письмо является ответом на неизданные письма Моллера от 16/28 июля и 10/22 августа 1842 г. (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 638).

[2] 30 августа (н. ст.) 1842 г. Гоголь сообщал Иванову из Гастейна: «Я буду в Риме около 15 октября». В Рим он прибыл вместе с Н. М. Языковым 4 октября (н. ст.) 1842 г. (см. ***1842. Октября 4 <сентября 22>. Вторник. Рим***).

[3] О «деле» Моллера Иванов сообщил Гоголю еще в феврале 1842 г. (см. ***1842. Февраля между 9 и 13 <между января 28 и февраля 1>. Рим***). См. также ***1842. Апреля конец <апреля средина>. Рим***; ***1843. Января 14 <2>. Суббота. Рим***; ***1843. Мая первая половина <апреля вторая половина – мая начало>. Рим***; ***1843. Мая конец – июня начало <мая вторая половина>. Рим***; ***1843. Июня конец – июля начало <июня вторая половина>. Рим***.

[4] Ответ Моллера см.: ***1842. Сентября 30 <октября 12>. Среда. Санкт-Петербург.***

[5] Василий Алексеевич Серебряков (1810–1886), художник.

[6] 20 сентября (н. ст.) 1839 г. Гоголь сообщал Иванову из Вены: «Вы получите также три дюжины венск<их> карандашей, которые я нахожу очень хорошими. Одну дюжину из них возьмите себе, другую отдайте Моллеру, а третью оставьте для меня».

[7] Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 331.

ОКТЯБРЯ 1 <СЕНТЯБРЯ 19>. СУББОТА. ПАРИЖ

М. П. Погодин пишет С. Т. Аксакову:

«Как горько было мне услышать[1], что Константин напечатал свою статью о Гоголе! Как досадно мне было на вашу слабость. Неужели и в вас недостало столько литературной доверенности ко мне, чтоб согласиться со мною, что статья не годится для печати в первом виде? Неужели я не напечатал ее без основания? Неужели легко мне было прислать ее назад? Неужели не рад бы я был всякому успеху[2] Константина?»

Аксаков С. Т. История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 721.

[1] См. ***1842. Сентября 1 <13>. Вторник. Москва.***
[2] «Здесь кстати напомнить, что К. С. Аксаков учился в частном пансионе Погодина» (*Шенрок.* Т. 4. С. 76). – См. также ***1841. Января 31 <февраля 12>. Пятница. Москва***; ***1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково.***

ОКТЯБРЯ 2 <СЕНТЯБРЯ 20>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. БОЛОНЬЯ

Гоголь и Н. М. Языков с его слугой Сильвестром проездом в Болонье.

В паспорте Гоголя сделана отметка: «2 окт<ября>. Болонья».

Шевырев С. П. <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 125. – См. 1852. Мая 2–7. Москва.

СЕНТЯБРЯ 20 <ОКТЯБРЯ 2>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление спектакля «Мертвые души, комические сцены» (сост. Н. И. Куликовым) в Александринском театре[1].

«20 <сентября>. Воскр<есенье>. Алекс<андринский театр>. Великий актер, др<ама>; Жены наши пропали, ком<едия>-вод<евиль>; Комедия о войне Федосьи Сидоровны с Китайцами, Сибирская сказка; Комические сцены из новой поэмы: Мертвые души. Посетителей 650. Карет 22. Прочих экипажей 17»[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 276.
[2] Афиша. Петербургские театры // Репертуар Русского и Пантеон Всех Европейских Театров, на 1842 год, издаваемый И. Песоцким и книгопродавцем В. Поляковым. 1842. Кн. 19 (цензурное разрешение 30 сентября). <Отд. 2>. С. 32.

ОКТЯБРЯ 3 <СЕНТЯБРЯ 21>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ФЛОРЕНЦИЯ

Гоголь и Н. М. Языков с его слугой Сильвестром проездом во Флоренции.

В паспорте Гоголя сделана отметка: «30 <3> окт<ября>[1]. Флорен<ция>»[2].

Позднее, 22 ноября (н. ст.) 1842 г., Языков писал родным из Рима: «Во Флоренции поселился русский купец Великанов[3], торгующий татарскими халатами и сапогами и табаком Жукова: все это, особенно же табак, раскупается у него нарасхват – а он продает все это втридорога!»[4]

[1] Цифра «30» (вместо «3»), по-видимому, представляет собой описку. Ср. ***1842. Октября 2 <сентября 20>. Воскресенье. Болонья.***
[2] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 125. – См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***
[3] И. И. Великанов.

[4] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 156.

ОКТЯБРЯ 4 <СЕНТЯБРЯ 22>. ВТОРНИК. РИМ

Гоголь и Н. М. Языков с его слугой Сильвестром прибыли в Рим.

На следующий день, 5 октября (н. ст.) 1842 г., Н. М. Языков сообщал брату А. М. Языкову: «Возвещаю тебе, а ты возвести всем, кому о том знать подобает, что октября 4 дня 1842 года мы прибыли благополучно во град Рим!»[1]

Получив письмо брата, А. М. Языков 22 ноября / 4 декабря 1842 г. извещал В. Д. Комовского: «...<Брат Николай> теперь в Риме, куда прибыл 4 октября вместе с Гоголем, взявшим его на свои руки и свою ответственность»[2].

5 ноября (н. ст.) 1842 г., Н. М. Языков вновь писал брату из Рима: «От Венеции до Рима путешествие наше шло также благополучно и скоро, несмотря на частые ночлеги, остановки и объезды, с коими оно было сопряжено вследствие проливных дождей, испортивших дороги и мосты, особенно в Папских владениях, где эта часть в большом небрежении — яко земная, вероятно»[3].

Позднее, 1 декабря (н. ст.) 1842 г., Языков сообщал также сестре Е. М. Хомяковой: «Путешествия во время осени вообще — сопряжены с неудовольствиями — и приключение, бывшее с вами в пространных степях Башкирских, могло случиться и под небом Италии: так помню я, как мы тащились возле реки по осенней дороге, после дождей: тут идет дорога премерзкая — частью, какие у нас бывают, как в мою каретку, обыкновенно возимую 3 лошадьми, заложили 6 — и мы с криком 3-х почтальонов, со свистом бичей и с опасностью опрокинутия экипажа или изломления колеса — бились несколько часов сряду; — хорошо еще, что это было утром. — В Церковном же государстве пути сообщения в таком небрежении, что дороги вовсе не поправляются, и через реку, которая разграничивает Папу от Тосканского Герц<ога>[4], нет и моста, а ездят просто руслом реки по валунам и булыжнику — и во время дождей пережидают, пока воды обмелеют! Святой Отец не соглашается дать Тосканскому половину денег, потребных на постройку моста!»[5]

[1] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 155.
[2] Из писем А. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 183.
[3] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 156.
[4] Леопольд II, великий герцог Тосканский (1797-1869).
[5] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 157.

1842 ОКТЯБРЯ 4 <СЕНТЯБРЯ 22> – 1843 МАЯ 2 <АПРЕЛЯ 20>. РИМ

Гоголь живет в Риме с больным поэтом Н. М. Языковым. Встречается с А. А. Ивановым, Ф. И. Иорданом, И. С. Шаповаленко, княгиней З. А. Волконской[1], Ф. В. Чижовым (с конца ноября (н. ст.) 1842 г.)[2], с Г. П. Галаганом (с конца декабря (н. ст.) 1842 г.)[3], с Ар. О. Россетом[4] и В. А. Перовским[5] (с конца 1842 — начала 1843 г.), с А. О. Смирновой (с 26 января (н. ст.) 1843 г.)[6] и др. В конце марта (н. ст.) 1843 г. представлялся великой княгине Марии Николаевне[7].

В этот период Гоголь работал над изданием «Сочинений» и вторым томом «Мертвых душ»; вероятно, занимался переводом на итальянский язык (возмож-

но, с латинского) «Увещательных глав» диакона Великой церкви Св. Софии в Константинополе Агапита св. правоверному царю Юстиниану[8], написал сочинение <О благодарности>[9].

В 1852 г. С. П. Шевырев на основании отметок в паспорте Гоголя записал: «Зима 1842/1843 в Риме»[10].

В записной книжке Гоголя 1842–1845 гг.[11], вероятно, вскоре по приезде появляется ряд записей:

«Бахерах – Bacherach. – Комната для человека[12]. – Скальдина[13]. – Мебели: комоды, кресло, стол. – Место для кареты[14]. – О биллиарде[15]. – О прислуге, о девушке и белье. – О кровати поменьше.

Шляпу. – Гартману[16]. – Парикмахер. – Спросить камерьера о поваре.

Купить фланель. – Диагональ. – Сукна на плащ. – Чего-нибудь на штаны утренние. – К Паве[17] за книгами. – К Ромени[18] – " – <за книгами>.

M. di Gogol N. – Гартману о потеньи, о кашле и мокротах. О перемене квартиры. – О состоянии души моей и ее необходимом волнении. – О количестве капель, принятых мною. О сурьезности болезни и его[19] и моей. – О Раевских[20]. – О куреньи и глотаньи дыма».

Через месяц по приезде в Рим, 5 ноября (н. ст.) 1842 г., Языков писал брату: «Я уже извещал тебя о прибытии нашем в Рим[21]. Несколько дней просидели мы в Hotel de Russie, потом перешли в частный дом на житье-бытье шестимесячное. Гоголь нашел мне квартиру в том доме, где сам обыкновенно пребывает, когда в Риме бывает[22]. Две комнаты, хорошо убранные и солнечные, в одной – камин; надо мною, в третьем этаже, сидит Гоголь – тоже в двух комнатах, в одной из них биллиард. Квартиры здесь довольно дороги, и вообще все не так хорошо устроено для иностранцев, как, напр<имер>, в Германии, где все жизненные удобства всегда готовы к услугам путешественника. Погода очень теплая – и благосклонная к гулянью – по местам, озаренным улыбкою Феба, а в тени люди зябнут, особенно нездешние: и я в том числе – это так и быть должно, по словам медика, потому что здешний воздух сильно возбуждает нервы и делает их чувствительнейшими к переменам температуры; только северный человек зябнет на Юге больше, чем дома»[23].

Позднее, 22 ноября (н. ст.) 1842 г., Языков сообщал родным из Рима: «В Риме есть <...> русский поселившийся мастеровой с вывеской: *обойщик Федоров!*»[24]

В 2001 г. В. Н. Гасперович указывала: «В приходской книге[25] за 1842 г. фамилия Гоголя внесена вне списка справа и притом тем же почерком, что и в 1838 году[26], когда писателя посчитали католиком. <Поскольку весной 1842 г., в пасхальное время, Гоголя в Риме не было, то запись свидетельствует> <...>, что не только на Пасху, но и в рождественский период, скорее всего в декабре, священник ходил по улицам своего района, вписывая новоприезжих жителей. <...> ...На этот раз впервые фамилия писателя написана правильно – "Gogol Nicolo – russo". Любопытно только то, что запись сделана напротив имени и фамилии табачника Спетта Джузеппе, 47-ми лет, проживавшего на 4-м <на 5-м>[27] этаже с семьей. А ведь в письмах Николай Васильевич сообщал, что живет на 3-м этаже. Ради любопытства скажем, что у бывшей хозяйки Гоголя – Аннамарии Ринальди на 3-ем <на 4-м> этаже, кроме ее родственников, жили: "Лонг [?] Луиджи – американец, художник, 29 лет, протестант; Аншкофер [?] Антонио – немец, гравер, 29 лет". Тогда как на 4-ом <на 5-м> этаже жили: "Клаве Пеллегрино – испанец, художник, 26 лет; Бианки Джованни – швейцарец-художник, 36 лет; [?] Луиджи – хорват, художник; [?] Карл – швед-скульптор, 40 лет"»[28].

Из воспоминаний Ф. И. Иордана (опубл. в 1891 г.): «Спустя несколько времени я увидал приехавшего к Гоголю известного поэта (Н. М.) Языкова[29]. Лицо его было в высшей степени страдаль-

ческое; он не мог ходить, страдая болезнью станового хребта — последствие крайне невоздержной его жизни. Он собирался, должно быть, долго пробыть в Риме, ибо я видел огромный сундук с книгами, который привезли из таможни к Гоголю, но болезнь заставила его поспешить обратно[30] в Россию»[31].

В 1901 г. Н. Н. Кузьмин сообщал: «Встретив, вторично в Италии, в 1842 году Гоголя в Риме, Айвазовский неизменно проводил свои вечера "в келии" у Гоголя, куда иногда приходили и другие художники: Штернберг, Моллер[32], друг Н. В. Гоголя — известный художник Иванов и пр. Гоголя все любили и уважали. Он был душою всего этого небольшого кружка художников. Здесь много говорили об искусстве, толковали о художественных новостях Рима, и здесь развивался и креп талант И. К. Айвазовского»[33].

[1] См. ***1842. Ноября 12 <октября 31>. Суббота. Рим***; ***1843. Февраля 2 <января 21>. Четверг. Рим.***

[2] См. ***1842. Ноября 30 <18>. Среда. Рим.***

[3] См. ***1842. Декабря конец <декабря средина>. Рим.***

[4] См. ***1842 декабря конец — 1843 января первая половина <1842 декабря средина — 1843 января начало>. Рим.***

[5] См. ***1843 января 9 <1842 декабря 28>. Понедельник. Рим***; ***1843. Марта 10–11 <февраля 26–27>. Пятница — суббота первой недели Великого Поста; или апреля 19–22 <7–10>. Великая среда — Великая суббота. Рим.***

[6] См. ***1843. Января 26 <14>. Четверг. Рим.***

[7] См. ***1843. Марта между 21 и 26 <марта между 9 и 14>. Утро. Рим.***

[8] См. также ***1843. Февраля 18 <6>. Суббота. Рим*** (примечания).

[9] См. ***1843. Февраля 18 <6>. Суббота. Рим*** (примечания); ***1843. Апреля средина — мая 2 <апреля начало — апреля 20>. Рим*** (примечания).

[10] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 125. См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

[11] Датировка записной книжки уточнена (см. примечания ниже).

[12] Имеется в виду слуга Языкова Сильвестр.

[13] Скальдина предназначалась для Языкова. Сам Гоголь этим итальянским сосудом для обогревания комнаты не пользовался (см. ***1839. Февраля 5 <января 24>. Рим. Вторник***).

[14] Карета, по-видимому, также была нужна больному Языкову. По свидетельству Г. П. Галагана, во время проживания с Языковым в Риме Гоголь возил его «по городу в открытой коляске» (см. ***1842. Декабря конец <декабря средина>. Рим***). 8 июля (н. ст.) 1843 г. сам Гоголь писал А. П. Елагиной о Языкове: «За час или за два перед обедом он должен ехать кататься и гулять...» (см. ***1843. Июля 8 <июня 26>. Суббота. Баден-Баден***).

[15] См. ниже упоминание о «биллиарде» в письме Языкова к брату от 5 ноября (н. ст.) 1842 г. 8 июля (н. ст.) 1843 г. Гоголь писал А. П. Елагиной о Языкове: «Отыщите для него квартиру сами, не менее <...> четырех комнат. <...> Сделайте так, чтобы токарный станок был тотчас же в них поставлен, если можно, то и бильярд» (см. ***1843. Июля 8 <июня 26>. Суббота. Баден-Баден***). По словам Языкова в письме к Гоголю от 25 апреля 1845 г., доктор И. Г. Копп называл токарный станок «спасеньем» Языкова (см. ***1845. Апреля 25 <мая 7>. Среда. Москва***).

[16] См. ***1842. Октября 13 <1>. Четверг. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Рим.***

[17] В. Паве, воспитанник княгини З. А. Волконской.

[18] См. ***1842. Мая 27. Среда. Санкт-Петербург.***

[19] По-видимому, имеется в виду Языков.

[20] См. ***1837. Марта 26 <14> — июня вторая половина, не позднее 25 <июня первая половина, не позднее 13>. Рим***; ***1837. Апреля 30 <18>. Светлое Христово Воскресенье. Праздник Пасхи. Рим***; ***1841. Марта 7 <февраля 23>. Воскресенье. Рим***; ***1841. Февраля 28 — марта 7 <февраля 16–23>. Рим.***

[21] См. ***1842. Октября 4 <сентября 22>. Вторник. Рим.***

[22] Дом на Strada Felice, № 126.

[23] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 156.

[24] Там же. Т. 3. С. 156.

[25] Имеется в виду одна из «церковных приходских книг (Stato delle Anime), содержащих записи о ежегодной переписи населения, проводимой приходскими священниками перед Пасхой». Дом, в котором остановился Гоголь, принадлежал к «приходу церкви Св. Викентия и Анастасия (SS. Vicenzo e Anastasio) у фонтана Треви, в районе, считавшемся в XIX веке центром культурной жизни Вечного Города» (*Гасперович В.* Н. В. Гоголь в Риме: Новые материалы. <1837–1846 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 128).

[26] См. ***1838 ноября 15 <3>. Четверг — 1839 июня средина <июня начало>. Рим.***

[27] «...У итальянцев принято считать этажи с нулевого, "земляного", этажа (piano terra), а не с первого, посему 1-й этаж в Италии соответствует 2-му в России и т. д. <...> ...Мы будем придерживаться итальянской традиции, то есть следовать нумерации, обозначенной в приходской книге» (*Гасперович В.* Н. В. Гоголь в Риме: Новые материалы. <1837-1846 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 129).

[28] *Гасперович В.* Н. В. Гоголь в Риме: Новые материалы. <1837-1846 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 131.

[29] Гоголь и Н. М. Языков приехали в Рим вместе (см. ***1842. Октября 4 <сентября 22>. Вторник. Рим***).

[30] См. ***1843. Мая 2 <апреля 20>. Вторник. Радоница. Рим.***

[31] Записки профессора и ректора Императорской Академии Художеств Федора Ивановича Иордана // *Свод.* Т. 3. С. 378.

[32] Ф. А. фон Моллер покинул Рим в марте — начале апреля (н. ст.) 1842 г.

[33] Воспоминание о профессоре И. К. Айвазовском Н. Н. Кузьмина // *Свод.* Т. 3. С. 314-315.

СЕНТЯБРЯ 23 <ОКТЯБРЯ 5>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев сообщает Я. К. Гроту:

«Вечер мы провели совершенно одни. Читали Гоголя Старосветских Помещиков и Бульбу[1]. Боже мой, как все это хорошо! Дамы все плакали».

Свод. Т. 1. С. 664.

[1] Имеется в виду первая редакция повести 1835 г.

СЕНТЯБРЯ 23 <ОКТЯБРЯ 5>. СРЕДА. МОСКВА

А. П. Елагина пишет А. Н. Попову:

«Я вчера только приехала в Москву; <...> живу пока в двух комнатках у Петра В<асильевича>[1]. <...> Я ничего не могу сказать вам о здешних действиях литературных. Иван Вас<ильевич>[2] несообщителен, а больше никого еще не видала. Гремит брошюрка Аксакова о Гоголе[3]. Поэма его возвышена до небес и сравнена с Шекспиром, с Гомером. Это бы еще хорошо бы, *как мнение*; но выражено оно не совсем изящно».

<*Бартенев П. И.*> *П. Б.* Из бумаг Александра Николаевича Попова // Русский Архив. 1886. № 3. С. 335-336; Гоголь в письмах А. П. Елагиной // *Свод.* Т. 2. С. 134.

[1] Киреевский, сын А. П. Елагиной.

[2] Киреевский, старший сын Елагиной.

[3] *Аксаков К.* Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души. М., 1842. Подробнее о восприятии современниками брошюры К. С. Аксакова см.: ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки*** (примечания).

СЕНТЯБРЯ 25 <ОКТЯБРЯ 7>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Цензурное разрешение № 9 журнала «Москвитянин», с статьей К. С. Аксакова «Объяснение».

Аксаков К. Объяснение // Москвитянин. 1842. № 9. С. 220-229. — См. также ***1842. Августа 17 <29>. Понедельник. Москва.***

СЕНТЯБРЯ 27 <ОКТЯБРЯ 9>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление спектакля «Мертвые души, комические сцены» (сост. Н. И. Куликовым) в Александринском театре[1].

«27 <сентября>. Воскр<есенье>. Алекс<андринский театр>. Великий актер, др<ама>; Жены наши пропали, ком<едия>-вод<евиль>; Комедия о войне Федосьи Сидоровны с Китайцами, Сибирская сказка; Комические сцены из новой поэмы: Мертвые души. Посетителей 750. Карет 28. Прочих экипажей 17»[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 276.
[2] Афиша. Петербургские театры // Репертуар Русского и Пантеон Всех Европейских Театров, на 1842 год, издаваемый И. Песоцким и книгопродавцем В. Поляковым. 1842. Кн. 19 (цензурное разрешение 30 сентября). <Отд. 2>. С. 32.

СЕНТЯБРЯ 28 <ОКТЯБРЯ 10>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской:

«Очень забавны суждения Ак. С. <?> о М<ертвых> Д<ушах>; она говорит, что это так сильно, что она не могла продолжать. Дядя Ар<кадий>[1], разумеется, разделяет отчасти ее мнение».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 830.

[1] Аркадий Тимофеевич Аксаков (1803–1862), дядя В. С. Аксаковой.

СЕНТЯБРЯ 30 <ОКТЯБРЯ 12>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение четвертого тома «Сочинений Николая Гоголя» (цензор А. В. Никитенко).

В тот же день Ф. А. фон Моллер отвечал[1] А. А. Иванову:

«Кланяйтесь, пожалуйста, всем нашим, а в особенности Шаповалову и почтенному нашему Николаю Васильевичу, которому прошу рассказать всё мое дело и просить его совету и помощи, в которых он мне, верно, не откажет»[2].

В черновом письме к Моллеру, относящемся к октябрю 1842 г., А. А. Иванов советовал ему, от своего имени и от имени Гоголя, «не трогаться из Петербурга до весны» или поехать в Венецию или в Сицилию, а в Петербурге «распустить слух, что он в Италию никогда не будет»[3].

[1] См. ***1842. Сентября конец <сентября средина>. Рим.***
[2] Гоголь в письмах Ф. А. фон Моллера // *Свод.* Т. 3. С. 386.
[3] Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 638; *Свод.* Т. 3. С. 386.

СЕНТЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА <СЕНТЯБРЯ КОНЕЦ – ОКТЯБРЯ СРЕДИНА>. МОСКВА

П. В. Нащокин пишет в Рим ответное[1] письмо к Гоголю; дает согласие стать наставником сына Д. Е. Бенардаки, но приводит ряд обстоятельств, препятству-

ющих ему это сделать. Письмо посылает Бенардаки в Петербург, чтобы тот после прочтения отправил послание в Рим Гоголю.

По свидетельству Л. Р. Каплана (опубликовавшего в 1969 г., с пропусками, послание Нащокина), письмо начинается «славословиями Богу: под влиянием осаждавших его заключений Нащокин впал в религиозный мистицизм. (Характеризуя Хлобуева, Гоголь отмечал в "Мертвых душах", что "религиозное настроение... странным образом совмещалось в нем с беспутною его жизнью"). Затем Нащокин переходит непосредственно к предложению петербургского откупщика»[2]: «Не вижу, признаюсь, <...> никакой возможности привести в исполнение ваше доброе намерение. Талант, какой вы предполагаете во мне, слишком глубоко зарыт худыми моими обстоятельствами... <...> Вот чего вы не знали и что еще обязан вам объяснить: я не просто теперь беден, но я запутан... <...>

1-е) С семейством моим разлучиться могу, но не более как на один месяц или около того; объяснение всех причин займет много места, а потому и оставляю оправдание мое до личного свидания. (Оно <семейство> состоит из жены, 6 детей и окружающего народа числом сам-18-ть.)

2-е) Жительство имею в Москве, выезд запрещен, за квартиру должен, остаться в ней без необходимых починок на зиму невозможно[3], а выехать с нее не могу.

3-е) Сам я, по милости Божией, на ногах и в свежей памяти, хотя изредка страдаю разными хроническими болезнями; при теперешних моих недостатках и с малолетними детьми болезни у меня нередки. <...>

Извлечь меня из сетей московских не менее потребно как от 30 до 40 т<ысяч> р<ублей>[4] ас<игнациями>... <...>

Не смею (в настоящем значении этого глагола) ни отвергать, ни принимать вашего предложения... <...> ...Ни дружба, ни родство <...> не дают мне никакого исключительного права на благотворительность почтенного Дмитрия Егоровича, а как плата дать около 30 т<ысяч>, хотя и заимообразно, но без всякого обеспечения и удостоверения получить их обратно будет или неосторожна, или слишком велика; об остальных препятствиях говорить уже бы не стоило... <...> ...Несмотря на сильное мое убеждение о несостоятельности сего дела, я все-таки обязан был во всем исполнить ваше требование, но какие бы могли быть с моей стороны условия — ровно никаких; точно так же я предался бы воле Божией, как я теперь предаю себя, со всевозможным старанием исполнять добросовестно возлагаемую на меня вами священную обязанность — вот мои, можно сказать, единственные условия. Что касается до моего согласия — я согласен, опираясь на вышеупомянутый мною текст евангелиста Марка: "Человеком невозможно, но не Богу; ибо все возможно Богу"[5]. Буди Его святая воля со всеми нами. Аминь!»

Н. Н. Шереметева 21 октября 1842 г. сообщала Гоголю: «В теперешний приезд он <Нащокин> мне читал свой ответ, где изложил подробно о всех своих обстоятельствах, и письмо это препроводил к тому[6], о ком вы писали, чтобы он его ответ к вам прочел и потом препроводил бы к вам его письмо. Может, уже вы его и получили. Он говорит, что после половины сентября отправил, но я на всякий случай повторяю о сем; может, до вас еще не дошло».

В итоге попытка Гоголя устроить Нащокина воспитателем в дом Бенардаки успехом не увенчалась. 2 января (н. ст.) 1844 г. Гоголь писал Н. М. Языкову в Москву: «Нащокина поблагодари за поклон и скажи ему, что я сам тоже без денег и без места, стало быть, мы должны крепиться духом равно и прибегать к одной силе, поддерживающей человека».

[1] См ***1842. Июля 29 <17>. Пятница. Гастейн.***

[2] *<Каплан Л. Р.> Ланской Л.* Исповедь Хлобуева. (Неизвестное письмо П. В. Нащокина к Гоголю) // Вопросы литературы. 1969. № 2. С. 253.

[3] 21 октября 1842 г. Н. Н. Шереметева сообщала Гоголю о Нащокине: «Вы, может, опять когда вздумаете к нему писать, то извещаю вас, он переменил квартиру... <...> Квартира хороша и гораздо дешевле той, и печей несравненно меньше, и помещены все покойно».

[4] Ср. характеристику Хлобуева в четвертой главе второго тома «Мертвых душ»: «...Хлобуев <...> выгрузил им целую кучу прожектов. <...> Почти все прожекты основывались на потребности вдруг достать откуда-нибудь сто или двести тысяч».

[5] Мк. 10, 27.

[6] Д. Е. Бенардаки.

ОКТЯБРЯ 13 <1>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. РИМ

Гоголь в записке на итальянском языке, адресованной во Фраскати доктору Гартману, обращается к нему с просьбой приехать в Рим:

«Николай Гоголь, прибывший в Рим вместе со своим больным другом[1], посетив несколько раз квартиру г. Гартмана, узнал, что последний находится в Фраскати. А так как друг его нуждается в помощи г. Гартмана, то он просит г. Гартмана оказать ему любезность и как можно скорее вернуться в Рим. Он предупреждает, что проживает на своей обычной квартире в Via Felice № 126».

[1] Н. М. Языков (см. ***1842. Октября 4 <сентября 22>. Вторник. Рим***).

ОКТЯБРЯ 1 <13>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ВАСИЛЬЕВКА

День рожденья и именин М. И. Гоголь, на которых, предположительно, был А. А. Трощинский, приехавший из Петербурга[1].

Подробное описание именин матери 1 октября 1842 г. оставила ее младшая дочь Ольга Васильевна[2].

Письмо с поздравлением матери прислал в октябре 1842 г. в Васильевку Гоголь[3] (письмо не сохранилось).

[1] См. ***1842. Ноября 7 <19>. Суббота. Васильевка.***
[2] См.: Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 201–202.
[3] См. ***1843. Февраля 10 <22>. Среда. Васильевка.***

ОКТЯБРЯ 3 <15>. СУББОТА. СТАНИШНОЕ

А. М. Языков отвечает[1] брату Н. М. Языкову:

«“Мертвые души” еще мало читали в нашей глуши. Наумовым[2] я принужден был дать свой экземпляр – иначе они не поглядедись бы в это зеркало.– Суждения об них разные – от благоговения Шевырева до мнения Пикоти[3], которая пишет: “С каким нетерпением ждала я «Мертвые души», и что же вышло? – кроме гадости, ничего нет хорошего. Читали ли Вы разбор Сенковского?”[4] За это я просил Вас погонять ее. Но, может быть, ей не понравился характер Собакевича?»[5]

В тот же день А. М. Языков писал В. Д. Комовскому в Петербург:

«Вся цена “Мертвых душ” – верность картин жизни нашей Руси. <...> Гоголь заслуживает большую признательность за то, что показывает действительно сущее и может укротить заносчивость ваших столичных преобразователей, которые, конечно, ничтожны перед Петром»[6].

[1] См. ***1842. Июля 21 <9>. Четверг. Гастейн.***
[2] Родственники жены А. М. Языкова Натальи Алексеевны (рожд. Наумовой).
[3] «Пикоть» – семейное прозвище сестры Языковых, Прасковьи Михайловны, в замужестве Бестужевой.
[4] <*Сенковский О. И.*> Похождения Чичикова, или Мертвые Души. Поэма Н. Гоголя. *Москва, в тип. Университетской, 1842, в 8. Том первый, стр. 475* // Библиотека для Чтения. 1842. Т. 53. Ч. 2. № 8. Отд. 6. С. 24–54.
[5] Из писем А. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 182.
[6] Там же. Т. 3. С. 182.

ОКТЯБРЯ 4 <16>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской:

«Не знаю, читала ли ты объявление о выходе всех сочинений Гоголя[1], все прежние его сочинения, кроме М<ертвых> Д<уш>, будут изданы в четырех томах, но многое изменено, в том числе и Портрет, Тарас Бульба и др. Многое прибавлено, как-то: целая комедия, разные сцены и маленькие повести и т. д. и некоторые статьи из Арабесок выключены вовсе. Это мы знали, но помещение Портрета в "Соврем<еннике>" было для нас неожиданностью. Ты спрашиваешь, где теперь Гоголь, последнее письмо его было из Гастейна[2], той именно Гастуны, которую воспевает Языков, они были там вместе, потом поедут в Венецию, а в октябре Гоголь пишет, что будет уже в Риме. – В последнем № Москв<итянина> помещено объяснение»[3].

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 831.

[1] См. ***1842. Сентября 4 <сентября 16>. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] Письмо Гоголя от 6/18 августа 1842 г. из Гастейна.
[3] Имеется в виду статья К. С. Аксакова «Объяснение» (см. ***1842. Сентября 25 <октября 7>. Пятница. Москва***).

ОКТЯБРЯ 9 <21>. ПЯТНИЦА. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева пишет М. И. и Е. В. Гоголь в Васильевку:

«...Не поленитесь сказать о себе и о достойном вашем сыне, о котором, бывши в сентябре в Москве, виделась с предобрыми Аксаковыми, от них слышала о Николае Васильевиче. Теперь, думаю, он в Риме[1]. Вы, надеюсь, мне скажете, где он и как его адрес. У Аксаковых спрашивала, что знают о вас, о ваших хлопотах. Они мне сказывали, что от вас имели, что хлеба и много у вас, но ни почем. Помоги вам Господи устроить свои дела. Понимаю, как это вас тяготит, и с таким семейством. <...> Что Лиза привыкает, очень рада и больше еще порадуюсь, когда узнаю, что она относительно вас исполняют свою обязанность, как должно хорошей дочери. <...> Говорите, что вы уверены, что я в молитве не забываю о Николае Васильевиче. Истинно, с самого отъезда его не менее о нем молюсь, как о своих детях. Помоги ему Господи свершить свой путь и возвратиться благополучно. <...> Очень вам благодарна за подробное описание об себе с самого детства[2]. Надо пребывать в этой уверенности, все, что с нами случается, не без промыслу... <...>

Благодарю милую Лизу за письмо, рада, что привыкаешь к деревне; уверена, что далее, то более убедишься в том, что самое главное с помощию Божиею приобрести уменье довольствоваться тем положением, в которое провиденью угодно нас поставить. Тогда везде будет отрадно».

Из писем Н. Н. Шереметевой // *Свод.* Т. 3. С. 542.

[1] Гоголь прибыл в Рим 4 октября (н. ст.) 1842 г. (см. ***1842. Октября 4 <сентября 22>. Вторник. Рим***).
[2] Можно предположить, что в своем письме М. И. Гоголь сообщила Шереметевой и о том, как ее брак с Василием Афанасьевичем Гоголем-Яновским – отцом будущего писателя – был благословен Божией Матерью. Мария Ивановна не раз рассказывала об этом позднее в своих автобиографических записках (см. ***1791. Июля 2 (?). Пятница. Ахтырка***).

ОКТЯБРЯ 22 <10>. СУББОТА. РИМ

Гоголь пишет письмо к Н. Я. Прокоповичу в Петербург, собираясь отправить ему «Театральный разъезд после представления новой комедии» (со-

гласно почтовому штемпелю[1], письмо, с вложением пьесы, было послано 28 октября[2]):

«<Боле>знь моя была причиной, что до сих пор не выслал тебе <зак>лючительной пиэсы, которую теперь посылаю. <...> Ну, что бы уведомить меня хотя одною строчкой, как идет дело и печатанье. Я послал тебе три письма, и ни на одно ни строчки ответа. В одном письме я тебе послал конец "Ревизора"[3], в другом письме "Игроков"[4], написал тебе порядок, в каком должно быть и следовать одно за другим. <...> Если печатанье взяло много издержек и книги[5] вышли толще, нежели предполагалось, то можно пустить по 30 рублей. Первые экземпляры сей же час послать в Москву. Один Шевыреву. Другой Сергею Тимофеевичу Аксакову. Третий Хомякову. Четвертый Погодину. Все можно адресовать на имя Шевырева, с просьбой, чтобы он поскорее вручил им. В Петербурге первые экземпляры: гр<афу Мих. Ю.> Вельегорскому (живет возле Михайлов<ского> театра), Александре Осиповне Смирновой (на Мойке, в собственном доме, за Синим мостом, за домом Ам<ериканской> компании), Плетневу, само по себе разумеется, Вяземскому.

Нужно распорядиться так, чтобы "Ревизор" и "Женитьба" отданы были вскоре после отпечатанья в театральную цензуру, чтобы не были там задержаны долго, ибо <н>ужно, чтобы всё это поспе<ло> к бенефису <Ще>пкина и Сосницкого. Не дур<но буд>ет тебе съездить потом <к Сос>ницкому <и сказ>ать ему, что мое желанье таково, чтобы их бенефисы пришлись <в один> день[6]. Чтобы "Женитьба" была представлена в один день и в <Москве> и в Петербурге. Что таким образом, как ему известно, я хотел <и преж>де[7]. <...> Я напишу от себя письмецо к Никитенке[8], которому поклонись от меня <усерд>но. И, пожалуста, сию же минуту по получении этого письма уведоми. Адресуй мне: Via Felice, № 126, 3 piano».

В тот же день Гоголь получил ответное[9] письмо от А. С. Данилевского[10].

Около того же времени Гоголь писал неизвестному:

«Я не отвечал вам скоро после получения вашего письма, потому что был сильно болен[11]. Теперь едва оправляюсь...»

[1] «Direzione di Roma. 28 Ott. 42, V. Stato Pontifico» (*Шубинский*. С. 44).
[2] См. ***1842. Октября 28 <16>. Пятница. Рим.***
[3] См. ***1842. Июля 29 <17>. Пятница. Гастейн.***
[4] См. ***1842. Сентября 11 <августа 30>. Воскресенье. Гастейн.***
[5] Четыре тома собрания сочинений.
[6] См. также ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим.***
[7] См. ***1836. Апреля 29. Среда. Санкт-Петербург.***
[8] См. ***1842. Октября 30 <18>. Воскресенье. Рим.***
[9] См. ***1842. Сентября 1 <августа 20>. Четверг. Гастейн.***
[10] См. ***1842. Октября 23 <11>. Воскресенье. Рим.***
[11] См. также ***1842. Августа средина <августа начало>. Гастейн.***

ОКТЯБРЯ 23 <11>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

Гоголь пишет на родину ответное письмо А. С. Данилевскому:

«Наконец я дождался от тебя письма. Две недели, как живу уже в Риме[1], всякий день наведываюсь на почту, и только вчера получил первое письмо из России. Это письмо было от тебя. <...> Благодарю также за твой отзыв о моей поэме. Он был мне очень приятен, хотя в нем слишком много благосклонности... <...> Ты хочешь в Петербург, хочешь сделаться чиновником: не есть ли это только одна временная отвага, рожденная скукой и бесплодием нынешней твоей жизни?

Тебя Петербург манит прошедшими воспоминаниями. Но разве ты не чувствуешь, что чрез это самое он станет теперь еще печальнее в глазах твоих? Прежний круг довольно рассеялся; осталь-

ные отделились друг от друга и уже предались скучному уединению. Новый нынешний петербургский люд слишком отзывается эгоизмом, пустым стремлением. Тебе холодно, черство покажется в Петербурге. После пятилетнего своего скитания по миру и невольно чрез то приобретенной независимой жизни тебе будет труднее привыкнуть к Петербургу чем к другому месту. Притом ядовитый климат его — не будет ли он теперь чувствительней для тебя, чем прежде, когда ты и в Малороссии болеешь? Я думал обо всем этом, и мне приходило на мысль, не лучше ли тебе будет в Москве, чем в Петербурге? Там более теплоты и в климате и в людях. Там живут большею частью[2] такие друзья мои, которые примут тебя радушно и с открытыми объятиями. Там меньше рассчетов и денежных вычислений. Посредством Шевырева можно будет как-нибудь доставить тебе место при генерал-губернаторе Голицыне. Подумай обо всем этом и уведоми меня скорее, чтобы я мог тебя во-время снабдить надлежащими письмами, к кому следует.

Если ж ты решился служить в Петербурге и думаешь, что в силах начать серьезную службу, то совет мой — обратиться к <Н. Н.> Норову... <...> Я с ним виделся теперь в Гастейне[3]. <...>

Но, ради Бога, будь светлей душой. <...> Всё, что ни дается нам, дается в благо: и самые бесплодные роздыхи в нашей жизни, может быть, уже суть семена плодородного в будущем.

Уведоми меня сколько-нибудь о толках, которые тебе случится слышать о "Мертвых душах", как бы они пусты и незначительны не были, с означением, из каких уст истекли они. Ты не можешь вообразить себе, как всё это полезно мне и нужно и как для меня важны все мнения, начиная от самых необразованных до самых образованных. <...> Адрес мой: Via Felice, № 126, 3 piano».

[1] См. ***1842. Октября 4 <сентября 22>. Вторник. Рим.***

[2] См. также ***1842. Сентября 1 <августа 20>. Четверг. Гастейн.***

[3] См. ***1842. Июля 14 — сентября первая половина <июля 2 — сентября начало>. Гастейн, Зальцбург, Мюнхен, Гастейн.***

ОКТЯБРЯ 28 <16>. ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголь посылает Н. Я. Прокоповичу в Петербург «Театральный разъезд после представления новой комедии», с сопроводительным письмом, написанным 22 октября.

См. ***1842. Октября 22 <10>. Суббота. Рим.***

ОКТЯБРЯ 16 <28>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«16 <октября>. Пятн<ица>. Алекс<андринский театр>. Ревизор, ком<едия>; Первый дебют, вод<евиль>; Шила в мешке не утаишь, девушки под замком не удержишь, вод<евиль>. Посетителей 350. Карет 39. Прочих экипажей 15».

Афиша. Петербургские театры // Репертуар Русского и Пантеон Всех Европейских Театров, на 1842 год, издаваемый И. Песоцким и книгопродавцем В. Поляковым. 1842. Кн. 21 (цензурное разрешение 1 окт.). <Отд. 2>. С. 32.

ОКТЯБРЯ 17 <29>. СУББОТА. МОСКВА

А. И. Тургенев пишет И. С. Аржевитинову:

«*Мертвые Души* читал мне автор, лет 5 или шесть назад в Париже[1], отчасти; с тех пор я брался за них, но не имел времени кончить, а суждения слышу ежедневно. Это живая картина: не в бровь, а прямо в глаз. Язык всей или почти всей России, и он говорит им. Только последняя страница о трой-

ке, которая опережает всю Европу, – гнусная лесть: но ее, вероятно, написал Гоголь для ценсуры; как же ты не узнал в этой книге и Симбирска, и Москвы, и всего русского мира. Конечно, в авторе и в его книге – есть большие недостатки, но книга его пойдет в ряду с воспитателями нашими: с *Недорослем*, с *Бригадиром*, с *Горе<м> от ума*, с *Ревизором;* она еще важнее; не в слоге дело, а в сущности, в действительности этой поэмы. С души тянет, и, следов<ательно>, вырвет, и мы на блевотину не возвратимся. Здесь не пропускали книги, в П<етер>б<урге> постыдились. Мысль принадлежит Пушкину: он завещал ее Гоголю[2]; прочту, по твоему приказанию, но теперь не время: перед мною биографии рукописные Новикова[3], Лопухина[4], Гамалея[5], К<нязя> Репнина[6], Шварца[7], будет и батюшки»[8].

Из писем А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 86–87.

[1] См. ***1838. Октября 24 <12>. Среда. Париж.*** – По свидетельству П. В. Анненкова, во второй половине мая 1842 г. А. И. Тургенев «распространил» в Париже полученное им тогда из Москвы извещение о выходе из печати первого тома «Мертвых душ» (см. ***1842. Июня начало <мая конец>. Париж***).

[2] О том, что «мысль» «Мертвых душ» принадлежит А. С. Пушкину, А. И. Тургенев сообщает со слов самого Гоголя (см. дневниковую запись Тургенева: ***1837. Сентября 1 <августа 20>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***). Позднее о передаче Пушкиным сюжета «Мертвых душ» Гоголь написал в «Авторской исповеди» (1847) (подробнее см.: ***1835. Сентября не позднее субботы 7. Санкт-Петербург***).

[3] Николай Иванович Новиков (1744–1818), писатель, журналист, издатель, один из руководителей масонства в России.

[4] Иван Владимирович Лопухин (1756–1816), публицист и государственный деятель, масон, сподвижник Н. И. Новикова.

[5] Семен Иванович Гамалея (1743–1822), переводчик, один из крупных масонских деятелей.

[6] Имеется в виду либо князь Николай Васильевич Репнин (1734–1801), генерал-фельдмаршал и дипломат, либо князь Петр Иванович Репнин (ум. в 1778), генерал-поручик, русский посланник при испанском дворе. И тот, и другой принадлежали к масонству.

[7] Иван Григорьевич (Иоанн Георг) Шварц (1751–1784), профессор философии Московского университета, один из теоретиков масонства.

[8] Иван Петрович Тургенев (1752–1807), директор Московского университета, переводчик, один из организаторов российского масонства, отец Александра, Николая и Сергея Ивановичей Тургеневых, членов масонских лож в XIX в.

ОКТЯБРЯ 30 <18>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

Гоголь пишет в Петербург А. В. Никитенко[1] (согласно почтовому штемпелю[2], письмо было отправлено через день, 1 ноября[3]):

«Не позабывайте передавать ваши впечатления, мнения и суждения по поводу моих сочинений, чистосердечней как можно. <...> Никто не знает, что я с удовольствием читаю даже пошлые статьи Северной Пчелы, единственно потому только, что там на меня глядят с недоброжелательной стороны и стараются всячески увидеть мои недостатки и пороки. Кстати о моих сочинениях. Скажите мне пожалуйста, как идет печатанье их? Я никакого не получаю известия. Прокопович ко мне не пишет. Я четыре дня назад[4] послал ему последнюю статью: *Театральный разъезд,* замыкающую собрание сочинений моих. Расспросите его, получил ли он исправно и в надлежащее время. Не прошу вас о снисхождении в цензорском отношении к моим сочинениям. <...> ...С вышины не бывает и не было на меня неудовольства. Они идут снизу, благодаря невинному невежеству, пугающемуся только того, что выражено живо и ярко, хотя бы это были вещи, двадцать раз уже появлявшиеся в печати. <...> Передайте мой искренний поклон супруге вашей, хотя она, может быть, вовсе не помнит меня. <...> Вот мой адрес: Rome. Via Felice, № 126, 3 piano».

[1] См. также ***1842. Октября 22 <10>. Суббота. Рим***; ***1842. Ноября 11 <23>. Среда. Санкт-Петербург.***

[2] См.: *Городецкий.* С. 449.

[3] См. ***1842. Ноября 1 <октября 20>. Вторник. Рим.***

[4] См. ***1842. Октября 22 <10>. Суббота. Рим.***

НОЯБРЯ 1 <ОКТЯБРЯ 20>. ВТОРНИК. РИМ

Гоголь отправляет написанное 30 октября 1842 г.[1] письмо к А. В. Никитенко в Петербург и письмо к В. А. Жуковскому в Дюссельдорф.

Из письма к Жуковскому: «Отчего же нет от вас ни строчки? Отчего не хотите вы сказать ни слова о Мертвых душах моих, зная, что я горю и снедаем жаждой знать мои недостатки? <...> Где будете весною, где хотите провесть лето? Уведомьте меня об этом, чтобы я мог найти вас и не разминуться с вами. Мне теперь нужно с вами увидеться, душа моя требует этого. <...> Адресуйте в Рим. Via Felice, № 126, 3 piano».

[1] См. ***1842. Октября 30 <18>. Воскресенье. Рим.***

НОЯБРЯ 2 <ОКТЯБРЯ 21>. СРЕДА. РИМ

Гоголь пишет письма в Петербург к П. А. Плетневу и к М. П. Балабиной (судя по почтовым штемпелям, письмо к Балабиной было отправлено на следующий день, 3 ноября[1]; письмо к Плетневу – 5 ноября[2]).

Из письма к Плетневу: «Я к вам с корыстолюбивой просьбой, друг души моей Петр Александрович! Узнайте, что делают экземпляры Мертвых душ, назначенные мною к представлению Государю, Государыне и Наследнику и оставленные мною для этого у гр<афа Мих. Ю.> Вьельгорского[3]. В древние времена, когда был в Петербурге Жуковский, мне обыкновенно что-нибудь следовало. <...> Я сижу на совершенном безденежьи. Все выручаемые деньги за продажу книги идут до сих пор на уплату долгов моих[4]. Собственно для себя я еще долго не могу получить. А у меня же, как вы знаете, кроме меня, есть кое-какие довольно сильные обязанности. Я должен иногда помогать сестрам и матери, не вследствие какого-нибудь великодушия, а вследствие совершенной их невозможности обойтись без меня. <...> Теперь другая просьба, тоже корыстолюбивая. Вы, верно, будете писать разбор Мертвых душ[5], по крайней мере мне бы этого очень хотелось. Я дорожу вашим мнением. У вас много внутреннего глубоко эстетического чувства, хотя вы не брызжете внешним блестящим фейерверком, который слепит очи большинства. Пришлите мне листки вашего разбора в письме. Мне теперь больше, чем когда-либо, нужна самая строгая и основательная критика. Ради нашей дружбы, будьте взыскательны, как только можно, и постарайтесь отыскать во мне побольше недостатков, хотя бы даже они вам самим казались неважными. Не думайте, чтоб это могло повредить мне в общем мнении. Я не хочу мгновенного мнения. Напротив, я бы желал теперь от души, чтоб мне указали сколько можно более моих слабых сторон. Тому, кто стремится быть лучше, чем есть, не стыдно признаться в своих проступках пред всем светом. Без сего сознанья не может быть исправленья. <...> Мой адрес: Via Felice, № 126, 3 piano».

К Балабиной Гоголь обращался с просьбой: «...Известите меня обо мне. Записывайте всё, что когда-либо вам случится услышать обо мне, все мненья и толки обо мне и об моих сочинениях, и особенно когда бранят и осуждают меня. Последнее мне слишком нужно знать. Хула и осуждения для меня слишком полезны. После них мне всегда открывался яснее какой-нибудь мой недостаток, дотоле мною не замеченный. А увидеть свой недостаток это уже много значит. Это значит почти исправить его. Итак, не позабудьте записывать всё. Просите также ваших братцев[6] в ту же минуту, как только они услышат какое-нибудь суждение обо мне, справедливое или несправедливое, дельное или ничтожное, в ту же минуту его на лоскуточик бумажки, покамест оно еще не простыло. И этот лоскуточик вложите в ваше письмо. Не скрывайте от меня также имени того, который произнес его. <...> Вот мой адрес: Рим, Via Felice, № 126, 3 piano».

[1] См.: *Городецкий*. С. 441.

[2] См. там же. С. 451.

[3] См. ***1842. Мая 26. Вторник – июня 5. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1842. Ноября 18 <30>. Среда. Санкт-Петербург***.

[4] См. ***1842. Мая около 17. Москва***.

[5] См. ***1842. Июля 12 <июня 30>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1842. Октября 21 <ноября 2>. Среда. Санкт-Петербург***.

[6] И. П., В. П. и Е. П. Балабины.

ОКТЯБРЯ 21 <НОЯБРЯ 2>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович пишет Гоголю в Рим:

«Я виноват перед тобою в том, что не отвечал до сих пор на два письма твои[1]; этому причиною было желание дать тебе отчет в печатании поподробнее и полнее. Печатание началось после отъезда твоего[2] не так скоро, как мы того желали[3]... <...> Несмотря на все это, издание выйдет непременно в ноябре[4], по крайней мере, так заключен контракт[5], с моей же стороны остановки не будет, если только ты вышлешь остальной отрывок вовремя; угрозами же не заплатить денег в случае неустойки, сдобренными приличными русскими прибавлениями, я надеюсь двигать работу в типографии по желанию, как это делаю и теперь. <...> Теперь дело вот в каком положении: 1 ч<асть> готова совсем, 2 оканчивается, 3 началась; издание выходит очень красиво, а за корректурную исправность, кажется, могу ручаться и даже похвастаться ею: я набил уже руку в этом деле и читаю две корректуры сам, а после меня прочитывает еще и Белинский. Я слышал, что Моллер в скором времени отправляется в Рим, и попрошу его взять с собою все, что будет готово к тому времени; пересылка же по почте чрезвычайно затруднительна: надобно хлопотать в таможне о выдаче свидетельства, а ты знаешь, с какими удовольствиями соединяются подобного рода хлопоты. С Моллером же пошлются к тебе и статьи Белинского[6], в которых говорится о “Мертвых душах”. Должен сказать тебе, что толки о них до сих пор еще продолжаются. <...> Все молодое поколение без ума от “Мертвых душ”, старики повторяют “Северную Пчелу”[7] и Сенковского[8]: что они говорят, догадаешься и сам. Греч нашел несколько граммат<ических> ошибок, из которых две, три даже и точно ошибки; Сенковский партизанит за чистоплотность и благопристойность, а в «Отечественных записках» доказано выписками из его собственных сочинений, что на это *именно он-то* и не имеет права[9]. Все те, которые знают грязь и вонь не понаслышке, чрезвычайно негодуют на Петрушку[10], хотя и говорят, что “Мертвые души” очень забавная штучка; высший круг (по словам Вьельгорского) не заметил ни грязи, ни вони и без ума от твоей поэмы. Кстати о слове “поэма”. Сенковский очень резонно заметил, что это не поэма, ибо-де писано не стихами. Вообще Сенковского статья обилует выписками, впрочем, более собственного его сочинения; он даже позволил себе маленькие невинные измышления и в собственных именах, так, например, Петрушку он почитает приличнее называть Петрушею. Один офицер (инженерный) говорил мне, что “Мертвые души” удивительнейшее сочинение, хотя гадость ужасная. Один почтенный наставник юношества[11] говорил, что “Мертвые души” не должно в руки брать из опасения замараться; что все, заключающееся в них, можно видеть на толкучем рынке. Сами ученики почтенного наставника рассказывали мне об этом после класса с громким хохотом. Между восторгом и ожесточенною ненавистью к “Мертвым душам” середины решительно нет – обстоятельство, по моему мнению, очень приятное для тебя. Один полковник советовал даже Комарову переменить свое мнение из опасения лишиться места в Пажеск<ом> корп<усе>, если об этом дойдет до генерала[12], знающего наизусть всего Державина. “Женитьба” переписана для Щепкина и отдана в театральную цензуру, на этой же неделе отправится в Москву: она потому не была переписана до сих пор, что Никитенко держал рукопись до 30 сент<ября>, хотя я и таскался к нему раз двадцать. Щепкин пишет к Белинскому[13], что ты ему обещал для бенефиса еще отрывок[14]; ты мне об этом ничего не говорил, и я недоумеваю, что ему послать, если он обратится ко мне и уверит честным своим словом, что ты действительно обещал ему. Все мы очень опасаемся, чтобы кто-нибудь из аферистов-актеров не вздумал в бенефис свой поставить, по примеру “Мертвых душ”, какую-нибудь из сцен по выходе их, а потому мы придумали вот что: напиши особенное

письмо ко мне, а лучше к Краевскому, в котором изложи, что ты никому не давал права ставить на сцену "Мертвые души" и никаких других пиес и статей, за исключением того, что отдано актеру Щепкину; письмо это должно быть засвидетельствовано нашим посланником в Риме[15]. В "Женитьбе" Никитенко уничтожил весьма немного, а в "Шинели" хотя не коснулся ничего существенного, но вычеркнул некоторые весьма интересные места. Впрочем, Краевский взялся и хлопочет об этом сильно, а Никитенко обнадежил меня, что все сделает, что будет можно. В эту самую минуту, как пишу тебе, судьба этих мест решается. Я не могу сам ехать, потому что жестоко простудился и сижу весь окутанный фланелью. Что совсем не будет пропущено, сообщу тебе, и надеюсь, что в этом же письме, потому что почта еще не сегодня.

Совсем было забыл сказать тебе, что ты очень ошибся касательно объема издания: 1-й том вышел в тридцать лист<ов>, 2-й влезает в то же количество, 3-й трудно рассчитать еще, но по приблизительному расчету он никак не займет менее 25 листов; о четвертом не знаю, не имея последней пьесы. Не разрешишь ли ты назвать "Светскую сцену" просто "Отрывком" или как-нибудь иначе: боюсь я подать повод к привязкам журналистов; она же более всех других заслуживает имя отрывка. В "Современнике" помещена довольно большая и очень дельная статья о "Мертвых душах", подписанная буквами С. Ш. Житомир. Ужели Шаржинский[16]? Я после выхода книжки с Плетневым еще не видался. Шевырев, верно, доставил или доставит тебе две свои статьи[17], а Аксаков и подавно[18]. Я получил на имя твое письмо из Вологды от Воротникова[19], который был в Нежине в 1-м классе, тогда как ты в 9; я не почитаю нужным посылать тебе самого письма, а содержание его состоит в нежинских воспоминаниях, столь общих у тебя с ним, в просьбе прислать ему "Мертвые души" и в обещании отплатить за них рябчиками и рыжиками; письмо весьма игриво написано. Хотел было написать тебе, что именно не пропущено в "Шинели", но до сих пор еще не получил ее, а между тем вот уже и почтовый день прошел. Бога ради, присылай скорее "Разъезд". Никитенко чрезвычайно долго держит рукописи; жаль будет, если этою статьею задержится все издание: публика ждет его с нетерпением и мне проходу нет от расспросов, скоро ли и когда выйдут. Прощай. Да благословит тебя муза кончить "Мертвые души". Жена тебе кланяется».

[1] См. ***1842. Июля 29 <17>. Пятница. Гастейн***; ***1842. Сентября 11 <августа 30>. Воскресенье. Гастейн.***

[2] См. ***1842. Июня 5 <17>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1842. Июля начало <июля средина>. Санкт-Петербург.***

[4] Вследствие цензурных затруднений собрание вышло лишь в январе 1843 г.

[5] См. ***1842. Июня 5 <17>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1842. Июля 29 <17>. Пятница. Гастейн.*** – Статьи Белинского были получены Гоголем летом 1843 г. (см. ***1843. Июня 1–3 <мая 20–22>. Четверг. Праздник Вознесения Господня – суббота. Мюнхен***; см. также письма к С. П. Шевыреву от 1 сентября (н. ст.) 1843 г. – ***1843. Сентября 1 <августа 20>. Пятница. Дюссельдорф***; и Н. Я. Прокоповичу от 24 сентября (н. ст.) 1843 г. – ***1843. Сентября 24 <12>. Воскресенье. Дюссельдорф***).

[7] Имеется в виду статья: Г*<реч Н. И.>* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. 1842. В типографии Университетской, в большую 8-ю д. л. 475 стр. // Северная Пчела. 1842. 22 июня. № 137. С. 546–547.

[8] Подразумевается статья: *<Сенковский О. И.>* Похождения Чичикова, или Мертвые Души. Поэма Н. Гоголя. *Москва, в тип. Университетской, 1842, в 8. Том первый, стр. 475* // Библиотека для Чтения. 1842. Т. 53. Ч. 2. № 8. Отд. 6. С. 24–54.

[9] Об этом писал В. Г. Белинский в статье «Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке» (Отечественные Записки. 1842. № 9).

[10] Лакей Чичикова в «Мертвых душах».

[11] Возможно, В. Т. Плаксин, под началом которого служил Прокопович (см. ***1836. Сентября 27 <15>. Вторник. Ферней, Женева***; ***1838. Мая 13 <1>. Воскресенье. Рим. Вилла княгини З. А. Волконской*** – примечания).

[12] Имеется в виду генерал-майор Я. М. Ростовцов, возглавлявший от имени великого князя Михаила Павловича Пажеский корпус.

[13] Письмо Щепкина к Белинскому неизвестно (см. также ***1842. Октября 24 <ноября 5>. Суббота. Москва***).

[14] Речь идет об «Игроках» (см. ***1842. Октября 24 <ноября 5>. Суббота. Москва***). – См. также ***1842. Ноября 26 <14>. Суббота. Рим***; ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим.***

[15] Тайный советник И. А. Потемкин.

[16] Автором статьи, напечатанной в «Современнике» (1842. Т. 27), был П. А. Плетнев. – См. ***1834. Июнь – июля начало. Санкт-Петербург***; ***1843. Января 26 <февраля 7>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[17] См. ***1842. Ноября 12 <октября 31>. Суббота. Рим.***

[18] См. ***1842. Ноября начало <ноября средина>. Москва.***

[19] Александр Кириллович Воротников (1813–1879), пансионер Гимназии высших наук в Нежине с февраля 1823 г. (при поступлении зачислен во второй класс); уволен в июле 1831 г. по прошению отца для поступления в Петербургский университет (*Супронюк. Словарь.* С. 41).

ОКТЯБРЯ 21 <НОЯБРЯ 2>. СРЕДА. МОСКВА

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской:

«Я не помню хорошенько, моя милая Машенька, что говорил Гоголь о картине Бруни, он ее хвалил и, сравнивая с картиной Брюллова "Последний день Помпеи", находил, кажется, разницу в их достоинстве, но что именно, не умею тебе сказать. Мне кажется, я тогда тебе писала об этом[1] и если б ты могла найти то письмо, то увидишь, что он говорил. Если тебе понравились места, где Гоголь говорит о живописи, то это почти составляет всю повесть, весь рассказ, и я не знаю, почему тебе не нравится все; лица, входящие в этот рассказ, также прекрасны, и хозяин, и квартальный, и Никита, и аристократическая дама; как прекрасно определение лица пустой девушки. Но то место, где он описывает ту чудную картину, которая так поразила Чарткова, ты верно, заметила, оно чудесно. Конечно, после всего, что он говорит о живописи, можно положиться на его оценку. Я слышала, что живописцы чрезвычайно дорожат его мнением. Какая разница взгляда знатока, человека, посвященного в искусство, или человека, не знакомого с ним, который только может почувствовать общее впечатление картины. <...>

Недавно получено письмо очень замечательное и прекрасное от матери Гоголя по случаю посылки к ней брошюрки[2] о М<ертвых> Д<ушах>. В этой женщине есть что-то, что она и передала сыну, в котором это явилось, разумеется, несравненно полнее. Я тебе может быть пришлю лично, ты увидишь тут странное смешение и странных выражений и прекрасных, как и должно быть в женщине так мало образованной, но в которой есть что-то, что иногда ее выводит из ряду обыкновенных женщин».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 831.

[1] См. ***1841. Ноября 11. Вторник. Москва.***

[2] К. С. Аксакова.

ОКТЯБРЯ 21–22 <НОЯБРЯ 2–3>. СРЕДА-ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Н. Н. Шереметева пишет Гоголю в Рим:

«Москва, октября 21.

<...> Я здесь[1] на несколько дней... <...> Еще в августе извещала Ольга Семеновна о вас[2]... <...> А теперь от них же узнала, где вы, и пишу в Рим... <...> Слышала, прежде, нежели предпринятой и давно желаемой вами путь[3] совершите, вы еще тут побываете[4]. <...> ...Нужно ли вам возвращаться, не достигнув того, куды так давно душа ваша жаждет, и кто знает, в другой раз будет ли удобно вам опять выбраться на эту дорогу. <...> Если сказать, что не готовы, дабы сподобиться поклониться Святым Местам, то когда мы сами по себе можем соделаться сего достойны, но Тот, Кто вложил вам это желание, Ему отдайтесь, Он и доведет вас. <...> Вот, мой милой друг, как видите, говорю против собственных выгод; мне бы утешительно было еще на сем свете вас увидеть, чего по истечении срока, вами прежде назначенного, не прежде трех лет возвратиться, в моих преклонных летах, может, и не дождусь... <...>

Октября 22.

Возвратилась от обедни[5], где, как и везде, с любовию о вас пред Господом вспоминала. <...> ... Повторяю свой адрес <...>: *в Рузу* Московской губернии...»

[1] В Москве.

[2] См. ***1842. Августа 22 <сентября 3>. Суббота. Покровское — августа 27 <сентября 8>. Четверг. Москва***.

[3] Паломничество к Святым Местам.

[4] Позднее, 5 января (н. ст.) 1843 г., Гоголь писал Шереметевой: «Аксаковы сказали вам не совсем справедливо. Я писал им <см. ***1842. Августа 18 <6>. Четверг. Праздник Преображения Господня***> в ответ на их беспокойства, что долго меня не увидят и что мне предстоит такое длинное и, по мнению их, соединенное с такими опасностями путешествие. Я писал им в ответ на это, чтоб их несколько успокоить, что не нужно предаваться заранее беспокойствам, что путешествие мое предпримется еще не скоро и что нет причин думать, чтобы до того времени мы как-нибудь не увиделись; но я не писал ни слова о том, что я буду или имею желание быть в Москве. И признаюсь, что только чрез Иерусалим желаю я возвратиться в Россию, и сего желания не изменял. А что я не отправляюсь теперь в путь, то это не потому, чтобы считал себя до того недостойным. Такая мысль была бы вполне безумна, ибо человеку не только невозможно быть достойным вполне, но даже невозможно знать меру и степень своего достоинства. Но я потому не отправляюсь теперь в путь, что не приспело еще для этого время, мною же самим в глубине души моей определенное. Только по совершенном окончании труда моего могу я предпринять этот путь. Так мне сказало чувство души моей, так говорит мне внутренний голос, смысл и разум, Его же милосердым всемогуществом мне внушенные. Окончание труда моего пред путешествием моим так необходимо мне, как необходима душевная исповедь пред святым причащением». — См. также ***1845. Марта 20 <апреля 1>. Вторник. Москва*** (примечания).

[5] 22 октября (ст. ст.) совершается празднование Казанской иконе Божией Матери.

ОКТЯБРЯ 24 <НОЯБРЯ 5>. СУББОТА. МОСКВА

М. С. Щепкин пишет Гоголю в Рим:

«...Я упадаю духом. Поприще мое и при новом управлении[1] без действия, а душа требует деятельности, потому что репертуар нисколько не изменился, а все то же, мерзость и мерзость... <...> Нам дали все, то есть артистам *русским*,— деньги, права, пансионы, и только не дали свободы действовать, и из артистов сделались мы поденщиками. Нет, хуже: поденщик свободен выбирать *себе работу*, а артист играй, играй все, что повелит мудрое начальство. <...> Кто так поймет мои страдания, как не вы, мой добрый Николай Васильевич, и даже, знаете, я думаю, никто не примет в них такого участия, как вы же[2]. Вы всегда меня любили, всегда дарили меня своим вниманием, а я... Но довольно! Пользуясь вашим позволением[3], я заявил на свой бенефис вашу комедию “Женитьба”; ибо все издание ваше, как известно, выйдет в декабре[4], а мой бенефис февраля 5-го[5]. Но я просил Белинского[6] заранее отдать ее в театральную цензуру, дабы больше иметь времени ознакомиться с действующими, носящими человеческий образ. Я просил, тоже с вашего позволения, отдать некоторые сцены в цензуру, а равно и вновь присланную комедию “Игроки”[7], которую я тоже попросил бы у вас сыграть на бенефис. Это бы сильно подкрепило оный. А бенефисы русских артистов сильно пострадали от немецкой оперы[8], которую Гедеонов перевез из Петербурга в Москву на всю зиму. Но как без письменного вашего позволения я не решусь давать оной; хотя вы и говорили[9] о прочих сценах, но я не помню, была ли речь о ней. Итак, я заранее только просил подать ее в цензуру, и если не помедлите вашим ответом и позволите, то не худо, если бы вы изложили, как бы вы желали в рассуждении костюмов действующих в комедиях “Женитьба” и “Игроки”. <...> О “Мертвых душах” все идут толки, прения. Они разбудили Русь. Она теперь как будто живет. Толков об них несчетное число. Можно бы исписать томы, если бы изложить все их на бумаге, и меня это радует. Это значит: толкни нас хорошенько, и мы зашевелимся, и тем доказываем, что мы живые существа, и в этом пробуждении проглядывают мысли, ясно говорящие, что мы наряду со всеми народами не лишены человеческого достоинства. Но грустно то, что нас непременно надо толкнуть, а без того мы сами мертвые души[10]. <...> ...Братья Сергея Тимофеевича <Аксакова> теперь в Москве с семействами и с ним часто вместе, и преферанс в действии. Да! чтобы не забыть рассказать вам анекдот.

В Курске, года три тому назад, было землетрясение, и на другой день полицмейстер[11] доносит губернатору[12] рапортом, что вчерашнего числа, во столько-то часов, было сильное землетрясение, но принятыми-де мерами заблаговременно полицией никакого несчастия в городе не последовало. Не могу точно передать фразы, но очень ловко выражено. Губернатор прочел и говорит ему: "Я очень доволен вами по части устройства города, чистоты, пожарной команды и проч., но нехорошо, что вы подписываете бумаги, не читав". На что полицмейстер с клятвой утверждал, что это клевета и что злодеи обносят его у начальства. "Но вот, — говорит губернатор, — этот рапорт, вероятно, не читали".— "Помилуйте, ваше превосходительство, сам начерно сочинял". Губернатор тут пожал плечами, и все пошло по-старому».

[1] С 1842 г. московские театры перешли под управление петербургской дирекции во главе с А. М. Гедеоновым.

[2] См. ***1832. Июля начало. Москва*** (примечания). — Содержание ответного письма Гоголя Щепкину перекликается со статьей о театре, напечатанной позднее, в 1847 г., в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (см. ***1842. Декабря 3 <ноября 21>. Суббота. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Рим***).

[3] См. ***1832. Июля начало. Москва*** (примечания); ***1836. Апреля 29. Среда. Санкт-Петербург***; ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки***; ***1842. Ноября 26 <14>. Суббота. Рим***; ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим***.

[4] Четвертый том «Сочинений Николая Гоголя», включавший драматические произведения, был задержан цензурой и вышел в свет лишь в конце января 1843 г. (см. ***1843. Января 26 <февраля 7>. Вторник. Санкт-Петербург***).

[5] См. ***1843. Февраля 5 <17>. Пятница. Москва***.

[6] Письмо Щепкина к Белинскому (см. ***1842. Октября 21 <ноября 2>. Среда. Санкт-Петербург***) неизвестно.

[7] 21 октября 1842 г. Н. Я. Прокопович сообщал также Гоголю из Петербурга: «Щепкин пишет к Белинскому, что ты ему обещал для бенефиса еще отрывок; ты мне об этом ничего не говорил, и я недоумеваю, что ему послать, если он обратится ко мне и уверит честным своим словом, что ты действительно обещал ему» (см. ***1842. Октября 21 <ноября 2>. Среда. Санкт-Петербург***).

[8] Немецкий оперный театр в 1842 г. был переведен из Петербурга в Москву.

[9] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки***.

[10] Одно из первых употреблений сочетания «мертвые души» применительно к самим героям поэмы, а также к современникам (см. также ***1842. Июля 29 <августа 10>. Москва***; ***1845. Июня 19 <июля 1>. Вторник. Павлино***; ***1845. Сентября 19 <октября 1>. Среда. Санкт-Петербург***; ***1848. Мая между 25 и 29. Яготин Пирятинского уезда Полтавской губернии***; ***1852. Февраля 10. Прощеное воскресенье. Москва***). В те же годы А. Е. Студитский, говоря о Гоголе как о продолжателе «разрушительного» направления, заданного О. И. Сенковским и поддержанного М. Ю. Лермонтовым, замечал: «...Мы хотели <...>, чтобы поэт взглянул <...> на нашу жизнь, чтобы в его созданиях, как в верном зеркале, мы могли видеть себя со всех сторон». В «Мертвых душах», продолжал критик, «одного лица нет живого — в благородном значении этого слова, <...> название столько же прилагается и к тем душам, которые торгуются, продаются, покупаются, вводятся в крепости, и к тем, которые торгуют, продают, покупают, заключают крепости! Самое отвращение общества к отвратительному торгу выразилось в мертвой, отвратительной форме! Мольер, изображая в своих высших комедиях пороки своего общества, считал обязанностию выказывать и его добродетели, у Гоголя нет еще ничего подобного! Преклоняемся пред дарованием поэта, и жалеем о том мертвом направлении, по которому он шел до сих пор, изображая великую Русь и ожидаем с нетерпением новых произведений его гения, кои должны примирить с ним и недовольных» (*Студитский А.* Русская словесность в 1845 году // Москвитянин. 1846. № 1 (цензурное разрешение 30 янв.). С. 253–256).

[11] В. О. Кудричевский или И. М. Орловский.

[12] Мих. Никол. Муравьев или А. П. Устимович.

ОКТЯБРЯ 25 <НОЯБРЯ 6>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Визит Н. Я. Прокоповича к П. А. Плетневу по делам издания сочинений Гоголя.

28 октября 1842 г. Плетнев сообщал Я. К. Гроту: «*Воскресенье (25).* Пришел Прокопович (товарищ Гоголя) показать образцы, как он печатает Гоголя всего в 4 ч<астях>, кроме Мертвых Душ и ученых статей: 1) Малороссийские повести; 2) Миргород; 3) Арабески с новыми повестями; 4) Драматические сочинения».

Свод. Т. 1. С. 664.

СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ <СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА – НОЯБРЯ НАЧАЛО>

Ю. Ф. Самарин пишет А. Н. Попову:

«Кстати о Гоголе. Верно, "Мертвые Души" дошли до вас; верно, вы прочли их с наслаждением и думали о тех немногих, которые также безусловно ими наслаждались в Москве, не резонируя и не отыскивая в них того, чего нет, как сделал это Шевырев[1]. Аксаков напечатал о поэме Гоголя брошюру, с которою я вполне согласен[2], хотя многие в этом случае сомневаются в моей искренности и на которую все восстали...»

Из писем Ю. Ф. Самарина // *Свод.* Т. 3. С. 210.

[1] Имеются в виду две статьи С. П. Шевырева: *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья первая // Москвитянин. 1842. № 7 (цензурное разрешение 10 авг.). С. 207–228; *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья вторая // Москвитянин. 1842. № 8 (цензурное разрешение 22 авг.). С. 346–376.
[2] См. также ***1842. Октября вторая половина <ноября начало>***.

ОКТЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА <НОЯБРЯ НАЧАЛО>

Ю. Ф. Самарин пишет К. С. Аксакову обширное письмо о «Мертвых душах»:

«Любезный Аксаков. В наше последнее свидание мы говорили о поэме Гоголя и о том, как ее судят и понимают. <...> Я сам после второго чтения начал было писать об ней статью, но прочтя твою брошюрку[1], я вполне ею удовлетворился и отложил это дело. Мне кажется, ты сказал о "Мертвых душах" все, что можно и что должно было сказать, представив характер созерцания Гоголя, акта творчества, и устранив вопрос о содержании. В самом деле, о содержании поэмы пока еще говорить нельзя, оттого что мы имеем перед собою только начало. Шевырев в своих первых статьях[2] дельно и умно опровергнул несколько пошлых обвинений, но почти все сказанное им от себя <...> заслоняет значение великого создания Гоголя... <...> Ему будет совестно перед собою, если он увидит в художественном произведении только то, что может видеть всякий. Нет! он придумает что-нибудь помудренее, позамысловатее и поставит свою выдумку между читателем и поэмою. <...>

Мне хотелось поговорить с тобой о другом суждении, недавно нами услышанном от некоторых из наших знакомых. <...> "Как можно радоваться и наслаждаться, когда художник выводит на сцену целый ряд жалких, смешных, отвратительных явлений, взятых из той действительности, в которой мы живем, которая есть наша действительность, наша родина! Плакать и скорбеть должно, а не смеяться". Так они говорят, и в их словах выражается искренняя, пламенная любовь к своему, родному, но любовь слишком тесная и потому легко переходящая в отчаяние. <...>

Не касаясь вопроса о России вообще и о современном ее состоянии, я думаю, что из возможности явления в наше время чисто художественного произведения, из нового факта в мире искусства, которого отрицать нельзя, можно вывести заключение о самой жизни. В самом деле, может ли такой момент в истории, такой народ дать предмет для художественного произведения <...>, в котором нет ничего высокого, идеального, действительного, а только одна грязная случайность, одна темная сторона? <...> Скажите, найдете ли вы в поэзии народов отживающих что-нибудь по-

хожее на “Мертвые души”! И есть ли в “Мертвых душах” хотя призрак сатиры? Ужели не всякому ясно, что нет поэта, который бы был так далек от сатиры, как Гоголь. <...> Нет, та жизнь, которую поэт мог полюбить и возвести в ясное, светлое создание искусства, та жизнь, поверьте, далека от разрушения. Конечно, в первом томе “Мертвых душ” мы видим ее темную сторону; но, не говоря о тех прекрасных лирических местах, в которых сам поэт разоблачает закрытую для нас и всю облитую светом ее другую сторону, предположивши даже, чего не дай Бог, что мы никогда ее не увидим, и тогда вы не имеете права убивать в себе наслаждение и сокрушаться. Один огромный, неопровержимый факт — возможность возведения этой жизни в мир искусства, становится против темной ее стороны и наполняет душу упованием и укрепляет нас на трудный подвиг, на трудное странствование сквозь эту жизнь»[3].

Размышления Самарина оказались чрезвычайно близки К. С. Аксакову, который повторил их, от своего имени, в письме к А. Н. Попову[4], а письмо Самарина отправил, вместе с своими статьями о «Мертвых душах», в Рим Гоголю[5].

[1] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки.***
[2] См. ***1843. Сентябрь-октябрь <сентября средина – ноября начало>*** (примечания).
[3] *Гоголь 2009–2010.* Т. 12. С. 227–231.
[4] См. ***1843. Октября конец <ноября первая половина>. Москва.***
[5] См. ***1842. Ноября начало <ноября средина>. Москва; 1843. Апреля после 22 <мая между 4 и 12>. Москва.***

ОКТЯБРЯ КОНЕЦ <НОЯБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА>. МОСКВА

К. С. Аксаков пишет А. Н. Попову:

«Сильнейшим подтверждением этого убеждения <убеждения в великом будущем русского народа> была поэма Гоголя “Мертвые души”, в которых явилось такое чудо создания, такая великая, древняя классическая простота, которая могла явиться только в России, у народа цельного, великого, жизненного, назначенного к великим подвигам».

По-видимому, К. С. Аксаков следует здесь размышлениям Ю. Ф. Самарина в письме к нему от второй половины октября 1842 г.[1] Сходные суждения о произведениях Гоголя высказывал также В. Г. Белинский в 1838 и 1842 гг.[2]

Много лет спустя, 7 ноября 1874 г., И. С. Аксаков, собираясь издать рукопись «Истории... знакомства с Гоголем...» своего отца, писал А. О. Смирновой: «То <...> *наслаждение*, которое доставляло художественное воспроизведение пошлых, грязных и сальных сторон русской жизни, наслаждение чуждое всяких тенденциозных, социалистических соображений, все это теперь — вещи невнятные. Это необходимо истолковать, и потому мне хочется написать, в виде предисловия к рукописи моего отца, два этюда о Гоголе[3]: один — “место или значение Гоголя в истории русской литературы и русского общества”, а другой — психологический этюд о самом Гоголе...»[4]

Судя по всему, вне поля зрения К. С. Аксакова в его восприятии гоголевской поэмы осталось то, что предназначение «к великим подвигам», великое будущее России Гоголь видел в преодолении недостатков, в возрождении «мертвых душ» соотечественников. Имея в виду строки лермонтовского «Бородино» — «Да, были люди в наше время, / Не то, что нынешнее племя: / Богатыри — не вы!», — Гоголь писал: «В России теперь на всяком шагу можно сделаться богатырем. Всякое званье и место требует богатырства. Каждый из нас опозорил до того святыню своего званья и места (все места святы), что нужно богатырских сил на то, чтобы вознести их на законную высоту. Я слышал то великое поприще, которое никому из других народов теперь невозможно и только одному русскому возможно, потому что перед ним только такой простор и только его душе знакомо богатырство...» («Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”»). Согласно Гоголю, «пути и дороги к <...> *светлому* будущему сокрыты <...> в <...> *темном* и *запутанном* настоящем, которого никто не хочет узнавать: всяк считает его низким и недостойным своего внимания и даже сердится, если выставляют его на вид всем» (письмо к А. О. Смирновой «Что такое губернаторша» «Выбранных мест из переписки с друзьями»). Позднее, в 1854 г., В. С. Аксакова как бы от лица всей семьи Аксаковых свидетельствовала: «*Теперь только* (курсив наш. — *И. В.*), при чтении стольких писем к стольким разным лицам, начинаем мы постигать всю задачу его жизни и все его духовные внутренние труды. <...> Прекрасны его слова к Смирновой о России, как замечательны они теперь! Он верил в светлое будущее России, но путь к нему указывал в настоящем»[5].

Далее в письме к Попову Аксаков сообщал:

«Я написал брошюрку о "Мертвых душах"[6] наскоро для журнала, и она не попала в журнал (Шевырев не захотел), и я напечатал отдельно. На меня все напали, за исключением Самарина и Хомякова, со мною согласных. Нападения меня не смутили, я остался при своем мнении и соглашаюсь разве с одним: что не ясно и не вполне развита моя мысль; впрочем, при внимательном чтении, думаю, что она должна быть совершенно понятна[7]. <...> Хотелось бы мне послать вам ответ мой на подлое ругательство Белинского, написанное им на мою брошюрку в "Отечественных Записках", но не знаю, удастся ли. Он помещен в "Москвитянине"[8], а переписывать не стоит...»[9]

Из мемуарного очерка П. В. Анненкова «Замечательное десятилетие» (1880): «Известно, что К. С. Аксаков, при появлении первой части "Мертвых Душ", в том же 1842 г<оду>, написал статью, в которой проводил мысль о сходстве Гоголя по акту творчества и силе создания с Гомером и Шекспиром, находя, что только у одних этих писателей, да у нашего автора обнаруживается дар указывать в пошлых характерах и в самом пороке еще некоторую внутреннюю крепость и своего рода силу, которые почерпаются ими уже от принадлежности к мощной и здоровой национальности»[10].

[1] См. ***1842. Октября вторая половина <ноября начало>***). – См. также ***1843. Августа 8 <20>. Воскресенье. Москва.***

[2] См. ***1838. Августа 10 <22>. Среда.***

[3] «Статей этих о Гоголе Иван Сергеевич не успел написать» (*Бартенев П. И.* Из писем И. С. Аксакова к А. О. Смирновой // Русский Архив. 1895. № 12. С. 475).

[4] Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 943. – Подробнее об этом см.: *Виноградов И. А.* Спор К. С. Аксакова и В. Г. Белинского: Культурно-исторические аспекты полемики о жанре «Мертвых душ» // Гоголеведческие студии / Нежинский гос. ун-т им. Н. Гоголя, Гоголеведческий центр; Ин-т литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины. Нежин, 2012. Вып. 2 (19). С. 17–75. – См. также ***1842. Ноября 13 <25>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[5] Из дневника В. С. Аксаковой 1854–1855 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 895. – См. также ***1838. Августа 10 <22>. Среда.***

[6] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки.***

[7] В черновой рукописи «Объяснения» К. С. Аксакова содержится следующее пояснение: «Скажут, что у меня неясно выражено: неясно для тех, кому не нужно настоящего смысла слов. Человек всего легче поражается разностью и все озорнее ее видит и потому часто находится вне угадки мнения и там, где его вовсе нет... с охотою хватается он за удобно настигаемую разность, не заботясь о том, точно ли находится она в таком-то месте, он ее разоблачит и скорее... выставляет ее напоказ толпе...» (*Кошелев В. А.* «Мертвые души» Н. В. Гоголя в трактовке ранних славянофилов // Русская литература. 1976. № 3. С. 88). «Что касается до мнения моего, – писал Аксаков Погодину, – оно совсем не плод восторга, но мнение, основанное на спокойном размышлении, твердо поставленное, как мне кажется, мнение зрелое, одним словом» (Там же. С. 88). – См. также ***1840. Января 2. Вторник. Москва.***

[8] См. ***1842. Сентября 25 <октября 7>. Пятница. Москва.***

[9] *Кошелев В. А.* «Мертвые души» Н. В. Гоголя в славянофильском истолковании // *Кошелев В. А.* Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов. 1840–1850-е годы. Л., 1984. С. 138; Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 796.

[10] *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Свод.* Т. 3. С. 511.

НОЯБРЯ 12 <ОКТЯБРЯ 31>. СУББОТА. РИМ

Гоголь отправляет в Москву письмо к С. П. Шевыреву:

«Благодарю тебя много-много за твои обе статьи[1], которые я получил в исправности от княгини <З. А.> Волконской, хотя несколько поздно. В обеих статьях твоих, кроме большого их достоинства и значения для нашей публики, есть очень много полезного собственно для меня. Замечание твое о неполноте комического взгляда, берущего только в пол-обхвата предмет, могло быть сделано только глубоким критиком-созерцателем[2]. Замечания об излишестве моей расточительности тоже большая правда. Мне бы очень хотелось, чтоб ты на одном экземпляре заметил на полях каранда-

шом все те места, которые отданы даром читателю или, лучше сказать, навязаны на него без всякой просьбы с его стороны. Это мне очень нужно, хотя я уже и сам много кое-чего вижу, чего не видал прежде, но человек требует всякой помощи от других, и только после указаний, которые нам сделают другие, мы видим яснее собственные грехи. Ты пишешь в твоем письме, чтобы я, не глядя ни на какие критики, шел смело вперед. Но я могу идти смело вперед только тогда, когда взгляну на те критики. Критика придает мне крылья. После критик, всеобщего шума и разноголосья, мне всегда ясней предстает мое творенье. А ты сам, я думаю, чувствуешь, что, не изведав себя со всех сторон, во всех своих недостатках, нельзя избавиться от своих недостатков. Мне даже критики Булгарина приносят пользу, потому что я, как немец, снимаю плеву со всякой дряни[3]. Но какую же пользу может принесть мне критика, подобная твоей, где дышит такая чистая любовь к искусству и где я вижу столько душевной любви ко мне, ты можешь судить сам. Я много освежился душой по прочтеньи твоих статей и ощутил в себе прибавившуюся силу. Я жалел только, что ты вровень с достоинствами сочинения не обнажил побольше его недостатков. <...> Пожалуйста, присылай мне все критики, которые случится написать обо мне, прямо по почте, не затрудняйся тем, что письмо будет толсто и придется много платить за него. Я готов вчетверо заплатить и всё еще буду в барышах. Прокоповичу я послал всё, что следует, и потому нет никаких препятствий к скорому выходу моих сочинений. Уведомь меня, когда они получатся в Москву. Узнай также от Аксакова, Серг<ея> Тим<офеевича>, высланы ли деньги мне в Рим и каким путем посланы они. Меня очень изумляет, что их до сих пор здесь нет, тем более, что Сергей Тимофеевич хотел послать их даже раньше того срока, к которому я просил. Я просил его[4] выслать в Рим к первому октябрю, а теперь уже слава Богу 10-е ноября. [Я да Языков, который при сем тебе кланяется, сидим оба на безденежьи[5].] Языков тебе кланяется. Адресуй: Via Felice, № 126, 3 piano.

Передай Софье Борисовне[6], вместе с самым искренним и душевным поклоном моим, множество благодарностей за великодушное участие ее в хозяйственных делах по части Мертвых душ».

[1] *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья первая // Москвитянин. 1842. № 7 (цензурное разрешение 10 августа). С. 207–228; *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья вторая // Москвитянин. 1842. № 8 (цензурное разрешение 22 августа). С. 346–376. — Вероятно, Шевырев прислал тогда Гоголю, через Волконскую, отдельные оттиски своих статей.

[2] См. ***1847 декабря 27 <1848 января 8>. Суббота. Москва*** (примечания).

[3] Ср. реплику помещика Костанжогло во втором томе «Мертвых душ»: «Рассмотри только попристальнее свое хозяйство, то увидишь — всякая тряпка пойдет в дело, всякая дрянь даст доход...»

[4] См. ***1842. Мая около 17. Москва.***

[5] См. также ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим***; ***1843. Февраля 28 <16>. Вторник. Рим.***

[6] Жена Шевырева.

НОЯБРЯ 1 <13>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет № 11 «Отечественных Записок», где напечатана статья В. Г. Белинского «Объяснение на Объяснение[1] по поводу поэмы Гоголя “Мертвые души”»[2].

[1] Имеется в виду статья К. С. Аксакова «Объяснение», опубликованная в № 9 журнала «Москвитянин» за 1842 г. (см. ***1842. Сентября 25 <октября 7>. Пятница. Москва***).

[2] <*Белинский В. Г.*> Объяснение на Объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» // Отечественные Записки. 1842. № 11 (цензурное разрешение 31 окт.). Отд. 5. С. 13–50.

НОЯБРЯ 1 <13>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщает М. Г. Карташевской:

«Посылаю тебе письмо Самарина о Гоголе[1], оставляя вполне на твое восхищение, это письмо не будет напечатано. – Прения о брошюрке не прекращаются. Никакое благородство не защитит против этих бессовестных, бесчестных журналистов, и в последнем номере О<течественных> З<аписок>, т. е. который должен выйдти сегодня, напечатана, говорят, ругательная статья[2] вследствие именно этого "Объяснения"[3], и к тому же и Гоголю досталось, как нам сказывали».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 832.

[1] Имеется в виду копия письма Ю. Ф. Самарина к К. С. Аксакову от второй половины октября 1842 г., посвященного «Мертвым душам» (см. ***1842. Октября вторая половина <ноября начало>***).

[2] Подразумевается опубликованная без подписи в № 11 «Отечественных Записок» за 1842 г. статья В. Г. Белинского «Объяснение на Объяснение по поводу поэмы Гоголя "Мертвые души"» (см. ***1842. Ноября 1 <13>. Воскресенье. Санкт-Петербург***). В письме к М. Г. Карташевской от 13 ноября 1842 г. В. С. Аксакова замечала, что эта статья Белинского «разумеется... останется без ответа, если Шевыр<ев> на вздумает написать что-нибудь от имени "Москвитянина"» (*Кошелев В. А.* «Мертвые души» Н. В. Гоголя в славянофильском истолковании // *Кошелев В. А.* Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов. 1840–1850-е годы. Л., 1984. С. 112; *Аксаков К. С.* Эстетика и литературная критика / Сост., подгот. текста, вступ. статья, коммент. В. А. Кошелева. М., 1995. С. 492; *Свод.* Т. 2. С. 832).

[3] Речь идет о статье К. С. Аксакова «Объяснение», опубликованной в № 9 журнала «Москвитянин» за 1842 г. (см. ***1842. Сентября 25 <октября 7>. Пятница. Москва***).

НОЯБРЯ 14 <2>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЮССЕЛЬДОРФ

В. А. Жуковский пишет в Рим ответное[1] письмо Гоголю:

«Любезнейший Николай Васильевич[2], не сердитесь на мое молчание, не толкуйте его криво и верьте моей искренней к вам дружбе с письмами от меня и без писем. Еще я не послал к вам критики на ваши "Души", потому что это работа большая, а я не скоро могу решиться на длинное письмо. Вам же моя критика не так теперь необходимо нужна – книга уже напечатана. <...> ...Порадуйтесь со мною: у меня за четыре дня пред сим родилась дочка»[3].

[1] См. ***1842. Ноября 1 <октября 20>. Вторник. Рим.***

[2] Позднее, 5 мая (н. ст.) 1843 г., Гоголь, отвечая Жуковскому на новое письмо (см. ***1843.* Апреля 30 <18>. Фомино воскресенье. Рим**), писал: «...Ваше письмо <...> принесло мне <...> удовольствие: <...> оно начинается давно знакомым мне: любезный Гоголек (последнее письмо пред сим неизвестно почему вздумало начаться словами Николай Васильевич, в чем, конечно, нет ничего дурного, но прежнее, Бог ведает почему, нам всегда лучше нового)...»

[3] Александра Васильевна Жуковская (в замужестве баронесса Верман, 1842–1899).

НОЯБРЯ 2 <14>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Визит А. В. Никитенко к П. А. Плетневу по делам издания сочинений Гоголя.

4 ноября 1842 г. Плетнев сообщал Я. К. Гроту: «*Понедельник (2 ноября).* <...> Пришел Никитенко. Хвалит Гоголя, а сам все в нем как цензор вычеркивает; напр<имер>, не позволяет сказать, что у чиновника сняли мошенники шинель у Поцелуева моста. Это, – дескать, личность, ибо точно когда-то случилось подобное. Вот его деликатность; а Белинскому пропускает все подноготное о Полевом!»

Свод. Т. 1. С. 665.

НОЯБРЯ НАЧАЛО <НОЯБРЯ СРЕДИНА>. МОСКВА

С. Т. и К. С. Аксаков посылают в Рим ответные[1] письма Гоголю. К. С. Аксаков добавляет в почтовое отправление свою брошюру «Несколько слов о поэме Гоголя “Мертвые души”» (М., 1842), статью «Объяснение» (оттиск из № 9 журнала «Москвитянин» за 1842 г.), а также копию письма к нему Ю. Ф. Самарина от второй половины октября 1842 г.[2] по поводу «Мертвых душ»[3]. (По словам Гоголя в ответном письме к К. С. Аксакову[4], все эти вложения – брошюра и статья, а также письмо Самарина – до него не дошли.)

С. Т. Аксаков писал[5]: «Обнимаю вас, любезнейший Николай Васильевич! Я виделся с Шевыревым. *Мертвых Душ* осталось у него 530 экземпляр<ов>, да в Петербурге 100. Он говорит, что к новому году нужно будет второе издание[6]. Что вы на сие скажете? У нас в Москве катарр и у меня почти все дети в кашле. Ожидаем от вас весточки из Рима. Все вам знакомые кланяются. Ждем полного издания ваших сочинений, которое непременно будет иметь большой ход. Мое здоровье хорошо, благодаря диэте. Весной уеду в Оренбур<гскую> губернию, может быть, со всей семьей. Еще раз вас обнимаю. Весь ваш С. Аксаков».

Из брошюры К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя “Мертвые души”»: «...Глубоко значение, являющееся нам в “Мертвых Душах” Гоголя! Перед нами возникает новый характер создания, является оправдание целой сферы поэзии, сферы, давно унижаемой; древний эпос восстает пред нами»[7].

В «Объяснении» К. С. Аксаков пояснял: «Отнимите у эпического созерцания прекрасную жизнь, с которой некогда прямо соединялось оно; представьте пред ним современную жизнь, уже не прекрасную, уже опустевшую, ибо перешагнули за нее, перешагнув за сферу художественной красоты, интересы человека, и глубокое созерцание поэта необходимо примет юмор, то посредствующее, что одно может соединять его еще с жизнью (без чего бы оно отворотилось и закрыло глаза, да позволено будет это выражение), примет юмор, *но вместе с тем сохраняя в себе свой характер всевидения и, в то же время, свою справедливость к жизни, умея везде находить ее сквозь юмор.* Только при последних условиях эпическое созерцание полно, истинно, и вместе может быть современно, ибо характер его не препятствует современному определению; и мы в таком виде находим его у Гоголя»[8].

В письме к Гоголю К. С. Аксаков сообщал: «...Ни одно слово письма вашего не пропало для меня даром... <...> ...Оставайтесь далеко, живите где хотите <...>; если же только можете <...>, то приезжайте к нам в Москву <...>: она живое сердце нашей великой России; на ней лежит судьба ее, из нее все великое благо. <...> Давно не бывало у нас такого движения, какое теперь по случаю “Мерт<вых> Д<уш>”. <...> Одни говорят, что только тут видят они Гоголя, который до сих пор далеко не так поражал их... <...>; другие провозгласили было в самом начале, что эта книга – падение Гоголя, смерть его таланта; но скоро должны были замолчать, оглушенные всеобщим шумом, поднявшимся над их главами; они ограничиваются тем теперь, что указывают на прежние ваши сочинения, на Малороссию. – Для иных здесь колос<с>ально предстает Россия, сквозящая сквозь первую часть и выступившая на конце книги; слезы навертываются у них на глазах при чтении последних строк; другие с горестью читают, говорят, что надо терзаться и плакать; *посмотрите,* – говорил мне один, – *какая тяжелая, страшная насмешка в окончании этой книги.* – Какая? – спросил я выпучив глаза. – *В словах, которыми оканчивается книга.* – Как в этих словах? – *Да разве вы не заметили: Русь, куда несешься ты, сама не знаешь, не даешь ответа.* – И это говорят серьезно, с искреннею, глубокою грустью. Мне удалось, однако, поколебать это печальное мнение. – Одни говорят, что “М<ертвые> Д<уши>” – поэма, что они понимают смысл этого названия; другие видят

в этом насмешку совершенно в духе Гоголя: *нате вот, грызитесь за это слово.* Многие помещики не на шутку выходят из себя и считают вас своим смертельным, личным врагом. Само собою разумеется, что ко всему этому присоединяются нападения на вас, на неприличие; с другой стороны дается этим нападениям живой отпор. <...> Журналы не могут перестать говорить о "Мер<твых> Душах"... <...> Шевырев написал две[9], пишет еще третью статью[10]. "О<течественные> З<аписки>", беспрестанно говоря и браня все мнения о "Мер<твых> Душах", обещаются написать большую статью. Словом сказать, литераторы, журналисты, книгопродавцы, частные люди – все говорят, что давно не бывало такого страшного шума в литературном мире, одни браня, другие хваля. Из последних, одни со слезами на глазах от того живого света русской жизни, проникающего наружу теплым лучом, перед которым падает всякое сомнение и растет надежда вместе с силами и бодростью духа. – Другие – со слезами на глазах от совершенного отчаяния; они говорят, что тот не русский, у кого сердце не обольется кровью, глядя на безотрадное состояние России; говорят: *Гоголь не любит России; посмотрите, как хороша Малороссия и какова Россия*[11]; прибавляют: *Заметьте, что самая природа России не пощажена и погода даже все мокрая и грязная.* Но мне хочется также сказать вам собственно про себя, дорогой Николай Васильевич. Когда я слышал[12] "М<ертвые> Д<уши>", еще никакого впечатления целого не было возбуждено во мне; я прочел их; я чувствовал, что прекрасно; видел красоту создания, жизнь всякой отдельной черты; но что такое самое создание, какой общий смысл его, в котором соединяются в одно целое все эти чудные, живые черты, – этого я не мог себе постигнуть. Мысль была в недоумении; но потом открылась для меня внутренняя гармония всего создания: стали в одно целое все малейшие черты, понятна стала глубочайшая связь всего между собою, основанная не на внешней анекдотической завязке (отсутствие которой смущает с первого разу), но на внутреннем единстве жизни, – и тогда мог я наслаждаться самим созданием, целым его образом, который, кажется, стал доступен мне. – Очень понятно, что тогда весь был я наполнен моим чувством наслаждения, впечатлением "М<ертвых> Д<уш>". Мне кажется, главная трудность лежит в настоящем уразумении слова: *Поэма,* так по крайней мере, как я его понимаю. Когда стал я говорить о "М<ертвых> Д<ушах>", то нашел согласным с собой Хомякова и Самарина[13]. "*Это древний эпос с его великим созерцанием, разумеется, современный и свободный, в наше время, – но это он*", – услыхал от меня Павлов и вдруг то же услыхал от Хомякова.

Я сказал Хомякову, что хотел бы написать о "М<ертвых> Д<ушах>", он советовал мне то же, и я написал статью: *Несколько слов* для "Москвитянина"; туда не была она принята; тогда я напечатал ее брошюркой, которую не пустил в продажу, раздав только знакомым; несмотря на то, она сделалась известна многим; брошюрка была написана скоро {и}, может быть не ясно, – и на нее многие, почти все напали, искажая сказанные в ней мысли. <...> *Белин<ский>* умышленно или неумышленно изуродовал слова мои, напечатал на меня ругательную рецензию[14], на которую надо было мне отвечать для того, чтобы уничтожить ложь, на меня взводимую. Нет, Николай Васильевич, у меня не было чувства: я *первый понял,* и кажется, не видать его в статье моей. Посылаю вам и брошюрку и мое возражение. <...> Белинской в восторге от "М<ертвых> Д<уш>", но кажется, он их далеко не понимает[15]. Слова ваши о слав<янском> племени (*<1 нрзб.>* прекрасное место) находит он, между прочим, утрированными».

[1] См. ***1842. Августа 18 <6>. Четверг. Праздник Преображения Господня. Гастейн.***

[2] См. ***1842. Октября вторая половина <ноября начало>.***

[3] См. ***1842. Ноября 18 <30>. Среда. Москва.***

[4] См. ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим.***

[5] Послание сохраниось, вероятно, в черновой редакции; оно написано карандашом «на последней, свободной странице» брошюры К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя...» (*Гоголь 1889–1896.* Т. 3. С. 500).

[6] См. также ***1843. Февраля 28 <16>. Вторник. Рим.***

[7] *Аксаков К.* Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души. М., 1842 (подпись под текстом: Москва, июня 16 1842; цензурное разрешение 1 июля). С. 1.

[8] *Аксаков К.* Объяснение // Москвитянин. 1842. № 9 (подпись под текстом: 17 авг. 1842. Москва; цензурное разрешение 25 сентября). С. 226). – См. также ***1845. Декабря 1 <13>. Суббота. Калуга*** (примечания).

[9] *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья первая // Москвитянин. 1842. № 7 (цензурное разрешение 10 авг.). С. 207–228; *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ.

Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья вторая // Москвитянин. 1842. № 8 (цензурное разрешение 22 авг.). С. 346–376.

[10] *Шевырев С.* Критический перечень произведений Русской Словесности за 1842 год // Москвитянин. 1843. № 1. С. 282–286. В статье Шевырев писал по поводу «Мертвых душ»: «...Одна из прекрасных, Христианских сторон Русского характера и Русского духа есть всегдашняя готовность сознавать открыто свои народные недостатки. В некоторых лицах доходит оно, может быть, до вредной крайности, унижающей вместе с недостатками и самое существо Русского духа; но в массе происходит от доброго источника. Сознавайте народные пороки, сознавайте недостатки Отечества, трудитесь денно и нощно за тем, чтобы их уничтожить; но признавайте с тем вместе внутреннее, неизменное, Богом и Христом Его данное и освященное существо Русского человека. Так действовал и Петр: тем и велик он, что сознал недостатки своего народа, но с тем вместе питал и веру в славное его грядущее. Что в великом явилось в огромном размере, то в каждом малом из нас должно повториться. <...> Да, Россия, как истинный Христианин, чем открытее, чем глубже будет исповедывать внутренние свои недостатки, чуждая всяких обольщений, могущих вредить ее успеху, — тем выше станет она перед лицем всех народов... Не бойся, не скрывай она никаких язв своих, а сознавай и лечи их скорым врачеванием... Лишь бы верила она в то, что коренное существо ее свято и вечно, и принадлежит не ей, а Самому Богу, давшему ей не даром такое огромное место и может быть, тысящелетиями неисчерпаемое назначение в мире».

[11] См. также ***1842. Мая между 23 и 28. Москва*** (примечания).

[12] См. ***1839. Октября 14. Суббота. Москва***; ***1839. Декабря 23. Суббота. Москва***; ***1840. Марта 10 или 20 или 27 или апреля 10. Среда. Москва***; ***1840. Апреля 13. Великая суббота. Москва***; ***1841. Октября вторая половина. Москва***.

[13] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки*** (примечания).

[14] Имеется в виду рецензия В. Г. Белинского «Несколько слов о поэме Гоголя “Похождения Чичикова, или Мертвые души”» (Отечественные Записки. 1842. № 8), на которую К. С. Аксаков ответил своим «Объяснением» — отправленным Гоголю при настоящем письме; после чего последовало «Объяснение на Объяснение по поводу поэмы Гоголя “Мертвые души”» Белинского (Отечественные Записки. 1842. № 11).

[15] Позднее Ф. М. Достоевский в письме к Н. Н. Страхову от 30 мая (н. ст.) 1871 г. замечал о Белинском: «Я помню мое юношеское удивление, когда я прислушивался к некоторым чисто художественным его суждениям (н<а>прим<ер>, о “Мертв<ых> душах”). Он до безобразия поверхностно и с пренебрежением относился к типам Гоголя и только рад был до восторга, что Гоголь *обличил*» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1986. Т. 29. Кн. 1. С. 215). П. В. Анненков в «Замечательном десятилетии» (1880) также свидетельствовал: «...Белинский <...> как бы считал своим жизненным призванием <...> отстранить и уничтожить попытки к допущению каких-либо других, смягчающих выводов из знаменитого романа, кроме <...> строго обличающих...» (*Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Свод.* Т. 3. С. 511–512). «Когда мы хвалили сочинения Гоголя, — заявлял в 1847 г. сам Белинский в статье, посвященной “Выбранным местам из переписки с друзьями”, — то не ходили к нему справляться, как он думает о своих сочинениях...» (*Белинский В. Г.* Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя // *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. С. 237). Еще более определенно на этот счет высказался В. П. Боткин в письме к П. В. Анненкову от 28 февраля 1847 г.: «...В русской литературе есть направление, с которого не своратить ее и таланту посильнее Гоголя; русская литература брала в Гоголе то, что ей нравилось, а теперь выбросила его, как скорлупку выеденного яйца» (см. ***1847. Февраля 28 <марта 12>. Пятница. Москва***).

НОЯБРЯ 3 <15>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Судя по почтовому штемпелю[1], в этот день М. П. Балабина получила письмо Гоголя из Рима[2].

[1] См.: *Городецкий.* С. 441.

[2] См. ***1842. Ноября 2 <октября 21>. Среда. Рим.***

НОЯБРЯ 4 <16>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление спектакля «Мертвые души, комические сцены» (сост. Н. И. Куликовым) в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 276.

НОЯБРЯ 5 <17>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Согласно почтовому штемпелю[1], Н. Я. Прокопович получил в этот день письмо Гоголя из Рима[2], с вложением пьесы «Театральный разъезд после представления новой комедии».

[1] «Получено <18>42, ноя<бря> 5 полдень» (*Шубинский*. С. 44).
[2] См. ***1842. Октября 22 <10>. Суббота. Рим***; ***1842. Октября 28 <16>. Пятница. Рим***.

НОЯБРЯ 7 <19>. СУББОТА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь пишет О. Сем. Аксаковой:

«Прошу вас <...> отправить прилагаемое при сем письмо к моему сыну, чтобы его успокоить, я пишу к нему, что к нам приезжал из С<анкт>-П<етербурга> двоюродный брат мой Андрей Андреевич Трощинский, считающий всегда меня за родную свою сестру, потому что я выросла в доме его матери[1], а моей родной тетки... <...> Детей моих ни одной из девиц нет дома, все гостят в разных моих знакомых, выпросивших их у меня[2], которые живут в городах... <...> Сейчас получила из херсонского губернского правления бумагу о моем деле[3], о котором я вас беспокоила; видно, из Сената делан был вопрос, отчего так длят исполнением по первому решению Сената в мою пользу, и о сю пору не удовлетворена я, они делают разные извороты и хотят сделать так, чтобы мне самой взыскивать следуемые мне деньги, которых уже набралось 12 тысяч рублей с процентами с обвиненных, находящихся в разных отдаленных местах, что может продолжиться во всю мою жизнь, один из них недалеко от меня живет, имеющий много денег, когда узнал о платеже штрафа, то поехал в Одес<с>у советоваться с другими обвиненными, как бы отделаться, чтобы и совсем не платить ничего, я вижу из дела, присланного мне довольно скоро, что почтенный Сергей Тимофеевич действувал в мою пользу в Сенате, попросите его и еще, нельзя ли так сделать, чтобы от казны были взысканы следуемые мне деньги, и чтобы не принята была в резон их просьба в Сенате, самая несправедливая, для того только, чтобы длить еще несносное дело, которое я имею в первой раз в моей жизни и то не мною начатое, и не дай Бог мне иметь их больше»[4].

Младшая сестра Гоголя Ольга Васильевна вспоминала: «Трощинский, Андрей Андреевич, брат двоюродный моей матери, иногда приезжал к нам и всегда с шиком. Прежде всего приезжал верховой объявить, что через два дня приедет генерал, и мать уступает свою спальню, приготовляется к его приезду; на другой день — опять верховой, говорит: “завтра на обед”. На третий день — опять верховой, говорит: “едет”. И мы все должны стоять на крыльце, его встречать. Смотрим, еще верховой, а за ним карета в два форейтора. Подъехали к крыльцу, два лакея открывают дверцы; выскакивает тоненький, высокий Дмитрий Андреевич, 14 лет, за ним гувернер. Потом два лакея высаживают седого старичка, Андрея Андреевича, и он, глядя на нас, с улыбкой выходит, а дальше ничего интересного не было. Мать со старичком разговаривали, а мы Дмитрия Андреевича занимали. Мать назвала Трощинского благодетелем: он каждый год высылал ей по 500 рублей, уплачивать проценты на тот долг, который зять Трушковский ввел. Только после смерти брата Трощинский-сын, когда начала печатать издание Гоголя, тогда выплатил остальной долг. Мать рассказывала, когда Андрей Андреевич получил наследство от Трощинского-министра[5], то мать его, Анна Матвеевна, говорила ему: ты получил громадное наследство, уступи Яреськи Машеньке (то есть моей матери), как она тут росла. Он замолчал. Мать моя видела его неудовольствие, сказал тетке: “Зачем? ему самому нужно”. И он ни слова на это не сказал[6]. У него было только один сын, Дмитрий Андреевич, считался миллионером. После смерти отца все спустил, остался без приюта и на старости пришлось ему служить у губернатора секретарем[7], и у меня пришлось ему нанимать квартиру — только одну комнату — и то благодарил, что я его приняла. Вот что значит быть жадным и неподельчивым»[8].

[1] Анна М. Трощинская (рожд. Косяровская).

[2] Незамужние дочери Марии Ивановны, Анна, Елисавета и Ольга, разъехались по знакомым на следующий день после празднования Покрова Пресвятой Богородицы и именин матери 1 октября 1842 г. (см. ***1842. Октября 1. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Васильевка***).

[3] См. ***1843. Марта вторая половина – апрель (н. ст.). Рим.***

[4] *Свод.* Т. 1. С. 112.

[5] См. ***1829. Февраля 26. Кибинцы.***

[6] На самом деле А. А. Трощинский даже скупил за долги принадлежавшую М. И. Гоголь в Яресках часть имения (***1829. Июня 23. Васильевка***).

[7] В 1850 г. Д. А. Трощинский, которому исполнилось в том году 19 лет, окончил Ришельевский лицей. В ноябре 1850 г. Гоголь писал о нем из Одессы А. М. Трахимовскому как о выказавшем желание служить «юноше»: «...Мне кажется, всем нам, дворянам, следует уважить это доброе желание юноши, который, как бы то ни было, внук того знаменитого мужа <Д. П. Трощинского>, которому много обязана полтавская губерния; по крайней мере в трудное время 12-го года, когда дворянству нужно было сильное предстательство, он не отказался принять на себя звание губернского предводителя <см. ***1812. Января 24. Среда. Полтава***>, несмотря на то, что, находясь в должности министра <см. ***1814 июля после 4 – 1815 апреля конец – мая начало. Полтава, Васильевка***>, обременен был кучей дел и обязанностей».

[8] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 200.

НОЯБРЯ 8 <20>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева пишет О. Сем. Аксаковой:

«Опять к вам пишу, да еще и *с гневом* пишу – можно ли так поступать, как почтеннейшая Ольга Семеновна – сказать и не исполнить: *Посылаю вам копию с письма Николая Ва<сильевича>*[1]: где же она. Заслушались комедию – неужели из такого большого семейства, как ваше, не нашлось ни одной доброй души, которая бы решилась пожертвовать 10 минут, чтобы ближнему доставить удовольствие. Я уверена, чтобы возлюбленная Вера Сергеевна охотно бы это сделала, оторвалась бы от слушания приятного чтения... <...> Я вас просила и еще повторяю, что я к нему в Венецию и в Рим писала... <...> В последний раз, как была в Москве, помните, говорили запретить Мертвые души. Думаю, что вздор. В октябре из Лицеи внук[2] ко мне писал, что у них будет праздновать<ся> день открытия Лицеи, будет театр, и две сцены будут из Мертвых душ[3]. Если бы запрещено было, то в казенном заведении не позволили бы представлять. Тот раз вы сказали, что хотели много писать, но Щепкин помешал, не угодно ли теперь попомнить, скажите о себе и о своих поподробнее».

Из писем Н. Н. Шереметевой // *Свод.* Т. 3. С. 543.

[1] Речь, вероятно, идет о письме Гоголя к С. Т. Аксакову от 18 августа (н. ст.) 1842 г. из Гастейна (см. ***1842. Августа 18 <6>. Четверг. Праздник Преображения Господня. Гастейн***).

[2] Вероятно, Е. И. Якушкин.

[3] См. ***1842. Сентября 9 <21>. Среда. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 9 <21>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Согласно почтовому штемпелю[1], в этот день цензор А. В. Никитенко получил письмо Гоголя из Рима[2].

[1] См.: *Городецкий.* С. 449.

[2] См. ***1842. Октября 30 <18>. Воскресенье. Рим***; ***1842. Ноября 1 <октября 20>. Вторник. Рим.*** – См. также ***1842. Ноября 11 <23>. Среда. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 10 <22>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Чтение П. А. Плетневым начальных глав первой редакции «Тараса Бульбы» у Императрицы Александры Феодоровны[1].

11 ноября 1842 г. Плетнев сообщал Я. К. Гроту: «*Вторник (10 ноября).* Чтение Бульбы у Императрицы. Она чувствует начало гриппа – и лежала на кушетке. Навещали Государь, Наследник и все дети. <...> Бульба и сеча очень ей нравятся»[2].

[1] См. также ***1842. Сентября 15 <27>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1842. Декабря 1 <13>. Вторник. Санкт-Петербург.***
[2] *Свод.* Т. 1. С. 665.

НОЯБРЯ 11 <23>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Визит А. В. Никитенко к П. А. Плетневу с письмом Гоголя[1].

14 ноября 1842 г. Плетнев сообщал Я. К. Гроту: «*Среда (11 ноября).* <...> Пришел ко мне Никитенко и показал письмо из Рима от Гоголя, который рассыпается перед ним в комплиментах, потому что Никитенко цензирует его сочинения. Я краснел за унижение, до которого в нынешнее время доведены цензурою авторы: они принуждены подличать перед людьми... Что, если некогда это письмо Никитенко напечатает в своих мемуарах? Не таковы были Дельвиг и Пушкин»[2].

[1] См. ***1842. Октября 30 <18>. Воскресенье. Рим***; ***1842. Ноября 1 <октября 20>. Вторник. Рим***; ***1842. Ноября 9 <21>. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[2] *Свод.* Т. 1. С. 665.

НОЯБРЯ 25 <13>. ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголь получил из Петербурга письмо от Н. Я. Прокоповича.

См. ***1842. Ноября 26 <14>. Суббота. Рим.***

НОЯБРЯ 13 <25>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

М. Г. Карташевская пишет В. С. Аксаковой:

«Вчера в первый раз[1] (после возвращения из-за границы) обедал у нас Надеждин[2]. Он еще не совсем оправился после своей болезни и очень слаб. В разговоре часто приходилось ему упоминать о вас. <...> Я нахожу большую перемену в Николае Ивановиче. Он теперь не шутит так много, как прежде, или, лучше, не обращает все в шутку, как обыкновенно. Я даже удивилась, когда он очень спокойно и серьезно рассуждал о “Мертвых душах”. Во многом я была с ним несогласна, но возражения, которые делал он, были совершенно серьезны. Начиная говорить о “Мертвых душах”, он обратился ко мне с замечанием: “Вы, конечно, мнения семейства вашего дядюшки?” Я отвечала: “Почему это?” – Сначала я не хотела даже продолжать об этом разговора и сказала Николаю Ивановичу: “Вы знаете, что мнения об этой книге так разнообразны и различны, что трудно найти двух людей, которые говорили бы о ней одно и то же, и потому я боюсь говорить свое мнение о ней”. Но разговор пошел далее. Николай Иванович говорил именно то, что опровергает Самарин в своем письме[3]. Он говорит, что больно читать эту книгу, больно за Россию и русских. Но я совсем этого не нахожу и не чувствую ничего подобного при чтении этой книги. О письме Самарина я, разумеется, не сказала ни слова. Надеждин тоже ужасно возмущен дерзостью Белинского»[4].

В полемике К. С. Аксакова с В. Г. Белинским Н. И. Надеждин встал на сторону Аксакова и отозвался о Белинском отрицательно[5]. Осенью 1842 г. Н. И. Надеждин сообщал С. Т. Аксакову о своей случайной встрече с В. Г. Белинским на вечере у И. И. Панаева: «...Встретил Белинского. После гнусной выходки против Константина эта рожа мне опротивела еще более»[6].

[1] После возвращения из-за границы.

[2] Н. И. Надеждин.

[3] Имеется в виду письмо Ю. Ф. Самарина к К. С. Аксакову от второй половины октября 1842 г., отправленное К. С. Аксаковым Гоголю в апреле 1843 г. (подробнее см. ***1842. Октября конец <ноября первая половина>. Москва***).

[4] Гоголь в письмах М. Г. Карташевской к Аксаковым // *Свод.* Т. 2. С. 957.

[5] Впервые упомянуто в изд.: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 642; см. также: *Кошелев В. А.* «Мертвые души» Н. В. Гоголя в трактовке ранних славянофилов // Русская литература. 1976. № 3. С. 85.

[6] *Аксаков К. С.* Эстетика и литературная критика / Сост., подгот. текста, вступ. статья, коммент. В. А. Кошелева.. М., 1995. С. 492.

НОЯБРЯ 26 <14>. СУББОТА. РИМ

Гоголь составил специальную записку М. С. Щепкину, удостоверяющую в том, что актеру принадлежит исключительное право на «драматические отрывки и отдельные сцены», напечатанные в четвертом томе сочинений Гоголя. Пишет также ответное письмо Н. Я. Прокоповичу в Петербург (записка к Щепкину и письмо к Прокоповичу были отправлены через день, 28 ноября[1]).

Записка к Щепкину была составлена Гоголем «нарочно для того», чтобы «служить документом» в том, что «все <...> драматические сцены и отрывки, заключающиеся в четвертом томе» его сочинений, принадлежат Щепкину, так что тот может давать их по своему усмотрению «в свои бенефисы». В той же записке просил Щепкина согласовать с И. И. Сосницким, чтобы «Женитьба» «шла в один и тот же день» в бенефисы обоих, «на петербургском и на московском театрах»[2].

Из письма к Прокоповичу: «Вчера[3] получил твое письмо. Благодарю тебя за него и за все старанья и хлопоты. Ты, я думаю, уже давно получил[4] "Разъезд". Он более месяца, как послан к тебе[5]. Насчет намерения твоего назвать "Светскую сцену" просто "Отрывком" я совершенно согласен, тем более, что прежнее название было выставлено так только, в ожидании другого. Насчет разных корсарств в мои владения[6], о которых, признаюсь, мне неприятнее всего было слышать, я пишу письмо к Плетневу[7]... <...> Все драматические сцены, составляющие четвертую часть, принадлежат Щепкину. Это нужно разгласить и распространить тоже, чтобы меня не беспокоили и не тревожили другие актеры какими-нибудь письмами и просьбами. На всякую просьбу Щепкина снисходи и постарайся, чтоб сделано было всё, что он просит. Половина драматических отрывков должна остаться ему для будущего бенефиса в будущем году, потому что для театра, вероятно, я ничего не произведу никогда».

Далее в письме сообщает исправления к «Женитьбе», а также к «Игрокам»: «...В "Игроках" пропущено одно выражение, довольно значительное, именно, когда Утешительный мечет банк и говорит: "На, немец, возьми, съешь свою семерку". После этих слов следует прибавить: *Руте, решительно руте! просто карта-фоска!*[8] Эту фразу включи непременно. Она настоящая армейская и в своем роде не без достоинства. Благодарю тебя за передачу кое-каких мнений и суждений о М<ертвых> д<ушах>. Продолжай и впредь. Это будет мне всегда лакомым подарком».

[1] См.: *Шубинский.* С. 44; ***1846. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим.***

[2] См. также ***1842. Октября 22 <10>. Суббота. Рим.***

[3] См. ***1842. Ноября 25 <13>. Пятница. Рим.***

[4] См. *1842. Ноября 5 <17>. Четверг. Санкт-Петербург.*
[5] См. *1842. Октября 22 <10>. Суббота. Рим.*
[6] См. *1842. Сентября 9 <21>. Среда. Санкт-Петербург.*
[7] См. также *1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим.*
[8] «...Позволим себе <...> объяснить значение этой замысловатой и в настоящее время мало кому понятной фразы: *руте* (от французского route – дорога), по объяснению опытных игроков, помнящих старинные игры, значит настойчиво держать банк на одну и ту же карту; *карта-фоска* – обманчивая, на которую нельзя рассчитывать (carte fausse)» (*Шенрок.* Т. 1. С. 370).

НОЯБРЯ 28 <16>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь отправляет письмо к Н. Я. Прокоповичу в Петербург и письмо к М. С. Щепкину в Москву (с вложением записки к нему же от 26 ноября 1842 г.)[1].

Предположительно в этот же день, 28 ноября (н. ст.) 1842 г., Гоголь написал в Москву письмо к С. Т. Аксакову, с просьбой о постановке «Ревизора» (письмо не сохранилось)[2]. К посланию Аксакову приложил еще три письма: к О. Сем. Аксаковой, к К. С. Аксакову и к Н. Н. Шереметевой[3].

В тот же день Гоголь написал еще одно послание – в Петербург к П. А. Плетневу (судя по почтовому штемпелю[4], это письмо было отправлено через два дня, 1 декабря; возможно, в тот же день были отправлено и письмо к Аксакову, с вложениями[5]).

Из письма к Щепкину: «Вы уже имеете Женитьбу. Не довольно ли этого на один спектакль? Я говорю это в рассуждении того, что мне хочется, чтобы вам что-нибудь осталось на будущие разы, а впрочем, вы распоряжайтесь как вам лучше. <...> Все драматические отрывки и сцены, заключающиеся в четвертом томе моих сочинений (их числом пять), все исключительно принадлежат вам. <...> Только последняя пиэса Театральный разъезд остается неприкосновенною, потому что ей неприлично предстать на сцене. <...> Живокини за похвальное поведение можно будет уступить который-нибудь из драматических кусочков. <...> А между тем займитесь сурьезно постановкою Ревизора. <...> Для успешного произведенья немой сцены в конце Ревизора один из актеров должен скомандовать невидимо для зрителя. Это должен сделать жандарм, произнеся, по окончании речи, тот самый звук, который издается женщинами, натурально, не открывая рта, попросту икнуть. Это будет сигнал для всех. Женитьбу, я думаю, вы уже знаете как повести, потому что, слава Богу, человек вы не холостой. А Живокини, который будет женить вас, вы можете внушить всё, что следует, тем более, что вы слышали меня, читавшего [эту пиэсу] эту роль[6]. <...>

Напишите Сосницкому, что я очень просил его, чтобы он приискал хорошего жениха, потому что эта роль, хотя не так, по-видимому, значительна, как Кочкарева, но требует таланта, и скажите ему, что мне бы очень желалось, чтобы вы сыграли вместе в этой пиэсе, он Кочкарева, а вы Подколесина. Тогда будет славный спектакль. Вы же, я полагаю, верно будете зимою в Петербурге. <...> Сейчас вслед за этим письмом отправляю письмо к Сергею Тимофеевичу. <...> Мне кажется, что я вам советовал вместе с Женитьбою дать Утро делового человека. А впрочем, распоряжайтесь по-своему».

В письме к О. Сем. Аксаковой Гоголь благодарит ее за письмо (не сохранилось) и высказывает упрек: «Я просил вас, чтобы вы только вдвоем прочитали письмо мое[7], а письмо это читала вся ваша семья, и кроме того вы даже дали списать с него для себя копию. <...> Позабудьте вовсе письмо мое оное! – Не читайте его, спрячьте на целые четыре года. <...> Еще просьба: не хвалите меня перед другими... <...> Из письма вашего со страхом я увидел, что вы меня считаете чем-то вроде святости и совершенства. Ради Бога не думайте так: это грех. В моей душе есть точно стремление к этому; но вы слышите ли, какое страшное пространство между этим стремлением и достижением?»

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Письмо это должно принадлежать к 1842 году и, вероятно (действительно так)[8], было приложено в письме ко мне, которое пропало. Оно, очевидно, есть ответ на письмо Ольги Семеновны, которое было писано к Гоголю перед отъездом на богомолье в Воронеж, что происходило в октябре»[9].

В письме к К. С. Аксакову Гоголь замечает: «Благодарю вас, Конст<антин> Сергеевич, за ваше письмо[10] и за вести о М<ертвых> д<ушах>. А за статью вашу[11] или критику не благодарю, потому что не получил ее.

Я бы хотел тоже прислужиться вам кое-какими услугами, но услуги мои будут черствы, и к тому же я знаю, что вы, любя меня, не любите однако ж слушать слов моих, если они касаются лично вас. Итак, оставя услуги и просьбы, я вам посылаю просто упрек! Я не прощу вам того, что вы охладили во мне любовь к Москве[12]. Да, до нынешнего моего приезда в Москву я более любил ее, но вы умели сделать смешным самый святой предмет. Толкуя беспрестанно одно и то же, пристегивая сбоку припеку при всяком случае Москву, вы не чувствовали, как охлаждали самое святое чувство вместо того, чтобы живить его. Мне было горько, когда лилось через край ваше излишество и когда смеялись этому излишеству. Всякую мысль, повторяя ее двадцать раз, можно сделать пошлою. Чувствуете ли вы страшную истину сих слов: Не приемли имени Господа Бога твоего всуе[13]? Но вы горды, вы не хотите сознаться в своих проступках или, лучше, вы не видите их. <...> Я теперь далеко от вас, слова мои теперь должны быть для вас священны: стряхните пустоту и праздность вашей жизни! Пред вами поприще великое, а вы дремлете за бабьей прялкой. Пред вами громада — русский язык[14]! Наслажденье глубокое зовет вас, наслажденье погрузиться во всю неизмеримость его и изловить чудные законы его, в которых, как в великолепном созданьи мира, отразился Предвечный Отец и на котором должна загреметь вселенная хвалой Ему[15]. Как христианин первых времен, примитесь за работу вашу. Не мыслью работайте, работайте чисто фактически. Начните с первоначальных оснований. Перечитайте все грамматики, какие у нас вышли, перечитайте для того, чтобы увидать, какие страшные необработанные поля и пространства вокруг вас. Не читайте ничего, не делая тут же замечаний на всякое правило и на всякое слово, записывая тут же это замечанье ваше. Испишите дести и стопы бумаги, и ничего не делайте, не записывая. Не думайте о том, как записывать лучше и не обделывайте ни фразы, ни мысли, бросайте всё как материал. Прочтите внимательно, слишком внимательно академический словарь. На всякое слово сделайте замечание тут же на бумаге. В душе вашей заключены законы общего. Но горе вам проповедовать их теперь, они будут только доступны тем, которые сами заключают их в душе своей и то не вполне. Вы должны их хранить до времени в душе, и только тогда, когда исследуете все уклоненья, исключенья, малейшие подробности и частности, тогда только можете явить общее во всей его колоссальности, можете явить его ясным и доступным всем. А без того все ваши мысли будут иметь влияние только тогда, <когда> будут произнесены вами изустно, сопровождаемые жаром и пылом вашей юности, и будут вялы, тощи, затеряются вовсе, если вы их изложите на бумаге. Займитесь теперь совершенно стороною внутреннею русского языка в отношении к нему самому, мимо отношений его к судьбе России и Москвы, как бы это ни заманчиво было и как бы ни хотелось разгуляться на этом поле. Исполните эту мою просьбу; это моя последняя просьба душевного, серьезного содержания».

В письме к Шереметевой Гоголь благодарит ее за два письма[16]: «Я их часто перечитываю. В мои болезненные минуты, в минуты, когда падает дух мой, я всегда нахожу в них утешение и благодарю всякую минуту руку Промысла за встречу мою с вами. <...> Еще одна душевная просьба. Ваша жизнь так прекрасна, она отдана вся благодеяниям, вы бываете часто свидетелем многих прекрасных движений человека: извещайте же меня обо всех христианских подвигах, высоких душевных подвигах, кем бы ни были они произведены. Рассказ о прекрасных движеньях нашего ближнего и брата вливает всегда чудную силу и бодрость в нашу душу и стремит ее новою, освеженною молитвою к Богу. Вам кланяется знакомый вам Языков, Ник<олай> Мих<айлович>. Он до сих пор еще не может совершенно избавиться от своих недугов. Не забудьте также и его в своих молитвах...»

В письме к Плетневу Гоголь сообщает: «Вдогонку за первым моим письмом[17] пишу к вам другое. Если вы еще не употребляли вашего участья и забот относительно подарка за поднесенные

экземпляры книги, то это дело можно оставить. <...> Я же пока занял денег у Языкова[18], которому прислали. А в начале будущего года авось Бог даст мне изворотиться, очиститься от долгов вовсе и получить кое-что для себя. <...> Я слышал, что в Современнике есть очень дельная статья о Мертвых душах[19]. Нельзя ли каким-нибудь образом переслать ее мне? я бы страшно хотел прочесть. Теперь же, вероятно, отправляются из Петер<бурга> курьеры к вел<икой> кн<ягине> Марье Николаевне. Здесь было пронесся слух, что вел<икая> кн<ягиня> будет в Риме, но теперь говорят, что проедет мимо. Смирнова, говорят, во Флоренции[20] и хочет быть в Рим. <...> Прокопович пишет, что издание моих сочинений приходит к концу. Не найдете ли средство послать по выходе один экземпляр мне через курьера, который будет отправлен к вел<икой> княгине»[21].

[1] См. ***1842. Ноября 26 <14>. Суббота. Рим***.

[2] См. ***1843. Марта после 20 <после 8>. Рим.***

[3] См. ***1842. Декабря 19 <31>. Суббота. Покровское***.

[4] См.: *Городецкий*. С. 451.

[5] Ср. ***1842. Декабря 3 <ноября 21>. Суббота. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Рим***.

[6] См. ***1835. Августа около 27–28. Москва.***

[7] См. ***1842. Августа 18 <6>. Четверг. Праздник Преображения Господня. Гастейн.***

[8] Примечание вписано на полях.

[9] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод*. Т. 2. С. 730.

[10] См. ***1842. Ноября начало <ноября средина>. Москва.***

[11] К. С. Аксаков посылал Гоголю вместе с письмом свою брошюру «Несколько слов о поэме Гоголя “Мертвые души”» (М., 1842) и статью «Объяснение по поводу поэмы Гоголя “Мертвые души”» (Москвитянин. 1842. № 9) (см. ***1842. Ноября начало <ноября средина>. Москва***).

[12] В своем письме к Гоголю К. С. Аксаков, в частности, замечал: «приезжайте к нам в Москву <...>: она живое сердце нашей великой России; на ней лежит судьба ее, из нее все великое благо!» (см. ***1842. Ноября начало <ноября средина>. Москва***). Спустя два года Ю. Ф. Самарин писал К. С. Аксакову и А. С. Хомякову: «Мысль о современном значении Москвы, пущенная в ход Аксаковым (см., в частности, позднейшую публикацию: *А<ксаков К. С.>* Семисотлетие Москвы // Московские Ведомости. 1846. 23 апр. № 49. С. 344–346. – *И. В.*), встретила между нами и даже в более широком кругу сочувствие и одобрение... <...> В то время уезжал Гоголь. Ты помнишь, Аксаков, то письмо, которое он написал тебе? <...> Гоголь предчувствовал то, что теперь сбылось. Толки о Москве продолжались три года; вражда к Петербургу усилилась... <...> Между тем, в продолжении этого времени Москва не явила ни одного плода своей умственной деятельности; таким образом она стала известна <...> России только с одной, чисто отрицательной стороны» (см. ***1844. В течение года. Санкт-Петербург***).

[13] Исх. 20, 7.

[14] Приняться за создание словаря русского языка Гоголь побуждал также К. С. Аксакова в 1844 г., полагая, что «он один может у нас совершить словарь русского языка, такой, какого не совершит ни одна академия со всеми своими членами» (см. ***1844. Декабря 21 <9>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***). Позднее, 17 января 1850 г., С. Т. Аксаков писал сыну Ивану: «С некоторого времени Гоголь начал приставать к Констант<ину>, чтоб он занялся составлением русского словаря. Я сначала как-то не обращал на это внимания. Но вчера вечером сидя с ним наедине у себя наверху, я был вполне им убежден, что этот важный и общеполезный труд может быть совершен исподволь Конст<антином> и что он имеет все к тому нужные способности и вдобавок двух критиков во мне и в Гоголе, которые помогут усовершенствованию его труда. Гоголь умел показать мне заманчивую сторону этой работы» (см. ***1850. Января 16. Понедельник. Москва***). 27 января 1850 г. Аксаков еще раз писал сыну из Москвы: «Как я доволен, что Гоголь навел Константина на занятие русским словарем! Гоголь в восхищении, но, может быть, он немножко и плутует. Впрочем, я сам вижу, что Константин имеет призвание к этому делу, а притом, мне кажется, этот труд будет очень полезен для его грамматики...» (см. ***1850. Января 20–26. Москва***).

[15] Ср. в статье о русской поэзии «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Поэзия наша <...> воспитывалась литературами всех народов <...> добывала какой-то всемирный язык затем, чтобы приготовить всех к служенью более значительному». (Ср. также примеч. к письму Гоголя к матери весны 1843 г.: ***1843. Апреля средина – мая 2 <апреля начало – апреля 20>. Рим.***) Позднее, 15 июня 1845 г. Н. М. Языков писал Гоголю из Москвы: «Надежда Николаевна <Шереметева> послала тебе молитву Ефрема Сирина – книжку, сочиненную пр<еосвященным> Иннокентием. По-моему, это одно из лучших, если не самое лучшее сочинение нашего великого иерарха». Речь идет об издании: Молитва св. Ефрема Сирина. Беседы на Святую Четыредесятницу (Харьков, 1844). «...Что такое наше слово? Явно отпечаток слова Творческого, – писал святитель Иннокентий. – В Боге слово, и в человеке слово. Правда, что слово в Боге не то, что наше слово; в Боге оно есть самый отпечатленный образ существа его, единородный Сын Божий: но и в нас слово не праздный звук, и в нас оно

есть отпечаток и образ нашего духа <...> словом человек видимо отличен от всех тварей, его окружающих <...> Чего не производило слово человеческое в чистом его виде, как оно было у святых Божиих человеков? останавливало солнце, заключало и отверзало небо, воскрешало мертвых» (Молитва св. Ефрема Сирина. Беседы на Святую Четыредесятницу. Харьков, 1844. С. 71–73).). В гоголевской книге о Литургии встречается реминисценция этих строк: «Каждый из собранья, сознавая, что и в нем, как в подобьи Божьем, есть та же тройственность, есть Он Сам, Его Слово и Его Дух, или мысль, движущая словом, но что человеческое его слово бессильно, изливается праздно и не творит ничего <...> молится <...> чтобы Бог <...> избрал его Своим храмом и пребываньем...»

[16] См. ***1842. Августа 22 <сентября 3>. Суббота. Покровское – августа 27 <сентября 8>. Четверг. Москва***; ***1842. Октября 21–22 <ноября 2–3>. Среда-четверг. Москва.***

[17] См. ***1842. Ноября 2 <октября 21>. Среда. Рим.***

[18] Около 2000 рублей (см. ***1843. Февраля 28 <16>. Вторник. Рим***)

[19] Автором статьи «Чичиков или Мертвые души, Гоголя», напечатанной в «Современнике» (1842. Т. 27), был сам Плетнев. – См. ***1834. Июнь – июля начало. Санкт-Петербург***; ***1842. Октября 21 <ноября 2>. Среда. Санкт-Петербург***; ***1843. Января 26 <февраля 7>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[20] См. также ***1842. Ноября 29 <17>. Вторник. Рим.***

[21] См. ***1843. Февраля 15 <27>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 16 <28>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Согласно почтовому штемпелю[1], в этот день П. А. Плетнев получил письмо Гоголя из Рима[2].

На письме имеется также помета рукой Плетнева: «П[олучено] 14 <?> нояб<ря> 1842. от поруч. Прокоповичу».

[1] «Получено 1842. Нояб. 16. Полдень» (*Городецкий*. С. 451).

[2] См. ***1842. Ноября 2 <октября 21>. Среда. Рим.*** – См. также ***1842. Ноября 18 <30>. Среда. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 16 <28>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1].

В тот же день А. С. Хомяков писал Н. М. Языкову в Рим:

«Так ты уж в Риме, любезный брат. Кланяйся от меня Колоссеуму, церкви Св. Петра и папе, которого надобно постараться обратить в Православие. <...> Будет ли только тепло тебе в твоем новом жилище[2]? Я полагаю, что римляне лучше умеют строить соборы, чем складывать печи, а тебе печь нужнее собора. На полдень ли твоя квартира? Впрочем, это обстоятельство, вероятно, обратило на себя внимание Гоголя. Кланяйся ему; скажи, что никто еще в России не пользовался такою искреннею и совершенною ненавистью некоторой школы словесников, как он. Может быть, вы этого не знаете, не получая журналов петербургских. Весело смотреть, как они грызут Мертвые Души. Это торжество тем чувствительнее, что ненависть возбуждена не только совершенством искусства, но и темным (ясного они иметь не могут) сознанием нравственного достоинства поэмы»[3].

[1] *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя. 1836–1893 гг.> // *ГЦТМ*. Ф. 299. Ед. хр. 1853.

[2] См. ответное письмо Языкова: ***1843 января 9 <1842 декабря 28>. Понедельник. Рим.***

[3] Гоголь в письмах А. С. Хомякова и его жены Е. М. Хомяковой (рожденной Языковой) // *Свод*. Т. 3. С. 195.

НОЯБРЯ 29 <17>. ВТОРНИК. РИМ

Гоголь отправляет во Флоренцию[1] письмо к А. О. Смирновой:

«Правда ли, что вы точно во Флоренции[2]? Я хотел было ехать тотчас к вам, но меня удержал больной Языков, бывший на руках моих... <...> Уведомите меня двумя строками и как можно скорее: долго ли вы будете во Флоренции, и куда потом... <...> Видеть вас — у меня душевная потребность. Любящий без памяти вашу душу — Гоголь. Адрес мой: Via Felice, № 126, 3 piano».

Сохранились сведения, что среди писем Гоголя к Смирновой было еще несколько посланий, написанных на французском языке. В 1925 г. в русском эмигрантском периодическом сборнике «На чужой стороне» была опубликована заметка «Сожженный Гоголь» (подписанная инициалом «Г.»), автор которой сообщал: «Какой-то рок преследует рукописи Гоголя. За неделю до смерти, как известно, Гоголь сам сжег все свои рукописи. Это печальное событие произошло в 1852 году и было тогда же оплакано всеми, кому дорог был Гоголь и кому дорога русская литература. Прошло 47 лет, почти половина века, — и в 1899 году произошло новое сожжение рукописей Гоголя. В семействе А. О. Смирновой сохранялось много рукописей Гоголя и в том числе пакет с письмами на имя А. О. Смирновой (письма на французском языке). Этот пакет берегла А. О. Смирнова; сохраняла его также и дочь ее Надежда Николаевна <1840–1889>, хоть и сделала на нем надпись "Все уничтожить". Воля умершей была исполнена в 1899 году С. Потаповым <ошибка; следует: Степановым; см. ниже>. Все попытки преданного делу собирания и охранения литературных материалов А. Ф. Онегина спасти этот пакет — ни к чему не привели. Историк литературы должен отмечать не одни находки, но и потери, должен знать, что исчезло, а следовательно, что *было* — тем более, что часто акт не простой потери, а сознательного уничтожения является многоговорящим»[3].

Инициал в подписи — «Г.» — указывает на одного из постоянных сотрудников сборника «На чужой стороне» Модеста Людвиговича Гофмана (1887–1959), известного пушкиниста, автора библиографического описания «Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже» (Париж, 1926), публикатора ряда материалов из обширного «онегинского» собрания автографов русских писателей (командированный в 1922 г. из Советской России во Францию М. Л. Гофман с 1926 г. стал «невозвращенцем»). Александр Федорович Онегин (наст. фамилия — Отто; 1844–1925), коллекционер, историк литературы, владелец собрания пушкинских автографов. В парижском музее А. Ф. Онегина-Отто хранилась, в частности, рукопись адресованного Смирновой сочинения Гоголя <О гневе и безгневии> (впервые опубликовано М. Л. Гофманом в 1925 г.[4]).

Сличение содержания приведенной заметки с письмом Г. С. Степанова к А. Ф. Онегину-Отто от 26 июля / 7 августа (н. ст.) 1899 г., хранящимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, показывает, что в своем сообщении М. Л. Гофман использовал именно это письмо (вследствие неразборчивой подписи в письме Гофманом было ошибочно прочитано: «С. Потапов» — вместо: «Степанов»). Отправитель письма — Григорий Степанович Степанов (ум. после 1909 г.), бывший крепостной Смирновых, управляющий у Надежды Николаевны Сорен (рожденной Смирновой, 1840 — май 1899), дочери А. О. Смирновой. Жил при Н. Н. Сорен последние годы ее жизни.

Позднее письмо Г. С. Степанова было передано, вместе с большей частью собрания А. Ф. Онегина-Отто, в Пушкинский Дом. В подлиннике письмо впервые было опубликовано в 1938 г.[5] Приводим это письмо по автографу: «VII 26 / 7 <18>99 г. Милостивый Государь Александр Федорович. Получа разрешение из Лондона от M-re Saurien <Артур В. Сорен — сын и наследник Н. Н. Сорен>, считая для себя обязанным послать вам некоторые рукописи Гоголя, им писанные; несколько писем его, по-французски на имя А. О. Смирновой, то имеется надпись рукою Надежды Николаевны "все уничтожить". Вот почему я не могу их Вам послать и должен исполнить волю умершей. Надеюсь о получении посылаемого известите меня. С уважением к Вам остаюсь — Степанов»[6].

Ранее, в письме от 13 февраля (н. ст.) 1894 г., сама Надежда Николаевна Сорен, в ответ на предложение А. Ф. Онегина-Отто взять на себя разбор архива О. Н. Смирновой, писала: «Насчет бумаг — да вы просто ангел, что берете на себя этот труд, конечно, я согласна. По-моему так: *все письма*, чьи бы ни были, *сжечь*. Все остальное мне прислать»[7]. После смерти Н. Н. Сорен А. Ф. Онегин-Отто запросил о судьбе бумаг ее сына А. В. Сорена (упоминаемый в письме Г. С. Степанова m-r Saurien). 13 июня (н. ст.) 1899 г. А. В. Сорен отвечал: «Если бы это не вызывало большого расхода, я бы отослал обратно письма покойной моей тетки Ольги и другие письма, ей принадлежавшие (их оказалось два ящика), чтобы вы могли распорядиться ими по вашему усмотрению. Я их уничтожил, не желая их уступать Бартеневу»[8]. Позднее, в письме от 25 января (н. ст.) 1909 г., Г. С. Степанов еще раз извещал А. Ф. Онегина-Отто о судьбе архива О. Н. Смирновой: «Дело обстояло очень просто: по получении из Парижа, Н<адежда> Н<иколаевна> разбирала вместе с Ю. Бартеневым <1866–1908>, и не нашедши ничего интересного, первый ящик был уничтожен, сожжен. После смерти Н<адежды> Н<иколаевны> 2-й ящик сожжен при мне и из пепла не мог обновиться...»[9]

Часть бумаг из архива О. Н. Смирновой была, однако, ранее продана самой Н. Н. Сорен в Щукинский музей (ныне хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства). Еще ранее часть писем Гоголя к А. О. Смирновой была передана О. Н. Смирновой П. И. Бартеневу. А. О. Смирнова в «Биографии Александры Осиповны Чаграновой» (фамилия героини второго тома «Мертвых душ») сообщала: «...У меня есть альбом, в котором есть <...> коллекция шутовских писем Жуковского и письма Гоголя»[10]. «Возможно, именно в составе этого альбома отдала ряд писем Бартеневу после смерти матери О. Н. Смирнова...»[11] См. письмо О. Н. Смирновой сестре Н. Н. Сорен от 18/30 сентября 1882 г., когда Ольга Николаевна приезжала в Москву, сопровождая прах своей матери: «Бартеневу я отдала письма покойных теперь Гоголя, Жуковского, Вяземского, Мятлева, Тургенева (Ал<ексан>дра Ив<ановича>). <...> ...Многие вещи или сожжены, или потеряны во время пребывания maman в Москве и Богданове. Из Фридлянда maman привезла шкатулку с письмами и бумагами, она их уничтожила здесь, в Богданове. Я их, увы! нигде не нашла. В 1876 году она отдала несколько писем и предметов в музей (касающихся Гоголя и Иванова), они там и находятся. Я не знаю только, что сделалось с теми, которые были ею оставлены Мише»[12] (имеется в виду сын А. О. Смирновой М. Н. Смирнов; 1847–1889).

[1] См. ***1842. Ноября 30 – декабря начало <ноября 18 – ноября двадцатые числа>. Флоренция***.

[2] См. также ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим*** (письмо к П. А. Плетневу).

[3] *Г.* Сожженный Гоголь // На чужой стороне. Историко-литературные сборники. Под редакцией С. П. Мельгунова, при ближайшем участии Е. А. Ляцкого и В. А. Мякотина. Издание к<нигоиздательст>в «Ватага» (Берлин) и «Пламя» (Прага), 1925. № 9. С. 142.

[4] *Гофман М. Л.* Последние дни Гоголя. (Новые материалы) // Руль. (Берлин). 1925. 25 янв. № 1260. С. 2–3.

[5] *Городецкий.* С. 432.

[6] *ИРЛИ.* Ф. 652. К. 2. Ед. хр. 26. – Написано на почтовой бумаге размером 210 × 132, с филигранью: круг в виде застегнутого ремня с пряжкой, со скрещенными молотами в центре и надписью по окружности: «HAMMER-EXPORT».

[7] *Житомирская С. В.* А. О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие // *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 621.

[8] Там же. С. 622.

[9] Там же. С. 623.

[10] *Смирнова А. О.* Биография Александры Осиповны Чаграновой // *Свод.* Т. 2. С. 282.

[11] *Житомирская С. В.* А. О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие. С. 684.

[12] *Смирнова А. О.* Воспоминания о Гоголе // *Смирнова А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 372–373.

НОЯБРЯ 17 <29>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Запрещена к представлению «Тяжба» Гоголя.

Гриц. С. 298.

НОЯБРЯ 30 <18>. СРЕДА. РИМ

Ф. В. Чижов поселяется в Риме в том же доме, где живут Гоголь, Н. М. Языков и слуга Языкова Сильвестр.

В этот день Чижов записал в своем дневнике: «Нанял квартиру на Via Felice, № 126, в том же доме, где нанимают Гоголь и Языков; не знаю, хорошо ли это, но квартира хорошая, комната на солнце и стоит с чисткою платья и сапогов 7 ½ скуд, то есть с небольшим 35 рублей. Это еще сносно»[1].

Позднее, в 1854–1855 гг., Чижов рассказывал П. А. Кулишу: «Расставшись с Гоголем в университете[2], мы встретились с ним в Риме в 1843 году[3] и прожили здесь целую зиму в одном доме, на Via Felice, № 126. Во втором этаже жил покойный Языков, в третьем Гоголь, в четвертом я. Видались мы едва ли не ежедневно. С Языковым мы жили совершенно по-братски, как говорится, душа в душу, и остались истинными братьями до последней минуты его; с Гоголем никак не сходились.

Почему? Я себе определить не мог. Я его глубоко уважал, и как художника, и как человека. Перед приездом в Рим я много говорил об нем с Жуковским[4] и от него от первого получил "Мертвые Души"»[5].

В 2001 г. В. Н. Гасперович указывала: «В приходской книге[6] за 1843 год уже знакомым нам почерком[7] вписаны без ошибок: "3-й <4-й>[8] этаж: Гоголь Николо, русский, помещик. 4-й <5-й> этаж: Чижов Теодоро, русский, 32 г., помещик". <...> ("Gogol Nicolo, russo, possidente; Thishoff Teodoro, russo, 32 anni, possidente". Фамилия поэта <Языкова> нами не найдена.)»[9]

[1] Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 50.

[2] См. ***1834. Октября вторая половина. Санкт-Петербург.***

[3] Ф. В. Чижов прибыл в Рим 13 марта (н. ст.) 1842 г. (см. ***1842. Марта 29 <17>. Вторник. Рим***). В августе и сентябре (н. ст.) 1842 г. Чижов был в Дюссельдорфе, где встречался с В. А. Жуковским (см. примеч. ниже), и вернулся в Рим к 30 ноября (н. ст.) 1842 г. Гоголь с Н. М. Языковым приехали в Рим 4 октября (н. ст.) 1842 г.

[4] См. ***1842. Августа 21 <9>. Воскресенье. Дюссельдорф.***

[5] Воспоминания Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 3. С. 46.

[6] Имеется в виду одна из «церковных приходских книг (Stato delle Anime), содержащих записи о ежегодной переписи населения, проводимой приходскими священниками перед Пасхой» (см. ***1843. Апреля 4 <16>***). Дом, в котором остановился Гоголь, принадлежал к «приходу церкви Св. Викентия и Анастасия (SS. Vicenzo e Anastasio) у фонтана Треви, в районе, считавшемся в XIX веке центром культурной жизни Вечного Города» (*Гасперович В.* Н. В. Гоголь в Риме: Новые материалы. <1837–1846 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 128).

[7] См. ***1838 ноября 15 <3>. Четверг – 1839 июня средина <июня начало>. Рим***; ***1842 октября 4 <сентября 22> – 1843 мая 2 <апреля 20>. Рим.***

[8] «...У итальянцев принято считать этажи с нулевого, "земляного", этажа (piano terra), а не с первого, посему 1-й этаж в Италии соответствует 2-му в России и т. д. <...> ...Мы будем придерживаться итальянской традиции, то есть следовать нумерации, обозначенной в приходской книге» (*Гасперович В.* Н. В. Гоголь в Риме: Новые материалы. <1837–1846 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 129).

[9] *Гасперович В.* Н. В. Гоголь в Риме: Новые материалы. <1837–1846 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 131.

НОЯБРЯ 18 <30>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев вручает письмо Гоголя от 2 ноября (н. ст.) 1842 г. из Рима[1] студенту Петербургского университета графу Мих. М. Виельгорскому для передачи его отцу, графу Мих. Ю. Виельгорскому.

21 ноября 1842 г. Плетнев сообщал Я. К. Гроту: «*Среда (18 ноября).* <...> Получил[2] от Гоголя письмо из Рима. Он жалуется на безденежье. Я передал это письмо студенту графу Вьельгорскому, которого отец получил[3] Гоголевские экземпляры Мертвых Душ для поднесения Царской фамилии»[4].

[1] См. ***1842. Ноября 2 <октября 21>. Среда. Рим.***

[2] См. ***1842. Ноября 16 <28>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1842. Мая 26. Вторник – июня 5. Пятница. Санкт-Петербург.***

[4] *Свод.* Т. 1. С. 665.

НОЯБРЯ 18 <30>. СРЕДА. МОСКВА

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской:

«Ты пишешь про Языковых, это жена и дочери родного брата писателя, именно того, с которым приехал прошлого года Гоголь из-за границы. Гоголь говорил, что его дочери очень еще молоды и прекрасны собой. П. М. Языков отвез их, хотел с Гоголем возвратиться в чужие краи. Гоголь даже

ждал его несколько времени[1], но он почему-то остался, и, вероятно, вследствие этого и семейство его воротились из-за границы. Ты спрашиваешь, знает ли Гоголь, что о нем пишут и говорят. Он просил отесеньку и братьев сообщать ему все толки и споры, и очень рад, что М<ертвые> Д<уши> не имели всеобщий успех, а произвели споры и т. д. Разумеется, все статьи невозможно сообщить, но *брошюрка*[2] и *письмо* Самарина[3] уже посланы в Рим. –

На днях воротились Погодины из-за границы. Статья Бели<нского>[4] точно не имеет даже его энергии и так растянута».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 832.

[1] См. ***1842. Мая 18. Понедельник. Москва***; ***1842. Мая 20. Среда. Москва***.

[2] Речь идет о брошюре К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (М., 1842).

[3] Имеется в виду копия письма Ю. Ф. Самарина к К. С. Аксакову от второй половины октября 1842 г. о «Мертвых душах» (см. ***1842. Октября вторая половина <ноября начало>***).

[4] Имеется в виду опубликованная без подписи в № 11 «Отечественных Записок» за 1842 г. статья В. Г. Белинского «Объяснение на Объяснение по поводу поэмы Гоголя "Мертвые души"».

НОЯБРЬ <ОКТЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – НОЯБРЯ СРЕДИНА>. РИМ

Гоголь пишет неизвестному в Москву:

«Я пишу к вам – это потребность сердца. Мои слова должны теперь иметь силу, ибо я <от> вас отдален. Они подобны голосу из-за гроба, завещанью из гроба[1], и должны быть священны. [Иначе нет] любви. <...> [Я вам хотел многое сказать, но то, что я бы сказал вам, принять бы вам было легко почти в шутку.] <...> Душа моя болела всякий раз, когда я глядел в это последнее пребыванье мое в Моск<ве> и читал в чертах лица вечное страданье ваше и ропот. Огорчаясь за вас, я пред вами молчал. Я не хотел произнесть, потому что чувства и слова вообще считаются в свете ничтожными... <...> Когда я видел, как омрачался ваш характер, как реже и реже светлая веселость сквозила в словах ваших, душа моя болела сильно, как будто бы читала в чертах ваших, что вы желаете пасть вместо того, чтобы возвыситься над презренным бедствием и тем низким, ничтожным, которому дают люди безумное имя несчастия. Как будто есть в мире власть, которая может исторгнуть из груди нашей то, что дороже нам всего. Так! Разве могут хотя на время ничтожные текущие гадости жизни похитить у нас силою это<го> прекрасного друга сердц<а>? Не<т>, мы должны стать выше. Когда <я> глядел на вас, мне казалось часто, что вас не посещает молитва. Не та молитва, которую праздно лепечет ежедневно человек, но глубокая внутренняя молитва, молитва слез, та торжественная молитва, когда благодаришь за несчастия».

[1] См. ***1836. Июля 17 <5>. Воскресенье. Ахен*** (примечания); ***1841. Августа 7 <июля 26>. Суббота. Рим*** (примечания).

НОЯБРЬ <ОКТЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – НОЯБРЯ СРЕДИНА>. ПАРИЖ

Я. Н. Толстой[1] пишет князю П. А. Вяземскому:

«Примите мое истинное благодарение за письмо и присылку книги "Мертвые души". Этот отличный и живописный роман перенес меня мыслями на берега Волги, к давно оставленным мною Пенатам и доставил приятный отдых, особенно после читанных мною отвратительных картин Евгения Сю, где описан домашний быт извергов, населяющих парижские вертепы. <...> Как нам не судить криво о выходящих в России книгах, когда мы здесь никакого русского журнала не получа-

ем, кроме "Северной пчелы"? Держась поневоле мнения этого журнала[2], я считал "Мертвые души" скучною книгою, но, прочтя, удостоверился в противном»[3].

[1] Яков Николаевич Толстой (1791–1867), штабс-капитан лейб-гвардии Павловского полка, старший адъютант Главного штаба, участник Отечественной войны 1812 г.; с 1823 г. находился в заграничном отпуске. Член и председатель общества «Зеленая лампа» (1819–1820), знакомый А. С. Пушкина, который посвятил ему стихотворение «Стансы Толстому» (1819), член Союза благоденствия. Привлекался к следствию по делу декабристов, но отказался вернуться в Россию из-за границы, где находился с 1823 г. В 1837 г. назначен корреспондентом Министерства народного просвещения в Париже. Вышел в отставку в 1866 г. в чине тайного советника. – См. также ***1846. Март – средина апреля <февраля вторая половина – апреля начало>. Брюссель*** (примечания).

[2] Имеется в виду рецензия Н. И. Греча: «Чем же наполнены четыреста семьдесят пять больших страниц этого тощего содержанием романа? Описанием местности разных сцен его, изображением наружности действующих лиц и их разговорами, разными эпизодами, вставками, шуточками и прибаутками. <...> ...Не можем <...> не подосадовать на автора за равнодушие его к своему таланту. Он добровольно отказался от места подле образцовых писателей романов, чтоб стать ниже Поль де Кока!» (*Г<реч Н. И.>* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. 1842. В типографии Университетской, в большую 8-ю д. л. 475 стр. // Северная Пчела. 1842. 22 июня. № 137. С. 546, 547).

[3] *Свод.* Т. 3. С. 554.

ДЕКАБРЯ 1 <НОЯБРЯ 19>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

Н. М. Языков пишет сестре Е. М. Хомяковой:

«Я получил твое письмо от 3-го октября – почта от Симб<ирска> до Рима – чертовская даль! – ходит 40 суток, – радуюсь твоему возврату, так сказать, домой, восвояси и сверх того к своим птенцам. <...> Гоголь получает отовсюду известия, что его сильно ругают русские помещики; вот ясное доказательство, что портреты их списаны им верно и что подлинники задеты за живое! Таков талант! Многие прежде Гоголя описывали житье-бытье российского дворянства, но никто не рассерживал его так сильно, как он. Жаль еще, что эти портреты списаны не во весь рост. То ли было бы! но ведь тогда не можно бы напечатать М<ертвые> Д<уши>! Продолжение М<ертвых> Д<уш> должно быть важнее по части искусственной и творчества, чем эта первая часть. <...>

Жаль что мне нельзя привезть отсюда вина Aleatico[1] – это просто нектар – я его только что пробую – и уверен, что оно понравилось бы у нас особенно дамам, мужчинам же нашим нейдет, потому что его нельзя кувыркать в горло стаканами, а надобно тянуть по капле, так сказать, жуя, пропуская легонько сквозь губы; оно густо, как елей, мягко, сладко, как мед, цвету вишневого».

Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 157.

[1] Красное тосканское вино (см. также ***1842. Декабря 7 <ноября 25>. Среда. Рим***; ***1842. Декабря конец <декабря средина>. Рим***).

НОЯБРЯ 30 – ДЕКАБРЯ НАЧАЛО <НОЯБРЯ 18 – НОЯБРЯ ДВАДЦАТЫЕ ЧИСЛА>. ФЛОРЕНЦИЯ

А. О. Смирнова получает от Гоголя письмо из Рима[1].

В 1854 г. Смирнова вспоминала: «Осенью того же <1842> года я поехала <с братом Аркадием и тремя дочерьми> в Италию и остановилась на два месяца во Флоренции. Неожиданно получаю письмо от Н<иколая> В<асильевича>, в котором он пишет, что хотел сам ко мне ехать, но что удерживает больной Языков; просит меня скорее приезжать в Рим»[2].

В 1856 г. П. А. Кулиш (беседовавший в 1854 г. со Смирновой) уточнял: «Осенью 1842 года А. О. С<мирно>ва поехала в Италию и остановилась, в ноябре, во Флоренции. Неожиданно получила она от Гоголя письмо, в котором он писал, что его удерживает в Риме больной Языков, и просил ее приехать в Рим. "Увидеть вас (заключил он) у меня душевная потребность". Через несколько времени она получила от него другое письмо[3], которое оканчивалось так: "Упросите себя ускорить приезд свой: увидите, как этим себя самих обяжете"»[4].

[1] См. ***1842. Ноября 29 <17>. Вторник. Рим.***

[2] <Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> // *Свод.* Т. 2. С. 229.

[3] См. ***1842. Декабря 17 <5>. Суббота. Рим.***

[4] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 218; см. также: <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 243; *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 251.

ДЕКАБРЯ 3 <НОЯБРЯ 21>. СУББОТА. ПРАЗДНИК ВВЕДЕНИЯ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. РИМ

Гоголь пишет в Москву ответное[1] письмо М. С. Щепкину:

«Только что получил ваше письмо <...>, писанное вами от 24 октября. Отвечать мне на него теперь нечего, потому что <вы> уже знаете мои распоряжения; три дни тому назад я отправил к вам письмо[2]... <...> Не стыдно ли вам быть так неблагоразумну: вы хотите всё повесить на одном гвозде, прося на пристяжку к Женитьбе новую, как вы называете, комедию Игроки. Во-первых, она не новая, потому что написана давно, во-вторых, не комедия, а просто комическая сцена, а в-третьих, для вас даже там нет роли. И кто вас толкает непременно наполнить бенефис моими пиэсами? Как не подумать хотя сколько-нибудь о будущем, которое сидит у вас почти на самом носу, например, хоть бы о спектакле вашем по случаю исполнения вам двадцатилетней службы[3]? Разве вы не чувствуете, что теперь вам стоит один только какой-нибудь клочок мой дать в свой бенефис, да пристегнуть две-три самые изношенные пиэсы, и театр уже будет набит битком? Понимаете ли вы это, понимаете ли вы, что имя мое в моде, что я сделался теперь модным человеком, до тех пор, покамест меня не сгонит с модного поприща какой-нибудь Боско[4], Тальони, а может быть, и новая немецкая опера[5] с машинами и немецкими певцами? Помните себе хорошенько, что уж от меня больше ничего не дождетесь. Я не могу и не буду писать ничего для театра. Итак, распорядитесь поумнее. <...> Возьмите на первый раз из моих только Женитьбу и Утро делового человека[6]. А на другой раз у вас остается вот что: Тяжба, в которой вы должны играть роль тяжущегося (помните, что он несколько похож на охотника, атукающего на зайца, что, при рассказе дела его, мечется из угла в угол, потому что дело слишком близко к его рубашке, или телу)[7], Игроки и Лакейская, где вам предстоит Дворецкий, роль хотя и маленькая, но которой вы можете дать большее значение. Всё это вы можете перемешивать другими пиэсами, которые вам Бог пошлет. Старайтесь только, чтобы пиэсы мои не следовали непосредственно одна за другою, но чтобы промежуток был занят чем-нибудь иным. Вот как я думаю и как бы, мне казалось, надлежало поступить сообразно с благоразумием, а впрочем, ваша воля. За письмо ваше все-таки много вас благодарю, потому что оно письмо от вас. А на театральную дирекцию не сетуйте, она дело свое хорошо делает: Москву потчевали уже всяким добром, почему ж не попотчевать ее немецкими певцами? Что же до того, что вам-де нет работы, это стыдно вам говорить. Разве вы позабыли, что есть старые заигранные, заброшенные пиэсы? Разве вы позабыли, что для актера нет старой роли, что он нов вечно? <...> Смешно думать, чтобы вы могли быть у кого-нибудь во власти. Дирекция все-таки правится публикою, а публикою правит актер. Вы помните, что публика почти то же, что застенчивая и неопытная кошка, которая до тех пор, пока ее, взявши за уши, не натолчешь мордою в соус и покамест этот соус не вымазал ей и нос<а> и губ, она до тех пор не станет есть соуса, каких ни читай ей наставлений. <...> Вам предстоит долг заставить, чтоб не для автора пиэсы и не для пиэсы, а для актера-автора ездили в театр».

Позднее, 4 февраля 1855 г., О. М. Бодянский, читая письма Гоголя к Щепкину, записал в дневнике: «В одном <...> <Гоголь> говорит, между прочим, Щепкин<у>, чтобы он не пренебрегал и старыми, заигранными уже пиесами. "Вам предстоит долг заставить, чтобы не для автора пиесы и не для пиесы, а для актера-автора ездили в театр". Как это метко и верно, сужу по Рашели[8], которая именно теперь сводит <с ума> своей игрой большей частью старых пиес, псевдо-классических пиес, точно так же и Москву, как Питер, Париж, Лондон, и всех будущих зрителей, потому что она актриса-автор»[9].

Далее Гоголь писал Щепкину:

«Вы спрашиваете в письме о костюмах. Но ведь клочки мои не из средних же веков; оденьте их прилично, сообразно, и чтобы ничего не было карикатурного – вот и всё! <...> Позаботьтесь больше всего о хорошей постановке Ревизора! Слышите ли? я говорю вам это очень сурьезно! У вас, с позволенья вашего, ни в ком ни на копейку нет чутья! Да, если бы Живокини был крошку поумней, он бы у меня вымолил на бенефис себе Ревизора и ничего бы другого вместе с ним не давал, а объявил бы только, что будет Ревизор в новом виде[10], совершенно переделанный, с переменами, прибавленьями, новыми сценами, а роль Хлестакова будет играть сам бенефи<ци>ант – да у него битком бы набилось наро<ду> в театр».

Позднее, 24 октября (н. ст.) 1846 г., Гоголь вновь писал Щепкину: «Хлестакова должен играть Живокини»[11]. Между тем В. И. Живокини, получив в 1843 г. от Щепкина известие о желании Гоголя, вновь, как и весной 1842 г.[12], отказался от исполнения роли Хлестакова. Позднее актер вспоминал: «Потом, когда в 43 г. Гоголь переставил на нашей сцене "Ревизора", он опять хотел оставить за мной Хлестакова, но я и тут отказался. Я всегда был осторожен на новые роли, почему отказался раз от роли Фигаро в "Женитьбе Фигаро", после того как два года репетировал ее»[13].

В письме к Щепкину Гоголь продолжал:

«...Вы вспомните потом мое слово, что на возобновленного Ревизора гораздо будут ездить больше, чем на прежнего. <...> Теперь вы стали в несколько раз выше того Щепкина, которого я видел прежде. У вас теперь есть то высокое спокойствие, которого прежде не было. Вы теперь можете царствовать в вашей роле, тогда как прежде вы всё еще как-то метались. <...> И еще вот вам слово: благодарите Бога за всякие препятствия. Они необыкновенному человеку необходимы: вот тебе бревно под ноги – прыгай!»

Содержание настоящего письма перекликается со статьей Гоголя о театре «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846).

В тот же день, 3 декабря (н. ст.) 1842 г., Ф. В. Чижов сообщал Г. П. Галагану:

«...Иордан отчего-то очень не в духе, дуется на А. А. Иванова и не ходит к Гоголю, отчего[14] – неизвестно»[15].

Позднее, в 1854–1855 гг., Чижов рассказывал П. А. Кулишу: «...Он <Гоголь> очень любил Ф. И. И<орда>на и часто на наших сходках сожалел, что его не было с нами. А надобно заметить, что И<орда>н очень умный человек, много испытавший и отличающийся большою наблюдательностию и еще большею оригинальностью в выражениях. Однажды я тащил его почти насильно к Языкову.

– Нет, душа моя, – говорил мне И<орда>н, – не пойду, там Николай Васильевич. Он сильно скуп[16], а мы всё народ бедный, день-деньской трудимся, работаем, – давать нам не из чего. Нам хорошо бы так вечерок провести, чтоб дать и взять, а он все только брать хочет»[17].

[1] См. ***1842. Октября 24 <ноября 5>. Суббота. Москва.***
[2] См. ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим.***
[3] Щепкин начал сценическую деятельность в 1805 г. в Курске. Гоголь имеет в виду начало его сценической службы, с 1823 г., на московской сцене.
[4] Бартоломео Боско (1793–1863), итальянский иллюзионист.

[5] См. ***1842. Октября 24 <ноября 5>. Суббота. Москва*** (примечания).

[6] К совету Гоголя Щепкин не прислушался (см. ***1843. Февраля 5 <17>. Пятница. 7 часов вечера. Москва***).

[7] Подстрочное примечание, имеющееся в следующем издании письма: Соч. и письма *Н. В. Гоголя*. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 5. С. 504. — См. также: *Тихонравов Н. С.* Н. В. Гоголь в его письмах к М. С. Щепкину // Русская Старина. 1886. № 10. С. 137; Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 2. С. 241. — «Эта выноска приписана Гоголем с левого боку второй страницы письма» (Русская Старина. 1886. № 10. С. 137; Письма Н. В. Гоголя. Т. 2. С. 241).

[8] Рашель (псевдоним — Элиза, 1821–1858), французская актриса, гастролировавшая осенью 1853 г. в Петербурге и в начале 1854 г. в Москве.

[9] Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1852–1856 гг. // *Свод*. Т. 3. С. 234. — Датировка дневниковой записи уточнена.

[10] Ср. ***1843. Апреля 20 <мая 2>. Вторник. Радоница. Санкт-Петербург.***

[11] См. ***1846. Октября 24 <12>. Суббота. Страсбург.***

[12] См. ***1842. Марта 14. Суббота. Вечер. Москва.***

[13] *Живокини В. И.* Из моих воспоминаний // *Свод*. Т. 3. С. 40.

[14] Поведение Ф. И. Иордана объяснялось, по-видимому, насмешками Гоголя и Иванова над увлечением Иордана Е. П. Олферьевой (см. ***1841. Февраля 14 <2>. Воскресенье. Праздник Сретения Господня. Рим***).

[15] Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод*. Т. 3. С. 51.

[16] См. также ***1841. Февраля 14 <2>. Воскресенье. Праздник Сретения Господня. Вечер. Рим.***

[17] Воспоминания Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 3. С. 47.

ДЕКАБРЯ 4 <НОЯБРЯ 22>. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Ф. В. Чижов пишет матери, У. Д. Чижовой:

«Сюда наезжают теперь множество русских, но при моих занятиях я веду жизнь самую, самую уединенную. В одном со мною доме живут двое русских: Гоголь и наш поэт Языков, с ними провожу часто вечера и еще с двумя русскими художниками[1]. Думаю, что недели через две приедет сюда и Григорий Павлович[2]. Квартира моя почти одна комната, зато на солнце, так что я думаю всю зиму не придется топить железной печи, которой я в Италии терпеть не могу. Помните, бывало у нас мне 16 градусов в комнате было мало, а теперь частехонько пар виден от дыхания, особенно под вечер, и преспокойно я остаюсь, не топя комнаты, и не зябну. Я рад, что привык сносить комнатную свежесть воздуха».

Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод*. Т. 3. С. 51.

[1] Имеются в виду А. А. Иванов и Ф. И. Иордан.

[2] Галаган, воспитанник Ф. В. Чижова. См. ***1842. Декабря конец <декабря средина>. Рим.***

НОЯБРЯ 23 <ДЕКАБРЯ 5>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. Г. Белинский пишет В. П. Боткину:

«Гоголь прислал вовремя “Сцену после представления комедии”[1] — удивительная вещь — умнее я ничего не читывал по-русски. <...> Получил ли Михаил Семенович[2] комедию и сцены — “Игроки” и “Тяжба”? Пусть он поскорей уведомит, что берет — “Игроки” или “Тяжбу”[3]. 7 декабря бенефис Сосницкого»[4].

Из писем В. Г. Белинского // *Свод*. Т. 3. С. 260.

[1] «Театральный разъезд после представления новой комедии» был послан Гоголем из Рима Н. Я. Прокоповичу. 26 ноября (н. ст.) 1842 г. Гоголь писал ему: «Ты, я думаю, уже давно получил “Разъезд”. Он более месяца,

как послан к тебе» (см. ***1842. Ноября 26 <14>. Суббота. Рим***). – См. также ***1842. Ноября 5 <17>. Четверг. Санкт-Петербург***.

[2] Щепкин.

[3] 21 октября 1841 г. Н. Я. Прокопович извещал Гоголя: «"Женитьба" переписана для Щепкина и отдана в театральную цензуру, на этой же неделе отправится в Москву: она потому не была переписана до сих пор, что Никитенко держал рукопись до 30 сент<ября>, хотя я и таскался к нему раз двадцать. Щепкин пишет к Белинскому, что ты ему обещал для бенефиса еще отрывок; ты мне об этом ничего не говорил, и я недоумеваю, что ему послать, если он обратится ко мне и уверит честным своим словом, что ты действительно обещал ему» (см. ***1842. Октября 21 <ноября 2>. Среда. Санкт-Петербург***). 24 октября 1842 г. М. С. Щепкин, в свою очередь, писал Гоголю: «Пользуясь вашим позволением, я заявил на свой бенефис вашу комедию "Женитьба"; ибо все издание ваше, как известно, выйдет в декабре, а мой бенефис февраля 5-го. Но я просил Белинского заранее отдать ее в театральную цензуру, дабы больше иметь времени ознакомиться с действующими, носящими человеческий образ. Я просил, тоже с вашего позволения, отдать некоторые сцены в цензуру, а равно и вновь присланную комедию "Игроки", которую я тоже попросил бы у вас сыграть на бенефис. Это бы сильно подкрепило оный» (см. ***1842. Октября 24 <ноября 5>. Суббота. Москва***).

[4] В письме к М. С. Щепкину от 26 ноября (н. ст.) 1842 г. Гоголь писал: «Относительно же комедии Женитьба: вы устройте, по взаимному соглашению, с Сосницким таким образом, чтобы она шла в один и тот же день в бенефисы вам обоим, на петербургском и на московском театрах».

Премьера «Женитьбы» состоялась в Александринском театре в Петербурге в бенефис И. И. Сосницкого 9 декабря 1842 г. (см. ***1842. Декабря 9 <21>. Среда. Санкт-Петербург***). В московском Малом театре «Женитьба» была представлена впервые в бенефис М. С. Щепкина 5 февраля 1843 г. (см. ***1843. Февраля 5 <17>. Пятница. Москва***).

ДЕКАБРЯ 7 <НОЯБРЯ 25>. СРЕДА. РИМ

Ф. В. Чижов проводит вечер у Гоголя и Н. М. Языкова.

На следующий день, 8 декабря (н. ст.) 1842 г., Чижов записал в дневнике: «*Декабря 8*. Как это скверно с моей стороны и даже хуже, в высочайшей степени неблагородно: толкую я о христианстве, читаю Евангелие, ханжу, и все это чистое ханжество. Вчера пришлось к пустому делу и я поступил самым неблагородным образом: был я утром у Сомова[1], это правда, что он смешно занимается греческою архитектурою и, как говорит, пишет о ней, справляясь с Каниною, который делает ссылки на Павзания[2] и Диодора Сицилийского[3], но что же мне до этого? Днем я успел же все это с прибавками передать Иордану, а вечером Иванову, Гоголю и Языкову. Да и вообще во весь вечер я на всех что-нибудь да сказал худого, говорил о Скотти, о Княгине Паскевич[4], – а Евангелие всякий день передо мною. Это не<*нрзб.*> хуже и в тысячу раз хуже бессознательных пороков, против которых часто я говорю с такою силою»[5].

Позднее, в 1854–1855 гг., Чижов рассказывал П. А. Кулишу: «Сходились мы в Риме по вечерам постоянно у Языкова, тогда очень больного, – Гоголь, Иванов и я. Наши вечера были очень молчаливы. Обыкновенно кто-нибудь из нас троих – чаще всего Иванов – приносил в кармане горячих каштанов; у Языкова стояла бутылка алеатино[6], и мы начинали вечер каштанами, с прихлебками вина. Большею частью содержанием разговоров Гоголя были анекдоты, почти всегда довольно сальные. Молчаливость Гоголя и странный выбор его анекдотов не согласовывались с уважением, которое он питал к Иванову и Языкову, и с тем вниманием, которого он удостоивал меня, зазывая на свои вечерние сходки, если я не являлся без зову. Но это можно объяснить тем, что тогда в душе Гоголя была сильная внутренняя работа, поглотившая его совершенно и овладевшая им самим. В обществе, которое он, кроме нашего, посещал изредка, он был молчалив до последней степени. <...> С художниками он совершенно разошелся. Все они припоминали, как Гоголь бывал в их обществе, как смешил их анекдотами; но теперь он ни с кем не видался. <...> Я был очень занят в Риме и смотрел на вечернюю беседу, как на истинный отдых. Поэтому у меня почти ничего не осталось в памяти от наших разговоров. <...>

Общий характер бесед наших с Гоголем может обрисоваться из следующего воспоминания. Однажды мы собрались, по обыкновению, у Языкова. Языков, больной, молча, повесив голову и

опустив ее почти на грудь, сидел в своих креслах; Иванов дремал, подперши голову руками; Гоголь лежал на одном диване, я полулежал на другом. Молчание продолжалось едва ли не с час времени. Гоголь первый прервал его.

— Вот, — говорит, — с нас можно сделать этюд воинов, спящих при Гробе Господнем.

И после, когда уже нам казалось, что время расходиться, он всегда говаривал:

— Что, господа? не пора ли нам окончить нашу шумную беседу?»[7]

[1] О А. В. Сомове см.: ***1845. Декабря с субботы 13 до среды 17 <с 1 до 5>. Рим*** (примечания).

[2] Павсаний (Павзаний, II в.), древнегреческий путешественник и писатель.

[3] Диодор Сицилийский (около 90 – 21 г. до Р. Х.), древнегреческий историк.

[4] Вероятно, речь идет о светлейшей княгине Варшавской, графине Эриванской Елизавете Алексеевне Паскевич (рожд. Грибоедовой, 1800–1856).

[5] Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 52.

[6] Правильно: алеатико (aleatico) – красное тосканское вино (см. также ***1842. Декабря 1 <ноября 19>. Четверг. Рим***; ***1842. Декабря конец <декабря средина>. Рим***).

[7] Воспоминания Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 3. С. 47, 48.

ДЕКАБРЯ 8 <НОЯБРЯ 26>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

Гоголь и Ф. В. Чижов отбирают рисунки А. А. Иванова, приготовляемые к приезду великой княгини Марии Николаевны.

Полгода спустя, 17 мая (н. ст.) 1843 г., Гоголь писал Иванову: «...Вы понапрасно <...> взбудораживаете Жуковского и Перовского, и может случиться только что-нибудь сбоку-припеку, как помните вроде того, что Баранова[1] извинила вас перед великой княгиней и напомнила ей таким образом, что Иванов существует на свете и ничего не сделал для нее в альбом»[2].

Из дневника Чижова 1842 г.: «*Декабря 8.* <...> Сейчас возвратился я из мастерской Ал<ександра> Анд<реевича> Иванова. Он показывал мне два свои рисунка, приготовляемые им для <великой княгини> Марии Николаевны. Он не знает, какой выбрать. Один представляет римский танец il sospiro[3]; дело состоит в том, что одна девушка стоит на коленях, кругом ее танцует другая; стоящая на коленях вздыхает, та, которая танцует, спрашивает: кто украл у тебя сердце, та в ответ показывает на кого-нибудь из зрителей, и тот волею или неволею должен пуститься в пляску. Последний момент изображен на картинке: девушка показала на длинного англичанина, и другая тащит его насильно. Все присутствующие хохочут.

Другая – простое пиршество римлян на Ponte molo. Женщины в готовности полдневать; направо стол, за которым еще остаются едящие; налево мужчины собрались в кружок; на втором плане группа немецких художников под предводительством Торвальдсена и Вагнера[4] смотрят на эту сцену. В той и другой картинках вдали Рим, только с разных точек.

Я, когда посмотрел обе картинки, выбрал последнюю, сначала не составивши отчетливого суждения – почему. Приходит Гоголь и диктаторским тоном произносит приговор в пользу первой, говоря, что она в сравнении с тою – историческая картина, а та *genre*, что тут каждое лицо требует отдельного выражения, а там группы. Одним словом, что первая выше последней, и во всем этом у него был решительный приговор и никакого внимания к бедному моему суждению[5]. Разумеется, по непривычке, это немного оскорбляет, особенно тогда, когда только вчера он сказал, что рыцарство – в русской вежливости нашей перед ними, – а это невнимание к противному мнению, чем оно пахнет? Но, оставя это, я нахожу в его суждении совершенно непонятный взгляд на прекрасное и на искусство. В первой картине прекрасное в стороне, она может нравиться по исполнению и по верной передаче выражений, никак не больше, по крайней мере в том виде, какова она в составе картинки Иванова, да и не может быть изящною в полном значении слова, оно все подчинено естественности выражений, которые здесь более устремляются в комизм, а комизм, по моему мнению, может дойти до ступени прекрасного или общностию всей картины, [или возв<ышенным>]

[то есть] или высоким комическим значением главного ее лица. Здесь нет ни того, ни другого. В другой картинке прекрасное таится в самом действии, то есть в самом танце; на месте художника я удалил бы стол с бутылками, поставил бы его так, чтоб он был свидетелем сцены, а не разрезывал бы группы; также поудалил бы (впрочем, она и то удалена) группу зрителей. Здесь полная свобода и грациозности движений и беспечности, следовательно истинной, спокойной красоте выражений каждого лица.

Заключение. Не смею произнести приговора, но тон Гоголя вообще мне не нравится, — в его пользу сильно говорит Иванов, потому я его не отталкиваю от себя, то есть внутри так, а ничто не привязывает».

Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 52.

[1] Юлия Федоровна Баранова (рожд. графиня Доротея-Елена-Юлиана Адлерберг, 1789–1864), статс-дама, вдова Т. И. Баранова (1779–1828), с 1 июля 1846 г. – графиня.

[2] См. ***1843. Мая 17 <5>. Среда. Гастейн.***

[3] Вздох (*ит.*).

[4] Иоганн-Мартин фон Вагнер (1777–1858), немецкий скульптор и живописец.

[5] По-видимому, предпочтение, отданное Гоголем первой акварели -- «Октябрьский праздник в Риме. Сцена в лоджии. (Приглашение к танцу)» — объясняется ее тесной связью с содержанием главной картины Иванова «Явление Мессии» (см.: *Виноградов И. А.* Н. В. Гоголь и А. А. Иванов. К истории создания картины «Явление Мессии» // *Виноградов 2001.* С. 670–708).

НОЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА, НЕ ПОЗДНЕЕ 30 <ДЕКАБРЯ НАЧАЛО, НЕ ПОЗДНЕЕ 12>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Репетиции «Женитьбы» в Александринском театре.

«С. Петербург. Наши театры готовят множество новостей для предстоящих бенефисов. Для бенефиса И. И. Сосницкого репетируют комедию Гоголя: *Женитьба*».

Драматический телеграф. Разные известия, толки и слухи // Репертуар Русского и Пантеон Всех Европейских Театров, на 1842 год, издаваемый И. Песоцким и книгопродавцем В. Поляковым. 1842. Кн. 23 (цензурное разрешение 30 ноября). <Отд. 2>. С. 35.

НОЯБРЯ 30 <ДЕКАБРЯ 12>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ДЕКАБРЯ 13 <1>. ВТОРНИК. РИМ

Ф. В. Чижов пишет В. А. Жуковскому в Дюссельдорф:

«На днях приехав в Рим[1], я узнал от Гоголя[2], что вам Бог дал дочь и что при этом супруга ваша, слава Богу, здорова».

Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 52.

[1] В конце ноября (н. ст.) 1842 г. (см. ***1842. Ноября 30 <18>. Среда. Рим***).

[2] См. письмо В. А. Жуковского к Гоголю от 14 ноября (н. ст.) 1842 г. (***1842. Ноября 14 <2>. Понедельник. Дюссельдорф***).

ДЕКАБРЯ 1 <13>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Второе чтение первой редакции «Тараса Бульбы» у Императрицы Александры Феодоровны[1].

2 декабря 1842 г. Плетнев сообщал Я. К. Гроту: «*Вторник (1 декабря).* Императрица сошла слушать Бульбу. Красоты его поразили ее; но она думает, что это злоупотребление таланта так ярко рисовать ужасы. Вот следствие французского вкуса»[2].

В тот же день, 1 декабря 1842 г., вышел в свет № 12 «Отечественных Записок» за 1842 г., в котором напечатана статья В. Г. Белинского (без подписи) о стихотворениях Е. А. Боратынского. В статье Белинский затрагивал также творчество М. Ю. Лермонтова, о котором, в частности, писал:

«Демон <...> служит и людям и человечеству, как вечно движущая сила духа человеческого и исторического. <...> Он внушал Сократу откровения его нравственной философии... <...> Он внушал Аристофану его комедии... <...> ...Он помог Колумбу открыть Америку <и пр.> <...> Из русских поэтов первый познакомился с ним Пушкин, и тягостно было ему его знакомство... <...> Зато другой русский поэт, явившийся уже по смерти Пушкина, не испугался этого страшного гостя: он знаком был с ним еще с детства, и его фантазия с любовию лелеяла этот "могучий образ"...»[3]

В 1843 г. С. П. Шевырев, имея в виду приведенное высказывание Белинского, замечал, что журнал, в котором был напечатан этот отзыв — «Отечественные Записки», «самою позорною клеветою чернит совесть покойного поэта перед глазами всей Русской публики, и не в шутку уверяет ее, что Русская поэзия в лице Лермонтова, в первый раз вступила в самую тесную дружбу, с кем бы вы думали?... с чертом!»[4]

В свою очередь М. П. Погодин, откликаясь в 1848 г. на смерть Белинского, следующим образом передавал свои впечатления от рассуждений последнего о поэзии Лермонтова: «Лежа <...> с переломленной ногой в 1844 году, я должен был читать что-нибудь самое легкое: разумеется, легче Петербургских журналов, при всей их тяжести, сыскать трудно, и мне позволили сначала перелистывать Отечественные Записки. Попадается мне похвала диаволу (прости, Господи, согрешение) при рассуждении о демоне, которого Лермонтов будто бы взял себе в друзья, и потому возвысился, а Пушкин имел слабость испугаться, и потому упал. Вот каковы наши критики, судии и рецензенты, а это был еще самый способный. Каковы же остальные герои Современника и Отечественных Записок, каковы же преемники Белинского!»[5]

По наблюдению современного исследователя, «в творчестве Лермонтова, "дьявольского таланта", как неоднократно характеризовал поэта Белинский, критик почувствовал <...> "гордую вражду с небом", допустившим неприглядное, "мерзкое", "подлое", "гнусное" устройство действительности...»[6] В стихах поэта Белинский усматривал «сатанинскую улыбку на жизнь»[7].

Примечательна в этой связи эволюция отношений к «Отечественным Запискам» самого Лермонтова. В этом журнале поэт напечатал почти все, что опубликовал при жизни. Журнал был основан в 1839 г. А. А. Краевским[8], но с Краевским Лермонтов познакомился еще в 1836 г. — в то время, когда тот был близок к С. С. Уварову и М. П. Погодину. «В последние месяцы» жизни Лермонтов определенно отходит от «Отечественных Записок»[9]. По свидетельству П. А. Висковатого, со слов самого Краевского, весной 1841 г. Лермонтов «мечтал об основании <нового> журнала и часто говорил о нем с Краевским, не одобряя направления "Отечественных записок". — "Мы должны жить своею самостоятельною жизнью и внести свое самобытное в общечеловеческое. Зачем нам все тянуться за Европою и за французским"»[10].

В отличие от Белинского, намекавшего на «вражду» Лермонтова «с небом» и «дружбу» с темными силами, Гоголь, напротив, характеризовал поэта как несомненного противника демонического мира — и даже определял направление его художественного творчества почти в тех же выражениях, какими описал сущность собственного писательского метода. Иначе говоря, внутренний мир поэта Гоголь признавал сходным собствен-

ному, находя это сходство в борьбе с «пошлостью» и пороками, одолевающими душу. В одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу "Мертвых душ"» Гоголь признавался: «Я не любил никогда моих дурных качеств, и если бы небесная любовь Божья не распорядила так, чтобы они открывались передо мною постепенно и понемногу, наместо того чтобы открыться вдруг и разом <...> я бы повесился. По мере того как они стали открываться, чудным высшим внушеньем усиливалось во мне желанье избавляться от них; необыкновенным душевным событием[11] я был наведен на то, чтобы передавать их моим героям».

Сходным образом характеризовал Гоголь и Лермонтова — делая при этом лишь ту поправку, что в духовной брани поэту недоставало должной настойчивости: «Признавши над собою власть какого-то обольстительного демона[12], поэт покушался не раз изобразить его образ, как бы желая *стихами от него отделаться* (т. е. "избавиться", "передав" герою. — *И. В.*). Образ этот не вызначен определительно, даже не получил того обольстительного могущества над человеком, которое он хотел ему придать. Видно, что вырос он не от собственной силы, но от усталости и лени человека сражаться с ним. В неоконченном его стихотворенье, названном "Сказка для детей", образ этот получает больше определительности и больше смысла. Может быть, с окончанием этой повести, которая есть его лучшее стихотворение, *отделался бы он от самого духа* и вместе с ним и от безотрадного своего состояния (приметы тому уже сияют в стихотвореньях "Ангел", "Молитва" и некоторых других), если бы только сохранилось в нем самом побольше уваженья и любви к своему таланту» (статья «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность»; курсив наш. — *И. В.*).

Позднее Н. Д. Мизко замечал по поводу приведенных гоголевских признаний: «Возводимое Гоголем на себя личное сродство его с своими произведениями и их героями напоминает подобную же черту в характеристике Гёте, сознававшегося, что сочинениями своими он освобождался от увлечений, его поражавших; так, например, в одном месте своей автобиографии, под названием "Истина и Вымысел", вот как объясняет он создание "Вертера": "*Этим сочинением более чем каким-либо другим я избавился от бурного элемента, в который я был вовлечен* сам собою и другими... <...> Я чувствовал себя, как бы после исповеди, опять веселым и свободным, вправе на новую жизнь. <...> Но сколько *чувствовал я себя облегченным и просветленным чрез перемены действительности в поэзию,* столько же друзья мои ошиблись, полагая, что должно поэзию обращать в действительность, разыгрывать такой же роман и, при случае, застрелиться, и что сначала произошло с некоторыми, потом отразилось и в массе публики, и эта книжечка, бывшая для меня столь полезною, была признана очень вредною" (Wahrheit und Dichtung, dreizehntes Buch, Goethe's poetische und prosaishe Werke. Stutgart und Tübingen, 2-re Band, S. 787). Признания Гёте подтверждены фактами его жизни, которая, при помощи его собственных о себе и бесчисленного множества других о нем сведений, разоблачена до мельчайших подробностей. А что знаем мы о внутренней и даже внешней жизни нашего Гоголя...»[13]

Судя по всему, Гоголю были известны признания И. В. фон Гете по поводу его романа «Страдания юного Вертера» (1774). Обращает на себя внимание то, что в своих аналогичных гетевским признаниях Гоголь настаивает на том, что его исторгнутые из души образы вызывают у читателя отвращение — и тем оказывают положительное, а не дурное влияние (тогда как герой Гете, напротив, вызывал у читателей увлечение своим негативным примером, — породив тем самым, как известно, целую эпидемию самоубийств, вплоть до России).

Вероятно, именно на Белинского главным образом и были рассчитаны строки Гоголя о передаче им и Лермонтовым своих душевных состояний в образы. В январе 1840 г., когда Гоголь жил в Москве и даже обещал в это время князю В. Ф. Одоевскому «прислать повесть в "Отечественные записки"»[14] (обещание исполнено не было[15]), Белинский в статье «Менцель, критик Гете» писал: «Гёте в своем "Вертере", по собственному признанию, выразил <...> состояние своего духа, тяжко страдавшего; "Вертером", по собственному же его признанию, он и вышел из своего мучительного состояния. И вот истинная причина, почему чтение "Вертера" производит на душу <...> тяжкое, дисгармоническое впечатление...»[16] Спустя полгода Белинский вновь обратился к этим признаниям Гете — и на сей раз прямо применил их к творчеству Лермонтова, именно к образу Печорина, героя «сатанинского величия»: «...Мы крепко убеждены, что он <Лермонтов> навсегда расстался с своим Печориным. В этом убеждении утверждает нас признание Гете, который говорит в своих записках, что, написав "Вертера", бывшего плодом тяжелого состояния его духа, он освободился от него и был так далек от героя своего романа, что ему смешно было видеть, как сходила от него с ума пылкая молодежь... Такова благородная природа поэта... <...> Объектируя собственное страдание, он освобождается от него; переводя на поэтические звуки диссонансы духа своего, он снова входит в родную ему сферу вечной гармонии...»[17]

Очевидно, что в «Выбранных местах из переписки с друзьями» разворачивается скрытый диалог Гоголя с Белинским[18]. Однако, намеренное обращение Гоголя в своей книге к статьям критика, написанным в «примирительный» период его жизни, как известно, только усилило озлобление Белинского. Свою статью «Менцель, критик Гете» Белинский даже называл «гадкою»[19].

[1] См. также ***1842. Ноября 10 <22>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1843. Марта 16 <28>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] *Свод.* Т. 1. С. 666.

[3] <*Белинский В. Г.*> Сумерки. Сочинения Евгения Баратынского. Москва. 1842. Стихотворения Евгения Баратынского. Две части. Москва. 1835 // Отечественные Записки. 1842. № 12. Отд. 5. С. 64; см. также: *Белинский В. Г.* <Стихотворения Е. А. Боратынского> // Собр. соч.: В 9 т. М., 1979. Т. 5. С. 181.

[4] *Шевырев С.* Полная Русская Хрестоматия, или Образцы Красноречия и Поэзии, заимствованные из лучших Отечественных писателей. Составил А. Галахов. Две части. Москва. XXI, 375, 434. (1843) // Москвитянин. 1843. Ч. III. № 6 (цензурное разрешение 15 июля). С. 504.

[5] *Погодин М.* Несколько слов по поводу Некрологов Г<-на> Белинского // Москвитянин. 1848. № 8. Критика. С. 44.

[6] *Курилов А. С.* В. Г. Белинский в жизни и творчестве. М., 2012. С. 98.

[7] Строки письма Белинского к В. П. Боткину от 17 марта 1842 г. (см.: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 494).

[8] См. ***1839. Октября 22 <ноября 3>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[9] См.: *Мануйлов В.* Лермонтов и Краевский // Литературное наследство. Т. 45–46. Ч. II. М., 1948. С. 375–376.

[10] *Висковатый П. А.* М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891. С. 368.

[11] См. ***1835. Августа 14 – 18–19. Киев*** (примечания).

[12] Гоголь располагал, вероятно, полным списком лермонтовской поэмы. В 1896 г. у одного из племянников писателя, среди других бумаг, находился по словам очевидца, «переписанный рукою Николая Васильевича» «Демон» Лермонтова, «заключающий несколько новых строф и стихов, сравнительно с виденными» современником «печатными текстами» (см. ***1847. Августа 7 <июля 26>. Суббота. Остенде***).

[13] <*Мизко Н. Д.*> *Н. Д.* Голос из провинции об отрывках из второй части поэмы Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» // Отечественные Записки. 1856. Т. 106. № 6. <Отд. 2> С. 51–52. – Ранее критик С. С. Дудышкин в рецензии на «Опыт биографии Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша также замечал: «Мы попросим читателя припомнить то место из "Переписки", где Гоголь говорит, как он освобождался от своих недостатков, передавая их действующим лицам "Мертвых душ"... <...> Гёте, у которого так трудно подметить его собственную личность, в произведениях его <...>, рассказывает, что все эти произведения, ни больше, ни меньше, как история его собственной жизни» (*Дудышкин С. С.* Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение Николая М. Санктпетербург. 1854 // Отечественные Записки. 1854. № 11. Отд. 3. С. 25).

[14] См. ***1840. Февраля 25. Прощеное воскресенье. Санкт-Петербург.***

[15] «Отечественным Запискам» Гоголь предпочел «Москвитянин» М. П. Погодина и «Современник» П. А. Плетнева, где сделал в 1841–1842 гг. ряд публикаций.

[16] *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. С. 179.

[17] Там же. Т. 3. С. 149.

[18] На это, в частности, указывает близость гоголевского письма *X. О лиризме наших поэтов* к идеям, изложенным Белинским в статьях так называемого «примирительного» периода его деятельности (см. ***1839. Ноября около 9. Москва***). Это же, очевидно, касается и признаний Гоголя в «Переписке с друзьями» о связи его внутреннего мира с выведенными им героями.

[19] Письмо Белинского к В. П. Боткину от 10–11 декабря 1840 г. (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. С. 420).

ДЕКАБРЯ 3 <15>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской:

«Замечания на Бел<инского> не будет печататься в М<осквитянине>. Хотя Шевыр<ев> и написал уже, не надобно связываться с ними.

В. Боткин хотя и принадлежит к обществу Бел<инского>, в статье своей о выставке[1] делает выписки из Гоголя[2]. Вообще художники очень дорожат суждениями Гоголя об искусстве».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 833.

[1] Имеется в виду выставка петербургской Академии художеств и посвященная этой выставке статья В. П. Боткина: <*Боткин В. П.*> *В. Б–н.* Выставка Императорской Санктпетербургской Академии художеств в 1842 г. // Отечественные Записки. 1842. № 11 (цензурное разрешение 31 октября). Отд. 2. С. 25–46. В этом же номере журнала помещен ответ В. Г. Белинского К. С. Аксакову «Объяснение на Объяснение по поводу поэмы Гоголя "Мертвые души"» (Отд. 5. С. 13–30).

[2] В. П. Боткин в своем обзоре выставки сделал обширную выписку из статьи Гоголя «Последний день Помпеи» — «как кажется, многими неоцененной по достоинству»: «Если конец XVIII столетия и начало XIX ничего не произвели полного и колоссального в живописи ~ И его шаги уже верно будут исполинскими и видимы всеми от мала до велика» (<*Боткин В. П.*> *В. Б–н.* Выставка Императорской Санктпетербургской Академии художеств в 1842 г. // Отечественные Записки. 1842. № 11 (цензурное разрешение 31 октября). Отд. 2. С. 28–29).

ДЕКАБРЯ СРЕДИНА <ДЕКАБРЯ НАЧАЛО>. РИМ

А. А. Иванов отправляет записку Ф. В. Чижову[1]:

«В пять иду в Фалькон обедать. Как бы я желал, чтоб и Вы с Григорием Павловичем[2] обедали в это время в Фальконе — к нам, может быть, присоединился бы и Федор Иванович[3] да даже и сам Н. В. Гоголь — оттуда в "Bon Goût", а в 7-мь часов я у [Гоголя] Языкова каждый вечер, где бывает постоянно и Гоголь — это потому, что Языков болен ногами и не выходит из дому»[4].

[1] Чижов прибыл в Рим в конце ноября (н. ст.) 1842 г. (см. ***1842. Ноября 30 <18>. Среда. Рим***).
[2] Галаганом; приехал в Рим в средине декабря (н. ст.) 1842 г. (см. ***1842. Декабря 4 <ноября 22>. Воскресенье***).
[3] Иордан.
[4] Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 332.

ДЕКАБРЯ 17 <5>. СУББОТА. РИМ

Гоголь отправляет во Флоренцию второе[1] письмо А. О. Смирновой:

«По разысканиям, сделанным почтовым чиновником, оказалось, что нет действительно писем в Poste restante и что они, должно быть, засели где-нибудь в другом месте. Об этом, к великому сожалению, я должен вас уведомить письменно, ибо поезд мой во Флоренцию вряд ли совершится. Вследствие полученных известий, относительно дел моих по части издания моих сочинений в Петерб<урге>, я должен засесть на целые две недели за самую скучную работу, именно переделать многое, заплатать прорехи, нанесенные цензурою, притом написать поскорее ответ на письма, которые жду со дня на день. Всё это должен сделать и отправить как можно скорее, а не то произойдет совершенная задержка и путаница. Это набросило на меня тень и сделало меня гадким, а до того я было просветлел душой от одной мысли вас увидеть. Ради Бога, скажите, зачем вы не в Риме, а во Флоренции? Упросите себя ускорить приезд свой. Увидите, как этим себя самих обяжете. А обо мне я не говорю: вы должны сами чувствовать, что это светлый праздник для души моей».

[1] См. ***1842. Ноября 29 <17>. Вторник. Рим.***

ДЕКАБРЯ 6 <18>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПАМЯТЬ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Согласно почтовому штемпелю[1], Н. Я. Прокопович получил в этот день письмо Гоголя из Рима[2].

[1] См.: *Шубинский.* С. 44.
[2] См. ***1842. Ноября 26 <14>. Суббота. Рим***; ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим.***

ДЕКАБРЯ 9 <21>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Премьера «Женитьбы» в Александринском театре. На спектакле присутствовал Император Николай Павлович с Наследником Александром Николаевичем и дочерью, великою княжною Ольгой Николаевной.

«На Александрынском театре. В среду 9 Декабря Российскими Придворными актерами представлено будет в пользу актера г. Сосницкого, в первый раз: ЖЕНИТЬБА. Оригинальная комедия в двух действиях, сочинение Н. В. Гоголя (автора Ревизора).

Действующие лица:

Агафья Тихоновна, купеческая дочь, невеста	Г-жа Сосницкая
Арина Пантелеевна, тетка ее	Г-жа Бормотова[1]
Фекла Ивановна, сваха	Г-жа Гусева
Подколесин, служащий, надворный советник	Г-н Мартынов[2]
Кочкарев, друг его	Г-н Сосницкий
Яичница, экзекутор	Г-н Григорьев-2[3]
Жевакин, моряк	Г-н Григорьев-1[4]
Хожалкин, отставной пехотный офицер	Г-н Беккер[5]
Алексей Дмитриевич Стариков, гостинодворец	Г-н Сосновский
Дуняша, девочка в доме	Г-жа Копылова-2
Степан, слуга Подколесина	Г-н Фалеев
Голос извощика за кулисами	

В первый же раз:

ПОМЕШАННЫЙ. Драма в двух действиях, переделанная с французского»[6].

«9 <декабря>. Среда. Алекс<андринский театр>. Женитьба, ориг<инальная> ком<едия> (Гоголя); Помешанный, драма; Гусарская стоянка, ком<едия>-вод<евиль>. Посетителей 1225. Карет 55. Прочих экипажей 25»[7].

Согласно записи в Журнале камер-фурьерской должности от 9 декабря 1842 г., на премьере присутствовала царская семья: «В 8-м часов вечера Его Величество с Государем Наследником Цесаревичем и Великою Княжною Ольгою Николаевною имели выезд в Александровский <так!> театр[8], а по окончании спектакля 30-ть мин<ут> 11-го часа возвратились во дворец, проходили во внутренние апартаменты Ее величества и кушали за вечерним столом в розовой комнате»[9].

В тот же день, 9 декабря 1842 г., В. Г. Белинский писал В. П. Боткину: «Я сейчас из театра. "Женитьба" пала и ошикана. Играна была гнусно и подло, Сосницкий не знал даже роли. Превосходно играла Сосницкая (невесту), и очень, очень недурен был Мартынов (Подколесин); остальные все – верх гнусности. Теперь враги Гоголя пируют. <...> "Игроки" Гоголя запрещены театральною цензурою, то есть дураком – мальчишкою Гедеоновым, следовательно, запрещены произвольно, без всякого основания[10]. Что до прочих пьес Гоголя – все они принадлежат М. С. Щепкину. Гоголь об этом пишет к Прокоповичу[11], – и вот собственные слова его, которые выписываю с дипломатическою точностию: "Все драматические сцены, составляющие четвертую часть, принадлежат все Щепкину. Это нужно разгласить и распространить, чтобы меня не беспокоили и не тревожили другие актеры какими-нибудь письмами и просьбами. На всякую просьбу Щепкина снисходи и постарайся, чтоб сделано было всё, что он просит. Половина драматических отрывков должна остаться ему для будущего бенефиса в будущем году, потому что я для театра ничего не произведу никогда". Пожалуйста, передай это Михаилу Семеновичу»[12].

«*Женитьба*, оригинальная комедия в двух действиях, соч. Н. В. Гоголя (автора *Ревизора*). <...> ...Сцены эти, набросанные кое-как, без достаточной завязки и развязки, невозможно назвать *ко-*

медией. Для комедии, сверх того, требуется правдоподобие, а в *Женитьбе* нет ни того, ни другого. По обыкновению своему, г. Гоголь выводит в новом сочинении своем несколько уродливых карикатур, как в китайских тенях, показывая нам притом такую природу, от которой невольно отворачиваешься. <...> ...Отвратительной природы никому не прийдет охоты смотреть на сцене, и если она кажется привлекательною и нравится приверженцам г. Гоголя, то они могут прочитать вновь *Мертвые Души.* Скажите, где видел г. Гоголь чиновничий мир, который он выставляет в своей, так называемой, комедии? <...> Подумал ли автор о том, что он намеревался изобразить в *Женитьбе?* Положим, что женские роли: купеческая дочка (г-жа Сосницкая), тетка ее и сваха (г-жа Гусева), просто карикатурные очерки; но чем извинить искажение истины в ролях мужских? Неужели это *характеры? Подколесин,* без превосходной игры г-на Мартынова, не значил бы ничего, потому что по первому явлению, в котором должна была бы заключаться его характеристика, никак не узнаешь в нем той неодолимой *нерешительности,* которая его заставляет *решиться* выскочить из окна, только бы не жениться. – *Кочкарев,* искусно сыгранный г-м Сосницким, также сам не знает о чем и к чему хлопочет... <...> *Яичница,* экзекутор, одна из любимых карикатур Гоголя, встречающихся в каждом из его произведений. <...> *Жевакин,* моряк, скажут нам, списан с натуры? <...> ...Изображать такими красками морских офицеров, отличающихся у нас вообще образованностью, знакомых с правилами чести и общежития, ей, ей, недостойно писателя, слывущего нравоописательным и сатирическим»[13].

Со своей стороны А. О. Смирнова вспоминала: «...Мы были <...> в Карелии <...>; на станции Оскуй я пила чай у мужика и встретила Андрея Карамзина и какого-то морского офицера, совершенно как капитан Жевакин Гоголя и говорил те же самые вещи: "Знаете ли, как попостился два или три года, приедешь в порт и увидишь женский пол, тут сейчас и влюбишься, какой-нибудь этакой розовый бутончик, как вы, например, сударыня, приведший вас в восторг, этакой, такой, что мое почтение..."»[14]

Отмечено также, что при создании образа моряка Жевакина Гоголь воспользовался книгой А. С. Норова «Путешествие по Сицилии, в 1822-м году» (СПб., 1828. Ч. 1–2)[15]. (Имея в виду содержание этой книги, Н. Н. Мурзакевич называл Норова «сладострастным автором "Путешествия по Сицилии, в 1822 г."»[16].) Внимание Гоголя в книге Норова привлекло, в частности, следующее описание Сицилии: «Домы главных улиц <...> не имеют крыш, которые заменены террасами... <...> ...жилые этажи испещрены <...> балконами. К вечеру все жители переселяются на них... <...> Глаза <...> беспрестанно останавливаются на прелестных лицах женщин...»[17] – Ср. в «Женитьбе»: «...У них ведь возле каждого дома балкончики, и крыши, вот как этот пол, совершенно плоски. Бывало, эдак смотришь, и сидит эдакой розанчик...»

Р. М. Зотов в 1859 г. вспоминал: «Любопытно, что *Женитьба* Гоголя, которую вскоре потом дали на сцене, была при первом представлении ошикана публикою, и только через несколько потом раз оценили ее и стали аплодировать»[18].

Актриса А. И. Шуберт замечала: «Припоминаю еще по поводу постановки "Женитьбы" Гоголя супругов Сосницких[19]. Он имел аристократические манеры и был прекрасен в ролях старых бар, но Кочкарева сыграл очень плохо. Его жена играла невесту, говорила жеманным тоном. Вся пьеса показалась очень скучной и провалилась в первое представление. Я не узнала ее, когда увидела в Москве[20]: точно пьесу с иностранной сцены пересадили на родную»[21].

[1] Пелагея Кузьминична Бормотова (в замужестве Громова, 1819–1887), актриса Александринского театра.

[2] Александр Евстафьевич Мартынов (1816–1860), актер Александринского театра.

[3] Петр Григорьевич Григорьев (1807–1854), актер Александринского театра.

[4] Петр Ив. Григорьев.

[5] Николай Герасимович Беккер (ум. в 1848), актер.

[6] «Женитьба». Афиша первого представления комедии на сцене Александринского театра в Петербурге // Н. В. Гоголь в портретах, иллюстрациях, документах. Сост. А. М. Гордин. 2-е изд. Л., 1959. С. 284 (фотокопия).

[7] Репертуар Русского и Пантеон Иностранных Театров. Издатель И. П. Песоцкий. 1843. Кн. 1 (цензурное разрешение 13 января). С. 264.

[8] См. также ***1842 декабря вторая половина <1842 декабря конец – 1843 января начало>. Санкт-Петербург*; *1843. Февраля 8 <20>. Понедельник. Москва*; *1845. Марта 11 <23>. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[9] *Свод.* Т. 3. С. 261.

[10] Премьера «Игроков» состоялась в бенефис М. С. Щепкина 5 февраля 1843 г. на сцене московского Большого театра (вместе с «Женитьбой») (***1843. Февраля 5 <17>. Пятница. Москва***). В Петербурге премьера «Игроков» состоялась 26 апреля 1843 г. (***1843. Апреля 26 <мая 8>. Понедельник. Санкт-Петербург***).

[11] Письмо от 26 ноября (н. ст.) 1842 г.

[12] Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 261.

[13] Театральная хроника. Александринский театр // Репертуар Русского и Пантеон Всех Европейских Театров, на 1842 год, издаваемый И. Песоцким и книгопродавцем В. Поляковым. 1842. Кн. 24 (цензурное разрешение 17 декабря). <Отд. 2>. С. 16–17.

[14] *Смирнова А. О.* Биография Александры Осиповны Чаграновой // *Свод.* Т. 2. С. 288.

[15] *Свод.* Т. 3. С. 761–762. – См. также ***1850. Ноябрь – декабря до 15. Одесса***; *Виноградов И. А.* Монолог Н. В. Гоголя в многоголосье «Женитьбы» // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 1. С. 68–104.

[16] См. ***1850. Ноябрь – декабря до 15. Одесса.***

[17] *Норов А.* Путешествие по Сицилии, в 1822-м году. СПб., 1828. Ч. 1 (цензурное разрешение 19 сентября 1827 г.). С. 65.

[18] *Зотов Р. М.* Театральные воспоминания // *Свод.* Т. 1. С. 830.

[19] Премьера «Женитьбы» состоялась в Александринском театре в Петербурге в бенефис И. И. Сосницкого.

[20] Премьера «Женитьбы» в московском Малом театре состоялась 5 февраля 1843 г. в бенефис М. С. Щепкина (см. ***1843. Февраля 5 <17>. Пятница. 7 часов вечера. Москва***).

[21] *Шуберт А. И. (рожд. Куликова).* Моя жизнь // *Свод.* Т. 3. С. 793.

ДЕКАБРЯ 10 <22>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получает из Рима письмо от Гоголя, отправленное 1 декабря 1842 г.[1]; отправляет письмо к А. М. Гедеонову[2] (письмо не сохранилось).

На письме Гоголя имеется помета Плетнева: «П<олучено> 10 Дек<абря> 1842. В тот же день о всем писано г. Гедеонову»[3].

[1] См. ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим.***

[2] Ответ Гедеонова см.: ***1842. Декабря 11 <23>. Пятница. Санкт-Петербург.*** – См. также ***1842. Сентября 9 <21>. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

[3] См.: *Городецкий.* С. 451.

ДЕКАБРЯ 11 <23>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. М. Гедеонов отвечает[1] П. А. Плетневу:

«В ответ на письмо Ваше от 10 декабря спешу уведомить Ваше Превосходительство, что сцены из поэмы г. Гоголя Мертвые Души поступили в С.-Петербургскую Дирекцию от режиссера Куликова, а в Московскую от актера Самарина, и были играны в их бенефисы. Я непременно после уведомления Вашего прекратил бы их представление, ежели бы пьесы до сих пор держались на репертуаре. Впрочем впредь я не допущу никакой пьесы, в которой бы входило что-либо из сочинений господина Гоголя без письменного его согласия. Сам не могу я к нему писать, потому что на днях дана была его комедия Женитьба, и ежели бы пришлось упомянуть об ней, то, к сожалению, ничего не мог бы сообщить ему удовлетворительного; а потому и обращаюсь к Вашему Превосходительству сообщить ему мой ответ по этому делу»[2].

В тот же день, 11 декабря 1842 г., состоялся арест цензоров А. В. Никитенко и С. С. Куторги по жалобе исполняющего должность военного министра графа П. А. Клейнмихеля. Приказом Императора цензоры были посажены на одну ночь на гауптвахту за пропуск в печать повести П. В. Ефебовского (1810–1846) «Гу-

вернантка», напечатанной в № 8 «Сына Отечества» за 1842 г. В повести из-за содержащегося в ней иронического пассажа об офицерах было усмотрено оскорбление офицерства[3].

В этот же день на сцене Александринского театра была представлена «Женитьба»:

«11 <декабря>. Пятн<ица>. Алекс<андринский театр>. Женитьба, ориг<инальная> ком<едия>; Помешанный, драма; Гусарская стоянка, ком<едия>-вод<евиль>. Посетителей 1150. Карет 50. Прочих экипажей 21»[4].

«Обращаясь к *комедиям*, находим в числе десяти новых, представленных с начала 1842 года, только одну оригинальную. Это: *Женитьба*, комедия в двух действиях, соч. Н. Гоголя, встреченная публикою со всем приветом, которого заслуживал автор "Ревизора", и провоженная со сцены с единодушным негодованием, за оскорбление всех литературных и сценических приличий! К этой же пиесе должно присоединить *Сцены из Мертвых Душ*, того же автора, варварски переделанные для театра кем-то и, поэтому, нисколько не прибавившие славы Н. В. Гоголю, решившемуся, как кажется, смотреть на мир и род человеческий с особенной, вовсе не привлекательной точки зрения. <...> Артист молодого поколения, г. Мартынов, <...> приобрел, по всей справедливости, право на название *любимца* публики! <...> В течение всего года на долю г. Мартынова пришлось только две роли, в которых он мог выказать свой талант; первая — роль *Дедушки Назара Андреевича*, вторая — Подколесина (в комедии "Женитьба"). Эту роль г. Мартынов задумал и исполняет с такою истиною, что вдвое негодуешь на автора за непростительную мистификацию выдавать *Женитьбу* за произведение, написанное по правилам искусства. <...> На долю г-жи Сосницкой вышло в прошлом году мало замечательных новых ролей. Всего лучше играла она в *Женитьбе* переспелую невесту, и немало содействовала к тому, что ошиканная пиеса не пала с первого представления»[5].

[1] См. ***1842. Декабря 10 <22>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[2] Гоголь в письмах директора Императорских Санкт-Петербургских театров А. М. Гедеонова // *Свод*. Т. 1. С. 819.

[3] См. ***1842 декабря 24 <1843 января 5>. Рождественский сочельник. Санкт-Петербург***; ***1842 декабря 28 <января 9>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[4] Репертуар Русского и Пантеон Иностранных Театров. Издатель И. П. Песоцкий. 1843. Кн. 1 (цензурное разрешение 13 января). С. 264.

[5] Петербургские театры в 1842 году // Репертуар Русского и Пантеон Иностранных Театров. Издатель И. П. Песоцкий. 1843. Кн. 1 (цензурное разрешение 13 января). С. 219, 229, 231.

ДЕКАБРЯ 12 <24>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В «Северной Пчеле», на третий день после премьеры «Женитьбы» в Александринском театре[1], напечатана отрицательная рецензия на постановку, написанная Ф. В. Булгариным[2] (без подписи):

«В короткий промежуток времени были бенефисы двух отличнейших артистов здешней столицы: Г. Аллана (4-го Декабря) и Г. Сосницкого (9-го Декабря). <...> ...В бенефис Г. Сосницкого мы видели ту знаменитую *комедию* Г. Гоголя, о которой уже несколько лет трубят его приятели. *Женитьба* — имеет точно такое же право на название *комедии*, как *Мертвые Души* на название поэмы! За кого вы принимаете нашу Русскую публику? Ни завязки, ни развязки, ни характеров, ни острот, ни даже веселости — и это *комедия!* <...> ...И в самом деле, некоторые места в этой, так называемой *комедии*, очень смешны, но смешны карикатурой и преувеличением... <...> Где автор нашел такую природу? Откуда он выкопал этих чиновников? Где он встретил подобного отставного моряка <...>

когда всем у нас известно, что наши моряки отличаются и всегда отличались образованностью... <...> Заметьте, публика была справедлива!.. По окончании этой комедии несколько человек захотели было захлопать, но вдруг во всех ложах и креслах раздался условный знак, принуждающий к молчанию... и *комедия* сошла тихомолком со сцены! Le public an a fait justice! Даже не вызвали ни одного из актеров, а для Александринского Театра это очень много значит! <...> ...Две литературные партии, одна Московская, а другая здешняя, избрали Г. Гоголя для того, чтоб прославлением его заставить публику отвернуться от других сатирических и юмористических писателей и романистов, не принадлежащих к их приходу... Вот вся цель этих преувеличенных похвал дарованию Г. Гоголя, и превознесение превыше всего в мире его Поль-де-Коковских творений! Не устыдились же сравнять Г-на Гоголя с Гомером! <...> Покажите нам одно сносное лице в *Ревизоре*, в *Женитьбе*, в *Мертвых Душах!* <...> Укажите на один характер, который бы возбудил ваше душевное соучастие... <...> Везде, во всем одна карикатура, одно искажение натуры...»[3]

В тот же день, 12 декабря 1842 г., Ф. А. фон Моллер отправил письмо А. А. Иванову, в котором упоминал о Гоголе[4].

[1] См. ***1842. Декабря 9 <21>. Среда. Санкт-Петербург.***

[2] О вероятных причинах неприязни Булгарина в отношении к Гоголю см.: ***1834. Августа конец – сентябрь. Санкт-Петербург*** (примечания).

[3] <*Булгарин Ф. В.*> Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1842. 12 дек. № 279. С. 1113–1114.

[4] Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 638; *Свод*. Т. 386.

ДЕКАБРЯ 14 <26>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«14 <декабря>. Понед<ельник>. Алекс<андринский театр>. Женитьба, ком<едия>; Помешанный, др<ама>; Первый дебют, вод<евиль>. Посетителей 385. Карет 27. Прочих экипажей 46»[1].

В тот же день Н. К. Калайдович сообщал М. П. Погодину в Москву:

«Я заменяю у Маркуса[2] секретаря. <...> В пример того, как он сочувствует всему прекрасному и благородному, приведу Вам одно обстоятельство. Когда по поводу появления “Мертвых душ” начались споры и разногласия и в литературе, и, что еще важнее, в обществе, даже придворном, Маркус, мало следивший нашу литературу, стал меня расспрашивать о Гоголе и его поэме. Я по возможности старался быть беспристрастным докладчиком этого дела и даже удержался от собственного мнения о “Мертвых душах”. Я только доставил Маркусу прочие сочинения Гоголя, за исключением “Вечеров на хуторе”, которых у меня не случилось под руками. С этих пор Маркус получил высокое мнение о Гоголе. Наконец он достал и “Чичикова”, прочитал его, и, когда я пришел потом к нему, он встретил меня словами, что не читал ни на одном языке ничего выше “Мертвых душ”, в своем роде. “Это что-то шекспировское!” – говорил он и в первую же свободную ночь, в опровержение всех аристократических мнений, которые ему удавалось слышать, набросал сам статью о Гоголе и “Мертвых душах”, взяв с меня наперед слово поправить могущие встретиться в ней неровности слога и напечатать самую статью в одном из журналов. Статья, как я могу предполагать по плану и отрывкам, выйдет замечательная: ведь Маркус знаком почти со всеми европейскими литературами и следит за ними в лице их новейших представителей. Особенно замечательна эта статья тем, что в ней отвергаются не мнения ученых и журналистов, часто известные им самим и всегда более или менее ограниченному кругу их читателей, а мнения людей, составляющих общество, предрассудки рождения и воспитания. Когда она будет окончена, вероятно в генваре[3], я перешлю Вам ее»[4].

[1] Репертуар Русского и Пантеон Иностранных Театров. Издатель И. П. Песоцкий. 1843. Кн. 1 (цензурное разрешение 13 января). С. 264.

[2] Михаил Антонович Маркус (1790–1865), лейб-медик; с 1841 г. – председатель Медицинского совета Министерства внутренних дел; автор ряда статей и брошюр медицинского характера. Вместе с Н. К. Калайдовичем издал в 1843 г. «Краткое руководство для врачей к познанию российских законов, учреждений и государственной службы» (СПб., 1843).

[3] Судьба статьи неизвестна.

[4] Гоголь в письмах Н. К. Калайдовича // *Свод.* Т. 2. С. 542–543.

ДЕКАБРЯ 27 <15>. ВТОРНИК. РИМ

Ф. В. Чижов отмечает в дневнике:

«Сегодня вечером заговорили мы о Муравьеве[1]. Гоголь говорит, что язык его вял; не знаю, сколько мне кажется, именно у него хорош язык. Гоголь говорит, что теперь трудно писать чистым языком,– да, у него самого язык с сильными промахами. Когда я примусь дельнее работать? Надобно было бы читать и по-русски. Возьму завтра же Муравьева. Никак не могу согласиться, чтоб у него язык был вял,– правда и то, что я его мало очень помню»[2].

Позднее, в 1854–1855 гг., Чижов рассказывал П. А. Кулишу: «Вечера наши в Риме сначала проходили в довольно натянутых разговорах. Не помню, как-то мы, заговорили о М<уравье>ве, написавшем "Путешествие к Святым Местам" и проч. Гоголь отзывался об нем резко, не признавал в нем решительно никаких достоинств и находил в нем отсутствие языка. С большею частию этого я внутренно соглашался, но странно резкий тон заставил меня с ним спорить. Оставшись потом наедине с Языковым[3], я начал говорить, что нельзя не отдать справедливости М<уравье>ву за то, что он познакомил наш читающий люд со многим в нашем богослужении и вообще в нашей Церкви. Языков отвечал:

– М<уравье>ва терпеть не мог Пушкин. Ну, а чего не любил Пушкин, то у Гоголя делается уже заповедью и едва только не ненавистью[4].

Не смотря, однако ж, на наши довольно сухие столкновения, Гоголь очень часто показывал ко мне много расположения»[5].

[1] Речь идет о духовном писателе Андрее Николаевиче Муравьеве (1806–1874). Позднее Ф. В. Чижов написал в Риме подробный разбор «Римских писем» Муравьева (СПб., 1846. Ч. 1–2): *Чижов Ф.* Римские письма... // Московский Литературный и Ученый Сборник на 1847 год. М., 1847 (цензурные разрешения 5 дек. 1846 и 21 февр. 1847). Отдел критики. С. 61–112.

[2] Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 53.

[3] См. ***1842. Декабря 28 <16>. Среда. Рим.***

[4] Н. М. Языков, в свою очередь, был невысокого мнения о стиле произведений А. Н. Муравьева (см. ***1845 декабря 29 <1846 января 10>. Суббота. Москва***). Между тем уже к 1843 г. Гоголь изменил свое мнение о Муравьеве. А. О.Смирнова вспоминала: «Андрей Николаевич <...> писал о Православной Церкви, познакомил невежественную публику с сокровищами Православия. Гоголь очень уважал его труд и говорил: "Вот человек, который исполнил долг пред Богом, Церковью и своим народом"» (см. ***1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца***). Именно с прочитанной Гоголем зимой 1843/44 года в первом томе журнала «Христианское Чтение» за 1841 г. статьей А. Н. Муравьева «О Литургии» связано начало работы Гоголя над «Размышлениями о Божественной Литургии» (подробнее см.: *Виноградов И. А.* К истории создания и публикации духовной прозы Гоголя // *Гоголь 2009–2010.* Т. 6. С. 488, 491–493).

[5] Воспоминания Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 3. С. 46.

ДЕКАБРЯ 28 <16>. СРЕДА. РИМ

Ф. В. Чижов записывает в дневнике:

«Заходил я к <Н. М.> Языкову; разговорившись о Муравьеве, он говорит: "Ну что Гоголь городит, что язык Муравьева дурен[1], это все от того, что он Пушкина партии, даже он почти не читал Муравьева". Это к сведению. <...> Читаю Муравьева. Действительно, не вяло, а натянуто, и к тому же у него нет уменья владеть языком, множество ошибок и недоглядок в языке, множество неясностей; вообще требовалось бы сильно его выправить. Ко всему этому у него нет такту, где можно говорить размеренною прозою <...> и где это совершенно излишне».

Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 53.

[1] См. ***1842. Декабря 27 <15>. Вторник. Рим.***

ДЕКАБРЯ КОНЕЦ <ДЕКАБРЯ СРЕДИНА>. РИМ

Гоголь знакомится с воспитанником Ф. В. Чижова Г. П. Галаганом.

13 января (н. ст.) 1843 г. Галаган писал матери, Е. В. Галаган: «С ним <Ф. В. Чижовым> в одном доме живут Языков — известный поэт и Гоголь: я с ними перезнакомился; первый из них — предобрейший и открытый человек, второй также прекрасный человек, но надобно привыкнуть к его обращению; он чистый малороссиянин, все сидит и молчит и как будто дуется, а между тем искоса выглядывает на всех и замечает все, что делается; когда скажет что-нибудь, то умеет придать такой комизм своим словам, что нельзя не смеяться...»[1]

Позднее, во второй половине 1850-х гг., Галаган вспоминал[2]: «Зиму с 1842 на 43 год я провел в Риме в одно время с Николаем Васильевичем Гоголем. Хотя и случилось много до того времени, встречали его раза два в Петербурге[3], но знаком с ним не был. Узнавши, что мой знаменитый земляк в Риме, я с величайшим нетерпением ожидал случая с ним познакомиться, что вообще считалось нелегко сделать, по общему мнению, считавшему его большим чудаком и необщительным человеком. Мне однако судьба благоприятствовала: Гоголь жил тогда на via Felice № <126>[4], занимая в доме 3-й этаж; в этом же доме, полном для меня самых приятных воспоминаний, жил во втором этаже (бель-этаже) Н. М. Языков, а в 4-м Фед<ор> Вас<ильевич> Чижов. Сей последний тотчас повел меня к Языкову, где я встретил и потом часто встречал Гоголя. Будучи еще тогда очень молод, я с некоторой робостью встретился с человеком, которого слава была уже так громка в нашем отечестве, и признаюсь, в душе не очень остался доволен первой встречей с ним. Гоголь поклонился мне очень сухо, даже не взглянув на меня и не спросив у меня ни слова о том, откуда я, давно ли приехал и тому подобное. Языков с свойственною ему приветливостию обласкал меня и просил почаще бывать. С тех пор начался ряд вечеров, проводимых в их обществе и которые навсегда останутся неизгладимы в моей памяти.

Прельстившись жизнию художников, которая тогда еще в Риме имела в себе [еще] столько поэтического и особенно своеобразного при сравнении с физиономиею остальных обществ Европы, я решился совсем прекратить сношения с светским обществом Русских, которых в тот год в Риме было очень много, и присоединиться образом жизни к обществу наших художников. Утро и весь день был у меня всегда посвящен знакомству с Римом, его чудесами, его жителями, и вообще наслаждению римской жизни, вечером я часто бывал в театре и еще чаще в знакомом доме на via Felice. Там всегда собирался малый круг людей, тесно соединенный одинаковым образом мыслей и одинаковым направлением; собирались всегда у Языкова, которого состояние здоровья не позволяло почти двигаться с места: Гоголь, Чижов и художник Александр Андреевич Иванов были собеседниками. Между ними я, разумеется, был почти всегда только слушателем, как человек, которому судьба особенно поблагоприятствовала, поставивши его хоть на время в тесный круг, из которого можно было вынести столько доброго. Как сегодня вижу я это маленькое общество в довольно обширной комнате. Мы всегда садились около большого круглого стола, и перед нами становили маленькую бутылку знаменитого итальянского вина *aleatico*[5]. Беседа более всего имела предметом нашу Россию, о которой так всегда любит потолковать всякий из нас, особенно брошенный от нее в "прекрасное далеко". Гоголь был очень неровен в степени разговорчивости: иногда

он просиживал почти совершенно молча целый вечер, потупя голову, и, по своему обыкновению, взглядывая на кого-либо в те минуты, когда тот на него не смотрел; иногда, напротив, он бывал очень разговорчив, то рассуждал о предметах весьма глубоких, то смешил нас своими юмористическими выходками. О сочинениях своих он не только никогда не говорил, но даже не любил, чтобы кто-нибудь из собеседников о них напоминал. Часто говорил об искусствах и всегда в мнениях своих сходился с Ивановым, с которым был особенно дружен. Трудно было узнать, кто из них двух был более под влиянием другого. Иванова я знал ближе, чем Гоголя, и мог заметить, что мнения Гоголя ценились им с каким-то глубоким уважением даже в отношении искусства. Показывая мне часто свою знаменитую картину, он и там в вещах важных любил ссылаться на мнение Гоголя. О России и о всем русском Гоголь говорил часто с любовью, интересом, часто с юмором; выставлял светлые стороны Русского народа и скорбел о темных сторонах нашего отечества. Впрочем, не могу теперь привесть ничего особенно нового в его мнениях, может быть и потому, что те понятия, которые в то время развивались в нескольких избранных людях, сделались теперь достоянием большинства в обществе. О нашей с ним родной Малороссии Гоголь как бы избегал говорить. Сколько я помню, он относился только с особенною любовью о наших песнях[6] и один раз, говоря о Малороссии вообще, сказал: “Я бы, кажется, не мог там жить, мне было бы жалко, и я бы слишком страдал”. Мы тогда говорили о современном состоянии нашего народа и нашего общества.

В суждениях своих о многих из наших общих римских знакомых Гоголь выражался всегда довольно резко и часто с насмешливыми эпитетами. Можно бы было по его тону прийти к тому заключению, что все эти знакомые ему сильно надоели. С Языковым он, кажется, тогда вместе и приехал в Рим; он его берег и ухаживал за ним, хотя, как я слышал, Языков иногда жаловался на деспотические распоряжения Гоголя в их домашнем быту[7]. Языков говорил нам один раз в отсутствии Гоголя, что он не знает, чем в настоящее время занимается Гоголь, что он пишет? и даже не решается о том у него спросить. У Гоголя на квартире был поставлен для Языкова бильярд, на котором они иногда играли. В полдень он возил Языкова по городу в открытой коляске.

Вот каким представлялся мне тогда Гоголь в его домашнем быту. Остальное о нем я мог себе дополнить извне. Вообще меня удивляло то явление, что все русские, за малым исключением, говорили о Гоголе и всем до его обиходной жизни касавшемся как о чем-то прошедшем, с характером воспоминания о нем, несмотря на то, что Гоголь был жив и даже находился в Риме. Художники в самых разнообразных рассказах вспоминали о нем, говоря: вот, Гоголь, бывало, вот тут сидит, или: Гоголь сочинил пресмешную песню на такого-то трактирщика (я помню даже о трактире al Gab<b>ion<n>e[8], где его как-то худо накормили), или: вот Гоголь говаривал о таком-то художнике вот то или то. Все рассказы о нем наших художников за веселым столом в трактире al Lepre всегда свидетельствовали о самых юмористических выходках Гоголя. Когда клонился разговор о том, каков Гоголь теперь, то они всегда говорили с некоторой досадой: “Уж теперь Гоголь не тот, Бог его знает, что с ним сделалось”. Иванов, который один из своих собратий был посвящен в самые тайны жизни Гоголя, также часто со смехом вспоминал о прежних выходках нашего великого писателя, а о настоящей жизни его говорил с особенным уваженьем и таинственностью, ему свойственною[9]. В светском обществе я замечал то же самое. Бывая иногда в добром русском семействе Обуховых[10], я часто слышал жалобы дам на Гоголя, что он совсем их забыл, бывши прежде хорошо с ними знаком. Они все, а особенно старушка М. В. Обухова – почтенный тип московских барынь, и которую Гоголь прозвал *Казинью*[11], всегда говорили, что он ужасный чудак и что к нему нельзя приноровиться, что он часто менялся в обращении, то будучи весел, то угрюм, и что даже в одеянии и особенно прическе любит фантазировать: то обстрижется совсем коротко, то опять запустит волосы, зачесывая их на лоб, на глаза, то зачесывая их назад. При мне Гоголь носил волосы довольно длинные и усы несколько подстриженные, как он изображен на портрете[12]. – Вообще ясно было видно, что Гоголь принял уже тогда новое направление и прервал почти всякую связь с прежними знакомыми. <...>

На здоровье свое Гоголь очень жаловался и говорил мне один раз: “Вы не можете себе представить, до какой степени я иногда страдаю. У меня бывает бессонница: она начинается постепенно; с каждым днем я все меньше сплю, и доходит до того, что я несколько суток не замыкаю глаз, не будучи вместе в состоянии чем-либо заняться. В это время я сильно изнуряюсь. Потом сон опять возвращается постепенно. Засну ¼ часа в ночь, потом час и так далее”»[13].

[1] Из писем Г. П. Галагана // *Свод.* Т. 3. С. 74.

[2] Воспоминания, сохранившиеся в бумагах П. А. Кулиша, были, вероятно, написаны по просьбе биографа после выхода в свет «Записок о жизни Н. В. Гоголя...» для предполагаемого (несостоявшегося) второго издания книги. См. также «Записку, составленную А. В. М<аркович>ем из письма к нему Кн<яжны> В. Н. Р<епни>-ной о Гоголе» (см. ***1836. Июля конец – августа средина <июля средина – августа начало>. Баден-Баден*** – примечания); и заметку П. А. Кулиша «Для биографии Гоголя» (см. ***1851. Июня между 5 и 25. Москва***).

[3] Галаган учился в Петербургском университете с 1836 по 1840 г., когда Гоголь здесь уже не преподавал. Общим знакомым Гоголя и Галагана в Петербурге был художник А. Н. Мокрицкий, который в 1835–1836 гг. давал уроки рисования Галагану и его сестре Марии Павловне (см.: Дневник художника *А. Н. Мокрицкого.* Составитель, автор вступ. ст. и примеч. Н. Л. Примак. М., 1975. С. 39, 43, 50, 178; *<Лазаревский А. М.> А. Л.* Материалы для биографии Г. П. Галагана // Киевская Старина. 1898. № 9. С. 194).

[4] В рукописи для номера дома оставлен пробел.

[5] Красное тосканское вино (см. также ***1842. Декабря 1 <ноября 19>. Четверг. Рим***; ***1842. Декабря 7 <ноября 25>. Среда. Рим***).

[6] В 1857 г. Галаган издал «Южно-руські пісьни з голосами».

[7] См., в частности: ***1843. 1843 января 9 <1842 декабря 28>. Понедельник. Рим.***

[8] Об этом трактире и его посетителях см.: Записки ректора и профессора Академии Художеств Федора Ивановича Иордан<а>. М., 1918. С. 214.

[9] О взаимоотношениях Гоголя и А. А. Иванова см. также: ***1841. Февраля 14 <2>. Воскресенье. Праздник Сретения Господня. Вечер. Рим.***

[10] О семействе Обуховых и Марии Васильевне Обуховой см.: ***1841. Февраля 14 <2>. Воскресенье. Праздник Сретения Господня. Вечер. Рим***; ***1843 января 9 <1842 декабря 28>. Понедельник. Рим.***

[11] Вероятно, от cosina *(ит.)* – хорошенькая женщина.

[12] Вероятно, имеется в виду портрет Гоголя, написанный Ф. А. фон-Моллером в 1841 г. В 1908 г. в Сокиренцах находился также «портрет Гоголя (в украинском костюме), которого до сих пор не приходилось видеть ни в одном издании его сочинений. На этом портрете у него удивительно прекрасное живое лицо» (*Савченко С.* Поездка в Сокиренцы воспитанников 34-го выпуска // Ежегодник коллегии Павла Галагана. С 1-го октября 1907 года по 1-е октября 1908 года. Киев, 1908. С. 164).

[13] *Галаган Г. П.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 69–71.

ДЕКАБРЯ 16 <28>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В «Северной Пчеле» напечатана еще одна[1] отрицательная рецензия на постановку «Женитьбы» в Александринском театре (написана Р. М. Зотовым):

«Первое представление *новой Русской* комедии составляет всегда замечательное явление в пустынной области нашей драматической литературы. После незабвенного Грибоедова, один Гоголь дал нам настоящую Русскую комедию в *Ревизоре,* и публика долгое время не уставала наполнять залу Александринского Театра, когда играли эту пиесу. <...> Семь лет Г. Гоголь не писал ничего для Русской сцены – и вдруг!.. <...> ...*Публика* вдруг одною, общею идеею, волею, одним неприготовленным, никем не ожиданным решением, покрыла пиесу *единодушным, единогласным шиканьем.* <...> За что же этот приговор был так жесток? – спросят некоторые. <...> Не все то, что есть в природе, что делается между людьми, что говорится в обществах и на улице, не *все то* может быть представлено на сцене. <...> И публика, единодушно ошикав пиесу Г. Гоголя, обнаружила всю свою тонкость и чувство приличия. <...> Очень жаль, что негодование публики простерлось и на артистов. Она их не вызывала. А они играли очень хорошо. Разве их вина, что они играли подобную пиесу? Бенефициант, Г. Сосницкий, сыграл роль свою (Кочкарев) прекрасно, а Г-жа Сосницкая (невеста) была неподражаема. Г. Мартынов (Подколесин) отлично выполнил характер нерешительного. Во всякой другой пиесе их покрыли бы аплодисментами, несколько раз вызвали, оглушили бы восклицаниями: браво! А теперь?.. Ну, вот это было несправедливо»[2].

[1] Ср. ***1842. Декабря 12 <24>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] *<Зотов Р. М.> Р. З.* Александринский театр. <...> Женитьба, оригинальная комедия в двух действиях, сочинение Н. В. Гоголя (автора Ревизора). – Помешанный, драма в двух действиях, переделанная с Французского. – Гусарская стоянка, водевиль в одном действии. (Г-жа Мартынова – <юнкер> Лилеев). *(Бенефис Г. Сосницкого)* // Северная Пчела. 1842. 16 дек. № 282. С. 1126–1127.

ДЕКАБРЯ 19 <31>. СУББОТА. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева пишет Гоголю ответное[1] письмо в Рим:

«Добрые Аксаковы мне <...> доставили письмо ваше. Я уже вас благодарила за это знакомство. С каким удовольствием я с ними и с возлюбленной и почтенной Авдотьей Пет<ровной> Елагиной о вас беседую. <...> Я недавно была в Москве и два раза была у Павла Воиновича[2]. В последний раз 15-е число была у них, его именины[3]. <...> Николаю Михайловичу[4] кланяюсь <...>, скажите ему, что Авдотья Петровна и Марья Васильевна[5] о нем помнят и недавно о нем говорили. <...> Пишете, иногда упадаете духом; ради Христа, мой друг, сим не смущайтесь, а когда это случится, не останавливайтесь, а подвизайтесь вперед, и тотчас возблагодарите Господа, посетившего вас. Таковое лишение наверное не без пользы для души, которая пребывая беспрестанно во внутренной тишине, могла бы еще возгордиться, как собственным приобретением. <...> С вами, наверное, случалось во время молитвы: иногда так пламенно, с таким усердием возноситесь ко Господу, в другое время чувствуете какую-то сухость, неловкость; но ни в каком случае откладывать молитвы не должно. Нам нельзя знать, что для нас полезнее. Наше дело исполнить свой долг, а далее как Господь свершит, буди Его святая воля во всем!»

[1] См. ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим.***

[2] Нащокина. К тому времени Гоголь, вероятно, уже получил через Д. Е. Бенардаки его письмо (см. ***1842. Сентября вторая половина <сентября конец – октября средина>. Москва***).

[3] 15 декабря (ст. ст.) совершается память преподобного Павла Латрийского.

[4] Языкову.

[5] Киреевская, сестра П. В. и И. В. Киреевских.

КОНЕЦ ГОДА. РИМ

Н. М. Языков пишет родным:

«Брат Петр Михайлович[1] обещал прислать Гоголю собрание слов русских, им же для него записанных, и описание крестьянских изделий или ремесл, им же составленных. Гоголю то и другое теперь очень нужно[2], почему он и поручил мне написать о том по принадлежности».

Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 158.

[1] Языков. Ранее, в конце лета – осенью 1841 г. Гоголь почерпнул у П. М. Языкова ряд сведений, внесенных тогда в записную книжку 1841–1844 гг. (см. ***1841. Сентября 26 <14>. Воскресенье. Праздник Воздвижения Креста Господня. Ганау***).

[2] См. также ***1843 января 9 <1842 декабря 28>. Понедельник. Рим.***

1842 ДЕКАБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА <1842 ДЕКАБРЯ КОНЕЦ – 1843 ЯНВАРЯ НАЧАЛО>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

М. Г. Карташевская пишет В. С. Аксаковой:

«Мнение петербургских журналов и публики должно принимать в противном смысле. Вот почему, слыша дурные отзывы о новой комедии Гоголя, я почти убедилась, что она хороша, и с нетерпением ждала, не напишешь ли ты мне что-нибудь о ней. Не знаю только, об одной ли и той же будем мы говорить. Комедия, которую здесь давали и которая имела совершенный неуспех, называли, мне кажется, “Женитьба”, а ты пишешь о комедии “Женихи”[1]. Отчего же ты не говорила мне о ней, моя милая Верочка, и теперь говоришь так неопределительно, или ты ее не читала? Рассказывают, что Государь, который любит все произведения Гоголя, приехал на первое пред-

ставление[2] и взял с собою Ольгу Николаевну[3], но что тотчас же ее увез[4] и что вся публика приняла пиесу с шумным выражением негодования. Это говорили у нас за столом, и Надеждин[5] был тут. У него есть в рукописи эта комедия, и он сейчас предложил мне ее, но после всего сказанного странно было мне сказать, что я ее прочту».

Гоголь в письмах М. Г. Карташевской к Аксаковым // *Свод*. Т. 2. С. 958.

[1] См. ответное письмо В. С. Аксаковой от 1–2 января 1843 г. (***1843. Января 1 <13>. Пятница. Праздник Обрезания Господня. Москва***).

[2] См. ***1842. Декабря 9 <21>. Среда. Санкт-Петербург***.

[3] Великая княгиня, дочь Императора Николая I.

[4] Подобное поведение было характерно для Императора Николая I в случае неодобрения им какого-либо произведения. 3 ноября 1833 г. художник А. И. Иванов сообщал в Рим своему сыну А. А. Иванову: «Остается мне тебе сказать еще нечто о картине г. Лапченки, представляющей Сусанну. <...> ...Художник не вникнул хорошо в сюжет свой и представил зрителю не ту Сусанну, о которой говорит нам Св. Писание в Библии, а какую-то натурщицу, поставленную им в позицию, чтоб прельщать зрителя... <...> Я слышал, что рассказывают о сей картине по случаю посещения Государем Академии Художеств при ее открытии. Он изволил пожаловать со всею своею Императорскою фамилиею, но без Наследника Престола, Александра. Как он шел всегда впереди своей фамилии, то увидев сию картину, обратился немедленно к своей супруге, чтоб удержать ее взгляды на оную; удержав же, сказал: "Тебе тут смотреть нечего", после чего как сию картину, так и подобную ей приказано снять и поставить в такие залы, которые легко можно и миновать...» (***Виноградов 2001***. С. 129–130). – См. также: *Виноградов И. А.* Отеческое попечение: Император Николай I в судьбе Гоголя // Studia Litterarum. Литературные исследования. Literary Studies. Научный журнал. Academic journal. 2016. Т. 1. № 1–2. М.: ИМЛИ РАН, 2016. 414 с. С. 269–277.

[5] Н. И. Надеждин.

1842 ДЕКАБРЯ 20 <1843 ЯНВАРЯ 1>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

Анонимный рецензент «Литературной газеты» пишет по поводу премьеры «Женитьбы» в Александринском театре[1]:

«После продолжительного молчания Гоголь подал о себе весть нашей публике поэмою "Мертвые Души" и вслед за тем комедиею "Женитьба", писанною, впрочем, *в 1833 году*. "Мертвые души" имели большой успех и, между прочим, – что также не малая заслуга, – победили хоть ненадолго в нашей публике равнодушие к русской литературе, которое с некоторого времени день ото дня усиливалось и Бог знает чем бы кончилось. <...> Наши журналы и газеты – даже те, которые имеют обыкновение спать круглый год, <...> подняли громкий вопль по случаю появления "Мертвых Душ" и тем еще более усилили интерес их в глазах публики. Известно, что настоящий слишком громкий успех – враг последующего. <...> Это испытал и Гоголь. <...> Театр был полон. Сначала шла драма; никто ее не слушал: от комедии ждали так много, что французская пиеска, в другое время очень бы заинтересовавшая, потеряла всю свою ценность. И вот наконец началась комедия. <...> В продолжение пиесы было несколько взрывов хохота. К концу, который на сцене выходит как-то не совсем эф<ф>ектен, стало тише и когда занавес опустили, раздалось шиканье... <...> Не доверяя[2], и вот какая нас поразила картина: рукоплескания почти не умолкали, нередко невольный хохот вырывался из уст зрителей и ясно давал знать о впечатлении, производимом пиесою: артисты, игравшие главные роли, были по нескольку раз вызваны... <...> Сочинения Гоголя на днях вы<й>дут в свет и "Женитьба" будет в руках читателей. Тогда, в тишине кабинета, вернее можно обсудить комедию, нежели со сцены, где часто один жест, одно ударение голоса может дать совершенно иной смысл тому, что хотел сказать автор. Впрочем, ошибка важная со стороны Гоголя, что он пиесу свою назвал *Комедией*. Лучше бы дать ей модное, безотчетное название *Драматического представления* или просто *Шутки*. Тогда бы критика имела менее права судить ее слишком строго. Условий *комедии* пиеса Гоголя не выполняет. Но как остроумная карикатура на нравы низшего слоя публики, по общежитию и образованию, она забавна в высшей степени. Автор хотел быть верен выводимым характерам и перенес на сцену много нечистот, неизбежных в классе людей,

которых он тронул. <...> За это автора многие осудили и довольно справедливо. Но это не лишает его пиесы интереса, истины, и того юмора, который собственно только ему свойствен. Роль невесты, Агафьи Тихоновны, играла г-жа Сосницкая и выполнила ее с совершенством... <...> Хорош был г. Мартынов, в роли Подколесина. Г. Фалеев очень верно и отчетливо выполнил небольшую роль слуги Степана»[3].

[1] См. ***1842. Декабря 9 <21>. Среда. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1842. Декабря 14 <26>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[3] Петербургские театры. Александринский театр. Женитьба. *Оригинальная комедия в двух действиях, Соч. Н. И. <так!> Гоголя.* Помешан<н>ый. *Драма в двух действиях, переведенная с французского.* (Бенефис г. Сосницкого) // Литературная Газета. 1842. 20 дек. № 50 (цензурное разрешение 19 дек.). С. 1021–1023.

1842 ДЕКАБРЯ КОНЕЦ <1843 ЯНВАРЯ НАЧАЛО>. МИРГОРОД

А. С. Данилевский отправляет ответное[1] письмо Гоголю:

«Недели две тому назад я получил письмо твое. <...> Я совершенно согласен с тобой во всем, что говоришь ты насчет Петербурга. <...> Но дело в том, где и как служить в Москве? При Голицыне, говоришь ты: прекрасно! и мне совершенно по душе; но ты забываешь, мой добрый Николай, что служить при Голицыне значит служить без жалованья, чего я теперь никак не в силах. <...> В Петербурге, мне кажется, легче найти службу с жалованьем, да и жить в Петербурге дешевле. Где найти в Москве таких благодетельных кухмистров, которые в Северной Пальмире за один рубль, а иногда и того меньше, снабжают всю нашу бедную чиновную братью подлейшим обедом?

Видишь ли: мысль моя была вступить в департамент внешней торговли: там хорошее жалованье и начальник знакомый твой кн<язь> Вяземский[2]. Другая мысль, которая, признаюсь, ласкала меня гораздо более, — это служить по министерству иностранных дел. <...> В два-три года я мог бы уразуметь итальянский и испанский языки и, может быть, со временем получил бы где-нибудь место при миссии — единственная цель моих желаний и честолюбия. Но у тебя там нет никого, кто бы взялся похлопотать за меня и помочь мне, и как ты один составляешь мои надежды, то я прихожу в отчаяние осуществить когда-нибудь мою любимую идею.

В сенате служить нет никакого у меня желания и цели. Хорошо бы начать там службу, как только вышли из Нежина, а теперь чем и как я буду служить в сенате без охоты и без жалованья, ибо жалованье в сенате равняется, как ты знаешь, такому же в наших уездных судах: столоначальники получают не более 800 руб<лей> ассигнациями.

При таких обстоятельствах устрой меня, как хочешь; согласи их, если это возможно, не забывая совсем моих желаний и выгод материальных. Москва мне очень улыбается; в ней, кажется, я был бы счастливее, нежели в Петербурге, если уж нет надежд попасть при какой-нибудь иностранной миссии.

А вот еще: не имеешь ли ты каких-нибудь проводников, чтобы доставить мне то место, которое занимал Строев при Демидове[3]. Это было бы едва ли не лучше всего. <...>

Зачем не пишешь ничего о себе: как живешь? здоров ли? где нагружаешься макаронами, фриттрами[4] и пастами? Где пьешь свою аврору? Что задумал? чем занят? При всей моей радости получить письмо твое, мне было грустно читать его: куда девались эти бесценные подробности, которые, играя со мной и закружив меня невольно, переносили к тебе, в твой третий этаж, на счастливую Via Felice. Или я сделался чужим для тебя? или думаешь, что это не даст мне прежних удовольствий?

Недавно получил письмо от Прокоповича. <...> С маменькой твоей я не видался давно за проклятою болезнью, которая около году меня не оставляет... <...> Ты спрашиваешь меня, что здесь говорят о твоей поэме. Я не вижу почти никого и никуда не выезжаю. Те немногие, с которыми имею сношение, не нахвалятся ею. Патриоты нашего уезда, питая к тебе непримиримую вражду, теперь благодарны уже за то, что ты пощадил Миргород. Я слышал между прочими мнение одного, который может служить оракулом этого класса господ, осыпавшего такими похвалами твои "Мертвые

Души", что я сначала усомнился было в его искренности; но жестокая хула и негодование на твой "Миргород" помирили меня с нею. "Как! — говорил он, — миргородский уезд произвел до тридцати генералов, адмиралов, министров, путешественников вокруг света (черт знает где он их взял!), проповедников (не шутка!), водевилиста, который начал писать водевили, когда их не писали и в Париже". Это относилось к Нарежному[5], как после объяснил он, и проч., и проч.; всех припомнить не могу! Да ты лучше поймешь, когда я скажу, что твой ласкатель и противник не кто таковский, как Василий Яковлевич Ламиковский[6]. Всего более тешило меня, что мошенник Малинка (эпитет, без которого никто не может произнести его имени), но которого *чорт не взял*, как говорил мой зять Иван Осипович, хохотал до упаду, читая "Мертвые Души" (вероятно, от меня косвенными путями к нему дошедшие) в кругу всей сорочинской bourgeoisie[7] и поповщины. "Ревизор" ему очень известен и нередко, говорят, перечитывается в том же кругу и надрывает бока смешливым молодым попам и попадьям. <...>

Прокопович обещал мне прислать твои сочинения, печатаемые под его надзором[8], и до сих пор не имею их. С Пащенком не видался очень давно; у него по-прежнему вечный флюс, что, впрочем, не мешает ему ухаживать за Старицкой, племянницей Арендта, на которой он, говорят, уже и засватан. Баранов женился, но убил бобра[9]! Трахимовский[10] на днях поехал в Житомир, куда назначен директором училищ».

[1] См. ***1842. Октября 23 <11>. Воскресенье. Рим.***

[2] Директором Департамента внешней торговли был генерал-майор Д. С. Языков. Князь П. А. Вяземский занимал в департаменте пост вице-директора.

[3] По воспоминаниям Данилевского, речь шла о Владимире Михайловиче Строеве, занимавшем место секретаря при А. Н. Демидове – богатом коллекционере и меценате, организаторе научных экспедиций (см. ***1843. Февраля 26 <14>. Воскресенье. Рим***).

[4] Фриттр – жаркое (от *ит.* frittura).

[5] Вероятно, собеседник Данилевского имел в виду комедию В. Т. Нарежного «Заморский принц, или Невеста под замком», на сюжет которой позже было написано несколько водевилей; сам Нарежный водевилей не писал.

[6] В. Я. Ломиковский, бывший чиновник (в 1829–1830 гг.) Миргородского нижнего уездного суда.

[7] Мещанство (*фр.*).

[8] В конце мая 1842 г. Гоголь поручил Н. Я. Прокоповичу наблюдать за изданием своих сочинений в четырех томах (см. ***1842. Мая 26. Вторник — июня 5. Пятница. Санкт-Петербург***). Собрание вышло в свет в январе 1843 г. (см. ***1843. Января после 4 — января средина <января после 17>. Санкт-Петербург***; ***1843. Января 26 <февраля 7>. Вторник. Санкт-Петербург***).

[9] То есть женился неудачно.

[10] Н. М. Трахимовский (Трохимовский) (род. в 1806).

1842 ДЕКАБРЯ 22 <1843 ЯНВАРЯ 3> ВТОРНИК. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщает М. Г. Карташевской:

«...Получили еще письмо от Гоголя[1], именно только что мы возвратились с импров<изации>. В этом письме он пишет больше все о своих делах, сочинениях, очень недоволен, что смели сделать сцены из "М<ертвых> д<уш>"[2] и играют их, но, между прочим, упрекает также — зачем то письмо его прочтено было кем-нибудь другим, кроме отесеньки и маменьки[3], и решительно требует, чтоб его никому не показывать, теперь будет зависеть от отесеньки, прочесть или нет его тебе, моя милая Машенька... <...>

В № 4 Современника помещено защищение *брошюрки*, говорят, ее расхвалили как только можно[4]. На днях приехал в Москву Хомяков, он совершенно согласен с брошюркой и уже спорил[5] за нее»[6].

В тот же день А. П. Елагина писала А. Н. Попову:

«Хомяков возвратился из деревни: будет живее. Прошедшее воскресенье[7] весь вечер проспорил с Герценом о Гегелевой логике. Тургенев Ал. Ив. оживляет своими горячими пустяками все беседы; <К. С.> Аксаков так на него бесится, что перестал кланяться. Лихое Православие! Мертвые Души совсем его с ума свели, и он с теми не знакомится, кто их не величает»[8].

[1] Письмо Гоголя, написанное 28 ноября (н. ст.) 1842 г., было адресовано С. Т. и О. Сем. Аксаковым; от этого письма сохранилась только часть, адресованная Ольге Семеновне (см. ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим***).

[2] См. ***1842. Сентября 9 <21>. Среда. Санкт-Петербург***; ***1842. Сентября 11 <23>. Пятница. Москва.***

[3] В письме к С. Т. Аксакову из Гастейна от 18 августа (н. ст.) 1842 г. Гоголь замечал: «Это письмо будет и для Ольги Семеновны вместе, но не показывайте его другим». Позднее в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксаков писал: «Надобно признаться, что не совсем строго было выполнено желание Гоголя, требовавшего, чтобы мы только двое с О<льгою> С<еменовной> прочли это письмо. Можно ли было не показать его Конст<антину> и старшим дочерям? Гоголь узнал об этом и был очень недоволен. Под большим секретом было оно прочтено некоторым нашим друзьям» (см. ***1842. Августа 18 <6>. Четверг. Праздник Преображения Господня. Гастейн***).

[4] Имеется в виду заметка П. А. Плетнева (см. ***1842. Сентября 2 <14>. Среда. Санкт-Петербург***).

[5] По свидетельству К. С. Аксакова в письме к Гоголю от осени 1842 г., А. С. Хомяков поддержал идею Константина Аксакова еще при зарождении замысла его статьи (см. ***1842. Ноября начало <ноября средина>. Москва***). См. также ***1842. Августа вторая половина <августа конец – сентября средина>***.

[6] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 833.

[7] 20 января 1842 г.

[8] Гоголь в письмах А. П. Елагиной // *Свод.* Т. 2. С. 134.

1843 ЯНВАРЯ 5 <1842 ДЕКАБРЯ 24>. ЧЕТВЕРГ. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь отправляет в Москву письмо к Н. Н. Шереметевой, в котором еще раз[1] благодарит ее за письмо от 21–22 октября 1842 г.[2]:

«Я вам не могу выразить всей моей благодарности за ваше благодатное письмо от 21 октября. Скажу только, великодушный и добрый друг мой, что всякий раз благодарю небо за нашу встречу и что письмо это будет вечно неразлучно со мною. <...> Не думайте <...>, чтобы вы меня не увидели, как вы упомянули в письме вашем. Если б вы вдвое были старее теперешнего, то и тогда вы не могли бы сказать этого. Всё от Бога».

[1] См. ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим.***

[2] См. ***1842. Октября 21–22 <ноября 2–3>. Среда-четверг. Москва.***

1842 ДЕКАБРЯ 24 <1843 ЯНВАРЯ 5>. ЧЕТВЕРГ. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. В. Никитенко записывает в дневнике:

«Говорят, государь очень недоволен всем случившимся в цензуре[1]. Он видит, что наделана чепуха. Этот, по-видимому, ничтожный случай действительно оставил глубокий след в умах. В цензуре теперь какое-то оцепенение. Никто не знает, какого направления держаться. Цензора боятся погибнуть за самую ничтожную строчку, вышедшую в печать за их подписью. Я рассматривал новое издание сочинений Гоголя, где между старыми его вещами помещено несколько новых, например: “Шинель”, повесть; “Женитьба”, драма; “Разъезд из театра” и прочее. Пьесы эти я представлял

комитету, и решено было их напечатать. Они напечатаны, оставалось только выдать билет на выпуск их из типографии. Это совпало с моим арестом, и комитет остановил не только новое издание Гоголя, но и напечатанный уже также роман Даля "Вакх Сидорович Чайкин"[2].

Гоголь и Даль пишут повести, а первый и комедии, в которых нападают на современные гадости. Разумеется, тут действуют разные люди: помещики, чиновники, офицеры, так же точно, как и в "Горе от ума", в "Ревизоре" и во многих других пьесах, напечатанных, игранных на театре, пропущенных самим государем, — теперь все это сделалось преступным и запретным. Комитет поручит мне составить представление министру о затруднениях, в каких он находится: он просит наставлений и руководства»[3].

29 декабря 1842 г. Никитенко также записал: «Все дни занимался сочинением представления министру <С. С. Уварову>. Комитет одобрил его, князь <Г. П. Волконский> тоже. Оно теперь переписывается[4]. Акт этот очень любопытен. Я сохраню копию с него в моих бумагах. Может быть, он будет небесполезен будущему историку нашего просвещения и литературы»[5].

В составленном Никитенко «акте» — записке по поводу издания сочинений Гоголя (подписанной князем Г. П. Волконским и представленной министру народного просвещения С. С. Уварову 4 января 1843 г.) — цензор впервые указал на связь «сатирических» произведений Гоголя с Отечественной войной 1812 г. Никитенко писал: «1812 год, возвысивший Россию на такую степень славы <...> сделал необходимее нравственные меры против всего, что остается еще от старых грехов минувшего... <...> Писатели с новым жаром и одушевлением начали выставлять на всеобщее зрелище, для осмеяния и кары, все не нравственное, нелепое, грубое в нравах и образе мыслей — тех особенно классов обществ, куда еще не вполне проник свет истинного образования. Явились "Горе от ума"[6], "Ревизор" Гоголя, "Мертвые души" его же, множество повестей и романов Булгарина, Сенковского, Бегичева, Загоскина, Даля и проч., которые все с большею или меньшею силою, с большим или меньшим талантом устремились к одной цели изображать в разных сословиях то, что не совместно с их назначением»[7].

Объяснения Никитенко, видевшего связь с 1812 годом произведений Гоголя прежде всего критического пафоса, отчасти повторяют мысли о происхождении вольнодумства, изложенные одним из осужденных декабристов, бароном В. И. Штейнгелем, в послании к Императору Николаю I от 11 января 1826 г.: «О, Государь! <...> истинный корень республиканских порывов сокрывается в самом воспитании и образовании, которые в течении 24 лет само правительство давало юношеству. <...> Общее бедствие 1812 года наклонило умы и сердца к набожности. Отселе начался период мистицизма. <...> Явились сочинения Штеллинга <Юнга-Штиллинга>[8], внушающие мысль о не ненадобности духовенства, о наружных обрядах Церкви... <...> Между тем <...> высшее заведение для образования юношества, Царскосельский лицей, дал несколько выпусков. Оказались таланты в словесности, но свободномыслие, внушенное в высочайшей степени, поставило их в совершенную противоположность со всем тем, что они должны были встретить в отечестве своем при вступлении в свет»[9].

Подобно тому, как барон Штейнгель пытался представить декабристский заговор одним из следствий 1812 года, так и объяснение Никитенко не столько характеризует действительное происхождение критического пафоса гоголевских произведений, сколько отражает противоречивую личность самого цензора, служившего под началом С. С. Уварова и одновременно поддерживавшего тесные дружеские связи с В. Г. Белинским. Именно Никитенко принадлежит «заслуга» в том, что итоговая книга Гоголя — «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), содержание которой можно назвать в полной мере патриотическим[10] (в которой, как заметил еще Н. С. Тихонравов, имеются и переклички с «Тарасом Бульбой», и прямые упоминания о войне 1812 г.), подверглась самому радикальному прещению в цензуре. (Н. С. Тихонравов указал на прямые реминисценции речей казацких атаманов, воздвигающих упадший дух воинов в седьмой, восьмой и девятой главах повести, в статьях *XV. Предметы для лирического поэта в нынешнее время, VII. Об Одиссее, переводимой Жуковским, X. О лиризме наших поэтов*[11].) В свою очередь В. И. Шенрок отмечал, что религиозность Гоголя «в некоторых местах» «Тараса Бульбы», в частности, в описании смерти атамана Кукубенко, выразилась сильнее, чем даже в «Выбранных местах из переписки с друзьями»[12]. «Выбранные места из переписки с друзьями» Никитенко, как и Белинский, рассматривал как следствие помешательства автора и предлагал сократить более чем на четверть[13]. Подобным цензурным преследованиям не подвергалось никакое другое сочинение Гоголя. 22 февраля (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал А. О. Смирновой: «Точно как бы пред глазами матери зарезали ее любимейшее дитя, так мне тяжело <...> это цензурное убийство. И <это> сделал тот самый цензор, который до того благоволил к моим произведениям...»

Очевидно, что соотнесение Никитенко «Ревизора» и «Мертвых душ» с патриотическим одушевлением 1812 года носило во многом спекулятивный характер, ибо его понимание гоголевского творчества немногим

отличалось от интерпретаций радикальной критики во главе с Белинским, с чем решительно был не согласен сам Гоголь и с чем вступил в открытую борьбу, издав «Выбранные места из переписки с друзьями»[14]. Главная причина обращения Никитенко к 1812 году заключалась в стремлении убедить министра в «благонадежности» сатирического направления литературы. Однако при таком утилитарном подходе можно было обойтись и без упоминания об Отечественной войне. К примеру, князь П.А. Вяземский вполне весомо полагал начало критического отношения к действительности, которому наследовал Гоголь, не в эпохе 1812 года, а в относительно более раннем периоде. В 1836 г. в статье, посвященной «Ревизору», он писал: «Говорят, что в комедии Гоголя не видно ни одного честного и благомыслящего лица; неправда: честное и благомыслящее лицо есть правительство, которое, силою закона поражая злоупотребления, позволяет и таланту исправлять их оружием насмешки. В 1783 году оно допустило представление *Недоросля*[15], в 1799-м – *Ябеды*, а в 1836 – "Ревизора"»[16]. Защищая гоголевскую «сатиру», Никитенко лишь использовал патриотическую риторику, чему свидетельством и служит то «цензурное убийство», которому подверг он впоследствии последнюю книгу Гоголя, с ее памятью 1812 года. Логично предположить, что близкий к западникам Никитенко вряд ли и при желании смог бы обнаружить отражение пафоса освободительной войны 1812 года в другом, не менее «позитивном» создании Гоголя – повести «Тарас Бульба»[17].

[1] Арест цензоров А. В. Никитенко и С. С. Куторги (см. ***1842. Декабря 11 <23>. Пятница. Санкт-Петербург***).

[2] Роман В. И. Даля «Вакх Сидоров Чайкин» был напечатан в 1843 г. в т. 57 «Библиотеки для Чтения».

[3] Гоголь в дневнике А. В. Никитенко // *Свод*. Т. 1. С. 727–728.

[4] См.: <*Никитенко А. В.* Представление министру народного просвещения С. С. Уварову о полном собрании сочинений Н. В. Гоголя> / Цензурное рассмотрение полного собрания сочинений Гоголя // Литературный музеум. (Цензурные материалы 1-го отд. IV секции Гос. архив. фонда). Под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пг., <1921>. Вып. 1. С. 49–66.

[5] Гоголь в дневнике А. В. Никитенко // *Свод*. Т. 1. С. 728.

[6] С цензурными сокращениями впервые опубл. в 1833 г.: Горе от ума. Комедия в четырех действиях, в стихах. Сочинение Александра Сергеевича Грибоедова. М., 1833 (цензурное разрешение 21 авг.).

[7] Цензурное рассмотрение полного собрания сочинений Гоголя // Литературный музеум. (Цензурные материалы 1-го отд. IV секции Гос. архив. фонда). Под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пг., <1921>. Т. 1. С. 62; см. также: *Сухомлинов М. И.* Из литературы сороковых и пятидесятых годов. (Появление в печати сочинений Гоголя) // Исторический Вестник. 1881. Февраль. С. 348–349.

[8] См. также ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург*** (примечания).

[9] *Щеголев П. Е.* Письма В. И. Штейнгеля к Императору Николаю I // *Семевский В. И., Богучарский В., Щеголев П. Е.* Общественные движения в России в первую половину XIX века. СПб., 1905. Т. 1. С. 489.

[10] См.: ***1847. Июля 12–15 <июня 30 – июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн*** (примечания); *Виноградов И. А.* Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя») // Литературный факт. 2017. № 5. С. 412–422; дополненная редакция статьи: *Виноградов И. А.* Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя») // Актуальные вопросы изучения духовной и светской словесности / Ред. М. И. Щербакова. РАН. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2017. Вып. 1. С. 77–94.

[11] *Гоголь 1889–1896*. Т. 1. С. 671.

[12] *Шенрок В. И.* Гоголь как художник // Киевская Старина. 1902. № 6. С. 443.

[13] О первенствующей роли А. В. Никитенко в цензурном преследовании книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» см.: *Виноградов И. А.* Неизвестные автографы двух статей Н. В. Гоголя о Церкви и духовенстве. К истории издания «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Проблемы исторической поэтики. Вып. 7: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 4. Сборник научных трудов / Петрозаводский гос. ун-т. Материалы IV Международной конференции. Июнь 2002 г. Петрозаводск, 2005. С. 219–245. – См. также ***1846. Августа 1 <июля 20>. Суббота. Эмс*** (примечания).

[14] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя: идейные предпосылки и мотивы создания // *Гоголь 2009–2010*. Т. 6. С. 419–445.

[15] Позднее сходное мнение высказывал С. П. Шевырев (см. также ***1842. Августа 10 <22>. Понедельник. Москва***).

[16] <*Вяземский П. А.*, князь> *В.* «Ревизор». Комедия. Соч. Н. Гоголя. С.-Петербург. 1836 // Современник, литтературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. 1836. Т. 2 (цензурное разрешение 30 июня). С. 309; *Свод*. Т. 1. С. 842.

[17] Подробнее об этом см.: *Виноградов И. А.* 1812 год и «Тарас Бульба»: прошедшее и настоящее в замысле Н. В. Гоголя // 1812 год и мировая литература. М.: ИМЛИ, 2013. С. 91–140; *Виноградов И. А.* 1812 год в героях «Тараса Бульбы» и «Мертвых душ» // Вестник Литературного института. 2015. № 2. С. 37–41.

1842 ДЕКАБРЯ 24 <1843 ЯНВАРЯ 5>. ЧЕТВЕРГ. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК. МОСКВА

В. П. Боткин пишет В. Г. Белинскому в Петербург:

«Не забудьте сказать Б<елинско>му, что я, положась на слова Грановского, наврал ему насчет второго издания "Мертвых душ". Все это вздор, и мне очень досадно, что я было поверил ему. А "Игроков" Щепкин получил процензурированных».

Из писем В. П. Боткина // *Свод.* Т. 3. С. 293.

1842 ДЕКАБРЯ 25 <1843 ЯНВАРЯ 6>. ПЯТНИЦА. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА. МОСКВА

А. И. Тургенев записал в дневнике:

«...К Сверб<еевым> – первая пятница. Бар<он> Черкас<ов>[1], Хомяковы, Языков, гр<афиня> Зубова, к<нязь> Гагар<ин>[2], Росетти, Аксаков, Боборык<ин>. Спор за славян – и за Россию в прошедшем. Против Аксакова – за Мертвые души и пр.»

Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 77.

[1] Барон Алексей Иванович Черкасов (1799–1855), декабрист, член Южного общества; после отбытия срока наказания определен в 1837 г. рядовым на Кавказ; 27 января 1843 г. уволен от службы; въезд в Москву был разрешен ему только в 1851 г.

[2] Князь С. И. Гагарин.

1843 ЯНВАРЯ 9 <1842 ДЕКАБРЯ 28>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Н. М. Языков отправляет в Москву ответное письмо А. С. и Е. М. Хомяковым:

«Я не нашел в Риме того мирного и вольготного житья-бытья, какое обещал мне устроить Гоголь; он великий охотник распоряжаться и хозяйничать, а распоряжается и хозяйничает крайне безалаберно и беспутно. Мне тесно и холодно; Сил<ьвестру> нет особой конурки; камин без закрышки, и тот один в двух комнатах. У меня 9°R[1]; вставать поутру в эту температуру едва ли приятно и здорово кому, едва ли больному! Ёжусь, дрожу и зеваю; Гоголь с своим носом ходит по комнате и уверяет, что нам очень тепло! Само собой разумеется, что все дела идут здесь через него, по незнанию моему и Сильв<естра> языка здешнего, и что потому вздору выходит с три короба. Его непрестанно обманывают и обирают итальянцы, которым он верит, как честным, и которых чрезвычайно уважает: деньги бросает, как сор, – и хлопочет и суетится, будучи вполне уверен, что он всех перехитривает и всё покупает дешевле других, и болезненно обижается, когда ему противоречат в чем бы то ни было. Я сижу, как полоненный, и жду нетерпеливо, когда пройдут осенние месяцы и декабрь и январь – тогда будет мне теплее и привычнее к худому порядку домашнего быта! (Всё это между нами!)[2] <...>

Погода стоит дождливая, ветреная, холодная, домоседствую, читаю Библию и повествование о России Арц<ыбашева>[3]. Он воздвиг себе вечный памятник этим трудом великим, добросовестным и преполезным. У нас очень и очень немного таких делателей. Русских новых книг и журналов здесь, кажется, нет; приезжающие и отъезжающие – большей частью наша знать – не литературная – и русского языка с собой не возит, или военщина наша манежная, от которой ничего и не требуется...

Знакомых здесь я еще не заводил: Гоголь почти что ни с кем не знаком или не знается. Но ведь мне и не нужно больших развлечений и беседований: мне всего бы лучше иметь возможность видеть Рим, а остальное время привольно сидеть дома, перекочкивая последнюю зиму за морем и надеясь времен лучших. <...>

Здесь теперь уже началась зима, пошли холода, 1-<г>о ниже ноля — с перемежками оттепели, приносимой ветром, глаголемым сирокко. Я продолжаю зябнуть и ежиться, сидя в температуре неблагорастворенной, в одной комнате у меня печь, или, паче, камин, а другая, где я сижу и нахожусь обычно, не бывает теплее + 11°. В первой бывает иногда и жарко — и пыл огненный! таким-то образом в моей квартире два разных воздуха! Это мне очень не по нутру, так сказать, но делать нечего, надо довольствоваться тем, что есть — покуда не поспеет весна, которую здесь обещают в половине февраля!

Русских в Риме множество: все, которые хотели зимовать в Неаполе, Флоренции и проч., слетелись нынче в Рим — потому что в Риме зимует Ея Высоч<ество> Герцогиня Лейхтенбергская[4]! И дело! Здесь и Перовский, герой Хивы[5], и Обуховы[6], знакомые Пин. <?>, эти последние уже давно таскаются по Италии, и в Риме зимуют вдругоряд: в столице искусства! Слышно, что Обух<овы> наняли прекраснейший Pabais <?>, будут давать вечера и балы Русским художникам, находящимся в Риме. Какой-то купец Москов<ский>[7] пожертвовал очень хорошо составленную библиотеку русских книг[8], недавно прибыла сюда последняя половина оных[9] — новые журналы: Москвит<янин> и От<ечественные> Зап<иски> тоже есть: я читаю теперь последний: кажется мой запас стиховный уже весь истощился — и на нынешнюю зиму у меня нет ни малейшей надежды!

В Рим же на зиму будет из Флоренции и бывший симб<ирский> губернатор Комаров[10] — известный подлец; он, дескать, путешествует с молодою женой[11] — и сам молодится, шнуруется, белится и румянится и, вдобавок к этому, немилосердно бьет не только своих российских лакеев, но и прислугу в гостиницах. Скажи Старику[12], что он обещал Гоголю прислать собрание *слов и описание крестьянских ремесел*, им, Стариком, составленное. Гоголь ждет[13]: ему теперь нужны эти оба предмета»[14].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «...Надо сказать, что впоследствии Гоголь жил вместе с Языковым в чужих краях, но не ужился, и, конечно, в этом должно обвинить не Языкова, у которого был характер очень уживчивый. Причиною неудовольствия был крепостной лакей Ник<олая> Мих<айловича>[15], который ходил за ним во все время болезни усердно, пользовался полной доверенностью своего господина и, по его болезни, полновластно распоряжался домашним хозяйством; Гоголь же захотел сам распоряжаться и вздумал нарушать разные привычки и образ жизни больного. Так, по крайней мере, говорили братья Языкова, к которым будто он писал сам, а также и его доверенный лакей. Когда приехал Языков на житье в Москву — я спрашивал его об этом, но он отвечал мне решительно, что это совершенный вздор и что никаких неудовольствий между ним и Гоголем не бывало. Нельзя предположить, чтобы братья Языкова выдумали эту историю; но, вероятно, преувеличили, основываясь не на письмах брата, а на письмах его камердинера. Ник<олай> Мих<айлович> Языков до кончины своей показывал искреннюю и горячую привязанность к Гоголю»[16].

[1] 11° С.

[2] См. также ***1843. Января вторая половина <января первая половина>. Рим.***

[3] Имеется в виду изд.: *Арцыбашев Н. С.* Повествование о России. Издание Московского Общества Истории и Древностей Российских под наблюдением Погодина. М., 1838–1843. Т. 1–3. Языков читал, по-видимому, первый том «Повествования о России», полученный в Риме, судя по содержанию языковского письма, в составе второй половины книг библиотеки, пожертвованной купцом А. И. Лобковым (см. примеч. ниже, а также письмо А. А. Иванова к отцу от средины декабря (н. ст.) 1845 г.: ***1845. Декабря средина <декабря начало>. Рим***). Позднее, 17 мая 1846 г., Языков писал А. А. Иванову: «*Повествования о России* соч. Арцыбашева едва ли понравятся вам: вы не найдете в нем именно того, что вам нужно — в нем же нет и русского духа и изложение крайне сухо и пошло. Читайте лучше Карамзина...» (*Гусева Е. Н.* Из переписки А. А. Иванова и Н. М. Языкова (1844–1846 гг.) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1980. Л., 1981. С. 373).

[4] Мария Николаевна, великая княгиня (1819–1876), дочь Императора Николая I, в первом браке герцогиня Лейхтенбергская, во втором браке за графом Г. А. Строгановым.

[5] Именование Н. М. Языковым графа В. А. Перовского «героем Хивы» иронично. В 1839–1840 гг. Перовский, будучи оренбургским военным губернатором и командиром Отдельного оренбургского корпуса, предпринял поход на Хиву, который оказался неудачен. Перовский был в Риме с сыном Алексеем (см. ***1843. Января 30 <18>. Понедельник. Рим***). Алексей Васильевич Перовский (род. около 1836), внебрачный сын графа В. А. Перовского и баронессы Р.; впоследствии служил при отце в Оренбурге; женился; умер молодым (см. о нем: *Юдин П. Л.* Граф В. А. Перовский в Оренбургском крае // Русская Старина. 1896. № 5. С. 423–426). Перовский был озабочен «дурными наклонностями, обнаружившимися в его побочном сыне Алеше. К тому же Алеша был тяжело болен, и отец боялся его потерять. <...> Печальная судьба Алеши, как мы слышали, была с большими изменениями будто бы воспроизведена в одном из романов... Г. П. Данилевского» (*Шенрок*. Т. 4. С. 276–277, 278). По свидетельству дочери А. О. Смирновой, Ольги Николаевны Смирновой, Перовский «претерпел много горя от побочного сына своего Алеши; он его страстно любил и баловал. В последние годы Алеша был разжалован в солдаты и умер очень рано» (*Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 6. С. 605).

[6] Имеется в виду Мария Васильевна Обухова, ее сын, отставной ротмистр Василий Васильевич Обухов, его жена Екатерина Васильевна Обухова (рожд. Обрезкова), и две племянницы В. В. Обухова, дети его сестры Софьи Васильевны (бывшей замужем за П. В. Олферьевым), Мария и Екатерина Павловны Олферьевы (Алферьевы), в младшую из которых был влюблен гравер Ф. И. Иордан (см. ***1841. Февраля 14 <2>. Воскресенье. Праздник Сретения Господня. Вечер. Рим***).

[7] Алексей Иванович Лобков (ум. в 1868), купец, благотворитель.

[8] См. также ***1840 декабря 31 <1841 января 12>. Вторник. Москва.***

[9] «Реестр книгам, отправленным из Москвы в Рим Гоголю 1841 года Июля 11 дня» М. П. Погодиным, см. в изд.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 9; см. также ***1840 декабря 31 <1841 января 12>. Вторник. Москва.*** – В числе других книг, присланы были «Соч<инения> Пушк<ина> последн<ие> 3 тома» (см. ***1840. Апреля 29. Понедельник. Санкт-Петербург***). – Первая половина книг, отправленных Погодиным, была получена в Риме в начале января (н. ст.) 1842 г. (см. ***1842. Января 23 <11>. Воскресенье. Рим***).

[10] Николай Иванович Комаров (1794–1853), симбирский гражданский губернатор с 27 февраля 1838 по 7 мая 1840 г.

[11] Мария Павловна (рожд. Микулина). (Первая жена Комарова, Софья Алексеевна (рожд. Охотникова), умерла до 1833 г.)

[12] П. М. Языкову.

[13] См. также ***1842. Конец года. Рим.***

[14] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 158–159.

[15] Сильвестр.

[16] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 714.

1842 ДЕКАБРЯ 28 <ЯНВАРЯ 9>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович отправляет письмо С. П. Шевыреву в Москву:

«Вы, я думаю, немало удивляетесь, не имея от меня никакого известия насчет соч<инений> Гоголя и тем более, что, может быть, прочитали уже в газетах объявление о выходе их? Но это объявление сделал поторопившийся книгопродавец, наживший этим хлопот самому себе, а издание, совершенно уже готовое, остановлено невыдачею из цензурного комитета билета на выпуск. Первоначальною виною всему горю сам Гоголь: пришли он последнюю статью для 4-го тома неделею раньше, и сочинения его давным-давно бы вышли без всяких хлопот, а то случилось происшествие, о котором, может быть, Вы уже слышали, происшествие, нагнавшее такой страх на весь цензурный комитет[1], что не решается не только Кн<язь> Волконский, но и Министр просвещения, как полагают, не решится *сам собою* на выпуск двух последних томов. Обвинять тут некого, всякий на их месте поступил бы точно так же, но от этого не легче бедному нашему Гоголю, да <*1 нрзб.*> заодно не легче и мне, думавшему, что вот-вот приходит конец моим бесконечным таканиям то в комитет, то с мольбами к цензору, то с бранью в типографию. Теперь трудно и предвидеть, когда все это кончится, а между тем золотое время уходит: поверите ли, что в то утро, когда был отпечатан последний лист, и я надеялся получить билет на выпуск, в то самое утро мне принесли книгопродавцы 8 т<ысяч> р<ублей>, хотя публикаций еще никаких не было? Что из всего этого будет,

один только Бог знает! И что за черный год такой на Гоголя? Хлопоты с Чичиковым, падение на здешней сцене Женитьбы и наконец последнее происшествие – все это заставляет меня радоваться его отсутствию. – Вы слышали о падении Женитьбы[2]? Да, она пала от невежества *александрынских* актеров, от невежества *александрынской* публики и наконец от кабалы, *Фетюк и комп<ания>*, приложившие тут свои руки, это было слишком явно в первом представлении; во втором представлении, говорят, пьеса была принята лучше, а в третьем и очень порядочно. <...>

Как скоро выйдет позволение на остальные т<ома>, то немедленно пришлю к Вам для препровождения по назначению Гоголя знакомым его и 200 экз<емпляров> для продажи. После Вашего письма я еще не писал к Гоголю: жду какого-нибудь окончания и, надеюсь, приятного; деньгами же он, как пишет, пока изворотился, да и лучше ему потерпеть несколько времени нужду в них, чем получить письмо такого неутешительного содержания, как это».

Гоголь в письмах Н. Я. Прокоповича // *Свод*. Т. 1. С. 584–585.

[1] Арест цензоров А. В. Никитенко и С. С. Куторги (см. ***1842. Декабря 11 <23>. Пятница. Санкт-Петербург***).

[2] См. ***1842. Декабря 9 <21>. Среда. Санкт-Петербург***.

1842 ДЕКАБРЯ 30 <1843 ЯНВАРЯ 11>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«30 <декабря>. Сред<а>. Алекс<андринский театр>. Женитьба, ком<едия>; Хочу быть актрисой, шутка-вод<евиль>; Школьный учитель, вод<евиль>. Посетителей 950. Карет 35. Прочих экипажей 19».

Репертуар Русского и Пантеон Иностранных Театров. Издатель И. П. Песоцкий. 1843. Кн. 1 (цензурное разрешение 13 января). С. 266.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

К этому периоду относится первая известная иллюстрация к «Тарасу Бульбе» – рисунок сепией Т. Г. Шевченко «Встреча Тараса Бульбы с сыновьями» (или «Приезд сыновей Тараса из бурсы»)[1]. «Сепия подписана и датирована художником 1842 годом»[2].

Впервые о рисунке упомянул в 1888 г. В. П. Горленко: «*Сцена из "Тараса Бульбы" Гоголя*. Рисунок сепией, сделанный в 40-х годах. Принадлежал петербургскому коллекционеру Н. Д. Быкову»[3]. Н. Д. Быков (1812–1884) – приятель художника В. И. Штернберга[4], скончавшегося в Риме в 1845 г.[5] «Н. Д Быков в тридцатых годах сам пытался стать художником и учился в Академии художеств: возможно, он знал Шевченко лично»[6].

[1] См.: *Мацапура М.* Нове в спадщині Тараса Шевченка // Україна. 1951. № 8. С. 30.

[2] *Коростин А., Стернин Г.* Герои Гоголя в русском изобразительном искусстве XIX века // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 840.

[3] *<Горленко В. П.> В. Г.* Картины, рисунки и офорты Шевченка // Киевская Старина. 1888. № 6. Отд. 2. С. 82.

[4] См. также ***1840. Сентября около 12–13 <около августа 31 – сентября 1>. Флоренция***.

[5] См. ***1845. Ноября 8 <октября 27>. Суббота. Рим***.

[6] *Коростин А., Стернин Г.* Герои Гоголя в русском изобразительном искусстве XIX века. С. 841.

1842 ДЕКАБРЯ КОНЕЦ – 1843 ЯНВАРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА <1842 ДЕКАБРЯ СРЕДИНА – 1843 ЯНВАРЯ НАЧАЛО>. РИМ

В Рим приезжает брат А. О. Смирновой Ар. О. Россет. Гоголь помогает ему выбрать жилье для Смирновой и ее дочерей[1].

В 1854 г. Смирнова вспоминала: «В генваре месяце брат мой Аркадий туда <в Рим> поехал для приискания мне квартиры...»[2]

В 1856 г. П. А. Кулиш, со слов Смирновой, также сообщал: «В конце декабря брат г-жи С<мирнов>ой, А. О. Р<оссет>, поехал в Рим, для приискания ей там жилья...»[3]

[1] См. ***1843. Января 14 <2>. Суббота. Рим***; ***1843. Января 26 <14>. Четверг. Рим.***

[2] <Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> // *Свод.* Т. 2. С. 229; см. также: *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 251.

[3] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 218; см. также: <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 243.

1843

ЯНВАРЯ 1 <13>. ПЯТНИЦА. ПРАЗДНИК ОБРЕЗАНИЯ ГОСПОДНЯ. МОСКВА

С. Т. Аксаков читает «Игроков» на вечере у Свербеевых.

В тот же день А. И. Тургенев записал в дневнике: «К Сверб<еевым>, там опять спор с педантиком Шевырев<ым>[1] о Западе и Востоке, сердится на меня, а обвиняет Запад. Чтение — Игроки Гоголя, отцом Аксаковых. Надувательская Россия! — Вот résumé honoré[2], а славянофилы — все-таки на Европу. Россия и <*1 нрзб.*>. Сверб<еева> беспокоилась, зачем приехал не званный!»[3]

На следующий день, 2 января 1843 г. А. И. Тургенев сообщал брату Н. И. Тургеневу: «Вечер кончил я у Свербеевых, где слышал чтение новой комедии Гоголя, автора “Мертвых душ”, “Игроки”: это — маленький шедевр в своем роде, изображающий нравы мелких русских помещиков и чиновников самым восхитительным образом. Плутни игроков и их жизнь в провинции нарисованы с натуры и по известным анекдотам. Главный обманщик поддается на обман, и автор вкладывает ему в уста отчаянное откровение о России: “*Продувательная Россия!*” *Не знаешь ли ты еще значения слова продуть — обмануть, провести кого-нибудь?* Чтец[4] был великолепен, а чтение вызвало новые споры между Шевыревым и мной; он все норовил обвинить во всем, что творится в России, — Европу, *Запад России,* и однако же предсказывал России в будущем просвещение Европы. Он не может простить мне мнения, которое высказал я о нем в письме из Парижа[5]. Это не мешает ему порой либеральничать в скучных академических рассуждениях и в “Москвитянине”»[6].

Сам Д. Н. Свербеев 2 января 1843 г. писал Н. М. Языкову[7]: «Вчера на нашей пятнице Аксаков отец прочел комедию Гоголя: “Игроки”, — разумеется, между нами не было ни одного игрока. Должно ожидать огромного успеха на театре, но дело не обойдется без великой брани. Так было и теперь еще продолжается с толками о “Мертвых Душах”. Если бы автор мог подслушать и собрать все различные суждения об этом гигантском творении; то, дав им личность и художественную форму, *скроил бы из них превосходную новую комедию-драму.* “Мертвыя Души” не нравятся, во-первых, всем мертвым душам, в которых западное воспитание и западный образ жизни умертвили всякое русское чувство. Потом восстают на него все Чичиковы и Ноздревы высшего и низшего разряда. Далее с ребяческим простодушием выходит на Гоголя Манилов, особенно Коробочка. Последние очень наивно говорят: “охота же была и сочинителю рассказывать такую дрянь, которая везде встречается ежедневно и что из этого прибыли?” Загоскины, Павловы и проч. не говорят совсем о “Мертвых Душах” и только презрительно улыбаются, когда услышат издалека одно название.

Порядочными людьми принято впрочем не упоминать об этой поэме при наших повествователях, а то всякий раз выходит какая-нибудь личность. Но все ждут второго тома, – друзья Гоголя с некоторым опасением, а завистники и порицатели, говоря: "посмотрим, как-то он тут вывернется"»[8].

В. С. Аксакова в письме к М. Г. Карташевской от 1–2 января 1843 г. также писала: «1 января. <...> "Женитьба" и "Женихи" – это всё одна и та же пьеса[9]. Мы также слышали о неуспехе ее, но теперь пишут в "Литер<атурной> Газет<е>" совсем другое, как мы слышали[10]. Я тебе писала, что ее читал отесенька нам вслух, и писала тебе, что она так же хороша, как и все, что Гоголь ни пишет. Что касается до неприличности, отесенька ее нам читал вслух, я так и не знаю, что именно, но отесенька говорит, что в этой пьесе неприличного, конечно, не более "Ревизора", а "Ревизор" восхищал прежде и высших слушателей. – Скоро ее будут давать здесь[11], очень любопытно, какое произведет она действие. Писать тебе ее содержание долго, но всё прекрасно. Есть еще комедия "Игроки", или, лучше, "Сцена из жизни игроков". Это как отрывочный эпизод, и так же удивительно, как всё естественно!

Сегодня отесенька читает ее у Свербеевых, у которых уже начались пятницы, хотя не все еще вечера начались, но движения много, нынешний год много новых людей вошло в это общество, людей с направлением Западным, составляющим совершенную противоположность с нашим Московским, и теперь запад с востоком состязаются. <...>

2 января. <...> Вчера вечер просидела у нас Павлова, а отесенька читал между тем "Игроки" у Свербеевых, и, говорят, это чтение произвело самое сильное действие; все были в восхищении и от пьесы и от чтения, но было две партии: одни восхищались и смеялись от души, другие же утверждали, что, как эхо ни прекрасно, положение России тут так ужасно, что нельзя иметь духу смеяться. Признаюсь, мне всегда очень смешны эти последние, так соболезнующие о состоянии России, особенно смешны те дамы, которые это повторяют.

Но именно вообще пьесы Гоголя, особенно эта, должны быть прочтены хорошо, чтоб быть почувствованы вполне; прочтя про себя, она много потеряет. Мне говорил отесенька, что хорошо, если б можно было сделать общее чтение "Мер<твых> Душ" по одной главе в вечер, и я уверена, что все были бы в восхищении, и даже те именно, которым не нравятся теперь»[12].

[1] Мнение о «педантизме» С. П. Шевырева было пущено в ход В. Г. Белинским в неприязненном памфлете против него «Педант. Литературный тип», напечатанном в № 3 «Отечественных Записок» за 1842 г. (под псевдонимом Петр Бульдогов).

[2] Достойное резюме (*фр.*).

[3] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 77.

[4] С. Т. Аксаков.

[5] Возможно, имеется в виду следующий отзыв А. И. Тургенева о С. П. Шевыреве в письме к князю П. А. Вяземскому от 8 февраля (н. ст.) 1842 г. из Парижа: «Встретился с Шевыревым, который ругает Францию и уверяет, что Россия будет служить ей *идеалом* и спасется своей внутренней жизнью от гибельной ее литературы; а сам кувыркается перед самым развратным представителем ее словесности: перед Бальзаком» (*Мильчина В. А., Осповат А. Л.* Гоголь по материалам архива братьев Тургеневых // Шестые тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 62; *Свод.* Т. 3. С. 88). См. статью С. П. Шевырева «Парижские эскизы. Визит Бальзаку» (Москвитянин. 1841. Ч. 1. № 2. С. 357–383).

[6] Из писем А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 87–88.

[7] Свербеев по женской линии приходился троюродным братом Языкову.

[8] Из писем Д. Н. Свербеева // *Свод.* Т. 3. С. 844–845.

[9] Письмо является ответом на послание М. Г. Карташевской к В. С. Аксаковой от второй половины декабря 1842 г. (см. ***1842 декабря вторая половина <1842 декабря конец – 1843 января начало>. Санкт-Петербург***).

[10] См. ***1842 декабря 20 <1843 января 1>. Воскресенье. Санкт-Петербург.*** – См. также письмо В. Г. Белинского к В. П. Боткину от 9–10 декабря 1842 г.: ***1842. Декабря 9 <21>. Среда. Санкт-Петербург.***

[11] Премьера «Женитьбы» на сцене московского Большого театра состоялась 5 февраля 1843 г. (см. ***1843. Февраля 5 <17>. Пятница. Москва***).

[12] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 834–835.

ЯНВАРЯ 14 <2>. СУББОТА. РИМ

А. А. Иванов пишет Ф. А. фон Моллеру:

«Получил я ваше последнее письмо накануне нашего нового года. Вечером читал его Н. В. Гоголю – мы радовались. Но в то же время Гоголь сказал, что он видел Амалию[1] в окно весьма похудевшею: она больна (кашляет). Я тоже слышал, что она, вспоминая вас, весьма тоскует, хотя и в связи с Орловым[2] на тех же условиях, что и с вами, но он не живет у них. Это все равно, потому что влюбленный в нее Орлов признался в своей страсти Шаповалову, взяв с него слово отнюдь никому об этом не говорить[3]. Мне он, однако ж, не мог не сказать, потому что между нами ничего нет тайного, а я вам говорю здесь по той же причине. Орлов говорит, что Амалия когда вспоминает об вас, то вздыхает и плачет, а меня проклинает. Я встретил Амалию в первый раз недель с пять назад, шедши скорым шагом, вечером, от Гоголя. Она мне закричала в негодовании: "Corri, corri! Possi esser scannato"[4]. Я смолчал. Месяц назад я опять ее встретил, днем, с матерью и Констанцей, на площади S. Giovanni Laterano, – она мне говорит: "Addio, s-re Alessandro, buona sera"[5], а потом вполголоса: "Si ricordera[6]..." Шедши скоро, я не слыхал остальных слов. Тогда она казалась мне весьма здоровою – они все были так разряжены, что я едва узнал их с первого взгляда. Я спрашивал Н. В. Гоголя, что теперь мне делать? как поступить? Он опять говорит, что не нужно, чтобы вы приезжали в Рим. Все эти подробности я сегодня решился сообщить вам. <...> Признаюсь вам откровенно, что как ни важны материальные пособия, доставленные мне посредством вас от Государя, но беспокойства душевные едва ли позволят мне пользоваться ими»[7].

В тот же день, 14 января (н. ст.) 1843 г., брат А. О. Смирновой Ар. О. Россет писал ей во Флоренцию:

«...Уведомляю вторично, любезная Сашинька, что здесь все готово для твоего приема. Нанят на Forum Trojano малый palazzo Valentini; за один месяц я заплатил вперед; вчера по описи принял вещи и поместил нанятого мною человека, который там моет, чистит и вытирает. Хотя эта квартира считается в Риме из лучших, все-таки она в сравнении с Петербургскими грязна, и я не совсем уверен в хорошем первом впечатлении, которая она сделает, особенно если приедешь не в солнечный день»[8].

[1] А. Лаваньини.

[2] Пимен Никитич Орлов (1812–1864), художник. Прибыл в Рим около конца 1841 г. (см.: П. Н. Орлов // Художественная Газета. 1841. № 16 (цензурное разрешение 18 авг.). С. 1–4).

[3] В конце ноября 1843 г. Ф. А. фон Моллер писал А. А. Иванову из Неаполя: «Шаповалову я прошу сказать, что если Орлов будет говорить еще с ним о *ребенке*, то сказал бы он ему, что он наверное знает, *что я его не признаю своим, ибо обдумав все обстоятельства, я совершенно убедился в том, что он не может быть моим; вследствие чего не хочу и знать ничего об этом ребенке*» (*Свод*. Т. 3. С. 333).

[4] Беги, беги! Чтоб тебя задавило! (*ит.*).

[5] Прощайте, синьор Александр, добрый вечер (*ит.*).

[6] Попомнишь (*ит.*).

[7] Из писем А. А. Иванова // *Свод*. Т. 3. С. 332.

[8] Гоголь в письмах А. О. Россета к А. О. Смирновой // *Свод*. Т. 2. С. 366.

ЯНВАРЯ 3 <15>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В № 1 «Литературной Газеты», в фельетоне «Журнальная амальгама – (проводы 1842 года)», говоря о театральных итогах, безымянный автор пишет:

«В театрах наших 1842 год, кажется, держался правила римлян: finis coronat opus! (конец венчает дело). Он принес нам "Руслана и Людмилу" Глинки, очаровательный балет "Жизель", народную карикатуру Гоголя – "Женитьба"».

В тот же день состоялось представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ЯНВАРЯ 5 <17>. ВТОРНИК. КРЕЩЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщает М. Г. Карташевской:

«Критика в "Современнике" написана не тем, кто писал критику на М<ертвые> Д<уши>. Про статью Сенковского[1] говорят, что она очень забавна. — <...> Ждали сочинения Г<оголя>, вместо 4 томов вышло только два, другие два задержаны[2]. Что будет? — В понедельник отесенька читал вслух у нас комедию "Игроки"; чтение было чудесное, а эта пьеса требует именно хорошего чтения, и тут она явилась в полном своем блеске. Сама пьеса чудесна! но Бог даст, если будет все благополучно, ты приедешь и ты услышишь все, моя милая Машенька. Из наших слушателей, кроме Павловой, ни один не умел оценить, почувствовать ее достоинства. — Напрасно ты думаешь, моя милая Машенька, что запрещение Г<оголя>[3] дано только для того, чтобы не дать явного согласия, напротив, оно дано так определительно, он так недоволен тем, что кроме отесеньки и маменьки читал кто-нибудь третий; он требует даже, чтобы они сами его письма забыли теперь».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 836.

[1] <*Сенковский О. И.*> Похождения Чичикова, или Мертвые Души. Поэма Н. Гоголя. *Москва, в тип. Университетской, 1842, в 8. Том первый, стр. 475* // Библиотека для Чтения. 1842. Т. 53. Ч. 2. № 8. Отд. 6. С. 24–54.

[2] 1-й и 2-й тома собрания вышли в свет в средине января 1843 г. (см. ***1843. Января после 4 — января средина <января после 17>. Санкт-Петербург***); остальные два тома — около 26 января 1843 г. В этот день Н. Я. Прокопович, отправляя из Петербурга в Москву экземпляры вышедшего собрания, спрашивал С. П. Шевырева, получил ли тот посланные ранее по почте «1 и 2-й томы» (см. ***1843. Января 26 <февраля 7>. Вторник. Санкт-Петербург***).

[3] См. письмо Гоголя к О. Сем. Аксаковой от 28 ноября (н. ст.) 1842 г. из Рима: ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим***.

ЯНВАРЯ 6 <18>. СРЕДА. ПРАЗДНИК КРЕЩЕНИЯ ГОСПОДНЯ. РУЗА

Н. Н. Шереметева заканчивает и отправляет письмо к Гоголю в Рим, начатое 25 декабря 1842 г. (письмо не сохранилось).

См. ***1843. Февраля 12 <24>. Пятница. Покровское, Москва***.

ЯНВАРЯ 8 <20>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Женитьбы» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 253. — См. также ***1843. Января 26 <февраля 7>. Вторник. Санкт-Петербург***.

ЯНВАРЯ 12 <24>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ф. А. фон Моллер пишет А. А. Иванову в Рим:

«Прошу вас покорнейше доставить вложенное здесь письмо Николаю Васильевичу, которому при этом случае прошу засвидетельствовать мое почтение. <...> Не забудьте, пожалуйста, отослать поскорее письмо к Гоголю»[1].

В письме к Гоголю, которое было вложено в послание к Иванову, Моллер писал:

«Начинаю с того, что прошу Вас письмо это прочесть *без свидетелей*; оно будет доставлено Вам Ивановым, которому, однако ж, содержание его *неизвестно*. Зная Вашу дружбу к любезному нашему Александру Андреевичу, я уверен, что Вы не откажетесь с возможною осторожностью сообщить ему печальную весть о болезни и кончине почтенной его матушки, воспоследовавшей к вечеру 6-го января. <...> Через неделю получит Иванов от меня и отца своего письмо[2] с подробнейшими известиями».

[1] Гоголь в письмах Ф. А. фон Моллера // *Свод*. Т. 3. С. 387.
[2] См. ***1843. Января 20 <февраля 1>. Среда. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 26 <14>[1]. ЧЕТВЕРГ. РИМ

В Рим по приглашению Гоголя[2] на три с лишним месяца[3] приезжает из Флоренции А. О. Смирнова с дочерьми Ольгой (1834–1893), Софьей (1836–1884) и Надеждой (1840–1899), а также с гувернанткой старших дочерей Марией Яковлевной Овербек (ум. в 1887), няней младшей дочери Надеждой Степановной и девушкой-горничной.

20 апреля (н. ст.) 1843 г. Смирнова сообщала В. А. Жуковскому: «Я в Риме уже три месяца...»[4]

В 1854 г. Смирнова вспоминала: «...В конце <...> <января> месяца я отправилась с детьми <...> в Рим. <...> Начало вечереть, проехали Ponte Malvo и въехали после пятидневного похода в Porta del Popolo. Остановились у гауптвахты, где заплатили за догану[5] и получили письмо от брата с направлением, куда ехать. Смеркалось, вокруг фонтана и по Corso тянулись еще экипажи римлян, и мы тоже потянулись за ними вдоль по длинному Corso, повернули налево и остановились на Piazza Troiana у Palazetto Valentini. Верхний этаж был освещен. На лестницу выбежал Н<иколай> В<асильевич> с протянутыми руками и лицом, исполненным радости. "Все готово, — сказал он, — обед вас ожидает, и мы с Аркадием Осиповичем[6] уже распорядились. Квартиру эту я нашел, воздух будет хорош, Corso под рукой, а что лучше всего, вы близко от Колизея и Foro Boario". Немного поговорили, и он отправился домой с обещанием прийти на другой день»[7].

4 июля (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал Смирновой из Карлсбада: «Благодарите Бога вперед за всё. Ваши болезненные страдания я [все] уже знаю и все их почти испытал. Эти болезненные страхи, эти непонятные беспокойства, эти беспрестанные ожидания чего-то страшного, долженствующего сей же час разразиться, — всё это уже у меня было, хотя я и скрывал это в себе и не показывал наружно. Это было еще тогда, когда вы были в Риме. Но вслед за тем настает ясность и светлость в душе, и ум проясняется в несколь<ко> крат больше».

В 1854–1855 гг., Ф. В. Чижов рассказывал П. А. Кулишу: «...По какому-то непонятному для самого меня внутреннему упрямству, я, в свою очередь, отталкивал Гоголя. Все это, разумеется, было в мелочах. Например, бывало, он чуть не насильно тащит меня к С<мирнов>ой; но я не иду и не познакомился с нею (о чем теперь искренно сожалею) именно потому, что ему хотелось меня познакомить. Таким образом мы с ним не сходились. Это, пожалуй, могло случиться очень просто: Гоголь мог не полюбить меня, да и все тут. Так нет же: едва, бывало, мы разъедемся, не пройдет и двух недель, как Гоголь пишет ко мне и довольно настойчиво просит съехаться, чтоб потолковать

со мной о многом... <...> Не знаю, <...> каков он был у А. О. С<мирнов>ой, которую он очень любил и о которой говаривал всегда с своим Гоголевским восхищением: "Я вам советую пойти к ней: она очень милая женщина"»[8].

Во второй половине 1850-х гг. Г. П. Галаган вспоминал: «Были избранные, которых он <Гоголь> посещал, и более всех, кажется, Г-жу Смирнову, которою он, как все тогда думали, очень увлекался, хотя об ней Гоголь совершенно избегал говорить при мне как человеке почти постороннем. Говорили между русскими, что он в нее влюблен. Мне любопытно было ее видеть, и, увидевши ее, понял, что действительно можно было ею увлечься»[9].

Возможно, в период пребывания Смирновой в Риме Гоголь рассказывал ей и ее брату Ар. О. Россету случай с московским полицеймейстером, сдерживавшим «народ» и пропускавшим вперед «публику»[10].

Из знакомых Смирновой в Риме, с которыми мог общаться Гоголь, здесь, возможно, находилась вдова Д. В. Дашкова Елизавета Васильевна, с детьми – Анной, Дмитрием и Андреем[11].

[1] См. ***1843. Января 30 <18>. Понедельник. Рим*** (примечания).
[2] См. ***1842. Ноября 30 – декабря начало <ноября 18 – двадцатые числа>. Флоренция***; ***1842. Декабря 17 <5>. Суббота. Рим.***
[3] См. ***1843. Мая 2 <апреля 20>. Вторник. Радоница. Рим*** (примечания).
[4] Из писем А. О. Смирновой // *Свод*. Т. 2. С. 196.
[5] Таможня (*ит.*).
[6] Ар. О. Россет, брат Смирновой.
[7] <Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> // *Свод*. Т. 2. С. 229–230; см. также: Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 2. С. 218; <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод*. Т. 2. С. 243–244; *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод*. Т. 2. С. 251.
[8] Воспоминания Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 3. С. 46–47.
[9] *Галаган Г. П.* Воспоминания о Гоголе // *Свод*. Т. 3. С. 71.
[10] См. ***1841 октября 17 – 1842 мая 23. Москва.***
[11] См. ***1844. Сентября 26 <октября 8>. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания).

ЯНВАРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА <ЯНВАРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА>. РИМ

Н. М. Языков пишет родным:

«Холодно мне и скучно и даже досадно, что я согласился на льстивые слова Гоголя и поехал в Рим, где он хотел и обещался устроить меня, как нельзя лучше; на деле вышло не то: он распоряжается крайне безалаберно, хлопочет и суетится бестолково, почитает всякого итальянца священною особою, почему его и обманывают на каждом шагу. Мне же, не знающему итальянский язык, нельзя ничего ни спросить, ни достать иначе, как чрез посредство моего любезнейшего автора "Мертвых Душ"; я же совещусь его беспокоить и вводить в заботы, тем паче, что из них выходит вздор».

Из писем Н. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 160.

ЯНВАРЯ ПОСЛЕ 4[1] – ЯНВАРЯ СРЕДИНА[2] <ЯНВАРЯ ПОСЛЕ 17>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вышли из печати первый и второй тома «Сочинений» Гоголя.

[1] См. ***1842 декабря 24 <1843 января 5>. Четверг. Рождественский сочельник. Санкт-Петербург.***
[2] Ср. ***1843. Января 26 <февраля 7>. Вторник. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 27 <15>. ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголь в присутствии А. О. Смирновой составляет записку о предполагаемом осмотре ею римских достопримечательностей (план был осуществлен в течение последующих девяти-десяти дней, до 5–6 февраля (н. ст.) 1843 г.)[1]:

«Куда предстоит Александре Осиповне наведываться между делом и *бездельем*, между визитами и проч. и проч.

Если случится близ piazza Barberini[2], то к скульпторам в студии: к Тенерани[3], Финелли[4], Биенеме[5].

Если дождливая или несколько пасмурная погода, то в *галерею Боргезе*[6] (если только еще нет трех часов), в *галерею Шиара*[7]. На выставку у piazza Popolo[8].

Если хорошая, на виллы:

вилла Памфили   вилла Матей[9]
"   Монте Марио   "   Мильс.

К S-to Giovanni Latran[10] и оттуда к Porta Maria Maggiore[11], для видов на горы и окрестности.

К дубу Тасса[12] (которого уже нет). Рассмотреть в церкви монастыря S-t Onufrio[13] фрески».

В тот же день Гоголь в дневниковых записках, озаглавленных им «Путешествие Александры Осиповны», пометил:

«Петр. Оказался велик. Замечен Пантеон. Колизей. Найден прелесть».

В 1854 г. Смирнова вспоминала: «В самом деле <на другой день Гоголь> пришел в час, спросил бумажку и карандаш и начал писать, куда следует понаведываться чаще Александре Осиповне и с чего начать. Были во многих местах и кончили Петром; он возил бумажку с собой и везде отмечал что-нибудь, например: *Петром осталась довольна Александра Осип<овна>*. <...>

Один раз, гуляя в Колизее, я ему сказала: “А как вы думаете, где Нерон сидел? Вы это должны знать, и как он сюда являлся, пеший, в колеснице или на носилках?” Гоголь рассердился: “Да что вы ко мне пристаете с этим мерзавцем! Вы воображаете, кажется, что я в то время жил; вы воображаете, что я хорошо знаю историю. Совсем нет. Историю никто еще так не писал, чтобы живо можно было видеть или народ, или какую-нибудь личность. Вот один Муратори понял, как описывать народ; у него одного чувствуется все развитие, весь быт, кажется, Генуи; а прочие все сочиняли или только сцепляли происшествия; у них не слышится никакой связи человека с той землей, на которой он поставлен”. Потом продолжал уже разговор об истории и, советуя мне прочесть *Cantu* <“Историю республики”>, прибавил: “Histoire universelle”[14] Боссюэта <превосходна, но> написана с одной духовной точки, в ней не видна свобода человека, которому Бог предоставил действовать или хорошо, или дурно; он был католик. Guizot написал хорошо также “Histoire des Revolutions”, но слишком с феодальной точки. Надобно бы найти середину и написать ярче, придать более выпуклости. Я всегда думал написать географию; в этой географии можно бы было увидеть, как писать историю. Но об этом после, друг мой, я заврался, а скажу вам между прочим, что подлец Нерон входил в эту ложу в золотом венке и в том костюме, в котором вы его видели в Ватикане”[15]. Но не часто и не долго он говорил; обыкновенно шел один поодаль от нас, подымал камушки, срывал травки или, размахивая руками, попадал на кусты и деревья...»[16]

[1] См. ***1843. Февраля 5–6 <января 24–25>. Воскресенье-понедельник. Рим.***
[2] Площадь Барберини.
[3] См. ***1843. Февраля 5–6 <января 24–25>. Воскресенье-понедельник. Рим.***

[4] Карло Финелли (1782–1853), итальянский скульптор.
[5] Луиджи Бьенэме (1795–1878), итальянский скульптор.
[6] См. ***1843. Февраля 3 <января 22>. Пятница. Рим.***
[7] Sciara. – См. ***1843. Января 28 <16>. Суббота. Рим.***
[8] Народная площадь.
[9] См. ***1843. Января 31 <19>. Вторник. Рим.***
[10] Базилика Св. Иоанна Латеринского. – См. ***1843. Января 31 <19>. Вторник. Рим.***
[11] Ворота Св. Марии Маджоре (Великой).
[12] См. также ***1839. Февраля 5 <января 24>. Рим. Вторник.***
[13] Монастырь Св. Онуфрия. – См. ***1843. Февраля 1 <января 20>. Среда. Рим.***
[14] Всеобщая история (*фр.*).
[15] Ср. в письме Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «Между прочим, я скажу вам, что мерзавец Нерон являлся в Колизей в свою ложу в золотом венке, в красной хламиде и золоченых сандалях; он был высокого роста, очень красив и талантлив, пел и ак<к>омпанировал себе на лире; вы видели его статую в Ватикане, она изваяна с натуры» (*Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод*. Т. 2. С. 256).
[16] <Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> // *Свод*. Т. 2. С. 230–231; см. также: Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 2. С. 218; <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод*. Т. 2. С. 244; *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод*. Т. 2. С. 256.

ЯНВАРЯ 15 <27>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

А. И. Тургенев записал в дневнике:

«У меня были Хомяк<ов> и Бестужев (Андр<ей> Вас<ильевич>) о Гоголе...»

Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод*. Т. 3. С. 77.

ЯНВАРЯ 28 <16>. СУББОТА. РИМ

Гоголь в дневниковых записях «Путешествие Александры Осиповны« (Смирновой) пометил:

«С у б б о т а. Галерея Шьяра. Рафаэля музыкант. Леонарда Vanita[1] и Тицианова красавица. Пантеон, внутренность. Заме<че>н в лестном для Пантеона виде. Gesu[2], колонны, лапис и круг. S. Ignazio[3]. Заключено Петром, оказался еще лучше. Farnesina»[4].

В 1854 г. А. О. Смирнова вспоминала: «Таким образом он меня водил целую неделю и направлял всегда так прогулки, что кончалось все Петром, это так следует: на Петра никогда не наглядишься, хотя фасад у него и *комодом*»[5].

Из письма Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «При входе в Петра Гоголь подкалывал свой сертук, и эта метаморфоза преобразовывала его во фрак, потому что кустоду приказано было требовать церемонный фрак из уважения к Апостолам, Папе и Микель-Анджело»[6].

Возможно, в тот же день, «на другой день после посещения Колизея»[7], Смирнова поделилась с Гоголем «тревогами своей совести»[8].

[1] Картина Б. Луини «Тщеславие и скромность», приписывавшаяся в прошлом Леонардо да Винчи.
[2] Церковь Иисуса, памятник барокко.
[3] Собор Св. Игнатия Лойолы.

[4] Вилла Фарнезина.

[5] <Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> // *Свод.* Т. 2. С. 230; <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 244.

[6] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 252.

[7] См. ***1843. Января 27 <15>. Пятница. Рим.***

[8] См. ***1843. Марта 6 <февраля 22>. Понедельник. Начало Великого Поста. Рим.***

ЯНВАРЯ 29 <17>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

Гоголь в дневниковых записях «Путешествие Александры Осиповны» пометил:

«В о с к р е с е н и е. S. Paolo[1]. Древние мозаики и новые мраморы. Клаузура помешала видеть внутренность дворика, оглянутого, однако ж, в дверь. По дороге к Паоло видели старин<ную> церковь – Bocca della Verita[2] или Cosmedina[3]. Подъем <в> церковь. Мозаики пол и подсвешники, выучились архитек<ту>р<ным> ордерам. Храм Весты, возвратились из Paolo через Monte Testaccio»[4].

Из письма А. О. Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «Ходили на Monte Testaccio и осмотрели погорелые остатки этой древней и великолепной церкви San Paulo Fuori le Mura. Англ<ичанин> Robert написал сцену этого бедствия: два монаха с выражением ужаса проходят среди падающих камней и бревен. На Monte Testaccio под рукой San Paulo Fuori le Mura составляют настоящую гору битых посуд, в которой жгли трупы рабов. Патрициев сжигали, но их пепел хранился в колумбариях с надписью каждого. Эти колумбарии и теперь посещаются любопытными. Мы были в одном из них и видели урны, в которых сохраняются эти бренные останки; даже под носом без стыда унесли урну и лампадку»[5].

По позднейшему свидетельству дочери Смирновой Ольги Николаевны, Гоголь однажды записал: «Сестрицы собирают цветы в Villa Doria Pamphili. На днях я в первый раз увидел С<офью> Н<иколаевну>[6] в азарте: это было в Villa Doria Pamphili, – цветов пропасть: анемоны и фиалки, цветущий ковер под Пинами; С<офья> Н<иколаевна> бросилась собирать, даже закричала от удовольствия, собрала букет величиной с Петра и даже упала под тяжестью добычи. С О<льгой> Н<иколаевной> было приключение другого рода: она украла косточку из ящика в колумбаре famiglia dei Scipioni и спрятала в кармане; ее нашли вечером и побранили; она заплакала. Кому же принадлежала эта косточка, неизвестно, – отдать ее нельзя. А<лександра> О<сиповна> простила О<льгу> Н<иколаевну> и позволила сохранить эту драгоценность на память неизвестного Сципиона. Я полюбопытствовал, спросил, почему О<льга> Н<иколаевна> ее взяла; она мне сказала, что она, т. е. косточка, такая чистенькая и беленькая и лежала под рукой в ящике из мрамора, – вот и все[7].

Сестрицы[8] целое утро копаются, у них даже лопаточки и мешочки, в садах импер<атора> Ливия. С<офья> Н<иколаевна> нашла чистенький желтенький кусочек мрамора. О<льга> Н<иколаевна> копеечку времен имп<ератора> Тиверия[9]; они все ищут мрамор. А<лександра> О<сиповна> обещает им подарить столик из мрамора, найденного ими, и presse-papier. Они готовят presse-papier в подарок отцу. Днем они собирают цветы; Марья Яковлевна[10] составляет гербарий. С<офья> Н<иколаевна> не любит сухие цветы; они ей жалки. О<льга> Н<иколаевна> выспрашивает имена, любит сказки. Марья Яковлевна рассказывает им Римскую историю, гуляя по Риму. О<льга> Н<иколаевна> спросила у меня, знаю ли я про Гусей и даже про Брута. С<офья> Н<иколаевна> негодует, что Тарквиний палкой бил по цветам[11] и портил их. До этих премудростей еще не дожила Н<адежда> Н<иколаевна>, а кошки и папа ее занимают. Я посоветовал О<льге> Н<иколаевне> давать сестрицам уроки рисования и Марья Яковлевна очень это одобрила. Я привел, по совету Иванова, signor Fedi. Они рисуют углем, пачкают свои пальцы, но все-таки они уже умеют держать в ручонках карандаш, и глазомер развивается. О<льга> Н<иколаевна> все рисует в большем виде, С<офья> Н<иколаевна> в меньшем; они читают и пишут даже, любят сказки; наказаний мало, одно только: вместо V<ia> Doria гуляют по Via Pia, это своего рода наказание. Марья Яковлевна настоящий клад»[12].

В 1893 г. О. Н. Смирнова сообщала: «Гоголь, которого я встречала беспрестанно в Риме, в Ницце, в Бадене, был для меня свой человек и считался у нас обычным явлением. <...> Гоголь также нам казался веселым, так как часто шутил с нами. (Моя маленькая сестра <Надежда> почувствовала внезапную страсть к Гоголю в Риме,

и он играл с нею. <...>). Вообще в то время он еще не был так нездоров, хотя уже в Риме к нему привязалась *malaria*[13] <малярия>»[14].

[1] Базилика Св. Павла (V в.).
[2] Уста Истины (площадь в Риме).
[3] Церковь Св. Марии в Космедина (XIII в.).
[4] Холм Тестаччио.
[5] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 257.
[6] «Моя сестра, ровесница мне» (примеч. О. Н. Смирновой).
[7] «Эта драгоценность у меня: я сама не знаю, почему она мне показалась драгоценностью» (примеч. О. Н. Смирновой).
[8] «Т. е. я и сестра Соня« (примеч. О. Н. Смирновой).
[9] «Она у меня» (примеч. О. Н. Смирновой).
[10] «Мисс Овербек, гувернантка» (примеч. О. Н. Смирновой).
[11] Имеется в виду эпизод из легендарной римской истории, когда последний царь Древнего Рима Тарквиний Гордый (534/533 – 510/509 до Р. Х.), желая показать сыну, как тот должен поступить с влиятельными людьми города Габии, молча сбивал в саду самые высокие головки цветов мака. Ср. в повести Гоголя «Вий»: «Богослов <Халява> и философ <Хома Брут> шли молча, куря люльки; ритор Тиберий Горобець сбивал палкою головки с буряков, росших по краям дороги».
[12] <Воспоминания О. Н. Смирновой о Гоголе в статье В. И. Шенрока «А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь» (1888)> // *Свод.* Т. 2. С. 303–304; см. также: Приложение. I. Приписываемое Гоголю. <Заметки о А. О. Смирновой и ее детях в Риме (с примечаниями О. Н. Смирновой)> // *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 718–719.
[13] См. также ***1840. Августа вторая половина – конец <августа начало – средина>. Вена***; ***1843. Ноября около 18 <6>. Генуя***; ***1852. Марта 16. Воскресенье. Санкт-Петербург.***
[14] *Смирнова О. Н.* Предисловие / *Смирнова О. Н.* Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.) // *Свод.* Т. 2. С. 321.

ЯНВАРЯ 17 <29>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ф. А. фон Моллер отправляет в Рим письмо к А. А. Иванову, в котором «содержится указание на не дошедшее до нас письмо Моллера к Гоголю».

Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 638; *Свод.* Т. 3. С. 386.

ЯНВАРЯ 30 <18>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь в дневниковых записях «Путешествие Александры Осиповны» пометил:

«П о н е д е <л ь н и к>. Ватикан. Нил с ребятишками. Минерва Медика. Римская дама. Аполлон. Madonna di Foligno[1]. Преображенье[2]. – Петр».

В тот же день А. О. Смирнова сообщала князю П. А. Вяземскому:

«Мы живем Forum Trajaniani, palazetto Valentini. Солнце на нас смотрит во все глаза с утра до вечера. Комнаты миленькие, довольно уединенно и вместе близко от шумного Корсо. <...> Вот материальное устройство, а это статья важная для дряхлой старушки, у которой голова болит ежедневно с тех пор как я скитаюсь, да и еще есть другие недуги. Но смотря на них и не слушая их, всякий день в час является к нам Гоголь, и мы странствуем[3], располагаясь таким образом, чтобы видеть всякий день церковь, галлерею и кончить прогулкой, т. е. древностию или виллой и видом. Гоголь лучше покойника Ниббис[4] и его замещающего Висконти[5]; лишнего не говорит и не показывает, оставляя впечатления совершенно свободными. *Пишу я дурно, а по-русски еще хуже* и потому не буду ничего

писать о том, что тут в душе происходит. Наконец я познакомилась с древностию и с Рафаэлем, о котором понятия не имела; Мадонн его, разбросанных по галлереям, я никогда не любила, от <того> что есть только *одна*[6], и эта здесь»[7].

Из письма Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «В Сикстовой капелле мы с ним любовались картиной Страшного суда. Одного грешника тянуло то к небу, то в ад. Видны были усилия испытания. Вверху улыбались ему ангелы, а внизу встречали его чертенята со скрежетанием <*1 нрзб.*> зубов. “Тут история тайн души, – говорил Гоголь. – Всякий из нас раз сто на день то подлец, то ангел”»[8].

По позднейшему свидетельству дочери Смирновой, Ольги Николаевны, Гоголь однажды записал: «А<лександра> О<сиповна> взяла с собой в Ватикан Марью Яковлевну и сестриц; они исчезли; мы их искали долго, очень испугались. В<асилий> А<лексеевич>[9] нашел О<льгу> Н<иколаевну>, она вскарабкалась на Нила, ей хотелось стащить одного маленького мальчика, – вот ее объяснение[10]; custode стоял при ней и от души смеялся. С<офью> Н<иколаевну> нашел я в Giardino della Pigna, при ней стоял monsignore; она беззаботно рвала цветы папы Григория VI <XVI> и объяснила нам, что этот старичок в белом, т. е. папа, ей позволил рвать цветы, а что другой старичок в лиловых чулочках, т. е. monsignore, ей помогает. <...> Farnesina, Галатея и фрески большого дворца Farnese убедили А<лександру> О<сиповну>, что и в Риме есть Рафаэли, подходящие к ее идеалу[11] и проч., и проч.»[12]

[1] Картина Рафаэля «Мадонна ди Фолино». – См. также ***1842. Мая 16 <28>. Суббота. Москва***; ***1842. Июнь <мая средина – июня средина>. Монтекатини.***

[2] Вероятно, имеется в виду картина Рафаэля, о которой упоминает Гоголь в своем «Завещании» (1845). В декабре 1841 г. Гоголь заказал художнику И. С. Шаповаленко через А. А. Иванова сделать с Рафаэлева «Преображения» копию головы Спасителя (см. ***1841 декабря 25 <1842 января 6>. Четверг. Праздник Рождества Христова. Москва***). – См. также ***1843. Февраля 3 <января 22>. Пятница. Рим*** (примечания).

[3] См. также ***1843. Марта 1 <февраля 17>. «Пепельная среда» (начало католического Великого Поста). Рим***; ***1843. Апреля 20 <8>. Великий четверг. Рим***; ***1843. Апреля между 24 и 29 <между 12 и 17>. Светлая седмица. Рим, Альбано, Рим.***

[4] Нибби (Ниббий, Нибий) Антонио (1792–1839), итальянский историк и археолог, автор путеводителей по Риму.

[5] Джованни-Баттиста-Антонио Висконти (Visconti; 1722–1784), итальянский археолог, автор ряда трудов о римских древностях.

[6] Имеется в виду «Мадонна ди Фолиньо» Рафаэля. То, что Смирнова упоминает об этой картине в письме к Вяземскому, отправленном в понедельник 30 января (н. ст.) 1843 г., дает основание точно датировать последовательные записи Гоголя в его дневнике «Путешествие Александры Осиповны» – и вследствие этого уточнить дату приезда Смирновой в Рим.

[7] Из писем А. О. Смирновой // *Свод*. Т. 2. С. 195.

[8] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод*. Т. 2. С. 257.

[9] «Перовский» (примеч. О. Н. Смирновой).

[10] «На статуе Нила дети представляют ручьи и они ей очень понравились» (примеч. О. Н. Смирновой).

[11] «Мадонна Сикстинская» (примеч. О. Н. Смирновой).

[12] <Воспоминания О. Н. Смирновой о Гоголе в статье В. И. Шенрока «А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь» (1888)> // *Свод*. Т. 2. С. 304; см. также: Приложение. I. Приписываемое Гоголю. <Заметки о А. О. Смирновой и ее детях в Риме (с примечаниями О. Н. Смирновой)> // *Гоголь 2009–2010*. Т. 9. С. 719–720.

ЯНВАРЯ 18 <30>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Е. М. Хомякова отвечает[1] брату Н. М. Языкову:

«Николаю Васильевичу кланяйтесь от меня. Когда же он в Россию? <...> От Вас получила письмо. Сержусь, что наняли такую холодную квартиру. Как можно не на солнце? Разве Николай Васильевич не знает, что на солнце лучше? Здоров ли он и что делает? Вы об нем ни слова, как будто бы Москва недостойна получать известия о Гоголе. Пишет ли он или нет? Кланяйтесь ему от меня»[2].

«К этому же времени относятся и аналогичные строки о Гоголе в другом неизданном письме Хомяковой»[3].

[1] См. ***1843 января 9 <1842 декабря 28>. Понедельник. Рим.***
[2] Гоголь в письмах А. С. Хомякова и его жены Е. М. Хомяковой (рожденной Языковой) // *Свод.* Т. 3. С. 195.
[3] Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 646.

ЯНВАРЯ 31 <19>. ВТОРНИК. РИМ

Гоголь в дневниковых записях «Путешествие Александры Осиповны» пометил:

«В т о р н и к. Капитолий – Септимий Север[1] – Forum – Акад<емия> di Luca – Св. Лука с Мад<онной>[2] – Колисей – Villa Mattei – саркофаг и акедюки aqua Trevi[3] – S. Jean de Latran – Baptister[4] – La Scala[5] – S. Marie Majeure[6] – le jardin Colonna»[7].

В 1854 г. А. О. Смирнова вспоминала: «В одно утро он явился с праздничным лицом и объявил, что хочет мне сделать сюрприз. "Надобно, чтобы Аркадий Осипович и Ханыков были с нами", – и мы поехали в San Giovani in Laterano. Он отправил нас в церковь, а сам оставался на паперти, так что вправо у него была S-ta Croce in Yerusalemo, а влево Scala Santa. Мы осматривали все капеллы, все редкости, все предметы уважения или удивления и вышли к нему; он стоял на одном месте, и глаза его как будто терялись вдали...»[8]

Из письма Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «Одним утром он явился в праздничном костюме, с праздничным лицом. "Я хочу сделать вам сюрприз, мы сегодня пойдем в купол Петра". У него была серая шляпа, светло-голубой жилет и малиновые панталоны, точно малина со сливками. Мы рассмеялись. "Что вы смеетесь? Ведь на Пасху, Рождество я всегда так хожу и пью после постов кофий с густыми сливками. Это так следует". Я ему сказала: "А перчатки?" – "Перчатки, – отвечал он, – я прежде им верил и покупал их на Пиацца Мадама, но давно разочаровался на этот счет и с ними простился". Ну, мы дошли, наконец, до самого купола, где читали надписи, видели, что Лазарь Якимович Лазарев[9] удостоил бессмертный купол своим посещением, прочли надпись Государя Ник<олая> Пав<ловича>: "Я здесь молился о дорогой России", и вернулись очень усталые домой. Гоголь сказал нам, что карниз Петра так широк, что четвероместная карета могла свободно ехать по нем. "Вообразите, какую штуку мы удрали с Жуковским, обошли весь карниз; теперь у меня пот выступает, когда я вспомню наше пешее похождение, вот какой подлец я сделался. Аркадий Оси<пович>, не угодно ли вам пройтись?" – "Нет, я пробовал на Александровской колон<н>е и закаивался навеки". <...>

Потом видела Scala Sancta, народ набожно, молча поднимался, затем перед нами таинственная личность этого избранника Божия, создателя закона, до малейших подробностей указывающего человеку чисто-начисто как нравственные, так и материальные признаки, который за непослушание лишился радости перейти через Иордан и видеть землю обетования. В Латеране мы осмотрели гробницы Пап и Римских Принсипе. Сколько нехристианской гордости в эпитафиях! С паперти по правую сторону возвышалась скромная церковь San Giovanni in Jerusalemo, перед ней пространное зеленое поле, по левую San Pietro nelle Catonea»[10].

В 1856 г. П. А. Кулиш, со слов Смирновой, также сообщал: «А. О. С<мирно>ва всходила с Гоголем на Петра, и когда сказала ему, что ни за что не решилась бы идти по внутреннему карнизу церкви (который так широк, что по нему могла бы проехать карета в четыре лошади), он отвечал: "Теперь и я не решился бы, потому что нервы у меня расстроены; но прежде я по целым часам лежал на этом карнизе, и верхний слой Петра мне так известен, как едва ли кому другому. Когда вглядишься в Петра и в пропорции его частей, нельзя надивиться довольно гению Микель-Анджело"»[11].

[1] Имеется в виду триумфальная арка (205 г.) римского императора Септимия Севера (см. ***1839. Марта 9 <февраля 25>. Суббота. Рим***).

[2] Фреска Рафаэля «Св. Лука пишет Пресвятую Деву».

[3] Фонтан Треви, работы Д. Бернини.

[4] Баптистерий.

[5] Лестница (мраморная лестница, получившая название «святой»; по преданию, та самая, что была в претории Пилата в Иерусалиме).

[6] Церковь Св. Марии.

[7] Сад Колонна.

[8] <Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> // *Свод*. Т. 2. С. 231.

[9] Лазарь Екимович (Иоакимович, Акимович, Якимович) Лазарев (1797–1871), генерал-майор, попечитель Лазаревского института восточных языков, муж племянницы графини Л. К. Вьельгорской Антуанетты (Antoinette) Лазаревой (рожд. герцогини Бирон; 1813–1882). – См. также ***1844. Октября 16 <4>. Среда. Франкфурт-на-Майне***.

[10] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод*. Т. 2. С. 256–257.

[11] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 2. С. 219; см. также: <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод*. Т. 2. С. 244.

ЯНВАРЯ 19 <31>. ВТОРНИК. МОСКВА

А. М. Языков пишет В. Д. Комовскому:

«Здешних писателей и читателей очень смущает остановка сочинений Гоголя и происшествие с цензорами[1]. Гоголь имеет в Москве жарких и даже неистовых защитников и часто бывает темою прений и восторгов. Он теперь живет в Риме вместе с братом Николаем Михайловичем и готовит 2-ю часть "Мертвых душ", в которой должна явиться светлая сторона нашей Руси».

Из писем А. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 183.

[1] См. ***1842. Декабря 11 <23>. Пятница. Санкт-Петербург***.

ФЕВРАЛЯ НАЧАЛО <ЯНВАРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. РИМ

А. А. Иванов пишет отцу, А. И. Иванову, в Петербург:

«Картина моя[1] – в ширину десять с половиною аршин, а в вышину семь с половиною... <...> Только что хотел посылать вам это письмо, как вдруг получил от Федора Антоновича[2] ужасную новость о смерти матушки[3], сообщенную мне моим самым коротким знакомым, Н. В. Гоголем. Не могу вспомнить без глубокой горести такую потерю, но более всего меня тревожит положение батюшки: оно должно быть невыносимо, тем более, что он только что оправился от своей болезни».

Виноградов 2001. С. 285; Из писем А. А. Иванова // *Свод*. Т. 3. С. 333.

[1] «Явление Мессии».

[2] Моллера. См. его письмо к Гоголю из Петербурга от 12 января 1843 г.

[3] 6 января 1843 г.

ФЕВРАЛЯ 1 <ЯНВАРЯ 20>. СРЕДА. РИМ

Гоголь в дневниковых записях «Путешествие Александры Осиповны» пометил:

«С р е д а. Rospigliosi[1] Гидо потолок – Barberini[2]. Fornarina[3] и Beatrica di Cenci[4].–Pietro in Vircoli[5] – Моисей – Maria in Transteveri[6], вел<иколепный?> плафон – S. Онуфрий – вид на город».

В 1856 г. П. А. Кулиш, со слов А. О. Смирновой, сообщал: «Однажды он повез г-жу С<мирно>ву и ее брата в San Pietro in Vinculi, где стоит статуя Моисея, работы Микель-Анджело. Он просил своих спутников идти за собою и не смотреть в правую сторону; потом привел их к одной колонне и вдруг велел обернуться. Они ахнули от удивления и восторга, увидев перед собою сидящего Моисея, с длинной бородой.

– Вот вам и Микель-Анджело! – сказал Гоголь. – Каков?

Сам он так радовался восторгу спутников, как будто *он* сделал эту статую. "Вообще (говорит А. О. С<мирно>ва) он хвастал перед нами Римом так, как будто это его открытие"»[7].

Из письма Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «Мы посетили San Clemento, где он нас поставил в углу, велел закрыть глаза и потом сказал: "Посмотрите". Перед нами предстала знаменитая статуя Моисея, Микель-Анджело. Борода почти до ног и рога на голове; точно он прожил века и глядел в не<с>кончаемое будущее. <...>

Мы посетили Santo Onufrio, где похоронен Тассо, но кипариса уже не стало. Гоголь говорил, что вид оттуда с террасы прекрасный, и были ясно видны пять таких дерев. Это только detail[8], но для художника все идет в дело»[9].

По позднейшему свидетельству дочери Смирновой, Ольги Николаевны, Гоголь однажды записал: «Катакомбы St. Agnese, Моисей не нравится А<лександре> О<сиповне>[10], грубоват и силач»[11].

[1] Дворец Роспильози.
[2] Дворец Барберини.
[3] Картина Рафаэля «Форнарина».
[4] Портрет Беатриче Ченчи работы Гвидо Рени.
[5] Петр в оковах (церковь).
[6] Церковь Св. Марии в Транстевере (XII в.).
[7] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 218; <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 244.
[8] Частность (*фр.*).
[9] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 256–257.
[10] «В San Pietro in Vincolo» (примеч. О. Н. Смирновой).
[11] <Воспоминания О. Н. Смирновой о Гоголе в статье В. И. Шенрока «А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь» (1888)> // *Свод.* Т. 2. С. 304; см. также: Приложение. I. Приписываемое Гоголю. <Заметки о А. О. Смирновой и ее детях в Риме (с примечаниями О. Н. Смирновой)> // *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 719.

ЯНВАРЯ 20 <ФЕВРАЛЯ 1>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ф. А. фон Моллер пишет А. А. Иванову в Рим:

«В 7 часов по полудни <...> прекратилось ее страдание[1]. Последние мысли ее были о вас. Она хотела меня видеть, но батюшка ваш не успел еще послать за мною, как ее уже не стало. По словам доктора, она скончалась от водяной в груди. Вполне чувствую весь ужас подобного известия. Надеюсь, что общий наш приятель, Гоголь, находится неотступно при вас».

Гоголь в письмах Ф. А. фон Моллера // *Свод.* Т. 3. С. 387.

[1] Мать А. А. Иванова Е. И. Иванова умерла 6 января 1843 г. (см. ***1843. Января 12 <24>. Вторник. Санкт-Петербург***).

ФЕВРАЛЯ 2 <ЯНВАРЯ 21>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

Гоголь в дневниковых записях «Путешествие Александры Осиповны» пометил:

«Ч е т в <е р г>. Обед в villa Волконской[1]. Aqueduc Neron»[2].

В 1888 г. В. И. Шенрок, со слов дочери А. О. Смирновой, Ольги Николаевны, сообщал: «Первые религиозные разговоры и переписка между А. О. Смирновой и Гоголем начались собственно с 1843 г. в Риме, по поводу стараний княгини Зинаиды Волконской и других личностей и их пропаганды; но А<лександра> О<сиповна> не поддавалась на это, хотя уважала все, что есть хорошего в католиках, а в особенности их ordres précheuers et ordres hospitaliers, soeurs de St. Vincent и проч. полезные учреждения. В 1844 г. князь Иван Гагарин был в Париже и отправился в St. Acheul (novitiat de Jésuites). Брат А<лександры> О<сиповны> (Климентий Ос<ипович> Россет) был очень дружен с Гагариным; А. О. Смирнова также была с ним очень дружна, видала его часто в Париже. А. О. Смирнова скончалась утром 19 (7) июня 1882 г. в Париже, отец И. Гагарин в вечер того же дня, в Париже; до конца он ее навещал, но никогда не старался ее перевести в католичество, потому что хорошо знал, что она не способна переменить веру. Каждый раз, как она приобщалась больная на дому (ее духовник, отец Прилежаев, недавно умер в Париже[3]), он приходил ее поздравить с принятием Св. Таин. Умнейший добрейший человек!.. Гагарин с ней говорил всегда о России и сохранил до старости горячие чувства любви к родине. А. О. Смирнова и отец Гагарин почти ровесники»[4].

[1] Княгиня З. А. Волконская.

[2] Акведук Нерона (арки древнеримского водопровода).

[3] Протоиерей Василий Александрович Прилежаев (1831 – 28 августа 1887), настоятель православной церкви в Париже с 1869 г.

[4] <Воспоминания О. Н. Смирновой о Гоголе в статье В. И. Шенрока «А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь» (1888)> // *Свод.* Т. 2. С. 302.

ФЕВРАЛЯ 3 <ЯНВАРЯ 22>. ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголь в дневниковых записях «Путешествие Александры Осиповны» пометил:

«П я т н <и ц а>. Borghese[1] – Cesar Borgia[2] – Diane[3] – Garofalo[4] – Снятие с креста – Korredgio[5] – Andr<ea> de la Valle[6] – Дом<е>никина еван<гелист> Иоанн – Иванов[7] – Maria del Popolo[8] – надо вернуться».

Под упоминаемым в записи «Снятием с креста» подразумевается «Положение во гроб» С. Рафаэля (1507). Эту же картину Гоголь показывал в 1838 г. в Риме В. А. Жуковскому[9] и в 1839 г. – М. П. Погодину[10]. В 1841 г. Гоголь заказывал также художнику И. С. Шаповаленко через А. А. Иванова копию головы Спасителя с этой картины[11].

Позднее, 17 декабря 1854 г. П. А. Кулиш, со слов А. О. Смирновой, сообщал жене из Петербурга: «Она (А. О. Смирнова) <сказала> мне, что изучала подлинники (картин) с Гоголем и что без его указаний не заметила бы в них и половины того, что в них есть. Особенно остановилась она над картиной Рафаэля, представляющей погребение Иисуса Христа, и указала мне на некоторое сходство лиц, окружающих Иисуса, с Его лицом. Это сделано художником нарочно, чтоб показать, как сильно отражался в них Его образ. Мысль эту Смирнова назвала высокою: на нее навел ее Гоголь, который до тех пор водил ее смотреть картину Рафаэля, пока наконец она угадала, в чем дело»[12].

На следующий день, 18 декабря 1854 г., Кулиш писал также С. Т. Аксакову: «Здесь я уже четвертые сутки, но не хотел писать к вам, пока не познакомился с А. О. Смирновой. Приехал я к ней вчера утром в 12 часов. <...> Тут доложили о переплетчике. Просят извинения и выходят в гостиную. Через секунду зовут меня туда по имени и отчеству и показывают гравюры, привезенные из-за

границы и представляющие фрески и картины Микель-Анжело и Рафаэля. Из нескольких замечаний тотчас можно было заметить, что владетельница гравюр смыслит в живописи. Она сказала мне, что изучала подлинники с Гоголем и что без его указаний не заметила бы в них и половины того, что в них есть. Особенно остановилась она над картиной Рафаэля, представляющей погребение Иисуса Христа, и указала мне на некоторое сходство лиц, окружающих Иисуса, с Его лицом. Это сделано художником нарочно, чтоб показать, как сильно отражался в них образ Спасителя. Гоголь находил эту мысль очень высокою и до тех пор водил Смирнову смотреть картину Рафаэля, пока наконец она догадалась, в чем дело»[13].

В. А. Жуковский, который смотрел эту картину с Гоголем в 1838 г., также отметил в своем дневнике: «Выражение лица Спасителя, отражается на несущих Его»[14].

Позднее, 6 апреля (н. ст.) 1847 г., Гоголь писал сестре Елисавете: «Я поместил тебя к Прасковье Ивановне <Раевской>[15] совсем не затем, чтобы чему-нибудь выучиться, но чтобы нечувствительно сделаться и самой доброю... <...> ...Видя пред собой беспрестанно светлое, исполненное доброты лицо Прасковьи Ивановны, ты и сама стала нечувствительно выражать на лице своем больше светлости и спокойствия»[16]. В статье *VIII. Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве* «Выбранных мест из переписки с друзьями» он также замечал: «Пусть миссионер католичества западного биет себя в грудь, размахивает руками и красноречием рыданий и слов исторгает скоро высыхающие слезы, проповедник же католичества Восточного должен выступить так перед народ, чтобы уже от одного его смиренного вида, потухнувших очей и тихого потрясающего гласа, исходящего из души, в которой умерли все желанья мира, все бы подвигнулось еще прежде, чем он объяснил бы самое дело, и в один голос заговорило бы к нему: Не произноси слов, слышим и без них святую правду твоей Церкви!»

Помета «Иванов» (среди записей «Путешествие Александры Осиповны») указывает на то, что в один из дней Гоголь водил Смирнову (по-видимому, вместе с ее братом Ар. О. Россетом, с В. А. Перовским и Я. В. Ханыковым[17]) в мастерскую А. А. Иванова, после чего Смирнова подарила художнику славянскую Библию[18]. В этот же период Гоголь, очевидно, познакомил Смирнову с Шаповаленко и с Н. С. Пименовым.

Позднее о визите Смирновой в студию Иванова свидетельствовала, в частности, дочь Смирновой Ольга Николаевна («в мастерской Иванова, голова Иоанна хороша»)[19]. Сам Иванов 12 февраля (н. ст.) 1845 г. писал Смирновой: «По долгу соотечественника представляя отчет в трудах моих гостям Русским, я никогда еще не был счастлив, чтобы кто-нибудь из них вспомнил обо мне, особенно как вы теперь, с таким участием»[20]. В черновике этого письма Иванов также замечал: «С живейшею радостью получил я ваше письмо от 16 декабря <1844 г.>[21], и, представляя отчет в трудах моих по долгу соотечественника, я никогда не был еще так счастлив, чтобы кто-нибудь из них вспомнил обо мне с таким участием, как вы теперь. <...> Благодарил бы я судьбу, если бы задвижка моей студии не отворялась бы ни для кого уже, не до окончания моей картины, но хоть до окончания малых способов моего содержания. Шаповалов кончил свои картины[22], посылает в Петербург. Похлопочите за него, он совершенно никого там не знает. Н. В. Гоголь, кажется, не случится там к тому времени. Вся надежда на вас. Я еще не благодарил вас за подарок Библии — я ее читаю, вместе с переводом французским с еврейского[23]. Это весьма для меня полезно. Пименов женился на римлянке[24], вопреки всем моим возражениям. <...> Я совсем не забыл, что вам обещал сделать копию с моего "Иоанна", и это непременно исполню. <...> Прошу поклониться от меня вашему брату[25]»[26]. В письме к Смирновой от 1 мая (н. ст.) 1845 г. Иванов замечал: «Не думайте, чтоб я был столь невежлив или беспечен, чтобы не ответить вам тотчас на столь доброе и отрадное ваше письмо от 16-го декабря. Я написал тогда же; но мне казалось, что лучше сначала послать под рассмотр Н. В. Гоголя[27], посредством которого и самое знакомство с вами я имел честь приобрести»[28].

[1] Дворец Боргезе.
[2] Портрет Чезаре (Цезаря) Борджиа работы Рафаэля.
[3] Картина Доменикино «Диана».
[4] Гарофало.
[5] А. да Корреджо.
[6] Андрей в долине (церковь XVI в.).
[7] А. А. Иванов.
[8] Мария Народная (церковь).
[9] См. ***1838. Декабря 29 <17>. Суббота. Рим.***
[10] См. ***1839. Марта 13 <1>. Среда. Рим.***
[11] См. ***1841 декабря 25 <1842 января 6>. Четверг. Праздник Рождества Христова. Москва.*** — См. также ***1843. Января 30 <18>. Понедельник. Рим*** (примечания).

[12] Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в письмах П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 214.

[13] Там же. Т. 2. С. 214–215.

[14] См. ***1838. Декабря 29 <17>. Суббота. Рим.***

[15] См. ***1840. Апреля 27. Суббота. Москва***; ***1840. Мая 10. Пятница. Москва.***

[16] См. ***1847. Апреля 6 <марта 25>. Вторник Светлой седмицы. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Неаполь.***

[17] См. ***1843. Мая первая половина <апреля вторая половина – мая начало>. Рим.***

[18] См. также ***1843. Мая 1 <апреля 19>. Понедельник. Рим.***

[19] См. ***1843. Февраля 5–6 <января 24–25>. Воскресенье-понедельник. Рим.***

[20] Письма живописца А. А. Иванова к А. О. Смирновой // Русский Архив. 1896. № 4. С. 602.

[21] См. ***1844. Декабря 16 <28>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[22] См. ***1845. Февраля 12 <января 31>. Среда. Рим*** (примечания).

[23] В средине июля (н. ст.) 1844 г. Иванов писал Ф. В. Чижову из Неаполя: «Я живу дверь в дверь с Зайцевским, у которого есть важные для меня книги, – и именно литографированный перевод Библии на русский язык Павского. – Ее-то чтением я занимаюсь в те часы, когда Зайцевского не бывает дома. – Но Зайцевский на днях уезжает, а мне никак не хочет поверить (свою) Павского Библию ни на минуту. Такое положение заставляет меня просить вас купить мне Библию в Париже; говорят, что недавно какой-то ученый рабин <С. Каен> перевел ее очень хорошо на французский язык. – В Библии славянской (экземпляр которой был подарен Иванову Смирновой. – *И. В.*) очень много чего не поймешь. – Библия Зайцевского ясна, как нельзя более и во многом рознится от славянской. – Павский переводил прямо с еврейского» (*Виноградов 2001.* С. 314). Чижов выполнил просьбу Иванова (см. ***1844. Июля 31 <19>. Среда. Париж***; ***1844. Августа 2 <июля 21>. Пятница. Париж***). Позднее, 1 июня 1848 г., он же указывал Иванову: «Теперь изыскания всех церковно-ученых показывают, что перевод семидесяти толковников лучше еврейского подлинника, который искажен сильно в позднейшие времена...» (см. ***1848. Мая 29. Троицкая родительская суббота – июня 1. Вторник Троицкой седмицы. Киев***).

[24] Корнелии Нибби.

[25] Ар. О. Россет.

[26] Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал *Михаил Боткин.* СПб., 1880. С. 177–179; Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 338.

[27] См. ***1845. Февраля 12 <января 31>. Среда. Рим.***

[28] См. ***1845. Мая 1 <апреля 19>. Четверг Светлой седмицы. Рим.***

ФЕВРАЛЯ 4 <ЯНВАРЯ 23>. СУББОТА. РИМ

Гоголь в дневниковых записях «Путешествие Александры Осиповны» пометил:

«С у б б о т а. Doria – Рафаэля 2 лица – Тициана портрет. Leo<nardo> de Vinci[1] – Доктора Bartolo, A. Baldo[2] – Colonna[3] – Зала, портрет M. Colonna Morealese[4]. S. Marie in Ca<m>pitteli[5] – белая. S. Marie Minerva – Madama[6]. Ang<elico> Beato[7] – Фрески Lippi[8]. M. Angelo Сопряженн<ый?>[9] Carlo in Cattinari – Дом<е>ник<ино>. Четыре добродетели»[10].

В 1856 г. П. А. Кулиш, со слов А. О. Смирновой, с которой он беседовал в 1854 г., сообщал: «В особенности он заглядывался на древние статуи и на Рафаэля. Однажды, когда его спутница не столько восхищалась, сколько бы он желал, Рафаэлевой Психеею в Форнезине, он очень серьезно на нее рассердился. Для него Рафаэль-архитектор был столь же велик, как и Рафаэль-живописец, и, чтоб доказать это, он возил своих гостей на виллу Madama, построенную по рисункам Рафаэля. <...>

Во время прогулок по Риму, его собственно забавляли ослы, на которых он ехал со своими спутниками. Он находил их очень умными и приятными животными и уверял, что они ни на каком языке не называются так приятно, как на итальянском (i ciueci). После ослов его занимали растения, которых образчики он срывал и привозил домой»[11].

Из письма Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «Ездили часто в Villa Madama, где прелестная Галатея Рафаэля и история Психеи. Villa строена по плану Рафаэля. И он, подобно Микель-Анджело, соединял все искусства. Купидоны "Галатеи" точно жи-

вые летают над широкой бездной, кто со стрелой, кто с луком. Гоголь говорил, что итальянец так даровит, что ему все удается. <...>

Она <трехлетняя дочь Смирновой Надежда> была прелестный ребенок, все говорила, как попугай, после старших сестер. В Риме она восхищала Перовского; повторяла всем, как Перовский меня любит и Август[12] тоже. Перовский говорил: "Она всех умнее; вы всё ездите смотреть развалины, колонны и ворота всяких римских подлецов; она дома из окна любуется Траяновой колонной по-своему и считает кошек". Она не могла произносить "кошка" и говорила "тоська". <...> Она в Риме начала у Гоголя просить "вучку"[13]; он закрывал ее какой-нибудь книжкой, она сердилась: "Я не хочу читать, а пожалуйте вучку". – "Зачем вы меня принимаете за Священника?" Кончалось это все брыканьем ее кривых ног, слезами, и нянька ее уносила из гостиной»[14].

В. И. Шенрок также сообщал: «<Дочь Смирновой> Надежда Николаевна, впоследствии Сорен, любила, вспоминая с ними о Гоголе, рассказывать, что она имела обыкновение девочкой целовать руки у Гоголя, при чем последний усиленно защищался и говорил: "Я не архиерей, а руки целуют только у дам и у архиереев"»[15].

По позднейшему свидетельству дочери Смирновой Ольги Николаевны, Гоголь однажды записал: «Дети А<лександры> О<сиповны> в Риме. В Риме все заняты Петром, Рафаэлем и Юлием Кесарем, а Н<адежда> Н<иколаевна>[16] занимается совсем другим: кошками, которые бегают по Piazza Trajana[17], и гуляет по макаронам, которые валяются на тротуаре[18]. Сестрицы[19] играют в мячики муфтами в Петре, уронили куклу в benitier <кропильница; *фр.*>, в Петре; какой-то monsignore ее достал; его это не смутило. Сестриц бранили за шалость.

Н<адежда> Н<иколаевна>, сидя на полу, вдруг сказала: "Я пойду к папе *римскому*; он мне даст тоску (т. е. кошку)". Это всех удивило, почему Н<адежда> Н<иколаевна> (сова, сова[20]) знает, что в Риме папа. Тайну эту еще не открыли до сих пор и, вероятно, это останется тайной во веки веков: ведь Надежда Степановна (нянька) про папу не знает! <...>

Детей водят по галлереям и церквам; в сырую погоду их возят в церковь св. Петра; там тепло и они играют в этом пространстве, точно птички небесные. Н<адежда> Н<иколаевна> также играет в Петре; ей подарили кошку, но она ей пренебрегает, потому что она не живая»[21].

В 1854 г. А. О. Смирнова вспоминала о Гоголе: «Никто не знал лучше Рима, подобного чичероне[22] не было и быть не может. Не было итальянского историка или хроникера, которого бы он не прочел, не было латинского писателя, которого бы он не знал, все, что относилось до исторического развития искусства, даже современности итальянской, ему было известно и как-то особенно оживляло для него весь быт этой страны, которая тревожила его молодое воображение и которую он так нежно любил, в которой его душе яснее виделась Россия, в которой, описывая грустных героев 1-го тома "Мертвых душ", отечество его озарялось для него радужно и утешительно. Он сам мне говорил, что в Риме, в одном Риме он мог глядеть в глаза всему грустному и безотрадному и не испытывать тоски и томления. Изредка тревожили его там нервы в мое пребывание, и почти всегда я видела его бодрым и оживленным. И точно, в Риме есть что-то примиряющее человека с человечеством. Слава языческого мира там погребена так великолепно; на великолепных развалинах воздвигся другой Рим, христианский, который сперва облекся в смирение в лице мучеников или молчаливых отшельников в катакомбах, но впоследствии веков, зараженный тою же гордынею своих предков, начал погребаться с древним Римом. Развалина материальная и развалина духовная – вот что был он в 40-х годах[23], но все над ним то же голубое небо, то же яркое, теплое, но не палящее солнце, та же синяя ночь с сиянием звезд, тот же благотворный воздух, не тревожный, как неаполитанский, но успокаивающий. И столько красоты и величия в воспоминаниях не примиряет ли нас с человечеством? Остается благодарность Провидению, которое позволило всякому принести плод свой во время свое, и, гуляя по развалинам, убеждаешься без горечи, что народы, царства, так же как и всякая личность, преходящи. Рим мне казался всегда каким-то всемирным музеумом, в котором всякий камень гласит об историческом, назидательном событии, но уже не имеет никакого значения в настоящем, и вот почему в Риме не грустно, а отрадно. Николаю Васильевичу, как художнику, говорил весь Рим особенным языком. Это сильно чувствуется в его отрывке "Рим". S-te Beuve говорит, что ни один путешественник не делал таких точных и вместе оригинальных

наблюдений; особенно поразило его замечание Гоголя о трастеверянах и собрании нескольких песен почти никому незаметной, но весьма особенной группы римлян. Едва ли сами жители города знают, что трастеверяне с ними никогда не сливались и не сливаются, что у них даже свой язык еще, или свой patois[24]. Заметив, что Гоголь так хорошо знает все, что касается до древности, я сама завлеклась ею; я его мучила, чтобы узнать поболее. Карты, планы у меня лежали на столе, Nibuhr, Canina[25], Visconti – все беспрестанно пересматривалось; мне хотелось перенестись в эту историческую даль, в этот мрак, и часто я к нему приставала с вопросами[26]. <...> О первой своей нервической болезни, которую выстрадал в Вене[27], он не говорил ни слова»[28].

Из письма Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «О первой и страшной болезни он не любил говорить; его спас приезд Боткина, который усадил его полумертвого в дилижанс, и в Глогнице[29] он, после двух месяцев, в течении которых он ровно ничего не ел, выпил чашку бульона. Ехали день и ночь, и в Венеции Гоголь был почти совсем здоров, сидел на Пиацетте и грелся итальянским солнцем, не палящим, но ласкающим»[30].

В 1867 г. Смирнова сообщала П. А. Висковатову: «Из рассказов Гоголя, которыми он любил занимать своих слушателей, Александра Осиповна передавала мне довольно много. Но рассказы эти в мастерской передаче Николая Васильевича и даже А. О. Смирновой, владевшей малороссийской речью, имели свою прелесть (тут было много малороссийских анекдотов), а в простой, безыскусной передаче они теряют и смысл и значение.

Таков, напр<имер>, рассказ о майоре, прибывшем в селение на отведенную ему квартиру на краю города. Тщетно он спрашивает у хохла-денщика спичек и затем посылает его раздобыть их, строго наказывая хорошенько испытать, горят ли они. Денщик возвращается не скоро. Майор его ругает, чиркает спички об стену, об обшлаг рукава, они не вспыхивают. Денщик объясняет, что, исполняя приказ барина, перечиркал их все, и у него они горели»[31].

В своих автобиографических записках Смирнова также отмечала, что рассказывала Гоголю о своем детстве: «Полковник[32] обычно делал свой туалет на балконе; раздетый, как Вазари, по пояс, он блевал и утирал себя полотенцем, брызгал, фыркал, щипцами выдергивал волосы из ноздрей, а после этого я должна была нести чай. Вижу теперь эту чашку с крышкой. Я рассказывала Гоголю про его мытье, и он это вывел генералу Бетрищеву, с той разницей, что серебряная. Нам приказано было целовать эту наглую руку, мы прикладывались к ней и громко плакали. Приказано было звать его папенькой. Мы говорили: "Петрушка!" "Что вы сказали?", – спрашивал он гневно. "Мы сказали: *папаша*". Боже, что накипело негодования и злобы в наших детских сердцах!»[33]

Из записок Смирновой «Биография Александры Осиповны Чаграновой» (1880–1881): «...Знаете, в Риме я сообщила Гоголю русскую пословицу, от которой он пришел в восторг и сказал мне: "За эту пословицу спасибо, я ее таки вложу где-нибудь в II томе «Мертвых душ»". Вот эта пословица: "Удалось <...>". – "Ну, А<лександра> О<сиповна>, не знаю, где вы набрались таких пословиц и речей, только, конечно, не в золотой гостиной Императрицы". – "Да, там все российское исключено, государь со мной всегда говорит по-русски, и с мужчинами тоже, но Государыня с трудом говорит по-русски, она говорит, но не может болтать"»[34].

В 1856 г. П. А. Кулиш, со слов Смирновой, также сообщал: «Будучи в Риме, уже в 1843 году, он опять начал что-то рассказывать об Испании. Это было в присутствии В. А. П<еровского>, Я. В. Х<аныкова> и А. О. Р<оссет>. А. О. С<мирно>ва заметила, что Николай Васильевич мастер очень серьезно солгать. На это он сказал:

– Так если ж вы хотите знать правду, я никогда не был в Испании, но зато я был в Константинополе, а вы этого и не знаете.

Тут он начал описывать во всех подробностях Константинополь: называл улицы, рисовал местности, рассказывал о собаках, упоминая даже, какого они цвета и о том, как там подают кофе в маленьких чашках с гущею. Речь его была наполнена множеством мелочей, которые мог знать только очевидец и заняла всех слушателей на целые полчаса или около того.

– Вот сейчас и видно, сказала тогда ему А<лександра> О<сиповна> – что вы были в Константинополе.

А он отвечал:

– Видите, как легко вас обмануть. Вот же я не был в Константинополе, а в Испании и Португалии был»[35].

В. И. Шенрок, беседовавший в 1887 г. с А. С. Данилевским – и вскоре получивший от дочери А. О. Смирновой Ольги Николаевны ее записки о Гоголе (основанные на воспоминаниях матери) – в 1888 г. добавлял: «...В 1843 году <...> Гоголь рассказывал об этом <о своем путешествии в Испанию и Португалию> в присутствии ее брата, Аркадия Осиповича Россета, Якова Владимировича Ханыкова и Василия Алексеевича Перовского. (Так рассказывает в своих "Записках о жизни Гоголя" П. А. Кулиш, но О. Н. Смирнова энергически отрицает его сообщение.)»[36]

[1] Имеется в виду картина школы Леонардо да Винчи «Королева Иоанна Неаполитанская» в галерее Дория. – См. также ***1839. Марта 16 <4>. Суббота. Рим.***

[2] Двойной портрет работы Рафаэля, на котором предположительно изображены Бартоло да Сассоферрато и А. Бальдус де Убальдис.

[3] Колонна (галерея).

[4] Портрет Марка Антонио Колонны Морейского работы Паоло Веронезе.

[5] Св. Мария в Кампителли (церковь XVII в.).

[6] Вилла Мадама.

[7] Имеется в виду картина «Фома Аквинский», приписывавшаяся в прошлом Анжелико Беато.

[8] Филиппино Липпи (1457–1504), итальянский художник.

[9] Имеется в виду статуя «Христос с крестом» Микеланджело.

[10] Имеется в виду церковь Св. Карло Борромео в Катинари с фресками Доменикино.

[11] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 2. С. 218–219; см. также: <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод*. Т. 2. С. 244.

[12] Слуга.

[13] См. также ***1843. Июля 4 <июня 22>. Вторник. Баден-Баден.***

[14] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод*. Т. 2. С. 257, 250.

[15] Гоголь в воспоминаниях Н. Н. Сорен (рожденной Смирновой), в записи В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 2. С. 371.

[16] «Моя меньшая сестра» (примеч. О. Н. Смирновой).

[17] «Мы жили на P<iazza> T<rajana>, в Palazzo Valentini» (примеч. О. Н. Смирновой).

[18] «В Риме есть обычай сушить макароны на тротуаре и сестра (и даже мы) бегали по макаронам; эти старые обычаи уже давно исчезли» (примеч. О. Н. Смирновой).

[19] «Я и моя сестра С<офья> Н<иколаевна>» (примеч. О. Н. Смирновой).

[20] В. И. Шенрок, со слов О. Н. Смирновой, пояснял: «Сова-сова – Надежда Николаевна Сорен, меньшая дочь А. О. Смирновой, она плохо говорила и еще: даже вместо comment cela va <как это идет; *фр.*> говорила: сова-сова, картавя и коверкала слова не выговаривая буквы л. Она и другие дочери А. О. Смирновой всегда называли Гоголя *Накавайка*, до дня его смерти <см. также ***1849. Июля между 4–5 и 8–9. С. Бегичево Медынского уезда Калужской губернии***>. Гоголь нарисовал каррикатуру: "Надежда Николаевна в молодости, или сова-сова"; она хранилась у Ольги Николаевны Смирновой. Надежда Николаевна была очень смешная девочка; любила Гоголя, он ее звал всегда Надежда Николаевна и она ему говорила: "Это мне приятно, Накавайка; я люблю почтение!" и прибавляла по-французски: "des égards et du respect" <почтения и уважения; *фр.*>. Ее остроумие его забавляло» (<Воспоминания О. Н. Смирновой о Гоголе в статье В. И. Шенрока «А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь» (1888)> // *Свод*. Т. 2. С. 301–302).

[21] <Воспоминания О. Н. Смирновой о Гоголе в статье В. И. Шенрока «А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь» (1888)> // *Свод*. Т. 2. С. 303, 304; см. также: Приложение. I. Приписываемое Гоголю. <Заметки о А. О. Смирновой и ее детях в Риме (с примечаниями О. Н. Смирновой)> // *Гоголь 2009–2010*. Т. 9. С. 717, 720.

[22] Чичероне (cicerone) – гид (*ит.*).

[23] См. также: ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** (примечания).

[24] Жаргон, местное наречие (*фр.*).

[25] Л. Канина (1795–1856), итальянский археолог.

[26] «Он мне советывал читать Тацита. Я все его спрашивала, что такое история. Карты, планы, Nybby, Canina, Peronezi <Джамбатиста Пиранези (1720–1778), художник, гравер, архитектор, исследователь античной архитектуры> лежали на моем столе, все беспрестанно перечитывалось, мне хотелось перенестись в эту исто-

рическую даль. Что таилось в Нероне? И я часто к нему приставала» (*Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 256).

[27] См. ***1840. Августа вторая половина – конец <августа начало – средина>. Вена.***

[28] <Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> // *Свод.* Т. 2. С. 230, 228; см. также: *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 255–256.

[29] Вместо: «в Глогнице», – в автографе может быть прочитано: «в Гмюнде». Глогниц, местечко в Нижней Австрии, южнее Вены. Гмюнден (Гмуднен), город в Верхней Австрии, западнее Вены. Поскольку маршрут из Вены в Триест через Глогниц является более коротким (чем через Гмунден), а также потому, что первый городок, в отличие от второго, находится в непосредственной близости от Вены (80 и 230 км), следует предположить, что Гоголь и Боткин следовали в Италию через Глогниц.

[30] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 250.

[31] *Висковатов-Висковатый П.* Из рассказов А. О. Смирновой о Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 241.

[32] Иван Карлович Арнольди (1780–1860), генерал-майор, участник наполеоновских войн, отчим А. О. Смирновой.

[33] *Смирнова А. О.* <*Автобиография*> // *Свод.* Т. 2. С. 281.

[34] *Смирнова А. О.* Биография Александры Осиповны Чаграновой // *Свод.* Т. 2. С. 294.

[35] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 216.

[36] <«Отрывки из дневника» А. О. Смирновой, присланные О. Н. Смирновой В. И. Шенроку около 1888 г.> // *Свод.* Т. 2. С. 312.

ФЕВРАЛЯ 5–6 <ЯНВАРЯ 24–25>. ВОСКРЕСЕНЬЕ-ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ.

Возможно, в эти дни Гоголь и А. О. Смирнова посетили мастерские некоторых римских художников, о чем Гоголь в заключении дневниковых записей «Путешествие Александры Осиповны» пометил:

«Overbek[1]. Piazza Cenci, palazzo Cenci.
Миллер[2]. Via Purificazione.
Pollak[3]. Via della Croce.
Вильямс[4]. Piazza Mignianelli.
Werner[5] акварелист. Via Gregoriana, новый высокий дом.
Корроди[6].
Cromeck[7].
Amerling[8]. San Nicolo di Talentino.
No. 16 primo piano.
Noll[9]. Via Gregoriana 13. 4 piano.
Tennerani[10]. Piazza d'Espagna.
Max[11]. Palazzo di Venezia».

Из письма Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «После поездок мы заходили в San Augustino и восхищались ангелами Рафаэля, и рядом с церковью покупали макароны, масло и пармезан. Гоголь сам варил макароны, на это у Лепри всего пять минут берет, и это блюдо съедалось с удовольствием. В Риме трудно было достать хорошее мясо, и телятина считалась какой-то delicatesse. <...>

У нас был комический слуга Александр, который утром рано находил необходимым сообщать мне все приключения его утра. "Io rincontrato signor Gogol, credo che venir a vedere si, perche passer sulla Piazza delli Apostoli" <Я встретил синьора Гоголя, думаю, что он придет сюда, так как шел по Пьяцца дель Апостоли; *ит.*)>...»[12]

По позднейшему свидетельству дочери Смирновой Ольги Николаевны, Гоголь однажды записал: «Приводил Овербека[13] к А<лександре> О<сиповне>. Разговор был о Рафаэле, смотрели с ним Сибиллы. А<лексан-

дра> О<сиповна> от них в восторге, станцы (Les stances du Vatican) понравились ей. <...> Были у Тенерани[14], не понравился А<лександре> О<сиповне>, в мастерской Иванова[15], голова Иоанна хороша»[16].

О. Н. Смирнова также сообщала: «Гоголь возмущался суждениями Дмитриева, особенно тем, что Дмитриев называл школу Перуджино les primitifs[17] и рафаэлевские селедки»[18].

Модный живописец Чартков во второй редакции повести Гоголя «Портрет» (1842) также замечает, что художники «до Рафаэля писали не фигуры, а селедки; что существует только в воображении рассматривателей мысль, будто бы видно в них присутствие какой-то святости; что сам Рафаэль даже писал не все хорошо».

В 1854 г. Смирнова вспоминала о Гоголе: «Когда мы осмотрели Рим en gros[19], он начал ко мне являться реже по утрам»[20].

4 января 1846 г. она же писала из Калуги к графине Е. П. Ростопчиной в Рим: «Тысячу раз спасибо <...> за твои два большие прелестные письма... <...> Воспоминание, начавшее уже сглаживаться, точно озарилось солнечным лучом и воскресло вместе с желанием снова увидеть Италию, которую я люблю за ее природу, столь богатую и в то же время скудную, до такой степени лишенную высокоствольной растительности и в то же время столь богатую разнообразием мелких растений, изумительно яркую по колориту, а иногда столь величаво-мрачную. Люблю ее, древнюю, языческую, свидетелями которой являются исполинские памятники; люблю ее в ее темных молчаливых катакомбах, в ее церквах, соединявших верных одному и единственному христианскому исповеданию; люблю ее в свободном, самопроизвольном и блестящем развитии искусств; люблю ее даже в ее жалком настоящем состоянии, в ее моральном оскудении, которое не возмущает, а интересует, трогает и внушает какую-то нежную симпатию и сочувствие, не имеющее ничего унизительного. <...> Наслаждайся хорошенько, дорогая Eudoxie, и перестань взирать с <со>жалением на город, дающий одни искусственные удовольствия[21]. Впрочем, в Риме и Неаполе, окруженных образцовыми творениями, ты найдешь тоже удовольствия и общество, о котором, кажется, сожалеешь. <...> Только в Риме ты увидишь Рафаэля во всем его действительно чудесном превосходстве... <...> Почему ничего не говоришь о дивных картинах Леонарда да Винчи?.. <...> Отсюда вижу, что ты начинаешь поддаваться обаянию красок; сделай милость, не возлюби Болонскую школу. Я надеюсь, что Гоголь будет ангелом-хранителем твоих художественных впечатлений[22]; он поразительно чувствует искусство. <...> У меня вдруг целый наплыв воспоминаний: Галатеи, Амуры, Фарнезина, Сивиллы, Св. Августин, Преображение, Музыкант, все это проносится перед моими глазами, ослепленными восторгом удивления. Когда ты будешь на форуме Траяна, поклонись palazetto Valentini, который находится между двумя церквами. Там жила Александра Осип<овна>, ваша покорная слуга, и прожила несколько мирных, спокойных и приятных дней, вся погруженная в прошедшее, которое тогда ее примиряло с настоящим, грустным и бесцветным. <...> Не спеши, любезная моя, все высматривать, поскупись на впечатления, дай время всякому созреть и придти в границы разумного и светлого созерцания и потом уже берись за перо и выливай нам его в звучных рифмах, в поэтической фразе. Я бы тебе советовала писать нечто в роде дневника всякий вечер, когда полька этому не помешает... <...> Записывай не только что скажет древность или Микель-Анжело и Рафаэль из своей рамки, но даже то, что говорит monsignor Prospero, хотя он не мудрец современный, а только аб<б>ат с тоненькими ножками в черненьких чулках и притом изрядно глуп»[23].

[1] И. Ф. Овербек.

[2] Карл Фридрих Миллер (Müller, 1813–1881), немецкий художник.

[3] Леопольд Поллак (1806–1880), художник.

[4] Вильямс (Williams, 1798–1886), английский художник-жанрист.

[5] Карл Вернер (1808–1894), немецкий художник-акварелист.

[6] Саломон Корроди (Corrodi, 1810–1892), художник-пейзажист.

[7] Томас Кромек (1809–1873), английский художник-пейзажист.

[8] Фридрих Амерлинг (1803–1887), художник-портретист.

[9] Эдуард Нюлль (Nüll, 1812–1868), немецкий архитектор; жил в Риме с 1840 по 1843 г. См. о нем: *Noack F.* Das Deutschtum in Rom seit dem Ausgang des Mittelalters. Berlin; Leipzig, 1927. Bd. 2. S. 428; *Джулиани Р.* Гоголь в Риме // Вестник Московского ун-та. Серия 9. Филология. 1997. № 5. С. 31.

[10] П. Тенерани.

[11] Иосиф Макс (1804–1855), живописец и скульптор.

[12] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 257, 252.
[13] «Живописца» (примеч. О. Н. Смирновой).
[14] «Скульптор» (примеч. О. Н. Смирновой).
[15] См. также ***1843. Февраля 3 <января 22>. Пятница. Рим.***
[16] <Воспоминания О. Н. Смирновой о Гоголе в статье В. И. Шенрока «А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь» (1888)> // *Свод.* Т. 2. С. 304; см. также: Приложение. I. Приписываемое Гоголю. <Заметки о А. О. Смирновой и ее детях в Риме (с примечаниями О. Н. Смирновой)> // *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 719.
[17] Примитивной (*фр.*).
[18] <Воспоминания о Гоголе О. Н. Смирновой в «Указателе к письмам Гоголя... в издании Кулиша» В. И. Шенрока> // *Свод.* Т. 2. С. 362.
[19] В общем (*фр.*).
[20] <Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> // *Свод.* Т. 2. С. 230; <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 244.
[21] Подразумевается Париж.
[22] См. ***1845 декабрь – 1846 февраль <1845 ноября вторая половина – 1846 января средина>. Рим.***
[23] *Свод.* Т. 3. С. 659–660.

НАЧАЛО ГОДА.
РИМ

А. А. Иванов пишет Ф. А. фон Моллеру:

«Виноват и очень виноват я пред вами! Как я встревожил вас моей опрометчивостью! Николай Васильевич[1] прочитав письмо, приложенное к вашему, дал мне выговор и на другой же день написал к вам письмо[2], которое вы, верно, уже читали».

Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 333.

[1] Гоголь.
[2] Не сохранилось.

ФЕВРАЛЯ 7 <ЯНВАРЯ 26>. ВТОРНИК.
РИМ

Ф. В. Чижов пишет А. В. Никитенко:

«...В настоящей моей жизни я нахожу бездну наслаждений, и это что-нибудь да значит. День мой с 6-ти часов утра до 11-ти вечера, за исключением четырех или пяти часов для обеда, для свидания с Языковым (больным нашим поэтом) и Гоголем, для прогулки по галереям и мастерским художников, весь остальной день отдан Венеции или вообще изучению Италии. <...> Вы не можете себе представить тишины нашей жизни; теперь еще иностранцы много прибавляют шуму, а без них такая патриархальность, какой нигде не найдешь, кроме Рима[1]. <...> Чтоб видеть вполне состарившийся народ, чтоб получить об этом понятие, непременно надобно быть в Италии. Все обрисовывает старость, начиная от любимой итальянцами шахматной игры до их растабарывания в кофейнях, от их литературы, в области изящного вертящейся или на самых истертых истинах, или на самом подробном рассказе о старине, до всего решительно, везде все одно и то же».

Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 54–55.

[1] См. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** (примечания).

ЯНВАРЯ 26 <ФЕВРАЛЯ 7>. ВТОРНИК.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вышли из печати третий и четвертый тома «Сочинений Николая Гоголя».

В этот день Н. Я. Прокопович сообщал С. П. Шевыреву: «Наконец Сочинения Гоголя разрешены Главным цензурным комитетом, и я предварительно посылаю Вам 25 экземпляр<ов> с четырехдневным транспортом; за сим Вы получите с десятидневным 175 экз<емпляров>. Кроме этого, с посылаемыми теперь следуют экземпляры: Вам 2 и 3 томы (надеюсь, Вы получили посланные мною по почте 1 и 2-й т<омы>), Погодину, Аксакову, Хомякову и Щепкину; сделайте одолжение, разошлите их по назначению.

Что касается до уступки книгопродавцам, то, по распоряжению Гоголя, от которого я не отступал при продаже "Мертв<ых> Д<уш>" и не отступаю теперь, она никак не должна превышать следующих процентов: за 100 экз<емпляров> 20%, за 50 – 15 и за 10 – 10. Получение денег не может быть откладываемо ни на какие сроки, потому что я взял эти 200 экз<емпляров> у содержателя типографии на честное слово заплатить за них в самом скором времени.

Мне рассказывали бывшие на последнем, пятом представлении "Женитьбы"[1], что она была принимаема в этот раз с единодушным восторгом, не знаю только, почему после этого более не давали ее[2].

Гоголю по первой почте посылаю изложение всей истории издания его сочинений и деньги, вырученные за последние экз<емпляры> "М<ертвых> Д<уш>"[3].

Я виноват перед Вами – забыл в прошлом письме отвечать на вопрос Ваш[4], что статья о "М<ертвых> Д<ушах>" в "Современнике" принадлежит самому Петру Александровичу[5]; не знаю, что ему вздумалось подписаться начальными буквами имени и фамилии своего старого товарища и общего нашего знакомого, живущего в Житомире[6]. <...>

Не оставьте меня уведомлением, как выполнится и как будет принята публикою в Москве "Женитьба"[7]! Этим Вы крайне меня обяжете.

Так как все экземпляры, укладывались для отсылки в Москву в типографии, а я знаю, что там есть запачканные и испорченные переплетчиком, то если случатся такие, отошлите их назад с следующим адресом: в типографию Жернакова, в больш<ой> Садовой, против Юсупова сада в доме Адама. Издержки пересылки должны быть оплачены на месте получения».

Гоголь в письмах Н. Я. Прокоповича // *Свод.* Т. 1. С. 585.

[1] См. ***1843. Января 8 <20>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] Ср. ***1843. Февраля 17 <марта 1>. Среда. Утро. Санкт-Петербург.***

[3] Письмо Прокоповича не сохранилось. Ответное письмо Гоголя было послано из Рима 16/28 марта 1843 г. (см. ***1843. Марта 28 <16>. Вторник. Рим***).

[4] Письма Шевырева к Прокоповичу неизвестны.

[5] Плетневу.

[6] Сохранился собственноручный гоголевский список статьи П. А. Плетнева «Чичиков или Мертвые души, Гоголя», опубликованной, без имени автора, в июльском номере журнала «Современник» (1842. Т. 27 (подпись под текстом: С. Ш. 19 *Июня*, 1842. *Житомир*; цензурное разрешение 30 июня 1842). <Отд. 1>. С. 19-61). Список опубликован: *Гоголь 2001.* С. 168–178; см. также: *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. (В этом же номере журнала была впервые напечатана вторая редакция повести Гоголя «Портрет»; <Отд. 3>. С. 1–92.) В бумагах Гоголя сохранились также печатные листы со статьей, – вероятно, полученные от Плетнева весной 1843 г. (см. ***1843. Февраля 15 <27>. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1843. Марта между 21 и 26 <марта между 9 и 14>. Утро. Рим***) – уже после изготовления списка (см.: *РГБ.* Ф. 74. К. 9. Ед. хр. 3. 22 лл.). – См. ***1843. Июня 1–3 <мая 20–22>. Четверг. Праздник Вознесения Господня – суббота. Мюнхен.***

Одной из причин, почему Гоголь был сильно заинтересован анонимной статьей Плетнева о «Мертвых душах», – так что, по его словам в письме к П. А. Плетневу 28 ноября (н. ст.) 1842 г., «страшно» хотел ее прочесть, а затем почти целиком переписал, является, по-видимому, то, что Семен Данилович Шаржинский (ум. не ранее 1851 г.), инициалами которого Плетнев подписал статью, – общий знакомый Пушкина, Плетнева, а также соучеников Гоголя по Нежинской гимназии А. С. Данилевского и А. Н. Мокрицкого, – «преинтереснейший и прелюбезнейший человек», – стал в «Мертвых душах» прямым прототипом «любезнейшего и обходительнейшего» мошенника Чичикова (см. ***1834. Июля 18. Среда. Санкт-Петербург***). Возможно, и Плетнев узнал в гоголевском герое его прототип, почему и подписался его инициалами. (Позднее, 23 марта 1851 г., Плетнев, в частности, писал Гоголю в Одессу: «Пожалуста, поклонись Мурзакевичу, Зеленецкому, Саржинскому и всем, кто в Одессе меня вспомнит».)

[7] См. ***1843. Февраля 5 <17>. Пятница. 7 часов вечера. Москва.***

ЯНВАРЯ 26 <ФЕВРАЛЯ 7>. ВТОРНИК. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщает М. Г. Карташевской:

«В первых числах февраля[1] в бенефис Щепкина будут играться две пьесы Гоголя — *Женитьба* и *Игроки*».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 836.

[1] См. ***1843. Февраля 5 <17>. Пятница. Москва.***

ЯНВАРЯ 29 <ФЕВРАЛЯ 10>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

А. И. Тургенев записал в дневнике:

«...К Шепингу[1]. Там Аксаков читал *Ревизор* — по представлении *Ревизора* — Гогеля[2]. Превосходно!»[3]

Через два дня, 1 февраля 1843 г. Тургенев сообщал князю П. А. Вяземскому: «Я слушал чтение из “Разговоров” после представления “Ревизора” и был свидетелем сцены, которую Гоголь прибавил бы к ним, если бы он мог вообразить, что человек, по покройке европейской и в самой Европе окороченный и здесь европейца корчивший, принял пересуды дамские и прочих лиц, хуливших сатиру на чиновников, за истинную сторону, а прочее за изнанку, и сам кивал головой и шептал одобрения тем, коих выставил на смех Гоголь»[4].

[1] Дмитрий Андреевич Шеппинг (1790–1874), генерал-майор в отставке.
[2] Имеется в виду «Театральный разъезд после представления новой комедии». — См. также ***1843. Февраля 19 <марта 3>. Пятница. Москва.***
[3] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод*. Т. 3. С. 77.
[4] Из писем А. И. Тургенева // *Свод*. Т. 3. С. 88.

ЯНВАРЯ 30 <ФЕВРАЛЯ 11>. СУББОТА. НЕРЧИНСК

М. А. Зензинов[1] пишет М. П. Погодину в Москву:

«Читал журналы, книги, прочел “Мертвые души” Гоголя, “Русскую беседу”. Я не буду говорить о произведении Гоголя, а скажу только, что Гоголь — великий наш Художник-Писатель. Гоголь у нас один, и долго-долго не будет другого Гоголя. Он растет талантом видимо и перед глазами. Его перо — кисть Художника, его поэтические места “Мертвых душ” так патриотически высоки, так глубоки чувством, так прелестно очаровательны, что, божусь Вам, я немного читывал подобного на русском языке; в них одно русское, одно нам родное, одно близкое к нашему сердцу»[2].

[1] Михаил Андреевич Зензинов (псевдонимы — Даурси; Даурский пастух; 1805–1873), сибирский промышленник, писатель, корреспондент Погодина и сотрудник «Москвитянина».
[2] *Свод*. Т. 2. С. 549.

ЯНВАРЬ <ЯНВАРЯ СРЕДИНА — ФЕВРАЛЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА>. МОСКВА

С. Т. Аксаков пишет М. П. Погодину:

«Если возможно, скажите в 1 нум<ере> о том, что Щепкин дает себе в бенефис две новые комедии Гоголя...»[1]

В № 1 «Москвитянина» за 1843 г. нет сообщения о предстоящем бенефисе М. С. Щепкина 5 февраля[2].

[1] *Гриц*. С. 302.
[2] См. ***1843. Февраля 5 <17>. Пятница. 7 часов вечера. Москва***.

ФЕВРАЛЯ 1 <13>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

В. П. Боткин пишет А. А. Краевскому в Петербург:

«От вашей милости письмо имел честь получить, да получил еще соч<инения> Гоголя, за которые, не знаю, кому я должен: вам или Прокоповичу?»

Из писем В. П. Боткина // *Свод*. Т. 3. С. 294.

ФЕВРАЛЯ 2 <14>. ПРАЗДНИК СРЕТЕНИЯ ГОСПОДНЯ. ВТОРНИК. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщает М. Г. Карташевской:

«На днях получили мы наконец сочинения Гоголя, сколько успели, прочли, именно *Разъезд*. Не умею и не хочу даже передавать тебе впечатление. <...>

В пятницу[1] бенефис Щепкина, играются и "Женитьба" и "Игроки"; мы все едем, очень любопытно видеть это на сцене. Отесенька занимается постановкой этих пьес и теперь уехал на репетицию, только что-то сомнительно, чтоб было много <публики>. У нас публика очень расчетлива и, истратившись теперь на немецкие оперы[2], вряд ли захочет заплатить подороже из уважения к автору и к бенефицианту. Павловы, Хомяковы и наша фамилия (3 ложи Аксаковых) будем сидеть сряду».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 836–837.

[1] См. ***1843. Февраля 5 <17>. Пятница. Москва***.
[2] См. ***1842. Октября 24 <ноября 5>. Суббота. Москва*** (примечания).

ФЕВРАЛЯ 16 <4>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

Н. М. Языков пишет брату А. М. Языкову:

«...Помните, между прочим, что к концу июня нынешнего 1843 года должен я быть в белокаменной: пятилетний срок[1]! Да и пора уже вообще мне восвояси... довольно я потомился и истомился душою, тоскуя по своей земле, своем языке и своим.

Нынешняя зима в Риме пренегодная — такой, дескать, и старожилы здешние не запомнят; холодно, сыро, мрачно, дожди проливные, ветры бурные: на прошлой неделе от излишества вод и ветров вечный Тибр вздулся, можно сказать, вышел из себя — и затопил часть Рима так, что на некоторых улицах устроилось водное сообщение. Теперь он успокоился, но дожди продолжаются и еще не дают надежды на приятный карнавал, которому быть послезавтра! До сих пор я никогда не видывал таких ливней, какие здесь: представь себе, что бывают целые дни, когда дождь льет, не переставая ни на минуту, с утра до вечера — а льет, как из ведра, как из ушата! Небо, как тряпка,

воздух свищет, вода бьет в окна, по улице река течет, в комнате сумерки!!.. Каков-то будет март – который здесь и обыкновенно крайне дождлив и ветрен? Говорят, что у нас вышел новый указ о странствующих и путешествующих в чужие края, по которому, дескать, вместо известных ежегодных взиманий с сих господ, повелевается взыскивать какие-то проценты[2]!! Напиши мне, как это? и уничтожается ли этим постановлением прежний <*нрзб.*>ветный срок пребывания русских за границею? Мне это важно: не знаю, когда удастся мне подняться из вечного града: говорят, что прежде конца апр<еля> нельзя переезжать Альпы; а мне – ведь я собираюсь заехать к Коп<п>у – может быть, еще нужно будет взять курс вод. Здешний медик[3] дает мне пилюли для укрепления ног моих: от них, следств<енно>, и зависит прямизна или кривизна предполагаемого возврата моего восвояси!! <...>

Я сижу в Риме чрезвычайно уединенно; с Гоголем, который сильно занят и сильно работает, видаюсь во время обеда в 4 ч<аса> пополудни. После обеда дремлем вместе, вечером обыкновенно приходят к нам трое русских[4] (в числе их известный живописец Иванов (прочти статью Чижова о русских художниках в Риме – напечатанную в Спб. Ведом<остях>, № 224 и проч. 1842[5], и статью Шев<ырева> в Москв<итянине>, 1841[6].) – это всё мое знакомство в Риме); часа с два болтаем, а в 9 часов расходится компания, всякий к своему шлафену[7]. Эта история повторяется у меня каждый день: в хорошую погоду езжу кататься и ходить за город!! Осматривать же галлереи я еще не начинал, жду укрепления ног моих, которое для этого необходимо: зане в оных местах нет сидений...<...> Таким образом осматривание Рима в художественном отношении откладывается до будущего марта или апреля!!

Стихов для Москвит<янина>, т. е. вообще у меня теперь нет – и, вероятно, не будет долго еще – нынешняя зима вышла у меня вовсе не литературная – на весну же я и сам не надеюсь: тогда буду чаще выезжать и пользоваться бальзамом всеисцеляющей природы! Недавно читал я статью Шев<ырева> о воспитании (напечатана в Ж<урнале> М<инистерства> Н<ародного> Пр<освещения>)[8], славная вещь, спасибо ему. О каком послании ко мне Кар<олины>[9] пишешь ты – я не знаю – это может быть то, что было напечатано в Москв<итянине> 1841[10] – другого я не знаю. Как обсуживает Каролина Карловна "Мертвые души"? Заодно ли с своим супругом[11] или иначе? Гоголь ведет жизнь очень деятельную, пишет много; поутру, т. е. до 5 ч<асов> пополудни, никто к нему не впускается, ни в будни, ни в праздник; это время всё посвящено у него авторству, творческому уединению, своему делу, а после обеда отдыхает у меня. Что же он сочиняет? – Не знаю! <...>

Н<аталья> А<лексеевна>[12] думает, что я в самом деле закупаю многое множество вещиц дамских, какими славится Рим! – А таможни? – <*1 нрзб.*> же и роскошь следует истреблять, а не питать».

Из писем Н. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 160–161.

[1] См. примеч. ниже.

[2] См.: «...Срок дозволенного пребывания Российских подданных за границею, с узаконенными паспортами, назначен <указом от 17 апреля 1834 г.> для дворян пятилетний, а для лиц прочих сословий трехлетний. Принимая в соображение сие постановление и находя несправедливым, до истечения означенных сроков, распространять закон о взыскании пошлин с заграничных паспортов <от 10 июля 1840 г.> на тех лиц, кои получили оные до того времени, с которого закон сей восприял свое действие <1 января 1841 г.>, Комитет <Министров> полагал обращать на сих лиц взыскание пошлины за выданные им бессрочные заграничные паспорты не прежде, как по истечении дозволенного законом срока пребывания их за границею. <...> ...Правительствующий Сенат, согласно с оным, определяет: 1) С лиц, которые получили заграничные паспорты прежде 1841 года на срок, кончившийся в том же году, при возвращении их в Империю по тем просроченным паспортам, взимать пошлины за первое с 1841 года полугодие по 10 руб<лей> сереб<ром>, а за последующие по 25 руб<лей> сереб<ром>. 2) Взыскивать установленные пошлины и с тех лиц, которые хотя получили паспорты до 1841 года, без ограничения срока, но пробудут за границею более двух лет со дня состояния Высочайшего указа 10 июля 1840 года (13652) <т. е. с 1 января 1843 г.>» (15779. – Июня 23 <1842>. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, распубликованное 19 августа. – О дополнении правил о взимании пошлин с заграничных паспортов // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1843. Т. 15. Отделение 1. С. 685–686).

Указ от 10 июля 1840 г. определял: «За напечатание бланкетов взыскивается со всех паспортов единообразно по 50 коп<еек> серебром. <...> ...Сверх платы за бланкет, взыскивается особая пошлина, за каждое значущееся

в паспорте лицо на следующем основании: с паспортов срочных по 10 руб<лей> серебром за каждые шесть месяцев, а с бессрочных полугодичная только плата, с тем, чтобы с получивших таковые паспорты, в случае пребывания долее за границею, при возвращении их в Россию довзыскиваема была в пограничных таможнях пошлина дополнительно, соответственно времени их отлучки. <...> Настоящие правила имеют восприять действие свое с 1 января 1841 года» (13652. – Июля 10 <1840>. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, распубликованное 20 августа // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1841. Т. 17. Отделение 1. С. 484–485).

[3] Возможно, доктор Гартман (см. ***1842. Октября 13 <1>. Четверг. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Рим***).

[4] А. А. Иванов, Ф. И. Иордан и Ф. В. Чижов. Об этих вечерах см. в письме Иванова к Чижову от средины декабря (н. ст.) 1842 г. (см. ***1842. Декабря средина <декабря начало>. Рим***); в письме Чижова к матери от 4 декабря (н. ст.) 1842 г. (см. ***1842. Декабря 4 <ноября 22>. Воскресенье***), в воспоминаниях Чижова (см. ***1842. Декабря 7 <ноября 25>. Среда. Рим***), Г. П. Галагана (см. ***1842. Декабря конец <декабря средина>. Рим***), Ф. И. Иордана (см. ***1838. Декабря 20 <8>. Четверг. Рим***).

[5] *Чижов Ф. В.* Русские художники в Риме. (Письмо к А. Н. Очкину). Рим, 10 мая 1842 // Санкт-Петербургские Ведомости. 1842. 4, 6, 7 октября. № 224–226.

[6] *Шевырев С.* Русские художники в Риме. (Из путевых записок 1840 года) // Москвитянин. 1841. № 11.

[7] От немецкого «schlafen» – спать.

[8] Статья С. П. Шевырева «Об отношении семейного воспитания к государственному. Речь, произнесенная в Торжественном Собрании Императорского Московского Университета 18 июня 1842» была напечатана в седьмом номере «Москвитянина» за 1842 г. (цензурное разрешение 10 авг.), а также в «Журнале Министерства Народного Просвещения». 1842. Ч. XXXV. Отд. II). – Статью Шевырева прочел тогда же Гоголь (см. ***1843. Марта 2 <февраля 18>. Четверг. Рим***).

[9] Имеется в виду стихотворное послание К. К. Павловой Н. М. Языкову «Приветствована вновь поэтом...» (1842). – См. также ***1843. Февраля 27 <15>. Понедельник. Рим***.

[10] В 1841 г. в № 2 журнала «Москвитянин» (цензурное разрешение 31 янв.) было опубликовано стихотворение Н. М. Языкова «К К. К. Павловой» (написанное 15 февраля 1840 г.) и стихотворный «Ответ Н. М. Языкову» К. К. Павловой, с подписью и датой: «К. Павлова. Июнь 1840». – См. также ***1840. Мая средина. Москва***.

[11] Н. Ф. Павлов.

[12] Языкова.

ФЕВРАЛЯ 15 И (ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО) 17 <3 И 5>. СРЕДА И ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголь отправляет поочередно два письма к Ф. А. фон Моллеру (письма не сохранились). В одном из писем извещает, что А. А. Иванов «твердо перенес первое[1] известие» о смерти матери. Вероятно, в другом письме обращается к Моллеру с просьбой «собрать мнения <...> о его последних произведениях» и выслать эти материалы ему в Рим[2].

[1] См. ***1843. Января 12 <24>. Вторник. Санкт-Петербург***.

[2] См. ***1843. Марта 4 <16>. Четверг. Москва***; ***1843. Июня 1–3 <мая 20–22>. Четверг. Праздник Вознесения Господня – суббота. Мюнхен*** (примечания).

ФЕВРАЛЯ 17 <5>. ПЯТНИЦА. РИМ

Г. П. Галаган, излагая содержание одной из бесед с Гоголем, пишет матери, Е. В. Галаган:

«...Вместе с просвещением, заняв у иностранцев обычаи и одежду, мы неприметно подвергнули и нашу Православную Церковь переменам, вовсе к ней не идущим. Мы начали строить храмы в римском вкусе, или в испорченном вкусе rococo, явились на Руси модели Св. Петра и Пантеона, явились французские церкви, как, напр<имер>, Смольный монастырь, и мы увлеклись мо-

дой, совсем забыли по наши святые храмы Киева или Москвы. Пора нам перестать думать, что все иностранное хорошо... Икона только тогда может называться иконой, когда она удержала в себе весь свой первобытный тип... Пусть картины украшают стены наших гостиных, но им не место в церкви»[1].

Из писем Г. П. Галагана // *Свод.* Т. 3. С. 74.

[1] Ср. во второй редакции повести Гоголя «Портрет» (1842): «Не в гостиную понесу я мои картины, их поставят в церковь. Кто поймет меня, поблагодарит, не поймет — все-таки помолится Богу».

ФЕВРАЛЯ 5 <17>. ПЯТНИЦА. 7 ЧАСОВ ВЕЧЕРА. МОСКВА

На сцене Большого театра в бенефис М. С. Щепкина поставлены «Женитьба» и «Игроки» (премьера)[1].

Кроме комедий Гоголя в тот же вечер шли: «Подставной и отставной», комедия в 2 действиях, с куплетами, перевод с франц., и танцевальный дивертисмент. Порядок спектакля: 1. «Женитьба». 2. Музыкальный антракт. 3. «Подставной и отставной». 4. «Игроки». 5. Дивертисмент[2].

«Состав <исполнителей> при первом представлении <“Женитьбы”>: Агафья Тихоновна — *Орлова*[3], Арина Пантелеймоновна — *Сабурова 1*[4], Фекла Ивановна — *Кавалерова*[5], Подколесин — *Щепкин*, Кочкарев — *Живокини 1*, Яичница — *П. Степанов*, Ходилкин — *Садовский*, Жевакин — *Орлов*, Дуняша — *Шебек*, Стариков — *В. Степанов*, и Степан — *Шуберт*»[6].

«Состав <исполнителей> при первом представлении <“Игроков”>: Ихарев — *Д. Ленский*; Утешительный — *Щепкин*; Швохнев — *П. Степанов*; Кругель — *Ф. Сахаров*; Глов старик — *Усачев*; Глов молодой — *Самарин*; Замухрышкин — *Садовский*; Гаврюшка — *Ермолов 1-й*, Алексей — *Максин 2-й*»[7].

6 февраля 1843 г. С. Т. Аксаков сообщал Гоголю: «Пьесы, цензурованные для представления на театре: “Женитьба” и “Игроки”, были получены <в Москве> гораздо прежде ваших сочинений; я имел случай читать несколько раз в обществе мужчин и дам последнюю и производил восторг и шум необыкновенный, какого не произвела она даже на сцене. На это есть множество причин: 1) на большом Театре, где обыкновенно даются бенефисы, многого нельзя было расслушать; итак, публика только вслушивалась в пиесы. 2) Главные лица: Подколесин и Утешительный дурно были исполнены Щепкиным... Остальных, мелочных причин не нужно исчислять. Но когда подняли занавесь, продолжительный гром рукоплесканий приветствовал появление на сцене нового вашего сочинения. Я не понимаю, милый друг, вашего назначения ролей[8]: Если б Кочкарева играл Щепкин, а Подколесина Живокини, пиеса пошла бы лучше. По свойству своего таланта Щепкин не может играть вялого и нерешительного творения; и Живокини, играя живой характер, не может удерживаться от привычных своих фарсов и движений, которые беспрестанно выводят его из характера играемого им лица; впрочем, надо было отдать ему справедливость: он работал из всех сил, с любовью истинного артиста, и во многих местах был прекрасен. Они желают перемениться ролями: позволите ли вы[9]? В продолжение великого поста они переучат роли, если вы напишете ко мне, что согласны на то. <...>

“*Женитьба*” была разыграна лучше “*Игроков*”. В первой женихи, особенно Садовский *(Анучин* или *Ходилкин*, как перекрестил его г. цензор *Гедеонов*, который по глупости своей много кое-чего повымарал в обеих пьесах: о купцах, дворянах и гусарах. Слово “*гусар*” заменил “*молодцом*”, вместо *Чеботарев* поставил *Чемоданов* и пр.), были недурны. Женщины, кроме Агафьи Тихоновны (Орлова), которая местами была хороша (сваха *Кавалерова* и купчиха — *Сабурова 1-я*) вообще были хороши. (Сваха лучше всех.) Щепкин, ничуть меня не удовлетворяя в строгом смысле, особенно был дурен в сцене с невестой один на один. Его робость беспрестанно напоминала Городничего, и всего хуже в последней сцене. Переходы от восторга, что он женится, вспыхнувшего на минуту, появление сомнения и потом непреодолимого страха от женитьбы даже в то еще время,

когда слова, по-видимому, выражают радость, – все это – совершенно пропало и было выражено пошлыми театральными приемами... Публика грозно молчала всю сцену, и я едва не свалился со стула. Мне тяжело смотреть на Щепкина... он так мне жалок: он переслуживает свою прежнюю славу. – Хомяков, который был подле нас в ложе, весьма справедливо заметил, что те же самые актеры, появившиеся в средней пьесе[10] (какой-то водевиль) между двумя вашими, показались не людьми, а картонными фигурами, куклами выпускными».

Продолжая письмо, Аксаков 7 февраля 1842 г. сообщал: «После спектакля я отправился в Дворянский клуб, где я обыкновенно играю в карты и где есть огромная комната Кругелей, Швохневых[11] и других. Они все дожидались нетерпеливо "*Игроков*" и часто меня спрашивали: что это за пиеса? Там все без исключения – говорили следующее: "«Женитьба» не то, что мы ожидали; гораздо ниже «Ревизора», даже скучно, да и не натурально; а «*Игроки*» хороша, только это старинный анекдот; да и все рассказы игроков известные происшествия". Один сказал, что нынче уже таких штук не употребляют и никто не занимается изучением рисунка обратной стороны. Нашлись такие, которые были в театре, но уехали поранее, и я нашел их уже за картами, уверяющими, что они не могли попасть в Театр, но что после непременно посмотрят обе пьесы. – Странное дело: "Женитьбу" слушали с большим участием; удерживаемый смех, одобрительный гул, как в улье пчел, ходил по театру; а теперь эту пиесу почти все осуждают; "Игроков" слушали гораздо холоднее, а пиесу все почти хвалят; все это я говорю о публике рядовой. – Вчера был у меня П<авлов>, который, несмотря на больные глаза, приезжал в театр, который был поражен "Игроками" и, сидя подле меня, говорил, что это – трагедия, и ужасно бранил игру *Ленского*[12] (занимавшего роль *Ихарева*: я хотел дать ее Мочалову[13], но он пьет напропалую; да и Щепкин, по каким-то соображениям или отношениям, не хотел этого); но вчера, то есть на другой день представления, изволил говорить совсем другое, что "*Женитьба*" шалость большого таланта, а "*Игроки*" не следовало писать, играть и еще менее печатать[14]; что тут нет игроков, а просто воры, или действие слишком одностороннее и пр., то есть говорил совершенный вздор; когда же я ему напомнил вчерашнее его мнение, то он сказал, что был *ошеломлен* вчера и сегодня поутру все хорошенько обдумал... то есть признался откровенно во всем. (Хомяков говорит, что это торжество воли!..)»

Заканчивая письмо к Гоголю, Аксаков 8 февраля добавлял: «Загоскин в театре не был, но неистовствует против "*Женитьбы*" и особенно взбесился за эпиграф к "Ревизору"[15]. С пеной у рта кричит: "*да где же у меня рожа крива?*" Это не выдумка»[16].

24 февраля 1843 г. А. М. Языков писал брату Н. М. Языкову в Рим: «Мы видели на театре "Игроков" и "Женитьбу". Последняя идет лучше, хотя есть комедия недоделанная, а в первой играют порядочно приказного[17] и старика Глова[18], т. е. лица фальшивые, прочие еще не вошли в свои роли; даже Щепкин в "Игроках" плох, зато недурен в "Женитьбе"»[19].

С. П. Шевырев 29 марта 1843 г., в свою очередь, сообщал Гоголю: «Я еще все собирался благодарить тебя за впечатление, которое произвели на меня "Игроки". Это чудное и полное создание. Пиеса так была превосходно разыграна, как еще не была ни одна на московском театре. Тому содействовали первый С. Т. Аксаков превосходным чтением пиесы, второй М. С. Щепкин. Публика приняла эту пиесу соответственно ее достоинству, и мне никогда еще не случалось видеть в театре, чтобы искусство достигало художественным путем такой полноты своего действия, как достигло оно тут. Для меня это было полное наслаждение. Я видел, что и публика наша в состоянии понять искусство и что она имеет в тебе великого художника. "Женитьба" имела успех также, но я нахожу, что распределение ролей в этой пиесе было неудачно».

В средине февраля 1843 г. В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской: «Я, кажется, тебе еще ничего не говорила о бенефисе Щепкина. Пьесы были играны очень неудовлетворительно для тех, кто знал их прежде и особенно кто слышал чтение их. Хотя аплодировали не так сильно, но слушали с большим вниманием, и беспрестанный смех ходил по театру, особенно во время "Женитьбы"; а всем понравились более "Игроки", хотя последняя пьеса есть только сцена, а не целая комедия, один только анекдот из жизни игроков.

Замечательно, как всех даже поразила та разность между пьесами Гоголя и какой-нибудь французской, которой перевод давали между "Женитьбой" и "Игроками". Как все совсем другое, как сами актеры совсем не те, совершенно как будто игралась кукольная комедия[20].

Первый отзыв после этого бенефиса напечатан в газетах, и — что приятно,— что, во-первых, умная очень статья[21], хотя он и восхищается игрою актеров и хотя и ставит "Женитьбу" выше "Игроков", потому что в этих последних он находит больше завязки, но статья прекрасная, и потом статья писана неизвестно кем, только человеком, совсем не принадлежащим к этому обществу людей, уже известных своею любовью к Гоголю; стало быть, эту статью можно почти принять за общий голос, общий отзыв, и это весело. Но надобно отдать справедливость, что актеры делали все возможное, чтоб исполнить хорошо свои роли, и многое было удачно. Мы сидели рядом с Павловыми и Хомяковыми. Хомяков в продолжение всей пьесы "Женитьба" так смеялся, что нам вдвойне было смешно»[22].

В. И. Живокини вспоминал: «В бенефис Щепкина он ставил "Женитьбу" и настаивал, чтобы Кочкарева играл я[23], тогда как Щепкину самому хотелось играть эту роль; но Гоголь настоял на своем и Кочкарева играл я[24], хотя он меня и не видал, потому что во время представления не был в Москве»[25].

Рецензент «Московских Ведомостей» Н. Рожалин 11 февраля 1843 г. писал: «Несчастный водевиль с Французского (Подставной и отставной), как-то невзначай попавший между двух произведений нашего гениального соотечественника, был совершенно ими уничтожен. <...> Наш несравненный Щепкин вполне постиг странный характер Подколесина и выполнил его в совершенстве. <...> ...Теперь нет возможности вообразить себе Подколесина иначе как с фигурою Щепкина. <...> Заметим однако, что переход от восторгов к отчаянию показался нам немного быстр: надо бы продлить состояние сомнения и колебания, очень естественное в человеке, подобном Подколесину. <...> Это комедия характеров и положений, а не действия; сюжет в ней дело второстепенное. Может быть даже, это единственный ее недостаток, производящий отчасти пустоту и утомление; потому что внимание слушателя поддерживается исключительно комизмом отдельных сцен, а не возбуждается развитием главной мысли. Оттого нет постепенности в ходе пиэсы; положения лиц, начиная от первых сцен до конца, остается почти одно и то же. Притом собственно действующих лиц только двое — Подколесин и его друг: все прочие выведены как обстановка к этим двум, служат к осложению положений и к произведению комического эффекта. <...> В *Игроках* наши артисты поняли, что автор не имел главной целью смешить комизмом лиц и положений, а стремился к живой, осязательной естественности; сообразно этому они отказались от всех юмористических выходок, и достигли истинно художественной простоты исполнения... <...> ...Заблуждение зрителей поддерживалось до конца, до самой развязки, которая, согласно с целью автора, поразила всех своей неожиданностию»[26].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 253, 260; *Ельницкая 1979.* С. 323, 333. — 8 февраля 1843 г. эта же постановка «Женитьбы» и «Игроков» была показана в Москве на сцене Большого театра (см. ***1843. Февраля 8 <20>. Понедельник. Москва***). Следующие представления гоголевских комедий в Москве в 1843 г. состоялись в Малом театре 11 и 15 февраля (см. ***1843. Февраля 11 <23>. Четверг. Москва***; ***1843. Февраля 15 <27>. Понедельник. Утро. Москва***). См. также ***1843. Февраля 24 <марта 8>. Среда. Москва***.

[2] См.: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 659 (фотокопия афиши спектакля).

[3] Прасковья Ивановна Орлова (в девичестве Куликова, 1815–1900), артистка Малого театра.

[4] Аграфена Тимофеевна Сабурова (в девичестве Окунева) (1795–1867), артистка Малого театра.

[5] Елена Матвеевна Кавалерова (рожд. Воробьева), артистка Малого театра.

[6] *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя> // *ГЦТМ.* Ф. 299. Ед. хр. 1852. Л. 6 (черновик); *ГЦТМ.* Ф. 299. Ед. хр. 1853. Л. 9 (беловик); *Свод.* Т. 3. С. 83. См. также: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 659 (фотокопия афиши).

[7] *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя> // *ГЦТМ.* Ф. 299. Ед. хр. 1853. Л. 9 об.; *Свод.* Т. 3. С. 83. См. также: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 659 (фотокопия афиши).

[8] См. ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим.***

[9] Такое согласие было получено (см. ответное письмо Гоголя С. Т. Аксакову из Рима от 18 марта (н. ст.) 1843 г.: ***1843. Марта после 20 <после 8>. Рим***).

[10] Кроме пьес Гоголя, в бенефис Щепкина был поставлен переведенный с французского водевиль «Подставной и отставной».

[11] Действующие лица «Игроков».

[12] Дмитрий Тимофеевич Ленский (1805–1860), водевилист и артист Малого театра.

[13] Павел Степанович Мочалов (1800–1848), московский трагик.

[14] По наблюдению В. И. Шенрока, «осуждение Н. Ф. Павловым “Игроков” за то, что эта пьеса вовсе не комедия, а трагедия», а также мнение Павлова о том, что ее «не следовало <...> печатать», использовано Гоголем в «Развязке Ревизора», будучи в несколько измененном виде отнесено к «Ревизору»: «Гоголь заставил там Петра Петровича воскликнуть: “Признаюсь на меня *ни одна трагедия*, не производила такого печального, такого тягостного, такого безотрадного чувства”» (*Шенрок*. Т. 4. С. 102; см. также следующее примеч.). К. П. Масальский, в свою очередь, замечал по поводу авторского определения жанра «Мертвых душ»: «Мы не понимаем, почему *Мертвые души* названы поэмой. <...> Если *Похождения Чичикова* поэма, то мы не видим препятствия назвать *Ревизора* трагедией в пяти действиях» (*<Масальский К. П.>* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя // Сын Отечества. 1842. № 6. Отд. 6. С. 5). Проникнутое иронией замечание Масальского на самом деле было недалеко от истины. Сам Гоголь действительно видел в «Ревизоре» не простую комедию, но «комедию-трагедию» (подробнее об этом см.: *Виноградов 2000*. С. 293–295). Трагизм гоголевской «комедии» почувствовал по-своему и В. Г. Белинский, – понимая всё, однако, лишь в политическом значении – ища, как всегда, «нравоученья для *других*, а не для себя». В статье «Александринский театр. Щепкин на Петербургской сцене» (1844) критик замечал: «...Разделение театральных пьес на трагедии и комедии в том смысле, как вы его понимаете, ложно. “Ревизор” Гоголя столько же трагедия, сколько и комедия. Что чувствуете вы, когда в последнем акте торжествующий городничий “распекает” купцов?.. <...> ...Представьте <...> себе такого человека действительно генералом... захочется ли вам смеяться?..» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: в 9 т. М., 1981. Т. 7. С. 505). Об этом же Белинский размышлял и в 1840 г. в статье «Горе от ума... Сочинение А. С. Грибоедова»: «Сделайся наш городничий генералом... <...> тогда из комедии могла бы выйти трагедия для “маленького человека”...» (Там же. Т. 2. С. 226). – См. также ***1839. Февраля 2 <14>. Четверг. Праздник Сретения Господня. Утро. Москва***; ***1842. Января 2. Пятница. Санкт-Петербург***.

[15] Эпиграф («На зеркало неча пенять, коли рожа крива. Народная пословица») впервые появился в издании «Сочинений» 1842 г. Восклицания М. Н. Загоскина отразились в гоголевской «Развязке Ревизора» (реплика Семен Семеныча). По замечанию В. И. Шенрока, в целом настоящее письмо С. Т. Аксакова «замечательно <...> в том отношении, что оно до некоторой степени проливает свет на возникновение пиесы “Развязка Ревизора”, подобно тому как “Театральный Разъезд” воспроизводит толки, вызванные первым представлением “Ревизора” в 1836 году...» (*Шенрок*. Т. 4. С. 100).

[16] В те же дни февраля 1843 г. М. Н. Загоскин писал О. Сем. Аксаковой: «Возвращаю вам с благодарностию 3-й том сочинений Гоголя. – Сцена *Игроки* хороша и за нее от всей души спасибо Гоголю. Души и топчи в грязь разбойников и негодяев – тем более, что эти привилегированные воры везде есть. Но конечно во всей Европе нет нигде, кроме России – извините! – кроме как в плохой комедии *Женитьба* – морского офицера, который полагал бы, что в Италии говорят по-французски. Уж то-то и есть, полно, рожа ли крива, не криво ли зеркало?» (*ГЛМ*. Ф. 244. Оп. 1. Д. 11. Л. 1; опубл.: Лики Гоголя. Фотоальбом. Под общ. ред. М. С. Гомозковой. Авторы-составители Е. М. Варенцова, С. П. Белехова, В. Н. Куделина, Н. Г. Прохоров. М., 2009. С. 135; датировка письма уточнена).

[17] Исполнитель роли – П. М. Садовский.

[18] Роль исполнял Ф. Н. Усачев.

[19] Из писем А. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 183.

[20] Кроме пьес Гоголя, в бенефис Щепкина был поставлен переведенный с французского водевиль «Подставной и отставной».

[21] Имеется в виду публикация: *<Ригельман Н. А.> Н. Р.* Бенефис Щепкина. (Статья для иногородных) // Московские Ведомости. 1843. 11 февр. № 18. С. 107–108.

[22] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 837. – Датировка письма уточнена.

[23] См. ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим***.

[24] См. ***1843. Февраля 8 <20>. Понедельник. Москва***.

[25] *Живокини В. И.* Из моих воспоминаний // *Свод*. Т. 3. С. 40.

[26] *<Рожалин Н.> Н. Р.* Бенефис Щепкина. (Статья для иногородних) // Московские Ведомости. 1843. 11 февр. № 18. С. 107–108; *Гриц*. С. 304.

ФЕВРАЛЯ 5 <17>. ПЯТНИЦА. РУЗА

Н. Н. Шереметева получила[1] письмо Гоголя из Рима[2].

[1] См. ***1842. Февраля 12 <24>. Пятница. Покровское***.

[2] См. ***1843 января 5 <1842 декабря 24>. Четверг. Рождественский сочельник. Рим.***

ФЕВРАЛЯ 18 <6>. СУББОТА. РИМ

Гоголь пишет ответное письмо Н. Н. Шереметевой в Рузу:

«Я получил два письма ваши: одно от 19 дек<абря>[1] и другое от 6 января[2]. <...> Письма ваши мне так же сладки, как молитва в храме; и таково должно быть их действие, ибо вы писали их в минуту душевной молитвы, и мне кажется даже, что я слышу самые слезы ваши, порожденные молитвою. Я свеж и бодр. Часто душа моя так бывает тверда, что, кажется, никакие огорчения не в силах сокрушить меня. Да есть ли огорчения в свете? Мы их назвали огорчениями, тогда как они суть великие блага и глубокие счастия, ниспосылаемые человеку. Они хранители наши и спасители души нашей. Чем глубже взгляну на жизнь свою и на все доселе ниспосланные мне случаи, тем глубже вижу чудное участие высших сил во всем, что ни касается меня, и недостает у меня ни слов, ни слез, ни молитв для излияния душевных моих благодарений. И вся бы хотела превратиться в один благодарный вечный гимн душа моя[3]! Вот вам состояние моего сердца, добрый друг мой! <...> Языков вам кланяется и благодарит вас».

[1] См. ***1842. Декабря 19 <31>. Суббота. Покровское.***

[2] Письмо не сохранилось (см. ***1843. Января 6 <18>. Среда. Праздник Крещения Господня. Руза***; ***1843. Февраля 12 <24>. Пятница. Покровское, Москва***).

[3] В сочинении <О благодарности> (см. ***1842 октября 4 <сентября 22> – 1843 мая 2 <апреля 20>. Рим***) Гоголь писал, что жизнь получившего «много способностей и сил» человека «должна превратиться в один благодарный Гимн, а чувства изливаться одной прекрасной песнью неумолкаемого благодарения». Вскоре Гоголь приступил к работе над книгой о Божественной Литургии (см. ***1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца***), и, по всей вероятности, именно размышления о евхаристическом, или благодарственном каноне – средоточии литургического богослужения (когда, по словам Гоголя, «вся церковь <...> соединяется в одно торжественно-благодарное пение»), отразились в данном произведении.

В гоголевском переводе «Увещательных глав» диакона Великой церкви Св. Софии в Константинополе Агапита св. правоверному царю Юстиниану также говорится: «Знай, о Богом созданный образ Благочестия, что скольких великих даров от Бога ты удостоился, столько ты и должен воздать Ему. Отдай же благодетелю долг благодарности...» (пер. с ит. А. П. Лободанова).

(См. также строки позднейших писем Гоголя: от 10 июля 1850 г. – к графу А. П. Толстому: «И право, мне кажется, человеку не о чем помышлять, как только о том, чтобы превратиться в благодарственный гимн и неумолкаемую песнь Ему»; от 30 декабря 1850 г. – к протоиерею М. А. Константиновскому: «Молюсь, чтобы Бог превратил меня всего в один *благодарный гимн* Ему, которым бы должно быть всякое творенье, а тем более *словесное*, чтобы, очистивши меня от всех моих скверн, не помянувши всего недостоинства моего, сподобил бы Он меня, недостойного и грешного, превратиться в одну благодарную песнь Ему»; от 22 декабря 1851 г. – к сестре Ольге Васильевне: «...Нам следует ежеминутно благодарить Бога, благодарить Его радостно, весело <...> вся наша жизнь должна быть неумолкаемой, радостной песнью благодаренья Богу. О, если бы сделать так, чтобы и никогда и времени недоставало для всяких других речей, кроме ликующих речей вечной признательности Богу!»)

В гоголевском переводе «Увещательных глав» диакона Агапита встречается также фраза: «Отведи от себя обманчивые слова льстецов, хищным воронам они подобны. Ибо воистину выклёвывают они глаза; туманят они помыслы души, не позволяя видеть истину. Поэтому хвалят они иной раз то, что заслуживает поношения, и поносят часто то, что выше всех похвал. И грешат они, так или иначе, вознося худое и хуля доброе». В записной книжке Гоголя 1841–1846 гг. имеется заметка соответствующего содержания: «Грусть оттого, что не видишь добра в добре, и <оно> кажется меньше: враждебны<ми> представля<ются> образы привлекательн<ые>».

Позднее, в первоначальной редакции статьи *X. О лиризме наших поэтов* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846), Гоголь писал: «Власть Государя явленье бессмысленное, если он не почувствует, что должен быть образом Божиим на земле». Сходная мысль, в свою очередь, содержится в гоголевском переводе «Увещательных глав» диакона Агапита: «Как (случается) у мореплавателей, когда ошибается матрос, приносит он малый вред для плывущих с ним. Но когда (ошибается) сам кормчий, несет он гибель (погибель) всему судну. Так (тоже случается) в Городах, если какой из подданных грешит, вредит он не столько обществу, сколько себе. Но если (бы согрешил) сам Властитель, творит он разрушение всего общества».

ФЕВРАЛЯ 6 <18>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. Г. Белинский пишет В. П. Боткину в Москву:

«Кстати: подписка[1] идет недурно – лучше, чем в прошлый год, но у "Библиотеки для чтения" все-таки *больше* подписчиков. Пиши для российской публики! Гоголя сочинения идут тихо: честь и слава бараньему стаду, для которого и Булгарин с братиею все еще высокие гении!»

Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 262.

[1] На журнал «Отечественные Записки».

ФЕВРАЛЯ 7 – ФЕВРАЛЯ СРЕДИНА <ФЕВРАЛЯ 19 – ФЕВРАЛЯ КОНЕЦ>. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщает М. Г. Карташевской:

«Как громом поразили меня твои слова про "Шинель": и тут есть места прекрасные. Но потом я успокоилась, узнавши, каким образом ты прочла ее, т. е. кто тебе читал. Во всяком случае, я жалею, что ты не сама прочла или не слыхала отесеньки или кого-нибудь другого... <...> Вообрази, что на днях Ванечка[1] рассказывал нам совершенно в роде "Шинели" сцену, происходившую в их канцелярии. Возмутительно слышать!»

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 837. – Датировка письма уточнена.

[1] И. С. Аксаков, брат Аксаковой.

ФЕВРАЛЯ 8 <20>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Представление[1] артистами Малого театра «Женитьбы» и «Игроков» на сцене Большого театра[2]. В ролях Подколесина и Утешительного – М. С. Щепкин[3].

В тот же день А. И. Тургенев записал в дневнике: «...В 7-м часу к Сушк<овым> и с ними в русский театр: давали *Женитьбу* и *Игроков* Гоголя и какого-то *Подставного.* И Щепкин не очень понравился. Женитьба неблагопристойные, площадные, гадкие выражения. Государь прав[4]. Что за люди! – и что за язык! В начале Игроков уехал»[5].

На следующий день, 9 февраля 1843 г., Тургенев сообщал брату Н. И. Тургеневу: «Вчера я заказал для племянниц ложу в русском театре: там давали три пьесы, две из них Гоголя, только что поставленные. Одна, *"Женитьба"*, вызвала много нареканий в петербургских газетах; говорят, что сам император не пожелал смотреть ее вторично вместе с семейством из-за дурного тона и царящих там непристойностей. Все же пьеса удержалась на театре. Я тоже слушал с отвращением низкие речи и пошлые, чересчур вульгарные выражения, коими она изобилует. Пьеса заставила чернь смеяться, но не только не возвышает, а пожалуй что и заставляет пасть еще ниже. Вторая пьеса – "Игроки", которую я уже слышал в чтении; она изображает провинциальные и столичные нравы с самой дурной стороны; это Гоголь *"Мертвых душ"* – весь серый и грязный. Обе пьесы предназначались для бенефиса *Щепкина*, лучшего нашего комического актера. <...> В Гоголе несомненно есть истинный комизм. Но публики было немного. Один из женихов носит фамилию *Яишников, – стало быть, я буду яишницей, – восклицает невеста,* и отказывает. *Говорят, что была речь – и о яйцах или яичках, при первом представлении, и шутку нашли слишком похабною*»[6].

В тот же день, 8 февраля 1843 г., С. Т. Аксаков отправляет Гоголю в Рим письмо, начатое 6 февраля:

«1843 года, февраля 6. Москва.

<...> ...Не писал к вам, во-первых, потому, что сначала мы были встревожены слухами, будто Государь был недоволен *"Мертвыми душами"* и запретил второе их издание; будто также недоволен был *"Женитьбой"*[7], и что 4-й том ваших сочинений задержан, перемаран и вновь должен быть напечатан (все это, как оказалось после, или совершенная неправда, или было, да не так). Во-вторых, не писал я к вам потому, что в бенефис Щепкина ставились на здешнем театре *"Женитьба" и "Игроки"*; разумеется, я не пропускал репетиций и сколько мог хлопотал, чтобы пьесы были поняты и сколько-нибудь сносно сыграны. Вчера[8] сошел бенефис Щепкина, и сегодня принимаюсь я писать к вам; но, вероятно, ранее понедельника[9] это письмо не отправится в Рим. Еще к 1-му ноября ожидали мы ваших сочинений; даже книгопродавцы московские не получали еще их, объявлено в газетах, что такого-то числа поступят в продажу сочинения Г<оголя>. Я непременно хотел дождаться их появления, чтоб написать о всем, и о моих собственных впечатлениях, и о том, что произведут они на всю массу читающей московской публики; но сочинения ваши запоздали своим выходом сами по себе, и потом действительно 4-й том был задержан (так что у нас были получены два первых задолго до получения 4-го; почему не было получено третьего, не знаю). Впрочем, эти задержки произошли вследствие особенных обстоятельств. Два цензора были посажены под арест за пропуск какой-то статьи[10]; это заставило их сделаться еще осторожнее и остановить выпуск некоторых уже отпечатанных книг, в том числе и 4-й том ваших сочинений. Наконец, все было получено без всяких исключений... Все (я разумею людей, способных понимать и чувствовать) были в восхищении, что истина восторжествовала. Все приписывают это Самому Государю[11] (я то же думаю) и все восхищаются Его высоким правительственным разумом. Вообще, появление на сцене и в печати ваших творений будет памятником Его царствования; мы благословляем его от души! <...> Верстовский[12] (который вас обнимает: недавно я прочел ему *"Разъезд"*, и он два дня был в упоении) и другие говорят, что в Петербурге Мартынов[13] в роли *Подколесина* – бесподобен; но все прочие лица несравненно ниже московских. Послезавтра[14] бенефис должен повториться на большом театре, а потом пиесы ваши навсегда сойдут на Малый театр. Актеры и любители театра нетерпеливо этого ожидают, там они <пьесы> получат настоящую цену и оценку. <...>

8-го февраля.

<...> Верстовский просил меня написать к вам, что он берется поставить "*Разъезд*", а то дирекция возьмет его по разам и пр. Исполняю его желание, хотя знаю наперед ваш ответ. – Обращаюсь к Изданию ваших сочинений: вообще оно произвело выгодное для вас впечатление на целую Москву, ибо главное ожесточение против вас произвели "Мертвые души". "Шинель" и "Разъезд" всем без исключения нравятся; полнейшее развитие "*Тараса Бульбы*"[15] также. Судя по нетерпению, с которым их ожидали, и по словам здешних книгопродавцев, которые были осаждаемы спрашивающими, должно предполагать, что издание будет иметь сильный расход. – Что касается до меня и до всех моих, то трудно сказать что-нибудь новое о наших чувствах: мы наслаждаемся *вполне*. Конечно, новые ваши творения, например "*Шинель*" и особенно "*Разъезд*", сначала так нас поразили, что мы невольно восклицали: *"это выше всего"*; но впоследствии, повторив в несчетный раз старое, увидели, что и там тоже вечная жизнь, те же живые образы. Но я, лично я, остаюсь, однако, при мнении, что "*Разъезд*", по обширному своему объему, по сжатости и множеству глубоких мыслей, по разумности цели пьесы, *по языку*, по благородству и высокости цели, по важности своего действия на общество – точно выше других пьес. Не говорю о других красотах его, которые он разделяет со всеми вашими сочинениями такого рода или содержания. – Мы слышали, что куда-то прислан экземпляр ваших сочинений для нас: благодарим вас. Дай Бог, чтоб наступило скорее время или, лучше сказать, чтоб оно прошло благополучно, когда вы, сидя посреди всех наших, напишете на первом листочке: "*милым друзьям*"[16] и пр. – Хотя я очень знаю, что действия ваши, относительно появления ваших созданий, заранее обдуманы, что поэт лучше нас, рядовых людей, прозревает в будущее: но (следую, впрочем, более убеждениям других,

любящих также вас людей) теперь много обстоятельств требуют, чтоб вы сами, если возможно, ускорили выход второго тома "*Мертвых душ*". Подумайте об этом, милый друг, хорошенько... Много людей, истинно вас любящих, просили меня написать вам этот совет. Впрочем, ведь мы не знаем, такое ли содержание 2-го тома, чтоб зажать рот врагам вашим? Может быть, полная казнь их заключается в 3-м томе?..

Вы так давно не писали к нам, что это наводит на меня сомнение; я боюсь, что вы недовольны или досадуете за брошюрку Константина[17] и что чувство досады мешает вам писать; Вы дожидаетесь, может быть, пока она пройдет совершенно. Если так, то, пожалуйста, пишите, не дожидаясь полного исчезновения неприятного чувства. Я сам знаю, что это ошибка, и не маловажная: с его стороны написать, а с моей – позволить печатать. Но что же делать? нам казалось, что смелое указание истинного взгляда может навести многих на настоящую точку зрения, и если это так, то чего смотреть на толпу, которая заревет, не понимая цели. Впрочем, это не извиняет меня: я, седой дурак, должен был понять, что этот рев будет неприятен вам. Есть люди, которые говорят, что он вам даже повредил; но я решительно не соглашаюсь с ними: вам вредить ничто не может. Одно могло бы быть вредно, и то как отсрочка – полное равнодушие, невнимание; но дело уж давно не так идет. <...>

Намерение мое уехать в Оренбургскую губернию[18] сильно поколебалось, и мы ищем купить деревню около Москвы, но до сих пор не находим. Я хочу только приятного местоположения и устроенного дома. Мысль, что вы, милый друг, со временем переселясь на житье в Москву, будете иногда гостить у нас, – много украшает в глазах наших наше будущее уединение».

[1] Первое представление состоялось 5 февраля (см. ***1843. Февраля 5 <17>. Пятница. Москва***).

[2] *Ельницкая 1978*. С. 253, 260; *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя> // *ГЦТМ*. Ф. 299. Ед. хр. 1853. Л. 6.

[3] *Гриц*. С. 305.

[4] См. ***1842. Декабря 9 <21>. Среда. Санкт-Петербург***; ***1842 декабря вторая половина <1842 декабря конец – 1843 января начало>. Санкт-Петербург***.

[5] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод*. Т. 3. С. 77–78.

[6] Из писем А. И. Тургенева // *Свод*. Т. 3. С. 88–89.

[7] См. ***1842 декабря вторая половина <1842 декабря конец – 1843 января начало>. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1843. Февраля 5 <17>. Пятница. Москва.***

[9] 8 февраля 1843 г.

[10] 11 декабря 1842 г. цензоры А. В. Никитенко и С. С. Куторга по жалобе графа П. А. Клейнмихеля приказом Императора были арестованы и посажены на одну ночь на гауптвахту за разрешение повести П. В. Ефебовского «Гувернантка», напечатанной в № 8 «Сына Отечества» за 1842 г. В повести было усмотрено оскорбление офицерства (см. ***1842. Декабря 11 <23>. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1842 декабря 24 <1843 января 5>. Четверг. Рождественский сочельник. Санкт-Петербург***).

[11] В действительности «Сочинения» Гоголя в четырех томах были разрешены цензурным комитетом без вмешательства Императора Николая I (см. ***1842 декабря 24 <1843 января 5>. Четверг. Рождественский сочельник. Санкт-Петербург***).

[12] Алексей Николаевич Верстовский (1799–1862), композитор.

[13] Александр Евстафьевич Мартынов (1816–1860), актер Александринского театра.

[14] Т. е. 8 февраля (см. выше).

[15] Речь идет о второй редакции «Тараса Бульбы», напечатанной в «Сочинениях» 1842 г.

[16] См. ***1842. Мая 21. Четверг. Москва.***

[17] Брошюра К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (М., 1842). Подробнее см.: ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки*** (примечания).

[18] В Оренбургской губернии было имение Аксаковых.

ФЕВРАЛЯ 9 <21>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев читает у Балабиных первую главу второй редакции «Тараса Бульбы».

10 февраля 1843 г. Плетнев сообщал Я. К. Гроту: *«Вторник (9 февраля).* <...> Чай пил у Балабиных, где еще была m-me Мердер. Я им прочитал из Современника подробности о Демидовском доме[1] и первую главу из нового издания Тараса Бульбы».

Свод. Т. 1. С. 666.

[1] Возможно, имеется в виду статья «Младенческие приюты в Санктпетербурге», напечатанная в т. 11 «Современника» за 1838 г. (с. 19).

ФЕВРАЛЯ 9 <21>. ВТОРНИК. МОСКВА

А. И. Тургенев записал в дневнике:

«...С Боде[1] – фрейлиной болтал о России, о *Мертвых душах*: просила *Marmier*[2] и проч. Советовал, как некогда и кн<яжне> Урус<овой>[3], не пачкать души дурным чтением, хотя бы и умным, как *Мертвые души*».

Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 78.

[1] Одна из трех дочерей барона Л. К. Боде – фрейлин императрицы Александры Феодоровны: Анна Львовна (в замужестве – с 1854 г. – княгиня Долгорукова, 1815–1897) или Мария Львовна (в монашестве Паисия, 1818–1864) и Екатерина Львовна (в замужестве – с 1843 г. – Олсуфьева, во втором браке княгиня Вяземская, 1819–1867).
[2] Подразумеваются сочинения Ксавье Мармье.
[3] Вероятно, имеется в виду княжна Софья Александровна Урусова (1804–1889), фрейлина.

ФЕВРАЛЯ 10 <22>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Свадьба А. В. Веневитинова и старшей дочери Виельгорских графини Аполлинарии Михайловны.

Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 57.

ФЕВРАЛЯ 10 <22>. СРЕДА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь пишет О. Сем. Аксаковой в Москву:

«От излишних хлопот в моей голове сделался какой-то хаос, смешались все идеи, теперь припоминаю себе, что сын мой говорил мне о печатании его книг в С<анкт>-П<етербурге>, я забыла и вообразила себе в Москве, и тем более утвердилась в этой мысли, что Михайло Петрович в бытность свою у нас[1] уверял меня, что в осень или не далее зимы я получу непременно деньги для уплаты проценту, и потому я решилась напомнить ему о том и озаботила его в болезни, и при его занятиях он должен был писать в С<анкт>-П<етербург> посылаемое письмо, вот, что значит тревога душевная, тогда человек совершенно теряется и хватается за первую попавшуюс<я> ему мысль. Богу угодно было послать мне помощь там, где я никогда не ожидала, нигде не могла занять, у самых старых хозяинов, все ужасно нуждаются, но соученик моего сына г. *Данилевской*, живущий от нас в 50-ти верстах, узнав о моих тревожных хлопотах, написал, убеждая меня принять от него денег, сколько мне угодно, для уплаты недоимок; отвечая на его письмо, сомневалась, ес<ть> ли у него столько денег, сколько мне нужно, как он прислал мне все, сколько было нужно, и я везде уплатила, и спокойно ожидаю марта месяца, когда я продаю сено, теперь оно у нас недешево, когда только не помешает это время, у нас совсем нет зимы и так тепло, как в апреле месяцы бывает, не-

обыкновенное явление природы в моей жизни, забываем даже, что в это время бывает снег и ездят в санях, одного только боюсь, чтобы не помешало мне выручить деньги для уплаты моему доброму кредитору, теперь, когда я спокойнее, то кажется, чего бы так хлопотать, почему бы не положиться на Бога! Он меня всегда спасал от всех бед, и не воображать, что оценят частицу имения и продадут, когда другие, имея гораздо более недоимки, не хлопочут, верно, более надеются на Бога! а я грешная не могу ничего переносить равнодушно.

Да поможет вам Господь купить деревню без прежних хлопот. Завидую вам в свидании с Надеждой Николаевной, а я не могу наслаждаться ее беседой.

От сына моего я получила письмо из Рима еще в октябре, в котором он поздравлял меня с именинами[2] и просил меня не беспокоиться, когда не часто буду получать его письма, что ему очень много и нужно писать, но уже пора ему написать и я с нетерпением ожидаю его отзыва и комедий, удивляюсь, что он о сю пору не прислал мне их, как-то их приймут, как они появятся в первой раз в свет, под руководством славного артиста Щепкина. Мысленно летела бы в театр, убедительнейше прошу вас, почтеннейшая Ольга Семеновна, написать мне истинну, как приймет публика».

Свод. Т. 1. С. 113.

[1] 16 и 17 июля 1842 г. (см. ***1842. Июля 16–17 <28–29>. Четверг-пятница. Васильевка***)
[2] См. ***1842. Октября 1 <13>. Четверг. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Васильевка.***

ФЕВРАЛЯ 11 <23>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Представление «Женитьбы» и «Игроков» в Малом театре[1]. В ролях Подколесина и Утешительного – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 253, 260; *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя> // *ГЦТМ.* Ф. 299. Ед. хр. 1853. Л. 6.
[2] *Гриц.* С. 305.

ФЕВРАЛЯ 12 <24>. ПЯТНИЦА. ПОКРОВСКОЕ, МОСКВА

Н. Н. Шереметева пишет в Рим ответное письмо к Гоголю:

«Покровское. Февраля 12.

Письмо ваше от 24 декабря[1], адресованное в Рузу, имела истинное утешение получить февраля 5. Очень за него и вас, мой милый друг, благодарю, и от всего сердца благодарю Бога, меня порадовавшего и успокоившего на ваш счет. <...> ...Трудитесь, молю Отца Небесного, да освятит Он труд ваш на пользу другим, а следовательно, и душе вашей на радость. <...> Я к вам хотела писать и не получа письма вашего, чтобы к 19 марта достигло до вас мое поздравление. Поздравляю вас, мой милый друг, с рождением; важен для христианина этот день, получаем право наследовать вечное блаженство, как и получим, если пройдем здешнее странствие, как должно христианину... <...> ...В самой праздник Рождества Христова[2] <...> хотелось <...> с вами, мой милый друг, сколько-нибудь побеседовать, и кончила <...> письмо 6^{е} генваря[3] и отправила <...> в Рим[4]. Пишу из Москвы, оно пойдет 15 фев<раля>; рада буду, когда к 19 марту до вас доберется...»

[1] См. ***1843 января 5 <1842 декабря 24>. Четверг. Рождественский сочельник. Рим.***
[2] 25 декабря 1842 г.
[3] Праздник Крещения Господня.
[4] Письмо до нас не дошло (см. ***1843. Января 6 <18>. Среда. Праздник Крещения Господня. Руза***). – См. также ***1843. Февраля 18 <6>. Суббота. Рим.***

ФЕВРАЛЯ 25 <13>. СУББОТА. РИМ

Гоголь получает[1] письмо А. С. Данилевского из Миргорода[2].

[1] См. ***1843. Февраля 26 <14>. Воскресенье. Рим.***
[2] См. ***1842 декабря конец <1843 января начало>. Миргород.***

ФЕВРАЛЯ 26 <14>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

Гоголь пишет ответное письмо А. С. Данилевскому в Миргород:

«Я получил вчера[1] письмо твое. <...> Служить в Петербурге и получить место во внешн<ей> торг<овле> или <в министерстве> иност<ранных> дел не так легко. <...> ...Меня страшит и самый Петербург<ский> климат. Ты же и теперь, и в деревне находишься, как видно, в болезненном состоянии... <...> И притом, разве ты не чувствуешь, что вовсе к тебе уже примешалась та болезнь, которою одержимо всё наше поколение[2]: неудовлетворенье и тоска. Против них нужно, чтобы слишком твердый и сильный отпор заключился в нашей собственной груди, сила стремления к чему-нибудь избранному всей душой и всей глубиной ее, одним словом — внутренняя цель, сильный предмет, к чему бы то ни было, но всё же какая бы то ни была страсть. <...> Ибо всё находится в собственной душе нашей... <...>

Покамест я думаю и могу советовать вот что: если тебе будет уже невмочь жить более в деревне, тогда выезжай из нее. Выезд всё будет хорош, и нельзя, чтобы не был в каком-нибудь отношении благодетелен. Поезжай прежде в Москву, отведай прежде Москвы, а потом, если не слюбится, поезжай в Петербург. Советуя тебе в Москву, я натурально имел в виду твое состояние и служить при Голицыне, предполагал устроить так, чтоб ты мог получать жалованье. Шевырев прекрасная душа, и я на него более мог положиться, чем на кого-либо иного, зная вместе с тем его большую аккуратность. Что касается до жизни, то не думай, чтоб это было дороже петербургской. Ты увидишь, что тебе совершенно не нужно будет дома обедать, <...> тебя примут радушно и совершенно по-домашнему все те, которые меня любят. Само собою разумеется, что ты должен съежиться относительно разных издержек, и слава Богу, я этому рад. Значение этого слишком важно в психологическом отношении, хотя ты еще не знаешь, в каком именно. <...> Одеваться ты должен скромно. Одеваться дурно ты не можешь, ибо одевается дурно не тот, кто беден, а тот, кто не имеет вкуса или кто слишком хлопочет об этом. Ты должен пренебречь многими теми мелочами, которыми, кажется, трудно пренебречь и которыми, кажется, как будто уронишь себя. Это обман, совершенно оптический обман[3], и ты увидишь, что свет потом обратится к тебе и почтит в тебе и назовет именно достоинством то самое, что ему казалось в тебе недостатком. <...> Будь снисходителен вообще к людям и не останавливайся резкостью тона, иногда странной замашкой. Умей мимо всего этого найти прекрасные стороны человека, умей за два-три истинные достоинства простить десять, двадцать недостатков, умей указать ему эти достоинства, и ты будешь ему другом и можешь действовать на него благодетельно, не льстя ему, но указывая ему на его прекрасную сторону, может быть, им пренебреженную. В минуту когда чем-нибудь будет уколото самолюбие душевное или даже просто чувство и движенье душевное, какая-нибудь чувствительная струна (такие минуты могут случиться часто в свете), помни всегда, что ты пришел, как зритель и любопытный, а вовсе не так, как актер и участвующий, что тебе следует всему извинить и что ты в таком же отношении посторонний свету, как путешественник, высадившийся на пароходе из Петербурга в Гамбург, есть посторонний гамбургской жизни внутри домов и имеющимся, может быть, там сплетням. Конечно, трудно сохранить такую независимость характера, не заключив внутри себя какого-нибудь постоянного труда, который бы хоть на два часа в день занял в урочное время душу. Но нет человека, который бы не был создан и определен к чему-нибудь, и горе тому, кто не даст труда узнать себя, кто не испытает и не пробует себя и не просит помощи у высших сил обрести и попасть на свою дорогу. Круг велик вокруг нас и дорог множество. Как не быть им в Москве? Там издается, например, журнал[4]. <...> Может быть,

тебе даже странными покажутся слова мои и в них послышится какое-нибудь ветхое нравоучение. <...> Есть те ветхие истины, которые в иную минуту бывает сладко услышать и которые бывают уже святы самой ветхостью своею. Во всяком случае помни чаще всего одну истину. Везде, во всяком месте и угле мира, в Париже ли, в Миргороде ли, в Италии ли, в Москве ли, везде может настигнуть тебя тяжелая, может быть, даже жестокая тоска, и никаких нет спасений от нее. И это есть глубокое доказательство того, что в душу твою вложены тайные стремления к чему-нибудь, что [дрем<лют>] беспокойно мечутся силы, не слышащие и не узнающие назначения своего, без сомнения не пустого и ничтожного. Иначе тебя бы удовлетворила или бы по крайней мере усыпила праздная и однообразная жизнь, бредущая шаг за шагом. Но удовлетворенья нет тебе! И ничем, никакими обеспеченьями и видимыми выгодами жизни не получишь ты его, и не приобретет торжественного, светлого покоя душа твоя. Один только тот труд, одна только та жизнь, для которой стихии заключены в нашей природе, та только жизнь в силах нас наполнить. <...> Во всяком случае, поедешь ли ты в Москву или в Петербург, примись душевно за труд, какой бы ни было, не изнуряя себя, а в урочный час и время, хоть и не долго, и сделай его постоянным и ежедневным, не считай остальное и свободное и, может быть, даже лучшее время за главное, за цель, для которой предпринят труд, как необходимое средство. А считай просто это свободное и лучшее время наградой за предпринятый труд. Не ищи этого труда вдали, оглянись на всяком месте пристальнее вокруг себя: то, что ближе, то можно лучше осмотреть глазом. И если в предстоящем труде есть хотя сколько-нибудь, к чему бы хотя часть участия лежала, берись за него добросовестно и покойно совершай его. Если даже он и не тот именно, для чего вызвана твоя жизнь, всё равно, и обман может доставить хоть временное спокойствие душе, а после труда все-таки остался опыт и все-таки стал чрез то ближе к тому труду, который определен быть нашим назначением. Во всяком случае, куда ни поедешь, или только задумаешь ехать и вообще, если тебе случится думать и представлять себе то, что ожидает тебя впереди, даю тебе одно из ветхих, старых моих правил, даю тебе его не как подарок, а просто как хозяин дает гостю свой старый, поношенный халат надеть на время, пока тот сидит у него, и потом натурально его сбросит. Представляй всегда, что тебя ждет черствая встреча, жесткая погода, холод и людей и душ их, тернистая, трудная жизнь и что для тоски будет там полное раздолье и развал и вооружись заранее идти твердо на всё это, ты всегда выиграешь и будешь в барышах. <...> Ты пишешь, не имею ли каких путей пристроить к Демидову. Решительно никаких. Слышно о нем, что он что-то в роде скотины и больше ничего. А впрочем, я об этом не могу судить, не видав и не зная его. Знаю только, что казенной должностью все-таки лучше быть заняту. Тут по крайней мере слуга правительства, а там что-то вроде лакея у капризного барина. Ты представь сам, сколько могут тут произойти таких щекотливых отношений, каких ни в какой службе не может быть. И притом место Строева[5] кажется упразднено вовсе, тем более, что Демид<ов> живет уже в России[6] и не совершает ученых экспедиций. <...> Я уже писал о тебе в Москву[7], так что ты можешь прямо явиться к Шевыреву, также к Погодину. <...> Благодарю тебя за все твои известия и уездные толки; это всё для меня очень интересно. Тебе покажется странно, что для меня всё, до последних мелочей, что ни делается на Руси, теперь стало необыкновенно дорого и близко, Малинка и попы интересней всяких колизеев, и всё, что ни говорят у вас, хвалят или бранят меня, или просто пустяки говорят, я готов принять с полным радушьем и отверстыми объятьями. Ты спрашиваешь, зачем я не говорю и не пишу к тебе о моей жизни, о всех мелочах, об обедах и проч. и проч. Но жизнь моя давно уже происходит вся внутри меня, а внутреннюю жизнь (ты сам можешь чувствовать) не легко передавать. Тут нужны томы. Да притом результат ее явится потом весь в печатном виде. Увы! разве ты не слышишь, что мы уже давно разошлись, что я уже весь ушел в себя, тогда как ты остался еще вне? Но отовсюду, где бы я ни был, я буду посылать к тебе слово, всё проникнутое участием... <...>

На всякий случай вот тебе адреса: Шевырев – близ Тверской, в Дегтярном переулке, в собст<венном> доме. Погодин – на Девичьем поле. Прочих даст адрес Конст<антин> Сер<геевич> Аксаков.

О каких деньгах ты пишешь, которые лежат у тебя в депо[8]? Если это остаток долга[9], который за тобой, то рассмотри прежде, точно ли не нуждаешься. Если же в тебе не настоит надобности, то узнай от маминьки, получила ли она из Москвы какие-нибудь деньги вследствие стесненных своих

обстоятельств. Если получила, то замолчи, если же нет, то скажи, что тебе присланы от Прокоповича деньги по моему поручению для передачи ей, но не говори, что это долг твой мне»[10].

[1] См. ***1843. Февраля 25 <13>. Суббота. Рим.***

[2] См. также ***1844 января 2 <1843 декабря 21>. Вторник. Ницца.***

[3] Эти слова в целом характеризуют отношение Гоголя к моде.

[4] Имеется в виду «Москвитянин» М. П. Погодина (см. ***1843. Марта 2 <февраля 18>. Четверг. Рим***).

[5] В. И. Шенрок, беседовавший с А. С. Данилевским в 1887 г., сообщал: «По поводу Строева покойный А. С. Данилевский сообщил нам, что здесь речь идет о Владимире Строеве. Он жил в отеле. Демидова же (Анатолия) не было вовсе, а всем заведывал Строев. О другом Демидове см. письмо к Погодину от 5 мая 1839 г., из которого видно, что Гоголь виделся с Демидовым, но вынес самое невыгодное о нем впечатление. О Строеве же см. <...> в письме к Погодину от 4 ноября 1839 г.» (*Свод.* Т. 1. С. 523);

«По свидетельству покойного Данилевского, многие из гоголевских типов создавались под впечатлениями, произведенными первоначально кем-либо из его знакомых... <...> Говоря о безнадежной бестолковости Коробочки, Гоголь, как известно, прибавляет: “Впрочем Чичиков напрасно сердился; иной и почтенный, и государственный даже человек, а на деле выходит совершенная Коробочка”. Такой Коробочкой был в его глазах некто Анатолий Николаевич Демидов, совершавший в сопровождении секретаря Строева ученые экспедиции. (По свидетельству покойного Данилевского, Демидов почти даже не жил в Риме (в мае-июне (н. ст.) 1837 г.; см. ***1837. Май <апреля вторая половина – мая первая половина>. Рим***; ***1837. Июня вторая половина, не позднее 25 <июня первая половина, не позднее 13>. Рим.*** – *И. В.*), куда был отправлен (на самом деле в 1837 г. А. Н. Демидов был приписан к русскому посольству в Париже; см.: Месяцеслов и общий штат Российской Империи на 1837. Ч. 1. СПб., <1837>. С. 21. – *И. В.*), но вместо него заведовал всем живший в отеле его секретарь, Владимир Строев. <...>). Гоголь так пишет далее о “почтенном и государственном человеке”: “Как зарубил что себе в голову, то уж ничем его не пересилишь; сколько ни представляй ему доводов, ясных, как день, все отскакивает от него, как резиновый мяч от стены”. Совершенно те же слова читаем в письме Гоголя к Погодину, от 3-го мая 1839 г., о <брате А. Н. Демидова>, <П. Н.> Демидове, которого он просил об известном ученом Колларе: “Ничего я до сих пор не сделал для Коллара. Виделся наконец с Демидовым, но лучше если бы не делал этого. Чудак страшный. Его останавливает что бы ты думал? Что скажет Государь! Что мы переманиваем австрийского подданного. Из-за этого могут произойти неприятности между двумя правительствами. *Мои убеждения были похожи на резинный мячик, которым сколько ни бей в стену, он от нее только что отскакивает*”» (Воспоминания А. С. Данилевского о последних годах жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 528);

«По словам А. С. Данилевского, Павел Демидов был женат на Авроре Карловне Шерваль, а брат его, Анатолий, был женат <с 1 ноября 1840 г.> на сестре Жерома Наполеона. <...> Гоголь, несомненно, под впечатлением разговора с Демидовым, писал по поводу Коробочки: “Иной и почтенный, и даже государственный человек, как зарубил себе в голову, тут его ничем не пересилишь; сколько ему ты ни представляй доводов, ясных как день, все отскакивает от него, как резиновый мяч от стены”» (Письма *Н. В. Гоголя.* Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 597; *Свод.* Т. 1. С. 532).

[6] К концу 1840 г. А. Н. Демидов вышел из Министерства иностранных дел; к концу 1841 г. был определен в Министерство финансов.

[7] Просьба к С. П. Шевыреву была изложена в письме к нему позднее (см. ***1843. Марта 2 <февраля 18>. Четверг. Рим***).

[8] Депо (вклад, хранилище, склад; *фр.*) – здесь: запас, резерв (см. также ***1843. Октября 5 <сентября 23>. Четверг. Дюссельдорф***).

[9] См. ***1838. Августа 14 <2>. Вторник. Кастелламаре***; ***1838. Сентября средина – октября 25 <сентября начало – октября 13>. Париж.***

[10] Поручение Гоголя Данилевский выполнил (см. ***1843. Марта 19 <31>. Пятница. Москва***; ***1843. Апреля 17 <5>. Великий понедельник. Рим***; ***1843. Мая 17 <5>. Среда. Гастейн***).

ФЕВРАЛЯ 27 <15>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Н. М. Языков отправляет в Москву письмо к сестре Е. М. Хомяковой:

«Теперь в Риме карнавал, – время такое шумное, разгульное, кипучее – для итальянцев и прочих, кому охота тешиться и веселиться. Я нанял себе окно на Корсо и смотрю на эту разноцветную толкотню и суматоху! Жаль, что погода ей не благоприятствует: то и дело дожди и холодный

ветер, — большая часть праздничных дней проходят задаром, и римский народ сильно бранит за это апостола Петра и его сопрестольников! <...> Сердечно благодарен Каролине Карловне <Павловой> за стихи ко мне...[1] <...> Стихи прекрасные! <...> В большом числе русских, находящихся теперь в Риме, красуется и г-жа Смирнова[2], урожденная Розетти, — не та ли это, которую Алексей Степанович <Хомяков> воспевал, во время оно, под именем девы-розы[3]? Я редко вижу Гоголя с тех пор как она здесь; он у ней всякий день до позднего вечера: кажется, югозит вкруг нее[4]. Я по церквам римским хожу — и даже собираюсь в наступающем марте осматривать и галлереи: разумеется, только те, которые доступны ногам моим, — горько было <бы> мне уехать из Рима, не видавши хоть сотой доли его славностей и чудес искусства! — Скакать на коне — не дерзну: вообще мое житье-бытье устроилось здесь крайне не по мне, неудобно, стеснительно, досадно. <...> Гоголь кланяется вам и Свербеевым».

Афанасьев В. В. Жизнь Николая Языкова по документам, воспоминаниям // *Языков Н. М.* Свободомыслящая лира. М., 1988. С. 273; Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 162.

[1] См. ***1843. Февраля 16 <4>. Четверг. Рим.***

[2] С Смирновой в Риме Языков так и не познакомился. Поздне, 2 января (н. ст.) 1844 г., Гоголь сообщал ему из Ниццы: «Здесь <...> Смирнова, с которою знаком уже давно и которую знаешь и ты по пирогам, присыланным некогда в Рим». 5 июня (н. ст.) 1845 г. он также писал Языкову: «В Москве будет, вероятно, на днях Смирнова. Ты должен с ней познакомиться непременно».

[3] См. ***1832. Января 27. Среда. Москва***; ***1843. Апреля 4 <16>. В Православной Церкви — Вербное воскресенье; в Католической — праздник Пасхи.***

[4] Подробнее см. ***1837. Июля около 15 — августа не позднее 27–28 <июля около 3 — августа не позднее 15–16>. Баден-Баден, Страсбург, Баден-Баден*** (примечания).

ФЕВРАЛЯ 15 <27>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев, исполняя просьбу Гоголя[1], посылает с курьером в Рим на имя великой княгини Марии Николаевны экземпляр гоголевских сочинений в 4-х томах[2] и, вероятно, оттиск своей статьи «Чичиков или Мертвые души, Гоголя», напечатанной в июле 1842 г. в «Современнике»[3].

17 февраля 1843 г. Плетнев сообщал Я. К. Гроту: «*Понедельник (15 февраля).* <...> Послал в Рим Великой Княгине Марии Николаевне <свое> письмо и сочинения Гоголя»[4].

[1] См. ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим.***

[2] О представлении Гоголя великой княгине в Риме см.: ***1843. Марта между 21 и 26 <марта между 9 и 14>. Утро. Рим.***

[3] См. ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим***; ***1843. Января 26 <февраля 7>. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[4] *Свод.* Т. 1. С. 666.

ФЕВРАЛЯ 15 <27>. ПОНЕДЕЛЬНИК. УТРО. МОСКВА

Представление «Женитьбы» и «Игроков» в Малом театре[1]. В ролях Подколесина и Утешительного — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 253, 260; *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя> // *ГЦТМ.* Ф. 299. Ед. хр. 1853. Л. 6.

[2] *Гриц.* С. 305.

ФЕВРАЛЯ 28 <16>. ВТОРНИК. РИМ

Гоголь в ответном письме к С. П. Шевыреву в Москву благодарит его за письмо (послание Шевырева не сохранилось). Пишет, что доходов от издания собрания своих сочинений в четырех томах он «не мог ожидать»:

«...Несмотря на то, что напечатанье стало свыше 16 тысяч и что в книге 128 листов, я велел ее не продавать никак дороже 25 рублей».

По поводу «Мертвых душ» сообщает:

«...Ты говоришь, что пора печатать второе издание "М<ертвых> Д<уш>"[1], но что оно должно выйти необходимо вместе со 2-м томом; но если так, тогда нужно слишком долго ждать. Еще раз я должен повторить, что сочинение мое гораздо важнее и значительнее, чем можно предполагать по его началу. И если над первою частью, которая оглянула едва десятую долю того, что должна оглянуть вторая часть, просидел я почти пять лет <...> (не думай, чтоб я был когда-либо предан праздному бездействию в продолжение этого времени. <...>) <...>, рассуди сам, сколько должен просидеть я над второй. Это правда, что я могу теперь работать уверенней, тверже, осмотрительней благодаря тем подвигам, которые я предпринимал к воспитанию моему и которых тоже никто не заметил. Например, никто не знал, для чего я производил переделки моих прежних пьес, тогда как я производил их, основываясь на разуменьи самого себя, на устройстве головы своей. Я видел, что на этом одном я мог только навыкнуть производить плотное созданье, сущное, твердое, освобожденное от излишеств и неумеренности, вполне ясное и совершенное в высокой трезвости духа. <...> Итак, если предположить самую беспрерывную и ничем не останавливаемую работу, то два года, это самый короткий срок. <...> Если ты под словом *необходимость* появления второго тома разумеешь необходимость истребить неприятное впечатление, ропот и негодование против меня, то верь мне: мне бы слишком хотелось самому, чтобы меня поняли в настоящем значении, а не в превратном. Но нельзя упреждать время; нужно, чтобы все излилось прежде само собою, и ненависть против меня (слишком тяжелая для того, кто бы хотел заплатить за нее, может быть, всею силою любви), ненависть против меня должна существовать и быть в продолжение некоторого времени, может быть даже долгого. И хотя я чувствую, что появление второго тома было бы светло и слишком выгодно для меня, но в то же время, проникнувши глубже в ход всего текущего перед глазами, вижу, что все, и самая ненависть, есть благо. И никогда нельзя придумать человеку умней того, что совершается свыше и чего иногда в слепоте своей мы не можем видеть и чего, лучше сказать, мы и не стремимся проникнуть. Верь мне, что я не так беспечен и неразумен в моих главных делах, как неразумен и беспечен в житейских. Иногда силой внутреннего глаза и уха я вижу и слышу время и место, когда должна выйти в свет моя книга; иногда, по тем же самым причинам, почему бывает ясно мне движенье души человека, становится мне ясно и движенье массы. Разве ты не видишь, что еще до сих пор все принимают мою книгу за сатиру и личность, тогда как в ней и тени сатиры и личности нет, что можно заметить вполне только после нескольких чтений, а книгу мою большею частью прочли по одному разу все те, которые восстают против меня. Еще смотри, как гордо и с каким презрением смотрят все на героев моих. Книга писана долго, нужно, чтобы дали труд всмотреться в нее долго. Нужно, чтобы устоялось мнение. Против первого впечатления я не могу действовать. Против первого впечатления должна действовать критика, и только тогда, когда, с помощью ее, впечатления получат образ, выйдут сколько-нибудь из первого хаоса[2] и станут определительны и ясны, тогда только я могу действовать против них. Верь, что я употребляю все силы производить успешно свою работу, что вне ее я не живу и что давно умер для других наслаждений. Но, вследствие устройства головы моей, я могу работать вследствие только глубоких обдумываний и соображений, и никакая сила не может заставить меня произвести, а тем более выдать, вещь, которой незрелость и слабость я уже вижу сам; я могу умереть с голода, но не выдам безрассудного, необдуманного творенья. <...> Теперь я приступаю к тому, о чем давно хотел поговорить и для чего

как-то не имел достаточных сил. Но помолясь приступаю теперь твердо. Это письмо прочитайте вместе. Ты, Погодин и Сер<гей> Тим<офеевич>. С вами ближе связана жизнь моя, вы уже оказали мне те высокие знаки святой дружбы, которые основаны не на земных отношениях и узах и от которых не раз струились слезы в глубине души моей. От вас я теперь потребую жертвы... <...> Возьмите от меня на три или на четыре даже года все житейские дела мои. <...> Прежде всего, я должен быть обеспечен на три года. Распорядитесь, как найдете лучше, со вторым изданием и с другими, если последуют, но распорядитесь так, чтоб я получал по шести тысяч в продолжение 3-х лет, всякой год. Это самая строгая смета. Я бы мог издерживать и меньше, если б оставался на месте. Но путешествия и перемены мест мне так же необходимы, как насущный хлеб. Голова моя так странно устроена, что иногда мне вдруг нужно пронестись несколько сот верст и пролететь расстояние для того, чтоб сменить одно впечатление другим, уяснить духовный взор и быть в силах обхватить и обратить в одно то, что мне нужно. Я уж не говорю, что из каждого угла Европы взор мой видит новые стороны России, и что в полный обхват ее обнять я могу, может быть, тогда, когда огляну всю Европу. Поездка в Англию будет слишком необходима мне, хотя внутренно я не лежу к тому, и хотя не знаю еще, будут ли на то какие средства. Издание и пересылку денег ты, как человек точный более других, должен принять на себя. Высылку денег разделить на два срока: 1-ый к 1-му октября и другой к 1-му апреля; в места, куда я напишу, по три тысячи; если же почему-либо неудобно, то на три срока, по две тысячи. Но ради Бога, чтобы сроки были ак<к>уратны, в чужой земле иногда слишком приходится трудно. Теперь, например, я приехал в Рим в уверенности, что уже найду здесь деньги, назначенные мною к 1 октября, и вместо того вот уже шестой месяц я живу без копейки, не получая ниоткуда. В первый месяц мы даже победствовали[3] вместе с Языковым. Но, слава Богу, ему прислали сверх ожиданья больше, и я мог у него занять две тысячи с лишком. Теперь мне следует ему уже и заплатить. Ниоткуда не шлют мне, из Петербурга я не получил ни одного из тех подарков, которые я получал прежде, когда был там Жуковский. Вот уже четвертый месяц, как я не получаю даже ни письма, ни известия, и не знаю, что делается с печатаньем. Подобные обстоятельства бывают иногда для меня роковыми, не житейским бедствием своим и не нищетой стесненной нужды, но состоянием душевным. Это бывает роковым, когда случается в то время, когда мне нужно вдруг сняться и сдвинуться с места и когда я услышал к тому душевную потребность, состояние мое бывает тогда глубоко тяжело и оканчивается иногда тяжелой болезнью. Два раза уже в моей жизни мне приходилось слишком трудно... <...> И много у меня пропало чрез то времени, за которое, я не знаю, чего бы ни заплатил; я так же расчетлив на него, как расчетлив на ту копейку, которую прошу себе (у меня уже давно все мое состояние — самый крохотной чемодан и четыре пары белья). <...> Если не станет для этого денег за выручку моих сочинений, придумайте другие средства. <...> Если же средств не отыщется других, тогда прямо просите для меня; в каком бы ни было виде были мне даны деньги, я их благодарно приму, и, может быть, всякая копейка, брошенная мне, помолится о спасении душ тех, которые бросили мне эту копейку. <...> Относительно другой части дел моих, насчет матери моей и сестер, я буду писать к Сергею Тим<офеевичу>[4] и Погодину и изложу им, каким образом по их мнению поступить на случай, если потребуется надобность помочь. Я сделал все, что мог, отдал им свою половину именья[5], сто душ, и отдал, будучи сам нищим и не получая достаточного для своего собственного пропитанья. Наконец, я одевал и платил за сестер, и это делал не от доходов и излишеств, а занимая и наделав долгов, которые должен уплачивать. Погодин меня часто упрекал, что я сделал мало для семьи и матери, но откуда же и чем я мог сделать больше, мне не указал никто на это средств. Я даже полагаю, что в делах моей матери гораздо важнее и полезнее будет умный совет, чем другая помощь. Имение хорошо, 200 душ; но, конечно, маменька, не будучи хозяйкой, не в силах хорошо управиться, но в помощах такого рода должно прибегать к радикальным средствам, и об этом я буду писать к С<ергею> Т<имофеевичу> и Погодину, надеясь на прекрасные души их и на нежное участие их. <...>

Если Погодин и Сер<гей> Тим<офеевич> найдут необходимость точно помочь иногда денежным образом моей матери, тогда разумеется взять из моих денег, вырученных за продажу, если только они окажутся; но нужно помнить тоже слишком хорошо мое положение, взвесить то и другое, как повелит благоразумие. Они на своей земле, в своем имении и, слава Богу, ни в каком случае не могут быть без куска хлеба... Я в чужой земле и прошу только насущного пропитания, чтоб не

умереть мне в продолжение каких-нибудь трех, четырех лет. <...> Напиши мне, могу ли я надеяться получить в самом коротком времени, то есть накопилось ли в кассе для меня денег? Мне нужны по крайней мере 3500, а две тысячи с лишком я должен отдать Языкову[6], да тысячу с лишком мне нужно вперед для прожитья и подняться из Рима.

Что касается до моего приезда в Москву, то ты видишь, что <...> я не должен этого делать прежде окончания труда моего. Это может быть даже слишком тягостная мысль для сердца, потому что, сказать правду, для меня давно уже мертво все, что окружает меня здесь, и глаза мои всего чаще смотрят только в Россию, и нет меры любви моей к ней[7], как нет меры любви моей к вам, которой я не в силах и не могу рассказать. Прощайте, пишите мне, хоть по одной строчке, хоть по самой незначительной строчке. Письма ваши очень важны для меня, и они будут после еще важнее и значительнее, когда я останусь один и потребую пустыней и удалений от всего для глубокого воспитания душевного, воспитания, которое совершается внутри меня святой чудесною волею Небесного Отца нашего. <...> И естли набрались деньги, то высылай их немедленно на имя Валентини, piazza Apostoli, palazzo Valentini, потому что в апреле месяце мы думаем подняться из Рима».

[1] См. также ***1842. Ноября начало <ноября средина>. Москва.***

[2] Позднее, в молитве «Господи! спаси и помилуй бедных людей» (см. ***1848 января 12 <1847 декабря 31>. Среда. Неаполь*** – примечания), Гоголь писал: «Небесная стройность и мудрость Христа, соприсутствовавшая Богу при твореньи мира, без нея же ни что же бысть. Яви человеколюбие Свое... <...> Внеси святой порядок, и разогнавши мысли [<вызови> из Хаоса] нечестивые, вызови из Хаоса стройность и спаси нас..» – См. также ***1841. Марта средина <марта начало>. Рим*** (примечания).

[3] См. ***1842. Ноября 12 <октября 31>. Суббота. Рим***; ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим.***

[4] См. ***1843. Марта после 20 <после 8>. Рим.***

[5] См. ***1829. Июля 23. Вторник. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим.***

[7] Итог, который вынес Гоголь от изучения западной жизни во время своего долгого пребывания за границей, сам по себе свидетельствует о глубине его религиозно-патриотических взглядов. В противном случае итог мог быть скорее обратным. Святитель Игнатий (Брянчанинов) писал в 1859 г. преосвященному Леониду (Краснопевкому), викарию Московской епархии (впоследствии архиепископ Ярославский и Ростовский): «Я видел в Петербурге купцов, погостивших в Европе, и подивился тому удалению, той дикости, которые они начали являть к Церкви и духовенству. Видел там детей священнических, образованных по-европейски: то же самое!» (*Святитель Игнатий Брянчанинов*. Письма. М., 1993. Т. 7. С. 368).

МАРТА 1 <ФЕВРАЛЯ 17>. «ПЕПЕЛЬНАЯ СРЕДА» (НАЧАЛО КАТОЛИЧЕСКОГО ВЕЛИКОГО ПОСТА). РИМ

А. О. Смирнова отправляет в Петербург письмо к графине Е. П. Ростопчиной:

«...Среди развлечений, вызванных пребыванием впервые в Риме, я до сих пор не отвечала на твое последнее доброе и милое письмо. <...> Рим стёр все *недавнее прошлое*, так как новые, захватывающие впечатления, получаемые в нем, совершенно заполонили голову, ум, сердце и душу. В Риме начинаешь вести особенно существование, полное желания слиться с прошлым, которое оставило в развалинах Рима вечное воспоминание о себе. Античный Рим сделался предметом всего моего любопытства, <...> и странно то, что это любопытство продолжается, и не бесплодно, так как я принялась читать и копаться в старине. Ты спросишь, дорогой друг, что делает во всем этот христианский Рим? Право, не знаю; до сих пор ничто не затронуло этой струны, несмотря на восхищение, которое всегда во мне возбуждает храм Св. Петра и множество других прекрасных церквей. Не знаю, что будет дальше, но до сих пор я по уши погружена в языческую и мифологическую древность. Впрочем, эти последние десять дней[1] окончательно пропали для занятий из-за масленицы, этого заразительного карнавала, который неудержимо влечет тебя, вооруженную *бомбами из цветов*, на безумный Корсо. Дело в том, что я, заклятой враг всяких публичных увеселений, принимала деятельное участие в этом прелестном, своеобразном и единственном увеселении Римского населения. Есть какое-то странное удовольствие в получении букетов и бросании их обратно,

нередко в группу молодых художников, быть может мастеровых, которых не знаешь и которые обыкновенно направляют их с почтительной улыбкой. В окна немилосердно досаждают несколько молодых Итальянских девушек, и, конечно, красивейшие имеют предпочтение перед самыми знатными и нарядными. Наша великая княгиня и особенно великий князь <герцог Лейхтенбергский Максимилиан> принимали в этом очень живое участие; то, одетый в блузу, он катался в шарабане, то, стоя у себя на балконе, бросал букеты красавицам и целый воз дражэ отвратительный Англичанкам, которых множество на карнавале. Сегодня[2] все успокоилось, Рим снова принял свой обычный серьезный и сосредоточенный вид, а я возобновила свои странствования. Обыкновенно Гоголь бывает моим cicerone, а он прекраснейший проводник, так как обладает вкусом и показывает только то, что производит впечатление. Он избавил меня от осмотра остатков колонн и карнизов, о которых антиквары вам говорят с педантическою важностью. За время своего пребывания здесь я была раз на балу у Потемкина и раз на вечере у Лютцова, Австрийского посла. Это дает тебе понятие о моем домоседстве. Живу так, потому что это мне нравится, а кроме того из-за здоровья, которое здесь хуже, чем было в России. Я очень страдала от головной боли; приписываю это беспрестанной перемене погоды: мы постоянно между сирокко и трамонтаной; такой плохой зимы в Италии не запомнят еще. С тех пор как великая княгиня вернулась из Неаполя, я иногда играла с нею в обычный вист вечером, вообще же сижу дома и принимаю у себя всех Русских, желающих доставить мне удовольствие своим посещением. С самого приезда моего у меня бывает Перовский, в обществе которого мне хорошо, и потому это мне очень приятно. Я избегаю знакомства с иностранцами, так как частые мои путешествия убедили меня, что в большинстве случаев оказываешься обманутою в своей предупредительности к ним и что между ними больше скучных, чем интересных людей. <...> После всех этих соображений я решила оставаться у себя, ограничиваясь свиданием с некоторыми соотечественниками и с знаменитым monsignor Prospero, о котором прошу напомнить Соне <Карамзиной>. Он – тот же Андрей <Карамзин>, по своей доброте и невинности»[3].

В 1854–1855 гг., Ф. В. Чижов рассказывал П. А. Кулишу: «В Риме он <Гоголь>, как и все мы, вел жизнь совершенно студентскую: жил без слуги, только обедал всегда вместе с Языковым, а мы все в трактире. Мы с Ивановым всегда неразлучно ходили обедать в тот трактир, куда прежде ходил часто и Гоголь, именно, как мы говорили, к Фалькону (al Falcone). Там его любили, и лакей (cameriere) нам рассказывал, как часто signor Niccolo надувал их. В великий пост до Ave Maria, т. е. до вечерни, начиная с полудня, все трактиры заперты. Ave Maria бывает около шести часов вечера. Вот, когда случалось, что Гоголю сильно захочется есть, он и стучит в двери. Ему обыкновенно отвечают: "Нельзя отпереть". Но Гоголь не слушается и говорит, что забыл платок, или табакерку, или что-нибудь другое. Ему отворяют, а он там уже остается и обедает.

В каком сильном религиозном напряжении была тогда душа Гоголя, покажет следующее. В то время одна дама, с которою я был очень дружен, сделалась сильно больна. Я посещал ее иногда по нескольку раз на день и обыкновенно приносил известия о ней в нашу беседу, в которой все ее знали – Иванов лично, Языков по знакомству ее с его родными, Гоголь по наслышке. Однажды, когда я опасался, чтоб у нее не было антонова огня в ноге, Гоголь просил меня зайти к нему. Я захожу, и он, после коротенького разговора, спрашивает:

– Была ли она у Святителя Митрофана?

Я отвечал:

– Не знаю.

– Если не была, скажите ей, чтоб она дала обет помолиться у его гроба[4]. Сегодняшнюю ночь за нее здесь сильно молился один человек, и передайте ей его убеждение, что она будет здорова. Только, пожалуйста, не говорите, что это от меня.

По моим соображениям, этот человек, должно быть, был сам Гоголь, потому что из всех знакомых больной, тогда был в Риме кроме меня, еще один только Р<игельма>н, человек весьма добрый, благородный, но, кажется, не из молящихся. Он очень любил эту даму; но все-таки не до такой степени, чтоб за нее усердно молиться»[5].

[1] Период римского карнавала в 1843 г. – с 19 по 28 февраля (н. ст.).

[2] С началом римского Великого Поста.

[3] *Свод.* Т. 3. С. 18–19.

[4] Торжественное открытие мощей святителя Митрофана, епископа Воронежского, состоялось 8 августа 1832 г. (см. ***1832. Мая 14. Понедельник. Васильевка***). Спустя сорок дней для поклонения мощам в Воронеж прибыл Император Николай Павлович. По свидетельству Г. П. Данилевского в статье «Хуторок близь Диканьки», в Васильевке во флигеле, где «обыкновенно жил и работал Гоголь», над кроватью в углу висел «образ св. угодника Митрофана» (см. ***1851. Мая 14. Понедельник. Васильевка***).

[5] Воспоминания Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 3. С. 47–48.

ФЕВРАЛЯ 17 <МАРТА 1>. СРЕДА. УТРО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Женитьбы» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 253.

МАРТА 2 <ФЕВРАЛЯ 18>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

Гоголь отправляет в Москву новое[1] письмо к С. П. Шевыреву:

«На прошлой неделе отправил я к тебе письмо, которое, я думаю, ты уже получил, иначе мне было бы слишком жаль, потому что оно мне стоило большого труда. О, как трудно мне изъяснять что-либо, относящееся ко мне. <...> Представь архитектора, строящего здание, которое всё загромождено и заставлено у него лесом, чего стоит ему снимать леса и показывать неконченную работу, как будто бы кирпич вчерне и первое пришедшее в голову слово в силах рассказать о фасаде, который еще в голове архитектора. А между тем уже утрачена часть времени, и странным охлажденьем объята голова строителя. Скажу тебе, что иногда мне очень были тяжелы безмолвные и гласные упреки в скрытности, которая вся происходила от бессилия сил моих объяснить многое... но я молчал. Зато какую глубокую радость слышала душа моя, когда мимо слов моих, мимо меня самого, узнавали меня[2] глубиною чувств своих... Не могу и не в силах я тебе изъяснить этого чувства, скажу только, что за ним всегда следовала молитва, молитва, полная глубоких благодарностей Богу, молитва вся из слез. И виновником их не раз был ты. И не столько самое проразуменье твое сил моих как художника, которые ты взвесил эстетическим чутьем своим, как совпаденье душою, предслышанье и предчувствие того, что слышит душа моя... Выше такого чувства я не знаю, его произвел ты. Следы этого везде слышны во 2-й статье твоего разбора М<ертвых> д<уш>[3], который я уже прочел несколько раз. Но еще сильнее это чувство было возбуждено чтением твоей статьи об отношении семейного воспитания к государственному[4]. Ты, без сомнения, и не подозреваешь, что в этой статье твоей есть много, много того, к чему стремятся мои мысли, но когда выдет продолжение М<ертвых> д<уш>, тогда ты узнаешь истину и значение слов этих, и ты увидишь, как мы сошлись[5], никогда не говоря и не рассуждая друг с другом. Встреча в чистом начале есть выше всех встреч на земле. Дружба, почувствованная там, вечна, и если б мы, вместо стремлений сторонних, стремлений даже друг к другу, все устремились к Богу, мы бы все встретились друг с другом. Души наши, как души младенцев, стали бы нам открыты и ясны во всем друг другу, все исчезли бы недоразумения, ибо недоразуменья от человека, и только одной помощью Бога узнать мы можем истину. Вот что я хотел сказать тебе и для чего пишу письмо это. <...> Еще хочу тебя попросить об одном: родственник мой Данилевский, которого ты отчасти знаешь, будет в Москву[6]. Положение его требует участия. По смерти матери своей он остался без куска хлеба, по разделу ему досталась такая малость, которая даже не достала на заплату долгов. Нельзя ли как-нибудь общими силами помочь ему, поместить его к кн<язю> Дм<итрию> Владим<ировичу>[7] на какое-нибудь место с жалованьем? У него есть способности, которые не употреблены вовсе в дело. Кроме того, что у него прекрасная душа и сердце, он умен. В школе у него показывались искры таланта, но при вступлении в свет и на поприще службы преследовали его до сих пор неудачи, и доныне не попал на дорогу. В свободное время он бы даже мог поработать и для Москвитянина. Языков теперь только принялся за перо, а потому ничего не посылает, но как только будет что-нибудь готово — сейчас вышлет».

[1] Ср. ***1842. Февраля 28 <16>. Вторник. Рим.***

[2] См. ***1847 декабря 27 <1848 января 8>. Суббота. Москва*** (примечания).

[3] *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья вторая // Москвитянин. 1842. № 8 (цензурное разрешение 22 авг.). С. 346–376.

[4] *Шевырев С.* Об отношении семейного воспитания к государственному. Речь, произнесенная в Торжественном Собрании Императорского Московского Университета 18 июня 1842 // Москвитянин. 1842. № 7 (цензурное разрешение 10 августа). Напечатано также: Журнал Министерства Народного Просвещения. 1842. Ч. XXXV. Отд. II; отд. изд. – М., 1842. – Статью Шевырева прочел тогда же в Риме Н. М. Языков (см. ***1843. Февраля 16 <4>. Четверг. Рим***). Выехав из Рима, Гоголь обращался к Шевыреву в письме из Гастейна: «Прежде всего пришли мне статью твою о воспитании, она, верно, напечатана отдельно, мне нужно ее иметь всегда при себе, а я прочел всего раз в журнале» (см. ***1843. Мая 17 <5>. Среда. Гастейн***).

[5] Позднее, в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1846) Гоголь адресовал С. П. Шевыреву программную для темы воспитания статью *XII. Христианин идет вперед.* Содержание этой статьи во многих положениях перекликается с педагогической концепцией Александра Петровича – наставника Тентетникова из первой главы второго тома «Мертвых душ» (с той лишь существенной оговоркой, что при всем достоинстве взглядов наставника ему, в соответствии с гоголевским замыслом, недостает главного – просвещенности «светом Христовым»). См. также заметку в записной книжке Гоголя 1841–1844 гг.: «Развить статью о воспитании во 2-й части». – См. также ***1826. Июля 15. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1849. Мая 16. Понедельник. Москва*** (примечания); ***1851. Сентябрь-ноябрь. Москва*** (примечания).

[6] См. ***1843. Февраля 26 <14>. Воскресенье. Рим.***

[7] Голицыну.

ФЕВРАЛЯ 19 <МАРТА 3>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

С. Т. Аксаков читает «Театральный разъезд...» и «Шинель» у М. Д. Ховриной[1].

В тот же день А. И. Тургенев сообщал брату Н. И. Тургеневу[2]: «*Я привезу 4 части соч<инений> Гоголя, "Ревизор" его у меня в Париже. Другие комедии привезу.* Сегодня пойду слушать чтение повести его *"Шинель"*, – полагаю, что это еще одна картина нравов. Аксаков, его поклонник, будет ее читать у госпожи Ховриной. Каких ты мыслей о *Чичикове?* Осуждаешь ли ты, подобно многим, автора за то, что он сказал правду о России и изобразил самое высокое сословие, людей благородного происхождения самыми отвратительными? Разве внушаемое ими отвращение не делает чести художнику? Мнения расходятся...»[3]

После посещения Ховриной Тургенев записал в дневнике: «Я к Ховрин<ой> на чтение Аксак<овым> Гоголя: Конец разговора после Ревизора[4] – прекрасно, но я спорил с Аксак<овым>. Потом к<нягиня> Мещ<ерская> и чтение *Шинели:* это русский *Wordsworth*[5]: любит человека во всей наготе его – первобытной и искусственно-общественной. К Сверб<еевым>. Мрак в окнах. И назад к Ховр<иной>, дослушал Шинель»[6].

[1] Марья Дмитриевна Ховрина (1801–1877), хозяйка московского литературного салона.

[2] Письмо представляет собой ответ на послание Н. И. Тургенева к брату от 19/31 января 1843 г. из Парижа: «...Привезите также, если есть что нового Гогеля <так в источнике>. Я с интересом и грустию читаю его "*Мертвые души*". Сначала читал и с негодованием за слог: этим слогом хорошо заставлять говорить описываемые им лица, но самому так же говорить – это едва стерпимо. Но сам автор сознается в этой вине, обвиняя русское общество за то, что не образовало еще разговорного языка. Это и справедливо, и я, прочитав это признание, более на автора не негодовал» (*Мильчина В. А., Осповат А. Л.* Гоголь по материалам архива братьев Тургеневых // Шестые тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 63).

[3] Из писем А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 89.

[4] Имеется в виду «Театральный разъезд после представления новой комедии». – См. также ***1843. Января 29 <февраля 10>. Пятница. Москва.***

[5] Уильям Вордсворт (1770 – 23 апреля 1850), английский поэт.

[6] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 78.

ФЕВРАЛЯ 20 <МАРТА 4>. СУББОТА. МОСКВА

М. Н. Катков сообщает А. Н. Попову:

«С интересами, которые теперь, сколько я мог заметить, господствуют в Петербурге и Москве, я нахожу в себе мало сочувствия. Только и слышишь, что Гоголь, да Гегель, да Гомер, да Жорж Занд. <...> Я здесь молчу и только слушаю: там слышишь, что Россия гниет; здесь, что Запад околевает, как собака на живодерне; там, что философия цветет теперь в России и надо бы держать ее как можно далее от жизни, заключить ее в формулы, чтобы толпа не смела в нее вмешиваться; здесь, что философия — морска-сука, что она есть не более, как выражение немецкого филистерства. Но над всем царит в непоколебимой высоте Гоголь. Впрочем, брошюрка Аксакова[1] возбудила и здесь общий смех»[2].

Из воспоминаний П. В. Анненкова (1880): «...Менее чем через год[3] он <Катков> прекратил все сношения с журналом. Было бы крайне поверхностно и мелочно объяснять дело неясностию денежных расчетов между редакцией и сотрудником ее, между тем как дело разъяснялось вполне отвращением К<атко>ва следовать по пути бесповоротного отрицания, которого боится и не желает разъяснений. В 1842 году он на этом основании подозрительно относился даже к "Мертвым Душам" Гоголя, как я имел случай лично убедиться, и не столько к поэме, сколько к будущим ее панегиристам, которых предвидел и которых более опасался, чем выводов самого произведения»[4].

[1] «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (М., 1842). О восприятии этой брошюры К. С. Аксакова современниками см.: ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки*** (примечания).
[2] Свидетельства о Гоголе М. Н. Каткова // *Свод.* Т. 2. С. 194.
[3] После основания журнала «Отечественные Записки» (см. ***1839. Октября 22 <ноября 3>. Суббота. Санкт-Петербург***).
[4] *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Свод.* Т. 3. С. 508–509.

ФЕВРАЛЯ 21 <МАРТА 5>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре[1]; в роли Подколесина — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 253.
[2] *Гриц.* С. 305.

МАРТА 6 <ФЕВРАЛЯ 22>. ПОНЕДЕЛЬНИК. НАЧАЛО ВЕЛИКОГО ПОСТА. РИМ

Гоголь приступает к говению, готовится к принятию Св. Христовых Таин[1].

Позднее, в Лазареву субботу 15 апреля (н. ст.) 1843 г., Гоголь писал Н. Н. Шереметевой: «Я говел на первой неделе еще поста, и это было прекрасное время. Бог неисчетно, сугубо награждает нас за самое даже мгновенное пребывание в Нем. И много нового излилось с тех пор в мою душу, за что несу Ему вечные благодарения».

В 1856 г. П. А. Кулиш, со слов А. О. Смирновой, сообщал: «На Страстной неделе[2] Гоголь говел, и тут А. О. С<мирно>ва заметила уже его религиозное расположение. Он становился обыкновенно поодаль от других и до такой степени бывал погружен в молитву, что, казалось, не замечал никого вокруг себя»[3].

Поскольку Великим Постом 1843 г. Гоголь приобщался Св. Христовых Таин, по-видимому, дважды[4], то воспоминания Смирновой, переданные Кулишом, более вероятно, относятся к первому тогдашнему говению Гоголя.

В противном случае непонятно, почему «религиозное расположение» Гоголя она не «заметила» уже в первую неделю Поста (после почти полутора месяцев общения с Гоголем в Риме[5]), а обнаружила это лишь спустя еще более месяца.

Позднее, 18 февраля (н. ст.) 1847 г., Смирнова писала Гоголю: «Стороною я узнала, что вы в любезном нашем Риме и, вероятно, говели на первой неделе?»[6]

Во второй половине 1850-х гг. Г. П. Галаган вспоминал: «Гоголь показался мне уже тогда очень набожным. Один раз собирались в русскую церковь все русские на всенощную. Я видел, что и Гоголь вошел, но потом потерял его из виду и думал, что он удалился. Немного прежде конца службы я вышел в переднюю[7], потому что в церкви было слишком душно, и там в полумраке заметил Гоголя, стоящего в углу за стулом на коленах и с поникнутой головой; при известных молитвах он бил поклоны»[8].

В своих записках 1880–1881 гг., озаглавленных «Биография Александры Осиповны Чаграновой», Смирнова сообщала: «...Я <...> всегда плачу, когда причащаюсь или смотрю, как причащаются другие. Гоголь, которому я об этом говорила, сказал мне: “Благодарите за это Бога, это слезы благодатные, это роса, освежающая уста малых наших братий”»[9].

Дочь Смирновой, Ольга Николаевна, пересказывая в 1893 г. слышанное когда-то от матери, писала от ее имени: «Гоголь – мой настоящий друг, всегда говорящий правду. В Риме и Ницце он был для меня незаменимым спутником и часто очень строгим советчиком. Жук <В. А. Жуковский> слишком добр, он не мог бы меня журить в минуты моей меланхолии, моих внутренних возмущений, моей злобы против человечества, против всего, что меня оскорбляет. Гоголь в этих случаях говорит мне или пишет, чтобы я обернулась на себя, заглянула в глубь себя, так как это делает нас снисходительнее. Наша дружба скорее исходит из души, чем из ума или сердца. В дружбе Пушкина я имела все: дружбу сердечную, очень старую, им же был дан толчок моему уму; что же касается души, он заставлял ее отзываться на все прекрасное и вечное. Но я никогда не говорила с ним о вопросах совести. Я должна признаться, что только в салоне г-жи Свечиной[10], в 1837 году, я начала интересоваться религиозными вопросами. Я встречалась у нее с людьми, для которых в этих вопросах состоял весь смысл жизни, весь жизненный интерес. И Гоголь, когда я опять его видела в 1842 году, уже начинал задумываться над этими вопросами. В Риме мы тотчас же, как-то вдруг, заговорили о религиозном искусстве и о св. Петре.

Понемногу я рассказывала ему о тревогах моей совести[11], о моих волнениях, отчаянии, о сознании, что поступки мои не соответствуют моим верованиям, что я делаю слишком мало, менее чем следует, что когда я вспылю, то не могу себя сдержать; что хотя я и не злословлю ближнего, но и не думаю о нем с состраданием, более того, отношусь индифферентно и слишком отдаюсь светской жизни; что я физически боюсь смерти, а это недостойно; я раздражаюсь, когда не исполняется или просто не удается то, чего я желаю. Наконец, все эти слабости нашей совести, за которые краснеешь и которые напоминают мне ужасные слова Ж<озефа> де-Местра: “Я не знаю, что такое совесть преступника, но знаю совесть честного человека (ибо я большой грешник, хотя не преступник) и в ужасе от этого сознания!”[12] Я говорила все это Гоголю на другой день после посещения Колизея[13], и он мне вдруг ответил: “Я тоже переживаю все это, я понял это, находясь раз в Колизее[14]. Вернувшись, я раскрыл молитвенник, как раз на молитве св. Ефрема Сирина, той, что так чудно Пушкин переложил в стихи[15] – это одно из его последних произведений. С этого дня я читаю эту молитву утром и вечером и советую вам поступать так же”»[16].

26 ноября 1844 г. Смирнова сообщала Гоголю из Петербурга: «Старичков своих (Филоновы<х>) я посещаю (о которых вам говорила в Риме). Они чуть ли еще прекраснее прежнего. Я, признаюсь, боялась его уже не застать в живых, но Богу еще было угодно продлить его страдальческую жизнь, а ему 85 лет».

Дочь Смирновой О. Н. Смирнова позднее писала: «Этот Филонов был нищий, умный и начитанный старик; в молодости фран<к>-масон. Он был помещик, очень странный во всем; его отец был дружен с знаме-

нитым Новиковым. Мать узнала о нем от кн<язя> П. А. Вяземского; его знал также Мих. Ю. Виельгорский. У Филонова была болезнь нервная, паралич, более 30 лет; его жена была набожная женщина; она приходила к матери. Филонов был одно время совершенный атеист, libre penseur <вольнодумец; *фр.*>. Мать его навещала. Отец Наумов его совершенно переменил; он у него исповедывался, причастился и сделался набожный человек, мистик и даже очень ревностный к религии, *без суеверия*. Он знал и испробовал все *системы философские;* вдавался в сектантство, в католицизм и пр., и пр. с молодых лет; это было во вкусе конца XVIII и начала XIX ст<олетия>. Умер Филонов в 1840-х годах, почти 90 лет. Жена его, дочь бедного помещика, ушла в монастырь, когда овдовела; ей купили келию; она умерла, кажется очень скоро после смерти мужа. Говорили, что имя Филонова *не его* имя, что он скрывал настоящую фамилию и был из очень древнего рода, и от гордости, обедневши, придумал себе имя, в роде тех литературных имен, когдые были в моде в XVIII веке: Филоновы, Милоновы и пр., и пр. Раз жена при нем сказала матери моей: "мой князь всю ночь кричал; были такие боли в ногах (невральгия)". Он ужасно на жену закричал и сказал: "Про князя давно следует молчать; молчи, старуха". Она очень сконфузилась, и когда мать. ее переспросила, отчего она сконфужена, а он рассердился, — она заплакала и сказала: "Не могу ничего сказать вам; *забудьте про это*". Все эти подробности из записной книги моей матери и она мне многое говорила и я записывала с ее слов очень интересные подробности. С 17-летнего возраста уже я очень этим интересовалась. Я помню старуху Филонову в детстве; его я не видала никогда; он не вставал с постели более 30 лет»[17].

Поскольку сама А. О. Смирнова в письме к И. С. Аксакову от 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г. называла своего «нищего старичка»[18] Филонова «майором»[19], то, возможно, ее подопечным был майор Владимир Николаевич Филонов, служивший одно время (в 1835 г.) заседателем харьковского уездного суда[20].

О. Н. Смирнова добавляла: «Была также нищая Лукьянова (она училась в Смольном институте в царствование Екатерины, знала <И. И.> Бецкого) (возможно, речь идет о Лукиной (Зыбиной) Фионе Николаевне; 1782 г. выпуска. — *И. В.*), очень оригинальная старуха. Князь Вяземский ее очень любил, вел с ней шутовскую переписку, у меня стихи его о ней. Для Лукьяновой Вяземский выдумал подпись: "Лукьянова девица, златошвейного класса мастерица". Она была крестница М. С. Перекусихиной»[21].

[1] См. также ***1843. Марта 11 <февраля 27>. Суббота. Память св. великомученика Феодора Тирона. Рим.***

[2] См. ***1843. Апреля 17–22 <5–10>. Страстная неделя. Рим.***

[3] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 219; см. также: <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 245.

[4] См. выше свидетельство самого Гоголя в письме к Шереметевой от 15 апреля (н. ст.) 1843 г., а также: ***1843. Апреля 20 или 23 <8 или 11>. Великий четверг или Светлое Христово Воскресение, праздник Пасхи. Рим.***

[5] См. ***1843. Января 26 <14>. Четверг. Рим.***

[6] См. ***1847. Февраля 18 <марта 2>. Вторник. Калуга.***

[7] То есть в притвор.

[8] *Галаган Г. П.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 71.

[9] *Смирнова А. О.* Биография Александры Осиповны Чаграновой // *Свод.* Т. 2. С. 283.

[10] Софья Петровна Свечина (рожд. Соймонова, 1782–1857), жена генерала от инфантерии Н. С. Свечина, писательница; в 1815 г. под влиянием сардинского посланника в Петербурге Ж. М. де Местра приняла католичество и уехала в Париж, где открыла у себя салон религиозного направления, а в 1833 г. — домашнюю церковь.

[11] См. также ***1843 ноября 19 <7> — 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.***

[12] Позднее, в письме к Гоголю от 11 апреля 1845 г., жалуясь на «несносное ни то, ни се», Смирнова замечала: «Слова ваши всегда оправдываются... <...> Ничего нет труднее, как плавать меж двух вод, — не делать ничего положительно дурного и ничего положительно хорошего, а пока принадлежишь свету, невольно светское овладевает душою, до того мельчаешь, доходишь до таких подлых и низких движений, что, не закрасневшись, нельзя в них признаваться». «Есть много в нашем обществе *des tièdes* <умеренных, безразличных, тепловатых; *фр.*>, — замечала она в другом письме к Гоголю, от 14 января 1846 г., — а это зло горше гонителей».

[13] См. ***1843. Января 28 <16>. Суббота. Рим.***

[14] Над проблемой «теплохладного» «ни то ни се» цивилизованных «мертвых душ» Гоголь стал задумываться гораздо ранее, от самого приезда в Петербург (см. ***1829. Апреля 30. Вторник. Санкт-Петербург***).

[15] «Отцы пустынники и жены непорочны...» (1836). — См. ***1837. Апреля конец — мая начало <мая середина>. Санкт-Петербург.***

[16] *Смирнова О. Н.* Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.) // *Свод.* Т. 2. С. 350–351.

[17] *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 7. С. 53–54. — См. также ***1844. Августа 28 <сентября 9>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[18] См. ***1852. Апреля 9. Среда. Санкт-Петербург.***

[19] См. ***1852. Февраля 3. Воскресенье. Заговенье на мясо. Москва***.
[20] См.: Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1835. СПб., <1835>. Ч. 2. С. 153.
[21] *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 7. С. 54.

ФЕВРАЛЯ 24 <МАРТА 8>. СРЕДА. МОСКВА

А. М. Языков сообщает брату Н. М. Языкову в Рим:

«Сочинения Гоголя пропустили; говорят, что раскупаются хорошо; везде их читают и об них толкуют. Как хорош “Разъезд”! <...> Что случилось у тебя с Гоголем[1]? Напиши подробнее, это нас всех интересует, и зачем же ты пишешь так мало, коротко и неясно? – Здесь распространилось мнение, что будто ты один возвратиться в Москву не можешь. Правда ли это[2]? <...> А. И. Тургенев пишет[3], что в Париже, читая “Мертвые души”, “грустно и гадко!”»

Из писем А. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 183.

[1] Ср. ***1843 января 9 <1842 декабря 28>. Понедельник. Рим***; ***1843. Января вторая половина <января первая половина>. Рим***.
[2] Ответ Н. М. Языкова см.: ***1843. Апреля 20 <8>. Великий четверг. Рим***.
[3] Письмо неизвестно. А. И. Тургенев находился в то время в Москве, поэтому в его сообщении о чтении «Мертвых душ» в Париже, вероятно, имелось в виду авторское чтение 24 октября (н. ст.) 1838 г., о котором Тургенев записал тогда в своем дневнике (см. ***1838. Октября 24 <12>. Среда. Париж***; см. также: ***1842. Октября 17 <29>. Суббота. Москва***).

МАРТА 11 <ФЕВРАЛЯ 27>. СУББОТА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ФЕОДОРА ТИРОНА. РИМ

Гоголь, по древнему христианскому обычаю, в субботу первой седмицы Великого Поста приобщается Св. Христовых Таин[1].

Позднее, 8 июля (н. ст.) 1843 г., Гоголь, в частности, писал Н. М. Языкову: «Дай мне слово говеть, приехавши в Москву, при первом случае, если в великой пост, то на первой неделе»[2].

В том же году, 13 октября (н. ст.), он писал также матери и сестрам: «...Мне бы хотелось, чтобы вы говели на первой неделе <Великого Поста>...»[3]

[1] См. ***1843. Марта 6 <февраля 22>. Понедельник. Начало Великого Поста. Рим***. – См. также ***1846. Марта 7 <февраля 23>. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Рим***; ***1848. Февраля 28 <марта 11>. Суббота первой седмицы Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Иерусалим***; ***1850. Марта 11. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Москва***; ***1852. Февраля 16. Суббота. Шестой день Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Москва***.
[2] См. ***1843. Июля 8 <июня 26>. Суббота. Баден-Баден***.
[3] См. ***1843. Октября 13 <1>. Пятница. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Дюссельдорф***.

МАРТА 13 <1>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Н. М. Языков пишет родным:

«Погодина записки о Риме[1] очень любопытны и читаются легко и удовольственно; хоть чересчур откровенно и, так сказать, на лету писаны. В них же сам Погодин изобразился как нельзя

лучше, верите, во весь рост, во всем виде, волос в волос, голос в голос! Гречево путешествие[2] просто скучно. Хорошо было бы, если бы мне в конце апреля выбраться отсюда: май прокупаться в Гаштейне, а июль употребить на благополучное возвращение в Москву».

Афанасьев В. В. Жизнь Николая Языкова по документам, воспоминаниям // *Языков Н. М.* Свободомыслящая лира. М., 1988. С. 273; Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 162–163.

[1] Речь идет о статье: <*Погодин М. П.*> Месяц в Риме // Москвитянин. 1842. Ч. I. № 2 (цензурное разрешение 16 февраля 1842 г.). Публикация представляет собой первую половину статьи Погодина, в которой он описал свое пребывание в Риме с Гоголем весной 1839 г. (см. в наст. летописи).

[2] Имеется в виду статья: *Гр<еч> Н.* Письмо из Рима. Ф. В. Булгарину. 18/30 сентября 1841 // Северная Пчела. 1841. 30 окт. № 243. С. 971.

МАРТА 2 <14>. ВТОРНИК. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщает М. Г. Карташевской:

«На днях получили мы очень приятное известие, что Гоголь работает много, это пишет Языков, который живет вместе с ним в Риме. Какое-то необыкновенное значение, которое мы и понять не можем теперь, привязывает Гоголь к окончанию труда своего, и не в отношении к искусству только, но почти что особенно; в Иерусалим он попадет не прежде как по окончании его[1], и не заезжая в Россию».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 838.

[1] См. ***1845. Марта 20 <апреля 1>. Вторник. Москва*** (примечания).

МАРТА 4 <16>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Ф. А. фон Моллер пишет А. А. Иванову в Рим:

«Незадолго до моего отъезда из Петербурга получил я письмо от Николая Васильевича от 15 февраля, а через день и другое от него[1]. Очень обрадовало и успокоило меня увидеть из этих писем, что в вас достало сил душевных довольно твердо перенести первое известие о постигшем вас несчастии[2]. Беседа с добрым и почтенным нашим Николаем Васильевичем, надеюсь, мало-помалу опять совершенно возвратит вам спокойствие духа, столь необходимое для окончательного исполнения огромного труда Вашего. <...> Поблагодарите Гоголя за его любезное письмо, в немногих словах заключающее столь много милого для меня и занимательных, хотя и печальных известий о переменах в Риме, а в особенности за то, что он меня не разлюбил, узнав все мои слабости. Желая добросовестно исполнить его поручение, собрать мнения, столь различные о его последних произведениях[3], я решился писать ему уже по возвращении в Петербург».

Гоголь в письмах Ф. А. фон Моллера // *Свод.* Т. 3. С. 387.

[1] См. ***1843. Февраля 15 и (предположительно) 17 <3 и 5>. Среда и пятница. Рим.***

[2] Речь идет о смерти матери художника Е. И. Ивановой (см. ***1843. Января 12 <24>. Вторник. Санкт-Петербург***).

[3] См. ***1843. Июня 1–3 <мая 20–22>. Четверг. Праздник Вознесения Господня – суббота. Мюнхен*** (примечания).

МАРТА 20 <8>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Согласно почтовому штемпелю, в Рим из Москвы доставлено письмо Н. Н. Шереметевой к Гоголю от 12–15 февраля 1843 г.

См. ***1842. Февраля 12 <24>. Пятница. Покровское, Москва.***

МАРТА ПОСЛЕ 20 <ПОСЛЕ 8>. РИМ

Гоголь отправляет в Москву ответное[1] послание С. Т. Аксакову (написанное 18 марта (н. ст.) 1843 г.) и ответ на письмо Н. Н. Шереметевой[2].

В письме к Аксакову Гоголь благодарит его за известия о «Женитьбе» и «Игроках»[3]: «Относительно перемены ролей актеры и дирекция имеют полное право, и удивляюсь, зачем они не сделали этого сами. Кто же, кроме самого актера, может знать свои силы и средства? Верстовского поблагодарите от души за его участие и расположение; а “Разъезда” натурально не следует давать: и неприлично, и для сцены вовсе неудобно. <...> ...Получили ли вы <...> мое письмо, в котором я просил вас о постановке “Ревизора”[4], дело, которым, пожалуйста, позаймитесь. Там же я просил дать какой-нибудь отрывок Живокини, по усмотрению Мих<айла> Сем<еновича>, за его усердные труды. Константину Сергеевичу скажите, что я не думал сердиться на него за брошюрку[5]; напротив, в основании своем она замечательная вещь. Но разница страшная между диалектикою и письменным созданием, и горе тому, кто объявляет какую-нибудь замечательную мысль, если эта мысль еще ребенок, не вызрела и не получила образа, видного всем, где бы всякое слово можно почти щупать пальцем; и вообще чем глубже мысль, тем она может быть действеннее самой мелкой мысли. Относительно 2-го тома “М<ертвых> Д<уш>” я уже дал ответ Шевыреву[6], который вам его перескажет. <...>

Но поговорим теперь о самом важном деле. <...> Я думаю, вы уже знаете из письма моего к Шевыреву[7], в чем дело. Вы должны принесть для меня жертву, соединившись втроем вместе: Вы, Шевырев и Погодин. Взять на себя дела мои на три года. <...> Со вторым изданием[8] распорядитесь, как найдете лучше, но так устройте, чтобы я мог получать по шести тысяч в год в продолжение трех лет, разделив это на два или на три срока и чтоб эти сроки были слишком точны: от этого много зависит. Впрочем, распоряжение относительно этого предоставьте Шевыреву. Он точнее нас всех. – Слова эти слишком важны, и во имя Бога я молю вас не пренебречь ими. Сроки должны быть слишком ак<к>уратны. Что теперь я полгода живу в Риме без денег, не получая ни откуда, это конечно ничего. Случился Языков, и я мог у него занять[9]. Но в другой раз это может случиться не в Риме; мне предстоят глухие уединения, дальние отлучения, не теряйте этого из виду; если не достанет и не случится к сроку денег, соберите их хотя в виде милостыни. Я нищий и не стыжусь своего звания.

А вас вместе с Погодиным я попрошу войти в положение моей маменьки, тем более, что вы уже знакомы с нею и несколько знаете ее обстоятельства. Я получил от нее письмо, сильно меня расстроившее. Она просит меня прямо помочь ей, в то время помочь, когда я вот уже полгода сижу в Риме без денег, занимая и перебиваясь кое-как. Просьба о помощи меня поразила. Маменька всегда была деликатна в этом отношении: она знала, что мне не нужно напоминать об этом, что я могу чувствовать сам ее положение. Она знала это уже потому, что я отказался от своей части имения[10] и отдал ей (100 душ крестьян с землями), тогда как сам не был даже на полгода обеспечен. (Последнего обстоятельства натурально она не знала, иначе бы отказалась и от имения, и от всякой со стороны моей помощи, и потому я должен был почти всегда уверять ее, что я не нуждаюсь и что состояние мое обеспечено.) Но и в сей мысли она была однако ж очень деликатна и не просила меня о помощи. Теперь это все произошло вследствие невинного обстоятельства. Ольга Семеновна, по доброте души своей, желая, вероятно, обрадовать маменьку, написала, что “Мертвые души” расходятся чрезвычайно, деньги плывут[11], и предложила ей даже взять деньги, лежащие у

Шевырева, которые, вероятно, следовали одному из ссудивших меня на самое короткое время[12]. Маменька подумала, что я богач и могу без всякого отягощения себе сделать ей помощь. Я никогда не вводил маменьку ни в какие литературные мои отношения и не говорил с нею никогда о подобных делах; ибо знал, что она способна обо мне задумать слишком много. Детей своих она любит до ослепления, и вообще границ у ней нет. Вот почему я старался, чтобы к ней никогда не доходили такие критики, где меня чересчур хвалят. И, признаюсь, для меня даже противно видеть, когда мать хвастается своим сыном: это все равно как бы хвастаться собою и своими добродетелями. Маменька должна меня знать просто как доброго сына, а судить о талантах моих не принадлежит ей. Письмо маменьки и просьба повергли меня в такое странное состояние, что вот уже скоро третий месяц, как я всякой день принимаюсь за перо писать ей и всякий раз не имею сил, бросаю перо и расстраиваюсь во всем. В самом деле, положенье затруднительно: чтобы объяснить все дело, нужно сказать правду и сделать ей ясным мое положение, а в объяснении моего положения будет уже заключаться ей упрек и беспокойство о моей участи, между тем письмо мое должно быть утешительно и заключить даже в себе умную инструкцию впредь. Но для того, чтобы разумно поступить в этом, для другого может быть незатруднительном деле, мне нужно взглянуть как на совершенно постороннее для меня дело, взглянуть так, как я гляжу на характер и положение лица, которое принимаюсь внесть в мое творение, тогда только предмет может предо мною стать всеми своими сторонами, и слово мое может быть проникнуто светом разума, а без этого слово мое будет глупее слова всякого обыкновеннейшего человека. Вот как еще мне трудно отрешиться от многих, многих страстных отношений, чтоб стать на ту высоту бесстрастия, без которого все, что ни произносится мною, есть пошло, презренно и несет мне упреки даже от тех, которые, думая доставить мне добро, заставили произвесть его. Итак, войдите вместе с Погодиным в положение этого дела, объясните его маменьке, как признаете лучше. Во всяком случае, как вы ни поступите, вы поступите в двадцать раз умнее меня. — Дайте ей знать, что деньги вовсе не плывут ко мне реками и что расход книги вовсе не таков, чтобы сделать меня богачом. — Если окажутся в остатке деньги, то пошлите; но не упускайте также из виду того, что маменька, при всех своих прекрасных качествах, довольно плохая хозяйка и что подобные обстоятельства могут случаться всякий год, и потому умный совет с вашей стороны, как людей, все-таки больше понимающих хозяйственную часть, может быть ей полезнее самих денег. Я не знаю, могут ли принести мои сочинения, давно напечатанные в четырех томах, какой-нибудь значительный доход. Одно напечатание их (листов, как я вижу по газетам, оказалось более, чем предполагалось) должно достигнуть до 17000. Притом, как бы то ни было, книга в 25 рублей не так легко расходится, как в десять, особенно если она даже не новость вполне. Я думаю, что в первый год она разве только окупит издание, а потом пойдет тише. Первые деньги после окупления издания я назначил на уплату долгов моих петербургских, которые хоть и не так велики, как московские, но все же требуют давно уплаты. Я знаю, что некоторым, даже близким душе моей и обстоятельствам, казалось странно, отчего у меня завелось так много долгов. И они всегда пропускали из виду следующее невинное обстоятельство: шесть лет я живу, и большею частью за границей, не получая ни откуда жалованья и никаких совершенно доходов. (Шесть лет я не издавал ничего.) Года эти были года странствия, года путешествия; откуда же и какими средствами я мог производить все это? Если положить по пяти тысяч в год, так вот уже до тридцати тысяч в шесть лет. Один раз только я получил вспомоществование, которое было от Государя[13] и дало мне возможность прожить год. Кроме того я в это время должен был взять моих сестер из института, одеть их с ног до головы и всякой доставить безбедный запас, хотя по крайней мере на два года. Два раза я должен был в это время помочь маменьке, не говоря уже о том, что должен был дать ей средства два раза приехать в Москву и обратно; должен же я был все это произвести какими-нибудь деньгами и средствами; итак, немудрено, что у меня набрались такие долги. А вы знаете сами, я вовсе не такой человек, чтобы издерживать деньги на пустяки, и желанья мои довольно ограничены, и при мне нет даже таких вещей, которые бы показались другому совершенно необходимы. <...>

Если кто-нибудь поедет за Языковым из Москвы, не забудьте прислать мне книг, если вышло что-нибудь относительно статистики России. Известный "Памятник веры", который обещала Ольга Семеновна[14], и молитвенник самый пространный, где бы находились почти все молитвы, писанные Отцами Церкви, Пустынниками и Мучениками.

О моих сочинениях я не имею никаких известий из Петербурга. Прокопович до сих пор не отвечал на мое последнее письмо. К Плетневу я уже писал два письма и ни на одно из них нет ответа.

Вот вам мой маршрут: до первого мая в Рим, потом в Гастейн, в Тироль до 1-го июня. В июне, июле и августе адресуйте в *Дюссельдорф* на имя *Жуковского*, везде Poste restante».

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Вслед за этим письмом Шевырев привез мне письмо, полученное им от Гоголя[15]... <...> Прочитав теперь внимательно, конечно, не в первый раз, эти оба замечательные, задушевные письма, я должен признаться, что тогда они не были поняты и почувствованы нами, как того заслуживают. Я принял их к сердцу более моих товарищей. Погодин мутил нас обоих своим ропотом, осуждением и негодованием. Он был ужасно раздражен против Гоголя. Впоследствии докажет это его письмо к нему[16] и ответ Гоголя[17]. Шевырев, хотя соглашался со многими обвинениями Погодина, но, по искренней и полной преданности своей к Гоголю, от всего сердца был готов исполнять его желания. Дело в самом деле было затруднительно: все трое мы были люди весьма небогатые и своих денег давать не могли. Сумма, вырученная за продажу первого издания "М<ертвых> Д<уш>", должна была уйти на заплату долгов Гоголя в Петербурге. Выручка денег за полное собрание сочинений Гоголя, печатаемых в Петербурге Прокоповичем (за что мы все на Гоголя сердились[18]), казалась весьма отдаленною и даже сомнительною: ибо надобно было предварительно выплатить типографские расходы, простиравшиеся до 17000 и более руб<лей> ассигн<ациями>. Цена непомерная, несмотря на то, что печаталось около 5000 экземпляров. Мы рассчитывали, что в Москве понадобилось бы на все издание не более 11000. Если мои записки войдут когда-нибудь, как материал, в полную биографию Гоголя, то, конечно, читатели будут изумлены, что приведенные мною сейчас два письма, написанные словами, вырванными из глубины души, написанные Гоголем к лучшим друзьям его, ценившим так высоко его талант, – были приняты ими с ропотом и осуждением, тогда как мы должны были за счастие считать, что судьба избрала нас к завидной участи: успокоить дух великого писателя, нашего друга, помочь ему кончить свое высокое творение, в несомненное, первоклассное достоинство которого и пользу общественную мы веровали благоговейно. Я сам теперь удивляюсь этому. Все, что можно сказать в объяснение такой странности, заключается в одном слове: не было полной доверенности к Гоголю. Скрытность его характера, неожиданный отъезд из Москвы, без предварительного совета с нами, печатанье своих сочинений в Петербурге, поручение такого важного дела человеку совершенно неопытному, тогда как Шевырев соединял в себе все условия, нужные для издателя, не говоря уже о горячей и преданной дружбе; наконец, свидание Гоголя в Петербурге с людьми нам противными, о которых он думал одинаково с нами, как то: с Белинским, Полевым и Краевским[19], все это вместе поселило некоторое недоверие даже в Шевыреве и во мне; Погодин же видел во всем этом только доказательство своему убеждению, что Гоголь человек неискренний, что ему верить нельзя. Мы с Шевыревым не принимали такого убеждения, особенно я. Я объяснял поступки Гоголя странностью, капризностью его художнической натуры; а чего не мог объяснить, о том старался забыть, не толкуя в дурную сторону. Первым моим делом было – послать деньги Гоголю; на ту пору у меня случились наличные деньги, и я мог отделить из них 1500 руб<лей>. Такую же сумму думал я занять у <Свербеева>. Я отправился к нему немедленно, рассказал все дело и – получил отказ. Благосостояние Свербеева и значительный капитал, лежавший в ломбарде, были мне хорошо известны. Я сделал ему горький упрек; но Свербеев, не обижаясь им, твердил одно: "Я принял за правило не давать денег взаймы, а дарить такие суммы я не могу". Я отвечал ему довольно жестко и хотел уйти, но жена его прислала просить меня, чтоб я к ней зашел. Я исполнил ее желание, и хотя не был с ней очень близок, но в досаде на ее супруга я рассказал ей, для чего я просил взаймы денег у Дмитрия Николаевича и по какой причине получил отказ. Катерина Александровна вспыхнула от негодования и вся покраснела. Она быстро встала с своего дивана, на котором полулежала в грациозной позе, и, сказав: "Я вам даю охотно эти деньги", вышла в другую комнату и через минуту принесла мне 1500 рублей. Я, признаюсь в моей вине, не ожидал от нее такого поступка, поблагодарил ее с волнением и горячностью. Между тем явился муж, и я беспощадно подразнил и пристыдил его поступком Кат<ерины> Алек<сандровны>; Свербеев был очень смешон: пыхтел, отдувался и мог только сказать: "Это ее деньги, она может ими располагать, но других от меня не получит". Очень довольный, что скоро нашел деньги, я сейчас отправил их в Рим[20] через Шевырева и написал письмо к Гоголю[21]. Через полгода он хотел выслать остальные три тысячи рублей. Не знаю хорошенько, были ли эти деньги высланы к Гоголю, ибо денежные его обстоятельства вскоре переменились. Во-первых, потому, что вследствие представления Графа Уварова Государь приказал производить Гоголю по три тысячи рублей в продолжение трех лет[22], и, во-вторых, потому, что продажа полных сочинений Гоголя, несмотря на чрезвычайные расходы и контрфакцию, – доставила значительную сумму денег: их доставало и на добавок к содержанию Гоголя, и на уплату его долгов, и даже на добрые тайные дела. ([Даже высланные мною 3000 <3500>[23] руб<лей> пришли тогда, когда Гоголь не нуждался в деньгах, ибо] Вслед за моими деньгами Гоголь получил 1000 руб<лей> сер<ебром> от Прокоповича[24] в счет будущих доходов за продажу сочинений.) Впрочем, я хорошо не знаю денежных дел Гоголя: всем этим заведовал с неусыпным старанием Шевырев. <...>

Распродажей "Мерт<вых> Д<уш>" заведовал Шевырев и по мере выручки денег расплачивался с долгами. Я сам немедленно отвез полторы тысячи руб<лей> асс<игнациями> Кат<ерине> А<лександровне> Свербеевой, которая так прекрасно поправила неизвинительный отказ своего супруга»[25].

В позднейшей приписке Аксаков также замечал: «Сказать там, где говорится о деньгах, что Гог<оль> требовал их и на след<ующий> год»[26].

В письме к Шереметевой Гоголь благодарит ее за письма и замечает:

«Благодарю вас за ваши три письма[27]. Мы должны были сойтись[28] и сблизиться душой. В том высшая воля Бога. <...> Долгое воспитанье еще предстоит мне, великая, трудная лестница»[29].

1 См. ***1843. Февраля 8 <20>. Понедельник. Москва.***

2 См. ***1843. Марта 20 <8>. Понедельник. Рим.***

3 См. ***1843. Февраля 5 <17>. Пятница. 7 часов вечера. Москва.***

4 Письмо не сохранилось (см. ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим***).

5 См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки*** (примечания).

6 См. ***1843. Февраля 28 <16>. Вторник. Рим.***

7 См. ***1843. Февраля 28 <16>. Вторник. Рим.***

8 Имеется в виду второе издание первого тома «Мертвых душ».

9 См. ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим.***

10 См. ***1829. Июля 23. Вторник. Санкт-Петербург Июля 24. Среда. Санкт-Петербург.***

11 Об этом О. Сем. Аксакова сообщала М. И. Гоголь неоднократно (ср. ***1843. Марта 19 <31>. Пятница Москва***). – См. также ***1843. Июня 22 <10>. Четверг. Эмс.***

12 См. ***1842. Мая около 17. Москва.***

13 См. ***1837. Ноября 2 <октября 21>. Четверг. Женева.***

14 См. ***1842. Июля 29 <17>. Пятница. Гастейн.*** – См. также ***1843. Июля 24 <12>. Понедельник. Баден-Баден.***

15 См. ***1843. Февраля 28 <16>. Вторник. Рим.***

16 От 12 сентября 1843 г. (см. ***1843. Сентября средина, после 12 <после 24>. Москва***).

17 От 2 ноября (н. ст.) 1843 г. из Дюссельдорфа (см. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки***; ***1843. Ноября 2 <октября 21>. Четверг. Дюссельдорф***).

18 См. ***1842. Марта 30. Понедельник. Москва.***

19 См. ***1842. Мая 26. Вторник – июня 5. Пятница. Санкт-Петербург.***

20 См. ***1843. Марта 13 <25>. Суббота. Москва.***

21 Письмо не сохранилось.

22 См. ***1845. Марта 27–28 <апреля 8–9>. Вторник-среда. Санкт-Петербург.***

23 См. ***1843. Марта 13 <25>. Суббота. Москва***; ***1843. Марта 29 <апреля 10>. Понедельник. Москва***; ***1843. Апреля 19 <7>. Великая среда. Рим.***

24 См. ***1843. Мая 24 <12>. Среда. Гастейн.***

25 *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 737, 742–744, 714–715.

26 Там же. С. 749.

27 Имеются в виду письма Шереметевой от 19 декабря 1842 г. (см. ***1842. Декабря 19 <31>. Суббота. Покровское***; см. также ***1843. Февраля 18 <6>. Суббота. Рим***); от 25 декабря 1842 г. – 6 января 1843 г. (письмо не сохранилось; см. ***1842. Февраля 12 <24>. Пятница. Покровское, Москва***); от 12–15 февраля 1843 г. (см. ***1843. Марта 20 <8>. Понедельник. Рим***).

28 См. ***1842. Март. Москва.***

29 См. ***Конец 1820-х (не позднее 1829)***; ***1829. Июля 24. Среда. Санкт-Петербург***; ***1842. Июня 26 <14>. Воскресенье. Берлин.***

МАРТА 12 <24>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович сообщает С. П. Шевыреву в Москву:

«Я сам себе не могу растолковать причины замедления высылки 175 экземпляров сочинений Гоголя, вижу только, что тут есть плутовство, но из каких побуждений произошло оно, решительно

не понимаю. Отправив к Вам первые экземпляры с 4-х дневным транспортом, я тотчас же послал к фактору типографии деньги на отсылку остальных с 10-ти дневным, в получении которых он и прислал мне прилагаемую при сем росписку, с тем вместе я дал ему и адрес Ваш, чтоб он без дальнейших промедлений отправил к Вам по почте квитанцию. Сделав таким образом, я был в полной уверенности, что все кончено; как вдруг в то время, когда я уже ожидал от Вас извещения о получении, нечаянно узнаю, что книги и не были отправлены. Я отправился в типографию, поднял там шум, вывел перед содержателем типографии на чистую воду плутовство его поверенного и в тот же день получил квитанцию. Но и тут она была на отправку только 125 экз<емпляров>, вместо 177; на запрос мой: почему так сделано, мне отвечали, что остальные у переплетчика, а получатся, отправятся, и мне доставится квитанция завтра. Это *завтра* продолжалось несколько дней, и наконец уже новый шум и новые жалобы кончили все вчера.

Вот вся история этих несчастных экземпляров. Не буду оправдывать и себя за мою опрометчивую доверенность и оплошность; но войдите в мое положение и, прибавив к труженической жизни петербургского учителя хождение по необходимейшему делу в петербургском надворном суде, посудите, мог ли я не доверить весьма обыкновенного поручения человеку, которому вверено управление одною из огромнейших столичных типографий, тем более, что с этим поручением соединялся интерес самого содержателя типографии?

3-й том для Вас и 2 экз<емпляра> для Павлова[1] и Свербеевой вместе с этим высылаются; о последних Гоголь мне не писал ничего, но он мог забыть, а Вы знаете его московские связи; следовательно, он не должен быть в претензии за то, что мы поправили его ошибку.

Что касается до денег, то присылайте их мне, потому что ими выплачивается долг в типографию; а насчет уступки известите меня подробнее: как Вы будете поступать, так буду поступать и я.

Гоголь пишет, чтоб Вам выслать 1000 экз<емпляров>, остальные 800 я вышлю с бессрочным транспортом, как скоро весь долг в типографию будет выплачен; если же он не уплатится продажею к сроку, то я заплачу своими деньгами. Благодарю Вас за известие о представлении "Женитьбы" и "Игроков"; должен признаться Вам, что я всегда полагал в московской публике гораздо большее развитие эстетического чувства, чем в петербургской: здешняя испорчена и журналами, и департаментами да и чухонскими ветрами. <...>

Расписку или сохраните у себя, или пришлите при случае мне; все документы, касающиеся сочинений Гоголя, я берегу, дабы он по приезде мог поверить все мои действия. Деньги ему я выслал и на днях пошлю еще из своих».

Гоголь в письмах Н. Я. Прокоповича // *Свод.* Т. 1. С. 586–587.

[1] Николай Филиппович Павлов (1805–1864), писатель.

МАРТА 13 <25>. СУББОТА. МОСКВА

Банкир Ценкер дает расписку С. Т. Аксакову в получении от него 1000 рублей серебром для перевода в Рим Гоголю[1].

Аксаков отправил Гоголю в Рим, через С. П. Шевырева[2], 3500 рублей[3] (очевидно, ассигнациями), из которых 1500 рублей дала Аксакову в долг Е. А. Свербеева[4]. Спустя некоторое время он отправил письмо к Гоголю[5] (письмо не сохранилось).

[1] Гоголь Николай Васильевич (1809–1852). Опись документальных материалов личного фонда № 139. Под ред. Н. И. Прокофьева / Главное архивное управление МВД СССР. Центральный государственный литературный архив СССР. М., 1951. С. 10.

[2] См. ***1843. Марта после 20 <после 8>. Рим*** (примечания); ***1843. Апреля 17 <5>. Великий понедельник. Рим.***

[3] См. ***1843. Марта 29 <апреля 10>. Понедельник. Москва***; ***1843. Апреля 19 <7>. Великая среда. Рим.***

[4] См. ***1843. Марта после 20 <после 8>. Рим.***

[5] Деньги было получены Гоголем, вероятно, 17 апреля (н. ст.) 1843 г. (см. ***1843. Апреля 17 <5>. Великий понедельник. Рим***), письмо – около 20 апреля (н. ст.) 1843 г. (см. ***1843. Апреля около 20 <около 8>. Рим***).

МАРТА МЕЖДУ 21[1] И 26[2] <МАРТА МЕЖДУ 9 И 14>. УТРО. РИМ

Представление Гоголя великой княгине Марии Николаевне; на приеме присутствовала А. О. Смирнова.

Сочинения Гоголя в четырех томах (СПб., 1842) были посланы П. А. Плетневым с курьером в Рим на имя великой княгини Марии Николаевны 15/27 февраля 1843 г.[3] Это было сделано Плетневым по просьбе Гоголя[4], который просил прислать экземпляр для него самого, но, вероятно, либо Плетнев, не поняв просьбы Гоголя, послал сочинения не ему, а самой княгине, либо присланный экземпляр Гоголь сам решил подарить великой княгине, так как в письме к Н. Я. Прокоповичу он просил прислать ему еще один «экземпляр» собрания «чрез Моллера»[5] (с которым встретился в начале июня (н. ст.) 1843 г. в Мюнхене)[6].

Позднее, 5/17 мая 1843 г., А. М. Языков писал брату Н. М. Языкову из Москвы: «Здесь даже был слух из Петербурга, что ты познакомился с Вельгурским[7] и даже обратил на себя милостивое внимание вел<икой> княгини[8] (помнится, представлялся ей). Гоголь будто читал ей 2-й том "Мертвых душ", где прекрасно расписаны Москва и Петербург»[9].

В свою очередь, Е. М. Хомякова 21 мая / 2 июня 1843 г. писала брату: «Ты уже теперь, любезный брат Николай Михайлович, вероятно, в своей Гастуне? <...> Гоголю скажи мой поклон. Говорят, он много подвинулся в М<ертвых> Душах и читал великой княгине. Правда ли? Если правда, то радостная»[10].

Н. М. Языков 7 июня (н. ст.) 1843 г. отвечал А. М. Языкову из Гастейна: «Слух, будто бы Гоголь читал в Риме Великой Княгине вторую часть Мертвых Душ, несправедлив, – тем паче, что эта вторая часть еще не написана[11]. И он не представлялся Великой Княгине, так же, как и я, – вероятно, потому, что у него нет и фрака, так же, как и у меня? Не всякому слуху веруйте и проч.»[12]

По свидетельству других гоголевских современников, отрицаемое Н. М. Языковым представление Гоголя в Риме великой княгине Марии Николаевне (без чтения «Мертвых душ») все-таки состоялось (об этом Языкову Гоголь, очевидно, не сообщил).

31 декабря 1844 г. А. О. Смирнова, в частности, писала Гоголю из Петербурга: «В<еликая> к<нягиня> Марья Николаевна спрашивала об вас с благосклонностью; вспомнила ваш визит в Риме».

Позднее, около 1873 г., Смирнова рассказывала также А. Н. Пыпину: «Представлялся В<еликой> К<нягине> Марье Никол<аевне> утром. Она оч<ень> милост<иво> приняла и раз приказа<ла> приглас<ить> на музык<альный> веч<ер> к гр<афу> Вьель<горскому>, где она была»[13].

В 1888 г. дочь Смирновой Ольга Николаевна, в свою очередь, сообщала: «Герцог Лейхтенбергский уже был болен тогда; в 1843 г. он с вел<икой> кн<ягиней> был в Риме, где мать <А. О. Смирнова> их видала ежедневно. Гоголя пригласили на чтение к вел<икой> княгине. Тут был очень забавный случай: у Гоголя не оказалось фрака, у него был старый мундир. В. А. Перовский сказал ему, что он не годится, – слишком стар. Ханыков и мой дядя <Ар. О. Россет> отправились к русским художникам (Иванов был приглашен на чтение сам); фрака не нашли. Иванов обежал все немецкие мастерские, – pas de frac!..[14] Наконец, в Villa Medici у французов нашелся фрак по росту Гоголя, хотя и немного мешковат, и его нарядили. В 1858 г. Иванов еще вспоминал о фраке со смехом в Риме. Этот анекдот долго веселил римские мастерские и обедавших артистов (которые все знали Гоголя) у Lepre (ресторан бедных артистов). Гоголь видался у Lepre ежедневно с немецкими и французскими артистами и итальянцами; его все звали Signor Nicolo, а Иванова – Signor Alessandro»[15].

Граф В. А. Соллогуб также свидетельствовал: «Он чуждался и бегал света, и, кажется, однажды во всю жизнь свою надел черный фрак, и то чужой, когда великая княгиня Мария Николаевна пригласила его в Риме к себе»[16].

Из письма Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «Вел<икая> Кн<ягиня> Мария Николаевна с герцогом Лейхтенбергским жили у нашего посланника Потемкина. <...> Тогда была К<нягиня> Белосельская[17] в Риме и задавала ужасный тон. В<еликая> К<нягиня> ее никогда не звала на вечера. Мои дети всякой день играли с старшей ее дочерью, потому что Марусю еще носили на руках. Эта Адина не была хороша, но была преострый и милый ребенок. Она умерла в Петербурге на четвертом году. Вечером мы играли у Великой Кн<ягини> в вист и преферанс: Герцог, Матвей Юр<ьевич> Виельгорский и я. Всякий вечер проводил там Герцог Фридрих Саксен-Руссенгальский. Он был свеж и хорош. [В<еликой> К<нягине> вздумалось женить его на Адине. У него дохода было <*1 нрзб.*> 25.000 асс<игнациями>, он ездил в дилижансе, часто приходил ко мне и] сказал, что Ольга Ник<олаевна> по портрету ему более нравится; я это передала [В<еликой> К<нягине>. Герцог тогда предавал свои] Саксонские земли, чтобы облегчить своему секретарю управление этих земель, ценность которых была в 18 миллионов <*1 нрзб.*>. У него часто бывал его двоюродный брат, ученый оригинал. Conino. [Я сказала Гоголю про эту свадьбу; он ответил: «Он ничего, но слишком кельнероват». В самом деле в Германии <*1 нрзб.*> кельнеры похожи на него манерами.]»[18]

Из воспоминаний Ф. И. Иордана (опубл. в 1891 г.): «Доброта Гоголя была беспримерна, особенно ко мне и к моему большому труду “Преображение”[19]. Он рекомендовал меня, где мог. Благодаря его огромному знакомству, это служило мне поощрением и придавало новую силу моему желанию окончить гравюру. <...>. Гоголь многим делал добро рекомендациями, благодаря которым художники получали новые заказы. <...> Вскоре Рим был осчастливлен приездом молодой царской четы: великой княгини Марии Николаевны с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским. Они видели мой труд и пожелали быть подписчиками на мою гравюру»[20].

[1] См. ***1843. Марта после 20 <после 8>. Рим.***

[2] «<1> 13 декабря венценосная чета покинула Анкону и к католическому Рождеству <13/25 декабря 1842 г.> прибыла в Рим. <...> Но едва Рождество прошло, как Мария Николаевна и ее супруг снова собрались в дорогу (28 декабря <1842> / 9 января 1843 г.). <И. А.> Потемкин сообщал, что Великая княгиня хотела бы посетить Неаполь... <...> В Рим Лейхтенберги вернулись 11 <23> февраля и оставались в городе еще около месяца. <...> 7/19 и 8/20 марта Потемкин сообщал <кардиналу> <Л.> Ламбрускини о желании супругов посетить папу. Кажется, такой визит был запланирован на <11> 23 марта, а<14> 26 марта Лейхтенберги выехали во Флоренцию, куда прибыли <17> 29 марта» (*Мусатова Т. Л.* Новая книга о Гоголе в Риме: В 2 т. М., 2017. Т. 1. С. 179–180).

[3] См. ***1843. Февраля 15 <27>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим.***

[5] См. ***1843. Апреля 19 <7>. Великая среда. Рим.***

[6] См. ***1843. Июня 1–3 <мая 20–22>. Четверг. Праздник Вознесения Господня – суббота. Мюнхен.***

[7] С графом Мих. Ю. Виельгорским. Граф был в Риме в свите великой княгини Марии Николаевны (см.: *Мусатова Т. Л.* Новая книга о Гоголе в Риме. Т. 1. С. 178).

[8] Марии Николаевны.

[9] Из писем А. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 184.

[10] Гоголь в письмах А. С. Хомякова и его жены Е. М. Хомяковой (рожденной Языковой) // *Свод.* Т. 3. С. 196.

[11] 28 мая (н. ст.) 1843 г. Гоголь писал Н. Я. Прокоповичу из Мюнхена: «Откуда и кто распускает всякие слухи обо мне? Говорил ли я когда-нибудь тебе, что буду сим летом в Петербург? или что буду печатать 2 том в этом году?.. <...> М<ертвых> д<уш> не только не приготовлен 2-ой том к печати, но даже и не написан. И раньше двух лет (если только мои силы будут постоянно свежи в это время) не может выйти в свет». 24 июля (н. ст.) того же года Гоголь сообщал также С. Т. Аксакову из Бадена: «Слухи, которые дошли до вас о М<ертвых> д<ушах>, все ложь и пустяки. Никому я не читал ничего из них в Риме, и верно нет такого человека, который бы сказал, что я читал что-либо вам неизвестное [ему или другим]. Прежде всего я бы прочел Жуковскому, если бы что-нибудь было готового. Но, увы, ничего почти не сделано мною во всю зиму, выключая немногих умственных материалов, забранных в голову».

[12] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 164.

[13] <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 242.

[14] нет фрака (*фр.*)

[15] <Воспоминания О. Н. Смирновой о Гоголе в статье В. И. Шенрока «А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь» (1888)> // *Свод.* Т. 2. С. 302.

[16] Воспоминания графа В. А. Соллогуба // *Свод.* Т. 1. С. 655.

[17] Княгиня Елена Павловна Белосельская-Белозерская (рожд. Бибикова, во втором браке Кочубей, 1812–1888), княгиня, жена князя Э. А. Белосельского-Белозерского.

[18] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 257–258.

[19] В. А. Чаговец в 1901 г. указывал: «У Н. В. Быкова <племянника Гоголя> находится несколько предметов, связанных с именем поэта... <...> ...Есть и картина "Вознесение <Преображение> Господне", гравированная Иорданом...» (*Чаговец В. А.* На родине Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 229). См. также: «"Преображение Господне" – снимок с картины Рафаэля, гравированной Иорданом, которому покровительствовал поэт» (*Чаговец В. А.* Гоголевская выставка (каталог) // *Свод.* Т. 1. С. 382).

[20] Записки профессора и ректора Императорской Академии Художеств Федора Ивановича Иордана // *Свод.* Т. 3. С. 376, 378.

МАРТА 28 <16>. ВТОРНИК. РИМ

Гоголь пишет письмо В. А. Жуковскому в Дюссельдорф и ответное письмо Н. Я. Прокоповичу в Петербург (согласно почтовому штемпелю[1], письмо к Прокоповичу было отправлено через день, 30 марта; вероятно, тогда же было послано и письмо к Жуковскому).

Из письма к Жуковскому: «Хотя ни разу не ответили вы мне на мои письменные расспросы относительно вашего местопребывания на будущее время. <...> я <...> вновь вам пишу об этом. Желание вас видеть стало во мне теперь еще сильнее, я думаю непременно в июле месяце быть в Дюссельдорфе. Напишите мне только два слова, будете ли в это время в Дюссельдорфе. Смирнова хочет тоже заехать к вам два раза, в июне и июле. А я думаю даже пожить в Дюссельдорфе... <...> Мы там в совершенном уединении и покое займемся работой, вы Одиссеей, а я Мертвыми душами. Напишите мне ответ[2], не медля нимало, потому что я скоро оставляю Рим».

В письме к Прокоповичу Гоголь пишет: «Письмо твое и билет на 550 <франков>[3] получил. Благодарю тебя много за всё и в теперешнюю минуту более всего за письмо, как оно ни коротко и ни поспешно. Я уже несколько месяцев без писем. Точно, как будто вдруг все сговорились не писать ко мне. <...> Поблагодари от души всех, принимавших участие относительно дел моих, начиная с доброго цензора моего Никитенка. Краевского и Белинского поблагодари тоже много и не позабудь уведомить меня о толках, какие ходят во всякого рода публиках касательно моих сочинений. <...> Ответ на это письмо можешь адресовать мне уже в Гастейн, в Тироле, где я буду <около> 1-х чисел мая, ибо в апреле, последних чисел, подымусь из Рима»[4].

[1] См.: *Шубинский.* С. 45.

[2] См. ***1843. Апреля 30 <18>. Фомино воскресенье. Рим.***

[3] Позднее, 18 апреля (н. ст.) 1843 г., Гоголь писал Прокоповичу: «Высылкою других 500 франков повремени...»; 19 апреля (н. ст.) 1843 г., Гоголь – С. П. Шевыреву: «Сейчас получил я от Прокоповича 550 франков».

[4] См. ***1843. Мая 2 <апреля 20>. Вторник. Радоница. Рим.***

МАРТА 16 <28>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Заключительное чтение «Тараса Бульбы» у Императрицы Александры Феодоровны[1].

17 марта 1843 г. Плетнев сообщал Я. К. Гроту: «*Вторник (16 марта).* <...> У Великой Княжны Ольги Николаевны сперва читали одни внизу, а после были позваны наверх к Императрице. Наконец всего Бульбу дочитали. Благоволение и милая простота по-прежнему. На будущее время решились выбирать для чтения из Жуковского, что найдется мало известно»[2].

[1] См. также *1842. Ноября 10 <22>. Вторник. Санкт-Петербург*; *1842. Декабря 1 <13>. Вторник. Санкт-Петербург.*

[2] *Свод.* Т. 1. С. 666.

МАРТА 18 <30>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович отправляет письмо к С. П. Шевыреву в Москву:

«Спустя несколько часов по отсылке письма моего к Вам, я получил Ваше письмо и обязанностию моею почитаю отвечать на него по первой почте, тем более, что в письме своем я позабыл упомянуть про объявления о сочинениях Гоголя. Эти объявления посланы мною; их напечатал я в числе 15000, и они рассылаются со всеми здешними изданиями, а потому я полагал не излишним разослать их и с “Москвитянином”. Послал я только 1200 экз<емпляров> для рассылки в одни провинции, ибо обе столицы и без этого знают о выходе Соч<инений> Гоголя.

Из предыдущего моего письма, при котором приложены и квитанции, Вы усмотрите о причине замедления высылки экз<емпляров> в Москву; теперь Вы их, вероятно, получили; всего должно быть 207 экз<емпляров>.

Вы пишете, что типография, где печатались Соч<инения> Гоголя, наводит на Вас сомнение. Содержатель ее, кажется, человек добрый и честный, но притом и чрезвычайно ограниченный; зато фактор его такой плут, с каким в жизни моей мне в первый раз довелось встретиться, и я узнал, что он посажен в типографию Ольхиным, успевшим совершенно овладеть бедным Жернаковым. Осторожность моя против злоупотреблений типографии простирается до того, что ни один экз<емпляр> не вышел из нее без приложенной мною собственноручно печати.

Деньги Гоголю я выслал и полагаю, что он уже их получил, а на этой неделе пошлю еще свою тысячу рублей.

Не понимаю, на чем основываясь, он не имеет надежды ничего получить от своих сочинений: все, что выручится, за исключением расходов, то он и получит; а что это сделается не так скоро, как бы ему хотелось, то в этом виноват поздний выход сочинений, чему опять причиною замедление в высылке последней статьи[1] и известные Вам обстоятельства[2].

Я совершенно согласен с мнением Вашим насчет дороговизны печатания[3]... <...> Можно бы было двумя-тремя строками печатать поубористее, но я при начале печатания не имел в руках всего оригинала и потому не мог расчесть, что 4<-й> т<ом> займет с лишком 37 листов; притом же я показывал пробный лист Плетневу, у которого в сомнительных случаях всегда просил совета, и он его одобрил.

Мог бы Гоголь упрекнуть меня в том, что я оставил цену 25 р<ублей>, как он сам прежде назначал, и не пустил по 30 р<ублей>, как писал впоследствии; но этому было причиною то обстоятельство, что, когда я получил от него письмо, обертка с означением на ней цены была уже отпечатана, а она стоит 280 р<ублей>, и притом, кому я ни говорил об этом, все были того мнения, что такая прибавка повредит расходу книги. Я отправился к Плетневу, и он взял на себя ответственность перед Гоголем за назначение прежней цены.

Вот все, что я почел долгом честного человека отвечать на последнее письмо Ваше. <...>

Цензурный комитет требует высылки “М<ертвых> Д<уш>” как книги, пропущенной здесь.

Теперь продано петербургским книгопродавцам на чистые деньги, за исключением 20 %, 500; следовательно, выплачено типографии 10000 р<ублей>».

Гоголь в письмах Н. Я. Прокоповича // *Свод.* Т. 1. С. 587–588.

[1] Имеется в виду «Театральный разъезд после представления новой комедии» (см. *1842. Октября 28 <16>. Пятница. Рим*).

[2] См. *1842. Декабря 11 <23>. Пятница. Санкт-Петербург*; *1842 декабря 24 <1843 января 5>. Четверг. Рождественский сочельник. Санкт-Петербург.*

[3] См. *1842. Июня 5 <17>. Пятница. Санкт-Петербург.*

ФЕВРАЛЯ 22 – АПРЕЛЯ 4 <МАРТА 6 – АПРЕЛЯ 16>. ВЕЛИКИЙ ПОСТ. МОСКВА

В Москве во время Великого Поста по инициативе М. С. Щепкина устроены публичные чтения произведений русских писателей, в том числе Гоголя[1].

Позднее, в мае 1843 г., Н. А. Ригельман сообщал: «Г. Щепкин <...> в продолжении прошлого поста <...> устроил в частном гостеприимном доме, при содействии других артистов, вечера для чтения, по одному на каждую неделю... <...> Он открыл свои вечера чтением рассказа – *старосветские помещики*. <...> Щепкин прочитал этот рассказ с большим чувством, проникнутый его грустным характером; но несмотря на то, что он сам был видимо тронут, мы бы желали более силы в передаче превосходных описаний природы, и особенно в последней элегической половине, где так глубоко разоблачено значение человеческих привязанностей. – Такое же замечание сделали мы о чтении отрывка из Тараса Бульбы. Может быть, причиною тому именно неподражаемое чтение Щепкина в пиесах комических: по сравнению ожидаешь равного совершенства и в роде важном; хотя отчасти несправедливо требовать этого от комика, который, посвящая себя изучению отрицательной стороны человека, необходимо делается несколько односторонним, и не имеет возможности возвыситься до положительно идеального, которого изображение во внешности следует совершенно противоположным условиям. <...> Зато он был истинным художником в чтении рассказа Гоголя – *Шинель*, и комических его отрывков – *Тяжба, Утро делового человека, Разъезд после представления новой комедии*, и других. Здесь <...> мы <...> видели перед собою <...> и Марью Александровну, требующую, чтобы ее тридцатилетний Миша непременно вступил в военную службу... <...> После Щепкина непосредственно надо упомянуть о Садовском, артисте большого таланта, отличающемся на сцене необыкновенною естественностию своей игры. Здесь он обнаружил то же дарование в чтении необыкновенно комического рассказа из *Мертвых Душ* – о *Капитане Копейкине;* жаль только, что излишняя поспешность и недостаток изучения не позволили ему выказаться в полном свете. Говорят, впрочем, что в чтении *Лакейских сцен*, которых нам не удалось слышать, он был уже гораздо оконченнее»[2].

На чтения 1843 г. Гоголь откликнулся статьей *V. Чтения русских поэтов перед публикою* в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (статья датирована 1843 г.). Но такие же вечера устраивались Щепкиным и Великим Постом 1844 г. – 6, 11 и 15 марта, в зале дома Е. И. Новосильцева на Мясницкой[3].

По воспоминаниям актера Малого театра М. В. Лентовского – воспитанника М. С. Щепкина, Щепкин знал наизусть «Тараса Бульбу», а зимой и весной 1863 г. заставлял своего ученика разучивать целые главы из повести: «...<Щепкин> мучил меня жестоко, заставляя учить целые главы из "Вия", "Тараса Бульбы"... <...> Он не только знал назубок свои роли, но и целые <...> произведения: <...> "Ревизора", "Разъезд", "Тараса Бульбу" Гоголя <...> он говорил на память...»[4]

[1] См. также ***1843. Марта 19 <31>. Пятница. Москва.***

[2] *Ригельман <Н. А.>* Вечера для чтения // Москвитянин. 1843. Ч. 3. № 5 (цензурное разрешение 18 мая). С. 293, 295–298; *Свод*. Т. 3. С. 12.

[3] См. ***1844. Марта 6 <18>. Понедельник. Москва***; ***1844. Марта 11 <23>. Суббота. Москва***; ***1844. Марта 15 <27>. Среда. Москва.***

[4] Московский Листок. 1895. № 14; *Свод*. Т. 3. 12.

МАРТА 31 <19>. ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголю исполняется 34 года.

МАРТА 19 <31>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

О. Сем. Аксакова пишет М. И. Гоголь в Васильевку:

«Поздравляю вас, почтеннейшая Марья Ивановна, со днем рождения Николая Васильевича... <...> Сочинения его расходятся, а более всего слушаются и начинают узнавать его разные сословия. Сергей Т<имофеевич> читал во многих домах Шинель, Разъезд, Игроков и проч., а Константин совсем в других домах читал нового Тараса Бульбу и проч. Теперь Щепкин читал публично[1] "Старосветские помещики", а Садовский актер рассказ "Копейкин"; у них устроились публичные чтения по 5-ти руб<лей>, им дал Новосильцев залу у Мясницких ворот в своем доме; тут еще читает Вальтер по-французски и M<ademois>elle Шамбери, но вообразите, после чтения Щепкина, когда он кончил Старосветских помещиков, никто не стал слушать Гюго, стали ходить, шуметь – Вальтер рассердился, а M<ada>me Шамбери, говорят, уехала; – человек до 130 было, только зала и поместить может и то чрезвычайно, говорят, жарко. Сочинения его, говорят, верный капитал и, кажется, все долги его теперь уплочены, и вы, почтеннейшая Марья Ивановна, можете быть спокойны, скоро вы будете совсем обеспечены[2]; Бог посылает вам через сына вашего Свою благодать; нельзя только вдруг все сделать, потерпите и надейтесь, а между тем да благословит Бог и соседа вашего[3], который разделил с вами свои деньги, столько вам тогда необходимые...»[4]

В тот же день О. Сем. Аксакова, вероятно, отправила поздравительное письмо самому Гоголю[5].

[1] См. также ***1843. Февраля 22 – апреля 4 <марта 6 – апреля 16>. Великий Пост. Москва.***

[2] Ср. ***1843. Марта после 20 <после 8>. Рим.***

[3] Имеется в виду А. С. Данилевский (см. ***1843. Февраля 26 <14>. Воскресенье. Рим***; ***1843. Апреля 17 <5>. Великий понедельник. Рим***).

[4] Из писем О. Сем. Аксаковой (рожденной Заплатиной) // *Свод.* Т. 2. С. 779.

[5] Письмо не сохранилось (см. ***1843. Апреля средина – мая 2 <апреля начало – апреля 20>. Рим***).

МАРТА 23 <АПРЕЛЯ 4>. ВТОРНИК. МОСКВА

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской:

«Я тебе еще не сказывала, кажется, что недавно получено огромное письмо от Гоголя, писанное к Шевыреву[1], но относящееся также к отесеньке, письмо чудное, необыкновенное; года на три, на четыре он просит, чтобы сняли с него все заботы о житейском и дали ему возможность заниматься вполне своим трудом. И это очень легко сделать, потому что его сочинения расходятся прекрасно и "Мер<твых> Душ" уже не осталось ни одного экземпляра[2], так что, может быть, приступят ко второму изданию».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 838.

[1] Письмо от 28 февраля (н. ст.) 1843 г. (см. ***1843. Февраля 28 <16>. Вторник. Рим***).

[2] Далее в авторской копии В. С. Аксаковой вписано: «они раскуплены все книгопродавцами».

МАРТА 23 <АПРЕЛЯ 4>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович отправляет на родину письмо к А. С. Данилевскому, где благодарит его за присылку денег:

«К моим обыкновенным каторжным зимним занятиям[1] присоединились хлопоты по изданию сочинений Гоголя[2], а надобно тебе знать, что вряд ли какое-нибудь другое издание сопровождалось такими неблагоприятными обстоятельствами, как это: только что последний лист его был отпечатан и надобно было получить билет на выпуск, как Никитенко был посажен на гауптвахту за то, что в какой-то дрянной повести пропустил офицера с очень большими эполетами[3]. Посуди же, как ему

в самом деле было решиться пропустить соч<инения> Гоголя. Дело пошло в Главный цензурный комитет и, разумеется, протянулось ровно месяц. Посылаю тебе 2 экз<емпляра>: один тебе, другой потрудись как можно скорее прислать маменьке Гоголя...»

Гоголь в письмах Н. Я. Прокоповича // *Свод*. Т. 1. С. 582.

[1] «Прокопович был учителем одного из кадетских корпусов в Петербурге» (*Шенрок*. Т. 4. С. 48). – См. ***1836. Сентября 27 <15>. Вторник. Ферней, Женева.***

[2] Впоследствии у Н. Я. Прокоповича хранился целый ряд рукописей Гоголя: неполный черновой автограф второй редакции «Тараса Бульбы», автографы первого тома «Мертвых душ», второй редакции «Портрета», «Игроков», «Тяжбы», «Лакейской», «Театрального разъезда...», а также 32 письма Гоголя к Прокоповичу. Все эти рукописи после смерти Н. Я. Прокоповича (в 1857 г.) были приобретены графом Г. А. Кушелевым-Безбродко «у семейства Прокоповича» для библиотеки Лицея князя Безбородко в Нежине (см.: *<Гербель Н. В.>* Письма Гоголя к Прокоповичу // Русское Слово. 1859. № 1. С. 112; *Мей Л.* Граф Г. А. Кушелев-Безбородко // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 61–62).

[3] См. ***1842 декабря 28 <января 9>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – МАРТ <МАРТА НАЧАЛО – АПРЕЛЯ НАЧАЛО>. ВАСИЛЬЕВКА

Мать Гоголя пишет ему письмо в Рим, в котором замечает:

«Умоляю тебя, бесценный сын, беречь себя, не рискуй в опасных местах[1]. Вспомни, сколько на тебе лежит обязанностей».

Из письма Гоголя к матери и сестрам от второй половины марта – апреля 1843 г.

[1] Речь идет о пути в Иерусалим.

АПРЕЛЯ 7 <МАРТА 26>. ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголь получает от Н. Я. Прокоповича из Петербурга 550 франков (около 480 рублей); пишет в Москву письма к С. П. Шевыреву и к С. Т. Аксакову (судя по почтовому штемпелю на послании к Шевыреву – «Direzione di Roma 8 Apr 43»[1], письма были отправлены на следующий день).

Из письма к Шевыреву: «Сейчас получил я от Прокоповича 550 франков. Он не высылал их мне, ожидая накопления и пополнения денег, потому что часть из них уже употребил на некоторые необходимости по изданию мелк<их> сочинен<ий>, как-то на печатание и рассылку всяких объявлений. Из отчета его видно, что дела все в порядке, и потому совершенно не могу постигнуть, в чем особенно заключается дурное распоряжение, о котором мне намекали из Москвы еще даже прежде твоего письма. <...> Из положения дел касат<ельно> издания мелк<их> соч<инений> я вижу ясно, что в первый год оно только что окупит издержки печатания, впрочем, я так и предполагал. Оно никак не могло иметь расходу даже в половину против М<ертвых> д<уш>, уже потому, что книга не вовсе новость, что книга в четырех томах[2], и что, несмотря на всю дешевизну свою относительно издержек печатания, она требует вынуть из кармана 25 рублей. Полученные мною теперь 550 франков следует вычесть из следуемых мне денег, всё равно как и все прочие деньги, которые бы откуда я ни получил, идут в число [следуемых] необходимых мне шести тысяч рублей в год, и я всякий раз буду давать об этом известие немедленно. Прокопович меня также извещает, что ты сделал ему замечание на то, что не высланы экземпляры некоторым людям, близким душе моей. Но в этом я виноват. Я не сделал совершенно никаких распоряжений, и он уже сам, догады-

ваясь, с кем я мог быть в сношениях близких в Москве, почел приличным послать. Что до меня, я, признаюсь, не думал, чтоб так дорожили таким моим пустым подарком, на котором я даже не могу сделать надписи собственною рукою. Но если это так, то, ради Бога, поблагодари всех за это приятное душе моей неудовольствие их и раздай всем по экземпляру, кому ни найдешь приличным. Я бы много прибавил к тому душевных слов, но мы живем в том веке, когда более верят мелочам и примечают скорее наружное несоблюдение мелких приличий, чем глубину чувств и души человека. <...> Старайся проникнуть сколько-нибудь в загадку толков и слухов о дурном распоряжении относит<ельно> изд<ания> моих сочинений. Я думаю, что, может быть, даже это больше ничего, как сплетни... <...> Я получил на днях письмо от маминьки; дела ее изворотились и пошли обыкновенным порядком, [то есть, стало быть, в этом <году>] проценты и подати взнесены. Я здоров и довольно бодр, но устал сильно духом. Заботы и беспокойства обо всем и об обеспечении моем на эти три года удалили меня от моих внутренних занятий, и полгода похищено у меня времени слишком важного для меня. <...> Передай это маленькое письмецо Аксакову. <...> На это письмо ответ ты можешь уже адресовать в Гастейн Poste restante (в Тироле)».

Из письма к Аксакову: «Я получил письмо от маменьки. Дела ее устроились; на этот год по крайней мере она обеспечена. В письме (которое вы без сомнения уже получили от меня чрез Хомякова)[3] я забыл спросить вас, получили ли вы письмо, в котором я просил вас о постановке "Ревизора"[4]. В нем было вложено письмецо к Ольге Семеновне и Конст<антину> Сергеевичу[5]; получили ли они эти письма и отчего никто из них не отвечал ниже двумя строчками[6]? Что касается до Щепкина, то его просто следует выбранить. Я писал два письма к нему[7]. Я не сержусь на него, если уже у него такой обычай, чтобы не отвечать на письма. Но он должен по крайней мере сказать вам, чтоб вы уведомили меня, что письма точно получены, чтобы я не думал по крайней мере, <что> пропадают они. <...> Вы уже знаете из письма, которое получили от Хомякова, как нужно писать ко мне. <...> Адресуйте в Гастейн (в Тироле), Poste restante».

В «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксаков, комментируя настоящее послание, замечал: «Вот письмецо без числа, но помеченное, что получено мною от Гоголя 22-го апреля 1843-го года[8]. <...> Я не помню, чтоб когда-нибудь получил письмо от Гоголя через Хомякова, и вообще я удивляюсь и не знаю, какая могла быть причина, что мы так долго не писали к Гоголю? Надобно предположить, что письма как-нибудь задерживались на почте или вовсе не доходили»[9].

[1] *Городецкий*. С. 467.

[2] Подробнее см.: ***1842. Сентября 11 <августа 30>. Воскресенье. Гастейн*** (примечания).

[3] Письмо не сохранилось.

[4] Письмо не сохранилось (см. ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим***). Об этом же Гоголь спрашивал С. Т. Аксакова в мартовском письме 1843 г. (см. ***1843. Марта после 20 <после 8>. Рим***).

[5] См. ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим***.

[6] Вероятно, откликаясь на эти строки, К. С. Аксаков вновь послал тогда Гоголю, без письма, свою статью «Объяснение» и послание Ю. Ф. Самарина о «Мертвых душах» (см. ***1843. Мая 24 <12>. Среда. Гастейн*** – примечания).

[7] См. ***1843. Июня 1–3 <мая 20–22>. Четверг. Праздник Вознесения Господня – суббота. Мюнхен***.

[8] См. ***1843. Апреля 22 <мая 4>. Четверг. Москва***.

[9] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод*. Т. 2. С. 745.

АПРЕЛЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА <МАРТА ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. РИМ

А. А. Иванов пишет Ф. А. фон Моллеру в Петербург:

«Спешу этим письмом застать Вас еще в Петербурге[1]. Гоголь просит вас приехать к нему в Дюссельдорф к первому числу июля месяца[2], для личного с ним свидания и разговора. Он находит

это весьма нужным, и мне кажется, что свидание с ним ваше будет для вас весьма полезно, укрепительно и утешительно. На его ум я совершенно полагаюсь.

Гоголь отсюда едет вместе с больным Языковым в мае, в первых числах[3], в Гаштейн, а оттуда — один отправится в Дюссельдорф, где пробудет довольно долго».

Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 334.

[1] Ответ Моллера см.: ***1843. Апреля 6 <18>. Великий вторник. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1843. Июня 1–3 <мая 20–22>. Четверг-суббота. Мюнхен.***
[3] См. ***1843. Мая 2 <апреля 20>. Вторник. Радоница. Рим.***

МАРТА 28 <АПРЕЛЯ 9>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович отправляет письмо к С. П. Шевыреву в Москву:

«Два письма Ваши и деньги 300 р<ублей> сер<ебром> я получил; на первое письмо не отвечал тотчас же, потому что ответ на него заключался в письмах моих, не дошедших еще до Вас, когда Вы его послали. Более 500 экз<емпляров> Соч<инений> Г<оголя> здесь не продано, я же послал ему недели полторы назад тому еще 300 р<ублей> сер<ебром>, да 3500 р<ублей> асс<игнациями> заплатил Жернакову, который имеет полное право требовать и всей уплаты: 2-х месячный срок со дня выдачи билета на выпуск книги уже минул.

Мера, принятая Вами при продаже "М<ертвых> Д<уш>", мне чрезвычайно нравится, и нам непременно должно поступать точно так и в настоящем случае, а потому я Вам вышлю немедленно 800 экз<емпляров>, как только они будут готовы у переплетчика, что сделается завтра или послезавтра. Медленный расход Соч<инений> должен убедить Гоголя, что оставление 25-ти рублевой цены не повредило его выгодам. Я сам прежде был уверен в быстроте расхода издания; дело показало противное и убедило меня, что это просто была логическая ошибка: по расходу "М<ертвых> Д<уш>" нельзя было заключать о расходе Соч<инений>: там покупатель за 10 р<ублей> 50 к<опеек> приобретал том совершенно нового сочинения, несколько лет ожиданного, здесь он приобретет нового тоже не более одного тома, но за 25 р<ублей>. Я сам знаю людей, уважающих талант Гоголя и не купивших сочин<ений>, потому что имеют все прежние издания его. Что ж делать! Эти добрые люди из уважения к писателю не могут отказаться от уважения к преферансу и с своей точки зрения правы.

Впрочем, хотя и нескоро, но издание это, кажется, должно разойтись все, а если бы Гоголь был так благоразумен, что приехал весною и издал 2<-ю> ч<асть> "М<ертвых> д<уш>", то нет сомнения, что с нею увеличились бы требования и на Соч<инения>; это так обыкновенно бывает.

Цензурн<ый> Ком<итет> требует, кажется, 6-ти экз<емпляров>, да, впрочем, не были ли они отданы в Москве и только не пересланы сюда?»

Гоголь в письмах Н. Я. Прокоповича // *Свод.* Т. 1. С. 588–589.

МАРТА 29 <АПРЕЛЯ 10>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

С. П. Шевырев отправляет в Рим ответное[1] письмо Гоголю, начатое 26 марта 1843 г.:

«Оба письма твои, любезный друг, я получил и благодарю тебя за них. <...> Сочинения свои, по моему мнению, ты должен был печатать здесь. Цензура, одно препятствие, не помешала бы, потому что мы с Никитенком сносились бы и отсюда. Печатание тебе обошлось бы гораздо дешевле. Ты не очутился бы в руках скверной типографии, которая владеет теперь твоею собственностью и связывает руки Прокоповичу и нам всем, друзьям твоим. Уж много вреда нанесено первой распродаже экземпляров тем, что упущено было время и в течение 1-го месяца здесь книг не было, несмотря на

огромные требования публики. Мы нашли бы средства напечатать тебя здесь, точно так, как нашли средства отправить тебя в Рим, когда тебе это было нужно. Теперь же ты поставил себя в зависимость от таких людей, которые в тебе никакого участия не принимают и смотрят на твои сочинения как на вещь, из которой хотели бы извлечь самую большую прибыль. В благородстве и дружбе к тебе Прокоповича я совершенно уверен, но он сам связан типографиею, которой фактор обманул его отсылкою экземпляров в Москву. Отныне ты навсегда должен убедиться, что интересы твои все должны быть здесь, на руках у друзей твоих. <...>

Сочинения, теперь тобою изданные, могут непременно обеспечить тебя на все три года, как ты желаешь, и тебе нечего о том думать. Но для этого надобно перевести главное управление дел твоих из Петербурга сюда. "Мертвые души" все разошлись до последнего экземпляра, который я оставил для тебя. Счет всему подробный пришлю тебе[2], когда узнаю верно, где ты будешь на лето. Из последней суммы, мною полученной, надобно доплатить долг Погодину, а остальное пойдет в часть уплаты нового долга Аксакову, пославшему тебе 3500 р<ублей>[3]; прежний же долг весь ему заплачен, равно как и всем другим. Надобно приниматься за новое издание первого тома[4]. Но ты должен перечесть его, а мы должны тебе переслать экземпляр с нашими отметками, но куда переслать? – напиши. Сначала думали мы было, что новое издание первого тома должно выйти вместе со вторым, но теперь рассудили иначе. Если все разошлось и публика, стало быть, требует, то надобно удовлетворить ее желанию. Ускорение дела здесь было бы хорошо, потому что голос публики покрывает голоса врагов твоих. Сочинения идут не так быстро, но потому, что первое время было упущено, и потому, что проценты стеснительны для книгопродавцев, которые у нас люди безденежные, а из десяти процентов не хотят беспокоиться. Но книги пойдут. До сих пор выручаемые деньги я отправляю к Прокоповичу для уплаты типографии. Он обещает прислать мне после уплаты 800 экземпляров. Пусть присылает и больше. Этими экземплярами обеспечится совершенно та трехлетняя сумма, которой ты требуешь[5], и тебе нечего будет просить ни у кого. Наше дело будет только заботиться о распродаже и высылать тебе денежки. Итак, ты видишь, что устроение дел твоих зависит теперь отсюда. Поторопи же Прокоповича высылать сюда все, что можно, и вырвать твою собственность из рук типографии, которой я очень опасаюсь в этом деле. Прокопович сам сознается, что фактор такой плут, какого он еще не встречал в жизни. Ты видишь, что настоящее твое не так дурно, как ты воображаешь: все зависит от скорейшей разделки с типографиею и от устроения дел твоих здесь у нас. Что касается до будущего, то оно во всяком случае должно быть светло, потому что друзья твои тут и не оставят тебя, что бы ни случилось. Трое, к которым обратил ты письмо, выбраны прекрасно. Погодин бывает строг к тебе, Аксаков готов всегда баловать тебя, я буду занимать середину. Контора твоих изданий будет у меня. Все счеты также. Не думай, что ты меня тем обременяешь. Могу ли я для тебя этого не сделать? Деньги на первый случай посланы к тебе были Аксаковым. Теперь я буду ему выплачивать. Распоряжения будущие все сделаются по получении экземпляров от Прокоповича, и ты будешь о том уведомлен; но ни в каком случае ты беспокоиться не должен. <...>

Сочинения твои возбудили всеобщее удовольствие. Здесь нет разногласий. Все мнения сходятся. <...> Из сочинений твоих я прочел все новое и изумляюсь во всем твоему чудному росту. Из переделанных пиес прочтенное не менее изумило меня. Жду свободной минуты, чтобы изучить тебя вполне и написать всему разбор полный и подробный[6]. <...>

Благодарю тебя от искренности души за второе письмо твое. Сладко мне было твое сочувствие к моей речи[7], которая была написана от полноты души и в которой многое снизошло, может быть, оттуда, откуда все лучшее на земле неполной нисходит. <...> Трехмесячная болезнь моя принесла мне много пользы. Во время болезни я прочел и "Портрет", тобою переделанный. Ты в нем так раскрыл связь искусства с религией, как еще нигде она не была раскрыта. Ты вносишь много света в нашу науку и доказываешь собою назло немцам, что творчество может быть соединено с полным сознанием своего дела. Не остывай в деле своем; не охлаждайся. Помни, что велико твое призвание в России. Я уверен, что придет к тебе такое время, когда произведения твои будут выливаться во всей полноте и целости из твоего духа – скоро и отчетливо. Ты созреешь до этой полноты непременно. Все ведет тебя к ней. <...> Жена и сын мой тебе кланяются. Пожми руку Языкову».

[1] См. ***1843. Февраля 28 <16>. Вторник. Рим***; ***1843. Марта 2 <февраля 18>. Четверг. Рим***.
[2] См. ***1843. Октября 27 <ноября 8>. Среда. Москва.***
[3] См. ***1843. Марта 13 <25>. Суббота. Москва.***
[4] «Мертвых душ».
[5] См. ***1843. Февраля 28 <16>. Вторник. Рим***; ***1843. Марта после 20 <после 8>. Рим***.
[6] Это намерение не было исполнено.
[7] «Об отношении семейного воспитания к государственному. Речь, произнесенная в Торжественном Собрании Императорского Московского Университета 18 июня 1842».

МАРТА 31 <АПРЕЛЯ 12>. СРЕДА. МОСКВА

А. И. Тургенев записал в дневнике:

«...Я к Киреевск<им>. Там Хомяк<ов>, Аксак<ов>. Стихи Пушкина и проза Гоголя: Аксак<ов> и Хомяк<ов> ставят поэзию Гоголя выше Пушкинс<кой>!»[1]

Возможно, об этом же собрании у И. В., П. В. и М. В. Киреевских сообщала младшая дочь А. А. и А. П. Елагиных Елизавета Алексеевна (1825–1848) в письме к отцу из Москвы 1843 г. (без даты):

«Вот кто у нас был: два Титова, Тургенев, Хомяков, Херцен <Герцен>, Аксаков. Сначала говорили о бенефисе Щепкина[2] и об Гоголе, а потом перешло в Гегеля. Крик был ужасный, Херцен и Аксаков горячились, а Хомяков их поддразнивал...»[3]

[1] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 78.
[2] См. ***1843. Февраля 5 <17>. Пятница. Москва***; ***1843. Февраля 8 <20>. Понедельник. Москва***.
[3] *Парилова Г. Н., Соймонов А. Д.* П. В. Киреевский и собранные им песни // Лит. наследство. Т. 79. М., 1968. С. 58.

АПРЕЛЯ 15 <3>. ЛАЗАРЕВА СУББОТА. РИМ

Гоголь пишет в Москву ответное письмо Н. Н. Шереметевой:

«Сию минуту получил я ваше письмо от 13 марта[1]... <...> Благодарю вас за ваши поздравления с грядущим прекрасным праздником для всех нас. <...> ...Душа моя жаждет мысленно похристосоваться с вами первыми в ту высокую минуту, когда произнесется: Христос Воскрес! <...> Если будете писать, адресуйте в Гастейн, в Тироле».

[1] Письмо до нас не дошло.

АПРЕЛЯ 3 <15>. ЛАЗАРЕВА СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. Г. Белинский пишет В. П. Боткину в Москву:

«Да что же ты не шлешь Прокоповичу денег за Гоголя; напомни также М. С. Щепкину (которому жму руку крепко-накрепко), чтобы и он выслал Прокоповичу 25 р<ублей> за переписку "Женитьбы" и "Игроков"».

Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 262.

АПРЕЛЯ 4 <16>. В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ – ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ; В КАТОЛИЧЕСКОЙ – ПРАЗДНИК ПАСХИ. МОСКВА

А. С. Хомяков пишет Н. М. Языкову в Рим:

«На нынешней почте пишу к Гоголю. Думаю, кто-нибудь выедет к тебе навстречу, но еще неизвестно кто».

К этому посланию Е. М. Хомякова, сестра Языкова, сделала приписку:

«Побраните мужа за его прозу. Это все вина Валуева: он оторвал его совсем от поэзии. Что, видели ли они Смирнову[1]? Что говорил о ней Н<иколай> В<асильевич>? Влюблен или нет? Да говорят, не влюбиться нельзя».

Гоголь в письмах А. С. Хомякова и его жены Е. М. Хомяковой (рожденной Языковой) // *Свод*. Т. 3. С. 195.

[1] См. ***1843. Февраля 27 <15>. Понедельник. Рим***.

АПРЕЛЯ 17–22 <5–10>. СТРАСТНАЯ НЕДЕЛЯ. РИМ

Гоголь говеет, готовится к принятию Св. Христовых Таин.

См. ***1843. Марта 6 <февраля 22>. Понедельник. Начало Великого Поста. Рим***.

АПРЕЛЯ 17 <5>. ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь, вероятно, получил из Москвы от С. П. Шевырева 3500 рублей (или 4000 франков) (деньги были отправлены через Шевырева С. Т. Аксаковым)[1]. Получив деньги, пишет Н. Я. Прокоповичу в Петербург (письмо было отправлено на следующий день, 18 апреля[2]):

«В прибавление к письму моему, пущенному неделю назад[3], пишу другое, более деловое, потому что тогда я не мог писать о делах, будучи внутренне расстроен более моим болезненным припадком. Высылкою других[4] 500 франков повремени... <...> Шевырев, эта редкая душа, он прислал мне четыре тысячи <франков>[5] из своих. В Москву дошли слухи, что я сижу уже более шести месяцев без копейки денег. <...>

Ты не написал мне <...>, выслал ли ты Шевыреву тысячу экземпляров[6], как я писал тебе[7]. Эти экземпляры непременно там нужны под боком, для уплаты остальных долгов моих и удовлетворения самых необходимых потребностей матери и сестер моих, которые находятся теперь не в очень завидном состоянии, так как уже мне много приходилось терпеть по причине невысылок своевременных денег. (Это вещь слишком для меня теперь сурьезная и важная. От этого у меня много пропадает времени. Когда мне нужно вдруг сорваться с места и ехать в другую землю, тогда это нужно сделать вдруг. С этим слишком связана творческая моя способность, обновление, освежение и та неизъяснимая мне самому потребность, неудовлетворение которой оканчивалось тяжким состоянием и, наконец, просто моральною и физическою болезнью). Итак, я решился раз навсегда уста<но>вить постоянные сроки, два раза в год, к которым непременно были бы деньги и дожидали бы меня в городе и месяце, которые я назначу. До сих пор Шевырев, как я вижу, точней и аккуратней всех. Для него нет задержек: не наберутся деньги, он займет, а к сроку поставит. Я решил расположить дело вот

как: половина дел моих — в Петербурге, а половина — в Москве. Сроки — один к первому маю европейского стиля, другой к 1-му октябрю европейского стиля. Несколькими днями раньше — лучше. Всякая половина состоит из трех тысяч рублей. Деньги будут высылаться тобою и Шевыревым. За два месяца до срока или за месяц вы должны уведомить друг друга о том, накопилось ли достаточное количество денег. Если Шевырев тебе напишет, что деньги есть и может выслать он, тогда ты должен придержать их для других распределений. А эти распределения покаместь вот какие: Жуковскому послать в Дюссельдорф, в число моего долга[8], 4-ре тысячи рублей. У Данилевского спросить, заплатила <ли> ему маминька те деньги, которые он ей предложил[9]. Если нет, то выслать ему немедленно. Эти деньги, я знаю, у него были последние. <...> Напиши, пожалуйста, Шевыреву отчет по книге[10] и <о> всем относящемся к этой части, чтобы они тебя не винили в том, что я шесть месяцев сидел без денег, в чем ты не виноват нисколько... <...> Ответ адресуй в *Гастейн,* что в Тироле».

[1] См. ***1843. Марта 13 <25>. Суббота. Москва.***

[2] См.: *Шубинский.* С. 45; ***1843. Апреля 18 <6>. Великий вторник. Рим.***

[3] См. ***1843. Марта 28 <16>. Вторник. Рим.***

[4] 7 апреля (н. ст.) 1843 г. Гоголь получил от Прокоповича 550 франков (см. ***1843. Апреля 7 <мата 26>. Пятница. Рим***).

[5] См. ***1843. Апреля 19 <7>. Великая среда. Рим.***

[6] Собрания сочинений в четырех томах.

[7] Ср. ***1843. Марта 18 <30>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1840. Февраля 1. Четверг. Москва.***

[9] См. ***1843. Февраля 26 <14>. Воскресенье. Рим; 1843. Марта 19 <31>. Пятница. Москва.***

[10] Имеется в виду собрание сочинений Гоголя в четырех томах. Подробнее см.: ***1842. Сентября 11 <августа 30>. Воскресенье. Гастейн*** (примечания).

АПРЕЛЯ 5 <17>. ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет № 4 «Отечественных Записок» (цензурное разрешение 31 марта) со статьей Н. Д. Мизко «Голос из провинции о поэме Гоголя “Похождения Чичикова, или Мертвые души”».

АПРЕЛЯ 18 <6>. ВЕЛИКИЙ ВТОРНИК. РИМ

Гоголь, едва отправив в Петербург написанное накануне[1] письмо к Н. Я. Прокоповичу, получает в тот же день письмо от него[2].

[1] См. ***1843. Апреля 17 <5>. Великий понедельник. Рим.***

[2] См. ***1843. Апреля 19 <7>. Великая среда. Рим.***

АПРЕЛЯ 6 <18>. ВЕЛИКИЙ ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ф. А. фон Моллер отвечает[1] А. А. Иванову в Рим:

«Так как Вы мне говорите в Вашем письме, что Гоголь из Гастейна едет прямо в Дюссельдорф, то, по моему расчету, он около этого время должен проезжать через Мюнхен, который находится на его дороге и где мы можем легко съехаться, без малейшей для него задержки. Я же чрез это избавлюсь от вторичного долгого и скучного путешествия в Дюссельдорф[2]. <...> Итак, если Гоголь еще в Риме, то потрудитесь упросить его не лишать меня удовольствия видеться с ним в Мюнхене, где в случае надобности я охотно бы даже обождал его. Если его уже нет в Риме, то спишитесь с

ним, получив от него ответ, потрудитесь меня немедленно же уведомить, адресуя письмо Ваше в Дрезден, пост рестант, и для верности другое в Мюнхен»[3].

[1] См. ***1843. Апреля первая половина <марта вторая половина>. Рим.***

[2] 17 мая (н. ст.) 1843 г. Гоголь сообщал А. А. Иванову из Гастейна: «К Моллеру я написал в Дрезден, назначая ему увидеться со мною в Мюнхене, если ему нет возможности быть в Дюссельдорфе».

[3] Гоголь в письмах Ф. А. фон Моллера // *Свод.* Т. 3. С. 387.

АПРЕЛЯ 19 <7>. ВЕЛИКАЯ СРЕДА. РИМ

Гоголь пишет ответное послание Н. Я. Прокоповичу в Петербург (судя почтовому штемпелю[1], письмо было отправлено на следующий день):

«Едва отправил я вчера[2] к тебе письмо, как получил твое, со вложением 300 р<ублей> серебр<ом>. Благодарю тебя не столько за присылку, сколько за готовность. Я уже уведомил тебя в предыдущем письме, что получил из Москвы деньги на франки без малого 4 тысячи, а на рубли 3500[3]. И потому ты сделай запрос Шевыреву, надобно ли тебе выслать им эту сумму из твоих экземпл<яров> или они надеются уплатить ее из находящихся у них экземпляров, объяснивши им, что у тебя предстоят уплаты Жуковскому и Данилевскому[4]. Прежде всего, натурально, ты пополни себя, иначе будет беспорядок. Распоряжения твои все хороши. Относительно цены на книгу как Плетнев, так и ты совершенно правы: более 25 р<ублей> никак нельзя [было] пустить, хотя Москва и подумает, что дешево. Но лучше пусть покупатель похвалит за дешевизну, чем побранит за дороговизну. Пожалуста, пришли мне экземпляр чрез Моллера, вместе с листками критики, бывшей в Отечест<венных> з<аписках>, как на М<ертвые> д<уши>, так и на Сочинения, и прикажи писцу непременно списать для меня критики Сенковского и Полевого на то и другое. Это мне необходимо нужно. Присовокупи также к этому "Статистику России" Булгарина, в 4 частях, а если вышла и География его, то и Географию его».

Имеется в виду издание: <*Иванов Н. А.*> Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях. Ручная книга для русских всех сословий *Фаддея Булгарина.* СПб., 1837 (цензурное разрешение 27 сентября 1836). Ч. 1. Истории; СПб., 1837 (цензурное разрешение 26 декабря 1836). Ч. 2. Истории; СПб., 1837 (цензурное разрешение 1 июля 1837). Ч. 3. Истории; СПб., 1837 (цензурное разрешение 26 сентября 1837). Ч. 4. Истории; СПб., 1837 (цензурное разрешение 24 апреля 1837). Ч. 1. Статистики; СПб., 1837 (цензурное разрешение 24 апреля 1837). Ч. 2. Статистики. – Булгарин купил право издания этого сочинения под своим именем у действительного автора – профессора Дерптского университета Н. А. Иванова (1811–1869).

Гоголь, вероятно, познакомился с книгой в числе тех изданий, которые были присланы в Рим М. П. Погодиным для библиотеки русских художников. В составленном Погодиным «Реестре книгам, отправленным из Москвы в Рим Гоголю 1841 года июля 11 дня» изданная Булгариным книга упоминается в разделе «Русская словесность и филология»: «46. Булгарина: Россия в ист<орическом>, стат<истическом>, геогр<афичееком> и лит<ературном отношениях>. <СПб.,> 1837 – 6 <томов>»[5]. Первая половина книг была получена в Риме в начале января (н. ст.) 1842 г.[6], вторая – в начале января (н. ст.) 1843 г.[7]

Позднее Ар. О. Россет, проживавший с Гоголем в Риме с конца 1842 – начала 1843 г.[8] до конца апреля (н. ст.) 1843 г.[9], сообщал Я. К. Гроту о чтении Гоголем книги «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях». В 1864 г. Грот вспоминал: «...Любознательность Гоголя не ограничивалась желанием узнать Россию со стороны быта и нравов. Он желал изучить ее во всех отношениях. Мысль эта давно занимала Гоголя, и для достижения этой цели он не пренебрегал даже и самыми скудными средствами. Живя за границею, он не переставал читать книги, которые казались ему пособиями для этого. И что же читал он, для своего назидания, с особенным вниманием? *Россию* Булгарина! Это рассказывал мне тогда А. О. Россет, возвратясь из чужих краев, где он часто заставал Гоголя за этим чтением. Гоголь подчеркивал карандашом любопытнейшие места в книге Булгарина»[10].

Н. П. Барсуков по этому поводу замечал: «Но это доказывает только проницательность Гоголя. Сочинение, известное под именем *России* Булгарина, имеет такое заглавие: *Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношении* (в четырех частях и две части статистики) и принадлежит перу известного профессора Николая Алексеевича Иванова, а Булгарин был только издателем его. О сочинении этом с полным уважением отозвался в свое время знаменитый Шафарик, да и до сих пор, по мнению А. А. Котляревского, "оно не сделалось лишним" (Сочинения А. А. Котляревского. СПб., 1889. II, стр. 129–130)»[11].

Далее в письме к Прокоповичу Гоголь писал: «Всё это Моллер не откажется взять, я знаю. Он мне привезет это в Дюссельдорф в конце июня или начале июля[12]. Да зайди в Топографическое наше депо и купи для меня карту России. У меня слишком громоздка и неудобна к тасканью, да и стара. Купи их подклеенными и готовыми. Европейскую Россию особенно, а Азиатскую тоже особенно, разумеется, новейшие, какие и есть, с подробностями; но величиною чтобы не больше того, сколько нужно для покрытья двух ломберных столов, сдвинутых вместе, даже меньше, словом, чтобы была емка. Азиатскую сколько можно поменьше. <...> Не дурно бы послать один экземпляр моих сочинений в Харьков преосвященному Иннокентию, приложивши от себя записочку, что, по поручению моему, ты посылаешь ему экземпляр».

[1] См.: *Шубинский.* С. 45.
[2] См. ***1843. Апреля 18 <6>. Великий вторник. Рим.***
[3] См. ***1843. Марта 13 <25>. Суббота. Москва***; ***1843. Апреля 17 <5>. Великий понедельник. Рим.***
[4] См. также ***1843. Апреля 17 <5>. Великий понедельник. Рим.***
[5] *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 729.
[6] См. ***1842. Января 23 <11>. Воскресенье. Рим.***
[7] См. ***1843 января 9 <1842 декабря 28>. Понедельник. Рим.***
[8] См. ***1842 декабря конец – 1843 января первая половина <1842 декабря средина – 1843 января начало>. Рим.***
[9] См. ***1843. Апреля 20 <8>. Великий четверг. Рим.***
[10] *Грот Я. К.* Воспоминание о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 702. – См. также ***1849. Июня 25. Суббота. Москва.***
[11] *Барсуков.* 1895. Кн. 10. С. 319.
[12] См. ***1843. Июня 1–3 <мая 20–22>. Четверг. Праздник Вознесения Господня – суббота. Мюнхен.***

АПРЕЛЯ 7 <19>. ВЕЛИКАЯ СРЕДА. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщает М. Г. Карташевской:

«Недавно получил отесенька большое письмо от Гоголя[1] все в том же духе[2]. Чего-то необыкновенного должны мы ожидать во втором томе».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 839.

[1] Письмо от 18 – около 20 марта (н. ст.) 1843 г. из Рима.
[2] См. ***1843. Марта 23 <апреля 4>. Вторник. Москва.***

АПРЕЛЯ 20 <8>. ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ. РИМ

Н. М. Языков отвечает[1] брату А. М. Языкову:

«Распространившийся в Москве слух, будто бы я не могу один возвратиться восвояси, сочинен и выпущен в свет не мною[2], но одним из моих доброжелателей, имени коего и отчества не имею чести знать. <...> Недели через полторы, т. е. около конца текущего апреля или начала мая[3], мы собираемся подняться из Рима; Гоголь едет в Дюссельдорф, а я в Гаштейн – подкрепиться для обратного пути в Москву.

Здесь познакомился со мной полковник Розетти[4] (родной брат воспетой Ал<ексеем> Степ<ановичем>[5] девы-розы[6]), который едет к Присницу, по совету Иноземцева...»[7]

В тот же день А. О. Смирнова писала В. А. Жуковскому в Дюссельдорф:

«...Душа еще живо принимает новые, совершенно неизвестные впечатления для нас, северных обитателей. Люблю Рафаэля, люблю и Петра и Ватикан, но особенно влечет меня в Campagna di Roma. Там есть какая-то неизъяснимая прелесть, и, не знаю почему, воспоминается что-то родное,

вероятно, степь южной России, где я родилась. Мы часто с Гоголем там бродим, говорим об вас, вы поймете, с какой нежностью, потому что он вас обожает, а мою привязанность вы давно знаете. <...> Мария Николаевна, погостив у нас месяц по возвращении из Неаполя, отправилась в Мюнхен со своею ношей, которая, впрочем, не мешала ей осматривать Рим и древний, и папский, и даже общество. Перовский был у ней в прикомандировке, а теперь прикомандировался ко мне. Если б я его прежде не любила, то теперь бы, узнав покороче, верно полюбила. Он все так же неизменно мил, смешлив, забавен, т. е. drole, но особенно добр, как дитя. Это странно при строгом выражении лица и прожили, резко вырезанной. Алеша его ожил с помощью гомеопатии, хотя кашель еще не совсем исчез. На днях все мы разъедемся. Брат мой[8] едет в Грейфенберг[9], Перовский в Россию. Гоголь с Языковым в Гастейн, я в Неаполь, где проживу только две недели, а потом потащусь на север. Вас мне надобно видеть непременно, надобно посмотреть на ваше счастье вблизи, полюбоваться им, и потому прошу уведомить меня, где и как мы можем встретиться. 10 июня просвещенного стиля я буду во Франкфурте, а 15 июля того же стиля я должна быть в Диеппе. В этот промежуток я хочу обозреть Голландию и Бельгию, мне неведомые страны на севере, тут и вам посвящается неделя. Напишите мне к 10 июню во Франкфурт, Hotel de Russie, а m-r Sarg и скажите, где вас отыскать. Мне приятнее всего было бы вас застать в вашем at home, а, впрочем, поеду, куда хотите. Жене вашей передайте мой дружеский поклон и приготовьте ее увидеть теперь просто Осиповну, от Иосифовны мало осталось, но Осиповна вас и ее любит. Александру Васильевну[10] буду питать по-русски. Мои дети славные девчонки[11]; у меня гувернантка[12] прекрасная. Бог мне ее послал, потому что я совершенно не способна воспитывать детей. <...> Об Карамзиных не знаю ничего directement, разнесся было слух, что Андрей женится на Дуке, сестре графа Клейнмихель. Это бы не дурно, но до сих пор слухи не оправдались. Мне становится грустно расставаться с Римом, а прожить еще год не хочется, в Россию тоже не хочется...»[13]

В. П. Гаевский в 1852 г. сообщал: «...Не было человека скрытнее Гоголя: <...> он умел сообразить средство с целью, удачно выбрать средство и самым скрытным образом достигать цели. Некоторые из наших художников, коротко знавшие Гоголя в Риме, подтвердили то <...>, прибавив только, что он был молчалив в высшей степени. Бывало, отправится с кем-нибудь бродить по сожженным лучами солнца полям обширной римской кампании, пригласит своего спутника сесть вместе с ним на пожелтевшую от зноя траву, послушать пения птиц, и, просидев или пролежав таким образом несколько часов, тем же порядком отправляется домой, не говоря ни слова. По временам только он предавался порывам неудержимой веселости и являлся таким, как представляют себе его, судя по произведениям, все не знавшие его лично. В эти редкие минуты он болтал без умолку, острота следовала за остротою, и веселый смех его слушателей не умолкал ни на минуту. Из русских художников, бывших вместе с ним в Риме, он особенно любил исторического живописца А. И. <А. А.> Иванова, которому посвятил одно из писем в своей "Переписке", и который до сих пор живет еще в Риме, – гравера Ф. И. Иордана, о котором он говорит в своем "Завещании" (стр. 14 и 15), и покойного скульптора Ставассера»[14].

1 марта 1845 г. Смирнова писала Гоголю: «Отчего так свободно и легко дышится, мыслится и чувствуется на развалинах милого Рима, и зачем вы его покинули? Вы как-то сжились с ним. Да, там иногда даже веет Малороссией, в тишине и пространстве Кампании, особенно при захождении солнца. Там есть что<-то> успокоивающее, убаюкивающее душу, а в Париже она как-то недоумевает и терзается; мирскими заботами ее забрасывает как волнами; а в наши лета душа жаждет покоя».

В 1854 г. Смирнова вспоминала: «...В campagna <Гоголь> ложился навзничь и говорил: *"Забудем все, посмотрите на это небо"*, – и долго задумчиво и вместе весело он глядел на это голубое, безоблачное, ласкающее небо»[15].

В 1856 г. П. А. Кулиш, со слов Смирновой, также писал: «Под весну, когда уже в поле сделалось веселее, он выезжал для прогулок в Кампанию. Особенно любил он Ponte Numentano <Ponte Nomentano> и Aqua Accittosa <Acqua Acetosa>. Там он ложился на спине и не говорил ни слова. Когда его спрашивали, отчего он молчит, он отвечал: "Зачем говорить? тут надобно дышать, дышать, втягивать носом этот живительный воздух и благодарить Бога, что столько прекрасного на свете"»[16].

Из письма Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «...Ложился навзничь и говорил: "Забудем все, посмотрите на это небо!" и долго задумчиво, но как-то вяло глядел на этот голубой свод, безоблачный и ласкающий»[17].

Во второй половине 1850-х гг. Г. П. Галаган вспоминал: «Гоголь имел в Риме и особенно в окрестностях много любимых мест. Особенно говорил с восхищением о <Номентанской> дороге, ведущей в *Campagnia* из *Porta Pia*.

С этой стороны характер местности чудно хорош; близко за городом стены, окружающие сады, исчезают, и обширная Кампания разом расстилается перед вами, в чудных линиях рисуются вдали Сабинские годы и вправо, поближе, горы Латинские, водопроводы арками бегут по равнине, и, одним словом, тут есть все то, чем восхищаются в Кампании люди, ее понимающие»[18].

[1] См. ***1843. Февраля 24 <марта 8>. Среда. Москва.***

[2] Ср. ***1842. Августа 11 <июля 30>. Четверг. Гастейн.***

[3] См. ***1843. Мая 2 <апреля 20>. Вторник. Радоница. Рим.***

[4] Ар. О. Россет.

[5] Хомяковым.

[6] См. ***1832. Января 27. Среда. Москва***; ***1843. Апреля 4 <16>. В Православной Церкви – Вербное воскресенье; в Католической – праздник Пасхи.***

[7] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 163.

[8] Ар. О. Россет.

[9] В Грефенберг-Фрейвальдау к врачу-гидротерапевту В. Присницу Россет отправился по совету Гоголя. (Сходный метод лечения практиковал ранее домашний доктор Гоголей М. Я. Трахимовский; см. ***1803. Ноябрь. Москва***; подробнее см. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** – примечания.) Позднее, 18 июня (н. ст.) 1843 г., отвечая Россету на его письмо из Грефенберга (см. ***1843. Мая 26 <14>. Пятница. Грефенберг-Фрейвальдау***), Гоголь писал: «От вашего письма так несет свежительным холодом воды, что забирает охота подвергнуть и свои грешные части апликациям и лентухам <Leintuch – простыня (*нем.*)>. По крайней мере, вы этим письмом исполнили совершенно долг благовоспитанного и образованного человека: за учтивство заплатили с своей стороны равномерным учтивством. Вспомните: на воду первоначально *я* вас навел, теперь *вы* наводите меня на воду. Таким образом мы благородно вывели друг друга на чистую воду». 1 мая (н. ст.) 1845 г. Гоголь писал также Россету: «...Я <...> вам советовал прежде вашего путешествия к Призницу не пускаться в такие глубины водоврачевания, а довольствовать<ся> просто утренним обливанием дома... <...> Я сам, бывши в Гастейне с Языковым, хотел было попробовать вод, но переменил это намерение единственно от того, что почувствовал себя вдруг лучше от одного гастейнского воздуха...» У Присница Гоголь лечился позднее (см. ***1845. Августа около 21 <около 8> – сентября 21 <9>. Грефенберг-Фрейвальдау***; ***1846. Июня вторая половина <июня первая половина>. Грефенберг-Фрейвальдау***).

[10] Дочь В. А. Жуковского Александра (в замужестве баронесса Верман, 1842–1899).

[11] Дочери Смирновой Ольга (1834–1893), Софья (в замужестве княгиня Трубецкая, 1836–1884) и Надежда (в замужестве Сорен, 1840–1899).

[12] Мария Яковлевна Овербек (ум. в 1887), англичанка, гувернантка старших дочерей А. О. Смирновой.

[13] Из писем А. О. Смирновой // *Свод.* Т. 2. С. 196.

[14] *Гаевский В. П.* Заметки для биографии Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 328.

[15] <Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> // *Свод.* Т. 2. С. 231.

[16] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 219; см. также: <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 245.

[17] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 254–255.

[18] *Галаган Г. П.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 71.

АПРЕЛЯ 8 <20>. ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Судя по почтовому штемпелю[1], Н. Я. Прокопович получил в этот день письмо Гоголя из Рима[2].

[1] См.: *Шубинский.* С. 45.

[2] См. ***1843. Марта 28 <16>. Вторник. Рим.***

АПРЕЛЯ ОКОЛО 20 <ОКОЛО 8>. РИМ

Гоголь получает письмо из Москвы от С. Т. Аксакова.

См. ***1843. Мая 24 <12>. Среда. Гастейн*** (примечания).

МАРТА 10–11 <ФЕВРАЛЯ 26–27>. ПЯТНИЦА – СУББОТА ПЕРВОЙ НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА; ИЛИ АПРЕЛЯ 19–22 <7–10>. ВЕЛИКАЯ СРЕДА – ВЕЛИКАЯ СУББОТА. РИМ

Гоголь, будучи на исповеди в притворе русской церкви, неожиданно встречается здесь с В. А. Перовским.

Позднее, 20 апреля (н. ст.) 1844 г., Гоголь, в частности, писал В. А. Перовскому из Франкфурта: «Помните ли в Риме, когда вы нечаянно попали в переднюю церкви, где собраны были все исповедывавшиеся, в числе которых был я, и когда подошел я к вам просить по христианскому обычаю прощения, а вы в ответ на то благословили меня? Это было сделано хладнокровно и в шутку, но я заставил вас во второй раз благословить меня таким же самым образом и внутренно молился, чтоб эти благословенья обратились в истинные и чтоб вам случилось два раза в жизни благословить меня истинно».

АПРЕЛЯ 20 ИЛИ 23 <8 ИЛИ 11>. ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ ИЛИ СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ, ПРАЗДНИК ПАСХИ. РИМ

Гоголь приобщается Св. Христовых Таин.

См. ***1843. Апреля 17–22 <5–10>. Страстная неделя. Рим.***

АПРЕЛЯ МЕЖДУ 24 И 29 <МЕЖДУ 12 И 17>. СВЕТЛАЯ СЕДМИЦА. РИМ, АЛЬБАНО, РИМ

Гоголь ездил с А. О. Смирновой, ее дочерьми, В. А. Перовским (и, вероятно, с его сыном Алексеем) и Я. В. Ханыковым в Альбано; потерял там записную книжку.

В 1856 г. П. А. Кулиш, со слов Смирновой, сообщал: «Гоголь ездил с А. О. С<мирнов>ой и в Альбано. Там он сначала казался очень весел, потом вдруг почувствовал скуку и томление. Вечером все спутники[1] Гоголя собрались вместе, и один из них[2] начал читать Lettres d'un Voyageur, par George Sand. Гоголь был необыкновенно тревожен, ломал руки, не говоря ни слова, когда другие восхищались некоторыми местами, и смотрел как-то пасмурно; наконец ушел к себе. Все небольшое общество его спутников ночевало в Альбано. На другой день, когда А. О. С<мирно>ва спрашивала, зачем он ушел, он сказал:

– Любите ли вы скрипку?

– Да, – отвечали ему.

– А любите ли вы, когда на скрипке фальшиво играют?

– Да что же это значит?

– Так ваша Жорж Занд видит и изображает природу. Я не мог видеть, как вы ею восхищаетесь[3]. Я удивляюсь, как вам вообще нравится все это растрепанное.

В тоне, которым он говорил эти слова, выражалось искреннее сожаление, что люди ему близкие могут восхищаться подобными произведениями. Во весь тот день он был пасмурен и казался озабоченным. Он условился провести в Альбано вместе с г-жою С<мирнов>ой и ее спутниками трое суток; но, возвратясь вечером из гулянья, она с удивлением узнала, что он уехал в Рим. В оправдание

этого странного поступка он приводил потом такие причины, которые показывали, что он желал только отделаться от дальнейших объяснений»[4].

В 1854–1855 гг. Ф. В. Чижов рассказывал П. А. Кулишу: «Помню я только два случая, показавшие мне прием художественных работ Гоголя и понятие его о работе художника. Однажды, перед самим его отъездом из Рима[5], я собирался ехать в Альбано. Он мне сказал:

– Сделайте одолжение, поищите там моей записной книжки, в роде истасканного простого альбома; только я просил бы вас не читать.

Я отвечал:

– Однако ж, чтоб увериться, что точно это ваша книжка, я должен буду взглянуть на нее. Ведь вы сказали, что сверху на переплете нет на ней надписи.

– Пожалуй, посмотрите. В ней нет секретов; только мне не хотелось бы, чтоб кто-нибудь читал. Там у меня записано все, что я подмечал где-нибудь в обществе.

В другой раз, когда мы заговорили о писателях, он сказал:

– Человек пишущий так же не должен оставлять пера, как живописец кисти. Пусть что-нибудь пишет непременно каждый день[6]. Надобно, чтоб рука приучилась совершенно повиноваться мысли»[7].

Из письма Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «Николай В<асильевич> <...> вообще не любил Georges Санда. Когда мы были в Тиволи <в Альбано>, Ханыков вечером читал вслух "Lettres d'un voyageur", Гоголь, видимо расстроенный, ушел. На другой день я его спросила, зачем он ушел. Он отвечал: "А вы разве любите, когда играют фальшиво на скрипке? У этой женщины нет искры правды, даже нет чутья истины. Она может только нравиться французам"»[8].

В своих записках 1880–1881 гг., озаглавленных «Биография Александры Осиповны Чаграновой», Смирнова передавала следующий диалог с своим воображаемым собеседником, Н. Д. Киселевым: «"Признайтесь мне во всем относительно Перовского". – "Мне не в чем признаваться. Он приходил ко мне каждый день или я встречала его где-нибудь случайно. Мы часто ходили в окрестности Рима, он, прекрасный ботаник, он рвал цветы и рассматривал их. <...> Только раз мы поехали в Тиволи или Фраскати <в Альбано>; я не очень хорошо помню, но я сидела с Перовским в карете, дети были в другом экипаже, а Гоголь следовал за нами в коляске. Вдруг я почувствовала опасность". – "Как чувствуют опасность?" – "Воцарилось молчание и опасный магнетизм. Я предложила ему пройтись, он воспротивился и обнял меня, я влепила ему пощечину, вышла из экипажа, а потом он пришел в себя, и мы приехали в Фраскати <в Альбано> друзьями; вот моя история с Перовским"»[9].

По позднейшему, малодостоверному свидетельству дочери Смирновой Ольги Николаевны, Гоголь однажды записал: «Были в Тиволи. Дети ужасно обрадовались, увидя ослов. Макароны Albergo della Sibilla были противны "alluso di Francia"[10].

Жили 3 дня в Frascati. А<лександра> О<сиповна>, Аркадий Осипович, дети со свитой, В<асилий> А<лексеевич>[11], Яшка[12], Алеша[13] отправились на ослах в Tusculum, в Rocca di Papa. Дети устали, даже заплакали сестрицы. В<асилий> А<лексеевич> и Яшка их взяли на руки и снесли с горы. Это их утешило.

День дивный, малороссийский[14]. Очень понравились А<лександре> О<сиповне> Villa Mondragone[15] вид, с террасы Villa Conti и Villa Falconnet. Тут обе <старшие> сестрицы пришли в азарт при виде цветов cyclamen Europea (по-итальянски Pan-Porcino). А<лександра> О<сиповна> даже расчувствовалась, когда дети принесли ей цветы muskerra Eur<opea>. Она помнит, что в Одессе росли muskerra Eur<opea> в саду на хуторе. Ничто не заменит ей эти первые впечатления детства; ведь родной василек дороже всяких роз для хохла»[16].

[1] Кроме Смирновой с дочерьми, спутниками Гоголя были Перовский с сыном и Ханыков.

[2] Ханыков (см. ниже свидетельство Смирновой).

[3] См. также ***1851. Июня после 25 – июля не позднее 8. С. Спасское.***

[4] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 219; см. также: <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 244.

[5] Гоголь с Н. М. Языковым выехали из Рима в Гастейн 2 мая (н. ст.) 1843 г. (см. ***1842. Мая 2 <апреля 20>. Вторник. Радоница. Рим***).

[6] См. также ***1844. Июня между 15 и 19 <июня между 3 и 7>. Мангейм*** (примечания).

[7] Воспоминания Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 3. С. 47.

[8] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 271.

[9] *Смирнова А. О.* Биография Александры Осиповны Чаграновой // *Свод.* Т. 2. С. 288–289. – Ср. также ***1843. Мая 1 <апреля 19>. Понедельник. Рим***; ***1844. Ноября 26 <декабря 8>. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания).

[10] «Когда жаловались, что обед дурной, итальянцы уверяли, что это французская кухня» (примеч. О. Н. Смирновой).

[11] «Перовский» (примеч. О. Н. Смирновой). – См. ***1843 января 9 <1842 декабря 28>. Понедельник. Рим*** (примечания); ***1844. Февраль <января средина – февраля средина>. Ницца.***

[12] «Ханыков» (примеч. О. Н. Смирновой).

[13] «Перовский» (примеч. О. Н. Смирновой).

[14] «Sic» (примеч. О. Н. Смирновой).

[15] В Альбанских горах, близ Фраскати.

[16] <Воспоминания О. Н. Смирновой о Гоголе в статье В. И. Шенрока «А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь» (1888)> // *Свод.* Т. 2. С. 304; см. также: Приложение. I. Приписываемое Гоголю. <Заметки о А. О. Смирновой и ее детях в Риме (с примечаниями О. Н. Смирновой)> // *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 720.

АПРЕЛЯ 13 <25>. ВТОРНИК СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. МОСКВА

Жена Е. А. Боратынского Настасья Львовна пишет сестре Софье Львовне и ее мужу Николаю Васильевичу Путятам:

«Это письмо вряд ли застанет вас в Италии; курс водолечения в Германии начинается вероятно с открытием сезона, стало быть раньше чем в России, так что и эту минуту вы, быть может, за пределами Рима, Флоренции и г-жи Смирновой. Сюда уже писали, что Гоголь в нее влюблен; по словам Хомякова, она выгадает на этом только то, что будет в карикатурном виде изображена в одном из произведений[1], а изобразить иначе Гоголь не сумеет, если бы даже захотел. Против него сильная партия, – партия *чиновников*, на которых он давно уже нападает, а так как они знают свое дело, то и утверждают, что *присутственные места*, законы судопроизводства и всё, что к этому относится, описано неправильно, что анекдот, на котором основан роман, хотя и взят из действительности, становится неправдоподобным в его наложении, что *Чичиков*, обращаясь к такому количеству лиц и употребляя на это столько времени, сам способствует разоблачению истины, кроме того такой состоятельный человек, как *Собакевич*, любитель хорошего стола, человек во всяком случае хитрый, как и Чичиков, раз уж ему удается выдать *Елисавет Воробей за мужескую душу* – не захотел бы участвовать в таком подозрительном деле из-за безделицы, которая ему досталась от Чичикова. Журналы, правда, превозносят Гоголя до небес. <К. С.> Аксаков сравнивает “Мертвые души” с Илиадой[2], а одна его молодая родственница с Евангелием, но противная партия тоже сильна, *Женитьба*, которую здесь давали, была очень плохо принята, а грубость ее оскорбляет самых неприхотливых людей. Я нахожу, что самый мягкий упрек, который можно ему сделать, это обратиться к нему со словами г-жи *Собакевич* к мужу: *“Какие вы все неприятные вещи говорите”*. <...> Я много слышала о г-же Смирновой от Анеты[3], а так как она не из тех, кто стал бы злословить женщину только потому, что она высокомерна, я заключаю из этого, что ее скандальная история очень ей повредила и что рассказы об ее вынужденном пребывании за границей весьма правдоподобны. О весе, которым люди пользуются в обществе, можно заключить из того, в каком тоне отзываются о них Ираклий[4] и Анета, так вот *Ираклий* с большим чувством говорил о графине Ростопчиной и об ее болезни, которая тянулась всю зиму».

Гоголь в письмах Е. А. и А. Л. Боратынских // *Свод.* Т. 1. С. 753–754.

[1] См. ***1837. Июля около 15 – августа не позднее 27–28 <июля около 3 – августа не позднее 15–16>. Баден-Баден, Страсбург, Баден-Баден*** (примечания).

[2] См. ***1840. Января 2. Вторник. Москва***; ***1842. Ноября начало <ноября средина>. Москва***.

[3] А. Д. Боратынская (рожд. Абамелек).

[4] И. А. Боратынский.

АПРЕЛЯ 16 <28>. ПЯТНИЦА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. КИЕВ

М. С. Щепкин открывает свои гастроли в Киеве. Играет Городничего в «Ревизоре»; в роли Хлестакова – киевский актер В. М. Лебедев.

Гриц. С. 307.

АПРЕЛЯ КОНЕЦ <АПРЕЛЯ СРЕДИНА>. РИМ

Г. П. Галаган накануне отъезда из Рима заходит к Гоголю проститься.

Позднее, во второй половине 1850-х гг., Галаган вспоминал: «В конце апреля 1843 г. я должен был оставить Рим. Простившись с Языковым, я пошел проститься с Гоголем. До того дни я только был один раз у Гоголя, не застав его дома, и более к нему не ходил, отчасти и потому, что в Риме закон светских приличий, заключающихся в визитах, почти не наблюдается. Я застал Гоголя сидящим возле бильярда. Он что-то читал. Увидевши меня, он привстал, протянул мне руку и спросил, прямо ли я еду в Россию. Я отвечал, что у меня есть еще дело во Франкфурте и что в июне месяце надеюсь быть дома. Пожавши мне руку, он мне сказал совет, и вот почти слово в слово его слова:

– Вы едете в Россию, где намерены жить помещиком в своих имениях, это хорошо, и я считаю себя вправе дать вам дружеский совет: Вы будете встречать много разных людей, иные из них покажутся вам очень дурными. Не спешите их осуждать. Каков бы ни был там какой-нибудь становой или другой, подобный ему, не считайте себя вправе его презирать за его пороки. Старайтесь вникнуть в его жизнь, во все стороны его жизни до такой степени, чтобы воображать, что вы на его месте, и спрашивайте вашей совести, что бы вы сами делали при таком воспитании и обстановке, какими наделила его судьба. Тогда вы увидите, как вы примиритесь с людьми и как будет легче: ведь вещь очень простая. Вот вам мой совет, прощайте, желаю вам от души счастья.

Он пожал мне еще раз руку, и мы расстались. Признаюсь, после этого краткого напутственного слова я, идучи от Гоголя, чувствовал себя совершенно счастливым. От таких людей, необщительных и несловоохотливых, каков был Гоголь, каждое слово ценится гораздо более, чем от других. Совет его всегда мне сопутствует в жизни, и я бы желал только иметь довольно силы, чтобы ему постоянно следовать.

После этой разлуки я уже более Гоголя не встречал»[1].

Спустя полтора года после отъезда из Рима, 23 ноября 1844 г., Галаган писал А. А. Иванову из Секиренец, Прилуцкого уезда: «Желал бы я очень иметь о Вас побольше подробностей, знать не то, что Вы работаете, – я это знаю, но как проводите время вне работы, где проводите вечера после тех, которые мы просиживали вместе с Языковым, Гоголем и Федором Васильевичем <Чижовым>. Это время останется для меня навсегда незабвенным»[2].

[1] *Галаган Г. П.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 71–72. – Указание исследователя А. Максимовича на то, что в 1848 г. Гоголь встречался с Ф. В. Чижовым в доме Галаганов, ошибочно (примечание А. Максимовича к письму Ф. В. Чижова Гоголю от 1 августа 1844 г. в изд.: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 142). Встречи эти происходили у А. С. Данилевского, у которого остановился Гоголь по приезде в Киев (см. ***1848. Мая 29. Троицкая родительская суббота – июня 1. Вторник Троицкой седмицы. Киев***).

[2] Из писем Г. П. Галагана // *Свод.* Т. 3. С. 74.

АПРЕЛЯ 30 <18>. ФОМИНО ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

Гоголь получил письмо от В. А. Жуковского из Дюссельдорфа[1].

В тот же день А. А. Иванов сообщал Ф. А. фон Моллеру (адресуя письмо в Дрезден или в Мюнхен[2]):

«Н. В. Гоголь едет отсюда послезавтра, 2-го мая[3]. Он просит вас приехать к нему в Дюссельдорф к 15-му июня по европейскому стилю[4]. Если его там не застанете, то тотчас ступайте на почту, где получите на Ваше имя письмо от него poste restante, из которого увидите, где именно находится он. Это на всякий случай Вам он сообщает, потому что, может быть, будет не в самом Дюссельдорфе, а поблизости»[5].

В средине мая (н. ст.) 1843 г. И. С. Шаповалов, в свою очередь, писал Моллеру: «Гоголь уехал отсюда за два дня до прибытия Вашего письма и поручил Вам сказать, чтобы Вы прибыли к 15 числу июня в Дюссельдорф и если не застанете его самого там, то получите письмо от него на имя Ваше пост рестант, из коего увидите, где он именно находится. Личное свидание с Гоголем, по мнению Иванова, и для Вас *крайне* необходимо. Иванов бы пожертвовал всем лечением неаполитанским единственно для этого свидания. Вы весьма будете раскаиваться, если не последуете его совету»[6].

Позднее, в 1855 г., Иванов писал С. П. Шевыреву: «Зная вас лично как близкого приятеля Николая Вас<ильевича> Гоголя, я должен вам сказать, что покойник пред последним отъездом оставил у меня два сундука и пакет с бумагами. Что в них находится, я не знаю да и не считаю себя вправе знать. Теперь прибегаю к Вашему совету, что мне делать с этими вещами, может быть весьма драгоценными для многих?»[7]

Весной 1857 г. письма Гоголя к Иванову были переданы художником, по желанию племянника Гоголя Н. П. Трушковского, П. М. Ковалевскому – и в ноябре 1858 г., после кончины Иванова (3 июля 1858 г.), опубликованы П. А. Кулишом[8].

В конце марта – начале апреля (н. ст.) 1858 г. Иванов сообщал брату Сергею[9] из Рима: «Я все связал в паки[10] в студии и перенес в твою квартиру. <...> Гипсовые головы, два сундука с книгами [Гоголя], 14 стульев, диван и полки остались в студии, которую я вручаю Флавицкому. <...> Итак, я думаю на втором дне Пасхи[11] свернуть картину»[12].

18 сентября 1861 г. Ф. В. Чижов писал брату покойного Иванова С. А. Иванову: «...Вчера я получил прилагаемое при сем письмо от сестры покойного Н. В. Гоголя Елисаветы Васильевны <...> Быковой <от 16 сентября 1861 г. из Москвы>. Недавно кто-то напечатал, что у Вас отыскалась связка рукописей Гоголя, – наследники обратились ко мне, как к близкому человеку покойному Николаю Васильевичу и как хорошо знающему Вас. Я полагаю, что это связка еще 1846 года, которая постоянно лежала за картиною, в углу, в мастерской покойного Александра Андреевича <...> Будьте так добры, Сергей Андреевич, не поленитесь ответить, потому что семейство Н. В. Гоголя очень заботится, не знает, нет ли там семейных писем <...> Теперь готовится второе издание полных его сочинений, хорошо если бы нашлось к нему что-нибудь новое»[13].

И. С. Тургенев 10 марта (н. ст.) 1862 г. писал В. П. Боткину из Парижа: «Здесь Шевырев <...> Он мне сказал, что в Москве собираются печатать новое издание Гоголя, но для этого ждут сообщения от брата Иванова (архитектора) бумаг, оставленных Гоголем у покойного живописца. Но этот архитектор до сих пор остается глух ко всем обращенным к нему воззваниям и даже не отвечает. Он теперь в Риме. Пожалуйста, добейся от него толку; этим ты окажешь важную услугу и семейству Гоголя и всей русской публике. Если нужно, я готов написать просительное послание, хотя не знаком с ним лично. Пожалуйста, займись этим сурьезно»[14].

Не получив ответа, Ф. В. Чижов отправил С. А. Иванову 20 марта 1862 г. новое письмо: «До нас дошли слухи[15], что у Вас оказалась связка бумаг покойного Гоголя. По моему мнению, в этой связке не должно быть ничего нового и вряд ли не помню я ее: она всегда лежала за картиною покойного Александра Андреевича. В письме моем к Вам я послал и письмо сестры Гоголя, которым она просит убедить Вас сказать, что это за бумаги. Все наследники дали мне доверенность на испрошение у Вас этих бумаг. Теперь это письмо берется доставить наш известный комик Островский; будьте так добры, позвольте взглянуть ему на бумаги Гоголя и известите потом об них. Ваше извещение я перешлю к родным покойного Гоголя. Они поручили мне дешевое издание всех его сочинений и на днях оно уже вышло в свет. Если бы я знал, что Вы наверное в Риме, я послал бы Вам это издание при первом случае»[16].

14/26 марта 1862 г. И. С. Тургенев вновь писал В. П. Боткину из Парижа: «Я передам Шевыреву – что ты говоришь мне о бумагах Гоголя. – А все-таки потрудись заглянуть в эти бумаги»[17].

Часть рукописей Гоголя, в том числе автограф первого тома «Мертвых душ», датируемый осенью 1840 г., была передана в 1862 г. С. А. Ивановым в Императорскую Публичную библиотеку в Петербурге. В 1865 г. библиотекарь А. Ф. Бычков сообщал: «В 1862 году Императорская Публичная Библиотека получила в дар из Рима, от архитектора С. А. Иванова, несколько черновых рукописей Гоголя, и в том числе отрывки из первой части Мертвых Душ[18]. В этих отрывках, между прочим, находится и первоначальная редакция Повести о капитане Копейкине. В IV-м томе Полного собрания сочинений Н. В. Гоголя, изданного его наследниками (Москва, 1862), уже была напечатана эта первоначальная редакция, но помещенная там несколько разнится от предлагаемой теперь, которая любопытна еще в том отношении, что знакомит нас отчасти с художественною стороною деятельности Н. В. Гоголя, указывая, какие изменения постепенно вносил художник в свое творение, пока оно не принимало окончательные формы»[19].

Остальные рукописи Гоголя, хранившиеся в бумагах А. А. Иванова, были привезены в Россию только в 1880 г.; по завещанию С. А. Иванова (ум. в 1877) они поступили в Румянцевский музей в Москве. На хранение был принят целый ряд автографов Гоголя:

«<...> 3) *Официальные бумаги,* полученные <А. А.> Ивановым от общества поощрения художников и от академии художеств, и письма к нему от разных лиц, с 1830 по 1858 год, в количестве 550-ти нумеров. <...> ...Обращают на себя внимание входящие в состав переписки Иванова сорок два *письма* к нему *Н. В. Гоголя*[20]. Из них 36 напечатаны в собрании сочинений Гоголя 1857 года, изданном под редакцией Кулиша, и в статье его: переписка Гоголя с А. А. Ивановым, в "Современнике" 1858 года, № XI-й. Остальных писем в названных изданиях нет, а из напечатанных одно письмо (от 24-го апреля 1845 года) издано только до половины; очевидно, второго листа этого письма у издателя под руками не было. Наоборот, в настоящем собрании не оказывается оригиналов двух писем Гоголя (апрель и декабрь 1850 года), напечатанных в статье Кулиша на стр. 170-й и 171-й. В числе писем к Иванову оказалось одно черновое письмо Гоголя к матери, без означения года и месяца (*начинается:* "Почти дрожала рука моя от радости..."[21]). <...>

4) *Собственноручные рукописи Н. В. Гоголя,* именно:

а) Из поэмы "Мертвые души", главы[22] <...>

б) Из повести: "Тарас Бульба", главы[23] <...>

в) Первоначальная черновая редакция повести "Шинель" <...>

г) Комедия Гоголя "Женитьба".

д) Сцены из неоконченной комедии, изданной под названием "Отрывок".

е) "Калмыки волжские в Астраханской Губернии"[24].

ж) Экземпляр первого печатного издания комедии Гоголя "Ревизор", 1836 года, с сделанными на нем автором исправлениями и дополнениями для третьего издания той же комедии, в собрании сочинений его 1842 года (т. 4). Первые пять явлений четвертого действия, соответствующие первым трем явлениям того же действия по изданию 1836 года, переписаны (не рукою Гоголя) со второго исправленного издания "Ревизора" 1841 года и исправлены и дополнены снова...»[25]

[1] См. ***1843. Мая 5–6 <апреля 23–24>. Пятница-суббота. Флоренция.***

[2] См. ***1843. Апреля 6 <18>. Великий вторник. Санкт-Петербург***; ***1843. Мая первая половина <апреля вторая половина – мая начало>. Рим.***

[3] См. ***1843. Мая 2 <апреля 20>. Вторник. Радоница. Рим.***

[4] См. ***1843. Июня 1–3 <мая 20–22>. Четверг-суббота. Мюнхен.***

[5] Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 334.

[6] *Свод.* Т. 3. С. 392.

[7] Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 355.

[8] См. ***1851. Июля конец – августа начало. Москва*** (примечания).

[9] Сергей Андреевич Иванов (1822–1877), архитектор, младший брат А. А. Иванова.

[10] Пакет, сверток (*ит.*)

[11] 5 апреля (н. ст.) 1858 г.

[12] Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 357.

[13] *РГБ.* Ф. 111. К. 7. Ед. хр. 45. Л. 11–11 об. Копию этого письма, сделанную В. И. Шенроком, см.: *ИРЛИ.* Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 42; из собрания журнала «Русская Старина».

[14] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1988. Т. 5. С. 25.

[15] См. письмо князя А. Н. Волконского от 3/15 марта 1862 г. из Рима к С. П. Шевыреву (*Мусатова Т. Л.* Новая книга о Гоголе в Риме: В 2 т. М., 2017. Т. 1. С. 141). – См. также ***1847. Октября 29 <17>. Пятница. Рим.***

[16] *РГБ.* Ф. 111. К. 7. Ед. хр. 45. Л. 14–14 об.

[17] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 5. С. 35.

[18] Рукопись датируется осенью 1840 г.

[19] Повесть о капитане Копейкине. (*Первоначальная редакция*) // Русский Архив. 1865. Стб. 775. — См. также ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** (примечания).

[20] См. также ***1851. Июля конец — августа начало. Москва.***

[21] Имеется в виду письмо Гоголя к П. И. Раевской от 1840 – января 1841 г.

[22] Рукопись, по которой Гоголь в первой половине 1841 г. диктовал в Риме текст поэмы своим «переписчикам», В. А. Панову (см. ***1841. Февраль <января вторая половина — февраля средина>. Рим***) и П. В. Анненкову (см. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим***), датируется осенью 1839 — 1840 г.

[23] Имеется в виду полная авторизованная копия повести, в виде девятнадцати несшитых тетрадей, рукою сестры Гоголя Елизаветы Васильевны, датируемая декабрем 1841 г.

[24] См. ***1834. Август. Санкт-Петербург.***

[25] Замечательное приобретение Отделения Рукописей Московского Публичного и Румянцевского Музеев. Переписка и бумаги Александра Андреевича Иванова // Голос (СПб.), 1880. 6 (18) апр. № 97. С. 6. – См. также: Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1879–1882 г. М., 1884. С. 43–49.

МАЯ 1 <АПРЕЛЯ 19>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь провожает А. О. Смирнову, отправляющуюся с детьми (вероятно, в сопровождении В. А. Перовского с сыном)[1], в Неаполь. Вероятно, вместе с багажом Смирнова по ошибке увезла с собой принадлежавшую Гоголю славянскую Библию[2].

Спустя несколько дней, 5 мая (н. ст.) 1843 г., Гоголь писал В. А. Жуковскому из Флоренции в Дюссельдорф: «Смутило меня несколько известие ваше о недугах много любимой мною и уважаемой супруги вашей <...>, но Алек<сандра> Осиповна, которую я выпроводил в Неаполь на другой день после получения письма вашего[3], меня совершенно успокоила на это<т> счет, сказавши, что это обыкновенная слабость после родов, что она сама страдала ею один раз и ездила на воды, но что это, впрочем, прошло само собою. Она просила даже сказать вам, что если придется вам ехать на воды, то чтобы по крайней мере отнюдь не в Пирмонт, куда иногда имеют обыкновение посылать доктора в подобных случаях, но которые воды всегда больше расстроивают, чем укрепляют, потому что слишком сильны. Вы уж, верно, получили от нее письмо[4], которое она вам давно писала в Дюссельдорф, извещая о своем намерении быть у вас около 20 июня».

В 1856 г. П. А. Кулиш, со слов Смирновой, сообщал: «А. О. С<мирно>ва уехала из Рима в мае и до июля[5] не имела никакого известия о Гоголе...»[6]

Около 1873 г. Смирнова рассказывала также А. Н. Пыпину: «В мае я отпр<авилась> в Неап<оль>, а Н<иколай> В<асильевич> еще неск<олько> врем<ени> остав<ался> с Яз<ыковым>»[7].

[1] См. ***1843. Мая конец — июня начало <мая вторая половина>. Рим.***

[2] См. ***1843. Июня между 26 и 28 <между 14 и 16>. Баден-Баден.*** — См. также ***1843. Февраля 3 <января 22>. Пятница. Рим.***

[3] См. ***1843. Апреля 30 <18>. Фомино воскресенье. Рим.***

[4] См. ***1843. Апреля 20 <8>. Великий четверг. Рим.***

[5] См. ***1843. Июня 28 <16>. Среда. Эмс***; ***1843. Июля 4 <июня 22>. Вторник. Баден-Баден***; ***1843. Июля 8 <июня 26>. Суббота. Баден-Баден.***

[6] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 219.

[7] <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 245. — Ошибочно позднейшее свидетельство Смирновой, в письме к И. С. Аксакову 1877 г.: «Гоголь оставил Рим с Языковым прежде меня» (*Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 258).

АПРЕЛЯ СРЕДИНА – МАЯ 2 <АПРЕЛЯ НАЧАЛО – АПРЕЛЯ 20>. РИМ

Гоголь, после получения из Васильевки двух писем от матери[1] (первое из них пришло в Рим в средине марта (н. ст.) 1843 г.)[2], отправляет ей и сестрам письмо духовно-нравственного содержания (послание было начато во второй половине марта (н. ст.) 1843 г. – сразу по получении первого письма от матери; оно относится к числу тех, которые Гоголь просил мать и сестер перечитывать в своем завещании 1845 г.[3]). Пишет также в Москву письмо О. Сем. Аксаковой и, возможно, послание к П. И. Раевской.

В письме к матери и сестрам Гоголь призывает их, «отбросив всякую уверенность в себе и самонадеянность, смиренно сознать себя, свои средства и уменье взглянуть сколько возможно ясными очами»: «Все несчастия наши происходят от ложного познания мирских вещей и дел. <...> Крестьянин вырабатывает трудом и потом средства своей жизни, а мы кушаем <...> да выдумываем <...> где бы лучше поразвлечь себя... <...> Есть ли хоть тень какого-нибудь исполнения долга во всем том, что мы делаем? Если подвластный создан для того, чтобы трудиться для нас и исполнять наши повеления, разве мы не созданы для того, чтобы <...> задавать беспрерывно вопросы уму нашему, как улучшить работу рук его и удесятерить плоды от работы рук его. <...> Изумляли <ли> их хоть раз эти непостижимые странности, что они, например, живя в деревне, имеют такое же понятие о том, что делается у них в хозяйстве, какое я имею о том, что делается в Китайском государстве, которое отстоит от меня на 15 000 верст расстояния[4]? <...> ...Все мы отошли и отдалились пустым нашим воспитаньем от жизни, среди которой живем[5], и как дошли наконец до того, что нам теперь трудно и даже невозможно приняться ни за какое дело и преодолеть непостижимую лень нашу... <...> ...Теперь уже до того дошло, что простая глупая женщина, которая, не вдаваясь ни в какие мечты, только просто пригляделась к делам, наживает уже безбедное состояние и слывет даже хозяйкой[6], тогда как умная до того отдалилась от познания вещей и практической жизни, что очутилась как будто в лесу в деревне, не знает, за что и как ей взяться... <...> Многие владельцы начинают уже смекать, что расстроенные состояния их имений происходят не от каких-либо внешних и посторонних влияний и обстоятельств, а от их собственной вины. Много самых блестящих светских дам оставляют ныне столицы и переезжают в деревни, смекнув, что есть обязанности в несколько раз выше тех, каких требуют от них гостиные и частная жизнь, обязанности, которые они неразумно пренебрегли, почтя их за низкие и ничтожные. <...> ...Мне тогда только будет радостна встреча со всеми близкими душе моей, когда они будут счастливы, а счастье наше от нас самих, от исполнения наших обязанностей и от уменья возлюбить Бога больше всякой светской дряни... <...> Сим одним только приводится душа наша в непоколебимое ничем стояние...»[7]

Спустя полгода, 6 октября (н. ст.) 1843 г., Гоголь сообщал С. П. Шевыреву об этом письме: «Полгода писал и обдумывал я письмо к моей матери и сестрам. Трудно мне сочинение этого письма, трудно помышлять об устроении души другого, когда собственная душа неустроена. Трудно написать такое письмо, которое бы требовало бесстрастия и совершенной власти над сам<им> собою. Но только с этим письмом мне показалось, что облегчилась несколько от дел душа».

В самом письме Гоголь обращался к родным: «Не пренебрегайте сим письмом, прочтите его несколько раз со вниманием все. <...> ...Я с молитвой писал его!»

В письме к О. Сем. Акаковой от 20 июня (н. ст.) 1843 г. Гоголь указывал: «Письмо ваше[8] заставило маминьку написать ко мне два такие письма, которые заставили меня строго подумать о другой, важнейшей помощи, которой они все вправе ожидать от меня, и я написал, наконец, то письмо, которое бы мне давно следовало написать, но которого бы я не сумел никогда написать, не получивши прежде этих двух писем. Правда, обдумыванье его у меня отняло много времени, и я ничем не в силах был заняться до тех пор, пока не написал его. Но я исполнил свой долг и покоен в душе. И теперь вас благодарю за то, за что вы себя упрекаете. А лучше все поблагодарим Бога за всё, что ни посылается нам. Ибо всё, что ни посылается нам, посылается на вразумление и уяснение очей наших».

В письме к Аксаковой Гоголь благодарит ее за поздравление с днем рожденья[9]. На просьбу прислать ей письмо, отвечает: «Глядите просто на мир: он весь полон Божиих благодатей, в каждом событии сокрыты для нас благодати; неистощимыми благодатями кипят все несчастия, нам ниспосылаемые[10]... <...> Стремясь к светлости, вы стремитесь к Богу, а Бог помогает к себе стремиться. Старайтесь просто, безо всякого напряжения душевного быть светлу, как светло дитя в день Светлого Воскресения... <...> Если же вы все-таки убеждены в той мысли, что вам нужно письмо мое, то напишите Лизе, чтоб она прислала вам копию с того длинного письма[11], которое я посылаю к ним в одно время с вашим. <...> Передайте два при сем следующие письма по принадлежности».

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «При хладнокровном взгляде на письма Гоголя можно теперь видеть, что большое письмо его о путешествии в Иерусалим[12], а равно вышеприведенное письмецо к Ольге Семеновне содержат в себе семена и даже всходы того направления, которое впоследствии выросло до неправильных и огромных размеров. Письмо к сестре, о котором упоминает Гоголь, осталось нам неизвестным[13]. Но письма к другой сестре его, Анне Васильевне, написанные, без сомнения, в том же духе, находятся теперь у Кулиша, и мы их читали»[14].

Возможно, одним из писем, приложенных к письму О. Сем. Аксаковой, было недатированное послание к Раевской (второе письмо неизвестно). Раевской Гоголь писал: «До меня дошли слухи, что вы желали бы иметь письмо от меня. Но что интересного может для вас заключиться в письме моем? Не смешно ли вам будет встретить в нем какие-нибудь обыкновенные светские комплименты или, что всего пошлее, выражение благодарности за всё то, что вы сделали для сестры моей? Что благодарность моя сильна, вы это верно знаете, да и нельзя ей не быть сильной. <...> Год, проведенный с вами[15], послужил ей лучше всяких теорий и правил, какие бы она могла начитать в книгах или выслушать из уст красноречивейшего наставника. <...> Разлученная с вами, она теперь узнала более цену вам, и любит вас сильно, что показывают ее письма. А что любишь, тому невольно стараешься уподобиться, и потому немудрено, что она становится лучше и лучше. <...> О чем же может быть к вам письмо мое? Признаюсь вам, я пишу теперь редко, и пишу только тогда, когда <...> кто-нибудь имеет во мне сильную нужду, словом, когда какой-нибудь предстоит подвиг в деле или в могущественном слове; в котором проливается утешение. Но как ни рассмотрю я вас, вижу только, что вы не можете иметь во мне никакой нужды. Вы родились на свет уже почти с готовою душою. Ни бурь, ни сердечных волнений, ни сокрушительного мятежа страстей вы не знаете, вы светло и безмятежно переплывете земное поприще и тихо пристанете к небесному пристанищу. Стало быть, вам не нужен никакой голос ободрения и тем более от такого человека, которому много предстоит еще душевной борьбы и суровых испытаний в жизни, чтоб вкусить то, что, может быть, вы давно уже вкушаете».

В те же годы в сочинении <О благодарности>[16] Гоголь писал: «Счастлив тот, кто имеет небесное свойство нравиться всем врожденной прекрасной ясностью души, врожденным младенческим незлобием и <...> очаровательной прелестью врожденного миловидного обращенья со всеми... <...> Но в несколько раз счастливее тот, кто, победив в себе все неудержимые стремления, приобрел эту миловидную детскую простоту... <...> Неисчислимо более может он принести добра и счастья в мире, чем тот, кто получил все это от рожденья, и влияние его на людей неизмеримо могущественней и обширней».

В письме к графине Анне М. Виельгорской от 12 апреля (н. ст.) 1844 г. он повторял: «Я видел вашу приятельницу... <...> ...Это ясная светлая душа, которая вышла как-то готовою на свет. <...> Но в глазах моих *вы* больше имеете значения, не загордитесь: *вы* ничуть не лучшее ее, но вы будете лучше. Вы будете в силах заглядывать в самую душу человека и оказывать там помощь. Ваше поприще будет даже гораздо более, чем всех ваших сестриц».

12 апреля (н. ст.) 1844 г. Гоголь писал также одной из сестер Виельгорской, графине С. М. Соллогуб: «Душевная ясность и светлость слишком вам к лицу. Она <...> дана вам <...> для того, чтоб ею оказывали помощь и другому. Знайте же, что уже двум человекам вы оказали помощь великую, в печальные их минуты, одной только светлостью лица вашего. <...> И потому входите в какой бы ни было круг, хотя из двух человек, ясно и весело, как дитя; мы все должны быть дети и стараться хоть насильно быть безмятежны, как дети». 24 сентября (н. ст.) того же 1844 г. Гоголь писал А. О. Смирновой о графине С. М. Соллогуб: «Душа ее кажется как будто еще небеснее прежнего и ангельства в ней еще больше. Употребите все старание, чтобы свет и общество сколько-нибудь узнали, какой прекрасный цветок поселился среди них». Размышления эти и стали основополагающими для статьи *II. Женщина в свете* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «...Вы, точно, слишком

молоды, не приобрели ни познанья людей, ни познанья жизни, словом – ничего того, что необходимо, дабы оказывать помощь душевную другим; может быть, даже вы и никогда этого не приобретете. <...> Но вы имеете <...> высшую красоту, чистую прелесть какой-то особенной, одной вам свойственной невинности, которую я не умею определить словом, но в которой так и светится всем ваша голубиная душа. <...> Вносите в свет те же самые простодушные ваши рассказы <...>, когда так и сияет всякое простое слово вашей речи, а душе всякого, кто вас ни слушает, кажется, как будто бы она лепечет с ангелами о каком-то небесном младенчестве человека».

В письме к А. С. Данилевскому от 15 августа (н. ст.) 1844 г. Гоголь также замечал: «...Ты чувствуешь почти юношескую живость при одной мысли ехать на каникулы домой, <...> и боишься, чтобы не остаться всю жизнь дитятей. Но это и есть самое лучшее состояние души <...>: одному дается оно как знак небесной милости и по-видимому без больших с его стороны исканий; другому дается только за тяжкие и долгие труды и беспрерывные боренья с препятствиями».

Эти же размышления встречаются в письмах Гоголя к С. П. Шевыреву: «Обдуманные письма должен я писать к вам, потому что еще строюсь и создаюсь в характере, а вы уже создались» (12 марта (н. ст.) 1844 г.); к В. А. Жуковскому: «Как мне трудно достигнуть той простоты, которая уже при самом рожденье влагается другому в душу и до которой я должен достигать трудными путями всякого рода поражений!» (4 марта (н. ст.) 1847 г.); к П. А. Плетневу: «...Характер твой получил уже давно оконченную форму и остался навсегда тем же. <...> Но как судить о скрытном человеке <...>, который в душе своей еще воспитывается...» (первая половина декабря (н. ст.) 1844 г.).

20 марта (н. ст.) 1847 г. он писал князю В. В. Львову о продолжении своей поэмы и причинах издания «Выбранных мест из переписки с друзьями«: «Если Бог даст сил, то "Мертвые души" выйдут так же просты, понятны и всем доступны, как нынешняя моя книга загадочна и непонятна. Что ж делать, если мне суждено сделать большой крюк для того, чтобы достигнуть той простоты, которою Бог наделяет иных людей уже при самом рожденьи их. Итак, вот вам покуда посильное изъяснение того, зачем вышла моя книга». Эту же мысль Гоголь повторил в письме к Ар. О. Россету от 15 апреля (н. ст.) 1847 г: «Поверьте, что без выхода нынешней моей книги никак бы я не достигнул той безыскусственной простоты, которая должна необходимо присутствовать в других частях "Мертвых душ", дабы назвал их всяк верным зеркалом, а не карикатурой. Вы не знаете того, какой большой крюк нужно сделать для того, чтобы достигнуть этой простоты».

В том же году В. А. Муханов сообщал сестрам из Остенде: «Здесь <...> явился к нам Гоголь, и свиделись мы с Хомяковым. <...> Правду говорит Гоголь, что этому человеку не с чем в себе бороться, нечего стараться побеждать в себе»[17].

В «Авторской исповеди» (1847) Гоголь писал: «...Я увидел <...> математически ясно, что говорить и писать о высших чувствах и движеньях человека нельзя по воображенью: нужно заключить в себе самом хотя небольшую крупицу этого, – словом, нужно сделаться лучшим. Это может показаться довольно странным, особенно для тех, которые получили в юности совершенно оконченное и полное воспитание. Но надобно сказать, что я получил в школе воспитанье довольно плохое[18], а потому и не мудрено, что мысль об ученье пришла ко мне в зрелом возрасте. Я начал с таких первоначальных книг, что стыдился даже показывать и скрывал все свои занятия. Я наблюдал над собой, как учитель над учеником, не в книжном ученье, но и в простом нравственном, глядя на себя самого как на школьника. <...> ...Карамзин воспитался в юношестве. <...> Со мной случилось иначе. Я не считал ни для кого соблазнительным открыть публично, что я стараюсь быть лучшим, чем я есть».

Размышляя над тем, что «говорить и писать о высших чувствах и движеньях человека нельзя по воображенью», Гоголь 18 декабря (н. ст.) 1847 г. писал также С. Т. Аксакову: «Поэты лгут иногда невинным образом, обманывая сами себя. Рожденные понимать многое, постигать мыслию красоту чувств и высокие явленья в душе человеческой, они часто думают, что уже вмещают в самих себе то, что могут только несколько оценить и с некоторой живостью выставить на глаза другим, и величаются *чужим*, как своим *собственным* добром»[19].

В тот же день он советовал С. П. Шевыреву: «Что для себя еще перспектива, пусть и останется в себе. Говорить нужно только о том, к чему уже пришел совершенно. Увы! я узнал это на опыте».

В письме к протоиерею Матфею Константиновскому от 21 апреля 1848 г. Гоголь замечал о себе: «Духобольститель так близок от меня и так часто меня обманывал, заставляя меня думать, что я уже владею тем, к чему только еще стремлюсь и что покуда пребывает только в голове, а не в сердце»[20].

Спустя месяц, 24 мая 1848 г., Гоголь в письме к графине С. М. Соллогуб признавался: «Внезапно растопившаяся моя душа заныла от страшной жестокости моего сердца. С ужасом вижу я, что в нем лежит один эгоизм, что, несмотря на уменье ценить высокие чувства, я их не вмещаю в себе вовсе...»[21]

По свидетельству архимандрита Феодора (Бухарева), познакомившегося и беседовавшего с Гоголем в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре 19 августа 1849 г., последний говорил: «Поэту дано живее других *чувствовать*. Не мудрено, что поэтическое чувство упреждает во многом отчетливую мысль и опыт»[22].

[1] См. ***1843. Июня 20 <8>. Вторник. Эмс, Дюссельдорф, Эмс*** (письмо Гоголя к О. Сем. Аксаковой).
[2] См. ***1843. Марта после 20 <после 8>. Рим.***

[3] См. ***1845. Июня между 18 и 26 <между 6 и 14>. Гостиница по дороге из Франкфурта-на-Майне в Гастейн*** (примечания).

[4] См. также ***1844. Июня 12 <мая 31>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***

[5] Ср. в заметке Гоголя 1832 – начало 1834 гг. «Собственные результаты о славянах»: «Религия славян становилась менее сложной, где терялось первое познание жизни <...> у воевавших она едва существовала, так что <...> клялись даже оружием только». В статье о русской поэзии «Переписки с друзьями» он замечал: «...Необыкновенный язык наш <...> недаром был на время позабыт нашим лучшим обществом: нужно было, чтобы выболтали мы на чужеземных наречьях всю дрянь, какая ни пристала к нам вместе с чужеземным образованьем, чтобы все те неясные звуки, неточные названья вещей – дети мыслей невыяснившихся и сбивчивых, которые потемняют языки, – не посмели бы помрачить младенческой ясности нашего языка...» – См. также ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим*** (примечания).

[6] Реминисценция образа Коробочки из «Мертвых душ».

[7] Ср. выписку из «Лествицы» преподобного Иоанна Синайского в сочинения Гоголя 1843 г. <О гневе и безгневии>, адресованного А. О. Смирновой: «Текущий к бесстрастию и Богу всякий тот день почитает для себя потерянным, в который никто его не злословит. Как колеблемые от вихря древеса глубоко свои корни в землю пущают, тако и пребывающие в сем состоянии имеют крепкие и непоколебимые в себе души».

[8] Упоминаемое письмо Аксаковой к матери Гоголя, в котором та предложила ей «взять деньги, вырученные за продажу "М<ертвых> Д<уш>"», не сохранилось; вероятно, оно было написано в феврале 1843 г. – См. также ***1843. Марта после 20 <после 8>. Рим***; ***1843. Марта 19 <31>. Пятница. Москва.***

[9] Ср. ***1843. Марта 19 <31>. Пятница. Москва.***

[10] Ср. ***1842. Мая не позднее 6 <апреля между 19 и 24>. Рим***; ***1842. Августа 18 <6>. Четверг. Праздник Преображения Господня. Гастейн.***

[11] Письмо к М. И. Гоголь от второй половины марта – апреля 1843 г. из Рима.

[12] См. ***1842. Августа 18 <6>. Четверг. Праздник Преображения Господня. Гастейн.***

[13] См. также ***1843. Июня 22 <10>. Четверг. Эмс*** (комментарий С. Т. Аксакова).

[14] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 744.

[15] Е. В. Гоголь пробыла в доме Раевской два года, с мая 1840 г. по май 1842 г. (см. ***1840. Мая 10. Пятница. Москва***; ***1842. Мая 14. Четверг. Москва***).

[16] См. ***1842 октября 4 <сентября 22> – 1843 мая 2 <апреля 20>. Рим.***

[17] См. ***1847. Августа 16 <4>. Понедельник. Остенде.***

[18] См. также ***1821. Мая 1. Воскресенье. Нежин*** (примечания).

[19] См. ***1847. Декабря 18 <6>. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Неаполь.***

[20] См. ***1848. Апреля 21. Среда. Одесса.***

[21] См. ***1849. Мая 24. Вторник. Москва.***

[22] См. ***1849. Августа 19. Пятница. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье.***

МАЯ 2 <АПРЕЛЯ 20>. ВТОРНИК. РАДОНИЦА. РИМ

Гоголь и Н. М. Языков с его слугой Сильвестром выехали из Рима в Гастейн[1]. «Перед самым отъездом» Гоголь получил письмо от С. П. Шевырева из Москвы[2].

Отметка об отъезде в паспорте Гоголя была сделана накануне. На основании этой пометы С. П. Шевырев в 1852 г. записал: «19 апр<еля> / 1 мая 1843 <Гоголь> выехал во Флоренцию»[3].

Спустя две недели, 18 мая (н. ст.) 1843 г., Языков сообщал родным из Гастейна: «Мая 2 дня выехали мы из Рима: погода не благоприятствовала путешествию – ветреная, дождливая, холодная: мы все-таки поспешали. <...> В Риме зимовал вместе со мною и полковник Барышников – брат П<етр> М<ихайлович> знает его – он нынешним летом отправляется в Россию – в Ревель – брать морские ванны – и приглашает меня ехать с ним одною гурьбою, я этому очень рад: конный пешему не товарищ – а больной больного разумеет лучше всякого приятеля и попутчика... <...> Из Рима в один день со мною выехал Д<октор> Варвинский[4] – прямо в Москву; он подручник Иноземцева, <...> дельный, как мне кажется; он расскажет обо мне в Москве верные известия»[5].

Позднее, в письме к родным от 7 июня (н. ст.) 1843 г. из Гастейна, Языков также писал: «В Риме пробыл я гораздо более, нежели предполагал и желал: мне сказали[6], что прежде первых чисел мая не должно пускаться через Апенины и Альпы: вышло все вздор!»[7]

Из воспоминаний Ф. И. Иордана (опубл. в 1891 г.): «Несколько времени спустя <после отъезда Языкова и Гоголя из Рима> я получил через Ф. В. Чижова заказ выгравировать его портрет в малом виде и свободным манером»[8].

[1] См. ***1843. Апреля 30 <18>. Фомино воскресенье. Рим.***

[2] См. ***1843. Мая 17 <5>. Среда. Гастейн.***

[3] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 125. См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

[4] Иосиф Васильевич Варвинский (1811–1878), профессор Московского университета, специалист по внутренним болезням.

[5] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 163–164.

[6] Возможно, имеется в виду Гоголь, который не хотел выезжать из Рима ранее празднования Пасхи (см. ***1843. Апреля 20 <8>. Великий четверг. Рим***; ***1843. Апреля 20 или 23 <8 или 11>. Великий четверг или Светлое Христово Воскресение, праздник Пасхи. Рим***).

[7] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 164.

[8] Записки профессора и ректора Императорской Академии Художеств Федора Ивановича Иордана // *Свод.* Т. 3. С. 378.

АПРЕЛЯ 20 <МАЯ 2>. ВТОРНИК. РАДОНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Управляющий III Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии Л. В. Дубельт выносит резолюцию на отношении цензора драматических сочинений III Отделения М. А. Гедеонова по поводу представленной к постановке новой редакции «Ревизора».

В документе, подписанном М. А. Гедеоновым, сообщалось: «Дирекция Императорских С. Петербургских Театров представила новый, дополненный автором экземпляр комедии "Ревизор". Сама сия комедия могла поступить на сцену только вследствие Высочайшего разрешения[1], а потому нельзя дозволить никаких перемен и прибавок к оной».

Резолюция Дубельта: «Нельзя».

Гоголь 2001–2012. Т. 4. С. 594.

[1] См. ***1836. Февраля после 21 – не позднее марта 2. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 22 <МАЯ 4>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

С. Т. Аксаков получает письмо от Гоголя из Рима[1]. В тот же день О. Сем. Аксакова написала Гоголю письмо в Гастейн (не сохранилось)[2].

[1] См. ***1843. Апреля 7 <марта 26>. Пятница. Рим.***

[2] *См.* ***1843. Июня 20 <8>. Вторник. Эмс.***

АПРЕЛЯ 23 <МАЯ 5>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Женитьбы» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 253.

МАЯ 5–6 <АПРЕЛЯ 23–24>. ПЯТНИЦА-СУББОТА. ФЛОРЕНЦИЯ

Гоголь и Н. М. Языков с его слугой Сильвестром проводят два дня во Флоренции[1].

В паспорте Гоголя сделана отметка: «5 мая во Флоренции»[2].

По приезде во Флоренцию 5 мая (н. ст.) 1843 г. Гоголь писал В. А. Жуковскому в Дюссельдорф:

«За два дни до отъезда моего из Рима получил я ваше письмо[3]... <...> ...В письме вашем оказывается совершенная возможность будущего нашего прожития вместе в Дюссельдорфе. <...> ...Я думаю даже быть в последних числах мая у вас, если не первого июня. Но во всяком случае вы никак не должны с этим сообразоваться, относительно вашего выезда. Напишите мне только письмо во Франкфурт[4] в Poste restante, чтобы я сейчас по приезде туда мог уже найти его. <...> О помещении моем не хлопочите. Я найду и сам средства, как приклеиться к вам поближе. Благодарю вас еще за третье удовольствие, которое принесло мне письмо ваше, именно за два слова о М<ертвых> д<ушах> и за обещание поговорить при свидании об этом предмете подробно. Судя по всему, дело кажется не обойдется без ругани. Это я люблю, тем более, что я не почитаю вовсе дело конченным, если вещь напечатана, а как, отчего и почему – об этом мы поговорим с вами и вы в этом согласитесь со мною. Обещанием ***похерить*** многое вы меня сильно разлакомили. Я и прежде любил, когда меня побранивали, а теперь просто всякое слово упрека в грехе для меня червонец».

[1] См. ***1843. Мая 14 <2>. Воскресенье. Гастейн.***
[2] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 125. См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***
[3] См. ***1843. Апреля 30 <18>. Фомино воскресенье. Рим.***
[4] См. ***1843. Июня 8 <мая 27>. Четверг. Франкфурт.***

МАЯ 7 <АПРЕЛЯ 25>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. БОЛОНЬЯ

Гоголь и Н. М. Языков с его слугой Сильвестром проездом в Болонье.

Согласно перечню, составленному С. П. Шевыревым, в паспорте Гоголя после отметки: «5 мая во Флоренции» (где Гоголь и Н. М. Языков провели два дня)[1], – и перед отметкой: «Модена 8 мая 1843»[2], – следовала помета о пребывании в Болонье: «Болонья»[3].

[1] См. ***1843. Мая 5–6 <апреля 23–24>. Пятница-суббота. Флоренция.***
[2] См. ***1843. Мая 8 <апреля 26>. Понедельник. Модена, Мантуя.***
[3] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 125. – См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

АПРЕЛЯ 25 <МАЯ 7>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Согласно почтовому штемпелю[1], Н. Я. Прокопович получил в этот день письмо Гоголя из Рима[2].

[1] См.: *Шубинский.* С. 45.

[2] См. ***1843. Апреля 17 <5>. Великий понедельник. Рим.***

МАЯ 8 <АПРЕЛЯ 26>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОДЕНА, МАНТУЯ

Гоголь и Н. М. Языков с его слугой Сильвестром проезжают Модену и Мантую.

В паспорте Гоголя сделаны отметки: «Модена 8 мая 1843. <8 мая>. Мантуя».

Шевырев С. П. <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 125. – См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

АПРЕЛЯ 26 <МАЯ 8>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Премьера «Игроков» на сцене Александринского театра[1].

Спустя две недели, 9 <21> мая 1843 г., М. Г. Карташевская сообщала В. С. Аксаковой: «Я вспомнила о Гоголе, о его пьесах и о том, что хотела рассказать тебе про здешнюю публику. Недавно давали “Игроки”. Публика Александринского театра пришла в восторг и стала вызывать *автора.* Автор, разумеется, не является, а публика все неистовствует. Тогда является на сцене актер и говорит: “Автора нет в Петербурге, он в Одессе”»[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 260; *Ельницкая 1979.* С. 324. См. также ***1843. Мая 6 <18>. Четверг. Санкт-Петербург.***
[2] Гоголь в письмах М. Г. Карташевской к Аксаковым // *Свод.* Т. 2. С. 958.

МАЯ 9 <АПРЕЛЯ 27>. ВТОРНИК. ВЕРОНА

Гоголь и Н. М. Языков с его слугой Сильвестром в Вероне. Через Трент, Ровердо, Инсбрук и Зальцбург направляются в Гастейн[1].

В паспорте Гоголя сделаны отметки: «Верона 9 мая 1843. Триент. Роверецо. Инспрук. Зальцбург»[2].

[1] См. ***1843. Мая 14 <2>. Воскресенье. Гастейн.***
[2] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2 С. 125. См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

АПРЕЛЯ 28 <МАЯ 10>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Игроков» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 260.

МАЯ 11 <АПРЕЛЯ 29>. ЧЕТВЕРГ. ПАРИЖ

П. В. Анненков посылает в Рим письмо к Гоголю:

«Почтеннейший Николай Васильевич! Я вам мои пожелания сердечные посылаю с Редкиным, который едет к вам, а сам я, прожив месяцев с 7 в Париже возвращаюсь восвояси через Лондон. Да еще просьбица имеется до вас. Купил я в Риме разных вздоров, которые находятся у Иванова. (К истинному моему огорчению слышал я, что он страдает глазами.) Эти-то вздоры желал бы я присоединить к многим другим, кои везу в Петербург. Если не предвидится какого-нибудь генияльного произведения, за хвостом коего могли бы они притащиться в Питер, то желал бы, чтобы было прибегнуто к обыкновенной пересылке. Помнят ли меня Иванов, Иордан, Моллер, о коих я сохраняю наиприятнейшие воспоминания[1]? Скажите им всем мой глубочайший поклон. Да еще вот что. В октябре сего года я буду в Питере, то если вам будет что нужно приказать, поручить, спросить, осведомиться, выправиться – то почтите меня сей комиссией. То же скажите и вышеозначенным господам, а я за долг бы поставил исполнить всякое таковое предписание в наивозможной скорости и исправности».

На обороте письма надписано: «Николаю Васильевичу Гоголю, а за отсутствием его почтеннейшему Иванову». П. Г. Редкин в середине мая 1843 г. выехал из Парижа в Рим, где, по расчетам Анненкова, должен был встретить Гоголя. Но уже 2 мая (н. ст.) 1843 г. Гоголь вместе с Н. М. Языковым выехал из Рима во Флоренцию[2], и письмо попало к А. А. Иванову.

[1] См. ***1841. Апреля 7 <марта 26>. Великая среда. Рим – 1841. Июля 18 <6>. Воскресенье. Рим, Альбано***.
[2] См. ***1843. Мая 2 <апреля 20>. Вторник. Радоница. Рим***.

АПРЕЛЯ 29 <МАЯ 11>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Игроков» в Александринском театре[1].

В тот же день, Н. Я. Прокопович, судя почтовому штемпелю[2], получил еще одно[3] письмо Гоголя из Рима[4].

[1] *Ельницкая 1978*. С. 260.
[2] См.: *Шубинский*. С. 45.
[3] Ср. ***1843. Апреля 25 <мая 7>. Воскресенье. Санкт-Петербург***.
[4] См. ***1843. Апреля 19 <7>. Великая среда. Рим***;

АПРЕЛЯ ПОСЛЕ 22 <МАЯ МЕЖДУ 4 И 12>. МОСКВА

К. С. Аксаков в ответ на вопрос Гоголя в письме к Аксакову-отцу, Сергею Тимофеевичу[1], отправляет Гоголю повторно[2] (без сопроводительного письма) свою статью «Объяснение» и письмо Ю. Ф. Самарина о «Мертвых душах» (от второй половины октября 1842 г.)[3]. Статья и письмо были отправлены в Гастейн.

[1] См. ***1843. Апреля 7 <марта 26>. Пятница. Рим***; ***1843. Апреля 22 <мая 4>. Четверг. Москва***.
[2] См. ***1842. Ноября начало <ноября средина>. Москва***; ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим***.
[3] См. ***1842. Октября вторая половина <ноября начало>***.

АПРЕЛЯ 30 <МАЯ 12>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Игроков» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 260.

МАЯ 14 <2>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ГАСТЕЙН

Гоголь и Н. М. Языков с его слугой Сильвестром возвратились[1] из Рима в Гастейн.

Через несколько дней, 18 мая (н. ст.) 1843 г., Языков сообщал родным о дороге из Рима: «Два дня отдыхали во Флоренции, потом на Болонью, Модену, Верону, Баден, Инспрук, Зальцбург — кое-как, с переночовками, отдыхами — впрочем столь кратковременными, что они нисколько не подкрепляли меня,— добрались мы, так сказать, благополучно, до Гаштейна мая 14 дня — следственно, довольно скоро. <...> Мы нашли Гаштейн *покрытым* — или, точнее сказать, накрытым несносною мглою: горы еще в снегу, дует Борей, и дождь идет постоянно; эта дрянь здесь уже давно, с месяц: вся весна, дескать, нынешний раз негодная — зато будет хорошо лето! Подождем»[2].

[1] См. ***1842. Сентября 17 <5>. Суббота. Гастейн.***
[2] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 163.

МАЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА <АПРЕЛЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – МАЯ НАЧАЛО>. РИМ

А. А. Иванов пишет Гоголю в Гастейн[1] (письмо написано под диктовку В. А. Серебряковым):

«Сегодня объявил мне Кривц<ов>, что Государь Импер<атор> требует меня немедленно в Петерб<ург> вместе с Шамш<иным>, Бруни и Завьяловым для получения заказа в Исаакиевскую церковь. — Кривцов радуется, что *обратил на нас внимание Монарх.* Можете представить себе мое непростительное положение, я совершенно не знаю, что мне тут делать, — начал лечение, чрезвычайно как беспокоен и решился к вам писать как можно скорее для получения от вас совета — не придумаете <ли> как-нибудь отклонить от меня эту напасть. В это же время пишу я к Смирновой, Перовскому[2] и Жуковскому, прося у них также совета.

Сегодня мне Кривцов сказал, что у него была мать Амалии[3] и просила выдать ей все вещи Моллера, здесь находящиеся, что так как Амалия очень больна и третьего дня приобщена, и есть дитя, и причиною всему Моллер, то им нужно было бы хоть это вспоможение. — Кривцов сказал, что деньги она получила за все, есть расписка, все между ними кончено, и что она напрасно его беспокоит. Мать Амалии между прочим бранила Кривцова, Моллера, называя его плутом, говоря, что в бытность Вел<икой> Княг<ини> здесь, она думала подать на Моллера просьбу. — Кривцов ей ответил, что из этого она ничего для себя не сделает.

Я сейчас был у Ханыкова. Он обещал писать обо мне Перовскому и советовал мне немедленно писать к вам и Жуковскому, что и исполняю. Пишу сейчас к Моллеру в Дрезден и Мюнхен[4] и настойчиво ему советую ехать в Дюссельдорф»[5].

[1] См. ***1843. Мая 17 <5>. Среда. Гастейн.***
[2] В Неаполь.
[3] А. Лаваньини.
[4] См. ***1843. Апреля 6 <18>. Великий вторник. Санкт-Петербург.***
[5] См. также ***1843. Апреля 30 <18>. Фомино воскресенье. Рим.***

МАЯ 3 <15>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Игроков» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 260.

МАЯ 16 <4>. ВТОРНИК. ДЮССЕЛЬДОРФ

В. А. Жуковский сообщает А. П. Елагиной в Москву:

«...Будет ко мне Гоголь. Я получил от него письмо из Флоренции[1]. Он обещается явиться во Франкфурт в конце мая и прожить несколько времени в моем соседстве. Его явление живее напомнит о вашем минутном[2]: вы нашли нас посреди беспорядка неустроенной квартиры; теперь все уютно, и покойно, и светло. Как бы хорошо прожить несколько времени вместе! <...> В Москве сойдемся опять в один кружок».

Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 53.

[1] См. ***1843. Мая 5–6 <апреля 23–24>. Пятница-суббота. Флоренция.***
[2] О кратковременном посещении Жуковского А. П. Елагиной в 1841 г. — См. также ***1839. Октября 9. Понедельник. Вечер. Москва***.

МАЯ 17 <5>. СРЕДА. ГАСТЕЙН

Гоголь пишет ответные письма к А. А. Иванову[1] в Рим и к С. П. Шевыреву в Москву (согласно почтовому штемпелю[2], письмо к Шевыреву Гоголь отправил в воскресенье 21 мая — в день своих именин[3]).

Из письма к Иванову: «Относительно вызова вас для заказов в Петербург <...> просто попросите Кривцова сказать <...>, что желание Государя Императора объявлено означенным художникам, что Завьялов и Шамшин будут немедленно, а Иванов тоже не замедлит явиться, как только получит облегчение в глазной болезни... <...> А там вы сами знаете, может быть, о вас и позабудут вовсе. <...> А теперь вы понапрасно только взбудораживаете Жуковского и Перовского, и может случиться только что-нибудь сбоку-припеку[4]... <...> Будьте только хотя в половину так умны в жизни, как умны вы в производстве вашей картины. <...> Скажите Шаповалову наведаться на почту, и если есть какие для меня письма в римской Poste restante, то перешлите мне в Дюссельдорф. К Моллеру я написал в Дрезден, назначая ему увидеться со мною в Мюнхене, если ему нет возможности быть в Дюссельдорфе».

В письме к Шевыреву Гоголь сообщал: «Письмо твое получил я перед самым отъездом из Рима[5]. Благодарю за всё: за журьбу, за дружбу, словом, за всё. За неделю перед твоим письмом получил я от Прокоповича еще тысячу рублей[6]. Стало быть, теперь я уже получил за первый год 5000 рубл<ей>, остается получить без малого тысячу. Начало я считаю с 1-го октября прошлого года, то есть с того дня, к которому я назначил еще в прошлом году первую высылку. Отныне сроки будут к 1-му октября и 1 маю нового стиля каждого года. О делах моих в настоящем виде и о проделках с типографией я узнал только из последнего письма Прокоповича[7]. Он до этих пор скрывал, не хотя меня как видно огорчить и стараясь разделаться сам. Он пишет, что давно бы заплатил свои деньги, но его таскали по судам и не выдавали долго банковых билетов, доставшихся ему по смерти брата[8]. Я писал ему высылать экземпляры[9] по первому твоему требованию, в каком количестве будет вами за благо определено. Все совершенно переводить экземпляры в Москву мне кажется лишним, потому что потом нужно будет вновь их пересылать петербургским книгопродавцам, что введет в издержки. Если только все экземпляры сполна получены из типографии и находятся в руках Прокоповича, то они уже безопасны. За два месяца до срока, в который мне нужно высылать деньги, Прокопович даст тебе отчет в продаже и о том, сколько у него накопилось в наличности денег, дабы видеть, из московских ли доходов или прямо из Петербурга произ-

вести мне высылку. Впрочем, если окажется необходимым все экземпляры перевести в Москву, то всё это будет сделано Прокоповичем: он весь в вашем распоряжении. Ему назначено только от меня уплатить старый долг Жуковскому четыре тысячи[10] и новый Данилевскому три тысячи, которые он так великодушно предложил моей матери[11], хотя они у него, может быть, последние. По уплате их, остальные деньги поступают к вам в ваше распоряжение. Я остановился на несколько дней в Гастейне отдохнуть от дороги и погостить у Языкова. После этого отправлюсь в Дюссельдорф, где пробуду, может быть, долго. Во всяком случае письма адресуйте в Дюссельдорф, хотя бы меня там и не было, на имя Жуковского. Теперь к тебе частная просьба, исполнением которой ты меня много обяжешь. Прежде всего пришли мне статью твою о воспитании[12], она, верно, напечатана отдельно, мне нужно ее иметь всегда при себе, а я прочел[13] всего раз в журнале. Потом пришли мне твою новую статью Перечень русск<ой> словесности за прошлый год, напечатанную в Москвитянине[14], <...> клянусь, это мне очень нужно, верь этому слову и исполни мою просьбу. <...> Языков ничего не написал в Риме, но состоянием его здоровья я доволен, а главное, что лучше всего, в душе его, кажется, готовится перелом и, вероятно, скоро другие звуки издаст его лира. Посылаю из старых его стихов[15], которые, кажется, нигде не были напечатаны, по крайней мере он уверяет, что никому не давал их».

[1] См. ***1843. Мая первая половина <апреля вторая половина – мая начало>. Рим.***

[2] См.: *Городецкий.* С. 467.

[3] См. ***1843. Мая 21 <9>. Воскресенье. День памяти св. Николая Мирликийского. Гастейн.***

[4] См. ***1842. Декабря 8 <ноября 26>. Четверг. Рим.***

[5] См. ***1843. Мая 2 <апреля 20>. Вторник. Радоница. Рим.***

[6] См. ***1843. Апреля 19 <7>. Великая среда. Рим.***

[7] Письмо Прокоповича, упоминаемое Гоголем, до нас не дошло. Типография, в которой печатались сочинения Гоголя, задержала у себя часть тиража, требуя окончательного расчета, и не выдавала книги Прокоповичу. Кроме того, издание, несмотря на большие расходы, было отпечатано недоброкачественно. В дальнейшем обнаружилось, что типография скрыла часть экземпляров и продает их от себя. В результате Шевырев от имени Гоголя должен был начать тяжбу против типографщика (см. письма Гоголя к П. А. Плетневу и к С. П. Шевыреву от 6 октября (н. ст.) 1843 г. – ***1843. Октября 6 <сентября 24>. Пятница. Дюссельдорф***).

[8] В. Я. Прокоповича.

[9] Собрания сочинений в четырех томах.

[10] См. ***1840. Февраля 1. Четверг. Москва.***

[11] См. ***1843. Февраля 26 <14>. Воскресенье. Рим; 1843. Марта 19 <31>. Пятница. Москва; 1843. Апреля 17 <5>. Великий понедельник. Рим.***

[12] Статья С. П. Шевырева «Об отношении семейного воспитания к государственному. Речь, произнесенная в Торжественном Собрании Императорского Московского Университета 18 июня 1842» (Москвитянин. 1842. № 7 (цензурное разрешение 10 авг.); Журнал Министерства Народного Просвещения. 1842. Ч. XXXV. Отд. II).

[13] См. ***1843. Марта 2 <февраля 18>. Четверг. Рим.***

[14] Имеется в виду статья С. П. Шевырева «Критический перечень произведений русской словесности за 1842 год» (Москвитянин. 1843. Ч. I. № 1. С. 274–298; № 2. С. 565–580; Ч. II. № 3. С. 175–194). «Мертвым душам» здесь посвящены с. 282–286.

[15] Стихотворения Н. М. Языкова «То ли дело как бывало...» («Корабль») и «Люблю смотреть на сине море...» («Девятое мая»). Впервые оба стихотворения Языкова были опубликованы в 1843 г. в той же последовательности и с теми же номерами и подписями («I. 9 мая 1839 года»; «*Н. Языков.* Висбаден. 1839»; «II. Люблю смотреть на сине море...»; «*Н. Языков.* Ниц<ц>а. Декабря 18») в № 7 журнала М. П. Погодина «Москвитянин» (цензурное разрешение 8 августа; С. 1–3). Сохранились списки этих стихотворений рукою Гоголя (см. в изд.: *Гоголь 2001.* С. 369–371; *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 645–648.).

МАЯ 18 <6>. ЧЕТВЕРГ. ВИЛЬБАД-ГАСТЕЙН

Гоголь пишет Н. Н. Шереметевой в Москву:

«Все ваши письма были получаемы мною в исправности... <...> Но теперь на несколько времени мы должны прекратить переписку. Во-первых потому, что у меня начинается в продолжение лета разъездная жизнь, и я не могу еще сказать наверно, где доведется мне провести какое время, а

во-вторых потому, что скоро приближается время, когда я засяду крепко за работу. А в это время я ни к кому не пишу».

В тот же день Н. М. Языков сообщал брату А. М. Языкову:

«Гоголь со мною еще; он торопится крайне: куда — сам не знает; просидит здесь неделю, потом в Дюссельдорф[1]. Мне кажется, что ему просто некуда деваться[2], и потому-то, естественно, он ко мне вяжется».

Из писем Н. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 163–164.

[1] К В. А. Жуковскому.
[2] 17 мая (н. ст.) 1843 г. Гоголь писал С. П. Шевыреву из Гастейна: «Я остановился на несколько дней в Гастейне отдохнуть от дороги и погостить у Языкова. После этого отправлюсь в Дюссельдорф, где пробуду, может быть, долго»; 24 мая (н. ст.) 1843 г. С. Т. Аксакову: «Я заехал на несколько дней в Гастейн отдохнуть от дороги и отправляюсь в Дюссельдорф, где проведу часть зимы, а остальную в Голландии...»

МАЯ 21 <9>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. ГАСТЕЙН

Именины Гоголя. В этот день он отправляет написанное ранее письмо к С. П. Шевыреву в Москву.

См. ***1843. Мая 17 <5>. Среда. Гастейн.***

МАЯ 24 <12>. СРЕДА. ГАСТЕЙН

Гоголь пишет ответные письма к С. Т. и К. С. Аксаковым в Москву.

В письме к С. Т. Аксакову сообщает: «Ваше письмо[1] и деньги[2], бесценный друг мой, я получил исправно и скоро, и медлил ответом, выжидая писем от Шевырева и Погодина. Наконец спустя две недели после вашего письма получил я письмо от Шевырева[3] от имени вас всех. В нем видна прекрасная душа писавшего, хотя заключается, впрочем, и журьба и что-то вроде не совсем отчетливого нагоняя, который, может быть, и справедлив со стороны вашей или, лучше, со стороны Погодина, от которого, я думаю, проистек он, но все же таки следует подумать и то: однако ж мне неизвестна еще его сторона, и странно бы мне по моей натуре судить о натуре другого, когда эта натура так не сходна с моею».

Позднее, 24 июля (н. ст.) 1843 г., Гоголь в письме С. Т. Аксакову пояснял: «Какая, между прочим, я скотина: я написал к вам, не размысливши об одном пункте письма, писанного Шевыревым от вас всех. Еще недавно я прочел его вновь. Письмо это так прекрасно и такой исполнено дружбы, что я удивлялся не один раз, как гадок человек: ему достаточно увидеть одно пятнышко, все прочее ему нипочем. Мне просто показалось; будто до сих пор еще не верят душевному моему слову. Я вспомнил одно обстоятельство Погодина относительно меня, которое просто произошло от простоты его, а не от чего другого, и в это время скользнула мне в письме одна фраза, показавшаяся намеком на то же. Но в сторону об этом. Оно послужит пусть уроком, что ни в каком случае не следует предаваться первому впечатлению, особенно если оно сколько-нибудь не спокойно и если примешалась какая-нибудь оскорбленная мелкая страстишка».

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Как много говорит это письмо[4] в пользу Гоголя. Из предыдущего письма ко мне[5] точно можно было заметить, что Гоголь был не совсем доволен письмом Шевырева, писавшего от себя и от Погодина вместе. Но он выразился так скромно, так кротко, как нельзя более; и со всем тем он раскаялся и в этих немногих словах, и в чувстве негодования против Погодина. Вероятно, в письме к Шевыреву[6] Гоголь обвинял себя еще более и выражал еще нежнее чувство своей благодарной дружбы»[7].

Далее в письме к С. Т. Аксакову (от 24 мая (н. ст.) 1843 г.) Гоголь писал: «Вслед за вашими деньгами я получил еще от Прокоповича[8] 1000, стало быть за первый год мне следует получить одну тысячу. Обо всем этом я уведомил уже Шевырева. Прокоповичу я написал[9] выслать немедленно тысячу экземпляров и в продаже находящихся у него давать отчет в Москву всякой раз за два месяца до срочной высылки мне денег, дабы видеть по накопившейся сумме, откуда произвести мне высылку: из Петербурга или из Москвы. Прокопович находится вместе с экземплярами в полном распоряжении вашем, так что, если бы потребовали и все экземпляры выслать, то он их вышлет; но в этом я не вижу надобности: после вновь их нужно присылать в Петербург для тамошних книгопродавцев. К тому же экземпляры безопасны, если они только все находятся в руках Прокоповича, а не типографии, о проделках которой я узнал только теперь из письма Прокоповича[10]. Он скрывал от меня, не желая меня ничем возмутить и думая расплатиться банковыми билетами покойного своего брата, выдачею которых водили его несколько месяцев в присутственных местах; но довольно толковать. Дела мои, как видите, все теперь в ваших руках. Обратимся собственно к нам самим. Я заехал на несколько дней в Гастейн отдохнуть от дороги и отправлюсь в Дюссельдорф, где проведу часть зимы, а остальную в Голландии, и потому письма адресуйте все в Дюссельдорф. Хорошо бы было, если бы вы прислали что-нибудь из тех книг, которых я просил[11]. Из Москвы, вероятно, отправляются не мало этот год за границу, а так как всякий положил себе за правило побывать на Рейне, то ему не много труда будет стоить завезти посылку в Дюссельдорф и отдать ее Жуковскому. На Константина Сергеевича я решительно теперь сердит. Он мне не пишет ни строчки, но вот лучше к нему самому записка. А вас обнимаю всею душою вместе с милым семейством вашим и жду от вас летних известий о покупке дачи и о прочем».

В ответной[12] записке к К. С. Аксакову (приложенной к посланию Аксакову-отцу) Гоголь спрашивал: «Что ж вы, Константин Сергеевич, мне ни слова? <...> Если вы несколько смутились письмом моим[13], которое когда-то было писано вам, то это письмо писано не в строку текущих дел, это письмо писано так, мимо; на него ответ вы мне дадите года через четыре. А известия текущие должны идти своим чередом; а потому вы уведомите меня обо всем, что делали и что слышали с самого того дни, как перестали ко мне писать. И что Николай Филиппович, и что Каролина Карловна (Павловы)[14], и что Ховрина[15], и что Самарин, и какие еф<ф>екты производите вы в чтениях[16], и что говорят вообще о чтениях Мих<аила> Семеновича <Щепкина>; все это, вы знаете, мне интересно. Простите, что я вас не благодарил до сих пор за присылку ваших статей о "М<ертвых> Д<ушах>". И та, и другая имеют свои достоинства (писанная, как мне кажется, должна принадлежать Самарину[17]), но в печатной, не погневайтесь, видно много непростительной юности[18], и писанная кажется перед нею написанною стариком. Хотя в ней и нет тех двух, трех истинно поэтических мыслей, как в вашей».

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Щепкин и, кажется, Садовской давали публичные чтения сочинений Гоголя. Разумеется, успех был, но не такой, какого можно было ожидать. <...> Вместе с печатной брошюркой Константина была послана рукописная статья Самарина, вполне заслуживающая отзыв Гоголя»[19].

Замечание С. Т. Аксакова в «Истории нашего знакомства с Гоголем...», что под «печатной» статьей о «Мертвых душах» Гоголь в своей записке к К. С. Аксакову от 24 мая (н. ст.) 1843 г. имеет в виду «печатную брошюрку Константина», т. е. его брошюру «Несколько слов о поэме Гоголя "Мертвые души"», ошибочно. На самом деле Гоголь в своей записке подразумевает отдельный оттиск статьи К. С. Аксакова «Объяснение» (опубликована в № 9 журнала «Москвитянин» за 1842 г.).

Вследствие неочевидности допущенной С. Т. Аксаковым ошибки эта история требует более обстоятельного рассмотрения. К. С. Аксаков при письме к Гоголю от начала ноября 1842 г. послал ему в Рим две свои статьи о «Мертвых душах» – «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» и «Объяснение». Кроме того, в то же послание к Гоголю К. С. Аксаков вложил копию письма к нему Ю. Ф. Самарина от второй половины октября 1842 г., посвященного «Мертвым душам»[20]. Получив тогда письмо К. С. Аксакова, Гоголь, однако, – согласно строкам его следующего письма к Константину Аксакову, от 28 ноября (н. ст.) 1842 г., писал, что «статью <...> или критику» он не получил (очевидно, не было получено и письмо Ю. Ф. Самарина)[21]. Тем не менее в письме к С. Т. Аксакову от 18 марта (н. ст.) 1843 г. Гоголь отзывался о брошюре К. С. Аксакова

«Несколько слов о поэме Гоголя...» как о прочитанной: «Константину Сергеевичу скажите, что я и не думал сердиться на него за брошюрку; напротив, в основании своем она замечательная вещь» и т. д.[22] (Вероятно, статья была получена Гоголем из другого источника.) Позднее, в письме к С. Т. Аксакову от 7 апреля (н. ст.) 1843 г., Гоголь спрашивал о своих письмах к О. Сем. Аксаковой и К. С. Аксакову от 28 ноября 1842 г.: «Получили ли они эти письма и отчего никто из них не отвечал нижé двумя строчками»[23]. Вероятно, в ответ на это послание К. С. Аксаков в конце апреля 1843 г. вновь послал Гоголю, на этот раз в Гастейн, без сопроводительного письма, *вторую* из своих статей – «Объяснение» (так как из упомянутого письма Гоголя от 18 марта (н. ст.) 1843 г. с очевидностью явствовало, что первую тот уже прочел). При этом Константин Аксаков вновь сопроводил свое «Объяснение» письмом о «Мертвых душах» Ю. Ф. Самарина[24]. Об этой посылке Гоголь и вспоминает в комментируемом письме к К. С. Аксакову от 24 мая (н. ст.) 1843 г.: «Простите, что я вас не благодарил до сих пор за присылку ваших статей о "Мертвых душах". И та и другая имеют свои достоинства (писанная, как мне кажется, должна принадлежать Самарину), но в печатной, не прогневайтесь – видно много непростительной юности...»

Очевидно, что последний отзыв относился только к статье К. С. Аксакова «Объяснение», но отнюдь не к прочитанной ранее статье «Несколько слов о поэме Гоголя...» – вопреки мнению на этот счет, высказанному С. Т. Аксаковым в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (и поддержанному затем В. И. Шенроком и последующими исследователями[25]). Несмотря на допущенную ошибку, тот же С. Т. Аксаков тем не менее не без оснований полагал, что «недовольство» Гоголя брошюрой К. С. Аксакова было вызвано не содержанием, а только несвоевременностью ее появления в печати[26].

[1] См. ***1843. Апреля около 20 <около 8>. Рим***.

[2] Деньги от Акакова Гоголь получил, через С. П. Шевырева, вероятно, 17 апреля (н. ст.) 1843 г. (см. ***1843. Апреля 17 <5>. Великий понедельник. Рим***), т. е. раньше, чем письмо, поскольку письмо было отправлено немного позднее (см. ***1843. Марта после 20 <после 8>. Рим*** – примечания). Это письмо до нас не дошло. Сохранилась расписка банкира Ценкера от 13 марта 1843 г. (на фр. яз.) в получении от С. Т. Аксакова 1000 рублей серебром для перевода Гоголю в Рим (см. ***1843. Марта 13 <25>. Суббота. Москва***).

[3] Письмо от Шевырева было получено Гоголем перед выездом из Рима (см. ***1843. Мая 2 <апреля 20>. Вторник. Радоница. Рим***). Ответ Гоголя на это несохранившееся письмо Шевырева отправлен из Гастейна 17 мая (н. ст.) 1843 г. (см. ***1843. Мая 17 <5>. Среда. Гастейн***).

[4] Письмо от 24 июля (н. ст.) 1842 г.

[5] От 24 мая (н. ст.) 1843 г.

[6] См. ***1843. Мая 17 <5>. Среда. Гастейн.***

[7] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод*. Т. 2. С. 748.

[8] См. также ***1843. Марта после 20 <после 8>. Рим*** (комментарий С. Т. Аксакова).

[9] Письмо не сохранилось (ср. ***1843. Марта 18 <30>. Четверг. Санкт-Петербург***). С повторной просьбой Гоголь обратился к Прокоповичу 17 апреля (н. ст.) 1843 г. (см. ***1843. Апреля 17 <5>. Великий понедельник. Рим***).

[10] Письмо Прокоповича не сохранилось (см. **1843. Мая 17 <5>. Среда. Гастейн** – примечания).

[11] См. ***1842. Июля 29 <17>. Пятница. Гастейн***; ***1843. Марта после 20 <после 8>. Рим.***

[12] См. ***1843. Апреля после 22 <мая между 4 и 12>. Москва***.

[13] Имеется в виду письмо от 28 ноября (н. ст.) 1842 г. (см. ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим***).

[14] *В автографе ошибочно:* (Павловой). *Слово:* (Павловой) – *вписано.*

[15] Марья Дмитриевна Ховрина (1801–1877), хозяйка московского литературного салона, посещавшегося славянофилами и западниками.

[16] Сведения о чтениях К. С. Аксакова Гоголь почерпнул либо из недошедшего до нас письма к нему матери, М. И. Гоголь (ср. письмо О. Сем. Аксаковой к М. И. Гоголь от 19 марта 1843 г.), либо из поздравительного (также несохранившегося) письма к нему О. Сем. Аксаковой от того же числа (см. ***1843. Марта 19 <31>. Пятница. Москва***; ***1843. Апреля средина – мая 2 <апреля начало – апреля 20>. Рим***). Позднее Гоголь посвятил этим чтениям в «Выбранных местах из переписки с друзьями» статью *V. Чтения русских поэтов перед публикою.*

[17] Письмо Ю. Ф. Самарина к К. С. Аксакову от второй половины октября 1842 г. (см. ***1842. Октября вторая половина <ноября начало>***). – Отзыв Гоголя о письме Самарина см. также: ***1844. Сентября 10 <22>. Воскресенье. Санкт-Петербург***.

[18] Прочитав эти строки, К. С. Аксаков писал Ю. Ф. Самарину: «Слова Гоголя породили во мне некоторую недоверчивость, которая и без того, вероятно, возбудилась бы» (*Кошелев В. А.* «Мертвые души» Н. В. Гоголя в трактовке ранних славянофилов // Русская литература. 1976. № 3. С. 87).

[19] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод*. Т. 2. С. 746, 747.

[20] См. ***1842. Ноября начало <ноября средина>. Москва***.

[21] См. ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим.***

[22] См. ***1843. Марта после 20 <после 8>. Рим.***

[23] См. ***1843. Апреля 7 <марта 26>. Пятница. Рим.***

[24] См. ***1843. Апреля после 22 <мая между 4 и 12>. Москва.***

[25] См.: *Шенрок.* Т. 4. С. 109–110; коммент. Г. М. Фридлендера в изд.: *Гоголь 1937–1952.* Т. 12. С. 627; мнение В. А. Кошелева: *Кошелев В. А.* «Мертвые души» Н. В. Гоголя в трактовке ранних славянофилов // Русская литература. 1976. № 3. С. 87; В. П. Попова: *Попов В. П.* Отношение Гоголя к брошюре К. Аксакова о «Мертвых душах» // Эстетические взгляды писателя и художественное творчество. Краснодар, 1981. С. 50; и др.

[26] См. ***1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково***). – См. также ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки*** (примечания). – См. также письмо В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 27 декабря 1845 г. (см. ***1845 декабря 27 <1846 января 8>. Четверг. Радонежье***), письмо А. О. Смирновой к П. А. Плетневу от января 1846 г. (см. ***1846. Январь <января средина – февраля средина>. Калуга***) и ее же письмо к самому Гоголю от 14 января 1846 г. (см. ***1846. Января 14 <26>. Понедельник. Калуга***).

МАЯ МЕЖДУ 24 И 28 <МЕЖДУ 12 И 16>. ГАСТЕЙН

Гоголь, простившись с Н. М. Языковым, выехал из Гастейна[1] в Дюссельдорф, к В. А. Жуковскому.

В Дюссельдорф Гоголь отправился через Зальцбург, Мюнхен[2], Штутгарт[3] и Франкфурт. Во Франкфурте он встретился с Жуковским[4], затем приехал к нему в Эмс[5].

[1] См. ***1843. Мая 24 <12>. Среда. Гастейн***; ***1843. Мая 28 <16>. Воскресенье. Мюнхен***; ***1843. Июня 7 <мая 26>. Среда. Гастейн.***

[2] См. ***1843. Мая 28 <16>. Воскресенье. Мюнхен.***

[3] См. ***1843. Июня 6 <мая 25>. Вторник. Штутгарт.***

[4] См. ***1843. Июня 8 <мая 27>. Четверг. Франкфурт.***

[5] См. ***1843. Июня 11 <мая 30>. Воскресенье. День Святой Троицы. Висбаден, Эмс.***

МАЯ 25 <13>. ЧЕТВЕРГ. ДЮССЕЛЬДОРФ

В. А. Жуковский записывает в дневнике:

«[Письмо к Гоголю]».

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 41.

МАЯ 26 <14>. ПЯТНИЦА. ДЮССЕЛЬДОРФ

В. А. Жуковский выезжает из Дюссельдорфа во Франкфурт[1].

Вероятно, незадолго до отъезда у Жуковского в Дюссельдорфе побывал племянник Н. М. Языкова Д. А. Валуев[2], который привез тогда для Гоголя из Москвы книгу от Языкова[3] и шнурок для нательного креста от Н. Н. Шереметевой[4].

Позднее, 7 февраля 1844 г. С. Т. Аксаков сообщал из Москвы сыну Ивану: «Воротился Валуев и подтвердил ходившие слухи, что Гоголь проводит большую часть времени у Смирновой. Жуковский говорил Валуеву, что Гоголь изучает в ней петербургских дам, нужных ему во 2-м томе "Мертвых душ"»[5].

[1] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847 гг. / Сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. М., 2004. С. 271.

[2] Дмитрий Александрович Валуев (1820–1845), историк, славянофил.

[3] Позднее, 5 октября (н. ст.) 1843 г., Гоголь сообщал Н. М. Языкову из Дюссельдорфа: «Валуев был в Дюссельдорфе и привез мне <...> одну книгу, но меня не застал там, и я уже получил ее от Жуковского».

[4] См. ***1843. Сентября 3 <августа 22>. Воскресенье. Дюссельдорф.***

[5] См. ***1837. Июля около 15 – августа не позднее 27–28 <июля около 3 – августа не позднее 15–16>. Баден-Баден, Страсбург, Баден-Баден*** (примечания); ***1844. Февраля 7 <19>. Понедельник. Вечер. Москва.***

МАЯ 26 <14>. ПЯТНИЦА. ГРЕФЕНБЕРГ-ФРЕЙВАЛЬДАУ

Ар. О. Россет отправляет Гоголю письмо в Гастейн, с «подробным отчетом» о своем лечении у врача-гидротерапевта В. Присница[1] (на лечение в Грефенберг Россет отправился из Рима по совету Гоголя[2]):

«Рассчитывая, что вы выехали из Рима около 5 числа[3], полагаю, что вы уже в Гастейне и скоро начнете сборы для продолжения странствования в края мне неизвестные. Я же три недели уже в Греффенберге, и лечусь, и как лечусь! <...> Сверх сего Греффенберг в горах: до сих пор снег, холод, дожди и беспрерывный ветер, а комнаты без печей, и все это после Рима! после Неаполя! <...> Я говорил здесь со многими, которых болезнь похожа на болезнь Николая Михайловича <Языкова>. Результат следующий: больных спинною сухоткою Призниц принимает, смотря по степени болезни; так одному при мне приехавшему он сказал прямо: “выздороветь вы уже не можете, но если пожертвуете временем, обещаю, что очень поправитесь”. <...> ...Как мне кажется, Николаю Михайловичу грешно будет не заехать и не переговорить с Призницем, и Вы, любезный Николай Васильевич, уговаривайте его изо всей дружеской мочи. Особенно ему, как вы его называете, байбаку, Греффенберг будет полезен: здесь он лежать не будет и поневоле станет бегать и пилить дрова. <...> Не заедете ли и вы? Право бы не мешало! Как бы я рад был вас увидеть и повторить дела давно минувших дней[4]. С выезда из Рима ничего не знаю про сестру[5]; если что знаете — напишите».

[1] См. также ***1845. Марта 27–28 <апреля 8–9>. Вторник-среда. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1843. Апреля 20 <8>. Великий четверг. Рим*** (примечания). – Сам Гоголь лечился у Присница позднее (см. ***1845. Августа около 21 <около 8> – сентября 21 <9>. Грефенберг-Фрейвальдау***; ***1846. Июня вторая половина <июня первая половина>. Грефенберг-Фрейвальдау***).

[3] См. ***1842. Мая 2 <апреля 20>. Вторник. Радоница. Рим.***

[4] Из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» (1820). Строки взяты Гоголем в качестве эпиграфа к комедии «Игроки».

[5] А. О. Смирнову.

МАЯ 28 <16>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МЮНХЕН

Гоголь через Зальцбург прибыл из Гастейна в Мюнхен. Встретился здесь с А. Н. Поповым. Написал ответное послание к Н. Я. Прокоповичу в Петербург и письмо к Н. М. Языкову в Гастейн (согласно почтовому штемпелю[1], письмо к Языкову было отправлено из Мюнхена через день, 30 мая).

В паспорте Гоголя сделана отметка: «Мюнхен 23 <28>[2] мая»[3].

Из письма к Прокоповичу: «Твое письмо меня еще более удивило, чем, вероятно, удивило мое тебя. Откуда и кто распускает всякие слухи обо мне? Говорил ли я когда-нибудь тебе, что буду сим летом в Петербург? или что буду печатать 2 том в этом году? и что значат твои слова: *Не хочу тебя обижать подозрением до такой степени, что будто ты не приготовил 2-го тома М<ертвых> д<уш> к печати?* Точно М<ертвые> д<уши> блин, который можно вдруг испечь. <...> Где ж ты видел, чтобы произведший эпопею произвел сверх того пять-шесть других. <...> М<ертвых> д<уш> не только не приготовлен 2-ой том к печати, но даже и не написан. И раньше двух лет (если только мои силы будут постоянно свежи в это время) не может выйти в свет. А что публика желает

и требует 2-го тома, это не резон. Публика может быть умна и справедлива, когда имеет уже в руках что надобно рассудить и <над чем> поумничать. А в желаниях публика всегда дура, потому что руководствуется только мгновенною минутною потребностью. Да и почему знает она, что такое будет во 2 томе? Может быть то, о чем даже ей не следует и знать и читать в теперешнюю минуту, и ни я, ни она не готовы для 2 тома. Тебе тоже следует подумать и то, что мои сочинения не должны играть роли журнальных статей и что ими не нужно торопиться всякую минуту, как только замечаешь, что у публики есть аппетит. Они писаны долго, в обдумывании многих из них прошли годы, а потому не угодно ли читателям моим тоже подумать о них на досуге и всмотреться пристальней. Умный резон: потому что в продолжение одного года я выдал вдруг слишком много, так подавай еще столько же».

П. В. Анненков 13 октября (н. ст.) 1880 г. писал М. Е. Салтыкову-Щедрину: «...Гоголь <...> на требования друзей о выпуске 2-й части "Мертвых душ" отвечал: пускай раскусят хорошенько первую. Литература, как сено: прессованное и в кольцо свернутое долее держится»[4].

В. И. Шенрок в 1897 г. отметил «особенное сходство» настоящего письма к Прокоповичу с «третьим письмом» из статьи *XVIII. Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ»* «Выбранных мест из переписки с друзьями»[5], а именно с следующими строками статьи: «И откуда вывел ты заключенье, что второй том именно теперь нужен? Залез ты разве в мою голову? почувствовал существо второго тома? По-твоему, он нужен теперь, а по-моему, не раньше как через два-три года, да и то еще принимая в соображение попутный ход обстоятельств и времени».

Заканчивая послание к Прокоповичу, Гоголь писал: «Не забывай писать ко мне и адресуй в Дюссельдорф, Poste restante. С нетерпением жду Моллера[6] с тем, чтобы получить от него экземпляр[7], который ты обещал прислать мне с ним»[8].

Из письма к Языкову: «Пишу к тебе из Мюнхена, где засел на несколько дней. Погода премерзкая и потому, без всякого сомнения, таковая же в Гастейне: около Зальцбурга уже я встретил целый хоровод туч, который весь отправился в Гастейн, зная, где раки зимуют.

Я позабыл спросить у тебя перед выездом об одном пункте письма Иванова к тебе. Он, кажется, назначает именно место и воды, на которых будет кн<язь> П<етр> М<ихайлович> Волконский. Пожалуста напиши мне об этом. Это обстоятельство довольно нужное: может быть, нужно будет к нему написать Жуковскому. Во всяком случае ты посмотри это место в письме и напиши мне в Дюссельдорф. Да от скуки во время дождей перечти еще один раз Мер<твые> души. Во второй раз дело будет очевиднее и всякие ошибки яснее. Мне это слишком нужно. В течение двух лет, т. е. прежде совершенного исправления всего, мне нужно увидеть все дыры и прорухи».

Мысль издать первый том «Мертвых душ» в исправленном виде возникла у Гоголя еще в 1842 г., при встретившихся затруднениях при прохождении поэмы в цензуре. 6 февраля 1842 г. он, в частности, писал П. А. Плетневу в Петербург: «Я умею покориться. <...> А ваше великодушное участье не потеряло чрез то нимало цены; скажите это всем: Александре Осиповне, графу Вельегорскому, кн<язю> Одоевскому, князю Вяземскому. <...> Ради Бога, успокойте их, а рукопись возвратите мне. Но прежде самое главное, прочтите ее вместе, т. е. впятером, и пусть каждый из вас тут же карандашом на маленьком лоскутке бумажки напишет свои замечания, отметит все погрешности и несообразности. Грех будет тому, кто этого не сделает. <...> Пусть все эти лоскуточки они передадут вам, а вы их немедленно препроводите ко мне»[9]. Позднее, после выхода в свет первого тома поэмы, 14 ноября (н. ст.) 1842 г., В. А. Жуковский писал Гоголю: «Еще я не послал к вам критики на ваши "Души", потому что это работа большая, а я не скоро могу решиться на длинное письмо. Вам же моя критика не так теперь необходимо нужна – книга уже напечатана»[10]. Спустя некоторое время Жуковский послал Гоголю еще одно письмо, на которое Гоголь 5 мая (н. ст.) 1843 г. отвечал: «Благодарю вас <...> за два слова о М<ертвых> д<ушах>... <...> тем более, что я не почитаю вовсе дело конченным, если вещь напечатана...»[11] Задумав переделку, Гоголь предполагал выпустить новое издание к 1845 г., о чем свидетельствуют строки комментируемого письма к Языкову, от 28 мая (н. ст.) 1843 г. («В течение двух лет, т. е. прежде совершенного исправления всего, мне нужно увидеть все дыры и прорухи»).

20 марта (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал П. А. Плетневу: «...Второе издание 1-й части будет только тогда, когда она выправится и явится в таком виде, в каком ей следует явиться...»[12] За неделю перед тем, 16 марта (н. ст.), Гоголь просил Жуковского, чтобы тот, отправляя его книги в Москву, «вынул из них два экземпляра "Мертвых душ"»: «...Первая часть мне потребна при писании второй, и притом нужно ее самую значительно выправить»[13].

В предисловии «К читателю от сочинителя», появившемся во втором издании первого тома «Мертвых душ» (цензурное разрешение 25 августа 1846 г.), Гоголь писал: «Недурно также, если бы кто-нибудь такой, кто наделен способностью воображать или живо представлять себе различные положения людей и преследовать их мысленно, на разных поприщах, <...> сказал бы мне, <...> что было бы хорошо прибавить к тому, что уже мной описано; все это желал бы я принять в соображение к тому времени, когда воспоследует издание новое этой книги, в другом и лучшем виде».

Намерение «выправить» первый том «Мертвых душ» Гоголь не оставлял и позднее. 16 мая 1849 г. он писал В. И. Белому: «Очень благодарен за ваши замечания. О детстве Чичикова я думал уже сам, предполагая напереть особенно на эту сторону при третьем (исправленном) издании»[14].

Далее Гоголь писал Языкову: «И об этом деле мы должны поговорить так, как о вовсе постороннем, не соединенном вовсе ни с какими личными отношениями, так, как бы автор М<ертвых> д<уш> был Ознобишин, заклавший козленка дикого. Это ты должен сделать тем более, что я имею намерение тоже напасть на тебя без всякой пощады и только уже не между двух глаз, а публично, ибо имею в виду сказать кое-что вообще о русских писателях.

Замысел был воплощен сначала в 1845 г., затем – в 1846 г. в статье *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Далее из письма к Языкову: «Здесь узнал я довольно печальную историю о Бакунине. Сей философ наделал просто глупостей и нынешнее его положение жалко. В Берлине он не ужился и выехал, куда не помню, как мне рассказывали, по причине, что не мог иметь никакого сурьезного влияния. Вздумал он, с какою целью Бог ведает, для того ли, чтобы услужить новым философам Берлина и Шеллингу, написать в каком-то журнале статью на гегелистов, которых уничтожил вовсе и обличил в самом революционном направлении. Статья произвела негодование. Прусский король <Вильгельм II> запретил журнал и донес о сем русскому правительству. Бакунин должен был скрыться и теперь, говорят, в Цюрихе, всеконечно, без всяких обеспечений в будущем. Все это узнал я от Попова, московск<ого> кандидата, слушающего в Берлине лекции, приятеля Авдотьи Петровны[15] и всех Елагиных, жившего у них почти в доме. Он же сказал мне, что старик Елагин (Василий)[16] находится теперь в Праге и, вероятно, заедет к тебе в Гастейн».

Под «статьей на гегелистов» М. А. Бакунина подразумевается его статья «Реакция в Германии», напечатанная под псевдонимом «Jules Elysard» в журнале левых гегельянцев (Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst. 1842. № 247–251. 11–12 October). В статье Бакунин не «обличил», а, напротив, выступил в поддержку «гегелистов» за их «революционное направление». То есть Гоголь, очевидно, был о нем лучшего мнения.

Письмо к Языкову Гоголь заключал: «Затем будь здоров. Да внушит Бог гастейнским водам благую идею подхорохорить тебя, как выражается Скобелев[17], и Штраунбиргу[18] благую мысль давать лучшую телятину. <...> Встретил я еще на улице двух немцев Барышникова[19], медика и живописца, которые от радости, что меня встретили, сначала не нашли слов, хотя знакомство наше основалось на двух buon giorno[20], сказанных весьма плохим итальянским языком. Немцы объявили, что полковник четыре дня проводит в Мюнхене и едет в Дрезден. Но прощай до письма, которое надеюсь от тебя получить в Дюссельдорфе».

[1] См.: *Городецкий*. С. 471.

[2] По-видимому, цифра «23» представляет собой описку. Следует: «28». 24 мая (н. ст.) Гоголь был еще Гастейне (см. ***1843. Мая 24 <12>. Среда. Гастейн***).

[3] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод*. Т. 2. С. 125. См. ***1852. Мая 2–7. Москва***.

[4] Из писем П. В. Анненкова // *Свод*. Т. 3. С. 539.

[5] *Шенрок*. Т. 4. С. 161–162.

[6] См. ***1843. Июня 1–3 <мая 20–22>. Четверг. Праздник Вознесения Господня – суббота. Мюнхен.***

[7] Собрания сочинений в четырех томах.

[8] См. ***1842. Октября 21 <ноября 2>. Среда. Санкт-Петербург.***

[9] См. ***1842. Февраля 6. Пятница. Москва.***

[10] См. ***1842. Ноября 14 <2>. Понедельник. Дюссельдорф.***

[11] См. ***1843. Мая 5–6 <апреля 23–24>. Пятница-суббота. Флоренция.***

[12] См. ***1846. Марта 20 <8>. Пятница. Рим.***

[13] См. ***1846. Марта 16 <4>. Понедельник. Рим.***

[14] См. ***1849. Мая 16. Понедельник. Москва.***

[15] Елагиной.

[16] Василий Алексеевич Елагин (1818–1879), старший сын А. П. Елагиной, брат И. В. и П. В. Киреевских по матери.

[17] Иван Никитич.

[18] Очевидно, ресторатор в Гастейне.

[19] Лицо неустановленное.

[20] Добрый день *(ит.)*.

МАЯ 28 <16>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДРЕЗДЕН

Ф. А. фон Моллер пишет А. А. Иванову в Рим (согласно почтовому штемпелю, письмо было отправлено из Дрездена позднее, 30 мая (н. ст.) 1843 г.):

«Вчерась к ночи прибыл я в Дрезден и сегодня поутру отправил немедленно на почту, где получил как от вас, так и от Николая Васильевича письмо[1]. С крайним сожалением вижу из вашего письма, что вы уже опять страдаете глазной болезнию; тогда когда я предполагал, что вы уже давно выздоровели. Что касается до повеления ехать в Петерб<ург>, то вы об этом не слишком тужите и беспокойтесь. Ибо мне кажется, что этому можно еще довольно легко помочь, тем более, что с полученным на окончание вашей картины содержанием вы, так сказать, получили и разрешение оставаться в Италии до совершенного ее окончания. Прошу только написать мне немедленно одно письмо *в Мюнхен*, а другое *во Флоренцию*, poste restante; ибо я должен наверное знать, твердое ли намерение ваше, для совершенного окончания вашей картины отказаться от предстоящих вам работ в Иса<а>кии. Покамест прошу хранить совершенное *молчание* о моем содействии и о ваших намереньях, чтоб об этом никто бы не знал, в особенности наши соотечественники. Советую также не предпринимать ничего решительного без меня. Ссылаясь на болезнь вашу, можете получить отсрочку от Кривцова, а покамест дело может быть устроится. Какая досада, что я об этом не знал полторы недели тому назад, когда я был в Петербурге! Гоголь в своем письме назначает мне свидание в Минхене к 25 маия нового стиля, от чего я в совершенном недоумении, ибо сегодня уже 28. Решаюсь, однако ж, немедленно ехать, хотя почти уже не надеюсь застать его там, ибо дилижанс, отправляющийся завтра в 10-м часу, пробудет почти целых 5 дней в дороге, и так я прибуду в Минхен только 3-го числа[2]. Сомневаюсь, что Гоголь будет ждать меня целую неделю, впрочем, это есть единственное средство получить по крайней мере известие, где его найти. Мне тем более нужно с ним видеться, что я везу ему все, что об нем было только напеча<та>но во всех рус<с>ких Журналах, Газетах и пр.[3] Удивляюсь, что в письме своем Гоголь не назначил мне место, куды он едет из Минхена, на случай, что я туды не поспел бы к назначенному им числу. Вы не можете себе вообразить, в каком я отчаянии, что мне должно ехать из Дрез<дена>, не видевши его. Прощайте, любезный Александр Андреевич, не унывайте, Бог даст, все устроится. Вот мои дела так похуже. Связался с разбойницами[4], которые, не довольствуясь тем, что ограбили меня, еще лишают меня возможности спокойно работать и учиться в Риме.

Батюшка и Братец ваш кланяются вам, последний проводил меня до парохода. Оба, слава Богу, здоровы. Кланяйтесь, пожалуйста, Шаповалову и Кривцову. Портрет[5], который он с него заказал, к сожалению, еще не совершенно окончен, почему я и не мог взять его с собою».

Гоголь в письмах Ф. А. фон Моллера // *Свод*. Т. 3. С. 388–389.

[1] Письмо не сохранилось.

[2] См. ***1843. Июня 1–3 <мая 20–22>. Четверг. Праздник Вознесения Господня – суббота. Мюнхен.***

[3] См. ***1843. Июня 1–3 <мая 20–22>. Четверг. Праздник Вознесения Господня – суббота. Мюнхен*** (примечания).

[4] Имеется в виду семья Лаваньини.

[5] Имеется в виду портрет Императора Николая Павловича. 5 октября 1843 г. Ф. А. Моллер писал Иванову: «Кривцову скажите, что Портрет Государя, вероятно, уже прибыл теперь в Рим» (*РГБ*. Ф. 111. К. 6. Ед. хр. 50. Л. 11; *Свод*. Т. 3. С. 389).

МАЯ КОНЕЦ – ИЮНЯ НАЧАЛО <МАЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. РИМ

А. А. Иванов пишет Гоголю ответное[1] письмо в Дюссельдорф:

«Вы справедливы, но, все мне кажется, и я не неправ. Я с того дня только успокоился и почувствовал радостное облегчение, когда Перовский, возвратясь из Неаполя, весьма серьезно сказал Кривцову: “Ведь Иванов никак не может ехать по причине расстроенных глаз”, на что Кривцов весьма учтиво рассыпался и уверял его превосходительство, что он и сам так думает... <...> Смирнова, занесенная бурею из Неаполя в Рим, тоже много способствовала к моему успокоению. Она еще из Неаполя писала в Петербург, чтобы распространить где следует, что я страдаю глазами. <...> Сейчас пишу к Тону и к батюшке моему, и когда получу ответ, то немедленно извещу вас в Дюссельдорфе.

Что-то Моллер? с вами ли он[2] в Дюссельдорфе? Амалия[3], вот уже неделя, как не существует. Священник перед выносом ее тела сильно сказал горбатой (ее матери), другим бабам и сводням, при сем находившимся, что это она причиною ее смерти, и что если она и этого не чувствует, то он надеется, что это послужит другим матерям разительным примером, как продавать и торговать своими дочерьми. Теперь, Николай Васильевич, надо положить конец этому глубоко-неприятному делу, истощить весь ум, чтобы сказать обо всем этом Моллеру, и если нет его с вами, то написать ему, а я не знаю, где он теперь.

Моллер, мне кажется, уже может приехать теперь прямо в Рим: ведь горбатую уже можно теперь легко унять, а Моллеру все-таки лучше теперь быть в кругу людей, ему преданных и готовых разделить с ним горе. Вот вам письмо, найденное на почте»[4].

[1] См. ***1843. Мая 17 <5>. Среда. Гастейн***.

[2] См. ***1843. Июня 1–3 <мая 20–22>. Четверг. Праздник Вознесения Господня – суббота. Мюнхен***.

[3] Амалия Лаваньини, натурщица и возлюбленная Ф. А. фон Моллера в Риме (см. ***1842. Апреля конец <апреля средина>. Рим***).

[4] Вероятно, имеется в виду письмо П. В. Анненкова (см. ***1843. Мая 11 <апреля 29>. Четверг. Париж***).

ИЮНЯ 1–3 <МАЯ 20–22>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ – СУББОТА. МЮНХЕН

В Мюнхен к Гоголю приезжает Ф. А. фон Моллер, с которым они проводят вместе три дня. Моллер вручает Гоголю переданные ему в Петербурге Н. Я. Прокоповичем четыре тома вышедшего собрания «Сочинения Николая Гоголя» (СПб., 1842), книгу Н. А. Иванова «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях» (СПб., 1837. Ч. 1–4. Истории; Ч. 1–2. Статистики), карту России, а также несколько критических статей разных авторов о «Мертвых душах».

Еще в 1842 г., в письме от 29 июля (н. ст.) из Гастейна, Гоголь обратился с просьбой к Прокоповичу: «Да, пожалуйста, попроси Белинского отпечатать для меня особенно [один экземпляр] листки критики “Мертвых душ”, если она будет в “Отечест<венных> Запис<ках>”, на бумаге, если можно, потонее, чтобы можно было прислать мне ее прямо в письме, и присылай мне по листам, по мере того, как будет выходить». Этому письму

предшествовала заметка в записной книжке Гоголя 1841–1845 гг.: «Прокоповича прислать листки из Отеч<ественных> записок о Мертвых душах». 21 октября 1842 г. Прокопович отвечал Гоголю: «Я слышал, что Моллер в скором времени отправляется в Рим, и попрошу его взять с собою все, что будет готово к тому времени <речь идет о собрании сочинений Гоголя> <...> С Моллером же пошлются к тебе и статьи Белинского, в которых говорится о "Мертвых душах"». В средине февраля (н. ст.) 1843 г. Гоголь обратился также к Моллеру, чтобы тот «собрал мнения <...> о его последних произведениях» и выслал эти материалы ему в Рим[1]. 19 апреля (н. ст.) 1843 г. Гоголь писал Прокоповичу из Рима: «Пожалуста, пришли мне экземпляр <собрания сочинений> чрез Моллера, вместе с листками критики, бывшей в Отечест<венных> з<аписках>, как на М<ертвые> д<уши>, так и на Сочинения, и прикажи писцу непременно списать для меня критики Сенковского и Полевого на то и другое. Это мне необходимо нужно. Присовокупи также к этому "Статистику России" Булгарина, в 4 частях, а если вышла и География его, то и Географию его. Всё это Моллер не откажется взять, я знаю. <...> Да зайди в Топографическое наше депо и купи для меня карту России». 28 мая (н. ст.) 1843 г. Гоголь вновь писал Прокоповичу из Мюнхена: «С нетерпением жду Моллера с тем, чтобы получить от него экземпляр, который ты обещал прислать мне с ним». 28 мая (н. ст.) 1843 г. Моллер писал из Дрездена А. А. Иванову о предстоящей встрече с Гоголем: «...Я везу ему все, что об нем было только напеча<та>но во всех рус<с>ких Журналах, Газетах и пр.»[2] После встречи с Моллером в Мюнхене Гоголь 10 июня (н. ст.) 1843 г. сообщал Н. М. Языкову из Висбадена: «Мне прислали несколько выдранных из журналов критик на М<ертвые> д<уши>. Замечательного, впрочем, немного; больше есть по части всяких. Лучшие критики большею частию из провинции. Одна из Екатеринослава замечательнее других...»

В рукописном фонде Гоголя Российской государственной библиотеки сохранилось двенадцать вырезок из журнала «Отечественные Записки» со статьями и рецензиями В. Г. Белинского 1842–1843 гг. о творчестве Гоголя[3]. Кроме того, в бумагах Гоголя оказались листы из журнала «Русский Вестник» со статьей Н. А. Полевого «Похождения Чичикова, *или мертвые души*. Поэма *Н. Гоголя*» (1842. № 5 и 6. Май и июнь. С. 33–57)[4]; листы из журнала «Москвитянин» со статьями С. П. Шевырева о «Мертвых душах» 1842 г.[5]; сокращенный список, рукою Н. В. Гоголя (озаглавленный «Критика М<ертвых> д<уш> из Современника») статьи П. А. Плетнева (без имени автора) «Чичиков или Мертвые души, Гоголя» из июльского номера журнала «Современник» за 1842 г. (в том же номере журнала была впервые напечатана вторая редакция повести Гоголя «Портрет»); вырезка из журнала той же статьи Плетнева[6] (очевидно, рукописная копия этой статьи была сделана еще до получения от Моллера ее печатного издания)[7]; вырезка из № 4 «Отечественных Записок» за 1843 г. со статьей Н. Д. Мизко («из Екатеринослава») «Голос из провинции о поэме Гоголя "Похождения Чичикова, или Мертвые души"» (с подписью: *Н. М.*)[8]; и др.

Самому Прокоповичу Гоголь 24 сентября (н. ст.) 1843 г. сообщал: «Книги я получил, посланные с Моллером, за которые благодарю тебя. Критики я прочел также все с большим аппетитом. Жаль только, что ты не исполнил вполне моей просьбы и не прислал их всех. Зачем ты не велел скорописцу списать критик Сенковского? <...> Издание сочинений моих вышло не в том вполне виде, как я думал, и виною, разумеется, этому я, не распорядившись аккуратнее. Книги, я воображал, выйдут благородной толщины, а вместо того они такие тоненькие. Подлец типографщик дал мерзкую бумагу; она так тонка, что сквозит, и цена 25 рублей даже кажется теперь большою, в сравнении с маленькими томиками. Издано вообще довольно исправно и старательно. Вкрались ошибки, но, я думаю, они произошли от неправильного оригинала и принадлежат писцу или даже мне. Всё, что от издателя – то хорошо, что от типографии – то мерзко. Буквы тоже подлые. Я виноват сильно во всем. Во-первых, виноват тем, <что> ввел тебя в хлопоты, хотя тайный умысел мой был добрый. Мне хотелось пробудить тебя из недвижности и придвинуть к деятельности книжной...»

4 июня (н. ст.) 1843 г. Ф. А. фон Моллер писал А. А. Иванову из Мюнхена: «Прибыв в четверг в Минхен, имел я удовольствие еще застать Гоголя здесь и прожить с ним до субботы, т. е. вчерашнего дня. Вследствие первого консилиума, который мы имели насчет вашего дела[9], я написал уже предлинное письмо в Петербург, в котором я снова обратился к той особе, которой вы обязаны вашим содержанием, назначенным вам в нынешнюю зиму[10]. Окончивши уже совсем письмо и прочитывая его, я заметил несообразность его, ибо покамест от Кривцова или даже от вас самих не поступит извещение о вашей болезни, о невозможности ехать и принять работу в Иса<а>кии, весьма естественно не может и воспоследовать никакого решения по этому делу от высшего начальства. Почему, обдумав еще раз наш предмет и посоветовавшись с Гоголем, положили мы, что вам непременно нужно начать действие самим и объявить Кривцову, что глаза ваши в таком положении, что вам и думать нельзя о путешествии в Россию и принятии заказов в Иса<а>кии: они, напротив, требуют самого строгого, внимательного и долговременного лечения. Что вам вовсе не хочется потерять глаза, что при столько далеком и трудном путешествии весьма легко может случиться, ибо и теперь, при малейшем усилии или даже душевном беспокойстве, они немедленно

сильно воспаляются, несмотря на строгую диэту, которую вы наблюдаете, вам и теперь по целым неделям приходится сидеть в темной комнате. Вследствии всех этих бед и просите его довести до сведения высшего начальства, <*1 нрзб.*>, причины, лишающие вас возможности участвовать в работах, которые при других бы обстоятельствах были бы столь лестными для вас, и просите его дозволение оставаться до совершенного вашего излечения в Риме. Само собою разумеется, что по прошествии полугода работы в Иса<а>кии будут розданы, и вас уже не будут более беспокоить[11]. Теперь только надобно вам с твердою решимостию рассказать Кривцову все ваше дело, и будьте уверены, что он не найдется ничего сказать против столь законных и естественных причин, которые каждому доступны, ибо и 5-летнему мальчику понятно, что больному нельзя путешествовать, а с больными глазами нельзя работать, или предпринимать новых огромных, и еще к тому срочных работ. Николай Васильевич поручил только сказать вам, чтобы вы, главное, не тревожились бы напрасно, работали бы понемногу, если глаза ваши вам это дозволяют, а в отношении к Кривцову велел де<ржать> себя всегда совершенно одинаково *пассивно*, повторяя ему всегда то же самое, т. е., что глаза ваши все еще очень больны и что вам прежде совершенного излечения и думать нельзя об обратном путешествии в Россию и что вы в отчаянии, что не можете участвовать в Иса<а>киевских работах. Прошу только немедленно уведомить меня, каков будет ответ Кривцова и когда он об этом напишет в Петербург; ибо тогда только, если нужно, можно будет начать действовать мне. Прощайте, любезный Александр Андреевич. Correggio[12], не унывайте. — Кланяйтесь Шаповалову. Я пробуду здесь еще недели две. Жду ваших писем с нетерпением»[13].

В средине июня (н. ст.) Иванов отвечал Моллеру из Рима: «Немало изумляюсь, что вы ни слова не говорите, чем у Вас кончился разговор с Гоголем насчет ваших дел в Риме[14]? Ведь это весьма важно. Зная Гоголя, я не сомневаюсь, что он с вами об этом обстоятельстве говорил. Но так как вы все-таки ничего мне не сказываете, то я продолжаю действовать так, как будто вы с Гоголем совсем не видались»[15].

В ответ Моллер 22 июня (н. ст.) 1843 г. сообщал Иванову из Мюнхена: «Напрасно полагаете вы, что мы с Гоголем не говорили о моем деле в Риме; хотя он мне, признаюсь, и ничего не сказывал о плане к свиданию с вами, который вы предлагаете в вашем письме. Он, напротив, советовал мне сколь возможно долее не ехать в Рим, чтоб дать время всему успокоиться, и предвещал мне, что эти люди непременно воспользуются моим присутствием и станут рассчитывать на меня и тревожить меня просьбами, от чего их ни Кривцов и никакая сила в мире не в состоянии будут удержать»[16].

1 См. ***1843. Марта 4 <16>. Четверг. Москва***.

2 См. ***1843. Мая 28 <16>. Воскресенье. Дрезден***.

3 *РГБ*. Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 96–107.

4 *РГБ*. Ф. 74. К. 9. Ед. хр. 4.

5 *РГБ*. Ф. 74. К. 9. Ед. хр. 5, 6.

6 *РГБ*. Ф. 74. К. 9. Ед. хр. 9.

7 См. ***1843. Января 26 <февраля 7>. Вторник. Санкт-Петербург***.

8 *РГБ*. Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 109.

9 Имеется в виду стремление А. А. Иванова остаться в Италии, избежав выезда в Петербург в связи с срочными заказами для росписей строящегося Исаакиевского собора.

10 На запрос Иванова, кому он обязан назначением ему пособия, Ф. А. фон Моллер в одном из следующих писем отвечал, что назовет имя только при личном свидании (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 662; *Свод*. Т. 3. С. 390). Вероятно, это была Прасковья Николаевна Жеребцова (рожд. Толстая) (см. ***1846. Сентября конец — декабря начало <сентября средина — ноября средина>. Рим***). См. также письмо А. А. Иванова к Ф. В. Чижову от конца марта 1845 г.: «<П. Н. Жеребцова> дама умная и добрая, деятель сильный и уж настоящая русская. <...> Я Моллеру заметил, что удивляюсь, как он успел в Петербурге <в 1842 г.> через эту самую женщину столь важное дело для меня сделать» (*Виноградов 2001*. С. 339).

11 Подобные советы Гоголь дает также Иванову в письме от 17 мая (н. ст.) 1843 г. из Гастейна.

12 Именем знаменитого итальянского живописца XVI в. А. Корреджо друзья называли Иванова (см. ***1838. Декабря 20 <8>. Четверг. Рим***).

13 Гоголь в письмах Ф. А. фон Моллера // *Свод*. Т. 3. С. 389–390.

[14] См. см. ***1842. Апреля конец <апреля средина>. Рим***; ***1843. Мая конец – июня начало <мая вторая половина>. Рим.***

[15] Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 334.

[16] Гоголь в письмах Ф. А. фон Моллера // *Свод.* Т. 3. С. 391.

МАЯ 23 <ИЮНЯ 4>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Игроков» в Александринском театре[1].

В тот же день М. Г. Карташевская сообщала В. С. Аксаковой:

«От Коли[2] получаем мы тетради писем. В последнем сообщает он нам очень странные подробности о Гоголе. Он был в самом Миргороде. Там нашелся какой-то человек, смотритель или городничий, не помню, который вздумал клеветать на Гоголя, и самым глупым и странным образом. Он уверяет, например, что Гоголь сам не сочинитель, что все, что он издает под своим именем, – краденое. Что это сочинения дяди его, что и второй и все томы "Мертвых душ" давно написаны и что он должен их выкупить в Риме у дяди или у наследников дяди и для того и поехал в Италию. Как тебе это нравится, моя милая Верочка? Какой хитрый вымысел! Не готовит ли этот господин издать повесть на лица под этим содержанием? Как обрадуются ей гг. Сенковские и тому подобные. Я никогда не могла бы представить себе, что Гоголь имеет неприятелей в этом простом сословии своих соотечественников.

Коля не мог написать всего, что он слышал, но этот смотритель до того наговорил ему, что, кажется, совершенно преклонил его[3] на свою сторону»[4].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 260.

[2] Николай Григорьевич Карташевский (род. в 1820), один из братьев М. Г. Карташевской.

[3] Ответ В. С. Аксаковой, от 31 мая / 12 июня 1843 г., см.: ***1842. Мая 28. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва*** – примечания. – См. также письмо М. Г. Карташевской к В. С. Аксаковой от 7 июня 1843 г. (***1843. Июня 7 <19>. Понедельник. Санкт-Петербург***).

[4] Гоголь в письмах М. Г. Карташевской к Аксаковым // *Свод.* Т. 2. С. 959.

ИЮНЯ 5 <МАЯ 24>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ГАСТЕЙН

Согласно почтовому штемпелю[1], Н. М. Языков получил в этот день письмо Гоголя из Мюнхена[2].

[1] См.: *Городецкий.* С. 471.

[2] См. ***1843. Мая 28 <16>. Воскресенье. Мюнхен.*** – См. также ***1843. Июня 7 <мая 26>. Среда. Гастейн.***

ИЮНЯ 6 <МАЯ 25>. ВТОРНИК. ШТУТГАРТ

Гоголь в Штутгарте.

В паспорте Гоголя сделана отметка: «Штутгард 6-го июня»[1].

[1] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 125. – См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

ИЮНЯ 7 <МАЯ 26>. СРЕДА. ГАСТЕЙН

Н. М. Языков сообщает А. М. Языкову и П. М. Бестужевой:

«Гоголь назад тому две недели уехал в Дюссельдорф[1]. Попова[2] он видел в Мюнхене».

Из писем Н. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 164.

[1] См. ***1843. Мая между 24 и 28 <между 12 и 16>. Гастейн.***

[2] См. ***1843. Мая 28 <16>. Воскресенье. Мюнхен***; ***1843. Июня 5 <мая 24>. Понедельник. Гастейн.***

ИЮНЯ 8 <МАЯ 27>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь проездом во Франкфурте встретился с В. А. Жуковским.

Из дневника Жуковского: «*8 <июня>, четверг.* Отъезд из Вильгельмсбада. Пребывание во Франкфурте. Покупки Нарышкиной[1]. Обедал с женою[2] в Romische Kapelle. Гоголь[3]. У Лауница. У Гюндероде. У нас. Лауниц. Убриль[4]. Радовиц»[5].

Позднее, в конце декабря (н. ст.) 1843 г., будучи в Дюссельдорфе, Жуковский также записал в дневнике: «Весь этот год, благодаря лени моей, не записан. Вспомню, что могу. <...> Выезд 8 июня из W<ilhelms>bad. Встреча во Франкфурте[6] с Нарышкиною, с Гоголем»[7].

Гоголь 10 июня (н. ст.) 1843 г. сообщал Н. М. Языкову из Висбадена: «Во Франкфурте встретил я Жуковского, который посвежел, словом — в здоровье самом надлежащем, жене его также лучше. При нем тоже две песни Одис<с>еи[8], которой я хоть и не видал еще, но, по всему судя, должны быть очень хороши, потому что он говорит сам, что старался упростить еще более экзаметр, чтобы и ребенок мог читать Гомера, да в пятистопных стихах еще две повести без рифм[9]. Да виды есть еще на большое сочинение[10]. Словом, Жуковский так себя ведет, как дай Бог и нам всем, которые его гораздо помоложе. Он же мне сказал, что Коп<п> получил от тебя письмо. Коп<п>а я, к сожалению, не видал и не мог ничего о тебе узнать. Он же мне сказал, что пришло в Дюссельдорф на имя твое письмо, которое он передал Коп<п>у для отправки тебе».

Возможно, к этому времени относится случай, рассказанный П. А. Кулишу графом А. К. Толстым[11]: «...Гоголь во всем, что с ним случалось, выказывал часть своего оригинального и разнообразного характера. Например, однажды, остановясь во Франкфурте-на-Майне, в гостинице "Der weisse Schwan"[12], он вздумал ехать куда-то далее и, чтобы не встретить остановки по случаю отправки вещей, велел накануне отъезда гаускнехту (то, что у нас в трактирах половой) уложить все вещи в чемодан, когда еще он будет спать, и отправить туда-то. Утром, на другой день после этого распоряжения, посетил Гоголя граф А. К. Т<олстой>, и Гоголь принял своего гостя в самом странном наряде — в простыне и одеяле. Гаускнехт исполнил приказание поэта с таким усердием, что не оставил ему даже во что одеться. Но Гоголь, кажется, был доволен своим положением и целый день и принимал гостей в своей пестрой мантии, до тех пор, пока знакомые собрали для него полный костюм и дали ему возможность уехать из Франкфурта»[13].

[1] Мария Яковлевна Нарышкина (рожд. княжна Лобанова-Ростовская, 1789–1854), жена К. А. Нарышкина.

[2] Елизавета Евграфовна (Алексеевна) Жуковская (рожд. баронесса Рейтерн; 1821–1856), жена В. А. Жуковского.

[3] Гоголь во Франкфурте был также проездом; с Жуковским они договорились тогда встретиться в Эмсе (см. ***1843. Июня 10 <мая 29>. Троицкая родительская суббота. Висбаден***).

[4] Петр Яковлевич Убри (Убриль, 1774–1847), действительный статский советник, дипломат, посланник во Франкфурте.

[5] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод*. Т. 2. С. 41.

[6] 8 июня (н. ст.) 1843 г. (см. выше).

[7] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод*. Т. 2. С. 42.

[8] Перевод первой песни был начат 13/25 января 1842 г., закончен 25 марта / 6 апреля 1842 г. Когда был начат перевод второй песни, точно неизвестно; завершен он был 21 сентября / 3 октября 1843 г. (см.: *Янушкевич А. С.* Примечания // *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2010. Т. 6. С. 409). — См. также ***1843. Августа 28 <16>. Понедельник — ноября 5 <октября 24>. Воскресенье. Дюссельдорф***; ***1843. Сентября 20 <8>. Среда. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Дюссельдорф***.

[9] «Маттео Фальконе» и «Капитан Бопп» (1843). – См. также ***1843. Августа 28 <16>. Понедельник – ноября 5 <октября 24>. Воскресенье. Дюссельдорф*** (примечания); ***1843. Сентября 20 <8>. Среда. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Дюссельдорф***.

[10] Имеются в виду, по всей вероятности, «Две повести» (1844) или «Сказка о Иване Царевиче и сером волке» (1845).

[11] Алексей Константинович Толстой (1817–1875), поэт и драматург.

[12] Белый лебедь (*нем.*).

[13] Воспоминания графа А. К. Толстого в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 396.

МАЯ 27 <ИЮНЯ 8>. ЧЕТВЕРГ. КИЕВ

Второй бенефис М. С. Щепкина в Киеве. Актер играет Утешительного в «Игроках» (в роли Ихарева – А. Е. Мартынов) и Кочкарева – в «Женитьбе» (в роли Подколесина – тот же Мартынов)[1].

В конце мая – начале июня 1843 г. в Киеве находился Т. Г. Шевченко. Возможно, в это время произошло его знакомство с Щепкиным[2].

[1] *Гриц.* С. 308.

[2] Там же. С. 308, 730.

ИЮНЯ 10 <МАЯ 29>. ТРОИЦКАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА. ВИСБАДЕН

Гоголь пишет Н. М. Языкову в Гастейн:

«Пишу тебе из Вистбадена. Во Франкфурте встретил я Жуковского[1]... <...> Отсюда я еду в Эмс, куда Жуковскому назначено с женою пробыть три недели. И потому ответ на это письмо ты пиши мне в Эмс».

Поскольку в Висбаден Гоголь заехал тогда из Франкфурта лишь на два-три дня, с 9 по 11 июня (н. ст.) 1843 г., то, вероятно, он прибыл туда, чтобы отпраздновать в домовом православном храме в Висбадене праздник Святой Троицы, приходившийся в тот год на 30 мая / 11 июня. По-видимому, из Висбадена в Эмс Гоголь отправился после праздничной обедни и прибыл на место к вечеру того же дня[2].

[1] См. ***1843. Июня 8 <мая 27>. Четверг. Франкфурт***.

[2] См. ***1843. Июня 11 <мая 30>. Воскресенье. День Святой Троицы. Висбаден, Эмс***.

ИЮНЯ 11 <МАЯ 30>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДЕНЬ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ. ВИСБАДЕН, ЭМС

Гоголь выехал из Висбадена (вероятно, после праздничной обедни)[1] и вечером того же дня прибыл в Эмс к В. А. Жуковскому.

«...Бад-Эмс. В курортной книге от 11 июня 1843 г. мы находим регистрацию:

In der Grünen Laube[2]
626 Hr. Gogol, Part. a<us> Moskau[3].

Part. – сокращение для Particulier и должно означать здесь частное лицо. “Grünen Laube” был небольшим, скромным домом, который давал приют лишь немногим гостям. Он находился на Mainzer Straße[4] и на плане Бад-Эмса, приложенном Людвигом Шпенглером к его книге “Der Kurgast in Ems” (1853), имеет номер 129[5]. В начале июля Гоголь должен был уехать[6], так как в курортной книге от 5 июля он уже не значится»[7].

[1] См. ***1843. Июня 10 <мая 29>. Троицкая родительская суббота. Висбаден*** (примечания).

[2] *Букв.*: в зеленом садовом домике (*нем.*).

[3] Господин Гоголь, частное лицо из Москвы (*нем.*).

[4] Набережная реки Лан; дом «Grünen Laube» находился неподалеку от моста через реку.

[5] См.: «Фрагмент плана Бад-Эмса 1853 года. Стрелка указывает на дом “Grünen Laube” на Майнцской улице, в котором жил Гоголь» (*Hübner R.* Nicolai Wassiljewisch Gogol // *Hübner R.* Johann Kaspar Lavater, Nicolai W. Gogol, Kaiserin Eugenie und Alfred Krupp zur Kur in Bad Ems <Иоганн Каспар Лафатер, Николай В. Гоголь, императрица Евгения и Альфред Крупп на лечении в Бад-Эмсе; *нем.*>. (<Serien> Bad Emser Hefte. Nr. 79). Bad Ems, 1989. S. 15–16).

[6] Гоголь выехал из Эмса в Баден 2 или 3 июля (н. ст.) 1843 г. (см. ***1843. Июля 2–3 <июня 20–21>. Воскресенье-понедельник. Эмс***).

[7] *Хюбнер Р.* <Гоголь в Эмсе в 1843 и 1847 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 555.

МАЯ 31 <ИЮНЯ 12>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЕНЬ СВЯТОГО ДУХА. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщает М. Г. Карташевской:

«На днях получили письмо от Гоголя[1]; он едет в Дюссельдорф, и там и в Голландии проводит зиму; состояние духа его все то же, так же свежо и высоко».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 839.

[1] От 24 мая (н. ст.) 1843 г. из Гастейна (см. ***1843. Мая 24 <12>. Среда. Гастейн***).

ИЮНЯ 15 <3>. ЧЕТВЕРГ. ЭМС, ДЮССЕЛЬДОРФ, ЭМС

Гоголь ездил из Эмса в Дюссельдорф, где взял на почте письма к нему от Н. М. Языкова из Гастейна (письмо не сохранилось) и от Ар. О. Россета из Грефенберга[1].

10 июня (н. ст.) 1843 г. Гоголь сообщал Н. М. Языкову из Висбадена: «А в Дюссельдорф я <...> съезжу на дни два или на один с тем, чтобы только взять там на почте лежащие мне письма, в числе которых, вероятно, найду и твое».

[1] См. ***1843. Мая 26 <14>. Пятница. Грефенберг-Фрейвальдау***.

ИЮНЯ 16 <4>. ПЯТНИЦА. ЭМС

Гоголь получил ответное[1] письмо от А. С. Данилевского из Миргорода (от конца апреля 1843 г.)[2].

[1] См. ***1843. Февраля 26 <14>. Воскресенье. Рим***.

[2] См. ***1843. Июня 20 <8>. Вторник. Эмс, Дюссельдорф, Эмс***.

ИЮНЯ 18 <6>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ЭМС

Прибывший в Эмс В. А. Жуковский встречается здесь с Гоголем.

Из дневника Жуковского: «*6/18*[1] *июня*. Здесь русские: <...> Гоголь»[2].

В тот же день Гоголь написал ответные письма Н. М. Языкову в Гастейн и Ар. О. Россету в Грефенберг (согласно почтовым штемпелям[3], письма были отправлены через день, 20 июня[4]).

Из письма к Языкову: «15 июня[5] я ездил в Дюссельдорф с тем, чтобы взять там на почте письма, и в числе прочих взял твое[6], очень небольшое, с присовокупленьем другого, которое я весьма жалею, что ты не распечатал и не прочел. Это письмо было из Греффенберга от Россети[7]. Вследствие его я благословляю тебя прямо без всяких рассуждений ехать в Греффенберг, хотя бы для того просто, чтобы увидать Призница. Прямо против твоей болезни найдешь ты средства, как будто бы именно нарочно приготовленные».

Далее в письме Гоголь подробно пересказывает Языкову, с своими комментариями, содержание письма Россета: «В письме Россети не столько самая вода изумила меня своими действиями изумительными, сколько гений [владеющего] исцеляющего ею, пред которым мы должны все поклониться, и это просто грех на душах наших, если мы этого не сделаем. Это значит – не благоговеть перед величеством Божиим, вселившим в человека такое откровение, на благо наше, в упрек нашей гордости, и в оплевание жалких хитростей ума нашего. Россети изумляется верности взгляда и находчивости противу всякого случая и внезапного, неожиданного даже припадка. Но что самое главное, что Призниц растет и усовершенствуется изумительно. Он уже не употребляет таких сильных, как прежде, средств, но весь следует за больным и за его натурой, и от того средства его теперь бесчисленны. Ванны, апликации и приложения мокрых <компрессов> к разным частям, холодные души, беготня по горам в холодных облачениях и неподвижное сидение на месте с погружением именно одной только части, которой по его соображению следует. Словом, водою, говорит Россети, он владеет как мячиком. Он приехал в мерзейшее время, на горах снег, холод, дожди. Призницу всё это решительно нипочем. Он находит даже, что это еще лучше, осенью и зимой у него настоящее леченье. Россети сейчас же, еще не доезжая до Греффенберга, получил лихорадку, которая била и трясла его немилосердно. Призниц сказал, что это ничего и что на другой день ее не будет, и лихорадка, точно, прошла. Россети начали потом сажать <...> в воду на целые четверть часа, до того, что он уже не чувствовал своей <...> вовсе и считал ее отмороженной. После нескольких дней он заметил, что кровь начинает у него бросаться в голову и сказал об этом Призницу. Призниц велел приставить апликаций к спине и еще к другому месту, и голове сделалось легко, свободно, как ни в чем не бывало. Двести человек больных, и все лечатся розно. Это уже не то, что простой человек. Тот бы просто всех посадил одинаким образом в ванну и сказал бы, подобно всем докторам при водах: Пейте, купайтесь, купайтесь и пейте. Нет, это просто что-то побольше того, что думают о Признице доктора, составившие о нем мнение теоретическое, не выходя из своей комнаты и основываясь на своем рассудке собственном, умней которого ничего не может быть по их же мнению. Когда больные, страдающие сильнейшими недугами и ходившие повесивши голову и нос, подымают голову вверх при самом начале лечения и принимают бодрый вид, и едят с такой алчностью, как будто им три дня есть не давали, – в таком случае это совсем не то, что думают многие.

Россети рассказывает, что привезли из Петербурга при его глазах одного русского, который не в состоянии был ходить и уже осужден был на смерть самим Арендтом, нашедшим в нем последнее развитие спинной сухотки. Призниц, посмотревши на него, сказал, что совершенно здоровым он не может его сделать, но что однако же ему будет значительно лучше, посадил его в ванну, и когда после ванн выступили у него на спине пузыри, Призниц сказал, что он может даже и совершенно выздороветь и что Арендт не совершенно справедливо определил его болезнь. Многие из прежних почитателей Призница недовольны на него за то, что он не употребляет так сильно потрясающих

средств, как прежде, и не производит такой сильной испарины в больном, и что теперь больше времени требует лечение. Но как можно что-либо говорить о том, который лучше нас знает, что хорошо и что лучше? и который всё на опыте и на соображении делает? Он почитает теперь, что больному вовсе не нужно потеть больше двух раз в неделю. Это он должен лучше знать, чем мы, почему и вследствие каких причин... Но довольно. Теперь ты видишь сам, что если и теперь ты будешь колебаться, то это уже не будет знак малодушия, а просто жалкого упрямства и жалкой человеческой гордости. Ты не должен даже останавливаться мыслью, хорошо ли после Гастейна сейчас приняться за холодные ванны. Об этом нужно спросить у Призница, это он может только знать. Да и что тут остается делать, если этот человек совсем не боится простуды и плюет на нее? Тут уж нечего нам умничать. Уведоми меня, сейчас же по получении сего письма, каким образом распорядишься и когда едешь. Если Призниц (который вовсе не хвастун и не любит обещать много), если он скажет, что тебе нужно непременно остаться в Греффенберге, тогда я приеду к тебе туда поглядеть, как ты лечишься, а может быть, полечусь и сам от своих недугов. Ибо я, если решусь ввериться доктору, то уж верно Призницу, а не кому другому, потому что никто другой, по крайней мере доселе, не показал столько результатов. Россети советует тебе отправиться вот как: из Ольмуца в Freiwaldau и остановиться там в трактире, и послать сей же час за ним, то есть за Россети, который еще три месяца проживет в Греффенберге, послать за Россети в Греффенберг (2 версты расстояния от Freiwaldau). Россети явится к тебе для того, чтобы предварительно поучить тебя, как взяться за Призница и какую речь с ним повести. Затем прощай, и Бог тебя благословит. Россети не иначе тебе говорит, как до скорого свидания. А я хоть и попозже, а все-таки надеюсь увидеться, и почему знать, может быть, вновь проведем изрядный кусок времени вместе. Ответ пиши в Эмс».

Из письма к Россету: «Ваше милое письмо, Аркадий Осипович, достигло до меня довольно поздно. Оно из Гастейна отправилось искать меня в Дюссельдорф и пролежало там неделю; потому что я живу покаместь еще в Эмсе для компании Жуковскому, который здесь по причине лечения жены. Об Александре Осиповне, я думаю, уже вы имеете вести. Ее еще нет здесь, но, вероятно, она скоро будет. Из Рима меня уведомлял Иванов[8], что она заезжала из Неаполя вновь в Рим, будучи загнана бурею в одно время с Перовским. Вследствие письма вашего я написал сейчас же к Языкову и представил ему всю справедливость причин, понуждающих его ехать в Греффенберг. Сам я, может быть, тоже как-нибудь загляну. <...> Если захотите мне сейчас написать после этого письма, то адресуйте в Емс, если же после, то в Дюссельдорф».

[1] В источнике описка: «6/17».
[2] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 41.
[3] См.: *Городецкий.* С. 464, 471.
[4] См. ***1843. Июня 20 <8>. Вторник. Эмс, Дюссельдорф, Эмс.***
[5] См. ***1843. Июня 15 <3>. Четверг. Эмс, Дюссельдорф, Эмс.***
[6] Письмо не сохранилось.
[7] См. ***1843. Мая 26 <14>. Пятница. Грефенберг-Фрайвальдау.***
[8] См. ***1843. Мая конец – июня начало <мая вторая половина>. Рим.***

ИЮНЯ 7 <19>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

М. Г. Карташевская пишет В. С. Аксаковой:

«Коля[1] <...> очень удивился, когда увидал, что я поняла из его письма, что он разделяет глупые мнения миргородцев[2]. Напротив, он говорит, что часто приходилось ему спорить там за Гоголя и что ты его, большого почитателя Гоголя, не должна была подозревать способным поверить таким бредням».

Гоголь в письмах М. Г. Карташевской к Аксаковым // *Свод.* Т. 2. С. 959. – Ответ В. С. Аксаковой см.: ***1843. Июня 27 <июля 9>. Воскресенье. Москва.***

[1] Н. Г. Карташевский.
[2] См. *1843. Мая 23 <июня 4>. Воскресенье. Санкт-Петербург.*

ИЮНЯ 7 <19>. ПОНЕДЕЛЬНИК. КИЕВ

Заключительное выступление М. С. Щепкина в Киеве. Щепкин играет в «Ревизоре» Городничего, А. Е. Мартынов – Хлестакова.

Гриц. С. 311.

ИЮНЯ 20 <8>. ВТОРНИК. ЭМС, ДЮССЕЛЬДОРФ, ЭМС

Гоголь, возможно, вновь[1] ездил из Эмса в Дюссельдорф.

В этот же день Гоголь отправил из Эмса написанные 18 июня (н. ст.) 1843 г.[2] письма к Ар. О. Россету в Грефенберг и к Н. М. Языкову в Гастейн и написал ответные письма А. С. Данилевскому[3] в Миргород и О. Сем. Аксаковой[4] в Москву.

Письмо к Аксаковой Гоголь пометил: «20 июня. Дюссельдорф»; оно было отправлено 22 июня (н. ст.) 1843 г. из Эмса[5], на что указывает почтовый штемпель: «BAD EMS / 22 Jun 1843»[6].

Из письма к Данилевскому: «Не стыдно ли тебе написать такое письмо ко мне? <...> Посылаю тебе нарочно этот кусок письма твоего с тем, чтобы перечел его внимательно. Как видеть всё в таком превратном смысле! <...> И что тут такого оскорбительного в слове *мы разошлись*, как будто, разойдясь образом жизни, значит разойтись душою. И что значит это превратное толкование внутренней и внешней жизни, которых значение так ясно всем нам? <...> И тебе никак нельзя оправдаться тем, что ты слово внешний смешал с словом животный и чувственный. У тебя также есть ум видеть, что неприлично же мне написать к тебе в таком смысле... <...> Да виноват ли я в том, что у меня точно нет теперь никаких впечатлений и что мне все равно, в Италии ли я, или в дрянном немецком городке, или хоть в Лапландии? Что ж делать? Я бы от души рад восхищаться свежим запахом весны, видом нового места, да если нет на это теперь у меня чутья. В том воля Бога. Зато я живу весь в себе, в своих воспоминаниях, в своем народе и земле[7], которые носятся неразлучно со мною и всё, что там ни есть и ни заключено, ближе и ближе становится ежеминутно душе моей. Зато взамен природы и всего вокруг меня мне ближе люди: те, которых я едва знал, стали близки душе моей, а что же те, которые и без того были близки душе моей? <...> Где же ты нашел в письме моем желание показать вам, что я слишком возвысился над всеми вами? – Даже смешно мне, но еще более горько. Горько оттого, что я убеждаюсь с каждым днем, что я, точно, возвысился над всеми вами. Да, между нами великое расстояние, и оно в том, что я умею верить прекрасной душе человека, и если бы он сам, имеющий такую душу, стал поперечить себе словами и не только словами, но даже сделал бы поступок противоположный тем движениям, которые должны исходить из души его, я бы и тогда не поспешил вывести о нем заключение: прекрасная душа человека не может измениться; я бы прежде всего дал себе запрос: не ошибаюсь ли я[8]. А вы? вам одного слова достаточно, чтобы изгладить из памяти вашей всю тридцатилетнюю жизнь, противоречащую во всем такому слову. Одному слову, которое изменяется, смотря по пристрастным очам того, который глядит на него. <...>

Но рассмотрим лучше, как случилось, что мы разошлись с тобою. Мы шли вместе, обоим нам равно было ниспослано от Бога чувство наслаждаться прекрасным. Мы оба в одно время вступили на ту дорогу, по которой идут все люди. По обеим сторонам этой дороги много прекрасных видов, и ты и я, оба умели мы наслаждаться ими и чувствовать красоту их, но небесной милостью дано мне было в удел слышать раньше, что всё это еще не в силах совершенно удовлетворить человека, что вид по сторонам еще не цель и что дорога непременно должна вести куда-то. Ты более был склонен верить, что дорога эта дана нам просто для прекрасной прогулки. Я любовался видами с дороги,

но не хотел для них собственно сворачивать с большого пути, чувствуя, что ждущее нас впереди должно быть и лучше и неизменней, иначе не было бы такой широкой и прекрасной дороги, и что неразумно предаваться всей душой земному и тому, что может изменить нам и дается на срок. Ты не хотел насладиться видами только с дороги, ты хотел схватить жадно руками всякий вид, войти во внутрь заманившего тебя местоположения, своротил в окрестные извилистые дороги и, не думая что впереди, отдавался всей прелести настоящих минут. Обоих нас застали годы, когда человек уже не может тем увлекаться, чем увлекается юноша. И ты и я, мы охладели оба и почувствовали равно, что уже не удовлетворяют нас окрестные виды. Но тебя эти годы застали в окрестностях, меня всё на той же дороге. Ты очутился даже в неведении, в каком расстоянии находишься от этой дороги с непонятной пустотой в душе, с нежеланием идти вперед. Мое внутреннее зрение взамен того проясняется более и более: я вижу понемногу яснее то, что вдали, бодрей продолжаю путь свой, и радостнее становится взор мой по мере того, как гляжу более вперед, и не променяю минут этой радости ни даже на юность, ни даже на свежесть первых впечатлений. Зачем же это негодование на мою внутреннюю жизнь? И что значит это почти отчаянное выражение: *мы никогда уже не сойдемся?* Не дай Бог! Напротив, я уверен, что мы встретимся вновь, и встреча эта будет радостней всяких встреч юности. Я, напротив того, уверен, что не только встретятся со мною все те, которые, подобно тебе, наделены прекрасными дарами, но даже и все те, которые их имеют гораздо меньше. Все сойдемся мы на одной дороге. Дорога эта слишком положена в основу нашей жизни, слишком широка и заметна для того, чтобы не попасть на нее. В конце дороги этой Бог; а Бог есть весь истина; а истина тем и глубока, что она всем равно понятна, и мудрейшему и младенцу. Нет, я тебе повторяю вновь те же слова: ты и не начинал еще жить внутренней жизнью. Вкусивши ее, ты бы меня больше понял и не написал бы такого письма. Нет, ты не слышал еще значения тайного и страшного слова "Христос", слова, которое сопровождало нас от колыбели и которое глухо звучало нам в сонные уши наши. <...>

Но от врачеваний душевных перейдем к телесным. Ни Кавказ, ни Карлсбад тебе не мог помочь... <...> Мой совет ехать тебе просто в Грефенберг на холодное лечение к Призницу, ибо тебе нужно просто обновление жизни и сил. Небо осенило откровением ум этого человека, и я вижу ежеминутно, как пред ним мало знают лучшие из книжников докторов[9]. Кроме того, что у него вода производит чудеса и лечит все решительно болезни, кроме грудных и чахоточных, он имеет такой быстрый взгляд, так знает натуру человека и видит его недуг и так находчив в средствах, что, признаюсь, я бы никому в мире не вверил себя в случае тяжкой болезни, как только одному ему, без опасения и без всякого сомнения. Этот человек владеет водой, как Наполеон владел солдатами. Тысячи различных средств применения воды являются у него вдруг вследствие появляющихся припадков, и тут же в виду всех исцеление. Теперь пошли везде заводить холодные заведения; они приносят также большие пользы, но доктора в них трусишки, которые в случае, если делается хуже больному, уже теряются и не знают сами, что делать, и тем-то теперь сделалось очевидно всем, что Призниц просто гений, а не простой находчик, открывший что-нибудь случайно. Призниц не глядит ни на простуду, ни на воспаление, ни на что в мире, посадит в воду тою частью, или другою, тела, навяжет на брюхо мокрую простыню и погонит с нею в горы, и всё прошло. Время для него всё равно, весной ли, зимой или летом, не глядит ни на слякоть, ни на снег, в мороз не топит комнат, а всем тепло. А что самое главное, что уже в первые дни больные, как бы ни были тяжело больны, приобретают бодрость и глядят здоровыми; уже это одно чего стоит. С этим одним уже можно выздороветь. Итак, мой совет ехать прямо к Призницу, тем более, что болезни вроде твоей преимущественно им лечатся. <...> Там найдешь общество русских и очень приятное. Там теперь Языков[10], к которому ты можешь прямо явиться от меня. Почему знать, может быть, и я загляну туда, в случае если узнаю, что туда приедешь. Во всяком случае хорошо б, если б ты написал мне ответ на это письмо и адресовал бы его в Дюссельдорф[11] (Poste restante). Прощай! Письмо я пишу 20 июня, четыре дня после получения твоего письма[12], которое шло очень долго, если только оно действительно отправлено тобою <в> последних числах апреля».

В письме к Аксаковой Гоголь пишет: «Я получил от вас, Ольга Семеновна, письмо, присланное мне из Рима (от 22-го апреля старого стиля), на которое нахожу приличным сей же час отвечать.

Вы неправы в том, что упрекаете себя за то, что предложили маменьке взять деньги, вырученные за продажу "М<ертвых> Д<уш>"[13], и разрушили, как вы говорите, деликатные семейственные отношения. <...> ...В самом поступке вашем ничего нет неблагоразумного и никакого худого намерения. <...> Бог направит его всегда к хорошему, хотя вовсе другим путем, чем мы думаем. <...> ...И я написал наконец <матери> то письмо[14], которое бы мне давно следовало написать...»

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Письмо это объясняется само собою; но сначала Гоголь сам был недоволен[15], и потому Ольга Семеновна писала к нему письмо, в котором обвиняла себя за то, что вмешалась не в свое дело. Что же касается до письма, писанного Гоголем к матери или вообще к своему семейству, то я его не знаю[16]. Без сомнения, оно было нравственно-поучительного содержания. Очевидно, что мысль наставлять, поучать других уже существовала в голове Гоголя»[17].

[1] См. ***1843. Июня 15 <3>. Четверг. Эмс, Дюссельдорф, Эмс.***

[2] См. ***1843. Июня 18 <6>. Воскресенье. Эмс.***

[3] См. ***1843. Июня 16 <4>. Пятница. Эмс.***

[4] См. ***1843. Апреля 22 <мая 4>. Четверг. Москва.***

[5] См. ***1843. Июня 22 <10>. Четверг. Эмс.***

[6] См.: *Падерина Е. Г.* Затруднительное положение с «Дядькой в затруднительном положении» // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. М., 2009. Вып. 2. С. 201.

[7] См. также ***1842. Марта 17. Вторник. Москва.***

[8] Ср. строки сочинения Гоголя 1843 г. <О гневе и безгневии>, адресованного А. О. Смирновой: «Сколько есть умных людей, которые говорят: я вижу хорошо дело, мой разум, и глаза и уши говорят, что я не ошибаюсь. Но никто не хочет вспомнить [того], что видеть таким образом предмет может один только тот, который сверх умения проницать победил в себе все страсти до единой...» 2 ноября (н. ст.) Гоголь писал также М. П. Погодину «...Можно иногда и то себе сказать: точно ли я увидел так, как следует, вещь?»; П. В. Анненкову – 10 мая (н. ст.) 1844 г.: «...Это еще Бог весть, кто ошибается».

[9] Подробнее см.: ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** (примечания).

[10] На самом деле Н. М. Языков, несмотря на уговоры Гоголя (см. ***1843. Июня 18 <6>. Воскресенье. Эмс***), в Грефенберг не поехал (см. ***1843. Июля 8 <июня 26>. Суббота. Баден-Баден***; ***1843. Июля 31 <августа 12>. Суббота. Москва***). По позднейшему свидетельству Гоголя в письме к Ар. О. Россету от февраля (н. ст.) 1844 г., Языков «к Призницу не поехал, потому что не дали [ему про<езда>] отсрочки его пашпорту» (см. ***1844. Февраль <января средина – февраля средина>. Ницца***). – См. также ***1843. Февраля 16 <4>. Четверг. Рим.***

[11] В Дюссельдорф Гоголь приехал 28 августа (н. ст.) 1843 г. (см. ***1843. Августа 28 <16>. Понедельник. Дюссельдорф***).

[12] См. ***1843. Июня 16 <4>. Пятница. Эмс.***

[13] См. ***1843. Марта после 20 <после 8>. Рим***; ***1843. Марта 19 <31>. Пятница. Москва.***

[14] Гоголь имеет в виду свое письмо к матери от второй половины марта – 2 мая (н. ст.) 1843 г. из Рима (см. ***1843. Апреля средина – мая 2 <апреля начало – апреля 20>. Рим***).

[15] См. ***1843. Марта после 20 <после 8>. Рим.***

[16] См. также ***1843. Апреля средина – мая 2 <апреля начало – апреля 20>. Рим*** (комментарий С. Т. Аксакова).

[17] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 747.

ИЮНЯ 21 <9>. СРЕДА. ЭМС

Гоголь у В. А. Жуковского видится с Н. И. Гречем.

В. А. Жуковский в этот день записал в дневнике: «*9 <21 июня>, вторник <среда>*. Явление Греча – все та же фраза о Булгарине[1]. – Его встреча с Гоголем. Чтение "Шинели"»[2].

Из воспоминаний Греча: «С Жуковским объяснился я о деле юбилея[3] не прежде 1843 года, когда посетил его, проезжая чрез Эмс. Это объяснение происходило в присутствии Гоголя. Между тем Жуковский, по случаю того же юбилея, чуть не рассорился с Уваровым. В речи своей на юбилее Жуковский упомянул с теплым участием о Пушкине, которого Уваров ненавидел за стихи его *на выздоровление Шереметева*[4]. Уваров приказал подать к себе из цензуры, в рукописи, все статьи

о юбилее и исключил из них слова Жуковского о Пушкине[5]. Жуковский жестоко вознегодовал на это и настоял на том, чтоб речь его (не помню, где именно) была напечатана вполне»[6].

Ранее, 13 мая (н. ст.) 1838 г., Гоголь писал А. С. Данилевскому из Рима: «На днях я получил письмо от Смирнова. Он упоминает, между прочим, об обеде, данном Крылову по случаю его пятидесятилетней литературной жизни. Я думаю, уже тебе известно, что государь, узнавши об этом обеде, прислал на тарелку Крылову Станислава 2-й степени. Но замечательно то, что Греч и Булгарин отказались быть на этом обеде, но когда узнали, что государь интересуется сам, прислали тотчас просить себе билетов. Но Одоевский, один из директоров, им отказал, тогда они нагло пришли сами, говоря, что им приказано быть на обеде, но билетов больше не было, и они не могли быть и не были. Смирнов прибавляет, что Булгарин, на возвратном пути в Дерпт, был кем-то, вероятно, из дерптск<их> студентов так исправно поколочен, что недели две пролежал в постели. Этого наслаждения я не понимаю. По мне поколотить Булгарина так же гадко, как и поцеловать его».

[1] Возможно, имеется в виду излюбленное сравнение Н. И. Гречем себя и Ф. В. Булгарина с каторжниками-врагами, скованными одной цепью (см.: *Зотов В. Р.* Из воспоминаний // Исторический Вестник. 1890. № 3. С. 571). Указано: *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847. М., 2004. С. 537.

[2] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 42.

[3] Речь идет о юбилее И. А. Крылова. Греч писал: «В числе замечательных литературных событий <...> находится юбилей Крылова, в феврале 1838 года... <...> Несколько зим сряду некоторые литераторы и артисты собирались по вечерам в среду у Н. В. Кукольника, для проведения времени в дружеской беседе. <...> На одном из вечеров зашла речь о Крылове и о долговременной его литературной деятельности. Стали считать и нашли, что он трудился на Парнасе долее пятидесяти лет. Тут я предложил отпраздновать его юбилей. Мысль эту приняли с единодушным восторгом. Составили план празднества и назначили членов-учредителей комитета. Выбраны были: А. Н. Оленин, граф Мих. Ю. Виельгорский, К. П. Брюллов, Кукольник, Карлгоф и я. <...> Дело поступило для исполнения в III Отделение Государевой канцелярии, которое, найдя, что оно подлежит исполнению со стороны Министерства Народного Просвещения, отправило его к Уварову. Что же он сделал? В досаде на то, что не он был избран председателем комитета, он исключил из числа учредителей графа Виельгорского, Брюллова, Кукольника и меня и назначил на место их Жуковского (ошибка мемуариста; Жуковский изначально был избран членом комитета. – *И. В.*), князя Одоевского и еще кого-то из своих клевретов. Я не знал этого и, слышав только, что Государь принял наше предложение с удовольствием, ждал официального о том уведомления. Вдруг получаю письмо от Жуковского с уведомлением об имеющем быть юбилее и с препровождением пятидесяти билетов для раздачи желающим в нем участвовать. Это меня взбесило. Устранили учредителей юбилея от участия в нем и еще дразнят. Я возвратил билеты Жуковскому при письме, в котором объявил, что не только не берусь раздавать билеты, но и сам не пойду на юбилей. В этом случае я поступил неосмотрительно: мне надлежало бы самому пойти к Жуковскому и с ним объясниться. <...> Воейков напечатал в "Инвалиде", что мы с Булгариным не хотели участвовать в юбилее. Жуковский, не зная истинного положения дела, возразил в "Инвалиде", что прислал ко мне билеты за несколько дней и я от них отказался» (*Греч Н. И.* Записки о моей жизни // *Свод.* Т. 1. С. 767–768).

Отказ Н. И. Греча явился причиной вызова его к Л. В. Дубельту и составления объяснительной записки на его имя (см.: Из архива Ф. В. Булгарина // Русская Старина. 1905. № 4. С. 201–203).

[4] Стихотворение А. С. Пушкина «На выздоровление Лукулла» (1835).

[5] Речь В. А. Жуковского на юбилее И. А. Крылова 2 февраля 1838 г. была впервые опубликована, *без цензурных изъятий*, в том же году в № 1 «Журнала Министерства Народного Просвещения» (С. 213–233), в составе статьи Б. М. Федорова «Обед, данный Ивану Андреевичу Крылову в зале Благородного собрания...»

[6] *Греч Н. И.* Записки о моей жизни // *Свод.* Т. 1. С. 768.

ИЮНЯ 22 <10>. ЧЕТВЕРГ. ЭМС

Гоголь отправляет в Москву письмо к О. Сем. Аксаковой, написанное 20 июня (н. ст.) 1843 г.

См. ***1843. Июня 20 <8>. Вторник. Эмс.***

ИЮНЯ 25 <13>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ГАСТЕЙН

Н. М. Языков сообщает брату А. М. Языкову:

«Гоголь теперь в Эмсе, где Жуковский с женою[1]. Г<оголь> пишет[2], что Ж<уковский> совершенно счастлив и пишет много... <...> Вот каково! Вот главное! Гоголь еще неизвестно куда пустится из Эмса. Теперь он собирает все критики, писанные на Мертвые Души[3], чтобы все их сообразить и по ним переделать Мертвые Души: он, дескать, затем и выдал первую часть, не написавши остальных, чтоб воспользоваться сужденьями литтераторов и все переправить!!! Кумушка! мне странно это!»[4]

Из писем Н. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 165.

[1] См. ***1843. Июня 11 <мая 30>. Воскресенье. День Святой Троицы. Висбаден, Эмс***.

[2] В письме к Н. М. Языкову от 10 июня (н. ст.) 1843 г. из Висбадена (см. ***1843. Июня 8 <мая 27>. Четверг. Франкфурт***; ***1843. Июня 10 <мая 29>. Троицкая родительская суббота. Висбаден***).

[3] См. ***1842. Июля 29 <17>. Пятница. Гастейн*** (примечания).

[4] Строки из басни И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей» (1808): «Кумушка, мне странно это: / Да работала ль ты в лето?»

ИЮНЯ 26 <14>. ПОНЕДЕЛЬНИК. БАДЕН-БАДЕН

А. О. Смирнова пишет В. А. Жуковскому в Эмс:

«Как я обрадовалась Вашему письму... <...> ...Я буду у вас <...> в Дюссельдорфе около 13 июля. Не по дороге ли в Штутгарт Баден, подумайте об этом. Впрочем, вы едете молиться, так лучше не заезжать и не смущаться по дороге. <...> Вашу жену я знаю по рассказам Перовского, он ее очень полюбил, что меня с ним совсем примирило. <...> Где Гоголь? Мне нужно его видеть, поговорить об Иванове»[1].

Из писем А. О. Смирновой // *Свод*. Т. 2. С. 197.

[1] См. ***1843. Мая первая половина <апреля вторая половина – мая начало>. Рим***; ***1843. Мая конец – июня начало <мая вторая половина>. Рим***.

ИЮНЯ МЕЖДУ 26 И 28 <МЕЖДУ 14 И 16>. БАДЕН-БАДЕН

А. О. Смирнова пишет В. А. Жуковскому в Эмс:

«Письмо ваше от неизвестного числа, потому что каракульки не могла разобрать, я получила вчера, любезный Василий Андреевич. Собралась было тотчас к вам, но на днях рождение Оленьки[1], и ее бы очень огорчило мое отсутствие, а между тем Гугорт[2] хочет начать уже une cure или coure, как он говорит, и потому не могу прежде двух недель к вам ехать. Напишите немедля, слышите ли, сколько вы еще пробудете в Эмсе, мне бы хотелось вас тут видеть, потому что близко, а я устала и больна или, возможно, оторвусь от Гугорта. Не хочу откладывать до осени, потому, может быть, не удастся побывать в Дюссельдорфе. Вам Гоголь скажет, какая возня с тремя девчонками – то одна, то другая больна. А вы скажите Гоголю, что он должен непременно меня видеть, нам надо поговорить об Иванове, да и Библия его[3] у меня. <...> Гоголю мой поклон. Наденька[4] об нем часто говорит».

Из писем А. О. Смирновой // *Свод*. Т. 2. С. 197–198. – Датировка письма уточнена.

[1] 18/30 июня 1834 г.
[2] Гугорт, врач в Бадене.
[3] См. ***1843. Мая 1 <апреля 19>. Понедельник. Рим***; ***1843. Июля 8 <июня 26>. Суббота. Баден-Баден.***
[4] Трехлетняя дочь Смирновой.

ИЮНЯ 28 <16>. СРЕДА. ЭМС

В. А. Жуковский отправляет А. О. Смирновой ответное[1] письмо в Баден:

«L'homme propose et Dieu dispose[2]. Человек: *да*, а Бог: *нет*, и наоборот, матушка Александра Иосифовна. Я должен остаться в Эмсе до 3/15 июля. После этого числа отправлюсь в Штутгарт и надеюсь быть у вас: это последнее может случиться 8/20 июля. Может быть, днем ранее, может быть, днем позже. Прежде моего появления в Бадене вы не имеете права покидать сего купательного парадиза. Потом можете заехать и в Дюссельдорф; это было бы очень деликатно с вашей стороны. А я привезу вам с собою Гоголя. Итак, прошу дождаться меня в Бадене»[3].

[1] См. ***1843. Июня между 26 и 28 <между 14 и 16>. Баден-Баден.***
[2] Человек предполагает, а Бог располагает.
[3] Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод*. Т. 2. С. 53.

ИЮНЯ 29 <17>. ЧЕТВЕРГ. ГАСТЕЙН

Согласно почтовому штемпелю[1], Н. М. Языков получил в этот день письмо Гоголя из Эмса[2].

[1] См.: *Городецкий*. С. 471.
[2] См. ***1843. Июня 18 <6>. Воскресенье. Эмс***.

ИЮНЯ КОНЕЦ – ИЮЛЯ НАЧАЛО <ИЮНЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. РИМ

А. А. Иванов пишет Ф. В. Чижову:

«Если знаете какую-нибудь особу в Петербурге, которая бы могла разнести слух там, что очень страдаю глазами, то это бы была большая для меня услуга. Смирнова об этом писала к своим родным и знакомым. Гоголь тоже напишет. – Ах, кстати, он ведь мне написал дружеский выговор: зачем я слишком взволновался при получении последней неприятности, которая ему кажется совсем неважною, а более за то, что беспокоил Жуковского и Перовского. <...> Амалия[1] умерла с неделю, я просил Гоголя прислать немедленно Моллера в Рим. Теперь уже можно. Он найдет здесь, с кем разделить горе».

Из писем А. А. Иванова // *Свод*. Т. 3. С. 335.

[1] А. Лаваньини.

ИЮНЯ 19 <ИЮЛЯ 1>. СУББОТА. ОДЕССА

М. С. Щепкин в гостях у попечителя Одесского учебного округа Д. М. Княжевича читает «Театральный разъезд...» Гоголя.

В этот день сын Княжевича Максим Дмитриевич Княжевич записал в дневнике: «После обеда Щепкин прочел нам Гоголя “Разъезд в театре” и рассказывал анекдоты, что исполнил мастерски».

Гриц. С. 313.

ИЮЛЯ 2–3 <ИЮНЯ 20–21>. ВОСКРЕСЕНЬЕ-ПОНЕДЕЛЬНИК. ЭМС

Гоголь выехал из Эмса в Баден. По дороге разминулся с А. О. Смирновой, отправившейся в это время на встречу с В. А. Жуковским из Бадена в Эмс.

Из Эмса Гоголь выехал в Баден 2 или 3 июля (н. ст.) 1843 г., так как 4 июля (н. ст.) он уже написал из Бадена письмо к А. О. Смирновой, дата отправления которого устанавливается почтовым штемепелем[1].

Летом 1843 г. в Эмсе с Жуковским «сблизилась и подружилась» княгиня А. И. Васильчикова[2]. Возможно, с Васильчиковой встречался тогда и Гоголь.

[1] См. ***1843. Июля 4 <июня 22>. Вторник. Баден-Баден***; ***1843. Июля 8 <июня 26>. Суббота. Баден-Баден.***
[2] См. ***1836. Между мая 27 и июня 6. Санкт-Петербург*** (примечания).

ИЮЛЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 4 <ИЮНЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 22>. БАДЕН-БАДЕН

Гоголь приехал в Баден.

См. ***1843. Июля 4 <июня 22>. Вторник. Баден-Баден.***

ИЮЛЯ 4 <ИЮНЯ 22>. ВТОРНИК. БАДЕН-БАДЕН

Гоголь, не застав А. О. Смирнову в Бадене, отправляет ей шуточное послание в Эмс, на адрес В. А. Жуковского:

«Каша без масла гораздо вкуснее, нежели Баден без вас. Кашу без масла все-таки можно как-нибудь есть, хоть на голодные зубы, но Баден без вас просто нейдет в горло. <...> Чтобы отвести душу, я захожу иногда к Надежде Николаевне[1]. <...> Встреча наша была радостна необыкновенно. Крик был с обеих сторон; поцеловались мы весьма крепко. Потом она, уже отошедши от меня, вдруг вспомнила, что еще не всё, и подбежала к руке[2]. <...> Я получил от Аркадия Осиповича письмо из Греффенберга[3]. Он описывает свое лечение, которое, по-видимому, идет успешно, но поступают с ним жестоким образом. <...> Жду вас с нетерпением к субботе[4], как мне объявили у вас в доме, и решился претерпевать баденское одиночество».

Из воспоминаний Смирновой: «...В июле [я получила] <...> я <у>знала чрез Жук<овского>, что он <Гоголь> у него в Эмсе, а в Эмс я собир<алась> к Жук<овскому>, к<оторого> давно не вид<ела>. Пока у нас шла переп<иска> с Жук<овским> и мы условливались, дело это тянулось, я решила все остав<ить> и ехать в Эмс, и узнала от Ж<уковского>, что Г<оголь> поех<ал> в Бад<ен> ко мне, а из Бад<ена> получила в Эмсе (всего 3 дня) письмо шуточное, в кот<ором> он гов<орит>, что “каша без масла все-таки в горло идет, а Баден без вас никаким образом”»[5].

Из письма Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «В Бадене мы поселились в знакомом доме старухи Дирхольц, взяли кухарку; одним словом, зажили домком. Я поехала к Жуковским в Эмс, разминулась с Гоголем, и он приехал в Баден...»[6]

[1] Трехлетняя дочь Смирновой.
[2] См. ***1843. Февраля 4 <января 23>. Суббота. Рим.***
[3] См. ***1843. Мая 26 <14>. Пятница. Грефенберг-Фрейвальдау.***
[4] К 8 июля (н. ст.) 1843 г.
[5] <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 245; см. также: Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 219.
[6] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 254–255.

ИЮНЯ 22 <ИЮЛЯ 4>. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Игроков» в Малом театре.

Ельницкая 1978. С. 260.

ИЮНЯ 22 <ИЮЛЯ 4>. ВТОРНИК. ОДЕССА

М. С. Щепкин в гостях у попечителя Одесского учебного округа Д. М. Княжевича прочел его семье «Шинель» Гоголя.

Дневниковая запись сына Княжевича М. Д. Княжевича (*Гриц.* С. 314).

ИЮЛЯ 8 <ИЮНЯ 26>. СУББОТА. БАДЕН-БАДЕН

Гоголь встретился с возвратившейся из Эмса А. О. Смирновой[1]. Смирнова, вероятно, передает Гоголю принадлежавшую ему Библию[2].

В тот же день Гоголь написал ответное письмо Н. М. Языкову в Дрезден и послание А. П. Елагиной (последнее письмо Языков должен был вручить Елагиной по своем приезде в Москву).

Согласно почтовому штемпелю на послании к Языкову[3], письма были отправлены на следующий день, 9 июля. Письмо к Елагиной было вложено в письмо к Языкову (на этом основании датировка письма к Елагиной уточнена).

В письме к Языкову Гоголь замечал: «Из письма твоего ко мне в Эмс[4] вижу, что ты решительно хочешь ехать домой[5]. Если так, то да благословит тебя Бог. К Призницу[6] можно сделать путешествие в другое время. Я хотел было ехать к тебе навстречу в Дрезден, но оробел при виде расстояния, устал сильно от поездок, да и карман стал изрядно тощеват. <...> Помнишь, когда я тебе один раз сказал с такой уверенностью, что ты будешь здоров[7]... <...> Я наблюдал за тобою и кое-что узнал, и говорю тебе вновь: ты будешь здоров, и выздоровление зависит от тебя. Средства физические могут отыскаться многие, из них, конечно, действительнее всех для тебя – Призница; но тебе нужно освежение душевное. Дай мне слово говеть, приехавши в Москву, при первом случае, если в великой пост, то на первой неделе[8]. В продолжение говения займись чтением церковных книг. Это чтение покажется тебе трудно и утомительно, примись за него, как рыбак, с карандашом в руке, читай скоро и бегло и останавливайся только там, где поразит тебя величавое, нежданное слово или оборот, записывай и отмечай их себе в материал. Клянусь, это будет дверью на ту великую дорогу, на которую ты выдешь! Лира твоя наберется там неслыханных миром звуков и, может быть, тронет те струны, для которых она дана тебе Богом. Сделай также следующее заведение: всякую субботу ввечеру отслужи у себя всеночную. Тебе стоит послать только за первым попом, и он отслужит у тебя в комнате. Вот всё, что я хотел тебе сказать, Бог тебе скажет сам всё, что тебе нужно. Он водрузит в твою душу ту чудную эпоху жизни, когда и разум старости, и [сила] свежесть юности, и сила мужества, и младенчество младенца соединяются вместе, и все возрасты жизни вкушает в

себе разом человек. Прощай, Бог да благословит тебя. Пиши ко мне всегда в Дюссельдорф на имя Жуковского. Если бы я и не был там, то письма оттуда найдут меня повсюду. Это маленькое письмецо отдай Элагиной. <...> Из Москвы я имею только известие, что родились три Катерины – у Хомякова[9], у Языкова и у <И. В.> Киреевского, да что Петр Васильевич сшил себе [серт<ук>] кафтан стрельца по рисункам, которым очень доволен и ходит в нем везде».

Из письма к Елагиной: «Передаю вам в ваши руки Языкова. Отыщите для него квартиру сами, не менее пяти или, по крайней мере, четырех комнат. Две из них чтобы были большие. Сделайте так, чтобы токарный станок был тотчас же в них поставлен, если можно, то и бильярд. Всё утро должно принадлежать Языкову. Всякого гостя пусть просит человек пожаловать ввечеру, от 4 до 10 час<ов>. В это время все близкие Языкову должны навещать его – это их обязанность. За час или за два перед обедом он должен ехать кататься и гулять, особенно зимою, в санках. Соблюдение всех этих правил очень нужно, и вы можете более всех способствовать к тому».

[1] См. ***1843. Июля 4 <июня 22>. Вторник. Баден-Баден***; ***1843. Июля 8 <июня 26>. Суббота – августа 27 <15>. Воскресенье. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Баден-Баден, Карлсруэ, Баден-Баден***; ***1843. Июля 12 <июня 30>. Среда. Баден-Баден.***

[2] См. ***1843. Июня между 26 и 28 <между 14 и 16>. Баден-Баден.***

[3] См.: *Городецкий*. С. 471.

[4] Письмо не сохранилось.

[5] См. ***1843. Февраля 16 <4>. Четверг. Рим.*** – Языков приехал на жительство в Москву 31 июля 1843 г. (см. ***1843. Июля 31 <августа 12>. Суббота. Москва***).

[6] См. ***1843. Июня 18 <6>. Воскресенье. Эмс.***

[7] См. ***1842. Июля 14 – сентября первая половина <июля 2 – сентября начало>. Гастейн, Зальцбург, Мюнхен, Гастейн.***

[8] См. также ***1843. Марта 11 <февраля 27>. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Рим***; ***1848. Февраля 28 <марта 11>. Суббота первой седмицы Великого поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Иерусалим.***

[9] Дочь Хомякова родилась 24 мая 1843 г.

ИЮЛЯ 8 <ИЮНЯ 26>. СУББОТА – АВГУСТА 27 <15>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. БАДЕН-БАДЕН, КАРЛСРУЭ, БАДЕН-БАДЕН

Гоголь живет в Бадене, общается с А. О. Смирновой и с семейством Соллогубов. (Графине С. М. Соллогуб Гоголь в Бадене запомнился «несколько диким»[1].) Навещает А. Мицкевича в Карлсруэ.

Позднее, 30 декабря 1844 г., Смирнова писала Гоголю об одной из «партий» «благородного петербургского общества», что «танцует, веселится до упада» и «беззаботно глядит на все, начиная от Бога и своей души, и смотрит на все, как на изношенные свои башмаки»: «В этот разряд высшего круга я не заглядываю: меня туда не зовут, потому что во мне там нет нужды. Через молодежь узнаются сплетни, ссоры и скандалез, там происходящий. Эта молодежь мне незнакома. Слышу иногда, что там пикники, пляшут польку на Средней Рогатке[2] или на островах, не пропускают оперы никогда, хотя вовсе и не слушают музыки. Говорят тем же языком, те же пошлости и, наконец, разыгрывают сцены Баденской Террассы в блестящих своих гостинных. Вы знаете, что я с вами вслух зевала, когда вы читали Илиаду, именно в то время, как блаженствовали все на Террассе, и теперь я также на все смотрю очень издали».

В 1856 г. П. А. Кулиш, со слов Смирновой, сообщал: «Проведя в Эмсе три дня, она выехала в Баден и нашла там Гоголя. Он почти всякой день у нее обедал, исключая тех дней, когда он говорил:

– Пойду полюбоваться, что там русские делают за табльдотом.

Он ходил в гостиницы и другие публичные места, как ходят в кунсткамеру. Не будучи почти ни с кем знаком, Гоголь знал почти все отношения между приезжими и угадывал многое очень верно[3].

Всякий день после обеда он читал г-же См<ирнов>ой "Илиаду", в переводе Гнедича, и когда она говорила, что эта книга ей надоедает, он оскорблялся, сердился и писал к Жуковскому, что А<лександра> О<сиповна> "и на Илиаду топает ногами"»[4].

Из письма Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «Гоголь вздумал читать мне Илиаду, которая мне страшно надоедала, что он и сообщил Жуковскому. Последний в записочке из Эмса написал мне: "Правда ли, что вы даже на Илиаду топаете ногами?" Гоголь обедал у меня и говорил: "Я ходил в Hotel d'Angleterre, где лучший стол, но мне надоели немцы, которые с грациями[5] передают всякую жвачку, кримскилдам".

В<еликая> К<нягиня> Елена Пав<ловна> вздумала выдать свою старшую дочь Марию Мих<айловну> за будущего Герцога Баденского <Людвига>. Отказано было Брауншвейгскому и другим. Все представлялись ей; я спросила Ник<олая> Вас<ильевича>: "Когда же вы подколете ваш сертук и пойдете к ней?" – "Нет, пусть прежде представится Балинский, а потом уже я, и какая у него аристократическая фамилия". Балинский был мой курьер, родом из Курляндии. <...> Эта свадьба не состоялась... <...> Красивый юноша, вкусивший слишком рано в развратной Вене жизни, окончил жизнь размягчением мозга. Его приезд праздновался с торжеством. В Бадене выстроили ворота, украшенные зеленью и красным миткалем, и везде надпись: свобода в Конституции. В<еликий> К<нязь> <Михаил Павлович> сказал: "Il n'y a pas de constitution sans liberte"[6]. <...> Думали уважить В<еликого> К<нязя> и запретили Мицкевичу ехать в Баден, что рассердило В<еликого> К<нязя>. Он мне сказал: "Что мне за нужда, что Мицкевич будет в Бадене, не съест же он меня!" Гоголь к нему поехал в Карлсруэ. Вернувшись, он мне сказал, что Мицкевич постарел, вспоминает свое пребывание в Пит<ере> с чувством благодарности к Пушкину, Вяземскому и всей литературной братии. Он приехал в Баден, где нашел Ал<е>к<сандра> Ив<ановича> Тургенева[7]. Этот смехотвор чуть ли не утонул в Муре и выкупал мой чай, присланный Жучком: "Примите его от Гоголя в знак дружбы и уважения вашего быка, бычка, Васеньки Жуковского".

Гоголь меня все расспрашивал о русских и знакомых мне французах. Иногда ходил в отель d'Angleterre обедать и потом таскался на террасе и на рулетке. С свойственной способностью все замечать, он узнал Кня<гиню> <Бетюн>. "Ну, – сказал он мне, – я узнал из вашего описания К<нягиню> Бетюн, да это просто Бетютище. Она спрашивала каждого блюда 2 раза и выпила досуха две бутылки кислого [рейнского] Меуля". С тер<р>асы он принес целый короб новостей: кто прячется за кустами, кто амурится без зазрения совести, кто проиграл, кто выиграл, – "и гаже всех ведут себя наши соотечественники и соотечественницы, исключая вас, Кня<зя> и Княгини Мещерской". Тогда случился Веревкинский скандал, который кончился страшным реприман<д>ом. Баденская официя порицала Герцогиню <Баденскую> за ее связь с жидом Герцом. <...> Веревкин заступился, замахнулся на [Гёра] Голера, даже на Sama, и условились драться на дуэли из пистолетов. Весь Баден смутился, точно как от нравственного землетрясения. Дуэль происходила в Рамтоне на шпагах; увы! оба дуэлиста лишились жизни. Веревкин наповал, а офицер баденский мучился три дня и умер, как христианин. Монго Столыпин, друг бедного Веревкина, был секундантом и привез его тело в крытой коляске. Все бродили по аллеям и видели этот крытый экипаж, который был отослан с поруганием, что все гостиницы условились не принимать это несчастное тело. Более всех кричал и размахивал руками Граф Гурьев[8]. Выписали Священника из Стутгардта[9]; его похоронили по обряду нашей Церкви; мы все, кроме Гурьева, присутствовали при этих похоронах, оплакивали эту кончину и завалили эту бедную, теперь забытую могилу цветами. По несчастию Александр Трубецкой много тут сплётничал, все могло устроиться, он вызвал пощечину Веревкина, и после этого дуэль сделалась необходимой. В<еликого> К<нязя> это происшествие очень огорчило, и он уехал в Киссинген с К<нязем> Ильей Анд<реевичем> Долгоруким и полковником Философовым. Толстой его опередил для заготовления приличного помещения. <...>

Не <*1 нрзб.*> свою семью в Киссингене, В<еликий> К<нязь> вернулся в Баден, побывал вперед у меня... <...> В<еликая> К<нягиня> не могла терпеть меня, потому что [догадывалась] воображала, что он поверял мне тайны своего сердца.

Все русские представлялись В<еликому> К<нязю>; я сказала Гоголю: “Когда же вы подколете свою сертук и пойдете?” – “Нет, пусть уж прежде пойдет Балинский, видите, какая у него аристократическая фамилия”»[10].

В. И. Шенрок писал: «С Александрой Осиповной Гоголь часто шутил и разговаривал от души. Приведем здесь несколько рассказов ее дочери <...> важных для характеристики его отношений к самой Смирновой и ее семье. Рассказы эти живо переносят нас в самую среду действующих лиц.

Однажды Гоголь читал Александре Осиповне “Одиссею”, которую прислал ей Жуковский. Несмотря на обычное мастерство, он был не в ударе и читал нехорошо. Александра Осиповна перебила его нетерпеливым восклицанием: “Вы прескверно читаете; перестаньте!” – “Хуже Пушкина?” – спросил Николай Васильевич. – “Гораздо хуже: он читал дурно, а вы скверно читаете!” – “Не вы одна, Александра Осиповна, брезгаете моим чтением, – ответил Гоголь, – видно, я не гожусь на роль драматического актера, а Бобчинского я бы сыграл отлично, и уверен, что Щепкин не выгнал бы меня из труппы, если бы у него была своя труппа и свой театр! Я именно комик, и вся моя фигура карикатурна. «Энеиду» Котляревского я читаю хорошо”. – Тут он бросил “Одиссею” и прочитал из “Энеиды”... Он читал еще “Тараса Бульбу” и “Миргород” превосходно. Но особенно Александра Осиповна любила “Нос”, и он часто читал ей эту повесть, а дети Смирновой разучили “Утро делового человека” и играли эти сцены при нем. Он их учил и в качестве суфлера стоял за ширмами с книгой. Гоголь заставлял даже детей разыгрывать разныя пьесы из Мольера, напр<имер>, “Le bourgeois gentilhomme”[11], находя это прекрасным средством для развития их таланта»[12];

«...В Бадене Гоголь <...> находил единственное развлечение в шутках и шалостях с детьми, особенно с младшей, трехлетней дочерью Смирновой, Надеждой Николаевной (ныне г-жой Сорен)»[13].

Граф В. А. Соллогуб вспоминал: «...Я поехал за границу, где жил целый год с Гоголем, сперва в Баден-Бадене, потом в Ницце»[14].

[1] См. ***1847. Февраля 3 <15>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] Местность на южной окраине Петербурга (в настоящее время входит в черту города). Здесь находился путевой Среднерогатский дворец, в котором с 1831 г. находился «Трактир трех рук».

[3] «Особенно занимала его princesse de Betu<n>, к<оторую> он наз<ывал> Бетюнище» (<Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод*. Т. 2. С. 245). – См. также ***1845. Сентября 19 <октября 1>. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

[4] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 2. С. 219–220; см. также: <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод*. Т. 2. С. 245.

[5] См. также ***1836. Октября 12 <сентября 30>. Среда. Веве.***

[6] Не бывает конституции без свободы (*фр.*).

[7] А. И. Тургенев приехал в Баден 27 августа (н. ст.) 1843 г., в день отъезда оттуда Гоголя (см. ***1843. Августа 27 <15>. Воскресенье. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Баден-Баден***; ***1843. Августа 28 <16>. Понедельник. Баден-Баден***).

[8] Граф Николай Дмитриевич Гурьев (1789–1849), дипломат, сын министра финансов графа Д. А. Гурьева (1751–1825), брат графини М. Д. Нессельроде (рожд. Гурьевой), жены графа К. В. Нессельроде; в 1833–1837 гг. был посланником в Риме, в 1837–1841 гг. – в Неаполе.

[9] Священником в Штутгарте был с 1823 г. по 1852 г. отец Иоанн Михайлович Певницкий (1798–1863), протоиерей, духовный писатель. Православная церковь была построена здесь на горе Ротенберг, на могиле королевы Виртембергской Екатерины Павловны, дочери Императора Павла I (1788–1819). Позднее протоиерей Иоанн Базаров вспоминал: «...Не успел я <летом 1851 г.> вернуться в Висбаден, как со всех сторон стали доходить слухи, что на меня имеют виды в Стутгарте, где престарелый и зажившийся за границею протоиерей Певницкий должен был оставить свою службу. С ним я познакомился в Стутгарте еще за год перед тем... <...> Помню, что отец Певницкий произвел на меня тогда странное впечатление какого-то деревенского пастора. Ему пришлось много лет провести на горе Ротенберге, где находится надгробная церковь королевы Виртембергской Екатерины Павловны. Здесь живя в совершенном уединении, не имея никакого общения с русскими, кроме двоих псаломщиков, живших с ним в одном доме, не имевших по-тогдашнему никакого образования, он совсем одичал. Единственное общество, в котором он вращался много лет, были соседние деревенские пасторы, и как Ротенберг лежит среди виноградников, то не мудрено, что беседа их оживлялась произведением виноградной лозы, и эта привычка ежедневно делать возлияния Бахусу так ослабила бедного старика, что ему под конец довольно было двух рюмок вина, чтобы совсем опьянеть. Когда я приехал к нему, тогда он уже жил в

городе, куда переселился со времени поступления князя Горчакова посланником, который выпросил у правительства устроить домовую церковь при посольстве, в виду крайних неудобств ездить за 10 верст в церковь на Ротенберг» (Воспоминания протоиерея И. И. Базарова // Русская Старина. 1901. Март. С. 535).

[10] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 258–260.

[11] Мещанин во дворянстве (*фр.*).

[12] <Воспоминания о Гоголе А. О. и О. Н. Смирновых в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока> // *Свод.* Т. 2. С. 359–360.

[13] Гоголь в воспоминаниях Н. Н. Сорен (рожденной Смирновой), в записи В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 2. С. 371.

[14] Воспоминания графа В. А. Соллогуба // *Свод.* Т. 1. С. 655. – См. также ***1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <7>. Ницца.***

ИЮЛЯ 9 <ИЮНЯ 27>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ЭМС

В. А. Жуковский пишет А. О. Смирновой в Баден:

«Скажите, прошу вас, Гоголечку (также и Викулину), что <...> в будущую пятницу 2/14 июля мы едем из Эмса, но не в Дюссельдорф, а по докторскому велению, не по нашему прошению, в Швальбах, где и пробудем две или три недели. А я уже оттуда съезжу в Баден[1], побывав в Штутгарте».

Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 54.

[1] См. ***1843. Августа 22 <10>. Вторник. Баден-Баден.***

ИЮНЯ 27 <ИЮЛЯ 9>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщает М. Г. Карташевской:

«Панов <...> много рассказывал замечательного о Гоголе, которого от всей души любит[1]. <...> Я очень рада, что то была только твоя ошибка, моя милая Машенька насчет доверчивости Колиной к Миргородцам[2], впрочем мы с ним об том не говорили. Недавно от Гоголя получено еще письмо[3], он теперь в Дюссельдорфе».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 840.

[1] Вместо: «которого от всей души любит», – в авторской копии: «с которым они жили вместе в Италии. Панов был очень удивлен, услыхавши за границей, что Гоголь опять уехал из России; с ним он не видался после того».

[2] См. ***1842. Мая 27–30. Среда-суббота. Москва***; ***1843. Июня 7 <19>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[3] Письмо к О. Сем. Аксаковой от 20 июня (н. ст.) 1843 г. (см. ***1843. Июня 20 <8>. Вторник. Эмс, Дюссельдорф, Эмс***; ***1843. Июня 22 <10>. Четверг. Эмс***).

ИЮЛЯ 11 <ИЮНЯ 29>. ВТОРНИК. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. ПЕРВОВЕРХОВНЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА. ВЕНЕЦИЯ

Ф. В. Чижов пишет А. А. Иванову в Рим:

«Гоголь сделал очень хорошо, что написал вам дружеский выговор[1]; но, мой добрейший Александр Андреевич, никакие выговоры вас не исправят; не сердитесь на меня за это. Возросши и сформировавшись в тишине вашей мастерской, вы каждое происшествие, хотя на шаг отступающее от обычного хода вещей, считаете уже потрясением. Письмо Шаповаленки встревожило меня

в первую минуту не самым делом, а тем, как вы его примете. <...> В вашем деле я пока ничего не вижу худого, то есть особенно скверного. Вы пошлите бумагу; этим все должно кончиться. <...> С чего вы вздумали, что мы, или я лично, вам припишу безрассудность рекомендации Серебрякова. Стоит познакомиться с ним, чтобы полюбить его всею душою и <...> чтобы принять самое живое участие в его быту внутреннем, которому судьба не судила идти путем прямым, стойким и гармоническим. Ваша дружба, а всего более ваше сердце, пусть поддержат его в продолжении лета... <...> К зиме я прибуду к вам и, может быть, <...> мы немного разбудим его усыпление. Знаете ли, на его месте я уехал бы в уединенное место, без полотна, без красок, много, много с портфелью, Библиею и честным благородным словом самому себе: остаться там известное время, ведя самую трезвую[2] и здоровую жизнь. <...> Хорошо вы сделаете, если не поедете в Милан: зелень деревьев <...> лучше для ваших слабых глаз, чем внимательное присматривание к фреске.

Не знаю, что отвечать вам на голую фигуру Шаповаленки. Я бы думал так: перед начатием представить ему всю трудность, дать ему подумать и потом *в тайне* приняться за работу. Главное тут – ваша забота... <...> О средствах заботиться нечего; полторы тысячи вы имеете в руках, за остальное я ручаюсь вам. Что будет нужно мы получим из банка, существующего для нас под именем доброго и благородного сердца Г<алага>на. Не думайте, чтоб тут что-нибудь на вас обрушилось. Оба мы пока имеем столько, чтобы судить о возможности предприятия; я думаю, что если сил Шаповаленки и не вполне достанет, то этот труд двинет его очень далеко. Сил дать никто не в состоянии: что Бог дал, то и останется; но развить их и укрепить – вот дело человеческое. <...> Часто думаю я о зимних сходках[3], *если они состоятся.* Мы все в руках судьбы, а я? Судьба повелевает мною в образе женщины...»[4]

Б<артенев> П. Ф. В. Чижов к художнику А. А. Иванову // Русский Архив. 1884. Кн. 1. С. 395–397; Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 55.

[1] Имеется в виду письмо Гоголя к А. А. Иванову от 17 мая (н. ст.) 1843 г. (см. ***1843. Мая 17 <5>. Среда. Гастейн***).

[2] См. также ***1845 январь <1844 декабря средина – 1845 января средина>. Рим*** (примечания).

[3] См. ***1847. Мая 6 <18>. Вторник. Радзивиллов*** (примечания).

[4] Имеется в виду Екатерина Васильевна Маркевич (рожд. Лобысевич; 1817 – 16 декабря 1847), жена Михаила Андреевича Маркевича (брата историка Н. А. Маркевича), с которой Чижов познакомился на Украине в 1840 г. во время пребывания в имении Галаганов Секиренцы (см.: Кирило-Мефодіївське товариство: В 3 т. Київ, 1990. Т. 3. С. 219; *Симонова И. А.* Федор Чижов. М., 2002. С. 42). – См. также ***1847. Октября 16 <28>. Четверг. Стародуб*** (примечания).

ИЮНЯ 29 <ИЮЛЯ 11>. ВТОРНИК. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. ПЕРВОВЕРХОВНЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА. ОДЕССА

А-р. В. Станкевич пишет сестрам М. В. и А. В. Станкевич и кузине И. А. Грековой:

«Сегодня поутру он <Щепкин> с сигарой опять расхаживал по галерее и читал что-то, по-видимому, из роли. <...> Мы пошли в его номер, говорили об Одессе, о море, о театре, о Гоголе. <...> Много интересного рассказывал он мне о представлениях Гоголевых пиэс, говорил, что теперь они везде принимаются хорошо, и рассказал мне причины прежнего дурного приема, об этих причинах я писать не буду. "«Игроков», – говорил Щепкин, – слушают в Москве как самую ужасную, потрясающую драму, все принимают глубокое участие в молодом человеке, на котором покоится благословение и любовь отца и который гибнет среди плутов, и неожиданная развязка поражает неизъяснимо"».

Гриц. С. 315.

ИЮЛЯ 12 <ИЮНЯ 30>. СРЕДА. БАДЕН-БАДЕН

А. О. Смирнова отправляет В. А. Жуковскому ответное[1] письмо в Эмс:

«Любезный Joukoffsky, вчера получила от вас послание, спешу ответом, чтобы застать вас еще в Эмсе. Я хотела вам писать тотчас по приезде[2], но три дня сряду у меня так болела голова, что я пролежала в постели. Я доехала благополучно, нашла всех здоровыми и вдобавку Гоголя, который трапезует у меня ежедневно. Жену вашу прошу за меня расцеловать нежно и крепко. Она не мила и не хороша, это все мало для впечатления, которое во мне осталось. Она ангел чистоты душевной, и эта чистота так ярко и прелестно выражается в ее прекрасном лице и во всех ее движениях. И потому этому ангелу желаю искренно желанного ею уединения в Лифляндии, ей нечего делать в грязном Петербурге. Успокойте ее conscience timoree[3] насчет Гоголя[4], он очень доволен приемом, требования его невелики, ему нужно только часто вас видеть, он вам предан душой, благодарной за ваши ласки и покровительство, хотя мало изъясняется на этот счет. Ему и Викулину передам ваше письмо. <...> Бедный Перовский мне писал из Тильзита, где он отдыхал день для Алеши[5], который сильно кашляет. "Je vais d'agrafer mon surtout militaire, cette toilette me fait tout l'effet de la toilette d'un condamne", – me dit il. Ай да матушка Россия! "Je renonce a mon libre arbitre et a toute liberte en endossant mon uniforme"[6].

Прав Кюстин, который все-таки скотина, прочтите 3-й том[7]. Прочтите Blanc, я начала 3-й том тоже[8]. Писано удивительно, и портреты Chateaubriand[9] и Berry[10] прекрасны. C'est digne des portraits du due de <*1 нрзб.*> et autres par St.-Simon avec quelque ton de plus pointu et de plus arrete comme l'epoque[11]. Я жене вашей сделаю прекрасный подарок, который ей вручится мною при свидании, а где и когда, не знаю. "Annee spirituelle"[12] – так называется эта книга, тут St.-François de Sales, Fenelon, Thomas a Kempis, псалмы и Евангелие, все прекрасно выбрано для каждого дня, точно хлеб насущный для души. Я читаю ее уже лет восемь, и всякий день открывается новое»[13].

[1] См. ***1843. Июля 9 <июня 27>. Воскресенье. Эмс.***

[2] См. ***1843. Июля 8 <июня 26>. Суббота. Баден-Баден.***

[3] Ее боязливую совесть (*фр.*).

[4] См. ***1844. Около июня 8 – июля 24 или 25 <около мая 27 – июля 12 или 13>. Франкфурт-на-Майне.***

[5] Внебрачный сын Перовского (см. ***1843 января 9 <1842 декабря 28>. Понедельник. Рим*** – примечания).

[6] Я застегну на все пуговицы мой военный сюртук. Это одеяние действует на меня, как одеяние осужденного, – сказал он мне... – Я отказываюсь от свободной воли и от всякой свободы, облекаясь в форму (*фр.*).

[7] Имеется в виду книга А. де Кюстина «Россия в 1839» (4 т. Париж, 1843).

[8] Имеется в виду «История десяти лет. 1830–1840» (5 т. Париж, 1841–1844) французского публициста и историка Луи Блана (1811–1882).

[9] Ф. О. Шатобриан.

[10] Каролина Фердинанда Луиза де Берри (1778–1870), герцогиня.

[11] Это достойно портретов герцога де... и других, начерченных Сен Симоном лишь с большей остротой и большей решительностью, как и сама эпоха (*фр.*).

[12] Об этой книге А. О. Смирнова упоминает также в письме к Гоголю из Петербурга от 1–7 октября 1844 г.: «Начала читать по-старому Année Spirituelle, Послания, Евангел<ие>, иногда и псалмы твержу» (см. ***1844. Октября 7 <19>. Суббота. Санкт-Петербург***). Дочь А. О. Смирновой Ольга Николаевна, поясняя эти строки, сообщала: «"Année Spirituelle" – очень старинная французская книга. Она теперь у меня, также как и Евангелие (в 2 столбца, издания Библейского общества 1824 года), подаренное матери при выпуске из института императрицей Марией Федоровной, а "Année Spirituelle" – императрицей Александрой Федоровной в 1829 году, после кончины Марии Федоровны. В "Année Spirituelle" на каждый день несколько текстов Ветхого и Нового Завета и псалмов и цитаты из "Подражания Христу", St.-François de Sales, Fénélon, Bossuét и других святых или проповедников до XVIII ст. Эту книгу сочинили для St. Cyr'а <школа Сен-Сир, основанная в 1686 г.>, по приказанию m-me de Maintenon; такой же экземпляр был у самой императрицы; он был ей подарен в Париже, когда она путешествовала с Павлом Петровичем (voyage du comte et de la comtesse du Nord <путешествие графа и графини Севера; *фр.*>). Эта книга уже не находится в продаже: составлена она отлично» (*Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 7. С. 60–62).

В 1890 г. О. Н. Смирнова также писала: «При выходе из института императрица Мария Федоровна подарила каждой воспитаннице Евангелие Библейского общества в 2 столбца русского и славянского текста (оно

теперь у дочери Александры Осиповны) и французскую книгу "Annes spirituelle"; она также у ее дочери. Александра Осиповна всегда читала (с института уже) по-славянски...» (*Смирнова О. Н.* Ответ г-же Черницкой // *ИРЛИ*. Ф. 265. Оп. 2. Ед. хр. 701. Л. 4 об.).

[13] Из писем А. О. Смирновой // *Свод*. Т. 2. С. 198–199.

ИЮЛЯ 13 <1>. ЧЕТВЕРГ. ДРЕЗДЕН

Согласно почтовому штемпелю[1], Н. М. Языков получил в этот день письмо Гоголя из Бадена[2], с вложением письма к А. П. Елагиной.

[1] См.: *Городецкий*. С. 471.
[2] См. ***1843. Июля 8 <июня 26>. Суббота. Баден-Баден***.

ИЮЛЯ 4 <16>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре[1].

«Роль Подколесина в первый раз играл *Садовский*. Роль Кочкарева – ***Живокини***»[2].

[1] ***Ельницкая 1978***. С. 253.
[2] *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя> // *ГЦТМ*. Ф. 299. Ед. хр. 1853. Л. 6.

ИЮЛЯ 6 <18>. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ИЮЛЯ 24 <12>. ПОНЕДЕЛЬНИК. БАДЕН-БАДЕН

Гоголь пишет С. Т. Аксакову в Москву:

«Благодарю вас за книги[1], которые получил от Кн<язя> Мещер<ского>[2] в исправности. <...> Мне жаль, что вы не дали знать Шевыреву, он бы тоже прислал мне свою речь об воспитании и взгляд на русск<ую> слов<есность> за прошлый год[3]. Может быть, даже накопилось и кое-какие критики и разборы моих сочинений. <...> Слухи, которые дошли до вас о "М<ертвых> Д<ушах>", все ложь и пустяки. Никому я не читал ничего из них в Риме, и верно нет такого человека, который бы сказал, что я читал что-либо вам неизвестное [ему или другим]. Прежде всего я бы прочел Жуковскому, если бы что-нибудь было готово. Но увы, ничего почти не сделано мною во всю зиму, выключая немногих умственных материалов, забранных в голову. Дела, о которых я писал вам и которые просил вас взять на себя[4], слишком у меня отняли времени... <...> Может быть, и болезненное мое расположение во всю зиму и мерзейшее время, которое стояло в Риме во все время моего пребывания там, нарочно отдалили от меня труд для того, чтоб я взглянул на дело свое с дальшего расстояния и почти чужими глазами. <...> Пишите по-прежнему в Дюссельдорф Poste restante. Я только на одну неделю в Бадене. Жуковский тоже не в Дюссельдорфе, а в Емсе на водах. Уведомьте, купили ли дачу? Мне кажется, что вам поездка в Оренбургскую губернию[5] пригодилась бы лучше всего».

Позднее, С. Т. Аксаков в адресованных П. А. Кулишу «Кратких сведениях и выписках из писем для биографии Гоголя» (1854), имея в виду настоящее письмо, замечал: «Из писем 1843 года ничего не могу сообщить,

потому что все они относятся или до денежных дел или до таких обстоятельств, которых обнаруживать еще не время; да и могут они быть обнаружены только мною самим, и то с огромными пояснениями. Все это войдет в мельчайших подробностях в мои, покуда секретные, записки о Гоголе. Прилагаю извлечение из одного письма, где Гоголь говорит о Мертвых Душах»[6].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Решительно не знаю, какие житейские дела могли отнимать у Гоголя время и могли мешать ему писать? (Книжными делами заведовали Прокопович и Шевырев, в деньгах он был обеспечен, из дома – его ничто не беспокоило.) Мне кажется, эта помеха была в его воображении. Я думаю, что Гоголю начинало мешать его религиозное направление[7]. Впрочем, это слово не выражает дело; это собственно не религиозное, а нравственно-наставительное, так сказать, направление. Гоголь, погруженный беспрестанно в нравственные размышления, начинал думать, что он может и должен поучать других и что поучения его будут полезнее его юмористических сочинений. Во всех его письмах тогдашнего времени, к кому бы они ни были писаны, уже начинал звучать этот противный мне тон наставника. В это время сошелся он с гр<афом> А. П. Толстым[8], и я считаю это знакомство решительно гибельным для Гоголя[9]. Не менее вредны были ему дружеские связи с женщинами, большею частью высшего круга. Они сейчас сделали из него нечто вроде духовника своего, вскружили ему голову восторженными похвалами и уверениями, что его письма и советы или поддерживают, или возвращают их на путь добродетели. Некоторых я даже не знаю и назову только Виельгорскую[10], [Балабину[11]] Соллогуб[12] и Смирнову[13]. Первых двух, конечно, не должно смешивать с последней; но высокость нравственного их достоинства, может быть, была для Гоголя еще вреднее: ибо он должен был скорее им поверить, чем другим. Я не знаю, как сильна была его привязанность к Соллогуб и Вьельгорской; но Смирнову он любил с увлечением, может быть потому, что видел в ней кающуюся Магдалину и считал себя спасителем ее души. По моему же простому человеческому смыслу, Гоголь, несмотря на свою духовную высоту и чистоту, на свой строго монашеский образ жизни, сам того не ведая, был несколько неравнодушен к Смирновой, блестящий ум которой и живость были тогда еще очаровательны. Она сама сказала ему один раз: "Послушайте, вы влюблены в меня?.." Гоголь осердился, убежал и три дня не ходил к ней. Все это наделала продолжительная заграничная жизнь вне отечества, вне круга приятелей и литераторов, людей свободного образа мыслей, чуждых [всякого] ханжества, богомольства и всяких мистических суеверий. Впрочем, я считаю, что ему также была очень вредна дружба с Жуковским, которого, без сомнения, погубила та же заграничная жизнь. Так, по крайней мере, я думаю»[14].

[1] См. ***1842. Июля 29 <17>. Пятница. Гастейн***; ***1843. Марта после 20 <после 8>. Рим***; ***1843. Мая 24 <12>. Среда. Гастейн.***

[2] См. ***1842. Июня 5 <17>. Пятница. Санкт-Петербург*** (заметка в записной книжке 1842–1851 гг.).

[3] См. ***1843. Мая 17 <5>. Среда. Гастейн.***

[4] См. ***1843. Февраля 28 <16>. Вторник. Рим***; ***1843. Марта после 20 <после 8>. Рим.***

[5] См. также ***1843. Февраля 8 <20>. Понедельник. Москва.***

[6] *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 642–643.

[7] Подробнее см.: ***1849. Августа 27. Суббота. Радонежье (Абрамцево)*** (примечания).

[8] См. ***1843. Июля 8 <июня 26>. Суббота – августа 27 <15>. Воскресенье. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Баден-Баден, Карлсруэ, Баден-Баден***; ***1843. Августа 22 <10>. Вторник. Баден-Баден***; ***1843. Сентября 18 <6>. Понедельник. Баден-Баден***; ***1844. Марта 29 <17>. Пятница. Париж***; ***1844. Мая 23 <11>. Четверг. Баден-Баден.***

[9] Содержание сделанных П. А. Кулишом выписок из недошедших до нас писем графа А. П. Толстого к Гоголю позволяет судить об обратном влиянии: не Гоголь Толстому, а Толстой Гоголю был обязан своим духовным образованием (см. ***1843. 1848. Декабря 4 или 5. Суббота или воскресенье. Москва***).

[10] Графиню Анну М. Виельгорскую.

[11] Аксаков имеет в виду либо В. О. Балабину (рожд. де Пари), жену жандармского генерал-майора П. И. Балабина, либо одну из ее дочерей – М. П. Балабину (в замужестве Вагнер) или княгиню Е. П. Репнину-Волконскую (рожд. Балабину) (см. ***1839. Ноября 17. Пятница. Санкт-Петербург***).

[12] Графиню С. М. Соллогуб (рожд. графиню Виельгорскую).

[13] Александру Осиповну.

[14] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 748–749.

ИЮЛЯ 14 <26>. СРЕДА. ОДЕССА

М. С. Щепкин в бенефис И. Л. Мочалова играет Городничего в «Ревизоре».

Гриц. С. 316.

ИЮЛЯ 24 <АВГУСТА 5>. СУББОТА. ОДЕССА

М. С. Щепкин на даче Д. М. Княжевича читает главу из «Тараса Бульбы».

Сын Княжевича Д. М. Княжевич в этот день записал в дневнике: «После обеда гуляли по саду. Потом все собрались перед домом слушать Щепкина. Он прочел одну главу из "Тараса Бульбы"».

Гриц. С. 316.

ИЮЛЯ 27 <АВГУСТА 8>. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре.

Ельницкая 1978. С. 253.

ИЮЛЯ 28 <АВГУСТА 9>. СРЕДА. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщает М. Г. Карташевской:

«Гоголь теперь точно с Жуковским».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 840.

ИЮЛЬ <ИЮЛЯ СРЕДИНА – АВГУСТА СРЕДИНА>. С. АЛЕКСАНДРОВКА ЧИГИРИНСКОГО УЕЗДА[1]

Знакомство П. А. Кулиша, будущего биографа Гоголя, с польским критиком М. А. Грабовским.

Настоящее знакомство имело исключительное значение для формирования взглядов будущего гоголевского биографа на украинскую историю[2] и, в частности, на содержание повести Гоголя «Тарас Бульба»[3]. Позднее, в 1890-х гг., сам Кулиш вспоминал: «Знакомство с Михайлом Грабовским имело своим последствием сближение мое с известным библиоманом Константином Свидзинским, [с любезнейшим из поляков <Г. П.> Головинским (старшим братом католического митрополита[4]) и не менее любезными панами Артишевским и Руликовским] <...> и другими знатоками польско-русской археографии. Они все вместе помогли мне в документальном изучении нашего малорусского былого, без чего я никогда не отрекся бы от наших летописных вымыслов, которые до конца жизни повторял Костомаров»[5].

М. А. Максимович по поводу общения Кулиша с польскими историками замечал, что «живые сношения и личные беседы с <...> польскими учеными <...> не значат еще утверждения в *здравых понятиях* об исторических явлениях Малороссии. *Новый взгляд* на историю козацкой Малороссии не значит еще верный взгляд, и бывает иногда хуже старого»[6]. Кроме Максимовича, аргументированной критике взгляды Кулиша – как историка и как критика «Тараса Бульбы» – были подвергнуты в трудах А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина, Н. И. Костомарова, Н. И. Петрова, Н. П. Дашкевича, Г. Ф. Карпова, А. Н. Пыпина, В. Н. Перетца, И. Я. Франко и др.[7]

[1] Имение М. А. Грабовского. Михаил Антонович Грабовский (1806–1863) – критик, известный в польской литературе как один из основателей так называемой «украинской школы» – своеобразной «третьей унии» (по определению позднейших исследователей) – унии «поэтической», после политической и религиозной. Уделял

внимание творчеству Гоголя, и даже имел с ним общих знакомых. Грабовский был близким приятелем Б. Залесского – еще одного из представителей той же «польско-украинской» школы, с которым зимой 1836/37 г. встречался в Париже Гоголь (см. ***1836 ноября начало <октября вторая половина> – 1837 марта начало <февраля вторая половина>. Париж***).

[2] См.: *Юровська О.* Куліш і Грабовський // Україна. 1929. № 36, вересень. С. 72–85; *Гнатюк В.* Польський літератор М. А. Грабовський і його приятелювання з П. О. Кулишем // Записки історично-філологічного відділу ВУАН. 1929. Кн. 23. С. 97–124. К 1843 году относится также знакомство Кулиша с Т. Г. Шевченко.

[3] См. ***1846. Январь. Санкт-Петербург.*** – До знакомства с Грабовским Кулиш чрезвычайно высоко оценивал «Тараса Бульбу». 15 апреля 1843 г. он писал М. В. Юзефовичу: «Гоголь, под влиянием Гомера, дополнил своего "Тараса Бульбу" и возвысил его достоинства. В описании битв он совершенно подражает манере гомеровской, и это ему чудесно удалось. <...> Гоголь больше теперь вчитался в малороссийскую старину, глубже вгляделся в душу южных руссов и выразил в "Тарасе Бульбе" многие новые черты народного характера, быта и военных "звычаев козацких"» (Киевская Старина. 1899. № 2. С. 188).

[4] См. ***1846. Январь. Санкт-Петербург***; см. также: ***1836. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

[5] *Нахлік Є., Федорук О.* «Около полустолетия назад: Литературные воспоминания» П. О. Кулиша // Пантелеймон Куліш. Матеріали і дослідження. Львів; Нью-Йорк, 2000. С. 141.

[6] *Максимович М. А.* Об историческом романе г. Кулиша «Черная рада» // Русская Беседа. 1858. Т. 1. Кн. 9. <Отд. 3>. С. 15. См. также: *Максимович М. А.* О причинах взаимного ожесточения поляков и малороссиян, бывшего в XVII веке. (Письмо к М. А. Грабовскому) // Русская Беседа. 1857. Т. 4. Кн. 8; *Титов А. А.* Материалы для истории Имп. Общества Истории и Древностей Российских. М., 1887. С. 153, 163, 166.

[7] *Хомяков А. С.* Речи, произнесенные в Обществе Любителей Российской Словесности // Русская Беседа. 1860. № 1. С. 15; Из дневника, веденного Ю. Ф. Самариным в Киеве, в 1850 году // Русский Архив. 1877. № 6. С. 229–232; *Костомаров Н. И.* О казаках // Русская Старина. 1878. № 3. С. 385–402; *Петров Н. И.* Очерки истории украинской литературы XIX столетия. Киев, 1884. С. 193–198, 269; *Дашкевич Н. П.* Отзыв о сочинении г. Петрова «Очерки истории украинской литературы XIX столетия». СПб., 1888. С. 64–66; *Карпов Г.* В защиту Богдана Хмельницкого. М., 1890; *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 3. С. 210; *Перетц В.* Гоголь и малорусская литературная традиция. СПб., 1902; *Франко И.* Южнорусская литература // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1904. Т. 81. С. 314–315; *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009*. С. 634–637.

ИЮЛЯ 31 <АВГУСТА 12>. СУББОТА. МОСКВА

Н. М. Языков через Дрезден[1] приехал из Гастейна в Москву.

В этот день Языков сообщал брату А. М. Языкову: «Я прибыл в Москву! Продолжительное путешествие от Гаштейна до Белокаменной сильно меня разбило»[2].

[1] Позднее, 11/23 августа 1843 г., Языков писал брату А. М. Языкову из Москвы: «Ты знаешь ли, что я в Дрездене виделся с А. И. Тургеневым и с Аржевитиновым, – они поехали в Мариенбад. Ал<ександр> Ив<анович> бранил мне всех московских <см. также ***1845. Февраля 5 <января 24>. Среда. Париж***>, и всех паче Чаадаева, который, дескать, поссорил его с Свербеевой. <...> Говорят, что Белинский сильно разбранил Хомякова и всех нас, – сей критик теперь здесь. Ждут в Москву Бальзака...» (*Афанасьев В. В.* Жизнь Николая Языкова по документам, воспоминаниям // *Языков Н. М.* Свободомыслящая лира. М., 1988. С. 277).

[2] *Афанасьев В. В.* Жизнь Николая Языкова по документам, воспоминаниям. С. 276.

АВГУСТА 6 <18>. ПЯТНИЦА. ПРАЗДНИК ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ. МОСКВА

Н. Н. Шереметева пишет письмо к Гоголю в Дюссельдорф[1].

В тот же день Н. М. Языков познакомился с К. С. Аксаковым.

В. С. Аксакова в этот день писала М. Г. Карташевской: «Недавно возвратился Языков[2] после пятилетнего пребывания за границей»[3].

Сам Языков в тот же день сообщал братьям: «Хомяковы будут в Москву к 15 августа. <...> Я познакомился с К. Аксаковым, пылким рыцарем Москвы и Руси!»[4]

[1] См. ***1844 января 1 <1843 декабря 20>. Понедельник. Ницца***.
[2] См. ***1843. Июля 31 <августа 12>. Суббота. Москва***.
[3] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 840.
[4] Из писем Н. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 166.

АВГУСТА 8 <20>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Цензурное разрешение № 7 «Москвитянина» за 1843 г., в котором напечатан отзыв А. С. Хомякова о творчестве Гоголя:

«...Сам великий Гёте, – создатель Фауста, гениальный поэт, – смешон, когда античчествует и оглядывается: ладно ли? <...> В наш век явился художник гениальный, который и чувства, и мысль, и форму берет только из глубины своей души, из сокровища современной жизни; и в его творении всё дышит, всё говорит, всё движется так живо, так самобытно, как в самой природе. Поймут ли его другие художники слова? воспользуются ли его примером искусства пластические? поймут ли и Баварцы, что современному Немцу нельзя быть ни Эллином, ни Мавром, ни Византийцем?»[1]

Слова Хомякова напоминают суждения о «Мертвых душах» К. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина о том, что поэма Гоголя «могла явиться только в России, у народа цельного, великого, жизненного, назначенного к великим подвигам»[2]. См. также письмо К. С. Аксакова к Самарину от конца мая 1842 г.[3] и письма Хомякова к К. С. Аксакову от 24 июля 1842 г. и к С. П. Шевыреву от второй половины августа 1842 г.[4]

[1] *Хомяков*. Письмо в Петербург о выставке // Москвитянин. 1843. № 7 (цензурное разрешение 8 авг.). С. 221, 222; *Свод*. Т. 3. С. 201.
[2] См. ***1842. Октября конец <ноября первая половина>. Москва***.
[3] ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки***.
[4] ***1842. Июля 24 <августа 5>. Пятница. Москва***; ***1842. Августа вторая половина <августа конец – сентября средина>***.

АВГУСТА 22 <10>. ВТОРНИК. ГРЕФЕНБЕРГ-ФРЕЙВАЛЬДАУ

Ар. О. Россет пишет своей сестре А. О. Смирновой в Баден:

«А я не знал, что Гоголь продрал и поселился в Бадене; кланяюсь ему очень дружно. Не могу вспомнить о Риме без Гоголя. “Мертвые души” со мною; я перечитал их еще два раза и знаю наизусть разговор двух дам от *веселенького ситца* до *Ринальдо-Ринальдини*»[1].

Ринальдо Ринальдини – упоминаемый в девятой главе первого тома «Мертвых душ» герой романа немецкого писателя Х. А. Вульпиуса «Ринальдо Ринальдини, знаменитый атаман итальянских разбойников» (1797), который был переведен почти на все европейские языки и вызвал бесчисленные подражания. В России роман вышел вторым изданием в 1818 г.

[1] Гоголь в письмах А. О. Россета к А. О. Смирновой // *Свод*. Т. 2. С. 366.

АВГУСТА 22 <10>. ВТОРНИК. БАДЕН-БАДЕН

Приехавший в Баден В. А. Жуковский записывает в дневнике:

«*10 <22 августа>*. Баден. Писал только ввечеру. На почту о квартире. Гоголь. Смирнова»[1].

Позднее, в конце декабря (н. ст.) 1843 г., будучи в Дюссельдорфе, Жуковский также записал в дневнике: «Весь этот год, благодаря лени моей, не записан. Вспомню, что могу. <...> 22 <августа> переезд в Баден. <А. О.> Смирнова, в<еликий> князь <Александр Николаевич> и великая княгиня <Мария Александровна>, <граф В. А.> Соллогуб, к<нягиня> Мещерская[2] с сестрою <Софьей Николаевной>, <М. Я.> Нарышкина, Воронцов[3]. Профессор <Ф. А.> Вольф. Граф <А. П.> Толстой. Горчаков[4]. С великим князем Толстой[5], Огарев[6], <барон К. Ф.> Теттенборн; с великою княгинею Гранвальд[7], к<няжна> <Е. В.> Львова, <В. А.> Мамонова, Мольтке[8]. Долгорукий[9], Голицина[10]. Обрезков[11]. Гоголь. Левенштейн»[12].

[1] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 42.

[2] Княгиня Екатерина Николаевна Мещерская (рожд. Карамзина, 1809–1867), дочь Н. М. Карамзина, жена князя П. И. Мещерского.

[3] Граф Иван Илларионович Воронцов-Дашков (1790–1864).

[4] Князь Александр Михайлович Горчаков (1798–1883).

[5] Вероятно, граф Алексей Константинович.

[6] Николай Александрович Огарев (1812–1867).

[7] Родион Егорович Гринвальд (1797–1877), генерал-майор.

[8] Вероятно, барон Павел Федорович Мольтке, русский поверенный в делах в Карлсруэ.

[9] Князь Николай Васильевич Долгоруков (1789–1872).

[10] Княгиня Александра Павловна (рожд. Кутайсова, 1802–1881), жена князя Алексея Алексевича Голицына (1800–1876).

[11] Александр Михайлович Обресков (1790–1885), дипломат.

[12] Филипп Левенштейн (1814–1883), врач, писатель, переводчик на немецкий язык первого тома «Мертвых душ». – Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 42.

АВГУСТА 20 <8>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет письмо к Гоголю в Дюссельдорф.

См. ***1843. Мая 17 <5>. Среда. Гастейн***; ***1843. Июля 24 <12>. Понедельник. Баден-Баден***; ***1843. Сентября 20 <8>. Среда. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Дюссельдорф***.

АВГУСТА 27 <15>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. БАДЕН-БАДЕН

В. А. Жуковский утром выехал из Бадена, через Карлсруэ и Кобленц, в Дюссельдорф[1].

Спустя некоторое время, до обеда, отдельно от Жуковского, отправился тем же маршрутом, из Бадена в Дюссельдорф, с пакетом от А. О. Смирновой, Гоголь[2].

К обеду в Баден прибыл А. И. Тургенев[3].

В этот день В. А. Жуковский писал А. О. Смирновой с парохода «Виктория»: «Прошу вас, милая подруга, отвечать немедленно на это письмо[4]. Я сдуру забыл порядком расспросить, когда будет государь в Берлине; узнайте это, прошу вас, в точности и напишите поскорее ко мне в Дюссельдорф. Думаю, что мне надобно будет непременно съездить в Берлин, это многое приведет для меня в порядок. <...> Скажите всем благожелателям нашим мой поклон. Уведомьте о своей дочке[5]...»[6]

В 1856 г. П. А. Кулиш, со слов Смирновой, сообщал: «В это время он <Гоголь> уж был очень известен русской заграничной публике по своим сочинениям, и князь Д<олгоруков>[7] просил А. О. С<мирно>ву показать ему автора "Мертвых Душ". Гоголь уже простился тогда с нею и должен был через минуту проехать мимо в дилижансе. Но сколько она ни звала его, Гоголь, заметив-

ши, видно, с нею князя, сделал вид, что ничего не слышит, и таким образом проехал мимо нее и уехал во Франкфурт <в Дюссельдорф> к Жуковскому»[8].

Из письма Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «Гоголь уехал во Франкфурт <в Дюссельдорф>. В Кобленце с ним был странный случай. Вечером он выставил сапоги, потому что рано утром пароход выходил в 6-ть часов. Проснувшись, Гоголь слышит, что все кричат: "Sie haben es gemacht"[9], решается высунуть свой длинный нос, – тут все немцы хором закричали: "Er, er hat es gemacht"[10]. Вот что случилось: один господин сунул ногу в сапог, и – о, ужас! – сапог до половины был полон золотой размазней; он закричал; один за другим все любопытные высунули свои носы, и он всех огулом обвинял в неожиданной катастрофе. На пароходе вместо дружеских отношений все друг на друга косились»[11].

[1] См. ***1843. Августа 28 <16>. Понедельник. Дюссельдорф.***

[2] См. ***1843. Августа 28 <16>. Понедельник. Баден-Баден.***

[3] См. там же.

[4] См. там же.

[5] Имеется в виду дочь Смирновой Ольга.

[6] Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 54.

[7] Князь Петр Владимирович Долгоруков (1816–1868), публицист, историк, генеалог, чиновник Министерства народного просвещения, с 1859 г. эмигрант; имел скандальную репутацию. В письме к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г. Смирнова вспоминала: «Клема <К. О. Россет> поселился с Николаем Скалоном и Аркадей <Ар. О. Россет>. К ним часто ходил Князь Иван Серг<еевич> Гагарин, и в городе толковали о неурядице в доме Пушкина; Гагарин вышел от них в смущении и сказал: "Гаже анонимных писем ничего не может быть". Он уже получил свое, написанное незнакомым почерком. Вслед за ним братья, Скалон, Карамзины, Вяземский, Жуковской, Виельгорской, даже Государь получили эти злополучные письма. Кого подозревать? все единогласно обвиняли ракаля Долгорукого <racaille – сволочь, негодяй, подлец; *фр.*>; он один способен на подобную гадость; его последняя пакостная история с почтенным стариком Лёвенштерном закрыла ему вход во все дома. Оказалось, что они были точно написаны им, и этот мерзавец обвинял Князя Ивана Гагарина; уверяли даже, что он <от> этого сделался иезуитом. После несчастной дуэли с французским авантюристом Дантесом последовала страдальческая смерть Пушкина. <...> Гоголь неутешно оплакивал эту смерть...» (*Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 265). – См. ***1837. Марта 1–2 <февраля 17–18>. Среда – четверг. Париж.***

[8] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 220; см. также: <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 245.

[9] Вы это сделали *(нем.).*

[10] Он, он это сделал *(нем.).*

[11] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 260.

АВГУСТА 28 <16>. ПОНЕДЕЛЬНИК. БАДЕН-БАДЕН

А. О. Смирнова отвечает[1] В. А. Жуковскому в Дюссельдорф:

«Любезный Василек. По получении вашего письма я тотчас отправилась за справками <...> и встретила вел<икого> князя, который <...> сказал, что он <Государь> будет в известном вам месте 5 или 6 сентября. Из града Петра пишут, что они все в большом горе. Бедняжку Адину[2] уже схоронили в крепости, а Марье Николаевне не смели еще объявлять этого. Мне очень жаль Адину, она была прекрасный ребенок, мы им так любовались в Риме. Оленька встала и уже гуляет, слава Богу, но очень похудела и слаба еще. Подумайте хорошенько, добрый Бычок, надо ли вам ехать в Берлин, или ждать. Там будет страшная кутерьма, маневры... <...> Тургенев здесь[3], приехал вчера, обедал у меня и потом отправился в страшную грозу к Мещерской, споткнулся и упал в реку до ушей; <...> ушиб себе ногу. Я была сегодня у него, под ногами у него был сундук, в головах мешок... <...> А какая сумятица в его голове, и какой смешной вздор на языке. Едва ли он к вам будет, или если будет, спросите его про Воробьевы горы, он там филантропствовал при отправлении каторжных в Сибирь[4]. Нет моды на systemes peniten<t>ices[5]. Французы пишут, как же ему не заглянуть и не прокричать об этой роли. Tout cela sont des choses et des mots sonores, sont resultats pour l'humanite, dont

il est de mode s'occuper. Quand a la charite combien peu la pratiquent[6]. Впрочем, он, бедный, жалок, постарел и невесел. Прощайте, милая душа, поцелуйте другую вашу душу и третью, поклонитесь автору "Мертвых душ" и прочих известных сочинений. Привез ли сей юмористический писатель вам пакет, ему врученный? С. М. Соллогуб вам кланяется».

Из писем А. О. Смирновой // *Свод.* Т. 2. С. 199–200.

[1] См. ***1843. Августа 27 <15>. Воскресенье. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Баден-Баден.***
[2] Четырехлетняя дочь герцога Лейхтенбергского Максимилиана и великой княгини Марии Николаевны.
[3] См. также ***1843. Августа 29 <17>. Вторник. Баден-Баден.***
[4] См. также ***1851. Марта 4. Воскресенье. Одесса.***
[5] Исправительная система (*фр.*).
[6] Все это звучные вещи и слова, все это результат гуманности, которой сейчас модно заниматься. Что касается до милосердия, то им немногие обладают (*фр.*).

АВГУСТА 28 <16>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЮССЕЛЬДОРФ

В. А. Жуковский приезжает в Дюссельдорф[1]. Вслед за Жуковским, отдельно от него, в Дюссельдорф в тот же день прибывает Гоголь[2].

В конце декабря (н. ст.) 1843 г. в Дюссельдорфе Жуковский записал в дневнике: «Весь этот год, благодаря лени моей, не записан. Вспомню, что могу. <...> 27-го августа в Карлсру. <...> 28-го возвращение в Дюссельдорф»[3].

[1] Литографию «Дом, в котором жил В. А. Жуковский в предместии Дюссельдорфа, с июля 1841 до мая 1844 года», – см. в изд.: Живописный Сборник замечательных предметов из наук, художеств, промышленности и общежития. Издание А. А. Плюшара. СПб., 1853. <Т. 3> (цензурное разрешение 6 дек. 1852). С. 357.
[2] См. ***1843. Августа 27 <15>. Воскресенье. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Баден-Баден.***
[3] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 42.

АВГУСТА 28 <16>. ПОНЕДЕЛЬНИК – НОЯБРЯ 5 <ОКТЯБРЯ 24>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДЮССЕЛЬДОРФ

Гоголь живет в Дюссельдорфе в доме В. А. Жуковского. Читает журнал «Христианское Чтение» за 1843 г.[1] Жуковский в эти месяцы заканчивает перевод второй[3] песни и переводит третью[2] песнь «Одиссеи». Возможно, в этот период Гоголь рассказал Жуковскому анекдотический случай с московским полицеймейстером, сдерживавшим «народ» и пропускавшим вперед «публику»[4].

К первой половине 1840-х гг. относится гоголевская <Заметка о Мериме>, которая должна была представить русскому читателю перевод новеллы П. Мериме «Души в чистилище»[5]. В то же время к одному из произведений Мериме – повести «Маттео Фальконе» (1829), в стихотворном переложении А. де Шамиссо, обратился Жуковский.

Как сообщал Гоголь С. П. Шевыреву в письме от 20 сентября (н. ст.) 1843 г.[6], свой перевод – стихотворную повесть «Маттео Фальконе» (сюжет которой отзывается в содержании «Тараса Бульбы») – Жуковский в сентябре 1843 г. отправил П. А. Плетневу в Петербург для публикации в «Современнике»[7]. В письме от 6 октября (н. ст.) 1843 г. Гоголь спрашивал Плетнева: «Получили ли Мат<т>ео Фальконе от Жуковского? Я интересуюсь знать о нем. Хоть это и не мое дитя, но я его воспринимал от купели и торопил к появлению в свет. Вы заметили, я думаю, что он переписан моею рукою». Можно предположить, что <Заметку о Мериме> Гоголь написал в тот же период.

Возможно, ко времени пребывания в Дюссельдорфе осенью 1843 г. относится также предполагаемый портрет Гоголя работы немецкого художника К. Ф. Зона[8].

[1] См. ***1843. Октября 5 <сентября 23>. Четверг. Дюссельдорф*** (примечания).

[2] См. ***1843. Июня 8 <мая 27>. Четверг. Франкфурт-на-Майне*** (примечания); ***1843. Сентября 20 <8>. Среда. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Дюссельдорф***; ***1843. Сентября 23 <11>. Суббота – декабря 5 <ноября 23>. Вторник. Дюссельдорф.***

[3] Перевод третьей песни был начат 22 сентября / 4 октября 1843 г., закончен 25 октября / 4 ноября 1843 г. (см.: *Янушкевич А. С.* Примечания // *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2010. Т. 6. С. 409).

[4] См. ***1841 октября 17 – 1842 мая 23. Москва.***

[5] См. также ***1837. Апреля 3 <15>. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1839. Июля 12 <июня 30>. Пятница. Ганау*** (примечания).

[6] См. ***1843. Сентября 20 <8>. Среда. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Дюссельдорф.*** – См. также ***1843. Июня 8 <мая 27>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[7] Напечатана в последнем томе «Современника» за 1843 г.: *Жуковский В. А.* Маттео Фальконе. Корсиканская повесть. (Из Шамиссо) // Современник. 1843. Т. 32. С. 218–228. – Упомянута Гоголем в «Учебной книге словесности для русского юношества» (1846; см. ***1845 октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4> – 1846 мая 6–8 <апреля 24–26>. Рим*** – примечания).

[8] См. ***1840 сентября 2–10 <августа 21–29> или 1842 сентября между 22 и 28 <между 10 и 16>. Венеция.***

АВГУСТА 29 <17>. ВТОРНИК. БАДЕН-БАДЕН

А. И. Тургенев сообщает князю П. А. Вяземскому:

«Я оставляю и Гейдельберг, и Карлсруе и спешу к Жуковскому, который уехал отсюда[1] накануне моего приезда[2] и увез к себе и Гоголя».

Из писем А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 89.

[1] См. ***1843. Августа 27 <15>. Воскресенье. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Баден-Баден.***

[2] Тургенев прибыл в Баден 27 августа (н. ст.) 1843 г., после отъезда оттуда В. А. Жуковского и, вслед за ним, Гоголя (см. ***1843. Августа 28 <16>. Понедельник. Баден-Баден***).

АВГУСТА 30 <18>. СРЕДА. ДЮССЕЛЬДОРФ

Гоголь отправляет письма к С. Т. Аксакову в Москву и к Н. Д. Белозерскому (вероятно, в Борзну[1]).

Из письма к Аксакову: «Письмо ваше и вместе с ним другие, приобщенные к нему, я получил[2]. Книги получены также в исправности, как через К<нязя> Мещерского[3], так и через Валуева[4]. Перешлите мне, если найдете оказию, “Москвитянин” за этот год: там есть статьи, меня интересующие очень. О благодарности за все ваши ласки нечего и заикаться. Конст<антина> Сергеев<ича> благодарю также за письмо[5], хотя не мешало бы ему быть и подлиннее. Если увидите Шевырева, то напомните ему о присылке мне остальной тысячи за прошлый год. Да если можно, вместе с тем и вперед, что есть. Ибо 1-го октября, как вы знаете, срок <и> время высылки[6]. Душевно скорбел я о недугах Ольги Сергеев<ны>[7] и мысленно помолился о ниспослании ей облегчения. Прощайте, душевно вас обнимаю всех. Адрес по-прежнему в Дюссельдорф».

Из письма к Белозерскому: «Отвечайте мне на все следующие вопросы... <...> 1-е. Как ваше здоровье и всех вас, т. е. вашего брата и проч.? 2. Отправляете ли вы доныне судейскую вашу должность[8], и что удалось вам в ней сделать хорошего и полезного? 3. Насколько вообще уездный судья может сделать доброго и насколько гадостей? 4. Как идет ваше хозяйство? 5. Сколько получаете доходов, за уплатой всякой повинности? 6. Какие главные и доходливые статьи вашего хозяйства? 7. Что вам удалось, или вашему брату, сделать хорошего по этой части в продолжение вашей жизни в деревне? 8. Каковы ваши соседи и кто замечательнее вообще из борзенского дворянства и чем?

9-е. Чем каждый среди их полезен себе и другим и чем вреден себе или другим? 10-е. Что говорят у вас о Мер<твых> душ<ах> и о моих сочинениях? (экземпляра я вам не послал потому, что с трудом даже получил один для себя[9]). Не пренебрегайте в этом деле ничьим мнением, и кто как ни говорит, напишите мне, хотя бы это были совершенные глупости. <...> Адрес мой: Dusseldorf, Poste restante. Напишите о наших общих знакомых, с кем вам когда-либо случилось встретиться и видеться».

[1] См. ***1836. Февраля 21. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] Письма не сохранились.

[3] См. также ***1843. Июля 24 <12>. Понедельник. Баден-Баден.***

[4] Дмитрий Александрович Валуев (1820–1845), историк, славянофил, племянник Н. М. Языкова. Позднее, 5 октября (н. ст.) 1843 г., Гоголь сообщал Н. М. Языкову из Дюссельдорфа: «Валуев был в Дюссельдорфе и привез мне <...> одну книгу, но меня не застал там, и я уже получил ее от Жуковского». Вероятно, Валуев был у Жуковского весной 1843 г., до отъезда Жуковского из Дюссельдорфа 26 мая (н. ст.) 1843 г. (см.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847 гг. / Сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. С. 271). – См. также ***1843. Сентября 3 <августа 22>. Воскресенье. Дюссельдорф.***

[5] Не сохранилось.

[6] Далее в копии письма, известного по тексту «Истории нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова, следует примечание, написанное на полях карандашом: «Сказать там, где говорится о деньгах, что Гог<оль> требовал их и на след<ующий> год». Ниже следует редакционное примечание Н. М. Павлова: «NB. Ремарка к выноске. В этом месте диктованной рукописи собственноручная приписка Сергея Тимофеевича: “сказать там, где говорится о деньгах, что Гоголь требовал их и на следующий год”. Н. П.» В изд. 1890 г. напечатано: «В этом месте диктованной рукописи собственноручная приписка Сергея Тимофеевича: “сказать там, где говорится о деньгах, что Гоголь требовал их и на следующий год”. Изд<атель>» (История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. <Под ред. Н. М. Павлова>. М., 1890. С. 116).

[7] Ольга Сергеевна Аксакова (1821–1861), больная дочь С. Т. и О. Сем. Аксаковых.

[8] В должности борзенского уездного судьи Белозерский служил до 1841 г.

[9] См. ***1843. Марта между 21 и 26 <марта между 9 и 14>. Утро. Рим*** (примечания); ***1843. Июня 1–3 <мая 20–22>. Четверг. Праздник Вознесения Господня – суббота. Мюнхен.***

СЕНТЯБРЯ 1 <АВГУСТА 20>. ПЯТНИЦА. ДЮССЕЛЬДОРФ

Гоголь пишет письма к А. А. Иванову в Рим и к С. П. Шевыреву и к Н. М. Языкову в Москву (согласно почтовому штемпелю[1], письмо к Шевыреву было отправлено на следующий день, 2 сентября[2]; вероятно, тогда же были отправлены и другие письма).

В письме к Иванову спрашивает: «Что ж вы, Александр Андреевич, не уведомляете меня ни о чем, что делается с вами: как ваше лечение и каковы глаза, и в каком углу и месте картины вашей работаете? Напишите также Моллеру, чтоб он известил меня о себе, как он и что намерен делать, и где зимует. Я начитал в газетах, что сестры его[3] выехали из Петербурга за границу на пароходе. Он мне ничего не сказал об этом, а это будет очень полезно для него. <...> Самое умное постановление, которое сделал Лейхтенбергский (NB – отчасти вы этому виною), это то, что художники могут брать заказы в русские церкви, не выезжая из Рима, и производить работы, постоянно живя в Риме. Итак, вы видите сами, не моя ли правда. Какое бы ни случилось неприятное известие или происшествие, стоит только переждать, из него же выйдет потом хороший результат. <...> Адресуйте по-прежнему в Дюссельдорф. Жуковский вам кланяется. В Бадене я виделся со Смирновой и еще с кое-какими русскими».

В письме к Шевыреву обращается с просьбой: «Вышли пожалуста остальную тысячу за прошлый год, и если есть деньги, то вперед за текущий сколько-нибудь, ибо 1-го октября срок. Адресуй в Дюссельдорф, на имя Жуковского. Я получил[4] разные критики от петербург<ских> журналов

[на] М<ертвые> д<уши>. Замечательнее всех в Современнике[5]. Отзыв Полевого[6] в своем роде отчасти замечателен. Сенковского[7], к сожалению, не имею и до сих пор не мог достать, как ни старался. А вообще я нахожу, что нет [что мало] средины между благосклонностью и неблагосклонностью. Белинский[8] смешон. А всего лучше [притя<зание>] замечание его <о> Риме[9]. Он хочет, чтобы римский князь имел тот же взгляд на Париж и французов, какой имеет Белинский. Я бы был виноват, если бы даже римскому князю внушил такой взгляд, какой имею я на Париж. Потому что и я хотя могу столкнуться в художественном чутье, но вообще не могу быть одного мнения с моим героем. Я принадлежу к живущей и современной нации, а он к отжившей. Идея романа вовсе была не дурна. Она состояла в том, чтобы показать значение нации отжившей, и отжившей прекрасно, относительно живущих наций. Хотя по началу, конечно, ничего нельзя заключить, но всё можно видеть, что дело в том, какого рода впечатление производит строящийся вихорь нового общества на того, для которого уже почти не существует современность».

Взгляды Гоголя, судя по всему, во многом и совпадали с размышлениями героя, а кое в чем были еще более радикальны, чем взгляды римского князя. Несомненно, впечатления Гоголя от Парижа были гораздо более тягостны, чем впечатления героя. 12 февраля (н. ст.) 1845 г. он, например, писал Н. М. Языкову: «О Париже скажу тебе только то, что я <...> и встарь был до него не охотник, а тем паче теперь. Говоря это, я разумею даже и относительно материальных вещей и всяких жизненных удобств: нечист, и на воздухе хоть топор повесь». Гоголевская позиция отличалась, вероятно, от воззрений героя настолько, насколько большую угрозу представляет собой западноевропейская цивилизация (будь она в Париже или в Петербурге) для нации «живущей и современной», чем для «отжившей». «Отжившая прекрасно» Италия, имеющая в себе залог истинного, религиозного чувства красоты, к тому же отделенная от Парижа еще и государственно, оказывается в этом смысле в позиции стороннего, не подверженного соблазнам наблюдателя – римский князь в итоге возвращается в Италию. Иначе обстоит дело между тем же Петербургом и, скажем, Малороссией, с которыми Гоголь соотносит Париж и Италию в своих письмах. Раз возникнув в теле народа, цивилизация, подобно раковой опухоли, беспрепятственно расползается по всей «живущей» России. «Спасение России, что Петербург в Петербурге», – заметил однажды Гоголь в разговоре с М. П. Погодиным[10]. Хотя главное разделение проводит все-таки Гоголь между Россией и Западом (разорительное влияние европейской промышленной роскоши), но более опасным представляется ему разделение в самой России – единой территориально и слишком молодой, чтобы с постоянством противостоять развращающим соблазнам. Таким образом, римский князь, так же как и совпадающий с ним в «художественном чутье» Гоголь, может достаточно отстраненно смотреть на парижские соблазны, но, принадлежа к обществу, захваченному «строящимся вихрем», писатель не удовольствуется позднее только художественным творчеством, перейдя в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1846) к открытой публицистической проповеди.

Далее из письма к Шевыреву: «Жажду я очень читать твои статьи. Я уже две посылки с книгами получил из Москвы, а твоих статей нет. К Сергею Тимофеевичу я писал[11], чтобы он прислал весь Москвитянин за текущий год. Заглавие статей меня очень завлекло, они все о тех предметах, о которых мне хочется знать, присоедини туда свою статью о воспитании... <...> Передай письмо Языкову».

Из письма к Языкову: «С нетерпением жажду от тебя известия: 1) как ты доехал[12], 2) какое почувствовал чувство при встрече с Русью и при въезде в Москву, 3) как и кого нашел в Москве, 4) как и где пристроился и в чем состоит удобство и неудобство пристроения, 5) что и как и где твои братья[13] с женами и детьми и 6) какие намерения впредь. С нетерпением жду твоего уведомления».

[1] См.: *Городецкий*. С. 467.

[2] См. ***1843. Сентября 2 <августа 21>. Суббота. Дюссельдорф***.

[3] У Моллера были три сестры (художник изобразил их на групповом семейном портрете 1837 г.): Елизавета (в замужестве Муравьева, 1807–1877), Эмилия (Амалия, в замужестве Глазенап, 1819–1880), Юлия (в замужестве Ниротморцева, 1821–1882) (см.: *Маркина Л. А.* Живописец Федор Моллер. М., 2002. С. 21–22). С сестрами Моллера Гоголь, вероятно, познакомился осенью 1841 г. (см. ***1841. Октября 7 <19>. Вторник – 14 <26>. Вторник. Санкт-Петербург***). – См. также ***1842. Мая 27. Среда. Санкт-Петербург***.

[4] См. ***1843. Июня 1–3 <мая 20–22>. Четверг. Праздник Вознесения Господня – суббота. Мюнхен***.

[5] Статья П. А. Плетнева (см. ***1834. Июнь – июля начало. Санкт-Петербург***; ***1843. Января 26 <февраля 7>. Вторник. Санкт-Петербург***).

[6] *Полевой Н.* Похождения Чичикова, *или мертвые души*. Поэма *Н. Гоголя*. Москва, в Университетской типографии, 1842 г., в 8., 475 стран. // Русский Вестник. 1842. № 5 и 6. Май и июнь. Отд. 3. С. 33–57. – Более всех рецензентов «Мертвых душ» Н. А. Полевой уделил внимание вопросу о «недостоверности» гоголевских образов: «...*Мертвые души*, составляя грубую карикатуру, держатся на небывалых и несбыточных подробностях; <...> лица в них все до одного небывалые преувеличения, отвратительные мерзавцы или пошлые дураки...» (*Полевой Н.* Похождения Чичикова, *или мертвые души*. С. 40–41); «Где, скажите, где видали вы города, в которых ни *одно* светлое чувство не мелькнуло бы в душе ни *одного* обитателя – где добродетель, ум, честь, все общественные связи были бы всеми забыты, попраны – где невежество и разврат тяготели бы равно и безразлично над всеми... <...> Не говорим о России: укажите нам где угодно такой город. <...> Еще больше, если вы предполагаете ваш проклятый город в России, то вы клевещете, не только на человека, но и на родину свою. Зная Россию, может быть, больше вас, изъездивши ее во всех направлениях, живши и с барами Русскими, посещавши и великолепные *салоны* и курные *избы* Русские, смело называем мы ложью и выдумкою изображения в Мертвых душах. Кто против того, что есть у нас, как и везде, Собакевичи, Плюшкины, Ноздрины <так в публикации>, но *не такие они*, да если бы и такие попались вам, они исключения, они уроды. Как же по собранию уродов изображаете вы человека, и где *естественность* и *верность* изображений, за которые превозносите вы Мертвые души?» (*Полевой Н.* Похождения Чичикова, *или мертвые души*. С. 42–44); «Берем на себя кажущееся смешным автору название *патриотов*, даже *так называемых патриотов* – путь назовут нас *Кифами Мокиевичами*, но мы спрашиваем его: почему, в самом деле, современность представляется ему <Гоголю> в таком неприязненном виде, в каком изображает он ее в своих *Мертвых душах*, в своем *Ревизоре*, и для чего не спросить: почему думает он, что каждый Русский человек носит в глубине души своей зародыши Чичиковых и Хлестаковых? Предвидим негодование и оскорбление защитников автора: они представят нас поддельными патриотами, лицемерами, может быть, чем-нибудь еще хуже. <...> Их воля, но мы скажем прямо и утвердительно, что приписывая предубеждение автора доброму намерению, нельзя не заметить какого-то превратного взгляда его на многое. Между тем, как его восхищает всякая дрянь Итальянская, едва коснется он не-Итальянского, все становится у него уродливо и нелепо! Вы скажете, что Чичиков и город, где он является, не изображения целой страны, но посмотрите на множество мест в Мертвых душах: Чичиков, выехавши от Ноздрева, ругает его *не хорошими словами* – "что делать?" прибавляет автор – "*Русский человек*, да еще и в сердцах!" – Пьяный кучер Чичикова съехался с встречным экипажем и начинает ругаться: "*Русский человек*", прибавляет автор – "не любит сознаваться перед другим, что он виноват!" <...> Спрашиваем: так ли изображают, так ли говорят о том, что мило и дорого сердцу? *Квасной патриотизм!!* Мм. гг., мы сами не терпим его, но позвольте сказать, что *квасной патриотизм* все же лучше *космополитизма...*» (*Полевой Н.* Похождения Чичикова, *или мертвые души*. С. 54–55).

[7] См. ***1842. Августа начало <августа средина>. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1842. Июля 29 <17>. Пятница. Гастейн***; ***1842. Ноября начало <ноября средина>. Москва*** (примечания).

[9] В статье «Объяснение на Объяснение по поводу поэмы Гоголя "Мертвые души"», напечатаной в № 11 «Отечественных Записок» за 1842 г., В. Г. Белинский писал, что в «Риме» «есть удивительно яркие и верные картины действительности» и в то же время «есть и косые взгляды на Париж и близорукие взгляды на Рим» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1979. Т. 5. С. 155). – См. также ***1842. Марта 31. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1842. Апреля 4. Суббота. Санкт-Петербург.***

[10] См. ***1848. Октября 18. Понедельник. Москва.***

[11] См. ***1843. Августа 30 <18>. Среда. Дюссельдорф.***

[12] См. ***1843. Июля 31 <августа 12>. Суббота. Москва.***

[13] Петр Михайлович и Александр Михайлович Языковы.

АВГУСТА 20 <СЕНТЯБРЯ 1>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре.

Ельницкая 1978. С. 253.

АВГУСТА 20 <СЕНТЯБРЯ 1>. ПЯТНИЦА. ОДЕССА

М. С. Щепкин в свой бенефис играет Подколесина в «Женитьбе».

Гриц. С. 317.

СЕНТЯБРЯ 2 <АВГУСТА 21>. СУББОТА. ДЮССЕЛЬДОРФ

Гоголь отправляет написанные накануне[1] письма.

[1] См. ***1843. Сентября 1 <августа 20>. Пятница. Дюссельдорф***.

СЕНТЯБРЯ 3 <АВГУСТА 22>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДЮССЕЛЬДОРФ

Гоголь пишет ответное письмо Н. Н. Шереметевой в Москву:

«Благодарю вас, Надежда Николаевна, за ваше рукописание <...> и за ваш шнурок, который вы послали с Валуевым[1]. Он будет у меня храниться и сбережен в целости. Носить его не буду, потому что ношу прежний, который вы сами лично мне дали[2]. <...> Что же касается до образа, которым вы хотите наделить меня, то я не советую вам посылать его по почте, это неверно, не говоря уже о том, что заграничные почты вовсе не устроены для принятия и доставки посылок. А потому я советую вам отложить до весны. Весною обыкновенно много русских отправляется за границу и, верно, никто не откажется принять от вас такой посылки».

[1] См. ***1843. Августа 30 <18>. Среда. Дюссельдорф*** (примечания).

[2] Шнурок был подарен Шереметевой Гоголю при его отъезде из Москвы 23 мая 1842 г. (см. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки***). В те же дни, сразу по отъезде Гоголя, Н. Н. Шереметева заказала для него и икону. «А с каким усердием заказывала, — писала она ему позднее, 3 октября 1845 г. — Какой есть в Москве лучший живописец; с одной стороны Николай Чудотворец, а с другой Иверская Божия Матерь — так, чтобы вам можно было на себя надевать, ехав в дорогу». Кроме того, в посылку с образом, отправленную в декабре 1843 г., Шереметева положила переписанный ею собственноручно сборник молитв. Эта посылка была получена Гоголем только весной 1846 г.

АВГУСТА 22 <СЕНТЯБРЯ 3>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович отправляет в Москву письмо к С. П. Шевыреву:

«Деньги 1000 р<ублей> ассигнациями, вырученные Вами за Соч<инения> Гоголя, я получил, не отвечал же Вам до сих пор по той причине, что желал вместе с ответом послать и сколько-нибудь экз<емпляров>, а этого-то и не мог сделать. Жернаков сдал мне только некоторое количество экз<емпляров>, да и те испорчены в переплете. Обещания Жернакова с недели на неделю и со дня на день выставить мне все издание и исправить ошибку переплетчика заставляли меня медлить ответом Вам. Теперь я вижу, что дело должно кончиться не другим чем, как подачею от меня прошения Обер-Полицеймейстеру, что я на сих днях сделаю непременно. Теперь я высылаю Вам 67 экз<емпляров>; решите сами, пускать ли их в продажу, или нет: переплетчик в большей части экз<емпляров> не вставил перепечатанную стр<аницу> в III т<оме>, именно 255, а в IV — 217, 289 и 399. Первая из них перепечатана по моей ошибке, а три последние по желанию Гоголя.

После 500 экз<емпляров>, проданных здесь, ко мне требований не поступало, несмотря на то, что я принял одинаковые меры с Вами насчет уступки».

Гоголь в письмах Н. Я. Прокоповича // *Свод.* Т. 1. С. 589.

СЕНТЯБРЯ 4 <АВГУСТА 23>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЮССЕЛЬДОРФ

В. А. Жуковский пишет А. О. Смирновой в Баден:

«Посылаю вам ваши 130 франков с благодарностью за доверенность, которой вы меня удостоили, любезнейшая подруга. Завтра 5 сентября отправлю свою личность в Берлин[1] и думаю, что приеду туда днями тремя позже Всероссийского Самодержца. Это и хорошо. Мне делать в Берлине нечего. Увижу царя один раз, да и домой. Только скоро ли до него доберешься? Маневры. Какая досада, что Тургенев попал в воду; если б он тотчас попал ко мне, то застал бы меня, и мы успели бы вместе пожить дня три в Дюссельдорфе. Надобно ж случиться таким непутным крестинам. Если он еще в Бадене, то скажите, что я получил для него письмо из Парижа, которое по его требованию отправлю назад. Возвратясь из Берлина, буду к нему писать... <...> Гоголь здесь; но завтра, кажется, куда-то едет: возвратился сюда по моему приезду[2]. Он у нас ежедневно обедает. <...> Обнимаю вас, прошу обнять С. Соллогуб, с согласия ее мужа».

Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 55.

[1] См. ***1843. Сентября 5 <августа 24>. Вторник. Дюссельдорф.***
[2] Гоголь вернулся из Бадена в Дюссельдорф отдельно от Жуковского (***1843. Августа 27 <15>. Воскресенье. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Баден-Баден***).

СЕНТЯБРЯ 5 <АВГУСТА 24>. ВТОРНИК. ДЮССЕЛЬДОРФ

В. А. Жуковский уезжает в Берлин на встречу с Императором Николаем I[1].

На время пребывания Жуковского в Берлине Гоголь, по-видимому, куда-то также уезжает из Дюссельдорфа[2].

Позднее, в конце декабря (н. ст.) 1843 г., будучи в Дюссельдорфе, Жуковский записал в дневнике: «Весь этот год, благодаря лени моей, не записан. Вспомню, что могу. <...> *5–23 сентября.* Поездка в Берлин...»[3]

[1] См. ***1843. Сентября 4 <августа 23>. Понедельник. Дюссельдорф.***
[2] См. там же.
[3] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 42.

СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА <СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО>. РИМ

А. А. Иванов пишет Ф. А. фон Моллеру в Неаполь:

«На сих днях получил я письмо от Гоголя[1]. Он очень заботился о вас и просил, чтобы склонить Вас отписать ему в Дюссельдорф о вашем положении. Я надеюсь, что вы к нему не замедлите отписать — он очень радуется, что вы проведете эту зиму с родными: он знал из газет, что сестры Ваши в чужих краях»[2].

Вероятно, тогда же Иванов написал письмо к Гоголю[3].

[1] От 1 сентября (н. ст.) 1843 г. из Дюссельдорфа (см. ***1843. Сентября 1 <августа 20>. Пятница. Дюссельдорф***).
[2] Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 335.
[3] См. ***1843. Сентября конец <сентября средина>. Рим***.

СЕНТЯБРЯ 18 <6>. ПОНЕДЕЛЬНИК. БАДЕН-БАДЕН

А. О. Смирнова пишет графу А. П. Толстому:

«Почтеннейший граф Александр Петрович, прилагаемую книгу и мое письмо вручит вам В. А. Муханов. С его совета адресую к вам новое пополненное издание омилий Макария Египетского. Издатель их, Архимандрит Греческой церкви в Венеции[1] отец Спиридион, человек благочестивый, умный, исполненный усердия к Церкви нам общей. Он желал поднести один экземпляр своего посильного труда Императрице, узнавши, что Ее Величество желала, чтобы ее дети учились по-гречески. <...> Мухановы[2] вам передадут все, что мы говорили об вас, о нашей любезной России. Вы, говорят, все видите в черном виде[3], иначе не может быть и не должно быть; но из этого не должно для нас проистекать уныние[4]. Сила наша должна приближаться к делам общей скорби, когда те, которые пока властны, упадут духом. Господь с вами был так милостив, что вам открыл многое, как же вам не тужить о том, что все человечество как бы стремится в бездну. Ведь вся история ничто другое, как это же самое стремление. Но есть эпохи в его развитии, где это делается более ощутительным. По милосердию Божию, мы видим, что в эти эпохи всегда являлся другой – тот, который останавливал переполнение зла. Мы по воле Провидения поставлены в такой исторический момент, в который приходится много выстрадать за себя и за других. Избави нас только Господь от уныния. <...> Великие молитвенники и отшельники всегда видели человечество в его настоящем виде, но не переставали его любить и без уныния молились. А признаться, иногда бывает гадко на душе, когда видишь всю светскую дрянь и пустоту, но как вспомнишь о себе, то чувствуешь, что и сам причастен многим увлечениям. Общество Мухановых должно быть для вас великим утешением; я нахожу, что Николай Михайлович очень созрел духовно, а при Владимире Михайловиче делается как-то приятно, как от запаха хороших цветов. Вы знаете, что мое славянофильство примирительное. Я не требую каких-то сверхестественных добродетелей... <...> У меня здесь как и везде одна забота – задушевная наша Церковь, и много утешительного <...> мне говорили люди разных исповедений, что Церковь одна[5], наша. Кажется, и мы начинаем догадываться, даже в высших кругах».

Свод. Т. 2. С. 555.

[1] См. также ***1844. Мая 23 <11>. Четверг. Баден-Баден.***

[2] Николай и Владимир Алексеевичи.

[3] Возможно, Смирнова узнала об этом со слов Гоголя или В. А. Жуковского (см. ***1843. Июля не позднее 4 <июня не позднее 22> – августа 27 <15>. Воскресенье. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Баден-Баден***; ***1843. Августа 22 <10>. Вторник. Баден-Баден***).

[4] См. также ***1852. Февраля не позднее 5. Москва.***

[5] См. также ***1845. Мая 6 <апреля 24>. Вторник. Радоница. Париж*** (примечания).

СЕНТЯБРЯ 7 <19>. ВТОРНИК. МОСКВА

Согласно почтовому штемпелю[1], С. П. Шевырев получает письмо Гоголя из Дюссельдорфа от 1–2 сентября (н. ст.) 1843 г.[2]

[1] См.: *Городецкий.* С. 467.

[2] ***1843. Сентября 1 <августа 20>. Пятница. Дюссельдорф***; ***1843. Сентября 2 <августа 21>. Суббота. Дюссельдорф.***

СЕНТЯБРЯ 20 <8>. СРЕДА. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ДЮССЕЛЬДОРФ

Гоголь пишет ответное[1] письмо С. П. Шевыреву в Москву (судя по почтовому штемпелю[2], письмо было отправлено из Дюссельдорфа неделю спустя, 28 сентября[3]):

«Получивши твое письмо (от 20 августа), я писал тот же час к Прокоповичу. Напишу еще к Плетневу. Не могу никак понять, что бы значила эта неаккуратность[4]. В случае неимения денег нужно будет занять. Языков мне писал еще недавно, что если встретится мне надобность в них, адресоваться бы к нему без всякой церемонии. Но к этому нужно приступить не иначе, как прежде расспросив его стороною, точно ли он при лишних деньгах, иначе он последнее обстоятельство скроет. <...> За письмо твое много благодарю; хотя оно и говорит только о деле, но в нем есть несколько драгоценных мне строк, показывающих твое душевное состояние. В душевном твоем состоянии, кроме другого, слышна между прочим какая-то грусть, грусть человека, взглянувшего на сов<ременное> [состояние] положение журнальной литературы. На это я тебе скажу вот что: это чувство неприятно, и мне оно вполне знакомо. Но является оно тогда, когда [обращаешься более чем следует в этом кругу] приглядываешься более чем следует к этом<у> кругу. Это зло представляется тогда огромным и как будто обнимающим всю область литературы. <...> Вблизи, когда побудешь с ними, мало ли чего не вообразится? покажется даже, что это влияние страшно для будущего, для юности, для воспитания[5]; а как взглянешь с места повыше — увидишь, что всё это на минуту, всё под влиянием моды. <...> ...Сегодня гегелисты, завтра шел<л>ингисты[6], потом опять какие-нибудь *исты*. <...> Но горе тем, которые поставлены стоять недвижно у огней истины, если они увлекутся общим движеньем, хотя бы даже с тем, чтобы образумить тех, которые мчатся. <...> Не опровержением минутного, а утверждением вечного должны заниматься многие, которым Бог дал не общие всем дары. <...> Итак, мне кажется, современная журнальная литература должна производить в разумном скорее равнодушие к ней, чем какое-либо сердечное огорчение. Это просто плошка, которая не только что подчас плохо горит, но даже еще и воняет. Один предводитель дворянства, вскоре после 1814 года, дал бал своему дворянству. Внутренность зала ухитрился он осветить сальными плошками в совокупности с скипидарным маслом. То есть, он более понадеялся на неприхотливость гостей. Но однако ж гости чрез несколько времени заметили, что нестерпимо воняет — а уж куда были неприхотливы! — и предводитель приказал вынести плошки. Жуковский благодарит тебя за поклон и отвечает тем же; он трудится за Одиссеей. Две песни уже есть[7], я просил хоть одну в Москвитянин, но он не хочет теперь еще печатать по причине беспрестанных переправок. Единственная пиэса, которая была у него отдельная, послана им Плетневу под названием: Маттео Фальконе[8]. Она прекрасна».

[1] См. ***1843. Августа 20 <8>. Воскресенье. Москва.***

[2] См.: *Городецкий.* С. 467.

[3] См. ***1843. Сентября 28 <16>. Четверг. Дюссельдорф.***

[4] Невысылка Н. Я. Прокоповичем С. П. Шевыреву к 1 сентября письма о проданных экземплярах сочинений Гоголя и сумме, накопившейся для отправления к нему за границу.

[5] Именно об этом писал Гоголь в 1836 г. в черновой редакции статьи «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году».

[6] См. также ***1843. Мая 28 <16>. Воскресенье. Мюнхен.***

[7] См. ***1843. Июня 8 <мая 27>. Четверг. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[8] См. ***1843. Августа 28 <16>. Понедельник — ноября 5 <октября 24>. Воскресенье. Дюссельдорф*** (примечания).

СЕНТЯБРЯ 23 <11>. СУББОТА — ДЕКАБРЯ 5 <НОЯБРЯ 23>. ВТОРНИК. ДЮССЕЛЬДОРФ

В. А. Жуковский по возвращении из Берлина[1] живет в Дюссельдорфе.

В конце декабря (н. ст.) 1843 г., будучи опять в Дюссельдорфе, Жуковский записал в своем дневнике: «Весь этот год, благодаря лени моей, не записан. Вспомню, что могу. <...> Написал Матео Фальконе, Боппа и перевел две с лишним песни из Гомера. Вся сия работа продолжалась с возвращения из Берлина 23 сент<ября> до поездки в Дармштадт 5 декабря[2]. Пребывание Гоголя[3] было мне полезно...»[4]

[1] См. ***1843. Сентября 5 <августа 24>. Вторник. Дюссельдорф.***
[2] См. ***1843. Декабря 5 <ноября 23>. Вторник. Дюссельдорф.***
[3] До 5 ноября (н. ст.) 1843 г. (см. ***1843. Августа 28 <16>. Понедельник – ноября 5 <октября 24>. Воскресенье. Дюссельдорф***; ***1843. Ноября 5 <октября 24>. Воскресенье. Дюссельдорф***).
[4] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 42.

СЕНТЯБРЯ 24 <12>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДЮССЕЛЬДОРФ

Гоголь пишет Н. Я. Прокоповичу в Петербург (судя почтовому штемпелю[1], письмо было отправлено через день, 26 сентября):

«Уведоми меня поскорее, в коротких словах: 1-е – сколько продано экземпляров[2]? 2-е – сколько послано в Москву? 3-е – сколько осталось налицо? Ты еще меня не уведомил до сих пор. От Шевырева я уже имею подробнейший отчет. От тебя еще ни слова. Я также на тебя еще должен сердиться за то, что ты не сказал мне прежде ни слова о подлостях типографии и таил их от меня долго. И потому, ради Бога, отвечай мне поскорее. Разделался ли ты совершенно с типографией, то есть я разумею не о платеже твоими деньгами, а моими? <...> Всё это мне нужно знать сильно, дабы распорядиться и предотвратить заранее всё, то есть предпринять другие меры, в случае недостатка денег. Боюсь я сильно, что<бы> мне не досталось бедствовать где-нибудь на дороге, тогда как я расположил сроки и сообразуюсь во всем с ними. Получаю я деньги, как я уже тебе писал, два раза в год. Три тысячи мне должны высылаться к 1-му октябрю, а 3 тысячи к 1 маю, и потому вы, за месяц до срока, должны уведомить друг друга, Шевырев тебя, а ты Шевырева, в каком положении ваши дела и деньги. Шевырев написал мне, что он уже уведомил тебя, но от тебя еще ответа не имеет. А между тем еще в Москве не уплачена часть долгов моих, которая меня очень беспокоит. Отошли теперь же Шевыреву тысячу экземпляров в Москву сверх высланных прежде. Он с ними сделается, извернется и не потеряет копейки. Я не знаю в точности никого ему равного. С "Мертвыми душами" и с посланными ему экземплярами от тебя он распорядился прекрасно и во всем до последнего нуля прислал отчет. <...> Адресуй в Дюссельдорф...»

[1] См.: *Шубинский.* С. 46.
[2] Собрания сочинений.

СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА, ПОСЛЕ 12 <ПОСЛЕ 24>. МОСКВА

С. Т. Аксаков отправляет Гоголю письмо в Дюссельдорф[1] (не сохранилось), с вложением письма к Гоголю от М. П. Погодина, только что вернувшегося из Мариенбада (письмо датировано 12/24 сентября 1843 г.).

Из письма Погодина: «Наконец нашел я в себе силу увидеть тебя, заговорить с тобою, написать к тебе письмо. Раны сердца моего зажили или, по крайней мере, затянулись[2]... Ну что, каков ты? где ты? что ты? куда? Я чувствую себя теперь довольно хорошо, пил опять Марьенб<адскую> воду[3], а теперь на простой. Но зима была тяжелая: часто показывалась кровь из горла, и голова беспрестанно тяжела.

Не случилось ли чего особенного в душе у тебя около 3/15 сентября? Ты знаешь, что я немножко по Глинкиной части[4] и верю миру невидимому с его силами. Около 3 числа[5], я как будто примирился с тобою, а до тех пор я не мог подумать о тебе без треволнения! Когда ты затворил дверь[6], я перекрестился и вздохнул свободно, как будто гора свалилась у меня тогда с плеч; все, что узнавал я после – прибавило мне еще больше муки, и ты являлся, кроме святых и высоких минут своих, отвратительным существом...

Посетив мать твою в прошлом году[7], я почувствовал, что в глубине сердца моего таилась еще искра любви к тебе, но она лежала слишком глубоко. Наконец, я стал позабывать тебя, успокоивался... и теперь все как рукой снято. Ну слава Богу! Я готов опять и ругать и любить тебя».

В 1855 г., в наброске воспоминаний о Гоголе, Погодин замечал: «Я рассерди<лся>[8], а через месяцев 8, кажется, написал к нему письмо после случая накануне: ты мне был противен, но вчера... И я готов»[9].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «В это время Погодин, бывший жестоко раздражен против Гоголя и не писавший к нему ни строчки, вдруг прислал мне для пересылки маленькое письмецо, которое я вместе с своим и отослал к Гоголю. Я считаю себя вправе поместить его в моих записках, потому что оно было возвращено мне Гоголем вместе с его ответом[10] Погодину»[11].

[1] См. ***1843. Августа 30 <18>. Среда. Дюссельдорф.***

[2] См. ***1841. Ноябрь-декабрь. Москва.***

[3] В первый раз в Мариенбаде Погодин провел почти месяц летом 1839 г. вместе с Гоголем (см. ***1839. Июля 13 <1>. Суббота – августа около пятницы 23 <11>. Мариенбад***). Второй раз Погодин побывал в Мариенбаде в конце лета – начале осени 1843 г., выехав оттуда 17 сентября (н. ст.) этого года (см.: Из статьи «Поездка пр<офессора> Погодина за границу в 1842 году». *Черновой автограф // Свод.* Т. 2. С. 482).

[4] Бывший масон поэт Ф. Н. Глинка увлекался мистикой и спиритизмом.

[5] Погодин был тогда в Мариенбаде.

[6] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки.***

[7] М. П. Погодин побывал Васильевке 16–17 июля 1842 г. (см. ***1842. Июля 16–17 <28–29>. Четверг-пятница. Васильевка***).

[8] См. ***1841. Ноябрь-декабрь. Москва.***

[9] *Погодин М. П.* <Набросок воспоминаний о Гоголе> // *Свод.* Т. 2. С. 521.

[10] См. ***1843. Ноября 2 <октября 21>. Четверг. Дюссельдорф.***

[11] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 749.

СЕНТЯБРЯ 28 <16>. ЧЕТВЕРГ. ДЮССЕЛЬДОРФ

Гоголь отправляет в Москву к С. П. Шевыреву письмо, написанное 20 сентября (н. ст.) 1843 г.

См. ***1843. Сентября 20 <8>. Среда. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Дюссельдорф.***

СЕНТЯБРЯ КОНЕЦ <СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА>. РИМ

А. А. Иванов пишет Ф. А. фон Моллеру в Неаполь:

«Жалею очень, что Вы не хотите отвечать Гоголю сами, я уже ему тогда же отписал[1], а Вас теперь убедительно прошу написать к нему в Дюссельдорф хоть две строчки и потрудиться вложить мои приписочки[2], здесь приложенные, в Ваше к нему письмо».

Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 335.

[1] См. ***1843. Сентября средина <сентября начало>. Рим.***

[2] См. также ***1843. Октября средина <октября начало> Рим.***

ОКТЯБРЯ 5 <СЕНТЯБРЯ 23>. ЧЕТВЕРГ. ДЮССЕЛЬДОРФ

Гоголь отправляет в Москву ответные письма Н. М. Языкову и Н. Н. Шереметевой (письмо к Шереметевой не сохранилось).

Из послания к Языкову: «Письмо твое[1] меня обрадовало. Ты в Москве[2]. <...> Благодарю тебя за желание наделить меня книгами, но предлагаемые тобою уже у меня есть. Но так как ты хочешь на-

сытить мою жажду (а жажда моя к чтению никогда не была так велика, как теперь), то вот тебе на вид те книги[3], которых бы я желал: 1) Розыск, Дмитрия Ростовского[4]; 2) Трубы словес и Меч духовный, Лазаря Барановича[5] и 3) Сочинения Стефана Яворского в 3 частях, проповеди[6]. Да хотел бы я иметь Русские летописи, издан<ные> Археографич<ескою> комиссией[7]), если не ошибаюсь, есть уже три, когда не четыре тома. Да Христианское чтение за 1842 год. Вот книги, которые я хотел бы сильно достать. Переслать мне можно их порознь с русскими, едущими за границу... <...> А у меня два депо[8]: в Дюссельдорф Жуковскому и в Рим Иванову и Кривцову. А не то могут оставить во Франкфурте в нашем посольстве, хотя этим путем и не так скоро меня найдут книги. <...> Между прочим советую тебе пересмотреть эти книги. Я никогда не думал, чтобы наше Христианское чтение было так интересно: там не только прекрасные переводы всех почти отцов церкви, не только много драгоценных отрывков из рассеянных летописей первоначальных христиан, но есть много оригинальных статей, неизвестно кому принадлежащих[9], очень замечательных. Ты пишешь, что Петр Василь<евич> Киреевский совершил свой великий подвиг и послал песни в Петербург в цензуру. Слава Богу! Есть, стало быть, надежда, что мы лет через десять будем читать их, разумеется, если пропустит цензура и не помешает недосуг, которого так много в московской жизни. Иванова глаза стали гораздо лучше, и он чувствует бодрость. Дело его совершенно устроилось, и надежда есть, что ему не будут мешать, или тревожить. Авдотью Петровну[10] поблагодари за ее доброту и за всё. Надежду Николаевну[11] также и передай ей эту маленькую записочку. <...> Адресуй мне по-прежнему на имя Жуковского».

[1] Письмо не сохранилось. Оно являлось ответном Языкова на письмо Гоголя от 1 сентября (н. ст.) 1843 г. (см. ***1843. Сентября 1 <августа 20>. Пятница. Дюссельдорф***).

[2] См. ***1843. Июля 31 <августа 12>. Суббота. Москва.***

[3] Сведения о книгах, упоминаемых далее в письме, Гоголь почерпнул в журнале «Христианское Чтение» за 1843 г. В своей записной книжке 1841–1846 гг. он дважды пометил: «Стефана Яворск<ого> Проповеди и другие сочи<нения> в 3 томах»; «Сочинения Стефана Яворского. М., 1805; в 3 части ответ Сорбонской академии о разделении Церквей». Эта запись, а также две последующие: «Цвет духовный. 1682 год» и «Пращица, Преосвященного Питирима, Епископа Новгородского (правильно: Нижегородского.– *И. В.*), изд. 1721», – восходят к опубликованной в т. 3 «Христианского Чтения» за 1843 г. статье И. К. Яхонтова (впоследствии протоиерея) «О православии Российской Церкви». Запись Гоголя повторяет ссылку на источник цитаты из сочинений Стефана Яворского, приводимой Иоанном Яхонтовым в подстрочном примечании: «См. ответ его Сорбонской Академии в 3-ей части особо собранных его сочинений. Москва, 1805» (Христианское Чтение. 1843. Т. 37. С. 58). Именно этой цитатой «о разделении Церквей», взятой Яхонтовым из сочинений преосвященного Стефана (Яворского), Гоголь воспользовался в статье *XVII. Просвещение* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846) (см. ***1845. Мая 6 <апреля 24>. Вторник. Радоница. Париж***).

Наряду с этим примечанием-цитатой, в гоголевском рукописном сборнике «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви» (см. ***1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца***), в выписке *24. О Русской Церкви* (из статьи Яхонтова) есть также цитата из сочинений св. Димитрия Ростовского, взятая, согласно еще одному подстрочному примечанию к статье, из «Христианского Чтения» за 1842 г. (Христианское Чтение. 1843. Т. 3. С. 57). Именно сочинения Стефана Яворского и «Христианское Чтение» за 1842 г. просит Гоголь у Языкова в комментируемом письме, – вероятно, для того, чтобы осмыслить цитаты, наиболее поразившие его в статье Яхонтова, в их первоисточниках. Здесь же Гоголь просит прислать ему «Русские летописи» – на них также часто ссылается Иоанн Яхонтов (причем, подобно ему, Гоголь ставит в своем письме «Русские летописи» в один ряд с «летописями первоначальных христиан»).

[4] Розыск о раскольнической брынской вере, учении их и о делах их. М., 1745 (переиздан в составе Сочинений св. Димитрия Ростовского. М., 1840 и 1842). См. помету Гоголя в его записной книжке 1841–1846 гг.: «*Розыск*, Дмитрия Ростовского».

[5] Сборники проповедей преосвященного Лазаря (Барановича) «Трубы словес проповедных» (1674) и «Меч духовный» (1679). См. помету Гоголя в его записной книжке 1841–1846 гг.: «Лазаря Барановича <...> Трубы словес и Меч духовный».

[6] Проповеди блаженныя памяти Стефана Яворского, преосвященного Митрополита Рязанского и Муромского, бывшего местоблюстителя престола Патриаршего, высоким учением знаменитого, и ревностию по благочестии преславного. М., 1804–1805. Ч. 1–3 (см. также ***1849. Августа 19. Пятница. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье*** – примечания).

[7] Полное собрание русских летописей, издаваемое Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 3; 1843. Т. 2, 4. – Повторную просьбу Гоголя к Языкову прислать это издание см.: ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь.***

[8] Депо – здесь: склад для хранения (см. также ***1843. Февраля 26 <14>. Воскресенье. Рим*** – примечания).

[9] Гоголь имеет в виду опубликованную без имени автора статью И. К. Яхонтова «О православии Российской Церкви» (см. примеч. выше) и анонимную статью «О милостыне», напечатанные в т. 3 «Христианского Чтения» за 1843 г. Статья «О милостыне» послужила Гоголю основой для заметки в записной книжке 1841–1846 гг. «Богатые, прежде всего помните...» (текстологический анализ этой заметки и ее сличение с источником см. в изд.: *Гоголь Н. В.* Духовная проза. М., 1992. С. 541–543).

[10] Елагину.

[11] Шереметеву.

ОКТЯБРЯ 6 <СЕНТЯБРЯ 24>. ПЯТНИЦА. ДЮССЕЛЬДОРФ

Гоголь пишет письмо П. А. Плетневу в Петербург («Его превосходительству Петру Александровичу Плетневу, г. ректору С.-Петербургского университета») и ответное послание к С. П. Шевыреву в Москву («Профессору Имп<ераторского> Московского университета Степану Петровичу Шевыреву») (судя по почтовым штемпелям[1], оба письма были отправлены из Дюссельдорфа на следующий день, 7 октября).

Из письма к Плетневу: «Началом письма уже просьба. Шевырев из Москвы известил меня о мерзком поступке типографии, замотавшей экземпляры моих Сочинений и что Прокоповичу предстоит тяжба (Прокопович не дал мне до сих пор никакого обстоятельного уведомления о положении дел моих). И потому я прошу вас помочь сколько можно вашим участием, если, точно, дело в гадком положении. Денег я не получаю ниоткуда; вырученные за М<ертвые> д<уши> пошли все почти на уплату долгов моих. За Сочинения мои тоже я не получил еще ни гроша, потому что всё платилось в эту гадкую типографию, взявшую страшно дорого за напечатание, и притом продажа книги идет, как видно, туго. Если придется к тому потерять экземпляры, то и впереди не предстоит никакой возможности на пропитание тщедушных дней моих. И потому, что можно сделать, сделайте. В теперешних моих обстоятельствах мне бы помогло отчасти вспомоществование в виде подарков от двора за представленные экземпляры. Я, как вы знаете, не получил ни за М<ертвые> д<уши>[2], ни за Сочинения. Прежде, признаюсь, я не хотел[3] бы даже этого, но теперь, опираясь на стесненное положение моих обстоятельств, я думаю, можно прибегнуть к этому. Если вы найдете это возможным, то надобно так, чтобы эта помощь была или от Государыни или от Наследника. От Государя мне ни в каком случае не следует ничего, это бы было даже бесстыдно с моей стороны просить. Он подал мне помощь в самую трудную минуту моей жизни[4], за это я не заплатил еще ничем. От Марьи Николаевны тоже не следует ничего просить[5]. Но если возможно от первых[6]... <...> Важность всего этого тем более значительна, что не скоро придется мне выдать что-нибудь в свет. Чем более торопишь себя, тем менее подвигаешь дело. Да и трудно это сделать, когда уже внутри тебя заключился твой неумолимый судья[7], строго требующий отчета во всем и поворачивающий всякий раз назад при необдуманном стремлении вперед. Теперь мне всякую минуту становится понятней, отчего может умереть с голода художник, тогда как кажется, что он может большие набрать деньги. <...> Я знаю, что после буду творить полней и даже быстрее, но до этого еще не скоро мне достигнуть. Сочиненья мои так связаны тесно с духовным образованием меня самого и такое мне нужно до того времени вынести внутреннее сильное воспитание душевное, глубокое воспитание, что нельзя и надеяться на скорое появление моих новых сочинений. <...> ...Это слово из моей душевной исповеди. <...>

Получили ли Мат<т>ео Фальконе от Жуковского? Я интересуюсь знать о нем. Хоть это и не мое дитя, но я его воспринимал от купели и торопил к появлению в свет. Вы заметили, я думаю, что он переписан моею рукою».

Гоголь входил тогда во все творческие планы и начинания В. А. Жуковского. По крайней мере два из немногочисленных поэтических переводов Жуковского той поры были сделаны по прямому настоянию Гоголя. Помимо опубликованного в 1843 г. в «Современнике» перевода Жуковского (с стихотворного переложения

А. де Шамиссо) повести П. Мериме «Маттео Фальконе» (1829) (новеллы, сюжет которой прямо отзывается в содержании «Тараса Бульбы»), Гоголь побуждал также Жуковского к написанию стихотворения «Две повести», напечатанного в 1845 г. в «Москвитянине». 14 декабря (н. ст.) 1844 г. Гоголь писал С. П. Шевыреву: «...Жуковский мною заставлен сделать для "Москвитянина" великое дело, которого, без хвастовства, побудителем и подстрекателем был я»[8].

Гоголь был первым, кому Жуковский читал осенью 1843 г. в Дюссельдорфе[9] и осенью 1844 — начале 1845 гг. во Франкфурте[10] свой перевод «Одиссеи» Гомера. (Перевод первой песни «Одиссеи» Гоголь осенью 1843 г. побуждал Жуковского послать для публикации в «Москвитянин», однако поэт не согласился на это «по причине беспрестанных переправок»[11].) Позднее, 15 февраля (н. ст.) 1850 г., Жуковский писал П. А. Плетневу из Бадена: «Вы называете мой перевод второй части Одиссеи подвигом исполинским — это особенно в том отношении правда, что моя работа была *постоянная* и *без всякого внешнего подкрепления;* первые 12 песней переведены во Франкфурте; там жил в моем доме Гоголь, я читал ему мой перевод, он читал его мне и судил о нем как поэт... Ничего этого я не имел, переводя вторую часть Одиссеи в Бадене...»[12]

В августе 1846 г. В. А. Жуковский сделал стихотворный перевод пересказываемой Гоголем в «Выбранных местах из переписки с друзьями» семнадцатой главы Книги Премудрости Соломона («Египетская тьма»)[13].

Из письма к Шевыреву: «Вексель на 1000 рублей я получил вместе с уведомлением твоим о завладении моим добром[14] и о предстоящей тяжбе. Конечно, всё это нехорошо, но обвинять кого-либо бесплодно и поздно. Разумеется, первоначальная причина всему я. <...> ...Пришли мне самый короткий отчет[15] в том, кому розданы и заплачены и в каком именно количестве деньги, вырученные за М<ертвые> д<уши>, также сколько получено экземпляров[16] от Прокоповича. <...> Приступи ко второму изданию М<ертвых> д<уш>. Поправок не нужно, кроме разве в языке и слоге, что ты можешь сделать лучше моего. Если же я теперь к чему-нибудь прикоснусь, то многое не останется на месте и займет это не мало времени. Поправки могут быть произведены только тогда, когда я буду [в несколько раз] умней. <...> Сделай примерную смету снесясь с надобностями книгопродавцев: сколько я могу получить в год доходу от второго издания, чтобы я мог с своей стороны подумать о том, как достать недостающие мне деньги. <...> Для первой высылки деньги нужно будет взять у Языкова, который взял с меня слово обратиться при первой надобности к нему. Но этим еще повремени до следующего моего письма. С своей стороны я употреблю всё, чтобы ограничиться и съежиться более. К Плетневу я написал письмо, прося о приложении прилежного участия к моему делу. <...> Твое письмо беспокойно, ты принимаешь слишком к сердцу это дело. Во-первых, это денежная утрата. А когда утрачивается эта мерзость, всегда нужно прежде всего втайне обрадоваться тому, а потом, разумеется, подумать о том, как приобрести ее, потому что без этой дряни нельзя жить, благодаря нас самих, которые выдумали ее с помощию чорта. <...> Прося взять мои семейственные дела, я позабыл о том, что это лежит на мне и что кроме меня никто не мог подать им той душевной помощи, которая им нужнее была всякой другой. И потому не получил успокоения. Мысль о них меня преследовала, и в то же время я чувствовал свое бессилие. Полгода писал и обдумывал я письмо к моей матери и сестрам[17]. <...> Даже то несвязное и неудовлетворительное письмо[18], которым я просил вас или, лучше, молил о принятии дел моих, где всего не более как две-три душевные причины мог привесть, и это письмо даже мне стоило времени и обдумывания. <...> Твои статьи, о чем бы ты ни писал теперь, мне дороги, *потому* что они проникнуты тем, чем бы я хотел, чтобы у нас всё было проникнуто в России. Потребность чтения теперь слишком сильна в душе моей. Это всегда случается со мною во время антрактов (когда я пишу, тогда уже ничего не читаю и не могу читать), и потому этим временем я стараюсь воспользоваться и захватить побольше всего, что нужно. Иногда мне бывает так нужна какая-нибудь книга, которую именно требует душа и которая, к сожалению, часто русская, что если бы какой-нибудь плут узнал мою нужду и представил ее в ту же минуту, он бы мог взять у меня в обмен половину экземпляров моих сочинений, а может быть, и самого Жернакова в придачу. Обнимаю тебя, благодарю за всё и особенно за письма. Прощай. Жуковский тебе кланяется».

[1] См.: *Городецкий.* С. 451, 467.

[2] См. ***1842. Мая 26. Вторник — июня 5. Пятница. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим.***

[4] См. ***1837. Ноября 2 <октября 21>. Четверг. Женева.***

[5] См. ***1843. Марта между 21 и 26 <марта между 9 и 14>. Утро. Рим.***

[6] См. ***1843. Октября 12 <24>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1843. Ноября 18 <6>. Суббота. Дюссельдорф***; ***1844 января 1 <1843 декабря 20>. Понедельник. Ницца***; ***1844 января 8 <1843 декабря 27>. Понедельник. Ницца***.

[7] В отдельном наброске Гоголь также писал: «Хуже всего то, что будешь судить самого себя, будешь сам судьей своим. – Да разве это страшно? – О, как страшно! Не позабудь, что взгляд исполнится проница<тельности> орлиной, а ум полного понятия, справедливого, что ты будешь другим человеком, будешь судить мудро, справедливо и горячо, со всею любовью к добру, со всем благодатным гневом и ненавистью ко злу, и только что произнесешь ты беспристрастное слово суда, тебе скажут: это всё ты, справедливый судья, ты это наделал. А?» (*РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 44. Л. 1). (На тех же страницах Гоголь написал: «Почему ж никто не является подвижником правды, почему не стоит за добро общее, как за свое, почему не влюбился в это добро. Потому что руки отнимаются, видя, что все раскрадывают то добро, из-за которого он хлопочет, что все накопленное им достанется в жалованье первому дураку, что...»; *РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 44. Л. 3. – См. также ***1844. Октября 24 <12>. Четверг. Франкфурт-на-Майне*** – примечания.)

[8] См. ***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***.

[9] См. ***1843. Сентября 23 <11>. Суббота – декабря 5 <ноября 23>. Вторник. Дюссельдорф***.

[10] См. ***1844 сентября 21 <9>. Суббота – 1845 января 10 или 11 <1844 декабря 29 или 30>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***.

[11] См. ***1843. Сентября 20 <8>. Среда. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Дюссельдорф***. – См. также ***1843. Июня 8 <мая 27>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1843. Августа 28 <16>. Понедельник – ноября 5 <октября 24>. Воскресенье. Дюссельдорф***; ***1843. Сентября 23 <11>. Суббота – декабря 5 <ноября 23>. Вторник. Дюссельдорф***.

[12] См. ***1844 сентября 21 <9>. Суббота – 1845 января 10 или 11 <1844 декабря 29 или 30>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***.

[13] См. также ***1845. Мая 17 <5>. Суббота. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[14] См. ***1843. Мая 17 <5>. Среда. Гастейн*** (примечания).

[15] См. ***1843. Октября 27 <ноября 8>. Среда. Москва***.

[16] Собрания сочинений.

[17] См. ***1843. Апреля средина – мая 2 <апреля начало – апреля 20>. Рим***.

[18] См. ***1843. Февраля 28 <16>. Вторник. Рим***.

СЕНТЯБРЯ 24 <ОКТЯБРЯ 6>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Согласно почтовому штемпелю[1], Н. Я. Прокопович получил в этот день письмо Гоголя из Дюссельдорфа[2].

[1] См.: *Шубинский*. С. 46.

[2] См. ***1843. Сентября 24 <12>. Воскресенье. Дюссельдорф***.

СЕНТЯБРЯ 28 <ОКТЯБРЯ 10>. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре. Роль Кочкарева впервые исполнил М. С. Щепкин[1].

Жена Н. М. Щепкина (сына актера) А. В. Щепкина (рожд. Станкевич), познакомившаяся с М. С. Щепкиным в Москве в мае 1845 г., в 1887 г. вспоминала: «Играл свои роли М. С. Щепкин всегда одинаково хорошо, потому что игра его основывалась на глубоком изучении роли и на обдуманной интонации в произношении ее. <...> В “Женитьбе” <...>, играя роль Кочкарева, он поражал живостью и беготней и каким-то энергичным проявлением того спокойного легкомыслия, с которым Кочкарев впутывался в чужие дела и с увлечением принимал горячо успех или неудачу своих забот о женитьбе приятеля. Эти свойства Кочкарева проглядывали в стремительной походке, в скороговорке и ободряющих взглядах, устремленных на робкого приятеля, которого он взялся пристроить. И все идет ровно и плавно, пока неожиданно не обрывается вдруг эта энергия при вести о бегстве его жертвы; на мгновение стоит он растерявшись (переход этот был замечательно хорош у М. С. Щепкина), и вдруг стремительно убегает отыскивать Подколесина, с новым приливом энергии»[2].

П. Д. Боборыкин, видевший М. С. Щепкина в роли Кочкарева в 1853 г., позднее, в 1906 г., вспоминал: «В Кочкареве я – помню – не сразу признал его, когда на сцену ввалился кругленький господин в темно-русом парике, вицмундире и в белых брюках.

Сказать ли правду? Он показался мне мало похожим на петербургского "чинушá", шумного торопыгу, балагура и свата. Для этого он уже не был достаточно молод; его тон и повадка мало отзывались тем, что можно было представлять себе, читая "Женитьбу".

Люди генерации моего дяди видали его несколько раньше в этой роли и любили распространяться о том, как он заразительно и долго хохочет перед Жевакиным.

На меня этот смех не подействовал тогда так заразительно, и мне даже как бы неприятно было, что я не нашел в Кочкареве того самого Михаила Семеновича, который выступал в Городничем и Фамусове»[3].

[1] *Гриц.* С. 320.

[2] *Щепкина А. В.* Михаил Семенович Щепкин в семье и на сцене // *Свод.* Т. 3. С. 34.

[3] *Боборыкин П. Д.* За полвека. Мои воспоминания // Русская Мысль. 1906. № 2. С. 31–32; см. также: *Боборыкин П. Д.* За полвека. (Мои воспоминания) / Редакция, предисл. и примеч. Б. П. Козьмина. М.; Л., 1929. С. 41.

СЕНТЯБРЯ 29 <ОКТЯБРЯ 11>. СРЕДА. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре.

Ельницкая 1978. С. 253.

ОКТЯБРЯ 13 <1>. ПЯТНИЦА. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ДЮССЕЛЬДОРФ

Гоголь в письме в Васильевку поздравляет мать с именинами:

«Поздравляю вас с наступившим днем именин ваших. <...> Письма ваши и вместе с ними письма сестер моих[1] я получил. Сказать поистине, все они вообще меня несколько изумили, изумили меня именно в следующем отношении: я не ожидал ничего более насчет моего письма[2], как только одного простого уведомления, что оно получено. Вместо того получил я целые страницы объяснений и оправданий, точно как будто бы я обвинял кого-нибудь. <...> Исполните теперь мою просьбу, о которой вас буду просить: оставьте мое письмо, не читайте его, не заговаривайте о нем даже между собою до самого великого поста. Но зато дайте мне все слово во всё продолжение первой недели великого поста (мне бы хотелось, чтобы вы говели на первой неделе) читать мое письмо, перечитывая всякий день по одному разу и входя в точный смысл его, который не может быть доступен с первого разу. Кто меня любит, тот должен всё это исполнить. <...>

...Уведомьте меня, какими деньгами вы заплатили Данилевскому половину занятой суммы[3]. Мне нужно знать, кому именно и сколько я должен. Хотя я и не могу их заплатить теперь, но тем не менее должен вести аккуратно дела свои, рассчитывая копейку в копейку...»

[1] Эти письма неизвестны.

[2] См. ***1843. Апреля средина – мая 2 <апреля начало – апреля 20>. Рим.***

[3] См. ***1843. Февраля 26 <14>. Воскресенье. Рим***; ***1843. Марта 19 <31>. Пятница. Москва***; ***1843. Апреля 17 <5>. Великий понедельник. Рим***; ***1843. Мая 17 <5>. Среда. Гастейн.***

ОКТЯБРЯ 1 <13>. ПЯТНИЦА. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. МОСКВА

Н. М. Языков пишет ответное[1] письмо Гоголю в Дюссельдорф[2].

[1] См. ***1843. Октября 5 <сентября 23>. Четверг. Дюссельдорф.***
[2] См. ***1843. Ноября 4 <октября 23>. Суббота. Дюссельдорф.***

ОКТЯБРЯ 2 <14>. СУББОТА. МОСКВА

В. С. Аксакова в письме к М. Г. Карташевской сообщает (письмо было отправлено позднее, 8 октября 1843 г.):

«На днях была Елагина и привозила мне показывать старинные гравюры фресков Микельанджело. Это необыкновенно хорошо; как чудно легки и свободны все эти положения, которые он разнообразит донельзя и точно играет ими, и как необыкновенно естественны и свободны они, несмотря на то, что ты не встретишь их почти нигде в картинах. Эти гравюры привез с собой Языков, и Авд<отья> Петр<овна> взяла их у него и привозила мне их показывать. <...> Это, говорят, нашел Гоголь и указал Языкову[1], а теперь он не в Риме. Говорят, эти гравюры там очень дешевы».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 840.

[1] В переписке Гоголя упоминаний об этих гравюрах нет.

ОКТЯБРЯ СРЕДИНА <ОКТЯБРЯ НАЧАЛО>. РИМ

А. А. Иванов пишет Гоголю в Дюссельдорф:

«Моллера я всячески склонял написать к вам, но в ответ получил письмо из Неаполя от его приятеля, где извещают меня, что Федор Антонович ушиб себе больную руку и Циммерман запретил ему писать, рисовать или каким бы то ни было образом утруждать ее.

Это, вероятно, и к вам относится. Его, между прочим, просил в письме к вам послать и мою новую приписочку[1], вот она в чем состоит...»[2]

[1] См. ***1843. Сентября конец <сентября средина>. Рим.***
[2] Не дописано.

ОКТЯБРЯ 5 <17>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получил письмо Гоголя от 6 октября (н. ст.) 1843 г.[1]

6 октября 1843 г. Плетнев сообщал Я. К. Гроту: «*Вторник (5 октября).* <...> После обеда получил письмо от Гоголя из Дюссельдорфа[2]. Жалуется на безденежье и изъясняет внутреннюю борьбу художника с требованиями жизни»[3].

[1] См. ***1843. Октября 6 <сентября 24>. Пятница. Дюссельдорф.***
[2] Согласно почтовому штемпелю, письмо было доставлено в Петербург 4 октября 1843 г. (см.: *Городецкий.* С. 451).
[3] *Свод.* Т. 1. С. 666.

ОКТЯБРЯ 12 <24>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев через великую княжну Ольгу Николаевну передал, по просьбе Гоголя[1], экземпляр его сочинений в четырех томах Императрице Александре Феодоровне.

13 октября 1843 г. Плетнев сообщал Я. К. Гроту: «*Вторник (12 октября).* В Царском Селе продолжали Наля и Дамаянти. Что за грация! Что за прелесть! Я успел упросить Великую Княжну Ольгу Николаевну, чтобы она приняла от меня экземпляр Гоголя сочинений и поднесла бы его Maman, с условием, вместо подарка, послать ему в пособие денег»[2].

[1] См. ***1843. Октября 6 <сентября 24>. Пятница. Дюссельдорф***; ***1843. Октября 5 <17>. Вторник. Санкт-Петербург***.

[2] *Свод*. Т. 1. С. 667.

ОКТЯБРЯ 25 <13>. СРЕДА. ДЮССЕЛЬДОРФ

В. А. Жуковский записывает в дневнике:

«*13 (25) <октября>*. Принялся за "Одиссею". Жена в постеле. Появление Гоголя. Ввечеру с ним прогулка. – Приезд Михаила Павловича, известие о рождении в<еликого> князя Николая[1] <Александровича>»[2].

Позднее, в конце декабря (н. ст.) 1843 г., в Дюссельдорфе Жуковский также записал в дневнике: «Проезд вел<икого> князя Мих<аила> Павловича через Дюссельдорф. Пребывание Гоголя. Барятинский»[3].

[1] См. ***1851. Декабря конец. Москва.***

[2] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод*. Т. 2. С. 42.

[3] Там же.

ОКТЯБРЯ 13 <25>. СРЕДА. БЕРЕЗАНЬ

П. А. Лукашевич пишет М. П. Погодину в Москву:

«В 1839 году, в Праге, я имел честь с вами познакомиться[1]; в то время, вероятно можете припомнить, я обещал прислать к вам в Париж историческое исследование, касающееся Истории Малороссии обеих сторон Днепра... <...> Возвратясь домой, за хозяйственными и тяжебными (неминуемыми в Малороссии) обстоятельствами, я более четырех лет не беру пера в руки. В этом годе добрый мой товарищ (по классам) А. С. Данилевский, посетив меня, привез мне приятную весть, что вы меня не забыли и, будучи в Малороссии[2], вспомнили за меня и за мое обещание. Хотя я додерживаю всегда свое слово, но объявил Александру Семеновичу, что решительно забросил и Филологию, и Историю, и все, чем занимался... <...> Все эти представления не подействовали на неумолимого товарища. Итак, пробудив меня от бездействия <пробужденный от бездействия>, принужденным нахожусь приняться за старых знакомцев. Что же вам для прекрасного вашего журнала выслать? Решил, что первое выймется и посылаю: *Предисторический Словенский мир*[3] – это род вступления между моими филологическими и историческими исследованиями».

Барсуков. 1893. Кн. 7. С. 146–147.

[1] В феврале 1839 г. (см. ***1839. Марта 25 <13>. Понедельник. Рим*** – примечания).

[2] См. ***1842. Июля 16–17 <28–29>. Четверг-пятница. Васильевка.***

[3] Напечатано: *Лукашевич Платон*. Предысторический Славянский мир. Статья 1-я // Москвитянин. 1843. Ч. 6. № 12 (цензурное разрешение 17 дек.). С. 347–366.

ОКТЯБРЯ 14 <26>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Женитьбы» и «Игроков» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 253, 260.

ОКТЯБРЬ <СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА – ОКТЯБРЯ СРЕДИНА>. РИМ

В. И. Штернберг сообщает И. К. Айвазовскому:

«Я написал маленькую картинку для Галагана <...>. На днях приехали Эпингер и Чижов, которые, как тебе известно, были в Черногории, Далмации, Кроатиии проч.»[1]

Свод. Т. 3. С. 307.

[1] См.: *Чижов Ф.* Отрывки из дневных записок во время путешествия по Далмации в 1843 году <с 7 по 24 августа (н. ст.)> // Москвитянин. 1845. Ч. IV. № 7 и 8. Июль и август (цензурное разрешение 27 авг.). Отд. 1. С. 1–46; Воспоминания Ф. В. Чижова. <Ответы на вопросы III Отделения 23 мая 1847 г.> // Исторический Вестник. 1883. № 2. С. 243–244.

ОКТЯБРЯ 20 <НОЯБРЯ 1>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

НОЯБРЯ 2 <ОКТЯБРЯ 21>. ЧЕТВЕРГ. ДЮССЕЛЬДОРФ

Гоголь отправляет в Москву, вместе с письмом к С. Т. Аксакову (не сохранилось)[1], ответное послание к М. П. Погодину, возвращая при этом письмо самого Погодина (от 12 сентября 1843 г.)[2]. В письме к Погодину объясняет[3] свое неприязненное отношение к нему во время пребывания в Москве осенью 1841 – весной 1842 г.[4] (письмо осталось Погодину неизвестным)[5]:

«Между нами произошло непостижимое событие. Ту же тяжесть, какую ты чувствовал от моего присутствия, я чувствовал от твоего. <...> ...Когда вырвался я от тебя[6], у меня была одна и та же мысль написать тебе подробно всю мою исповедь. <...> Наконец, я попробовал написать тебе маленькое письмо[7], в котором просил просто прощения за все оскорбления, которые я нанес тебе, складывая все на мой неровный характер, припомня, что ты иногда многое, чего не мог понять во мне, объяснял им. На это письмецо не было ответа, и поделом. Оно не было удовлетворительно. Если бы оно было удовлетворительно, то, по отправлении его, в душе моей настало бы спокойствие, но мысль об этом мучила меня еще целый год. Наконец, после некоторых переездов[8] из земли в другую, я стал покойнее и почувствовал, что могу объяснить хладнокровно всё дело на нескольких страницах. Но получа твое нынешнее письмо, я отложил и эту мысль. Изъяснение будет уже походить на оправдание, а оправдание есть уже что-то подлое. Оправдывая себя, уже обвиняешь другого. <...> Ты никогда не всматриваешься во внутренний смысл и значение происходящих событий. Все события, особенно неожиданные и чрезвычайные, суть Божьи слова к нам. Их нужно вопрошать до тех пор, пока не допросишься, что они значат, чего ими требуется от нас. Без этого никогда не сделаемся мы лучшими и совершеннее. <...> Света никогда не узнаешь, толкаясь между людьми[9]. На свет нужно всмотреться только в начале, чтобы приобресть заглавие той материи, которую следует узнавать внутри души своей. Это подтвердят тебе многие святые молчальники, которые говорят согласно, что, поживши такою жизнью, читаешь на лице всякого человека сокровенные его мысли, хотя бы он и скрывал их всячески. Несколько я испытал даже это на себе, хотя жизнь мою можно назвать разве карикатурой на такую жизнь. <...> ...Если ты

захочешь получше поверить и себя и меня, я тебе советую сделать вот что: у тебя будет одно такое время, в которое ты будешь иметь возможность прожить созерцательною и погруженною в самого себя жизнью. Именно во время говенья. Продли это время, если можно, подолее обыкновенного, и займись в это время чтением одних тех книг, которые относятся к душе нашей и обнаруживают ее глубокие тайны. К счастию человечества такие книги существуют, и было много передовых людей, проживших такою жизнью, которая доныне еще загадка. Книги эти настроют тебя к углублению в себя, да и что говорить об этом. В такое время сам Бог помогает человеку много и просвещает его мысленные взоры. — Скажу еще о последних словах твоего письма. Ты говоришь, что готов *снова ругать и любить меня.* За первое благодарю тебя душевно, потому что в этом теперь более, нежели когда-либо, слышу надобность; а на второе скажу вот что: любить мы должны всегда. И чем более в человеке дурных сторон и всяких мерзостей, тем, может быть, еще более мы должны любить. Потому что, если среди множества дурных его качеств находится хотя одно хорошее, тогда за это одно хорошее качество можно ухватиться, как за доску, и спасти всего человека от потопления. Но это можно сделать только одною любовью, любовью, очищенною от всего пристрастного. Ибо если подлое чувство гнева хотя на время взнесется над этою любовью, то такая любовь уже бессильна и ничего не сделает».

[1] См. ***1843 ноябрь-декабрь <1843 ноября средина — 1844 января первая половина>. Москва.***

[2] См. ***1843. Сентября средина, после 12 <после 24>. Москва.***

[3] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки.***

[4] См. ***1841. Ноябрь-декабрь. Москва.***

[5] См. ***1843 ноябрь-декабрь <1843 ноября средина — 1844 января первая половина>. Москва.***

[6] Имеется в виду отъезд Гоголя из Москвы 23 мая 1842 г. (см. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки***).

[7] См. ***1842. Июля 14 — сентября первая половина <июля 2 — сентября начало>. Гастейн, Зальцбург, Мюнхен, Гастейн.***

[8] Гоголь выехал из Рима 2 мая (н. ст.) 1843 г. (см. ***1843. Мая 2 <апреля 20>. Вторник. Радоница. Рим***).

[9] Позднее во второй статье «о нашей Церкви и духовенстве» («О том же») «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь также писал: «Некоторые из нынешних умников выдумали, будто нужно толкаться среди света для того, чтобы узнать его. Это просто вздор. Опроверженьем такого мнения служат все светские люди, которые толкаются вечно среди света и при всем том бывают всех пустее. Воспитываются для света не посреди света, но вдали от него, в глубоком внутреннем созерцании, в исследовании собственной души своей, ибо там законы всего и всему: Найди только прежде ключ к своей собственной душе, когда же найдешь, тогда этим же самым ключом отопрешь души всех» (статья датирована 1845 г.).

НОЯБРЯ 4 <ОКТЯБРЯ 23>. СУББОТА. ДЮССЕЛЬДОРФ

Гоголь пишет в Москву ответное[1] письмо Н. М. Языкову (судя по почтовому штемпелю[2], письмо было отправлено на следующий день[3] — в день отъезда Гоголя из Дюссельдорфа в Ниццу).

Из письма к Языкову: «Письмо твое от 1-го октября меня порадовало душевно. Порадовало потому, что я в нем, сквозь самые твои развлечения и даже мази Иноземцева, прозреваю (вследствие моего чутья внутреннего), что от тебя не так далеко время писанья и работы. Остается испросить вдохновенья. Как это сделать? Нужно послать из души нашей к Нему стремление: чего не поищешь, того не найдешь, говорит пословица. Стремление есть молитва. Молитва не есть словесное дело; она должна быть от всех сил души и всеми силами души; без того она не возлетит. Молитва есть восторг. Если она дошла до степени восторга, то она уже просит о том, чего Бог хочет, а не о том, чего мы хотим. Как узнать хотение Божие? для этого нужно взглянуть разумными очами на себя и исследовать себя: какие способности, данные нам от рождения, выше и благороднее других, теми способностями мы должны работать преимущественно, и в сей работе заключено хотение Бога, иначе они не были бы нам даны. Итак, прося о пробуждении их, мы будем просить о том, что согласно с его волею. Стало быть, молитва наша прямо будет услышана. Но нужно, чтобы эта молитва была от всех сил души нашей. Если такое постоянное напряжение хотя на две минуты в день

соблюсти в продолжение одной или двух неделей, то увидишь ее действия непременно. К концу этого времени в молитве окажутся прибавления. Вот какие произойдут чудеса: в первый день еще ни ядра мысли нет в голове твоей, ты просишь просто о вдохновении. На другой или на третий день ты будешь говорить не просто: дай произвести мне, но уже: дай произвести мне в *таком-то* духе. Потом на четвертый или пятый, – с *такою-то* силою, потом окажутся в душе вопросы: какое впечатление могут произвести задумываемые творения и к чему могут послужить? И за вопросами в ту же минуту последуют ответы, которые будут прямо от Бога. Красота этих ответов будет такова, что весь состав уже сам собою превратится в восторг; и к концу какой-нибудь другой недели увидишь, что уже всё составилось, что нужно. И предмет, и значенье его, и сила, и глубокий внутренний смысл, словом – всё, стоит только взять в руки перо, да и писать. <...> Молись о том, чтобы уметь молиться. <...> Святые молчальники, которые уже всё нашли для себя лишним в мире и следили только одни внутренние явления души, на глубокую науку будущему человечеству, говорят вот что. Приход Бога в душу узнается по тому, когда душа почувствует иногда вдруг умиление и сладкие слезы, беспричинные слезы, происшедшие не от грусти или беспокойства, но которых изъяснить не могут слова. До такого состояния (говорят они же) дойти человеку возможно только тогда, когда он освободился от всех страстей совершенно; но есть однако же такие избранники, которых Бог возлюбит от детства для благих и великих своих намерений и посещает невидимо, доказательством чего служат внезапно находящий на них восторг и тихие слезы. <...> ...Если подвергнется сильному ответу тот, кто не искал Бога, то еще сильнейшему тот, кто убегал от Бога. <...> ...В душе у поэта сил бездна. Ежели простой человек борется с неслыханными несчастиями и побеждает их, то поэт непременно должен побеждать большие и сильнейшие. Рассматривая глубо<ко> и в существе те орудия, которыми простые люди побеждали несчастия, видим с трепетом, что таких орудий целый арсенал вложил Бог в душу поэта. Но их большею частию и не знает поэт и не прибегает к узнанию. Разбросанных сил никто не знает и не видит и никогда не может сказать наверно, в каком они количестве. Когда они собраны вместе, тогда только их узнаешь. А собрать силы может одна молитва.

Вследствие этого я перехожу отсюда прямо к твоей болезни. Мне кажется, что все мази и притирания надобно понемногу отправлять за окошко. Тело твое возбуждали довольно, пора ему дать даже необходимый отдых, а вместо того следует дать работу духу. На болезнь нужно смотреть, как на сражение. <...> ...Ведь были такие же люди, которые страдали от жестоких болезней, но потом дошли до такого состояния, что уже не чувствовали болей, а наконец дошли до такого состояния, что уже чувствовали в то время радость, непостижимую ни для кого. <...> Но в один день нельзя так окрепнуть. Вырастает дерево и на голом камне, но это не делается вдруг... <...> Бог не то, что иной писатель, который поспешит, да всех и насмешит, как говорит Измайлов[4]. Можно и ускорить дело, потому что в нас же заключены и ускоряющие орудия. Умей только найти их[5]. <...> Уведомляй между прочим о том, что ты именно читал или читаешь и какого роду остался после чтения в душе результат. Мы должны помогать друг другу и делиться впечатлениями. Я так мало читал, а особливо книг духовного содержания[6], что мне всякое слово твое о них будет то же, что находка. Да притом хотелось бы очень знать, какие книги нужно прочесть прежде и неукоснительно».

Позднее, 2 января (н. ст.) 1844 г.[7], Гоголь писал Языкову по поводу настоящего письма: «Не забывай иногда перечитывать письмо мое, которое я писал тебе пред сим, там находятся те советы, которые мне доставляли почти всегда значительную пользу, когда я их слушал. Где-то [в книге одного свято<го>] я начитал, что советы всегда нужно давать и никак не следует останавливаться тем, что сам не готов. Потому что, давая советы другим, [невольно] сделается стыдно самому, когда увидишь, что всё это следует прежде обратить к себе, и кончится тем, что наконец придет в ум исправиться самому советщику».

Соответствующее поучение находится в «Книге к пастырю» преп. Иоанна Лествичника[8]: «Хотя редко, однако по некоторому обстоятельству случалось мне приметить, что порочные люди начальствовали над непорочными, и взирая на добродетель своих подчиненных, чрез то сами мало-помалу в стыд приходили, и пороки свои пресекали»[9].

Эти размышления легли в основу главы *XVI. Советы* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Далее в письме к Языкову Гоголь сообщал: «Дюссельдорф я оставляю. Зима в Италии для меня необходима. В Германии она просто мерзость и не стоит подметки нашей русской зимы. В Рим по

разным обстоятельствам не доеду, а зазимую в Нице, куда завтра же и выезжаю[10]. Жуковский тоже оставляет Дюссельдорф и к весне перебирается во Франкфурт. Итак, если что окажется из книг послать мне, то теперь еще удобнее, ибо всякий русский не минует Франкфурта. Ему стоит всё вручить Жуковскому. А от него я получу всячески. Не помнишь ли, сколько писем, одно или два, писал ты ко мне из Дрездена? Я узнал, что на почте пропало одно следуемое мне письмо. По книге почтовой стоит: из Дрездена. Не твое ли? Пришло в Дюссельдорф оно около [19<-го>] половины сентября, а Дюссельдорф по глупости препроводил его в Баден. Кем оно съедено по дороге, Бог ведает. Но из Бадена я не получил на двухкратное требование. Адресуй в Ницу, Poste restante. <...> Спроси <...> у Аксакова, получено ли ими письмо со вложением другого, к Погодину»[11].

[1] См. ***1843. Октября 1 <13>. Пятница. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы.***

[2] См.: *Городецкий.* С. 472.

[3] См. ***1843. Ноября 5 <октября 24>. Воскресенье. Дюссельдорф.***

[4] Цитируется «мораль» (заключительные строки) басни А. Е. Измайлова «Яшка повар»: «Иной писатель поспешит, / Да всех и насмешит».

[5] См. также ***1852. Февраля 16. Суббота. Шестой день Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Москва*** (примечания).

[6] Ср. в письме Гоголя к А. О. Смирновой от 20 апреля (н. ст.) 1844 г., где он замечает о графе В. А. Перовском: «Посоветуйте ему также переговорить кой о чем со мной, опираясь на том, что я много читал и даже [весьма многое] не так, как читается вообще, а часто с толком, что и точно так».

[7] См. ***1844 января 2 <1843 декабря 21>. Вторник. Ницца.***

[8] См. ***Конец 1820-х (не позднее 1829).***

[9] Лествица, возводящая на небо. М., 1795. Л. 180 об.–181. – См. ***1844. Декабря 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; а также коммент. к гоголевскому «правилу» <О гневе и безгневии> в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 6).

[10] См. ***1843. Ноября 5 <октября 24>. Воскресенье. Дюссельдорф.***

[11] См. ***1843. Ноября 2 <октября 21>. Четверг. Дюссельдорф.***

НОЯБРЯ 5 <ОКТЯБРЯ 24>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДЮССЕЛЬДОРФ

Гоголь отправил написанное накануне письмо к Н. М. Языкову в Москву и выехал из Дюссельдорфа в Ниццу.

См. ***1843. Ноября 4 <октября 23>. Суббота. Дюссельдорф.***

ОКТЯБРЯ 27 <НОЯБРЯ 8>. СРЕДА. МОСКВА

С. П. Шевырев, по просьбе Гоголя[1], посылает ему в Дюссельдорф, на имя В. А. Жуковского, подробный отчет о продаже тиража «Мертвых душ»:

«Вот тебе, любезный друг, отчет за М<ертвые> Д<уши>. Извини, что опоздал. <...> В экземпл<ярах> сочинений расчета не успел сделать еще. Пришлю после. Да он незначителен. От П<рокопови>ча получено было до сих пор 206 экз<емпляров>, да еще прислано немного попорченных переплетчиком. Я их не выбирал еще из ящика, потому что нужды нет особенной. Странно! расход их вовсе остановился здесь. Полевой абонировался на 200 экз<емпляров>, но брать не продолжает. Все заставляет думать, что каналья Жернаков припечатал и продает от себя. Да уж нечего об этом. О втором издании М<ертвых> Д<уш> надобно похлопотать сначала в Петерб<урге>. Ты должен написать о том к Плетневу и Одоевскому. Не разрешат, я думаю, не спросяся. Языкову я еще не говорил, и жду твоего письма. Ты принял потерю твою великодушно; но я принять так не мог потерю, которая тебя касалась. Ничего б так я не желал, как иметь в руках средства, чтоб тебя успокоить. Рад делать все, что прикажешь. Я знаю, как важно твое спокойствие, необходимое для трудов твоих.

Благодарю тебя за добрые советы насчет журнального водоворота. Поверь, что я стал сам к нему равнодушнее. Скажу одно только против: блюстители огней истины не должны стоять однако

над нею, сложа руки, и дремать. Дорога каждая минута их деятельности. Не забудь, что журналы действуют беспрерывно. От полемики я и сам решительно отказываюсь. Это потеря времени. Но надо было однако подавать голос. М<осквитянин> в течении трех лет собрал к себе все то, что есть благомыслящего в России. Отовсюду были отолоски приятные. В нынешнем году я менее действовал в журнале и гораздо более про себя. У меня готово в голове и на бумаге в очерках общее обозрение Истории Русс<кой> Словесн<ости> древней и новой. Я оставил бы все для этого труда: и журнал, и даже университет на время. Чувствую призвание в себе к этому труду. Чувствую, что он нужен в это время для России. Я вступил в такой период жизни, когда есть уже какая-то потребность средоточить себя в одном труде. Но не знаю, как оторвать все цепи, которые кругом привязывают меня к жизни. Не знаю, как уйти в себя. Чувствую, что какой-то сильный поворот должен во мне совершиться; не знаю, как это будет. Отдаю себя в руки Провидения. <...> Я хотел бы уединения хотя на год. Университета я не оставлю. Живое слово так важно. Не скоро дождешься от него плодов. Через 8 лет и более они только становятся видны. Но надобно бы то уединяться профессору, то выходить. Я теперь читаю историю русской литературы в унив<ерситете>. Общее обозрение я кончил в 12 лекций сентября. Мне надобно бы сделать хотя им редакцию. А после – за большой труд. В этом обозрении высказывается только главная мысль и проводится вполне. А там принялся бы я за подробное изложение предмета. Изучение древней Руси много меня привлекает, тут есть сокровища новые. Нынешнее лето я провел в сельском уединении и много читал, готовил материалы для моего курса. Много мыслей новых и светлых блеснуло в голове моей. Я чувствую себя созрелым для труда. И некому заставить меня сесть за него! <...> Передай мое сердечное почтение Василию Андреевичу[2]. Как я рад его Одиссее и с каким нетерпением жду ее! <...>

Мертвые Души

Счет экземплярам (2400).

Продано здесь мною..................	1758	экз<смпляров>.
В Петербург отправлено............	300	экз.[3]
В контору М<осквитянина> отдано еще до присылки мне.........	240	экз.
Аксаков взял с твоего позволения...	25	экз.[4]
Матушке твоей[5]..................	3	экз.
Отдано тебе из типографии......	62	экз.
В ценз<урный> комитет............	6	экз.
Для конторы типог<рафии>, по предпис<анию> министра...	4	экз.
Фактору типогр<афии>	1	экз.
Оставлен автору, по распродаже, последний..............	1	экз.
Итого	2400	экз.

Счет деньгам

Ты мне оставил для расплаты с типографиею и литографом всего ассигнациями	864	р<убля>	95	к<опеек>
Расход им:				
в типографию заплачено......	763	р<убля>	20	к<опеек>
отдано Сиверсу[6] литографу...	93	р<убля> асс<игнациями>		
за переплет 10 экз<емпляров> в папку............	5	р<ублей>		
Итого............	861	р<убль>	20	к<опеек>
Остается.........	3	р<убля>	75	к<опеек>

Приход

Из унив<ерситетской> лавки получено за......	100	экз.	с выч<етом> 20 проц<ентов>	840	р.		
От Полевого за..............	100	экз.	---- (по 20 проц.)	840	р.		
От него же за..................	700	экз.	---- (по 25 проц.)	5512	р.	45	к.
От Базунова[7] за..................	300	экз.	---- (по 25)	2362	р.	50	к.
От него же за....................	287	экз.	---- (по 20)	2410	р.	80	к.
От него же за.....................	85	экз.	по 9 р<ублей>	765	р.		

От Полевого за................	25	экз.	по 9 р<ублей>	225	р.		
От купца Алексе<ева> за...	15	экз.	по 9 р<ублей>	135	р.		
От Глазунова за................	5	экз.	по 9 р<ублей>	45	р.		
" "	6	экз.	по 9 р<ублей>	54	р.		
" "	5	экз.	по 9 р<ублей>	45	р.		
От Ольхина за................	100	экз.		850	р.		
От Щепкина[8] за................	25	экз.,	без проц.	262	р.	50	к.
Продано	5	экз.,	без проц.	52	р.	50	к.
Экземпляров	1758	экз.		14399	р.	75	к.
x. От Прокоповича получено...			1180 р.				
Осталось денег от счета с типогр<афией> и литогр<афом>..................				3	р.	75	к.
			И того в приходе	15583	р.	50	к.

Расход

За отправление в Петербург....................	134	р.	43 ½	к.
Переплетчику заплачено	144	р.	10	к.
Долги: Павлову "	1500	р.[9]		
Долги: Хомякову заплачено	1500	р.		
" Свербееву "	1500	р.		
" Погодину "	4500	р.		
Ему же доплачено к экземлярам, проданным в конторе, за вычетом 25 проц<ентов>, за 1890 р<ублей> до 3000.........	1110	р.		
Мне	400	р.		
Аксакову	3500	р.		
Еще ему же за уплату новых 3500 р<ублей>[10]	1280	р.		
	15568	р.	53 ½	к.

В приходе............................	15583	р.	50	к.
Расход..................................	15568	р.	53 ½	к.
Осталось	14	р.	97	к.,

которые внесены в приход сочинений.

2 NB. Экземпляры продавал я, стараясь, как видишь, соблюдать как можно более твою выгоду. Я придерживался в цене, когда видел, что оставалось мало. Еще есть они в лавках. У Прокоповича требуй отчета в 300 р<ублях>, помня, что я от него получил только 1189 р<ублей> асс<игнациями>.

3 NB. Экземпляров я не раздавал никому: уже было поздно. Все имели».

[1] См. ***1843. Октября 6 <сентября 24>. Пятница. Дюссельдорф.***

[2] Жуковскому.

[3] «За них я получил от Прокоповича только 1180 руб<лей> асс<игнациями>. В остальных спроси у него счет ты сам. См. *x*.» (примеч. С. П. Шевырева).

[4] «Я у него спрошу об них. Но ему много ты должен» (примеч. С. П. Шевырева).

[5] См. ***1842. Мая 22. Пятница. Москва.***

[6] См. ***1842. Мая около 17. Москва.***

[7] Иван Васильевич Базунов (1785–1866), московский книгопродавец.

[8] См. ***1842. Февраль – мая 23. Москва.***

[9] «Не знаю, помнишь ли ты записку долгов, тобою мне оставленную <см. ***1842. Мая около 17. Москва***>. Вот она в копии: Свербееву 1500 р<ублей>, Павлову 1500 р<ублей>, Хомякову 1500 р<ублей>, Аксакову 3500 р<ублей>, Погодину 7500 р<ублей>, мне 400 р<ублей>» (примеч. С. П. Шевырева).

[10] См. ***1843. Апреля 17 <5>. Великий понедельник. Рим.***

НОЯБРЯ 2 <14>. ВТОРНИК. МОСКВА

С. Т. Аксаков пишет Гоголю в Дюссельдорф:

«Обнимаем вас, любезнейший Николай Васильевич! Я виделся с Шевыревым. “*Мертвых душ*” осталось у него 530 экземпляров, да в Петербурге 100. Он говорит, что к новому году нужно будет второе издание. Что вы на сие скажете? <...> Ждем полного издания ваших сочинений, которое непременно будет иметь большой ход. <...> Весной уеду в Оренбург<скую> Губернию[1], может быть со всей семьей».

[1] См. также ***1843. Февраля 8 <20>. Понедельник. Москва.***

НОЯБРЯ 18 <6>. СУББОТА. ДЮССЕЛЬДОРФ

В. А. Жуковский сообщает Н. Н. Шереметевой в Москву:

«Ваше письмо не застало Гоголя в Дюссельдорфе; он отправился в Ниццу, где проживет зиму; но мы съедемся с ним опять во Франкфурте на Майне, куда я хочу переселиться весною. Он отправился от меня с большим рвением снова приняться за свою работу, и думаю, что много напишет в Ницце. Я перешлю[1] к нему письмо ваше»[2].

Вероятно, в тот же день Жуковский писал Гоголю в Ниццу:

«Любезнейший Гоголек, пишу к вам только для того, чтобы вы сказали мне поскорее, доехали ли вы в Ниццу, и прислали мне наш адрес. У меня лежит для вас вексель в 1000 франков[3]. Не могу послать его наугад в Ниццу. <...> У меня дома все по-старому, как видели вы[4]. А “Одиссея” идет вперед ровным шагом[5]. Если будет возможность остаться еще на два года за границею, то привезу в Россию готовую “Одиссею” и еще, может быть, кое-что. – В Ницце ли Александра Осиповна[6]? Рекомендуйте ей мою рождающуюся 3000-летнюю дочку[7], которую я люблю почти как родную».

[1] См. ***1844 января 1 <1843 декабря 20>. Понедельник. Ницца.***
[2] Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 55.
[3] Имеются в виду деньги от Императрицы Александры Феодоровны за поднесение экземпляра собрания сочинений Гоголя (см. ***1843. Октября 6 <сентября 24>. Пятница. Дюссельдорф***; ***1843. Октября 12 <24>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1844 января 1 <1843 декабря 20>. Понедельник. Ницца***; ***1844 января 8 <1843 декабря 27>. Понедельник. Ницца***).
[4] Осень 1843 г. Гоголь прожил в Дюссельдорфе вместе с Жуковским (см. ***1843. Августа 28 <16>. Понедельник – ноября 5 <октября 24>. Воскресенье***).
[5] В то время Жуковский работал над переводом четвертой песни поэмы (начат 10 ноября (н. ст.) 1843 г., закончен 24 января (н. ст.) 1844 г.; см.: *Янушкевич А. С.* Примечания // *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2010. Т. 6. С. 409).
[6] Смирнова.
[7] Имеется в виду «Одиссея».

НОЯБРЯ 6 <18>. СУББОТА. МОСКВА

Цензурное разрешение № 11 журнала «Москвитянин», где М. П. Погодин напечатал[1] литографию П. Ф. Зенькова с портрета Н. В. Гоголя работы А. А. Иванова 1841 г.[2]

Портрет был оставлен Гоголем в доме Погодина при отъезде из Москвы в мае 1842 г. (в период размолвки с Погодиным)[3].

В «Общем аналитическом оглавлении Москвитянина за 1843 год» было отмечено: «К 11 № приложен портрет Гоголя»[4].

[1] Подробнее см.: ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1841. Январь – августа средина <январь – августа начало>. Рим.***

[3] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки.***

[4] Москвитянин. 1843. № 12 (цензурное разрешение 17 дек.). Отд. 3. С. XVI.

НОЯБРЯ ОКОЛО 18 <6>. ГЕНУЯ

Болезнь Гоголя в Генуе.

В 1856 г. П. А. Кулиш, со слов А. О. Смирновой, сообщал: «Он рассказывал, что, едучи в Ниццу, заболел в Марселе <в Генуе> ночью так ужасно, что не надеялся дожить до утра и с покорностью ожидал смерти. Он чувствовал, как смерть к нему приближалась, и встречал ее молитвами. Утром он чувствовал большую слабость, однако ж сел в дилижанс и приехал в Ниццу»[1].

Следуя более короткому маршруту, Гоголь должен был ехать из Дюссельдорфа в Ниццу скорее через Геную, чем через Марсель, тем более, что в его паспорте, по свидетельству С. П. Шевырева, имелась отметка о пересечении границы Франции 19 ноября (н. ст.) 1843 г. (в тот же день Гоголь прибыл в Ниццу)[2]. Если бы Гоголь ехал в Ниццу из Марселя, то такой отметки в его паспорте не было бы.

О. Н. Смирнова, слышавшая, очевидно, от матери, о болезни Гоголя в Генуе, однако смешав географию и хронологию, сообщала: «После <...> лета, проведенного им в Германии, при возвращении в Рим, с ним сделались особенно сильные припадки римской лихорадки и тот ужаснейший припадок в Неаполе <в Генуе>, когда он чуть не умер, и от которого спас его только врач, отправивший его едва живого морем в Геную»[3].

[1] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 220–221; см. также: <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 246.

[2] См. ***1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.***

[3] *Смирнова О. Н.* Предисловие / *Смирнова О. Н.* Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.) // *Свод.* Т. 2. С. 321). – См. также ***1843. Января 29 <17>. Воскресенье. Рим.***

1843 НОЯБРЯ 19 <7> – 1844 МАРТА НЕ ПОЗДНЕЕ 19 <НЕ ПОЗДНЕЕ 7>. НИЦЦА

Гоголь живет в Ницце – сначала на отдельной квартире, затем у графини Л. К. Виельгорской, проживавшей в Ницце с сыном Михаилом и дочерью Анной; встречается с графом Мих. Ю. Виельгорским (приезжавшим к семье в Ниццу на короткое время во второй половине февраля (н. ст.) 1844 г.)[1]; общается с А. О. Смирновой[2] и ее дочерьми – Ольгой, Софьей и Надеждой; с графом В. А. Соллогубом, а также с его матерью, графиней Софьей Ивановной, женой, Софьей Михайловной (рожд. графиней Виельгорской), и с малолетней дочерью Соллогуба Софьей[3] (графине С. М. Соллогуб Гоголь запомнился в Ницце веселым и любезным[4]). Работает над вторым томом «Мертвых душ»; перечитывает свои выписки «Из книги: Лествица, возводящая на небо»[5]; составляет сборники «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви» (из журнала «Христианское Чтение» и др. источников, используя, в том числе, свой сборник

выписок из Кормчей книги[6]). Читает Смирновой свои выписки. Пишет для нее и Виельгорских духовно-нравственные сочинения «Правило жития в мире», «О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии», <О гневе и безгневии>; переписывает для Смирновой псалмы[7]; приступает к работе над книгой о Божественной Литургии[8]. Предположительно в этот же период знакомит графиню Анну М. Виельгорскую с сборником своих выписок «Сочинения Ломоносова и Державина»[9] и перечитывает славянскую Библию[10].

Осенью 1843 г. в Дюссельдорфе Гоголь познакомился с «Христианским Чтением» за этот год. В письме к Н. М. Языкову от 5 октября (н. ст.) 1843 г. из Дюссельдорфа он просил выслать ему «Христианское Чтение» за предшествующий, 1842 г.[11] Вероятно, этот годовой выпуск журнала Гоголь нашел с переездом в ноябре 1843 г. в Ниццу у Виельгорских, у которых прожил зиму 1843/44 г. на правах члена семьи. 15 февраля (н. ст.) 1844 г. Гоголь писал Языкову: «О "Христианском Чтении" не заботься...» Из «Христианского Чтения» за 1842 г. Гоголь сделал большинство своих выписок в сборнике «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви». Тогда же он вновь обратился и к «Христианскому Чтению» за 1843 г., из которого также сделал несколько выписок. Таким образом, в Ницце Гоголем, по-видимому, было составлено 49-ть из 55-ти выписок его сборника[12]. Сборник «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви» имеет, очевидно, свою композицию. Он начинается с «Изложения веры» св. Григория Богослова и, подобно гоголевским «Выбранным местам из переписки с друзьями»[13], заканчивается письмом о Светлом Воскресении.

(12 августа 1852 г. М. И. Гоголь писала С. П. Шевыреву: «Если увидитесь с Графиней Толстой и ее супругом, то, пожалуйста, извините меня пред ними, что при этом случае не пишу к ним, ожидая, покуда перепишет дочь моя Ольга тетрадку, списанную покойным моим Ангелом сыном, которую привезла племянница моя М<ария> Николаевна Синельникова, приехавшая скоро по отъезде вашем, я еще и сама не прочла ее, потому что долго ее не возвращали, а у нее написана довольно толстая книга, мне кажется, и вам бы нужно пересмотреть ее, не нужно ли чего напечатать из нее. Собираясь скоро по отъезде моих гостей выезжать сюда, не успела прочесть»[14]. – В 1901 г. В. А. Чаговец, перечисляя предметы Гоголя, хранившиеся у его сестры Ольги Васильевны, сообщал: «В научно-литературном отношении немалый интерес представляет довольно объемистая тетрадь извлечений из творений Св. отцов и учителей Церкви, писем некоторых духовных лиц, современников поэта и мн. др. Эта книжечка представляет точную копию, сделанную Ольгой Васильевной с такой же тетрадки, написанной рукой самого поэта, но в настоящее время утраченной... В виду того, что некоторые места ее очень близко подходят к мыслям Гоголя в рассуждении о Божественной литургии, научное исследование ее представляется в высшей степени любопытным»[15].)

Содержание выписки *<16> Рождение Господа Иисуса Христа от Девы (Св. Феодота, Епископа Анкирского)* нашло отражение в «Размышлениях о Божественной Литургии» и в статье *XV. Предметы для лирического поэта в нынешнее время* «Выбранных мест из переписки с друзьями»[16]. Выписку *<41>. Об утратах* (*Из Златоуста*) (из статьи: Святого Иоанна Златоустого О благоразумном перенесении скорбей, из первой Беседы на 2<-е> Послание к Коринф<янам> // Христианское Чтение. 1842. Т. 2. С. 207–210) Гоголь посылал в 1844 г. М. П. Погодину[17] и в 1847 г. Е. А. фон Рейтерну[18].

Выражение «просвещенный верою», встречающееся в «Правиле жития в мире», почерпнуто, по-видимому, из статьи «Святаго Прокла Архиепископа Константинопольского Послание к Армянам о Вере» (Христианское Чтение. 1841. Т. 1. С. 352–356) (см. гоголевскую выписку *10. О добродетелях христианских (Св. Прокла, Архиепископа Константинопольского)* в сборнике «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви»). В «Правиле...» нашли также отражение строки выписки Гоголя *18. О любви к ближнему (Преосвященного Михаила <Десницкого>).*

Содержание «Правила жития в мире» перекликается со статьями *XIX. Нужно любить Россию* и *XXX. Напутствие* «Выбранных мест из переписки с друзьями»[19].

Замысел трактата «О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение...» во многом поясняют строки, посвященные объяснению Молитвы Господней в «Размышлениях о Божественной Литургии» (1843–1852): «Словом: *не введи нас во искушение* мы просим о избавлении нас от всего смущающего дух наш и отъемлющего у нас душевное спокойствие. Словом: *но избави нас от лукавого* мы просим о небесной радости: ибо как только отступает от нас лукавый, радость уже вдруг входит в нашу душу...»

Напоминанием о трактате являются строки адресованного графине Л. К. Виельгорской письма *XXVI. Страхи и ужасы России* в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «...Недурно заглянуть всякому из нас

в свою собственную душу. <...> ...Может быть, там обитает растрепанный, неопрятный гнев, <...> может быть, там поселилась малодушная способность падать на всяком шагу в уныние...» («О гневе» и «Об унынии» – названия разделов трактата.)[20]

Два начальных и заключительный фрагменты сочинения <О гневе и безгневии> представляют собой выписки из «Лествицы» св. Иоанна Синайского, в переводе, изданном в 1785 г., с названием – «Лествица, возводящая на небо» (возможно, Гоголь пользовался и другим изданием этого же перевода: Иоанна Лествичника, лествица, возводящая на небо. СПб., 1812). Традиционным для Гоголя стал образ из последнего абзаца сочинения <О гневе и безгневии>: «Текущий к бесстрастию и Богу всякий тот день почитает для себя потерянным, в который никто его не злословит. Как колеблемые от вихря древеса глубоко свои корни в землю пущают, тако и пребывающие в сем состоянии («в послушании» – согласно источнику. – *И. В.*) имеют крепкие и непоколебимые в себе души»[21]. В отдельном наброске Гоголь писал: «Выше того не выдумать, что уже есть в Евангелии. Сколько раз уже отшатывалось от него человечество и сколько раз обращалось. Несколько раз совершит человечество свое кругообращение... несколько мыслей совершит... оборот мыслей... и возвратится вновь к Евангелию, подтвердив опытом событий истину каждого его слова[22]. Вечное оно вкоренится глубже и глубже, как дерева, шатаемые ветром, пускают глубже и глубже свои корни». 20 июня (н. ст.) 1847 г. он писал А. О. Смирновой: «Во мне тоже было несколько смущался и колебался дух, затем, чтобы стать покрепче: недаром говорят, что деревья, шатаемые ветром, пускают глубже в землю корни».

Одним из толчков к созданию книги о Литургии Гоголю послужила статья выпускника Санкт-Петербургской Духовной академии, известного впоследствии духовного писателя и цензора протоиерея Иоанна Константиновича Яхонтова (1819–1888) «О православии Российской Церкви»[23]. (Позднее, в 1856 и 1857 гг., протоиерей И. К. Яхонтов принимал участие при обсуждении этой книги Гоголя в цензуре[24].) Замысел «Размышлений о Божественной Литургии» поясняют строки выписки Гоголя из статьи Яхонтова *24. О Русской Церкви*: «...Посредством Богослужения Религия Христианская проникла в самую жизнь, в самое сердце Русского народа, и едва ли мы найдем другой пример, где Религия и Церковь так тесно были соединены с гражданскою и семейною жизнию, как у нас» (сборник «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви»).

В качестве практического руководства в работе над книгой о Литургии – как образец стиля для создания духовного произведения, предназначенного широкому читателю, и как краткое пособие для последовательного изложения хода богослужения – Гоголем была избрана статья «О Литургии» известного духовного писателя А. Н. Муравьева, прочитанная Гоголем в первом томе «Христианского Чтения» за 1841 г.[25] К этому времени отношение Гоголя к духовной прозе Муравьева, очевидно, меняется[26]. В 1854 г. А. О. Смирнова вспоминала: «Муравьев, что ни говорят его критики, замечательная личность. У всех братьев этого семейства выработался железный характер, сильное религиозное чувство. Андрей Ник<олаевич> <...> писал о Православной Церкви, познакомил невежественную публику с сокровищами Православия. Гоголь очень уважал его труд и говорил: "Вот человек, который исполнил долг пред Богом, Церковью и своим народом"»[27].

В тексте «Размышлений о Божественной Литургии» был использован целый ряд выписок сборника Гоголя «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви»; в частности, в сокращенном виде, – выписка *20. Мария как преобразовательница верховная смирения (Преосвященного Владимира <Алявдина>).*

Предположительно к зиме 1843/44 г. относится записка к Гоголю графини Анны М. Виельгорской, свидетельствующая о ее знакомстве с гоголевским рукописным сборником «Сочинения Ломоносова и Державина»: «Я в восхищении от Тоски души!»

Стихотворение Г. Р. Державина «Тоска души» (1810) помещено в сборнике Гоголя под номером XXVII.

Согласно перечню, составленному С. П. Шевыревым, в паспорте Гоголя 19 ноября (н. ст.) 1843 г. была сделана отметка о пересечении границы Франции и прибытии в Ниццу: «Франция 19 Nov<embre> 1843. <...> Ницца 19 ноября». О том, что Гоголь провел тогда зиму в Ницце, далее в перечне Шевырев сделал помету: «Зима»[28].

После отъезда из Ниццы, Гоголь 20 апреля (н. ст.) 1844 г., в частности, писал Смирновой из Франкфурта: «Вы хотите, чтобы я написал Перовскому[29] письмо, послужившее бы ответом прямо на его душевную тревогу. Я, точно, могу сказать многое полезное душе, но только тогда, когда душа эта будет предо мною открыта вся, до последних и малейших ее изгибов; а без того я, просто, глуп и как в лесу. <...> Если я вам могу теперь сказать что-нибудь полезное, это совсем другое дело. Вы вспомните, что для этого нужен был почти год[30] приуготовительного занятия, что мы прочли

весьма многое, что заставляет обнаруживаться душу; вспомните, что мы еще очень, очень недавно отыскали язык, на котором можем сколько-нибудь понимать друг друга; вспомните также, что мне нужно было много терпенья, чтобы достигнуть даже того, чтобы стать именно в этих отношениях, в каких мы находимся с вами, потому что вы на всяком шагу противопоставляли мне беспрерывные препятствия к тому, и на вопрос, относившийся сколько-нибудь до ваших сокровенных душевных обстоятельств и всех событий, с ними связанных, отвечали почти всегда словами: "Зачем вам знать это? Вам этого не нужно знать!" (И после того NB очень невинно хотели от меня, чтобы я угадывал прямо вашу душу и прибирал вам при случае те лекарства, которые вам нужны.) <...> Еще вам одно маленькое замечание, а если хотите, и упрек вместе. Вы мне часто под большим секретом и тайной объявляли такие вещи, которые сообщали потом первому болтуну, или просто светскому человеку, если только он умел вас заставить проговориться или даже приятно занять вас».

6 мая (н. ст.) 1844 г. Смирнова отвечала Гоголю: «Упреки ваши я принимаю с удовольствием; надобно, чтобы они были справедливы. С какими болтунами я говорила, не знаю и не думаю. Никто больше своей души не закрывает, как я; болтуны часто бывают и глупы. Ум мой всем доступен, а душа моя едва ли кому-нибудь так открыта, как вам, вы ее видели во всей ее черноте и наготе. Боже сохрани, показывать ее такою другим».

16 мая (н. ст.) 1844 г. Гоголь, в свою очередь, отвечал Смирновой: «Позвольте спросить также, что значит это гордое выражение в вашем письме: "Никто так не закрывает души своей, как я"? Да ведь как же закроешь душу? для этого нужно не говорить ничего, не делать никаких дел, спрятаться от всех и даже не показывать никому своего лица. <...> Итак, не отзывается ли гордостью и даже необдуманностью эта первая половина вашей фразы? Рассмотрим теперь другую половину: *душа моя едва ли кому* открыта, как вам (т. е. мне). *Вы ее видели во всей черноте и наготе. Боже сохрани показать ее такою другим.* Если сказать вам сущую правду, то узнал я душу вашу не тогда, когда вы мне ее открывали, а тогда, когда речь шла часто о посторонних предметах, когда вы невольно и не думая проговаривались или невинно и чистосердечно высказывали те стороны ее, которых, может быть, вы и сами еще не вполне оценили и узнали. В такие только минуты я отчасти узнавал вашу душу, и не вследствие каких-либо умственных выводов и заключений, а потому, что Сам Бог вложил в душу мою прекрасное чутье *слышать душу* – источник многих моих радостей и наслаждений. Вот чему я обязан, если сколько-нибудь вас знаю. А из ваших рассказов я узнал, впрочем, одни только хорошие свойства вашей души. Вы распространялись передо мною только об одних ваших хороших поступках, а о дурных вы стали упоминать только в последние дни вашего пребывания в Ниц<ц>е, и то вскользь, в одних общих словах, без начала, без конца, без причин, без последствий, в загадочных отрывках, и сжимались в ту же минуту от всякого моего запроса, так что нужно было переменить разговор и обращаться к другим предметам. <...> ...Вы обманываете себя, если думаете, что я знаю вашу душу во всей ее черноте и наготе. То, что вы сказали мне о себе, может сказать о себе публично всякий христианин. Сказать в общих словах: Я преступил против такой-то заповеди – еще небольшая вещь! От таких слов даже и раскаяния не получишь, даже и не покраснеешь. Напротив, можно сказать, что скорее другие видят в черноте вашу душу, чем я. Да развесь я только уши – так мне с обеих сторон наговорят о вас таких подробностей, о которых вы и не подумаете, чтобы они были кому-нибудь известны».

В письме от 26 августа (н. ст.) 1844 г. Гоголь советовал Смирновой: «Старайтесь, чтобы во всяком случае ваш разговор походил на тот ваш разговор, который вы ведете тогда, когда бываете окружены одними добрыми душами. Вы обыкновенно делаетесь тогда совершенно другой, какой-то веселой и умной резвушкой, говорливы неистощимо и всем совершенно приятно вас слушать, хотя бы речь шла о совершенных пустяках. Этот разговор ваш ничуть не похож на то приторное любезничанье, которое иногда у вас является тогда, когда вы беседуете с каким-нибудь истаскавшимся селадоном[31], рассказывающим вам свои конфиденции[32], куда он посадил весь ум свой».

23 сентября / 5 октября 1844 г. Смирнова, в частности, писала Гоголю из Петербурга: «Я готова сделать все возможное для Софьи Михайловны[33], но вы на меня много налагаете. Мне самой надобно стать выше Сологуба[34], выше многих, чтобы подать хороший совет и ясными глазами сперва осмотреть все. Глаза ясные от ясной души, или, лучше сказать, чистой и уже совершенно проникнутой религиозным чувством и любовию христианской. Дай Бог, чтобы я только так жила, как в

Ницце; тогда я могла бы им и многим быть полезною. Но в Ницце были вы, были чтения, была жизнь спокойная, регулярная, а здесь... о, Боже! что за разница!»

7/19 октября 1844 г. Смирнова вновь писала Гоголю: «На днях возвратилось это скверное состояние ума, против которого вы мне предписали псалмы. И в правду сказать, вы меня видели с такой точки, что любить меня невозможно».

В еще одном письме к Гоголю, от 3/15 ноября 1844 г., Смирнова сообщала: «Любезный Николай Васильевич, два дня только, и в душе моей благодатная перемена. Все тревожное, мятежное пропало вдруг перед светом чистым и прекрасным, который меня озарил. В воскресенье[35] я еще страдала, томилась в гневе, боялась за себя и не предвидела конца этому состоянию. В понедельник состояние это дошло до отчаяния, а вечером солнце взошло, и с тех пор я так счастлива, как в лучшие и счастливейшие минуты, с вами проведенные в Ницце. Да благословит вас Бог! Вы, любезный друг, выискали мою душу, вы ей показали путь, этот путь так разукрасили, что другим идти не хочется и невозможно. На нем растут прекрасные розы, благоуханные, сладко душу успокаивающие. Обо мне шли такие слухи, и идут еще теперь, что каждый почитал себя вправе со мною обходиться самым презрительным образом. Да оно и поделом мне: ведь лучше за грехи здесь платиться. Тут достается не только за то, что действуешь вопреки мнению и правилам общественным, но и за то, что душу свою мараешь, пачкаешь и губишь даром, и оттого, что не понимаешь, что такое душа. Если бы мы все вполне понимали, что душа сокровище, мы бы ее берегли больше глаз, больше жизни. Но не всякому дано почувствовать это самому, и не всякий так счастливо нападает на друга, как я».

24 декабря (н. ст.) 1844 г. Гоголь отвечал Смирновой: «...Вам, мой друг, сделаю упрек в пристрастии, которое у вас очень сильно ко всему и ко всем, а в том числе, разумеется, и ко мне. Пристрастие так и торчит, так и выглядывает из разных угликов вашего письма. Вами обладает во всей его силе то свойство, которое почти всегда бывает у лучших женщин: необыкновенный инстинкт узнавать с первого взгляда человека и, заметив в нем несколько хороших качеств, увлекаться ими до того, что уже не замечать ничего в нем дурного и позабыть вдруг все те наблюдения, которые им доставил почти никогда не обманывающий их инстинкт. Это у вас есть в изрядном количестве. Это я вам говорил всегда, и потому вы за собою караульте. Когда вы заметите сами в себе, что вы слишком кого-нибудь или что-нибудь любите, постарайтесь отделить хотя маленькую частичку от этой любви и отдать ее тому, которого вы не любите. Может быть, таким образом восстановится в вас желанное равновесие».

18 декабря 1844 г. Смирнова, в частности, писала Гоголю: «...Плетнев вас упрекал[36] в недостатке простоты, и я с ним тоже согласна. Этот недостаток для меня уже проявился в Ницце, когда с таким упорством вы отказывались жить у Виельгорских и не хотели изъяснить мне причин этого отклонения».

9 января (н. ст.) 1845 г. Гоголь отвечал Смирновой: «С тех пор, как я оставил Россию, произошла во мне великая перемена[37]. *Душа* заняла меня всего... <...> Но всего этого, что произошло во мне, не могли узнать мои литературные приятели. В продолжение странствования моего и моего внутреннего душевного воспитания я сходился и встречался с другими людьми, и встречался с ними родственней и ближе, потому что уже душа слышала душу. А потому и знакомства, завязавшиеся в это время, были прочней тех, которые завязывались в прежние времена, не мудрено: я сам стал достойней знакомства прочного, а не минутного. Доказательство этого вы можете видеть на себе: вы были знакомы со мною и прежде, и виделись со мною и в Петербурге[38], и в других местах[39]. Но какая разница между тем нашим знакомством и вторичным нашим знакомством в Ниц<ц>е! Не кажется ли нам самим, как будто [вы меня] мы друг друга только теперь узнали, а до того времени вовсе не знали?»

20 марта 1845 г. Смирнова писала Гоголю из Петербурга: «Любезный друг и брат, мне и за вас и по вас грустно: за вас — зная ваши страдания, по вас — для себя. Мне как-то чувствуется, что вам легче было бы, если бы мы встретились теперь, если бы опять вы жили, как в Ницце, меж нами, смотрели на Надежду Николаевну[40], забавлялись ее неожиданными выходками, читали мне вслух те книги, которых я забыть не могу, наконец позабылись бы в семейном быту, хотя чужом, но вам почти в родном».

4 июля (н. ст.) 1846 г. Гоголь в письме к Смирновой из Карлсбада замечал: «...Вы должны на несколько времени отдать себя во власть мне. Помните, как я потребовал от вас того один раз в Нице? <...> ...Как <...>, гоня от себя всякую мысль, вы занялись послушно ученьем наизусть псалмов...»

В 1856 г. П. А. Кулиш, со слов Смирновой, сообщал: «Она не условилась с ним <с Гоголем>, где им увидеться в будущую зиму, и просила его письменно приехать в Ниццу. Он отвечал, что он чувствует, что слишком привязывается к семейству графа С<оллогуба> и к ней, а ему не следует этого делать, чтобы не связывать своих действий никакими узами. Живя в Ницце, А. О. С<мирно>ва долго не получала от него писем, как однажды, в декабре <в ноябре> месяце, возвратясь из прогулки, нашла в своей квартире Гоголя.

— Вот видите, — сказал он, — вот и я теперь с вами, и поселился очень близко к вам. Я распоряжусь так, что буду делить свое время между вами и В<иельгорски>ми.

Квартира его, однако ж, оказалась неудобною, и он переехал к В<иельгорски>м, в дом г-жи Паради[41].

В Ницце Гоголь тоже почти ежедневно обедал у А. О. С<мирнов>ой, но уж не читал больше после обеда "Илиады"[42], а вытаскивал вместо нее из кармана толстую тетрадь выписок из Святых Отцов. Иногда он читал сочинения Марка Аврелия[43] и с умилением говорил:

— Божусь Богом, что ему недостает только быть христианином!

О своих обстоятельствах он говорил очень мало; но так как было известно, что его способы существования очень скудны, то его собеседница желала хотя шуткой выпытать, что у него есть. Один раз она начала его экзаменовать, сколько у него белья и платья, и старалась отгадать, чего у него больше.

— Я вижу, что вы просто совсем не умеете отгадывать, — отвечал он. — Я большой франт на галстухи и жилеты. У меня три галстуха: один парадный, другой повседневный, а третий дорожный, потеплее.

Из расспросов оказалось, что у него было только необходимое для того, чтоб быть чистым.

— Это мне так следует, — говорил он. — Всем так следует, и вы будете жить, как я, и, может быть, я увижу то время, когда у вас будет только <два платья> <...>: одно для праздников, другое для будней. А лишняя мебель, <комфорт> и всякие <игрушки> <...> в комнате вам так надоедят, что вы сами понемногу станете избавляться от них. Я вижу, что это время придет для вас. Вот я заметил, что у меня в чемодане завелась ненужная вещь; я вам ее подарю.

И на другой день принес А. О. С<мирнов>ой рисунок Иванова[44].

В то время на нее иногда находила непонятная тоска. Гоголь списал собственноручно четырнадцать псалмов и заставлял ее учить их наизусть. После обеда он спрашивал у нее урок, как спрашивают у детей, и лишь только она хоть немножко запиналась на слове, он говорил: "Не твердо!" и отсрочивал урок до другого дня.

Все утро он обыкновенно работал у себя в комнате и только в три часа выходил гулять, или один, или с графом М<их>. М. В<иельгорским>. Г-жа С<мирно>ва часто встречала его на берегу моря. Если его внезапно поражало какое-нибудь освещение на утесах или на зелени, он не говорил ни слова, а только останавливался, указывал и улыбался. В Ницце он был по большей части очень весел, представлял своих гимназических учителей, рассказывал анекдоты и между прочим прочитал своему небольшому обществу "Тараса Бульбу". Здоровье его, однако ж, не было в цветущем состоянии»[45].

Из письма Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «...Мы <...> отправились в Ниццу и поселились на зиму у Croix de marbre, в доме Masclet. Масклет давно жил в России, и русские охотно у него останавливались. Виельгорские жили в доме Paradis, и Гоголь у них жил. Утром он всегда гулял с Мих<аилом> Мих<айловичем> и Анной Мих<айловной>, обедал то у них, то у меня. "Насчет дессерта вы не беспокойтесь, — говорил он, — я распоряжусь", и приносил фрукты в сахаре. Кухарка пела во все горло: "M-r Gogu, M-r Flogo, des raviols[46], des raviols; et de la salade du Pere Français <г. Гого, г. Флого, пельмени, пельмени и французский салат; *фр.*>". После обеда Ник<олай> Ва<сильевич> вытаскивал тетрадку и читал отрывки из Отцов Церкви;

он особенно любил Григория Нисского и высказался следующими словами: “Искусство-то он понял, но разум искусства не понял”[47]. Он написал мне 9-ть псалмов, и я должна была ему повторять урок, так безошибочно, чтобы не запинаться. “Нет, нет, дурно, — говорил он иногда, — вас следует наказать в угол”. Эти псалмы писаны хорошим почерком, и я их берегу с его письмами, как сокровища. Он нам читал в Ницце у старухи Графини Сологуб[48] “Тараса Бульбу”. Не раз вздыхал он о бедной Софье Мих<айловне> и говорил: “Ничто не может быть ужаснее, как когда чувство встречается с черствым бесчувствием”. Сцены между Софьей Ми<хайловной> и старой Графиней были самые комические. Однажды она ей выговаривала, что у нее шляпы дурны. Софья очень хорошо отвечала, что у нее денег нет и она еще должна за эту шляпку marchande de mode <модистке; *фр.*>. “Экая беда?” — отвечала Графиня. Ответ был: “Tu ne retienne pas la salaire de l'ouvrier <А ты не задерживай заработок работника; *фр.*>”. Владимир Ал<ександрович> <Соллогуб> то и дело что таскался в Меран волочиться за Duchesse d'Istrie, которая была еще очень хороша и весьма свободного обращения. Бедная Софья Мих<айловна> все терпела молча, читала Библию и занималась детьми. Раз она мне сказала: “On dit que l'amour est aveugle; ce n'est pas vrai; mais il est indulgent et pardonne tout en voyant tout, en devinant tout <Говорят, любовь слепа: это неправда: она снисходительна и все прощает, все видя и обо всем догадываясь; *фр.*>”. <...>

Гоголь говорил мне: “У меня чемодан набит, и я даже намереваюсь вам сделать подарок”. Тут пошли догадки, я спросила: “Не лампа ли?” — “Вот еще что! стану я таскать с собой лампу; нет, мой сюрприз будет почище”, — и принес мне единственную акварель Иванова. Сцена из римской жизни. Купец показывает невесте и ее матери запястье и коралловые украшения. Плотный купец в долгополом гороховом сертуке, сзади даже отгадывается выражение его лица. Невеста опустила руки и смотрит смиренно, трастеверянин длинного роста, он выглядит глуповато, он в ботфортах, с накинутым черным плащом. Писано широкой кистью и elegamment[49]; кажется, он не накладывал краски для эф<ф>екту. Я подарила <после 1855 г.> эту акварель В<еликой> К<нягине> Марии Ник<олаевне>, она очень обрадовалась и сказала: “Это будет мой подарок Саше; у Государя есть альбом с произведениями лучших акварелистов, но эта всех лучше, и ему, главное, будет приятно, что это русская акварель”. Я очень рада, что так распорядилась; у меня могла ее украсть моя дочь Ольга Ник<олаевна>: она все собирает, бережет, после не отдает; у нее ведь альбом со стихами Пушкина, Вяземского, Плетнева, Граф<ини> Ростопчиной и Лермонтова»[50].

В своих записках 1880–1881 гг., озаглавленных «Биография Александры Осиповны Чаграновой», Смирнова сообщала: «В 1844 году я провела зиму в Ницце в очень приятном обществе. Гоголь там был, Вьельгорский[51], бедная Софья Михайловна Сологуб жила со старухой-свекровью. Я жила рядом с ними, Гоголь через день обедал у меня и так как он любил равиоли, то я их всегда заказывала своей кухарке. Она в кухне пела: “Мсье Гого, мсье Флого, равиоли, ревиоли”. В марте месяце я отправилась в Париж»[52].

В этих же записках Смирнова передавала следующие диалоги с воображаемым собеседником, Н. Д. Киселевым: «“Нет, я не люблю, когда вы говорите «свинья» или «скотина», это излишества, которые вам наверное запрещали в институте, не нужно переходить границы ни в добром, ни в дурном”. — “Вы правы, Гоголь говорил мне то же самое, он называл это «гнилые слова»”. <...>

“А ты любишь писания де Мэстра?[53] <...> ...Он <Гоголь> говорит, что его за «Вечера в Петербурге» надо повесить”. <...>

“...Есть люди, считающие тебя злой и язвительной. Ты должна писать свои мемуары, не заботясь о том, заденешь ли кого-нибудь — исключая императора и императрицы, о них нет вопроса; прежде всего они — твои благодетели, и потом они действительно так совершенны, что, говоря правду, ты скажешь о них только доброе. Что же касается двора и высшего общества, то есть самого развращенного, их надобно хлестать и карать; в конце концов ты, как Сен-Симон[54], окунешь свое перо в желчь законного отвращения”. — “Знаешь ли ты, что Гоголь говорил мне точно то же”. <...>

“Будьте уверены, мадам, что я скромный хранитель всего, что вы мне говорите, кроме того я, как Гоголь, вижу вещи вблизи, а вы мне сказали однажды, что все говорили Гоголю”. — “Да, это правда”. <...>

...Вот 9 псалмов, переписанных Гоголем, их вы выучите наизусть, а я буду вас экзаменовать, как он: чуть запнешься — в угол, с приказанием выучить так, как дьячки»[55].

В 1867 г. А. О. Смирнова рассказывала П. А. Висковатову: «Гоголь любил лакомиться, и у него в карманах, особенно в детстве, всегда были какие-либо пряники, леденцы и т. п. Живя в гостинице, он никогда не позволял уносить прислуге поданный к чаю сахар, а собирал его, прятал где-нибудь в ящике и порою грыз куски за работою или разговором.

— Вот посмотрите, — сказала мне Александра Осиповна, лежавшая на кушетке, указывая на комод, — выдвиньте ящик.

Я выдвинул. Он почти весь был полон кусками сахара.

— Этому научил меня Гоголь. Зачем, говорит он, оставлять его хозяину гостиницы, ведь мы за него уплатили...

Происходило это, конечно, не от скупости. Гоголь никогда не был скупым. <...>

У Гоголя всегда в кармане была записная книжка или просто клочки бумаги. Он заносил сюда все, что в течение дня его поражало или занимало: собственные мысли, наблюдения, уловленные оригинальные или почему-либо поразившие его выражения и пр. Он говорил, что если им ничего не записано, то это потерянный день; что писатель, как художник, всегда должен иметь при себе карандаш и бумагу, чтобы наносить поражающие его сцены, картины, какие-либо замечательные, даже самые мелкие детали. Из этих набросков для живописца создаются картины, а для писателя — сцены и описания в его творениях. "Все должно быть взято из жизни, а не придумано досужей фантазией"»[56];

«Гоголь говаривал, что писатель должен, как художник, постоянно иметь при себе карандаш и бумагу. Плохо, если пройдет день — и художник ничего не набросает. Плохо и для писателя, если он пропустит день, не записав ни одной мысли, ни одной черты, — надо в себе поддерживать уменье выливать в форму думы свои»[57].

В 1893 г. дочь А. О. Смирновой Ольга Николаевна писала: «Припомните стих из "Пророка" Пушкина[58]: "И вырвал грешный мой язык..." Гоголь, в сущности, выразил ту же самую мысль, заявив, что прежде чем писать, он должен очиститься[59], подготовить себя к своему труду размышлением, молитвою и проверкою своей совести. Весь "Пророк" Пушкина проповедует ту же идею. <...> Я знаю, что Гоголь часто говорил с моею матерью об этом гениальном стихотворении. В моем дневнике сохранилось содержание моего разговора с нею по этому поводу. Мать сказала мне: "Это были любимые стихи Гоголя"»[60].

В том же 1893 г. О. Н. Смирнова, пересказывая слышанное когда-то от матери, писала также от ее имени: «Во время нашего пребывания в Ницце он читал мне Евангелие или Библию, книгу Иова, псалмы, пророков. Софи Сологуб, а иногда и Nosie[61] присутствовали при чтениях, хотя славянский язык им был очень труден. Они обыкновенно приносили английскую и французскую Библию и следили по евангельскому или библейскому тексту. Я даже выучила некоторые славянские псалмы наизусть, по совету Гоголя. Однажды он продекламировал нам стихи на молитву св. Ефрема[62] и говорил обеим сестрам о "Пророке" Пушкина. После замужества Софи стала лучше понимать по-русски (их отец очень хорошо знает русский язык, но графиня[63] говорит плохо). Nosie хочет теперь больше заняться этим языком, хочет научиться свободно читать»[64];

«У А. О. Смирновой бывала иногда хандра. Гоголь всегда старался развлекать ее и ободрял, говоря: "ай! не унывайте, это хандра"»[65].

В. И. Шенрок сообщал: «О. Н. Смирнова припоминает, что именно Гоголь дал совет Александре Осиповне во время ее хандры учиться по-гречески, что она и исполняла до конца жизни. У Ольги Николаевны сохранились ее греческие книги и тетради»[66];

«...Смирнова в минуты хандры, навещавшей ее даже в Ницце (Александра Осиповна нередко предавалась жестокой хандре), страдала от сознания утраты молодости и свежих душевных сил, от собственных увлечений и неумения себя сдерживать, наконец от недовольства жизнью. <...> В Гоголе ей необходим был поверенный ее нравственных мук, как нужен бывает духовник человеку, в трудную минуту жизни обратившемуся к утешениям религии. <...> Иногда же он просто освежал ее и оживлял остроумной беседой, что так тонко подметила девочка, дочь Смирновой, Надежда Николаевна: "Maman est malade, perce qu'elle n'a personne pour causer avec elle, je sais, qu'

à Nice elle avait toujours Gogol pour la distraire, quand elle était nerveuse. <Мама больна, терзается, что у нее нет никого, чтобы беседовать с нею, я знаю, что в Ницце у нее был всегда Гоголь, чтобы ее отвлекать, когда она была раздражительна; *фр*.>"»[67].

После отъезда Гоголя из Ниццы, графиня Анна М. Виельгорская 29 апреля (н. ст.) 1844 г., в частности, писала Гоголю: «...Я не большая охотница писать по-русски или, лучше сказать, по-чухонски, потому что мой русский язык не похож на язык прочих русских. Однако же вы в Ницце меня всегда понимали и даже никогда не смеялись надо мной, когда я с вами говорила...»

Спустя около двух лет, в письме к Гоголю от 18 марта 1846 г., она также замечала: «Мне показалось, что я с вами где-нибудь сижу, как случалось в Остенде[68] или в Ницце, и что вам говорю все, что в голову приходит, и что вам рассказываю всякую всячину. Вы меня тогда слушали, тихонько улыбаясь и закручивая усы... Как я вас вижу, Николай Васильевич, точно как будто бы вы предо мной стояли!»

В письме к Анне М. Виельгорской из Ниццы от 2 ноября (н. ст.) 1846 г. Гоголь, в свою очередь, вспоминал: «Пишу к вам, моя добрая и близкая душе моей Анна Миха<й>ловна, с дороги, из места, нам обоим весьма памятного, именно из Ницы. Она мне очень напомнила нашу прежнюю жизнь и путешествия от дома Paradis до дома Мазари, где жили Соллогубы, и до дома (уж позабыл имя хозяина, хотя наружность дома осталась в памяти), где жила Смирнова».

Кроме того, в письме от 15 января 1848 г. Виельгорская замечала: «Не знаю, помните ли вы ту девицу Амалию, которая была с нами в Ницце и в Париже? Она служила у нас в доме двенадцать лет, и я ее очень любила»[69].

Граф В. А. Соллогуб[70] вспоминал: «Талант Гоголя в то время осмыслился, окрепнул, но прежняя струя творчества уже не била в нем с привычной живостью. Прежде гений руководил им, тогда он уже хотел руководить гением. Прежде ему невольно писалось, потому он хотел писать и, как Гете, смешал свою личность с независимым от его личности вдохновением. Он постоянно мне твердил: "Пишите, поставьте себе за правило хоть два часа в день сидеть за письменным столом, и принуждайте себя писать". "Да что ж делать, – возражал я, – если не пишется!" "Ничего... возьмите перо и пишите: сегодня мне что-то не пишется, сегодня мне что-то не пишется, сегодня мне что-то не пишется, и так далее; наконец надоест и напишется"[71]. – Сам же он так писал и был всегда недоволен, потому что ожидал от себя чего-то необыкновенного. Я видел, как этот бойкий, светлый ум постепенно туманился в порывах к недостижимой цели. <...>

Застенчивость Гоголя простиралась до странности. Он не робел перед посторонними, а тяготился ими. Как только являлся гость, Гоголь исчезал из комнаты. Впрочем, он иногда еще бывал весел, читал по вечерам свои произведения, всегда прежние, и представлял, между прочим, в лицах своих нежинских учителей с такой комической силой, что присутствующие надрывались со смеха. Но жизнь его была суровая и печальная. По утрам он читал Иоанна Златоуста, потом писал и рвал все написанное, ходил очень много, был иногда прост до величия, иногда причудлив до ребячества. Я сохранил от этого времени много писем и документов, любопытных для определения его психической болезни»[72].

[1] См. ниже примеч. к запискам А. О. Смирновой «Биография Александры Осиповны Чаграновой».

[2] В Ницце Смирнова сблизилась с семейством де Местров (см. ***1844. Марта 29 <17>. Пятница. Париж***).

[3] См. ***1844. Марта первая половина <марта начало>. Ницца***.

[4] См. ***1847. Февраля 3 <15>. Понедельник. Санкт-Петербург***.

[5] См. ***1828. Конец 1820-х (не позднее 1829)***; ***1844 января 2 <1843 декабря 21>. Вторник. Ницца***; ***1844. Декабря 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***.

[6] См. ***1841 октября 17 – 1842 мая 23. Москва***.

[7] Сохранилось три гоголевских автографа с выписками из Псалтири (в том числе на греческом языке). Один из них, хранящийся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, содержит 15 псалмов и предназначался, вероятно, А. О. Смирновой. Второй – из гоголевского фонда Российской государственной библиотеки – показывает, что Гоголь несколько раз принимался за переписывание Псалтири: записи оставлены на 3, 6, 9 и 11-м псалмах. Третий автограф Гоголя с выписками из Псалтири (*РГБ*. Ф. 74. К. 4. Ед. хр. 76) представляет собой альбом в картонном переплете. Этот список был задуман таким образом, чтобы на каждом развороте книги

был виден в четыре столбца (два столбца на левой и два столбца на правой стороне разворота) текст псалмов на греческом и – параллельно – на латинском, английском и, вероятно, на славянском языках (последний, четвертый столбец разворота на всех страницах остался незаполненным) (см.: *Виноградов И. А.* Церковное и народное слово в творческом наследии Гоголя // *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 769–770).

[8] См. также ***1844. Марта 18 <6>. Понедельник. Ницца.***

[9] См. ***1841 октября 17 – 1842 мая 23. Москва.***

[10] См. ***1843. Июля 8 <июня 26>. Суббота. Баден-Баден***; ***1843 июля 8 <июня 26> – 1844 ноябрь <ноября средина>.***

[11] См. ***1843. Октября 5 <сентября 23>. Четверг. Дюссельдорф.***

[12] Выписку *<50> Изречения из св. Иоанна Златоуста* Гоголь сделал из «Бесед св. Иоанна Златоустого на св. евангелиста Матфея» (М., 1839. Т. 1–3), о присылке которых просил Н. М. Языкова в письме от 2 апреля (н. ст.) 1844 г. (см . ***1844. Апреля 2 <марта 21>. Великий вторник. Дармштадт***). Завершен сборник осенью 1844 г. во Франкфурте, где Гоголь получил привезенные для него графиней Л. К. Виельгорской тома «Христианского Чтения» за 1840 г., о чем свидетельствует предпоследняя выписка Гоголя в его сборнике «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви» – *<54>. Мысли* (см.: ***1844 сентября 21 <9> – 1845 января 10 или 11 <1844 декабря 29 или 30>. Франкфурт-на-Майне***; и коммент. в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 829). В сборнике нет уже извлечений ни из двух «последних» томов сочинений святителя Тихона Задонского, ни из «Христианского Чтения» за 1844 г., о получении которых Гоголь извещал А. О. Смирнову в письме от 2 апреля (н. ст.) 1845 г.

[13] См. ***1846. Июля 30 <18>. Четверг. Швальбах*** (примечания).

[14] *Свод.* Т. 1. С. 123–124.

[15] *Чаговец В. А.* На родине Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 229. – См. также: «Выбранные места из творений Св. Отцов и учителей Церкви (точная копия с утраченного оригинала, сделанная О. В. Головней)» (*Чаговец В. А.* Гоголевская выставка (каталог) // *Свод.* Т. 1. С. 382).

[16] См. коммент. в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 816.

[17] См. ***1844. Декабря 20 <8>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

[18] См. ***1847. Апреля 17 <5>. Суббота. Неаполь.***

[19] См. также ***1844. Октября 12 <сентября 30>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[20] См. также ***1844. Октября 24 <12>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[21] Лествица, возводящая на небо. М., 1785. Л. 39 об.

[22] См. также ***1850. Февраля 11. Суббота. Москва.***

[23] См. также ***1843. Октября 5 <сентября 23>. Четверг. Дюссельдорф***; ***1845. Мая 6 <апреля 24>. Вторник. Радоница. Париж.***

[24] См. ***1852. Декабря 29. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[25] См.: *Виноградов И. А.* К истории создания и публикации духовной прозы Гоголя // *Гоголь 2009–2010.* Т. 6. С. 492–493.

[26] Ср. ***1842. Декабря 27 <15>. Вторник. Рим.***

[27] <Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> // *Свод.* Т. 2. С. 231.

[28] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 125. – См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

[29] См. ***1844. Февраль <января средина – февраля средина>. Ницца***; ***1844. Апреля 14 <2>. Фомино воскресенье. Париж.***

[30] См. также ***1843. Января 26 <14>. Четверг. Рим***; ***1843. Марта 6 <февраля 22>. Понедельник. Начало Великого Поста. Рим***; ***1843. Мая 1 <апреля 19>. Понедельник. Рим.***

[31] Волокита (*фр.*).

[32] Доверие (*лат.*); здесь: секрет.

[33] Графиня Соллогуб (рожд. графиня Виельгорская).

[34] Граф В. А. Соллогуб, муж С. М. Соллогуб.

[35] 29 октября / 10 ноября 1844 г.

[36] В беседе с Смирновой 17 декабря 1844 г. (см. ***1844. Декабря 17 <29>. Воскресенье. Санкт-Петербург***).

[37] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт*** (примечания).

[38] См. ***1831. Июля после 10. Царское Село***; ***1831. Октября вторая половина (до 25 числа) или ноября вторая половина. Санкт-Петербург***; ***1834. Декабрь. Санкт-Петербург***; ***1841. Октября 7 <19>. Вторник – 14 <26>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1842. Мая 26. Вторник – июня 5. Пятница. Санкт-Петербург.***

[39] См. ***1843. Января 26 <14>. Четверг. Рим.***

[40] Младшая дочь Смирновой.

[41] Paradis (*фр.* paradis (парадиз) – сад, рай).

[42] См. ***1843. Июля 8 <июня 26>. Суббота – августа 27 <15>. Воскресенье. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Баден-Баден, Карлсруэ, Баден-Баден.***

[43] Марк Аврелий Антонин (121–180), римский император и философ-стоик. Ср.: «174 г. Есть известие, что Марк Аврелий в позднейшие годы своего царствования изменил свою политику по отношению к христианам <...> и издал указ в пользу их религии. Рассказ этот однако же подвергается сомнению. <...> Худшие преследования этого царствования происходили после времени этого предполагаемого указа о веротерпимости» (*Робертсон Дж.* История Христианской Церкви от апостольского века до наших дней: В 2 т. Пер. с 6-го англ. изд. А. П. Лопухина. СПб., 1890. Т. 1. С. 23-24). – См. также ***1844. Февраля 14 <2>. Среда. Праздник Сретенья Господня. Ницца.***

[44] Имеется в виду авторское повторение акварели А. А. Иванова «Жених, выбирающий кольцо для невесты» (1839). Такая же акварель была подарена Ивановым в конце 1838 – начале 1839 г. В. А. Жуковскому вместе с первоначальным эскизом «Явления Мессии» и рисунком «Явление Христа Марии Магдалине».

[45] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 220; см. также: <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 245–246.

[46] Редиска; пельмени (*фр.*).

[47] Фраза не относится к св. Григорию Нисскому, как это запомнилось А. О. Смирновой, но сказана самим святителем о св. праведном царе Давиде. См. текст выписки *X. Одухотворение (Из Св. Григория Нисского)* сборника Гоголя <Выписки из Кормчей книги> (*Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 27).

[48] Графиня Софья Ивановна Соллогуб (рожд. Архарова, 1791–1854), мать В. А. Соллогуба.

[49] Изящно (*фр.*).

[50] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 260, 261.

[51] Граф Мих. Ю. Виельгорский, по-видимому, приезжал в Ниццу на короткое время во второй половине февраля (н. ст.) 1844 г. (см. ***1843. Декабря 2 <ноября 20>. Суббота. Ницца***; ***1844. Февраля 4 <января 23>. Воскресенье. Дюссельдорф***; ***1844. Февраля 15 <3>. Четверг. Ницца***; ***1844. Февраля конец <февраля средина>. Ницца***; ***1844. Марта 7 <февраля 24>. Четверг. Берлин***; ***1844. Марта первая половина <марта начало>. Ницца***).

[52] *Смирнова А. О.* Биография Александры Осиповны Чаграновой // *Свод.* Т. 2. С. 292.

[53] В Ницце Смирнова сблизилась с семейством сына Ж. М. де Местра Рудольфа (см. ***1844. Марта 29 <17>. Пятница. Париж***).

[54] Герцог де Сен-Симон, Луи (1675–1755), французский писатель и государственный деятель.

[55] *Смирнова А. О.* Биография Александры Осиповны Чаграновой // *Свод.* Т. 2. С. 283–285, 288, 294.

[56] *Висковатов-Висковатый П.* Из рассказов А. О. Смирновой о Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 238.

[57] *Висковатов П. А.* Михаил Юрьевич Лермонтов. Юность поэта // *Свод.* Т. 2. С. 236.

[58] См. ***1828. Февраля 15. Среда. Москва.***

[59] См. ***1842. Июня 26 <14>. Воскресенье. Берлин***; ***1843. Апреля средина – мая 2 <апреля начало – апреля 20>. Рим*** (примечания); ***1845. Апреля 2 <марта 21>. Среда. Франкфурт-на-Майне.*** – См. также ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт*** (примечания).

[60] *Смирнова О. Н.* Предисловие / *Смирнова О. Н.* Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.) // *Свод.* Т. 2. С. 322.

[61] Домашнее прозвище графини Анны М. Виельгорской. – «Виельгорская, младшая сестра графини С. Соллогуб. Позднее ее звали вместо Nosie – Аполит» (примеч. О. Н. Смирновой).

[62] Стихотворение А. С. Пушкина «Отцы пустынники и жены непорочны...» (1836). – См. ***1837. Апреля конец – мая начало <мая средина>. Санкт-Петербург.***

[63] «Урожденная курляндская княжна Бирон» (примеч. О. Н. Смирновой).

[64] *Смирнова О. Н.* Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.) // *Свод.* Т. 2. С. 351.

[65] <Воспоминания о Гоголе О. Н. Смирновой в «Указателе к письмам Гоголя... в издании Кулиша» В. И. Шенрока> // *Свод.* Т. 2. С. 362.

[66] <«Отрывки из дневника» А. О. Смирновой, присланные О. Н. Смирновой В. И. Шенроку около 1888 г.> // *Свод.* Т. 2. С. 312.

[67] Гоголь в воспоминаниях Н. Н. Сорен (рожденной Смирновой), в записи В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 2. С. 371.

[68] См. ***1844. Июля 26 – сентября 15 <июля 14 – сентября 3>. Остенде.***

[69] См. ***1848. Января 15. Суббота. Санкт-Петербург.***

[70] См. также ***1843. Июля 8 <июня 26>. Суббота – августа 27 <15>. Воскресенье. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Баден-Баден, Карлсруэ, Баден-Баден.***

[71] См. также ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино.***

[72] Воспоминания графа В. А. Соллогуба // *Свод.* Т. 1. С. 655.

НОЯБРЯ 14 <26>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Игроков» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 260.

НОЯБРЯ 21 <ДЕКАБРЯ 3>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК ВВЕДЕНИЯ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. МОСКВА

Н. Н. Шереметева пишет письмо к Гоголю в Дюссельдорф.

См. ***1844 января 1 <1843 декабря 20>. Понедельник. Ницца.***

ДЕКАБРЯ 2 <НОЯБРЯ 20>. СУББОТА. НИЦЦА

Гоголь пишет ответное[1] письмо В. А. Жуковскому в Дюссельдорф:

«Отвечаю на ваше письмо сейчас же. Я именно ожидал его и потому не писал к вам. В Ниц<ц>у я приехал[2] благополучно, даже более чем благополучно, ибо случившиеся на дороге задержки и кое-какие неприятности были необходимы душе моей, как всё, что ни случается со мною, необходимо всегда моей душе. Ниц<ц>а — рай, солнце как масло ложится на всем, мотыльки, мухи в огромном количестве и воздух летний. Спокойствие совершенное; несмотря на множество домов, назначенных для иностранцев, с трудом встретишь где-нибудь одного или двух англичан, и никого более.

Жизнь дешевле, чем где-либо, особенно дешевизна припасов. Ветров и не дует других, кроме южного, другим некуда просунуть носа, потому что горы стали подковою. Я вспомнил при первом взгляде на всё это об Рейтерне, которому передайте при этом душевный поклон и скажите, что если придет ему в мысль перебраться на житье в Италию со всем семейством и прожить дешевле, нежели в Германии, то для этого следует выбрать Ниц<ц>у. А уже чем подарит его солнце — так этого и рассказать нельзя! За два часа до захожденья оно начинает творить чудеса, превращая горы то в те, то в другие цвета. Но изумительнее всего делает оно штуки с ближними горами, то есть зелеными. Эти зеленые горы делаются пунцовыми. До сих пор не было ни одного дурного дня, жарко даже ходить на солнце, так что я выбираю дорогу в тени. Говорят, что как зимою бывает тепло, так летом прохладно и приятно.

Александра Осиповна[3] здесь. Сологубы тоже здесь. Граф<иня> <Л. К.> Вьельгорская тоже здесь, с сыном[4] и с меньшою дочерью[5]. Все кланяются вам и многие будут писать. Есть еще какие-то русские, но люди больные и потому невидимы. Никого нет из тех, которые приезжают повеселиться, потому что общений для них не обретается в Ниц<ц>е, то есть ни балов, ни тому подобных соединений. Я продолжаю работать, то есть набрасывать на бумагу хаос, из которого должно произойти создание Мертвых душ. Труд и терпение, и даже приневоливание себя, награждают меня много. Такие открываются тайны, которых не слышала дотоле душа. И многое в мире становится после этого труда ясно. Поупражняясь хотя немного в науке создания, становишься в несколько крат доступнее к прозренью великих тайн Божьего создания. И видишь, что, чем дальше уйдет и углубится во что-либо человек, кончит всё тем же: одною полною и благодарною молитвою. Но я знаю, что вы сами пребываете в таком же состоянии за Одиссеею, а потому прошу только Бога — да ничем не останавливается дело и да пребывает он с вами неотлучно. А где пребывает Бог, там ничто не продолжается в равной силе, но идет вперед и стремится или переходит из лучшего в лучшее. <...> Можете адресовать мне для большей исправности на имя здешнего банкира Авикдора... <...> Или же адресуйте на имя Александры Осиповны...»

[1] См. ***1843. Ноября 18 <6>. Суббота. Дюссельдорф.***

[2] См. ***1843. 1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.***
[3] Смирнова.
[4] Граф Михаил Михайлович Виельгорский (с 1853 г. – граф Виельгорский-Матюшкин; 1822–1855), сын Мих. Ю. и Л. К. Виельгорских, служил при Министерстве иностранных дел (см. ***1844. Мая 10 <апреля 28>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***).
[5] Графиня Анна М. Виельгорская.

ДЕКАБРЯ 5 <НОЯБРЯ 23>. ВТОРНИК. ДЮССЕЛЬДОРФ

В. А. Жуковский едет в Дармштадт для встречи с великим князем Александром Николаевичем[1].

В конце декабря (н. ст.) 1843 г., будучи опять в Дюссельдорфе, Жуковский записал в дневнике: «Пребывание в Дармшта<д>те с 7 по 22 декабря»[2].

[1] См. ***1843. Сентября 23 <11>. Суббота – декабря 5 <ноября 23>. Вторник. Дюссельдорф.***
[2] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 42.

ДЕКАБРЯ 4 <16>. СУББОТА. МОСКВА

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской:

«Гоголь ужасно обезображен в “Москвитянине”[1], но, кроме того, приложение его портрета совершено против его воли».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 841.

[1] Имеется в виду литография П. Ф. Зенькова с портрета Гоголя работы А. А. Иванова (1841), помещенная М. П. Погодиным в № 11 журнала «Москвитянин» за 1843 г. Подробнее см.: ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт.***

1844 ЯНВАРЯ 1 <1843 ДЕКАБРЯ 20>. ПОНЕДЕЛЬНИК. НИЦЦА

Гоголь, получив ответ В. А. Жуковского из Дюссельдорфа[1], с вложением двух писем от Н. Н. Шереметевой и векселя на тысячу франков от Императрицы Александры Феодоровны (за поднесение экземпляра собрания своих сочинений)[2], пишет ответное послание Шереметевой (письмо было отправлено на следующий день)[3]:

«Благодарю вас, добрый друг мой, за ваши два письма, которые прислал Жуковский из Дюссельдорфа[4] (одно от 6 авг<уста>[5], другое от 21 ноября[6]). В одном из них вы пишете, что часто вам приходит на мысль сделать для меня выписку тут же в письме из книги, которую вы читали. Ради Бога, не останавливайтесь таким желаньем, посылайте мне тотчас все, что ни выпишете для меня, – и Бог вас наградит за это. <...> Еще вы упоминаете, что вас огорчают неприятные слухи, рассеваемые про меня[7]. <...> Признаюсь, мне теперь кажется странно, если бы обо мне были всё хорошие слухи. Человек так способен загордиться, если ему ничто не напоминает о его ничтожестве и мерзости, что задумает наконец точно о себе, как о добродетельном и совершенном. Если же вам горько покажется слышать что-нибудь обо мне неприятное и нехорошее, то поступите, как поступали доселе. То есть, обратитесь прямо к Богу с душевною молитвою, чтобы все рассказываемое обо мне дурное было в существе своем неправда. И чтобы Он изгнал из души моей все нечистое, не отступаясь от меня неотлучно, и уяснял бы ежеминутно глаза мои на мои проступки, ниспосылая

в то же время всесильную помощь Свою на избавление от них. Этой молитвой вы окажете мне большую помощь, да и себе доставите утешения. <...> Разделяйте ваши письма на две половины, то есть отдавайте одну половину Аксакову, а другую Языкову. Они пишут понемногу и часто я получаю почти один пустой пакет, а между тем деньги платят все равно что за два листа почтовой бумаги. <...> Не позабывайте же прилагать в письме вашем выписки из всего, что вам ни покажется нужным для души моей. Поздравляю вас от всей души с наступающим годом».

[1] См. ***1843. Декабря 2 <ноября 20>. Суббота. Ницца.***

[2] См. ***1843. Октября 6 <сентября 24>. Пятница. Дюссельдорф***; ***1843. Октября 12 <24>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1844 января 8 <1843 декабря 27>. Понедельник. Ницца***. – Позднее, 14 февраля (н. ст.) 1844 г. Гоголь сообщал С. П. Шевыреву: «В конце прошлого года я получил от Государыни тысячу франков» (см. ***1844. Февраля 14 <2>. Среда. Праздник Сретения Господня. Ницца***).

[3] См. ***1844 января 2 <1843 декабря 21>. Вторник. Ницца***; ***1844. Января 20 <февраля 1>. Четверг. Москва***.

[4] См. ***1843. Ноября 18 <6>. Суббота. Дюссельдорф***.

[5] См. ***1843. Августа 6 <18>. Пятница. Праздник Преображения Господня. Москва***.

[6] См. ***1843. Ноября 21 <декабря 3>. Воскресенье. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Москва***.

[7] Слухи об увлечении Гоголя А. О. Смирновой. Подробнее см.: ***1837. Июля около 15 – августа не позднее 27–28 <июля около 3 – августа не позднее 15–16>. Баден-Баден, Страсбург, Баден-Баден*** (примечания).

1844 ЯНВАРЯ 2 <1843 ДЕКАБРЯ 21>. ВТОРНИК. НИЦЦА

Гоголь пишет в Москву ответное письмо Н. М. Языкову (судя по почтовому штемпелю[1], письмо было отправлено на следующий день):

«Я получил два письма твои, адресованные одно в Дюссел<ь>дорф, другое в Ницу. Состояние твоего здоровья меня не удовлетворяет, но кураж[2]! Мы должны бодрить друг друга и подавать друг другу руку. Я сам тоже одолеваем разными недугами, тем более несносными для меня, что они наводят томление, тоску и мешают как следует работать. Гребу решительно противу волн[3], иду против себя самого, то есть противу находящего бездействия и томительного беспокойства. Сила свыше не оставляет меня, но телу моему потребно возобновление. Подумываю наконец сурьезно о Греффенберге: перекрестясь и благословясь, решусь погрузиться в холодную воду. Хотя бы даже никакой помощи противу недугов коренных не подала вода, но и освежение чего-нибудь да стоит. Чувствую, что неспокойство духа, смешанное с непонятною тоскою, есть ныне болезнь повсеместная[4], следствие какого-то тягостного расположения в воздухе. <...> Я <...> засел в Ниц<ц>е... <...> Погода прекрасная, то есть всегдашнее солнце, но не работается так, как бы хотел. Живу я в виду небольшого хвостика моря, на которое, впрочем, хожу глядеть вблизи. Здесь нашел несколько русских знакомых, семейство Вьельгорских, Соллогуба, который тебе кланяется и который, кажется, охотник больше ездить по вечеринкам, чем писать. Кн. Мещерские московские, с которыми я познакомился недавно[5], и Смирнова... <...> Впрочем, я вижусь с ними не так часто, как бы мог. Хочу насильно заставить себя что-нибудь сделать и потому веду жизнь уединенную и преданную размышлениям. <...> Теперь отношусь к тебе с просьбой. Если ты при деньгах, то ссуди меня тремя тысячами на полгода или даже двумя, когда не достанет. Книжные дела мои, как, я думаю, тебе тоже известно, пошли весьма скверно. Если найдутся у тебя лишние деньги, то дай знать об этом Шевыреву. Он, обратив их на вексель, пришлет мне. <...> Не забывай иногда перечитывать письмо мое[6], которое я писал тебе пред сим... <...> Надежде Николаевне передай это письмецо[7]. <...> Забирай пожалуйста от Н. Н. Шереметьевой письма в свое письмо».

[1] См.: *Городецкий*. С. 472.

[2] Смелость, мужество (*фр.*); здесь: вперед!

[3] С этими строками перекликается содержание гоголевской выписки «О покаянии» из «Некоторых мыслей Георгия, затворника Задонского Богородицкого монастыря» в рукописном сборнике «Выбранные места из тво-

рений св. Отцов и учителей Церкви», составленном зимой 1843/44 г. в Ницце: «Жить по чувствам, как плыть по течению воды, никакого нет труда; но жить по разуму и покорять пристрастную чувственность — то же, что плыть против воды; надобно трудиться и претерпевати до самого конца, до самого вечного премирного пристанища». См. также реплику Муразова в заключительной главе позднейшей редакции второго тома «Мертвых душ»: «Перекрестясь, говорит человек: "Господи, помилуй", — гребет и доплывает до берега».

[4] См. также ***1843. Февраля 26 <14>. Воскресенье. Рим***; ***1844. Февраля 14 <2>. Среда. Праздник Сретения Господня. Ницца***; ***1844. Декабря 26 <14>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Июня 1 <мая 20>. Вторник. Париж.***

[5] См. ***1843. Июня 5 <17>. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1843. Июля 24 <12>. Понедельник. Баден-Баден***; ***1843. Августа 30 <18>. Среда. Дюссельдорф.***

[6] См. ***1843. Ноября 4 <октября 23>. Суббота. Дюссельдорф***.

[7] См. ***1844 января 1 <1843 декабря 20>. Понедельник. Ницца***.

1843 ДЕКАБРЯ 26 <1844 ЯНВАРЯ 7>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

1844 ЯНВАРЯ 8 <1843 ДЕКАБРЯ 27>. ПОНЕДЕЛЬНИК. НИЦЦА

Гоголь пишет ответное[1] письмо В. А. Жуковскому в Дюссельдорф:

«Письма в совокупности с векселем[2], разделенные на два пакета, получил я в исправности. Имя Авикдора я написал вам потому по-русски, что был уверен, что вы напишете [по-французски] его так, как следует. Прежде всего вы скажете: Авикдор банкир, стало быть — жид. Если поставить букву *k*, имя получит греческую физиогномию, если *g*, выйдет что-то испанское, стало быть, для того, чтобы сохранилась жидовская физиогномия, нужно поставить *c*. Притом, как бы ни написали вы адрес, письмо дошло бы непременно куда следует. К жиду деньги всегда дойдут: они еще со времен Иуды знают своего господина, и если бы вы вместо *Авикдору* написали *Курлепникову*, то деньги пришли бы прямо в руки Авикдору. Насчет векселя уведомьте Шамбо[3], если только будете к кому-либо писать в Петербург, что вексель вами послан мне в Ниц<ц>у и что от меня вы получили извещение, что я его действительно получил и что, вероятно, я с своей стороны тоже уведомлю его официальным образом. А я натурально не уведомлю, потому что и прежде никогда не уведомлял, рассудивши, что от меня никак не потребуют денег назад в случае неуведомления в получении их. Да и притом Россия так стоит незыблемо и твердо, что если бы я даже и не уведомил, что вексель получен, то от этого не произойдет никакого потрясения в государственном механизме. <...> Я по мере сил продолжаю работать <...>, хотя всё еще не столько и не с таким успехом, как бы хотелось. А впрочем Бог даст, и я слышу это, работа моя потом пойдет непременно быстрее, потому что теперь всё еще трудная и скучная сторона. Всякий час и минуту нужно себя приневоливать и не насильно почти ничего нельзя сделать. Подумываю с удовольствием, когда мы будем читать друг другу дела свои. <...> Все вам благодарны за поклон и воспоминание о них и посылают вам множество поклонов».

[1] См. ***1844 января 1 <1843 декабря 20>. Понедельник. Ницца***.

[2] Имеется в виду вексель на тысячу франков от Императрицы Александры Феодоровны за поднесение экземпляра собрания сочинений Гоголя (см. ***1843. Октября 6 <сентября 24>. Пятница. Дюссельдорф***; ***1843. Октября 12 <24>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1843. Ноября 18 <6>. Суббота. Дюссельдорф***; ***1844 января 1 <1843 декабря 20>. Понедельник. Ницца***).

[3] Иван Павлович Шамбо (1783–1848), секретарь Императрицы Александры Федоровны, учитель немецкого языка великого князя Александра Николаевича.

1844 ЯНВАРЯ 10 <1843 ДЕКАБРЯ 29>. СРЕДА. НИЦЦА

Гоголь отправляет в Рим ответное письмо А. А. Иванову, с вложением письма к Ф. А. фон Моллеру (последнее письмо не сохранилось).

В письме к Иванову Гоголь отговаривает художника, решившегося, после долгих колебаний, взять заказ на работы по росписи Исаакиевского собора, от намерения ходатайствовать по этому поводу перед какими-либо влиятельными особами; рекомендует ему обратиться непосредственно к архитектору К. А. Тону: «На ваши два письма пишу к вам уже из Ниц<ц>ы, где надеюсь пробыть до последних чисел марта[1]. Одно из моих вы получили с казенною печатью, потому что оно не было офранцировано и потому, дошед до границ Италии, возвратилось назад в Дюссельдорф, откуда уж отправил вновь его к вам Жуковский. <...> Я, признаюсь, до сих пор удивляюсь [неблагоразумию] нерасчету вашему в том, что вы отказались от работ, которые вам предлагал Тон для церкви, которая Бог весть когда будет кончена. И я вам говорил, и Моллер тоже повторял вам, чтобы брать, но несмотря на то вы отказались. <...> Если вы хотите знать мой совет в этом деле, то он будет вот каков: писать прямо к Тону, изобразить ему со всею простотою и ясностью свое положение и требовать работы от него, сколько возможно выгодной для вас и сообразной с вашими надобностями. Поверьте, что с художником во всяком случае лучше иметь дело: он сам бывал в подобных обстоятельствах, сам испытал многое и потому всегда более может почувствовать ваше положение, чем господа, ездящие по обедам или имеющие возню с разными производительными бумагами и обремененные кучею дел, из которых они, может быть, ни одного хорошенько не понимают, а иных даже и не хотят понять. Вы посудите только сами, сколько слов нужно употребить, чтобы вбить им в голову иногда то, что с одного слова может понять художник».

В. И. Шенрок сообщал: «По поводу этих слов покойная О. Н. Смирнова писала нам, что то же выражение было употреблено Гоголем в письме к А. О. Смирновой, в которой он просит похлопотать об Иванове у великой княгини Марии Николаевны. Письмо это не сохранилось»[2].

Далее в письме к Иванову Гоголь замечал: «Спокойствия духа между тем никак не теряйте, на то, что получают большие деньги другие, никак не глядите. Помните, что нельзя работать Богу и мамоне вместе. Вы сами избрали трудную дорогу себе, стало быть, должны уметь и крепиться на ней. От голоду вы никак не умрете, а понуждаться, конечно, покуда понуждаетесь. О будущем думать нужно, но не нужно тревожиться о будущем. Это говорит вам человек довольно опытный в этом деле. У вас есть впереди возможность два года прожить безнуждно, а у меня бывали такие времена, когда я не знал, как проживу завтра. Итак, займитесь холодным размышлением, без всяких тревог, и напишите ваше решение, а записочку эту отправьте Моллеру. Адрес мой: Faubourg de la Croix de Marbre, maison Paradis».

[1] См. ***1844. Марта 19 <7>. Вторник. Ницца.***

[2] <Воспоминания о Гоголе О. Н. Смирновой в «Указателе к письмам Гоголя... в издании Кулиша» В. И. Шенрока> // *Свод.* Т. 2. С. 362.

КОНЕЦ ГОДА. КИЕВ

«В конце 1843 года А. С. Данилевский получил место инспектора второго благородного пансиона при киевской первой гимназии (там было три пансиона, называвшиеся конвиктами) и оставался в этой должности до июля 1848 года»[1].

См.: «Киевский учебный округ. <...> В Губерниях: 1. Киевской: <...> Во 2-м Панс<ионе> Инсп<ектор>, испр<авляющий> д<олжность> Г<убернский> С<е>к<ретарь> Алексан<др> Сем<енович> Данилевский»[2].

[1] Воспоминания А. С. Данилевского о последних днях жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 525.

[2] Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1844 год. СПб., <1844>. Ч. 1. С. 202. См. также ***1848. Мая последние числа. Киев*** (примечания).

1843 НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ <1843 НОЯБРЯ СРЕДИНА – 1844 ЯНВАРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА>. МОСКВА

С. Т. Аксаков пишет ответное[1] письмо к Гоголю в Дюссельдорф:

«Я получил письмецо ваше, мил<ый> др<уг> Н<иколай> В<асильевич>, из Дюссельдорфа от 2 ноября с приложением письма Погодину. По поручению вашему, мы с Шевыр<евым> прочли его один раз вместе, да предварительно каждый из нас прочел его по поскольку раз. На общем совете мы положили: не отдавать письма Погодину до получения от вас ответа. Причины тому следующие: 1) Погод<ин> нездоров и особенно расстроен о чем-то духовно. 2) Нам кажется, что это письмо не успокоит его, а раздражит; следственно, не достигнет цели, которую вы, без сомнения, имеете: внесть тишину и спокойствие в его душу. 3) Письмо ваше, как нам кажется, слишком жестоко его поражает в настоящее больное место; а сами вы обвиняете себя в общих выражениях, идущих к каждому человеку: такие обвинения нисколько не облегчают вины Погодина ни в его собственных глазах, ни в наших: это тяжело [ему]. Разумеется, после письма Погодина[2] вы имеете полное право отвечать ему таким же письмом; но здесь дело идет не о том, кто прав. <...> Вероятно, Шевыр<ев> напишет большое письмо и полнее изложит вам все, что мы с ним говорили. Я хотел сделать то же; но, вероятно, не сделаю, потому что весьма расстроен: больная наша[3] сильно нас беспокоит. Вы отгадали и должны были отгадать мои отношения с Погод<иным>. По моей, еще не остывшей, горячности и живости я много раз на него сердился. К несчастию, будучи слабым Християнином, я не мог путем кротости и смирения и любви немедленно обезоруживать свой гнев, который вы справедливо браните; но время, рассудок и доброе сердце успокоивали меня и заставляли одуматься. Известная истина, всегда мною исповедуемая, «что надобно понимать человека, каков он есть, и не требовать от натуры его (разумеется, если в ней много доброго) того, чего в ней нет», — вступала в свои права и усмиряла волнение души моей; но скажу по совести: между нами не может быть истинной дружбы. Можно найти причину его действий, извинить, оправдать их; можно уважать, даже любить этого человека; но дружба требует непременно одинаковости верований в некоторые предметы, одинаковости в мнениях о человеческом достоинстве. Не желая ничего скрыть в глубине сердца, я скажу вам, что не признаю истинной дружбы и между вами. Этим объясняется все. Нет и не может быть между вами полной веры, без которой нет истинной дружбы. — Притом же у вас есть в характере не то что неискренность, не то что неоткровенность (все это неточные выражения), а какое-то недоговаривание таких вещей, которые необходимо должны быть известны друзьям и о которых они нередко узнают стороною. Это ваша особенность, но ею оскорбляются, и сомнение сей час возникает!.. Скажите, ради Бога, может ли вполне понять вас человек, который, по собственным словам вашим, «живет с вами в разных мирах»? Этой последнею мыслию я всегда объяснял Погодину то, чего он беспрестанно в вас не понимал: наконец, он перестал и говорить со мною. Вероятно, и я не понимаю вас вполне; но я, по крайней мере, понимаю, что нельзя высокую, творческую натуру художника мерить аршином наших полицейских общественных уставов, житейских расчетов и мелочных требований самолюбия. Мы оба с Погодиным недурные люди, но я считаю то святотатством, что Погод<ин> считает делом не только дозволенным, но даже должным. Он всегда готов на доброе дело, на <...> помощь ближнему, может быть гораздо готовнее меня, без всякой мысли возмездия на ту минуту; но потом, если этот ближний будет находиться в таком положении, что может быть сам ему полезным, он потребует от него непременно услуги, отплаты, не принимая в соображение ничего. <...> Как бы то ни было, а я дурно сделал, что переслал вам письмо Погодина. В объяснениях такого рода не надобно свидетеля».

[1] См. ***1843. Ноября 2 <октября 21>. Четверг. Дюссельдорф.***

[2] От 12/24 сентября 1843 г. (см. ***1843. Сентября средина, после 12 <после 24>. Москва***).

³ Ольга Сергеевна Аксакова.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. КИЕВ, ЕКАТЕРИНБУРГ, ЕКАТЕРИНОСЛАВ, ХАРЬКОВ

1843

На киевской сцене поставлены «Ревизор», «Женитьба», «Игроки»; «Ревизор» поставлен также в Екатеринбурге и Екатеринославе, «Женитьба» — в Харькове.

Клинчин. С. 153.

ЯНВАРЯ 3 <15>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

1844

Представление «Женитьбы» в Малом театре[1]. «Роль Кочкарева играл в первый раз[2] М. С. Щепкин»[3].

¹ *Гриц*. С. 322; *Ельницкая 1978*. С. 253.
² Ср. ***1843. Сентября 28 <сентября 10>. Вторник. Москва***.
³ *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя> // *ГЦТМ*. Ф. 299. Ед. хр. 1852. Л. 9.

ЯНВАРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА <ЯНВАРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА>. РИМ

А. А. Иванов пишет ответное[1] письмо Гоголю в Ниццу:

«Извините. Выходит, что я не понял предыдущего[2] письма Вашего: там стоит, что новый наш президент Академии сделал постановление давать художникам заказы для русских церквей в чужих краях. Вот и вообразим себе, что уже это и начнется Исаакиевской церковью; из этого же письма мне показалось, что Вы находитесь с значительными русскими [фамилиями], посредством которых можно для меня еще с большей легкостью повести в действие устав нового президента. Но, судя по последнему письму Вашему из Ниццы, это вовсе не так. Извините, что Вас потревожил. Просить Тона, может быть, я и буду, но не теперь, потому что еще всё слишком свежо, и тем более, что, на два года имея содержание, мне не из чего, без особого случая, подыматься. Да, если б не болезнь глазная, я бы ни о чем не думал, как только о производстве моей картины. А то вот у меня еще хочет быть новая беда над головой. Брат[3] получил 1-ую золотую медаль, а с ней и право ехать за границу. Для него нужно узнать несколько и практически свою часть; он определился к Конст<антину> Тону строить церковь в Петербурге на два года (уже полгода прошло); это всё хорошо, но отец нам говорит, что один из нас непременно должен быть при нем.

Извещайте, пожалуйста, меня, где Вы будете жительствовать[4], чтобы на случай беды к Вам прибегнуть для совета. К Моллеру послал письмо.

Из этого Вы видите покуда, что хоть бы и были способы мне прожить и более двух лет, то они бы ничего не прибавили к моей картине[5], потому что нужно будет ехать, чтоб не препятствовать брату. С мыслью, что я чей-нибудь успех останавливаю, я не могу быть производителем такого труда, который если не досягает до религии, то непременно уже требует глубокого мира душевного...»

¹ См. ***1844 января 10 <1843 декабря 29>. Среда. Ницца***.
² Иванов имеет в виду письмо к нему Гоголя от 1 сентября (н. ст.) 1843 г. Гоголь сообщал в нем, что, по постановлению нового президента Академии художеств, герцога Лейхтенбергского Максимилиана, «художники могут брать заказы в русские церкви, не выезжая из Рима, и производить работы, постоянно живя в Риме» (см. ***1843. Сентября 1 <августа 20>. Пятница. Дюссельдорф***).
³ Сергей Андреевич Иванов (1822–1877), младший брат художника, архитектор.
⁴ Гоголь ответил Иванову 18 марта 1844 г. из Ниццы (см. ***1844. Марта 18 <6>. Понедельник. Ницца***).

[5] «Явление Мессии».

ЯНВАРЯ 11 <23>. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978*. С. 305.
[2] *Гриц*. С. 323.

ЯНВАРЯ 27 <15>. СУББОТА

«В неизданном письме Моллера к Иванову от 27 января 1844 г. содержится отклик на полученное им, но не сохранившееся письмо Гоголя»[1].

Возможно, в этот же день Ф. А. фон Моллер написал письмо к Гоголю в Ниццу[2].

[1] Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 662; *Свод*. Т. 3. С. 391. – См. ***1844 января 10 <1843 декабря 29>. Среда. Ницца***.
[2] См. ***1844. Марта 18 <6>. Понедельник. Ницца***.

ЯНВАРЯ 20 <ФЕВРАЛЯ 1>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Н. Н. Шереметева в ответном[1] письме к Гоголю в Ниццу, начатом 19 января 1844 г., сообщает:

«Письмо ваше[2] от 21 дека<бря> через Николая Михайловича <Языкова>[3] имела утешение получить. <...> Пишете насчет слухов[4], что многие и до вас доходили. Я не о многом, а одно слышала, что меня за вас глубоко трогает и страшит. Какой смертной дерзнет похвалиться, что он не подвергнется такому-то искушению, и понадеясь на собственные силы, не удалится и не станет избегать случаев, могущих его более и более вовлечь. Последствия для него будут вредны, а для любящих его очень печальны. О, как часто с самым прекрасным сердцем увлекались пристрастием и делались неспособны за собою постоянно наблюдать. Добровольно налагаем на себя оковы, под тяжестью коих душа томится. Это ли назначение человека на сем свете. <...> Дай Бог, чтоб эти слухи были несправедливы. <...> Говорите, что вначале насчет этих слухов вам сильно хотелось оправдаться, но после увидели, что даже и оправдываться не имеете права. А мне кажется, не то чтобы оправдываться для собственной защиты, но объяснить истину нужно для того, чтобы успокоить любящих вас, а других отвести от греха говорить о том, чего не существует... <...>

Николай Михайлович мне доставил случай через Бабарыкина[5] послать к вам образ. Говорят, он в декабре уехал[6]. Я его не знаю, но рада, что отправился наконец. <...> ...Когда в памяти умирать буду, оставлю вам благословение, а если случится иначе, то примите сей образ как предсмертное мое благословение. <...> Насчет того, когда, читавши что, выписываю, присылать, на сей раз посылаю листок[7]; у меня и много выписано из разных книг; на сей раз не успеваю более. А вместе с образом, в том же ящике, послали молитвы[8]: Поклонение язвам, сочинение святителя Димитрия; читайте их всякой день, пожалу<й>ста. <...> О Сергее Тимофеевиче <Аксакове> и его семействе скажу вам, что болезнь дочери их, Ольги Сергеевны, очень их печалит. Ольга Семеновна часто и плачет. <...> Константин Сергеевич кончил свою диссертацию[9], а меньшой, Иван Сергеевич, поехал с сенатором Гагариным[10] в Астрахань на ревизию. <...> Павла Воиновича <Нащокина> видаю, помаленьку существует, опять квартеру переменил, немного подороже последней, но много лучше».

Выписка на французском языке, приложенная Шереметевой к письму, начиналась так: «Дай мне полюбить Тебя, Господи, потому что я не любил Тебя до сих пор. О, Господи, ляг божественной печатью на мое сердце, чтобы запретить вход в него всяким желаниям. Привязанность наша к кому-либо из близких или посторонних весьма опасна, поскольку она способна незаметно вывести нас из одиночества в мир».

Свое письмо Шереметева передала Н. М. Языкову, который вместе с своим посланием (не сохранилось) отправил письмо в Ниццу к Гоголю[11].

[1] См. ***1844 января 1 <1843 декабря 20>. Понедельник. Ницца.***

[2] В бумагах Н. Н. Шереметевой сохранились также выписки из писем Гоголя к С. П. Шевыреву от 28 февраля (н. ст.) 1843 г. и к С. Т. Аксакову от 18 марта (н. ст.) 1843 г. (*РГБ*. Ф. 340. К. 35. Ед. хр. 12).

[3] См. ***1844 января 2 <1843 декабря 21>. Вторник. Ницца.***

[4] Слухи об увлечении Гоголя А. О. Смирновой. Подробнее об этом см.: ***1837. Июля около 15 – августа не позднее 27–28 <июля около 3 – августа не позднее 15–16>. Баден-Баден, Страсбург, Баден-Баден*** (примечания).

[5] Николай Николаевич Бабарыкин (Боборыкин, Бобарыкин; 1812–1888), поэт, цензор.

[6] См. ***1844. Февраля 27 <марта 10>. Воскресенье. Москва.***

[7] К письму была приложена выписка на французском языке (судя по содержанию выписки, – из католической книги). В этом, очевидно, сказалось тогдашнее «французское» воспитание русского дворянства, которого не избежала и Шереметева. В ее бумагах сохранилось четыре тетради и несколько отдельных листов 1830-х – 1840-х гг. с выписками религиозного содержания на французском языке, сделанных ее рукою (*РГБ*. Ф. 340. К. 15-а. Ед. хр. 18. Л. 13–17, 18–25, 53–55, 60–83, 86–125, 127). Еще в 1835 г. преосвященный Филарет (Гумилевский), в ту пору ректор Московской Духовной академии, гостивший у Шереметевой в Покровском, предостерегал ее от чтения сочинений западной мистики: «...Хочу сказать вам мою мысль о "Христианской Философии", которую видел у вас на столе <...> Тут христианство встречается только по названию <...> Приводятся места Писания, но им смысл дан особый, несогласный с Писанием» (*Барсуков Н.* Письма Филарета, впоследствии Архиепископа Черниговского и Нежинского к Надежде Николаевне Шереметевой // Старина и Новизна. 1900. № 3. С. 40). Речь, вероятно, шла о собрании проповедей швейцарского пастора Ж. Ф. Дютуа-Мембрини «Philosophie chretienne» (1800; 4 т.). В России эта книга была переведена Е. В. Карнеевым под названием «Божественная философия» (М., 1812; 2-е изд. 1819; перевод посвящен Высочайшему имени). Е. В. Карнеев – племянник З. Я. Карнеева, вице-президента Библейского общества, известного масона, сподвижника князя А. Н. Голицына. Перевод был рекомендован З. Я. Карнеевым – попечителем Харьковского округа в 1817–1822 гг. – в качестве учебного пособия для университетов. С князем А. Н. Голицыным, бывшим министром духовных дел и народного просвещения (1817–1824), под началом которого издавались в те годы сочинения западной мистики, Шереметева также переписывалась. Сохранилось письмо Голицына к Шереметевой от 11 декабря 1837 г., в котором тот благодарит ее за поздравление с днем рождения (см.: *РГБ*. Ф. 340. К. 15. Ед. хр. 9. Л. 1).

На присылку Шереметевой выписки на французском языке Гоголь отвечал деликатно, но твердо: «Благодарю вас за присланную в письме выписочку, но еще более благодарю, что вы обещаетесь послать с Боборыкиным молитвы св. Дм<итрия> Ростовского. Душе моей нужней теперь то, что писано святителем нашей Церкви, чем то, что можно читать на французском языке. Это я уже испытал» (письмо от 11–12 марта (н. ст.) 1844 г.). – См. также ***1845. Декабря 13 <25>. Четверг. Москва.***

[8] Посылка с образом и сборником молитв вследствие необязательности Н. Н. Боборыкина была получена Гоголем лишь в конце февраля – начале марта 1846 г. (см. ***1846. Марта 24 <12>. Вторник. Рим*** – письмо Гоголя к Н. Н. Шереметевой). Тогда же, вместе с посылкой, Гоголем было получено второе сопроводительное письмо Шереметевой (см. ***1845. Декабря 13 <25>. Четверг. Москва***), так как ее прежнее сопроводительное письмо, от декабря 1843 г., Боборыкиным было утеряно (см. ***1845. Октября 3 <15>. Среда. С. Покровское***). Сборник молитв, посланный Шереметевой, см. в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 13. С. 244–249.

[9] Имеется в виду диссертация К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (опубл. в 1846).

[10] Князь Павел Павлович Гагарин (1789–1872), действительный тайный советник, сенатор, возглавивший в 1844 г. комиссию по ревизии Астраханской губернии.

[11] См. ***1844. Февраля 15 <3>. Четверг. Ницца.***

ЯНВАРЯ 20 <ФЕВРАЛЯ 1>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Женитьбы» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 253.

ФЕВРАЛЯ 4 <ЯНВАРЯ 23>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДЮССЕЛЬДОРФ

В. А. Жуковский пишет графу Мих. Ю. Виельгорскому:

«Ты, мой любезнейший сиятельный тюфяк, не уведомил меня даже о пребывании твоих в Ницце; а я узнал об этом от Гоголя, который там с ними делит солнце, обращающееся здесь ежедневно в туман при своем восхождении».

Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод*. Т. 2. С. 55.

ФЕВРАЛЯ 10 <ЯНВАРЯ 29>. СУББОТА. НИЦЦА

Гоголь пишет ответные письма С. Т. Аксакову[1] в Москву, П. В. Анненкову[2] в Петербург. В письме к протоиерею И. М. Певницкому[3] в Штутгарт спрашивает, где будет совершаться пасхальное богослужение[4] — в церкви на горе Ротенберг (храм, построенный на могиле королевы Виртембергской Екатерины Павловны) или в храме при русском посольстве в Штутгарте (письмо не сохранилось)[5].

Православного храма в Ницце не было. Русская церковь во имя св. Николая Чудотворца и св. царицы Александры была заложена здесь только в 1858 г.

Из письма к Аксакову: «Я очень поздно отвечаю на письмо ваше... <...> Причиной этого было отчасти физическое болезненное расположение... <...> Всё, что ни рассудили вы насчет моего письма к Погодину[6], я нахожу совершенно благоразумным и справедливым... <...> Одно мне только было грустно читать, это то, что ваше собственное душевное расположение неспокойно и тревожно. Я <...> решился послать вам одно средство против душевных тревог[7], которое мне помогает сильно. Шевырев вручит вам его в виде подарка на новый год. <...> Письма адресуйте во Франкфурт на имя Жуковского. Из Ницы я выезжаю через неделю от сего числа»[8].

Позднее, С. Т. Аксаков в адресованных П. А. Кулишу «Кратких сведениях и выписках из писем для биографии Гоголя» (1854), предваряя цитату из настоящего письма, замечал: «Вообще надобно сказать, что в продолжении этого года, кроме его начала, здоровье Гоголя находилось в лучшем положении и что он работал над вторым томом Мер<твых> Ду<ш>»[9].

В письме к Анненкову Гоголь сообщал: «Иванов прислал[10] мне ваш адрес и сообщил мне вашу готовность исполнять всяческие поручения. <...> Вот вам порученья: 1-е. Разведайте, что делается с моими книжными делами... <...> До сих пор ни одной копейки я не получил доходу от моих сочинений. И ни слуху, ни духу ни от кого. От Прокоповича больше полугода не имею ни известия, ни писем. Я просил его прислать мне отчет, но не получал никакого ответа. <...> Вы сделайте вот что: разведайте поближе, в чем дело... <...> Прокопович человек несколько страстный и увлекающийся. <...> Помните также, что человек никогда не бывает ни совершенно прав, ни совершенно виноват. По моему мнению, капитанская жена в повести у Пушкина совершенно права, когда послала поручика рассудить драку за шайку в бане с таковой инструкцией: "Разбери хорошенько кто прав, кто виноват, да обоих и накажи"[11]. <...> Как бы то ни было, но <...> я сижу без копейки денег. <...>

2-е. Другая просьба. Уведомьте, в каком положении и какой приняли характер ныне толки как о М<ертвых> д<ушах>, так и о Сочинениях моих. Это вам сделать, я знаю, будет отчасти трудно, потому что круг, в котором вы обращаетесь, большею частию обо мне хорошего мнения, стало быть, от них что от козла молока. Нельзя ли чего-нибудь достать вне этого круга, хотя чрез знакомых вашим знакомым, через четвертые или пятые руки? Можно много довольно умных замечаний ус-

лышать от тех людей, которые совсем не любят моих сочинений. Нельзя ли при удобном случае также узнать, что говорится обо мне в салонах Булгарина, Греча, Сенковского и Полевого? В какой силе и степени их ненависть, или уже превратилась в совершенное равнодушие? Я вспомнил, что вы можете узнать кое-что об этом даже от Романовича[12], которого, вероятно, встретите на улице. Он, без сомнения, бывает по-прежнему у них на вечерах. Но делайте всё так, как бы этим вы, а не я интересовался. Не дурно также узнать мнение обо мне и самого Романовича. <...> Адресуйте во Франкфурт на Майне на имя Жуковского, который отныне учреждается там и где чрез месяц я намерен быть сам».

В 1880 г. Анненков, впервые опубликовавший это письмо в мемуарном очерке «Замечательное десятилетие», замечал: «В феврале 1844 г<ода> я получил от него неожиданно и после долгого молчания следующее письмо...»[13] К строкам письма: «узнать кое-что об этом даже от Романовича», – Анненков сделал примечание: «Тоже нежинский товарищ Гоголя, пробивавшийся в литераторы с большими усилиями и посещавший для того разные литературные круги»[14].

[1] См. ***1843 ноябрь-декабрь <1843 ноября средина – 1844 января первая половина>. Москва.***

[2] См. ***1843. Мая 11 <апреля 29>. Четверг. Париж.***

[3] Об отце Иоанне Певницком см.: ***1843. Июля 8 <июня 26>. Суббота – августа 27 <15>. Воскресенье. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Баден-Баден, Карлсруэ, Баден-Баден*** (примечания).

[4] См. ***1844. Апреля 7 <марта 26>. Светлое Христово Воскресение. Праздники православной и католической Пасхи. Дармштадт.***

[5] См. ***1844. Февраля 23 <11>. Пятница. Штутгарт.***

[6] См. ***1843. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки***; ***1843. Ноября 2 <октября 21>. Четверг. Дюссельдорф***; ***1843 ноябрь-декабрь <1843 ноября средина – 1844 января первая половина>. Москва.***

[7] Речь идет о книге «Подражание Иисусу Христу» (ок. 1418; приписывается обычно Фоме Кемпийскому) (см. ***1844. Февраля 14 <2>. Среда. Праздник Сретения Господня. Ницца***). Получив письмо, С. Т. Аксаков решил, что Гоголь посылает ему второй том «Мертвых душ» (см. ***1844. Апреля 17 <29>. Понедельник. Москва***).

[8] Ср. ***1844. Марта 19 <7>. Вторник. Ницца.***

[9] *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 643.

[10] См. ***1843. Мая конец – июня начало <мая вторая половина>. Рим.***

[11] Ср. строки статьи *XXV. Сельский суд и расправа* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «...весьма здраво поступила комендантша в повести Пушкина “Капитанская дочка”, которая, пославши поручика рассудить городового солдата с бабой, подравшихся в бане за деревянную шайку, снабдила его такой инструкцией: “Разбери, кто прав, кто виноват, да обоих и накажи”».

[12] В. И. Любич-Романович.

[13] *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Свод.* Т. 3. С. 512.

[14] Там же. Т. 3. С. 513.

ФЕВРАЛЯ 14 <2>. СРЕДА. ПРАЗДНИК СРЕТЕНИЯ ГОСПОДНЯ. НИЦЦА

Гоголь отправляет в Москву ответное[1] письмо к С. П. Шевыреву.

Датировка письма уточнена. Сам Гоголь пометил письмо: «Ниц<ц>а. Февраль 2 1844». По-видимому, эта дата приведена им не по новому, а по старому стилю, так как послание имеет почтовый штемпель: «Nizza 14 Fev»[2]. Вероятно, поставив дату по старому стилю, Гоголь желал обратить внимание адресатов на праздничный день отправления письма. К письму Шевыреву Гоголь приложил общее послание к С. Т. Аксакову, М. П. Погодину и Шевыреву (последнее помечено: «Генварь, 1844-го г. Ницца»). Кроме того, в тот же день, 14 февраля (н. ст.) 1844 г., Гоголь отправил в Москву новое[3] ответное[4] письмо М. П. Погодину (самим Гоголем это письмо не датировано, но также имеет почтовый штемпель «Nizza 14 Fev»[5]).

Из письма к Шевыреву: «Благодарю тебя за письмо, за отчеты, а более всего за вести о твоем состоянии душевном. <...> Мысли твои насчет твоей деятельности, как вне университета, так и в университете, верны, как сама истина. <...> В награду за настойчивость я узнал следующую истину: *ухо-*

дить в себя мы можем среди всех препятствий и волнений. <...> Мне кажется, судя по письмам, <...> что вы все, то есть и ты, и Погодин, и Аксаков, терпите часто душевные беспокойства и тревоги. <...> Я посылаю вам одно средство, уже мною испытанное, которое верно вам поможет уходить чаще в себя, а с тем вместе противиться всем душевным беспокойствам. При письме этом я прилагаю письмо ко всем вам. Ты прочитай его теперь же (прежде один) и купи немедленно во французской лавке четыре миниатюрные экземпляр<ч>ика Подражания Христу[6], для тебя, Погодина, С. Т. Аксакова и Языкова. <...> Прислать вам отсюда книги нет средств; в конце письма ты увидишь лаконические надписочки, которые разрежь ножницами и наклей на всяком экземпляр<ч>ике[7]. <...>

Вы оба поступили хорошо, что не отдавали моего письма Погодину[8]. <...> Нет ли средств затащить в литературную деятельность Хомякова и заставить его действовать, хотя полемически, в Москвитянине? Удивительно, что Москвитянин не вывел ни одного нового таланта на поприще, не возбудил никого из ленивых к деятельности и опирается только на тех, которые бы действовали и без него. В Погодине есть что-то такое, что наводит уныние на молодежь. Он никак не умеет бодрить и куражить, а это необходимо для молодежи. Поощрение слишком важная вещь для русского человека. Можно и распекать и бранить, и при всем том тебя будут молодые люди любить, если и брань и распеканье основаны сколько-нибудь на познании их природы. Но требовать, чтобы всякий человек был именно Погодин, а не другой кто — с этим ровно ничего нельзя сделать... <...> А между тем нужно при всем том сколько-нибудь подтолкнуть Москву на помощь Москвитянину. Он решительно [ни на волос] ничуть не шевелится книжно-литературным образом. Москвитянина приличнее бы следовало назвать провинциалом, потому что большею частию из провинций, извнутри России, присылаются статьи.

Что касается до 2-го издания М<ертвых> д<уш>, то мне кажется, что это дело можно приостановить. Я не предвижу большого расхода. Деньги пока можно взять у Языкова, что я думаю, ты уже сделал, а потом... утро вечера мудренее. Теперь я так мало забочусь о том, что будет в отношении денежном, как никогда доселе. В конце прошлого года я получил от государыни тысячу франков[9]. С этой тысячей я прожил до февраля месяца, благодаря между прочим и моим добрым знакомым, которых нашел в Ниц<ц>е, у которых почти всегда обедал и таким образом доставил некоторое сбережение деньгам. Более всего меня мучило болезненное состояние, которое пришло весьма некстати... <...> Теперь гораздо лучше. Болезненное состояние принесло свою пользу. Из Петербурга я не получал ни от кого писем уже более полугода. Прокоповичу я написал уже весьма давно, чтобы он выслал тебе немедленно тысячу экземпляров[10]. А впрочем, я желал бы, чтобы все эти экземпляры как-нибудь сгорели, чтоб и концы в воду. <...> Письма адресуй во Франкфурт на имя Жуковского, который там поселяется. Купи еще один экземп<ляр> для Ольги Семеновны Аксаковой. Ей во многих отношениях очень нужно это средство и потом будет еще более. Недурно, если б книжки в хорош<их> переплетах».

В общем послании к Аксакову, Погодину и Шевыреву Гоголь писал: «Мне чувствуется, что вы часто бываете неспокойны духом. Есть какая-то повсюдная[11] нервически душевная тоска: она долженствует быть потом еще сильнее. В таких случаях нужна братская взаимная помощь. <...> Отдайте один час вашего дня на заботу о себе, проживите этот час внутреннею, сосредоточенною в себе жизнию. На такое состояние может навести вас душевная книга. Я посылаю вам Подражание Христу, не потому, чтоб не было ничего выше и лучше ее, но потому, что на то употребление, на которое я вам назначу ее, не знаю другой книги, которая была бы лучше ее. Читайте всякий день по одной главе, не больше, если даже глава велика, разделите ее на-двое. По прочтении предайтесь размышлению о прочитанном. Переворотите на все стороны прочитанное с тем, чтобы наконец добраться и увидеть, как именно оно может быть применено к вам, именно в том кругу, среди которого вы обращаетесь, в тех именно обстоятельствах, среди которых вы находитесь. Отдалите от себя мысль, что многое тут находящееся относится к монашеской или иной жизни. Если вам так покажется, то значит, что вы еще далеки от настоящего смысла и видите только буквы».

Из письма к Погодину: «Я долго не отвечал на письмо твое, были причины: еще до сих пор шевелилось желанье оправдаться перед тобою. Слава Богу, это желанье наконец умерло вовсе. Теперь

я задаю себе такие вопросы: во-1-х, будет ли мне какая-нибудь польза из того, что в твоей душе поселится обо мне мнение выгоднейшее прежнего, лучше ли я стану от этого? во-2-х, если бы я оправдался перед тобою во всем и вышел бы белее снега в тех поступках, в которых случилось тебе обвинить меня, разве это послужило бы доказательством, что во мне нет других проступков, может быть, в несколько раз хуже первых? Итак, оставайся лучше при прежнем своем мнении: пусть я буду в глазах твоих отвратительным существом. Во всяком случае это, верно, будет ближе к истине, чем если бы ты вообразил меня противуположным тому существом. Но признавши в другом несовершенство и ничтожность характера, следует допустить и в себе самом хотя часть несовершенства. <...> Ты иногда жаловался горько на неблагодарность людей, но всегда позабывал задать вопрос: не во мне ли самом заключена причина этой неблагодарности? Вот что говорит Марк Аврелий[12]: "Во всяком случае, когда придется тебе жаловаться на человека неблагодарного или вероломного, обратись прежде к самому себе, ты, верно, был сам виноват или потому, что заключил, будто вероломный может быть верным[13], или потому, что, делая добро, имел что-нибудь другое в виду, а не просто делание добра и захотел скоро вкусить плоды своего доброго дела. Но чего ищешь ты, делая добро людям? Разве уже не довольно с тебя, что это свойственно твоей природе? Ты хочешь вознаграждения? Это всё равно, если бы глаз требовал награды за то, что он видит, или ноги за то, что они ходят! Как глаза и ноги действуют так для того, что сим исполняют свою должность и непременный закон относительно к строенью всего тела, так и весь человек, созданный для того, чтобы благодетельствовать, должен считать это не более как за непременный долг и непреложный закон своего действования".

Я привел это мнение нарочно. Это говорит император язычник, а мы христиане, нам на каждом шагу делается об этом напоминание. Ты часто хотел вкусить слишком скоро плоды своего доброго дела. Это было причиной многих твоих разрывов и недоразумений со многими людьми. Это было причиной многих несправедливых мнений, утвердившихся о тебе в людях, и обратно. Мне несколько раз случалось слышать, какое черное и корыстное значение придавали твоим действиям, возникшим из благородных и чистых побуждений. <...>

Я слышал, что ты бываешь часто одержим беспокойствами и тревогами частию нервическими, частию душевными. <...> Мне помогало[14] одно средство, впоследствии оно помогало еще сильнее — и успех его возрастает по мере употребленья ежедневно. О нем я пишу в письме к вам троим. <...> Пиши ко мне в Франкфурт, Poste restante».

[1] См. ***1843. Октября 27 <ноября 8>. Среда. Москва.***

[2] *Городецкий.* С. 467.

[3] См. ***1843. Ноября 2 <октября 21>. Четверг. Дюссельдорф.***

[4] См. ***1843. Сентября средина, после 12 <после 24>. Москва.***

[5] *Городецкий.* С. 462.

[6] Позднее книгу «Подражание Иисусу Христу» Гоголь подарил также А. А. Иванову (см. письмо художника к Гоголю от сентября (н. ст.) 1846 г.: ***1846. Сентябрь <августа вторая половина — сентября средина> Неаполь***), рекомендовал А. О. Смирновой (см. письмо к ней от 9 января (н. ст.) — 15 марта (н. ст.) 1845 г.: ***1845 января 9 <1844 декабря 28>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***) и графу А. П. Толстому (см. ***1844. Декабря 12 <ноября 30>. Четверг. Париж***). На «Imitation de Jésus Christ» Гоголь ссылался и в письме к П. А. Плетневу от первой половины декабря (н. ст.) 1844 г. (см. ***1844. Между декабря 1 и 14 <между ноября 19 и декабря 2>. Франкфурт-на-Майне***).

[7] С. П. Шевырев исполнил просьбу Гоголя: часть последней страницы письма (где были эти «надписочки») отрезана ножницами.

[8] См. ***1843. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки***; ***1843. Ноября 2 <октября 21>. Четверг. Дюссельдорф***; ***1843 ноябрь-декабрь <1843 ноября средина — 1844 января первая половина>. Москва.***

[9] См. ***1844 января 1 <1843 декабря 20>. Понедельник. Ницца.***

[10] Письмо не сохранилось (ср. ***1843. Марта 18 <30>. Четверг. Санкт-Петербург***). С повторной просьбой Гоголь обратился к Прокоповичу 17 апреля (н. ст.) 1843 г. (см. ***1843. Апреля 17 <5>. Великий понедельник. Рим***).

[11] См. также ***1844 января 2 <1843 декабря 21>. Вторник. Ницца***; ***1844. Февраля 15 <3>. Четверг. Ницца.***

[12] Гоголь цитирует § 42, кн. IX сочинения римского императора и философа-стоика Марка Аврелия (121–180) «Наедине с собой. Размышления». Гоголь приводит цитату в собственном переводе, сделанном с французского. См. соответствующее место: *Аврелий М. А.* Размышления / Изд. подготовили А. И. Доватур,

А. К. Гаврилов, Яан Унт. Л., 1985. С. 55 (2-е изд., испр. и доп. СПб., 1993. С. 54). (Указано: *Гаврилов А. К.* Марк Аврелий в России // *Аврелий М. А.* Размышления. Л., 1985. С. 141.). По воспоминаниям А. О. Смирновой, зимой 1843/44 г. в Ницце вместе со выписками из Святых Отцов Гоголь читал ей иногда и Марка Аврелия и при этом «с умилением говорил: "Божусь Богом, что ему недостает только быть христианином!"» (см. ***1843 ноября 19 <7> — 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца***).

[13] Ср. строки сочинения Гоголя 1843 г. <О гневе и безгневии>, адресованного А. О. Смирновой: «Многие в намерении предотвратить неудовольствие советуют держаться следующего правила. Перед тем, как случится иметь объяснение с каким бы то ни было человеком, нам известным, нужно припомнить все до последнего его недостатки, и держать их неотлучно в голове во все время разговора с ним. Тогда не будешь поражен ничем неожиданным и нечаянным с его стороны, или, лучше, не дашь даже и обнаружиться чему-либо неожиданному». См. также в трактате Гоголя «О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение...»: «Прежде всего следует представить себе живо характер и качества того лица, с которым говоришь...»

[14] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки***.

ФЕВРАЛЯ 15 <3>. ЧЕТВЕРГ. НИЦЦА

Гоголь, получив из Москвы письма от Н. М. Языкова (не сохранилось) и от Н. Н. Шереметевой[1], пишет ответное письмо к Языкову. В тот же день отправляет записку к А. О. Смирновой.

Спустя около месяца, 11–12 марта (н. ст.) 1844 г., Гоголь извещал Шереметеву: «Я получил от вас два письма с того времени, как писал к вам в последний раз: одно назад тому месяц (писанное вами от 20 января), другое гораздо прежде[2]. Не сердитесь на меня за большие промежутки».

Из письма к Языкову: «Благодарю тебя за книги, которые ты обещаешь прислать мне с Бабарыкиным[3]. Они именно те, какие мне нужны. О Христ<ианском> чт<ении>[4] не заботься[5], но если бы случилось каким-нибудь образом достать перевод Св<ятых> Отцов, изд<анный> при Троиц<кой> лавре[6], то это был бы драгоценный подарок. Я, признаюсь, потому наиболее желал Хр<истианское> чт<ение>, что там бывают переводы из Св<ятых> Отц<ов>. Конец твоего письма горек. Ты уныл духом, одержим скучным и грустным расположением. Много людей, близких душе моей, чувствует в последнее время особенно грустное расположение[7]... <...> Счастливей всех тот, кто постигнул, что это строгий, необходимый закон, что если бы не было моря и волн, тогда бы и плыть было невозможно... <...> Всё ведет к тому, чтоб мы крепче, чем когда-либо прежде, ухватясь за крест, плыли впоперек скорбей. Есть средство в минутах трудных, когда страданья душевные или телесные бывают невыносимо мучительны; его добыл я сильными душевными потрясениями, но тебе его открою[8]. <...> Вспомни, что было время, когда стихи твои производили электрическое потрясение на молодежь, хотя эта молодежь и не имела большого поэтического чутья, но заключенный в них лиризм — глубокая истина души, живое отторгновение от самого тела души, потряс их. Последующие твои стихи были обработаннее, обдуманнее, зрелее, но лиризм, эта чистая молитва души, в них угаснул[9]. Не суждено лирическому поэту быть покойным созерцателем жизни, подобно эпическому. Не может лирическая поэзия, подобно драматической, описывать страданья и чувства другого[10]. По этому одному она есть непритворнейшее выражение, истина выше всех истин, и глас Божий слышится в ее восторгновении. Почему знать, может быть, томления и страдания именно ниспосылаются тебе для того, чтобы ты восчувствовал эти томленья и страданья во всей их страшной силе, чтобы мог потом представить себе во всей силе положение брата своего, находящегося в подобном положении, какого положения ты никогда бы не мог представить себе, если бы не испытал его на себе самом, чтобы душа твоя подвигнулась бы всею силою нежной любви к нему, сильнейшей, чем та любовь, которую мы стремимся показывать, чтобы душа твоя [загорелась] проникнулась всею силою сострадания, сильнейшего, чем наше бледное и холодное сострадание. Голос из глубины страждущей души есть уже помощь великая другому страждущему. Нет, не медной копейкой мы должны подавать милостыню, медная копейка примется от того, кто на выработанье ее употребил все данные ему от Бога способности. А мы разве употребили наши способности? где наши дела? Не часто ли, в минуты бедствий произносит человек: "Господи, за

что это приходится мне терпеть столько? Кажется, я никому не сделал зла на своем веку, никого не обидел". Но что скажет он, если в душе раздадутся в ответ на это такие слова: А что сделал ты добра? Или ты призван затем, чтобы не делать только зла? Где твои прямо христианские дела? Где свидетельства сильной любви твоей к ближнему, первого условия христианина? где они? Увы! может быть, даже и тот, который находится при смерти, и тот не избавлен от обязанностей христианских; может быть, и тогда не имеет он права быть эгоистом и думать о себе, а должен помышлять о том, как и самыми страданьями своими быть полезну брату, может быть, оттого так и невыносимы его страдания, что он позабыл о своем брате. Много еще тайн для нас, и глубок смысл несчастий! Может быть, эти трудные минутки и томленья ниспосылаются тебе для того, чтобы довести тебя именно до того, о чем ты просишь в молитвах, может быть, даже нет к тому иной дороги, нет другого законнейшего и мудрейшего пути, как именно этот путь. Нет, не будем пропускать даром ничего, что бы ни случалось с нами, и будем ежеминутно молиться об уясненьи очей наших. Будем добиваться ответа из глубины душ наших и, что найдем там в утешение себе, да поделимся братски. Пока мой совет вот какой: всякий раз, в минуту ли скорби или в минуту, когда твердое состоянье водворится в твою душу, или в ту минуту, когда обнимает тебя всего состоянье умиленья душевного, набрасывай тот же час на бумагу хотя в виде одних иероглифов и кратких неопределенных выражений. Это очень важно. В трудную минуту ты, прочитавши их, уже приведешь себя сим самим, хотя в половину, в состояние того умиленья, в котором ты пребывал тогда. Притом это будут зерна твоей поэзии, не заимствованной ниоткуда и потому высоко своеобразной. Если тебе сколько-нибудь удастся излить на бумагу состоянье души твоей, как она из лона скорби перешла к утешению, то это будет драгоценный подарок миру и человечеству. Состоянье души страждущей есть уже святыня, и всё, что ни исходит оттуда, драгоценно, и поэзия, изникшая из такого лона, выше всех поэзий. Прежде, когда еще не испытал я глубоких потрясений душевных и когда силы души моей еще мало были разбужены, видел я в Давидовых псалмах одно восторженное состояние духа в минуту лирического настроения, свободного от забот и беспокойств жизни, но теперь, когда больше прояснились глаза мои, слышу я в каждом слове происхожденье их и вижу, что всё это есть не что иное, как излиянья нежной глубоко страдавшей души, потрясаемой и тревожимой ежеминутно и не находившей нигде себе успокоения и прибежища ни в ком из людей. Всё тут сердечный вопль и непритворное восторгновенье к Богу. Вот почему остались они как лучшие молитвы, и до сих пор в течение тысящелетий низводят утешенье в души. Перечти их внимательно или, лучше, в первую скорбную минуту разогни книгу наудачу, и первый попавшийся псалом, вероятно, придется к состоянию души твоей. Но из твоей души должны исторгнуться другие псалмы, не похожие на те, из своих страданий и скорбей исшедшие, может быть более доступные для нынешнего человечества, потому что и самые страдания и скорби твои более доступны нынешнему человечеству, чем страданья и скорби Давидовы. <...>

Еще, мне кажется, хорошо бы было тебе разделить утро на две половины. Начало каждой половины в продолжение одной четверти часа отдай на постоянное чтение одной и той же постоянной книги, по одной страничке, не более; чтоб это было непременный закон, как послушание, наложенное на послушника, то же, что после обеда Стойкович[11]. Для первого чтения (которое должно быть поутру, сейчас после кофия) вручит тебе книгу[12] Шевырев, подобные которой я посылаю также им, как лекарства от разных душевных беспокойств и тревог (хотя и непохожих на твои), с присовокуплением рецепта, который должен прочесть также и ты. Для второго чтения (после 12 часов) употреби Библию, начни с книги Иова. Час такой должен начинаться в одно и то же время каждый день, минута в минуту. Чрез это оба разделенные пространства времени будут наполнены лучше всякими умными занятьями и размышленьями. Прощай, обнимаю тебя всею душою. Не переставай уведомлять меня о всяком состоянии души твоей, в духе ли, просто ли нападет тоска и бездействие, или одолеет тобою совершенное нежелание писать – извещай и об этом. Нет нужды, что письмо твое будет состоять иногда из двух строчек и заключаться в таких словах: "Не хочется писать, не о чем писать, скучно, тоска, прощай!" Написавши даже и эти слова, ты верно уже почувствуешь некоторое облегчение[13].

Ответ на это письмо напиши во Франкфурт на имя Жуковского, который отныне переселяется туда, и куда я еду тоже. В Ниц<ц>е не пожилось мне так, как предполагал. Но спасибо и за то, всё пошло в пользу, и даже то, что казалось мне вовсе бесполезно. <...>

Не прикажешь ли передать чего Коп<п>у, с которым я буду, вероятно, теперь часто видеться?»

В записке к Смирновой Гоголь замечает: «Александра Осиповна! не позовете ли вы завтра[14], т. е. в пятницу, на блины весь благовоспитанный дом Paradis, то есть графиню с обеими чадами[15], что составляет, включительно со мною грешным, ровно четыре персоны. Полагая на каждую физиогномию по три блина, а на тех, которые позастенчивее, как-то на Анну Михайловну и графиню, даже по два, я полагаю, что с помощью двух десятков можно уконтентовать[16] всю компанию. А если Мария Оливко<во>е масло[17] присовокупит к этим блинам обед, хотя вполовину равный великолепию того обеда, которым обыкновенно потчеваете вы Гагарина[18] и Куси[19], то все будут не только удовлетворенны, но даже и обремененны. Дайте на это ответ».

[1] См. ***1844. Января 20 <февраля 1>. Четверг. Москва.***

[2] См. ***1844 января 1 <1843 декабря 20>. Понедельник. Ницца.***

[3] См. ***1844. Января 20 <февраля 1>. Четверг. Москва.***

[4] За 1842 г. (см. ***1843. Октября 5 <сентября 23>. Четверг. Дюссельдорф***).

[5] См. ***1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца*** (примечания).

[6] Имеются в виду первые тома изд.: Творения святых Отцов, в русском переводе, издаваемые при Московской Духовной академии. М., 1843–1864. – Особая заслуга в переводах принадлежит протоиерею П. С. Делицыну (1795–1863).

В 1843 г. вышли: Творения святых Отцов. Творения иже во святых Отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольского. М., 1843. Ч. 1 (цензурное разрешение 7 дек. 1842 г.); Творения святых Отцов, в русском переводе, издаваемые при Московской Духовной академии. Т. 2. Творения иже во святых Отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольского. М., 1843. Ч. 2 (цензурное разрешение 28 июня).

В 1844 г. были изданы: Творения святых Отцов, в русском переводе, издаваемые при Московской Духовной академии. Т. 3. Творения иже во святых Отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольского. М., 1844. Ч. 3 (цензурное разрешение 25 ноября 1843 г.); Творения святых Отцов, в русском переводе, издаваемые при Московской Духовной академии. Т. 4. Творения иже во святых Отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольского. М., 1844. Ч. 4 (цензурное разрешение 24 июля).

В 1845–1852 гг. напечатаны: Творения иже во святых Отца нашего Василия Великого, Архиепископа Кесарии Капподокийской. М., 1845. Ч. 1–2; М., 1846. Ч. 3–4; М., 1847. Ч. 5–6; 1848. Ч. 7; Творения иже во святых Отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольского. М., 1847. Ч. 5; М., 1848. Ч. 6; Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. М., 1848. Ч. 1; М., 1849. Ч. 2–3; М., 1850. Ч. 4–5; М., 1851. Ч. 6; М., 1852. Ч. 7; Творения иже во святых Отца нашего Афанасия, Архиепископа Александрийского. М., 1851. Ч. 1 (цензурное разрешение 29 янв.); М., 1852. Ч. 2 (цензурное разрешение 7 янв.).

[7] См. также ***1844. Февраля 14 <2>. Среда. Праздник Сретения Господня. Ницца.***

[8] См. ***1852. Февраля 16. Суббота. Шестой день Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Москва*** (примечания).

[9] Эту же мысль Гоголь повторяет в статье *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Не приметили даже необыкновенной отделки позднейших стихов его. <...> ...Свет любви погаснул в душе его – вот почему примеркнул и свет поэзии».

[10] См. коммент. к «Учебной книге словесности для русского юношества» в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 6.

[11] Имеются в виду рекомендации тогдашних врачей стоять после обеда для улучшения пищеварения. См. также ***1827. Июня конец – августа средина. Васильевка***; ***1841. Сентября 27 <15>. Дрезден***; ***1850. Июня 15–16. Калуга***; ***1842. Августа 5 <июля 24>. Пятница. Мюнхен.***

[12] «О подражании Иисусу Христу» (см. ***1844. Февраля 14 <2>. Среда. Праздник Сретения Господня. Ницца***).

[13] Подробнее см.: ***1844. Июня между 15 и 19 <июня между 3 и 7>. Мангейм*** (примечания).

[14] См. ***1844. Февраля 16 <4>. Пятница масленицы. Ницца.***

[15] Имеются в виду графиня Л. К. Виельгорская с сыном Михаилом и дочерью Анной.

[16] Удовольствовать (от фр. content – довольный).

[17] Возможно, имеется в виду гувернантка старших дочерей А. О. Смирновой Мария Яковлевна Овербек.

[18] Имеется в виду либо князь С. С. Гагарин, либо князь И. С. Гагарин.

[19] Лицо неустановленное.

ФЕВРАЛЯ 16 <4>. ПЯТНИЦА МАСЛЕНИЦЫ. НИЦЦА

Гоголь вместе с графиней Л. К. Виельгорской, ее сыном Михаилом и дочерью Анной, вероятно, был на блинах у А. О. Смирновой.

См. ***1844. Февраля 15 <3>. Четверг. Ницца.***

ФЕВРАЛЯ 4 <16>. ПЯТНИЦА МАСЛЕНИЦЫ. УТРО. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре[1]; в роли Кочкарева – М. С. Щепкин[2].

На следующий день, 5 февраля 1844 г., В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской: «Вчера я была в театре, играли Женитьбу...»[3]

В тот же день, 5 февраля 1844 г., она писала брату Ивану: «Вчера мы были в театре, смотрели "Женитьбу"; роль Подколесина играл Садовский, а Кочкарева – Щепкин. Садовский был очень хорош, так естественен, но последний монолог и у него был неудачен; странно, что этот монолог более естественен в чтении, нежели в игре; он кажется на сцене несколько короток. Щепкин был очень хорош в Кочкареве, без фарсов, хоть Живокини и живее <...> Замечательно, что "Женитьбу" приезжали смотреть князь и княгиня Щербатовы[4] (генерал-губернатор). Кто их надоумил – не знаю, впрочем им навряд ли понравилось»[5].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 253.
[2] *Гриц.* С. 325.
[3] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 841.
[4] Князь Алексей Григорьевич Щербатов (1776 – 18 декабря 1848), московский генерал-губернатор с 1844 г., и его жена княгиня Софья Степановна Щербатова (рожд. графиня Апраксина, 1798–1885).
[5] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 841.

ФЕВРАЛЯ 6 <18>. ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. УТРО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ФЕВРАЛЯ 6 <18>. ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.
[2] *Гриц.* С. 325.

ФЕВРАЛЯ 7 <19>. ПОНЕДЕЛЬНИК. НАЧАЛО ВЕЛИКОГО ПОСТА. ВЕЧЕР. МОСКВА

С. Т. Аксаков пишет сыну Ивану в Астрахань:

«...От Гоголя писем не имеем. Воротился Валуев[1] и подтвердил ходившие слухи, что Гоголь проводит большую часть времени у Смирновой. Жуковский говорил Валуеву, что Гоголь изучает в

ней петербургских дам, нужных ему во 2-м томе "Мертвых душ"[2], но это просто шутка. <...> Надежда Николаевна[3] сокрушается нашими известиями о Гоголе»[4].

На следующий день, 8 февраля 1844 г., О. Сем. Аксакова, в свою очередь, писала сыну: «Вчера была у нас Лизавета Павловна[5] и Валуев, который как-то сделался умереннее во всём. Говорит, что Гоголь ездит за Смирновой, что он в ее лице изучает женщин петербургских для "Мертвых душ"»[6].

[1] В начале 1844 г. Д. А. Валуев вернулся из-за границы, где, возможно, виделся с Гоголем (весной 1843 г. Валуев был в Дюссельдорфе у В. А. Жуковского, привез для Гоголя книгу от Н. М. Языкова и шнурок для нательного креста от Н. Н. Шереметевой, но Гоголя там не застал и оставил то и другое у Жуковского; см. ***1843. Мая 26 <14>. Пятница. Дюссельдорф***; ***1843. Августа 30 <18>. Среда. Дюссельдорф*** – примечания).

[2] См. ***1837. Июля около 15 – августа не позднее 27–28 <июля около 3 – августа не позднее 15–16>. Баден-Баден, Страсбург, Баден-Баден*** (примечания).

[3] Шереметева.

[4] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 583.

[5] Возможно, Елизавета Павловна Полтавцева (рожд. Макарова), актриса, жена актера К. Н. Полтавцева.

[6] Из писем О. Сем. Аксаковой (рожденной Заплатиной) // *Свод.* Т. 2. С. 779.

ФЕВРАЛЯ 23 <11>. ПЯТНИЦА. ШТУТГАРТ

Протоиерей И. М. Певницкий пишет ответное[1] письмо Гоголю в Ниццу:

«На почтеннейшее письмо Ваше от 10-го февраля имею честь ответить, что Святая Пасха будет у нас 26-го марта / 7 апреля, или, простее, в одно и то же время с Западными, Католиками и Протестантами[2]. Церковь в Стутгардте уже устроена, и служение на страстной Седмице и в день Пасхи будет совершаться в ней, а не на Ротемберге.

В приятной надежде, что Вы умножите собою небольшое число наших здешних молитвенников, имею честь быть с истинным почитанием и совершенною преданностию <...> Протоиерей Иоанн Певницкий».

Согласно почтовому штемпелю, письмо было получено в Ницце 2 марта (н. ст.) 1844 г.[3]

[1] См. ***1844. Февраля 10 <января 29>. Суббота. Ницца.***

[2] См. ***1844. Апреля 7 <марта 26>. Светлое Христово Воскресение. Праздники православной и католической Пасхи. Дармштадт.***

[3] См. ***1844. Марта 2 <февраля 19>. Суббота. Ницца.***

ФЕВРАЛЯ 12 <24>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

М. П. Балабина в письме к Гоголю сообщает о своей предстоящей свадьбе в Берлине:

«Когда вы в последний раз[1] были у нас, я еще не знала, что такое *истинная, глубокая* любовь... <...> Я помню даже, что тогда, когда вы были в Москве, я вам написала длинное письмо[2], наполненное охами и ахами, потому что показалось вдруг голове (не сердцу), что нашла я одну драгоценность, которую я не знала, но <...> потом все прошло, как туман, по старинному моему обыкновению... <...> Когда вы нас оставили, весной, мы поехали в Лопухинку (40 верст от Петербурга, где находится заведение a la Graeffenberg[3]); тут и госпиталь для солдат. Мы познакомились с полковым доктором[4], который и меня должен был лечить. Три дня после нашего приезда в Лопухинку я почувствовала, что взошла в новую сферу и что жена этого доктора будет самая счастливая жена! <...> ...Каким образом можно было бы мне выйти за бедного лекаря! <...> ...Я ужасно <...> страдала при мысли, что *мое* счастие будет так противоположно желанию отца моего[5]! <...> Осенью мне

Вагнер признался в свою любовь... <...> Вагнер не был христианин: он совсем не веровал и был деист; я таких людей никогда еще не встречала, я много молилась за него. Осенью мы разошлись. <...> В генваре Вагнер приходит к мама и просит мою руку! <...> Мама сказала мне, что мы скоро поговорим опять об этом предмете; но в тот же самый день я узнала, что отказали Вагнеру несколько дней прежде, нежели я узнала, что он просил мою руку. Это не удивило меня; я хорошо понимала, что долгое испытание могло одно заставить отца позволить этот странный брак... <...> ...После предложения его, добрая, прекрасная жена брата[6] скончалась! Я забыла себя и свою горесть, чтоб только думать о брате! <...>

Летом мы были в Ревеле. <...> Мама видела мою печаль; <...> и она стала желать, чтоб Вагнер не забыл меня и просил во второй раз мою руку. Наконец он снова явился; мама, братья[7] и сестра[8] приняли его, как родного сына и брата. Он тоже страдал, и его страдания совершенно переменили образ мыслей его; печаль научила его понять ничтожность человека, который разлучен с Богом, с Спасителем!

Он оставляет службу свою и будет служить в департаменте железной дороги: его посылают на год в Германию и в Бельгию, чтоб набрать сведения о полиции железных дорог. Через три недели[9] мы оставляем Петербург – мама, Вагнер, брат Иван и я – и едем в Берлин, где будет наша свадьба.

Что мне вам сказать о характере моего друга! <...> ...У него очень, очень добрая, благородная, прямая душа, <...> она начинает жить религиозною жизнью... <...> Пишите мне в Берлин, poste restante, на имя мама или a monsieur Wagner. Если вы летом поедете в Германию, мы, может быть, увидимся. <...> Я забыла вам сказать, что я совершенно здорова, сильна и толста!»

Возможно, от А. Л. Вагнера, чиновника особых поручений в Департаменте железных дорог Главного управления путей сообщений и публичных зданий, Гоголь позднее получил сохранившийся в его бумагах список приказа главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями графа П. А. Клейнмихеля от 14 сентября 1842 г. о состоянии шоссейных дорог, мостов и дорожных казарм, их ремонте и строительстве[10].

Петр Андреевич Клейнмихель (1793–1869), по происхождению иудей, по вероисповеданию лютеранин; в 1839 г. за быстрое восстановление после пожара 17 декабря 1837 г. Зимнего дворца[11] пожалован графским достоинством. В 1843–1851 гг. заведовал постройкой Николаевской железной дороги между Петербургом и Москвой.

Приказ о состоянии шоссейных дорог, список которого сохранился в бумагах Гоголя, представляет собой одно из первых распоряжений Клейнмихеля, назначенного в августе 1842 г. главноуправляющим путями сообщения и публичными зданиями (в этой должности Клейнмихель пробыл до 1855 г.). Приказ Клейнмихеля привлек внимание Гоголя в период до 1845 г. В тоне и характере приказа Гоголь, вероятно, нашел образец того патриархального обращения начальника с подчиненными, о котором он писал в «Выбранных местах...» в статье *XXVIII. Занимающему важное место* (1845): «Будьте <...> с ними, как отец с детьми...»; «Будьте отец истинный всем вам подвластным чиновникам и каждому помогите свято и честно исполнить должность свою». О таком восприятии приказа, в котором, наряду с конкретным содержанием, подчеркивается более общее и важное его значение, как бы прямо свидетельствуют следующие строки статьи Гоголя «Занимающему важное место»: «Устроить дороги, мосты и всякие сообщения <...> есть дело истинно нужное; но угладить многие внутренние дороги, которые <...> задерживают русского человека в стремленье к полному развитию сил его <...>, есть дело еще нужнейшее».

Близка воззрениям Гоголя была и наличествующая в приказе Клейнмихеля мысль о важности личного общения начальника с подчиненными. «Знакомясь с чиновниками Правления, чрез личный их мне рассказ о делах... – писал Клейнмихель, – я с удовольствием заметил, отчетливое знание своего дела Членом Правления <...> Коллежским Ассесором <И. И.> Троицким...». Гоголь в статье «Занимающему важное место» в свою очередь замечал: «...Вы не станете собирать <...> советов, зная, что не в преньях и спорах дело, но поодиночке выслушаете каждого... <...> Как можно пренебречь разговором с человеком, <...> если разговор близок <...> к исполненью его обязанностей и долга...»

Созвучен размышлениям Гоголя был, очевидно, и заявленный Клейнмихелем отказ от преследования провинившихся чиновников и оказание доверия к их «благородству»: «Не входя в разбирательство, как и отчего все это существует, – ибо ни того, что в землю положено, ни того, что туда не попало, – уже не найдешь, – я оставляю себе одну лишь заботу, чтоб впредь сего не было... <...> Вообще в управлении сем я, к особенному удовольствию, нашел много хороших Офицеров. – Это моя надежда!» Гоголь в статье «Занимающему важное место» писал: «Дело вдруг примет другой оборот, если покажешь человеку, что он виноват перед самим собой, а не перед другим. Тут потрясешь так его всего, что в нем явится отвага быть другим, и тогда только вы почувствуете, как благородна наша русская порода, даже и в плуте. <...> Нужно оказать доверье к благородству человека, без того не будет вовсе благородства».

Эффектное в приказе Клейнмихеля наказание командира Новогородского военно-рабочего батальона майора <В. С.> Дженеева — выстроившего в центре города роскошный доходный дом, тоже не могло не вызвать сочувствия Гоголя, прямо выступившего в «Переписке с друзьями» (а еще ранее в «Ревизоре») против «цивилизованной» роскоши как причины взяток и воровства: «Дом Г<-на> Дженеева, не только в Новгороде, но и в Столице мог бы стать в ряду с хорошими зданиями. Строение прочно, роскошно; везде паркеты, <...> мраморные подоконники... <...> Майору Дженееву надо дать время, для окончания работ по дому и приискания постояльцев, так как он дом выстроил для увеличения своих доходов. Увольняю его от звания Батальонного Командира».

Положительное отношение Гоголя должно было вызвать и проглядывающее в приказе осуждение судебных тяжб: «Вышневолоцкое отделение Тверской судоходной расправы в порядке. Там все почти оканчивается на словах и нерешенных дел нет».

Следует добавить, что поскольку начертанный Гоголем в статье «Занимающему важное место» образ «идеального» начальника во многом соответствует образу генерал-губернатора в заключительной главе второго тома «Мертвых душ», то все черты патриархальных отношений в приказе Клейнмихеля, которые были близки Гоголю, могут, в частности, служить и своеобразным комментарием к речи генерал-губернатора в поэме.

Вскоре, однако, Гоголь, вероятно, был разочарован новым главноуправляющим путями сообщения. Н. М. Языков в 1845 г. писал брату Александру из Москвы: «Г<раф> Клейнмихель, которого народ русский прозвал Клеймилиным, подражает Потемкину: адъютанту своему Новосильцеву дал он 30 т<ысяч> сер<ебром> на теперешнее свое путешествие по дорогам, за тем, чтобы оный скакал вперед его и всюду заготовлял ему самые роскошные обеды, завтраки, ужины! Граф любит поесть!» (письмо от 29 мая)[12]. Н. А. Некрасов в стихотворении «Железная дорога» (1864), посвященном изображению тяжелого положения рабочих, строивших Санкт-Петербурго-Московскую (с 1856 г. — Николаевскую) железную дорогу, упомянул графа Клейнмихеля в многозначительном эпиграфе: «Ваня *(в кучерском армячке)*. Папаша! кто строил эту дорогу? Папаша *(в пальто на красной подкладке)*. Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька!» Клейнмихель был одним из первых, кто был уволен от должности по восшествии на престол Александра II.

[1] См. ***1842. Мая 26. Вторник — июня 5. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1841. Октября 15. Среда. Санкт-Петербург.***

[3] То есть на манер Греффенберга-Фрейвальдау в Австрийской Силезии (ныне Приснитцовы Лазне в Есенике), где находилась знаменитая водолечебница В. Присница (см. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** — примечания).

[4] Имеется в виду коллежский советник, доктор Александр Львович Вагнер (см.: Российский медицинский список, по Высочайшему повелению издаваемый Медицинским Департаментом Министерства Внутренних Дел. На 1844 год. СПб., <1844>. С. 48); впоследствии чиновник особых поручений в Департаменте железных дорог Главного управления путей сообщений и публичных зданий. См.: «Главное управление путей сообщения и публичных зданий. (Состояние чинов по 1-ое декабря 1843 г.). <...> VI. Департаменты. <...> 3. Департамент железных дорог: <...> Вообще по Д<епартамен>ту: Чин<овник> для особ<ых> пор<учений>: К<оллежский> С<о>в<етник> Алекс<андр> Льв<ович> Вагнер...» (Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1844 год. СПб., <1844>. Ч. 1. С. 284). См. также: Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1845 год. СПб., <1845>. Ч. 1. С. 287 («Состояние чинов по 1-ое декабря 1844 г.»).

[5] Генерал-лейтенант П. И. Балабин.

[6] Жена И. П. Балабина Наталья Сергеевна (рожд. Уварова) скончалась в 1843 г.

[7] И. П., В. П. и Е. П. Балабины.

[8] Княгиня Е. П. Репнина-Волконская (рожд. Балабина).

[9] Ср. ***1844. Марта 3 <15>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[10] См. в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 740–748.

[11] См. ***1837. Декабря 17 <29>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[12] *Языков Н. М.* Сочинения. Л., 1982. С. 386.

ФЕВРАЛЯ 12 <24>. СУББОТА. МОСКВА

Н. М. Языков пишет письмо к Гоголю в Ниццу.

См. ***1844. Апреля 2 <марта 21>. Великий вторник. Дармштадт.***

ФЕВРАЛЯ 12 <24>. СУББОТА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь пишет О. Сем. Аксаковой в Москву:

«Прошу вас покорнейше отправить письмо к моему сыну, и прилагаемое при сем девицы Кардашевской[1], которая так просит вас отправить его к ее родным».

Свод. Т. 1. С. 113.

[1] О Карташевской (Кардашевской) упоминает также в своих воспоминаниях О. В. Головня (рожд. Гоголь) (см. ***1850. Июля 1. Суббота. Сорочинцы, Васильевка, Полтава***).

ФЕВРАЛЬ <ЯНВАРЯ СРЕДИНА – ФЕВРАЛЯ СРЕДИНА>. НИЦЦА

Гоголь пишет ответное письмо Ар. О. Россету в Петербург:

«Благодарю вас <...> за рецепт и за письмо. Рецепт остался, по примеру всех других рецептов, неупотребленным в дело. <...> Мелочные и, по-видимому, совсем не замечательные события петербургской жизни я прочел жадно, как новость, несмотря на то, что итог всего, по-видимому, был один и тот же, то есть: такой-то продолжает то же, такой-то живет всё так же и проч. и проч. Относительно вашей собственной петербургской жизни скажу вам то, что вы [сразу] нашли ту разумную середину, до которой другой достигает одними только горькими опытами, и то не прежде пятидесяти лет. Я живу теперь в Ниц<ц>е. В Дюссельдорфе не высидел по мерзости климата, до Рима не доехал по бедности финансов и задержался в Ниц<ц>е единственно по причине Александры Осиповны <Смирновой>, Вельегурских и Сологубов, с которыми время проходило бы у меня очень весело, если бы не мешали сильно разные мои недуги, которые в этот год я слышу более, чем прежде, и решаюсь с началом лета ехать в Греффенберг. Надоело сильно мое болезненное состояние, препятствующее всякой умственной работе. Вербуйте охотников в Греффенберг. <...> На вопрос ваш о Языкове скажу то, что он живет в Москве... <...> К Призницу не поехал, потому что не дали [не дали ему про<езда>] отсрочки его пашпорту[1] – впрочем, чувствует в Москве себя довольно сносно покуда и, вероятно, будет очень рад, если вы ему напишете письмо. Передайте душевный поклон Василию Алек<сеевичу> Перовскому. Я собирался даже было писать к нему, сообщить несколько наблюдений по поводу Алеши[2], когда он имел намерение привезти его в Германию, наблюдений, впрочем, относившихся более к душевному, чем к телесному излечению. Но дела, как видно, устроились иначе».

Возможно, писать В. А. Перовскому Гоголь собирался после разговора о нем с А. О. Смирновой. Позднее, 14 апреля (н. ст.) 1844 г., Смирнова писала Гоголю: «Вы должны вспомнить, что в Ницце я с вами говорила, что он <Перовский> четыре раза сряду прочел Евангелие и мне делал разные запросы. В письме своем он мне говорит: "Вся жизнь моя предстала теперь пред моею совестью, как пред судьею строгим и ужасным, и душа моя содрогается при мысли, что, может быть, уже поздно. Я бы дал до последней капли крови, чтобы искупить мое прошедшее". Далее столько грустного, тяжкого, вместе раздраженного, и ни слова о Боге, так что я три дня плакала, и писала ему, – но чувствую, что слабо и дурно. На такой подвиг надобна душа выше моей. Вы знаете, в каком состоянии ума был Василий Алексеевич в Оренбурге: он даже покушался на жизнь!.. Вообразите, при смущенном состоянии души без помощи (ибо все друзья его светские и люди, думающие только о будущности этой жизни), он должен приходить в отчаяние, и что, может быть, и самоубийство ему приходит в голову»[3].

[1] См. ***1843. Февраля 16 <4>. Четверг. Рим.***

[2] Внебрачный сын В. А. Перовского (см. ***1843 января 9 <1842 декабря 28>. Понедельник. Рим*** – примечания).

[3] См. также ***1844. Марта 18 <6>. Понедельник. Ницца*** (примечания); ***1844. Апреля 14 <2>. Фомино воскресенье. Париж.***

ФЕВРАЛЯ КОНЕЦ <ФЕВРАЛЯ СРЕДИНА>. НИЦЦА

Гоголь, после отъезда графа Мих. Ю. Виельгорского из Ниццы[1] в Берлин, пишет ему, одно из другим, два письма (не сохранились)[2].

[1] Виельгорский к семье приезжал в Ниццу на короткое время во второй половине февраля (н. ст.) 1843 г. (см. ***1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца*** – примечания к запискам А. О. Смирновой «Биография Александры Осиповны Чаграновой»).

[2] См. ***1844. Марта 7 <февраля 24>. Четверг. Берлин***. – Ср. также ***1844. Февраля 15 <3>. Четверг. Ницца***; ***1844. Февраля 16 <4>. Пятница масленицы. Ницца***.

МАРТА 2 <ФЕВРАЛЯ 19>. СУББОТА. НИЦЦА

Гоголь получил ответное письмо от протоиерея И. М. Певницкого из Штутгарта.

См. ***1844. Февраля 23 <11>. Пятница. Штутгарт***.

МАРТА 6 <ФЕВРАЛЯ 23>. СРЕДА. ШТУТГАРТ

Протоиерей И. М. Певницкий в новом[1] письме к Гоголю в Ниццу дополнительно сообщает:

«Извещен будучи вчера от нашего Г<осподи>на посланника, что на Страстную седмицу[2] требуют меня в Дармшта<д>т, долгом поставляю уведомить Вас о том. Отправиться туда я должен на шестой неделе Поста, около 15 / 27 марта.

Буду ли я иметь честь видеться с Вами в сие время, это зависит от Ваших обстоятельств. Желаю, чтоб сие письмо пришло к Вам не поздно и чтоб Вы могли благовременно переменить, естьли то нужно, Ваши распоряжения».

Согласно почтовому штемпелю, письмо было получено в Ницце 13 марта (н. ст.) 1844 г.

[1] См. ***1844. Февраля 23 <11>. Пятница. Штутгарт***.

[2] Страстная седмица в 1844 г. начиналась 20 марта / 1 апреля.

МАРТА 7 <ФЕВРАЛЯ 24>. ЧЕТВЕРГ. БЕРЛИН

Граф Мих. Ю. Виельгорский, вероятно, вместе с письмом к жене, графине Л. К. Виельгорской, посылает Гоголю ответное[1] письмо в Ниццу:

«Прежде всего я должен вас обнять и благодарить вас за неоцененные ваши два письма, из коих одно получил в Марселе, другое – в Лионе... <...> Вы хотите знать, какие дорогой со мной были приключения? <...> От Ниццы до Экса[2] раз только случилось мне сказать *oui* и раза два или три *non*. В Эксе познакомился я с весьма любезною и милою Мамзелью-Колбасницей. <...> Она везла <...> разные произведения колбасного искусства и, не зная, как их скрыть от взоров таможенных досмотрщиков, обратилась ко мне с просьбой помочь ей. <...> Кондуктор взялся спрятать поросенка; а мне досталась колбаса и две сосисочки. <...> Вот каким образом совершился торжественный въезд мой в Марсель. <...> Берлин отвратительно гадок... Дождь, снег, ветер. <...> Прошу засвидетельствовать нижайшее мое почтение Александре Осиповне и Надежде Николаевне»[3].

[1] См. ***1844. Февраля конец <февраля средина>. Ницца***.
[2] Aix (Экс-ан-Прованс).
[3] А. О. Смирновой и ее дочери Надежде Николаевне.

ФЕВРАЛЯ 24 <МАРТА 7>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. В. Анненков получил[1] письмо Гоголя из Ниццы[2].

[1] См.: *Городецкий*. С. 440.
[2] См. ***1844. Февраля 10 <января 29>. Суббота. Ницца***.

ФЕВРАЛЯ 27 <МАРТА 10>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Н. М. Языков пишет ответное[1] письмо к Гоголю в Ниццу:

«Только что я собрался было писать к тебе и уселся с пером в руках, как вот принесли мне твое письмо. Спасибо, трикраты спасибо тебе за неоставление меня твоими воспоминаниями обо мне и советами... <...> Я уже писал тебе, что Боборыкин – сей английский милорд – не оправдал моих на него надежд по части доставления тебе книг: он[2] не взял их от меня, отозвавшись тем, что едет в дилижансе, а прежде ведь сам вызвался: знай наших! Весною, вероятно, найдутся ездоки надежнейшие: я постараюсь исполнить твое желание еще более, чем тогда было можно; творений святых отцов, переведенных Троице-Сергиевой лаврою,– теперь выходит третье издание за прошлый год[3] – и "Москвитянина" за 1843 пришлю; там есть отлично-прекрасная проповедь Филарета на осв<ящение> храма в оной лавре[4] – так, как в прибавлениях к переводам Св. Отцов, – его же беседа на Благовещение и слово в 1-й день Пасхи[5]!! Ты их прочтешь с большим удовольствием. <...> На днях увижусь с Шевыревым и попрошу от него книгу[6], которую ты поручаешь ему вручить мне, и воспользуюсь ею, точно как ты предписываешь. <...> Получил ли ты деньги и письмо мое, посланные в Ниццу в январе по русскому стилю? <...> Мой поклон Василию Андреевичу[7]. Что "Одиссея"? Благодарю за "Наля и Дамаянти". "Ундина" лучше[8], ей-ей!! Получил ли ты собрание слов от брата Петра Михайловича[9]?»

[1] См. ***1844. Февраля 15 <3>. Четверг. Ницца***.
[2] В декабре 1843 г. (см. ***1844. Января 20 <февраля 1>. Четверг. Москва***).
[3] Творения святых Отцов, в русском переводе, издаваемые при Московской Духовной академии. Т. 3. Творения иже во святых Отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольского. М., 1844. Ч. 3 (цензурное разрешение 25 ноября 1843 г.) – См. ***1844. Февраля 15 <3>. Четверг. Ницца*** (примечания).
[4] Слово по освящении храма Явления Божией Матери Преподобному Сергию, устроенного над мощами Преподобного Михея в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, в 27-й день сентября 1842 г., говоренное синодальным членом *Филаретом, Митрополитом Московским* // Москвитянин. 1843. Ч. 1. № 1 (цензурное разрешение 10 янв.). С. I–IX. – В слове перечисляются признаки истинного желания «пустынножительствовать, или монашествовать». Вероятно, указывая на эту проповедь, Языков подразумевал содержание бесед с ним Гоголя об этом предмете в Риме или в Гастейне летом 1842 – весной 1843 гг.
[5] Слово, произнесенное Высокопреосвященным Митрополитом Московским Филаретом, в большом Успенском Соборе, в первый день Пасхи, 11-го апреля 1843 года // Прибавления к Творениям святых Отцев, в русском переводе, издаваемым при Московской Духовной Академии. М., 1843. Ч. 1. Кн. 3. С. 218–225.
[6] Речь идет о книге «Подражание Исусу Христу» (см. ***1844. Февраля 14 <2>. Среда. Праздник Сретения Господня. Ницца***).
[7] Жуковский.
[8] Имеется в виду перевод В. А. Жуковского «Одиссеи», а также его стихотворная повесть «Наль и Дамаянти» (переложение части древнеиндийского эпоса «Махабхарата», издана в 1844 г.) и сказка «Ундина« (издана в 1837 г.).
[9] По просьбе Гоголя П. М. Языков делал для него записи областных слов, а также собирал этнографические и статистические материалы по Симбирскому краю и Поволжью вообще. Частично они сохранились в запис-

ных книжках писателя. В частности, от П. М. Языкова Гоголем были получены материалы травников «Лекарственный арзамасский травник», «Травник симбирский», а также заметок «Календарь крестьян (Симбирской?) губернии», «Народные замечания по явленьям природы в той же губернии» (см. раздел *<II. Материалы по русскому патриархальному быту, собранные в 1848–1850 гг.>* в изд.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 8).

МАРТА 12 <ФЕВРАЛЯ 29>. ВТОРНИК. НИЦЦА

Гоголь пишет ответное письмо С. П. Шевыреву (послание обращено также к С. Т. Аксакову и М. П. Погодину; согласно почтовому штемпелю[1], закончено и отправлено в Москву через день, 14 марта[2]):

«Письмо[3] и деньги получены в исправности. Благодарю тебя за то и за другое. <...> Ты пишешь, что желал бы искренности более между всеми нами, но что искренность эта должна быть растворена божественной любовью, без которой нельзя и достигнуть ее. Это такая истина, которую верно чувствует каждый <из> нас в глубине души своей. И потому [поверга<ю>] обращаю я это письмо ко всем вам троим[4]. С этих пор соединимся между собой тесней, чем когда-либо прежде: уже самое несходство наших характеров и свойств, самое то, что мы с разных сторон видим иногда одни и те же вещи, говорит, как может <быть> полезно такое соединение и как мы можем пополнить друг друга. Итак, прежде всего возлюбим так друг друга, чтобы не раздражаться никаким словом, как бы жестко ни было слово, считать его порожденным силой одной любви, хотя бы и чувства наши и разум говорили тому противное. Начать вы должны с меня. <...> Я именно произвожу теперь сильную внутреннюю ломку и нападаю на самые щекотливые места, какие только во мне есть. Между нами должны быть простые и жесткие слова, душа моя этого требует. Словом, превратитесь в отношении ко мне все в Погодина и рубите прямо с плеча, не разбирая, прав ли я или виноват[5]. <...> ...Пусть и мысль теперь не приходит о том, чтобы употреблять со мною какую-либо осторожность в словах и выражениях. <...> Если вы мне это сделаете, то вы мне окажете [этим] услугу, большую всех прежних услуг ваших. Помогите мне теперь, а я, как состроюсь и сделаюсь умней, помогу вам. <...> И потому рубите отныне всё напрямик и сообщайте обо мне как свои мысли, так и чужие слухи, как бы ни унизительны для меня они были, простыми и жесткими словами[6]. <...> Затем целую вас всех и говорю вам: Христос воскресе! потому что письмо, по рассчету моему, придет к вам если не в самый день праздника[7], то вероятно скоро после того. Да воцарится с этим словом и прямая Христова любовь между нами! Как ни различны мы характерами, свойствами и занятиями своими, но дорога или, лучше сказать, цель дороги у всех одна и та же. Чем ревностнее устремится всякий из нас по пути своему, тем более мы будем потом сближаться между собою. <...> Я еду говеть и встретить пасху в Штутгарт[8]. Оттуда во Франкфурт к Жуковскому, который отныне переселяется туда на житье. Адресуйте во Франкфурт».

Обращенный в письме призыв Гоголя к Шевыреву, Аксакову и Погодину «соединиться между собой тесней» связан с тем, что «воскрешение» «мертвых душ» Гоголь не мыслил без согласной взаимной помощи людей, без всеобщего народного единения[9].

В. С. Аксакова, вспоминая о посещении Гоголем Абрамцево в июне 1851 г., сообщала: «Не помню, как зашел у Гоголя с Иваном[10] разговор, но помню, что он коснулся до всего состояния современного неустройства, разладу и т. д. Гоголь говорил с душевным участием, видно было, что эти мысли не раз тревожили его душу и возбуждали его самое глубокое соболезнование, — "а как бы все само собою устроилось, все недоразумения, раздоры прекратились, — говорил <он>, — если б каждый человек был полон любви". Он подошел к окну, видимо погруженный в свои мысли, устремил глаза вдаль; видно было, что он предался своей задушевной мечте; в эту минуту высказалась вся его любовь ко всем»[11]. «Его истинно душевно огорчала всякая вражда между людьми...» — писала также Аксакова в 1852 г.[12]

В 1851 г. своему сепаратистски настроенному земляку О. М. Бодянскому Гоголь говорил: «Всякий пишущий теперь должен думать не о розни; он должен прежде всего поставить себя перед лицо Того, Кто дал нам вечное человеческое слово...»[13]

А. О. Смирнова, в свою очередь, вспоминала: «Гоголь любил со всеми жить в мире. Он <...> стремился к тому, чтобы не только перезнакомить всех своих знакомых, но постоянным его желанием было сблизить друзей своих, чтобы все были связаны одними общими узами дружбы и "жили между собою в мире и согласии"»[14].

Как автор Повести о ссоре Гоголь в 1836 г. обращался к сестрам: «Об одном прошу: сделайте милость, если вы меня хоть каплю, хоть крошку любите, живите между собою дружно. Если вы этого не исполните, то значит вы меня ни на волос не любите»[15].

В 1848 г. Гоголь в письме к Шевыреву (от 21 апреля), имея в виду полемику приятеля с журналистами по поводу своей «Переписки с друзьями» (за что, казалось бы, писатель должен быть только благодарен Шевыреву), замечал: «Мне кажется подчас, что все то, о чем так хлопочем и спорим, есть просто суета, как и все в свете, и что об одной только *любви* следует нам заботиться. Она одна только есть истинно верная и доказанная *истина*».

Важность проблем, поставленных Гоголем в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1833), памятование о том, что Сам Спаситель «называет миротворцев сынами Божьими» (статья «Нужно проездиться по России»), стали главными причинами того, что с изданием Повести о двух Иванах, ее образы продолжали жить в творческом сознании писателя – и вскоре получили новое художественное воплощение – в «Мертвых душах». Непосредственными «преемниками» в поэме героев Повести о ссоре – «чрезвычайно тонкого» Ивана Ивановича и «распространяющегося в ширину» Ивана Никифоровича – являются европейски-«утонченный» Манилов и, соответственно, неуклюжий «медведь» Собакевич в первом томе. Исполненный «бездны тонкости» в «познании света», но при этом духовно бесплодный Манилов явно напоминает «любезнейшего» Ивана Ивановича Перерепенко, а «редко отзывающийся о ком-нибудь с хорошей стороны», скрывающий свои чувства «под толстою скорлупою» Собакевич соответствует крепкому на «словцо», никогда не показывающему вида, «доволен он или сердит», Ивану Никифоровичу Довгочхуну.

Столь же узнаваемым «наследником» княжеских междоусобиц выступает в «Мертвых душах» воинственный помещик Ноздрев, любитель охоты, пиров и ссор. По наблюдению исследователя, реплика героя, показывающего гостям свои владения: «Вот граница!.. Все, что ни видишь по эту сторону, все это мое, и даже по ту сторону... все мое», – невольно ассоциируется с речами враждующих удельных князей из «Слова о полку Игореве»: «...Рекоста бо брат брату: "се мое, а то мое же"»[16].

Очевидным «наследием» в «Мертвых душах» давнего рассказа о том, как «два почтенные мужа, честь и украшение Миргорода, поссорились между собою <...> за вздор, за гусака», является также упоминание в заключительной главе первого тома поэмы о ссоре Чичикова с его приятелем: «...Чиновники <...> поссорились ни за что. Как-то <...> Чичиков назвал другого чиновника поповичем...»

Как бы в «противовес» этим неожиданным проявлениям в «Мертвых душах» образов Повести о ссоре, все герои-помещики поэмы «нуждаются» друг в друге. Манилову недостает практичности Коробочки, Коробочке – созерцательности Манилова, им обоим – энергии и воодушевления Ноздрева. В свою очередь, неупорядоченности и буйству сил Ноздрева не хватает душевной крепости, присущей Собакевичу, – тогда как крепкий, как «невозделанная» скала, этот герой ущербен без качеств, носителем которых, в своем «воскрешенном» состоянии, должен был стать Плюшкин. «...Не полон и суров выйдет русский муж, начертанный Державиным, – замечал, в частности, Гоголь в статье о русской поэзии «Переписки с друзьями», – если не будет в нем чутья откликаться живо на всякий предмет в природе...» Именно эта чуткость, способность изумляться «на всяком шагу красоте Божьего творения», вместе с состраданием к «упадшему», верностью в дружбе, являются «прирожденными» свойствами Плюшкина – и все они лишь проблеском, подобным последнему «появлению на поверхности вод утопающего», лишь однажды отражаются на «деревянном лице» героя. (О концепции образов «Мертвых душ» как воплощения искаженных подражанием «русских элементов» – главными выразителями которых являются русские поэты, см.: ***1834. Февраля 11. Воскресенье. Санкт-Петербург.***)

Каждому из персонажей «Мертвых душ» словно недостает способностей другого. Эта особенность гоголевских героев составляет одну из важнейших сторон замысла поэмы. Кроме комментируемого письма к Шевыреву, о тесной взаимозависимости людей друг от друга Гоголь говорил неоднократно. В письме к М. А. Максимовичу 1834 г. он, в частности, замечал: «...Более всего нужны толки с другою головою, потому что, верно, одна заметит то, что другая пропустит»[17]. В 1836 г. он писал В. А. Жуковскому: «У меня много есть таких вещей, которые бы мне никак прежде не представились; но несмотря <на это>, вы всё еще можете мне сказать много нового, ибо что голова, то ум»[18]. «...Мы позабыли, – замечал он также в 1842 г. в письме к С. Т. Аксакову (от 18 августа н. ст.), – что человек уже так создан, чтобы требовать вечной помощи у других. У всякого есть что-то, чего нет у другого; у всякого чувствительнее не та нерва[19], чем у другого...» Тогда же он писал Плетневу: «...Каждый писатель <...> означен своеобразным выражением таланта... <...> Одному дан ум быстрый схватывать мгновенно все предметы мира в минуту их представления. Другой может сказать свое слово, только глубоко обдумавши...»[20] В письме к П. В. Нащокину от 29 июля (н. ст.) 1842 г. Гоголь писал, что «истинная мудрость <...> дается умному человеку только раз<нос>торонним обращением с людьми различных характеров и сословий»[21]. 12 ноября (н. ст.) 1842 г. Гоголь в письме к С. П. Шевыреву замечал: «...Человек требует всякой помощи от других, и только после указаний, которые нам сделают другие, мы видим яснее собственные грехи»[22]. 2 февраля (н. ст.) 1843 г. он писал ему же: «Как я могу быть тебе полезен, так равно и ты можешь быть мне полезен, потому что, вероятно, уже и теперь сделал ты немало душевных открытий <...>, а размен взаимно обогатит нас». Своим сестрам Гоголь писал: «Я употребляю все усилия, чтобы быть лучше; старайтесь и вы

также. Нужно, чтобы мы были похожи друг на друга, потому что между похожими только друг на друга может существовать прямая дружба и любовь»[23]. Напротив, как писал Гоголь А. О. Смирновой 9 января (н. ст.) 1845 г., русские литераторы «все как нарочно (что может случиться только у нас в России) одарены необыкновенными и с тем вместе до крайности оригинальными и не сходными между собою достоинствами, разнообразными умами, разнообразными характерами (отсюда очевидно, почему они так часто между собой враждуют и не сходятся во мнениях)».

«...Мне кажется, — добавлял Гоголь в письме к Смирновой, — христианин не станет <...> отыскивать дружества, стараясь деспотически подчинить своего друга своим любимым идеям и мыслям и называя его потому только своим другом, что он разделяет наши мнения и мысли. Такое определение дружества скорее языческое, чем христианское. Притом же и Христос не повелевал нам быть друзьями, но повелел быть братьями[24]. Да и можно ли сравнить гордое дружество, подчиненное законам, которые начертывает сам человек, с тем небесным братством, которого законы давно уже начертаны на небесах. Те, которых души *уже* загорелись такой любовью, сходятся сами между собою, ничего не требуя друг от друга, никаких не произнося клятв и уверений, чувствуя, что связь такая уже вечна и что рассориться они не могут, потому что всё простится, и трудно было бы даже им и выдумать что-нибудь такое, чем бы один из них мог оскорбить другого. Разве мы с вами давали какие-нибудь обещания друг другу, разве из нас требовал кто-нибудь от другого одинакого образа мыслей, мнений и тому подобное, напротив, каждый из нас шел своей дорогой к Тому же нашему небесному виновнику нашей жизни. А встретились мы потому, что шли к *Нему*. Но что тут говорить! Растет любовь сама собою; и поглощает потом всё наше бытие, и любится нам уже оттого, что любится».

После создания Повести о двух Иванах Гоголь, продолжая размышлять в «Мертвых душах» о проблеме пагубных несогласий и ссор, во главу угла ставит мысль о плодотворном взаимодополняющем единстве. От «пошлых» героев ранней повести, от губительных удельных ссор, он ведет теперь к многогранной, развивающейся общности — к расцвету и «верховному согласью» всех тех «способностей и даров, которые розные у всякого». Уже в 1836 г. в черновой редакции статьи «О движении журнальной литературы...» Гоголь восклицал: «И как все эти поэты различны между собой, какие сильные противоположности представляют они в собрании своем воедино, какие многообразные стороны русского духа они представляют!» Спустя десять лет Гоголь замечал, что в каждом из поэтов то или иное «из наших народных качеств <...> развилось видней затем именно, чтобы блеснуть пред нами во всей красе своей» («В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность»). В 1848 г. в <Письме по поводу «Мертвых душ»> («В письме твоем, добрая душа, много участия», 1848) он повторял: «О необходимости тесного соединения литераторов. Бросить все личные нерасположенья и всё против<ное> мысли блага общего».

Жуковскому в 1846 г. Гоголь писал: «Вспомни сам, что в тебе не все стороны русской природы; напротив, некоторые из них взошли в тебе на такую высокую степень и так развились просторно, что через это не дали места другим... <...> В тебе заключились вполне все мягкие и нежные струны нашей славянской природы; но те густые и крепкие ее струны, от которых проходит тайный ужас и содроганье по всему составу человека, тебе не так известны». (Гоголь напоминает здесь Жуковскому о поэзии Державина, попутно приводя на ум непростые взаимоотношения этих двух поэтов — почти ссора «мягкого» Ивана Ивановича с «крепким» Иваном Никифоровичем. В 1811 г. Державин написал даже эпиграмму на Жуковского — «На издателя чужих стихотворений».) Напротив, в «близкой к библейской» поэзии Державина Гоголь находит недостаток другого «нашего народного свойства», свойства «чуткости» — последнее качество, как уже отмечено, с наибольшей полнотой отразилось, по наблюдениям Гоголя, в Пушкине. Но, опять-таки, для Языкова, поэта «пушкинской плеяды», Гоголь полагает более важным идти как раз «по стопам» устремленного ввысь Державина...

О «воскрешении» в человеке подобия Божия, при прекращении взаимных ссор, Гоголь прямо пишет в завершении статьи о русской поэзии «Выбранных мест из переписки с друзьями», отмечая среди первостепенных «народных качеств» способность «рвануться всем на дело, невозможное ни для какого другого народа, — которое вдруг сливает у нас всю разнородную массу, между собой враждующую, в одно чувство, так что и ссоры, и личные выгоды каждого — все позабыто, и вся Россия — один человек» (последнее выражение, «один человек» — употребляемое для обозначения единства народа, часто встречается в Священном Писании — см.: Первая книга Царств, гл. 11, ст. 7; Вторая книга Царств, гл. 19, ст. 14; Первая книга Ездры, гл. 3, ст. 1 и 9; Книга Неемии, гл. 8, ст. 1).

Этим же призывом-завещанием оканчивается и заключительная статья Гоголя в «Переписке с друзьями», «Светлое Воскресенье»: «Как бы, казалось, девятнадцатый век должен был радостно воспраздновать этот день... <...> Но на этом-то самом дне, как на пробном камне, видишь, как бледны все его христианские стремленья... <...> Отделись от этого человечества <...> один человек, его оскорбивший, которому повелевает Христос в ту же минуту простить, — он уже не обнимет его. Отделись от этого человечества один, несогласный с ним в каких-нибудь ничтожных человеческих мненьях, — он уже не обнимет его. <...> И достанется его объятие только тем, которые ничем еще не оскорбили его, с которыми не имел он случая столкнуться, которых он никогда не знал и даже не видел в глаза. <...> Но <...> есть уже начала братства Христова в самой нашей славянской природе, и побратанье людей было у нас родней даже и кровного братства... <...> И если предстанет нам <...>

сбросить с себя <...> недостатки наши <...> то <...> как в двенадцатом году <...> рванется у нас все сбрасывать с себя позорящее и пятнающее нас <...> и в такие минуты всякие ссоры, ненависти, вражды – все бывает позабыто <...> и вся Россия – один человек. Вот на чем основываясь, можно сказать, что праздник Воскресенья Христова воспразднуется прежде у нас, чем у других».

В «Авторской исповеди» (1847) Гоголь, в свою очередь, писал: «...Больше всего страждет все на Руси от взаимных недоразумений и что больше нам нужен всякий такой человек, который бы, при некотором познанье души и сердца и при некотором знанье вообще, проникнут был желаньем истинным мирить. Я видел и уже испытал, как личным переговором и объясненьем прекращать можно было много таких дел, которые никогда не оканчиваются на бумаге. Я думал, что хоть теперь и нет таких мест, но что я получу после того, как выйдет вполне мое сочинение, и приготовлял уже в мыслях и самый проект, в котором намеревался изъяснить, как вследствие тех способностей, какие у меня есть, я могу быть нужен и полезен России».

[1] См.: *Городецкий*. С. 467–468.

[2] См. ***1844. Марта 14 <2>. Четверг. Ницца.***

[3] Не сохранилось.

[4] Шевыреву, С. Т. Акскову и М. П. Погодину.

[5] См. также ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки*** (примечания).

[6] На это обращение Гоголя ни Шевырев, ни Аксаков, ни Погодин не откликнулись (см. ***1846. Сентября последние числа или октября первые числа – октября 22–23 <сентября средина – октября 10–11>. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца***).

[7] 26 марта / 7 апреля 1844 г. (см. ***1844. Апреля 7 <марта 26>. Светлое Христово Воскресение. Праздники православной и католической Пасхи. Дармштадт***).

[8] См. также ***1844. Марта 11–13 <февраля 28 – марта 1>. Понедельник-среда. Ницца***; ***1844. Марта 14 <2>. Четверг. Ницца***.

[9] См.: *Виноградов И. А.* Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 3. С. 7–18; № 4. С. 51–67.

[10] Имеется в виду И. С. Аксаков, брат мемуаристки.

[11] См. ***1851. Июня между 5 и 11. Москва, Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье, Москва.***

[12] См. ***1852. Апрель. Москва.***

[13] См. ***1851. Октября конец, до 30. Москва.***

[14] См. ***1848. Сентября 17–18. Пятница-суббота. Павловск.***

[15] См. ***1836. Июля 17 <5>. Воскресенье. Ахен.***

[16] *Медриш Д. Н.* Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. Изд-во Саратовского ун-та, 1980. С. 131.

[17] См. ***1834. Апреля 20. Страстная пятница. Санкт-Петербург.***

[18] См. ***1836. Ноября 12 <октября 31>. Суббота. Париж.***

[19] Ср. строки сочинения Гоголя 1843 г. <О гневе и безгневии>, адресованного А. О. Смирновой: «...раздраженная нерва тронута – тронута и страсть»; «...какое бы ему оскорбление не случилось, ни одна нерва его не будет раздражена или потрясена». В письме к Н. М. Языкову от 4 ноября (н. ст.) 1843 г. Гоголь также замечал: «...пусть это произошло именно оттого, что одна нерва толкнула другую...» (Других случаев употребления слова «нерва» (ж. р.) в гоголевских письмах не встречается.)

[20] См. ***1842. Марта 17. Вторник. Москва.***

[21] См. ***1842. Июля 13 <1>. Суббота – августа около пятницы 23 <около пятницы 11>. Мариенбад.***

[22] См. ***1842. Ноября 12 <октября 31>. Суббота. Рим.*** – 6 марта (н. ст.) 1847 г. в письме к С. Т. Аксакову Гоголь повторял: «Мы уже так странно устроены, что по тех пор не увидим ничего в себе, покуда другие не наведут нас на это». 19 января 1850 г., прочитав С. Т. и К. С. Аксаковым вторую главу второго тома «Мертвых душ», Гоголь также сказал: «Благо должно произойти из этого, ибо человек не может видеть себя без помощи другого» (см. ***1850. Января 19. Четверг. Москва***).

[23] См. ***1843 ноябрь <октября средина> – 1844 марта первая половина <марта начало>. Дюссельдорф или Ницца.***

[24] Вероятно, имеются в виду слова Спасителя, переданные св. апостолом и евангелистом Матфеем: «...Вси же вы братия есте» (гл. 23, ст. 8).

ФЕВРАЛЯ 29 <МАРТА 12>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович сообщает С. П. Шевыреву в Москву:

«Заставив Жернакова совершенно исправить издание сочин<ений> Гоголя, т. е. перепечатать те страницы, которые должен он был перепечатать прежде, я почти все остающиеся экземпляры, числом 903, послал Вам. Такое количество в маленькой квартире моей поместить мне негде, а в другом месте опасаюсь; притом же здесь издание расходится весьма медленно, а Москва и вообще Русь умеет лучше ценить дарование Гоголя, так что здешние книгопродавцы берут у меня книги только для иногородних требователей.

От Гоголя с самой осени не имею никакого известия и не знаю, куда теперь писать ему; неужели он все еще в Дюссельдорфе? Известите, сделайте одолжение, если Вы знаете его местопребывание. <...>

В одном из коробов, кажется № 1, по ошибке укладчика положено лишних 10 экз<емпляров> 2<-й> ч<асти>; эти книги перешлите обратно, но таким образом, чтобы деньги за провоз заплачены были мною, потому что это моя оплошность, и Гоголь за нее платить не обязан».

Гоголь в письмах Н. Я. Прокоповича // *Свод*. Т. 1. С. 590.

МАРТА 11–13 <ФЕВРАЛЯ 28 – МАРТА 1>. ПОНЕДЕЛЬНИК-СРЕДА. НИЦЦА

Гоголь посылает в Москву, на имя С. Т. Аксакова, ответное[1] письмо Н. Н. Шереметевой:

«Хотя до праздника Воскресенья Христова остается еще три с половиною недели[2], но я заранее вас поздравляю... <...> На днях я еду отсюда в Штутгарт, с тем, чтоб там в русской церкви нашей говеть и встретить Пасху[3]. <...> Не забывайте, что <...> мне иногда предстоит страшная переписка и отвечать приходится на все стороны, и почти всегда такими письмами, которые требуют долгого обдумывания; и потому я уже давно положил писать только в случае самой сильной душевной нужды. Все это я считаю нужным сказать вам, потому что вы уже, как мне показалось из письма вашего, начали было приписывать другую причину моему редкописанию. <...> Вы говорите, что вас смущал один слух[4], и не сказываете даже, какой слух. <...> Я очень хорошо знаю, что вы помогаете много бедным и что у вас всякая копейка пристроена. Зачем же вы не хотите быть экономны и не поступаете так, как я вас просил? то есть, отдавайте половину писем Аксакову и Языкову. Они мне пишут очень мало, иногда я просто получаю один пустой пакет; стало быть они и за свое и за ваше письмо заплатят то же самое, что за одно свое. <...> Пишите проще как можно и называйте всякую вещь своим именем, без обиняков, не в бровь, а прямо в глаз[5]...»

Датировка письма уточнена. О намерении встретить Пасху в Штутгарте Гоголь сообщал также С. П. Шевыреву в письме из Ниццы от 12 марта (н. ст.) 1844 г.[6] Однако в заключение письма к Шевыреву Гоголь, – вероятно, только что получив от протоиерея И. М. Певницкого новые известия, – сделал приписку: «Церковь наша из Штутгарта переправляется в Дармшта<д>т, и поэтому я <не> еду в Штутгарт»[7]. 19 марта (н. ст.) 1844 г. Гоголь выехал из Ниццы в Дармштадт[8]. По дороге, 20 марта (н. ст.), он сообщил А. О. Смирновой из Экса: «...Говеть я буду в Дармштадте, а не в Стутгарте, куда переносят для великой княгини церковь на время поста»[9]. Поскольку это уточнение не попало в письмо к Шереметевой, следует предположить, что написано оно было до отправления указанного письма к Шевыреву, то есть 11–13 марта (н. ст.) 1844 г.

[1] См. ***1844. Февраля 15 <3>. Четверг. Ницца***.

[2] См. ***1844. Апреля 7 <марта 26>. Светлое Христово Воскресение. Праздники православной и католической Пасхи. Дармштадт***.

[3] См. также ***1844. Марта 12 <февраля 29>. Вторник. Ницца***.

[4] Слух об увлечении Гоголя А. О. Смирновой. Подробнее см. ***1837. Июля около 15 – августа не позднее 27–28 <июля около 3 – августа не позднее 15–16>. Баден-Баден, Страсбург, Баден-Баден*** (примечания).

[5] Вероятно, Гоголь все-таки догадался, о чем шла речь в письме к нему Шереметевой. Предлагая ей писать «без обиняков, не в бровь, а в глаз», Гоголь мог помнить соответствующее место в своей повести «Нос» (1835): «Частный принял довольно сухо Ковалева и сказал <...> что много есть на свете всяких майоров, которые <...> таскаются по всяким непристойным местам. То есть не в бровь, а в глаз».

[6] См. ***1844. Марта 12 <февраля 29>. Вторник. Ницца.***
[7] См. ***1844. Марта 14 <2>. Четверг. Ницца.***
[8] См. ***1844. Марта 19 <7>. Вторник. Ницца.***
[9] См. ***1844. Марта 20 <8>. Среда. Экс.***

МАРТА 14 <2>. ЧЕТВЕРГ. НИЦЦА

Гоголь, получив из Штутгарта второе[1] письмо от протоиерея И. М. Певницкого, делает приписку в составленном 12 марта[2] послании к С. П. Шевыреву:

«Я хотел бы знать, отчего Языков прислал мне не 3000 р<ублей>, а две. С меня, конечно, пока довольно, но не лишил ли я его самого чего-нибудь, он, как видно, не при деньгах. Мне жаль, если я взял у него невпопад, тем более что не вижу возможности скоро вернуть. Церковь наша из Штутгарта переправляется в Дармшта<д>т, и поэтому я <не> еду в Штутгарт. Во всяком случае адресуй во Франкфурт на имя Жуковского».

[1] См. ***1844. Марта 6 <февраля 23>. Среда. Штутгарт.***
[2] См. ***1844. Марта 12 <февраля 29>. Вторник. Ницца.***

ФЕВРАЛЬ <ФЕВРАЛЯ СРЕДИНА – МАРТА СРЕДИНА>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

И. Е. Бецкий пишет М. П. Погодину в Москву:

«К "Молодику"[1] будут приложены уже заказанные вещи: вид Ахтырского монастыря, портрет Гоголя[2] (великолепный)[3] <...> и, наконец, две группы малороссиянок. Кажется, это такая роскошь, что если после всего этого наша публика покупать не будет, так останется сказать ей:

Если король комедии не полюбит,
Так, видно, он комедию не любит[4].

Всё это будет издано в пользу приюта...»

Гоголь в письмах И. Е. Бецкого к М. П. Погодину // *Свод.* Т. 2. С. 545.

[1] Речь идет об издании: Молодик, на 1844 год, украинский литературный сборник, издаваемый И. Бецким. Вып. 4. В пользу Харьковского Детского приюта. Санктпетербург. В типографии К. Жернакова. 1844 (цензурное разрешение 22 марта).

[2] Поэт Н. Ф. Щербина, приятель Бецкого, писал 30 мая 1845 г. В. М. Лазаревскому: «Бецкий объездил большую половину Европы, прожил несколько месяцев в Париже, теперь отправился в Лондон <...> Он осмотрел там достопримечательности, был у Гоголя, у Жуковского, у вдовы Жан-Поля, пишет "Путевые записки"» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 668; см. также: *Свод.* Т. 2. С. 545).

[3] В сборнике «Молодик, на 1844 год...», между с. 6 и 7, была помещена литография К. Поля с портрета Гоголя работы К. П. Мазера (см. ***1840. Февраля 9 – мая 18. Москва***): «Поясной; сидит в готическом кресле; $^{3}/_{4}$ вправо; в сюртуке с бархатным воротником; гриф: *Я бы давно уже был на дороге | в Рим. – Гоголь; – Лит. Поля;* выш. 13 с.; при "Молодике на 1844 г."; есть экземпляр с одним грифом *Гоголь*» (*Адарюков В. Я., Обольянинов Н. А.* Словарь русских литографированных портретов. М., 1916. Т. 1. С. 228). Факсимильно воспроизведенные под портретом строки Гоголя: «Я бы давно уже был на дороге в Рим. Гоголь», были взяты издателем «Молодика» И. Е. Бецким из письма Гоголя к П. А. Плетневу от 7 марта 1840 г. из Москвы. В оглавлении сборника Бецким отмечено: «К сему четвертому выпуску приложены: <...> 4) Портрет Гоголя, с fac-simile из письма Гоголя к П. А. Плетневу» (Молодик, на 1844 год. СПб., 1844. С. 250).

О публикации его портрета в альманахе И. Е. Бецкого Гоголь, по-видимому, узнал из отдела «Библиографическая хроника» в № 5 журнала «Отечественные Записки» за 1844 г. (см. ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт***; и коммент. к заметке «Разные дела по части Гоголя» в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9). См. также

<Надпись Н. В. Гоголя к его портрету, сделанная для Д. К. Малиновского в альманахе «Молодик на 1844 год» (конец 1840-х – начало 1850-х гг.)>: ***1849. Августа 19. Пятница. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье*** (примечания).

[4] Искаженная цитата из «Гамлета» Шекспира (перевод Н. А. Полевого).

МАРТА 2 <14>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Н. М. Языков пишет Н. Н. Шереметевой:

«Я получил письмо от Гоголя[1]: он очень тоскует и крайне тревожится душевно. <...> Он едет во Франкфурт. <...> Если хотите хоть маленькую грамотку написать к нему, то пришлите ее ко мне: я вложу в мое письмо. Выздоравливайте».

Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 166.

[1] См. ***1844. Февраля 15 <3>. Четверг. Ницца***.

МАРТА 3 <15>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев читает у Балабиных «Театральный разъезд после представления новой комедии» Гоголя.

4 марта 1844 г. Плетнев сообщал Я. К. Гроту: «*Пятница (3 марта).* <...> Вечер у Балабиных, которые, наконец, всем объявили о помолвке Marie[1]. Читали Гоголя "Разъезд из театра". Пропасть мыслей, но скоро написано, пропасть повторений и недосказанность, как в слоге, так и в создании».

Свод. Т. 1. С. 667.

[1] С А. Л. Вагнером (см. ***1844. Февраля 12 <24>. Суббота. Санкт-Петербург***).

МАРТА 3 <15>. ПЯТНИЦА. КИЕВ

А. С. Данилевский извещает Гоголя, что получил место инспектора 2-го благородного пансиона при Киевской первой гимназии[1].

«КИЕВСКИЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГ. (Состояние чинов по 1-е Ноября 1843 г.) <...> В ГУБЕРНИЯХ: <...> *Киевской: В 1-й Гимн<азии>: <...> Во 2-м Панс<ионе>: Инсп<ектор>, испр<авляющий> д<олжность>* Г<убернский> С<е>к<ретарь> Алексан<др> Сем<енович> Данилевский...»[2]

[1] См. ***1844. Апреля 13 <1>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[2] Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1844 год. СПб., <1844>. Ч. 1. С. 202.

1843 НОЯБРЬ <ОКТЯБРЯ СРЕДИНА> – 1844 МАРТА ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА <МАРТА НАЧАЛО>. ДЮССЕЛЬДОРФ ИЛИ НИЦЦА

Гоголь пишет в Васильевку ответное письмо к сестрам Анне и Елизавете (датировка письма уточнена):

«Хоть одна только Лиза написала ко мне[1], но я пишу вам обеим. Лиза пишет, что письма ко мне не пишутся такие длинные и так охотно, как прежде. Я этому верю, но знаю также и то, что вы

будете писать ко мне письма еще длиннее, чем прежде. Это произойдет само собою тогда, когда вы будете больше меня любить. А для того, чтобы вам научиться более любить меня — вот вам дорога: старайтесь отыскивать в себе как можно более недостатков, недостатки эти вы должны прежде хорошенько выбранить, а потом постараться от них отвязаться. Если вам трудно будет отстать от чего или пересилить себя в чем-либо, советуйтесь со мной, <...> я могу вам подать иногда очень нужный совет. Вы пишете, что разъезжаете и веселитесь[2] — в добрый час! Но помните, что придется по месяцам просиживать дома, умейте не скучать и тогда. Не мудрость веселиться, когда вокруг вас весело. Но уметь веселиться, когда вокруг всё скучно, вот настоящая мудрость человека. Большое мое письмо[3] не сделало на вас того впечатления, какого я ожидал, но во всяком случае вы должны помнить о нем. Везде, у кого бы вам ни случилось проживать, старайтесь прожить это время более в трудах и занятиях, чем в увеселениях. Обратите тотчас взгляд вокруг себя и старайтесь заметить, чем вы можете быть полезны хозяевам дома. <...> Вносите с собою всюду примирение[4], храни вас Бог даже от тени какой-нибудь ссоры с кем бы то ни было... <...> Когда же возвратитесь домой к себе, давайте всякой раз самой себе отчет во всем, рассматривайте себя пристально, чтобы узнать, что приобрели вы себе от пребывания в таком-то доме. Мы для того и окружены обществом, чтобы стараться у всякого что-нибудь украсть для нашего собственного характера. Если в ком-либо заметите какое-нибудь особенно хорошее свойство, старайтесь его в ту же минуту усвоить себе[5]. В уединенную свободную минуту старайтесь иногда припоминать себя в прежнем виде, то есть как вы были назад тому два, три года, сравнивайте *тогдашнюю* себя с нынешнею и старайтесь узнать, чем именно вы сделались умней прежнего. Вот для чего советовал я вам тогда писать журнал[6]; вы не послушали совета, потому что не поняли цели, для чего это делается, как не понимаете и доныне цели многого того, что мне случалось вам говорить. Конечно, в том человек не виноват, что не понял; но виноват сильно и даст великий ответ Богу за то, что не стремился, не напрягал всех сил, не хотел понять, а махнувши рукою сказал: "Это мне непонятно", да и концы в воду. <...> Я употребляю все усилия, чтобы быть лучше; старайтесь и вы также. Нужно, чтобы мы были похожи друг на друга, потому что между похожими только друг на друга может существовать прямая дружба и любовь. Я хочу вас любить всею душою, но дурно, если вы сами будете употреблять все старания, чтобы оттолкнуть меня от вас и чтобы я не любил вас».

[1] Ср. ***1843. Октября 13 <1>. Пятница. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Дюссельдорф***.

[2] Возможно, либо после именин матери, 1 октября 1843 г. — праздника Покрова Пресвятой Богородицы (ср. ***1842. Ноября 7 <19>. Суббота. Васильевка***), либо на Рождественских святках 25 декабря 1843 г. — 4 января 1844 г. / 6–16 января 1844 гг., либо на масленице 31 января — 5 февраля / 12–17 февраля 1844 г.

[3] См. ***1843. Апреля средина — мая 2 <апреля начало — апреля 20>. Рим***.

[4] См. также ***1836. Июля 17 <5>. Воскресенье. Ахен*** (примечания); ***1844. Июня 15 <3>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***.

[5] Ср. в выписке *18. О любви к ближнему (Преосвященного Михаила <Десницкого>)* сборника Гоголя «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви»: «Любить ближнего не то значит, чтобы в гости его позвать <...> и <...> с ним повеселиться <...> любить <...> его есть то, чтобы ходить к нему в гости, но зачем? За тем, чтобы, ежели он лучше тебя, попользоваться от него, ежели хуже, попользовать его, прося помощи у Христа...» — См. также ***1844. Апреля 13 <1>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Февраля 24 <12>. Понедельник. Париж***.

[6] В трактате «О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии» (см. ***1843 ноября 19 <7> — 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца***) Гоголь также писал: «Хорошо бы <...> вести журнал, в котором записывать, когда и за что рассердился, и потом почаще его перечитывать. Это одно уже может истребить в нас расположение сердиться на *мелочи* и *безделицы*». — См. также ***1851. Марта 4. Воскресенье. Одесса***.

МАРТА ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА <МАРТА НАЧАЛО>. НИЦЦА

А. О. Смирнова с детьми выехала из Ниццы в Париж. В этот период, до отъезда Смирновой, Гоголь получил в подарок альбом, озаглавленный: «НИЦЦА.

1844», с указанием: «Н. В. ГОГОЛЮ», и надписями дарителей, расположенными по кругу в лучах восьмиконечной звезды:

«Г<рафиня> Л. К. Виельгорская / Г<рафиня> А<нна> М. Виельгорская / Г<раф> М. М. Виельгорский / Г<раф> В. А. Соллогуб / Г<рафиня> С. В. Соллогуб[1] / <*Место, оставшееся незаполненным*>[2] / Г<рафиня> С. И. Соллогуб / А. О. Смирнова».

Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 671; *Свод*. Т. 3. С. 557. – См. также ***1844. Около июня 8 <около мая 27>. Франкфурт-на-Майне***.

[1] Графиня Софья Владимировна Соллогуб (1842–1850), дочь В. А. и С. М. Соллогуб.
[2] Вероятно, место оставлено для имени графини Софьи Михайловны Соллогуб (рожд. Виельгорской; 1820–1878), жены В. А. Соллогуба, дочери Мих. Ю. и Л. К. Виельгорских.

МАРТА 18 <6>. ПОНЕДЕЛЬНИК. НИЦЦА

День рожденья А. О. Смирновой, о котором Гоголь вспоминает в кругу Виельгорских и Соллогубов. Гоголь, вероятно, читал вслух извлечения из своего «Правила жития в мире», из трактата «О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии», а также «записочки, выбранные <...> из разных мест, против уныния»[1]. На чтении, возможно, присутствовала также графиня М. А. Воронцова[2] с племянницей[3].

Через два дня, 20 марта (н. ст.) 1844 г., Гоголь сообщал Смирновой в Париж: «Пишу к вам два слова из Aix[4]. Вашу милую записочку из Фрежюса получил и благодарю вас за то, что напомнили о дне вашего рождения. Вы, верно, в этот день хорошо помолились, потому что и мы все его провели довольно весело, хотя это и было накануне моего отъезда[5]. Простился я также с ними весело, как и с вами. Накануне мы читали то, что угодно было Богу внушить мне прочесть, оно, как мне показалось, на них подействовало. По крайней мере и графиня[6] и обе дочери[7] дали слово быть веселы и тверды и перечитывать почаще то, что я им оставил. Но это натурально не может сделать ничего, если мы не сопроводим всё это душевною молитвою, а потому помолимся и мы с вами о них от всей души во время нашего говения, дабы Бог помог, как им всем, не выключая даже и Сологубов, так и нам с вами, иметь больше любви к Нему, стало быть, больше твердости и больше всего того, что составляет мудрость истинную, научающую нас, как действовать и поступать истинно. <...> В Ниц<ц>е перед моим выездом всё было по-прежнему. Решительного еще ничего, кроме того, что Вл<адимир> Ал<ександрович>[8] едет в Рим. Матушка дает ему денег на проезд. У ней есть свои какие-то тонкие распоряжения, которые, я думаю, еще несколько раз переменятся».

26 марта (н. ст.) 1844 г. Гоголь напоминал графине Л. К. Виельгорской: «Вы дали мне слово, то есть не только вы, но и обе дочери ваши, которые также близки душе моей, как и вы сами, все вы дали слово быть тверды и веселы духом. Исполнили вы это обещание? Вы дали мне слово во всякую горькую и трудную минуту, помолившись внутри себя, сильно и искренно приняться за чтение тех правил, которые я вам оставил, вникая внимательно в смысл всякого слова, потому что всякое слово многозначительно и многого нельзя понимать вдруг. Исполнили ли вы это обещание? Не пренебрегайте никак этими правилами, они все истекли из душевного опыта, подтверждены святыми примерами, и потому примите их как повеление Самого Бога. Это не простым случаем случилось, что правила эти попали к вам в руки. Тут была воля высшая. Мы все орудия Божиего провидения. Оно употребляет нас для нас же. Таким образом и меня, который в существе своем есть не более как совершенная дрянь, поместило оно в доме Paradis, хотя от этого помещения не

произошло, по-видимому, никому никакой пользы. Но поместило оно именно для того, чтобы правила эти из моих рук перешли в ваши. Итак, это не был простой случай».

12 апреля (н. ст.) 1844 г. Гоголь еще раз писал графине Л. К. Виельгорской: «...Вы думаете, что я очень много способствовал к утешению вашего уныния. Вас обманула собственная доброта души вашей. Как прямой и честный человек, я должен сказать чистосердечно: *нет*. Я вам более был полезен своим отъездом, нежели приездом. В последний только день, накануне отъезда моего, вы стали покойнее, и то, может быть, потому, что вам сделалось жалко не исполнить просьбы отъезжающего. Я вам оставил после себя гораздо лучшее средство для успокоения, чем мог бы доставить я сам. Я вам оставил то правило, которое сделало меня гораздо лучше, чем я был прежде. И теперь прошу вас, как может только любящий брат просить брата: не пренебрегайте им и перечитывайте со вниманием во всякую неспокойную и грустную минуту».

Графине Анне М. Виельгорской Гоголь 12 апреля (н. ст.) 1844 г. писал: «Ваше поприще будет даже гораздо более, чем всех ваших сестриц. <...> Вам дано не даром имя *благодать*. Вы будете точно Божья благодать для всего вашего семейства и всех вас окружающих. Вам недостает только хорошенько всмотреться и узнать свойства и природу всех тех, которые вас окружают, для того, чтобы найти прямую дорогу к душе каждого. <...> Еще скажу вам одно, основываясь на признаках, которые вы обнаружили передо мною в последний день пребывания моего с вами. У вас будет очень твердый характер, тверже, чем у всех ваших и даже, чем у Михала Миха<й>ловича[9]. Разумеется, вы этого еще долго в себе не приметите и даже тогда, когда будете более и более укрепляться».

12 апреля (н. ст.) 1844 г. Гоголь отправил также послание сестре Анны М. Виельгорской графине С. М. Соллогуб, в котором замечал: «Из письма Вашей маминьки[10] я узнал, что вы чувствуете себя хорошо и веселы. Это меня очень обрадовало. Мне уже здесь становится весело при одной мысли, что вам весело. Душевная ясность и светлость слишком вам к лицу. Она просто ваше назначение и дана вам вовсе не для вас одних, но для того, чтоб ею оказывали помощь и другому».

Позднее в статье *II. Женщина в свете* «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь также писал: «Повелевайте же без слов, одним присутствием вашим; повелевайте самим бессилием своим, на которое вы так негодуете; повелевайте и именно той женскою прелестью вашей, которую, увы! уже утратила женщина нынешнего света. С вашей робкой неопытностью вы теперь в несколько раз больше сделаете, нежели женщина умная и все испытавшая с своей гордой самонадеянностью... <...> Вам ли бояться жалких соблазнов света? Влетайте в него смело, с той же сияющей вашей улыбкой. Входите в него, как в больницу, наполненную страждущими; но не в качестве доктора... <...> Ваше дело только приносить страждущему вашу улыбку да тот голос, в котором слышится человеку прилетевшая с небес его сестра...»

Некоторые современники Гоголя, например С. Т. Аксаков, считали, что статья «Женщина в свете» адресована сестре С. М. Соллогуб, Аполлинарии Михайловне Веневитиновой (рожд. графиня Виельгорская; 1818–1884)[11].

В. С. Аксакова, а вслед за ней Н. С. Тихонравов полагали, что гоголевская статья обращена к графине Софье Михайловне Соллогуб. Однако сама С. М. Соллогуб в письме от 3 февраля 1847 г. спрашивала Гоголя: «Сестра и я мы очень любопытны знать, кому вы пишете первое ваше письмо, которое нам так понравилось ("Женщина в свете")»[12]. Кроме того, как указал В. И. Шенрок, письмо надписано «к ....ой», а не Соллогуб, и отнесено к 1846 г., «когда С<офья> М<ихайловна> не могла уже жаловаться, что не может быть полезной детям, так как у нее был уже тогда сын Александр и дочь Софья, прозванная Беби, и как видно из <...> переписки Виельгорских с Гоголем, она была напротив уже совершенно погружена в свои семейные обязанности, в которых находила высшее наслаждение жизни»[13].

Далее Гоголь сообщал С. М. Соллогуб: «Знайте же, что уже двум человекам вы оказали помощь великую, в печальные их минуты, одной только светлостью лица вашего. Минуты так были печальны, что трудно было приискать слов для утешения, но вы влетели в комнату с душевной ясностью лица, и печаль ушла».

Под «двумя» лицами, которым С. М. Соллогуб «оказала помощь <...> в печальные их минуты», Гоголь, вероятно, имел в виду А. О. Смирнову и самого себя, точнее, их разговор в Ницце о тяжком душевном состоянии В. А. Перовского[14].

Позднее, 26 августа (н. ст.) 1844 г., Гоголь писал Смирновой: «Старайтесь, чтобы во всяком случае ваш разговор походил на тот ваш разговор, который вы ведете тогда, когда бываете окружены одними добрыми душами. <...> Словом, случится ли вам вести разговор с молодым ветрогоном или изношенным старичишкой, воображайте всякий раз, что с вами тут же сидит Софья Михайловна, и всё будет хорошо».

Далее из письма к С. М. Соллогуб: «Вот как важна светлость и ясность наша для наших близких и братьев. И потому входите в какой бы ни было круг, хотя из двух человек, ясно и весело, как дитя! Мы все должны быть дети и стараться хоть насильно быть безмятежны, как дети. Если ж вам сгрус<т>нется, не позабудьте того правила, которое я вам оставил: оно мне очень помогло, поможет непременно и вам, если вы, усердно помолившись, прочтете его и вникнете поглубже в смысл.

Будьте также несколько снисходительны к людям, умейте простить им иное несправедливое слово, пристрастное мнение или неразумное слово. Зачем быть так строгу к другим? Неужели мы сами свободны от пристрастия и умеем не выходить из себя и быть покойными? Бог знает. Я по крайней мере с тех пор, как обсмотрел себя хорошенько со всех сторон, стал гораздо снисходительнее к другим».

В письме к матери графа В. А. Соллогуба, графине С. И. Соллогуб[15], от 12 апреля (н. ст.) 1844 г., Гоголь писал: «Вы верно, Графиня, не ожидали от меня письма; но разговор, который мы имели с вами перед выездом моим из Ниц<ц>ы, остался у меня в мыслях и произвел в них какое-то непонятное беспокойство. Вы рассказали мне о двух снах бывших с вами, когда вы молились так, как не молились наяву, и когда душа ваша слышала такое блаженство, какого не слышала никогда в жизни. Я вам сказал тогда же об этом всё, что думал. Я ничуть не мистик; считался даже скорей положительным и холодным человеком, чем увлекающимся и страстным. Не верил и не верю снам так же, как всякого рода предчувствиям и приметам; но знаю наверно, что сны, которые подействовали не на воображение или ум, но прямо на душу, те сны святы и прямо от Бога. Такие сны играли слишком важную роль в жизни святых, служили им великими путеводителями, часто переломом всей жизни, и вообще с ними связывалась судьба всей их жизни»[16].

В тот же день, 18 марта (н. ст.) 1844 г., Гоголь отправил в Рим ответное[17] письмо к А. А. Иванову:

«Не сердитесь, Александр Андреевич, за то, что не отвечал на последнее письмо ваше. Это случилось отчасти потому, что не хотел вам наскучать повтореньем одного и того же относительно ваших беспокойств, которые вы умеете задавать себе, а отчасти оттого, что спустя дней несколько получил письмо от Моллера[18], в котором он жалуется совершенно справедливо на возрастание вашей мнительности и говорит, что об этом написал вам откровенно свое мнение, хотя, не знаю почему, он думает, что вы мало даете весу словам его. С моей стороны, я вам скажу еще раз, не по поводу нынешнего вашего беспокойства, но на всякий случай для будущего: пора наконец взять власть вам над собою. Не то мы будем [вечно] зависеть от всякой дряни. Вы говорите: как можно работа<ть>, когда душа неспокойна? Да когда же может быть спокойна душа? Я несколько лет уже борюсь с неспокойствием душевным. Да и откуда взялись у нас такие комфорты! Чтобы в продолжение труда нашего не смутила нас даже и мысль о том, что будет еще через два года! Смотрите, караульте за собой и за характером своим, иначе вы дойдете, наконец, до того, что упадете духом даже тогда, если как-нибудь нечаянно Шаповалов <...> в вашей студии, всё может случиться.

Насчет картины вашей[19] скажу вам только то, как поступал я в таком случае, когда затягивалось у меня дело и немела мысль перед множеством вещей, которые все нужно было не пропустить. Накопление материалов и увеличиванье требований от себя возрастало у меня наконец до того, что я почти с отчаяньем говорил: Господи! да тут работы на несколько лет! Наконец, потеряв всякое терпение и из боязни, что работа, может быть, совсем не кончится, решался я во что бы то ни стало кончить как-нибудь, кончить дурно, но кончить. И, решась твердо на это, собирал вдруг всего себя, работал сильно, наконец оканчивал не только лучше, чем предполагал, но даже иногда и очень недурно. Дело в том, что пока не соберешь всего себя и не подтолкнешь себя самого, не знаешь даже,

что именно в тебе есть, потому что мы никогда не принимаем того в соображение, что хотя мы и не работали руками, но мысли у нас в то время все-таки созревали, наблюденье и ум совершенствовались, хотя и не на чем было их испробовать. Поверьте, что по тех пор, пока не одолеет вами досада, а может быть, и совершенное отчаяние при мысли, что картина не будет кончена, до тех пор она не будет кончена. <...> Человек такая скотина, что он тогда только примется серьезно за дело, когда узнает, что завтра приходится умирать.

Притом вот вам одна очень важная истина, которой вы не поверите или, лучше, не допустит вас к тому ваша гордость: *Пока не сделаешь дурно, до тех пор не сделаешь хорошо.* А вы не хотите и слышать о том, что вы можете сделать дурно; вы хотите, чтоб у вас до последней мелочи было всё хорошо. Вы будете поправлять себя двадцать раз на всякой черточке, никак [не бросите] не захотите, чтобы оно было и осталось так, как есть, если не дастся лучше. Вы будете мучить себя и биться несколько дней около одного места, до того, что от частностей обессилеет у вас даже мысль о целом, которое тогда только, когда живо носится беспрестанно пред глазами и говорит о возможности скорого выполнения, тогда только двигает работу. Ибо вдвигает в душу порыв и вдохновенье, а вдохновеньем много постигается того, чего не достигнешь никакими учеными трудами. Вот вам та истина, которую я слышал всегда в душе, откуда исходят у нас все истины, и которую подтверждали мне на всяком шагу чужие и свои опыты. Но вы горды и с этим не согласитесь, между прочим, потому, что не взглянули еще сурьезно на жизнь. <...> Еще то, что есть самая жизнь, для вас безгласно и мертво. Еще на многое смотрите вы остроумными глазами, а не глазами мудреца, просветленного разумом свыше. Еще вы не приобрели того, что одно могло б двинуть работу и сообщить вам ту силу, до которой не достигнешь никакими трудами и знаниями. Словом, вы еще далеко не христианин, хотя и замыслили картину на прославленье Христа и христианства. Вы не почувствовали близкого к нам участия Бога и всю высоту родственного союза, в который Он вступил с нами. <...> Извещайте меня, что у вас делается в Риме. Каков Бутенев, довольны ли им? и что делают наши художники? Адресуйте мне во Франкфурт на Майне, на имя Жуковского, который переселяется во Франкфурт. Уведомьте меня, где и что делает Чижов? Если он в Риме, то передайте ему самый душевный поклон и скажите, что я ждал его на Рейне и написал бы ему письмо, несмотря на лень мою, если бы только знал наверно его местопребыванье. <...> Ничего еще не могу вам сказать наверное, где буду проводить будущую зиму. Во всяком случае письма продолжайте адресовать во Франкфурт. Завтра[20] еду из Ниц<ц>ы».

[1] См. ***1844. Октября 24 <12>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***
[2] См. ***1839. Июня 2 <мая 21>. Воскресенье. Рим*** (примечания).
[3] См. ***1844. Апреля 12 <марта 31>. Пятница Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне.***
[4] Экс.
[5] См. ***1844. Марта 19 <7>. Вторник. Ницца.***
[6] Л. К. Виельгорская.
[7] Графини Анна М. Виельгорская и С. М. Соллогуб (рожд. Виельгорская).
[8] Граф Соллогуб.
[9] Брат А. М. Виельгорской.
[10] Графини Л. К. Виельгорской.
[11] См. также ***1844. Мая 16 <4>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Франкфурт-на-Майне*** (письма к А. О. Смирновой).
[12] См. ***1847. Февраля 3 <15>. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[13] *Шенрок.* Т. 4. С. 595.
[14] См. ***1844. Февраль <января средина – февраля средина>. Ницца.***
[15] Граф Соллогуб.
[16] См. также ***1844. Апреля 12 <марта 31>. Пятница Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне.***
[17] См. ***1844. Января вторая половина <января первая половина>. Рим.***
[18] См. ***1844. Января 27 <15>. Суббота.***
[19] «Явление Мессии».
[20] См. ***1844. Марта 19 <7>. Вторник. Ницца.***

МАРТА 6 <18>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

В доме Е. И. Новосильцева на Мясницкой по инициативе М. С. Щепкина состоялся «вечер для любителей чтения», на котором актер читал произведения Гоголя.

Незадолго перед тем, 4 марта 1844 г., в «Московских Ведомостях» было напечатано объявление: «В понедельник, 6-го марта, в зале Е. И. Новосильцева, на Мясницкой, близ церкви Гребенской Божией Матери, дан будет первый вечер для любителей чтения, составленный Г. ЩЕПКИНЫМ; о подробностях будет извещено особыми афишами. Подписная цена на 3 вечера 5 р<ублей> сер<ебром>, на 1–2 р<убля> сер<ебром>».

Вечера для любителей чтения // Московские Ведомости. 1844. 4 марта. № 28. С. 182; *Свод.* Т. 3. С. 12. – См. также ***1843. Февраля 22 – апреля 4 <марта 6 – апреля 16>. Великий Пост. Москва***; ***1844. Марта 11 <23>. Суббота. Москва; 1844. Марта 15 <27>. Среда. Москва.***

МАРТА ОКОЛО 19 <7>. НИЦЦА

Гоголь получил письмо от Н. М. Языкова из Москвы.

См. ***1844. Февраля 12 <24>. Суббота. Москва***; ***1844. Апреля 2 <марта 21>. Великий вторник. Дармштадт.***

МАРТА 19 <7>. ВТОРНИК. НИЦЦА

Гоголь выехал из Ниццы через Страсбург во Франкфурт[1].

Согласно перечню, составленному С. П. Шевыревым, отметка об отъезде Гоголя из Ниццы была сделана накануне: «1844. 4/16 марта из Ниццы во Франкф<урт>-на-Майне»[2].

[1] См. ***1844. Марта 18 <6>. Понедельник. Ницца.***

[2] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 125. См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

МАРТА 20 <8>. СРЕДА. ЭКС

Гоголь проездом в Эксе, откуда извещает А. О. Смирнову, что получил ее записку из Фрежюса[1] и что говеть он будет «в Дармштадте, а не в Стутгарте, куда переносят для велик<ой> княгини <Марии Николаевны> церковь на время поста»:

«Хоть это будет несколько шумно, но что ж делать, говеть мне нужно. Попробую, нельзя ли среди шуму быть уединенну».

[1] См. ***1844. Марта 18 <6>. Понедельник. Ницца.***

МАРТА 11 <23>. СУББОТА. МОСКВА

В доме Е. И. Новосильцева на Мясницкой по инициативе М. С. Щепкина состоялся второй «вечер для любителей чтения», на котором актер читал произведения Гоголя.

Незадолго перед тем, 9 марта 1844 г., в «Московских Ведомостях» было напечатано объявление: «В субботу, 11-го марта, в зале Е. И. Новосильцева <...> дан будет *второй вечер для любителей чтения,* составленный Г. Щепкиным; начало в 8 часов».

Вечера для любителей чтения // Московские Ведомости. 1844. 9 марта. № 30. С. 194; *Свод.* Т. 3. С. 12. – См. также ***1843. Февраля 22 – апреля 4 <марта 6 – апреля 16>. Великий Пост. Москва***; ***1844. Марта 6 <18>. Понедельник. Москва; 1844. Марта 15 <27>. Среда. Москва.***

МАРТА 25 <13>. ПОНЕДЕЛЬНИК. СТРАСБУРГ

Гоголь в Страсбурге.

В паспорте Гоголя сделана помета: «Стразбург 25 марта».

Шевырев С. П. <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 125. – См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

МАРТА 26 <14>. ВТОРНИК. СТРАСБУРГ

Гоголь пишет письма графине Л. К. Виельгорской в Ниццу и А. О. Смирновой в Париж (судя по почтовому штемпелю на письме к Виельгорской[1], письма были отправлены из Страсбурга на следующий день, 27 марта[2]).

Из письма к Виельгорской: «Никак не думал было писать к вам, не приехавши на место, но случился случай. Пароход, на который сел я с тем, чтобы пуститься по Рейну, хлопнулся об арку моста, изломал колесо и заставил меня еще на день остаться в Стразбурге. Вопросивши себя внутренне: зачем это всё случилось, на что мне дан этот лишний день и что я должен сделать в оный, я нашел, что должен вам написать маленькое письмо. Письмо это будет состоять из одного напоминания[3]. <...> Самое несчастие, случившееся теперь на пароходе, случилось, может быть, для того, чтобы мне теперь же доставить время и удобность написать вам это напоминание. <...> Во всяком случае, если кто-нибудь чего-нибудь у нас требует или просит во имя Бога, и если его просьба не противоречит ни в чем Богу, и если он умоляет всею душою исполнить его просьбу, тогда слова его нужно принять за слова Самого Бога. Сам Бог его устами изъявляет свою волю. Так я привык верить и подтверждение этому находил повсюду. Вы тоже найдете это во многих святых книгах, которые, верно, случится вам потом читать, а более всего еще найдете подтверждение этого в глубине собственной души вашей. <...> Из Франкфурта или Дармшта<д>та напишу к вам. <...> Веселей и добрей будем все духом и докажем Богу, что мы умеем надеяться на Него, хотя бы и всё шло наперекор, умеем любить Его не потому только, что Он исполняет то, что нам нравится. Нет, докажем Ему, что мы умеем Его любить, не торгуясь с ним, умеем любить бескорыстною любовью. Если только мы это успеем доказать ему, тогда уж всё будет по желанью нашему и не будет ни одной молитвы нашей, которая бы не была услышана. Прощайте! Если будете писать, адресуйте на имя Жуковского».

Из письма к Смирновой: «Думал было писать к вам уже тогда, когда приеду на место. Но пароход, на который я [было] сел, чтобы пуститься отсюда по Рейну до Франкфурта, хлопнулся об арку

моста, изломал свое колесо, и все пассажиры выгрузились вновь в свои трактиры. Происшествие это, равно как и неожиданно данное мне лишнее время, почел я знаком, что мне нужно что-нибудь сделать, и я решился написать по небольшой записочке в Ниц<ц>у Вьельгорским и в Париж вам. В записочке моей к вам будет одно напоминание[4] и ничего больше. Но и напоминание свежит и вливает отвагу в нашу душу, и потому припомните себе все слова мои и все разговоры наши, припомните также милость Божию, повелевшую нам встретиться, и наконец братское влечение душ наших помочь взаимно друг другу. И да соединится всё это в один тихий попутный ветер вам во всё время вашего говенья. Не забывайте, среди Равиньянов[5] и всяких новых проповедываний, старых или, справедливее сказать, вечных проповедываний. Купите теперь же, не отлагая, Боссюэта Oeuvres philosophiques[6], маленький томик издания Charpentier[7], и прочитайте теперь же две последние статьи, находящиеся в конце тома: 1-ая Elevation a Dieu sur les mysteres de la religion Chretienne[8] и 2-ая Traite de la concupiscence[9]. Они вам могут помочь в преуспевании в любви к Богу. <...> К Франкфурту у нас накопится много, о чем придется поговорить. Адресуйте на имя Жуковского».

14 апреля (н. ст.) 1844 г.[10] Смирнова отвечала Гоголю: «Равеньян кончил свои “Conférences” и отправляется на покой в Рим. Последняя была на эти слова: “Deo soli est gloria”[11]; говорит прекрасно. Боссюэта “Elévation a Dieu” и “Traité” прочиталась с большим удовольствием, вероятно, прочту еще несколько раз».

Ранее, в повести «Рим» (1842), Гоголь дал следующую характеристику итальянских и парижских лекций: «Итальянский университет, где наука влачилась, скрытая в черствых схоластических образах, не удовлетворял новой молодежи, которая уже слышала урывками о ней живые намеки, перелетавшие через Альпы. Французское влияние становилось заметно в Верхней Италии... <...> И вот он в Париже... <...> В самой науке, в ее одушевленных лекциях, которых достоинство не мог не признать он, теперь стало ему заметно везде желание выказаться, хвастнуть, выставить себя; везде блестящие эпизоды, и нет торжественного, величавого теченья всего целого. Везде усилия поднять доселе не замеченные факты и дать им огромное влияние иногда в ущерб гармонии целого, с тем только, чтобы оставить за собой честь открытия; наконец, везде почти дерзкая уверенность и нигде смиренного сознания собственного неведения...»[12]

[1] См.: *Городецкий*. С. 444.

[2] См. ***1844. Марта 27 <15>. Среда. Страсбург.***

[3] См. ***1844. Марта 18 <6>. Понедельник. Ницца.***

[4] См. ***1844. Марта 29 <17>. Пятница. Париж.***

[5] Ксавье де Равиньян (1795–1858), католический священник, иезуит, известный французский проповедник.

[6] Философские произведения *(фр.)*.

[7] Ж. Шарпантье.

[8] Возвышение к Божеству с помощью таинств христианской религии *(фр.)*.

[9] Трактат о вожделении *(фр.)*.

[10] См. ***1844. Апреля 14 <2>. Фомино воскресенье. Париж.***

[11] Слава Богу (*лат.*).

[12] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Гоголь о поэзии и схоластике. (К авторскому определению жанра «Мертвых душ«) // Творчество Н. В. Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва, 23–24 марта; Вена, 26–27 марта 2015 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. М.: Новосиб. изд. дом, 2016. С. 226–233.

МАРТА 14 <26>. ВТОРНИК. АСТРАХАНЬ

И. С. Аксаков в письме в Москву сообщает брату Константину:

«Если переписка не очень затруднит, то, конечно, я бы очень рад был прочесть Гоголевы письма[1] и Ваш будущий ответ[2], милый Отесинька. Признаюсь, эта рассылка Imitation de Jesus Christ[3] с такими билетиками мне решительно не нравится, но меня это не удивляет: тон прежних его писем, как они ни были прекрасны, мне что-то был не совсем по душе. Есть что-то учительское, проповедническое. Впрочем, я рад буду, если он, объяснив нам, открыв настоящий свет вещи, заставит сознать и наше заблуждение, но до тех пор, как хотите, а это странно. О впечатлении этих движе-

ний Гоголя пишете Вы мне только, милая моя Маменька, – но что думают об этом другие, на знаю. Константин, может быть, и желает защитить его, но в душе сам, верно, не доволен этим. Ох, не охотник я до этих штук! Как бы не потерпело искусство от излишества религиозного направления»[4].

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 906.

[1] Письмо Гоголя к С. Т. Аксакову от 10 февраля (н. ст.) 1844 г. (см. ***1844. Февраля 10 <января 29>. Суббота. Ницца***) и письмо к С. Т. Аксакову, М. П. Погодину и С. П. Шевыреву от 14 февраля (н. ст.) того же года (см. ***1844. Февраля 14 <2>. Среда. Праздник Сретения Господня. Ницца***).

[2] Ответ был написан С. Т. Аксаковым 17 апреля 1844 г. (см. ***1844. Апреля 17 <29>. Понедельник. Москва***).

[3] «Подражание Иисусу Христу» (около 1418); книга приписывается обычно Фоме Кемпийскому.

[4] Подробнее см.: ***1849. Августа 27. Суббота. Радонежье (Абрамцево)*** (примечания).

МАРТА 27 <15>. СРЕДА. СТРАСБУРГ

Гоголь отправляет написанные накануне[1] письма к графине Л. К. Виельгорской в Ниццу и к А. О. Смирновой в Париж.

[1] См. ***1844. Марта 27 <15>. Среда. Страсбург.***

МАРТА 15 <27>. СРЕДА. МОСКВА

В доме Е. И. Новосильцева на Мясницкой по инициативе М. С. Щепкина состоялся третий «вечер для любителей чтения», на котором актер читал произведения Гоголя.

Накануне, 14 марта 1844 г., в «Московских Ведомостях» было напечатано объявление: «В среду, 15-го марта, в зале Е. И. Новосильцева <...> дан будет *третий вечер для любителей чтения,* составленный Г. Щепкиным. Начало в 8 часов»[1].

А. И. Герцен в письме к Н. Х. Кетчеру от 15–16 марта 1844 г. сообщал: «В<е>чера *чтебные* Мих<аила> Сем<еновича> шли плоховато, выбор пьес очень дурен, он читал превосходно "*Заколдованное место*" и "Тяжбу" Гоголя, остальное шлехт»[2] (*нем.* schlecht – плохо).

[1] Вечера для любителей чтения // Московские Ведомости. 1844. 14 марта. № 32. С. 208; *Свод.* Т. 3. С. 12. – См. также ***1843. Февраля 22 – апреля 4 <марта 6 – апреля 16>. Великий Пост. Москва***; ***1844. Марта 6 <18>. Понедельник. Москва***; ***1844. Марта 11 <23>. Суббота. Москва.***

[2] *Свод.* Т. 3. С. 12.

МАРТА 28–29 <16–17>. ЧЕТВЕРГ-ПЯТНИЦА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь прибыл во Франкфурт.

См. ***1844. Марта 27 <15>. Среда. Страсбург***; ***1844. Марта 30 <18>. Лазарева суббота. Дюссельдорф, Франкфурт, Дармштадт.***

МАРТА 29 <17>. ПЯТНИЦА. ПАРИЖ

А. О. Смирнова получает послание Гоголя из Страсбурга[1]; заканчивает и отправляет ему во Франкфурт письмо, начатое 25 марта (н. ст.) 1844 г.:

«Париж, 25 марта <понедельник> 1844 г.

Любезный Гоголь! Вчера после обедни я вам не писала, несмотря на обещание. Я получила письмо, которое меня встревожило, огорчило и между тем и обрадовало. Молиться я не могла и тронута была до глубины души. Плакала целый день и плачу еще теперь. Чувство темное, неопределенное и вместе сладостное. От кого письмо[2], не нужно вам знать; но вообразите, что у слепца вдруг открылись глаза, — в духовном смысле, разумеется. Все это чудесно! Слово Бог вчера как-то целый день звучало в ушах моих, — прокимен: *"с нами Бог, разумейте языцы и покоряйтеся яко с нами Бог"*... Слезы так и льются... У меня заронилась в душе мысль, — запомните мое слово, — когда сбудется, тогда я вам скажу ее[3].

Александра Петровича Толстого здесь нет; он в Вене; письмо ваше в огне сгорело. Сова-сова[4] и все здоровы слава Богу.

Еду на проповедь Ravignan[5]; сегодня здесь Благовещение[6]. Наш поп[7] служит хорошо, с благоговением, поют изрядно, протяжно, потому что дьякона нет, — надобно дать время священнику. Русских было довольно, стоят хорошо; были и молодые люди. Как великолепна обедня! Всякое слово дар! Видела кое-кого, Киселева[8] тоже; смеялись, шутили по-старому; он умен и добр, и из него что-нибудь выйдет с помощию Божиею... Какие странные вещи случаются с человеком! «Славная же и ужасная, неисследованная и чудесная, — говорит, кажется, Макарий, — их несть числа»[9].

Пятница. 29.

Я получила сегодня ваше письмо из Страсбурга, благодарю за *напоминание*, хотя я еще ничего не забыла. Голова идет кругом от визитов, покупок, а на душе лежит камень. С помощию Божиею будет легче; в ту субботу Благовещение[10]. В среду и сегодня была у обедни[11], и много плакала; это слезы не те, которых нам надо делать, а еще земные, слезы расставанья с земным и светским; все это должно перемениться. Я уже искала Боссюэта у Charpentier[12]; издание все вышло, а другое явится вскоре. Читать мне вовсе нет времени, молитвы, однако ж, утренние не отлагаются. На страстную неделю я взяла Андрея Критского покаянный канон.

Равиньяна я слушала однажды по случаю oeuvre de charité[13]. Он говорит неровно; видно, что без приготовления, местами чудесно, и всегда из глубины души. От Местра[14] письмо я сама ему вручила, без дальних слов. Лицо его прекрасно, в глазах детская невинность, в обхождении простота, вовсе не иезуитская. Он должен быть чистосердечен. Его красота неземная меня поразила: как уста говорят от полноты сердца, так и се выражение от чистоты духовной. С воскресенья начинаю ездить два раза в неделю в церковь, а в час к Равиньяну, как раз от нашей обедни в Notre Dame. Таким образом, "замолчит всяка плоть человека"[15]. Тысячу раз благодарю вас за *напоминание*, и прошу чаще *напоминать*; на вас налагается эта обязанность до моего выезда из Парижа.

Киселева вижу мало; он, впрочем, лучше и серьезнее понимает и допускает многие вещи.

Париж еще шумнее, многонароднее, и в вавилонстве преуспел. Роскошь римская в публичных местах, на площадях, кафе, театрах и прочих вавилонских выдумках.

Александр Иванович Тургенев[16] очень болен, и звал меня к себе; сделался ревнитель нашей церкви, а в ней не бывает; я впрочем еще не была у него. По вечерам бываю у Мещерского Николая[17], безногого; он страдает с терпением, надеюсь христианским. На всякого страдальца этой жизни хорошо посмотреть, и это *напоминание*. Вчера из блестящего круга княгини Ливен[18], где познакомилась с Guizot[19] и другими счастливцами сего мира, кажется единственно занятыми настоящим, я была опять у Мещерского, где и мысли и вся душа перевернулись. Найдите мне способ не выходить из однообразного расположения души. На меня недовольно поверхностно действует общество и светские удовольствия. У нас на жизнь тишина Ниццская, окошки на садик и выход в Champs Elysées[20]. Как жалок север после Италии! В России большая тоска после карнавала. Перемерло множество и старых и молодых. Говорят, что Мицкевич почти с ума сошел и не окончил курса[21]; я это узнала от поляков. Товянского[22] отсюда выслали[23].

Жуковских обнимаю обоих и люблю душевно. Молитесь *о нас*, — потому что и дети будут приобщаться... <...> ...Буду писать после Благовещения; до радостного и скорого свидания у Жуковского во Франкфурте на Майне».

[1] См. ***1844. Марта 26 <14>. Вторник. Страсбург***; ***1844. Марта 27 <15>. Среда. Страсбург***.

[2] Речь идет о письме В. А. Перовского (см. ***1844. Апреля 14 <2>. Фомино воскресенье. Париж***).

[3] 20 апреля (н. ст.) 1844 г. Гоголь отвечал Смирновой: «Благодарю вас за знак доверенности душевной, выраженной уже два раза в словах: Если сбудется что-то, тогда вы мне скажете какую-то мысль. Но если это ваша душевная тайна, зачем же вы ее полуоткрываете? Смотрите, чтоб в это не закралось не одно только желание сказать близкой душе, что у вас есть тайна, а какое-нибудь тщеславие сказать по исполнении: Смотрите, какая я пророчица, или отгадчица, или как стою на своем слове. Если ваше намерение есть точно внушение Божие, то незачем и выражаться такими словами: *если* или *когда* исполнится, оно прямо *исполнится*, и разница только в том, что исполнится не в том тесном и буквальном смысле, в каком мы часто его замышляем, но в обширном и глубоком смысле, превосходящем в несколько раз все наши ожидания, если разумеется мы сами не ленясь будем работать всеми данными нам на то способностями».

[4] Дочь Смирновой Надежда (см. ***1843. Февраля 4 <января 23>. Суббота. Рим***).

[5] Католический священник и проповедник Ксавье де Равиньян.

[6] Имеется в виду празднование Благовещения Пресвятой Богородицы католиками — 25 марта (н. ст.).

[7] Настоятель русской посольской церкви в Париже протоиерей Димитрий Вершинский (см. ***1845. Января 14 — марта 1 <января 2 — февраля 17>. Париж*** — примечания). Ранее, в июне-июле 1842 г., с о. Димитрием познакомился в Париже Ф. В. Чижов. Позднее Чижов сообщал: «Перед самым отъездом <из Парижа> я взял благословение на дорогу от нашего почтенного протоиерея при посольской церкви Дмитрия Степановича Вершинского, простился с ним, как с родным...» (*Чижов Ф.* Прощание с Франциею и Женева // Московский Литературный и Ученый Сборник на 1847 год. М., 1847 (цензурное разрешение 21 февр.). С. 509).

[8] Николай Дмитриевич Киселев (1800–1869), дипломат, русский посланник во Франции (см. ***1836. Июля конец — августа средина <июля средина — августа начало>. Баден-Баден***; ***1837. Июля около 15 — августа не позднее 27–28 <июля около 3 — августа не позднее 15–16>. Баден-Баден, Страсбург, Баден-Баден***). — См. также ***1845. Января 14 — марта 1 <января 2 — февраля 17>. Париж***.

[9] «Тя благословим, высший Боже и Господи милости, творящаго присно с нами великая же и неизследованная, славная же и ужасная, ихже несть числа...» (молитва утренняя, шестая, святителя Василия Великого).

[10] Имеется в виду Великая суббота 25 марта / 6 апреля 1844 г., на которую приходился в том году праздник Благовещения Пресвятой Богородицы.

[11] В среду и пятницу в продолжение Великого Поста служится Литургия преждеосвященных даров.

[12] Ж. Шарпантье.

[13] Дело милосердия (*фр.*).

[14] В 1888 г. В. И. Шенрок, со слов дочери Смирновой, Ольги Николаевны, пояснял: «Comte Rodolphe de Maistre, сын знаменитого автора “Soirées de St. Petersbourg de Pape” и пр. (Joseph de Maistre). Rodolphe был gouverner de Nice в 1844 г. А. О. Смирнова очень сблизилась со всем его семейством в Ницце в 1844 г. Она имела к нему письмо от его дяди, Comte Xavier de Maistre, автора “Voyage autor de ma chambre”. Граф Xavier был женат на родной тетке Нат. Ник. Пушкиной <Софье Ивановне Загряжской>. Rodolphe de Maistre старался переманить А. О. Смирнову в католичество» (<Воспоминания О. Н. Смирновой о Гоголе в статье В. И. Шенрока «А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь» (1888)> // *Свод.* Т. 2. С. 302).

[15] «Да молчит всяка плоть человека...» — песнопение, исполняемое на Божественной Литургии в Великую Субботу.

[16] «Александр Ив. Тургенев умер в 1845 году, брат Ник. Ив. (декабриста); дядя А. О. Смирновой, Ник. Ив. Лорер, был один из декабристов, его записки печатались (не полные) в “Русском Архиве”; там же печатались также очень краткие воспоминания А. О. Смирновой, Ник. Мих. Смирнова и Аркадия Ос. Россета (брата А. О. Смирновой). “Воспоминания знатной дамы” П. И. Бартенев написал с рассказов А. О. Смирновой« (примечание О. Н. Смирновой: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 6. С. 600).

[17] «Князь Николай <Иванович> Мещерский <1798–1853>, женатый на княжне Алекс. <Ив.> Трубецкой <1802–1873>, был католик; он был разбит параличом; сын его, Эмануил, был флигель-адъютант покойного Государя и убит на Шипке в 1877 г.; дочь <Екатерина; род. в 1838> была за Oubrie <Убри> (посол наш в Берлине); она утонула в 1875 г. Брат кн<яжны Трубецкой, в замужестве> Мещерской князь Ник. <Ив.> Трубецкой <1807–1874>, был женат на графине Гудович <1818–1882> (скончалась за неделю до А. О. Смирновой), единственная дочь их<Екатерина, 1840–1875> была за послом кн<язем> Н. <А.> Орловым <1827–1885> и умерла в 1875 г. Другая сестра <Александры Ивановны> Мещерской <рожд. княжны Трубецкой> — г-жа <Аграфена Ивановна> Мансурова <рожд. княжна Трубецкая, 1795–1861>. Все эти личности и их дети были самые близкие друзья Смирновых.

Князь Николай <Ив.> Трубецкой также был католик, умер в начале 1870-х годов <в 1874>; был благороднейший добрейший человек. Княгиня <А. А.> Трубецкая, рожд. Гудович, была очень умна, начитана, но больная женщина и крайне оригинального нрава; она прожила 25 л<ет>, никогда не выезжала, но принимала у себя. Она была очень дружна с Mr Thiers <А. Тьер> и Henri Martin <А. Мартен> и с другими выдающимися писателями; умерла в Belle-fontaine (Fontaine-bleau, в 1882 г.).

Четвертый брат, Александр (Шарль) <князь Трубецкой> был тогда камер-пажом Императрицы Александры Феодоровны и дежурил при ней на свадьбе. Были также и вотчим моей матери, ген. Ив. К. Арнольди, и ее demi-frère <сводный брат; *фр.*> Ал. Ив. Арнольди (также в пажах тогда)» (примечания О. Н. Смирновой: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 6. С. 600–601).

[18] «Княгиня <Д. Х.> Ливен, вдова русского посла в Лондоне в 1830 годах; сам <Х. А.> Ливен был сын той княгини <Ш. К.> Ливен, которая воспитывала детей Павла Петровича и Марии Феодоровны» (примечание О. Н. Смирновой: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 6. С. 601).

[19] Франсуа Гизо (1787–1874), французский историк и государственный деятель.

[20] Елисейские Поля, центральная улица Парижа.

[21] Т. е. курса публичных леций о славянских литературах, читанных А. Мицкевичем в Париже в 1840-х гг.

[22] Анджей Товянский (1799–1878), главный, среди польских эмигрантов, идеолог «мессианизма» Наполеона I и Польши.

[23] Позднее, 12 апреля (н. ст.) 1844 г., Гоголь извещал графиню С. И. Соллогуб: «От Александры Осиповны получил письмо из Парижа <см. ***1844. Апреля 7 <марта 26>. Светлое Христово Воскресение. Праздники православной и католической Пасхи. Дармштадт***>. <...> О Париже пишет слегка, так что из слов ее видно только, что Париж в смутах и погрузнул весь в настоящее, не заглядывая ни в прошедшее, ни в будущее».

МАРТА 30 <18>. ЛАЗАРЕВА СУББОТА. ДЮССЕЛЬДОРФ, ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ, ДАРМШТАДТ

В. А. Жуковский едет из Дюссельдорфа в Дармштадт для говения и встречи с великим князем Александром Николаевичем. Проездом во Франкфурте встречается с Гоголем, который также отправляется в Дармштадт.

Жуковский записал в дневнике: «*Суббота 18/30 <марта>*. В 11 часов по железной дороге во Франкфурт. Встреча с Барановым[1] и с Адамом Виртембергским. Гоголь. <...> С Гоголем в Дармштат. Hotel de Russie»[2].

«В. А. Жуковский приехал в Дармштадт <...> 18/30 марта 1844 г. В дневнике В. Д. Олсуфьева отмечены его встречи с Жуковским под 19/31 марта, 21–24 марта / 2–5 апреля, 26 марта / 7 апреля. Тогда же Олсуфьев познакомился с Гоголем»[3].

В 1856 г. П. А. Кулиш, со слов Смирновой, сообщал: «Весною 1844 года А. О. С<мирно>ва уехала говеть в Париж, Гоголь в Штутгард, но вместо Штутгарта попал в Дармштадт»[4].

Из письма Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «Из Ниццы все потащились на север, я говела в Париже, Гоголь в Дармштадте»[5].

[1] Вероятно, имеется в виду граф Павел Трофимович Баранов (1815–1864).

[2] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 42.

[3] *Петров А. А.* Примечания // Письма В. Д. Олсуфьева В. А. Жуковскому / Публ. А. А. Петрова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2010. Т. XIX. С. 332.

[4] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 221; см. также: <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 246.

[5] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 260.

МАРТА 31 <19>. ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДАРМШТАДТ

День тридцатипятилетия Гоголя.

МАРТА 19 <31>. ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева начинает письмо к Гоголю (отправленное 9/21 апреля 1844 г.)[1]; поздравляет его с днем рожденья[2].

[1] См. ***1844. Апреля 9 <21>. Воскресенье. Москва.***
[2] См. ***1844. Марта 31 <19>. Вербное воскресенье. Дармштадт.***

АПРЕЛЯ 1 <МАРТА 20>. ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. ДАРМШТАДТ

В. А. Жуковский записывает в дневнике:

«*20 марта / 1 апреля.* Ввечеру чтение с Гоголем»[1].

Вероятно, Гоголь вместе с Жуковским читали вечернее молитвенное правило[2].

[1] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 42.
[2] См. также ***1844. Апреля 3 <марта 22>. Великая среда. Дармштадт.***

АПРЕЛЯ 1 <МАРТА 20>. ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. НИЦЦА

Графиня Л. К. Виельгорская получает[1] письмо Гоголя из Страсбурга[2].

[1] Судя почтовому штемпелю (см.: *Городецкий.* С. 444).
[2] См. ***1844. Марта 26 <14>. Вторник. Страсбург***; ***1844. Марта 27 <15>. Среда. Страсбург.***

АПРЕЛЯ 2 <МАРТА 21>. ВЕЛИКИЙ ВТОРНИК. ДАРМШТАДТ

Гоголь отправляет ответное послание Н. М. Языкову на два его письма из Москвы (от 12[1] и от 27[2] февраля 1844 г.):

«Бесценное письмо твое от февраля 12 дня я получил перед самым выездом из Ниц<ц>ы[3] и потому не имел времени отвечать. Оно меня обрадовало очень. Слава Богу, тебе лучше[4]. <...> Пришли мне пожалуйста, повелев прежде хотя положим Сильверсту[5] списать для меня, Оду твою к Давыдову[6], напечатанную в Московск<ом> наблюдателе, и Тригорское[7]. То и другое мне теперь очень нужно для некоторой статьи[8], уже давно засевшей в голове. Хорошо бы было прислать и весь том твоих сочинений[9]. Как мне досадно, что Боборыкин оказался пыщ и не взял тех книг, которых так сильно желала бы душа. Нельзя ли их поскорей нагрузить на кого-либо другого? Теперь же доставить их весьма легко в мои руки. Франкфурт, как известно, есть европейский пуп, куда сходятся все дороги, стало быть, его ни в каком случае не пропустит никакой путешественник, куда бы он ни ехал. <...> Хорошо бы очень, если бы как-нибудь достать свят<ых> отцов, издаваемых при Академии. <...> Если ж нельзя св<ятых> отцов, то купи хотя беседы Златоуста[10], издан<ные> в 2 томах, и присовокупи их к прочим книгам. <...> Если в сочинения Иннокентия[11] не включена книга его: *Обозрение богослужебных книг греко-российской церкви*[12], то купи также и эту книжку. За всё это тебя, конечно, возблагодарит Бог, потому что это есть настоящая помощь и милостыня ближнему и брату.

А Петра Миха<й>ловича[13] обними сильнейшим образом за меня и скажи ему, что я много бы дал за то, чтобы сделать это самому лично. А драгоценных выписок, посланных ко мне, я не получил и не могу придумать, где бы они могли засесть вместе с письмом. Напиши мне, каким путем

и чрез какие места были отправлены. Я буду здесь наводить справки повсюду. Пишу к тебе из Дармшта<д>та, куда засел говеть, где находится и Жуков<ский>, тебе кланяющийся, и где, как известно тебе, гостит ныне Государь Наследник[14], который пробудет здесь еще неделю, а потом отправится в Россию. <...>

Обними всех Хомяковых, Свербеевых и всех близких нам, не пропуская никого. Где буду зимовать, не знаю. Лето, вероятно, пробуду где-нибудь на водах или же на морских банях. Многие недуги одолевают иногда сильно. Отсюда еду советоваться к Коп<п>у. Письма адресуй всегда во Франкфурт или на имя Жуковского, или в посольство, или прямо Poste restante, должны дойти всячески».

[1] См. ***1844. Февраля 12 <24>. Суббота. Москва.***

[2] См. ***1844. Февраля 27 <марта 10>. Воскресенье. Москва.***

[3] См. ***1844. Марта около 19 <7>. Ницца.***

[4] См. также ***1852. Февраля 16. Суббота. Шестой день Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Москва*** (примечания).

[5] Сильвестр, слуга Н. М. Языкова.

[6] См. ***1835. Ноября 19. Вторник. Москва***; ***1835. Ноября конец — декабрь. Санкт-Петербург.***

[7] См. ***1827. Января 15. Суббота. Москва.***

[8] Возможно, речь идет о статье *XV. Предметы для лирического поэта в нынешнее время. (Два письма к Н. М. Я<зыкову>)*, напечатанной в 1846 г. в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (см. ***1844. Декабря 2 <ноября 20>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Декабря 26 <14>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1845 января 2 <1844 декабря 21>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***), или о первоначальных редакциях двух статей той же книги — *X. О лиризме наших поэтов. (Письмо к В. А. Ж<уковско>му)* и *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность.* В последних двух статьях Гоголь цитирует стихотворение Языкова «Тригорское»; в статье «О лиризме...» обращается к Жуковскому: «Поведем речь о статье, над которою произнесен смертный приговор, т. е. о статье под названием: *О Лиризме наших Поэтов.* Прежде всего благодарность за смертный приговор. Вот уже во второй <раз> я спасен тобою, о мой истинный наставник и учитель! Прошлый год твоя же рука остановила меня, когда я уже было хотел послать Плетневу в Современник мои сказанья о Русских поэтах <см. ***1845. Марта 3 <февраля 19> — мая 15 <3>. Франкфурт-на-Майне***>; теперь ты вновь предал уничтоженью новый плод моего неразумия».

[9] «Стихотворения Н. Языкова» (СПб., 1833).

[10] «Беседы на Евангелиста Матфея» (М., 1839. Т. 1–3). – См. также ***1843 ноября 19 <7> — 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца*** (примечания).

[11] Изданы в 1843 г. в Москве М. П. Погодиным: Сочинения *Иннокентия, Епископа Харьковского и Ахтырского.* Издал Москвитянин. М.: В типографии Николая Степанова, 1843. Т. 1. 486 с.; М.: В Университетской Типографии, 1843. Т. 2–3. 500 + 364 с. В бумагах Гоголя сохранилась выписка из т. 43 «Журнала Министерства Народного Просвещения» за 1844 г. с изложением 5–12 глав книги святителя Иннокентия «О грехе и его последствиях: Беседы на Святую Четыредесятницу» (изложение И. Д. Галанина) (*Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 135–140). В 1845 г. Н. Н. Шереметева посылала также Гоголю книгу святителя «Молитва св. Ефрема Сирина. Беседы на Святую Четыредесятницу» (Харьков, 1844). Кроме того, в погодинском «Реестре книгам, отправленным из Москвы в Рим Гоголю 1841 года июля 11 дня» значатся «Проповеди» святителя, изданные в Киеве в 1834 г. (*Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 723).

[12] <*Григорьев Н. А., святитель Иннокентий (Борисов)*>. Историческое обозрение богослужебных книг Грекороссийской Церкви (1836; 2-е изд. Харьков, 1843).

[13] П. М. Языков (см. *1844.* ***Февраля 27 <марта 10>. Воскресенье. Москва***).

[14] Александр Николаевич.

АПРЕЛЯ 3 <МАРТА 22>. ВЕЛИКАЯ СРЕДА. ДАРМШТАДТ

В. А. Жуковский отмечает в дневнике:

«*22 марта / 3 апреля.* Ввечеру чтение с Гоголем»[1].

Вероятно, Гоголь вместе с Жуковским читали каноны и последование ко Святому Причащению[2].

[1] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 42.

[2] См. ***1844. Апреля 4 <марта 23>. Великий четверг. Дармштадт.***

АПРЕЛЯ 4 <МАРТА 23>. ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ. ДАРМШТАДТ

Вероятно, в этот день Гоголь приобщается Св. Христовых Таин в русской церкви в Дармштадте[1]. В тот же день получает письмо из Ниццы от графини Л. К. Виельгорской (не сохранилось).

Позднее, 12 апреля (н. ст.) 1844 г., Гоголь отвечал графине Л. К. Виельгорской: «Благодарю вас, графиня, за прекрасное письмо ваше. <...> Радуюсь от всей души дарованью вам внука[2] и тому, что вы посветлели духом, сколько можно видеть из письма. Письмо это, точно подарок, пришло ко мне тотчас после приобщения Св<ятых> Тайн».

В тот же день, 12 апреля (н. ст.) 1844 г., Гоголь писал также графине Анне М. Виельгорской: «Я видел вашу приятельницу[3] и вручил ей письмо. Занятый говеньем, я был с ней редко, да и не было как-то предметов для разговоров».

[1] См. ***1844. Апреля 3 <марта 22>. Великая среда. Дармштадт***; ***1844. Апреля 6 <марта 25>. Великая Суббота. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Дармштадт***.

[2] Михаил Алексеевич Веневитинов, сын сенатора А. В. Веневитинова и старшей дочери Л. К. Виельгорской, Аполлинарии Михайловны (впоследствии археолог, историк и писатель), родился 25 февраля 1844 г. (ум. в 1901).

[3] Лицо неустановленное. – См. также ***1843. Апреля средина – мая 2 <апреля начало – апреля 20>. Рим*** (примечания).

МАРТА 24 <АПРЕЛЯ 5>. СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА. ВАСИЛЬЕВКА

Умерла сестра Гоголя Мария Васильевна Трушковская. Возможно, в этот же день мать Гоголя известила об этом сына в письме во Франкфурт[1], а также Н. Н. Шереметеву – в письме в Покровское.

Позднее, 8 июня 1844 г., Шереметева отвечала М. И. Гоголь: «Как вы описываете о последних минутах Марьи Васильевны, вас должно это успокоить и даже утешить, что она с таким чувством переселялась на вечное блаженство...»[2]

[1] См. ***1844. Мая 16 <4>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Франкфурт-на-Майне***.

[2] Из писем Н. Н. Шереметевой // *Свод*. Т. 3. С. 544.

АПРЕЛЯ 6 <МАРТА 25>. ВЕЛИКАЯ СУББОТА. ПРАЗДНИК БЛАГОВЕЩЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ДАРМШТАДТ

Гоголь отправляет поздравительное письмо к матери в Васильевку:

«Христос Воскрес! Пишу к вам накануне Светлого Воскресенья, только что отговевшись[1] в Дармштадте, где наша церковь. <...> Сестре моей Марии[2] от всей души желаю утишения болезней... <...> Сестре Анне от всей души желаю преодоления лени, сестре Елисавете терпения и веры, сестре Ольге расторопности и совершенного познания хозяйства, а всем вместе побольше занятия и труда, без которых жизнь мертва и прямых удовольствий нет. <...> Упреки спасительны: чем больше живешь и чем становишься лучше, тем больше жаждешь упреков. <...>

Благодарю вас много, маминька, за последние два письма ваши[3], <...> в каждой строке этих писем уже начинает отражаться душевное спокойствие, нет и следов той рассеянности, которая была

видна часто в ваших письмах... <...> Вы благодарите Бога за то, что смирил вас. <...> Мы бы все были умны, светлы, в несколько раз умнее, чем мы есть, если бы умели *смириться*. Тогда бы Сам Бог правил нашими словами и действиями, а чему коснется Бог, то уже *премудро*. Письма Ваши адресуйте в Франкфурт на Майне Poste restante».

[1] См. ***1844. Апреля 4 <марта 23>. Великий четверг. Дармштадт.***

[2] См. ***1844. Марта 24 <апреля 5>. Страстная пятница. Васильевка.***

[3] Письма не сохранились.

АПРЕЛЯ 7 <МАРТА 26>. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИКИ ПРАВОСЛАВНОЙ И КАТОЛИЧЕСКОЙ ПАСХИ. ДАРМШТАДТ

Гоголь пишет поздравительные письма к А. О. Смирновой в Париж, к В. О. Балабиной и, вероятно, к М. П. Балабиной в Петербург (последнее письмо не сохранилось)[1].

В письме к Смирновой, являющемся ответом на ее послание из Парижа[2], пишет: «Христос Воскрес! <...> Любовь Божья так безгранично безмерна к людям[3], что если бы мы прозревали поглубже в смысл всех совершающихся с нами событий, то, вероятно, вся жизнь наша обратилась бы в одни слезы благодарности. <...> ...Будьте светлы и старайтесь насильно быть светлу и веселу душой. Недавно прочел я, что, стараясь засмеяться смехом души, мы уже призываем ангела на уста наши, который помогает нам потом действительно засмеяться таким смехом. Всё до последней мелочи мы должны приобретать в сей жизни насильно, и ничего не дается нам даром.

В письме вашем, несмотря на успокоение ваше, дышит что-то тревожное. Вы способны увлекаться, это вы должны помнить беспрерывно. Берегитесь всего страстного, берегитесь даже в божественное внести что-нибудь страстное. Совершенного небесного бесстрастия требует от нас Бог и в нем только дает нам узнать себя. <...> Вы спрашиваете, нет ли у меня средства для того, чтобы заставить душу пребывать в одном и том же состоянии. <...> Средство это состоит в том, чтобы, оставя на время собственное положение и обстоятельства, как бы они тревожны ни были, заняться положеньем других, близких нам людей... <...> Как бы то ни было, но когда я, бросивши свои трудные обстоятельства, принимался за таковые же другого или даже за размышление о них, душа моя приобретала покой среди беспокойства и мои собственные обстоятельства представлялись потом в яснейшем виде, и я легко находил средства чрез то помочь самому себе. Так тесно мы связаны друг с другом в этом мире! Я начинаю думать, что если и чувствуем мы тоску или глупое состояние души, то это, верно, для того, чтоб в это время вспомнить о ком-либо другом, а не о себе. <...> ...Во Франкфурте поговорим обо всем поболее. <...>

От графини Виельгор<ской> получил письмо[4]. Слава Богу, она покойна. Рожденье внука Веневитинова на нее подействовало, как видно, благодетельно. Софья Мих<айловна>[5], кажется, едет с Софьей Иван<овной>[6]; впрочем, это как-то не решено... Решено ехать ей из Вены в Баден, куда прямо отправляется в конце апреля граф Виельг<орский>. Я думаю, я также поеду в Баден встретить их[7]. Баден теперь хорош. Терраца пуста, и публики, без сомненья, не будет никакой, а потому, может быть, и вы заглянете туда. Тем более, что Жуковский раньше первых чисел мая не утверждается во Франкфурте. Он теперь в Дармшта<д>те один, по случаю наследника. Адресуйте по-прежнему во Франкфурт».

Из письма В. О. Балабиной: «Христос Воскресе! От всей души и от всего сердца поздравляю Вас с Светлым праздником, Марью Петровну со всеми вашими детьми и внуками и всем, что близко вашему сердцу. О друзьях моих я вспоминаю всегда, но в день Светлого Воскресенья больше, чем когда-либо».

[1] См. ***1844. Апреля 14 <26>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1844. Марта 29 <17>. Пятница. Париж.***

[3] Позднее, в письме к Смирновой от 20 апреля (н. ст.) 1844 г. из Франкфурта, Гоголь пояснял: «Перемена, случившаяся с Перовским <см. ***1844. Апреля 14 <2>. Фомино воскресенье. Париж***>, есть действие Божие... <...> Но случаются в нынешние времена события еще изумительнее, непрекрасные души подвигаются и делаются прекрасными, почти бесчувственные потрясаются. Я получил скоро после говенья моего с разных сторон письма, все исполненные свидетельств любви Божией <4 апреля (н. ст.) 1844 г., "тотчас после приобщения Св<ятых> Тайн", Гоголь получил письмо от графини Л. К. Виельгорской; см. ***1844. Апреля 4 <марта 23>. Великий четверг. Дармштадт***>. Вот почему я вам написал в прежнем письме: Велика и беспредельна к нам любовь Божия, не в силах будучи ничего сказать другого». Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Наследие незавершенного: «Ночи на вилле» Н. В. Гоголя как биографический документ (в печати).

[4] См. ***1844. Апреля 6 <марта 25>. Великая Суббота. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Дармштадт.***

[5] Графиня Соллогуб (рожд. графиня Виельгорская), жена графа В. А. Соллогуба.

[6] Графиня Соллогуб, мать В. А. Соллогуба.

[7] См. ***1844. Мая около 20 <около 8>. Баден-Баден***; ***1844. Июня 19 <7>. Среда. Баден-Баден.***

АПРЕЛЯ МЕЖДУ 7 И 12 <МАРТА МЕЖДУ 26 И 31>. ДАРМШТАДТ, ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь, возможно, вместе с В. А. Жуковским, приезжает из Дармштадта во Франкфурт[1] (Жуковский из Франкфурта отправился далее в Дюссельдорф).

12 апреля (н. ст.) 1844 г. Гоголь извещал графиню С. И. Соллогуб: «Жуковский вам кланяется. Он еще не утвердился совершенно во Франкфурте, приезжал говеть в Дармшта<д>т и отправился в Дюссельдорф. Наследник[2] уехал тоже в Голландию и в Дюссельдорф по дороге к Жуковскому на обед».

Незадолго до приезда Гоголя во Франкфурт, в Великий вторник 21 марта / 2 апреля 1844 г., здесь была основана малая домовая церковь при русской миссии[3]; первым настоятелем храма стал иерей Иоанн Иоаннович Базаров[4] (1819–1895) (с 1853 г. – протоиерей).

[1] См. ***1844. Апреля 7 <марта 26>. Светлое Христово Воскресение. Праздники православной и католической Пасхи. Дармштадт***; ***1844. Апреля 12 <марта 31>. Пятница Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне.***

[2] Александр Николаевич.

[3] См.: *Мальцев Алексий, протоиерей, настоятель русской посольской церкви в Берлине.* Германия в церковно-религиозном отношении с подробным описанием православно-русских церквей. Пг., 1903. Стб. 76.

[4] См.: *Мальцев А. П., протоиерей.* Берлинский Братский Ежегодник. Православные церкви и русские учреждения за границею. Справочник с календарем на 1906 год. СПб., 1906. С. 62.

АПРЕЛЯ 11 <МАРТА 30>. ЧЕТВЕРГ. ПАРИЖ

А. И. Тургенев записал в дневнике:

«...К Смирновой, где и остался до 6 часов. <...> Остались одни: письма Гоголя к Смир<новой>, полные чувства и религии[1]: рекомендует книги[2]. Много о нем Смирнова: живет немногим, устроил сестер; пишет – нервы. Мне пришло на мысль пригласить его путешествовать вместе; и потом издать с ним переписку[3]. Я не ожидал в нем такой глубины в христианстве»[4].

Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 78.

[1] Речь, вероятно, идет о письмах Гоголя к А. О. Смирновой от 20 и 26 марта, от 7 апреля (н. ст.) 1844 г. (см. ***1844. Марта 18 <6>. Понедельник. Ницца***; ***1844. Марта 20 <8>. Среда. Экс***; ***1844. Марта 26 <14>. Вторник. Страсбург***; ***1844. Апреля 7 <марта 26>. Светлое Христово Воскресение. Праздники православной и католической Пасхи. Дармштадт***).

[2] «Философские произведения» Ж. Б. Боссюэта (см. ***1844. Марта 26 <14>. Вторник. Страсбург***).

[3] См. также ***1844. Апреля 27 <15>. Суббота. Париж***.

[4] См. также письмо А. И. Тургенева к князю П. А. Вяземскому от 15/27-го апреля 1844 г. (***1844. Апреля 27 <15>. Суббота. Париж***). Позднее А. И. Тургенев высказал свое мнение о письмах Гоголя, адресованных Смирновой, самому писателю. Очевидно, это состоялось при последующей встрече Тургенева с Гоголем 7/19 сентября 1844 г. в доме В. А. Жуковского во Франкфурте (см. ***1844. Сентября 19 <7>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***). Вследствие высказанного Тургеневым мнения Гоголь 24 октября (н. ст.) 1844 г. писал Смирновой из Франкфурта: «Я позабыл <сделать> вам не упрек, но вроде его. Мне кажется, что вы напрасно показываете мои письма, [то есть я говорю о письмах, которые] в Париже вы показали Тургеневу. Из этого выходит что-то странное. Я получил нечто вроде комплимента за благородство чувств. Письма, особенно в роде этого, которое пишу к вам, должны оставаться между нами».

Возможно, высокая оценка Тургеневым писем Гоголя («коего переписка лучше книг его, ибо душа в ней слышнее»; см. ***1844. Апреля 27 <15>. Суббота. Париж***), послужила толчком к возникновению замысла «Выбранных мест из переписки с друзьями», о начале работы над которыми Гоголь сообщил Смирновой спустя год, в письме от 2 апреля (н. ст.) 1845 г., по поводу задуманного еще в 1842 г. (см. ***1842. Февраля 6. Пятница. Москва***) паломничества к Святым Местам: «...Пока не съезжу в Иерусалим, не буду в силах ничего сказать утешительного при свиданьи с кем бы то ни было в России. А потому молитесь обо мне <...>, чтобы Бог споспешествовал моему намерению, чтобы, во-первых, укрепил и послал мне возможность изготовить, что должен я изготовить до моего отъезда, и послать к вам, вместо меня, в Петербург. Это будет небольшое произведение и не шумное по названию в отношении к нынешнему свету, но нужное для многих и которое доставит мне в избытке деньги, потребные для пути».

АПРЕЛЯ 12 <МАРТА 31>. ПЯТНИЦА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет в Ниццу поздравительные письма графиням Л. К. и Анне М. Виельгорским, С. И. и С. М. Соллогуб (согласно почтовому штемпелю на письме к Л. К. Виельгорской[1], письма были отправлены на следующий день, 13 апреля[2]).

В письме к графине Л. К. Виельгорской[3], являющемся ответом на ее послание[4], Гоголь просит ее передать «душевный поклон графине <М. А.> Воронцовой и ее милой племяннице», а также сообщает: «Приеду в Баден к вам навстречу»[5].

В послании к графине Анне М. Виельгорской[6] Гоголь также писал: «...До приятного свиданья в Бадене. <...> Передайте от меня душевный поклон Марье Петровне[7] вместе с приветствием Христос воскрес».

В письме к графине С. М. Соллогуб[8] Гоголь восклицал: «Христос Воскрес! <...> Без сомнения, мы летом с вами увидимся. Передайте это маленькое письмецо графине Софье Ивановне».

Из письма к графине С. И. Соллогуб: «Христос Воскрес! <...> На днях я услышал такую глубокую, душевную историю с одним близким мне человеком, который несколько лет страдал душевным горем и сильнейшими телесными недугами, что я сей же час ухватился за перо, чтобы сказать вам, что сны[9] ваши прекрасны. Они знаки Божией милости. Приведите вашу душу в такое состояние, чтобы помолиться наяву так же, как помолились вы во сне, и ваша душа верно вам скажет лучше всяких мудрецов, что значат эти сны и чего ими Бог от вас хочет. <...>

Я остаюсь постоянно во Франкфурте и еще колеблюсь между морскими ваннами и какими-то вновь открытыми водами близ Франкфурта; говорю это потому, что между больными не бывает иного разговора, кроме о леченьях и недугах; а потому и Вы, Графиня, в оплату за такое с моей стороны учтивство, передайте хотя чрез Софью Миха<й>ловну[10] известие о себе».

[1] См.: *Городецкий*. С. 444.

[2] См. ***1844. Апреля 13 <1>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***.

[3] См. также ***1844. Марта 18 <6>. Понедельник. Ницца***.

[4] См. ***1844. Апреля 4 <марта 23>. Великий четверг. Дармштадт***.

[5] Ср. ***1844. Мая около 20 <около 8>. Баден-Баден.***
[6] См. также ***1844. Марта 18 <6>. Понедельник. Ницца***; ***1844. Апреля 6 <марта 25>. Великая Суббота. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Дармштадт.***
[7] Балабиной.
[8] См. также ***1844. Марта 18 <6>. Понедельник. Ницца.***
[9] См. ***1844. Марта 18 <6>. Понедельник. Ницца.***
[10] Графиня Соллогуб.

МАРТА 31 <АПРЕЛЯ 12>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

С. Т. Аксаков сообщает сыну Ивану в Астрахань:

«На сих днях получено еще письмо от Гоголя к нам троим: к Шевыреву, Погодину и мне[1]. Верочка списывает его для тебя. Я виделся еще с Языковым и получил от него два письма Гоголя к нему[2], которые глубоко проникли в мою душу. Я совершенно растерялся; решительно не знаю, что писать к нему? <...> Письма, прежде написанного уже до половины[3], я не имею духа послать к нему».

Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 584.

[1] См. ***1844. Февраля 14 <2>. Среда. Праздник Сретения Господня. Ницца.***
[2] От 15 февраля (н. ст.) 1844 г. из Ниццы и от 2 апреля (н. ст.) 1844 г. из Дармштадта.
[3] Письмо к Гоголю было отправлено С. Т. Аксаковым 17 апреля 1844 г. (см. ***1844. Апреля 17 <29>. Понедельник. Москва***); Гоголь отвечал на это письмо 16 мая (н. ст.) из Франкфурта (см. ***1844. Мая 16 <4>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Франкфурт-на-Майне***).

АПРЕЛЯ 13 <1>. СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет ответное[1] послание к А. С. Данилевскому в Киев; отправляет в Ниццу написанные накануне[2] письма к графиням Виельгорским и Соллогуб.

Из письма к Данилевскому: «Благодарю тебя очень за письмо от 3 марта (прежнего я не получал). <...> ...Должность твоя[3] недурна. <...> Все наслажденья наши заключены в пожертвованиях. Счастие на земли начинается только тогда для человека, когда он, позабыв о себе, начинает жить для других. Хотя мы вначале думаем совершенно тому противоположно, вследствие какого-то оптического обмана, который опрокидывает пред нами вверх ногами настоящий смысл. Только тоска да душевная пустота заставляет нас, наконец, ухватиться за ум и догадаться, что мы были в дураках. <...> Дети – будущие люди. Если на людей, уже утвердившихся в предрассудках и заблуждениях, можно подействовать и произвести часто благодетельное потрясение, то как не подействовать на детей, которые перед нами, что воск перед мрамором. Некоторые пути к тому уже в руках твоих: мы сами, лет пятнадцать тому назад, были школьниками и верно не позабудем долго этого времени. Припомнивши все детские свои впечатления и все обстоятельства и случаи, которые заставляли нас развиваться, можно легко найти ключ к душе другого и подействовать на устремление вперед способностей, хотя бы эти способности были заглушены или закрыты такой толстой корой, что способны даже навести недоумение насчет действительного существования их. <...>

Ты спрашиваешь: зачем я в Ницце и выводишь догадки насчет сердечных моих слабостей[4]. Это, верно, сказано тобою в шутку, потому что ты знаешь меня довольно с этой стороны. А если бы даже и не знал, то, сложивши все данные, ты вывел бы сам итог. Да и трудно впрочем тому, который нашел уже то, что получше, погнаться за тем, что похуже. Переезды мои большею частию зависят от состояния здоровья, иногда для освежения души после какой-нибудь трудной внутренней работы (климатические красоты не участвуют; мне решительно все равно, что ни есть вокруг меня), чаще для того, чтобы увидеться с людьми, нужными душе моей. Ибо с недавнего времени узнал я

одну большую истину, именно, что знакомства и сближенья наши с людьми вовсе не даны нам для веселого препровождения, но для того, чтобы мы позаимствовались от них чем-нибудь в наше собственное воспитанье[5], а мне нужно еще слишком много воспитаться. Посему о самых трудах моих и сочинениях могу тебе сказать только то, что строение их соединено тесно с моим собственным строением. Мне нужно слишком поумнеть для того, чтобы из меня вышло точно что-нибудь умное и дельное. Прочитавши это письмо мое, ты скажешь опять: и все-таки я ничего не знаю о нем самом. Что ж делать? Подобные упреки я не от одного тебя слышу. Мне всегда приписывали какую-то скрытность. Отчасти она есть во мне. Но чаще это происходит оттого, что не знаешь, откуда и с которого конца начать. <...> Напиши мне о гимназии? Как идет ученье, какие учителя, кто главный начальник, есть ли дети с способностями. Есть ли также в университете студенты, подающие надежды. Передай мой душевный поклон Алексею Васильевичу Капнисту, которого я и прежде уважал искренно, а теперь еще более за его дружбу к тебе. Напиши: в чем состоит его должность[6]. Прощай, целую тебя. Христос воскрес!

Во Франкфурте я проживу, может быть, все лето и осень, вместе с Жуковским, в его загородном домике».

[1] См. ***1844. Марта 3 <15>. Пятница. Киев.***

[2] См. ***1844. Апреля 12 <марта 31>. Пятница Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне.***

[3] В сентябре-октябре 1843 г. А. С. Данилевский получил место инспектора второго Благородного пансиона при Киевской первой гимназии (см. ***1844. Марта 3 <15>. Пятница. Киев***).

[4] Вероятно, до А. С. Данилевского дошли слухи об увлечении Гоголя А. О. Смирновой. Подробнее об этом см.: ***1837. Июля около 15 – августа не позднее 27–28 <июля около 3 – августа не позднее 15–16>. Баден-Баден, Страсбург, Баден-Баден*** (примечания).

[5] См. также ***1843 ноябрь <октября средина> – 1844 марта первая половина <марта начало>. Дюссельдорф или Ницца*** (примечания).

[6] Подполковник А. В. Капнист состоял тогда в должности уездного предводителя миргородского дворянства (см.: Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1844 год. СПб., <1844>. Ч. 2. С. 176).

АПРЕЛЯ 14 <2>. ФОМИНО ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПАРИЖ

А. О. Смирнова пишет ответное[1] письмо к Гоголю во Франкфурт:

«Последнее письмо ваше я получила, благодарю слезно за него; теперь же пишу вам, налагая на вас обязанность, за которую вы должны благодарить Бога. Я получила от Николая Михайловича[2] письмо; он пишет, что Василий Алексеевич Перовский[3] уже с месяц запирается, никого не принимает, в сильной тоске и приметным образом худеет. Письмо же, о котором я вам говорила[4], которое меня так огорчило и встревожило, было от него. <...> Спасите его[5]. Вам надо сейчас, не медля, помолясь Богу, ему писать. Вы не должны и намекнуть на меня. Начинайте с того, что вы узнали, что Алеше[6] лучше, и что его гувернер[7] им хвалится в письме к Овербек, и присовокупите, что в воспитании его не надобно упускать религию, именно нашу, из виду; отсюда польется тьма выводов, которые могут на него действовать. Укажите ему на Павского[8]; в таком состоянии души слова много значат. <...> Я здесь до 15 мая; у меня больна Надежда Степановна[9]; ее паралич разбил. В Баден я не могу быть; мы свидимся в Голландии; об этом еще вам напишу. Николай Михайлович едет в губернию по комиссиям, а я туда, т. е. в Петербург, дотащусь в августе».

[1] См. ***1844. Апреля 7 <марта 26>. Светлое Христово Воскресение. Праздники православной и католической Пасхи. Дармштадт.***

[2] Н. М. Смирнов, муж Смирновой.

[3] Позднее дочь А. О. Смирновой Ольга Николаевна сообщала: «Перовский (Вас<илий> Алекс<еевич>) – оренбургский губернатор. Письмо моего отца о нем к матери у меня; он боялся, что В<асилий> А<лексеевич> "pourrait se suicider" <смог бы кончить жизнь самоубийством; *фр.*; см. также ***1844. Февраль <января средина – февраля средина>. Ницца***> и пишет матери: "prévenez Gogol; je crois qu'il a de l'influence sur lui. Son spleen (хандра) est moral et physique. Je le trouve très changé. Vous savez quel cas je fais de cet homme et combien il est utile

a la Russie et dévoué au souverain et au bien. La réligion seule le soutiendrait" <предупредите Гоголя; я полагаю, что он имеет на него влияние. Сплин духовный и физический. Я это нахожу очень изменчивым. Вы знаете, какие надежды я возлагаю на этого человека и сколько он полезен России и предан государю и добру. Одна религия его поддержала бы; *фр.*>.

Отец мой был очень религиозный человек, но никогда не говорил о религии в гостиной; он был вполне православный и русский человек, но не отвергал ни Запада, ни всего, что есть хорошего в других вероисповеданиях. Он был дружен с А. С. Пушкиным, который его называл: *мой европейский боярин*. Познакомился мой отец с Пушкиным у Екат. Андр. Карамзиной; она его знала в Москве еще ребенком, была с его матерью в дружеских сношениях...» (примечание О. Н. Смирновой: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 6. С. 604).

[4] См. ***1844. Марта 29 <17>. Пятница. Париж.***

[5] См. также ***1844. Февраль <января средина – февраля средина>. Ницца.***

[6] Внебрачный сын В. А. Перовского. Подробнее см. ***1843 января 9 <1842 декабря 28>. Понедельник. Рим*** (примечания).

[7] Грена, гувернер А. В. Перовского (см. ***1844. Сентября 26 <октября 8>. Вторник. Санкт-Петербург***).

[8] Протоиерей Герасим Петрович Павский (1787–1863), известный ученый.

[9] Няня младшей дочери Смирновой Надежды. – См. также ***1844. Мая 6 <апреля 24>. Понедельник. Париж*** (примечания).

АПРЕЛЯ 17 <5>. СРЕДА. ДАРМШТАДТ

В. Д. Олсуфьев сообщает В. А. Жуковскому в Дюссельдорф:

«Письмо твое, любезный друг Жуковский, получил и спешу уведомить тебя, что по докладу моему Его Высочество изъявил согласие на перевод твоего долга[1] Гогелю на прописанных тобою условиях. <...> Жене и Рейтерну прошу поклониться, малютку же поцеловать. Кланяйся и Гогелю».

Письма В. Д. Олсуфьева В. А. Жуковскому / Публ. А. А. Петрова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2010. Т. XIX. С. 316.

[1] Речь идет о 4000 рублей, которые наследник Александр Николаевич в начале 1840 г., по просьбе Жуковского, дал ему взаймы для Гоголя (см. ***1840. Января около 13. Санкт-Петербург***). – См. также ***1844. Мая 25 <13>. Берлин – Франкфурт.***

АПРЕЛЯ 7 <19>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщает М. Г. Карташевской:

«Это время мы перечитывали опять Мертв<ые> Души; их брат[1] читал вслух по главе каждый день. – Вот уже и срок подходит[2], а Гоголь ни слова об нем (о втором томе), видно, не готов. Он писал, что работа у него шла не успешно. Что будет в другом томе, он непременно должен отпечатать в себе состояние теперешнего духа Гоголя, все его письма наполнены каким-то чудным, необыкновенным направлением»[3].

В тот же день Н. М. Языков писал родным:

«Получил я письмо от Гоголя[4]: он теперь в Дармштадте, где и Жуковский, потому что Его Высочество Наследник будет там через неделю, и Наследник собирается в Россию. Гоголь собирается лечиться и будет советоваться с Коппом и поедет летом купаться в море. Гоголь вообще, слава Богу, здоров, но то и дело выдумывает себе болезни и часто неудачно, потому что вовсе не знает, так сказать, анатомию тела человеческого; так, например, по его мнению, сердце находится в правом боку, а там, где обыкновенно сердце, он полагает желудок. Он теперь пишет что-то о современной русской поэзии; велит мне для этого прислать ему во Франкфурт мои стихотворения. Но с кем

пошлю я их и их же у меня нет! Я пошлю ему новый указ о пребывающих за границей[5]: не побудит ли это его восвояси; ведь ему, который живет своими трудами, 200 р<ублей> сереб<ром> в год сущая не-безделица. Ему этих денег станет на полгода в Германии или Италии»[6].

[1] К. С. Аксаков.

[2] См. ***1842. Мая 21. Четверг. Москва.***

[3] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 842.

[4] См. ***1844. Апреля 2 <марта 21>. Великий вторник. Дармштадт.***

[5] Имеется в виду указ «О дополнительных правилах на выдачу заграничных паспортов» от 15 марта 1844 г., один из пунктов которого гласил: «Взыскивать пошлины с каждого лица обоего пола, в паспорте означенного, за выдачу заграничного паспора, кроме платы за бланкеты, по 100 рублей серебром за каждые шесть месяцев» (Внутренние известия // Северная Пчела. 1844. 30 марта. № 70. С. 277; см. также: 17731. Марта 15. Именный, данный Сенату, распубликованный 24 Марта. О дополнительных правилах на выдачу заграничных паспортов // Полн. собр. законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1845. Отд. 1. 1844. С. 196). – См. также ***1843. Февраля 16 <4>. Четверг. Рим*** (примечания).

[6] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 166.

АПРЕЛЯ 19 <7>. ПЯТНИЦА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь получил письмо от А. О. Смирновой из Парижа.

См. ***1844. Апреля 14 <2>. Фомино воскресенье. Париж***; ***1844. Апреля 20 <8>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

АПРЕЛЯ 20 <8>. СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет ответное[1] письмо к А. О. Смирновой в Париж и послание к В. А. Перовскому в Петербург.

В письме к Смирновой Гоголь сообщает: «Вчера[2] получил письмо ваше и спешу отвечать. Письмо ваше писано в прекрасном движении оказать истинную помощь, но вы не взвесили весьма многого... <...> Вы требуете от меня того, что один только святой или, справедливее, сам Бог только может исполнить. Именно вы требуете, чтобы я, не заглянувши прежде моими собственными глазами в душу другого, отвечал бы на все вопросы его души. Вы хотите, чтобы я написал Перовскому письмо, послужившее бы ответом прямо на его душевную тревогу. <...> Нет и двух человек, одаренных одними и теми же способностями, а потому и дороги к ним не одни и те же и почти ко всякому розные. Потому-то и повелено нам нежное снисхождение к брату, т. е. повелено снизойти прежде к его природе любовью и с участием рассмотреть всё, что у него болит, и вовсе не полагаться на голос гордости нашей, говорящей нам, что мы уже совершенно его знаем. Нет, до тех пор, пока одним путем божественной любви, а не чем-либо другим, не взойдешь, как нежнейший брат, в душу своего брата, пока не узнаешь ее, как свою собственную, пока не почувствуешь, что находишься сам в этой душе, как бы в родном и собственном своем теле, до тех пор будет бессильна наша душевная помощь или далеко не выполнит того, что должна выполнить. Итак, я думал по всей справедливости, что *ваше* письмо к Перовскому будет иметь на него гораздо больше действия, чем мое. Вы несравненно более знаете его природу, качества души его и все те мелкие излучины и оттенки ее, которые обнаруживаются беспрестанно в чистосердечных и искренних разговорах. А я даже никогда не имел с ним и разговора долгого и по чему-нибудь дельного и серьезного. <...>

Перовскому я буду полезен после. Я [написал] послал к нему теперь самое коротенькое письмо (которого экземпляр черновой прилагаю вам). Это больше вызов на письмо. Если он напишет мне сколько-нибудь откровенное письмо, я уже буду знать тогда, против чего и как поступить... <...> Об Алеше[3] я пишу вовсе не потому, чтобы употребить это тонким и хитрым предлогом письма, но потому, что я об этом уже давно хотел писать, это знает и Аркадий Осипович[4]. Намекаю я на об-

стоятельство, случившееся во время говенья[5], потому, что в этом, точно, есть что-то изумительное. Упомянул я о Павском[6], потому что это может быть для него полезно. Наконец намекнул на душевный голос, говорящий мне, что я буду ему полезен, потому что точно чувствую его в себе... <...> Вы напишите ему, что я писал к вам и делал запрос о нем по поводу какого-то душевного события, <...> что вы мне написали в одних общих и неясных фразах, как оно отчасти и в самом деле так, и сказали мне, что он теперь истинный христианин. Посоветуйте ему также переговорить кой о чем со мной, опираясь на том, что я много читал и даже [весьма многое] не так, как читается вообще, а часто с толком, что и точно так. Мне казалось бы, что ему не худо было б<ы> проездиться за границу. Ваша боязнь насчет могущего быть с ним отчаяния напрасна: куда взошел уже Бог, там нет места отчаянию. Вы напрасно сравниваете нынешнее его положение с положением в Оренбурге: эти два состояния души так далеки друг от друга, как земля от неба. Донесение Николая Миха<й>ловича[7] должно принять в буквальном смысле, как оно и есть. Взгляд его есть взгляд всякого светского человека, в самую душу не заглядывающего. Весьма натурально, что они принимают за сильную тоску одно желание избежать встречи, что очень естественно в таком состоянии. Перемена, случившаяся с Перовским, есть действие Божие, но, признаюсь, я всегда ожидал сего в душе, да и нет никакой причины думать, чтобы добрая и прекрасная душа не делалась еще добрее и прекраснее. <...>

...Напишите мне весь маршрут свой. Письмо адресуйте в Баден[8]. Если будете во Франкфурте, известите об этом, я могу приехать навстречу. Если же свиданье в Голландии, то напишите обо всем обстоятельно, где и как. Нам теперь придется много, много о чем поговорить; может быть, теперь точно я буду вам наконец полезен. Меня посылают в Остенде на морские волны, говоря, что это даже непременно нужно для нынешнего состоянья моего здоровья, а так как это по близости Голландии (на карту я еще не глядел), то, вероятно, мы будем иметь случай увидеться подолее и поговорить поболее, что будет весьма нужно прежде отъезда вашего в Россию».

В письме к Перовскому Гоголь сообщает: «Я к вам давно хотел писать по поводу Алеши. Об этом верно вам сказал Арк<адий> Осип<ович> Россет[9]. Хотел писать к вам именно тогда, когда вы думали отправить его за границу, не оставлял этого намерения даже и тогда, когда ему сделалось лучше и когда вы решились оставить его в Петербурге. Но всякий раз приходил в затруднение исполнить, видя, что потребны слишком умные и долгие разговоры, и не будучи уверен в себе, могу ли я представить ясно и убедительно другому то, в чем уже убежден сам.

Теперь решился, понуждаемый уже другим побужденьем, сказать вам хотя главное дело прямо в двух словах, откладывая всякое объяснение на после. Позаботьтесь о душевном, а не о телесном здоровьи Алеши. Это ему слишком нужно. Переговорите с каким-нибудь умным и опытным священником, который бы был притом истинно христианской жизни, хоть например с Павским. Много есть таких глубоких тайн в душе человека, которых мы не только не подозреваем, но не хотим подумать, что и подозревать их надобно. Как бы ни был бесчувствен человек, как бы ни усыплена была его природа, в две минуты может совершиться его пробуждение. Нельзя даже ручаться в том, чтобы развратнейший, презреннейший и порочнейший из нас не сделался лучше и святее всех нас, хотя бы пробужденье случилось с ним за несколько дней до смерти. А потому, если вы предадитесь безнадежности или же отчаянью насчет Алеши, то этот грех будет сильнее всех грехов. Но довольно. Я знаю, что мне следует поговорить с вами о многом и даже о вас самих. Во время говенья со мной случилось одно душевное явленье, имевшее прямо отношение к вам. Вот уже два раза вы входите ко мне во время моего говения. Помните ли в Риме, когда вы нечаянно попали в переднюю церкви, где собраны были все исповедывавшиеся, в числе которых был я[10]... <...> Теперь во время говенья моего в Дармштадте[11]... но об этом мне не следует говорить. Впрочем, дело не о каких-либо видимых символах, а о внутренних душевных явлениях. В душе моей загорелось сильное желанье знать о вас, это не бывает даром. Я послал запрос о вас к Александре Осиповне в Париж. Ради Бога, напишите мне хотя в немногих словах о душевном состоянии как Алеши, так и о вашем собственном. Это мне очень нужно. <...>

Жуковский теперь утверждается во Франкфурте и я с ним. Как бы было хорошо, если бы вы приехали сюда на два или на три месяца вместе с Алешей. <...> Душевный голос говорит мне, что

мне удастся вам сделать какую-то услугу. Письмо адресуйте во Франкфурт на имя Жуковского. Его еще нет, но через две недели он переезжает»[12].

[1] См. ***1844. Апреля 14 <2>. Фомино воскресенье. Париж.***

[2] См. ***1844. Апреля 19 <7>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

[3] Внебрачный сын Перовского. Подробнее см. ***1843 января 9 <1842 декабря 28>. Понедельник. Рим*** (примечания).

[4] Россет. – См. ***1844. Февраль <января средина – февраля средина>. Ницца.***

[5] См. ***1843. Марта 10–11 <февраля 26–27>. Пятница-суббота первой недели Великого Поста; или апреля 19–22 <7–10>. Великая среда – Великая суббота. Рим.***

[6] Протоиерей Герасим Петрович Павский.

[7] Смирнов, муж А. О. Смирновой.

[8] См. ***1844. Мая около 20 <около 8>. Баден-Баден.***

[9] См. ***1844. Февраль <января средина – февраля средина>. Ницца.***

[10] См. ***1843. Марта 10–11 <февраля 26–27>. Пятница-суббота первой недели Великого Поста; или апреля 19–22 <7–10>. Великая среда – Великая суббота. Рим.***

[11] См. ***1844. Апреля 1 <марта 20>. Великий понедельник. Дармштадт***; ***1844. Апреля 3 <марта 22>. Великая среда. Дармштадт.***

[12] См. ***1844. Мая 25 <13>. Троицкая родительская суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Около июня 8 – июля 24 или 25 <около мая 27 – июля 12 или 13>. Франкфурт-на-Майне.***

АПРЕЛЯ 9 <21>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Н. Н. Шереметева посылает Гоголю в Ниццу ответное[1] письмо, начатое за три недели перед тем, 19/31 марта 1844 г.[2], в день рожденья Гоголя:

«Покровское. Марта 19.

Поздравляю возлюбленного новорожденного столь близкого душе моей! <...>

Марта 26. <Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи>.

Христос Воскресе! <...> С Великим праздником при радостном услышании – Христос Воскресе! – как вспомнилось о вас, и с любовию во Иисусе Христе вас поздравила. <...> Меня же Господь для такого Великого праздника сподобил приобщиться Святых Таин, и в это время и вспоминала, и молилась о вас, как о своих. <...>

Апреля 8.

На днях, мой милый друг, имела утешение получить ваше письмо, оно с первой строки душевно порадовало: едете в Штутгард говеть и встретить в нашей церкви Великой праздник, да сохранит вас Господь на всю жизнь в сих чувствах. Вы не ошиблись, что в эту минуту взаимно вспомним; благодарю, мой друг, за уверенность. <...> ...Да благословит Отец Небесный ваши труды и по окончании оных сподобит вас свершить свое благое намерение поклониться Святым Местам... <...>

Вам угодно, чтобы я сказала мое опасение за вас. Извольте, помолясь, приступаю. Знайте, мой друг, говорю, как перед Богом, пред Коего мы некогда все предстанем, слухи, может, и несправедливы, но приезжавшие все одно говорят, и оттуда пишут то же, что вы предались одной особе, которая всю жизнь провела в свете и теперь от него не удалилась[3]. Быв уже так долгое время вместе с сим человеком, послужит ли эта беседа на пользу душе вашей. <...> Женщина, которая перед Олтарем произносит клятвы, в коих Всевышний Сам свидетель – нарушить их ужасно; счастлива – благодари Господа, а суждено иначе – терпи до гроба и храни свято свои обязанности. <...> Часто думала и думаю, что вы печетесь о ее обращении; помоги вам Господи и дай Боже и ей и нам и всем спастись. Это главное, а прочее все *минута*. <...> Прощайте, с нетерпением буду ждать вашего ответа[4]. <...> Сегодня от общих друзей наших Аксаковых получила, они печальны болезнию доброй Ольги Сергеевны[5]. Все семейство отлично хорошо, и я часто в душе моей повторяю вам мою благодарность за их постоянную ко мне дружбу. <...>

<9 апреля>

Вот и кончаю нынче 9. И ровно через месяц Николин день. Поздравляю, мой друг, с именинами»[6].

[1] См. ***1844. Марта 11–13 <февраля 28 – марта 1>. Понедельник-среда. Ницца.***

[2] См. ***1844. Марта 19 <31>. Вербное воскресенье. Покровское.***

[3] Имеется в виду бывшая фрейлина А. О. Смирнова (рожд. Россет).

[4] Ответ Гоголя Шереметевой (от 15 мая (н. ст.) 1844 г.) до нас не дошел. Этот ответ был выслан Гоголем в письме к С. Т. Аксакову 16 мая (н. ст.) 1844 г. Подробнее о слухах по поводу мнимого увлечении Гоголя Смирновой см.: ***1837. Июля около 15 – августа не позднее 27–28 <июля около 3 – августа не позднее 15–16>. Баден-Баден, Страсбург, Баден-Баден*** (примечания).

[5] Дочь Аксаковых.

[6] См. ***1844. Мая 21 <9>. Вторник. День памяти св. Николая Мирликийского. Баден-Баден.***

АПРЕЛЯ 22 <10>. ПОНЕДЕЛЬНИК. НИЦЦА

Графини Л. К. и Анна М. Виельгорские, С. И. и С. М. Соллогуб получили[1] поздравительные письма Гоголя из Франкфурта[2].

[1] Согласно почтовому штемпелю на письме к Л. К. Виельгорской (см.: *Городецкий*. С. 444).

[2] См. ***1844. Апреля 12 <марта 31>. Пятница Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Апреля 13 <1>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

АПРЕЛЯ 14 <26>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

М. П. Балабина отправляет во Франкфурт ответ[1] на поздравительное письмо Гоголя.

«Вчера я получила ваше письмо. <...> Большая перемена сделалась со мною в течение лета: в первый раз я узнала, что такое ничего не иметь, кроме Бога. Я думала, что добрый, прекрасный мой Вагнер уж забыл меня, и тогда я получила с неба несказанные радости. Однако ж во все это время я не могла говорить сердцем: “Да будет воля Твоя!” И Бог не позволил Вагнеру возвратиться к нам прежде, нежели заставить меня сказывать эти слова так, как должно их сказывать. Я говорю “заставить”, потому что я очень ясно вижу, что *моя* воля совершенно ничего не содействовала в том деле и что я *насильно* должна была принять влияние Святого Духа.

Благодарю за ваши советы: они истинно христианские. Вы советуете мне *все устроить в первые дни:* я давно уже этого себе обещала; мне должно беречь и его и себя, как берегут в теплицах молодые растения, которые не довольно сильны, чтоб перенесть холод и ветер наружного мира. <...> Несколько дней тому назад Вагнер уехал в Берлин. Мы хотим ехать 5 мая на пароходе, который пойдет в Стетин[2]. Свадьба будет в Берлине. Вагнер успеет уже прежде нашего приезда много работать, и, верно, мы недолго останемся в Берлине. Потом поедем в Дрезден и желали бы провести несколько времени на берегу Рейна. Вы можете себе представить, как мысль, что я вас увижу, обрадовает меня: теперь так легко путешествовать благодаря железным дорогам, что нам нетрудно будет где-нибудь сойтись. Брат Иван едет с нами. <...> Откуда вы выписали эти прекрасные строки о браке[3]? Как они полны глубокой, святой правды!»

Позднее, 22 апреля 1844 г., П. А. Плетнев сообщал Я. К. Гроту: *«Пятница (21 апреля).* <...> Чай пил у Балабиных. Marie получила поздравительное письмо из Франкфурта <из Дармштадта> от Гоголя»[4].

[1] См. ***1844. Марта 3 <15>. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1844. Апреля 7 <марта 26>. Светлое Христово Воскресение. Праздники православной и католической Пасхи. Дармштадт.***

[2] Т. е. в Штетин (ныне Щецин).

[3] См. также *1847. Июня 12 <мая 31>. Суббота. Франкфурт-на-Майне* (примечания).
[4] *Свод.* Т. 1. С. 667.

АПРЕЛЯ 27 <15>. СУББОТА. ПАРИЖ

А. И. Тургенев сообщает князю П. А. Вяземскому:

«От Жуковского получил индийскую поэму[1]. Скоро он будет во Франкфурт с Гоголем, коего переписка лучше книг его[2], ибо душа в ней слышнее. Постараюсь сдружиться с ним и погулять вместе под небом Шиллера и Гёте, если силы позволят. Отдохну с ним от здешней хандры и от идей неизлечимости и смерти, кои убивают душу прежде тела. Постараюсь также подолее пожить с Жуковским во Франкфурте»[3].

Из писем А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 90.

[1] «Наль и Дамаянти».
[2] См. также *1843. Апреля 11 <марта 30>. Четверг. Париж.*
[3] А. И. Тургенев гостил у В. А. Жуковского во Франкфурте-на-Майне в сентябре 1844 г. (см. *1844. Сентября 19 <7>. Четверг. Франкфурт-на-Майне*).

АПРЕЛЯ 28 <16>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НИЦЦА

Графиня Л. К. Виельгорская пишет ответное[1] письмо к Гоголю во Франкфурт:

«Сердце мое вещун, почтеннейший Николай Васильевич: я уверена была получить еще письмо от вас прежде нашего отъезда. Оно меня тем более обрадовало, что вы нам даете столь приятную надежду видеть вас в Баден-Бадене. Мы оставляем рай и m-lle Paradis[2] 30 (18) апре<ля> во вторник утром, дней чрез шесть будем, вероятно, в Женеве, где я намерена отдохнуть неделю, а оттуда прямо в Баден. Из Петер<бурга>, слава Богу, известия хороши; все здоровы; Михаил Михайлович очень занят канцелярской службой[3]. От Софи[4] получила я два письма из Генуи, одно из Милана, а с тех пор что-то замолчала. В Ницце пусто, жарко, печально. Мы совершенно осиротели: дети и друзья рассеялись; все разъехались в разные стороны, мы живем в совершенном уединении, хотя много видим и принимаем, <*нрзб.*> навещает нас весьма часто; любезность и услужливость его невыразимы. Он преодолел мое к нему недоброжелательство необыкновенной добротой сердца. Кто бы мог это предвидеть?..

Софи, вероятно, теперь в Венеции или по крайней мере в дороге. Я писала Владимиру Александровичу[5], чтобы сообщить ему содержание письма доктора Гугерта, который подтверждает свое прежнее мнение, т. е. необходимость для Софи предпринять настоящее лечение в Баден-Бадене и пробыть шесть недель под его присмотром прежде морских ванн. Он то же повторяет г. Соллогуб<у>, но как они в состоянии утаить письмо, то я поспешила предупредить эту возможность.

Наслал же Бог в семейство наше, дотоле блаженствовавшее, тяжкое испытание. Я стараюсь не упадать духом. Надобно надеяться на Господа, Он один может избавить нас от всей напасти или исправлением Владимира Александровича, или освобождением нас и несчастную Софи от него. Все в святой воле Его, и пути Его от нас сокрыты.

Нози[6] тронута была до глубины сердца вашим письмом[7]: лицо ее как бы просветлелось при чтении ваших пророческих наставлений[8]. Она чувствует необходимость заслужить лестное ваше о ней мнение, только еще не знает, чем и как начать сие великое предприятие.

Все кланяются вам сердечно, потому что все вас возлюбили... Надеюсь иметь счастие видеть нашего друга, Жуковского».

[1] См. *1844. Апреля 12 <марта 31>. Пятница Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне.*
[2] Игра слов: «paradis» (здесь – фамилия домовладелицы: Паради) по-французски означает «рай».

[3] Граф М. М. Вьельгорский служил по дипломатической части (см. ***1844. Мая 10 <апреля 28>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***).

[4] Графиня С. М. Соллогуб (рожд. графиня Виельгорская), дочь Л. К. Виельгорской.

[5] Граф В. А. Соллогуб.

[6] Домашнее прозвище графини Анны М. Вьельгорской.

[7] См. ***1844. Апреля 12 <марта 31>. Пятница Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне***.

[8] См. ***1844. Марта 18 <6>. Понедельник. Ницца***; ***1844. Апреля 4 <марта 23>. Великий четверг. Дармштадт***.

АПРЕЛЯ 16 <28>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. АСТРАХАНЬ

И. С. Аксаков в письме благодарит родных за присылку копии письма Гоголя к С. Т. Аксакову, М. П. Погодину и С. П. Шевыреву от 14 февраля (н. ст.) 1844 г.[1]:

«Последняя почта не привезла мне ничего, но я очень благодарен вам за предыдущие письма и за копию с письма Гоголя. Я его прочел несколько раз... <...> ...Сознавая истину его слов, я не могу оторваться от жизни и стремлюсь к противоположной цели. <...> Мне кажется, что Гоголевым настроением духа перейдешь к воззрению на людей, как на братьев по Христе <...> и что не будешь годиться для общественной жизни. <...> Вере я особенно благодарен за то, что она взяла на себя труд переписать мне письмо Гоголя...»[2]

[1] См. ***1844. Февраля 14 <2>. Среда. Праздник Сретения Господня. Ницца***.

[2] Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 906–907.

АПРЕЛЯ 29 <17>. ПОНЕДЕЛЬНИК. НИЦЦА

Графиня Анна М. Виельгорская пишет ответное[1] письмо к Гоголю во Франкфурт:

«Ваше совсем неожиданное письмо меня очень обрадовало, но еще более удивило. <...> У меня очень много доверенности к вам, и, хотя я думаю, что ваше обо мне мнение слишком лестно[2], чтоб оно могло быть истинным, я утешаюсь мыслью, что с вашим умом вы не могли совершенно ошибиться на мой счет. Мы об этом поговорим еще в Бадене. <...> Мы едем завтра поутру через Францию и Женеву в Баден. <...> Надеюсь увидеть вас не позже 20-го мая»[3].

[1] См. ***1844. Апреля 12 <марта 31>. Пятница Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне***.

[2] См. ***1844. Марта 18 <6>. Понедельник. Ницца***; ***1844. Апреля 4 <марта 23>. Великий четверг. Дармштадт***.

[3] Гоголь приехал в Баден именно к 20 мая (н. ст.) 1844 г. (см. ***1844. Мая около 20 <около 8>. Баден-Баден***).

АПРЕЛЯ 17 <29>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

С. Т. Аксаков отправляет Гоголю начатое в марте[1] ответное[2] письмо во Франкфурт:

«Другой месяц или почти два, как я нахожусь в беспрестанном волнении; всякий день сбирался писать к вам, милый друг Николай Васильевич, несколько раз начинал и не мог кончить... <...> Письмо ваше от 30 января (10 февраля) из Ниццы ввело меня в странное заблуждение, из которого выйти было мне не только досадно, но и прискорбно. Представьте себе, что некоторые выражения в вашем письме относительно “средства от душевных тревог, посылаемого в виде подарка...” и пр.

навели глупую мою голову на мысль, что вы посылаете нам второй том "Мертвых душ", обещанный через два года[3]. <...> Ошибку мою разделяли со мной и [О<льга> С<еменовна>, и Кон<стантин>, и Вера] мои домашние. [Письмо было получ<ено> поздно, при гостях.] На другой день скачу к Шевыреву и не застаю его; наконец [на третий уже день] в другой раз нахожу его дома [сообща<ю> ему радостную <весть>]... С первых слов разбил он с громким смехом мой кумир. Я был огорчен до глубины души, даже рассержен. Я думал помолиться, наслаждаясь созданием искусства, и вдруг... Друг мой, ни на одну минуту я не усумнился в искренности вашего убеждения и желания добра друзьям своим; но, признаюсь, [не нравится мне это убеждение] недоволен я этим убеждением, особенно формами, в которых оно проявляется. Я даже боюсь его.

Мне пятьдесят три года, я тогда читал Фому Кемпийского, когда вы еще не родились. <...> Я не порицаю никаких, ничьих [направлений] убеждений, лишь были бы они искренни; но уже, конечно, ничьих и не приму... [И что за разнохарактерный дивертисмент составили вы из меня, О<льги> С<еменовны>, П<огодина>, Ш<евырева> и Я<зыкова>[4]. Ежели <?> мы просто сожалеем об этом, но все прочие, несчастные и Шевырев, <*1 нрзб.*> защищает вас, но нельзя удержаться от [*1 нрзб.*] улыбки] И вдруг вы меня сажаете, как мальчика, за чтение Фомы Кемпийского, насильно, не знав моих убеждений, да как еще? в узаконенное время, после кофею, и разделяя чтение главы, как на уроки... и смешно и досадно... И в прежних ваших письмах некоторые слова наводили на меня сомнение. Я боюсь, как огня, [немецкого] мистицизма, а мне кажется, он как-то проглядывает у вас... Терпеть не могу нравственных рецептов; ничего похожего на веру в талисманы... Вы ходите по лезвию ножа! Дрожу, чтоб не пострадал художник!.. Чтобы творческая сила чувства не охладела от умственного напряжения отшельника. <...>

Нет, я не рожден ни слепым, ни глухим. Я лгу, говоря, что не понимаю высокой стороны такого направления. Я понимал его всегда, особенно в молодости; но оно только скользило по моей душе. Лень, слабость воли, легкомыслие, живость и непостоянство характера, разнообразные страстишки заставляли меня зажмуривать глаза и бежать прочь от ослепительного и страшного блеска, всегда лежащего в глубине духа мыслящего человека. <...> Я надувал сам себя, чтоб жить спустя рукава. Я добровольно кидался в толпу непризванных, я наклепывал на себя их пошлость и таким образом отделывался от трудных подвигов разумной жизни. Я уже думал прожить так целый век, но нашелся человек, близкий моему сердцу сам по себе и драгоценный мне как великий художник. Он стал передо мной, лицом к лицу, поднял со дна души давно заброшенные мысли и говорит: "Пойдем вместе! Я вот что делаю с собой. Помоги мне, а я потом помогу тебе". Хотел было поступить по-русски: "Знать не знаю и ведать не ведаю..." Но стало стыдно. Недолго звенят во мне слишком долго не бранные струны; я рад тому: их сотрясение болезненно. Около них нет простора. Они заплыли всякой дрянью, которая вошла в состав моего организма... Мне больно, когда ее трогают.

Вот вам, милый друг, истинное состояние моей души. Итак, уже поздно. Оставим это дело навсегда. Прилагаю вам два письма[5]. Одно из них огорчит вас сильно; но с горячею верою близко утешение. Наша больная[6] все в том же страдательном положении.

Обнимаю вас очень крепко. Мы сошлись с Языковым»[7].

После смерти Гоголя С. Т. Аксаков в статье «Одним сыновьям» (1852) писал: «Я признаю Гоголя святым, не определяя значения этого слова. Это истинный мученик высокой мысли, мученик нашего времени и в то же время мученик христианства. Я это предчувствовал, и еще в 1844 году, когда он прислал нам подарки[8], написав прежде такое письмо[9], что я ждал второго тома "Мертвых душ", писал к обоим этим Петровичам[10] о своем отчаянии. Долго хохотали надо мною эти ослы, прочитав в моем письме, что или художник погиб[11] и выйдет святой отшельник[12], или Гоголь умрет в сумасшедшем доме. Слава Богу, не сбылось последнее, но зато он ничего не произвел нового и умер»[13].

[1] См. ***1844. Марта 31 <апреля 12>. Пятница. Москва.***

[2] См. ***1844. Февраля 10 <января 29>. Суббота. Ницца.***

[3] Во время своего пребывания в Москве в 1842 г. Гоголь обещал С. Т. Аксакову, что второй том «Мертвых душ» будет завершен им через два года после напечатания первого, то есть в 1844 г. (см. ***1842. Мая 21. Четверг. Москва***).

[4] См. ***1844. Февраля 14 <2>. Среда. Праздник Сретения Господня. Ницца.***

[5] Письма не сохранились.

[6] О. Серг. Аксакова.

[7] Ответ Гоголя см.: ***1844. Мая 16 <4>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Франкфурт-на-Майне***.

[8] Экземпляры книги «Подражание Иисусу Христу» (ок. 1418; приписывается обычно Фоме Кемпийскому), которые Гоголь просил С. П. Шевырева купить для друзей в Москве (ссм. ***1844. Февраля 14 <2>. Среда. Праздник Сретения Господня. Ницца***).

[9] Имеется в виду письмо Гоголя к С. Т. Аксакову от 10 февраля 1844 г. (см. ***1844. Февраля 10 <января 29>. Суббота. Ницца***).

[10] М. П. Погодину и С. П. Шевыреву.

[11] Подробнее см.: ***1849. Августа 27. Суббота. Радонежье (Абрамцево)*** (примечания).

[12] Что подразумевал под этим С. Т. Аксаков, помогает понять письмо к родным его сына И. С. Аксакова из Одессы от 10 ноября 1848 г., где тот передает свои размышления по поводу своей беседы с «одним хохлом» о народных песнях и обычаях (см. ***1848. Ноября 10. Среда. Одесса***). В письме к родным от 29 ноября 1848 г. И. С. Аксаков замечал: «Пользуйтесь хорошим расположением Гоголя, поддерживайте его, пусть его пишет. Не надо, чтобы Константин разрушал в нем всякую веру в искусство... Я вполне разделяю взгляд Константина, а все-таки счастлив, когда пишу» (см. ***1848. Ноября 29. Понедельник. Новоселица, Бессарабия***). – См. также письмо И. С. Аксакова к родным от 30 августа 1849 г.: ***1849. Августа 30. Вторник. Рыбинск***.

[13] См. ***1852. Февраля 23. Суббота. Третий день по кончине Гоголя. Радонежье (Абрамцево)***.

АПРЕЛЯ ОКОЛО 18 <ОКОЛО 30>. МОСКВА

Н. М. Языков сообщает Н. Н. Шереметевой:

«Николай Васильевич <...> в Штутгарт <...> говеть поехал, как он пишет[1]. Лето поедет он по водам, осенью в Рим, и в конце зимы оттуда намеревается в Иерусалим, говеть, туда же и Погодин[2]. Он жалуется на нездоровье; но теперь весна, конечно, уже освежила его. Адрес Н<иколая> В<асильевич>а Frankfurt, Salwedelsgarten vor dem Scheimenthor. Лучше пришлите ваше письмецо ко мне: в конце этой недели я буду писать к нему».

Из писем Н. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 167.

[1] См. ***1844. Марта 12 <февраля 29>. Вторник. Ницца***; ***1844. Марта 14 <2>. Четверг. Ницца***.

[2] О намерении М. П. Погодина побывать в Иерусалиме см. также: ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь*** (примечания).

АПРЕЛЬ <МАРТА СРЕДИНА – АПРЕЛЯ СРЕДИНА>. РИМ

А. А. Иванов пишет ответное[1] письмо Гоголю:

«Откровенное ваше письмо (от 18 марта) весьма много меня занимает. <...> Одно место письма вашего, что я далеко не христианин и проч., заставляет меня задумываться. Я не в состоянии теперь же на это ничего ответить. Посылаю вам письмо[2], которое получил от хозяина вашего на Via Felice. <...> [Моллер собирается в Грецию] Чижов в Риме и каждый вечер со мной. Он здесь остается до 1 мая. Усердно вам кланяется».

[1] См. ***1844. Марта 18 <6>. Понедельник. Ницца***.

[2] Письмо неизвестно.

МАЯ 2 <АПРЕЛЯ 20>. ЧЕТВЕРГ. ДЮССЕЛЬДОРФ

В. А. Жуковский отмечает в дневнике:

«*20 апреля / 2*[1] *мая*. <Письмо> к Гоголю».

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод*. Т. 2. С. 42.

[1] В источнике ошибочно: «1».

АПРЕЛЯ 21 <МАЯ 3>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Н. Н. Шереметева отправляет Гоголю письмо, начатое 15/27 апреля 1844 г. (послание отчасти повторяет содержание ее прежнего письма к Гоголю в Ниццу от 19 марта – 9 апреля 1844 г.)[1]:

«Москва. Апреля 15.

<...> Сегодня <...> сподобилась приобщиться Святых Таин, и в сие время помнилось о возлюбленном мне Николае Васильевиче, коего часто и сию минуту вручаю в Покров Божий... <...> Когда сие отправлю, не знаю, но хотелось бы мне, чтобы к 9 маию[2] сии строки до вас достигли. <...>

Апреля 21.

Сказывал Николай Михайлович[3], что вы в Штутгарт отправились поговеть[4]. <...> Верно, там и праздник встретите, не захотите без службы провести сей великой день, и слава Богу. Думаю, что сие придет к 9 маию. Поздравляю вас, мой друг, с днем вашего Ангела. <...> Слышу, что вы располагаете отправиться в дальний путь, да благословит Господь ваше благое намерение и поможет свершить оный для пользы душевной. Вероятно, приходит к скончанию труд ваш, как вы говорили, что вам нельзя ехать во Иерусалим, не окончa работу[5]. Помоги вам Господи довершить сие для пользы ближнего и собственного успокоения. Очень порадуюсь за вас, что все это кончено и вы отправитесь в путь, что ничто вас ни наружно, ни внутренно не теснит, а свободно можете вздохнуть к Тому, Кто вам и вложил по благости Своей в сердце это желание...»

[1] См. ***1844. Апреля 9 <21>. Воскресенье. Москва.***

[2] См. ***1844. Мая 21 <9>. Вторник. День памяти св. Николая Мирликийского. Баден-Баден.***

[3] Языков. См. ***1844. Апреля около 18 <около 30>. Москва.***

[4] Об этом ранее сообщал Шереметевой и сам Гоголь (см. его письмо от 11–13 марта (н. ст.) 1844 г. и ответ Шереметевой от 19 марта – 9 апреля 1844 г.: ***1844. Марта 11–13 <февраля 28 – марта 1>. Понедельник-среда. Ницца***; ***1844. Апреля 9 <21>. Воскресенье. Москва***).

[5] 24 декабря 1842 г. Гоголь писал Шереметевой: «Только по совершенном окончании труда моего могу я предпринять этот путь. <...> Окончание труда моего пред путешествием моим так необходимо мне, как необходима душевная исповедь пред святым причащением». – См. также ***1845. Марта 20 <апреля 1>. Вторник. Москва*** (примечания).

МАЯ 6 <АПРЕЛЯ 24>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПАРИЖ

А. О. Смирнова пишет ответное[1] письмо Гоголю (письмо, вероятно, адресует в Баден – согласно указанию Гоголя)[2]:

«Вчера я была у обедни, потом в Версале, обедала в 7 часов у Frères provençeaux[3]; так угождала мамону[4], что вечером, лежа в постели, мне стало очень гадко, и родилось большое желание почитать апостола Павла, а потом с вами поговорить. <...> Почти вся жизнь моя в Париже проливается <...> между усталостью и самым пустым бездействием. Читать вовсе нет времени. Светлые минуты в церкви, на лекции Мицкевича во вторник и на концертах Листа. Я здесь, однако ж, остаюсь до 1-го июня[5], – отчасти от того, что некуда ехать, отчасти от того, что Надежда Степановна[6] больна, и что я ее отсылаю 15-го через Гавр в Петербург, а беру для Надежды Николаевны[7] англичанку. <...> Куда я направлю лыжи 1-го июня, вам скажу тогда, потому что нам надобно непременно свиданье[8] и надобно о многом переговорить.

Благодарю за письмо к Перовскому[9]. <...> Ему лучше. Это я узнала чрез третье лицо. Он говел с большим раскаянием и успокоился, совершив этот подвиг после весьма долгого забытья. Вы спра-

ведливо говорите, что "нечего бояться там, куда взошел Бог". У Перовского все чисто духовное, а не умственное. *Совесть заговорила*: это его собственные слова. У меня больше работает ум и страх; иногда меня пугает то, что совесть моя не довольно мучит. Отчего это? <...>

Я искала для вас *опровержение Евангелия* и не нашла; оно разошлось в весьма малом количестве и было даже здесь запрещено. Мицкевича есть "Dziady" и "Валленрод" во франц<узском> переводе. Лекции за три года были литографированы на фр<анцузском> и нельзя достать ни одного экземпляра. На немецком есть за два года, и я его купила. <...> (Vorlesungen über "Slawische Litteratur, gehalten im Collège de France in 1840–1842")[10]. "Dziady" я вам везу. Припомните, что бы мне вам еще привезти. Исандра, "Vie de A. Bernard" и еще что-нибудь такое? Вам кланяется Балабин[11]; он добрый мальчик, но немного избалован в Париже, важничает и материальничает; впрочем, молодость возьмет свое, а потом с Богом и переменится.

Читайте перепалку иезуитов с университетом, тут много хорошего и любопытного есть. Прочтите в "Débats" 1-го или второго мая, речь Jaucourt'а[12] в собрании реформатских школ. Она очень замечательна, чисто христианская и, по-моему, очень рациональная в политическом смысле.

А иезуиты мне смерть как надоели; они идут по тропинке, возле настоящей дороги, и тропинка не прямая, а с извилинами. Я часто не вижу никого, чаще других Листа и Константинова[13], артил<лерийского> офицера, который выдумал машину для измерения выстрелов[14] и очень здесь прославился. Он умен и сведущ; впрочем, материальный и очень толстый человек. <...>

Жучку[15] поцелуйте. <...> Овербек[16] вас благодарит за воспоминание. <...> Графине Виельгорской я писала в Женеву, poste restante; скажите это ей».

[1] См. ***1844. Апреля 20 <8>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***.

[2] Гоголь отвечал на письмо Смирновой из Франкфурта (см. ***1843. Мая 16 <4>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Франкфурт-на-Майне***).

[3] Провансальские братья – известный парижский ресторан.

[4] См. ***1836 ноября начало <октября вторая половина> – 1837 марта начало <февраля вторая половина>. Париж***.

[5] Ср. ***1844. Мая 25 <13>. Троицкая родительская суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Июня 3 <мая 22>. Понедельник. Париж***.

[6] См. также ***1844. Апреля 14 <2>. Фомино воскресенье. Париж***. – «Надежда Степановна – русская нянька Над<ежды> Ник<олаевны> Смирновой; у ней был удар в Париже. Во Франкфурте взяли к Н<адежде> Н<иколаевне> англичанку, Sarah Martindale <Сара Мартиндейл>, которую рекомендовал В. А. Жуковский; она жила у Смирновых долго, и уже когда все дети подросли, она их оставила.

Из Парижа А. О. Смирнова с детьми поехала в Dusseldorf; живописец Sohn <К. Ф. Зон> рисовал портреты детей <ср. ***1844. Августа 12 <июля 31>. Понедельник. Берлин***>, оттуда они ездили во Франкфурт, где Жуковские и Гоголь в то время проживали в Sachsen Hausen у Рейтерна <см. ***1844. Около июня 8 – июля 24 или 25 <около мая 27 – июля 12 или 13>. Франкфурт-на-Майне***>» (примечание О. Н. Смирновой: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 6. С. 603).

[7] Младшая дочь Смирновой.

[8] См. ***1844. Июня конец <июня средина>. Франкфурт-на-Майне***.

[9] См. ***1844. Апреля 20 <8>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***.

[10] Лекции о «Славянских литературах, читанные в Коллеж де Франс в 1840–1842» (*нем.*, *фр.*).

[11] Виктор Петрович, брат ученицы Гоголя, Марьи Петровны Балабиной (в замужестве Вагнер) (см. ***1831. Февраль (?). Санкт-Петербург***); впоследствии тайный советник, русский посол в Вене.

[12] Луи де Жокур (1704–1779), французский философ-просветитель.

[13] Константин Иванович Константинов (1818–1871), русский ученый и изобретатель в области артиллерии, генерал-лейтенант (с 1861 г.).

[14] Электробаллический прибор.

[15] В. А. Жуковского.

[16] Мария Яковлевна, гувернантка старших дочерей А. О. Смирновой.

АПРЕЛЯ 25 <МАЯ 7>. ВТОРНИК. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщает М. Г. Карташевской:

«Ты как нарочно вспомнила о страницах Г<оголя> в то самое время, когда я думала послать их к тебе и сделаю это теперь. Г<оголь> именно говорил об Фильдинге[1] брату[2], но, кажется, это не совсем чтение для женщин, по крайней мере не все. Недавно на одном обеде пили с восторгом здоровье Гоголя. Это именно на обеде, который давали Грановскому в день окончания его курса[3] человек двадцать его знакомых».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 842.

[1] Упоминание Гоголя об английском романисте Генри Филдинге (1707–1754), а также об Ариосте, Сервантесе и Пушкине, как о писателях, «отразивших природу таковою, как она была, а не таковою, как угодно было кому-нибудь, чтобы она была», – в отличие от мечтательного, приукрашивающего действительность «возвышенного» Шиллера – встречается в первоначальных вариантах первого тома «Мертвых душ».

[2] К. С. Аксакову.

[3] С. Т. Аксаков, по просьбе сына, И. С. Аксакова, в письме от 25 апреля 1844 г. подробно описал последнюю лекцию Т. Н. Грановского и торжественный обед в его честь, устроенный в доме Аксаковых 22 апреля 1844 г. Во время этого обеда была предпринята попытка примирения между западниками и славянофилами. С. Т. Аксаков сообщал сыну: «Я в жизнь мою не видал полнее торжества. Все слушатели были проникнуты восторгом <...> Всего горячее, дружнее было принято здоровье Гоголя. Я думал, что взлетит потолок залы» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 668; *Свод.* Т. 2. С. 842).

МАЯ 10 <АПРЕЛЯ 28>. ПЯТНИЦА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь получает ответное[1] письмо П. В. Анненкова из Петербурга.

Письмо Анненкова не сохранилось. Его содержание известно из позднейшего пристрастного пересказа Анненкова в его мемуарном очерке «Замечательное десятилетие» (1880): «...Я обрадовался письму Гоголя и написал ему пространный ответ с откровенностию и добродушием, которые мне самому напоминали незабвенные вечера в Риме, Альбано, Фраскати и проч.[2]... <...> Тогда все понималось просто[3] и так же говорилось. Но я ошибся жестоко – времена переменились. Не предчувствуя еще нового[4] направления, принятого Гоголем, я неожиданно и невольно попал в больное место его мысли и растревожил ее. Хорошо помню, что, отвечая на его вызов, я представил ему положение партий относительно его романа[5] и передавал полемику Белинского с ними, причем, конечно, не считал нужным отзываться осторожно ни об одной из них. Мне казалось, что я обязан был высказать ему всю мою мысль сполна, как он того просил, и потому, может быть с некоторым излишним пылом и негодованием, говорил и о врагах его из *салонов* Булгарина и Сенковского, и о друзьях его из московской партии. Не подозревая тесных связей, образовавшихся у Гоголя с последней в то время[6], я впал в одну из тех опрометчивых искренностей, которые заставляют человека раскаиваться в собственной своей правдивости. Гоголь, призывавший искренность, не выдержал этой и не понял дружеского письма.

В конце его, если не изменяет мне память, находилось еще замечание, что в ту переходную эпоху, в которой мы живем, почти невозможно себе и представить такого дела, которое бы получило отзвук в потомстве, так как оно, вероятно, не захочет и знать о некоторых надеждах и стремлениях нашего времени. Конечно, замечание принадлежало к разряду громких, но незрелых и заносчивых афоризмов, какие в частной интимной переписке сливаются нередко с пера у человека, желающего сказать скорее более, чем менее того, что ему кажется нужным, и не предвидящего вдобавок, что слово его будет прочитано не дружеским, а уже подозрительным глазом судьи и цензора. Можно было ожидать опровержения и разъяснения замечания, но, конечно, не того, что я получил.

С спокойной совестью я отправил мое, не в меру откровенное, письмо и через два <три> месяца получил на него ответ. Я был просто приведен в недоумение этим ответом. Он содержал в себе строжайший, более чем начальнический, а какой-то пасторский выговор, точно Гоголь отлучал меня торжественно от общения с верными своей церкви. Вместо мне знакомого добродушного, прозорливого, все понимающего и классифицирующего психолога – стоял теперь передо мною совсем другой человек, да и не человек, а какой-то проповедник на кафедре, им же и воздвигнутой на свою потребу, громящий с нее грехи бедных людей направо и налево, по власти, кем-то ему данной, и не всегда зная хорошенько, чем они действительно грешат. Тон письма сбил меня совсем с толка, потому что я еще не знал тогда, что роль пророка и проповедника Гоголь уже давно усвоил себе, что в этой роли он уже являлся г-же Смирновой, Погодину, Языкову, даже Жуковскому и многим другим, громя и по временам бичуя их с ловкостью почти что ветхозаветного человека. Привожу это письмо целиком. <...>

Несмотря на совершенно неожиданный для меня учительский и раздраженный тон этого письма, оно меня все-таки глубоко тронуло: во-первых, и замечательным литературным своим достоинством, а во-вторых – и

преимущественно какой-то беспредельной верой в новое созерцание, им возвещаемое. Загадкой оставалось для меня только следующее: каким процессом мысли Гоголь перенес прямо на меня все, что я говорил вообще о современных людях, и отыскал в моих сообщениях личный вопрос – уныние, ропот, недовольство судьбой и другие качества неудачного честолюбца. Но особенно не мог я понять, откуда тут взялся еще вопрос о религиозных моих убеждениях, о состоянии моей души и совести, так как исповедываться в них я не имел ни малейшего помысла перед Гоголем, да он и не возбуждал такого вопроса. Передавать толки публики о "Мертвых душах" и по этому поводу представить свидетельство о более или менее удовлетворительном состоянии своего религиозного чувства – кому же это могло придти в голову? Впоследствии все это объяснилось. Письмо Гоголя, как и множество других таких же, полученных разными лицами в России, было одним из той гряды облачков, которая предшествовала появлению роковой книги "Переписка с друзьями". <...> Гоголь, ужаснувшийся успеха своего романа между западниками и людьми непосредственного чувства, весь погружен был в замысел разоблачить свои настоящие исторические, патриотические, моральные и религиозные воззрения, что, по его мнению, было уже необходимо для понимания готовящейся 2-й части поэмы»[7].

В письме в Петербург к Анненкову от 10 мая (н. ст.) 1844 г. (которое тот позднее сопроводил приведенным выше неприязненным комментарием) Гоголь писал (согласно почтовому штемпелю, письмо было отправлено из Франкфурта на следующий день, 11 мая[8]):

«Благодарю вас за хлопоты по делу моему. Но о деньгах[9] Прокоповичу я уже писал давно, он знает, что я в них нуждаюсь, и вот уже год, как никакого от него ответа. Если же денег нет в наличности, он должен был прислать отчет, которого я от него требовал. Мне нужно знать, в каком положении мои дела, чтоб приступать к мерам решительным, то есть войти в сделки с книгопр<одавцами> для получения наличных денег, мне уж предлагали и теперь, вообразите, я не знаю даже, сколько у меня налицо товару. Не пропадать же мне с голоду, это можно кажется смекнуть, вот почему я просил вас вникнуть от себя в это для меня загадочное дело. Я написал на днях упрек Прокоповичу[10] в его бесчувственности к положению другого. Скажите ему также, что я очень беспокоюсь и просил даже вас узнать, что значит вся эта загадка.

Благодарю вас за некоторые известия о толках на книгу[11]. Но ваши собственные мнения... смотрите за собой: они пристрастны. Неумеренные эпитеты, разбросанные кое-где в вашем письме, уже показывают, что они пристрастны. Человек благоразумный не позволил бы их себе никогда. Гнев или неудовольствие на кого бы то ни было всегда несправедливы, в одном только случае может быть справедливо наше неудовольствие – когда оно обращается не против кого-либо другого, а против себя самого, против собственных мерзостей и против собственного неисполненья своего долга. Еще: вы думаете, что вы видите дальше и глубже других, и удивляетесь, что многие по-видимому умные люди не замечают того, что заметили вы. Но это еще Бог весть, кто ошибается. *Передовые люди* не те, которые видят одно что-нибудь такое, чего другие не видят, и удивляются тому, что другие не видят; *передовыми* людьми можно назвать только тех, которые именно видят всё то, что видят другие (все другие, а не некоторые), и, опершись на сумму всего, видят то, чего не видят другие, и уже не удивляются тому, что другие не видят того же. В письме вашем отражен человек, просто унывший духом и не взглянувший на самого себя. Если б мы все, вместо того, чтоб рассуждать о духе времени, взглянули, как должно, всякий на самого себя, мы больше бы гораздо выиграли. Кроме того, что мы узнали бы лучше, что в нас самих заключено и есть, мы бы приобрели взгляд яснее и многосторонней на все вещи вообще и увидели бы для себя пути и дороги там, где греховное уныние всё тмит перед нами, и вместо путей и дорог показывает нам только самое себя, т. е. одно греховное уныние. Злой дух только мог подшепнуть вам мысль, что вы живете в каком-то переходящем веке, когда все усилия и труды должны пропасть без отзвука в потомстве и без ближайшей пользы кому. Да если бы только хорошо осветились глаза наши, то мы увидали бы, что на всяком месте, где б ни довелось нам стоять, при всех обстоятельствах, каких бы то ни было, споспешествующих или поперечных, столько есть дел в нашей собственной, в нашей частной жизни, что, может быть, сам ум наш помутился бы от страху при виде неисполненья и пренебреженья всего, и уныние недаром бы тогда закралось в душу. По крайней мере, оно бы тогда было более простительно, чем теперь. Признаюсь, я считал вас (не знаю почему) гораздо благоразумнее. Самой душе

моей было как-то неловко, когда я читал письмо ваше. Но оставим это и не будем никогда говорить. Всяких мнений о нашем веке и нашем времени я терпеть не могу, потому что они все ложны, потому что произносятся людьми, которые чем-нибудь раздражены, или огорчены... Напишите мне о себе самом только тогда, когда почувствуете сильное неудовольствие против себя самого, когда будете жаловаться не на какие-нибудь помешательства со стороны людей, или века, или кого бы то ни было другого, но когда будете жаловаться на помешательство со стороны своих же собственных страстей, лени и недеятельности умственной. Еще: и луча веры нет ни в одной строчке вашего письма, и малейшей искры смиренья высокого в нем не заметно! И после этого еще хотеть, чтобы ум наш не был односторонен или чтобы был он беспристрастен. Вот вам целый воз упреков! Не удивляйтесь, вы сами на них напросились. Вы желали от меня освежительного письма. Но меня освежают теперь одни только упреки, а потому ими же я прислужился и вам.

А вместо всяких толков о том, чем другой виноват или не выполнил своей обязанности, постарайтесь исполнить те обязанности, которые я наложу на вас. Пришлите мне каталог Смирдинской бывшей библиотеки для чтения[12], со всеми бывшими прибавлениями, он полнейший книжный наш реестр. Да присовокупите к тому реестр книг всех, напечатанных синодальной типографией[13]; это можете узнать в синодальной лавке. Да еще сделайте одну вещь, выпишите для меня мелким почерком все критики Сенковского в Библиотеке для чтения на М<ертвые> д<уши> и вообще на все мои сочинения, так чтобы их можно послать в письме. Сколько я ни просил об этом, никто не исполнил. Каталог Смирд<инский> есть, кажется, мой у Прокоповича. <...> Адресуйте в Берлин на имя служащего при тамошней миссии графа Мих<аила> Мих<айловича> Виельгорского для доставки мне, если почта не возьмется доставить во Франкфурт прямо на мое имя. Вот вам обязанности покамест истинно христианские. От вас требует выполнения этого долга прямо, безвозмездно Н. Гоголь».

В 1880 г. Анненков свидетельствовал: «...Я отвечал Гоголю, что получил его письмо, благодарю за участие ко мне, не огорчаюсь его выговорами, не отвергаю вовсе его советов, но считаю нужным указать ему на странную ошибку. Он считает меня человеком весьма высокого мнения о себе, надменным и страдающим гордостью, а между тем мог бы заметить в течение долгих наших сношений, что я скорее имел претензию считать себя ничтожнейшим из детей мира, и без всякого вознаграждения, о котором говорит поэт, употребивший однажды это выражение»[14].

[1] См. ***1844. Февраля 10 <января 29>. Суббота. Ницца***.

[2] См. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** (примечания).

[3] Даже в эпоху наибольшего сближения Гоголя с Анненковым, в период переписки первого тома «Мертвых душ» в 1841 г., их отношения не обходились без идейных столкновений (см. ***1841. Апреля 7 <марта 26>. Великая среда. Рим***; ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим***).

[4] Утверждение мемуариста о «новом направлении, принятом Гоголем», не соответствует действительности.

[5] Имеется в виду поэма «Мертвые души».

[6] Тесные дружеские отношения Гоголя с «московской партией» завязались гораздо ранее, еще в первой половине 1830-х гг., что отчасти объясняется влиянием на будущего писателя в Нежине в 1827–1828 г. публикаций «Московского Вестника» М. П. Погодина и С. П. Шевырева. Подробнее см.: *Виноградов И. А.* «На поприще полемическом»: Гоголь — журналист и публицист // Очерки истории русской публицистики. М.: ИМЛИ РАН, 2018 (в печати).

[7] *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Свод.* Т. 3. С. 513–514, 515.

[8] См.: *Городецкий.* С. 440.

[9] От продажи собрания сочинений в четырех томах.

[10] Письмо не сохранилось.

[11] Имеются в виду «Мертвые души».

[12] Роспись российским книгам для чтения, из библиотеки А. Смирдина. СПб. 1828. Составил В. Г. Анастасевич. В 1829 и 1832 гг. вышли два прибавления к этой росписи.

[13] Каталог книгам, продающимся в синодальных книжных лавках в С. Петербурге и Москве. М., 1840 и 1844.

[14] *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Свод.* Т. 3. С. 515–516.

АПРЕЛЯ 30 <МАЯ 12>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. АСТРАХАНЬ

И. С. Аксаков сообщает родным в Москву:

«...Здесь, в Астрахани, нельзя достать ни "Мертвых душ", ни новейшего издания сочинений Гоголя, но в так называемой публичной библиотеке, составленной из старых книг, старых изданий, принадлежащих к тому времени, когда Астрахань цвела торговлею, имела банк (впоследствии ее подорвавший) и даже книжную лавку, <...> есть старые издания Гоголя, которые мы за подписную цену и требовали из библиотеки. Нет, как хотите, а я все-таки боюсь, что новое его направление или не новое, потому что у него это дальнейшее развитие его души, не повредило ему в его созданиях. При этом глубоко серьезном углублении в самого себя не забудет ли он мир внешний? Впрочем, появление 2-го тома "М<ертвых> Д<уш>", если только оно когда-нибудь будет, разрешит наши недоумения и загадки, и тогда, может быть, мы и устыдимся, что не поняли его...»

Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 75–76.

МАЯ СРЕДИНА <МАЯ НАЧАЛО>. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь получил[1] из Васильевки письмо от матери, в котором она извещала о кончине старшей дочери Марии Васильевны Трушковской 24 марта / 5 апреля 1844 г.[2]

[1] См. ***1844. Мая 16 <4>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Мая с 17 по 19 <с 5 по 7>. С пятницы по воскресенье. Штутгарт.***

[2] См. ***1844. Марта 24 <апреля 5>. Страстная пятница. Васильевка.***

МАЯ 16 <4>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь отправляет ответные письма к С. Т. Аксакову[1] и к Н. Н. Шереметевой в Москву (письмо к Шереметевой не сохранилось), а также к А. О. Смирновой[2] в Париж.

В письме к Аксакову Гоголь сообщает: «Я получил ваше милое и откровенное письмо. <...> В письме вашем слышно, что вы боитесь, чтобы я не сел на вас верхом, и упираетесь, как Федор Никол<аевич> Глинка, когда к нему подходят с тем, чтобы обнять его. Всё это ваше волнение и мысленная борьба есть больше ничего, как дело общего нашего приятеля, всем известного, именно – чорта. Но вы не упускайте из виду, что он щелкопер[3] и весь состоит из надуванья. Из чего вы вообразили, что вам нужно пробуждаться или повести другую жизнь? Ваша жизнь, слава Богу, так безукоризненна, прекрасна и благородна, как дай Бог всем подобную. Вы сделали много такого добра и таких услуг (что и мне отчасти известно), которые стоят многих копеек, разбросанных нищим, и будут оценены справедливо; ваша жизнь ни в чем не противуположна христианской. Один упрек вам следует сделать – в излишестве страстного увлеченья во всем: как в самой дружеской привязанности и сношениях ваших, так и во всем благородном и прекрасном, что ни исходит от вас. Итак, глядите твердо вперед и не смущайтесь тем, если в жизни вашей есть пустые и бездейственные годы. Отдохновенье нам нужно. Такие годы бывают в жизни всех людей, хотя бы они были самые святые. А если вы отыскиваете в себе какие-нибудь гадости, то этим следует не то, чтобы смущаться, а благодарить Бога за то, что они в нас есть. Не будь в нас этих гадостей, мы бы занеслись Бог знает как, и гордость наша заставила бы нас наделать множество гадостей, несравненно важнейших. Без них не было бы у вас и этого прекрасного смиренья, которое составляет первую красоту души.

Итак, ваше волнение есть, просто, дело чорта. Вы эту скотину бейте по морде и не смущайтесь ничем[4]. Он – точно мелкий чиновник, забравшийся в город будто бы на следствие[5]. Пыль запустит всем, распечет, раскричится. Стоит только немножко струсить и податься назад – тут-то он и пойдет храбриться. А как только наступишь на него, он и хвост подожмет. Мы сами делаем из

него великана; а в самом деле он *чорт знает что*. Пословица не бывает даром, а пословица говорит: *Хвалился чорт всем миром овладеть, а Бог ему и над свиньей не дал власти*. Его тактика известна: увидевши, что нельзя склонить на какое-нибудь скверное дело, он убежит бегом и потом подъедет с другой стороны, в другом виде, нельзя ли как-нибудь привести в уныние; шепчет: "Смотри, как у тебя много мерзостей, — пробуждайся!" когда незачем и пробуждаться, потому что не спишь, а, просто, не видишь его одного. Словом, пугать, надувать, приводить в уныние — это его дело. Он очень знает, что Богу не люб человек унывающий, пугающийся, словом — не верующий в Его небесную любовь и милость, вот и всё. Вам бы следовало, просто, не глядя на него, выполнить буквально предписанье[6], руководствуясь только тем, что дареному коню в зубы не глядят. Вы бы, может быть, нашли там только подтверждение тому, чему вы веруете и что в вас есть, и только установилось бы всё яснее и утвердительнее на своих местах, воцарив чрез то строгий порядок в самую душу.

О себе скажу вам вообще, что моя природа совсем не мистическая. Недоразуменья произошли оттого, что я слишком рано вздумал было говорить о том, что слишком ясно было мне и чего я не в силах был выразить глупыми и темными речами, в чем сильно раскаиваюсь, даже и за печатные места. Но внутренно я не изменялся никогда в главных моих положениях. С 12-летнего, может быть, возраста я иду тою же дорогою[7], как и ныне, не шатаясь и не колеблясь никогда во мнениях главных, не переходил из одного положения в другое и, если встречал на дороге что-нибудь сомнительное, не останавливался и не ломал голову, а махнувши рукой и сказавши: "объяснится потом!" шел далее своей дорогой; и точно Бог помогал мне, и всё потом объяснялось само собой. И теперь я могу сказать, что в существе своем всё тот же, хотя, может быть, избавился только от многого мешавшего мне на моем пути и стало быть чрез то сделался несколько умней, вижу ясней многие вещи и называю их прямо по имени, т. е. чорта называю прямо чортом, не даю ему вовсе великолепного костюма a la Байрон и знаю, что он ходит во фраке из <...> и что на его гордость стоит вы<...>ться, — вот и всё!

Спросите у Языкова, послал ли он книги мне и с кем именно. Я еще не получал, а между тем он мне обещал следующие: 1) "Добротолюбие"[8], 2) Летописи, 3) Иннокентия[9] и 4) сочинения святых отцов. Теперь, без сомнения, удобно послать, потому что из Москвы весной подымется много за границу. Да попрошу вас, если нельзя прислать "Москвитянина" всего за прошлый 1843 <год>, то хотя критики Шевырева; а Михалу Семеновичу[10] скажите, что он *надуватель*, а деткам его[11] скажите, что *яблоко от яблони не далеко падает*. Он сам вызвался[12] доставить мне критики Сенковского[13] и невинные замечания, напечатанные в "Сыне Отечества"[14]. Времени было довольно, а случая и оказии для пересылки не нужно, потому что, писавши на тонкой бумаге, можно было легко послать во всякое время, разделив на два или на три письма, как я делаю с моими статьями[15], гораздо небольшими, которые ему же пригодились в бенефис. Он меня привел в неприятное и затруднительное положение писать к Сенковскому[16] и просить его о присылке статей... <...>

Прилагаемое письмо прошу вас доставить Над<ежде> Ник<олаевне>[17]. В нем содержится объяснение насчет одного слуха[18], распущенного обо мне в Москве. Объяснения об этом предмете я б не сделал никому, потому что ленив на подобные вещи; но так как она прямо и бесхитростно сделала мне запрос, то мне показалось совестно не дать ей ответа. А с вами о сем тратить слов не следует. Вы *человек-небаба*. *Человек-небаба* верит более самому *человеку*, чем *слуху о человеке;* а *человек-баба* верит более слуху о человеке, чем самому человеку. Впрочем, вы не загордитесь тем, что вы *человек-небаба*. Тут вашей заслуги никакой нет, ниже приобретения: так Бог велел, чтоб вы были *человек-небаба*. Не унижайте также *человека-бабу,* потому что *человек-баба* может быть, кроме этого свойства, даже совершеннейшим человеком и иметь много таких свойств, которых не удастся приобрести *человеку-небабе*. Друг наш Погодин есть *человек-баба,* — не потому, чтобы он вел не такую жизнь, как следует, или не имел твердости или характера, но потому, что иногда вдруг понесет от него бабьей юбкой. Это можно даже довесть до сведения его, потому что между нами должно быть отныне всё просто и откровенно. Михаил Семенович, например, но он вовсе не *человек-баба*... он не баба, но он оказался *человек* — <...> по поводу упомянутого ниже дела. Константин Сергеевич, например... но об этих господах не следует говорить: они совершенно в *руце будущего*. В русской природе то по крайней мере хорошо, что если немец например *человек-баба,* то он останется *человек-баба* на веки-веков. Но русский человек может иногда вдруг превратиться в *человека-небабу*. Выходит он из бабства тогда, когда торжественно, в виду всех скажет, что он больше

ничего, как *человек-баба*, и сим только поступает в рыцарство, скидает с себя при всех бабью юбку и одевается в панталоны. <...> Адрес – во Франкфурте».

Позднее, С. Т. Аксаков в адресованных П. А. Кулишу «Кратких сведениях и выписках из писем для биографии Гоголя» (1854), предваряя цитату из настоящего письма, замечал: «Следующее письмо прилагаю за его оригинальность. Шутливость его поддельная: Гоголь хотел рассеять мою хандру...»[19]

Сам Гоголь 21 декабря (н. ст.) 1844 г. замечал об этом письме: «Что я написал глуповатое письмо, это ничего не значит: письмо было писано в сырую погоду, когда я и сам был в состоянии полухандры, в сером расположении духа, что, как известно, еще глупее черного, и когда мне показалось, что и вы тоже находитесь в состоянии полухандры. Желая ободрить и вас и с тем вместе себя, я попал в фальшивую ноту, взял неверно и заметил это уже по отправлении письма. Впрочем, вы не смущайтесь, если б даже и 10 получили глуповатых писем (на такие письма человек, как известно, всегда горазд); иногда между ними попадется и умное. Да и глупые письма, даром, что они глупы, а их иногда бывает полезно прочесть и другой, и третий раз, чтобы видеть, каким образом человек, хотевши сделать умную вещь, сделал глупость».

Из письма к Смирновой: «В письме вашем слышится повсюду неудовлетворенное состояние души. Избегайте обедов и гадких разговоров... <...> ...Зачем утвердилось о вас всеобщее мнение, что никто столько не может рассказать соблазнительного, как вы, и что с вами нужно непременно говорить об этом? Конечно, это говорят не те, которые вас коротко знают, а светские болтуны и пустые люди, <...> но дыма без огня не бывает. <...> Еще нужно сказать, что в достижении какого-либо дела вы видите вообще или совершенную невозможность, или какие-то иезуитские кривилизны. Закон Божией премудрости для вас мертв. Вы верите только чуду, но чудом помогает нашему бессилию в слишком важных случаях Бог, а от нас требует собственной работы, требует, чтобы мы подражали Ему Самому, требует той самой мудрости, которую Он разлил повсюду в Своих творениях. <...> Сколько терпенья видно у Бога во всяком деле! А у вас терпенья и в маковое зернышко нет, всё скачками да прыжками. Постепенности в делах не только вы не видите, даже не хотите подозревать, чтобы она была. Случалось ли вам хотя <раз задум>аться сурьезно над следующим вопросом: все эти разнообразные качества, которые даются женщине и которые дают ей такую власть над мужчинами, остроумье разговора, любезность и ловкость его, неужели всё это дается даром[20]? <...> ...Мне иногда случалось быть свидетелем, как женщина, даже нельзя сказать слишком умная, овладевала всеобщим разговором. Разговор вовсе не был какой-либо нравоучительный, но однако ж много было сказано такого, которое как-то невольно дошло до души; а между разговаривавшими были однако ж очень умные и очень развратные, но никому не было скучно. И после разговора как будто невольно почувствовалось какое-то благоухание, точно как бы в комнате покурили чем-то приятным. <...> Один раз, другой, третий, такое благоухание для души не безделица. По крайней мере, уже носу становится не так ловко после этого в той комнате, где курят другим запахом и подпускают собственных шпионов. <...>

Вы пишете мне, что "принимаете мои упреки с удовольствием, но надобно, чтобы они были справедливы". Экая штука! это может сделать всякий сколько-нибудь умный человек, даже и не христианин. А не угодно ли вам принять несправедливые упреки? Да притом позвольте вас спросить: что вы, разве святая? Одна святая может сказать, справедливы или несправедливы упреки. Или разве вы дошли уже до такого совершенства, что уже можете всю себя видеть, со всеми пятнышками, какие есть на душе вашей? Или зеркало вашей совести уже так стало ясно и светло, что перед ним открывается сам собой самый малейший ваш проступок? <...> Нет, извольте-ка принять и несправедливые упреки за справедливые, и всякий день в них всматриваться, как в зеркало, авось среди несправедливого отыщется что-нибудь и справедливое. А без этого вы во веки веков не уйдете вперед, то есть будете думать, что вы ушли вперед, а уходить будете только теоретически, а не практически. <...>

...Не считайте также, что вы стали на высокую степень христианского совершенства тем, что имеете духу сказать: у меня слишком черна душа, или же: у меня есть много мерзостей[21]. Это еще не все, это еще иногда бывает, просто, теоретически. Мы так только говорим, а как станет кто-нибудь нас колоть этой чернотой, или которой-нибудь из этих мерзостей, мы тотчас на попятный двор и давай изворачиваться: "У меня этого нет"... <...>

Может быть, вы не успеете дать мне ответа [на письмо это] письменного, да и зачем вам заживаться лишние дни в Париже? Лучше поживите неделю-другую во Франкфурте, ради Жуковского, себя и меня. Вот вам еще небольшие поручения на выезд: поищите Томаса Аквинтуса Somma teologica[22], если только она переведена по-французски. Читали ли вы всеобщую историю Канту[23]? Ее хвалят; если она стоит похвал, то привезите. Да привезите мне маленькую даге<р>ротипку всех вас: соединитесь все в группу (вы же охотники до живых картин), не выключая и Надежду Николаевну[24], и посидите минуты две всего. <...> Я видел многие дагерротипные группы, исполненные очень удачно.

Еще вам одна просьба, которую постарайтесь исполнить: закажите панихиду по усопшей сестре моей Марие (умершей 24-го март<а>)[25]. Будьте сами на этой панихиде и помолитесь усердно об ее душе, и ее душа помолится за это об вашей, а что я помолюсь о вас, это и без того будет, а потому об этом и не говорю.

Итак, до Франкфурта! Жуковский переезжает сюда 20 мая»[26].

[1] См. ***1844. Апреля 17 <29>. Понедельник. Москва.***

[2] См. ***1844. Мая 6 <апреля 24>. Понедельник. Париж.***

[3] Щелкопёр — писец, бумагомарака, газетный писака. «Щелкопер м. писец, писарь в суде, приказный, чиновник по письмоводству, пустой похвальбишка и обирала. Щелкоперничать, вести пустую, бесплодную, приказную переписку, придавая ей важность» (словарь В. И. Даля).

[4] См. также ***1844. Октября 2 <сентября 20>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***

[5] В 1903 г. Д. С. Мережковский обратил внимание на то, что характеристика Гоголем беса в этом письме прямо соответствует сущности «ничтожной натуры» Хлестакова в «Ревизоре» (см.: *Мережковский Д. С.* Судьба Гоголя. Часть первая. Творчество // Новый Путь. 1903. Январь. С. 40). Подробнее см.: *Виноградов 2000.* С. 278–288.

[6] К этим словам С. Т. Аксаков в адресованных П. А. Кулишу «Кратких сведениях и выписках из писем для биографии Гоголя» (1854) сделал примечание: «Это относится к книге, которую Гоголь подарил мне и советовал читать ежедневно» (*Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 643).

[7] В «Авторской исповеди» (1847) Гоголь также писал: «Я не совращался с своего пути. Я шел тою же дорогою».

[8] «Добротолюбие», антология святоотеческих творений (с IV по XV в.), посвященных по преимуществу молитвенно-созерцательному опыту монашеской жизни. Вероятно, Гоголь имел в виду издание, которое было доступно ему в Риме осенью 1842 – весной 1843 гг. Это издание упоминается в «Реестре книгам, отправленным из Москвы в Рим Гоголю 1841 года июля 11 дня»: «Добротолюбие. М., 1840. 4 <т.>» (*Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 722): Добротолюбие, или Словеса и главизны священного трезвение, собранные от писаний Святых и Богодухновенных Отец, в немже нравственным по деянию, и умозрению любомудрием ум очищается, просвещается и совершен бывает. Переведено с Еллино-Греческого языка. Издание четвертое. В четырех частях. М.: В Синодальной Типографии, 1840. <Т. 1>. Ч. 1–2; <Т. 2>. Ч. 3–4. Впервые этот славянский перевод был напечатан в Москве в 1793 г. (Ч. 1–4); переиздавался в 1822 и 1832 гг. (Впоследствии «Добротолюбие» было заново переведено на русский язык (и отчасти заново составлено) святителем Феофаном Затворником (СПб.; М., 1877–1890. Т. 1–5). См. также: Путь к священному безмолвию. Малоизвестные творения Святых Отцов-исихастов / Сост., общая ред., предисл. и примеч. А. Г. Дунаева; Перевод с древнегреч. монаха Андроника (А. Ф. Лосева), М. В. Грацианского, А. Г. Дунаева, Н. А. Леонтьева. Перевод с древнерусск. монаха Алимпия (Вербицкого). М.: Изд-во Православного Братства Святителя Филарета Митрополита Московского, 1999.)

[9] См. ***1844. Апреля 2 <марта 21>. Великий вторник. Дармштадт.***

[10] Щепкину.

[11] Имеются в виду сыновья Щепкина Дмитрий и Николай.

[12] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки.*** – См. также ***1844. Ноября 12 <октября 31>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

[13] См. ***1842. Августа начало <августа средина>. Санкт-Петербург.*** – В рецензии на «Сочинения» Гоголя, опубликованной в 1843 г. в «Библиотеке для Чтения» (без подписи), О. И. Сенковский, в частности, писал: «..."Тарас Бульба", новый старый анекдот в рассказе, представил повесть превосходно обдуманную, согретую живым чувством, исполненную характерного местного колориту. Чтобы усовершенствовать эту прекрасную повесть, стоило только исправить в ней русский язык, придать несколько более логической строгости фразе, устранить грубые *жарты* и немножко обмыть некоторые картины. Но <...> автору показались его повести великими идеями <...> и он <...> стал приписывать им не только поэтическую, но даже философскую важность. <...> В собрании его "Сочинений" мы уже не видим прежнего Тараса: из обширной по сюжету, но хорошо сжатой повести, раскинулась целая украинская пустыня, и большая часть достоинств прежнего "Бульбы" утонула в степном ковыле» (Библиотека для Чтения. 1843. Т. 57 (цензурное разрешение 28 февр.). Отд. VI. С. 23).

[14] <*Масальский К. П.*> Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя // Сын Отечества. 1842. № 6 (цензурное разрешение 31 мая). Отд. 6. С. 1–30. «Мы не понимаем, – писал Масальский, – почему *Мертвые души* названы поэмой. Насмешники, пожалуй, скажут, что автор поверил критикам, которые произвели его за *Тараса Бульбу* в Гомеры, и назвал *Похождения Чичикова* поэмою потому, что Гомерова Илиада называется поэмою. Вероятно это шутка; но нам кажется, что шутить в заглавии сочинения неуместно. Всякую вещь должно назвать ее именем, говорит французская пословица. Если *Похождения Чичикова* поэма, то мы не видим препятствия назвать *Ревизора* трагедией в пяти действиях» (С. 5). «Главный недостаток автора... – писал также Масальский, – состоит в том, что он, увлекаясь своим комическим направлением, переходит часто границы чистого вкуса и, для возбуждения смеха, свою художническую кисть обмакивает в грязные, недостойные художника краски» (С. 19). Разбор К. П. Масальского был оценен как «весьма дельный и прекрасно написанный» в «Обозрении Русских газет и журналов за второе трехмесячие 1842 года», напечатанном в «Журнале Министерства Народного Просвещения» (1842. № 10. Отд. 6. С. 31).

[15] Имеются в виду драматические сцены, отрывки, появившиеся в четвертом томе «Сочинений» 1842 г. – См. также ***1840. Сентября 10 <августа 29>. Четверг. Венеция***.

[16] Письмо неизвестно.

[17] Ответ Шереметевой см.: ***1844. Июня 8 <20>. Четверг. С. Покровское, Москва***.

[18] Имеются в виду слухи по поводу мнимого увлечении Гоголя Смирновой. Подробнее см.: ***1837. Июля около 15 – августа не позднее 27–28 <июля около 3 – августа не позднее 15–16>. Баден-Баден, Страсбург, Баден-Баден*** (примечания).

[19] *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод*. Т. 2. С. 643.

[20] Некоторые мысли настоящего письма Гоголь использовал затем в статье *II. Женщина в свете* «Выбранных мест из переписки с друзьями». – См. также ***1844. Марта 18 <6>. Понедельник. Ницца*** (примечания).

[21] См. ***1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца***.

[22] «Summa Theologiae» («Сумма богословия») Фомы Аквинского (1225–1274).

[23] Чезаре Канту (Cesare Cantu; 1807–1895), итальянский историк; его «Всеобщая история» («Storia universale») в 35 томах начала выходить в Турине в 1837 г.

[24] Младшая дочь Смирновой.

[25] См. ***1844. Марта 24 <апреля 5>. Страстная пятница. Васильевка***.

[26] См. также ***1844. Мая 23 <11>. Четверг. Баден-Баден***; ***1844. Около июня 8 – июля 24 или 25 <около мая 27 – июля 12 или 13>. Франкфурт-на-Майне***.

МАЯ С 17 ПО 19 <С 5 ПО 7>. С ПЯТНИЦЫ ПО ВОСКРЕСЕНЬЕ. ШТУТГАРТ

Гоголь в Штутгарте (проездом из Франкфурта в Баден), о чем свидетельствует счет на печатном бланке штутгартского отеля «Marquard» «für <*1 нрзб.*> Gogol aus Peterburg» («для... Гоголя из Петербурга»; *нем.*) за проживание с 17 по 19 мая (н. ст.) (год не указан)[1].

Незадолго перед тем во Франкфурте[2] Гоголь получил письмо от матери из Васильевки с извещением о кончине старшей дочери Марии Васильевны Трушковской 24 марта / 5 апреля 1844 г.[3] Получив извещение, Гоголь отправился в Штутгарт, где в русской церкви на горе Ротенберг, вероятно, в субботу 18 мая (н. ст.) 1844 г., молился за панихидой об усопшей.

Позднее, 18 июня (н. ст.) 1844 г., Гоголь сообщал матери: «Получив письмо ваше, маминька, с известием о смерти сестры, я отправился немедленно в Стутгардт, где наша церковь, и отслужил по ней панихиду в один и тот же день вместе с панихидой покойной королевы Екатерины Павловны[4], на гробе которой выстроена наша церковь. Молясь о душе королевы, которая была прекрасна, я молил ее в то же время помолиться и о душе сестры моей».

[1] *Свод*. Т. 2. С. 226.

[2] См. ***1844. Мая средина <мая начало>. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Мая 16 <4>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Франкфурт-на-Майне***.

[3] См. ***1844. Марта 24 <апреля 5>. Страстная пятница. Васильевка***.

[4] Екатерина Павловна (1788–1819), сестра Александра I и Николая I, королева Вюртембергская. Элегию В. А. Жуковского «На кончину ее величества королевы Виртембергской» (1819) Гоголь включил в список примеров «Учебной книги словесности для русского юношества» (1846; см. ***1845 октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4> – 1846 мая 6–8 <апреля 24–26>. Рим*** – примечания).

МАЯ 7 <19>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре[1]; в роли Кочкарева – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978*. С. 253.

[2] *Гриц*. С. 327.

МАЯ ОКОЛО 20 <ОКОЛО 8>. БАДЕН-БАДЕН

Гоголь прибыл в Баден[1], чтобы увидеться, как договаривался, с Виельгорскими[2] (последние приехали позже)[3].

[1] См. ***1844. Мая с 17 по 19 <с 5 по 7>. С пятницы по воскресенье. Штутгардт***.

[2] См. ***1844. Апреля 7 <марта 26>. Светлое Христово Воскресение. Праздники православной и католической Пасхи. Дармштадт***; ***1844. Апреля 12 <марта 31>. Пятница Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Апреля 28 <16>. Воскресенье. Ницца***; ***1844. Апреля 29 <17>. Понедельник. Ницца***.

[3] См. ***1844. Мая 29 <17>. Среда. Баден-Баден***.

МАЯ 20 <8>. ПОНЕДЕЛЬНИК. БАДЕН-БАДЕН

Гоголь, предположительно, знакомится с лекарем[1] И. П. Постниковым[2].

«Листая перед выставкой хранящийся в запасниках альбом некого врача Постникова, сотрудники музея Пушкина заинтересовались записью, сделанной неизвестной рукой. Графологи показали: это подлинный автограф Гоголя. Всего одна фраза: "Горько, о как горько мне было 20 мая, но как сладко будет вспомнить о нем". Запись относят к 1844 году, когда, будучи за границей, Гоголя познакомили <?> с Постниковым. Что означает эта запись? Что у Гоголя случилось 20 мая? Загадка»[3].

Приписываемая Гоголю надпись: «Горько, о как горько мне было 20 мая, но как сладко будет вспомнить о нем. 1844», – впервые воспроизведена в 2007 г. в виде фотокопии в журнале «Наше наследие», с подписью: «Автограф Н. В. Гоголя "Горько, о как горько... 1844" из альбома И. П. Постникова. 1830–1880-е годы. Бумага, орешковые чернила»[4].

Принадлежность Гоголю альбомной записи сомнительна.

[1] См.: Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему повелению Медицинским Департаментом Министерства Внутренних Дел. На 1844 год. СПб., <1844>. С. 283.

[2] П. М. Языков, будучи в Ницце, 2 января 1840 г., в частности, записал в дневнике: «К чаю Иван Петрович <Постников> тут как тут. <...> Кто живет в Москве, тот привык к отличнейшему чаю. Иван Петрович любит его кушать на воздухе, с трубочкою, разумеется с стамбулкою, с саженным чубуком, черешневым, – тьфу, пропасть, какая роскошь! (Реминисценции "Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем". – *И. В.*) Здесь ее и не знают, этой азиатской неги. А жýковский табачок просто сласть... Нынешний день доктор поторопился в свою комнату; по наблюдениям Сильверста <слуга Н. М. Языкова>, наш медик занимается каким-то сочинением – на письменном его столе лежит огромная тетрадь с заглавием: "О целебных

водах Европы", — вот как хватил наш Иван Петрович! Не на шутку он несколько недель хмурился как осенняя погода» (*Афанасьев В. В.* Жизнь Николая Языкова по документам, воспоминаниям // *Языков Н. М.* Свободомыслящая лира. М., 1988. С. 252). 10 июня 1843 г. Н. М. Языков, находясь в Гастейне, посвятил Постникову «Элегию» («В тени громад снеговершинных...«) (*Языков Н. М.* Соч. Л., 1982. С. 193).

[3] *Копылова В.* Гоголь с портфелем и без. (Одно из крупнейших мероприятий по празднованию 200-летия со дня рождения Гоголя — выставка в Государственном музее Пушкина на Пречистенке «Гоголевский бульвар». Уникальные экспонаты выставлены в трех залах) // Московский комсомолец. 2009. 20 марта. № 58. С. 3; *Свод.* Т. 3. С. 994.

[4] *Михайлова Н.* «Альбом есть памятник души...» // Наше наследие. 2007. № 83–84.

МАЯ 21 <9>. ВТОРНИК. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. БАДЕН-БАДЕН

Именины Гоголя.

МАЯ 9 <21>. ВТОРНИК. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. МОСКВА

Представление «Игроков» в Малом театре[1]; в роли Утешительного — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 260.
[2] *Гриц.* С. 327.

МАЯ 9 <21>. ВТОРНИК. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Н. Шереметева в письме к Гоголю поздравляет его с именинами (письмо не сохранилось).

См. ***1844. Июня 8 <20>. Четверг. С. Покровское, Москва.***

МАЯ 23 <11>. ЧЕТВЕРГ. БАДЕН-БАДЕН

Гоголь пишет В. А. Жуковскому, адресуя письмо во Франкфурт[1]:

«Если вы приехали во Франкфурт, то поздравляю вас с приездом. <...> ...Мне хотелось бы приехать во Франкфурт, но не хотел бы в такое время, когда вы еще устроиваетесь и не уселись как следует на место. А человек еще не усевшийся на место вообще сердит, несколько любит окрыситься, а иногда даже и съездить по морде не кстати подвернувшегося человека. Не желая почувствовать на собственной своей коже всего этого и поручая выкушать все это Даниилу-пророку[2], я пишу вам заблаговременно об этом запрос. Я в Бадене, нахожусь в том самом отеле, где вы стояли (Hotel de Hollande[3]), живу порожняком и беседую с одним гр<афом> Толстым, да иногда на две минуты вижу Викулина[4]. О моем помещении вы не заботьтесь. Я могу в две минуты отыскать себе ночлег среди какого бы то города ни было, ибо человек без комфортов. Главное то, что мы вновь воспитаем, возбеседуем и воспишем вместе».

В результате бесед с графом А. П. Толстым в Бадене в 20-х числах мая — начале июня (н. ст.) 1844 г. в записной книжке Гоголя 1841–1844 гг. появляются записи «Сведения о Лыскове»[5], «Дела, предстоящие губернатору», «Откупа» и др. Записи были использованы Гоголем при написании адресованных Толстому статей

XX. Нужно проездиться по России и *XXVIII. Занимающему важное место* «Выбранных мест из переписки с друзьями». (Позднее, в 1845 г. Гоголь писал Толстому: «Я вас очень благодарю, что вы объяснили должность генерал-губернатора; я только с ваших слов узнал, в чем она истинно может быть важна и нужна в России. Прежде мне казалось, что и без нее организм управления губернии совершенно полон»[6].) Отдельные мысли указанных статей перекликаются с суждениями генерал-губернатора в одной из сохранившихся глав второго тома «Мертвых душ». В образе этого генерал-губернатора многие угадывали самого графа Толстого[7].

В частности, заметки Гоголя в записных книжках отразились в словах «нынешнего человека» в статье «Нужно проездиться по России»: «...Живу я, конечно, роскошно, но у меня нет ни детей, ни родственников, мне не для кого копить <...>; взятку я беру только с богатого, который сам просит об этом, которому это не в разоренье...» — Ранее, в записной книжке 1842–1845 гг.[8], Гоголь отметил: «Не эгоист в душе, но эгоист жизнь<ю>, ведущий роскошную жизнь потому только, что не для кого оставлять состояния: детей всего только один». С графом Толстым Гоголь беседовал на этот счет, по-видимому, о бывшем крупном чиновнике П. А. Взметневе[9]. В записной книжке 1841–1844 гг. Гоголь записал: «*Взметнев* служил в министер<стве> финансов; славно знает дела министерства финансов; не служит, живет и хозяйничает в Крыму, где садит сады. Был несколько времени славным губернским предводите<лем>, знает нужды и потребности. Несчастен сыном, которого любит и для которого готовит всё имение. С молоду <*1 нрзб.*> с правдой попался...»

Мысль о том, как «косвенно» грешит человек, беря взятку «только с богатого», встречается в заметке «Откупа» в записной книжке Гоголя 1841–1844 гг. — записанной со слов графа Толстого. Здесь описывается деятельность винного откупщика в губернии, взятки которого для чиновников давно превратились в «нестыдный» обычай: «Сила откупщика так велика, что его нельзя ограничить, потому что он лопнет, если скрутить его, и потому все, даже честные, берут от него взятки. Откупщик всем дает; все с ним в дружбе и все им довольны». В результате такой «дружбы» «казенная палата <...> ему мирволит во всем <"мирволить — потворствовать"; записная книжка Гоголя 1841–1845 гг. >: дозволяет открывать кабаки не в законных местах и не в законные часы: во время обедни, в праздники и до обедни[10], продолжая ярмарочные дни; дозволяя разводить водой вино, дозволяет употреблять возбуждающ<ее>... не закрывает вечером поздно и проч.»

Со слов Толстого Гоголь, вероятно, внес также в записную книжку 1841–1844 гг. следующую заметку: «Штейн у Софьи Петровны занимался всю жизнь; [о мирном судье], его обязанность мирного судьи в России. Сам практически никуда не годится». Софья Петровна (рожд. графиня Толстая, 1800–1886) — сестра Толстого, вдова генерал-майора графа Владимира Степановича Апраксина. Содержание заметки перекликается с размышлениями Гоголя о совестном судье в статье «Занимающему важное место».

В другой записной книжке Гоголя — 1841–1846 гг. — со слов графа Толстого были записаны следующие сведения: «Матвей Александрович, священ<ник> церк<ви> Спаса во Ржеве[11]. В Венеции Marascale, греческий поп в греческой церкви[12]. Ventura[13], папский духовник».

Вероятно, позднее, сблизившись с Гоголем, граф Толстой, под влиянием писателя[14], одно время даже стал носить вериги. В. И. Шенрок в 1897 г. сообщал: «...Покойная Анна Васильевна Гоголь рассказывала нам со слов брата, что А. П. Толстой носил тайно вериги. <...> Мы не можем <...> решительно утверждать, чтобы у гр<афа> А. П. Толстого явилась серьезная мысль о пострижении, но считаем себя вправе предполагать это по совершенно категорическим утверждениям Гоголя о монастыре, рясе чернеца и проч. От покойной Анны Васильевны Гоголь мы слышали, будто брат или кто-нибудь другой передавал ей, что Толстой одно время носил даже тайно вериги и проч.»[15]

[1] См. также ***1844. Мая 16 <4>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Мая 25 <13>. Троицкая родительская суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[2] Гоголь называет так в шутку слугу Жуковского.

[3] Название гостиницы.

[4] Иван Алексеевич Викулин (1804–1880) или его брат, Сергей Алексеевич (1800–1848), знакомые Жуковского. — См. также ***1844. Июня конец <июня средина>. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Июля 17 <5>. Среда. Франкфурт-на-Майне***.

[5] Село в Нижегородской губернии, имение князя Г. А. Грузинского, отца графини А. Г. Толстой (рожд. княжны Грузинской), жены А. П. Толстого.

[6] См. ***1845. В течение года***.

[7] См. также ***1838. Октября 6 <18>. Четверг. Москва*** (примечания).

[8] Датировка записной книжки уточнена (см. ***1842. Марта 14. Суббота. Вечер. Москва*** — примечания; ***1842 октября 4 <сентября 22> — 1843 мая 2 <апреля 20>. Рим*** — примечания).

[9] Петр Алексеевич Взметнев (1790–1877) в 1808 г. служил секретарем гражданского губернатора Саратовской губернии; в 1812–1815 гг. — в Канцелярии министра финансов; в 1821–1824 г. — в Кабинете Его Императорского Величества; в 1825 г. — чиновником для особых поручений при министре уделов; в 1836–1842 гг. — Таврический губернский предводитель дворянства. (Граф Толстой в 1837–1840 гг. был Одесским военным губернатором.)

[10] С 1743 г. в России в воскресные и другие праздничные дни продажа спиртных напитков до окончания богослужения была запрещена.

[11] С отцом Матфеем Александровичем Константиновским (1791–1857; с 1838 г. протоиерей) граф Толстой познакомился в бытность свою в 1834–1837 гг. тверским гражданским губернатором. Подробнее см.: ***1838. Октября 6 <18>. Четверг. Москва*** (примечания); ***1847. Февраля 6 <января 25>. Вселенская родительская суббота. Неаполь*** (примечания). 20 ноября 1849 г. К. И. Марков, в частности, писал Гоголю об о. Матфее: «Сколько мне известно – вам рекомендовал его граф Толстой...»

[12] Возможно, имеется в виду архимандрит Спиридон (см ***1843. Сентября 18 <6>. Понедельник. Баден-Баден***).

[13] Кардинал Иоаким (Джоакино) Вентура да Раулико (1792–1861), итальянский богослов и проповедник, сторонник отделения Церкви от государства, поборник национальной независимости Италии. Был близок к папе Пию IX и до 1847 г. оказывал на него влияние. В 1848 г., когда А. Мицкевич организовал в Италии польский легион, издал написанный Мицкевичем «Свод принципов», в котором излагалась программа польского легиона. Во время осады Рима в 1849 г. уехал во Францию. – См. также ***1847. Августа 5 <июля 24>. Четверг. Париж***; ***1847. Августа около 18 <около 6>. Остенде.***

[14] См. ***1848. Декабря 4 или 5. Суббота или воскресенье. Москва*** (примечания).

[15] Воспоминания А. В. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 163.

МАЯ 12 <24>. ПЯТНИЦА. ВАСИЛЬЕВКА

Вероятно, в этот день мать Гоголя и его сестра Анна отправили ему письма во Франкфурт.

См. ***1844. Июня 15 <3>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

МАЯ 25 <13>. ТРОИЦКАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский пишет ответное[1] письмо Гоголю в Баден:

«Я во Франкфурте... <...> Через две недели[2] все вокруг меня придет в устройство... <...>, но вот оказия: тем временем императрица прибудет в Берлин, и я должен буду поехать туда. Еще не знаю сроку ее прибытия, потому не могу определить ни сроку моего отбытия... Все это после уладим на письме; вы же пока живите в Бадене; там хорошо: сторона Божия, народу для наблюдения довольно, уединение для работы есть, с ним и свобода; а впереди Франкфурт[3] и работа наша совокупная. Это все хорошо. Я же теперь знаю, где вас отыскать. Только не трогайтесь с места, а если тронетесь, дайте знать. Между тем вот вам известие о некоем деле, которое для вас, конечно, не будет неприятно. Я был должен Великому Князю наследнику 4000 рублей[4]. При отъезде его из Дармштата я сделал ему предложение: "Не благоугодно ли будет Вашему Высочеству, чтоб я заплатил эти деньги не вам, а известному вам русскому, весьма затейливому писателю господину Гоголю; так, чтоб я ему сии деньги платил в год по 1000 рублей, начав с будущего генваря (понеже вдруг сего сделать не могу вследствие чахоточного состояния мошны моей)?" И Его Высочество на сей вопрос мой изрек и словесное и письменное быть по сему. Таким образом, и состою вам должен 4000 руб<лей>...»[5]

К своему письму Жуковский приложил полученное им во Франкфурте письмо к Гоголю А. О. Смирновой из Парижа[6].

Спустя некоторое время Жуковский писал Смирновой в Париж[7]: «Всякий день получаю от вас пакеты. Для меня только адрес, а все прочее к Гоголю. Я и без вас знаю, что я Василий Андреевич Жуковский, что и до сих пор жил в Дюссельдорфе; что теперь живу во Франкфурте. Но я никогда не думал, чтоб я был только хвост Гоголя, за который вы благоволите иногда дергать, чтобы Гоголь вам откликнулся. Знайте, однако, что императрица будет 12 июня или 9-го н<ового> с<тиля> в Берлине. Вы, может быть, поедете к ней. И если поедете, то, конечно, через Франкфурт. Чего доброго, вы еще проедете через сей вольный город и мне не скажетесь, да я и сам недели через две или три отправлюсь в Берлин»[8].

[1] См. ***1844. Мая 23 <11>. Четверг. Баден-Баден.***

[2] См. ***1844. Около июня 8 – июля 24 или 25 <около мая 27 – июля 12 или 13>. Франкфурт-на-Майне.***

[3] См. ***1844. Около июня 8 – июля 24 или 25 <около мая 27 – июля 12 или 13>. Франкфурт-на-Майне.***

[4] См. ***1840. Января 13–14. Суббота-воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1840. Января 21. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1840. Февраля 1. Четверг. Москва.***

[5] См. также ***1844. Апреля 17 <5>. Среда. Дармштадт.***

[6] См. ***1844. Мая 29 <17>. Среда. Баден-Баден***; ***1844. Мая 30 <18>. Четверг. Баден-Баден.***

[7] Ответ Смирновой см.: ***1844. Июня 3 <мая 22>. Понедельник. Париж.***

[8] Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод*. Т. 2. С. 56.

МАЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА <МАЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА (ДО 28 ЧИСЛА)>. МОСКВА

Н. М. Языков пишет ответное[1] письмо Гоголю во Франкфурт[2] (письмо не сохранилось). К письму Языков, по-видимому, приложил газетную вырезку Именного указа «О дополнительных правилах на выдачу заграничных паспортов», от 15 марта 1844 г.[3]

[1] См. ***1844. Апреля 2 <марта 21>. Великий вторник. Дармштадт.***

[2] Ответ Гоголя см.: ***1844. Июня 15 <3>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[3] См. ***1844. Апреля 7 <19>. Пятница. Москва***; ***1844. Июня 2 <14>. Пятница. Москва.***

МАЯ 16 <28>. ВТОРНИК. МОСКВА

М. П. Погодин сломал ногу[1].

Два месяца спустя, 16/28 июля 1844 г., Погодин в ответном[2] письме к Гоголю сообщал: «Беда случилась со мной среди мечтаний и самым странным образом. Я поехал в университет за Шевыревым, который уезжал встречать тело князя Голицына[3]. Еду спокойно на дрожках и думаю: "Теперь я получу на днях увольнение[4] и отправлюсь на воды, с вод в Копенгаген или какой-нибудь угол Варяжского[5] моря писать норманн<ский> период[6]; зиму соберу и приведу в порядок все исследования об удельном периоде и на весну поеду в Киев, на Днепр, писать удел<ьный> период; зимой устрою монгольское время и во вторую весну поеду в Сибирь, посмотреть Монгольские степи..." Как вдруг дроги пополам, и я упал и переломил себе ногу в самом важном месте! Не загадывай далеко! Меня втащили в соседнюю кондит<ерскую> лавку (16 мая, в 10<-м> часу), и часа три я промучился там сильно. Потом отвезли домой, где встреча была с своими ужасная. После не чувствовал уже никакой сильной боли, кроме времени осмотра. Все посетители были уверены, что перелома нет, а Иноземцев утверждал, что есть; с ним согласились и Пеликан[7], Альфонский[8], Севруг[9]. Меня положили в тиски, в картоны, и лежал я до сих пор».

[1] См. также ***1844. Июня 2 <14>. Пятница. Москва.***

[2] См. ***1844. Июля 13 <1>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[3] 27 марта 1844 г. в Париже скончался московский генерал-губернатор Д. В. Голицын. Его прах был привезен в Москву 17 мая 1844 г. – См. также ***1844. Июля 17 <5>. Среда. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[4] Неуверенно чувствуя себя при попечителе Московского учебного округа графе С. Г. Строганове, а также предполагая некоторое время заняться исключительно написанием русской истории, Погодин 16 февраля 1844 г. подал просьбу об увольнении из Московского университета, надеясь через два года вернуться на службу, однако этот план не удался: увольнение оказалось окончательным.

[5] Древнее название Балтийского моря.

[6] Этим термином Погодин обозначал период русской истории с 862 по 1054 гг.

[7] Вацлав Вацлавович Пеликан (1790–1873), хирург, в ту пору – главный доктор Московского военного госпиталя.

[8] Аркадий Алексеевич Альфонский (1796–1869), доктор медицины и хирургии, ректор Московского университета.

[9] Людвиг Степанович Севрук (Севруг, 1807–1852), профессор анатомии Московского университета.

МАЯ 29 <17>. СРЕДА. БАДЕН-БАДЕН

Гоголь отвечает[1] В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Уведомьте меня, которого именно числа выезжаете вы в Берлин, мне бы хотелось за день до вашего отъезда приехать во Франкфурт, чтобы повидать вас. Тем более, что мне скоро уже приходит время ехать в Останд на морское купанье, куда посылает меня Коп<п>, стало быть придется целый месяц или даже и два не видать вас, а через Франкфурт следует ехать во всяком случае. За письмо ваше очень, очень благодарю, но вы не сдержали условия[2]. Помните? я вас просил, чтобы наследнику не заикаться насчет меня в денежном отношении. Но так как вы уже это сделали, то, в наказание, должны сими деньгами выплатить мой долг, то есть те четыре тысячи, которые я года четыре тому назад[3] занял у вас в Петербурге. <...> Гр. Виельгорские вам кланяются. Смирнова уже несколько раз в письмах повелевает обнять вас и в последнем вами присланном [мне] письме[4] выразилась об этом предмете так: "Жучка меня пенял за молчание, чрез Тургенева. Скажите ему, что я его люблю". Во Франкфурте я по обыкновению остановлюсь в Hotel de Russie».

[1] См. ***1844. Мая 25 <13>. Троицкая родительская суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[2] Позднее В. А. Жуковский всё же убедил Гоголя принять деньги. Об этом свидетельствует расписка Гоголя: «Из тысячи рублей следуемых мне за 1845 год получил от Василия Андреевича Жуковско<го> четыреста рублей сего 1844-го года 1-го ноября. Николай Гоголь» (см. ***1844. Ноября 1 <октября 20>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***). – См. также ***1845. Февраля 24 <12>. Понедельник. Париж.***

9/21 февраля 1846 г. Жуковский писал Гоголю: «При сем прилагаю вексель на тысячу рублей. Теперь две тысячи вам заплачены. Еще остается на мне две тысячи, которые в свое время вы получите» (см. ***1846. Февраля 21 <9>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***).

8/20 февраля 1847 г. Жуковский вновь извещал Гоголя: «Из великокняжеских же денег теперь выдано мною тебе 3000 рублей, остается еще на мне *одна* тысяча, которая в будущем году в феврале месяце к тебе пошлется...» (см. ***1847. Февраля 20 <8>. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Франкфурт-на-Майне***).

[3] См. ***1840. Февраля вторая половина. Москва.*** – Ранее Гоголь уже распорядился о возврате денег Жуковскому (см. ***1843. Апреля 17 <5>. Великий понедельник. Рим***). Поскольку в итоге он согласился взять новые четыре тысячи рублей от Жуковского, можно предположить, что к тому времени долг уже был заплачен.

[4] См. ***1844. Мая 25 <13>. Троицкая родительская суббота. Франкфурт-на-Майне.***

МАЯ 30 <18>. ЧЕТВЕРГ. БАДЕН-БАДЕН

Гоголь отвечает на письмо А. О. Смирновой, которое В. А. Жуковский переслал ему из Франкфурта в Баден[1]; по поводу предстоящего отъезда Смирновой в Россию, в связи с назначением ее мужа губернатором в Калугу, замечает:

«На письмо ваше скажу вам только то, что и дорога, предстоящая вам, и даль, и север, и губернаторство, и тоска, будут очень, очень, очень нужны душе вашей; а как, и что, и почему, и каким именно образом, обо всем этом поговорим. <...> За всё потом вы возблагодарите Бога... <...> Затем до свиданья[2]. <...> Адрес по-прежнему во Франкфурт».

[1] См. ***1844. Мая 29 <17>. Среда. Баден-Баден.***

[2] См. ***1844. Июня конец <июня средина>. Франкфурт-на-Майне.***

МАЯ 18 <30>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Цензурное разрешение № 5 «Москвитянина» за 1844 г., в котором напечатан отзыв А. С. Хомякова о творчестве Гоголя и М. И. Глинки:

«Новая эра не будет уже довольствоваться <...> подражаньями старым формам, этим мертвым торжествам Баварского искусства. Она создаст новые живые формы, полные духовного смысла, в живописи и зодчестве, – были бы только художники вполне Русские и жили бы вполне Русскою жизнью. Словесность и музыка дали уже великий пример в Гоголе и Глинке. – Нет человечески истинного без истинно народного!»

Хомяков. Опера Глинки Жизнь за Царя // Москвитянин. 1844. № 5 (цензурное разрешение 18 мая). С. 103; *Свод.* Т. 3. С. 201.

МАЯ 31 <19>. ПЯТНИЦА. ПАРИЖ

Ф. В. Чижов пишет Гоголю:

«Мне чрезвычайно хотелось бы видеться с вами[1], Николай Васильевич; но как я не могу определительно себе сказать, зачем, поэтому мне как-то совестно предпринять путешествие довольно значительное, при моих весьма незначительных средствах. Извините, что я без всякого права буду просить вас уведомить меня, где вы проводите лето, и не будете ли случайно в августе в Кёльне, или его окрестностях; мне надобно будет поехать в один городок близ Ахена, чтоб повидаться с Печериным[2]; может быть, мы бы и съехались. Во всяком случае, позвольте вас просить написать несколько строк, где вы и где будете в августе; мои занятия удержат меня в Париже непременно до августа. Свидание с вами могло бы, может быть, прояснить мне многое в отношении к некоторым общим нашим знакомым, особенно Шаповаленки...»

[1] Ср. ***1844. Июня 19 <7>. Среда. Париж***; ***1844. Июня 22 <10>. Суббота. Остенде.***

[2] Владимир Сергеевич Печерин (1807–1885), русский эмигрант, католический священник и монах (католичество принял в 1840 г.; в 1844 г. переехал в Англию). – См. ***1844. Августа 1 <июля 20>. Четверг. Париж*** (примечания).

МАЙ <АПРЕЛЯ СРЕДИНА – МАЯ СРЕДИНА>. НЕАПОЛЬ

А. А. Иванов пишет А. Н. Попову в Москву[1]:

«Покажите брату Москву[2], дайте юности его почувствовать народность в ее памятниках. Авось труд Ваш не пропадет, и со временем архитектор выстроит нам что-нибудь в духе русских.

Да, нам суждено в разные лета видеть представительную столицу России. Не знаю, как лучше: видеть ли ее юноше в ранних летах, где молодое воображение, поэзия представляет безотчетно тысячи идей, попирающих одну другой, или уже в зрелых летах, испытав и поверив опытом все прекрасное в Европе, положительно определить, что принадлежит красотам собственно русским.

Эти два вопроса часто были предметом спора моего с Гоголем. Мы их решим лет через десять опытами».

Необходимость первоначального воспитания в духе отечественных традиций, с освоения «красот» и святынь Москвы – а не Европы, отстаивал в данном споре Гоголь. Приписывать в этом случае Гоголю противоположную точку зрения (как это было сделано одним из исследователей[3]) можно лишь совершенно игнорируя глубокое религиозно-патриотическое содержание творчества Гоголя в целом, – с одной стороны; с другой, – допустить такую ошибку можно только не зная ни биографии, ни взглядов на искусство гоголевского «оппонента» – Ива-

нова. Во все годы обучения брата Иванова в петербургской Академии художеств Александр Иванов, — сам нигде в России, кроме Петербурга, не бывавший, ни о чем другом не помышлял, как только о том, чтобы для совершенствования в живописи брат его скорее приехал к нему в Рим. Именно в год пребывания брата в Москве он даже готов был, оторвавшись от своей картины, вернуться в Россию для ухода за престарелым отцом, чтобы «не препятствовать брату» выехать в Италию[4]. Представление о должной, по мнению А. А. Иванова, последовательности в обучении художника он не только высказывал в беседах с Гоголем, но и неоднократно излагал в письмах: «... Если наш художник, вследствие глубокого своего учения за границей, окончит свои знания по России, то <...> из русской души его выйдет прекрасная русская архитектура...»[5]; «Я думаю, что путешествие по России для художника творящего — лучше и вернее сделать по окончании учения своего в чужих краях»[6].

[1] В июле 1844 г. А. А. Иванов писал отцу: «Я послал письмо моему знакомому в Москве, А. Н. Попову, прося его познакомить брата с его знакомыми: Языковым, Хомяковым, (с) домами: Геласиных, Коровских, Варвинских» (*Боткин М. П.* Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. СПб., 1880. С. 166; *Свод.* Т. 3. С. 336).

[2] Младший брат А. А. Иванова, архитектор Сергей Андреевич Иванов (1822–1877), приехал в Москву летом 1844 г.

[3] Некомпетентное мнение было высказано Ю. В. Манном: «По смыслу письма видно, что в этом “споре” Гоголь придерживался второй точки зрения: увидеть Москву следует в свете приобретенного “опыта”, трезвым взглядом и умом» (*Манн Ю. В.* Москва в творческом сознании Гоголя. (Штрихи к теме) // Москва и «московский текст» русской культуры. М., 1998. С. 81).

[4] См. ***1844. Января вторая половина <января первая половина>. Рим*** (письмо Иванова к Гоголю).

[5] Письмо к брату от октября 1844 г. (см.: *Боткин М. П.* Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. СПб., 1880. С. 172).

[6] Письмо к Н. М. Языкову от 1 сентября 1845 г. (*Боткин М. П.* Александр Андреевич Иванов. С. 187).

ИЮНЯ 3 <МАЯ 22>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПАРИЖ

А. О. Смирнова пишет ответное[1] письмо В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Гоголь мною управляет, и я ему делала запросы: мы писали о своих делах»[2].

Из писем А. О. Смирновой // *Свод.* Т. 2. С. 200.

[1] См. ***1844. Мая 25 <13>. Троицкая родительская суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1844. Мая 30 <18>. Четверг. Баден-Баден.***

МАЯ 25 <ИЮНЯ 6>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.

[2] *Гриц.* С. 327.

ОКОЛО ИЮНЯ 8 <ОКОЛО МАЯ 27>[1]. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь приехал из Бадена во Франкфурт к В. А. Жуковскому. Вероятно, по приезде альбом, подаренный Гоголю в первой половине марта (н. ст.) 1844 г. в Ницце Виельгорскими, Соллогубами и А. О. Смирновой[2], он передарил жене Жуковского Елизавете Евграфовне, с надписью: «А ГОГОЛЬ Е. Е. ЖУКОВСКОЙ»[3].

Вероятно, вскоре по приезде Гоголь написал в Париж письмо к графине Л. К. Виельгорской, в котором сообщал о своем желании вернуться в Баден[4].

[1] См. ***1844. Мая 25 <13>. Троицкая родительская суббота. Франкфурт-на-Майне.***
[2] См. ***1844. Марта первая половина <марта начало>. Ницца.***
[3] Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 671; *Свод.* Т. 3. С. 557.
[4] См. ***1844. Июня средина <июня начало>. Париж.***

ОКОЛО ИЮНЯ 8 – ИЮЛЯ 24 ИЛИ 25 <ОКОЛО МАЯ 27 – ИЮЛЯ 12 ИЛИ 13>. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь живет у В. А. Жуковского во Франкфурте, откуда во второй половине июня (н. ст.) ездил в Мангейм[1] и Баден[2]. (Жуковский в эти месяцы переводил VIII песнь «Одиссеи»[3].)

В конце июня (н. ст.) 1844 г. во Франкфурт приехала А. О. Смирнова[4], которая провела здесь, с перерывом на пятидневную поездку в Баден[5], более двух недель, «видаясь каждый день с Гоголем и Жуковским». Здесь же, вероятно, находился поэт граф А. К. Толстой[6]. В начале июля (н. ст.) 1844 г., вероятно, в Шлангенбаде[7], Гоголь встречался с М. П. Балабиной.

В начале 1845 г. Жуковский записал в своем дневнике: «В 1844 мы переселились во Франкфурт[8]. Нам достали прекрасный дом[9] на берегу Майна с садом, весьма поместительный... <...> На возвратном пути из Киссингена жил у меня Тургенев[10]. Прежде Гоголь»[11].

По свидетельству И. Е. Бецкого, Жуковский жил тогда «на набережной, на другой стороне моста, в двухэтажном небольшом домике, окнами на Майн»[12].

Позднее, 29 декабря 1850 г., Е. А. Хитрово записала о Гоголе в дневнике: «Перелистывая каталог Неаполитанского ботанического сада, он нашел Adianthum засушенный, и когда я ему стала говорить о сходстве его листьев с листьями Salisburia adianthifolia, он схватил карандаш и нарисовал листок этого дерева, которое видел во Франкфурте в саду у Жуковского»[13].

Как указал В. С. Каргашов, «растение Salisburia adianthifolia более известно как Гинко двулопастный Ginkgo biloba семейства Гинковые Ginkgoaceae»[14]. В 1815 г. в том же саду, принадлежавшем, вместе с домом, франкфуртскому аптекарю Петеру Зальцведелю, «небольшое деревце гинко <...> вдохновило И. В. Гете на написание одного из <...> лирических стихотворений цикла "Западно-восточный диван"»: «Лист гинко был увековечен Гете в <...> стихотворении, посвященном Марианне Виллемер, – "Gingo biloba"... <...> В дневнике одного из друзей Гете[15] появилась следующая запись: "Гете прислал фрау Виллемер из города листок гинго-билоба как эмблему дружбы. Не знают, один ли этот лист – раздваивающийся, или два листа – соединяющиеся"»[16]. – «Существо ли здесь живое / Разделилось пополам, / Иль, напротив, сразу двое / Предстают в единстве нам?»[17]

[1] См. ***1844. Июня между 15 и 19 <июня между 3 и 7>. Мангейм.***
[2] См. ***1844. Июня 19 <7>. Среда. Баден-Баден***; ***1844. Июня около 20 <8>. Баден-Баден.***
[3] См. ***1844. Июля 14 <2>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне.***
[4] См. ***1844. Июня конец <июня средина>. Франкфурт-на-Майне.***
[5] См. ***1844. Июля 12 <июня 30>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Июля 17 <5>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***
[6] См. ***1848. Августа средина – августа 24*** (примечания).
[7] См. ***1844. Июля начало <июня вторая половина>. Франкфурт-на-Майне; Шлангенбад; Франкфурт-на-Майне.***
[8] См. ***1844. Мая 25 <13>. Троицкая родительская суббота. Франкфурт-на-Майне.***
[9] Литографию «Дом, где жил В. А. Жуковский, в Саксенгаузене, близ Франкфурта на Майне, с мая 1844 до августа 1848 г.» см. в изд.: Живописный Сборник замечательных предметов из наук, художеств, промышленности и общежития. Издание А. А. Плюшара. СПб., 1853. <Т. 3> (цензурное разрешение 6 дек. 1852). С. 360.
[10] См. ***1844. Сентября 19 <7>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***
[11] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 43.
[12] <*Бецкий И. Е.*> Листки из дорожного дневника за границею. 1/13 октября 1844. Франкфурт-на-Майне //

Москвитянин. 1845. Ч. 3. № 5 и 6. Май и июнь. (цензурное разрешение 7 июля). С. 241; см. также: *Бецкий И. Е.* Из «Дневника». Запись о свидании с В. А. Жуковским во Франкфурте // В. А. Жуковский в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста, вступ. ст. О. Б. Лебедевой, А. С. Янушкевича. М., 1999. С. 344.

[13] См. ***1850. Декабря 29. Пятница. Одесса***.

[14] *Карташов В. С.* Н. В. Гоголь и И. В. Гете в саду аптекаря П. Зальцведеля во Франкфурте-на-Майне // Актуальные проблемы современной науки. 2016. № 3. С. 65.

[15] Имеется в виду Сульпиц Буассере (*Михайлов А. В.* Примечания // *Гете И. В.* Западно-восточный диван. Изд. подготовили И. С. Брагинский, А. В. Михайлов. М., 1988. С. 751).

[16] *Карташов В. С.* Н. В. Гоголь и И. В. Гете в саду аптекаря П. Зальцведеля во Франкфурте-на-Майне. С. 65.

[17] *Гете И. В.* Gingo biloba // *Гете И. В.* Западно-восточный диван. С. 73 (перевод В. В. Левика).

ИЮНЯ 8 <МАЯ 27>. СУББОТА. КАРЛСБАД

Княжна А. В. Голицына записывает в дневнике:

«Обедали у нас[1] Граф<иня> и Граф В. Сол<л>огуб, он очень веселый, приятный, много рассказывал про Гоголя, он теперь в Бадене[2], неужели я его никогда нигде не встречу. Смешные анекдоты Гоголя и один Жуковского. Когда наследник путешествовал по России, в одном городке городничий раздвигал народ и одного толкнул в спину, сказав: “с благоговением, собака”»[3].

Анекдот был известен также А. О. Смирновой: «Когда Жук <Жуковский> путешествовал с наследником, в каком-то уездном городе городничий в церкви начал <*текст утрачен*> <толч>ками простой народ <*утрачены три строки текста*> со всех сторон, поравнявшись с каретой Жуковского, он ему сказал: “Накройтесь, ваша жизнь слишком драгоценна”. Ну так я вам говорю: с благоговением, собака»[4].

[1] Княжна Александра Владимировна Голицына (3 февраля 1831 – 15 июля 1900), вероятно, путешествовала с родителями: князем Владимиром Сергеевичем Голицыным (1794–1861) и княгиней Прасковьей Николаевной (рожд. Матюниной, 1798–1881). Впоследствии А. В. Голицына была близка к графине А. Г. Толстой. В 1901 г. В. И. Шенрок замечал: «Не можем не выразить крайнего сожаления по поводу того, что покойная княгиня <княжна> А. В. Голицына, в силу странного завещания графини А. Г. Толстой, отказала нам в проверке по подлинникам писем Гоголя к Толстым. (Г-жа Голицына ссылалась в своем отказе на то, что она была не совсем согласна и на первоначальное напечатание писем в “Сборнике в память Юрьева” и в “Русской Старине” и не желала повторить свою “ошибку” еще раз.)» (*Шенрок В.* Предисловие // Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. XI; см. также: *Гиляровский Вл.* Неизданное письмо Гоголя и его кресло // *Свод.* Т. 1. С. 369).

[2] В Бадене Гоголь находился со второй половины мая до начала июня (н. ст.) 1844 г. (см. ***1844. Мая около 20 <около 8>. Баден-Баден***; ***1844. Мая 30 <18>. Четверг. Баден-Баден***; ***1844. Около июня 8 <около мая 27>. Франкфурт-на-Майне***).

[3] Упоминание о Гоголе в путевом дневнике кн<яжны> Ал<ександры> Влад<имировны> Голицыной 1844 г. // *Свод.* Т. 3. С. 557.

[4] *Смирнова А. О.* Биография Александры Осиповны Чаграновой // *Свод.* Т. 2. С. 288.

МАЯ 29 <ИЮНЯ 10>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Представление спектакля «Мертвые души, комические сцены» (сост. Н. И. Куликовым) в Малом театре.

Ельницкая 1978. С. 276.

ИЮНЯ 12 <МАЯ 31>. СРЕДА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет в Васильевку ответное[1] письмо к матери и сестрам, Анне, Елизавете и Ольге (письмо относится к числу тех, которые Гоголь просил мать и сестер

перечитывать в своем завещании 1845 г.[2]) (судя по почтовому штемпелю[3], оно было отправлено из Франкфурта в Васильевку на следующий день, 13 июня[4]).

В письме к родным сообщает, что, получив письмо матери с извещением о смерти старшей дочери Марии, «отправился немедленно в Стутгардт», где «отслужил по ней панихиду»[5]: «Сестра моя выстрадала на земле свои заблуждения, и Бог для того послал ей в жизни страдания, чтоб ей легче было на том свете. <...> ...Не забывайте этого страшного события, эту смерть, которая случилась среди самого вашего говенья. Несчастия не посылаются нам даром; они посылаются нам на то, чтоб мы оглянулись на самих себя и пристально в себя всмотрелись. <...> Вы сами видели, как сестра ваша влеклась каким-то непостижимым потоком; как ни разу не употребляла власти над собою, не думала о том, чтобы преодолеть себя вначале, когда, еще было легко, и дошла до того, что уже было трудно и почти невозможно. Смотрите за собой бдительней: искуситель и враг наш не дремлет, вы можете впустить его себе в душу, не думая и не замечая. Он тем страшен, что будет вовсе неприметен вначале. Он не станет вас искушать сначала на какое преступное и злое дело, зная, что вы еще не испорчены в душе и [поэтому] вмиг узнаете его и оттолкнете от себя. Нет, у него рассчет вернее: он маленькими и неприметными слабостями открывает себе дорогу в нашу душу, путем лени, бездействия, так что вы даже сначала и останавливать себя не будете, отговариваясь словами: да ведь такая уж моя природа, или: это уж что-то во мне болезненное, невольное. Он знает, что в лени и бездействии не только не развиваются наши способности, но даже притупляются, а от притупления способностей тупеет ум; а тупея, чем далее, <тем> более ум доходит до помрачения, в помраченьи же ума человек способен сделать самое скверное дело, о котором даже и помыслить без ужаса не мог вначале. Счастлив еще бывает тот, которому Бог пошлет какое-нибудь страшное несчастие, и несчастием заставит пробудиться и оглянуться на себя. Но лучше не дожидайтесь несчастия и осматривайтесь на себя, прежде чем посетит вас несчастие. Смотрите, я уж замечаю в вас кое-какие маленькие слабости, которые очень могут послужить путем и дорогой ко входу в ваши души нечистому духу. Одна из вас могла бы уже смекнуть значение этих непостижимых маленьких загадок. Отчего, например, ей, принимаясь за перо писать ко мне, кажется, что не о чем даже писать и не хочется[6], но как только преодолеется первое нехотение и письмо приходит к половине или концу — набираются и мысли, и предметы, о чем писать, так что уж и места не остается для строк. Могла бы, кажется, она смекнуть, что есть кто-то, который препятствует нам, и как только оттолкнешь его, слышишь тот же час, что есть кто-то другой, который помогает нам. Всё это, конечно, мелочи. Но искуситель очень знает, что тот, кто не привыкнет побеждать мелочей, не победит, наконец, и большего. Многие из вас дошли до такой невинности, что вообразили себе, что только то нужно делать, что легко делается, а что трудно, то нужно оставлять вовсе. Умное рассуждение! Скажу вам о себе, что до сих пор мне не удалось ни одного полезного дела сделать, не принудив прежде к тому себя насильно. Как только уже слишком твердо на что-нибудь решишься, тогда только убежит лукавый дух, слыша, что Сам Бог идет к нам на помощь. А как часто лукаво шепчет он нам в уши: это не по тебе, это не для тебя, у тебя даже для этого нет и способностей! — для <того> только, чтобы мы оставались в покое, не пробуждали бы своих способностей и оставались бы в совершенном неведении насчет того, что в самом деле у нас есть и чем мы можем делать добро и себе и другим. Сколько, например, мною даже сказанных вам слов и напоминаний вы оттолкнули от себя вследствие этого внушения. Хотя бы раз в неделю всякая из вас пошла по деревне и заглянула бы в каждую избу[7], чтобы узнать, кто там живет, что делает, чем занимается именно, хорошо ли или дурно делает свое дело и как ведет себя. Нет, никто этого не сделал; а [даже] вместо того вообразили себе, что я хочу заставить их заниматься хозяйством[8] и наперед постарались объявить, что у них нет для этого способностей, бессмысленно позабыв, что только тогда, когда узнаешь самое дело в существе его, тогда только увидишь, есть ли к тому способности или нет; вообразили, что я хочу сделать из них хозяек! Близорукие. Да не узнавши прежде быта и состояния человека, нельзя даже узнать, чем и в чем именно и каким образом ему помочь. Или вы думаете, если в деревне вашей случится какое-нибудь преступление, погубит кто-нибудь душу свою, не лежит это и на вашей ответственности? Мы даже и за тех дадим ответ Богу, с кем были в дружеских сношениях только потому, что и над ними мы могли иметь влияние, а тем более за тех, которые были в нашей власти или под нашею властью. Или вы думаете, что мужик

должен пропасть, как скотина? Если он дурно ведет себя, если он пьяница, вор, лентяй, так пусть его так и умрет пьяницей, вором и лентяем, ему же будет хуже, пусть его пропадет? Но если собака околеет от голода, так и тогда бывает нам жалко, а тут гибнет иногда человек в глазах наших, да и пусть бы еще погибнул телом, нет гибнет душою — и состраданья даже на одно зерно не бывает в бесчеловечных душах наших. Просто становится страшно. Да одно бы просто слово с вашей стороны, один упрек, одно увещание могло бы уже спасти его. Если бы увидел простой человек такое внимание к себе, что сама госпожа, сама барышня просит его именем Бога оставить дурную жизнь, изъясняет ему, какое наказание страшное ожидает его за это в будущей жизни, нет, он бы наконец подвигнулся и смягчился, и камень иногда смягчается, а человек — не камень. Мы часто и обыкновенно отговариваемся тем, что не знаем даже, каким языком говорить так, чтобы подействовать на другого и убедить его. И, точно, мы не умеем так говорить; а отчего? Оттого, что и не подумали об этом прежде, и не хотели даже и разузнать, что такое в самом деле есть тот человек, которому хотим говорить. Вот почему нам и необходимо познание его быта, его нужд, его трудов и занятий, вот почему необходимо узнавать и расспрашивать, как и чем кто занимается на деревне. Я всеми силами старался вас довести до средств, с которыми можно сделать какое-нибудь добро[9]. Сделавши доброе дело, вы бы были в силах молиться, а теперь вы и молиться не в силах. Одна из вас удивлялась, что ей во всё время говенья лезла в голову всякая дрянь во время молитвы. Я бы удивлялся, если бы не лезла эта дрянь, этому я бы больше изумился. Вы думаете, легко помолиться так, как следует? Нет, не сделавши доброго дела, не сделавши ничего для своего ближнего, не подействовавши благодетельно на его характер, не обративши его истинно к Богу, никогда не помолитесь вы так, как следует помолиться. Только тогда в силах помолиться человек таким образом, что неизъяснимая сладость наполняет во время молитвы его всего, так что и слов уже не следует ему прибавлять от себя, потому что он слышит, что душа собою, уже без слов, молится. Такие только молитвы возлетают на небо, им только внемлет Бог и дает за них не только то, что просим, но даже в несколько раз больше, чем просим, а без того хотя бы вы рыданьем наполнили всю церковь и били себя в грудь — бесплодны будут молитвы. Припомните хорошенько ваши молитвы во время говенья: исполнилось ли все то, о чем вы молились тогда? Бескрылые, не возлетев, упали на землю ваши молитвы. Рассмотрите себя хорошенько: в теперешнем вашем состоянии вы не в силах сделать доброго дела, даже и тогда, если бы вам даны были все средства к тому, и виной всему ваше невежество: вы не знаете, в чем и как помочь человеку, вы если захотите сделать вдруг кому-нибудь помощь, вы сделаете не тому, кому следует. Вам теперь миллион денег дай в руки, вы с ними не только не сделаете никому пользу, а даже можете сделать вред, потому что не знаете, кому именно и как и сколько дать, и в сопровождении какого именно наставления дать ему, ибо для этого нужно в настоящем виде знать его обстоятельства. Вот почему я и хотел, чтоб вы начали прежде с простых людей: их быт скорее можно узнать, потому что он [легче] прост и немногосложен, да и дорога к ним легче, потому что вы и без того уже имеете власть над ними. Тут бы вы сделали начало, нашли ключ к будущим важнейшим и обширнейшим действиям, проложили бы дорогу к тому, как действовать на душевные струны человека. И себя даже самих вы не можете теперь сделать лучше, потому что и этого нельзя сделать, не подумавши прежде о том, чтобы сделать других лучшими, так тесно наша собственная жизнь и наше собственное образование соединены с нашими ближними. Одна из вас мне сделала упрек, что <я> говорил о какой-то благодетельной перемене, последующей с вами через два года, и спрашивает, где ж эта перемена, требуя ее как будто должного. Я сказал это, основываясь на некоторых моих соображениях, а главное основываясь на вас самих. По некоторым чертам, заключенным в вашем собственном характере, мне показалось, что вы не без ума, смекнете сами, в чем сила всего дела, и приведете себя в такое состояние, что всякая ваша молитва и малейшее желание будут услышаны. С моей стороны я употреблял все посильные средства, писал к вам письма[10], которые могли бы приблизить вас к вашему долгу, навести вас на ваши обязанности и помочь вам развить ваши способности, которые могли бы вас показать в лучшем несравненно виде, чем вы есть теперь, но они пропадали без исполнения: глаза ваши не раскрывались, или, лучше, вы даже не молились Богу о том, чтобы раскрылись ваши глаза. Одна из вас написала мне даже: *Merci за наставления,* считая слова мои за правила, выписанные из книги, и вместо того попросила у меня описания образа жизни моей и как я веселюсь и провожу время. Но если бы я что-нибудь из этой жизни вам стал говорить, вы бы еще

более тогда имели право сказать: merci за наставления. О веселостях моего препровождения времени рассказать трудно, они большею частию внутренние, если же и рассказать бы, то это будет вам непонятно. О других же интересах жизни я не могу говорить, потому что это мне скучно и они для меня уже не имеют интереса, а вы сами знаете: что у кого болит, тот о том и говорит. О вас я интересуюсь знать всё в подробности вовсе не из любопытства и не для того, чтобы мне приятно было читать ваши письма, но для того, чтобы знать, в чем можно помочь вам, потому что, не узнав до малейших оттенков души, никаким образом нельзя истинно помочь, хотя бы и от всей души хотел этого. Но довольно о прошедшем, обращаюсь к нынеш<нему>. Итак веселитесь, потому что уныние – грех, и кто не весел, тот грешит, но веселитесь душою. Разъезжайте всюду, но вместе с тем и действуйте, а действовать можно на всяком месте, где ни будете. Старайтесь приобрести сведения, потому что вы невежи, а сведения набираются не из книг, а из самой жизни, из практики. И потому водитесь не только с одними подругами ваших лет, но старайтесь знакомиться со всеми. Не стесняйтесь, но распространяйте круг вашего знакомства, а распространяйте для пользы, а не для чего другого. Не пропускайте ни одну замечательную женщину, светская ли она дама или из низкого сословия, чтобы не приласкать ее и не расспросить ее обстоятельно о ее житье-бытье, действиях и поступках: в хозяйственном, семейственном и светском поприще. От этого вы поумнеете, хотя и сами вначале того не заметите. Обращаясь с вашими подругами, вы старайтесь также подействовать и на них, старайтесь также и их приучить к деятельности, старайтесь также и их заставить то же самое, что делаете вы, вводите их в их же обязанности, ходите с ними на деревню, расспрашивайте и узнавайте вместе с ними, словом, образумьте, заставьте узнать, что всюду, даже на бале, даже между танцами, можно сделать добро, если только не ослеплены наши глаза до того, что не видят перед собою никакого поприща нигде. От лени бегите, как от огня, и нечего жалеть нежность свою: можно приказать даже, если не захочется вставать с постели, облить себя ведром холодной воды. Этим средством я сам излечился от лени. Облившись водою, одевшись, да потом выпивши стакана два холодной воды, я начинал ходить и прогуливаться около часа, после чего чувствовал весь день свежесть. А по прошествии месяца кровь само собою стала обращаться живее и скорее, а чрез то и во всех членах почувствовалась деятельность. Вот вам чистая правда и самая жизнь и дело! Вы можете и теперь сказать: Merci за наставления! Но лучше будет, если вы не скажете этого, а вместо того поглубже рассмотрите самих себя. О сестре вашей не грустите, но молитесь сильно и душевно и старайтесь так помолиться, чтобы Бог услышал ваши молитвы. Почему знать, может быть, душа ее сильно хочет и требует от вас этих молитв, и грех будет на вашей душе, если вы будете бесчувственны к ней и позабудете ее. Еще мне не нравится, что одна из вас, извиняясь в том, что ленится писать, прибавляет: чувствую, что не так нужно поступать с братом, да еще таким, как вы (то есть я). Если бы кто-нибудь прочитал это, то подумал бы, что сестра моя склонна к подлости. Я вовсе не какой-нибудь особенный брат, и то, что сделал для вас, сделал бы также и для других. Да не распространяйтесь обо мне ни с кем из своих знакомых. Говорите, что вы меня очень мало знаете, что не можете ничего сказать решительного и о моих свойствах, что я пишу к вам очень редко, весьма мало, несколько пренебрежительно и вообще считаю вас за двухлетних ребенков. Вот всё, что вы можете сказать обо мне. Писем моих не показывайте и не давайте никому. Впрочем, их будет немного. Мне некогда и трудно писать, а этого письма я было не хотел вовсе писать, чувствуя, что многое будет сказано на ветер и пропадет без исполнения, но сделалось совестно, и чтобы не понести на душе греха, и решился написать его. Это всё сказано вам, мои любезные сестры, всем трем. Если вы умны, вы найдете сами, как употребить его в свою пользу. <...>

К вам, маминька, тоже одна просьба: не хвалите меня никогда ни перед кем. Еще: у вас есть мой портрет[11]. Спрячьте его в отдаленную комнату, зашейте в холст и не показывайте никому. Говорите, что вы его отправили в Москву по моей просьбе, словом, что у вас его нет. Копии снимать с него никому не позволяйте, ни даже моим сестрам. Это мое желание.

Передайте Софье Васильевне Скалон мой душевный поклон и скажите, что мне очень чувствительны ее ласки и добродушие, которые она оказывает всем вам.

Адрес [по-прежнему]: во Франкфурт на Майне. Francfort s/M a l'hotel de Russie. Я хоть и уеду отсюда на морские ванны, но возвращусь через месяц, для того, чтобы здесь прожить подолее вместе с приятелем моим Жуковским, здесь живущим постоянно».

[1] См. ***1844. Марта 24 <апреля 5>. Страстная пятница. Васильевка.***

[2] См. ***1845. Июня между 18 и 26 <между 6 и 14>. Гостиница по дороге из Франкфурта-на-Майне в Гастейн*** (примечания).

[3] См.: *Городецкий*. С. 447.

[4] См. ***1844. Июня 13 <1>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[5] См. ***1844. Мая с 17 по 19 <с 5 по 7>. С пятницы по воскресенье. Штутгарт.***

[6] Имеется в виду сестра Елисавета (см. ***1843 ноябрь <октября средина> — 1844 марта первая половина <марта начало>. Дюссельдорф или Ницца***).

[7] См. также ***1844. Июля вторая половина — ноябрь <июля средина — ноября средина>. Остенде или Франкфурт-на-Майне.***

[8] См. ***1843. Апреля средина — мая 2 <апреля начало — апреля 20>. Рим.***

[9] См. ***1843. Апреля средина — мая 2 <апреля начало — апреля 20>. Рим.***

[10] См. ***1843. Апреля средина — мая 2 <апреля начало — апреля 20>. Рим***; ***1843 ноябрь <октября средина> — 1844 марта первая половина <марта начало>. Дюссельдорф или Ницца.***

[11] Имеется в виду портрет работы Ф. А. фон Моллера (см. ***1841. Июня конец — июля первая половина <июня вторая половина — июля начало>. Рим и окрестности (Олевано, Субиако и др.)***; ***1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***). О причинах, по которым Гоголь просил спрятать его портрет, см.: ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

ИЮНЯ 13 <1>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь отправляет в Васильевку написанное накануне[1] письмо к матери и сестрам.

[1] См. ***1844. Июня 12 <мая 31>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***

ИЮНЯ 14 <2>. ПЯТНИЦА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ.

Гоголь получает из Васильевки письмо от матери и от сестры Анны.

См. ***1844. Мая 12 <24>. Пятница. Васильевка***; ***1844. Июня 15 <3>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

ИЮНЯ 2 <14>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Н. М. Языков пишет второе[1] подряд письмо Гоголю во Франкфурт:

«Ты что-то давно не писал ко мне... <...> Я даже не знаю, где ты теперь, куда поедешь на лето и что ты делаешь, т. е. делаешь ли свое дело? <...> Не знаю, когда пошлю я тебе еще несколько книг, тобою требуемых[2]: теперь как-то мало едут за границу, и к тому два мои благоприятеля, с коими я надеялся отправить к тебе с каждым по посылке, задержаны судьбою в Москве: Погодин упал с дрожек и так повредил себе ногу[3], что должен пролежать в постели месяца с два; еще не знают, переломил ли он ногу или только ушиб, или вывихнул? Таким-то образом и вся поездка его в чужие края не совершилась. Мельгунов снова занемог; он ведь жених; сосватал себе какую-то немочку в Берлине[4], стремился было к ней и в этом-то состоянии стал форсить, молодечничать, не взирать на северный ветер и холод и простудился на гулянье! Впрочем, ему опять лучше — и он, конечно, скоро поспешит в путь[5]! Напиши мне, как на тебя подействовал указ 15-го апреля <марта> 1844 г.[6]? Не сделает ли он перемены в твоем пребывании в чужих краях и даже не принудят ли тебя возвратиться восвояси и пребывать в России? Посылаю тебе "Тригорское" — по твоему желанию. <...> Я написал несколько посланий и мелочей нынешнею весною; с меня довольно и этого, по слабости моего здоровья и на первый случай после долгого молчания»[7].

[1] Ср. ***1844. Мая первая половина <мая вторая половина (до 28 числа)>. Москва.***

[2] См. ***1844. Мая 16 <4>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Франкфурт-на-Майне.***

[3] См. ***1844. Мая 16 <28>. Вторник. Москва.*** – Получив это известие (ср. ***1844. Июля 14 <2>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне***), Гоголь написал Погодину письмо (см. ***1844. Июля 13 <1>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***). Ответное письмо Погодина см.: ***1844. Июля 16 <28>. Воскресенье. Москва.***

[4] Избранницей Н. А. Мельгунова была «немка из дворянской фамилии» Софья Карловна (см. ***1844 сентября 21 <9> – 1845 января 10 или 11 <1844 декабря 29 или 30>. Франкфурт-на-Майне***).

[5] См. ***1844. Сентября 6 <августа 25>. Пятница. Франкфурт-на-Майне; 1844 сентября 21 <9> – 1845 января 10 или 11 <1844 декабря 29 или 30>. Франкфурт-на-Майне.***

[6] Указ Императора Николая I от 15 марта 1844 г. о паспортах, вводивший более строгие правила выезда за границу (см.: 17731. 1844. Марта 15. Именный, данный Сенату, распубликованный 24 Марта. – О дополнительных правилах на выдачу заграничных паспортов // Полн. собр. законов Российской Империи. Собр. 2-е. СПб., 1845. Т. 19. Отд. 1. С. 195–196). Отдельная публикация указа (вероятно, газетная) была отправлена Языковым Гоголю в пердшествующем письме (см. ***1844. Апреля 7 <19>. Пятница. Москва; 1844. Мая первая половина <мая вторая половина (до 28 числа)>. Москва***).

[7] Ответ Гоголя см.: ***1844. Июля 14 <2>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне.***

ИЮНЯ 15 <3>. СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь отправляет в Васильевку ответные[1] письма матери и сестре Анне (письма относятся к числу тех, которые Гоголь просил мать и сестер перечитывать в своем завещании 1845 г.[2]); посылает также ответное[3] письмо Н. М. Языкову в Москву (на письме, с пометой Гоголя: «Франкфурт. 15 июня»; имеется также почтовый штемпель: «Frankfurt 15 Jun 1844»[4]).

В послании к матери Гоголь замечал: «Из письма вашего я вижу, что вы вновь неспокойны духом. Вы несколько пошатнулись в твердом упованьи на Бога – и вот зато и ощутили тревогу, поверили всяким слухам и привели сами себя в колеблющееся состояние. А если бы вы твердо пребывали в Боге – вас бы слухи не смутили, вы бы знали, что слухи не более как слухи, вы не пошли бы доискиваться правды у кочующего лавочника, приехавшего на ярмарку[5]. Иногда и человек даже достойный врет. И среди самой просвещенной столицы куются и ткутся всякие нелепицы, да и весь человек есть ложь[6]. Я не знаю, какие слухи до вас дошли, но знаю, что про меня есть всякие слухи и что они противуположны даже сами себе. Знаю также, что будет их впредь не мало, потому что есть люди, которые, видя, что другим нельзя взять, стараются очернить и запятнать хотя словами. Гневаться на это я даже не имею права, потому что, во-первых, на всякое чиханье не наздравствуешься, а во-вторых, если слухи допущены Богом, стало быть, нужно, чтоб они были, и, верно, они даже полезны, не только вредны. Из чего вы также заключили, что я непременно через год должен вновь напечатать какое-нибудь сочинение? Во-первых, я не почтовая лошадь. Пишу я, соображаясь с моими силами, средствами, не ставлю ничего на срок и не обещаю на срок, да и не люблю даже об этом предмете разговаривать с кем бы то ни было. Стало быть, никто не может сказать, чтобы я должен был или хотел выдать к тому-то и тому времени.

Имел я, конечно, намерение через каждые три года выдавать часть[7]; но это намерение человеческое, а потому не верно. Всё зависит от Бога, как сокращение, так и продление этого времени. А потому этими делами вы и не смущайтесь, и не занимайтесь. Старайтесь лучше видеть во мне христианина и человека, чем литератора. Насчет тяжбы вашей скажу то, что вместо всяких беспокойств, которые так вас охлопачивают, вам бы следовало с самого начала сказать себе так: Тяжба есть дело неверное, стало быть, на нее, как на что-нибудь верное, не следует даже и полагаться. Почему знать, может быть, бедные противники ваши не имеют ничего, и вы снимете с них последнюю рубашку, хотя ваше дело и право. Я бы, по моему мнению, давным давно написал бы к ним самим вот каким образом: “Вы видите сами, дело мое право, сенат решил в мою пользу. Но напишите мне откровенно, если вы действительно так бедны, что не можете уплатить всей суммы, то я не хочу вас грабить; заплатите мне [то, сколько можете заплатить] половину и Бог с вами”. Вы бы, может быть, уже давным давно получили деньги, хотя и не все; но зато в молитве вашей могли бы тверже произнести слова:

и остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим. Притом, поступая человеколюбиво во всем, человек никогда не бывает в убытке и вознаграждается на другом. <...> Самое главное – считайте всё за ничто, кроме одного Бога, как оно и действительно есть, и ничем не смущайтесь. Поверьте, что всё это, что вас так смущает, в существе своем такая дрянь, что грех даже и думать о том много. Старайтесь лучше быть веселы и беспрестанно благодарите Бога за то, что у вас уже есть; потому что и этого уже очень много, и многие бы поменялись с вами своею участью».

М. И. Гоголь вспоминала: «По взятии отцом моим именийца[8], еще оставалось долгу 6000 рублей с процентами. У заимодавца его было много имений, и в том числе в Одессе два дома. Отец мой написал, чтоб не позволили ему продавать домы, не удовлетворив его, но он <тот> так много, видно, им насулил, что домы были им проданы, и денег не отдал; и должно было завести дела, которые пришлось мне вести[9]. Присудили взыскать с членов, допустивших продать. Сенат решил в мою пользу, после смерти моих родителей[10]. Те апеллевали, и [в другой раз Сенат решал в мою пользу] опять решено уплатить мне деньги [но не было никакого удовлетворения]. [По смерти моих родителей осталось то дело мне; чтоб получить мне деньги, я писала к Воронцову, он отвечал мне очень вежливо и велел взыскать из виновных, их 12 лиц и даже что-то больше и все богатые люди, им бы пришлось очень мало платить, но они тоже в продолжение несколько лет переделали, чтоб мне самой взыскивать, что мне было невозможно. Поверенному тоже трудно было отыскивать их в разных местах, многие из них вышли в отставку, разъехались по разным местам. Маминька моя окончила жизнь в год папинькиной смерти, дело это продолжалось несколько лет[11] и тогда присудили мне самой взыскивать, то я написала к моему сыну, что сенат 3 раза решал в мою пользу, но меня не удовлетворяют, то он отвечал: “Конечно, ваше дело правое, <но> вы вообразите, что, может быть, из этих обвиняемых есть и такие бедные, что вы снимете с них последнее одеяние, когда взыщут с него ваш долг, а я бы вам советовал написать каждому из них так: «Вы видите, что дело мое правое и решено в мою пользу, но напишите мне, если вам трудно будет уплатить мне положенных вам денег, то уплатите половину, а остальную я не стану взыскивать» — и увидите, что вы скоро получите”. Но я это дело совсем оставила, но когда начали меня теперь урезонивать соседи мои, для чего я оставила правое дело, чтоб возобновить его, то я передала это дело взыскивать на церковь, и меня уверяют, что деньги эти получит церковь, что очень утешительно — церковь наша поправится]»[12].

Из письма Гоголя к сестре Анне: «Отвечаю тебе на последнее письмо твое, которое получил я вчера[13] (числа на нем не было выставлено; я полагаю, что [они] оно писано или 12 мая[14], или около того). Скажу тебе на него в ответ: Кураж! вперед! и никак не терять присутствия духа! Письмо твое – добрый знак. Прежде всего ты должна поблагодарить Бога за ту тоску, которая на тебя находит. Это предвестник скорого прихода веселья в душу твою. Тоска эта – следствие пустоты, следствие бесплодности твоего прежнего веселия. Веселье лучшее, веселье полное, вовсе незнакомое тебе доселе, ждет тебя. <...> Я думаю, ты уже прочла и вникнула в длинное письмо мое, которое я послал вам три дни тому назад[15]. Пойми его хорошенько. Если ты поймешь его, то бодрость почувствуешь в душе. Если не поймешь, то предашься унынию, и в таком случае сильно согрешишь. Потому что более всего грешит пред Богом тот, кто предается унынию: он, значит, не верит ни милосердию Божию, ни любви Его, ни Самому Богу. И потому веселей и отважней за дело! Брось все те занятия, которые заставляют тебя сидеть на месте и в комнате. <...> Заведи так, чтоб в разных местах были у тебя дела, чтобы нужно было проходить большие расстояния, чтобы живо и деятельно от одного дела приниматься за другое. Займись хозяйством не вещественным, но хозяйством души человеческой. Там только найдешь счастие. <...>

Оленьке[16] скажи, чтоб она написала мне, что такое в самом деле есть дочь Катерины Ивановны[17] – Марья Николаевна[18], каких качеств? Пусть она также напишет, как проводила у нее время всякий день, каков муж и как вообще у них идут дела хозяйственные и всякие. Прибавь к этому и свое мнение. Если ей чересчур хочется иметь какое-нибудь мое письмо, то отдайте ей то, где я вам писал, что нужно повсюду вносить примирение[19]. Если ж вам оно будет почему-либо <нужно>, то можете для себя оставить с него копию. С тем, однако ж, ей отдайте, чтобы она никому его не показывала».

Из письма к Языкову: «Еще ни единый из гостей не добрался до Франкфурта, и книг[20] я не получил ни единой, хотя жажду чтенья. Вообще я уже заметил, что мужский пол у нас не так аккуратен и годен на поручения. Они не только бабы, но даже гораздо их бабьеватей! Дамами мне были доставлены все посылки в исправности. А куда делась эта Баба-Бабариха или Бабарыкин[21], про то разве один

чорт имеет сведение. Он, вероятно, пробирался какими-то проселочными дорогами. Письмо твое, впрочем, меня очень обрадовало. Бодрость и побуждение к перу уже есть — стало быть, слава Богу, это главное, прочее всё дрянь и не стоит того, чтобы о нем много беспокоиться. Поверь, что всякий человек есть кулик, и если вытащит нос, то непременно загрузит хвост. Это даже нужно для то<го>, чтобы он не слишком подымал своего носа и помнил бы ежеминутно, что он дрянь. <...> Я же еду теперь, по определению Коп<п>а, на морские воды на один месяц в Останд. Потом возвращаюсь вновь во Франкфурт и пробуду всю осень с Жуковским, и вообще в областях Рейна, а потому адрес остается на прежних основаниях, а для лучшей точности вслед за фамилией Joukoffsky прибавляй: Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor[22]. Если с тобой Петр Миха<й>лович[23], то обними его весьма крепко. Поблагодари его весьма много за те слова, которые я не получил. Жаль весьма, если они были в единственном экземпляре. Дубинные немцы заедают теперь множество писем, по причине совершенного тупоумия и глупости, превосходящей всякие меры. <...> Я не знаю, зачем ты не послал мне хотя часть книг с кн<язем> Хованским[24]. Он был во Франкфурте назад тому месяц и мог бы оставить их даже в посольстве»[25].

[1] См. ***1844. Мая 12 <24>. Пятница. Васильевка***.

[2] См. ***1845. Июня между 18 и 26 <между 6 и 14>. Гостиница по дороге из Франкфурта-на-Майне в Гастейн*** (примечания).

[3] Письмо Языкова, на которое отвечал Гоголь, не сохранилось (см. ***1844. Мая первая половина <мая вторая половина (до 28 числа)>. Москва***).

[4] См.: *Городецкий*. С. 472.

[5] Ср. в гоголевском конспекте-очерке «Калмыки» книги Н. А. Нефедьева «Подробные сведения о волжских калмыках» (СПб., 1834): «В кочевье есть также подвижной базар из кибиток... <...> Это сбор калмыков и новостей, привозимых из городов купцами, депо всех толков, известий. Кочующий базар в улусе имеет большое значение».

[6] Эти слова св. апостола Павла из Послания к Римлянам (гл. 3, ст. 4) Гоголь повторит и в «Авторской исповеди».

[7] «Мертвых душ» .

[8] См. ***1830. Январь-февраль. Санкт-Петербург***.

[9] В черновом автографе было: «Отец мой хотел было завести дело, но уже сделался очень слаб и не мог уже писать. <...> Маминька моя, оставшись вдовой, объявила о долге, следуюмом нам получить от их должника, пообещала те деньги отдать мне, нашла такого человека, который хотел взыскать из членов, позволивших допустить к продаже 2 дома за 300 рублей [Дело решили в Сенате в нашу пользу, те апеллировали, в другой раз решили на нашу сторону, но не было никакого исполнения], <тот> сказал, что те деньги следует мне, после смерти родителей я продолжила иск, Сенат присудил в мою пользу...»

[10] Т. е. после 1834 г.

[11] См., в частности: ***1842. Ноября 7 <19>. Суббота. Васильевка***.

[12] Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод*. Т. 1. С. 54–56.

[13] См. ***1844. Июня 14 <2>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***.

[14] См. ***1844. Мая 12 <24>. Пятница. Васильевка***.

[15] См. ***1844. Июня 12 <мая 31>. Среда. Франкфурт-на-Майне***.

[16] О. В. Гоголь.

[17] Ходаревской.

[18] Дочь Е. И. Ходаревской, по мужу Синельникова.

[19] См. ***1843 ноябрь <октября средина> — 1844 марта первая половина <марта начало>. Дюссельдорф или Ницца***.

[20] См. ***1844. Мая 16 <4>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Франкфурт-на-Майне***.

[21] См. ***1844. Апреля 2 <марта 21>. Великий вторник. Дармштадт***.

[22] Название дома В. А. Жуковского во Франкфурте-на-Майне (см. ***1844. Около июня 8 — июля 24 или 25 <около мая 27 — июля 12 или 13>. Франкфурт-на-Майне***).

[23] Старший брат Н. М. Языкова.

[24] Князь Александр Николаевич Хованский (1771–1857), сенатор.

[25] Ответ Языкова см.: ***1844. Июля 6 <18>. Четверг. Москва***.

ИЮНЯ СРЕДИНА <ИЮНЯ НАЧАЛО>. ПАРИЖ

Графиня Л. К. Виельгорская отправляет Гоголю ответное письмо во Франкфурт, с вложением послания от А. О. Смирновой:

«Посылаю вам, почтеннейший Николай Васильевич, письмо Александры Осиповны[1] и уведомляю вас, что я еду в Петербург совершенно одна. Михаил Юрьевич[2] остался здесь[3] до моего приезда. Гугерт и судьба, т. е. здравый рассудок, решили, что вернее для здоровья Анны Михайловны[4] провести еще одну зиму в чужих краях и возвратиться только весною, а не осенью. Жаль, очень жаль еще здесь, т. е. в Париже зиму прожить. Мы так радовались нашему возвращению! Михаил Юрьевич купил дом; все приготовляют к нашему приезду, все радуются, ожидают нас, а судьба говорит: не бывать этому... <...>

Здоровье Александры Николаевны[5] меня крайне беспокоит. Она очень, очень больна; мало надежд дают доктора, разве Небесный Доктор захочет ее спасти.

Благодарю за ваше письмо[6]. Напрасно вы не исполнили прекрасное намерение возвратиться в Баден[7]. По крайней мере надеюсь иметь счастие видеть вас во Франкфурте. Имею большую просьбу к вам: узнайте у хозяина zum Römischen Kaiser, может ли он мне дать на прокат хорошую дорожную надежную коляску с сундуками или чемоданами, в которой я бы могла доехать по почте до Лейпцига и по возвращении из Питера я бы обратно привезла ее во Франкфурт. Экипаж я оставляю здесь своим, притом тяжелая карета и задержит меня более, а легкая коляска гораздо выгоднее для нынешних прекрасных дорог. Самой искать коляску возьмет много времени, а я спешу в Питер, чтобы скорее возвратиться и дать время Михаилу Юрьевичу съездить в Лондон, в Париж и возвратиться с Софи[8] в П<ариж> прежде осени. <...>

Если я вас не увижу в Hôtel de l'Empire Romaine, я буду очень недовольна вами. Нежный дружеский поклон нашему неоцененному поэту и другу Жуковскому от всего семейства».

[1] См. также ***1844. Июня 19 <7>. Среда. Баден-Баден.***
[2] Муж Виельгорской.
[3] В Париже (см. также ***1844. Июня 19 <7>. Среда. Баден-Баден***).
[4] Дочь Виельгорской.
[5] Великая княгиня Александра Николаевна (1825 – 10 августа 1844), дочь императора Николая I, жена Фридриха Вильгельма, принца Гессен-Кассельского. – См. также ***1844. Августа 28 <сентября 9>. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[6] Письмо не сохранилось (см. ***1844. Около июня 8 <около мая 27>. Франкфурт-на-Майне***).
[7] См. ***1844. Мая около 20 <около 8>. Баден-Баден***; ***1844. Июня 19 <7>. Среда. Баден-Баден.***
[8] Дочь Виельгорской, графиня Соллогуб.

ИЮНЯ МЕЖДУ 15 И 19 <ИЮНЯ МЕЖДУ 3 И 7>. МАНГЕЙМ

Гоголь живет в Мангейме в обществе Г. М. Толстого.

19 июня (н. ст.) 1844 г. Гоголь, в частности, писал из Бадена В. А. Жуковскому во Франкфурт: «Если приедет во Франкфурт Балабина, скажите ей, чтобы она непременно заехала в Мангейм. Я нарочно пробыл в Мангейме для того, чтобы рассмотреть и расспросить, правда ли то, что говорят будто бы в Мангейме лучше и дешевле жить, и притом слаще зима, и нашел, что люди правы во многом отношении. За картинным местоположением нечего гоняться; а нужны прежде всего удобства жизни. Дома здесь устроены очень хорошо, с комфортами, с печами и в аглицком совершенно вкусе. Это единственный немецкий город, который не воняет и в котором можно гулять зимою, потому что все улицы в тротуарах, которые весьма чисто вымощены плитами. Наконец сад великолепный, деревья высокие, иногда целую версту идешь в тени, и притом нет угощенья пылью со стороны проезжающих экипажей, как во Франкфурте. Вспомня Бинген, где нет совершенно тени, я об этом подумал сурьезно. Мангейм мне самому не понравился прежде (когда я проезжал его

впервой) регулярностью и опрятностью улиц, а теперь вижу, что для жизни льготной это необходимо. Притом местоположенье вокруг раздольное и горизонту много, а Рейн здесь великолепен. В Бингене он сжат. Местоположение Бингена эффектно для проходящих, а проживающие в нем соскучатся. В Мангейме из сада я нашел два пункта видов [таких] на отдаленные вокруг горы, каких нет во Франкфурте. Итак, вы скажите Балабиной, чтобы она все-таки не позабыла заехать в Мангейм посмотреть. В Бингене нужно будет устроивать дом, переделывать, ставить печи, здесь же всё готово. Езда от Франкфурта тоже четыре часа. Наконец пункт железных дорог, которыми он в связи с Гейдельбергом, Баденом, Карлсру и Страсбургом, что весьма важно для Вагнера[1], который именно и послан для наблюдения за железными дорогами».

В 1863 г. Г. М. Толстой (проживавший тогда в своем имении, селе Левашово Спасского уезда Казанской губернии) вспоминал: «Давно, очень давно; прошло более 20 лет с тех пор, как на Рейне, в Мангейме[2], в Hotel de l'heurope <?> (который содержал тогда предобрый человек по имени Г-н Фор), я провел несколько незабвенных дней с Ник<олаем> Вас<ильевичем> Гоголем. Боже мой! Что было это для меня за счастливое время! В чем заключалось счастие этого времени, это знаю только я один, и воспоминание о нем уйдет со мной в могилу. (Я раздумал уносить мою тайну в могилу и решаюсь в ней покаяться. Дело в том, что в Мангейме я каждый день ходил на рыбную ловлю и при содействии известного рыбака Г-на Денеля, который доставлял мне живцов, т. е. маленьких живых рыбок, мне удавалось нередко ловить больших щук, что приводило меня в совершенный восторг!..) Я заговорил о Гоголе только потому, что мне сегодня пришли на память слова его и возбудили, наконец, во мне желание, — или, вернее, решимость, — писать мои записки.

— Что вы не пишете? — сказал мне Гоголь. — В вас есть что-то очень похожее на талант, только, кажется, привычки писать вы не имеете; а привычка эта приобретается следующим образом: дайте себе слово писать каждый день хоть по нескольку строк, но непременно каждый день; даже когда вы в дороге, и тогда берите с собою маленькую тетрадку, да карандаш — и хоть что-нибудь напишите.

— Хорошо писать, — сказал я Гоголю, — когда есть мысли в голове, но бывают такие дни или часы, в которые, по крайней мере мне, ничего в голову не лезет. Что тогда будешь делать?

— Как это? — сказал Н<иколай> В<асильевич>. — Вы все-таки пишите. — Ну, начните хоть так: ничего мне в голову не лезет! Что ж мне делать, что ничего в голову не лезет? Да от чего ж это уж ничего мне в голову не лезет? Да только точно ли ничего мне в голову не лезет? ..... И наконец вы дойдете до того, что что-нибудь вам в голову и влезет»[3].

Григорий Михайлович Толстой (1808–1871), титулярный советник, богатый симбирский и казанский помещик. Вырос в дворянской семье Михаила Львовича и Евдокии Савельевны Толстых (жена Толстого была прежде его крепостной). М. Л. и Е. С. Толстые в 1825 г. жили в собственном доме в Москве, у Пресненских прудов. Г. М. Толстой был знаком с П. М. Языковым; в 1834 г. собирался жениться на Е. М. Языковой[4] (в замужестве — с 1836 г.[5] — Хомякова); с Гоголем познакомился в январе 1840 г. в Москве у С. Т. Аксакова[6].

Толстой называл себя «либеральным человеком Николаевского времени». В 1844 г. он встречался в Париже с М. А. Бакуниным и В. П. Боткиным; здесь же познакомился с И. И. Панаевым и К. Марксом; будто бы говорил Марксу о намерении продать свои «степные имения»[7]. В марте 1844 г. Бакунин писал о Г. М. Толстом Л. Бернайсу: «Милый Бернайс. Толстой хотел еще вчера пойти со мной к вам, но ему что-то нездоровится. Он просит вас сегодня вечером между 7 и 12 зайти к нему. Будут также Гервег, Маркс и компания»[8]. 24 марта того же года А. Руге писал к А. Кехли: «Вчера мы, немцы, русские и французы, собрались совместно на обед, чтобы поближе рассмотреть и обсудить наши дела; русские: Бакунин, Боткин, Толстой (эмигранты — демократы, коммунисты); <немцы:> Маркс, Риб<б>ентроп, я и Бернайс; французы: Леру, Луи Блан, Феликс Пиа и Шёльхер. В общем мы прекрасно столковались...»[9] Спустя три года, 26 октября 1847 г., Маркс писал Г. Гервегу: «Я просил бы тебя узнать у Бакунина, каким путем, по какому адресу и каким образом я могу переправить письмо Толстому»[10]. 3 ноября 1847 г. Гервег отвечал: «Адрес Толстого такой: Казань, Казанская губерния»[11].

В феврале 1846 г. Г. М. Толстой дал П. В. Анненкову (который тоже был симбирским помещиком) рекомендательное письмо к Марксу. С этим письмом Анненков явился к Марксу для знакомства в Брюссель[12].

Бакунин, имея в виду Г. М. Толстого, писал о нем своему брату Павлу: «...Я не знаю демократа, которого мог бы сравнить с ним, потому что, что в других — слова, теории, системы, слабые предчувствия, то стало в нем жизнью, страстью, религией, делом!..»[13] Осенью 1845 г., по приезде из-за границы в Петербург, Толстой свел знакомство с Н. А. Некрасовым, Ф. М. Достоевским, Д. В. Григоровичем и другими писателями, входив-

шими в кружок В. Г. Белинского. После поездки к Толстому в село Ново-Спасское Некрасова и Панаева, он обещал внести 25 тысяч рублей в первоначальный фонд журнала «Современник», арендованного Некрасовым у П. А. Плетнева (обещания своего Толстой не выполнил, после чего Некрасов прекратил с ним отношения).

Внучатым братом мемуаристу приходился замешанный в декабристском заговоре Василий Петрович Ивашев, бывший в 1825 г. ротмистром Кавалергардского полка и адъютантом графа П. Х. Витгенштейна. (В. П. Ивашев был сослан; отец его – Петр Никифорович Ивашев, мать – Вера Александровна Ивашева (рожд. Толстая), сестра – Елизавета Петровна, в замужестве Языкова; последняя нелегально ездила к брату в Сибирь; с ней был знаком Гоголь[14]. После Е. П. Языковой к В. П. Ивашеву в Сибирь ездил и Г. М. Толстой, о чем оставил воспоминания «Поездка в Туринск к декабристу Вас. Петр. Ивашеву в 1838 г.»[15]. Именно у Языковой осенью 1841 г. в Дрездене Толстой познакомился с Бакуниным. – Деды Языковой и Толстого, Александр и Лев Васильевичи Толстые, были родными братьями.) Позднее Г. М. Толстой вспоминал о декабристском заговоре: «Боже мой, Боже мой, что это было за время! В редком доме не оплакивали отца, сына, племянника, мужа, брата или друга, а между тем в них же проклинали бунтовщиков! Мне не раз удавалось слышать такие рассуждения: "Да! Надо сознаться, что люди окончательно развратились! Подумайте, кто у нас бунтует? Нищие, оборванцы, что ли? Пьяницы, Санкулоты что ли? – Нет, сударь, нет! Первые Русские фамилии: Князья Одоевские, Волконские, Голицыны, Оболенские, Графы Чернышовы! Да и кого тут нет? Все лучшие фамилии[16] замешаны в этом проклятом заговоре! А спросить бы их, чего им недоставало? Мы сами Князьки, мы сами Царьки! Так нет, этого мало – будем бунтовать! У меня тоже племянника взяли, славный был малый; но признаюсь, что мне не столько жалка, сколько садка вся эта проклятая история". Для исторической верности скажу, что эти слова произнесены были при мне родною теткою Василия Петровича Ивашева»[17] (имеется в виду либо Дарья Никифоровна Ивашева, в замужестве Родионова; либо Христина Никифоровна Ивашева, в замужестве Лихарева).

То, что Гоголь побуждал Г. М. Толстого «писать каждый день хоть по нескольку строк», косвенно подтверждается тем, что посвятить себя этому занятию писатель советовал не только ему, но и многим другим своим знакомым и друзьям, в частности, С. Т. Аксакову, увлекавшемуся, в частности, как и Толстой, рыбными ловлями. М. С. Щепкину Гоголь около 10 июля (н. ст.) 1847 г. писал: «Очень рад, что вы занялись ревностно писанием ваших записок. Начать в ваши годы писать записки, это значит жить вновь. Вы непременно помолодеете и силами и духом, а чрез то приведете себя в возможность прожить лишний десяток лет»[18].

Граф В. А. Соллогуб вспоминал: «За границей я жил целый год с Гоголем, сперва в Баден-Бадене[19], потом в Ницце. <...> Он постоянно мне твердил: "Пишите, поставьте себе за правило хоть два часа в день сидеть за письменным столом, и принуждайте себя писать". "Да что ж делать, – возражал я, – если не пишется!" "Ничего... возьмите перо и пишите: сегодня мне что-то не пишется, сегодня мне что-то не пишется, сегодня мне что-то не пишется, и так далее; наконец надоест и напишется"»[20].

Доктору Н. К. Беркуту Соллогуб рассказывал: «Мне очень хотелось сойтись поближе, на ты с Гоголем, но это долго мне не удавалось, потому что он был необщителен. Однако я не унывал, продолжал свою тактику и достиг желаемого. Вот однажды я говорю ему: "Скажи на милость, как тебе досталась эта способность писать так легко и хорошо? Ведь вот читаешь какой-нибудь твой рассказ, все так просто, кажись, и сам бы написал <...>, а сядешь – ничего; изрызешь несколько перьев, начнешь – и зачеркнешь, снова напишешь и снова зачеркнешь". "Для этого необходимо упражнение, привычка, надо набить руку, – сказал Гоголь.– Ты положи себе за правило ежедневно писать в течение двух-трех часов. Положи перед собой бумагу, перья, поставь чернильницу, заметь часы и пиши..." "Да что же писать? если ничего в голову не лезет?" "И пиши: ничего в голову не лезет. Завтра опять что-нибудь прибавишь, послезавтра еще что прибавишь и набьешь руку, и будешь писателем; так и я поступил"»[21].

3 января (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал Соллогубу: «Вам нужно только не останавливаться и писать. Все будет у вас обдумываться, соображаться и устраиваться во время самого писания. Христа ради не давайте заснуть вашей деятельности на этом поприще»[22].

Ф. В. Чижову Гоголь также говорил: «Человек пишущий так же не должен оставлять пера, как живописец кисти. Пусть что-нибудь пишет непременно каждый день. Надобно, чтоб рука приучилась совершенно повиноваться мысли»[23].

15 февраля (н. ст.) 1844 г. Гоголь обращался к Н. М. Языкову: «Не переставай уведомлять меня о всяком состоянии души твоей, в духе ли, просто ли нападет тоска и бездействие, или одолеет тобою совершенное нежелание писать – извещай и об этом. Нет нужды, что письмо твое будет состоять иногда из двух строчек и заключаться в таких словах: "Не хочется писать, не о чем писать, скучно, тоска, прощай!" Написавши даже и эти слова, ты верно уже почувствуешь некоторое облегчение»[24].

[1] А. Л. Вагнер, жених М. П. Вагнер (рожд. Балабиной) (см. ***1844. Февраля 12 <24>. Суббота. Санкт-Петербург***).

[2] Гоголь жил в Мангейме во второй половине июня (н. ст.) 1844 г.

[3] Из воспоминаний Гр<игория> Мих<айловича> <Толстого> о пребывании Гоголя в Мангейме в июне 1844 г. // *Свод.* Т. 3. С. 558–559. – Сделанное ранее предположение, что фамилия мемуариста была Левашов, ошибочно.

[4] *Чуковский К. И.* Григорий Толстой и Некрасов. К истории журнала «Современник» // Лит. наследство. Т. 49–50. М., 1949. С. 395.

[5] См. ***1836. Июля 5 <17>. Воскресенье. Москва.***

[6] См. ***1840. Января 6. Суббота. Праздник Крещения Господня. Москва.***

[7] См. ***1846. Март – средина апреля <февраля вторая половина – апреля начало>. Брюссель*** (примечания).

[8] *Чуковский К. И.* Григорий Толстой и Некрасов. С. 387.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] См. ***1846. Март – средина апреля <февраля вторая половина – апреля начало>. Брюссель.***

[13] *Чуковский К. И.* Григорий Толстой и Некрасов. С. 372.

[14] См. ***1841.* Сентября 27 <15>. Понедельник. Дрезден**; ***1842. Апреля между 17 и 26 <между 5 и 14>. Ганау***; ***1842. Июля 21 <9>. Четверг. Гастейн***; ***1845. Июля 4 <16>. Среда. Москва.***

[15] Поездка в Туринск к декабристу Вас. Петр. Ивашеву в 1838 г. Воспоминание Г. М. Толстого / Сообщ. А. П. Топорнин // Русская Старина. 1890. № 11. С. 327–351.

[16] См. также ***1847. Февраля 18 <марта 2>. Вторник. Москва*** (примечания).

[17] *Свод.* Т. 3. С. 559.

[18] См. ***1847. Июля 10 <июня 28>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[19] См. ***1843. Июля 8 <июня 26>. Суббота – августа 27 <15>. Воскресенье. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Баден-Баден, Карлсруэ, Баден-Баден.***

[20] См. ***1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца***; см. также ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино.***

[21] Записки Н. К. Беркута // Исторический Вестник. 1911. № 10. С. 85–86.

[22] См. ***1846 января 3 <1845 декабря 22>. Суббота. Рим.***

[23] См. ***1843. Апреля между 24 и 29 <между 12 и 17>. Светлая седмица. Рим, Альбано, Рим.***

[24] См. ***1844. Февраля 15 <3>. Четверг. Ницца.***

ИЮНЯ 19 <7>. СРЕДА. БАДЕН-БАДЕН

Гоголь в Бадене встречается с Виельгорскими[1] – графом Мих. Ю. Виельгорским, графиней Л. К. Виельгорской и, вероятно, их сыном М. М. Виельгорским и дочерью графиней Анной М. Виельгорской. (Виельгорские провожали тогда Луизу Карловну, ехавшую из Парижа, через Баден, Франкфурт и Лейпциг, в Петербург.)

Встретившись с Виельгорскими, Гоголь пишет В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Пришлите мне, сделайте милость, письмо Смирновой, которое отправила к вам графиня Вьельгорская[2], но только как можно скорее, потому что оно мне очень нужно. Смирнова писала ко всем и никому не написала обстоятельно своего адреса и маршрута, то есть как и сколько времени пробудет в каждом месте. Графиня Вьельгорская будет дня через два у вас во Франкфурте, проезжая в Петербург на месяц[3], для свидания с дочерью[4]. Граф[5] остается здесь. <...> Пока прощайте, целую вас и все Вьельгорские целуют вас также. Спешу кончить письмо. Не забудьте же как можно скорее прислать мне письмо Смирновой, потому что, может быть, вслед за ним нужно будет сейчас же ехать».

[1] Встретиться с Виельгорскими в Бадене Гоголь решил еще в начале апреля (н. ст.) 1844 г. (см. ***1844. Апреля 7 <марта 26>. Светлое Христово Воскресение. Праздники православной и католической Пасхи. Дармштадт***; ***1844. Апреля 12 <марта 31>. Пятница Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Мая около 20 <около 8>. Баден-Баден***).

[2] См. ***1844. Июня средина <июня начало>. Париж.***
[3] Ср. ***1844. Июля 13 <1>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***
[4] Имеется в виду Аполлинария Михайловна Веневитинова (рожд. графиня Виельгорская), жена сенатора А. В. Веневитинова.
[5] Мих. Ю. Виельгорский.

ИЮНЯ 19 <7>. СРЕДА. ПАРИЖ

Ф. В. Чижов записывает в дневнике:

«Получил письма от А. П. Магденки и Гоголя[1] – последний пишет[2], что он едет в Остенде».

Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 53.

[1] Это письмо Гоголя (его ответ на письмо Чижова; см. ***1844. Мая 31 <19>. Пятница. Париж***) неизвестно.
[2] 20 апреля (н. ст.) 1844 г. Гоголь сообщал также А. О. Смирновой: «Меня посылают в Остенде на морские волны...» (см. ***1844. Апреля 20 <8>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***). – См. также ***1844. Июня 22 <10>. Суббота. Остенде.***

ИЮНЯ ОКОЛО 20 <8>. БАДЕН-БАДЕН

Гоголь вручает графине Л. К. Виельгорской, едущей, через Франкфурт, в Петербург, записку с поручениями:

«Разные дела по части Гоголя.

1. У Жуковского во Франкфурте узнать, послал ли письмо Смирновой в Баден[1].
2. В Петербурге купить Христианское чтение за 1840 год.
3. Чрез Веневитинова[2] попросить у Краевского за нынешний 1844-й год Отечественные записки.

Если не случится Христианского чтения за 1840 год, то Сочинения Димитрия Ростовского в 3 частях».

Позднее, 1 августа (н. ст.) 1844 г., В. А. Жуковский из Франкфурта сообщал Гоголю в Остенде: «Гр<афиня> Вьельгорская привезла для вас несколько книг “Христианского Чтения” и несколько № бесовского, то есть “Отечественных Записок”. И то и другое будет храниться у меня до вашего возвращения». 6 августа (н. ст.) Гоголь отвечал Жуковскому: «Я все льстил себя надеждою, что графиня хотя привезет мне книги... <...> И как нарочно она везла их три четверти дороги и по странному какому-то случаю оставила во Франкфурте... <...> ...Как жаль, что вы не догадались упросить графиню Вьельгорскую довезти их!» Возвратившись во Франкфурт[3], Гоголь осенью 1844 г. познакомился по привезенным для него Л. К. Виельгорской «Отечественным Запискам» с стихотворением Я. П. Полонского «Пришли и стали тени ночи...»[4] и с выписками из книги П. М. Строева «Выходы Государей Царей и Великих Князей...»[5] В отделе «Библиографическая хроника» он, вероятно, прочел о публикации его портрета в альманахе И. Е. Бецкого «Молодик» на 1844 год: «Портрет Гоголя, с fac-simile <...> довольно неудачен» (с. 6; заметка принадлежит В. Г. Белинскому)[6].

Выписка из 3-го тома «Христианского Чтения» за 1840 г., привезенного графиней Л. К. Виельгорской, завершает начатый Гоголем в Ницце зимой 1843/44 г. сборник «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви»[7].

[1] См. ***1844. Июня 19 <7>. Среда. Баден-Баден.***
[2] Вероятно, имеется в виду сенатор А. В. Веневитинов, муж дочери Л. К. Виельгорской Аполлинарии Михайловны, на свидание с которой она ехала в Петербург.
[3] См. ***1844 сентября 21 <9> – 1845 января 10 или 11 <1844 декабря 29 или 30>. Франкфурт-на-Майне.***
[4] См. там же.
[5] См. ***1844. Декабря 2 <ноября 20>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Декабря 14 <26>. Четверг. Москва***; ***1845. Января 14 – марта 1 <января 2 – февраля 17>. Париж.***

[6] См. ***1844. Февраль <февраля средина – марта средина>. Санкт-Петербург.***

[7] См. коммент. к выписке <*54*> *Мысли* сборника Гоголя «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви» в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9.

ИЮНЯ 8 <20>. ЧЕТВЕРГ. С. ПОКРОВСКОЕ, МОСКВА

Н. Н. Шереметева посылает ответные письма – к Гоголю во Франкфурт (письмо было начато 3 июня 1844 г.; по позднейшему свидетельству Шереметевой, оно было отправлено 8 июня 1844 г. из Москвы[1]) и к М. И. и Е. В. Гоголь в Васильевку.

Письмо к Гоголю Шереметева начинает с обсуждения его ответа по поводу слухов об увлечении его А. О. Смирновой[2]:

«Покровское. Июня 3.

Я к вам, мой милый друг, 9-е маия писала из Петербурга[3], где пробыв три недели, возвращаясь домой, получила в Москве от Аксаковых ваше письмо[4]. Благодарю за оное. Образ Николая Чудотворца[5], посланный к вам через Бобарыкина[6], видно, и до сих пор не достиг до вас. <...> Пишете, зачем я не называю по имени[7]. Ох, мой друг, <...> страшно кого бы то ни было оскорбить словом... <...> Иное дело говорить с вами и о вас; я должна. <...> Вследствие чего и сказала вам свое опасение, чтобы в беседах с светскими людьми не отдалились бы хоть сколько-нибудь от пути, куда душа ваша стремится. <...> А то, о чем вы пишете, никогда не думала и никогда не позволю себе допустить этой мысли. О тех, кто в душе моей, я знаю. И так уверена, что человек, постигавший всю важность настоящего и ожидающего нас по ту сторону блаженства, то при помощи Божией возможет приобрести столько нравственных сил, чтобы стать выше пристрастия. Вот как, видите, вы ошиблись в своих заключениях, мой милой друг. Благодарение Богу, мне на ваш счет ничего подобного не приходило на мысль. Вы, мой друг, не вняли моей просьбе, чтобы откровенность мою принять с такою любовию, с какою я говорила. Тогда бы вы ясно увидели, что привязанность и дружба к вам заставили меня изложить ощущения души, вам постоянно преданной, а не увлекалась любопытством, кое приписывают всем женщинам и в чем нередко и ошибаются. <...> А далее, утрата времени, коим вы дорожите, оно вам так нужно для довершения труда, о коем вы говорите помолиться. Молюсь, мой милой друг, и крепко мне о сем думается, и прошу Отца Небесного, чтобы работа ваша одушевлялась любовию к Нему, тогда все скажется вам во Славу Божию... <...> Пишете, сестрицу вашу помянуть[8]. Сегодня служила панихиду и поминать буду... <...> Благодарю еще раз за письмо, оно успокоило меня тем, как вижу, что вы трудитесь, стало сочинение ваше подвигается вперед. А грустно то, что вы здоровьем своим, кажется, не очень хвалитесь, что болезненное состояние производит иногда уныние. Ради Христа ограждайтесь от оного, а иного орудия нет как молитва, с нею можно достигнуть до такого состояния, как мне случалось иных видеть, что в самой болезни и страданиях ощущают отраду, которой не наслаждались и во время здоровья. О, как утешительна эта сладостная уверенность, что ничего со мною без промысла Божия случиться не может и что с Его Отцовскою помощию при всякой встрече, сколь бы она ни казалась скорбна, можем извлечь пользу для души нашей. Боже, милостив нам буди! Прощайте, мой милой друг, обнимаю, благословляю вас со всею нежностию матери и с сим чувством вручаю, отдаю вас Тому, Который один видит сердца наши... <...> Да не оставит вас Господь и предохранит от всего, могущего вредить вашему спасению».

В письме к матери и сестре Гоголя Шереметева замечала: «Перед отъездом в Петербург я к вам, Почтеннейшая Марья Ивановна, писала[9], услыша о потере вашей[10]. Нынче ровно неделя, как я домой возвратилась, и отвечаю на письмо ваше, благодарю за оное[11]. Дай Бог, чтоб сие нашло вас попокойнее. <...> Николин день[12] была в Петербурге и мысленно вас с дорогим вашим именинником поздравляла. Дай Бог, чтоб он был здоров и покоен»[13].

[1] 27 августа / 8 сентября 1844 г. Шереметева писала Гоголю: «Признаюсь, это грустно не иметь о вас известия и ничего от вас не получать. Последнее <письмо>, что от вас получила по возвращении моем из Петербурга, было от 15 маия, и я тотчас на оное отвечала в начале июня из Москвы. Оно отправлено 8 июня. После вспомнила, что на пакете не подписала Poste restante. После от 11 июня через Аксаковых писала только о том, дойдет ли до вас, что не подписала оставить на почте» (см. ***1844. Сентября 3 <15>. Воскресенье. С. Покровское***).

[2] Подробнее см.: ***1837. Июля около 15 – августа не позднее 27–28 <июля около 3 – августа не позднее 15–16>. Баден-Баден, Страсбург, Баден-Баден*** (примечания).

[3] См. ***1844. Мая 9 <21>. Вторник. День памяти св. Николая Мирликийского. Санкт-Петербург***.

[4] Имеется в виду несохранившееся письмо Гоголя к Шереметевой от 16 мая (н. ст.) 1844 г. (см. ***1844. Мая 16 <4>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Франкфурт-на-Майне***).

[5] См. ***1843. Сентября 3 <августа 22>. Воскресенье. Дюссельдорф***.

[6] См. ***1844. Января 20 <февраля 1>. Четверг. Москва***. – См. также ***1844. Июня 15 <3>. Суббота. Франкфурт-на-Майне*** (письмо к Н. М. Языкову).

[7] Речь идет о А. О. Смирновой.

[8] Сестра Гоголя Мария Васильевна Трушковская скончалась 24 марта 1844 г. (см. ***1844. Марта 24 <апреля 5>. Страстная пятница. Васильевка***).

[9] Письмо, отправленное, по-видимому, в средине апреля 1844 г., до нас не дошло.

[10] Речь идет о смерти старшей дочери М. И. Гоголь М. В. Трушковской (см. примеч. выше).

[11] Письмо до нас не дошло.

[12] 9 мая.

[13] Из писем Н. Н. Шереметевой // *Свод*. Т. 3. С. 544.

ИЮНЯ 9 <21>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ИЮНЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА <ИЮНЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА>. НЕАПОЛЬ

А. А. Иванов пишет Ф. В. Чижову:

«Любопытно ваше свидание с Гоголем[1] – что-то он? Я, признаюсь, всячески останавливаю Шаповалова, чтоб не посылал он своих вещей в Петербург – хотя он говорит, что уже кончил альбанку с скальдиной[2] <...> Выставки нет в Петербургской академии художеств, случится в будущем 1845 году. Мы в разъезде, и потому хлопотать о Шаповалове в Петербурге теперь будет трудно. Зимой мы можем, конечно, лучше об этом подумать. Скажите об этом обо всем Гоголю. Ведь нужно и его участие, чтоб вырвать что-нибудь из Петербурга для Шаповалова»[3].

Около того же времени, летом 1844 г., Иванов записал в дневнике:

«Я сегодня очень, очень скучен. <...> Вспоминаю последнее письмо Гоголя[4] и силюсь встать на новую, им указанную мне ступень»[5].

[1] Ср. ***1844. Июня 22 <10>. Суббота. Остенде***.

[2] Имеется в виду картина И. С. Шаповалова «Римская зима». Художник «представил ее в виде молодой римлянки, греющейся над скальдиною (так называется горшочек, наполняемый горящими углями и служащий в Риме ручною печкою <см. также ***1839. Февраля 5 <января 24>. Рим. Вторник***>)» (О работах русских художников в Риме. Письмо Ф. В. Чижова. Венеция, мая 1845 года // Московский литературный и ученый сборник. М., 1846. С. 58).

[3] Из писем А. А. Иванова // *Свод*. Т. 3. С. 336. – Датировка письма уточнена.

[4] См. ***1844. Марта 18 <6>. Понедельник. Ницца***.

[5] Гоголь в дневниковых записях А. А. Иванова 1844–1849 гг. // *Свод*. Т. 3. С. 358.

ИЮНЯ 22 <10>. СУББОТА. ОСТЕНДЕ

Ф. В. Чижов записывает в дневнике:

«Сглупил, батюшко Федор Васильевич, сильно сглупил, приехал в Остенде[1] нипочто, привез ничего. Гоголь еще не приезжал сюда[2], — и то правда, я потерял только с небольшим 5 франков да день времени, последнее не шутка. Завтра утром пускаюсь прямо в Кёльн, потом в Дюссельдорф».

Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 53.

[1] См. ***1844. Июня 19 <7>. Среда. Париж.***
[2] Гоголь прибыл Остенде месяц спустя, 26 июля (н. ст.) 1844 г. (см. ***1844. Июля 26 — сентября 15 <июля 14 — сентября 3>. Остенде***).

ИЮНЯ КОНЕЦ <ИЮНЯ СРЕДИНА>. ЭМС

А. И. Тургенев пишет в Петербург к князю П. А. Вяземскому:

«Сейчас у меня Смирнова. Через четыре дня[1] едет прямо во Франкфурт; оставит детей с Жуковским[2], а с Гоголем обрыскает Бельгию и Голландию и в августе к вам».

Из писем А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 90. — Датировка письма уточнена.

[1] См. ***1844. Июня конец <июня средина>. Франкфурт-на-Майне.***
[2] См. ***1844. Июля 17 <5>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***

ИЮНЯ КОНЕЦ <ИЮНЯ СРЕДИНА>. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

А. О. Смирнова с детьми приехала во Франкфурт[1], где встретилась с Гоголем.

В 1856 г. П. А. Кулиш, со слов Смирновой, сообщал: «В июне она приехала во Франкфурт и нашла Гоголя в Hotel de Russie. Она провела там две недели, видаясь каждый день с Гоголем и Жуковским. Гоголь был беззаботно весел и не жаловался на свое здоровье»[2].

Около 1873 г. Смирнова рассказывала также А. Н. Пыпину: «В июне месяце во Франкф<урт>е я нашла Г<оголя> в Hotel de Russie на ул<ице> Цейль, где и я останов<илась>. А Жук<овский> жил в Саксенгаузене. Мы провели 2 нед<ели> втроем оч<ень> приятно, виделись кажд<ый> д<ень>. Г<оголь> был как-то беззаб<отно> весел во все это вр<емя> и не жалов<ался> на здоровье. Мне каж<ется>, ч<то> он тогда б<ыл> не в ладах с madame Жуковскою[3]. Она сама гов<орила>, ч<то> он ей в тягость, что он навод<ит> хандру на Жук<овского>»[4].

Из письма Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «Мы съехались во Франкфурте. Он жил в Саксенгаузене у Жуковского, а я в Hotel de Russie, на Цейле. Несчастный сумасшедший Викулин в Hotel de Rome. Жуковский посещал Викулина всякий день, платил в гостинице и приставил к нему человека. Викулин пил, чтобы заглушить приступы своей болезни и тем еще более раздражил свои нервы. После визита в Hotel de Rome, Жуковский приходил ко мне и рассказывал всё старые, мне известные, анекдоты; в особенности любил происшествие Jean Paul Richter у Герцога Кобургского. “Знаем, знаем”, — говорили мы; Гоголь грозил ему пальцем и говорил: “А что скажет Елисавета Евграфовна, когда я скажу, какие гадости вы рассказываете?” Жену Жуковского приводило в негодование, когда он врал этот вздор.

Я разбирала свои вещи и нашла, что мой portefeuille, capo d'opera[5] английского магазина был слишком велик и, купив себе новый, маленький, у жида на Цейле, предложила Гоголю получить мой в наследство. "Вы пишете, а в нем помещается две дести бумаги, чернильница, перья, маленький туалетный прибор и место для ваших капиталов". – "Ну, все-таки посмотрим этот пресловутый portefeuille". Рассмотрев с большим вниманием, он мне сказал: "Да это просто подлец, куда мне с ним возиться"[6]. Я сказала: "Ну, так я кельнеру его подарю, а он его продаст этому же жиду, а тот всунет русскому втридорога". – "Ну, нет, кельнеру грешно дарить товар английского искус<с>тва, а вы лучше подарите его в верные руки и дайте Жуковскому: он охотник на всякую дрянь". Я так и сделала, и Жуковский унес его с благодарностью»[7].

Дочь Смирновой Ольга Николаевна, пересказывая в 1893 г. слышанное когда-то от матери, писала от ее имени: «Франкфурт-на-Майне. Hotel de Russie. 1844. Я послала сказать Жуковскому, что приехала. Он сейчас же прибежал с Гоголем. Потолстел, совсем не постарел, все тот же добряк. Он вошел, говоря: "Voila votre boeuf, votre sweet William, oh! Mon eternelle Princesse! <Вот ваш Бычок! Вот ваш sweet William! О, моя вечная принцесса! *фр.*>" Расцеловались, как на Пасхе. Я обедала в Саксенгаузене[8]. Рейтерны совсем особые люди. M-me Рейтерн[9] напоминает женщин реформации. Елизавета[10], более утомленная, чем год тому назад в Эмсе, похожа на большую гольбейновскую мадонну, она идеальна и трогательна. Маленькая болтушка <М. Е. фон Рейтерн>[11] забавна, ее отец – ее верный рыцарь. У нее улыбающиеся, хитрые глазенки, и она уже обожает туалеты. Я водила своих детей к Жуковским, они с ним играли в саду; он их совсем очаровал, рассказывая сказки Пушкина и волшебные немецкие сказки. Жуковский много смеялся над их венским акцентом в немецком языке, он даже разговаривал с их Минною[12]. Miss Овербек[13] произвела на него отличное впечатление, он долго с ней разговаривал, а потом сказал мне: "Это у вас сокровище. Гоголь мне уже об ней говорил. Она тем более очаровательна, что так образована и не скучает с такими маленькими детьми". Я сказал<а> ему, как надо мною смеялись, что я беру воспитательницу ради того, чтобы научить детей читать. Алина Дурново[14] дала мне этот совет. Жуковский был того же взгляда и сказал: "Таким образом она поведет детей от a, b, c до последнего изучения литературы, а это даст образованию большую систему и последовательность". <...> Как-то вечером он говорил со мною об образовании, тут же был Гоголь и miss Овербек. Он высказал свое мнение об обучении, о манере учить; он очень интересуется моими детьми и расспрашивал miss Овербек об их характерах, способностях. Он нарочно болтал с ними, заставлял высказываться. Miss Ов<ербек> была в восторге. Жуковский вынес от нее хорошее впечатление и сказал ей: "В вас соединено все, что нужно для успеха: любовь к делу, энтузиазм, любовь к прекрасному, к природе, поэзии. Вы любите детей, а это необходимо, чтобы воспитать из них добрые и полезные существа". <...>

Сегодня вечером мой милый Жук был у меня; он пришел один, Гоголь отправился к больному В<икулину> (сумасшедшему, кажется); за ним всегда посылают, когда тот слишком волнуется. Мы говорили о прошлом, обо всем, что случилось после нашего отъезда за границу, об X. и XX[15]. Он жаловался на Бенкендорфа, прочел мне его дерзкое письмо, даже без признаков внешней вежливости, по поводу бумаг Пушкина. Он хвалил Уварова и утверждал, что Бенкендорф насплетничал, так как Уваров никогда не относился к Пушкину враждебно.

Потом он мне сказал: "Бог знает, когда мы еще свидимся, а ведь, собственно говоря, мы не вспомнили как следует, глубоко, прошедшего. Пусть сегодняшний вечер будет полным tete-a-tete. Может быть, вам еще нужен будет Уваров для Гоголя; будьте уверены, что он человек цивилизованный, компетентный. Если вам когда-нибудь придется говорить с ним о *нашем Гогольке,* вы убедитесь в этом сами"»[16].

К упоминанию о «сумасшедшем» С. А. Викулине О. Н. Смирнова сделала примечание: «Этот В<икулин> – Кошкарев из "Мертвых душ"[17]. Он так и умер сумасшедшим. У него был брат – ипохондрик. Гоголь их обоих знал[18], встретив их в Германии. Как только В<икулин> начинал волноваться, посылали за Гоголем, и он его успокаивал, читая ему что-нибудь интересное или гуляя с ним. Он на него имел влияние, а В<икулин> рассказывал ему свои планы. Причиною сумасшествия была любовь, очень странная, к какой-то англичанке, с которою В<икулин> даже никогда не говорил. Его брат, ипохондрик, в светлые промежутки вел дневник, который Гоголь читал и находил очень интересным и оригинальным по наблюдательности. Этот дневник был

писан во Франкфурте, во время припадков ревматизма, причинявшего ему такие боли, что он не мог ходить. Он поселился в очень пустынной улице, вся прелесть которой для него состояла в близости лечившего его доктора. Сидя у окна в большом кресле, окруженный подушками, он развлекался наблюдением жизни улицы[19]. День за днем, час за часом он отмечал все: прохожих, жителей дома vis-a-vis <напротив>, новые лица, появлявшиеся, впрочем, редко. Он воображал себе их историю, их существование по их внешнему виду, костюмам, лицам; он подмечал даже различные виды улицы в различные часы, с восхода до заката солнца, до момента, когда фонари зажигались с обеих сторон и темная улица казалась уснувшею. Он спал очень мало и слышал ночных сторожей, выкрикивающих часы, бой церковных часов. Он говорил Гоголю, что умер бы от скуки без этого дневника, который автор "Мертвых душ" просил у него для печати. Очень пораженный, ипохондрик ответил ему: "Невозможно, это история моих скучных часов, и перед смертью я его сожгу. У меня прошел ревматизм, но я получил приступы ипохондрии. Я предпочитаю ревматизм, для ипохондрика жизнь невыносима. Теперь я страдаю печенью и проклинаю доктора, вылечившего меня от моих болей". Гоголь уверял его, что он оригинальный, наблюдательный писатель. Сумасшедшего должны были поместить в ... , в Саксонии, и он долго еще жил, все влюбленный в свою незнакомку, имени которой он даже не знал. Между припадками он был спокоен, любил строить планы, отличался даровитостью. Брат его боготворил, посещал его, и наконец сам увлекся планами, о которых рассказывал Гоголю, прибавляя: "По правде, я делаю это, чтобы заглушить приступы меланхолии". Дружба братьев тронула Гоголя, в особенности брат-мечтатель, делающийся сам больным в присутствии сумасшедшего брата. Однажды, когда моя мать уезжала в Гамбург посетить подругу, она увидела сумасшедшего, спавшего в рубашке на краю дороги (он убежал от брата). Мать вернулась и дала свою карету Гоголю и В<икулину>, которые поехали и привезли его домой. Это было поводом к тому, чтобы поместить его в больницу. До этого брат его не сознавал серьезности положения»[20].

О. Н. Смирнова сообщала также об одном из анекдотов Жуковского и Гоголя, рассказанных ее матерью К. С. и И. С. Аксаковым: «Я вам <...> расскажу анекдот про любовь <...>; мне его рассказал Вяземский; это любимый анекдот Жуковского и Гоголя. — Одна старая барышня, — "девушка Минерва", фрейлина Екатерины Первой, попросила у князя книги, но только такие, где есть кое-что про любовь. Вяземский, не имея других книг, предложил ей историю Роллена <и> Millot <Милло>. Она спросила: "А есть здесь про любовь?" — "Есть, — отвечал Вяземский, — в последнем томе Millot про любовь Митридата, а в десятом томе Роллена — про любовь кесаря". — "Спасибо, милый, прочитаю, хоть и мало про любовь, да и люди-то такие неизвестные!"»[21]

[1] См. ***1844. Июня конец <июня средина>. Эмс***; ***1844. Июля 17 <5>. Среда. Франкфурт-на-Майне***.

[2] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 221.

[3] См. ***1843. Июля 12 <июня 30>. Среда. Баден-Баден.***

[4] <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 246.

[5] Портфель, образцовое произведение (*фр.*).

[6] См. также ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота — июля вторая половина, не позднее 26. Калуга*** (свидетельство Л. И. Арнольди).

[7] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 260–261.

[8] «Предместье Франкфурта, где жил Жуковский и Рейтерны, его beaux parents <родители жены; *фр.*>. Полковник Рейтерн, бывший военный, во время великих войн лишенный руки, сделался художником и нарисовал прекрасные портреты своих дочерей» (примеч. О. Н. Смирновой).

[9] Шарлотта Рейтерн (рожд. Шварцель, 1797–1854), жена Е. Р. Рейтерна.

[10] «M-me Жуковская, женщина очень нежного здоровья, была гораздо моложе своего мужа. Жуковский женился очень поздно» (примеч. О. Н. Смирновой).

[11] «Впоследствии баронесса Вебренау» (примеч. О. Н. Смирновой).

[12] «Наша добрая венка» (примеч. О. Н. Смирновой).

[13] «Наша английская воспитательница» (примеч. О. Н. Смирновой).

[14] «Урожденная Волконская, очень дружная с моею матерью, женщина в высшей степени умная и образованная. Она рекомендовала моим родителям Miss Овербек. Гоголь и Жуковский были дружны с нею» (примеч. О. Н. Смирновой). — См. также ***1845. Октября вторая половина — ноябрь <октября начало — ноября средина>. Рим.***

[15] Подразумеваются Император Николай I и его супруга.

[16] *Смирнова О. Н.* Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.) // *Свод.* Т. 2. С. 349.

[17] «По воспоминаниям О. Н. Смирновой, это был помещик, влюбившийся до безумия в какую-то англичанку. Гоголь будто бы изобразил его в Кошкареве во 2 части "М<ертвых> Д<уш>"» (*Свод.* Т. 2. С. 372).

[18] См. ***1844. Мая 23 <11>. Четверг. Баден-Баден***; ***1844. Июля 17 <5>. Среда. Франкфурт-на-Майне***.

[19] Пересказывая слышанное от матери, О. Н. Смирнова в данном случае сообщает сведения из жизни Н. М. Языкова (см. ***1839. Июля 12 <июня 30>. Пятница. Ганау***).

[20] *Смирнова О. Н.* Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.) // *Свод.* Т. 2. С. 349–350.

[21] *Смирнова О.* Ответ г-же Черницкой // *Свод.* Т. 2. С. 307; см. также: <Воспоминания о Гоголе А. О. и О. Н. Смирновых в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока> // *Свод.* Т. 2. С. 360.

ИЮНЯ 22 <ИЮЛЯ 4>. ЧЕТВЕРГ. КИЕВ

А. С. Данилевский пишет ответное[1] письмо к Гоголю во Франкфурт:

«Я много виноват пред тобой, промедлив так долго ответом на твое милое и доброе письмо, но на этот раз я так был занят, что не чувствую ни малейшего укора на душе в этой маленькой неисправности.

Недавно был, но весьма на короткое время, в Миргородском уезде, в благословенных местах, орошаемых Пселом. Не успел даже побывать в Толстом, ни у твоей маменьки. Если будет возможность, в чем немножко сомневаюсь, в июле загляну опять в наш родной уголок. Не знаю, но теперь более, чем когда-нибудь, я люблю наше захолустье. Я возвратился почти к тем временам, когда самое сладостное чувство рождали одни слова: “поедем домой!” Совестно сознаться, но, право, боюсь целую жизнь остаться дитей.

Благодарю тебя за целый короб морали, которую я нашел в письме твоем; она мне пригодится.

Сегодня у нас был публичный акт. Воспитанники мои один за другим уезжают по домам. Завтра мне придется глядеть едва ли не на пустые стены пансиона, а между тем ехать самому покамест нельзя: много починок и переделок, — говорят, мое присутствие необходимо... <...> Подожду еще несколько дней, а там употреблю все усилия, чтобы дать отпуск хоть на две недели.

Что увижу, как найду твоих, не премину уведомить тебя. Да скоро ли я дождусь свидания с тобою? Неужели чувство любви к родине у тебя высохло? Как не совестно в продолжение стольких лет не заглянуть в наш Миргород? Чем, бедный, виноват он, что ты совсем забыл его!..

Недели две тому назад я имел два визита наших нежинцев: в одно утро здоровый и толстый Забелло[2] ввалился ко мне в комнату и день спустя после — кто бы ты думал? — Гриша Иваненко[3]. С последним я не видался восемнадцать лет; я все-таки узнал его. Сегодня ожидаю Трахимовского из Житомира[4]; с ним-то вместе имею маленькую надежду отправиться на Сорочинцы. <...>

От Прокоповича вот уже целый год не имею вести. В наших местах все по-старому: свадьбы да похороны, тем и ограничиваются все новости».

[1] См. ***1844. Апреля 13 <1>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[2] Виктор Николаевич Забела (Забило; 1808–1869), украинский поэт-романтик; учился в Нежинской гимназии с апреля 1822 по март 1825 г. в одном классе с Гоголем (см.: *Супронюк. Словарь.* С. 72–74).

[3] Григорий Александрович Иваненко (1806 — после 1857), учился в Нежинской гимназии с ноября 1821 по декабрь 1823 г. (см.: *Супронюк. Словарь.* С. 79).

[4] См. также ***1842 декабря конец <1843 января начало>. Миргород.***

ИЮНЯ 28 <ИЮЛЯ 10>. СРЕДА. ПОКРОВСКОЕ-ЗАСЕКИНО

Е. Б. Грановская пишет мужу, Т. Н. Грановскому:

«По вечерам только Герцен читает нам “Мертвые души”».

Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1812–1870. М.: Наука, 1974. С. 309.

ИЮЛЯ НАЧАЛО <ИЮНЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ; ШЛАНГЕНБАД; ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь, вероятно, ездил из Франкфурта в Шлангенбад для встречи с М. П. Балабиной.

См. ***1844. Июля 12 <июня 30>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

ИЮЛЯ 12 <ИЮНЯ 30>. ПЯТНИЦА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет М. П. Балабиной:

«Я к вам не писал, потому что хотел вас уведомить наверно о себе, то есть о моем поезде: куды, когда и на сколько времени. Оказывается теперь следующее: в Остенде, через неделю, на полтора месяца. Вашу порученность я исполнил тот же час по приезде во Франкфурт, последовавшем за нашим свиданием[1]. Я тотчас отправил человека с письмом от вас отыскивать англицкого пастора: Пирпенфельда[2] или Пильпентафеля, наверное не помню. Комиссионер, которого я посылал, доложил, что он лично видел господина Пирпенфельда и что г. Пирпенфельд или Пильпентафель обещался завтра же дать удовлетворительный ответ, чем я совершенно успокоился. Как вдруг получаю от вас известие, что на письмо ваше ответа нет. Я послал вновь к г. Пирпенфельду, но оказалось, что господин Пирпенфельд улизнул из Франкфурта и поручил все дела какому-то Ферзениусу[3], или Фризениусу, или Фрузениусу, или даже Зерфуниусу (для меня все подобные фамилии несколько трудны и потому извините, если несколько ошибаюсь в правописании). Я тот же час к Фрузениусу с тем, чтобы сейчас же и тут же при человеке написал ответ. Этот ответ был взят от Фрузениуса и уже брошен не его руками в почтовую дыру во избежание всяких запутанностей, о чем обо всем вас теперь уведомляю и прошу в отплату за это уведомить о себе, то есть обо всем, что ни случилось с вами после нашего расставания. Изъясните мне также, что значит мистическая поездка ваша во Франкфурт и ваш обед в Hotel de Russie[4] перед самым моим носом, о чем я узнал только на другой день, живя тут же и в том же самом доме?

Если <...> на вас найдет ленивое расположение и в течение пяти дней вы не соберетесь писать, а предпримете это гораздо позже, тогда адресуйте уже в Остенде».

Вероятно, в тот же день, 12 июля (н. ст.) 1844 г., граф Мих. Юрьевич Виельгорский и А. О. Смирнова выехали из Франкфурта в Баден на встречу возвращавшейся из Петербурга графини Л. К. Виельгорской[5].

[1] Возможно, для встречи с Балабиной Гоголь ездил к ней в Шлангенбад (см. ***1844. Июля начало <июня вторая половина>. Франкфурт-на-Майне; Шлангенбад; Франкфурт-на-Майне***).

[2] Пильпентафеля (см. ***1844. Июля 15 <3>. Понедельник. Шлангенбад***).

[3] Зерфуниус.

[4] Название гостиницы *(фр.)*.

[5] См. ***1844. Июля 13 <1>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Июля 17 <5>. Среда. Франкфурт-на-Майне***.

ИЮЛЯ 13 <1>. СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь отправляет письма к М. П. Погодину в Москву и к графине Л. К. Виельгорской в Баден.

Из письма к Погодину: «Я узнал[1] о случившемся с тобою несчастии[2]. Бог да сохранит тебя, и да обратит всё, что ни случилось с тобою, тебе же во благо. Для христианина нет несчастия и всё, что ни сбывается с ним, имеет для него глубокий смысл. Напиши мне два слова о твоем состоянии или попроси Елисавету Васильевну уведомить, как тебе и как себя чувствуешь. Адресуй во Франкфурт на Майне, я хотя и еду на морское купанье в Остенде по причине плохого здоровья, но чрез месяц с небольшим надеюсь назад. Да споспешествует тебе Бог в скорейшем выздоровлении!»

В письме к Виельгорской (возвращавшейся из Петербурга в Баден) Гоголь сообщал: «Видите ли: не во вторник[3], а в самую даже пятницу[4] чуть было не отважился я ехать с Михал Юрьевичем[5] вновь в Баден, до такой степени хотелось было видеть вашу встречу. Но однако ж этого не случилось, и я, как видите, не поехал. Зато впереди *Остенд*, наш будущий приятель, куда я поднимаюсь через три дня[6] и куда однако ж я советую и вам не очень опаздывать... <...> Смирнова слышно тоже намеревается пробыть в Остенде. Извините, что письмо несколько бестолково: пишу среди страшного шуму и смеху, затеянного на немецком языке немецкими девицами, который кончился наконец пеньем, а потому и я, сделавши несколько чернильных капель, замазанных тут же весьма искусно моим пальцем, оканчиваю тоже письмо мое. Вам посылаю всем самый душевный поклон, целую все шесть ваших ручек и говорю вам до Остенда! <...>

Жуковский послал мне письмо, адресовавши его в Hotel de Hollande. Повелите кому-нибудь из двух ваших вассалов, Тимофею или Петеру о нем разузнать и отправить обратно к Жуковскому во Франкфурт».

[1] См. ***1844. Июня 2 <14>. Пятница. Москва*** (письмо Н. М. Языкова). – Ответ Гоголя на письмо Языкова с извещением о том, что Погодин сломал себе ногу, см.: ***1844. Июля 14 <2>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1844. Мая 16 <28>. Вторник. Москва.***

[3] 9 июля (н. ст.) 1843 г.

[4] 12 июля (н. ст.) 1843 г.

[5] Граф Виельгорский, муж Л. К. Виельгорской.

[6] Ср. ***1844. Июля 25 <13>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

ИЮЛЯ 14 <2>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет в Москву ответное[1] письмо к Н. М. Языкову (судя по почтовому штемпелю[2], письмо было отправлено из Франкфурта через день, 16 июля):

«Письмо твое получил со вложением Тригорского, за которое очень благодарю. Но только какой ты недогадливый! Сам уведомляешь меня, что написал несколько посланий в Москве, и хотя бы одно приложил на показ, зная, что это для меня во-первых мед, а во-вторых и просто нужно. Книг я до сих пор от тебя ни одной не получил, а между тем сгорал жаждой чтения. Писать не мог по причине совершенного запрещения по поводу приливов крови к голове, а читать и прочитать мог бы много в это время нужного и полезного. И как нарочно, к вящей досаде моей, беспрестанно приезжают из Москвы и прямо во Франкфурт. Приехал Новосильцев[3], московский вице-губернатор, знакомый всем нашим литераторам, и хотя бы один из них что-нибудь мне догадался прислать с ним. Приехали знакомые Авдотьи Петровны[4], Галаховы[5], привезли Жуковскому хоть письмо, а мне ничего. Приехал наконец Мельгунов[6]. Я обрадовался, услыша о его приезде, думая, ну, по крайней мере, этот что-нибудь привез, но оказалось, что и этот приехал с пустыми руками[7]. Словом, сделалось даже досадно. За дурным временем я должен был остаться во Франкфурте. Морских купаний нельзя было еще начинать, тем более, что я как-то сделался склоннее к простуде, чем когда прежде. Ты спрашиваешь, пишутся ли М<ертвые> д<уши>? И пишутся и не пишутся. Пишутся слишком медленно и совсем не так, как бы хотел, и препятствия этому часто происходят и от болезни, а еще чаще от меня самого. На каждом шагу и на каждой строчке ощущается такая потребность поумнеть и притом так самый предмет и дело связано с моим собственным внутренним воспитанием, что никак не в силах я писать мимо меня самого, а должен ожидать себя. Я иду вперед — идет и сочинение, я остановился — нейдет и сочи<нение>. Поэтому мне и необходимы бывают часто перемены всех обстоятельств, переезды, обращение к другим занятиям, не похожим на вседневные, и чтенье таких книг, над которыми воспитывается человек. <...> Вас<илий> Андр<еевич> тебе кланяется. Он, бедный, провел время жалким образом и не делал доселе ничего, по причине двухмесячной возни с столярами и печниками, занявшими всё его время на новосельи. Теперь он едва только вытаскивает из-под спуда свою Одиссею[8]. Адресуй по-прежнему во Франкфурт...»

[1] См. ***1844. Июня 2 <14>. Пятница. Москва.***

[2] См.: *Городецкий*. С. 472.

[3] Петр Петрович Новосильцев (1797–1869), московский вице-губернатор в 1838–1851 гг.

[4] Елагиной.

[5] Александр Павлович Галахов (1802–1856), брат члена кружка Герцена И. П. Галахова, и его жена Софья Петровна (рожд. Мятлева).

[6] См. ***1844. Июня 2 <14>. Пятница. Москва.***

[7] Объяснение Языкова см.: ***1844. Июля 6 <18>. Четверг. Москва.***

[8] В то время Жуковский продолжил работу над восьмой песнью «Одиссеи», перевод которой был начат 22 апреля (н. ст.) и закончен 5 сентября (н. ст.) 1844 г. (*Янушкевич А. С.* Примечания // *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2010. Т. 6. С. 409).

ИЮЛЯ 15 <3>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ШЛАНГЕНБАД

М. П. Балабина пишет ответное[1] письмо к Гоголю во Франкфурт:

«Извините великодушно, любезный Николай Васильевич, за всю тревогу. Правда, что господин Зерфуниус, секретарь господина Пильпентафеля, долго не отвечал на мое письмо, но, однако ж, насилу написал, и теперь я знаю все, что хотела знать. Когда мы пришли недавно в Hotel de Russie, нам сказали, что вы сию же минуту изволили улизнуть, и, так как и мы сейчас после обеда улизнули прямо в Майнц, мы не могли с вами увидеться. Вы едете в Останд! Как нам сделать, чтоб встретиться в Бельгии? Мы писали штудгартскому священнику[2] так, как вы советовали, и получили ответ: он, кажется, так хорошо знает, что ему нельзя нас венчать здесь[3], что даже и не понял совершенно нашу просьбу; он говорит, что готов приехать к нам в Шлангенбад, чтоб с нами *поговорить* и посмотреть, тут ли все бумаги, но что, может быть, его приезд не нужен, потому что нам все-таки надо приехать в Штудгарт! Итак, мы решились боле не писать, но прямо поехать к нему. Мы хотим ехать 20 числа, чрез пять дней, в Штудгарт. <...>

Чрез полтора месяца, я думаю, что мы отправимся в Бельгию, но я вам, наверно, после напишу в Ostende, post restante. Вагнер[4] приедет к нам сегодня. Брат Иван приехал поутру. Мы все едем вместе в Штудгарт. Я оттуда вам напишу... <...> Если вам придет охота написать мне кое-что в течение месяца, адресуйте в Штудгарт, посольству. До свидания в Бельгии».

[1] См. ***1844. Июля 12 <июня 30>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

[2] Протоиерею И. М. Певницкому.

[3] В Шлангенбаде.

[4] А. Л. Вагнер, жених Балабиной.

ИЮЛЯ 17 <5>. СРЕДА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

А. О. Смирнова возвращается из Бадена во Франкфурт.

В этот день В. А. Жуковский сообщал А. И. Тургеневу: «Я читал письма Якушкина к матери, жене и детям из Ялуторовска[1], и читал их с умилением, и спрашивал себя: этот заблужденный Якушкин, который когда-то произвольно вызывался на убийство и который теперь так христиански победил судьбу земную, дошел ли бы он до этого величия другою дорогою? Конечно, брат Николай[2] не Якушкин; он с прямого пути не сбивался; за то и опыт ему дан не столь тяжкий и строгий. <...>

Книги: Самарин[3], две брошюры Шевырева и Погодина о Голицине[4] и маленькую книжечку стихов Хомякова[5] получишь при посещении меня во Франкфурте... <...>

Смирнова была здесь несколько дней[6] и теперь в Бадене на свидании с Вьельгорскими; нынче должна быть назад; ее дожидаются дети, оставленные ею в Hotel de Russie. Бедный Викулин[7] весьма в плохом положении; можно бояться, чтобы не лишился ума (не говори об этом). Разъезжает

один, без камердинера. Теперь отправляется в Дрезден, где встретится с родными. Я предуведомил об этом доктора Каруса[8]. Жаль его душевно»[9].

В 1929 г. Л. В. Крестова, комментируя слова Смирновой, сказанные Пыпину[10]: «В июне месяце во Франкф<урт>е я нашла Г<оголя>...» – указала: «В июне 1844 года Гоголь был во Франкфурте, где 17 июля снова встретился с Александрой Осиповной (указание взято из ненапечатанного письма Смирновой к Сол<л>огуб)»[11].

Через несколько дней, вероятно, до отъезда Гоголя в Остенде 25 июля (н. ст.) 1844 г.[12], Смирнова с детьми отправилась в Дюссельдорф, затем в Берлин и, далее, в Петербург[13]. Перед отъездом Гоголь, возможно, просил Смирнову ходатайствовать за него в Петербурге перед Государем об оказании ему материальной помощи[14]. Кроме того, прощаясь с Смирновой, Гоголь, вероятно, обратился к ней с просьбой прислать ему из Петербурга книги, заметка о которых сохранилась в его записной книжке 1841–1846 гг.: «Макария. О молитве. Максима исповедника. О любви. Ефрема Сирианина см<отреть>. Авва Дорофей, иногда с<мотреть>. Симеона Нового»[15].

В 1856 г. П. А. Кулиш, со слов Смирновой, сообщал: «В том же году она возвратилась в Россию...»[16]

Около 1873 г. Смирнова рассказывала также А. Н. Пыпину: «Я поех<ала> в Росс<ию>, и мы <с Гоголем> переписыв<ались>»[17].

[1] В бумагах Гоголя сохранилась копия письма И. Д. Якушкина из Ялуторовска к его теще Н. Н. Шереметевой, сделанная ее рукою: Письмо И. Д. Якушкина к Н. Н. Шереметевой 1838–1839 гг. из Ялуторовска // Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Изд. подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 253. – См. также ***1851. Июня между 5 и 25. Москва***.

[2] Н. И. Тургенев.

[3] Книга Ю. Ф. Самарина «Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники» (М., 1844). – См. ***1844. Сентября 10 <22>. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания).

[4] По поводу кончины в Париже 27 марта 1844 г. московского генерал-губернатора князя Д. В. Голицына: «Некролог князя Д. В. Голицына» М. П. Погодина (отдельный оттиск из № 47 «Московских Ведомостей» за 1844 г.) и «17, 18 и 19 Мая в Москве. (Встреча и погребение князя Д. В. Голицына)» С. П. Шевырева. – См. также ***1844. Мая 16 <28>. Вторник. Москва***.

[5] «КД стихотворений А. С. Хомякова« (М., 1844).

[6] См. ***1844. Июня конец <июня средина>. Франкфурт-на-Майне***.

[7] См. также ***1844. Мая 23 <11>. Четверг. Баден-Баден***; ***1844. Июня конец <июня средина>. Франкфурт-на-Майне***.

[8] Карл Густав Карус (1789–1869), немецкий врач и художник.

[9] Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. С. 299, 301, 302.

[10] См. ***1844. Июня конец <июня средина>. Франкфурт-на-Майне***.

[11] *Крестова Л. В.* Примечания // *Смирнова А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 432.

[12] См. ***1844. Июля 25 <13>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***.

[13] См. ***1844. Августа 12 <июля 31>. Понедельник. Берлин***.

[14] См. ***1844. Октября 7 <19>. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1845. Января средина <января конец>. Санкт-Петербург***.

[15] Ср. ***1844. Октября 10 <22>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1844. Декабря 18 <30>. Понедельник. Санкт-Петербург***.

[16] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 2. С. 221.

[17] <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод*. Т. 2. С. 246.

ИЮЛЯ 6 <18>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Н. М. Языков пишет ответное[1] письмо к Гоголю во Франкфурт:

«Неудивительно, что ты о сю пору не получил <книг>, мною к тебе посланных; с частию этих книг, несмотря на то, что и взялась тебе доставить дама, да еще и немка[2], случилась история: оная дама потеряла адрес этим книгам, которого они теперь и дожидаются в Любеке, адрес послан уже, следственно, можешь ты по этой части успокоиться, а другая посылка книг давно уже за границей:

ее взяла г-жа А<нненкова>[3], которая давно уже сидит в Дрездене; взяла и обещалась переслать к тебе во Франкфурт. Чорт же ее знает, почему она это не делает! Вот тебе и дамы! <...>

Нынешнею весною я написал несколько стихотворений, большею частью послания и пришлю тебе образчики их в книжке, которая теперь печатается; это выбор из моих стихотворных дел – прежних, новых и новейших: издание, как говорится, скопленье.

Погодин поправляется; говорит даже, что он скоро и в путь отправится, т. е. в Мариенбад; хорошо, если он отвезет тебе "Москвитянин" за 1843 и текущий годы. Книжку "*Обозрение богослужебных книг Грекороссийской Церкви*"[4], я насилу отыскал в Москве; вот почему и не послал ее с Мельгуновым: ты получишь ее вместе с моими стихами».

[1] См. ***1844. Июня 15 <3>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***.
[2] Ейндродт (см. ***1844. Октября 14 <26>. Суббота. Москва***).
[3] См. там же.
[4] См. ***1844. Апреля 2 <марта 21>. Великий вторник. Дармштадт***.

ИЮЛЯ 21 <9>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

Н. П. Ломтев[1] записал в дневнике:

«После обеда был Иванов[2], читали Гоголя "Утопленницу"»[3].

[1] Николай Петрович Ломтев (1816–1863), исторический живописец.
[2] Вероятно, скульптор Антон Андреевич Иванов (1815–1848). Был отправлен в Рим вместе с П. А. Ставассером летом 1841 г.
[3] *Ломтев Н. П.* Дневник 1844–1848 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 561.

ИЮЛЯ 10 <22>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Представление «Игроков» и «Женитьбы» в Малом театре[1]; в ролях Утешительного и Кочкарева – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 253, 260.
[2] *Гриц.* С. 328.

ИЮЛЯ 25 <13>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь отправляет в Баден написанное накануне, 24 июля (н. ст.) 1844 г., письмо к графине С. М. Соллогуб (рожд. Виельгорской)[1]:

«Письмо это к вам и к Анне Михайловне[2]. Я хотел было вам сделать сюрприз[3], но вместо того болезнь мне сделала сюрприз и сюрприз до такой степени неприятный, что и рассказать не могу; такие несносные и такие тягостные припадки, каких я давно не испытывал. Больной еду я теперь по приказанию доктора поспешно в Остенде, иначе мне грозит он гораздо худшим состоянием. А между тем я уже было совершенно решился ехать с вами, и путешествие вместе меня чрезвычайно заманивало. Напишите мне несколько строк, что делаете и какие имеете известия из Петербурга. Ваше письмо меня очень обрадует в моем беспомощном положении. Его жду теперь как благотворную каплю освежающей росы. <...> Не медлите также отъездом, время настало прекрасное! Если опоздаете, можете пропустить выгодный месяц, каков август. Адрес мой в Остенде. Poste restante».

В тот же день Гоголь выехал из Франкфурта в Остенде.

В этот день В. А. Жуковский в письме к А. И. Тургеневу сообщал: «Гоголь был здесь и уехал в Остенду: бедный часто страдает нервами[4], и страшно за него»[5].

[1] Согласно почтовым штемпелям, письмо отправлено из Франкфурта 25 июля (н. ст.) 1844 г.; получено в Бадене 26 июля (н. ст.) 1844 г.

[2] Графиня Анна М. Виельгорская, сестра С. М. Соллогуб.

[3] Гоголь собирался приехать в Баден (см. ***1844. Июля 13 <1>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***).

[4] См. также ***1844. Июля 26 – сентября 15 <июля 14 – сентября 3>. Остенде***; ***1844. Августа 15 <3>. Четверг. Остенде***.

[5] Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод*. Т. 2. С. 56.

ИЮЛЯ 26 – СЕНТЯБРЯ 15 <ИЮЛЯ 14 – СЕНТЯБРЯ 3>. ОСТЕНДЕ

Гоголь в Остенде на морских купаньях, куда приехал после расстройства нервов, сходного с тем, какое было у него во время болезни в Вене в августе 1840 г.[1] Пьет в Остенде «в большом количестве» кофе[2].

8 августа (н. ст.) 1844 г. в Остенде приезжает графиня Л. К. Виельгорская с дочерьми, графинями С. М. Соллогуб и Анной М. Виельгорской[3]. Здесь же находятся граф И. П. Толстой (до начала сентября (н. ст.) 1844 г.)[4] и его брат граф А. П. Толстой[5], вероятно, с женой, графиней А. Г. Толстой (рожд. княжной Грузинской).

Позднее, 12 ноября (н. ст.) 1844 г., Гоголь, имея в виду свое лечение в Остенде и общение здесь с графом А. П. Толстым, писал Н. М. Языкову: «О <Ар. О.> Россете скажу то, что ему не помогло водяное лечение[6] или же если помогло, то весьма мало. <...> Впрочем, я и прежде не думал, чтобы для него было слишком полезно водяное лечение. Я скорей думаю, что ему помогло бы более морское купание, чем пресная вода. Я разумею море северное, а не южное, между коими большая разница. Оно производило на меня то, чего я никогда не чувствовал, купаясь в южном. Кожа после него вся горит и чуть выйдешь из воды, как сделается уже жарко, как в бане. В воде сидеть не более пяти минут, чем меньше, тем лучше; чем хуже погода, чем холоднее, чем сильнее ветры и буря, тем лучше, и выходишь из воды чорту не брат. Я даже, который боялся прикосновения холодной воды и вооружен фуфайкою непосредственно на самом теле, отваживался весьма храбро и только жалею о том, что удалось мне мало купаться и не выполнить весь назначенный курс. Но, говорят, еще лучше, если оставить на следующий год, удвоив его. Как бы то ни было, но после купанья я чувствую себя лучше, ибо надо тебе сказать правду, я был слишком болен летом и так дурен, как давно себя не помню. Нервы до такой степени были расстроены[7], что не в силах был не только что-нибудь делать, но даже ничего не делать, то есть пребывать в блаженной на ту пору бесчувственности. Впрочем, советую тебе меньше заботиться о том, что не так здоров, как бы хотелось. Это лучшее средство против недуга. Клянусь, мы все грешим много тем, что слишком много думаем о своем телесном здоровьи, потому именно и бываем гораздо больше нездоровы. У меня есть один приятель, человек слишком замечательный, с которым ты после познакомишься. Он теперь в Париже, но весной или летом будет в Москве, именно граф Алекс<андр> Петр<ович> Толстой, брат того, которого ты знаешь. Человек, потому замечательный, что принадлежит к слишком немногому числу тех людей, которые способны сделать много у нас добра при нынешних именно обстоятельствах России, который не с европейской заносчивой высоты, а прямо с русской здравой середины видит вещь. Он много видел, был два раза губернатором, в Одессе и в Твери, умел видеть ошибки другого и даже свои собственные, и теперь стал на такую точку, что может, не распекая и не разгоняя людей, сделать существенное добро, т. е. умирить там, где иной с благородным намерением добра может произвести кутерьму и раздор, но который *болен своею болезнию,* то есть болеет оттого, что болен, и думает, что прежде нужно вылечиться, а потом делать. А между тем как при теперешнем всеобщем состоянии здоровий *дело* только и может быть лечением, т. е., само собою разумеется, дело, питающее душу, а не обременяющее одно только тело».

23 ноября (н. ст.) 1844 г. Гоголь писал также графине Анне М. Виельгорской: «Я вспомнил, между прочим, о графине Толстой, находящейся ныне с вами в Париже[8]. Она множество набрала материалов к себе в душу и держит их точно под замком, не применяя их к делу. Ей больше, чем кому-либо другому, следует молиться делами, без дел угасают сильно чувствования душевные, а без сильных чувствований душевных бессловесна молитва. Если бы вы ее могли заставить войти в положение какого-нибудь несчастливца, которому нужна помощь, и заинтересовать ее им».

Вероятно, имея в виду свое общение с Толстыми в Остенде, Гоголь 9 января (н. ст.) 1845 г. сообщал также А. О. Смирновой, что после пребывания в Ницце зимой 1843/44 г.[9], с ним «произошли такие знакомства, что с одного, другого разговора уже обоим показалось, как будто век знали друг друга, и уже от таких людей я никогда не слыхал упреков в недостатке простоты или упреков в скрытности и неоткровенности»: «Всё само собой казалось ясно, сама душа высказывалась, сами речи говорились. Если ж что не обнаруживалось и почиталось ему до времени лучшим пребывать в сокровенности, то уважалась даже и самая причина такой скрытности. И с полным чувством обоюдного доверия друг к другу, каждый даже утверждал другого [в намерении] хранить то, о чем собственный разум его и совесть считает ненужным говорить до времени, изгоняя великодушно из себя даже и тень какого-либо подозренья или пустого любопытства. Итак, вот какого рода уже становились мои отношения со встречавшимися в последующее время со мною душами».

В 1854 г. П. А. Кулиш, со слов неизвестного, знавшего Гоголя «издали», сообщал: «В Остенде помнят его, в черном пальто и в серой шляпе, бродящим ежедневно взад и вперед по морской плотине, вечно одиноким и задумчивым. Его принимали там за несчастного ипохондрика или мизантропа...»[10]

[1] См. ***1840. Августа вторая половина – конец <августа начало – средина>. Вена.***

[2] См. ***1845. Сентября 22 <10>. Понедельник. Берлин.***

[3] См. ***1844. Августа 8 <июля 27>. Четверг. Остенде.***

[4] См. ***1844. Сентября начало <августа вторая половина>. Остенде.***

[5] См. ***1844. Сентября 16 <4>. Понедельник. Брюссель***; ***1844. Сентября 20 <8>. Пятница. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Остенде***; ***1844. Ноября 6 <октября 25>. Среда. Париж.***

[6] В Грефенберге у В. Присница (см. ***1843. Мая 26 <14>. Пятница. Грефенберг-Фрейвальдау***).

[7] См. также ***1844. Июля 25 <13>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Августа 15 <3>. Четверг. Остенде.***

[8] См. ***1844. Ноября 12 <октября 31>. Вторник. Париж.***

[9] См. ***1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.***

[10] Воспоминания неизвестного о пребывании Гоголя в Остенде в июле-сентябре 1844 г., в изложении П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 3. С. 560.

ИЮЛЯ 16 <28>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

М. П. и Е. В. Погодины пишут ответное[1] письмо к Гоголю во Франкфурт.

Из письма Погодина: «Благодарю тебя за участие. Ты еще не забыл меня! Теперь мне лучше, слава Богу, но восемь недель пролежал я неподвижно[2]; с третьего дня начал ворочаться освобожденный от машины, впрочем, с большою болью и неудобствами в сочленениях ноги. Говорят, что это продолжится не долго. Беда случилась со мной среди мечтаний и самым странным образом. <...> Пишу и теперь лежа. Благодарю Бога, что послал мне терпение, ни скуки, ни досады – ничего не чувствовал ни на минуту, и теперь не понимаю, как могло пройти время так неприметно. А подумать о сумме (8-недельно неподвижен на спине), так берет ужас. Почти уже благодарю Бога за это испытание: с одра болезни слышатся такие веши, каких не услышишь ни с какой кафедры. Читал я Фому Кемпейского[3], за которого благодарю. Я, разумеется, знал его и прежде, но теперь понял лучше. Удивительно кроткая и любящая душа. Едва ли есть другая книга в мире столь елейная! Прощай! Я не отвечал на твое письмо, ожидая спокойной минуты, а все еще не получил. Я только что кончил свои дела в университете и упал накануне отставки. Теперь я вольный казак, но не

смею думать ни о чем дальней своей койки. Никакой мысли о будущем не входит в голову. <...> Я журнал[4] сдаю, но не знаю еще, как и кому».

Погодина в приписке к письму мужа добавляла: «Два раза писали вы к нам, любезный Николай Васильевич, и ни слова о себе, о своем здоровье, своих занятиях? <...> Теперь, по крайней мере, возвратясь с вод, напишите нам подробнее обо всем. <...> С маменькой вашей мы иногда переписываемся. Об Аксаковых, вы, верно, знаете, что они расстроены сильно продолжительною болезнию Ольги Сергеевны. О нашей маленькой Груше, которой теперь шестой месяц, вы, может быть, слышали».

[1] См. ***1844. Июля 13 <1>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1844. Мая 16 <28>. Вторник. Москва***; ***1844. Июня 2 <14>. Пятница. Москва.***

[3] См. ***1844. Февраля 14 <2>. Среда. Праздник Сретения Господня. Ницца.***

[4] «Москвитянин». С весны 1844 г. шли переговоры о передаче журнала под редакцию И. В. Киреевского, который встал во главе журнала в конце года. С четвертого номера за 1845 г. к редактированию вновь вернулся Погодин.

ИЮЛЯ 30 <18>. ВТОРНИК. ОСТЕНДЕ

Гоголь пишет В. А. Жуковскому (согласно почтовому штемпелю, письмо было получено Жуковским во Франкфурте 1 августа (н. ст.) 1844 г.[1]):

«До Остенде я добрался, слава Богу, благополучно. На другой день после дороги почувствовал себя даже хорошо, потом опять похуже. Сегодня однако ж взял первую баню. <...> ...Покаместь трудность страшная бороться с холодом воды, больше одной минуты я не мог высидеть, и ноги сделались холодны на весь день, так что с трудом мог их согреть, хотя ходил много. В Остенде никого; и покаместь довольно скучно. <...> Если набралось сколько-нибудь писем, то пришлите, адресуя покаместь в Poste restante».

[1] См. также ***1844. Августа 1 <июля 20>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

ИЮЛЯ 18 <30>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. А. Перовский пишет ответное[1] письмо Гоголю во Франкфурт:

«...Вы вызываете меня на исповедь. <...> ...Но исповедь заочная <...> невозможна. Скажу вам, однако же, в двух словах, что перед тем, как я получил ваше письмо, <...> в моей душе и мыслях последовало внезапное изменение... <...> Вы говорите мне о необходимости заняться Алешей относительно душевного образования: я совершенно в этом согласен с вами и еще с прошлой осени приискал священника, которым доволен; с помощью его могу надеяться на хорошие последствия. Нравственные недостатки Алеши было бы несправедливо ставить ему в вину: отсутствия матери ничем заменить нельзя... <...> Опасаюсь, что в Алешином сердце навсегда останутся сухость и эгоизм, заметные теперь, которые могли бы быть удалены только женским влиянием. <...> ...Напишите мне два слова, нужные для успокоения моей совести.

С вами ли Жуковский? <...> Наше петербургское лето печально до крайности: безнадежная болезнь прекрасной, прелюбезной великой княгини Александры Николаевны[2] наводит общую грусть; вот уже три недели, как с каждым днем ожидают ее кончины[3]...»

[1] См. ***1844. Апреля 20 <8>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. также ***1844. Июня средина <июня начало>. Париж***; ***1844. Августа 28 <сентября 9>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1844. Июля 29 <августа 10>. Суббота. Царское Село.***

ИЮЛЯ 31 <19>. СРЕДА. ПАРИЖ

Ф. В. Чижов отмечает в дневнике:

«Сегодня утром в пять или в шесть часов с половиною приехали мы в Париж. Получил я письма неутешительные в отношении к делам моим от Полякова. Еще от А. П. Магденки, А. А. Иванова[1], Гоголя[2] и Варвинского».

Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 53.

[1] От средины июля (н. ст.) 1844 г. (см. ***1843. Февраля 3 <января 22>. Пятница. Рим*** – примечания).
[2] Письмо не сохранилось.

АВГУСТА 1 <ИЮЛЯ 20>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский, получив письмо Гоголя из Остенде[1], в тот же день отправляет ему ответное письмо:

«Посылаю вам два письма[2], полученные на ваше имя, любезный Гоголек. Гр<афиня> Вьельгорская[3] привезла для вас несколько книг “Христианского Чтения” и несколько № бесовского, то есть “Отечественных Записок”[4]. И то и другое будет храниться у меня до вашего возвращения. Вы увидите в Остенде Вьельгорских, которые через день или два отправляются в путь; они не останутся в Остенде брать морские ванны, а отправляются в Дувр, и у нас на совете положено, чтоб и вы с ними туда отправились. Море полечит тело, а их добрые души сохранят здоровье души. Прощайте. Я принимаюсь опять за “Одиссею”»[5].

[1] См. ***1844. Июля 30 <18>. Вторник. Остенде.***
[2] Одним из писем было, вероятно, письмо А. С. Данилевского из Киева (см. ***1844. Июня 22 <июля 4>. Четверг. Киев***; ***1844. Августа 15 <3>. Четверг. Остенде***).
[3] Луиза Карловна.
[4] См. ***1844. Июня около 20 <8>. Баден-Баден.***
[5] См. ***1844. Июля 14 <2>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

АВГУСТА 1 <ИЮЛЯ 20>. ЧЕТВЕРГ. ПАРИЖ

Ф. В. Чижов пишет ответное письмо к Гоголю во Франкфурт:

«Сейчас[1] получил я Ваше письмо, после того как я был уже в Останде[2], надеясь Вас найти там. И погода и занятия мои гонят меня в Италию, поэтому я и поторопился поехать к Печерину[3] и думал, авось либо и Вас найду в Останде».

9 сентября (н. ст.) 1844 г. Чижов сообщал А. В. Никитенко из Венеции: «В нынешнюю поездку мою на север я был у Печерина, провел день тихо, спокойно и ладно. Он сблизился с своим бытием; в сближении его я больше вижу, что он нашел приют огромному самолюбию, нежели точно покорился сердцем и умом религии. <...> Жаль мне, что у Печерина почти не осталось воспоминаний о прошедшей жизни сердца, но винить его не смею, может быть, ни с его стороны, ни с нашей не было никакого истинно сердечного соединения, все было, может быть, условное, все и уничтожилось с оставлением условий. Наш разговор ограничивался тем, что наиболее занимало нас обоих, именно религиею и ее формами, <...>; я сказал ему и его собратам, что мы теперь не о том должны заботиться, чтоб соединиться богослужением, а о том, чтоб быть братьями внутри нас, тогда объяснится для нас и различие богослужений, тогда откроется, может быть, и необходимость его, то есть необходимость историческая, потому что безусловного на земле нет, все под условием времени и места. Вот вам донесение о Печерине; мало, но только и было, больше сказать нечего»[4].

В 1847 г. Чижов, будучи под следствием[5], рассказывал: «Здесь я должен упомянуть о поездке моей в Бельгию <в 1844 г.> и о том, как при встрече в монастыре с Печериным меня уговаривали всеми средствами быть католиком и иезуитом, предлагая мне, под рукою, удовлетворение всем прихотям моей природы, особенно намекая на то, что женщины в моем распоряжении и что нет такой высокопоставленной особы, которая не была бы под моим влиянием, по моей силе убеждений»[6].

Далее в письме к Гоголю Чижов замечал:

«Собственно говоря, у меня нет определенного дела говорить с Вами, но так сильно хотелось видеться, что это хотение еще более усилило надежду. Пожалуйста уведомьте, куда Вы поедете из Остáнда; здесь я остаюсь никак не дольше 3 августа, много 4, а поэтому еду через Женеву в Милан и Венецию. Едва до 4 августа письмо Ваше придет ко мне. Мой адрес: "Rue de boucheris" (St. Germain), № 38, a Paris. <...> До 6 августа я могу получить письмо в Женеве, а дальше "a Venise, poste restante".

P. S. Чтоб облегчить Вам приискание квартиры в Остáнде, рекомендую Вам небольшую квартиру с предобрейшею хозяйкою Rue des soeurs blanches, № 3, там два года тому назад жил Галаган и я приезжал к нему дни на три. В теперешний проезд мой я заходил туда и еще квартира была незанята».

[1] См. ***1844. Июля 31 <19>. Среда. Париж.***

[2] См. ***1844. Июня 22 <10>. Суббота. Остенде.***

[3] См. ***1844. Мая 31 <19>. Пятница. Париж.*** – См. также ***1844. Сентября 29 <17>. Воскресенье*** (примечания).

[4] Из архива А. В. Никитенко // Русская Старина. 1904. № 9. С. 681.

[5] См. ***1847. Мая 6 <18>. Вторник. Радзивиллов***; ***1847. Мая 14 <26>. Среда. Санкт-Петербург.***

[6] Кирило-Мефодіївське товариство: В 3 т. Київ, 1990. Т. 3. С. 228.

АВГУСТА 2 <ИЮЛЯ 21>. ПЯТНИЦА. ПАРИЖ

Ф. В. Чижов записывает в дневнике:

«Время идет далеко не так деятельно, как бы мне хотелось. Сегодня купил Библии Ал<ексан-дру> Анд<реевичу> Иванову, книги А. П. Магденке, толковал с Дидроном[1] и виделся с тою дамою, что рекомендовала гувернан<т>ку, и только»[2].

Для художника Иванова Чижов купил Библию на древнееврейском и французском языках, с комментариями. Иванов просил приобрести ему это издание в письме к Чижову от средины июля (н. ст.) 1844 г.[3] Позднее, в средине февраля (н. ст.) 1845 г. Иванов обращался к Гоголю: «Сходите, пожалуйста, в Париже к издателю Библии, называется он S. Cahen, а живет в Rue Pavéz, № 1 – это где-то далеко, говорит Чижов, а прежде справьтесь у книгопродавцев Treuttel et Würtz: вышел ли последний том этой Библии, то есть: Эсфирь, Иов, Псалмы, Притчи, Экклезиаст и Песнь Песней? Прочие пятнадцать томов все уже имею и читаю. Чрезвычайно любопытное издание. Очень буду жалеть, если не буду иметь его полного. Если этот последний том вышел, то пришлите его на имя Скарятина, первого секретаря посольства в Риме». Спустя несколько месяцев, 22 сентября (н. ст.) 1845 г., Иванов писал также брату Сергею: «Если бы ты мог купить для меня в Париже шестнадцатый и последний том Библии Каена, который, вероятно, уже вышел, то сделал бы большое одолжение; все пятнадцать я имею, благодаря Чижову: La Bible. Traduction nouvelle, avec l'Hebreu en regard, par S. Cahen»[4].

Позднее, 1 июня 1848 г., Чижов писал Иванову: «Теперь изыскания всех церковно-ученых показывают, что перевод семидесяти толковников лучше еврейского подлинника, который искажен сильно в позднейшие времена...»[5]

[1] Речь идет о французском археологе Адольфе Наполеоне Дидроне (1806–1867). В 1843 г. в Париже вышла книга А. Дидрона «Iconographie chrétienne» («Иконография христианства»). Осенью 1845 г. Гоголь привез А. А. Иванову семь прорисей на лист прозрачной кальки древних икон – иллюстраций из этой книги (см. ***1845. Октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4>. Рим***).

12 ноября (н. ст.) 1844 г. Иванов в письме к Ф. А. фон Моллеру спрашивал: «У вас ли еще Чижов? <...> Не познакомились ли вы через него с Наполеоном во Флоренции?.. <...> Чрез Наполеона хорошо бы Чижову было знакомство составить и в Риме» (*Виноградов 2001*. С. 325). Речь в данном случае идет о другом «Наполеоне» — не об археологе Адольфе Наполеоне Дидроне, а о лингвисте Людовике Люсьене Наполеоне Бонапарте, занимавшемся славянскими языками (племяннике Наполеона I). При аресте Чижова в 1847 г. среди его бумаг было обнаружено «письмо Луи Бонапарта, сына Люциана, к Чижову»: «Луи собирается издавать словарь всех языков и наречий и относился к Чижову о содействии к собиранию славянских слов» (Кирило-Мефодіївське товариство: В 3 т. Київ, 1990. Т. 3. С. 226; подробнее см.: Там же. Т. 3. С. 231–232). См. также: Воспоминания Ф. В. Чижова. <Ответы на вопросы III Отделения 23 мая 1847 г.> // Исторический Вестник. 1883. № 2. С. 250.

[2] Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод*. Т. 3. С. 53.

[3] См. ***1843. Февраля 3 <января 22>. Пятница. Рим*** – примечания; ***1844. Июля 31 <19>. Среда. Париж***.

[4] См. ***1845. Сентября 22 <10>. Понедельник. Рим***. См. также ***1846 января 2 <1845 декабря 21>. Пятница. Рим***.

[5] См. ***1848. Мая 29. Троицкая родительская суббота — июня 1. Вторник Троицкой седмицы. Киев***.

АВГУСТА 4 <ИЮЛЯ 23>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Графиня С. М. Соллогуб пишет ответное[1] письмо Гоголю в Остенде:

«Мы отправляемся завтра в Кёльн, любезный Николай Васильевич, и надеемся скоро увидеть вас. Ваше последнее письмо нас тронуло, но вместе с тем и огорчило. Видно, здоровье ваше в плохом состоянии, и эта мысль часто меня огорчает. Не знаю, что бы я дала, чтобы видеть вас спокойным и здоровым.

Между тем вот вам наш маршрут. Мы завтра (5-го) ночуем в Кёльне, послезавтра[2] отправляемся рано поутру в Брюссель, где маменька намерена также провести ночь. Седьмого мы, вероятно, приедем к обеду в Остенд<е>. Вы пожалуйста, так себя ведите, чтобы мы были совершенно довольны вашим лицом и выражением. Мы приезжаем с самым удивительным экспромтом. Мы хотим увезти вас в Англию, — что вы на это скажете? Не огорчите нас отказом. Отец должен завтра быть в Лондоне[3]. Маменька и сестрица[4] вам нежно кланяются».

[1] См. ***1844. Июля 25 <13>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***.

[2] Ср. ***1844. Августа 7 <июля 26>. Среда. Франкфурт-на-Майне***.

[3] Ср. ***1844. Августа 7 <июля 26>. Среда. Лондон***.

[4] Графиня Анна М. Виельгорская.

АВГУСТА 6 <ИЮЛЯ 25>. ВТОРНИК. ОСТЕНДЕ

Гоголь пишет ответное[1] письмо В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Я получил ваше милое письмо, которое мне было однако ж грустно. Вот уже несколько месяцев и весь почти последний год все до самых мелочей совершается мне напротив и вопереґ. Я утешал себя мыслью,что в Остенде по крайней мере мне будет предстоять прожитие с близкими моей душе людьми. Но это теперь не состоялось. Из письма Вашего я вижу, что Графиня Вьельгорская переменяет намерение и едет в Дувр. Об этом мне и помыслить теперь невозможно. <...> Уже несколько лет, как дал обещанье не ехать морем, это для меня и в здоровом состоянии было невыносимо[2], не только теперь. Я страдал ужасно даже и во время небольшого волненья, а здесь самой бешеной переезд, какой только где есть на море. <...> Мне же во всяком случае нельзя теперь тратить денег, которых слишком в обрез. <...> Потом из вашего письма я узнал другую для меня неприятность и поперечность. Я все льстил себя надеждою, что Графиня хотя привезет мне книги[3] и оставит их мне здесь в утешение. Мне единствен<ное> и осталось развлеченье в книгах. Никогда так не возрастала во мне охота к чтенью, и особенно русских книг, по причинам, которые все заключались в душе моей и которые вряд ли кто поймет. И как на беду, как нарочно, ни одна

из книг мне высланных не пришла в мои руки. Я думал, что по крайней мере наверно от графини получу. И как нарочно Графиня везла их три четверти дороги и по странному какому-то случаю оставила их во Франкфурте, когда всего два дни только оставалось, чтобы довезти их ко мне. Мне бы они теперь на безлюдьи были точно благодать с неба. Как теперь их посылать сюда по почте? Во-первых дорого и тяжело, а во-вторых весьма могут легко пропасть, потому что здесь перегрузка пароходов и железных дорог, и притом это переходит границу и в другое государство. Нет, пусть лучше остаются они у вас. Но как жаль, что вы не догадались упросить графиню довезти их. Вы знали, что мне в Остенде скучно и что я перед выездом просил у вас хотя каких-нибудь русских книг, даже скучных, лишь бы нечитанных. <...> Простите, что так дурно пишу. Если письмо мое так несвязно, то причиною не торопливость, а это скверное волнение, которое ко мне вздумало возвратиться только сегодня; вчера и третьего и четвертого дни его уже не было».

[1] См. ***1844. Августа 1 <июля 20>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***.
[2] См. ***1829. Июня 6–14 <18–26>. Кронштадт – Травемюнде. Борт парохода «Николай I»***; ***1847. Ноября 20 <8>. Суббота. Неаполь*** (примечания).
[3] См. ***1844. Июня около 20 <8>. Баден-Баден*** (примечания).

АВГУСТА 7 <ИЮЛЯ 26>. СРЕДА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский, еще не получив от Гоголя ответа на свое прежнее послание[1], пишет ему в Остенде записку на конверте письма Ф. В. Чижова от 1 августа (н. ст.), присланного Гоголю во Франкфурт из Парижа[2]:

«Вот вам еще письмо. Я послал уже два на ваше имя в Остенду; позабыл на пакете выставить poste restante. Спросите на почте. Виельгорские отсюда нынче отправились. Уведомьте, поедете ли с ними в Дувр».

В тот же день Жуковский отметил в дневнике: «*26 июля / 7 августа*. Письмо Гоголю»[3].

[1] См. ***1844. Августа 1 <июля 20>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***.
[2] См. ***1844. Августа 1 <июля 20>. Четверг. Париж***.
[3] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод*. Т. 2. С. 42.

АВГУСТА 7 <ИЮЛЯ 26>. СРЕДА. ЛОНДОН

Граф Мих. Ю. Виельгорский пишет Гоголю (согласно почтовому штемпелю, письмо было получено в Остенде на следующий день, 8 августа (н. ст.) 1844 г.[1]):

«Вот уже я и в Лондоне, любезнейший Николай Васильевич, ожидаю с нетерпением решения Графини[2]. – Я был уже в Брайтоне. Это место прелесть! Купание самое удобное и недорогое. Я уже 2 письма отсюда послал в Остенде и, кажется, одно из Антверпена; рекомендую оных вам. Вас также приглашаю в Брайтон; вы там будете с нами, а захотите в Лондон посмотреть (и стоит на него хоть взглянуть), то можете у меня остановиться, что вам ничего стоить не будет. Более не имею времени писать– еле успел еще оглянуться; поездка в Брайтон у меня целый день унесла».

[1] См. ***1844. Августа 8 <июля 27>. Четверг. Остенде***.
[2] Л. К. Виельгорская, жена графа.

АВГУСТА 8 <ИЮЛЯ 27>. ЧЕТВЕРГ. ОСТЕНДЕ

Гоголь получил письмо от графа Мих. Ю. Виельгорского из Лондона, с приглашением приехать в Брайтон[1]. Вероятно, в этот же день графиня Л. К. Виельгорская с дочерьми, графинями С. М. Соллогуб и Анной М. Виельгорской, приезжают в Остенде[2], где встречаются с Гоголем; обсуждают с ним предполагаемую поездку в Англию[3]; решают остаться в Остенде. Об этом их решении Гоголь тогда же известил В. А. Жуковского (письмо не сохранилось)[4].

Позднее, 16 марта (н. ст.) 1847 г., в письме к графине Анне М. Виельгорской Гоголь замечал: «Придется опять навестить Остенде, который для меня так дорог по воспоминаньям. О, если бы привел мне Бог вновь ощутить такую радость, как назад тому три года, когда после долгих моих ожиданий привезла вас вдруг железная дорога и я увидел всех, всех милых сердцу моему»[5].

В 1847 г. графиня С. М. Соллогуб характеризовала Гоголя в период проживания в Остенде как «доброго, необходимого, но немного грустного посетителя»[6].

Сам Гоголь 24 декабря (н. ст.) 1844 г. писал А. О. Смирновой о графине Соллогуб: «Скажите ей <...>, чтобы она поцеловала вас в лоб, так, как целовала меня в Остенде и Ганау[7], и скажите ей, что это она меня целует, а не вас».

Три года спустя, 7 августа (н. ст.) 1847 г., Гоголь, будучи вновь в Остенде, писал, в частности, графине Л. К. Виельгорской: «Мне кажется, что для глаз ваших морское купанье особенно будет целебно. Вы помните, как в виду вас граф Толстой, Алек<сандр> Пет<рович>, который перед приездом в Остенде не мог читать, к концу одного месяца[8] начал читать без очков самую мелкую печать».

[1] См. ***1844. Августа 7 <июля 26>. Среда. Лондон.***

[2] См. ***1844. Августа 4 <июля 23>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Августа 7 <июля 26>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***

[3] См. ***1844. Августа 6 <июля 25>. Вторник. Остенде.***

[4] Ответ Жуковского см.: ***1844. Августа 12 <июля 31>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне.***

[5] См. ***1847. Марта 16 <4>. Вторник. Неаполь.***

[6] См. ***1847. Февраля 3 <15>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[7] См. ***1844. Сентября 18 <6>. Среда. Франкфурт-на-Майне, Ганау.***

[8] См. ***1844. Сентября 15 <3>. Воскресенье. Остенде, Франкфурт.***

ИЮЛЯ 29 <АВГУСТА 10>. СУББОТА. ЦАРСКОЕ СЕЛО

Кончина дочери Императора Николая Павловича, великой княгини Александры Николаевны, подруги детства графини Анны М. Виельгорской.

См. ***1844. Июня средина <июня начало>. Париж***; ***1844. Июля 18 <30>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1844. Августа 28 <сентября 9>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

АВГУСТА 12 <ИЮЛЯ 31>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский пишет ответное[1] письмо Гоголю в Остенде:

«Очень рады, мой милый Гоголек, что наши Вьельгорские не едут в Дувр, что они остаются в Остенде, что они от вас отгоняют хандру. Если б этого не случилось, то и несмотря на русские книги, оставленные мне и не дошедшие к вам, попали бы в хандру. Теперь этого не будет. И “Одиссея”[2] снова закипает. Все прежнее снова перечитал, поправил и нахожу, что теперь хорошо. И далее, далее. А вы лечитесь. И Бог с нами. Вот вам письма[3]. Книги останутся у меня».

[1] См. ***1844. Августа 8 <июля 27>. Четверг. Остенде.***

[2] См. ***1844. Июля 14 <2>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне*** (примечания); ***1844. Августа 1 <июля 20>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[3] Вероятно, одним из писем было послание М. П. и Е. В. Погодиных из Москвы (см. ***1844. Июля 16 <28>. Воскресенье. Москва***; ***1844. Сентября 1 <20>. Воскресенье. Остенде***).

АВГУСТА 12 <ИЮЛЯ 31>. ПОНЕДЕЛЬНИК. БЕРЛИН

А. О. Смирнова пишет Гоголю в Остенде (письмо было отправлено с графом М. М. Виельгорским – возможно, на следующий день):

«По сю сторону России[1] хочу вам еще написать несколько строк, любезный Николай Васильевич. Из Дюссельдорфа некогда было писать; я осталась там два дня в atelier[2] Зона[3] почти безвыходно, потом восемь дней была в Голландии, опять вернулась в Дюссельдорф. Портреты[4] почти были готовы и весьма удачно. Три дня я отдыхала от пароходов, железных дорог и прочих приятных переездов в этом роде... Боже, зачем везде немцы!.. Голландия, впрочем, мне понравилась: менее похоже на все прочее, пошлое и изъезженное. В Саардаме списала для вас следующие слова Феофана[5]. (Странно они там звучали; в них что-то есть пророческое:) "Каковою он[6] Россию свою сделал, такова и будет: сделал добрым любимою, любима и будет; сделал, впрочем, страшною, страшною и будет; сделал на весь мир славною, славною и *быти не престанет*". Жуковского стихи[7] слабы после этого. Их и не выписываю.

Из Дюссельдорфа я прямо сюда без оглядки, а 17-го, если Бог даст, на пароход в Штетине и в Россию. Здесь я получила письмо от Аркадия[8], известия самые грустные на счет Александры Николаевны[9]; ему сообщил их Перовский[10]. О нем он говорит, что перемена ужасная в лице, а особенно в юморе. Он почти живет у Шуваловых, а Аркадий приписывает: "Боже, какая разница меж Римом и Петербургом!", а я прибавляю – для русского генерала, который в России не может забыть свое значение и тяжесть эполет[11]. <...>

Я получила письмо от Владимира Николаевича[12] в ответ на мое поздравление, такое бесцветное, что о душе его ничего не говорит, хотя он говорит о дружбе и о благодарности. С приятностию вырывается слово *наша деревня, наш дом, наши поместья* и *село Ивня*; в почерке показывает удовлетворенную страсть к тому, что так хорошо по-французски выражает слово *propriété*[13]. <...>

У меня на душе и не тяжело, и не легко. <...> Пожелайте мне, пожалуйста, *любви* и *любви*. Я очень люблю эти слова: "избави ны от всякия скорби, гнева и нужды"[14], а меж тем душа моя гневалась и скорбела.

Виельгорских вы не можете расцеловать, – приложитесь к ручке у графини[15], Софьи[16] и Анны Михайловны[17]; я их люблю нежно с благодарностию. Граф[18] мне написал прелестное письмецо из Бадена[19]; это меня очень тронуло. Михаил Михайлович[20] у меня был вчера утром; скажите, что ему паричок очень пристал. Он цветущий и прекрасный юноша. Где в глазах ум и душа, там и красота. Вас он очень, очень любит. Мансуров[21] нас ныньче угощает обедом; нас будет только трое (Мансуров прекрасный человек)... А я рада, что вы с ней познакомились. У ней душа не как моя, доискиваться ее не надо: сердце ангельское, при том и ум; скажите ей тысячу нежностей от меня. Итак, прощайте, любезный друг, я вас не забуду и ваш час буду хранить.

Обедня для меня очень много значит; завтра надеюсь здесь отслужить; мы писали попу в Потсдам[22]. Письмо это вручится Мих<аилу> Мих<айловичу>. Дети здоровы, слава Богу. Надек[23] злился и его высекли в Дюссельдорфе, с тех пор стал тише. Характер, к несчастью, мой, в преувеличенном виде. Соне завтра семь лет. Прощайте, молитесь о путешествующих и плавающих и пишите в Петербург... <...> Софье Михайловне[24] я еще сама буду писать»[25].

[1] Ср. ***1844. Августа 10 <22>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[2] Мастерская (*фр.*).

[3] Карл Фердинанд Зон (Sohn, 1805–1867), немецкий исторический живописец и портретист, профессор Академии художеств в Дюссельдорфе. – См. также ***1843. Августа 28 <16>. Понедельник – ноября 5 <октября 24>. Воскресенье. Дюссельдорф***; ***1844. Мая 6 <апреля 24>. Понедельник. Париж*** (примечания).

[4] Имеются в виду портреты дочерей Смирновой (см. ***1844. Мая 6 <апреля 24>. Понедельник. Париж*** – примечания).

[5] Преосвященный Феофан (Прокопович).

[6] Петр I.

[7] Имеется в виду стихотворение В. А. Жуковского «В Сардамском домике. (Вел<икому> князю Александру Николаевичу)» (19 апреля (н. ст.) 1839 г.): «Над бедной хижиною сей / Витают Ангелы святые: / Великий Князь, благоговей! / Здесь колыбель Империи твоей, / Здесь родилась великая Россия!» (При жизни Жуковского это стихотворение не печаталось.)

[8] Ар. О. Россет, брат Смирновой.

[9] См. ***1844. Июля 29 <августа 10>. Суббота. Царское Село.***

[10] См. также ***1844. Июля 18 <30>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[11] Н. М. Языков в конце сентября 1844 г. писал Гоголю из Москвы: «Про тебя ходят здесь слухи распрекрасные, говорят, что у тебя уже готовы еще *две части* "Мертвых душ" и что сверх того ты написал "Записки русского генерала в Риме"». (В. А. Перовский был с Гоголем в Риме в 1843 г.; см. ***1843 января 9 <1842 декабря 28>. Понедельник. Рим***; ***1843. Февраля 4 <января 23>. Суббота. Рим***; ***1843. Марта 1 <февраля 17>. «Пепельная среда» (начало католического Великого поста). Рим***; ***1843. Апреля 20 <8>. Великий четверг. Рим***; ***1843. Марта 10–11 <февраля 26–27>. Пятница-суббота первой недели Великого поста; или апреля 19–22 <7–10>. Великая среда – Великая суббота. Рим***; ***1843. Апреля между 24 и 29 <между 12 и 17>. Светлая седмица. Рим, Альбано, Рим***; ***1843. Марта между 21 и 26 <марта между 9 и 14>. Утро. Рим.***)

[12] В. Н. Карамзин (1819–1879), сын Н. М. Карамзина.

[13] Собственность, владение (*фр.*).

[14] Из Великой ектении: «О избавитися нам от всякие скорби, гнева и нужды, Господу помолимся». В «Размышлениях о Божественной Литургии» Гоголь писал: «Стоя на амвоне, <...> призывает диакон молиться: о свышнем мире и спасении душ наших, о мире всего мира, благосостоянии Святых Божиих Церквей и соединении всех; о святом храме и о входящих в него с верой, благоговением и страхом; о государе, синоде, начальствах духовных и гражданских, палатах, воинстве, о граде, об обители, в которой служится Литургия, о благорастворении воздухов, об обилии плодов земных, о временах мирных; о плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных и о спасении их; о избавлении нас от всякие скорби, гнева и нужды. И, собирая все сею всеобъемлющею цепью молений, называемою великой эктенией, на всякое ее отдельное призванье, собранье молящихся восклицает вместе с хором поющих: *Господи, помилуй*!»

[15] Л. К. Виельгорская.

[16] С. М. Соллогуб.

[17] Виельгорская.

[18] Мих. Ю. Виельгорский.

[19] В конце июля (н. ст.) 1844 г. (ср. ***1844. Июля 17 <5>. Среда. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Августа 4 <июля 23>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне***).

[20] М. М. Виельгорский.

[21] Александр Павлович Мансуров (1788–1880), русский дипломат, в то время генерал-лейтенант. «Мансуров, женатый на кн<яжне> <А. И.> Трубецкой, был тогда наш военный агент в Берлине; добрейший человек (его жена была сестра кн<ягини> Мещерской). Отец мой был секретарем при берлинском посольстве и уже тогда подружились мои родители с Мансуровыми, а отец знал Мещерского еще в Италии. В 1836 г. посол был гр<аф> А. И. Рибопьер; он и его семья очень дружны были с нами; другой секретарь, А. Озеров <Иван Петрович Озеров, 1806–1880>, был друг детства моего отца и сосед по московскому имению» (примечание О. Н. Смирновой; см.: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 6. С. 609).

[22] «С 1831 г. пастырское окормление прихода <храма Св. благоверного князя Александра Невского в Потсдаме> осуществлялось священниками Берлинской посольской российской миссии. Собственного причта церковь не имела» (*Коляда Анатолий*, протоиерей. История Русской Православной Церкви в Потсдаме (XVIII–XXI века). Автореф. дис. ...кандидата богословия. Сергиев Посад: Троице Сергиева Лавра, 2008. С. 21). – Возможно, письмо было направлено Смирновой находившемуся в то время в Потсдаме настоятелю русской посольской церкви Св. равноапостольного великого князя Владимира при Императорском посольстве в Берлине (на Unter den Linden, 7) протоиерею Доримедонту Васильевичу Соколову (1805–1855). О. Доримедонт был настоятелем посольской церкви в Берлине с 1834 по 1853 г. (см.: *Мальцев Алексий, протоиерей, настоятель русской посольской церкви в Берлине.* Германия в церковно-религиозном отношении с подробным описанием православно-русских церквей. Пг., 1903. Стб. 53). – См. также ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[23] Дочь Смирновой Надежда Николаевна.

[24] Соллогуб.

[25] Ответ Гоголя см.: ***1844. Августа 26 <14>. Понедельник. Остенде.***

АВГУСТА 15 <3>. ЧЕТВЕРГ. ОСТЕНДЕ

Гоголь пишет ответное[1] письмо А. С. Данилевскому в Киев:

«Письмо твое, хотя оно было и коротенькое, принесло мне большое удовольствие. Удовольствие мне принесло оно двумя сказанными вскользь словами, именно, что ты чувствуешь почти юношескую живость при одной мысли ехать на каникулы домой, как было во время оно, и боишься, чтобы не остаться всю жизнь дитятей. Но это и есть самое лучшее состояние души, какого только можно желать! Из-за этого мы все бьемся[2]! <...> ...За такое состояние должно благодарить человеку, как за лучшее, что есть в жизни.

О себе скажу покаместь то, что я на морском купанье в Остенде, куда меня послали доктора по поводу сильных нервических припадков[3], которые сделались невыносимыми, изволновали и измучили меня всего. После нескольких взятых ванн еще не могу сказать ничего положительного, кажется как будто несколько лучше. Успех обыкновенно чувствуется только по окончании.

На вопрос твой, когда именно в Россию, ничего не могу сказать утвердительного. Это знает один только Бог. Если будет ему угодно дать мне здоровье и силы для того, чтобы совершить и кончить труд мой, я приеду скоро как возможно, потому что мне Россия и все русское стало милей, чем когда-либо прежде, но с пустыми руками я не могу ехать: мне [тогда] будет и родина не в родину, и радостное свиданье со всеми близкими не в свиданье радостное, а пока пиши ко мне почаще и не забывай меня. Адресуй по-прежнему в Франкфурт на Майне...»

[1] См. ***1844. Июня 22 <июля 4>. Четверг. Киев***; ***1844. Августа 1 <июля 20>. Четверг. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[2] См. также ***1843. Апреля средина – мая 2 <апреля начало – апреля 20>. Рим*** (примечания). – Ср. также ***1848. Мая 16. Воскресенье. Васильевка.***

[3] См. также ***1844. Июля 25 <13>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Июля 26 – сентября 15 <июля 14 – сентября 3>. Остенде.***

АВГУСТА 10 <22>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова прибыла в Петербург.

См. ***1844. Августа 28 <сентября 9>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

АВГУСТА 24 <12>. СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский отмечает в дневнике:

«*12 / 24 августа.* Гоголь о дороге».

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 42.

АВГУСТА 25 <13>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский отмечает в дневнике:

«*13 / 25 августа.* Гоголь. Письмо Шереметевой».

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 42.

АВГУСТА 25 <13>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВЕНЕЦИЯ

Ф. В. Чижов отмечает в дневнике:

«Получил письмо от Гоголя из Остенде[1]. Как видно, у него религиозное направление во всем».

Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 55.

[1] Имеется в виду ответное письмо Гоголя на послание Чижова из Парижа от 1 августа (н. ст.) 1844 г., которое не сохранилось (см. ***1844. Августа 7 <июля 26>. Среда. Франкфурт-на-Майне***). – См. также ***1844. Сентября 9 <августа 28>. Понедельник. Венеция***.

АВГУСТА 26 <14>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ОСТЕНДЕ

Гоголь пишет ответные письма А. О. Смирновой[1] и В. А. Перовскому[2] в Петербург (письмо к Перовскому не сохранилось).

Из письма к Смирновой: «Благодарю вас за письмецо из Берлина. Покуда вот вам два-три слова: вы уже в Петербурге. Помните, что вы приехали на новую жизнь и что в душе вашей отныне да воссияет совершенное возрождение. Прежде всего встретят вас всякие слухи о вас самих[3]. <...> Примите их твердо и не смутитесь ничем, будьте светлы и тихи, как голубка. <...> ...Вы слишком строго судили других и притом с такими выраженьями, как может говорить только святая, не сделавшая сама ничего подобного. <...> ...Всегда почти выходило, что тот человек, о котором вы говорили дурно, или лично чем-нибудь оскорбил вас самих, или оказал вам какое-нибудь пренебрежение... <...> Что же касается до вашего страстного гнева, то <...> избегайте на долгое время всякой встречи, хотя бы даже показалось вам, что вы нужны и можете иметь благодетельное влияние: вы можете невинным образом наделать много того, что будет походить отчасти на рыцарство и на какое-то немецкое великодушие. <...> Прежде всего вас должно теперь привлечь семейство[4], погруженное в траур: там слишком нужны ваши утешения. Не думайте о том, чтобы помощь ваша была бессильна и что голос ваш не найдет доступа к самому сердцу. Хотящему и просящему ничего не откажется. "*Сила моя в немощи совершается*", сказал Бог апостолу Павлу[5]. Еще скажу вам вообще, относительно всякой услуги и помощи, оказываемой ближнему. Если вам случится в жизни на кого-либо сильно подействовать, иметь какое-либо влияние, укрепить, воздвигнуть дух человека, старайтесь не о том, чтобы сделаться ему нужной и необходимой, но о том, чтобы довести его до такого состояния, чтобы он не имел в вас нужды, старайтесь возвести его к нему самому, к его собственной самостоятельности, чтобы он не на вас опирался, а на что-то *крепчайшее*. Одним словом, не так следует поступать, как католические попы, которые доводят человека до нерешительности[6] и бессилия ребенка и стараются только о том, чтобы показать, что они *нужны*, а не о том, чтобы показать истинную *необходимость* [самой] религии.

Я поступаю теперь вот как, если только замечаю, что начинаю иметь на кого-нибудь влияние и становлюсь ему чем-то *необходимым*, я спешу с ним тот же час расстаться, хотя бы это было и тяжело. Мое дело упрекнуть, или ободрить, или в нескольких словах указать ему его же данные и заключенные в нем самом матерьялы, а там — иди себе своей дорогой: Бог вразумит и поможет. <...> Оттого-то я очень люблю снаряжать в дорогу и расставаться с близкими душе моей людьми в твердой уверенности, что Бог им без меня еще лучше поможет управиться, чем со мною. <...> Если вам случатся какие-нибудь соблазнительные разговоры, не вооружайтесь против них суровостью и строгостью правил, а старайтесь лучше с детским смехом обратить разговор на что-нибудь другое, тоже пустое и светское, чтобы все видели, что вы не потому оставили этот разговор, что он оскорбил строгость ваших правил, а потому, что вы просто потеряли вкус к таким вещам».

В заключение Гоголь передавал привет от графинь Л. К. и Анны М. Виельгорских и С. М. Соллогуб и добавлял: «Отправьте это письмо Перовскому. <...> Здесь больше ничего, кроме три строки в ответ на его очень милое письмо. Я написал их единственно для успокоения его совести, которая упрекает его в том, что долго мне не отвечал».

[1] См. ***1844. Августа 12 <июля 31>. Понедельник. Берлин.***

[2] См. ***1844. Июля 18 <30>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[3] Подробнее см.: ***1837. Июля около 15 – августа не позднее 27–28 <июля около 3 – августа не позднее 15–16>. Баден-Баден, Страсбург, Баден-Баден*** (примечания).

[4] Имеется в виду царская семья. 29 июля скончалась дочь Николая I великая княгиня Александра Николаевна (см. ***Июля 29 <августа 10>. Суббота. Царское Село***).

[5] Второе послание св. апостола Павла к Коринфянам, гл. 12, ст. 9.

[6] Ср. в статье *XXVIII. Занимающему важное место* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Смотрите, также, чтобы никто не опирался чересчур и слишком на вас, как на собственный посох свой, подобно тому как римско-католические дамы опираются на духовников своих, без воли которых они не смеют переступить в другую комнату и ждут для этого исповеди...»

СЕНТЯБРЯ 1 <АВГУСТА 20>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ОСТЕНДЕ

Гоголь пишет ответные письма В. А. Жуковскому во Франкфурт и М. П. и Е. В. Погодиным[1] в Москву (согласно почтовым штемпелям[2], письма были отправлены из Остенде через день, 3 сентября[3]).

Из письма к Жуковскому: «Поручение ваше относительно известия о покойной вел<икой> Княгине[4] Графиня Вьельгорская обещалась выполнить. Я, слава Богу, кажется начинаю чувствовать пользу от купанвя, впрочем настоящее действие оного, говорят, ощущается потом. Еще две недели мне остается продолжать купанье, а после этого времени я уже надеюсь с помощью Божией засесть с вами во Франкфурте солидным образом за работу. А потому вы меня уведомите. Если на случай у вас будет еще проживать кто: напр<имер> Тургенев[5] или кто другой близкий вам, я тогда на время попячусь вновь в Hôtel de Russie».

Из письма к Погодиным: «Благодарю вас обоих, и тебя, и Елисавету Васильевну, за ваши милые письма и за уведомления меня обо всем. Слава Богу, что помог Он тебе оправиться от болезни. <...> Если поедешь ты на случай за границу и чрез Берлин, то если будет у тебя место, ты бы меня очень разодолжил взятием с собою Москвитянина за прошлый и нынешний год, которого я жажду очень, и просил Языкова прислать мне, и который мне обещал его[6], а впрочем ты с ним увидься, и если он нашел другое средство, то есть послать с другим, то я буду рад, боясь обременить тебя. Если же случится тебе взять другую какую-либо русскую книгу для меня, то отправь из Берлина во Франкфурт на имя Жуковского <...> или же отдай Вьельгорскому[7].

Через две недели я оканчиваю морское купанье в Остенде, откуда теперь пишу. Кажется, как будто здоровье немного лучше. Впрочем, постоянное действие вод окажется потом после купанья. Через две недели я перебираюсь во Франкфурт, дабы провести время с Жуковским и потрудиться с ним вместе. До сих пор я ничего почти не делал, потому что запрещено было даже заниматься вовсе».

[1] См. ***1844. Июля 16 <28>. Воскресенье. Москва***; ***1844. Августа 12 <июля 31>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[2] См.: *Городецкий*. С. 462; *РГБ*. Ф. 104. К. 8. Ед. хр. 33. Л. 5–6.

[3] См. ***1844. Сентября 3 <августа 22>. Вторник. Остенде.***

[4] Имеется в виду великая княгиня Александра Николаевна (см. ***1844. Июля 29 <августа 10>. Суббота. Царское Село***).

[5] См. ***1844. Сентября 19 <7>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[6] Просьбы Гоголя прислать ему «Москвитянин» см.: ***1843. Августа 30 <18>. Среда. Дюссельдорф***; ***1843. Сентября 1 <августа 20>. Пятница. Дюссельдорф***; ***1844. Февраля 27 <марта 10>. Воскресенье. Москва***; ***1844. Мая 16 <4>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Июля 6 <18>. Четверг. Москва.***

[7] Имеется в виду граф М. М. Виельгорский.

АВГУСТА 20 <СЕНТЯБРЯ 1>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Н. М. Языков пишет к Гоголю ответное[1] письмо во Франкфурт:

«Только что теперь я отвечаю тебе на твое письмо от июня 14-го дня, но "да не смущается сердце твое"[2]: это предолгое молчание мое причинено единственно тем обстоятельством, что я в это время искал себе другой квартиры, и потому ждал, пока найду ее, чтобы написать тебе, куда тебе писать ко мне... <...> Теперь ты уже, конечно, получил хоть сколько-нибудь книг, из числа мною посланных, – странна судьба этих посылок: одна особа[3], взявшаяся тебе доставить книги, довезла их до Любека да там и оставила, потому что потеряла адрес; чорт бы ее побрал! а другая[4] давно уже сидит в Дрездене и адрес твой имеет и обещалась оттуда тотчас же по ее приезде переслать тебе мою посылку[5], да чорт ее знает зачем у ней дело стало!

Я не послал книг с Новосильцевым, потому что не имею чести знать его, а с Мельгуновым, потому что той книги, которую тебе надобно, тогда в Москве не нашлось, а теперь она у меня. Собрания же моих стихотворений о сю пору еще нет в выходе; оно давно уже напечатано, да... причина: какая-то остановка в цензуре по тому случаю, что переменился цензор. Как только получу оное, тотчас пришлю тебе, хотя нового тут для тебя почти что ничего, но все-таки. Погодин о сю пору не справится с ногою[6]: сначала врачи думали, что нога его не переломилась, и только на всякий случай перевязали они ее в лубки и держали его шесть недель на постели, а теперь он уже и вставать может, т. е. ему позволяется вставать, а нога никуда не годится, и ходит он, если это значит ходить, на двух костылях с двумя вожатыми!!

У нас в литературе нового ничего: все тихо, плохо и худо по-старому и лучшего не предвидится!»

[1] См. ***1844. Июля 14 <2>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне.***
[2] Ин. 14, 1.
[3] Ейндродт (см. ***1844. Октября 14 <26>. Суббота. Москва***).
[4] Анненкова (см. там же).
[5] См. ***1844. Октября около 12 <сентября около 30>. Франкфурт-на-Майне.***
[6] См. ***1844. Мая 16 <28>. Вторник. Москва.***

СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО <АВГУСТА ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. ОСТЕНДЕ

Гоголь пишет Н. М. Языкову в Москву:

«Письмецо это вручит тебе[1] граф Иван Петрович Толстой, пребывающий на службе в Москве[2], с которым мы купались в Остенде. Он очень добрая душа и взялся не только уведомлять тебя о своих знакомых, отъезжающих из Москвы за границу, но даже исправить самому все сопряженные с этим хлопоты. И в этом я ему верю, потому что он человек весьма обстоятельный относительно дел. Я еще купанья своего не кончил. Морские воды, кажется, несколько помогли мне... <...> Адресуй по-прежнему во Франкфурт. Всю зиму и осень я вероятно проведу с Жуковским...»

[1] См. ***1844. Октября 14 <26>. Суббота. Москва.***
[2] Толстой служил обер-прокурором в первом отделении шестого (уголовного) департамента Правительствующего Сената.

СЕНТЯБРЯ 3 <АВГУСТА 22>. ВТОРНИК. ОСТЕНДЕ

Гоголь отправляет написанные 1 сентября (н. ст.) 1844 г.[1] письма к М. П. и Е. В. Погодиным в Москву[2] и к В. А. Жуковскому во Франкфурт[3].

[1] См. ***1844. Сентября 1 <августа 20>. Воскресенье. Остенде.***
[2] См. ***1844. Сентября 14 <26>. Четверг. Праздник Воздвижения Креста Господня. Москва.***
[3] См. ***1844. Сентября 6 <августа 25>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

АВГУСТА 22 <СЕНТЯБРЯ 3>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова в письме к В. А. Жуковскому во Франкфурт спрашивает:

«Где Гоголь?»

Из писем А. О. Смирновой // *Свод*. Т. 2. С. 200.

АВГУСТА 24 <СЕНТЯБРЯ 5>. ЧЕТВЕРГ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь пишет О. Сем. Аксаковой в Москву:

«...Мне писала Надежда Николаевна[1], что Константин Сергеевич[2] был болен, дай Бог, чтобы он был как можно скорее совершенно здоров и все ваши милые дети. – Прилагаю при сем опять письмо к моему сыну и прошу вас покорнейше отправить его, покуда я получу от <н>его адрес».

Свод. Т. 1. С. 114.

[1] Шереметева.
[2] Аксаков.

АВГУСТ <ИЮЛЯ КОНЕЦ – АВГУСТА ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. РИМ

А. А. Иванов пищет Ф. В. Чижову в Венецию:

«Вы, Гоголь, Галаган, Магденко думаете, что Шаповаленко под моим надзором будет, наконец, образованный и хороший художник, и, основываясь на этом, прилагаете все, чтоб ему помочь. Но я вижу иначе – и именно вот что заметно: у него есть талант, но разработать его превышает мои силы».

Из писем А. А. Иванова // *Свод*. Т. 3. С. 337.

СЕНТЯБРЯ 6 <АВГУСТА 25>. ПЯТНИЦА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Согласно почтовому штемпелю, В. А. Жуковский получил в этот день письмо Гоголя из Остенде.

Около этого времени во Франкфурт вновь[1] приезжал Н. А. Мельгунов, которому Жуковский читал тогда «несколько отрывков» своего перевода «Одиссеи» и который узнал от поэта об окончании работы над первыми восьмью песнями поэмы (5 сентября (н. ст.) 1844 г.)[2].

[1] См. также ***1844. Июля 14 <2>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне.***
[2] См. ***1844 сентября 21 <9> – 1845 января 10 или 11 <1844 декабря 29 или 30>. Франкфурт-на-Майне.***

АВГУСТА 27 <СЕНТЯБРЯ 8>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ЕКАТЕРИНОСЛАВЛЬ

«В 1844 году труппа г. <К. М.> Зелинского, прибывшая в наш город, <...> дала пятьдесят девять представлений, в следующем порядке: <...> Августа <...> 27. Ревизор».

Театр в Екатеринославле // Репертуар и Пантеон. Театральное обозрение, издаваемое В. Межевичем и И. Песоцким. 1845. Кн. 5. <Отд. 2>. С. 91.

СЕНТЯБРЯ 9 <АВГУСТА 28>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВЕНЕЦИЯ

Ф. В. Чижов пишет А. В. Никитенко в Петербург:

«Я позабыл ответить Гебгардту[1], что с Гоголем и Языковым мы прожили целую зиму в Риме, в одном доме, всякий день проводили вместе вечера. Гоголь не горд, а имеет своего рода оригинальность в жизни, — это его дело, он постоянно живет во Франкфурте, а временно поехал в Остенде, пользоваться водами. На днях я буду отвечать ему на письмо[2]. Во Франкфурте тоже и Жуковский, но мне нельзя было нынешнего года съездить туда, было далеко и не время, торопился в Италию».

Из архива А. В. Никитенко // Русская Старина. 1904. № 9. С. 683; Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод*. Т. 3. С. 56.

[1] Карл Карлович Гебгардт (нач. 1800-х — 1880-е), писатель.
[2] См. ***1844. Августа 25 <13>. Воскресенье. Венеция***.

АВГУСТА 28 <СЕНТЯБРЯ 9>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова, получив письмо Гоголя из Остенде[1], в тот же день пишет ему ответ:

«...Я здесь уже с 10-го числа[2] и была три раза у обедни, а вам не писала по условию; но по крайней мере думала о вас[3]. <...> Сегодня я получила ваше письмо. <...> Не скрою от вас, что первое впечатление вашего письма было неприятное: упреки вообще не легко выносить, наипаче когда чувствуется сильно, что глас народа справедлив. Но несколько минут размышления уже заставили меня вас благодарить чистосердечно.

Дети, слава Богу, здоровы и начали учиться по-русски, я их готовлю к Новому году, а там передам их ум и сердце в руки Ивана Михайловича Наумова[4], нашего институтского священника, который, по дружбе ко мне, согласился их учить. Он у меня был один раз только и более меня выспрашивал, но выспрашивал так умно и хорошо, что дай Бог всем Равиньянам столько настоящей и просвещенной религии! Он друг Баженова[5], и от него узнал много интересных и трогательных сцен о великой княгине Александре Николаевне[6].

Смерть ее[7] поучительна была всем ее близким и самому Баженову. Еще в невестах, накануне Рождества, она говорила Баженову, что не считает себя принадлежащею этому миру. За несколько дней до смерти своей она говорила с мужем[8] своим и предупреждала его, что не имеет надежды жить более, как до родов, благодарила его за счастие свое (она его любила и напоминала еще), и когда он начал плакать и просить, чтобы она не думала о смерти, с удивлением посмотрев на него, она сказала ему: "Неужели, мой друг, ты боишься смерти и не хочешь о ней и подумать?" Баженова она принимала почти всякий день и беседовала с ним единственно о том, как бы лучше приготовиться к великому дню. Еще за несколько минут до последнего вздоха, уже почти без голоса, благодарила всех, посылала им поцелуи: "Merci merci, vous savez pourquoi"[9], были ее последние слова, — сказать более не могла, что за дружбу, счастие и участие, которые ей оказывали. Благодарила Государя; она

любила его страстно; бестрепетно спрашивала браслет с его портретом, целовала его нежно. Он раз, за ширмами стоя, услышал, как она его называла самыми нежными словами и просила свою, ни на минуту не покидавшую ее, англичанку положить портрет отца с нею в гроб. Жизнь и смерть ее так трогательны (в ней что-то было такое нежное, любящее), — что без слез никто не говорит о ней.

Горюющее ее семейство я видела раз; меня приняли не только дружески, но как семейное дитя. Им сказать я ничего не могла; мне хотелось плакать, а говорить я была не в силах; тут были и посторонние лица. Императрица обещала меня вызвать к себе; что Бог даст тогда, не знаю. Не высказать вам, с какою грустью я смотрела на эту чету, прошедшую сквозь жизнь так радостно, счастливо и встретившую, уже когда молодость отцвела, горе, и какое горе, наконец!

Мне утешительно было видеть, что они единодушны в этом несчастии, необходимы друг другу теперь и что Государь себя забывает для Императрицы. Дай Бог, чтобы меня первый взгляд не обманул. Дай Бог им силу, помощь, любовь и разум; мы, то есть Россия, так тесно связаны с ними. Его душа прекрасная. Баженов не может нарадоваться разговорами своими с Государем. Он принял испытание, как истинный христианин! Состояние Императрицы выше всякого выражения; о ней точно можно сказать: "сила Моя является в немощи"[10]. Тело ее так слабо, физически она разрушена, а нравственно она всех удивила и душевная твердость подкрепила ее; особенно заметила, что после принятия Св. Тайн в день Успения[11] она укрепилась. О дворе и обществе не скажу вам ничего; я, впрочем, и не видала никого, кроме графини Нессельрод[12], где я как дома. Когда все переедут в город, поеду по визитам. Мне будет это скучно, но не трудно, даю вам обещание быть или стараться быть со всеми ровно учтивою и добродушною; впрочем, смотря по тому, как будет со мною двор, будет и бесцветное наше общество. Я скажу вам, что у меня нет злопамятности, а если я говорю зло о других, то это по необузданности языка и часто по какому-то глупому нервическому увлечению. Послание ап<остола> Иакова прямо ко мне адресуется: он сильно нападает на язык[13]. <...>

Слава Богу, до сих пор еще не водились соблазнительные разговоры, хотя у меня был Владимир Сологуб и другие ветрогоны, фордыбаки и щелкоперы. Впрочем, в пользу Сологуба скажу, что он очень скучает без Софьи Михайловны[14], ждет ее с нетерпением, со мною только что о ней говорит, согласился жить с Виельгорскими, не играет, живет тихо в Павловске и бывает часто у Милютина. Все это вы можете сообщить графине[15].

Василию Алексеевичу Перовскому я переслала ваше письмо[16] через Яшеньку[17]; он почти совсем поселился у Шуваловых. О нем ничего не скажу более; вы его, вероятно, скоро увидите; старайтесь с ним встретиться; вы ему очень, очень нужны будете; я благодарю Бога, что вас заставила ему писать. Прекрасная одна минута в его жизни не оставила впечатления, которого можно было ожидать, но этому причиною посторонние сильные и особенные обстоятельства; жаль, что его втянуло в такое пошлое общество, как *** и проч. Все это за морем примет лучший благодетельный оборот; а вы свое дело сделайте и с помощию Божиею помогите страдальцу. Я жду Софью Михайловну с нетерпением. Вы прекрасно придумали, что она сидеть должна со мною рядом[18]; она точно для меня добрый ангел. Графиню Софью Ивановну[19] отыскала раз в Павловском, мы с нею еще ничего не успели говорить... <...>

Книги для вас взялся отыскать Наумов; он советовал мне послать еще последнее сочинение Павского о корнях русского языка[20]. Вряд ли, говорят, и немцу так написать добросовестно и глубоко. Новый наш митрополит[21] до сих пор еще ничего не сделал и не сказал. Книги вам пришлю через курера; мне гр<афиня> Нессельрод предложили все пересылать[22]. <...>

Аркадий и Александр[23] бывают всякий день у меня, я их люблю и вижу их такими, как желать нельзя лучше. Бедные мои все явились; у Филонова[24] я была сама; о них много есть вам рассказать, отложу до другого раза. Прощайте, любезный друг. В<асилию> А<ндреевичу>[25] еще буду писать на днях. Аркадий вам будет писать на днях».

[1] См. ***1844. Августа 26 <14>. Понедельник. Остенде.***

[2] См. ***1844. Августа 10 <22>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1844. Августа 22 <сентября 3>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[4] Протоиерей Иоанн Михайлович Наумов (1793–1879), духовный писатель. «Отец Наумов — законоучитель и духовник матери в Екатерининском институте, в 1844 г. был назначен в священники придворной церкви Зимнего дворца. Он <...> был очень умен и дружен с Павским.

В 1850-х годах таким же расположением А<лександры> О<сиповны> пользовался отец Михаил Заблоцкий – священник Казанского собора.

После смерти Наумова, отец Михаил был духовником матери. Он был в Риге с преосвященным Иринархом <Поповым> в то самое время, когда в Риге был Ю. Ф. Самарин. Впоследствии <в 1841 г.> Иринарха отставили; на него жаловались остзейские бароны за то, что он приводил в православие латышей и даже одного пастора. Отец Михаил также лишился места. И Иринарха куда-то сослали, а за Заблоцкого заступился <Н. А.> Протасов и ему дали место в Казанском соборе. Вся эта история рассказана у Самарина в письмах. У латышей не было своих церквей и своих пасторов и они сотнями приходили к Заблоцкому. Он их крестил, венчал и даже обучал по-латышски. Бароны спохватились, что их влияние на народ исчезает, и выслали пасторов. Латыши их выгнали и по своему бунтовали, т. е. не выходили на кирку. Супер-интендант приехал в Питер; вся остзейская знать поднялась, послали барона Ливена – и Иринарха ночью привезли в Петербург с Заблоцким. Самарина также вернули тотчас. Весь Петербург заступился за баронов и их права.

По этому случаю Ф. И. Тютчев (отец А. Ф. Аксаковой) сострил и сказал моей матери: "Петербургская знать не только не русская, она даже не петербургская, а разве только Невско-проспектная, и то от Полицейского до Аничковского моста"» (примечание О. Н. Смирновой; см.: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 7. С. 49–50).

[5] Протопресвитер Василий Борисович Бажанов (Баженов, 1800–1883), духовник Их Императорских Величеств.

[6] См. также ***1844. Июня средина <июня начало>. Париж.***

[7] См. ***1844. Июля 29 <августа 10>. Суббота. Царское Село.***

[8] Фридрих Вильгельм, принц Гессен-Кассельский.

[9] Спасибо, спасибо, вы знаете, почему (*фр.*).

[10] Второе послание св. апостола Павла к Коринфянам, гл. 12, ст. 9.

[11] 15/27 августа.

[12] Графиня Мария Владимировна Нессельроде (рожд. графиня Гурьева; 1786–1849), жена графа К. В. Нессельроде, министра иностранных дел России. «Графиня Нессельроде, жена канцлера; о ней см. в "Записках знатной дамы", 1842 г.; А. О. Смирнова была особенно дружна с нею» (позднейшее примечание дочери Смирновой, Ольги Николаевны).

[13] См. Иак. 1, 26; 3, 5–8.

[14] Графиня Соллогуб (рожд. графиня Виельгорская).

[15] Л. К. Виельгорской, матери С. М. Соллогуб.

[16] См. ***1844. Августа 26 <14>. Понедельник. Остенде.***

[17] «Яшенька (Яков Ханыков), брат знаменитого путешественника, служил у Перовского в Оренбурге, был сам губернатором в Уфе, друг мого дяди Аркадия Осип<овича> Россет<а>, честнейший человек, от души преданный Перовскому» (примечание О. Н. Смирновой; см.: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 7. С. 52).

[18] См. ***1844. Марта 18 <6>. Понедельник. Ницца*** (примечания).

[19] «Архарова, мать Влад. Александр. Сологуба. Архарова была очень умная старуха, но светская и с довольно злым языком. Ей написал Плетнев литературное письмо в 1820 годах (издал академ. <Я. К.> Грот в 1885 г.); она говорила по-русски не дурно, но языком 18 века. Отец ее <И. П. Архаров> был известным генерал-губернатором в Москве. Она была в разводе с мужем» (примечание О. Н. Смирновой; см.: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 7. С. 52–53).

[20] Филологические наблюдения над составом Русского языка Протоиерея Г. Павского. СПб., 1841–1842. Рассуждения 1–3. – В 1844 г. за этот труд о. Г. П. Павскому на основании отзыва академика А. Х. Востокова была присуждена Демидовская премия.

[21] Митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский (с 17/29 января 1843) Антоний (Рафальский, 1789–1848).

[22] См. ***1844. Октября 10 <22>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[23] Россет, братья Смирновой.

[24] См. ***1843. Марта 6 <февраля 22>. Понедельник. Начало Великого Поста. Рим*** (примечания).

[25] Жуковскому.

СЕНТЯБРЯ 15 <3>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ОСТЕНДЕ, ФРАНКФУРТ

Гоголь, будучи в Остенде, пишет ответное письмо к сестре Елисавете в Васильевку:

«Адресую это письмо тебе потому, что ты хочешь непременно письма, обращенного к тебе лично. Впрочем, если я пишу к одной из вас – это значит – ко всем... <...> ...Я слишком уже много сказал вам в прежних письмах и теперь недоумеваю, о чем еще сказать. Скажу разве вот что: если бы ты, любезный друг мой Лиза, перечитывала более мои прежние письма и перечитывала их не в обыкновенное время, а именно в то время, когда тебе сделается очень грустно, или очень скучно, тогда бы ты <может> быть более вникнула в смысл моих <писем>, а вникнувши в смысл их, ты бы уже не чувствовала ни грусти, ни скуки, не предав<алась ни> мнительности, ни малодушию, не вообр<ажа>ла, что у тебя рак и прочее <...> ...Ты увидела в моих письмах прав<ила> монастыря, тогда как в них правила <...> того, как быть среди самого мног<олюдного> света. Из писем ваших видно, что вам опротивела Полтава и тамошнее общество. Но зачем же прежде они так нравились? а если прежде так нравились, зачем опротивели теперь? <...> Тогда-то и нужно ездить в общество, когда оно опротивело, тогда-то и не опасно быть в нем. Опасно там только, где всё нас прельщает. А где мы уже видим большие недостатки, там мы можем даже помочь: иногда в чем-нибудь поправить, иногда в чем-нибудь поучить (разумеется, осторожно и тонко, чтобы никак не заметили, что мы учим, а напротив увидели бы дружеский совет). Не нужно отталкивать от себя совершенно дурных людей и показывать им пренебрежение, лучше стараться <иметь> на них доброе влияние».

Написав письмо, Гоголь в тот же день отправился из Остенде во Франкфурт и, прибыв туда, сделал в послании приписку:

«Маминьку попроси, если случится ей быть в Диканьке, привезти оттуда образок Николая Чудотворца, самый маленький, который бы можно было носить на шее в виде благословения. Прежний у меня давно изломался, теперь даже и не отыщу его. Вы перешлите его Ольге Сем<еновне> Аксаковой, она найдет оказию переслать с кем-нибудь. Он должен быть самый простенький. Адрес по-прежнему: Francfort s. M. Я <сегодня> приехал сюда. Письмо начал в Остенде, где был на морском купанье».

СЕНТЯБРЯ 3 <15>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева заканчивает письмо к Гоголю, начатое 27 июня / 9 июля 1844 г. (спустя еще неделю письмо было привезено самой Шереметевой в Москву и передано Н. М. Языкову[1] для отправления во Франкфурт к Гоголю):

«Покровское. Июнь 27.

<...> Сегодня по благодати Божией сподобилась приобщиться Святых Таин, и очень о вас помнилось, и в сию минуту вручала вас Отцу Небесному, молила Его, мой друг, от всего сердца, да Он вас не покинет. <...>

Августа 6. <Праздник Преображения Господня>.

Вот и до сих пор не послала, все поджидала от вас, мой друг, ответа на письмо мое, в начале июня писанное[2]... <...> Сегодня по благости Божией сподобилась приобщиться Святых Таин; помнила о вас, мой друг; видит Отец Небесный, Коему всегда вас вручаю. <...>

Августа 27. <Воскресенье>.

Вот уже два месяца, как начато письмо; от вас, мой друг, все нет как нет. <...> Бог видит, что я о вас, как о своих детях, молюсь. И как помнится, подвигается ли ваш труд, довольны ли вы, да поможет вам в сем Отец Небесный. До сих пор не знаю, получили ли вы образ Николая Чудотворца; еще в декабре[3] с Бабарыкиным Николай Михайлович отправил, и сие посылаю к Языкову, он знает, где вы и как адресовать. Еще подожду до будущей почты, может, он, или Аксаковы не перешлют ли вашего письма. <...>

Сентября 3. <Воскресенье>.

Вот и еще почта прошла и не принесла мне утешенья что-нибудь о вас узнать. Остается прибегнуть к единственному успокоевающему средству, к молитве. Молюсь, мой милой друг, от чистого сердца о вас, и все, чего вам желаю, видит Бог, Его Покрову вас вручаю. <...> Посылаю эти строки к Николаю Михайловичу[4], прошу отправить и прошу его, чтобы сказал, что знает о вас».

[1] См. ***1844. Сентября 14 <26>. Четверг. Праздник Воздвижения Креста Господня. Москва.***

[2] См. ***1844. Июня 8 <20>. Четверг. С. Покровское, Москва.***

[3] См. ***1844. Января 20 <февраля 1>. Четверг. Москва.***

[4] Языкову. Письмо было привезено в Москву самой Шереметевой (см. ***1844. Сентября 14 <26>. Четверг. Праздник Воздвижения Креста Господня. Москва***).

СЕНТЯБРЯ 3 <15>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ЕКАТЕРИНОСЛАВЛЬ

«В 1844 году труппа г. <К. М.> Зелинского, прибывшая в наш город, <...> дала пятьдесят девять представлений, в следующем порядке: <...> Сентября <...> 3. Женитьба; Еще купцы 3-й гильдии».

Театр в Екатеринославле // Репертуар и Пантеон. Театральное обозрение, издаваемое В. Межевичем и И. Песоцким. 1845. Кн. 5. <Отд. 2>. С. 91.

СЕНТЯБРЯ 16 <4>. ПОНЕДЕЛЬНИК. БРЮССЕЛЬ

Гоголь встретился с семейством Виельгорских в Брюсселе, где они съехались с графом Мих. Ю. Виельгорским, возвратившимся из Англии.

В тот же день Гоголь сообщал графу А. П. Толстому в Остенде подробности поездки Виельгорского в Англию:

«Гр<аф> Михал Юрьевич останавливался не в трактире, но в частном доме, что выгодней и дешевле в половину. Он имел гостиную, спальню очень большую, уборную и чуланчик, с кафедрой для геморoидальных, — за всё это с прислугой вместе 3 гинеи в неделю, т. е. 75 или 68 рублей. Чай с кофеями, бутербродами, муфинксами[1] и яйцами 2 шилинга. Обед, который имеется тут же и приносится в комнату вашу, когда хотите, 4 шилинга. Как помещением, так и прислугой он очень доволен. В этом же доме вина, которые он нашел удивительными. Адрес следующий: 24 Doverstreet, Brauns private hotel. Три дома вместе, т. е. 22, 23, 24. Явиться вам нужно от имени графа Виельгор<ского>, как им рекомендован<ному>. Из клубов советует выбрать реформ-клуб, где решительно всё, так что в квартире даже не окажется надобности. Многие начинают там [даже] день свой даже с завтрака, т. е. с десяти часов. В великолепных комнатах, имеющих вид дворца, сидят однако ж все в шляпах и в чем попало. Рассказы об аглицком китайстве преувеличены: оно есть, но не на улице, где даже и некогда никому замечать, кто как одет, всякий спешит и слишком занят своим. Гр<аф> обедал у Брюнова[2], но в сапогах, хотя обед большой. На всех обедах он тоже был в сапогах. Брюнов вообще имеет вид человека, который еще не совсем (что и весьма естественно) знает, как ему быть на таком посте, о жене его[3] вы знаете. Священника[4] граф видел и хвалит. Пальмера[5] не видел, но потому, что о нем тогда не вспомнил, и сказать о нем ничего не может. Отказаться от всякого обеда в нашей власти, написавши натурально обыкновенное извинение перед обедом. Брюнов ожидал Несельрода[6] на обед и на весь день, но сей не был и проехал в Брейтон. Вообще Несельрод между англичанами уважается и на обеды приглашается. На таможнях всё смотрят, но притеснений нет. Острова Байта граф не видал, но говорит, что стоит видеть. Вот всё, что узнал пока и о чем спешу уведомить вас. О себе скажу, что я без моря не только как без шапки, но как без рубашки, без штанов, без сюртука, словом без всего. У гр. Виельгорских опять воспоследо-

вала перемена. Все вместе едут во Франкфурт, где находится и Лазарева[7]. Завтра же думают все двинуться, я также. Затем Бог вас да сохранит и да укрепит на славу остающимся хвостиком моря[8]. Будьте здоровы и при первом расположении писать откликивайтесь. А между тем вот вам точнейшее заглавие дому Жуковского: Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor».

В паспорте Гоголя сделаны пометы: «Брюссель, Ахен»[9].

[1] Muffin (*англ.*) – род печенья.

[2] Барон (с 1871 г. граф) Филипп Иванович Бруннов (Брюнов; 1797–1875), русский посол в Лондоне.

[3] Баронесса Шарлотта Адамовна (рожд. фон Брюс; ум. 1874).

[4] Вероятно, речь идет о протоиерее Евгении Ивановиче Попове (1813–1875), настоятеле посольской церкви в Лондоне в 1842–1875 гг.

[5] Вильям Пальмер (William Palmer; ум. 1879), англиканский архидиакон, стремившийся к объединению Англиканской Церкви с Православной.

[6] Граф К. В. Нессельроде.

[7] Антуанетта Лазарева (рожд. герцогиня Бирон), племянница Л. К. Вьельгорской (см. ***1843. Января 31 <19>. Вторник. Рим*** – примечания; ***1844. Октября 16 <4>. Среда. Франкфурт-на-Майне***).

[8] Ответ Толстого см.: ***1844. Сентября 20 <8>. Пятница. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Остенде***.

[9] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 125. – См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

СЕНТЯБРЯ 17 <5>. ВТОРНИК. БРЮССЕЛЬ

Гоголь с Виельгорскими отправился, через Аахен, во Франкфурт[1] и, вероятно, в Ганау, где они простились с отправлявшейся в Петербург графиней С. М. Соллогуб (рожд. графиней Виельгорской).

[1] См. ***1844. Сентября 16 <4>. Понедельник. Брюссель.***

СЕНТЯБРЯ 5 <17>. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре.

Ельницкая 1978. С. 253.

СЕНТЯБРЯ 18 <6>. СРЕДА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ, ГАНАУ

Предположительно в этот день Гоголь, проехав вместе с Виельгорскими Франкфурт, прибыл в Ганау, где они простились с графом Мих. Ю. Виельгорским и его сыном графом М. М. Виельгорским, сопровождавшими (до Берлина) дочь Мих. Ю. и Л. К. Виельгорских графиню С. М. Соллогуб, отправлявшуюся в Петербург[1].

Позднее, 24 декабря (н. ст.) 1844 г., Гоголь писал А. О. Смирновой о графине С. М. Соллогуб: «Скажите ей <...>, чтобы она поцеловала вас в лоб, так, как целовала меня в Остенде[2] и Ганау, и скажите ей, что это она меня целует, а не вас».

[1] См. ***1844. Сентября 17 <5>. Вторник. Брюссель***; ***1844. Сентября 27 <15>. Пятница. Берлин.***

[2] См. ***1844. Августа 8 <июля 27>. Четверг. Остенде.***

СЕНТЯБРЯ 19 <7>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь у В. А. Жуковского во Франкфурте, где встретил А. И. Тургенева, который проживал у Жуковского «на возвратном пути из Киссингена»[1].

«Ты знаешь, какой мастер Жуковский устраиваться, — сообщал <незадолго перед тем> в 1844 г. А. И. Тургенев князю П. А. Вяземскому, — но он превзошел здесь себя во вкусе уборки дома, мебели, гравюр, статуэток, бюстиков, и всей роскоши изящных художеств. Все на своем месте, во всем гармония, как в его поэзии и в его жизни!»[2] «Далее Тургенев рассказывает о ежедневных визитах к Жуковскому художников и скульпторов, приносивших свои работы для получения одобрения мецената и знатока»[3].

20 сентября (н. ст.) 1844 г. Тургенев писал Вяземскому: «Гоголь вчера был у нас; обещает заглянуть и в Париж, но к весне. Теперь едет в Рюдесгейм[1] и возвратится сюда в мою комнату»[5].

О встрече Тургенева с Гоголем 19 сентября (н. ст.) 1844 г. в доме Жуковского во Франкфурте свидетельствует также «лаконичная запись» в дневнике Тургенева за этот день[6].

Вероятно, в этот день Тургенев с похвалой отозвался о письмах Гоголя к А. О. Смирновой (от 20 и 26 марта, от 7 апреля (н. ст.) 1844 г.), которые та дала прочесть Тургеневу в Париже в апреле того же года[7]. Возможно, тогда же Тургенев предложил Гоголю завязать с ним переписку, чтобы впоследствии опубликовать ее, на что Гоголь ответил отказом. 24 октября (н. ст.) 1844 г. он сделал выговор Смирновой за то, что она познакомила Тургенева с его письмами, а спустя пять месяцев, в конце марта (н. ст.) 1845 г., сам стал готовить к изданию свои письма к друзьям отдельной книгой[8].

Еще одним толчком к созданию «Выбранных мест из переписки с друзьями» явилось, по-видимому, высказанное в 1844 г. П. А. Плетневым недовольство тем, что Гоголь почти не принимает участие в «Современнике», — призыв принять большее участие в журнально-публицистической деятельности[9].

Позднее, в письме к С. Т. Аксакову от 28 августа (н. ст.) 1847 г., Гоголь, объясняя появление «Выбранных мест из переписки с друзьями», сообщал: «Видя, что еще не скоро я совладаю с моими “Мертвыми душами”, и скорбя истинно о бесхарактерности направления и совершенной анархии в литературе, проводящей время в пустых спорах, я поспешил заговорить о тех вопросах, которые меня занимали и которые готовился развить или создать в живых образах и лицах»[10].

В тот же день, 19 сентября (н. ст.) 1844 г., Гоголь отправился в Рюдесгейм (Рюдесхайм), к Виельгорским.

[1] См. ***1844. Мая 30 <18>. Четверг. Франкфурт.***

[2] *Соловьев Н. В.* Поэт-художник Василий Андреевич Жуковский // Русский Библиофил. 1912. № 7–8. С. 82.

[3] Там же.

[4] 19 сентября (н. ст.) 1844 г. Гоголь выехал в Рюдесгейм (Рюдесхайм), где в это время находились Виельгорские, и 21 сентября (н. ст.) вернулся во Франкфурт.

[5] Из писем А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 90.

[6] *Мильчина В. А., Осповат А. Л.* Гоголь по материалам архива братьев Тургеневых // Шестые тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 65; *Свод.* Т. 3. С. 83.

[7] См. ***1844. Апреля 11 <марта 30>. Четверг. Париж.***

[8] См. также ***1844. Апреля 11 <марта 30>. Четверг. Париж.***

[9] См. ***1844. Октября 27 <ноября 8>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[10] См. ***1847. Августа 28 <16>. Суббота. Остенде.***

СЕНТЯБРЯ МЕЖДУ 19[1] И 21[2] <МЕЖДУ 7 И 9>. РЮДЕСГЕЙМ (РЮДЕСХАЙМ)

Гоголь в Рюдесгейме в обществе графинь Л. К. и Анны М. Виельгорских, а также двух племянниц Виельгорской-старшей — Антуанетты Лазаревой и гра-

фини Луизы Гогенталь (рожд. герцогинь Бирон)[3]. Общается также с мужем Лазаревой, Л. Я. Лазаревым[4].

Возвращается во Франкфурт (возможно, вместе с Виельгорскими[5]).

[1] См. ***1844. Сентября 19 <7>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***.

[2] См. ***1844 сентября 21 <9> – 1845 января 10 или 11 <1844 декабря 29 или 30>. Франкфурт-на-Майне***.

[3] См. также ***1844. Октября 5 <сентября 23>. Суббота. Франкфурт-на-Майне; Рюдесгейм***; ***1844. Ноября 12 <октября 31>. Вторник. Париж***; ***1844. Декабря 28 <16>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***.

[4] См. ***1844. Октября 16 <4>. Среда. Франкфурт-на-Майне***.

[5] См. ***1844. Сентября 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Сентября 27 <15>. Пятница. Берлин***.

СЕНТЯБРЯ 20 <8>. ПЯТНИЦА. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ОСТЕНДЕ

Граф А. П. Толстой пишет ответное[1] письмо к Гоголю во Франкфурт:

«Как вы без моря, так я без вас: очень грустно и скучно и пусто».

[1] См. ***1844. Сентября 16 <4>. Понедельник. Брюссель***.

1844 СЕНТЯБРЯ 21 <9> – 1845 ЯНВАРЯ 10 ИЛИ 11 <1844 ДЕКАБРЯ 29 ИЛИ 30>. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

На протяжении почти четырех месяцев Гоголь живет во Франкфурте у В. А. Жуковского, который в это время занимается переводом IX–XII песен «Одиссеи» Гомера[1]. Гоголь читает перевод Жуковского III[2]–XII[3] песен; работает над вторым томом «Мертвых душ». В первое время, возможно, общается во Франкфурте с графинями Л. К. и Анной М. Виельгорскими[4]. Получает от Жуковского книги, привезенные ранее из Петербурга Л. К. Виельгорской и оставленные ею у Жуковского во Франкфурте[5]. (Из шестого номера «Отечественных Записок» за 1844 г., в частности, выписывает стихотворение Я. П. Полонского «Пришли и стали тени ночи...»[6]) Завершает составление сборника «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви»[7]. В конце сентября (н. ст.) 1844 г. Гоголь встречается с Н. А. Мельгуновым. В начале октября (н. ст.) вместе с Жуковским ездил в Рюдесгейм (Рюдесхайм) навестить Виельгорских[8].

Сам Жуковский в начале 1845 г. записал в дневнике: «В этом году я довольно успешно трудился. Перевел девять песен Одиссеи; написал несколько сказок: Тюльпанное дерево, Кот в сапогах[9]; перевел весь Новый Завет. Но в конце года занемог и прохворал почти весь следующий <1845>, в котором ничего не мог работать. Этот год <1844> замечен печальными событиями. Катя Воейкова[10] умерла. Вел<икая> княгиня Алекс<андра> Николаевна[11] и герцогиня Нассавская[12] опочили»[13].

Позднее, 20 декабря 1848 г. / 1 января 1849 г., Жуковский писал П. А. Плетневу из Бадена: «Мне кажется, что моя “Одиссея” есть лучшее мое создание... <...> Не с кем было поделиться своим поэтическим праздником. Один был у меня свидетель – гипсовый бюст Гомеров, величественно смотревший на меня с печи моего кабинета. Было, однако, для меня и раздолье, когда со мною жил Гоголь: он подливал в мой огонек свое свежее масло; и еще – когда я пожил в Эмсе с Хомяковым и моим милым Тютчевым[14]: тут я сам полакомился вместе с ними своим стряпаньем»[15].

27 февраля (н. ст.) 1850 г. в письме к Плетневу оттуда же Жуковский добавлял: «Вы называете мой перевод второй части Одиссеи подвигом исполинским: это особенно в том отношении правда, что моя работа была *постоянная* и *без всякого внешнего подкрепления*. Первые двенадцать Песней переведены во Франкфурте. Там (как я уже писал вам) жил в моем доме Гоголь. Я читал ему мой перевод. Он читал его мне и судил о нем как поэт. <...> Потом я читал его вместе с Хомяковым, наконец с Тютчевым. <...> Ничего этого я не имел, переводя вторую часть Одиссеи в Бадене»[16].

В письме к К. К. Зейдлицу[17] от марта 1851 г. Жуковский еще раз сообщал: «...Особенное достоинство моего перевода "Одиссеи", что он совершался без свидетелей, выключая одного Гоголя, который читал первые 12 песен: остальные я переводил в Бадене. Для курьеза посылаю тебе табличку, из которой увидишь ход перевода».

Согласно приложенной таблице, перевод был «начат в январе 1842 года»: «В 1844 году во Франкфурте» переведено: 1–10 октября – IX песнь; 14–18, 21–31 октября и 1-5 ноября – X песнь; 16–26 ноября – XI песнь; 19–28 декабря – XII песнь. (Остальные песни были переведены в Бадене в 1848–1849 гг.: песни XIII-XVI – в мае и октябре-декабре 1848 г.; песни XVII–XXIV – в январе-апреле 1849 г.)[18] Перевод был издан В. А. Жуковским в 1848[19] и 1849 г.[20]

Свои впечатления от перевода Гоголь изложил в 1846 г. в статье «Об Одиссее, переводимой Жуковским».

19 апреля (н. ст.) 1845 г. Жуковский сообщал графу А. Ф. Орлову: «Гоголь болен и болен нервами (это я видел в его шестимесячное[21] пребывание у меня во Франкфурте)...»[22]

12 сентября (н. ст.) 1845 г. сам Гоголь писал Жуковскому из Грефенберга о своем пребывании в его доме: «Благодарю вас много за ваше приглашение ехать во Франкфурт прожить с вами вновь. Просьбы, как ваши, так и добрейшей супруги вашей, меня сильно тронули. Вы меня любите как бы еще сильней, чем прежде, несмотря на то, что я бы должен был надоесть вам сильно. Вы меня видели во всем моем малодушии, во всех невыгоднейших сторонах моего характера, со всем множеством моих слабостей и непривлекательных свойств и, наконец, в хандре, в которой бывает несносен даже и в несколько раз меня лучший человек, и при всем том вы меня любите еще более прежнего!»

В 1859 г. Н. П. Лыжин сообщал: «Когда наш поэт <Жуковский> поселился в Германии и жил в Саксенгаузене, <Г. Т. Бок>[23], <...> в бытность свою за границею посещал его несколько раз. Навсегда сохранил он в памяти радушный и теплый прием Жуковского, обаятельную прелесть его жены и безмолвного Гоголя. Когда после обеда последний вышел в сад, Жуковский заметил, что за чудак стал этот Гоголь, все молчит; прежде бывало рассказам его конца нет. Вот вам для образчика анекдот, слышанный мною от него[24]. Во время какого-то праздника в кремлевских воротах столпился народ; надзиратель, командуя городовыми, грозно кричал: "публика, проходи, проходи, а народ пошел назад!"[25] "Позвольте вас спросить, – заметил Гоголь, – какая же разница между народом и публикою?" – "А вот какая, – отвечал надзиратель, схватив ва бороду одного из мужиков, тыкая его довольно нецеремонно в зубы, – это вот народ; куда лезешь, пошел назад! а вы-с публика, пожалуйте-с!" Надо было послушать, как рассказывал Гоголь этот простой случай, заметил Жуковский»[26].

Из письма А. О. Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «...Он <Гоголь> жил у Жуковского во Франкфурте, был болен и тяготился расходами, которые ему причинял. Жуковскому он был нужен, потому что отлично знал греческий язык, помогал ему в "Илиаде" <в "Одиссее">. Василий Андр<еевич> просил меня[27] сказать В<еликой> К<нягине> Марии Николаевне, чтобы она передала эту просьбу[28] Государю»[29].

22 октября (н. ст.) 1844 г., Н. А. Мельгунов, накануне своей свадьбы (состоявшейся 30 октября (н. ст.) 1844 г.)[30], сообщал С. П. Шевыреву из Мангейма: «Под моим обыском свадебным подписались Жуковский и Гоголь, заходящее и восходящее солнце русской словесности. Гоголь проводит зиму во Франкфурте у Жуковского и готовится писать вторую часть "Душ", для которых собрал много материалов и сил. Так мне говорил Жуковский. Когда я месяца два тому назад был во Франкфурте[31] и спрашивал о Гоголе, в Hôtel de Russie, где он стоял, то мне отвечали, что он уехал в Ост-Индию. Это было Остенде, где он купался и откуда воротился бодрым, оживленным:

таким, по крайней мере, он мне показался. Первого тома "Душ" перепечатывать не хочет, пока не издаст по крайней мере второй части. Жуковский читал мне несколько отрывков из своего почти буквального перевода "Одиссеи". <...> Недавно кончил он 8 первых песен[32]; он намерен провести еще год за границей и, кончив перевод, приехать на житье в Москву. Это его твердое намерение. С Петербургом он простился; да петербургского в нем почти ничего и не осталось. Это старый Жуковский в двояком смысле слова»[33].

[1] Перевод девятой песни был начат 19 сентября / 1 октября 1844 г.; перевод двенадцатой песни завершен 16/28 декабря 1844 г. (см.: *Янушкевич А. С.* Примечания // *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2010. Т. 6. С. 407, 409).

[2] См. ***1843. Августа 28 <16>. Понедельник – ноября 5 <октября 24>. Воскресенье. Дюссельдорф***; ***1843. Сентября 20 <8>. Среда. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Дюссельдорф***.

[3] 2 января (н. ст.) 1845 г. Гоголь сообщал Н. М. Языкову о переводе Жуковского: «Двенадцать песен готовы» (см. ***1845 января 2 <1844 декабря 21>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***).

[4] См. ***1844. Сентября 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Сентября 27 <15>. Пятница. Берлин***.

[5] См. ***1844. Июня около 20 <8>. Баден-Баден***.

[6] Список стихотворения сохранился в рукописном фонде Гоголя *РГБ* (опубл.: *Гоголь 2001.* С. 374–375; см. также: *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 651). 11 мая 1842 г. Я. П. Полонский в черновике письма к В. Г. Белинскому писал: «...Ради Бога не печатайте второго стихотворения *где ночные тени стоят на страже у дверей*. Это такая дрянь, что совестно вспомнить. – Я его только что написал так и послал к вам, как говорится сгоряча – раскурите же им Вашу трубку» (*Поливанов И. Л.* Я. П. Полонский о Белинском. (По поводу неизданного письма) // Венок Белинскому. М., 1924. С. 236). Стихотворение появилось в журнале лишь спустя два года. Однако в сборники своих стихотворений 1844 и 1846 гг. – «Гаммы» (М., 1844), «Стихотворения 1845 года» (Одесса, 1846) – сам Полонский это стихотворение не помещал. Впоследствии, когда Полонский все-таки включил стихотворение «Пришли и стали тени ночи...» в издание своих сочинений 1855 г., то поводом для придания этому произведению важного значения стало распространившееся тогда известие о том, что Гоголь собственноручно переписал ранее это стихотворение. В анонимной пространной рецензии «Стихотворения Я. П. Полонского», напечатанной в 1855 г. в журнале И. И. Панаева и Н. А. Некрасова «Современник», говорилось: «Мы очень хорошо помним время нашего первого знакомства с музой г<-на> Полонского. В 1842 и 43 году встретили мы в "Отечественных Записках" стихотворение, над которым невольно задумались и прочитавши его во второй раз, запомнили – от первой строки до последней. На днях только мы узнали, к удовольствию нашему, что стихотворение, нас поразившее, было выписано Гоголем в ту тетрадь, куда автор "Мертвых Душ", так зоркий в деле поэзии, вносил все произведения в стихах, особенно ему понравившиеся. Мы помещаем здесь эту вещь вполне. <...> По нашему мнению, поэт, начинавший подобным образом, с первого же своего произведения стоил зваться истинным поэтом» (Стихотворения Я. П. Полонского. СПб., 1855 // Современник. 1855. Т. 54. <Пагинация 4>. С. 5).

Тем не менее Гоголь не включил стихотворение Полонского в раздел «антологической» поэзии (соответствующий содержанию стихотворения Полонского) составлявшейся им тогда «Учебной книги словесности для русского юношества» (см. ***1845 октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4> – 1846 мая 6–8 <апреля 24–26>. Рим***). Не упомянул Гоголь о Полонском и в статье о русской поэзии в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1846). Переписывая стихотворение, Гоголь, очевидно, руководствовался не тем, что стихотворение «особенно ему понравилось» (как предположил в 1855 г. анонимный рецензент «Современника»), а имел в виду другую цель. В письме к Шевыреву от 28 августа (н. ст.) 1847 г. он, в частности, писал: «Пробежал некоторые номера русских журналов, которые попались мне в руки и которых в силу можно было держать в руках по причине толщины. Взгляд на них мне был нужен. Все-таки в них выражается часть того общества, которое больше всех других читает книги!»

[7] См. ***1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца*** (примечания).

[8] См. ***1844. Октября 5 <сентября 23>. Суббота. Франкфурт-на-Майне; Рюдесгейм (Рюдесхайм)***.

[9] См. также ***1845. Мая 17 <5>. Суббота. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[10] Екатерина Александровна Воейкова (1815 – 28 января 1844), старшая дочь племянницы Жуковского Александры Андреевны Воейковой.

[11] Великая княгиня Александра Николаевна, принцесса Гессен-Кассельская, скончалась 29 июля 1844 г. (см. ***1844. Июля 29 <августа 10>. Суббота. Царское Село***).

[12] Великая княгиня Елисавета Михайловна, принцесса Нассауская, скончалась 16 января 1845 г.

[13] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 43.

[14] См. ***1847. Августа 6 <июля 25>. Пятница. Остенде*** (примечания).

[15] *Плетнев П. А.* В. А. Жуковский // Живописный Сборник замечательных предметов из наук, художеств, промышленности и общежития. Издание А. А. Плюшара. СПб., 1853. <Т. 3> (цензурное разрешение 6 дек.

1852). С. 387; см. также: *Плетнев П. А.* О жизни и сочинениях Василия Андреевича Жуковского / Из III-го Тома Живописного Сборника. СПб., 1853 (цензурное разрешение 26 янв.). С. 141–142; *Плетнев П. А.* О жизни и сочинениях В. А. Жуковского // Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 127.

[16] *Плетнев П. А.* В. А. Жуковский // Живописный Сборник замечательных предметов из наук, художеств, промышленности и общежития. Издание А. А. Плюшара. СПб., 1853. <Т. 3>. С. 390; см. также: *Свод.* Т. 2. С. 66.

[17] Карл Карлович Зейдлиц (1798–1885), врач, профессор Санкт-Петербургской медико-хирургической академии; впоследствии биограф Жуковского.

[18] Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 67–68. – См. также: *Янушкевич А. С.* Примечания // *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2010. Т. 6. С. 409.

[19] См. ***1848. Ноября 20. Суббота. Москва***; ***1848. Ноября 22. Понедельник. Москва***.

[20] См. ***1849. Мая 30 <18>. Среда. Базель***.

[21] См. также ***1844. Около июня 8 – июля 24 или 25 <около мая 27 – июля 12 или 13>. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Марта 3 <февраля 19> – мая 15 <3>. Франкфурт-на-Майне***.

[22] См. ***1845. Апреля 19 <7>. Лазарева суббота. Франкфурт-на-Майне***.

[23] Георгий Тимофеевич Бок (1818–1876), вице-адмирал, гофмейстер двора великого князя Владимира Александровича.

[24] См. ***1841 октября 17 – 1842 мая 23. Москва***; ***1843. Августа 28 <16>. Понедельник – ноября 5 <октября 24>. Воскресенье. Дюссельдорф***.

[25] Эти слова напомнил Гоголю К. С. Аксаков в письме от 21 мая 1848 г.: «Знаете ли вы знаменитое восклицание полицмейстера: *публика вперед, народ назад!*» (см. ***1848. Мая 21. Пятница. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Радонежье***). – См. также: *Аксаков К. С. Опыт* синонимов. Публика – народ // Молва. 1857. 14 дек. № 36. – Об этом же понимании «московским полицмейстером» слова «публика» упоминал в письме к Гоголю от 12 марта 1847 г. Ар. О. Россет (см. ***1847. Марта 12 <24>. Среда. Санкт-Петербург***). Полицеймейстерами в Москве в то время были: полковник Ф. И. Миллер, подполковник Д. Н. Ермолов (сменивший Миллера в период до 10 декабря 1841 г.), а также Л. Н. Верещагин и Н. П. Брянчанинов.

[26] *Лыжин Н. П.* Знакомство Жуковского со взглядами романтической школы // *Свод.* Т. 2. С. 69–70.

[27] См. ***1845. Января 16 <4>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***.

[28] Просьбу Жуковского о вспомоществовании Гоголю. Сам Гоголь в письмах к С. С. Уварову от апреля 1850 г. и к А. О. Смирновой от 10 июля 1850 г. подчеркивал, что со своей стороны не предпринимал никаких шагов для получения пособия: «...И не помышлял даже просить что-либо <...> у Государя...» (см. ***1845. Апреля конец, после 25 <апреля между 13 и 18>. Висбаден или Франкфурт-на-Майне***); «...Вовсе не просил о том пенсионе, который <...> был пожалован неожиданно...» (см. ***1850. Июля 10. Понедельник. Васильевка***).

[29] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 263–264.

[30] См. также ***1845. Июня 8–9 <20–21>. Пятница-суббота. Москва***.

[31] См. ***1844. Сентября 6 <августа 25>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***.

[32] См. ***1844. Сентября 6 <августа 25>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***. – Перевод восьмой песни был окончен 5 сентября (н. ст.) 1844 г. (см. **1844/ Июля 14 <2>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне** – примечания). – См. также ***1844. Ноября 15 <27>. Среда. Москва*** (письмо С. П. Шевырева к Гоголю).

[33] *Кирпичников А. И.* Очерки по истории новой русской литературы. (Пушкинский период). 2-е изд., доп. М., 1903. Т. 2. С. 199; *Свод.* Т. 3. С. 173.

СЕНТЯБРЯ 9 <21>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова пишет Гоголю (письмо было отправлено во Франкфурт позднее, 26 сентября / 8 октября 1844 г.[1]):

«В доме моем большой беспорядок: вставляют двойные стекла, стучат, шумят, духом напоминают Петрушку... <...> Н<иколай> М<ихайлович>[2] еще в Нижнем... <...> Все мне напоминают, что невольно впадаем мы в тоску в Петербурге. Мне, впрочем, слышится родной голос... не ваш ли, Николай Васильевич? Голос этот говорит, что среди всякой невзгоды, скуки остается утешение, потому что остается дело на земле. <...>

С тех пор, как я вам писала, не была более в Петергофе[3]; стало быть, язык не передал им чувств моих; в противном случае они бы меня вызвали. <...>

Книги для вас отобраны, но оказии до сих пор не открылось. Курьеры теперь ездят через Гамбург или прямо в Лондон, а я вам их пришлю в Берлин к Михаухаузу[4].

Аркадию теперь, слава Богу, лучше... <...> На будущий год он едет к вам, а на зиму в Рим; дай Бог ему только вынести зиму хорошо в Петербурге.

Общество я еще не видала. Кутежь между молодежью, впрочем, все та же, пустая и *вялая*. Самарин, ваш большой *аматер*, приехал из Москвы, т. е. из Славянщины, и, бедный, до сих пор ничего не понимает, да и его никто бы не понял, если бы он заговорил по-московски. Он очень умен и хорошо занимался, кажется; или его *<1 нрзб.>*, или он перековеркается — тут одно из двух. Я не могу передать вам, какую странную превратность во всех понятиях нашла я. Чувствуешь беспрестанно, что лучше всего молчать. Сказать вам надобно бы столько, что ни перьев, ни бумаги на это не стало бы, но писать невозможно. Не вы одни читать меня будете, а вы одни поняли бы, что я люблю нежно и сильно то, что меня заставляет подчас погрустить. Эта грусть относится к тому предмету, о котором мы с вами еще в последнее время говорили и на которого я должна, по вашему мнению, действовать благодетельно. Ах, как все призрачно издалека и какие вблизи открываются затруднения!»

Письмо было прервано приходом Ю. Ф. Самарина[5].

[1] См. ***1844. Сентября 26 <октября 8>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] Муж Смирновой.

[3] В царской семье.

[4] Граф Михаил Михайлович Виельгорский. 24 декабря (н. ст.) 1844 г. Гоголь писал Смирновой: «Книг ваших я не получил до сих пор ни одной» (см. ***1844. Декабря 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***). 18/30 декабря 1844 г. сама Смирнова спрашивала Гоголя: «Получили вы 4 пакета с книгами? Они отсюда были пересланы Михаилу Михайловичу. Спросите у него о них» (см. ***1844. Декабря 18 <30>. Понедельник. Санкт-Петербург***). В письме к Гоголю от 30 января 1845 г. Смирнова добавляла: «У М. М. Вьельгорского должны быть книги, прежде мною пересланные чрез французское посольство» (***1845. Января 30 <февраля 11>. Вторник. Санкт-Петербург***). 1 марта 1845 г. она еще раз спрашивала Гоголя: «Получили ли вы книги, <...> которые я послала чрез фр<анцузское> посольство Михаилу Михайловичу. Да, или нет?» (см. ***1845. Марта 1 <13>. Четверг. Санкт-Петербург***). 2 апреля (н. ст.) 1845 г. Гоголь отвечал: «Миха<ил> Мих<айлович> оказался неаккуратным: даже не уведомил меня, есть ли у него какие-нибудь для меня пакеты с книгами» (см. ***1845. Апреля 2 <марта 21>. Среда. Франкфурт-на-Майне***). В ответном письме Смирнова замечала: «Не знаю, что думать о неаккуратности Михаила Михайловича. Он даже мне не отвечал на одно письмо, где я просила у него книг» (см. ***1845. Апреля 11–14 <23–26>. Великая среда — Великая суббота. Санкт-Петербург***).

Вероятно, книги были получены Гоголем лишь в начале июля (н. ст.) 1845 г., по приезде в Берлин (см. ***1845. Июля 3 или 4 <июня 21 или 22>. Берлин***; ***1845. Июля 5 <июня 23>. Суббота. Берлин***).

[5] См. ***1844. Сентября 13 <25>. Среда. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЯ 10 <22>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ю. Ф. Самарин пишет К. С. Аксакову в Москву:

«Самое замечательное, по моему мнению, лицо в Петербурге это — Александра Осиповна Смирнова; с нею я видаюсь часто и толкую о Гоголе. Он, как видно по тем письмам, которые она мне читала, очень ее полюбил и вызымел на нее сильное влияние. Они в постоянной переписке. Письма Гоголя к ней одного содержания с письмами его к Языкову и Шевыреву, но приспособлены к женскому пониманию. Он теперь в Бельгии, здоров, бодр и много пишет. До него дошла моя диссертация, которую он читал в последнее время»[1].

Имеется в виду магистерская диссертация Ю. Ф. Самарина, защита которой состоялась 3 июня 1844 г.: «Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники» (М., 1844). В письме из Петербурга от 9–26 сентября 1844 г. А. О. Смирнова спрашивала Гоголя: «Читали ли вы Самарина "Феофана"?» В письме от 3 ноября 1844 г. она же сообщала: «Самарин вам пришлет "Феофана" и будет писать»; 26 ноября 1844 г.: «У меня для вас лежат два пакета книг, остановка за оказией. Между ними и "Феофан" от Самарина»; 18 декабря 1844 г.: «При первой оказии перешлю <...> книгу Самарина». 24 декабря (н. ст.) 1844 г. Гоголь писал самому Самарину: «Благодарю вас за письмо и за усердное желание попотчевать меня вашим Феофаном, которым я однако уже

попотчевал <себя> сам прежде[2]. В книге много ума и видны большие средства, которыми наградил Бог автора. Но сущность самого предмета, как сами знаете, есть дело поповское. Как из этого сочинения, так и из других писанных вами и находя<щихся> в рукописи (если только присл<анное> Аксаковым мне о М<ертвых> д<ушах> есть ваше[3]), видно то, что автору следует писать о многом, наиболее относящемся к современным вопросам: литературным ли, политическим ли, но главное дело не останавливаться. А придиркой к этому может послужить всякая выходящая в нынешнее время книга, всякое случающееся событие и наконец вообще книга света, которая теперь бросается всякому в глаза гораздо ярче, чем когда-либо прежде. В чем помоги вам Бог».

[1] Из писем Ю. Ф. Самарина // *Свод.* Т. 3. С. 210.

[2] Ср. ***1844. Июля 17 <5>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***

[3] См. ***1842. Октября конец <ноября первая половина>. Москва***; ***1843. Мая 24 <12>. Среда. Гастейн.***

СЕНТЯБРЯ 24 <12>. ВТОРНИК. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет в Петербург ответное[1] письмо к А. О. Смирновой и послание к А. М. Веневитиновой (рожд. графине Виельгорской) (последнее письмо не сохранилось[2]), а также напутственное письмо к графине С. М. Соллогуб (рожд. Виельгорской), отправлявшейся в Петербург (письмо к Соллогуб, возможно, было приложено к письму графини Л. К. Виельгорской к дочери, адресованному из Франкфурта или из Рюдесгейма (Рюдесхайма) в Берлин[3]).

Оба этих письма позднее были использованы Гоголем при написании главы *XXIV. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846).

В письме к Смирновой Гоголь писал: «Благодарю вас за драгоценные подробности письма вашего. Бог вам да поможет во всем! Не оставляйте быть там, где вам следует и где особенно нужны ваши утешения и участия. Без сомнения, скоро после моего письма предстанет к вам наша любезная Софья Миха<й>ловна[4]. <...> Употребите всё старание, чтобы свет и общество сколько-нибудь узнали, какой прекрасный цветок поселился среди их. От этого будет зависеть и самое уважение к ней мужа[5]... <...> Нужно довести до сведения как его, так и матери его, графини Сологуб, что доктора решительно объявили, что все нездоровье Софьи Миха<й>ловны началось от душевных тревог, что она в противность их советов приехала в Петербург, что поэтому <...> нужно быть теперь слишком с ней осторожну... <...> Так как теперь у Софьи Миха<й>ловны будет особенное хозяйство и много будет всего на ее руках, то вы наставьте ее во многих вещах. <...> Если <...> она теперь сделает самую строгую смету всему, назначит всему самую меньшую цену, то муж, разумеется, всё остальное приберет к себе, и ей придется терпеть во многих, даже самых бездельных и ничтожных вещах, как случалось доселе... <...> Истолкуйте ей также, как много значит в доме порядок и распределение времени во всем, как в занятиях, так и в отдохновениях, и как важно всему назначить часы. <...> ...Чтобы виделись они друг с другом не иначе, как по окончании дела[6] и занятия, чтобы у каждого были отдельно свои комнаты и кабинет для занятия, так, чтобы панталоны Вл<адимира> Алекс<андровича> не заходили бы в кабинет жены — отдыхать на столе или диване. <...> О многом недурно будет вам переговорить с Веневитиновыми[7]. Между прочим не очень полагайтесь, что Сологуб теперь не кутит и ведет себя хорошо. Поведение его, может быть, временное, как бывает всегда у нашей братии. Если предмет наших исканий вдали от нас — мы влечемся к нему и скучаем по нем, если ж он стал близко к нам, мы уже удовлетворились им и скучаем уже от него. Это свойство находится у него в большой степени. А потому гораздо лучше, если бы между ними установилось теперь же порядочное течение жизни, покаместь еще он не простыл и готов даже выполнять просьбы жены своей. Нужно, чтобы все знакомые и приятели его нападали на него теперь же с этой стороны, чтобы он хоть сколько-нибудь вошел бы в колею свою и не был бы похож на осла[8], который хотя и идет в своей колее, но однако ж не пропустит, чтобы не засунуть свою морду во всякую телегу с сеном, переезжающую через дорогу. Словом, вы должны о многом перетолковать

как с Веневитиновыми, так и с Соболевским, который, кажется, имеет на него некоторое влияние. Старайтесь также узнать, кого он более боится в свете и кто имеет над ним какую-нибудь власть. <...> Если можете что-нибудь прислать из книг, то пришлите, мне это нужно».

В письме к Соллогуб Гоголь писал: «Посылаю вам еще одно словечко на дорогу. <...> Прежде всего заведите в доме с самого начала порядок во всем и особенно порядок во времени. <...> Чтобы вам обоим, как вам, так и мужу вашему, было известно, когда вы должны заниматься порознь друг от друга, каждый в своей комнате, и когда вместе. Чтобы это не смешалось, чтобы не сидели вы слишком много друг с другом вместе без дела... <...> Вы этим окажете большую пользу и помощь вашему мужу. <...> Вдвоем всегда легче... <...> Так, например, приезжая в другую землю, мы, как ни привыкли у себя дома обедать в такое-то время, ложиться спать в такое, но однако ж вдруг бросаем привычку прежнюю и обедаем в другой час, спать ложимся в другой час, словом, все делаем иначе, что нам было бы совершенно невозможно в своей земле и что делается само собой в чужой земле. А делается отчего? от того, что другой так делает и что держаться прежнего обычая хлопотливо да и скучно одному. Такую услугу мужу может сделать одна жена только, которая для того и дана ему, чтобы освежать и ободрять его на труд, на занятие и на все прекрасное. Итак, выполните эту мелочь ради любви к вашему душевному Брату, который молит о вас беспрестанно нашего Небесного Родителя, любящего нас так нежно и так беспримерно, как никто и в тысячную долю не умеет любить на земле. <...>

Не забывайте о милостыне, которую вы должны бросить хотя раз в месяц, если нельзя раз в неделю, известному вам нищему[9]. Заведите маленькую расходную книжечку, в которую записывайте так: такого-то месяца и числа брошена нищему копейка».

[1] См. ***1844. Августа 28 <сентября 9>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1844. Сентября 23 <октября 5>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1844. Сентября 27 <15>. Пятница. Берлин.***

[4] Графиня Соллогуб (рожд. графиня Виельгорская).

[5] Графа В. А. Соллогуба.

[6] В статье *XXIV. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России* «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь писал: «Распределите ваше время... <...> Не оставайтесь поутру с вашим мужем; гоните его на должность... <...> Чтобы... <...> через то встретились бы весело перед обедом...» Совет Гоголя восходит к словам св. апостола Павла в Первом послании к Коринфянам о временном воздержании супругов: «Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе...» (гл. 7, ст. 5).

[7] Имеются в виду сестра С. М. Соллогуб Аполлинария М. Веневитинова (рожд. графиня Виельгорская) и ее муж сенатор А. В. Веневитинов.

[8] См. также ***1844. Сентября 27 <октября 9>. Среда. Санкт-Петербург.***

[9] Вероятно, имеется в виду исполнение советов Гоголя или совершение добрых дел по его наставлениям (см. также ***1845. Января 14 – марта 1 <января 2 – февраля 17>. Париж***; ***1845. Апреля 15 <27>. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Санкт-Петербург***).

СЕНТЯБРЯ 13 <25>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Сент<ября> 13. Ревизор. Игран сентября 13 и 22[1] чисел, октября 4[2] и 18[3] чисел. Роль Городничего играл в 1-й раз г. Щепкин. В пользу дирекции. В 4 представления зрител<ей> до 40000»[4].

В тот же день А. О. Смирнова писала Гоголю (письмо было отправлено позднее, 26 сентября / 8 октября 1844 г.[5]):

«Самарин мне помешал продолжать[6]. Продолжаю 13-го сент<ября>. Сегодня Щепкин играет в "Ревизоре". Братья, Самарин и я едем туда вместе, т. е. туда – в театр. Вами, вам едут радоваться. Растопчина приехала вчера вечером из Ревеля; сегодня у меня обедает; может быть, и ее затащим с собою.

Каково вам покажется, что генерал Плетнев у меня был всего раз и то оставил беленькую карточку, с беленьким гербом. Каков *жанр*?.. Нынче принесли мне три толстые тома от князя Одоевского[7]. Славянским шрифтом выведено заглавие. Самого же потомка Рюрика я еще не видала».

[1] См. ***1844. Сентября 22 <октября 4>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1844. Октября 4 <16>. Среда. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1844. Октября 18 <30>. Среда. Санкт-Петербург.***

[4] Обозрение новых русских спектаклей в прошедшем 1844 году // Репертуар и Пантеон. Театральное обозрение, издаваемое В. Межевичем и И. Песоцким. 1845. Кн. 4 (цензурное разрешение 30 марта). С. 266–267; см. также: *Гриц*. С. 323.

[5] См. ***1844. Сентября 26 <октября 8>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1844. Сентября 9 <21>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[7] Сочинения князя В. Ф. Одоевского. СПб., 1844. Ч. 1–3.

СЕНТЯБРЯ 14 <26>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ВОЗДВИЖЕНИЯ КРЕСТА ГОСПОДНЯ. МОСКВА

Согласно почтовому штемпелю[1], М. П. Погодин в этот день получил письмо Гоголя из Остенде[2].

В тот же день Н. М. Языков писал Гоголю во Франкфурт:

«Посылаю тебе письмо от Надежды Николавны Шереметевой[3]: она на днях была в Москве и у меня... <...> Я переехал в Москву; все наши сюда собираются на зиму, которая этот раз будет шумнее и говорливее прошлой, которой недоставало И. В. Киреевского. “Москвитянин” остается и на будущий год по-прежнему: перемена в его редакции не состоялась[4], между тем в Москве заводится новый журнал[5] и, как слышно, и позволение на него уже выхлопотано — издателями коего будут профессор Редкин и Грановский. Это будет подобие “Отечественных Записок” — по духу, складу и ладу...

П. В. Киреевский представил в ценсуру собрание так называемых “стихов”[6]. Ценсоры сказали, что они пропустить их не могут. Министр просвещения[7] сказал по этому случаю, что не только можно, но и должно напечатать эти сокровища. <...> Про тебя ходят здесь слухи распрекрасные, говорят, что у тебя уже готовы еще *две части* “Мертвых душ” и что сверх того ты написал “Записки русского генерала в Риме”[8].

На днях получил я чрезвычайно радостное письмо от Ал<ександра> Андр<еевича> Иванова[9]. Слава Богу! Слава русскому Богу! Глаза Ал<ександра> Анд<реевича> вовсе исправились, и он ревностно принялся оканчивать свою картину[10]. Здесь его брат Сергей — при Тоне, как две капли воды похож на Ал<ександра> Андр<еевича> (он лечился у Иноземцева, который помог ему сильно): так же застенчив и робок, те же ухватки и приемы: голос в голос, волос в волос, как говорится. Я очень рад такому сходству: не может же оно обманывать!

Неужели ты и эту зиму проведешь во Франкфурте? Ты, видно, полюбил немцев: прежде, брат, за тобою не бывало этакой страсти! Чем это они тебя очаровали или разочаровали? Вспомни козла! <...> Василию Андреевичу мое почтение. Что “Одиссея”?»

[1] См.: *Городецкий*. С. 462.

[2] См. ***1844. Сентября 3 <августа 22>. Вторник. Остенде.***

[3] См. ***1844. Сентября 3 <15>. Воскресенье. С. Покровское.***

[4] См. ***1844. Июля 16 <28>. Воскресенье. Москва.***

[5] Летом 1844 г. Т. Н. Грановским было подано прошение об основании с 1845 г. журнала «Московское обозрение». 15/27 ноября С. П. Шевырев, в свою очередь, сообщал Гоголю: «Затевается другой журнал в Москве — “Московское обозрение”, партиею немецкой или, лучше, варяжской стороны. Но явится ли к новому году, неизвестно». Разрешение на издание получено не было. «Грановский подал в июне 1844 года прошение о разрешении ему издать журнал *Ежемесячное Обозрение*. Редакцию его должен был принять на себя Е. Ф. Корш, издававший тогда *Московские Ведомости*. Журналу предполагалось дать преимущественно исторический и

критический харакатер. Друзья уже начали готовить статьи, приглашали к сотрудничеству Белинского... Между тем прошение Грановского о журнале пошло своим официальным ходом. 23 июля 1844 года граф С. Г. Строганов обратился в Министерство Народного Просвещения с ходатайством о разрешении Грановскому издавать в Москве с 1845 года журнал *Московское Обозрение*... На докладе Уварова об их журнале воспоследовала следующая Высочайшая резолюция: *И без нового довольно» (Барсуков.* 1893. Кн. 7. С. 439–442).

Двумя годами ранее, летом 1842 г., М. П. Погодин, после встречи с западниками Е. Ф. Коршем и Т. Н. Грановским, предложившими ему участвовать в издании «Москвитянина», писал С. П. Шевыреву: «Грановский и Корш приезжали ко мне в воскресенье толковать о *Москвитянине*. Я спросил их: возьмут ли они свято соблюдать нашу программу, отрекутся ли от диавола и *Отечественных Записок*, будут ли почитать Христианскую религию, уважать брак... Вот с чем я отпустил их» (переговоры ни к чему не привели; см.: *Барсуков*. 1892. Кн. 6. С. 280–281). В. А. Жуковский 1 августа (н. ст.) 1844 г. в свою очередь сообщал Гоголю: «Гр<афиня> Вьельгорская привезла для вас несколько книг “Христианского Чтения” и несколько № бесовского, то есть “Отечественных Записок”». В 1848 г. М. П. Погодин, откликаясь на смерть Белинского, так, в частности, передавал свои впечатления от журнальных выступлений критика, посвященных творчеству М. Ю. Лермонтова: «Лежа <...> с переломленной ногой в 1844 году, я должен был читать что-нибудь самое легкое: <...> мне позволили <...> перелистывать Отечественные Записки. Попадается мне похвала диаволу (прости, Господи, согрешение) при рассуждении о Демоне, которого Лермонтов будто бы взял себе в друзья, и потому возвысился, а Пушкин имел слабость испугаться, и потому упал <...> Вот каковы наши критики...» (см. ***1842. Декабря 1 <13>. Вторник. Санкт-Петербург***).

[6] Речь идет о попытке П. В. Киреевского опубликовать сборник духовных стихов. Впервые напечатано: Русские народные песни, собранные Петром Киреевским. Ч. 1. Русские народные стихи. М., 1848. – См. ***1834. Апреля конец – май. Санкт-Петербург*** (примечания).

[7] С. С. Уваров. В 1844 г. И. В. Киреевский писал брату: «Если министр будет в Москве, то тебе непременно надобно спросить его о песнях... <...> Главное, на чем основываться, это то, что песни *народные*, а что весь народ поет, то не может сделаться тайною... <...> Уваров, верно, это поймет, также и то, какую репутацию сделает себе в Европе наша цензура, запретив *народные песни*, и еще *старинные»* (Полн. собр. соч. И. В. Киреевского. Т. 1. М., 1861. С. 93).

[8] В 1857 г. П. А. Кулиш к этим строкам письма сделал письму примечание: «Даже в провинциях распространился тогда слух, будто бы Гоголь написал дневник русского генерала, веденный в Италии, и что это будто бы самое комическое из его произведений» (*Кулиш П. А.* <Примечание к письму Н. М. Языкова от 26 сентября (н. ст.) 1844 г.> // *Свод*. Т. 2. С. 18).

[9] Письмо от 10 сентября (н. ст.) 1844 г. (см.: *Виноградов 2001*. С. 319).

[10] «Явление Мессии».

СЕНТЯБРЯ 27 <15>. ПЯТНИЦА. БЕРЛИН

Графиня С. М. Соллогуб, получив накануне отъезда в Петербург письмо Гоголя из Франкфурта[1], пишет ему ответ:

«Расставшись с вами[2], любезный Николай Васильевич, я рассталась с верным и истинным другом. <...> Радость скоро видеть моего мужа[3] смягчила сердце и чувства мои удивительным образом. <...> Я читаю, молюсь и всегда о вас поминаю. Прощайте, мой любезный братец, Господь с вами! Из Петербурга я вам напишу... <...> Бог, верно, услышал ваши молитвы. Одна радость и самая живая благодарность наполняют мою душу. Да благословит вас Всевышний за все добро, сделанное мне вами. Я тотчас отправляюсь в Штетин, откуда напишу маменьке[4]. Поцелуйте ей и Анне Михайловне[5] руки. Папа[6] вас сердечно обнимает. Брат[7] здоров и довольно весел».

[1] См. ***1844. Сентября 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1844. Сентября 18 <6>. Среда. Франкфурт-на-Майне, Ганау.***

[3] Графа В. А. Соллогуба.

[4] Графиня Л. К. Виельгорская.

[5] Сестра Соллогуб.

[6] Граф Мих. Ю. Виельгорский.

[7] Граф М. М. Виельгорский.

СЕНТЯБРЯ 15 <27>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Сент<ября> 15. Женитьба. Играна сентября 15 ч<исла>, октября 20 числа[1]. Роль Кочкарева играл г. Щепкин. В пользу дирекции. В 2 раза – 1600 зрителей»[2].

[1] См. ***1844. Октября 20 <ноября 1>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] Обозрение новых русских спектаклей в прошедшем 1844 году // Репертуар и Пантеон. Театральное обозрение, издаваемое В. Межевичем и И. Песоцким. 1845. Кн. 4 (цензурное разрешение 30 марта). С. 266–267; см. также: *Гриц.* С. 329.

СЕНТЯБРЯ 29 <17>. ВОСКРЕСЕНЬЕ

А. И. Тургенев по пути из Франкфурта[1] в Париж[2] пишет В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Поклонись Гоголю: мне очень жаль, что его не было со мной в St. Ache<u>l: я уверен, что воображение его разыгралось бы при виде сего отвержения от всего мирского, по мирским, впрочем, началам»[3].

16/28 сентября 1844 г. Тургенев побывал в монастыре иезуитов во французском селении Saint-Acheul (Сент-Ашёль), неподалеку от Амьена (названо так в честь почитаемого католической Церковью святого, принявшего мученическую смерть в 303 г.). В монастыре Тургенев посетил князя Ивана Сергеевича Гагарина (1814–1882), перешедшего весной 1842 г. в католичество. В 1843 г., после принятия в Париже новициата (послушничества) в Ордене иезуитов, Гагарин был лишен права вернуться на родину, о чем в паспорте, выданном ему в русском посольстве в Париже, была сделана отметка: «Иван Сергеевич Гагарин <титул не упоминается> пребывает за границей без права возвращения в Россию»[4].

В. С. Печерин в своих «Замогильных записках» вспоминал: «В 1844, когда я был уже священником, проезжая из Парижа в Бельгию, я заехал в St.-Acheul повидаться с Гагариным. Он тогда был свежим и благочестивым новицием. Мне пришлось в его присутствии вынуть кошелек для того, чтобы расплатиться с извозчиком. Он смотрел на это с каким-то священным омерзением: “Ох! уж эти деньги! какая это гадость!” – А теперь он ежегодно получает из России 12 000 франков. О, sainte pauvreté!! pauvre homme! <О, святая бедность! бедный человек! *фр.*> Прими теперь в соображение, что иезуиты вообще стараются заманить в свой орден богатых и знатных, и ты можешь себе составить понятие о том, какие несметные у них накопились богатства и как могущественно их влияние даже в некатолических странах – вот и Россия платит им ежегодную подать»[5].

В другом месте своих записок Печерин вспоминал: «1 мая 1846 щегольской французский фрегат с трехцветным флагом вошел в Фальмутскую гавань <...> К нам вышли на берег два иезуитских миссионера <...> Несмотря на пресловутую иезуитскую осторожность и скрытность, эти господа как-то за столом проговорились и рассказали нам о всех их планах на случай, если с Божьей помощью им удастся возвратиться в Россию, как Гагарин будет во главе русских иезуитов и пр. и пр.»[6]

В 1849 г. Гагарин упоминал о Гоголе в письме к Н. Н. Шереметевой[7].

[1] См. ***1844. Сентября 19 <7>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1844. Октября 12 <сентября 30>. Суббота. Париж.***

[3] Из писем А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 91.

[4] *Полонский Я.* Литературный архив И. С. Гагарина // Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1932. Т. 3. С. 139.

[5] *Печерин В. С.* Замогильные записки // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. Изд-во МГУ, 1989. С. 250.

[6] Там же. С. 275.

[7] См. ***1849. Марта 28 <16>. Среда. Лаваль.***

ОКТЯБРЯ 1 <СЕНТЯБРЯ 19>. ВТОРНИК. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет ответное письмо[1] Н. М. Языкову в Москву (судя по почтовому штемпелю[2], письмо было отправлено из Франкфурта через день, 3 октября[3]):

«Уведомля<ю> тебя, что наконец книги получены, если не ошибаюсь, из Любека[4], именно следующие: Добротолюбие[5] и Иннокентий[6]. Хотя они и не пришли в то время, когда душа сильно жаждала чтенья и было для него почти год досуга, но тем не менее я им очень обрадовался. Море по-видимому несколько помогло. Еще только что приехал сюда. Устроиваюсь и готовлюсь приняться за дело. Ко мне из Москвы никто не пишет. Скажи Шевыреву, чтобы он объявил в Москвитянине, что мне крайне было неприятно узнать, что без моего спросу и позволения в каком-то харьковском повременном издании[7] приложили мой портрет и какие-то facsimile записки или тому подобное. Чтобы он объявил, что подобным мошенничеством не занимались прежде книгопродавцы, каким ныне занимаются литераторы. Я несколько раз отказывал книгопродавцам на их предложение награвировать мой портрет, кроме того, что мне не хоте<лось> этого, я имел еще на то свои причины, для меня слишком важные. И уж ежели бы пришлось мне позволить гравировку портрета, то, вероятно, это бы сделано было только для Москвитянина, а не для другого какого-либо издания, и притом мне даже вовсе неизвестного. Попроси также Погодина, чтобы он написал письмо к Бецкому в Харьков, он его кажется знает, с запросом, каким образом и какими путями портрет мой зашел к нему в руки»[8].

[1] См. ***1844. Августа 20 <сентября 1>. Воскресенье. Москва.***
[2] См.: *Городецкий*. С. 472.
[3] См. ***1844. Октября 3 <сентября 21>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***
[4] См. ***1844. Августа 20 <сентября 1>. Воскресенье. Москва.***
[5] См. ***1844. Мая 16 <4>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Франкфурт-на-Майне.***
[6] См. ***1844. Апреля 2 <марта 21>. Великий вторник. Дармштадт.***
[7] См. ***1844. Июня около 20 <8>. Баден-Баден.*** – См. также ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).
[8] Портрет Гоголя работы К. П. Мазера 1840 г. (литография с которого была воспроизведена в альманахе Бецкого) с весны 1840 г. хранился, по-видимому, у Погодиных (см. ***1840. Февраля 9 – мая 18. Москва***). Бецкий был воспитанником Погодина (см. ***1840. Марта 11. Понедельник. Харьков***).

ОКТЯБРЯ 1 <СЕНТЯБРЯ 19>. ВТОРНИК. РЮДЕСГЕЙМ (РЮДЕСХАЙМ, RUDESHEIM)

Графиня Анна М. Виельгорская пишет Гоголю во Франкфурт:

«...Приезжайте поскорее к нам. <...> ...Ваше присутствие здесь нужно. Рюдесгейм не подлец, как Остенде. Виды хороши, et il y a beaucoup de ressources pour la promenade[1]. Мне здесь очень нравится и я, слава Богу, в самом хорошем расположении духа. Маменькой[2] я также довольна; она весела и здорова. Одним словом, я всем довольна, кроме <как> Вами, потому что не можете решиться оставить Франкфурт. Маменька кланяется вам сердечно и удивляется вашему молчанию. Прощайте, прощайте! привезите себя самого в ответ».

[1] И есть много возможностей для прогулок (*фр.*).
[2] Графиня Л. К. Виельгорская.

ОКТЯБРЯ 2 <СЕНТЯБРЯ 20>. СРЕДА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет ответное[1] письмо к графине Анне М. Виельгорской в Рюдесгейм:

«На прекраснейшее письмецо ваше, благоуханнейшая моя Анна Миха<й>ловна, имею честь ответствовать то, что за разными разностями и всякими житейскими суетами и отребиями не собрался я в дорогу вслед за письмом вашим, а вместо того намерен показать вам свою физиономию в субботу[2], в тот час, в который приходит пароход, отправляющийся в 8 часов из Майнца. Для уснащения же моей физиономии и для придания ей большего вкусу приложится к ней физиогномия Жуковского, если только он не обманет. <...> Не сердитесь на скверную погоду, которая настала.

Ну лучше рассмейтесь [показавши ей язык], а приятелю нашему, который в это время любит выставлять свои рожки и зазывать людей к хандре, скажите дурака»[3].

[1] См. ***1844. Октября 1 <сентября 19>. Вторник. Рюдесгейм (Рюдесхайм, Rudesheim)***.
[2] См. ***1844. Октября 5 <сентября 23>. Суббота. Франкфурт-на-Майне; Рюдесгейм (Рюдесхайм)***.
[3] См. также ***1844. Мая 16 <4>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Франкфурт-на-Майне***.

ОКТЯБРЯ 3 <СЕНТЯБРЯ 21>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь отправляет в Москву письмо к Н. М. Языкову (написанное 1 октября[1]), а также письмо к С. П. Шевыреву[2]:

«Вот <уже почти> полгода, как я не получал известий ни от тебя, ни от Аксакова. Почти два года я не имел никаких известий о Прокоповиче. На два или три письма <я не> получил никакого ответа. Писал <о нем Пле>тневу[3], поручал узнать другим[4] тоже <, но нет> известия и ответа[5]. Жив <он или> его нет на свете, разведай ради <Бога и напиши мне>. Послал ли он тебе экзем<пляры[6]? Я писал ему> полтора года тому назад[7], что<бы он выслал тебе> тысячу экземпляров сверх <уже продан>ных. Если накопились деньги, <вышли мне, по>тому что я давно в них нуждаюсь. <На днях п>риехал из Остенде, где долго <купался в мор>е. Недугу моему, кажется, лучше, <но писать е>ще не могу и не велят. <...> Адресуй <на имя> Жуковского, приб<авляя после> Франкфурт на Майне следу<ющее:> Salzwedelsgarten vor <dem> Schaumeinthor».

[1] См. ***1844. Октября 1 <сентября 19>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***.
[2] Дата отправления письма к Шевыреву, отсутствующая в подлиннике, устанавливается по упоминанию этого послания в письме к Н. М. Языкову от 26 октября (н. ст.) 1844 г.: «Спроси у Шевырева, получил ли он письмо мое от 3 октября...» (см. ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***).
[3] См. ***1843. Октября 6 <сентября 24>. Пятница. Дюссельдорф***.
[4] П. В. Анненкову (см. ***1844. Февраля 10 <января 29>. Суббота. Ницца***).
[5] См. ***1844. Мая 10 <апреля 28>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***.
[6] Собрания сочинений в четырех томах.
[7] Письмо не сохранилось (ср. ***1843. Марта 18 <30>. Четверг. Санкт-Петербург***). С повторной просьбой Гоголь обратился к Прокоповичу 17 апреля (н. ст.) 1843 г. (см. ***1843. Апреля 17 <5>. Великий понедельник. Рим***).

СЕНТЯБРЯ 22 <ОКТЯБРЯ 4>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре[1]; в роли Городничего – М. С. Щепкин[2].

[1] См. ***1844. Сентября 13 <25>. Среда. Санкт-Петербург***.
[2] *Гриц*. С. 329.

ОКТЯБРЯ 5 <СЕНТЯБРЯ 23>. СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ; РЮДЕСГЕЙМ (РЮДЕСХАЙМ)

Гоголь вместе с В. А. Жуковским прибыл в Рюдесгейм к графиням Л. К. и Анне М. Виельгорским[1].

Вместе с Виельгорскими в Рюдесгейме жили племянницы Л. К. Виельгорской – А. Лазарева, с мужем, и графиня Л. Гогенталь (Hohenthal)[2].

[1] См. ***1844. Октября 2 <сентября 20>. Среда. Франкфурт-на-Майне***.
[2] См. ***1844. Октября 16 <4>. Среда. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

СЕНТЯБРЯ 23 <ОКТЯБРЯ 5>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова пишет ответное[1] письмо Гоголю (письмо было отправлено во Франкфурт позднее, 26 сентября / 8 октября 1844 г.[2]):

«Вчера получила я ваше письмо[3] в 12 часов, а в два часа явилась ко мне прелестная Софья Михайловна[4] с Аполлиной Михайловной[5]. Я ваше письмо[6] вручила Аполлине тут же. На пароходе страдали они много... <...> Даже и Софья Михайловна роптала. Мы встретились как нельзя нежнее. Я точно в ней вижу доброго ангела, или, лучше сказать, беспрестанный, мне нужный более, чем кому-либо, живой упрек. Глядя на ее прекрасное, кроткое лицо, вспоминаются мне ваши братские советы, за которые благодарю и которых убедительно прошу почаще. Никто так не способен увлекаться и хорошим, и прекрасным, и самым гадким, и подлым, как я. *Я немного похожа также на вашего осла, который морду всюду засовывает, хотя, кажется, и в колее.* Я готова сделать все возможное для Софьи Михайловны, но вы на меня много налагаете».

[1] См. ***1844. Сентября 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***
[2] См. ***1844. Сентября 26 <октября 8>. Вторник. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1844. Сентября 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***
[4] Графиня Соллогуб (рожд. графиня Виельгорская).
[5] Старшая дочь Мих. Ю. и Л. К. Виельгорских Аполлинария Михайловна, в замужестве Веневитинова.
[6] Письмо к А. М. Веневитиновой не сохранилось (см. ***1844. Сентября 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***).

СЕНТЯБРЯ 25 <ОКТЯБРЯ 7>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Сент<ября> 25. Игроки. Играна сентября 25 чис<ла>, октября 16[1] и 23[2] чисел. Роль Утешительного играл г. Щепкин. В пользу дирекции. Играны 3 раза. Зрит<елей> до 4200».

Обозрение новых русских спектаклей в прошедшем 1844 году // Репертуар и Пантеон. Театральное обозрение, издаваемое В. Межевичем и И. Песоцким. 1845. Кн. 4 (цензурное разрешение 30 марта). С. 266–267; см. также: *Гриц*. С. 330.

[1] См. ***1844. Октября 16 <28>. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1844. Октября 23 <ноября 4>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЯ 25 <ОКТЯБРЯ 7>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ЕКАТЕРИНОСЛАВЛЬ

«В 1844 году труппа г. <К. М.> Зелинского, прибывшая в наш город, <...> дала пятьдесят девять представлений, в следующем порядке: <...> Сентября <...>25. Женитьба; Гусарская стоянка; Путаница».

Театр в Екатеринославле // Репертуар и Пантеон. Театральное обозрение, издаваемое В. Межевичем и И. Песоцким. 1845. Кн. 5. <Отд. 2>. С. 92.

СЕНТЯБРЯ 26 <ОКТЯБРЯ 8>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова отправляет Гоголю во Франкфурт ответное[1] письмо, начатое 9/21 сентября 1844 г.[2]:

«Перовского я не вижу по разным причинам, о которых вы узнаете со временем[3]; но Ханыков мне рассказывал весьма огорчительные вещи о нем. Вообразите, что прекрасное религиозное чувство, которое родилось в нем, заглохло в обществе, в котором он живет. Меж тем он опять в хандре. Ханыков, кажется, убедился в невозможности перемены нравственной, если он не выедет отсюда хоть в уездный город для перемены жизни. Меж тем гувернер Алеши, друг и приятель моей неоцененной Овербек, говорил ей: "le général a vécu cette année d'une manière qui est au dessous de lui"[4]. Он унывал и отчаивался. Вообразите, до чего доходит его слабость: Грена ему сказал, что общество детей *** опасно для Алеши, и решительно отказался водить туда ребенка, его туда водят по воскресным дням, когда гувернер Грена ходит со двора. После этого уже мне остается молчать, — тем более, что я писала к Василию Алексеевичу[5] и он мне не отвечал, а прислал с ответом, весьма нелепым, Яшку. Вам все-таки надобно писать Перовскому иногда, как будто не зная всего этого, и нападать особенно на воспитание Алеши.

Нашу милую Софью Михайловну[6] я видела всего один раз; третьего дня была у нее, и не застала ее дома. Знаю, что на другой день ее приезда Сологуб проводил весь вечер у Одоевского. Оно хоть и невинно, но подло и пошло и удивило хозяев и гостей. Он жил два дня у Самарина, и тот питает к нему немалое презрение.

Графиню Растопчину вижу часто, — почти ежедневно. Ее сердце — как мягкий хлеб. Меня ужасает то, что, тому назад два года, я точно также чувствовала и говорила; я стараюсь только переменить образ воспитания ее детей[7]. Их лучше уже держать в детской с доброй няней. Их Бог, впрочем, сохранил еще прекрасными, но Овербек не желает частого сношения с ними для моих. Я их лучше буду сводить с Дашковыми[8], от которых пахнет ангельскою чистотою.

Вообразите, что на меня со всех сторон нападают даже и за **[9], подсылают с упреками и уверяют меня, что я должна ее взять. Растопчина мне говорит, что даже Карамзины ей сознались, что она меня там бранила, но это бы меня не остановило ее взять; Овербек теперь меня убедительно просит ее не брать. Я плюну на всех и не возьму ее к себе. Хотя мне ее и жаль и ей точно там тяжко, но сама виновата — пусть и терпит.

На счет того, что говорят о моем поведении, я вовсе не забочусь, потому что чувствую себя в этом отношении безгрешною — теперь, разумеется, в светском отношении, потому что душа им закрыта, а перед Богом долго душа еще не выбелится.

*** в Москве с супругою. Она выкинула. Впрочем, я его не боюсь, не желаю видеть и не буду искать видеть. Я чувствую себя совершенно равнодушною к нему[10] и *без сердца* вспоминаю все его гадости... Впрочем, говорят, что он очень улучшил свой *характер* и жену очень любит. Этому надобно порадоваться по-христиански. <...>

Мы не раз за вас и о вас спорили. Я таки вас и побраню, и огорчу, но это нужно. Спуститесь-ка вы в глубину вашей души и спросите ее: точно ли вы в душе русский, или вы хохлик? Вот о чем у нас шла речь с очень умным человеком[11].

Плетнев вам кланяется и он на вас досадует. Но это все вперед будет, а теперь да хранит вас Бог и убережет от всякого греха, а более всех *от гордости*. Матвей Юрьевич[12] уже приехал вчера. Они вас очень, очень любят, любят как умеют любить Виельгорские. Читали ли вы Самарина "Феофана"[13]? Он вас обожает, хотя вы с ним были неучтивы. Василию Андреевичу[14] нежный поклон, также и милой жене его. Как вы там? Пусть он мне пишет. Во Франкфурте без Марченки[15] должно быть пусто и скучно. Ему Петербург показался противным; но вечером он забрался в театр, Воронцова[16] ему протянула руку, и он примирился с Россиею. Сологуб мне выплатил долг — верно, из кармана Виельгорских. <...> Аркадий[17] вам будет писать. <...> Василий Алексеевич был в Гатчине и его упросили остаться на службе. Адрес дайте свой. Если нужны вам деньги, напишите нам».

[1] См. ***1844. Сентября 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1844. Сентября 9 <21>. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1844. Сентября 13 <25>. Среда. Санкт-Петербург***; ***1844. Сентября 23 <октября 5>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[3] Ср. ***1844. Ноября 26 <декабря 8>. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания).

[4] Генерал жил в этом году недостойно его (*фр.*).

[5] Перовскому.

[6] Соллогуб.

[7] Ольга (1837–1897), Лидия (1838–1915), Виктор (1839–1879).

[8] Анна (1831–1858), Дмитрий (1833–1901), Андрей (1834–1904) Дмитриевичи Дашковы. «Дети вдовы статс-секретаря Дашкова. Дашкова (рожденная Пашкова), очень добрая женщина, была в Риме в 1843 г. <см. ***1843. Января 26 <14>. Четверг. Рим***>» (примечание О. Н. Смирновой; см.: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 7. С. 58).

[9] Родственница Смирновой, вероятно, двоюродная сестра (см. ***1844. Октября 24 <12>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***).

[10] Лицо неустановленное. См. также ***1844. Ноября 26 <декабря 8>. Воскресенье. Санкт-Петербург***.

[11] Вероятно, имеется в виду Ф. И. Тютчев (ср. ***1844. Ноября 3 <15>. Пятница. Санкт-Петербург***).

[12] Граф Виельгорский.

[13] См. ***1844. Сентября 10 <22>. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания).

[14] Жуковскому.

[15] «<С. П.> Марченко – из хохлов, любил the fashion и был женат на <Е. П.> Убри, дочери нашего посла во Франкфурте <П. Я. Убри>. Он был очень прост, а с семейством Убри моя мать была очень дружна: они были милейшие люди. Мать Марченки была последняя из рода Шуйских» (примечание О. Н. Смирновой; см.: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 7. С. 59).

[16] «Графиня <А. К.> Воронцова-Дашкова» (примечание О. Н. Смирновой; см.: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 7. С. 59).

[17] Ар. О. Россет, брат Смирновой.

СЕНТЯБРЯ 27 <ОКТЯБРЯ 9>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В Александринском театре в бенефис М. С. Щепкина поставлена «Тяжба»[1]; Щепкин исполнял роль Бурдюкова[2].

«*Мария Стюарт*, трагедия в 5-ти действиях, соч. *Шиллера*. – *Тяжба*. Комическая сцена *Н. Гоголя*. – *Рассказ Горлопанова из комедии "Женихи, или Век живи, век учись"*. – *Москаль Чаривник*, малороссийская опера в 1-м действии, сочинение *И. П. Котляревского. (Бенефис г-на Щепкина, 27 сентября.)* <...> В бенефис Щепкина, несмотря на значительное повышение цен на места, театр был полнехонек. <...> А между тем, за исключением *Тяжбы* Гоголя, какая все старина была объявлена на афише! <...> Небольшой отрывок Гоголя *Тяжба* разыгран был Щепкиным и Мартыновым удивительно; первый представил тип степного помещика, обрисовав его в одной сцене с изумительною верностию; второй явился в полной мере петербургским чиновником. После коротенького антракта перед нами явился тоже степной помещик, но в другой форме, явился страстный псовый охотник, который только и бредит своими собаками, только и говорит, что о лисицах и о зайцах. Щепкин произнес один небольшой монолог, но с каким одушевлением, с каким огнем! Невольно подумаете, что этот человек всю жизнь свою провел на псовой охоте, предался ей со всею страстию, со всею пылкостию души: так он был натурален, верен изображаемому лицу, так слился с ним своею собственною натурою»[3].

«Сент<ября> 27. Тяжба. Комические сцены Гоголя. Играна сентября 27 и 29 чис<е>л[4]. Роль Бурдюкова играл г. Щепкин. Бен<ефис> г-на Щепкина. Играна 2 раза. Полууспех»[5].

В этот же день П. А. Плетнев, посылая Я. К. Гроту в Гельсингфорс «четырехдневный журнал» своих дневниковых записей, сообщал:

«*Воскресенье (24 сентября).* <...> После отправился я к жене Соллогуба <Софье Михайловне, рожд. графине Виельгорской>, возвратившейся из-за границы. Там видел ее свекровь <графиню С. М. Соллогуб (рожд. Архарову)>, сестру (Аполину <графиню Ап. М. Виельгорскую, в замужестве Веневитинову>) и мужа <графа В. А. Соллогуба>, которого Гоголь сравнивает с о<слом>[6], идущим иногда и своею дорогою, но запускающим р<ылом> во всякий мимопроезжающий воз. <...>

Вторник (26 сентября). <...> Я повернул к Смирновой, где было очень интересно, ибо она мне много рассказывала о жизни своей за границею, о Гоголе[7], о Жуковских и проч.»[8]

[1] *Ельницкая 1978.* С. 324.

[2] *Гриц.* С. 331.

[3] Театральная летопись. Петербургские театры. Александринский театр // Репертуар и Пантеон. 1844. Кн. 10 (цензурное разрешение 3 окт.). С. 36.

[4] См. также ***1844. Сентября 29 <октября 11>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[5] Обозрение новых русских спектаклей в прошедшем 1844 году // Репертуар и Пантеон. Театральное обозрение, издаваемое В. Межевичем и И. Песоцким. 1845. Кн. 4 (цензурное разрешение 30 марта). С. 266–267.

[6] В письме к А. О. Смирновой от 24 сентября (н. ст.) 1844 г. (см. ***1844. Сентября 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***). Вероятно, Смирнова познакомила Плетнева с письмом Гоголя при встрече 26 сентября 1844 г.

[7] В тот же день, 26 сентября 1844 г., Смирнова извещала Гоголя: «Плетнев вам кланяется и он на вас досадует». – См. также ***1844. Октября 24 <12>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Октября 27 <ноября 8>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[8] *Свод.* Т. 1. С. 668.

СЕНТЯБРЯ 29 <ОКТЯБРЯ 11>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Второе представление «Тяжбы» в Александринском театре[1]; в роли Бурдюкова – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 324. – См. также ***1844. Сентября 27 <октября 9>. Среда. Санкт-Петербург.***

[2] *Гриц.* С. 332.

ОКТЯБРЯ 12 <СЕНТЯБРЯ 30>. СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет графиням Л. К. и Анне М. Виельгорским в Рюдесгейм:

«Я от вас что-то давно не получал писем. От Мих<аила> Мих<айловича> получил на днях небольшое письмецо с уведомлением, что книги он шлет мне с Кругликовым[1], который будет на днях во Франкфурт. Плащ я послал по почте в Берлин, присоединив к нему дуеты Мих<аила> Юр<ьевича>[2] для отправления всего этого из Берлина при первой возможности, которую сыщет Михал Миха<й>лович.

Письмо ваше, посланное с французом, пришло наконец ко мне, но слишком поздно и в распечатанном виде. На беду завелся здесь какой-то другой Гоголь, который распечатывает все мои письма... <...> Уведомьте меня, как продолжается *житие*[3], занятия и гулянья ваши в Рюдесгейме и умеете ли вы предаваться всему без излишества, т. е.: не доводя гуляний до усталости, а сидения на месте до охлаждения ног, и получили ли вы наконец известия из Петербурга[4]. <...> Жуковский кланяется».

[1] Граф Иван Гаврилович Чернышев-Кругликов (1787–1847), женатый на сестре декабриста З. Г. Чернышева: общий знакомый Гоголя и Вьельгорских. Познакомившись с Чернышевым-Кругликовым в первой половине 1830-х гг. (см. ***1834. Декабря 10. Понедельник. Санкт-Петербург***), Гоголь встречался с четой Чернышевых-Кругликовых во Франкфурте в 1844 г. (см. ***1844. Октября 16 <4>. Среда. Франкфурт-на-Майне***) и в Риме в 1846 г. (см. ***1846. Января 27 <15>. Вторник. Рим***).

[2] Муж Л. К. Виельгорской.

[3] Намек на оставленное Виельгорским гоголевское «Правило жития в мире» (см. ***1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца***).

[4] Известия от графини С. М. Соллогуб, выехавшей в конце сентября на родину (см. ***1844. Сентября 27 <15>. Пятница. Берлин***; ***1844. Октября 16 <4>. Среда. Рюдесгейм***).

ОКТЯБРЯ 12 <СЕНТЯБРЯ 30>. СУББОТА. ПАРИЖ

А. И. Тургенев пишет В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Скажи Гоголю, что читаю "Москвитянина" три №№ сего года[1]. *Божок* Шевырев все умничает, особливо во *введении* к истории русской словесности, часто смешон философским важничанием и бессмыслицею, но есть и дельное в фактах»[2].

Первые пять лекций С. П. Шевырева по истории древнерусской литературы были опубликованы в 1844 г. в № 1–4, 8 «Москвитянина»[3]. Позднее лекции С. П. Шевырева вышли отдельным изданием[4]. По словам А. С. Хомякова в письме к Ю. Ф. Самарину от 6 апреля 1846 г., святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский, благословил Шевырева за «Историю русской словесности...» образом[5]. Гоголь также высоко отзывался об этой книге и рекомендовал ее для чтения своим сестрам и графине Анне М. Виельгорской[6].

[1] См. также ***1844. Октября 24 <12>. Четверг. Париж.***

[2] Из писем А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 91.

[3] *Шевырев С.* Введение в историю русской словесности. Чтение первое // Москвитянин. 1844. № 1 (цензурное разрешение 28 дек. 1844). Отд. 2. С. 219–239; *Шевырев С.* Введение в историю русской словесности. Чтение второе // Москвитянин. 1844. № 2 (цензурное разрешение 10 февр.). С. 534–559; *Шевырев С.* Введение в историю русской словесности. Чтение третье // Москвитянин. 1844. № 3 (цензурное разрешение 6 марта). С. 118–139; *Шевырев С.* Введение в историю русской словесности. Чтение четвертое // Москвитянин. 1844. № 4 (цензурное разрешение 11 апр.). С. 305–324; *Шевырев С.* Введение в историю русской словесности. Чтение пятое // Москвитянин. 1844. № 8 (цензурное разрешение 7 августа). С. 285–317.

[4] История Русской Словесности, преимущественно древней. XXXIII публичные лекции *Степана Шевырева,* О<рдинарного> Профессора Московского Университета. М., 1846. Т. I. Ч. 1 (лекции 1–5; цензурное разрешение 19 марта); Т. I. Ч. 2 (лекции 6–10; цензурное разрешение 1 авг.). (Эти тома охватывали период от XI до первой четверти XIII в.) Тома 3 и 4, с названием «История Русской Словесности» (период от XIII до начала XVI в.) были изданы в 1858–1860 гг. В 1862 г. вышел курс «История русской литературы» С. П. Шевырева и Д. Рубини на итальянском языке (*Sceviref S., Rubini G.* Storia della letteratura Russa. Firenze, 1862). Посмертно были напечатаны парижские лекции Шевырева, посвященные древней и новой русской литературе: *Шевырев С. П.* Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году. СПб., 1884. Кроме того, после смерти Гоголя в 1852 г. Шевырев предполагал написать его биографию. Труд этот был только начат (см. ***1852. Апреля 2. Среда Светлой седмицы. Москва***). – См. также ***1844. Ноября 15 <27>. Среда. Москва.***

[5] См.: *Аксаков И. С.* Письма А. С. Хомякова к Ю. Ф. Самарину // Русский Архив. 1879. № 11. С. 324.

[6] См. ***1846. Августа 21 <сентября 2>. Среда. Москва***; ***1847. Декабря 18 <6>. Суббота. Неаполь***; ***1848. Апреля 16. Суббота. Москва.*** – См. также коммент. в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 6. С. 565.

СЕНТЯБРЯ 30 <ОКТЯБРЯ 12>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова на вечере у Одоевских знакомится с М. С. Щепкиным.

7 октября 1844 г. Плетнев сообщал Я. К. Гроту: «*Журнал последних дней. Суббота (30 сентября).* <...> Вечером <...> к Одоевским. Там были и дамы: кокетка Растопчина, Смирнова, Путята и проч. Был Щепкин и Тютчев, автор стихотворений из Германии. Он дипломат: страждет, кажется, честолюбием, не любит более поэзии, а Сол<л>огуб уверяет, что ныне искусство только тогда себя достойно, когда возвышено, как у Сю, до ремесла. Вот люди».

Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 327.

ОКТЯБРЯ ОКОЛО 12 <СЕНТЯБРЯ ОКОЛО 30>. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь получает из Берлина отправленные ему Н. М. Языковым из Москвы[1] книги: «четыре книжки Святых Отцов»[2], 1843 г. издания[3].

[1] См. ***1844. Августа 20 <сентября 1>. Воскресенье. Москва.***
[2] См. ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***
[3] Вероятно, первые два тома творений св. Григория Богослова и две книги (из четырех за 1843 г.) «Прибавлений к Творениям святых Отцов» (см. ***1844. Февраля 15 <3>. Четверг. Ницца*** – примечания; ***1844. Февраля 27 <марта 10>. Воскресенье. Москва***; ***1845. Января 17 <29>. Среда. Москва***). – См. ***1844. Ноября 12 <октября 31>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

ОКТЯБРЯ 2 <14>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет № 10 «Отечественных Записок» за 1844 г., в котором была напечатан обзор В. Г. Белинского «Русский театр в Петербурге».

Белинский писал: «Лучше и важнее всех <...> тетральных новостей временное появление на петербургской сцене московского артиста М. С. Щепкина. Публика толпами сбирается смотреть его игру, и театр всегда полон. <...> Публика Алексанрынского Театра, благодаря Щепкину, наконец, взяла в толк, что “Женитьба” Гоголя – не грубый фарс, а исполненная истины и художественно воспроизведенная картина нравов петербургского общества средней руки. <...> “Горе от ума” давалось три раза, “Ревизор” два раза, “Игроки” Гоголя один раз».

<*Белинский В. Г.*> Русский театр в Петербурге // Отечественные Записки. 1844. № 10 (цензурное разрешение 30 сент.). Отд. 8. С. 99.

ОКТЯБРЯ 3 <15>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев на вечере у князя П. А. Вяземского слушает «Тарантас» графа В. А. Соллогуба[1].

7 октября 1844 г. Плетнев сообщал Я. К. Гроту: «*Вторник (3 октября).* <...> На вечер зван был к Вяземскому, где еще были: Сологуб, Тютчев, Растопчин, Веневитинов, Одоевский, Соболевский. Первый читал свой “Тарантас”. Это недурно. Но странно, что все новые, Гоголь, Одоевский и Сологуб, стремясь превознести достоинство русского народа, ни о чем не рассказывают, кроме его глупостей и мерзостей»[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 324.
[2] *Свод.* Т. 1. С. 668.

ОКТЯБРЯ 16 <4>. СРЕДА. РЮДЕСГЕЙМ

Графиня Анна М. Виельгорская пишет Гоголю ответное[1] письмо во Франкфурт:

«Наконец мы получили письмо от Софьи Михайловны[2] из Петербурга... <...> Муж[3] ожидал ее в Кронштадте и принял ее с большой нежностию. <...> ...На другой день <...> в восемь часов были в Петербурге. Софья отправилась о мужем в церковь, а маленькую[4] послала вперед к Аполлине Михайловне[5]. Софья нашла сестру совершенно здоровою, а маленького прелестным. <...> Графиню[6] она еще не увидела, но из письма видно, что она весела и довольна. <...> Смирнову она уже успела увидеть. Теперь прощайте, будет с вас; я вам сообщила все нужное, и я нахожу, что мое письмо удивительно длинно по моим познаниям русского языка. <...> ...Мы собираемся в Висбаден к обедне... <...> Маменька[7] сердечно вам кланяется и Жуковскому также».

[1] См. ***1844. Октября 12 <сентября 30>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***.
[2] Графиня Соллогуб (рожденная Виельгорская), сестра Анны М. Виельгорской.
[3] Граф В. А. Соллогуб.
[4] Дочь В. А. и С. М. Соллогубов Софья.
[5] Веневитинова, сестра С. М. Соллогуб и Анны М. Виельгорской.
[6] Графиня С. И. Соллогуб, мать В. А. Соллогуба.
[7] Графиня Л. К. Виельгорская.

ОКТЯБРЯ 16 <4>. СРЕДА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь отправляет ответное[1] письмо графине Анне М. Виельгорской в Рюдесгейм:

«Благодарю вас, благодатная Анна Миха<й>ловна, за ваше письмецо и за все подробности о приезде Софьи Миха<й>ловны. Письмо ваше написано со вкусом; вам смело можно начать продолжать ваш журнал по-русски, не нужно только долго останавливаться над словом и задумываться; что сначала не дается по-русски, то можно по-французски. Кругликовы[2] здесь обретаются три дня, завтра уезжают и жалеют, что не удалось с вами видеться. Уведомьте меня, как вы едете в Висбаден, с тем ли, чтобы оставить совсем Рюдесгейм, или возвратиться еще? Ибо вы сами знаете, что 20-е октября находится уже у нас на носу. А потому пожалуйста уведомьте меня[3] дня за два или за три, когда вы выезжаете и каким образом, в Майнц ли, или во Франкфурт, дабы я мог знать, как поступить с моей физьогномией, а по-русски личностью: тащить ли ее в Майнц, или оставить ее здесь. То и другое для меня всё равно и равномерно приятно и зависит совершенно от вас, но знать мне все-таки нужно вперед. Затем до свидания. Поцелуйте ручки вашей маминьки[4] и поклонитесь всей Рюдесгеймской семье, начиная от Лазаря Екимовича»[5].

[1] См. ***1844. Октября 16 <4>. Среда. Рюдесгейм***.
[2] Граф И. Г. Чернышев-Кругликов привез Гоголю книги от графа М. М. Виельгорского из Берлина (см. ***1844. Октября 12 <сентября 30>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***).
[3] См. ***1844. Октября 23 <11>. Среда. Рюдесгейм***.
[4] Графиня Л. К. Виельгорская (рожд. герцогиня Бирон).
[5] Л. Е. Лазарев (см. ***1843. Января 31 <19>. Вторник. Рим***), муж племянницы графини Л. К. Вьельгорской Антуанетты Лазаревой (рожд. герцогини Бирон). Кроме Лазаревых, в Рюдесгейме с Виельгорскими жила также графиня Луиза Гогенталь (рожд. герцогиня Бирон; 1808–1845), вторая племянница Л. К. Виельгорской, дочь ее брата герцога Густава Каликста Бирона (1780–1821). См. ***1844. Ноября 12 <октября 31>. Вторник. Париж***.

ОКТЯБРЯ 4 <16>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре[1]; в роли Бурдюкова — М. С. Щепкин[2].

[1] См. ***1844. Сентября 13 <25>. Среда. Санкт-Петербург.***
[2] *Гриц*. С. 332.

ОКТЯБРЯ 7 <19>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова отправляет Гоголю во Франкфурт письмо, начатое 1/13 октября 1844 г.:

«1 октября 1844 г. <Праздник Покрова Пресвятой Богородицы>.

Воскресенье, после обедни. <...> Чтобы себя оградить, по крайней мере, в воскресный день от всяких лишних разговоров, взглядов, пустых и иногда соблазнительных толков, я решаюсь прямо от обедни возвратиться домой, по утрам никуда не ездить и решительно никого не принимать, даже не заниматься счетами и прочими делами, а посвятить это утро на чтение сперва Евангелия и Апостолов, потом на размышление и, наконец, на чтение книги полезной, выключая, разумеется, совсем романы в этот день. <...> Удивительно, как я увлеклась скоро, быстро и как способна сбиться с толку и развратиться. Спасибо вам, у меня есть лекарство, но не всегда я в силах его употреблять, — так далеко заносит меня наш приятель. Теперь ничего еще подробного не хочу сказать, а на днях распутается одно дело и я вам перескажу все. Для этого надобно мне почаще повторять: "Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей"[1]. Сегодня шла обедня просто, без всякой торжественности, не смотря на праздник Покрова Богородицы. Мне это не понравилось. Во дворце все способы есть на торжественность, певчие удивительные, — зачем было им не пропеть концерт? Прошлое воскресенье[2] пели от Херувимской до причастия все концертное, по старой недавно найденной рукописи Березовского[3], который прежде Бортнянского[4] учился в Италии и был член Болонской академии. Эта музыка чуть ли не выше сикстинской, а выполнена так, что Италия и во сне этого не слыхала.

Двор все еще в Гатчине. Всех туда зовут, а меня нет[5]. Я и не сержусь, и не беспокоюсь; вас только извещаю, что я ничего не могла ни сказать, ни сделать[6]. <...>

7-го октября.

Что значит иногда слово! На днях сказал мне Самарин, что вы меня любить не можете, что я вашей дружбы недостойна, что во мне нет того элемента душевного, который мог бы нас сблизить, а что вы меня изучаете только[7], что я для вас предмет наблюдений, потому что вы артист. И я огорчилась, и я поверила этому, потому что должна была сознаться, что я точно недостойна вашей дружбы. А вы мне так нужны и так благодетельно на меня действовали и будете еще действовать! На днях прочла я следующие слова и тотчас вспомнила о вас: "Ayez beaucoup d'amis, qui vivent en paix avec vous; mais choisissez vous pour conseil un homme entre mille. — L'ami fidèle est un remède, qui procure la vie et limmortalité; et ceux qui craignent le Seigneur honorent cet ami"[8]. Ecclesiaste, ch. VI, v. 16. Мне стало грустно. Свет и люди гадки. Сегодня исполнилось сердце мое презрения к самой себе. О, Боже! и как могла не видеть то, что всем в глаза бросается!...

На счет того дела скажу, что все кончилось благополучно. Н<иколая> М<ихайловича>[9] жду со дня на день. Начала читать по-старому Année Spirituelle[10], Послания, Евангел<ие>, иногда и псалмы твержу. На днях возвратилось это скверное состояние ума, против которого вы мне предписали псалмы. И в правду сказать, вы меня видели с такой точки, что любить меня невозможно. Но не оставляйте меня своими советами».

[1] Пс. 50, 12.

[2] 24 сентября / 6 октября 1844 г.

[3] Максим Созонтович Березовский (1745–1777), русский композитор.

[4] Дмитрий Степанович Бортнянский (1751–1825), русский композитор.

[5] Ср. ***1844. Октября 29 <ноября 10>. Воскресенье. Гатчина.***

[6] «О деньгах для Н. В. Гоголя. В. А. Жуковский просил А<лександру> О<сиповну> ходатайствовать о Гоголе у государя» (примечание О. Н. Смирновой; см.: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 7. С. 60). — См. также ***1845. Января средина <января конец>. Санкт-Петербург.***

[7] Подробнее см.: ***1837. Июля около 15 — августа не позднее 27–28 <июля около 3 — августа не позднее 15–16>. Баден-Баден, Страсбург, Баден-Баден.***

[8] Имейте много друзей, живущих в мире с вами; но как советчика выберите себе одного из тысячи. — Верный друг — средство к жизни и бессмертию; те же, кто имеют страх Господень, почитают этого друга (*фр.*).

[9] Смирнов, муж Смирновой.

[10] См. ***1843. Июля 12 <июня 30>. Среда. Баден-Баден*** (примечания).

ОКТЯБРЯ 10 <22>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова пишет Гоголю во Франкфурт:

«В воскресенье[1] я вам не писала, потому что было представление у великой княгини Елены Павловны. Благодаря этой чести, прямо от обедни я туда отправилась, в Михайловский, и забыла Ев<ангелие> и Апост<ол>, которые читали. Сегодня я вам отправила книги[2] чрез герцога Лейхтенбергского. Он едет на Берлин; оставит их камердинер у Михаила Михайловича[3]. В одном пакете два тома Ефрема Сирина[4] и о любви Максима[5], а в другом две части первые Тихона Задонского[6] и записки Порошина о Павле Петровиче[7], весьма интересные. Издание чуть ли не все вышло даже; я вам посылаю свой экземпляр недочитанный. Вы их Жуку[8] сообщите. Тихона всего нельзя вдруг переслать. Два тома на днях пошлю чрез канцелярию Нессельроде[9], также и Макария о молитве[10]. Симеона, нового Богослова, нет в лавке. Хотите ли вы Остромирову Библию[11]? издание славное!

На днях рассказывали мне престранную историю. Она разошлась по всему городу, разумеется, не в высшем круге. О сей истории надобно бы поговорить с Наумовым[12], но он меня забыл совсем, не смотря на мою сильную просьбу навещать меня. Вот как хладнокровны наши попы! А мне он очень нужен. История вот в чем: говорят, что архиерей воронежский[13] был в Иерусалиме и слышал там, с прочими бывшими в церкви, голос с неба. Странно, что никакая газета об этом не говорила, и странно, что здесь это ходит как предание. Меж тем по рукам ходит здесь и молитва с примечаниями, сочиненная будто бы архиереем воронежским.

М о л и т в а

"О Иисусе Христе! молим Тя, святый Боже, святый крепкий, святый бессмертный, помилуй нас и весь мир Твой от всякой погибели, кровию Твоею дабы смыть грехи наши. О, Боже предвечный! яви милосердие Твое великое; молим Тя, прости ради пресвятой крови Твоей, ныне и присно и во веки веков. Аминь".

Замечание 1. Во время Божественной литургии в Иерусалиме[14] был слышен глас:
"Поражу весь мир несчастием".

Замечание 2. Кто сию молитву будет с верою читать хоть один раз в день, тот будет избавлен от всякого зла и бедствия.

Замечание 3. Имеющий сию молитву должен передать 9-ти человекам, но буде кто сие не исполнит, тот будет подвержен великим бедствиям.

Я переговорю об этом еще с священником и сообщу вам, что услышу. Прощайте. Пишите часто и много. Если нужны деньги, напишите, прошу вас очень. Ваша от души, все еще не белой, но страждущей своей чернотой».

[1] 8/20 октября 1844 г.

[2] Вероятно, книги были отправлены по просьбе Гоголя, с которой он обратился к Смирновой при расставании во Франкфурте 17 июля (н. ст.) 1844 г. (см. ***1844. Июля 17 <5>. Среда. Франкфурт-на-Майне***).

[3] Граф Виельгорский.

[4] Имеется в виду одно из изданий: Книга богоугодных трудов преподобнаго отца нашего Ефрема Сирина. М.: Синодальная типография, 1837. Т. 1–4; Книга богоугодных трудов преподобнаго отца нашего Ефрема Сирина. М.: Синодальная типография, 1840. Т. 1–4.

[5] Вероятно, имеется в виду издание: Святаго отца нашего Максима о любви. 3-е изд. М.: Синодальная типография, 1839. – См. также ***1845. Марта 1 <13>. Четверг. Санкт-Петербург***.

[6] «Сочинения преосвященного Тихона, епископа Воронежского и Елецкого» были изданы в Петербурге в 1825–1826 гг. в 15-ти частях. В 1836 г. в Москве полное издание его сочинений было предпринято Святейшим Синодом. Возможно, Смирнова имеет в виду синодальное издание, которое неоднократно переиздавалось.

[7] *Семена Порошина* Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича, Наследника Престолу Российского. СПб., 1844. – Семен

Андреевич Порошин (1741–1769), мемуарист, один из воспитателей цесаревича Павла Петровича, впоследствии Императора Павла I.

[8] В. А. Жуковский.

[9] Послать книги «чрез канцелярию Нессельроде» предложила Смирновой жена графа К. В. Нессельроде графиня М. В. Нессельроде (рожд. Гурьева) (см. ***1844. Августа 28 <сентября 9>. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1847 января 5 <1846 декабря 24>. Вторник. Рождественский сочельник. Неаполь***).

[10] Слово св. Макария Великого «О молитве» (третье из «Семи слов» преподобного).

[11] Имеется в виду «Остромирово Евангелие» (1056–1057), изданное впервые А. Х. Востоковым: Остромирово Евангелие, с приложением греческого текста Евангелий и грамматических объяснений. СПб., 1843.

[12] Протоиерей И. М. Наумов.

[13] Архиепископом Воронежским и Задонским в ту пору был святитель Антоний (Смирницкий; 1773–1846) память совершается 20 декабря (ст. ст.).

[14] См. также ***1844. Ноября 12 <октября 31>. Вторник. Париж.***

ОКТЯБРЯ 10 <22>. ВТОРНИК. МОСКВА

А. С. Хомяков пишет Ю. Ф. Самарину:

«Первая часть Валуево-Редкинской Библиотеки[1] для детей вышла. Пожалуйста, хвалите и распространяйте. Аксаков готовит туда статью: Князь Д. М. Пожарский[2]. Обещают Жуковского и Гоголя. На вас надеемся. Дело истинно доброе».

Гоголь в письмах А. С. Хомякова и его жены Е. М. Хомяковой (рожденной Языковой) // *Свод*. Т. 3. С. 196.

[1] Имеется в виду журнал Д. А. Валуева и П. Г. Редкина «Библиотека для Воспитания», выходивший в 1843–1846 гг.

[2] Замысел статьи остался нереализованным.

ОКТЯБРЯ 23 <11>. СРЕДА. РЮДЕСГЕЙМ

Графиня Л. К. Виельгорская за три дня до отъезда из Рюдесгейма в Париж пишет Гоголю ответное[1] письмо во Франкфурт:

«Имею честь донести вашему высокосовершенству, что все состоит благополучно в городе Рюдесгейме. Несмотря, однако ж, на прекрасную погоду и все прелести Rheingaid, мы наконец решились оставить наше мирное и счастливое уединение в субботу 26 октября после второго завтрака, отправиться вверх по Рейну на пароходе в Бибрих, сесть в омнибус, отправляющийся в Висбаден, остановиться в Nassauerhof на площади против Cursaal, возле театра, и ждать с нетерпением Николая Васильевича Гоголя. Воскресенье и понедельник[2] останемся в столичном городе Висбадене, а во вторник отправимся по железной дороге в Майнц, из Майнца пароходом вниз по Рейну в Кёльн, <по> железной дороге в Брюссель и так далее[3]. Если это не решительнее, яснее, положительнее всех философских умствований, то я соглашаюсь слыть д.... не только 3-го, но 1-го класса... Известия из Петербурга хороши и утешительны. Вы какое-то прекрасное письмо[4] написали Софи[5], а копию с оного не изволили мне прислать. Я думала иметь некоторое право на все произведения вашего пера, или, лучше сказать, вашей души. Влад<имир> Алекс<андрович>[6] весьма переменился в свою пользу, но здоровье его расстроено, вероятно вследствие неправильной жизни и душевного беспокойства. Беби[7] прелестна; Софи радуется; Аполлина[8] здравствует; все, я надеюсь, скоро переедут в наш дом, и жить будут под одной кровлею. <...> Нозенька[9], слава Богу, здорова, несмотря на температуру воздуха, а особливо наших комнат. Дружеский поклон нашему Жуковскому. Привезите, во-первых, самого себя, да кстати и "Мертвые Души". Надеюсь, вы все время проведете с нами в Майнце и везде, где мы будем. <...> Нозенька кланяется сердечно».

Очевидно, на приглашение Виельгорской Гоголь ответил отказом (письмо не сохранилось)[10].

[1] См. ***1844. Октября 16 <4>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***
[2] 15/27 и 16/28 октября 1844 г.
[3] В Париж (см. ***1844. Ноября 12 <октября 31>. Вторник. Париж***).
[4] См. ***1844. Сентября 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***
[5] Графиня С. М. Соллогуб (рожд. Виельгорская), дочь Л. К. Виельгорской.
[6] Граф Соллогуб, муж С. М. Соллогуб.
[7] Домашнее прозвище дочери В. А. и С. М. Соллогубов, Софьи.
[8] А. М. Веневитинова (рожд. графиня Виельгорская), дочь Л. К. Виельгорской.
[9] Графиня Анна М. Виельгорская, дочь Л. К. Виельгорской.
[10] Ср. ***1844. Ноября 7 <октября 26>. Четверг. Брюссель (?).***

ОКТЯБРЯ 11 <23>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев сообщает Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«Пришел знакомиться со мною Shaw[1], преподающий английский язык и английскую литературу в верхнем классе лицея. Он уже много русского перевел на английский язык и напечатал в лондонских журналах ("Басурмана" Лажечникова, что-то кавказское из Бестужева, "Тараса Бульбу" Гоголя, выбор из Пушкина)».

Свод. Т. 1. С. 668.

[1] Фома Иванович Шо (ум. в 1862), педагог, переводчик, автор английской грамматики.

ОКТЯБРЯ 24 <12>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь отправляет в Петербург ответное[1] послание к А. О. Смирновой, с вложением письма к П. А. Плетневу.

В письме к Смирновой Гоголь пишет: «Ваше миленькое письмецо мною получено. <...> Хандры не бойтесь. Помните, что в минуты уныния Бог к нам ближе, чем когда-либо, если только вы не позабудете позвать Его. Поверьте, что если бы вы сами не испытали уныния, то не могли бы и другому помочь в унынии. <...> ...У Соф<ьи> Миха<й>ловны[2] есть записочки, выбранные мною из разных мест против уныния[3]. Может быть, вы отыщете в них что-нибудь и для себя... <...> Напрасно вы сердитесь на Сологуба[4] за то, что он на другой день по приезде жены был на вечере у Одоевского. Тут еще нет ничего худого. <...> Не от обществ, но от совершенно дурных обществ, где картежи и прочее, следует приятелям отталкивать его. Но и тут не другими словами они могут оттолкнуть его, как в таком <роде>: не стыдно ли тебе, брат, имея все таланты для того, чтобы быть приятну в лучшем обществе, знаться чорт знаем с кем? Словом, на такой род людей магнетическую силу имеет слово *дурной* тон, которого они иногда боятся. Нужно, чтобы все его приятели, т. е. те, которые любят особенно Софью Миха<й>ловну, составляли бы, напротив, у него маленькие вечера и напрашивались бы к нему. <...>

Насчет вашей сестры[5] подумайте вот о чем: как облегчить ее участь там, *на ее месте*. Если вы успеете в том, что она, в смысле истинно христианского [во<спитания>] испытания, проведет один только год там, то это уже будет очень хорошо. А между тем в это время вы надумаетесь, что для нее сделать. Почему знать? может быть, Бог поможет вам так устроить ее советами истинно любовными, что после вам можно будет взять ее даже к себе, но этого вперед не обещайте. На публику не смотрите, помните, что она глядит на всё сверху, а во внутрь не заглядывает. Но не забывайте также и того, что с вами теперь будет легче ужиться другим, чем прежде, и что вы теперь больше можете иметь хорошего действия на других, чем прежде. Вы между прочим одного человека позабыли, на

которого прежде всех вам следует обратить внимание. Вы позабыли Николая Миха<й>ловича[6]. В нем есть много истинно доброго, а все недостатки его... но кто же другой может их так знать, как вы, вам знаком всякий уголок души его, кто же может оказать истинно братскую помощь ему как не вы? Будьте только терпеливы. Бог вам и здесь поможет. Избегайте этой ретивой прыти, которая бывает часто у женщин, которые хотели бы вдруг, прямо из солдатов произвести в генералы, позабыв, что есть и офицерские, и капитанские, и майорские чины, и что иногда весьма туго идет производство. <...> В конце вашего письма вы сказали мне, что побраните и даже огорчите... <...> Зачем же вы не побранили и огорчили меня, зачем отложили это до другого письма? Вы говорите: "Спуститесь в глубину души вашей и спросите, точно ли вы русский или хохлик"[7]. Но скажите мне, разве я святой, разве я могу увидеть все свои мерзости? Для этого-то и существует истинно братская любовь, истинно братская помощь, чтобы указывать нам наши мерзости и помогать нам избавляться от них. Зачем же вы не помогли мне, зачем же вы не указали их мне? <...> Упреки сами по себе уже составляют теперь потребность души моей... <...> Всё, что ни говорят о мне дурное, хотя бы самую нелепицу и видимую ложь, пишите всё, Бог поможет мне и во лжи отыскать правду, это уж мое дело. Не скрывайте от меня также и имени того, который обо мне говорил дурно. Будьте уверены, что не только не стану питать на него неудовольствия, но возблагодарю его потом как друга, если приведет случай когда встретиться. <...> В последнее время, когда я ни бывал в Петербурге или в Москве, я избегал всяких объяснений и скорее отталкивал от себя приятелей, чем привлекал. Мне нужен был душевный монастырь. Вам это теперь понятно, потому что мы сошлись с вами вследствие взаимной душевной нужды и помощи и потому имели случай хотя с некот<орых> сторон узнать <друг> друга, но они этого не могли понять. Из них, вы сами знаете, никто не воспитывается; стало быть, всякий поступок они могли истолковать по-своему. Отчуждение мое от них они приняли за нелюбовь и охлажденье, тогда как любовь моя возрастала. Да и не могло быть иначе, потому что я, слава Богу, их больше знаю, чем они меня. И если бы они вследствие общей превратности человеческой сделали бы, точно, что-нибудь дурное или изменились даже в характерах, я бы всё не изменился в любви и может Бог помог бы мне тогда-то именно и восчувствовать [небеснейшую] нежнейшую любовь, когда бы они очутились в крайности запятнать или погубить свою душу. <...> Дурно то, что вы очень пристрастны и что вероятно не раз меня хвалили, а потому все, зная, что вы некоторым образом держите мою сторону, не будут при вас говорить обо мне дурно. Проступок этот следует загладить. Мнения ваши обо мне должны быть всегда вот каковы: "Я никак не утверждаю, чтобы он был хорош, но в нем есть одно такое свойство, которого я не находила у других людей: это желание искреннее и сильное быть лучшим, чем он теперь есть, он один из всех тех людей, которых я знаю, примет всякое замечание, совет, упрек, от кого бы то ни было и как щекотливы бы они ни были, и умеет быть за это благодарным". <...> Вы меня все-таки больше знаете. Вы знаете, что я могу быть ближе всех других к гордости, знаете также, что проступков может быть у меня больше, чем у всех других, потому что я, как вам известно, соединил в себе две природы: *хохлика* и *русского*. Смотрите же! мы должны слишком заботиться друг о друге, слишком оберегать друг друга от всего порочного, чтобы потом, когда мы оба будем у Небесного нашего Родителя, броситься нам безукоризненно друг друг<у в> объятия и не попрекнуть бы, что на земле про<пу>стили что-нибудь сделать друг для друга».

Описание предполагаемой встречи «у Небесного нашего Родителя» перекликается с гоголевским наброском одной из заключительных сцен «Мертвых душ», представляющей обличение Богом на Страшном суде малодушных чиновников и управителей, «начавших служить» и потом (подобно одному из героев второго тома поэмы – Андрею Ивановичу Тентетникову) оставивших поприще:

«"Зачем же ты не вспомнил обо Мне, что Я на тебя гляжу, что Я [тебя] твой? Зачем же ты от людей, а не от Меня ожидал награды [и] вниманья и поощренья[8]? [Зачем ты не смущаясь] [Зачем не шел ты до конца, закрывши глаза на людей и смотря только] Какое бы тогда было тебе дело до то<го>, как издержит твои деньги земной помещик, когда у тебя Небесный Помещик[9]? [Если бы о<кончилось>] Кто знает, чем бы кончилось, если бы <ты> до конца дошел, не устрашившись? Ты бы удивил величием характ<ера>, [ты бы оставил] ты бы наконец взял верх и заставил изумиться; ты бы оставил имя, как вечный памятник доблести [чтобы] и добра [рыдали потом] и роняли бы ручьи слез потом <*1 нрзб.*> о тебе [и чувств<овали>] [почувств<овав> до<бро>] и как вихорь ты бы развевал в сердцах пламень добра".

Потупил голову устыдившийся управитель и не знал, куды ему деться. И [многие вслед за ним понурили головы] много вслед за ним чиновников и благородных, прекрасных людей [понурили], начавших служить и потом бросивших поприще, печально понурили головы».

Содержание отрывка истолковывается на основании автографа[10]. Прописная буква во фразе: «...что Я на тебя гляжу...», указывает на то, что слова эти произносятся Самим Богом, и это проясняет содержание отрывка[11], позволяя атрибутировать его как набросок к окончанию «Мертвых душ».

В написании отрывка Гоголь опирался на строки Откровения св. Иоанна Богослова, где говорится о равном наказании малодушных людей наряду с прочими грешниками: «И сказал Сидящий на престоле: <...> Побеждающий наследует все, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном. Страшливым же и неверным, и скверным, и убийцам <...> участь в озере, горящем огнем и серою...» (гл. 21, ст. 5, 7–8). 26 декабря (н. ст.) 1844 г. Гоголь, в частности, писал Н. М. Языкову: «...Упреки падают <...>: во-первых, на всех предавшихся страху, которым, уж если предаваться страху, то следовало бы предаться ему не по поводу каких-либо внешних событий, но взглянувши на самих себя, вперивши внутреннее око во глубину души своей, где предстанут им все погребенные ими способности души, которых не только не употребили в дело во славу Божью, но оплевали сами, попрали их и отлученьем их от дела дали ход волчцам и терниям покрыть никем не засеваемую ниву».

Толчком к созданию сцены послужил также Гоголю один из святоотеческих учительных приемов, заключающийся в том, что пастырь, напоминая в своей речи те или иные заповеди, начинает передавать их от первого лица — они исходят как бы из уст Самого Бога. Такие примеры Гоголь мог не раз встречать в статьях журнала «Христианское Чтение», из которых пополнял свое духовное образование в 1840-е гг. Очевидно, в наброске Гоголь попытался «заглянуть» в конец своей поэмы (тогда как другие главы последнего тома им еще не были написаны).

В заключение письма Гоголь писал Смирновой: «Я позабыл <сделать> вам не упрек, но вроде его. Мне кажется, что вы напрасно показываете мои письма, [то есть я говорю о письмах, которые] в Париже вы показали Тургеневу[12]. Из этого выходит что-то странное. Я получил нечто вроде комплимента за благородство чувств. Письма, особенно в роде этого, которое пишу к вам, должны оставаться между нами. При сем прилагаю вам письмо, которое вы должны отдать Плетневу и вытребовать от него ответ без всяких изворотов. А добрейшему Аркадию Осиповичу[13] поклон. Очень буду рад провести с ним будущую зиму в Риме. Нынешнюю же остаюсь во Франкфурте, а потому и адрес по-прежнему, ибо я остаюсь и живу по-прежнему в доме Жуковского, Sachsenhausen[14] или иначе: Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor».

Из письма к Плетневу: «Прибегаю к вам с двумя усиленными просьбами. Первая просьба: уведомьте меня, жив ли Прокопович. Вот уже более полтора года я не имею ни слуху ни духу о нем[15]. На два письма мои[16], в одном из которых я даже сильно попрекнул его в бесчувственности к положению другого (я вот уже год перебиваюсь без денег кое-как и наделал вновь долгов, из которых прежде в силу выбрался), не получил я никакого ответа. Ни отчета в делах, ни денег! <...> Вторая просьба; но прежде ее я вам должен сделать сильный упрек: вы поступили со мной, как светский человек, а не как друг. Вы мною были недовольны, отчасти я это заметил в бытность мою в Петербурге, отчасти узнал потом. Зачем же вы ни одного слова не сказали? <...> Хоть убей, я до сих пор не знаю, в каком виде носятся обо мне слухи. На все мои запросы я получал одни только намеки, всякий точно боится слово сказать... <...> И потому я вас теперь прошу одного только (и это будет моя вторая просьба): изложить в немногих словах сущность моих действий и моего поступка *не в том виде, в каком вы приняли сами их* (вы этого не сделаете, вам трудно победить свою собственную боязнь оскорбить щекотливые стороны человека, хотя вы имеете теперь дело с таким человеком, который этого особенно ищет, но вы этому не поверите, и потому я извиняю вперед ваш отказ). Но вы можете прямо объявить: *в каком виде мой поступок и действия дошли до слуха вашего,* не объясняя, что именно вы приняли из этого как достоверное и что отвергнули как невероятное».

[1] См. ***1844. Сентября 26 <октября 8>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] Графиня Соллогуб (рожд. графиня Виельгорская).

[3] См. ***1843 ноября 19 <7> — 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца***; ***1844. Марта 18 <6>. Понедельник. Ницца.***

[4] Граф В. А. Соллогуб, муж С. М. Соллогуб.

[5] Имеется в виду двоюродная сестра (см. ***1844. Сентября 26 <октября 8>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1846. Февраля 21 <марта 5>. Четверг. Калуга***; ***1851. Января 18. Четверг. Москва***).

[6] Муж Смирновой.

[7] См. также ***1851. Октября конец, до 30. Москва***. – Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Славянофильство русское, польское и украинское: Н. В. Гоголь, А. Мицкевич и О. М. Бодянский // Гоголь и славянский мир. Шестнадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва, 29 марта; Белград, 30 марта – 4 апреля 2016 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2016. С. 69–77; а также: *Виноградов И. А.* Церковное и народное слово в творческом наследии Гоголя // *Гоголь 2009–2010*. Т. 9. С. 767–787.

[8] Ср. со словами Муразова к Хлобуеву, сетующему на то, что он стал непригоден к службе: «Поверьте, что если <бы> вы взялись за должность свою таким образом, как бы в уверенности, что служите Тому, Кому вы молитесь, у вас бы появилась деятельность, и вас никто из людей не в силах <был бы> охладить» (ранняя редакция); «Возьмите какое ни на есть занятие, но возьмите как бы вы делали для Него, а не для людей» (позднейшая редакция). В «Авторской исповеди» Гоголь также писал, что брать должность или «место» следует «с тем именно <...> чтобы на нем исполнить долг таким образом, чтобы не стыдно было дать и за который дашь ответ Небу». Та же мысль высказана Гоголем и в «Развязке Ревизора» (1846): «Страшен тот ревизор, который ждет нас у дверей гроба». Замысел Гоголя проясняют также строки статьи *XV. Предметы для лирического поэта в нынешнее время* «Переписки с друзьями», адресованные Н. М. Языкову: «Разогни книгу Ветхого Завета, ты найдешь там каждое из нынешних событий, ясней как день увидишь, в чем оно преступило пред Богом, и так очевидно изображен над ним совершившийся Страшный суд Божий, что встрепенется настоящее».

[9] Фраза представляет собой как бы ответ на малодушные помыслы, приводящие к унынию и оставлению службы, которые были записаны Гоголем в отдельном наброске: «Почему ж никто не является подвижником правды, почему не стоит за добро общее, как за свое, почему не влюбился в это добро. Потому что руки отнимаются, видя, что все раскрадывают то добро, из-за которого он хлопочет, что все накопленное им достанется в жалованье первому дураку...» (см. ***1843. Октября 6 <сентября 24>. Пятница. Дюссельдорф*** – примечания). В заметке <Труд> Гоголь также писал: «...Трудись с той мыслью, что трудишься для Бога, а не <для> человека, и не смотри ни на какие неудачи, хоть бы все то, что ты наработал, и пропало, и не уродилось, побито было градом, – не унывай и снова принимайся за работу. Богу не нужно, чтобы ты выработал много денег на этом свете; деньги останутся здесь. Ему нужно, чтобы <ты> не был в праздности и работал. Потому, работая здесь, вырабатывает себе Царствие Небесное, особенно если работает с мыслью, что он работает Богу» (см. ***1849. Март. Москва***).

[10] *РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 43. Л. 2; *Виноградов 2000*. С. 293, 419; *Виноградов И. А.* Художник-христианин. Об изучении творчества Н. В. Гоголя // Филология и школа. Труды всероссийских научно-практических конференций «Филология и школа». М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 277. – См. также ***1845. В течение года*** (примечания).

[11] В соответствии с этим наблюдением и другие местоимения и слова отрывка, означающие Бога: «Я», «Мне», «Меня», «Небесный Помещик», – написанные в черновом автографе со строчных букв, – выделяются нами в этом наброске, по правилам современной орфографии, прописными буквами. (В черновых автографах Гоголя слова, которые традиционно принято писать с прописной буквы, порой встречаются написанными со строчной.)

[12] См. ***1844. Апреля 11 <марта 30>. Четверг. Париж***.

[13] Россет, брат А. О. Смирновой.

[14] Заксенгаузен (предместье Франкфурта-на-Майне) *(нем.)*.

[15] См. ***1843. Мая 28 <16>. Воскресенье. Мюнхен***. – Ср. также ***1844. Февраля 29 <марта 12>. Вторник. Санкт-Петербург***.

[16] Первое из упомянутых писем к Прокоповичу см.: ***1843. Сентября 24 <12>. Воскресенье. Дюссельдорф***. Второе письмо не сохранилось (см. ***1844. Мая 10 <апреля 28>. Пятница. Франкфурт-на-Майне*** – письмо к П. В. Анненкову).

ОКТЯБРЯ 24 <12>. ЧЕТВЕРГ. ПАРИЖ

А. И. Тургенев пишет В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Поклонись Гоголю и заставь его написать ко мне грамотку: я прочел 3 № <три номера> «Москвитянина»[1] и бесился на педанта[2] Шевырева: опять захвастал. Я уже отвечал не ему, а о нем».

Из писем А. И. Тургенева // *Свод*. Т. 3. С. 92.

[1] См. ***1844. Октября 12 <сентября 30>. Суббота. Париж.***
[2] См. ***1843. Января 1 <13>. Пятница. Праздник Обрезания Господня. Москва.***

ОКТЯБРЯ МЕЖДУ 1 И 26 <МЕЖДУ СЕНТЯБРЯ 19 И ОКТЯБРЯ 14>. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголя посетил И. Е. Бецкий и объяснялся с ним по поводу напечатания в альманахе «Молодик, на 1844 год» портрета Гоголя[1].

Визиту предшествовала записка Гоголя:

«Гоголь просит г. Бецкого пожаловать к нему, что в доме Жуковского, или ввечеру сегодня от 8 до 9, или завтра поутру от 7 до 12 часов»[2].

[1] См. ***1844. Октября 1 <сентября 19>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***
[2] Рукописи Н. В. Гоголя. Каталог. (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина.) / Сост. Г. Георгиевский и А. Ромодановская. М., 1940. С. 66.

ОКТЯБРЯ 26 <14>. СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет ответные[1] письма Н. М. Языкову и Н. Н. Шереметевой в Москву и послание А. А. Иванову в Рим.

Из письма к Языкову: «Письмо твое (числа не выставлено), при котором было приложено письмо от Н. Н. Шереметьевой, получил... <...> Меня все позабыли и кроме тебя я ни от кого, вот уже более полугода не получаю писем. Назад тому две недели, я получил из Берлина четыре книжки Святых Отцов[2]. Полагаю, что они от тебя, хотя и не знаю, кому ты их вручил, потому что мне переслал берлинский наш священник[3] с проезжавшим через Берлин соотечественником. Перевод очень хорош, жаль, что мало. Нельзя ли будет переслать продолжения, не во уважение моей заслуги, но во уважение твоей доброты, ей же несть пределов? Донесение твое о состоянии текущей литературы, при всей краткости, сколько верно, столько же, к сожалению, и неутешительно, но во-первых, так было всегда, а во-вторых, кто виноват? Это уж давно известно всем, что петербургские литераторы п<...>, а московские б<...>. Мнение твое о новом журнале, имеющем издаваться в Москве[4], как мне кажется, довольно основательно, хотя самого журнала еще нет. Я тоже думаю, что это будет что-то в роде Отеч<ественных> Записок. Недавно мне удалось наконец прочесть одно твое послание, именно послание к Вяземскому, напечатанное в Современнике[5]. Я заметил в нем особенную трезвость в слоге и довольно мужественное расположение, но всё еще повторяется в нем то же самое, т. е. что пора и надобно присесть за дело, а самого дела еще нет. Как бы то ни было, но душа твоя вкусила уже другую жизнь, в ней произошли уже другие явления. Если еще не испил, то, по крайней мере, уже прикоснулся устами высшего духовного источника, к которому многим, многим и слишком многим следовало бы давно прикоснуться. Зачем же в стихах своих ты показываешь доныне одно внешнее свое состояние, а не внутреннее, или разве стихи не достойны того, чтобы отражать его, или разве там мало предметов? Но закружится голова, если станем исчислять то, что никем еще доныне не тронуто. Смотри, чтобы нам самим не подвергнуться тем упрекам, которыми мы любим упрекать текущую литературу. <...> Каков между прочим Погодин и какую штуку он со мною сыграл вновь! Я воскипел негодованием на Бецкого за помещение моего портрета, и надобен же такой случай: вдруг сам Бецкий является из Харькова во Франкфурт для принятия от меня личного распекания[6]. От него я узнаю, что Погодин изволил еще в прошлом году приложить мой портрет к Москвитянину, самоуправно, без всяких оговорок, точно как будто свой собственный, между тем как из-за подобных историй у нас уже были с ним весьма сурьезные схват-

ки. И ведь между прочим пришипился, как бы ничего не было (и никто из моих приятелей меня об этом не уведомил!) Я не сержусь теперь потому только, что отвык от этого, но скажу тебе откровенно, что большего оскорбления мне нельзя было придумать. <...> Такой степени отсутствия чутья[7], всякого приличия и до такой степени неимения деликатности, я думаю, не было еще ни в одном человеке испокон веку».

Речь идет о публикации М. П. Погодиным без ведома Гоголя его портрета в № 11 «Москвитянина» за 1843 г.[8] Была напечатана литография художника Павла Федоровича Зенькова (род. в 1824) с портрета Гоголя работы А. А. Иванова 1841 г.[9]

Гоголь выразил резкое недовольство публикацией портрета. Сначала из анонимного сообщения в пятом номере «Отечественных Записках» за 1844 г. Гоголь узнал о публикации его портрета работы К. П. Мазера[10] (точнее, литографии К. Поля с этого портрета) в альманахе И. Е Бецкого «Молодик» на 1844 г.: «Портрет Гоголя, с fac-simile <...> довольно неудачен» (с. 6; заметка принадлежит В. Г. Белинскому). Факсимильно воспроизведенные под портретом строки Гоголя: «Я бы давно уже был на дороге в Рим. Гоголь», – были взяты издателем «Молодика» Бецким из письма Гоголя к П. А. Плетневу от 7 марта 1840 г. из Москвы[11].

1 октября (н. ст.) 1844 г.[12] Гоголь писал Н. М. Языкову: «Скажи Шевыреву, чтобы он объявил в Москвитянине, что мне крайне было неприятно узнать, что без моего спросу и позволения в каком-то харьковском повременном издании приложили мой портрет и какие-то facsimile записки... <...> Чтобы он объявил, что подобным мошенничеством не занимались прежде книгопродавцы, каким ныне занимаются литераторы. Я несколько раз отказывал книгопродавцам на их предложение награвировать мой портрет... <...> я имел еще на то свои причины, для меня слишком важные. И уж ежели бы пришлось мне позволить гравировку портрета, то, вероятно, это бы сделано было только для Москвитянина, а не для другого какого-либо издания... <...> Попроси <...> Погодина, чтобы он написал письмо к Бецкому в Харьков, он его, кажется знает, с запросом, каким образом и какими путями портрет мой зашел к нему в руки».

В комментируемом письме, от 26 октября (н. ст.) 1844 г., Гоголь писал Языкову: «Если бы Булгарин, Сенковский, Полевой, совокупившись вместе, написали на меня самую злейшую критику <...> это было бы совершенно ничто в сравнении с сим. На это я имею свои собственные причины, слишком законные <...> чего однако не хотел <...> изъяснять, имея тоже законные на то причины». «У меня только одна вещь и была – портрет, именно на ее-то он <Погодин> весь обломился всей своей медвежьей натурой», – добавлял Гоголь в письме к Языкову от 12 ноября (н. ст.) 1844 г.

В 1855 г., в наброске воспоминаний о Гоголе, Погодин замечал: «До портрета же я не подозревал его злобы и презрения. Притом письмо, им написан<ное> к Лизе, о дружбе и любви и проч.[13] – Не могу теперь разобраться, отвечал ли он[14]»[15]. Между тем неудовольствие Гоголя Погодиным явно проявилось уже в конце 1841 г.[16], задолго до публикации гоголевского портрета – и поступок Погодина лишь подлил масла в огонь.

Еще весной 1840 г. жена Погодина Елизавета Васильевна «приберегла и спрятала» «выброшенный» самим Гоголем, при отъезде за границу, его портрет – предположительно работы Мазера. Если Погодина, действительно, сохранила тогда портрет работы Мазера, т. е. если и этот портрет Гоголя, как и портрет, выполненный в 1841 г. Ивановым, хранился в 1840-х гг. у Погодиных, то, очевидно, что при почти одновременной (для Гоголя) публикации обоих портретов (Бецкий был воспитанником Погодина[17]) писатель мог испытывать против Погодина сугубое раздражение.

По-видимому, портрет Гоголя работы Иванова был оставлен Гоголем у Погодина по просьбе последнего при отъезде из Москвы, 23 мая 1842 г.[18] В 1844 г. Гоголь писал С. П. Шевыреву: «Я отдал этот портрет Погодину как другу, по усиленной его просьбе...» (письмо от 1 декабря н. ст.). Иванов в письме к В. А. Жуковскому, в свою очередь, сообщал о портретах Гоголя: «Два портрета, мною написанные в великой от всех тайне, подарены им самим, по его словам: один Вам, а другой г-ну Погодину...»[19] Н. В. Берг рассказывал об этом так: «М. П. Погодин постоянно просил своего приятеля о портрете, тот обещал. Проходили, однако ж, дни, месяцы, годы – портрета не было. Однажды, после отъезда Гоголя из Москвы <...> нашли в его номере, где он жил, как бы забытый портрет. Общий голос присудил отдать его М<ихаилу> П<етровичу>, как виновнику того, что портрет, так или иначе, явился»[20]. По предположению В. И. Шенрока, Погодин, опубликовав в журнале портрет, «опасался послать Гоголю "Москвитянин", сознавая свою вину перед ним»[21]. Сам Гоголь в письме к Языкову от 12 ноября (н. ст.) 1844 г. писал: «Насчет же отправки Москвитянина за 1843 год Погодин кажется прилгнул. Ибо ни Жуковский, ни я его не получали».

Кажется вполне правдоподобным предположение Н. Г. Машковцева, что публикация портрета Гоголя противоречила замыслу писателя явиться впервые перед русской публикой в образе одного из персонажей картины Иванова «Явление Мессии» – кающегося грешника, так называемого «ближайшего к Христу»[22]. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь писал: «Неосмотрительным образом похищено у меня право собственности: без моей воли и позволения опубликован мой портрет. По многим причинам, которые мне объявлять не нужно, я не хотел этого, не продавал никому права на его публичное издание и отказывал

всем книгопродавцам, доселе приступавшим ко мне с предложеньями, и только в таком случае предполагал себе это позволить, если бы помог мне Бог совершить этот труд, которым мысль моя была занята во всю жизнь мою, и притом так совершить его, чтобы все мои соотечественники сказали в один голос, что я честно исполнил свое дело, и даже пожелали бы узнать черты лица того человека, который до времени работал в тишине и не хотел пользоваться незаслуженной известностью. С этим соединялось другое обстоятельство: портрет мой в таком случае мог распродаться вдруг во множестве экземпляров, принеся значительный доход тому художнику <Ф. И. Иордану>, который должен был гравировать его. Художник этот уже несколько лет трудится в Риме над гравированием бессмертной картины Рафаэля "Преображение Господне" <...> ...Будет справедливей, если те, которые имеют достаток, станут вместо портрета моего покупать самый эстамп "Преображенья Господня"...» Объясняя в письме к Шевыреву от 14 декабря (н. ст.) 1844 г. причины своего недовольства публикацией портрета Погодиным, Гоголь писал, что «у многих» из молодежи «бывают чистые стремления; но у них всегда бывает потребность создать себе каких-нибудь идолов. Если в эти идолы попадет человек, имеющий точно достоинства, это бывает для них еще хуже. Достоинств самих они не узнают и не оценят как следует, подражать им не будут, а на недостатки и пороки прежде всего бросятся: им же подражать так легко! Поверь, что прежде всего будут подражать мне в пустых и глупых вещах». «...Вместо того, – продолжал Гоголь, – чаще будем изображать им настоящий Образец человека, Который есть совершеннейшее из всего, что увидел слабыми глазами своими мир, и перед Которым побледнеют сами собою даже лучшие из нас...» «...Еще лучше, – размышляет далее Гоголь, уже непосредственно подходя к мысли о *преображении*, – если мы даже и говорить им не будем о Нем, о Совершеннейшем, но заключим Его сами в душе своей...» Тогда же Гоголь писал А. О. Смирновой: «...Всякого человека, на которого вы захотели бы подействовать благодетельно, узнайте *в делах его* <...> и думайте сначала только о том, чтобы он в этом деле <...> соображался с законом Христа. <...> Но и здесь вы не говорите ему, чтобы он шел ко Христу или соображался бы с законами Христа. <...> Вы сначала не произносите и имени Христа, возбудите прежде в нем находящиеся подстрекающие его орудия, как-то честолюбие и проч. <...>, а Христа лучше сначала получше заключите в самих себе и заключите Его так, чтоб Он отразился во всяком вашем действии, мнении, поступке и даже малейшем движении»[23]. Характерно признание Гоголя в письме к Н. П. Демидову начала 1839 г.: «...Я убегал старательно встречи с вами. Мне не хотелось, чтобы вы переменили обо мне ваше доброе мнение. Мы обыкновенно воображаем видеть писателя чем-то более <...> чем он есть, и увидевши пошлую, даже слишком обыкновенную его фигуру, мы никак не можем соединить с ней то лицо, которое нам представлялось в мыслях. Вот почему мне не хотелось, чтобы вы меня когда-либо увидали, хотя очень хотел вас увидеть».

Ср. также в черновике письма Гоголя к Шевыреву от 15 августа (н. ст.) 1842 г.: «Чтобы прогнать из тебя как-нибудь идею о самолюбии моем, одно только скажу тебе, что в сердце пишущего много, много любви... <...> И с каждым днем она растет в душе моей. А вместе с ней растет вера, что <...> Спаситель наш <...> ниспошлет мне силу может быть возвыситься до того, чтобы даже уподобиться <Ему> сочиненьем моим, сколько может приблизиться копия, производимая из благоговенья художника, проникнутая небесным изумленьем к картине». Ср. в «Портрете» (1835): «Чистое, непорочное, прекрасное, как невеста, стояло перед ним произведение художника. И хоть бы какое-нибудь видно было в нем желание блеснуть, хотя бы даже извинительное тщеславие, хотя бы мысль о том, чтобы показаться черни, – никакой, никаких! Оно возносилось скромно. Оно было просто, невинно, божественно, как талант, как гений».

В заключение письма к Языкову Гоголь замечал: «Прекрасные слухи, которые носятся о моем написании множества произведений, кажется сродни тем самым, которые носились и в прошлом году о чтениях моих из второго тома, где находится остроумное сравнение Петербурга с Москвою, о котором мне и в мысль не приходило. Я бы душевно желал, чтобы нынешние слухи были справедливы хотя вполовину. О Записках Генерала в Риме[24] я и не грезил даже, хотя нахожу, что мысль не дурна. Я подозреваю, что в Москве есть один какой-нибудь этакой портной, который шьет сам на всю Москву. Благо есть дураки, которые ему заказывают. Зиму мне придется провести во Франкфурте, хотя мне он и не совсем по нутру, но попробую. <...> Боюсь, чтобы как-нибудь не схандрить, при здешнем гаденьком небе и при моем гаденьком здоровье... <...> Спроси у Шевырева, получил ли он письмо мое от 3 октября[25], и спроси также у Аксаковых, зачем из них ни один не пишет ко мне. <...> Отдай письмецо следующее Н. Н. Шер<еметевой>».

В письме к Шереметевой Гоголь сообщал: «Образа вашего я не получил[26]. Боборыкин мне его не доставил, и его самого я не видал и не знаю, где он. Но этим нечего сокрушаться. Не в видимой вещи дело. Образ ваш я возложил мысленно на грудь свою, принял благодарно ваше благословение и помолился Богу, да и возложенный мысленно, он возымеет ту силу, как бы возложен был видимым образом. А вас прошу, бесценный друг мой, помолиться о мне сильно и слезно, помолить-

ся о том, чтобы ниспослал Он, милосердый Отец наш, освеженье моим силам, которое мне очень нужно для нынешнего труда моего и которого недостает у меня, и святое вдохновенье на то, чтобы совершить его таким образом, чтобы он доставил не минутное удовольствие некоторым, но душевное удовольствие многим, и чтобы всех равно более приблизил к тому, к чему мы все ежеминутно должны более и более приближаться, то есть к Нему Самому, небесному Творцу нашему».

В письме к Иванову Гоголь писал: «Что это о вас, Александр Андреевич, ни слуха, ни духа? <...> С вами ли Моллер? Если он с вами, то обнимите его и попрекните также за то, что не отзывается. <...> Мой же адрес следующий: во Франкфурте на Майне, Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor. Таким образом значится дом Жуковского, в котором мы обитаем вместе. Он вам также кланяется».

[1] См. ***1844. Сентября 14 <26>. Четверг. Праздник Воздвижения Креста Господня. Москва.***

[2] См. ***1844. Октября около 12 <сентября около 30>. Франкфурт-на-Майне.***

[3] Вероятно, протоиерей Доримедонт Соколов (см. ***1844. Августа 12 <июля 31>. Понедельник. Берлин***).

[4] См. ***1844. Сентября 14 <26>. Четверг. Праздник Воздвижения Креста Господня. Москва*** (примечания).

[5] «Князю П. А. Вяземскому» (Современник. 1844. Т. XXXV. С. 96–98).

[6] См. ***1844. Октября между 1 и 26 <между сентября 19 и октября 14>. Франкфурт-на-Майне.***

[7] Ср. строки сочинения Гоголя 1843 г. <О гневе и безгневии>, адресованного А. О. Смирновой: «Иногда причиной гнева бывает беспамятство и забывчивость наша. Часто мы знаем весьма хорошо оскорбившего нас человека, <...> знаем, что у него не достает такого-то чутья, такого-то чувства, такого-то нерва – и при всем том при первом оскорблении от него войдем в гнев, точно как будто бы только сегодня его узнали...» – См. также ***1834. Сентября 29. Суббота. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1843. Ноября 6 <18>. Суббота. Москва.***

[9] См. ***1841. Январь – августа средина <январь – августа начало>. Рим.***

[10] См. ***1840. Февраля 9 – мая 18. Москва.***

[11] См. ***1840. Марта 7. Четверг. Москва.***

[12] См. ***1844. Октября 1 <сентября 19>. Вторник. Франкфурт.***

[13] Письмо Гоголя к жене Погодина, Елизавете Васильевне, от 4 июня 1842 г. из Петербурга.

[14] На письмо М. П. Погодина к Гоголю от 12/24 сентября 1843 г. (см. ***1843. Сентября средина, после 12 <после 24>. Москва***) Гоголь отвечал около 2 ноября (н. ст.) 1843 г. из Дюссельдорфа (см. ***1843. Ноября 2 <октября 21>. Четверг. Дюссельдорф***), однако это послание осталось неизвестным Погодину, так как С. Т. Аксаков и С. П. Шевырев решили не передавать его адресату (см. ***1843 ноябрь-декабрь <1843 ноября средина – 1844 января первая половина>. Москва*** – письмо С. Т. Аксакова к Гоголю; ***1844. Февраля 14 <2>. Среда. Праздник Сретения Господня. Ницца*** – письмо Гоголя к С. П. Шевыреву).

[15] *Погодин М. П.* <Набросок воспоминаний о Гоголе> // *Свод.* Т. 2. С. 521.

[16] Ср. ***1841. Ноябрь-декабрь. Москва.***

[17] См. ***1840. Марта 11. Понедельник. Харьков.***

[18] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки.***

[19] См. ***1852. Апреля 21 <9>. Среда. Рим.***

[20] См. ***1848. Октября 18. Понедельник. Москва.***

[21] *Шенрок В. И.* Письма Н. М. Языкова к Н. В. Гоголю // Русская Старина. 1896. № 12. С. 621.

[22] См. об этом: *Машковцев Н. Г.* История портрета Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 2.

[23] См. ***1844. Декабря 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

[24] См. ***1844. Августа 12 <июля 31>. Понедельник. Берлин***; ***1844. Сентября 14 <26>. Четверг. Праздник Воздвижения Креста Господня. Москва.***

[25] См. ***1844. Октября 3 <сентября 21>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[26] Посылка со сборником молитв и двусторонним дорожным образом Божией Матери Иверской и Святителя Николая отправлялась Н. Н. Шереметевой Гоголю дважды: в декабре 1843 г. (см. письмо Шереметевой к Гоголю от 19–20 января 1844 г.: ***1844. Января 20 <февраля 1>. Четверг. Москва***) и в декабре 1845 г. (см. письмо Шереметевой к Гоголю от 13 декабря 1845 г.: ***1845. Декабря 13 <25>. Четверг. Москва***). Посылка получена Гоголем в конце февраля – начале марта 1846 г. (см. письмо Гоголя к Шереметевой от 24 марта (н. ст.) 1846 г.: ***1846. Марта 24 <12>. Вторник. Рим***).

ОКТЯБРЯ 14 <26>. СУББОТА. МОСКВА

Н. М. Языков пишет Гоголю ответное письмо во Франкфурт:

«Отвечаю тебе на два письма[1] одним... <...> Спасибо тебе за знакомство, которое ты мне доставил. Гр<афа> Ивана Петровича Толстого хвалят все благородные и добромыслящие люди: я постараюсь сойтись с ним. Книги посылать буду и через него; впрочем, не знаю еще, что придется послать тебе из нашей бедной литературы и из нашей Москвы, бедной литераторами. Я просил тебе у Погодина "Московский вестник"[2] за нынешний год; он обещал послать сам; прошлый 1843 г. он-де доставил Жуковскому, следственно, ты его видел. Твое письмо, то, в коем ты сердишься на Бецкого, самовольно выдавшего в публику твой портрет, я, для сильнейшего подействования, показывал Погодину и покажу Шевыреву. Им, кажется, не худо будет видеть и знать, нравятся ли тебе подобного рода, так сказать, спекуляции. <...>

Я никак не понимаю о сю пору, куда же девались книги, посланные мною к тебе еще весною истекающего года? Посланные с г-жой Анненковой[3], те, кои ты получил, везла г-жа Ейндродт[4]?

В Москву приехал Иван Васильевич Киреевский, пытавшийся взять на себя редакцию "Москвитянина". Было много съездов и переговоров, но все кончилось пшиком[5]. "Москвитянин" будет издаваться и в 1845 <г.> на прежнем основании[6]. <...>

Я посылаю тебе книжку моих стихов[7] (кн<язь> Вяземский перешлет ее куда следует) — это, брат, изданьице маленькое, тут кое-что не знаю как и не знаю зачем собрано; составлял его мой племянник Валуев. Я между тем собираю воедино все, что написал я в десять лет (1833–1843), и этою же осенью выдам[8] и тебе пришлю[9]. Мельгунов лечится водою <...>; зовет и меня на себе отведать Присницевой системы, уже смягченной и не требующей диеты столь спартанской, как у самого родителя водолечения! Не забудь написать мне, полезно ли оно А. О. Розети? Я ведь могу решиться еще раз съездить в немецкую землю, если будет надежда выздороветь порядком. <...> От тебя сильно ждут писем С. Т. Аксаков[10] и Н. Н. Шереметева».

[1] См. ***1844. Сентября начало <августа вторая половина>. Остенде***; ***1844. Октября 1 <сентября 19>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***.

[2] Описка Языкова. Имеется в виду журнал «Москвитянин».

[3] См. ***1844. Августа 20 <сентября 1>. Воскресенье. Москва***.

[4] См. ***1844***.

[5] См. также ***1844. Июля 16 <28>. Воскресенье. Москва***; ***1844. Сентября 14 <26>. Четверг. Праздник Воздвижения Креста Господня. Москва***.

[6] Ср. ***1844. Декабря 17 <5>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***.

[7] Сборник «HS <56> стихотворений Н. М. Языкова» (М , 1844).

[8] Сборник «Новые стихотворения Н. Языкова» вышел в Москве в 1845 г.

[9] См. ***1845. Июня 5 <мая 24>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Гомбург***.

[10] См. ***1844. Ноября 12 <октября 31>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***.

ОКТЯБРЯ 16 <28>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Игроков» в Александринском театре[1]; в роли Утешительного — М. С. Щепкин[2].

[1] См. ***1844. Сентября 25 <октября 7>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] *Гриц*. С. 333.

ОКТЯБРЯ 18 <30>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре[1]; в роли Городничего – М. С. Щепкин[2].

[1] См. ***1844. Сентября 13 <25>. Среда. Санкт-Петербург.***
[2] *Гриц.* С. 333.

ОКТЯБРЬ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский сообщает А. И. Тургеневу в Париж:

«Наверху у меня гнездится Гоголь: он обработывает свои Мертвые Души».

Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 56.

НОЯБРЯ 1 <ОКТЯБРЯ 20>. ПЯТНИЦА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет расписку в получении 400 рублей ассигнациями от В. А. Жуковского:

«Из тысячи рублей, следуемых мне за 1845 год, получил от Василия Андреевича Жуковского четыреста рублей сего 1844-го года 1-го ноября».

Деньги были выданы Гоголю из суммы, назначенной ему Наследником Александром Николаевичем[1]. Жуковский отметил в дневнике: «*19 <20> октября / 1* ноября. [Гоголю деньги]»[2].

[1] См. ***1844. Мая 25 <13>. Троицкая родительская суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Мая 29 <17>. Среда. Баден-Баден.***
[2] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 42.

ОКТЯБРЯ 20 <НОЯБРЯ 1>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Женитьбы» в Александринском театре[1]; в роли Кочкарева – М. С. Щепкин[2].

[1] См. ***1844. Сентября 15 <27>. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] *Гриц.* С. 333.

НОЯБРЯ 2 <ОКТЯБРЯ 21>. СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь получил[1] письмо от А. О. Смирновой[2] из Петербурга.

[1] См. ***1844. Ноября 3 <22>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне.***
[2] См. ***1844. Октября 7 <19>. Суббота. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 3 <ОКТЯБРЯ 22>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет ответное[1] письмо к А. О. Смирновой в Петербург:

«Вчера[2] получил ваше письмо, сегодня отвечаю. Пишу единственно потому, что вас, как видно из письма вашего, несколько смутило замечание Самарина, с которым вы имели обо мне разговор, именно: что у вас нет того элемента, который бы нас сблизил и что я любить вас не могу по причине вашего недостоинства. <...> ...Я уже давно гляжу на человека не как на артиста; но милосердие Бога помогло мне глядеть на него иначе. Я гляжу на него как брат, и это чувство в несколько раз небеснее и лучше. <...> Любовь должна возрасти тогда еще сильнее, если бы случилось из нас кому-либо сделать низкое или почему-либо недостойное и подлое дело. Тут она и должна действовать во всей силе, потому что в такие минуты нужней и необходимей, чем когда-либо. <...> Будьте в свете то же, что расторопная хозяйка в своем доме, у которой и минуты нет свободной и которая никак не спешит что-нибудь довести в один день до конца и не засидится в одной комнате или в одном месте, но всюду заглянет, зная, что и просто уже один брошенный мимоходом взгляд важен и что всюду ей нужно быть для того, чтобы дело со временем созрело во всех углах в свой черед и в свое время. <...> Писем моих никому не читайте, это не нужно и не принесет большой пользы другому. Но сами перечитайте и особенно те места, где есть какие-нибудь упреки, или улики. <...> Пишите побольше и почаще. <...> ...Я хотя и хорошо поместился во Франкфурте у Жуковского, но все-таки я один и чувствую, что придется мне схандрить и приуныть духом в начинающиеся зимни<е дни>, и душа пожелает сильно вашего утешительного и родного слова. Получили ли вы мое письмо от 24 октября[3] и вручили ли другое Плетневу?»

[1] См. ***1844. Октября 7 <19>. Суббота. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1844. Ноября 2 <октября 21>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***
[3] См. ***1844. Октября 24 <12>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

ОКТЯБРЯ 23 <НОЯБРЯ 4>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Игроков» в Александринском театре[1]; в роли Утешительного – М. С. Щепкин[2].

[1] См. ***1844. Сентября 25 <октября 7>. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[2] *Гриц.* С. 333.

НОЯБРЯ 6 <ОКТЯБРЯ 25>. СРЕДА. ПАРИЖ

Граф А. П. Толстой пишет Гоголю во Франкфурт:

«...Письма ваши очень порадовали бы меня, если б не заметно было в них отсутствия той бодрости, которою в Остенде[1] вы и нас и всех оживляли – – – Я здесь прочел *Le Pape* Мейстера[2] и еще любопытнейшую для нас жизнь *Фотия*[3], писанную римским католиком, с письмами Фотия и рассуждением о происхожд<ении> Духа Святаго. – – – <письмо> контр-адмирала Путятина[4], очень верующего и более или менее разделяющего ваши мысли о будущей судьбе христианских народов. – – – О какой именно книге вы говорите, с молитвами заупокойными? Я ничего, кроме панихиды и обедни заупокойной не знаю».

[1] См. ***1844. Июля 26 – сентября 15 <июля 14 – сентября 3>. Остенде.***
[2] Имеется в виду сочинение о непогрешимости папской власти графа Ж.-М. де Местра «Du Pape» (Лион, 1819).
[3] Святитель Фотий, патриарх Константинопольский (около 820 – 896).

[4] Граф (с 1855 г.) Евфимий (Ефим) Васильевич Путятин (1803–1883), русский государственный деятель, контр-адмирал (с 1842 г.), вице-адмирал (с 1851 г.), адмирал (с 1858 г.), министр народного просвещения (1861), член Государственного Совета (с 1861 по 1883 г.).

НОЯБРЯ 7 <ОКТЯБРЯ 26>. ЧЕТВЕРГ. БРЮССЕЛЬ (?)

Графиня Анна М. Виельгорская отправляет Гоголю письмо во Франкфурт.

См. ***1844. Ноября средина <ноября начало>. Франкфурт-на-Майне.***

ОКТЯБРЯ 26 <НОЯБРЯ 7>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получает от А. О. Смирновой письмо к нему Гоголя из Франкфурта[1].

Письмо было вложено Гоголем в его письмо к Смирновой. Смирнова на письме Гоголя к Плетневу пометила: «В Университет. От А. О. Смирновой»[2]. Плетнев, получив послание, написал на нем: «П<олучено> 26 окт<ября> 1844. О<тветил> 27 окт<ября> 1844»[3].

[1] См. ***1844. Октября 24 <12>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***
[2] См.: *Городецкий*. С. 451.
[3] См. ***1844. Октября 27 <ноября 8>. Пятница. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ 27 <НОЯБРЯ 8>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев, раздраженный против Гоголя (за его неучастие в журнале «Современник», а также за общение в 1842 г. с «московской в Петербурге сволочью» В. Г. Белинским[1]), пишет ему пространное письмо, в котором отвечает[2] на просьбу Гоголя сообщить, чем он им недоволен.

Письмо к Гоголю было передано Плетневым А. О. Смирновой, которая 3/15 ноября 1844 г. отправила его во Франкфурт[3].

28 октября 1844 г. Плетнев, посылая Я. К. Гроту «журнал» своих дневниковых записей за 26–27 октября, сообщал: «*Четверг (26 октября).* Я от Смирновой получил[4] письмо Гоголя ко мне из Франкфурта-на-Майне. Он, узнав от Смирновой[5], что я недоволен его скрытностию и вообще неопределенными отношениями ко мне, жалуется на это и предлагает прямо сказать ему, что в нем дурного. Это заставило меня сходить к Смирновой, чтобы выяснить дело. <...>

Пятница (27 октября). <...> Я сел писать ответ Гоголю и со всею искренностью высказал ему, как он недостоин ни уважения, ни дружбы по характеру его и по пренебрежению первых авторских обязанностей: изучения тонкостей языка и расширения в себе идей об искусстве»[6].

Из письма Плетнева к Гоголю: «Наконец захотелось тебе послушать правды. Изволь: попотчую. После такого вступления, надеюсь, и ты в письмах ко мне кинешь проклятое "вы", от которого у разговаривающих всегда в глазах двоится. Начну с себя, что такое я? В отношении к общему ремеслу нашему — литературе — <...> человек не без идей, не без такта, не без голоса. Прибавь ко всему этому любовь к искусству, любовь неизменную, бескорыстную, чистую. А это чувство не только освящает все наши действия, но нередко служит и заменою вдохновения. Оно поддерживает во мне силу в борьбе с современными литературными слепцами и ленивцами, каковы даже друзья наши: Одоевский и подобные ему; с литературными торгашами и открытыми подлецами, каковы: Греч,

Булгарин и московская в Петербурге сволочь: Полевой, Межевич, Кони, Краевский, Белинский и т. п.[7] Следовательно, я как литератор не могу быть без сознания собственного достоинства – будь оно даже просто отрицательное. Как друг я еще более знаю себе цену. Когда умер Пушкин, для прочих друзей все умерло лучшее его: стремление к совершенствованию идей в нашей литературе, управа с эгоисмом и невежеством, вера в единство истинной церкви, которую должны из своего круга образовать благородные люди, понимающие дело и ни для чего не кривящие душой. Все это под конец жизни сосредоточил он в "Современнике". Я взял его не из корысти. Ни Пушкину не приносил он, ни мне не приносит других выгод, кроме средства отстаивать любовь души своей, по выражению Шиллера. Шесть лет я жертвую ежегодно по пяти тысяч рублей на поддержание "Современника", только в одном убеждении, что для чести Пушкина и истины не должен погибнуть орган их, не должен обратиться в глумление противникам истины и Пушкина[8]. Это хорошо знают все друзья его. Но кто же из них, в память друга, подал мне руку на товарищество? Никто, потому что у всех дружба только к себе, а не к мертвецу бесполезному. <...> Но что такое ты? Как человек существо скрытное, эгоистическое, надменное, недоверчивое и всем жертвующее для славы. <...> И могут ли быть у тебя друзья? <...> Твои <...> друзья двоякие: одни искренно любят тебя за талант – и ничего еще не читывали во глубине души твоей. Таков Жуковский, таковы Балабины, Смирнова, и таков был Пушкин. Другие твои друзья – московская братия. Это раскольники, обрадовавшиеся, что удалось им гениального человека, напоив его допьяна в великой своей харчевне настоем лести, приобщить к своему скиту[9]. Они не только раскольники, ненавидящие истину и просвещение, но и промышленники, погрязшие в постройках домов, в покупках деревень и в разведении садов. Им-то веруешь ты, судя обо всем по фразам, а не по жизни и не по действиям. На них-то сменил ты меня, когда, вместо безмолвного участия и чистой любви, раздались около тебя высокопарные восклицания и приторные публикации. Ко мне заезжал ты, как на станцию, а к ним – как в свой дом. Но посмотрим, что ты как литератор? Человек, одаренный гениальною способностью к творчеству, инстинктивно угадывающий тайны языка, тайны самого искусства, первый нашего века комик по взгляду на человека и природу, по таланту вызывать из них лучшие комические образы и положения, но писатель монотонный, презревший необходимые усилия, чтобы покорить себе сознательно все сокровища языка и все сокровища искусства, неправильный до безвкусия и напыщенный до смешного, когда своевольство перенесет тебя из комизма в серьезное. Подле таких поэтов-художников, каковы: Крылов, Жуковский и Пушкин, ты только гений-самоучка, поражающий творчеством своим и заставляющий жалеть о своей безграмотности и невежестве в области искусства. <...> Я не предлагаю тебе никакой перемены в жизни, занятиях и отношениях твоих. Я только желал бы, чтобы ты возвысился до настоящего нравственного чувства, проливающего в сердце свет на обязанности наши к Богу, к людям, отечеству и даже к нашему здесь призванию и принятым уже убеждениям. Ясное созерцание этих предметов само преобразовало бы жизнь твою, теперь только поэтическую, но неполную и несовременную нашему веку. Ты, не прерывая главных своих, обдуманных уже творений, должен строже определить себе, как надлежит тебе содействовать развитию в человечестве высшего религиозного и морального настроения, распространению в отечестве вечных начал науки и искусства, как довершить в себе недостатки литературные и как поражать все, несогласное с принятыми тобою правилами. Мы живем не при Шекспире, а после Гете и Шиллера, которые, творя как художники, в то же время боролись с врагами истинных идей и неизменного вкуса. Зачем тебе, пользующемуся репутациею, не вести других по хорошей дороге, указывая на заблуждения судей-самозванцев и торгашей литературных? Это борение укажет тебе на изыскание способов, как и в себе дополнить недостающее, и в других поразить ложное. Из гения-самоучки ты возвысишься, как Гете, до гения-художника и гения-просветителя. Не презирай даже того, что в России и мелко и жалко. Как русский, ты должен на это смотреть глазами врача. Но главное: ты приучишься мыслить, излагать и отстаивать идеи, защищать убеждения сердца и укрощать буйное невежество».

По-видимому, призыв Плетнева принять большее участие в журнально-публицистической деятельности послужил Гоголю, в числе прочего, одним из важных побудительных мотивов создания «Выбранных мест из переписки с друзьями». В 1846 г. в «Современнике» была опубликована одна из значимых глав будущей книги Гоголя – статья *VII. Об Одиссее, переводимой Жуковским*. С плетневским «Современником» тесно связан

и замысел еще одной тогдашней литературно-критической работы Гоголя — наиболее значимой из всех его трудов в этой области статьи *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность*. По словам Гоголя в статье *X. О лиризме наших поэтов* в «Переписке с друзьями», еще в 1845 г. он собирался послать Плетневу в «Современник» свои «сказания о русских поэтах». Они-то и стали затем одной из заключительных глав «Переписки с друзьями», статьей о «существе русской поэзии». 16 октября (н. ст.) 1846 г. Гоголь, выслав Плетневу пятую, последнюю тетрадь «Выбранных мест из переписки с друзьями», вновь возвратился к мысли о «Современнике», неопределенная программа которого его давно не устраивала. 4 декабря (н. ст.) 1846 г. он послал Плетневу в журнал отдельную статью «О Современнике». Однако предназначенная в качестве «программы или вступления» для обновленного «Современника» статья при жизни Гоголя оставалась ненапечатанной. Уже в октябре 1846 г. Плетнев, не в силах более содержать журнал, передал право на его издание А. В. Никитенко (который стал новым редактором), а также Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву (последние были заявлены в программе журнала как издатели, — в списке сотрудников первым был назван Белинский). Это событие стало полной неожиданностью для Гоголя и его друзей[10]. Вместо обновленного, в соответствии с взглядами Гоголя, «Современника» в одном из первых номеров журнала, вышедшем в 1847 г. под новой редакцией, явилась неприязненная статья Белинского о «Выбранных местах из переписки с друзьями».

Далее в письме к Гоголю Плетнев замечал: «При теперешней цыганской жизни твоей, я не могу ловить тебя с своим “Современником”. Но он весь есть у Жуковского. <...> Прокопович жив и здоров. Он, конечно, не войдет с тобою в сношения, пока ты дружески не объяснишь ему в особом письме, что тебе нужно знать от него. Он тебя любит, но недоволен твоею недоверчивостью и беспорядочностью в сношениях, которые требуют прозаических данных. О долгах не заботься. Напиши мне, куда, сколько и как переслать: все получишь. Когда разбогатеешь — отдашь. Обнимаю тебя, а ты обоими Жуковского».

[1] См. ***1842. Мая 26. Вторник — июня 5. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечания).

[2] См. ***1844. Октября 24 <12>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Октября 26 <ноября 7>. Четверг. Санкт-Петербург***.

[3] См. ***1844. Ноября 3 <15>. Пятница. Санкт-Петербург***.

[4] См. ***1844. Октября 26 <ноября 7>. Четверг. Санкт-Петербург***.

[5] См. ***1844. Сентября 27 <октября 9>. Среда. Санкт-Петербург***.

[6] *Свод*. Т. 1. С. 669.

[7] Перечисленные Плетневым литераторы начинали свою деятельность в Москве, а затем перебрались в Петербург. Выражение «московская в Петербурге сволочь» означает здесь: «москвичи, съехавшиеся в Петербург» (одно из значений слова «сволочь» у В. Даля: «все, что сволочено или сволоклось в одно место»).

[8] Ср. ***1846. Октября 23 <ноября 4>. Среда. Санкт-Петербург***.

[9] Подразумеваются М. П. Погодин, С. П. Шевырев, С. Т. и К. С. Аксаковы. Мнение о том, что Гоголю вскружили голову Аксаковы — и что он незаслуженно пользуется своей славой, было, в частности, распространено в среде московских масонов. Это мнение разделяли М. А. Дмитриев, М. Н. Загоскин, П. Я. Чаадаев, Ф. Ф. Вигель (см. ***1836. Октября конец. Санкт-Петербург***). — См. также ***1852. Марта 25. Великий вторник. Москва***.

[10] См. ***1846. Октября 23 <ноября 4>. Среда. Санкт-Петербург***.

ОКТЯБРЯ 27 <НОЯБРЯ 8>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Н. М. Языков сообщает родным:

«Я получил письмо от Гоголя[1], где он говорит, что “петербургские литераторы п..., а московские б...” Правда, правда! Гоголь крайне сердит на Погодина за помещение его портрета в “Москвитянине” прошлого года. Помнишь ли? Портрет премерзкий!»

Из писем Н. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 167.

[1] См. ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***.

ОКТЯБРЯ 29 <НОЯБРЯ 10>. ВОСКРЕСЕНЬЕ[1]. ГАТЧИНА

А. О. Смирнова пишет Гоголю письмо во Франкфурт (письмо, по-видимому, было отправлено позднее, 3/15 ноября 1844 г., из Петербурга[2]):

«Я здесь гощу уже четвертый день, любезный Николай Васильевич. <...> Пишу вам по влечению сердца грустного, но спокойного и полного слез и умиления. Вчера была у всенощной, сегодня у обедни с Императорским семейством, после столь долгой разлуки. После обедни я сбиралась домой читать Евангелие, но за мной послала Государыня. Я нашла ее с Ольгой Николаевной. До сих пор она еще мало со мной говорила о любимом ей предмете, но сегодня... слов не достает пересказать вам, какова она была: мила, тиха, проста! С каким нежным наслаждением припоминала все малейшие подробности ее последних минут[3]! Особенно, когда родился ребенок. Плакала так тихо и так благодарила горячо Бога, что Он доставил ее дочери счастье — услышать этот голос! Я спросила ее о состоянии Государя. Мне кажется, что он страдает много и едва ли не тяжелей, потому что хочет скрывать свое горе. Она мне сказала, что когда они наедине, то всегда плачут и не могут ни о чем другом говорить: "Nous nous faisons beaucoup de mal a la santé l'un a l'autre"[4], заключила она. После этого мы остались одни, плакали и молчали. Государь вошел и просил меня не говорить более о ней. А я чувствую и вижу, что для Императрицы нет никакого более интересу ни в чем, как только в воспоминании о любезной и точно ангельской душе, которая от них отлетела. Впрочем, Николай Васильевич, перед вами, как перед Богом, скажу, что, семейным образом судя людей, я не знаю подобных им. Ими также сильно обладает любовь, как нашими милыми Виельгорскими. Провидение, оставив Ольгу Николаевну между ними, оставило при них доброго ангела. Другие заняты мужьями, детьми, нездоровы, а она безвыходно у матери, ухаживает за ней, читает ей вслух, всячески старается развлечь, — сколько можно, показывает веселое лицо, и так притом хороша, добра, грациозна, что невольно заглядываешься на это прелестное лицо, где отражается такая прелестная и полная любви и самоотвержения душа. Наследница[5] сделалась очень милая, говорит мало, но прекрасно; вообще не спешит себя высказывать, но душа в ней есть. Она любит нежно мужа, детей[6], Императрицу и занимается много русским языком — обещала со мной говорить по-русски... Петербург город гадкий, неблагодарный, закрывает глаза и затыкает уши. Горе ему! он только любит суету и выдумывает зло. Я так рада, что меня сюда[7] позвали! но рада для души своей, а не из светских видов... Я с ними так искренно и нежно примирилась, видела их так вблизи, что навеки им принадлежу от глубины души. Я не плаксива, а теперь не могу писать без слез. Василию Андреевичу[8] я напишу. Вы ему прочтите это письмо. Императрица мне дала его письмо. Она о нем говорит беспрестанно и читала его несколько раз. Если еще не отвечала, чего я, впрочем, не знаю, то, верно, не может собраться. У нее беспрестанные биения сердца; при каждой новой встрече возобновляются. Приезд Грим<м>а[9] ее очень расстроил третьего дня. Завтра я еду в город, где найду, вероятно, Н<иколая> М<ихайловича>[10]. Он должен был приехать в тот день, когда меня потребовали в Гатчину. 8-го ноября двор переедет в Петербург. Государь был очень мил и добр для меня. Всего нельзя пересказать: есть столько тонких оттенков, которые, их зная, я понимаю с благодарностью. Да хранит их Господь! ими да охраняет и нашу милую Россию! Прощайте и до свиданья в воскресенье».

[1] Датировка письма уточнена. В. И. Шенроком, впервые опубликовавшим это письмо, оно было датировано, по-видимому, ошибочно: «Воскресение, 24-го октября 1844 года» (*Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 10. С. 130).

[2] См. ***1844. Ноября 3 <15>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[3] Речь идет о кончине великой княгини Александры Николаевны (см. ***1844. Июля 29 <августа 10>. Суббота. Царское Село***).

[4] Мы доставляем друг другу много нездоровья (*фр.*).

[5] Великая княгиня Мария Александровна, жена великого князя Александра Николаевича.

[6] Великая княжна Александра Александровна (1842–1849), великий князь Николай Александрович (1843–1865).

[7] Т. е. во дворец.

[8] Жуковскому.

[9] Август Федорович (Теодор) Гримм (1805–1878), немецкий педагог, один из воспитателей детей Императора Николая I.

[10] Муж Смирновой.

НОЯБРЯ 11 <ОКТЯБРЯ 30>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь получил[1] из Москвы письмо от Н. М. Языкова[2].

[1] См. ***1844. Ноября 12 <октября 31>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1844. Октября 14 <26>. Суббота. Москва.***

НОЯБРЯ МЕЖДУ 10 И 12 <ОКТЯБРЯ МЕЖДУ 29 И 31>. РИМ

А. А. Иванов пишет ответное[1] письмо Гоголю во Франкфурт:

«С величайшей радостью получил я ваше письмо от 26 октября. Я из него узнал наверное ваш адрес — единственную причину, препятствовавшую к вам писать, ибо Федор Васильевич[2] узнал откуда-то[3], что вы в Остенде[4], а там вас не нашли[5].

Я лечился до первых чисел августа в Неаполе. Теперь глаза мои только боятся сильной солнечной рефлекции[6]. Благодаря Бога, я могу работать 8 часов в день. Вы, верно, этому столько же рады, как и я. Вот уже месяц, как Моллер приехал из Греции во Флоренцию, откуда я ему все еще не советую двигаться в Рим[7]. Однако ж он непременно хочет на зиму сюда приехать. Спрашивал меня, не приедете ли вы тоже в Рим? Я ему напишу ваш адрес. Со дня на день я жду Чижова в Рим. Весной он пустится в Петербург, там будет во время трехлетней выставки академической. Наше существование в чужих краях, может быть, он поддержит своею энергическою деятельностию, вы<*нрзб.*>рив нам, на каких бы то ни было условиях, содержание. Если же нет, то ни я, ни Шаповаленко не будем в состоянии более бороться с обстоятельствами. Говорили, что у нас будет, вместо покойного Кривцова, — Киль, курляндец[8]. Я его образ мыслей знаю и с ним уже имел ссору. Патриотическая мысль Чижова — составить из наших русских художников одно целое, которое бы трудилось к живым успехам отечества, не понятна: она покуда вооружила еще более наших пришлецов, а русские по-старому остались и беспечны, и ленивы. Более всего меня теперь утешают письма Языкова, которых уже три, — истинно русские, они-то раздувают искру, которую Чижов заронил здесь в мою студию».

[1] См. ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[2] Чижов.

[3] См. ***1844. Июня 19 <7>. Среда. Париж.***

[4] См. ***1844. Июля 26 — сентября 15 <июля 14 — сентября 3>. Остенде.***

[5] См. ***1844. Июня 22 <10>. Суббота. Остенде.***

[6] Болезнь глаз заставила Иванова в 1842 г. почти на три года приостановить работу над картиной «Явление Мессии».

[7] Ф. А. фон Моллер был вынужден покинуть Рим вследствие преследований со стороны матери своей бывшей натурщицы Амалии Лаваньини (см. ***1842. Марта около 26 <около 14>. Флоренция***).

[8] Генерал-майор Лев (Людвиг) Иванович Киль, состоявший в свите Императора, 10 октября 1844 г. был назначен по Высочайшему повелению «Начальником над русскими художниками в Риме». Извещение об этом было получено русским посланником в Риме А. П. Бутеневым 30 октября / 11 ноября 1844 г. (см.: *АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 629. Л. 193; Ед. хр. 697. Л. 48).

НОЯБРЯ 12 <ОКТЯБРЯ 31>. ВТОРНИК. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь отправляет в Москву ответное[1] послание Н. М. Языкову, письма к С. Т. Аксакову, к С. П. Шевыреву, к Е. Г. Чертковой (последние два письма не со-

хранились)[2]; посылает также написанное прежде письмо к М. П. Погодину (тоже не сохранилось)[3].

Из письма к Языкову: «Вчера[4] получил твое письмо (от 14 окт<ября>)... <...> ...Получил ли ты два письма мои[5] <...>, в последнем из которых я извещал тебя о сюрпризе, который доставил мне Бецкий, лично известивший меня, что портрет мой еще прежде, именно в прошлом году, был выставлен в Москвитянине. Насчет же отправки Москвитянина за 1843 год Погодин кажется прилгнул. Ибо ни Жуковский, ни я его не получали. Мне тем более это досадно, что я два дни до твоего письма послал кровные 15 талеров в Лейпцих, узнавши по газетам, что у тамошнего книгопродавца есть кое-какие русск<ие> книги, в числе коих и Москвитянин.

Кстати, знаком ли ты с Михаил Семеновичем Щепкиным? Познакомься с ним покороче. Этот человек чрезвычайно замечателен. У него куча воспоминаний, истории об разных углах России и собственно об его походной и непоходной жизни. Кроме того я его очень люблю за его добрую душу и за его ровный характер, не говоря уже о таланте, но за то еще люблю, что мне было всегда особенно приятно видеть его сидящим перед собою. Но ты сделай ему выговор... <...> Как можно поступить таким образом! Сам же он вызвался доставить мне критики Сенковского[6]. Я просил других, он вызвался сам, других отвадил, а сам надул, а ведь немного и труда было. Я на него конечно не могу сердиться уже и потому, что и другие так поступают. Ждавши более полугода и видя, что от него нет [никакого] толку, я обратился к другим тоже хорошим приятелям[7], те также пообещали, и ни духу, ни слуху ровно полгода. А всё вместе составляет почти полтора года. А между тем мне это слишком было нужно. А между тем мои же приятели потом меня упрекают за неоткровенность и зачем, дескать, я прежде не к ним обратился, а просил людей посторонних. Словом, я думаю, русский человек тогда только аккуратен и исправен, когда и он или калека, или же такой хворой, как мы с тобою. Потому-то, я думаю, и письма он тогда станет писать, когда не будет рук или чернил, словом, когда будет ему нечем писать. <...> О Россете скажу то, что ему не помогло водяное лечение или же если помогло, то весьма мало. Он, как пишет мне сестра его[8], чувствует себя весьма дурно в Петербурге и намерен с первым весенним путем ехать в Италию. <...> Ради Бога, молись во всякую трудную минуту, и трудная минута обратится в легкую минуту, но молись таким образом, чтобы обращаться в то же время на самого себя, взвешивать беспрестанно свои данные, то есть данные дарования, и рассматривать, как можно сделать ими добро и существенную пользу. <...> Извещаю тебя, что доныне получены мною следующие книги: 1) Иннокентий[9], 2) Добротолюбие[10], 3) Отцы за 1843[11]. Уведоми меня, все ли здесь посланные тобою книги, или есть еще какие-нибудь, которые засели по углам Европы. Относительно погодинского поступка[12] я пишу к Шевыреву[13] маленькой ему упрек, зачем он не удержал Погодина от глупости. А Погодину напишу дружеские советы на многое, что ему слишком нужно знать в жизни и неисполнение чего было причиною всех его неудач [в жизни] и неуспехов во всем. Я теперь вследствие его же поступка имею на это право. Если ум его не совсем ослеплен гневными ослепленьями и кучею всяких проэктов, из которых ни один не успевает вызреть в голове его, то он вероятно поймет их справедливость. О нем следует позаботиться. Как бы то ни было, но он жалок. Человек с искренним расположением добра действует всю жизнь во имя добра и не произвел доныне почти никакого благодетельного влияния ни на кого. Ни одного человека я не встретил, который бы любил его и который бы им был доволен[14]. Он сам уже это видит, ожесточается, видит везде неблагодарность и не видит только того, что всему причиною он сам. И главная причина всему не та, чтобы какие-нибудь важные недостатки, а неимение такта, чутья, отсутствие всякого понятия о каком-нибудь приличии. Не думая и не желая никого оскорбить, он оскорблял на всяком шагу и весьма часто самым щекотливым образом. Он умел оскорбить даже тех, которых ничем нельзя или по крайней мере трудно чем оскорбить. У меня только одна вещь и была — портрет, именно на ее-то он весь обломился всей своей медвежьей натурой. Но довольно. Пиши, пожалуйста, и не забывай. <...> При сем письмо Аксакову».

Из письма к Аксакову: «Письмо за вами, бесценный друг мой Сергей Тимофеевич. Вы не дали мне ответа на то, которое я писал к вам[15] назад тому четыре месяца, где посылал весьма справед-

ливый выговор Щепкину за то, что он надул меня, то есть вызвался сам вперед и отважно вместе с сыновьями[16] доставить мне просимые мною критики и потом вместе с ними попятился на попятный двор. Я даже не знаю, как писать к вам, и дожидался от вас адреса, и до сих пор не знаю, где вы живете и куда следует адресовать вам. Итак, уведомьте меня как о вашем здоровьи, так и о здоровьи Ольги Семеновны, Конст<антина> Серг<еевича> и всего вашего милого семейства, и почему именно последовало такое долгое забвение? <...> Потом уведомьте, как вы провели всё время лета и каково состояние вашей больной»[17].

[1] См. ***1844. Октября 14 <26>. Суббота. Москва.***

[2] См. ***1844. Ноября 15 <27>. Среда. Москва.***

[3] См. ***1844. Декабря 21 <9>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[4] См. ***1844. Ноября 11 <октября 30>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне.***

[5] См. ***1844. Октября 1 <сентября 19>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[6] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки.*** – См. также ***1844. Мая 16 <4>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Франкфурт-на-Майне.***

[7] Имеются в виду Н. Я. Прокопович (см. ***1843. Апреля 19 <7>. Великая среда. Рим***) и П. В. Анненков (см. ***1844. Мая 10 <апреля 28>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***).

[8] А. О. Смирнова. См. ***1844. Сентября 9 <21>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[9] См. ***1844. Апреля 2 <марта 21>. Великий вторник. Дармштадт.***

[10] См. ***1844. Октября 1 <сентября 19>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

[11] См. ***1844. Октября около 12 <сентября около 30>. Франкфурт-на-Майне.***

[12] Речь идет о публикации М. П. Погодиным портрета Гоголя (см. ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт-на-Майне*** – примечания).

[13] Ответ Шевырева см.: ***1844. Ноября 15 <27>. Среда. Москва.***

[14] Позднее эти же обвинения в адрес Погодина Гоголь повторил в статье *IV. О том, что такое слово* (датированной 1844 г.) «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846).

[15] См. ***1844. Мая 16 <4>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Франкфурт-на-Майне.***

[16] С. Т. Аксаков вспоминал (возможно, ошибочно), что при расставании с Гоголем в Москве в мае 1842 г. из сыновей Щепкина был только старший сын Дмитрий (см. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки***).

[17] Имеется в виду дочь С. Т. Аксакова, Ольга Сергеевна.

НОЯБРЯ 12 <ОКТЯБРЯ 31>. ВТОРНИК. ПАРИЖ

Графиня Анна М. Виельгорская отправляет Гоголю письмо во Франкфурт:

«Мы здесь уже с неделю[1], но до сих пор мне никак невозможно было писать вам: целый день мы таскались по улицам искать квартиру... <...> Наше путешествие было самое счастливое, но часто, часто мне хотелось унывать, и я вспоминала о вас, чтобы снова ободриться. Еще не так трудно себя одну ободрить, а мне приходилось утешать Фани[2] и англичанку и видеть около себя всех в отчаянии. Одна только была спокойна и почти весела, именно та, которая всех более страдала[3]. Теперь я только узнала, какая у нее душа прекрасная. Два или три раза я говорила с двоюродным братом[4]. Он выслушал меня с терпением, даже благодарил меня за то, что я ему сказала, но все-таки до сих пор я не вижу большой перемены dans sa maniere d'etre[5]. Однако же я сильно, крепко надеюсь: что невозможно людям, возможно Богу.

Из Петербурга мы получаем славнейшие известия. Владимир Александрович[6] все продолжает сидеть дома с женой[7] и нежно обходиться с нею. Вы можете вообразить себе, как маменька[8] этим довольна и как ей легче переносить разлуку с Софией, когда знает, что она спокойна и счастлива.

Что мне вам о Париже сказать? Первое впечатление не было для нас очень приятным. Мы приехали в самую серую погоду, и среди шума, движения и толпы улиц грустное чувство одинокости сжало мое сердце, и я думала о Петербурге и о счастии быть со всей моей семьей, и я спрашивала себя с удивлением, неужели Париж самый этот город, который столько тебе понравился три года тому назад и в котором с этого времени тебе так хотелось провести несколько месяцев? Но это впечатление недолго осталось, и теперь я уже смотрю на Париж другими глазами. Я сейчас начала

тем, что объявила себе никак не смотреть на погоду, и в самом деле я исполняю эту хорошую резолюцию. Мы с Лазаревыми[9] живем в одном доме (Place Vendome, № 6). Они в бельэтаже, а мы – во втором. У меня хорошенькая комната на юг, и я надеюсь эту зиму хорошенько в ней заниматься и немножко поумнеть. В восемь часов утра мы кофе пьем, в час завтракаем и в шесть обедаем.

Я успела прочесть первый том "Вечеров на хуторе", который меня очень забавлял, но я все вас никак не узнаю в ваших сочинениях. Вы, кажется, очень далеко ушли с этого времени. Теперь я хочу с вами поговорить об одном удивительном случае, который немного маменьку и меня смутил. Вчера мы получили письмо от папеньки[10]. Он пишет: в Иерусалиме во время обедни раздался небесный голос. Патриарх Иерусалима[11] говорит, что это предвещает большие бедствия всему миру. Он велел всем говорить раз ежед<н>евно следующую молитву[12], которую многие уже знают в Петербурге:

"О Иисусе Христе! молим Тя, Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас и весь мир Твой от всякой погибели, кровию Твоею дабы омылись грехи наши. О Боже Предвечный, яви милосердие Твое великое, молим Тя, прости ради пречистой крови Твоей, ныне и присно и во веки веков. Аминь".

Каждый говорящий сию молитву должен стараться сообщить ее девяти другим особам. Пожалуйста, любезный Николай Васильевич, говорите ее каждый день и старайтесь сообщить ее дальше. Что вы об этом думаете? Напишите мне скоро. Ваши письма мне полезны и очень приятны. Толстых[13] мы видели. Я, как предполагала, буду ехать с ними в церковь по воскресным дням. Надеюсь, что вы здоровы телесно и душевно, что вы, как я, не хандрите, но *умник*, пишете для наших будущих наслаждений и пользы, гуляете, смеетесь и думаете иногда о вашей приятельнице Анне Михайловне».

[1] Ср. ***1844. Ноября 7 <октября 26>. Четверг. Брюссель (?)***.

[2] Ф. Бойен, родственница Виельгорских.

[3] Имеется в виду племянница Л. К. Виельгорской графиня Л. Гогенталь (рожд. герцогиня Бирон), которая также приехала с Виельгорскими из Рюдесгейма (см. ***1844. Октября 16 <4>. Среда. Франкфурт-на-Майне***) и была в это время «недалека от смерти» (*Шенрок*. Т. 4. С. 307). Умерла в Париже в конце августа (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Сентября 21 <октября 3>. Пятница. Павлино***).

[4] Возможно, имеется в виду Л. Е. Лазарев.

[5] В его поведении (*фр.*).

[6] Граф Соллогуб.

[7] Графиня С. М. Соллогуб (рожд. графиня Виельгорская).

[8] Графиня Л. К. Виельгорская.

[9] Имеются в виду племянница Л. К. Виельгорской А. Лазарева (рожд. герцогиня Бирон) и ее муж Л. Е. Лазарев.

[10] Письмо из Петербурга от графа Мих. Ю. Виельгорского.

[11] Имеется в виду патриарх Иерусалимский и всея Палестины Афанасий V (1754–1844).

[12] См. также ***1844. Октября 10 <22>. Вторник. Санкт-Петербург***.

[13] Граф Александр Петрович и его жена, Анна Георгиевна (рожд. княжна Грузинская).

НОЯБРЯ 12 <ОКТЯБРЯ 31>. ВТОРНИК. РИМ

А. А. Иванов пишет Ф. А. фон Моллеру во Флоренцию:

«Третьего дня[1] получил я письмо от Гоголя[2]. Вот что там мне сказано: "С вами ли Моллер? Если он с вами, то обнимите его, и попрекните его, что не отзывается ко мне". <...> К нам уже утвержден Киль. Вчера прибыла сюда бумага из Петербурга[3]. У меня что-то сегодня голова начинает кружиться. <...> Гоголю я уж отвечал[4]. Об вас сказал, что вы во Флоренции, и что посылаю к вам его адрес, что и исполняю».

Из писем А. А. Иванова // *Свод*. Т. 3. С. 337.

[1] Т. е. 10 ноября (н. ст.) 1844 г.

[2] См. ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***
[3] См. ***1844 Ноября 12 <октября 31>. Вторник. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).
[4] См. ***1844. Ноября между 10 и 12 <октября между 29 и 31>. Рим.***

НОЯБРЯ 1 <13>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет № 11 журнала «Отечественные Записки», в котором напечатано продолжение[1] обзора В. Г. Белинского «Русский театр в Петербурге».

Белинский писал: «Кого не наскучит беспрестанно смотреть в старых пьесах и в одних и тех же ролях? Но только однажды при представлении "Ревизора" (кажется, в *четвертый* раз) публики в театре было менее обыкновенного. Но, кроме этого раза, театр всегда полон, лишь только имя Щепкина стоит на афише. <...> В роли *городничего* (в "Ревизоре") можно видеть только Щепкина, хотя игра его и не везде равно удовлетворительна. Заметно, что в первом акте он слабее, чем в остальных четырех. Первые сцены пятого акта (с женою и купцами) – торжество таланта Щепкина! В роли Кочкарева (в "Женитьбе") он обнаруживает больше искусства, нежели истинной натуры; но, тем не менее, только игра в этой роли показала петербургской публике, что за пьеса "Женитьба". – В роли Бурдюкова у него недостает грубости, медвежьей естественности и даже, орга́на, и, несмотря на то, он удивителен в этой роли!»[2]

[1] См. ***1844. Октября 2 <14>. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[2] <*Белинский В. Г.*> Русский театр в Петербурге // Отечественные Записки. 1844. № 11 (цензурное разрешение 31 окт.). Отд. 8. С. 39–40.

НОЯБРЯ СРЕДИНА <НОЯБРЯ НАЧАЛО>. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет ответное[1] письмо графине Анне М. Виельгорской (вероятно, в Париж[2]):

«Письмо ваше от 7 ноября мною получено. Из него вижу, что вы действуете умно и хорошо, обстоятельствами никакими не смущаетесь. Они расстроиваются и поправляются вновь. Дело и поприще предстоит нам повсюду, каковы бы ни были приходящие к нам обстоятельства. Работы нам много всегда и во всяком нашем состоянии, даже и таком, когда мы чувствуем, что и больны и бессильны и никуда и ни на что не годимся. Пишите ко мне обо всем, что ни случается с вами, до последней мелочи, мой добрый друг Анна Миха<й>ловна, и молитесь обо мне».

[1] См. ***1844. Ноября 7 <октября 26>. Четверг. Брюссель (?).***
[2] См. ***1844. Ноября 12 <октября 31>. Вторник. Париж.***

НОЯБРЯ 3 <15>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова отправляет во Франкфурт ответное[1] письмо Гоголю, начатое 29 октября / 10 ноября 1844 г. в Гатчине[2]. В свое письмо вкладывает письмо к Гоголю от П. А. Плетнева[3].

В своем письме Смирнова сообщала: «...Слушайте мои упреки. У Ростопчиной при Вяземском, Самарине и Толстом[4] разговорились о духе, в котором написаны ваши "Мертвые души", и Толстой сделал замечание, что вы всех русских представили в отвратительном виде, тогда как всем малороссиянам дали вы что-то вселяющее участие, несмотря на смешные стороны их; что даже и смешные стороны имеют что-то наивно-приятное; что у вас нет ни одного хохла такого подлого, как Ноздрев; что Коробочка не гадка именно потому, что она хохлачка. Он, Толстой, видит даже невольно вырвавшееся небратство в том, что когда разговаривают два мужика и вы говорите: "два русских мужика"[5]; Толстой и после него Тютчев, весьма умный человек, тоже заметили, что москвич уже никак бы не сказал "два русских мужика". Оба говорили, что ваша вся душа хохлацкая вылилась в "Тарасе Бульбе", где с такой любовью вы выставили Тараса, Андрия и Остапа[6].

Вот все, что о вас говорилось часто при мне. О недостатках во вкусе и прочих мелких погрешностях я не упоминаю; это дело критики фельетонов. Из этих замечаний надобно заключить бы, что вы питаете то глубоко скрытое чувство, которое обладает Малороссией и так редко, но и еще и недавно выразилось казаком в Полтаве, когда Государь, посылая казацкий полк на Кавказ, поручая старому атаману, сказал: "Смотри же, ты мне отвечаешь за свою голову и за них", а он отвечал: "Будь спокоен, Царь, не ослужим тебе такой службы, как твои москали, як ты вступив на престол"[7]. Но ведь и я родилась в Малороссии, воспиталась на галушках и варениках, и как мне ни мила Россия, а все же я не могу забыть ни степей, ни тех звездных ночей, ни крика перепелов, ни журавлей на крышах[8], ни песен малороссийских бурлаков. Все там лучше, чем на севере, и все чрез Малороссию пройдем мы в Константинополь[9], чтобы сдружиться и слиться с западными собратьями славянами[10]. А как и когда забудется, что некогда Украина была свободна, Бог весть! Итак, никто более меня не понимает вашего – может быть, вами самими неузнанное чувство и таящееся от вас самих. Я, впрочем, заметила им, что хохлы вас тоже вовсе *не* любят и вас в том же упрекают, как и русские. Плетнев это мне еще подтвердил.

При сем письмо от Плетнева – вам ответ на ваши запросы. <...> Я не хотела выслушать его отговорок и требовала настоятельно ответа... <...> Он вас не понимает, да, может, никогда и не поймет. Он человек добрый, но слишком привыкший к посредственному однообразию. В жизни часто сближаешься с людьми, которых и любишь за добрые их качества, но которые не могут понять нас. Этим людям надо бы показывать только ту сторону, которую они понять могут, а вы с Плетневым поступили, по молодости, как с гораздо умнейшим человеком

Михаилу Михайловичу[11] посланы наконец для вас книги. На днях отправилось к вам, через весьма верную оказию, длинное письмо[12], очень нужное и интересное, как сказывал мне тот, чрез чьи руки оно прошло. Это будет вам занятие на месяц. Чтобы вам не взгрустнулось, я буду писать чаще; напишет Аркадий[13] и Софья Михайловна[14]. Самарин вам пришлет "Феофана"[15] и будет писать.

Самарин – удивительная жемчужина в нашей молодежи. Он может сравниться душою с Михаилом Михайловичем, а умом его выше. Я с ним очень дружески сблизилась после долгих недоумений, происшедших вследствие лестных слухов, которые летают обо мне. Видеть его я не могу часто: он еще слишком молод и я не довольно стара и дурна, а когда встречаемся, то всегда искренно и дружески. Он вас ужасно любит, этого для меня достаточно.

На днях сидел у меня мой поп[16]. Мы с ним провели утро от 11 до 4 часов, и едва ли можно так поговорить с католическим попом. Теперь прощайте, любезный друг мой. Молитесь Богу обо мне, чтобы он меня сохранил в чистоте душевной. Боюсь похвастать, а меня не тревожат более скверные мысли. Я слишком занята: день у меня пролетает весь в деле, хотя я и не читаю. А у Бога прошу для вас смирения. Мне страшно, чтобы вы, видя влияние свое на людей, не возмечтали. Я ведь сама имею эту слабость – о себе возмечтать, а этот грех куда ведет далеко!

Я Плетнева письмо распечатала: конверт был слишком велик. Я его не читала. Знайте вы, что вам вперед не должно ни у кого занимать, как только у меня. У меня есть оттуда деньги, перед кем вся Россия в долгу[17]. Меня там знают и не отказывают».

[1] См. ***1844. Октября 24 <12>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***
[2] См. ***1844. Октября 29 <ноября 10>. Воскресенье. Гатчина.***
[3] См. ***1844. Октября 27 <ноября 8>. Пятница. Санкт-Петербург.***
[4] Граф Федор Иванович Толстой («Американец») (1782–1846).

[5] В первой главе «Мертвых душ»: «...только два русские мужика, стоявшие у дверей кабака против гостиницы, сделали кое-какие замечания...»

[6] Подробнее см.: ***1842. Мая между 23 и 28. Москва*** (примечания).

[7] См. ***1825. Декабря 14. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[8] Очевидно, аистов.

[9] Очевидно, Смирнова передает здесь суждения Тютчева. Идеей освобождения Константинополя поэт проникся еще в отроческие годы в разговорах с своим отцом, Иваном Николаевичем Тютчевым (1776–1846), воспитанником Греческого корпуса, основанного Екатериной II для осуществления этого проекта. Предполагался раздел Турции и создание на юго-востоке Европы Греческой империи под эгидой представителя дома Романовых, со столицей в Константинополе. В марте 1821 г. Тютчев беседовал об этом с М. П. Погодиным (см.: Тютчев в дневнике и воспоминаниях М. П. Погодина / Вступ. ст., публ. и коммент. Л. Н. Кузиной // Лит. наследство. Т. 97. Кн. 2. М., 1989. С. 12). В начале октября 1829 г. Тютчев перевел стихотворение баварского короля Людвига I, посланное в 1829 г. русским посланником при Баварском дворе И. А. Потемкиным вице-канцлеру графу К. В. Нессельроде. Стихотворение было написано по поводу заключения Андрианопольского договора между Россией и Турцией (2 сентября 1829 г.), предоставившего Греции автономию по отношению к Турции. Оно заканчивалось строками: «Стамбул исходит – Константинополь воскресает вновь...» (*Тютчев Ф. И.* Россия и Запад: Книга пророчеств. Статьи, стихи / Сост., примеч. И. А. Виноградова; Илл. Ф. В. Домогацкого. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1999. С. 82).

[10] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Славянофильство русское, польское и украинское: Н. В. Гоголь, А. Мицкевич и О. М. Бодянский // Гоголь и славянский мир. Шестнадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва, 29 марта; Белград, 30 марта – 4 апреля 2016 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2016. С. 69–77.

[11] Граф Виельгорский, служивший при русском посольстве в Берлине.

[12] Письмо неизвестно. 24 декабря (н. ст.) 1844 г. Гоголь отвечал Смирновой: «Какого-то длинного письма, которое, как вы писали, для меня будет интересно и которое должно было придти с верной оказией, <...> не получал».

[13] Ар. О. Россет, брат Смирновой.

[14] Соллогуб.

[15] См. ***1844. Сентября 10 <22>. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания).

[16] Имеется в виду протоиерей И. М. Наумов.

[17] Подразумевается Император Николай I. – См. также ***1844 декабря 30 <1845 января 11>. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург.***

ИЮЛЬ ИЛИ АВГУСТА ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – ОКТЯБРЬ <ИЮЛЯ СРЕДИНА – АВГУСТА НАЧАЛО ИЛИ АВГУСТА КОНЕЦ – НОЯБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА>. МАЛОРОССИЯ

А. С. Данилевский женился на У. Г. Похвисневой.

В. И. Шенрок, общавшийся с А. С. Данилевским в 1887 г., сообщал: «Во второй половине 1844 г. Александр Семенович женился на Ульяне Григорьевне Похвисневой...»[1]

Г. П. Данилевский в 1886 г. замечал: «Имя жены А. С. Данилевского, Юлии, Улиньки, дало Гоголю, как слышно, мысль назвать героиню второй части “Мертвых душ” – Улинькою»[2].

В. И. Шенрок, со слов самих супругов А. С. и У. Г. Данилевских, возражал: «Г. П. Данилевский едва ли основательно предполагал, что во втором томе “М<ертвых> Д<уш>” Уленька получила свое имя в честь У. Г. Данилевской, так как еще гораздо раньше женитьбы А. С. Данилевского был начат этот том, хотя, конечно, черновые рукописи самых первоначальных редакций не сохранились. Сама Ульяна Григорьевна и Александр Семенович были удивлены этим открытием Г. П. Данилевского и сомневались в справедливости его, так как, вероятно, Гоголь в таком случае едва ли скрыл бы от них этот факт»[3].

На самом деле прототипом Уленьки во втором томе «Мертвых душ» Гоголю послужила графиня Анна М. Виельгорская[4].

[1] Воспоминания А. С. Данилевского о последних днях жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 525.

[2] *Данилевский Г. П.* Знакомство с Гоголем // *Свод.* Т. 1. С. 317.

[3] <Примечания к письму <Гоголя А. С. Данилевскому> от 18 марта (н. ст.) 1847 г.> // *Свод.* Т. 1. С. 524. – В письме от 18 марта (н. ст.) 1847 г. Гоголь обращался к У. Г. Данилевской: «А вас прошу, моя добрая Юлия, или по-русски *Улинька*, что звучит еще приятней <...>, набрасывать для меня слегка маленькие портретики людей, которых вы знали или видаете теперь, хотя в самых легких и беглых чертах» (см. ***1847. Марта 18 <6>. Четверг. Неаполь***).

[1] См. ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино*** (примечания).

НОЯБРЯ 16 <4>. СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь посетил книжный магазин.

16 ноября (н. ст.) 1844 г. датирован счет (на печатном бланке) франкфуртского книготорговца и антиквара К. Югеля (Carl Jügel)[1]. Счет (на нем. яз.) обрывается на имени: «von Gogol» (далее следовал, по-видимому, перечень книг, приобретенных Гоголем)[2].

[1] См. также ***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***.

[2] *Свод.* Т. 2. С. 57.

НОЯБРЯ 5 <17>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Н. М. Языков пишет ответное[1] письмо Гоголю во Франкфурт:

«Отвечаю на твое письмо от 25-го окт<ября>. Радуюсь, что ты получил-таки книги, посланные мною с г-жою Анненковой. Продолжение переводов св. отцов пришлю тебе скоро — через кн<язя> Вяземского или через гр<афа> <И. П.> Толстого,— это продолжение идет, т. е. выходит, очень медленно: в 1844 году явилось только 2 книжки[2] вместо обещанных 4-х, а 1844 г. уже на исходе! Жаль! и даже странно и непонятно, почему почтенные издатели таких общеполезных книг действуют так вяло: они расходятся у нас нельзя лучше!

С месяц тому назад послал я к тебе через кн<язя> Вяземского книжку моих стихотворений[3]; тут собрано кое-что из старинных и кое-что из новых и новейших: книжка вышла не в диво и плохая, ни то ни се — но да не смущается сердце твое[4]: я уже собрал и приготовил к поданию в цензуру все мои стихи, сочиненные с 1834 по 1845 г.,— выйдет книжка[5] толстенькая и явится в начале будущего 1845 г. и к тебе во Франкфурт-на-Майне. Я совершенно согласен с тобою, что в моих стихах о сю пору повторяется прежняя мысль: *пора приняться за дело, а самого дела все нет!* Я вижу это и сам! Но это, брат, значит только то, что у меня есть только охота, и сильная охота, приняться за дело, а возможности приняться за дело еще нет. И теперь самое небольшое умственное напряжение производит или, лучше сказать, усиливает припадки моей болезни, так что мне, ей-Богу, нельзя порядочно и задуматься. Я же, с тех пор как живу в Москве, пью сарсинаривную[6] настойку, которая усиливает раздражение нервов и так далее и проч.

Мельгунов крайне доволен водным лечением, пишет о нем восторженно[7] и сильно и меня зовет на свежую воду. Мне бы хотелось снестись с ним по этой части – почему же и не испробовать: от Москвы до Рейна более, чем от Москвы же до Гаштейна! Но жаль, что я не знаю, куда писать к нему, он уехал уже оттуда, где лечился, а куда – не сказал ясно.

Шевыреву я сообщил твой вопрос о твоем письме к нему: он писать к тебе будет на днях. Погодин в страшном горе: у него жена больна безнадежно[8], и он расстроен невыразимо отчаянно! И. Киреевский приготовляется к изданию "Москвитянина" на 1845 г. — не откажись же ты исполнить мою просьбу, уважь ее, не порази, не бей меня, не бей меня».

[1] См. ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***.

[2] См. ***1844. Февраля 15 <3>. Четверг. Ницца*** (примечания).

[3] Сборник «HS <56> стихотворений Н. М. Языкова» (М., 1844).

[4] Ин. 14, 1.

[5] Сборник «Новые стихотворения Н. Языкова» вышел в Москве в 1845 г.

[6] Вероятно, имеется в виду искаженное название настойки Teinture de Salsepareille – приготовленной из растения рода Smilax сальсепарелль, или сарсепарелль (сарсапариль, сассапарилль; *фр.* Salsepareilles, Salsapairill, Sarsa; *нем.* Sarsaparilla; *англ.* Sarsaparil) (см.: *Dorvault F.* L'Officine ou répertoire géneral de pharmacie pratique. Paris, 1847. P. 464, 544; *Муравьева Д. А.* Тропические и субтропические лекарственные растения: Учебное пособие. 3-е изд. М.: Медицина, 1997. С. 267–268). Указано В. С. Карташовым. – См. также ***1838. Февраля 5 <января 24>. Понедельник. Рим.***

[7] См. также ***1844. Ноября вторая половина <декабря первая половина>. Москва.***

[8] Е. В. Погодина скончалась 6/18 ноября 1844 г. (см. ***1844. Ноября 6 <18>. Понедельник. Москва***).

НОЯБРЯ 6 <18>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Кончина жены М. П. Погодина Елизаветы Васильевны.

См. ***1844. Ноября 15 <27>. Среда. Москва.***

НОЯБРЯ 20 <8>. СРЕДА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский сообщает А. И. Тургеневу в Париж:

«О себе мне писать тебе совершенно нечего. Идет время, как заведенные часы. Живу между женою, дочерью и Гомером. Прибавь к ним Гоголя, который гнездится теперь в том гнезде, в котором ты гнездился[1]. А что он пишет, еще не знаю; не читал ничего, но пишет».

Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 56.

[1] См. ***1844. Сентября 19 <7>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

НОЯБРЯ 9 <21>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.

[2] *Гриц.* С. 337.

НОЯБРЯ 9 <21>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Кончина Ивана Андреевича Крылова.

НОЯБРЯ 23 <11>. СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет ответное[1] письмо графине Анне М. Виельгорской в Париж:

«Благодарю вас очень за письмо и за известия (письмо от 12-го ноября). Я думал долго о вашем пациенте[2]. Придумал одно средство, которое может с Божьей помощью помочь в этом деле, но средство это несколько крепковато. Желудок больного теперь его не сварит, ему покаместь полезны ваши попечения. Молитву, которую вы мне прислали, я уже получил почти за месяц прежде от Смирно-

вой[3]. Думаю об этом я таким образом. Если молитва пришла в наши руки, то по ней следует молиться. Вот и всё.

Я бы хотел знать, между каким классом наиболее разошлась в Петербурге эта молитва и кто ее доставил. И молится ли Петербург, помышляя в то же время о себе и рассматривая жизнь свою, или просто повторяет одни только слова молитвы, не входя в них душою и сердцем. <...>

О себе скажу вам пока только, что нечего о себе сказать. Слава Богу, нахожусь в положении обыкновенном, т. е. не сижу совершенно за делом, но не бегаю от дела, и прошу Бога о ниспослании нужного одушевления для труда моего, свежести сил и бойкости пишущей руки. Вы напрасно ищете в моих сочинениях меня и притом еще в прежних: там просто идет дело о тех людях, о которых идет дело в рассказе. Вы думаете, что у меня до такой степени длинен нос, что может высунуться даже в повестях, писанных еще в такие времена, когда был я еще мальчишка, чуть вышедший из-за школьной скамейки. Но об этом покаместь до будущего времени».

Спустя месяц, 24 декабря 1844 г., Гоголь писал также А. О. Смирновой о своих ранних повестях: «На сочинениях <...> моих не основывайтесь и не выводите оттуда никаких заключений о мне самом <...> В них точно есть кое-где хвостики душевного состояния моего тогдашнего, но без моего собственного признания их никто и не заметит и не увидит»[4].

Позднее, 29 октября 1848 г., Гоголь сообщал графине Анне М. Виельгорской о своей работе над вторым томом «Мертвых душ»: «Хотел бы я, чтобы по прочтении моей книги люди всех партий и мнений сказали: "Он знает, точно, русского человека. Не скрывши ни одного нашего недостатка, он глубже всех почувствовал наше достоинство". Хотелось бы также заговорить о том, о чем еще со дня младенчества любила задумываться моя душа, о чем неясные звуки и намеки были уже рассеяны в самых первоначальных моих сочиненьях. Их не всякий заметил...»[5]

В <Письме по поводу «Мертвых душ»> (1848) Гоголь замечал: «О, если бы то, о чем любила задумываться [душа моя] еще со дня младенчества, передать звуку и живому, определен<ному> образу, доступным всяко<му>, и в них была одна чистая истина! <...> Я бы хотел, чтобы не укорил меня никто в пристрастии, а лучше, чтобы люди самых противоположных мнений сказали обо мне: "Этот человек действительно узнал русскую природу. Не скрывши ни одного из наших недостатков, он почувствовал глубже других наше достоинство. Он сказал о нас верно"».

Почти в самом начале работы над «Мертвыми душами» Гоголь назвал свои ранние повести «отрывками тех явлений», «из которых долженствовала» создаться в его поэме «полная картина» (письмо к М. П. Погодину от 28 ноября (н. ст.) 1835 г.)[6].

Оканчивая письмо к Виельгорской, Гоголь заключал:

«Перецелуйте вместо меня маминьки[7] вашей ручки и ваши собственные и будьте здоровы».

[1] См. ***1844. Ноября 12 <октября 31>. Вторник. Париж.***

[2] Возможно, речь идет о графе В. А. Соллогубе (см. ***1844. Сентября 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***). – См. также ***1845. Сентября 11 <августа 29>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау.***

[3] См. ***1844. Октября 10 <22>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1844. Декабря 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

[5] См. ***1848. Октября 29. Пятница. Москва.***

[6] См. ***1835. Февраля 21. Четверг. Санкт-Петербург.*** – См. также ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка*** (примечания); ***1842. Сентября 11 <августа 30>. Воскресенье. Гастейн*** (примечания).

[7] Графиня Л. К. Виельгорская (рожд. герцогиня Бирон).

НОЯБРЯ 24 <12>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

Ф. В. Чижов отмечает в дневнике:

«...Писать[1]: 1) Гоголю».

Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 55.

[1] См. ***1844. Ноября 25 <13>. Понедельник. Рим.***

НОЯБРЯ 25 <13>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Ф. В. Чижов записывает в дневнике:

«Алекс<андр> Андр<еевич>[1] решительно болен, это скверно и мерзко, особенно потому, что это отдалит его от работы, а и без того у нее много отдалений. <...> Письмо[2] к Гоголю...»

Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 55–56.

[1] Иванов.

[2] Письмо не сохранилось. 9 января (н. ст.) 1845 г. Гоголь писал А. А. Иванову из Франкфурта: «...Чижову поклонитесь и скажите, что я *май* и даже *июнь* месяц пробуду во Франкфурте; впрочем, он во всяком случае узнает обо мне у Жуковского» (см. ***1845 января 9 <1844 декабря 28>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***).

НОЯБРЯ 15 <27>. СРЕДА. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет ответное[1] письмо Гоголю во Франкфурт:

«Сегодня получил я письмо твое, любезный друг, от 12 ноября н<ового> с<тиля> и сегодня же отвечаю. Бог лучше нас с тобою заботится об исправлении недостатков Погодина, если какие он имеет, потому что послал на него такие два несчастия, которые трудно перенести человеку. Видно, неизвестно тебе даже и первое[2], потому что на несчастного не сердятся; второе же еще так свежо и недавне, что не могло дойти до тебя. В маие месяце[3] соскочил он с дрожек, у которых сломалась ось, и переломил себе ногу. Два месяца вылежал он терпеливо и еще до сих пор не возвратил свободного употребления ноги, а ходит теперь на костылях. Не успел еще оправиться он от этого несчастия, как посетило его другое, еще ужаснее. Добрая, незабвенная Елизавета Васильевна[4], после шестинедельной жестокой болезни, которая состояла почти в беспрерывной тошноте и рвоте, кончила жизнь[5]. Погодин, бедный, убит горем. Четверо сирот[6] около него без матери. Дом опустел без жены, которая была кротким ангелом всего семейства. Нам ли исправлять его, друг, если Бог взялся за это? Нам ли тут что говорить?

Сегодня 10-й день смерти Елизаветы Васильевны. Ты догадаешься, что письмо твое пришло некстати; но ты, конечно, и не мог вообразить того. Ты поймешь, что пройдет еще много времени, пока я буду в силах заговорить ему о твоем портрете. Но сначала об нем самом и его исправлении и исправлении друг друга вообще. Я не знаю, с чего ты взял, что Погодин остался не узнан другими и разорвал связи с лучшими своими друзьями. Во время первого несчастия его вся Москва съезжалась к нему на Девичье поле, и тут-то мне приятно было видеть, как все, несмотря на его недостатки, единодушно любят его и принимают в нем живое, искреннее участие. Тут были все: и знатные, и ученые, и купцы, и ремесленники – все, все без исключения. Об нем сожалел весь город вкупе. Второе его несчастие соединило также всех около него. Память жены его свята была для всех, а ему сострадали все искренно. В таких несчастиях всего более узнается мнение, которое имеют об человеке. Погодин имел неприятности с друзьями – правда, но с такими, которые имели их с другими. Погодин не разорвал связи ни с кем, тогда как другие, его обвиняющие, разорвали ее со многими из прежних друзей своих. Он неряха в изданиях своих; ему это говорили несколько раз; но тем он вредит только самому себе, и сам это верно знает.

Ты собираешься исправлять его и мне поручаешь сделать это предварительно. Прекрасны мысли твои о взаимном исправлении, которым мы обязаны друг другу и о христианской обязанности нашей стремиться к совершенствованию. Но позволь мне прибавить к этому несколько собственных размышлений. Чтобы исправлять другого, надобно приобрести на то право исправлением самого себя, и если берешься за это, то браться за это в минуту самую спокойную, в минуту самой

сильной любви к человеку, а не в такую, когда на него хотя за что-нибудь сердишься. Тогда исправление пойдет впрок: иначе оно будет похоже на осуждение. Мне кажется, что ты в оба раза поступил так, когда брался исправлять Погодина. Первое письмо[7] написал ты к нему в ответ на письмо[8], которое тебя рассердило, и теперь второе пишешь также в ту минуту, когда еще сильно сердишься на него за портрет.

Теперь об этом портрете. Я решительно не понимаю, за что ты тут рассердился. В шутку скажу тебе, что твое кокетство (если ты его имеешь) могло быть оскорблено, потому что портрет не хорош, хотя и имеет сходство; но в натуре, без комплиментов, ты лучше, чем на портрете. Что же касается до самого действия Погодина, – я, право, не понимаю: что тут оскорбительного? Журналист хочет украсить свой журнал портретом писателя, любимого публикою. Это его выгода. Конечно, лучше б было спроситься. Но чем же обидел он твое смирение или твое самолюбие? Смирение твое не может страдать от этого, потому что славу свою ты не утаишь же от России, которая признает ее. Самолюбие могло бы оскорбиться только тем, что портрет не хорош; но если Государь Николай Павлович не сердится на свои дурные портреты, то зачем же оскорбляться твоему литературному величеству? Никто, конечно, не оподозрит в том ни тебя, ни Погодина, что вы по взаимному согласию это сделали. Остается отнятие собственности, но, конечно, ты за тем и не подумаешь гнаться. Растолкуй мне, сделай милость, в чем тут эта горькая неприятность, эта страшная история? Я решительно не понимаю. Никто здесь и не обратил внимания на это; никто не шумел: ни друзья твои, ни литераторы, ни публика, – и первый шум из этого дела подымаешь ты. Один студент, правда, просил меня подарить ему твой портрет особо, потому что он желал украсить им свою комнату. Другие студенты вырвали портрет из того экз<empляра> "Москвитянина", который они читают. Вот все, что об этом деле мне известно, и из этого ты видишь только, что портрету твоему, даже и не так удачному, радо молодое поколение, тебе вполне сочувствующее. Каким же образом могло это обстоятельство произвести значительное изменение в твоих работах и во времени выхода в свет труда твоего,— этого я уж никак и понять не могу.

Книги твои[9] здесь вовсе не расходятся. Тысячу экземпляров я получил от Прокоповича, но они лежат целехоньки. Книгопродавцы говорят, что им выгоднее продавать в Петербурге, потому что уступается более процентов. Не понимаю, каким же образом Прокопович не только денег к тебе не присылает, но даже и не пишет к тебе? Ведь вот не хочешь же ты сознаться, что ты дурно сделал, доверив все это дело в Петербурге таким людям, которые не стоили твоей доверенности. Ты предпочел их твоим московским друзьям и вверил твои самые значительные интересы людям, почти тебе чужим. Ты боялся кого здесь? Погодина; но стоило тебе сказать Аксакову и мне: "Берегите мою собственность и печатайте только особо, а в журнал не давайте", и твое слово было бы свято соблюдено. Чего ты боялся? Совершенно пренебрегать таким делом ты опять не можешь, потому что оно ставит тебя в положение очень затруднительное: я это вижу.

Ни Аксакову, ни Языкову я еще заплатить не мог ни гроша. Денег в кассе твоих 300 р<ублей>. Базунов хотел прислать за 10-ю экз<емплярами>. На днях надеюсь сколотить тебе тысячу рублей асс<игнациями>, с своими, и прислать тебе.

Я боюсь, что некоторые подробности письма моего будут тебе неприятны. Но надо было их высказать. Всего грустнее для меня будет, если они отнимут у тебя хотя немного времени от труда твоего. Заключу несколькими литературными известиями. Первое грустное. Мы лишились Ивана Андреевича Крылова[10]. Верно, эта весть уже дошла до вас. "Москвитянин" переходит от Погодина к Киреевскому Ивану Васильевичу, который с нового года будет его полным издателем. Тебя вся братия приглашает к посильному участию, если это только не расстроит тебя ни в каких твоих занятиях. Затевается другой журнал в Москве – "Московское обозрение"[11], партиею немецкой или, лучше, варяжской стороны. Но явится ли к новому году, неизвестно. Я открываю публичный курс истории русской словесности с 25-го ноября. Древняя будет читана подробнее, новая короче. "Москвитянин" я постараюсь переслать тебе через книгопродавца Северина – как 43-й, так и 44-й год. Поклонись от меня душевно В. А. Жуковскому. Мельгунов мне писал[12] о осьми песнях "Одиссеи". С каким нетерпением я их ожидаю! "Наль и Дамаянти"[13] служила мне единственным отдыхом в нашей тяжкой современной литературе. Это и благовонно, и сладко. Собирался написать разбор, но отвлекли другие занятия. Изучению Василия Андреевича я посвятил недавно несколько време-

ни, потому что он взойдет в мои лекции; но мне недостает совершенно биографических известий о всем их поколении. Вигель один обещает записки; но это еще далекое будущее. Боюсь обременять своими просьбами[14] и быть нескромным. Верю, что память всего этого прекрасного прошедшего сохранится, но не скрою, что хотелось бы мне знать его, потому что я сознаю же в себе способность ему совершенно сочувствовать. Я намерен написать непременно подробную историю нашей словесности от начала до конца[15]. После публичных лекций примусь за труд письменный.

Письмо твое к Е. Г. Чертковой[16] я доставил. Не сказал еще ни слова тебе о семейной моей радости. Бог дал мне дочку Катеньку».

[1] См. ***1844. Ноября 12 <октября 31>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1844. Июня 2 <14>. Пятница. Москва.***

[3] См. ***1844. Мая 16 <28>. Вторник. Москва.***

[4] Жена М. П. Погодина.

[5] См. ***1844. Ноября 6 <18>. Понедельник. Москва.***

[6] Александра (1834 – после 1909), Дмитрий (1836–1890), Иван (род. 1842), Агриппина (род. 1844) Михайловичи Погодины.

[7] Имеется в виду письмо Гоголя к Погодину от 2 ноября (н. ст.) 1843 г. (см. ***1844. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки***; ***1844. Ноября 2 <октября 21>. Четверг. Дюссельдорф***).

[8] Имеется в виду письмо Погодина от 12 сентября 1843 г. (см. ***1843. Сентября средина, после 12 <после 24>. Москва***).

[9] Речь идет о «Сочинениях» Гоголя.

[10] См. ***1844. Ноября 9 <21>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[11] См. ***1844. Сентября 14 <26>. Четверг. Праздник Воздвижения Креста Господня. Москва*** (примечания).

[12] 22 октября (н. ст.) 1844 г. (см. ***1844 сентября 21 <9> – 1845 января 10 или 11 <1844 декабря 29 или 30>. Франкфурт-на-Майне***).

[13] Повесть Жуковского вышла отдельным изданием в 1844 г.

[14] После смерти Гоголя в 1852 г. Шевырев предполагал написать его биографию. Труд этот был только начат (см. ***1852. Апреля 2. Среда Светлой седмицы. Москва***).

[15] См. ***1844. Октября 12 <сентября 30>. Суббота. Париж*** (примечания).

[16] Письмо не сохранилось.

ИЮЛЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – НОЯБРЬ <ИЮЛЯ СРЕДИНА – НОЯБРЯ СРЕДИНА>. ОСТЕНДЕ ИЛИ ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет в Васильевку письмо к сестрам Анне, Елисавете и Ольге (датировка письма уточнена; письмо относится к числу тех, которые Гоголь просил мать и сестер перечитывать в своем завещании 1845 г.[1]):

«...только познакомить меня с тем, что есть, в каком виде находится всякая вещь, чтобы я понемногу наконец узнал всё. В продолжение целого года вы должны только отвечать на те вопросы, которые я вам буду задавать в письмах. О пустяках и о прочем вы [теперь] можете говорить с своими приятельницами, мне [до это<го>] до них нет никакого дела; времена настали сурьезные, и потому [мне] пишите об одном деле. Это не будет трудно, потому что я сам же вам подставлю лестницу и научу как сделать. Я от вас потребую не более как один час в день для такого занятия. Кажется, немного, можно пожертвовать этим временем. Прежде всего я должен узнать, что такое люди. На нравственности крестьян основывается всё: хороший человек всегда хороший хозяин. Итак, прежде всего начните сами осматривать избы[2]. Разделите деревню на три части, и пусть каждая из вас возьмет одну на свою долю. И начните по порядку, в день по избе довольно. Рассмотрите, как у них идет всё. Расспросите их каждого, во-первых, о нем самом, потом у него же о соседях, которые его окружают, и какого они рода. Мужа расспросите о жене, жену расспросите о муже. Обоих их расспросите о их детях. Потом расспросите об этой же семье у соседей. Таким только образом вы узнаете, что такое человек, а без того не узнаете. Это вы

должны сделать для меня, а если будете умны, то сумеете сделать кое-что и для себя, то есть для вашей собственной души, оказав в том и в другом месте много добра мимоходом, то есть одного укоривши, если он поступает худо, другого ободривши, если хозяйствует и держит себя хорошо. Для детей их, которые ведут себя получше, можете взять с собою кусок белого хлеба или пирога. А кто похуже всех прочих, о том можете сказать попу, чтобы он попрекнул его исправительным словом. И всем скажите, что теперь приближается такое время, что всем нужно жить по правде и побольше молиться. К вечеру того же дня напишите обо всем этом мне в письме, чтобы после не позабыть, и так всякий день. И когда письмо накопится и сделается длинно, отправляйте немедленно ко мне. И так пусть поступит каждая.

Порядок в записывании наблюдайте вот какой:

День, месяц и число. Изба такая-то... Хозяин такой-то, его имя, лета, каков сам видом, каков в разговоре и речах? Какие в нем хорошие качества, какие в нем дурные качества? Каков он на хозяйстве и работе, и какое он знает сверх обыкновенных работ свое особое мастерство, которого не знает другой. Потом — 1-е) каким он вообще показался вам на ваш собственный взгляд, 2-е) как отзывается о нем приказчик, 3-е) как отзываются о нем соседи.

Какова у него жена, какие ее качества? и какие ее занятия? и держит ли она в руках своего мужа или муж ее? Как отзывается о ней муж, как отзываются о ней соседи, как отзывается о ней приказчик. Иногда недурно расспросить и священника, каким он нашел и кого из них (если священник толковый).

Сколько у них детей, каких лет, каких качеств, как довольны ими отец и мать и, наконец, каков порядок в семье, избе и в их домашнем хозяйстве.

Все эти вопросы вы непременно должны иметь перед глазами, когда будете писать ко мне <...>, чтобы я видел, чем каждый разнится от другого. Чтобы я видел, так сказать, его личность, портрет, какими именно чертами и особенностями один хороший человек отличается от другого хорошего человека и дурной человек отличается от дурного.

Присообщите к этому и всякое доброе дело, какое вам случится кому-либо из них оказать. Его также опишите в письме. Когда кончите это дело, я вам дам потом другое, по другим частям. И когда таким образом я узнаю совершенно всё, т. е. все стороны дел, тогда только я сделаю свои распоряжения и дам советы, и вы увидите, что я отсюда, издалека буду управляться лучше вас, хотя вы стоите лицом и даже носом к вещам. <...> Но смотрите! теперь будет уже сильный грех на душе вашей, если мне не поможете! Еще раз повторяю, что за это дело вы должны взяться как за святое. Один час в дне вашем должен быть отдан всегда. Если время дурное и самим нельзя идти, призовите к себе, расспросите сидя приказчика и прочих. А визит не позабудьте в другое время.

Олинька, кроме того, должна написать мне о всех дворовых, кто они, сколько их числом, каким делом каждый из них занят, какого свойства, характера, каких лет и какие за каждым водятся особенные достоинства или же недостатки и пороки».

Спустя около года, в октябре — средине декабря (н. ст.) 1845 г.[3], Гоголь вновь писал сестрам: «Я не прошу моих сестер сделаться хозяйками, если это им не нравится или нет у них для того наклонностей, но я прошу их по крайней мере помочь мне сделаться самому хозяином. Я их просил помочь мне хорошенько узнать, что такое Васильевка и в каком положении находятся дела хозяйства, а не хозяйничать самим. Им и это тяжело! Я даже указал им, каким образом они могут меня познакомить. Просил сделать перебор всем избам и посетить до единого мужиков, сделав мне короткое описание характера каждого, и так как сестрам было невозможно трудно ходить в избы самим, я писал в следующем письме[4], чтобы по крайней мере каждая записа<ла> у себя имена их и, призвавши к себе приказчика в комнату хотя на 10 минут, расспросить его о том, каков такой-то мужик, какие за ним добрые свойства, какие недостатки, к какому делу более способен, в чем успевает, каков в общих экономических работах и каков в работах для себя, хозяин ли в дому своем, каков с жен<ою> и детьми, и таким же образом расспросить о жене и детях. Это легко было сделать за чаем и за завтраком и тут же записать, хотя по одной семье в день, не больше. Но и это им было трудно, и я до сих <пор> (хотя уже скоро год пройдет со времени моей просьбы) не получил даже и одного листика от них об этом, и только одна меньшая сестра[5] прислала перечень дворовых людей (довольно порядочный и удовлетворительный, хотя по странной какой-то рассеянности позабыла назвать всех по именам). Итак, я вновь прошу и молю обо всем этом еще один раз. Авось-либо хотя теперь, зная, что я больной, что мне трудно даже писать, исполнят они мою просьбу. [Расспроси приказчика]

Вот вопросы, на которые в таком порядке должны быть ответы.

1) *Изба такая-то.* Имя мужика, его жены, детей, их число и лета каждого.

2) Какие за ним добрые свойства и какие недостатки.

3) Каков с женой, с детьми и каков хозяин в дому.

4) Каков в работах экономических и какое знает особенное ремесло, сверх обыкновенных работ.

5) Какого свойства жена, какие недостатки у ней. Какое знает ремесло, как с детьми и каковы дети качествами.

Каждая должна эти вопросы списать и иметь всегда перед глазами и в письмах ко мне выписать каждый из них и тут же под ним написать ответ. Если и не успела чего расспросить, вопрос все-таки должен быть выставлен, а под ним причина, почему нет ответа. Пропускать ничего не нужно.

Всякий день положить себе непреме<нно> составить описание одной семьи, для этого немного понадобится времени».

[1] См. ***1845. Июня между 18 и 26 <между 6 и 14>. Гостиница по дороге из Франкфурта-на-Майне в Гастейн*** (примечания).

[2] См. также ***1844. Июня 12 <мая 31>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***

[3] См. ***1845. Октябрь – декабря 20 <сентября средина – декабря 8>. Рим.***

[4] Письмо не сохранилось.

[5] Ольга Васильевна.

НОЯБРЯ 16 <28>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

С. Т. Аксаков отправляет во Франкфурт ответное[1] письмо Гоголю:

«Очень, очень давно не писал я вам... <...> Даже не помню, когда я писал... Знаю только, что я не отвечал на письмо ваше[2], которым не совсем был доволен: это был ваш ответ на мое горячее письмо[3], вылившееся из глубины души. Вы, конечно, не подумаете, что ваше письмо было причиной моего долговременного молчания. Совсем нет... <...> Ничего не может быть суетливее, скучнее и огорчительнее того образа жизни, который вел я с 9 мая по 6 октября! Больная[4] моя жила в Петровском парке, а остальное семейство в подмосковной[5]: мы с Ольгой Семеновной скакали то туда, то сюда... <...> Наконец, 5 октября переехали в Москву... <...> Я думаю, вы уже знаете о несчастии бедного Погодина[6]... <...> ...Он, по счастию, истинный христианин и покуда переносит великодушно тяжкое испытание. <...> Костя переписывает набело свою диссертацию[7]; Иван возвращается с ревизии из Астрахани[8], где он действовал с неожиданным, изумительным даже для меня достоинством мужа, а не юноши; Гриша служит товарищем председателя Гражд<анской> палаты во Владимире и хотя не изумляет меня, но утешает более Ивана... <...> Кругом меня валятся, как снопы, мои сверстники, товарищи, приятели (вы знаете о Княжевиче[9]?)».

[1] См. ***1844. Ноября 12 <октября 31>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1844. Мая 16 <4>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Франкфурт-на-Майне.***

[3] См. ***1844. Апреля 17 <29>. Понедельник. Москва.***

[4] О. Серг. Аксакова.

[5] В конце 1843 г. С. Т. Аксаков приобрел усадьбу Радонежье (Абрамцево). 12 декабря 1843 г. В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской: «Это маленькое имение в 50 верстах от Москвы по дороге к Троице, в 12 верстах не доезжая Троицы Сергия. Кажется, тут все есть, хоть в малом виде, *все*, что нам надобно, дом довольно поместительный, сад, местоположение прекрасное, речка, лес, пруды...» (*Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем. М., 1960. С. 269).

[6] Речь идет о кончине первой жены М. П. Погодина Елизаветы Васильевны (см. ***1844. Ноября 6 <18>. Понедельник. Москва***).

[7] Диссертация К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» была закончена, вчерне, в 1839 г.; окончательно завершена в 1845 (см. ***1845. Августа конец – сентября до 5 <сентября до 17>. Москва***), напечатана в 1846 г. в Москве, защищена в марте 1847 г.

[8] И. С. Аксаков в 1844 г. принимал участие в астраханской ревизии князя П. П. Гагарина.

[9] Кончина Д. М. Княжевича последовала 1 октября 1844 г.

1843 ИЮЛЯ 8 <ИЮНЯ 26>[1] – 1844 НОЯБРЬ <НОЯБРЯ СРЕДИНА>

Гоголь перечитывает[2] славянскую Библию[3].

2 декабря (н. ст.) 1844 г. Гоголь обращался к Н. М. Языкову: «...Перетряхни старину. Возьми картины из Библии или из коренной русской старины...»[4] В письме к поэту от 25 декабря (н. ст.) того же года он повторял: «Друг! много, много есть теперь предметов для лирического поэта. Всему этому найдет соответствующие картины он в Библии, где до того всё живо, что, кажется, писано огнем, а не тростью»[5].

«К стыду, у нас, может быть, едва отыщется человек, — обращался также Гоголь к современникам в наброске к заключительной главе второго тома “Мертвых душ”, — который бы прочел Библию, тогда как эта книга затем, чтобы читаться вечно...»

В составленном Гоголем «объяснительном словаре» русского языка[6] большое место занимают слова, выписанные при чтении славянской Библии: «лайно» (Соф. 1, 17), «мшица» (Иоил. 1, 4), «ошиб» (Иов. 40, 12; Притч. 26, 17), «плищ» (Иез. 7, 11), «подвой» (Ис. 57, 8), «перистание» (Песн. 7, 5), «пругло» (Иов. 18, 8; Ос. 5, 1), «рогоз» (Иов. 40, 16), «синль» (Иоил. 1, 4), «сулица» (Неем. 4, 13), «трекровный» (3 Цар. 6, 8), «тристат» (3 Цар. 9, 22), «увал» (Дан. 8, 3), «хрепетать» (Ос. 4, 18), «властель» (3 Цар. 16, 2), «завора» (Неем. 3, 3; Сир. 28, 29), «звиздать» (2 Пар. 29, 8) и др.

Вероятно, экземпляр Библии, который в то время был в распоряжении писателя — «Библия, или Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета» (М., 1820) (с наклеенной на обороте первого листа немецкой литографией, изображающей св. пророка Моисея), — Гоголь подарил позднее сестре Анне[7]. На полях экземпляра имеются карандашные пометы и записи Гоголя[8]. Из них пометы в Книге пророка Исаии и в Книге пророка Захарии перекликаются с содержанием обширной выписки Гоголя *<45>. Пророчества о Христе* (из послания св. Афанасия Александрийского к князю Антиоху) в сборнике «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви»[9]. (Выписка сделана из третьего тома журнала «Христианское Чтение» за 1842 г. и представляет собой состоящий из 12 разделов ответ на вопрос: «Христа исповедуют и Христиане и Иудеи. Но поелику Иудеи отвергают пришествие Его, говоря, что будет время, когда Он придет: то чем можем убедить их, что Иисус Христос есть Бог, и что Он истинный, а не льстец, как они думают?»)

Две пометы Гоголя в Послании к Евреям св. апостола Павла («Если отвергавший Закон Моисея умирал, колми паче Закон Христа»; «Страшно впасть в руки Бога живаго»; гл. 10, ст. 28, 31) соотносятся со строками статьи *XIV. О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности* в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Христианин перед тем, чтобы обвинить кого-либо в таком уголовном преступлении, каково есть непризнанье Бога в том виде, в каком повелел признавать Его Сам Божий Сын, сходивший на землю, задумается, потому что дело это страшное». Статья эта была датирована Гоголем 1845 г.

Избирательный, судя по пометам в настоящем издании, характер чтения Гоголем книг Библии, свидетельствует, что писатель обращался к хорошо знакомому ему тексту. Гоголь сосредоточивал внимание преимущественно на общем содержании читаемых глав, нежели на частных вопросах.

[1] См. ***1843. Июля 8 <июня 26>. Суббота. Баден-Баден.***

[2] См. также ***1831. Сентября 28 — октября 24. Санкт-Петербург***; ***1837. Июля около 15 — августа не позднее 27–28 <июля около 3 — августа не позднее 15–16>. Баден-Баден, Страсбург, Баден-Баден***; ***1839. Июня первая половина (после 5 числа) <мая конец (после 24 числа)>. Фраскати, вилла Фальконьери***; ***1840. Января 2. Вторник. Москва*** (примечания); ***1841. Марта средина <марта начало>. Рим.***

[3] См. также ***1850. Января 12. Четверг. Москва***; ***1850. Июля 1. Суббота. Сорочинцы, Васильевка, Полтава***; ***1850. Октября 26. Четверг. Одесса***; ***1851. Января 24. Среда. Одесса***; ***1851. Октябрь. Москва.***

[4] См. ***1844. Декабря 2 <ноября 20>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне.***

[5] См. ***1844. Декабря 26 <14>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[6] См. ***1848 октября вторая половина — 1849.***

[7] См. ***1850. Июля 1 — сентябрь после 23. Васильевка.***

[8] *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 144–160.

[9] См. ***1843 ноября 19 <7> — 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.***

ДЕКАБРЯ 1 <НОЯБРЯ 19>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет ответное письмо А. С. Данилевскому в Киев:

«Письмо твое было бы для меня сюрпризом, если бы дня за четыре до него не получил я от маминьки известия о твоей женитьбе[1]. Но не совестно ли, извещая об этом, не упомянуть ни слова как всё это случилось и каким образом вас Бог свел? <...> ...Прошу тебя отвечать на следующие три запроса: 1) В каком положении находятся ваши достатки... <...> 2) Дай мне понятие, сколько возможно понятное, о жене... <...> 3) Опиши мне, как вы проводите время. <...>

О Прокоповиче я сам не имею никаких известий[2]. <...> Вышло всё вверх ногами: издание[3] напечатано плохо; вместо заемн<ых> 30 тысяч я до сих пор не получил и одной тысячи, а между тем издание, как вижу из газет и журналов, продается не совсем дурно. Я бедствовал почти два года, перебиваясь кое-как новыми займами, и не получал никакого ответа ни на одно из моих писем; одно писал даже укорительное[4], обвиняя его в бесчувственности к положению другого, но и на него не было ответа; просил у других[5] разведать об этом деле, разведывал сам всячески, желая хоть стороною добиться, и никто даже из обещавших написать ко мне не написал. Наконец я махнул рукою и бросил это дело. Более всего беспокоит меня неизвестность, жив ли сам Прокопович».

[1] А. С. Данилевский в июле или второй половине августа-октябре 1844 г. женился на Ульяне Григорьевне Похвисневой (см. ***1844. Июль или августа вторая половина – октябрь <июля средина – августа начало или августа конец – ноября первая половина>. Малороссия***).

[2] Ср. ***1844. Между декабря 1 и 14 <между ноября 19 и декабря 2>. Франкфурт-на-Майне***.

[3] Собрание сочинений в четырех томах.

[4] Письмо не сохранилось (см. ***1844. Мая 10 <апреля 28>. Пятница. Франкфурт-на-Майне*** – письмо к П. В. Анненкову).

[5] П. А. Плетнева (см. ***1843. Октября 6 <сентября 24>. Пятница. Дюссельдорф***) и П. В. Анненкова (см. ***1844. Февраля 10 <января 29>. Суббота. Ницца***).

НОЯБРЯ 19 <ДЕКАБРЯ 1>. ВОСКРЕСЕНЬЕ[1]. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова пишет Гоголю во Франкфурт (по-видимому, письмо было отправлено позднее, 3/15 декабря 1844 г.[2]):

«Сегодня прошло утро прекрасно. Я была у обедни, потом читала детям Ев<ангелие>, заставила перечесть Верую, Отче наш и некоторые маленькие ектении наизусть, поспала с час и читала послание к Ефесеям, ап<остола> Павла к Коринфянам о любви, Ев<ангелие> от Иоанна: *"Да не смущается сердце ваше..."*[3] <...> Как моей душе теперь и ни легко, а напоминания ваши сторожат ее.

По сих пор и долго еще не буду вам говорить о ***[4]. Мне еще надо привыкнуть к невольной жизни, к ежеминутному недоверчивому взору и сердцу, чтобы что-нибудь сделать для него. <...> Мне трудно, очень трудно. Мы думаем и чувствуем совсем иначе; он на одном полюсе, а я на другом; а магнитной силы, этой высокой любви, о которой вы мне говорите, я еще не добилась.

Прощайте, хохлик. В Петербурге деется много чуда, но в письме того не пересказать, да и зачем вас попусту тревожить! Вы знайте свое дело – молитесь. Молитесь за меня, за всех ваших друзей, да бережет их и нас Господь. Теперь идет ко мне упр<авитель> со всеми деревенскими рассчетами и *циркулярами*. Я заведываю с приезда Н<иколая> М<ихайловича> всеми вотчинами. Денег нет, но будут. Я говорю, как вы. А буде вам они нужны, прошу не сметь их просить у чужих».

[1] Датировка письма уточнена. В. И. Шенроком, впервые опубликовавшим это письмо, оно было датировано, по-видимому, ошибочно: «Петербург. Ноября 18, в воскресенье» (*Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 10. С. 135).

[2] См. ***1844. Декабря 3 <15>. Воскресенье. Санкт-Петербург***.

[3] Ин. 14, 27.

[4] О муже, Н. М. Смирнове (ср. ***1844. Октября 29 <ноября 10>. Воскресенье. Гатчина***; ***1844. Декабря 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***).

ДЕКАБРЯ 2 <НОЯБРЯ 20>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет ответное[1] письмо Н. М. Языкову в Москву (согласно почтовому штемпелю[2], письмо было отправлено 5 декабря; позднее оно было использовано Гоголем при написании главы *XV. Предметы для лирического поэта в нынешнее время* «Выбранных мест из переписки с друзьями»):

«Благодарю тебя, друг, за письмо от 5 ноября, а еще больше благодарю за книжечку[3] от кн<язя> Вяземского. Благодарю еще более Бога за то, что желание сердца моего сбывается. Говоря это, я намекаю на одно стихотворение твое, ты верно сам догадаешься, что на Землетрясение[4]. Да послужит оно тебе проспектом вперед! Какое величие, простота и какая прелесть внушенной самим Богом мысли! <...> Скажу тебе также, что Жуковский подобно мне был поражен им и признал его решительно лучшим русским стихотворением. Это слишком много, потому что он вообще был строг к тебе и, умея отдавать должное твоим стихам, нападал на главное, что после них (так он выражался), как после прекрасной музыки, всё вслед за очаровавшими звуками унеслось, и никакого определенного вида не имеет оставшееся впечатление. Он говорил часто (в чем отчасти и я был с ним согласен), что везде у тебя есть восторг, который никак не идет вперед, но стоит на одном месте, именно потому, что не получил определенного стремленья. Он никак и не думал, чтобы у тебя могло когда-либо это возникнуть (он не мастер прорицать), и на мои замечания, что всё произойти может от душевных внутренних событий, слегка покачивал головой. И потому ты можешь себе представить, как мне радостно было его восхищение. Он несколько раз уже прочел с возрастающим удовольствием это стихотво<рение>, которое я читаю почти всякий день. Видишь ли, как в общем крике массы, в этой [и в этой] строгой современной требовательности от поэтов есть что-то законное. Едва малейший ответ на это всеобщее алканье души – и уже вдруг всё сопрягается, даже и то, что еще недавно бы не потряслось. Ради святого неба, перетряхни старину. Возьми картины из Библии или из коренной русской старины, но возьми таким образом, чтобы они пришлись именно к нашему веку, чтобы в нем или упрек или ободренье ему было. Сам Бог тебе поможет, и сила, возникшая из твоего творенья, обратно изольется на тебя самого. Недавно я нашел в Отеч<ественных> Записках выписки из книги: Выходы Царей[5], которые, кажется, были привед<ены> с тем, чтобы показать незначительность таких описаний. Но в них так свежи изображенья наряда и всех цар<ских> облачений и так каждое слово кажется создано на то, чтобы уложиться в стих, что мне так и представлялся царь, идущий к вечерне. В твоем стихотворении Олег[6], которое тоже затмило прежние, уже проглядывают сильно черты нашей старины (хотя время по причине страшной отдаленности для нее неблагоприятно). Сочинение это однако ж у нас пройдет незамеченным именно потому, что в мысли его нет свежего, [живого] находящего ответ теперь. Заставь прошедшее выполнить свой долг, и ты увидишь, как будет велико впечатление. Пусть-ка оно ярко высунется для того, чтобы вразумить настоящее, для которого оно и существует. Выведи картину прошедшего и попрекни кого бы то ни было в прошедшем, но таким образом, чтобы почесался в затылке современник. Клянусь, никогда не приходило времени так значительного для лирических поэтов, каково ныне, но ты сам это чувствуешь и знаешь лучше меня. <...>

Благодарю Н. Н. Ш<ереметеву> за письмо. Поклонись Хомяковым, Авд<отье> Петр<овне>[7] и Свербеев<ым>, если увидишь».

[1] См. ***1844. Ноября 5 <17>. Воскресенье. Москва.***

[2] См.: *Городецкий*. С. 472.

[3] Сборник «HS <56> стихотворений Н. М. Языкова» (М., 1844).

[4] Стихотворение было впервые опубликовано в № 10 «Москвитянина» за 1844 г. Вошло в сборник «HS <56> стихотворений Н. М. Языкова», вышедший в том же году и посланный Языковым Гоголю за границу с князем П. А. Вяземским. Собственноручный список стихотворения Гоголь приложил к письму к графу

А. П. Толстому от 24 декабря (н. ст.) 1844 г., для передачи графине Л. К. Виельгорской и ее дочери Анне Михайловне (см. ***1844. Декабря 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***). По свидетельству Л. И. Арнольди, в 1849 г. Гоголь называл «Землетрясение» Языкова «лучшим русским стихотворением» (см. ***1849. Июля 4 или 5. Понедельник или вторник. Москва, Малоярославец***).

[5] Имеется в виду изданная П. М. Строевым книга «Выходы Государей Царей и Великих Князей, Михаила Феодоровича, Алексия Михайловича, Феодора Алексиевича, всея Русии Самодержцев. (С 1632 по 1682 год)» (М., 1844). Заметка об этой книге и выписки из нее были напечатаны в № 5 «Отечественных Записок» за 1844 г. Автором заметки был П. Н. Кудрявцев. – См. также ***1844. Июня около 20 <8>. Баден-Баден*** (примечания).

[6] Стихотворение «Олег» датировано: «1826. Дерпт»; вошло в сборники Н. М. Языкова 1833 и 1844 гг.

[7] Елагина.

НОЯБРЯ 26 <ДЕКАБРЯ 8>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова пишет Гоголю во Франкфурт (письмо, по-видимому, было отправлено позднее, 3/15 декабря 1844 г.[1]):

«Сегодня я свое воскресенье подгадила. Легла вчера рано, читала долго, заснула в три часа, встала в десять и застала обедню за Херувимской. От этого у меня голова никуда не годилась; заснуть мне помешали, и я читала всякую всячину. Между этой всякой всячиной читала Оленьке[2] вслух статью Хомякова в “Библиотеке для Воспитания” о Федоре Ивановиче[3]. Это вещь удивительная, но для ребенка обыкновенного немного тяжело. Да Оленька, впрочем, ребенок необыкновенный, но и она не поняла ее. Может быть, и то, что она по-русски еще плохо знает и что не только общий смысл, но и смысл слов ей еще недоступен. Тут в одном месте вылилась совершенно ваша душа. Я вам выписываю одну страничку[4]; она же последняя и прекрасно венчает все намерение этой статьи.

“Конечно, нельзя сомневаться, что Годунов, облеченный в полную доверенность царскую, управлял всеми делами государства; но можно быть уверенным, что даже и без Годунова царствование Федора Ивановича было бы временем мира и славы для его подданных. Если государь правдолюбивый ищет доброго совета, добрый совет является всегда на его призвание. Если государь-христианин уважает достоинство человеческое, престол его окружается людьми, ценящими в себе выше всего достоинство человеческое. Ум многих, пробужденный благодушием одного, совершает то, чего не могла бы совершить мудрость одного лица, и предписания правительства, согретого любовью к народу, исполняются не страхом, а теплою любовью народною. *Любовь же одна созидает и укрепляет царства.* Поэтому не приписывайте всего царскому советнику Борису Ф<еодоровичу> Годунову и знайте, как много Россия была обязана царю Феодору Иоанновичу, вспоминайте его имя с благодарностию и, когда пойдете в Кремль, в Архангельском соборе (с южной стороны, в приделе) поклонитесь гробу доброго царя Феодора Иоанновича, последнего из венценосцев Рюрикова рода”.

Есть еще в этой книге хорошая статья Шевырева о Рафаеле[5]. Если вы хотите, я вам пришлю этот журнал за прошлые месяцы. Прочтите Васильку[6] эту страничку. Он как-то совсем отстранил себя от всякого движения. У меня для вас лежат два пакета книг, остановка за оказией. Между ними и “Феофан” от Самарина[7]. Маленькое письмо от него при сем распечатано за неприличностью своего облачения; так было и письмо Плетнева[8]. Плетнев же, по совершении своего подвига, уже более ко мне не является.

Самарина статья мне очень полюбилась, в ней много прекрасного. Но мне показалось, что более передумано об истине христианской, чем перечувствовано.

Вытребуйте от Тургенева[9] письмо Чаадаева по случаю его диспута в университете[10]; вам будет приятно узнать, как все происходило. Но говорят, будто бы Чаадаев подсмеивается тут над ним или, лучше, над тенденцией, отдавая справедливость таланту и знанию. Дело в том, что очевидцы рассказывают чудеса о его хладнокровии и скромной уверенности, сам же он и не понимает об это<м> триумфе. Умен он очень, и добр, и чист сердцем, но ясность совершенную тогда получит, когда поверит безусловно истине; тогда обретет науку, тогда готов будет на дело — не на дело бес-

плодное, *каково оно без веры*, а на дело исполненное любви; тогда, может быть, если Богу угодно, он его и уполномочит для будущности. Это я все ему повторяю беспрестанно и пророчу смерть духовную без веры.

Впрочем, я вам письмо Чаадаева сберусь с силами и перепишу, а вы молитесь всегда за Россию, за всех тех, которым нужны ваши молитвы, и за меня, грешную, вас много, много и с живою благодарностию любящую. Вы мне сделали жизнь легкую; она у меня лежала тирольской фурой на плечах. А признаться ли вам в своих грехах? Я совсем не молюсь, кроме воскресенья. Вы скажете мне, очень ли это дурно, потому что я, впрочем, непрестанно – иногда свободно, иногда усиленно – себя привожу к Богу. Я с ленцой; поутру проснусь поздно, и тотчас начинается житейская суета хозяйственная, и дети являются. Не менее того, я часто твержу: *едино же есть на потребу*[11], и даже чувствую, что от светского самолюбия и тщеславия я вовсе отпала. Кое-когда и промелькнет гордая мысль, но в виде тех болезненных мыслей, которые выгоняются псалмами[12]. Однако вы знаете сердца хорошо; загляните поглубже в мое и скажите, не гнездится ли где-нибудь какая-нибудь подлость под личиною доброго дела или чувства. St. François de Sales где-то говорит: "Je suis pour moi tout un diocèse plus difficile à conduire que 10 000 âmes". St. François[13] себя хорошо знал и был чист как ангел, а я вам известна во всей своей черноте, и можете ли вы придумать, что точно так скоро сделалась благодатная перемена во мне, или я только себя обманываю, или приятель так меня ослепил, что я не вижу ничего и радуюсь сердцем призраку. Эта мысль меня иногда пугает в лучшие минуты жизни, когда я точно чувствую, что сердце согрето любовию беспредельной и благих намерений и желаний.

С Н.[14] мы в хороших сношениях, хотя я вижу, что он еще ждет какого-то *романа*; но в романе я права ему отказывать и при первой оказии, упираясь на слова Иоанна Михайловича Наумова[15], объясню ему теперешние наши сношения. Наумов же обещал сам с ним переговорить, в случае неудачи с моей стороны. Впрочем, и ему со временем объяснится все; надобно мне только хранить свой характер или свои намерения твердо. Он, однако же, страстно любит всякого рода объяснения; придется ему и словами растолковать. Ведь вы один доискиваться умеете до души без слов. <...>

Что вы так давно не пишете? Перестаньте хандрить. Ее-то, хандру, и надобно прогнать живым участием ко мне. Ведь я еще все-таки на самой низкой ступеньке стою, и вам еще не скоро меня оставлять. Напротив, вы более чем когда-либо мне нужны.

Двор переехал в Зимний, с сожалением оставив грустное и уединенное Гатчино. Я была там в четверг[16]. Все были очень ласковы, и более ничего и ничего. Надобно время[17].

Прислал ли вам Михаил Михайлович[18] книги из Берлина? Они еще на колесах туда поехали, а теперь мы уже по песку ездим в санях. Скажите, каково теперь вам в Франкфурте на Майне без Убри и Марченки? Я, чай, скучно. Как вы уживаетесь с Елизаветой Евграфовной[19]? У Жуков<ских> остались мои ноты; мне они нужны. Дать их Струве[20]; пусть пришлет с фр<анкфуртским> курьером.

Надежда Николаевна[21] расцветает как пион и продолжает удивлять слушателей неожиданностью своих ответов.

Прощайте. Люблю вас много и премного».

[1] См. ***1844. Декабря 3 <15>. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[2] Дочь Смирновой.

[3] *Хомяков А.* Царь Федор Иоаннович // Библиотека для Воспитания. Ч. 1. М., 1844. С. 215–238.

[4] Там же. С. 237–238.

[5] *Шевырев С.* Жизнь Рафаэля. Ч. 1 (Там же. С. 267–293).

[6] В. А. Жуковский.

[7] См. ***1844. Сентября 10 <22>. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания).

[8] См. ***1844. Октября 27 <ноября 8>. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1844. Ноября 3 <15>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[9] Александр Иванович.

[10] Речь идет о письме П. Я. Чаадаева к А. де Сиркуру от 15 января 1845 г., отправленном адресату через А. И. Тургенева вместе с письмом к нему от 15 февраля 1845 г.

[11] Евангелие от Луки, гл. 10, ст. 41–42.

[12] Живя в Ницце зимой 1843–1844 гг., Гоголь переписал для Смирновой псалмы и требовал от нее, чтобы она заучивала их наизусть (см. ***1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца***).

[13] Св. Франциск Сальский... «Я сам – целая епархия, которой труднее руководить, чем 10000 душами». Св. Франциск *(фр.)*.

[14] Лицо неустановленное. См. также ***1844. Сентября 26 <октября 8>. Вторник. Санкт-Петербург***. – Возможно, речь идет о В. А. Перовском. – См. ***1843. Апреля между 24 и 29 <между 12 и 17>. Светлая седмица. Рим, Альбано, Рим*** (свидетельство Смирновой в записках 1880–1881 гг. «Биография Александры Осиповны Чаграновой»); ***1843. Мая 1 <апреля 19>. Понедельник. Рим***.

[15] Протоиерей Иоанн Михайлович Наумов (1793–1879), законоучитель Екатерининского института, священник придворного собора Зимнего дворца, домового храма императорской фамилии.

[16] 23 ноября / 5 декабря 1844 г.

[17] Вероятно, здесь говорится о переживаниях царской семьи, вызванных смертью великой княгини Александры Николаевны (см. ***1844. Июля 29 <августа 10>. Суббота. Царское Село***; ***1844. Октября 29 <ноября 10>. Воскресенье. Гатчина***).

[18] Граф Виельгорский.

[19] Жена Жуковского.

[20] Антон Густавович Струве (1797–1846), секретарь русского посольства во Франкфурте.

[21] Дочь Смирновой.

ДЕКАБРЯ 12 <НОЯБРЯ 30>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь получает[1] от С. П. Шевырева письмо из Москвы[2]; пишет ответное[3] письмо матери в Васильевку:

«Во-первых поздравляю вас, почтеннейшая маминька, с наступающим годом, а во-вторых благодарю за все подробности письма. Жаль, что вы не описали мне молодую жену Данилевского[4]. <...> Я получил правда письмо и от него вслед за вашим; но, как все счастливые мужья, он слов употребляет мало, торопится и, как видно, занят другим. Зачем вы хлопочете так об уплате ему денег[5], которых он и сам не требует? Вы напишите ему, что хотели было посылать, но что я запретил. Вот и всё. Долг этот я ему уплачу, и он должен остаться моим заимодавцем, а не вашим.

[Не можете ли вы каким-нибудь образом узнать, но правда вам это трудно] Из Петербурга пишут ко мне о происшествии[6], случившемся в Иерусалиме, свидетелем которого был воронежский архиерей[7], бывший тогда у Гроба Господня, именно о слышании небесного гласа во время Божественной литургии, который был истолкован патриархом[8], как пророчащий бедствия миру, если он не покается. Мне прислали и молитву, привезенную архиереем. Судить о том не <наше> дело. Но если сами святители дали молитву и повелели по ней молиться, то, мне кажется, следует это исполнить. Но говорят, что молиться еще недостаточно: нужно слишком строго взглянуть на самого себя, рассмотреть протекшую жизнь нашу и исправить значительно настоящую. Выписываю слова этой молитвы, хотя, может быть, вы уже ее имеете, но тем не менее вы все-таки прочитайте всякий день со вниманием. То же должны сделать и сестры. Не мешает также прочесть ее и многим домашним, а особливо тем из живущих в нашей деревне, которые ленивы, нерадивы и дурно ведут себя. Душа человеческая такое сокровище, о котором нам следует всем получше позаботиться.

Вот молитва: "О Иисусе Христе! молим Тя, Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас и весь мир Твой от всякой погибели, Кровию Твоею дабы омылись грехи наши. О Боже Предвечный! яви милосердие Твое великое, молим Тя: прости, ради Пречистой Крови Твоей, ныне и присно и во веки веков. Аминь".

При молитве приложено было также увещание передать и другим 9 и более человекам, а потому я передаю и вам. Так как Воронеж от вас недалеко, то я думаю, вы знаете имя того архиерея, который был в Иерусалиме. Но, спеша кончить, советую вам тоже меньше принимать к сердцу всякие житейские огорчения. Они не стоят того, чтобы о них слишком много думать. Сам Спаситель велел нам прежде всего позаботиться о главном и прибавил: Остальное всё приложится вам»[9].

[1] См. ***1844. Декабря 17 <5>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***.

[2] См. ***1844. Ноября 15 <27>. Среда. Москва***.

[3] Несохранившееся письмо от матери было получено Гоголем в конце ноября (н. ст.) 1844 г. (см. ***1844. Декабря 1 <ноября 19>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне***).

[4] Ульяна Григорьевна (см. ***1844. Июль или августа вторая половина – октябрь <июля средина – августа начало или августа конец – ноября первая половина>. Малороссия***).

[5] См. ***1843. Февраля 26 <14>. Воскресенье. Рим***; ***1843. Марта 19 <31>. Пятница. Москва***; ***1843. Апреля 17 <5>. Великий понедельник. Рим***; ***1843. Мая 17 <5>. Среда. Гастейн***; ***1843. Октября 13 <1>. Пятница. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Дюссельдорф***.

[6] См. ***1844. Октября 10 <22>. Вторник. Санкт-Петербург***. – См. также ***1844. Ноября 12 <октября 31>. Вторник. Париж***.

[7] Святитель Антоний (Смирницкий) (см. ***1844. Октября 10 <22>. Вторник. Санкт-Петербург***).

[8] Патриарх Иерусалимский и всея Палестины Афанасий V (см. ***1844. Ноября 12 <октября 31>. Вторник. Париж***).

[9] Мф. 6, 33; см. также: Лк. 12, 31. – В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь упоминает об этих словах Спасителя дважды: в статье *XXII. Русский помещик* и в статье *XXVIII. Занимающему важное место*. Эти же слова являются определяющими для замысла повести Гоголя «Шинель» (1842) (см.: *Виноградов И. А.* «Я брат твой». О повести Н. В. Гоголя «Шинель» // Проблемы исторической поэтики. Вып. 6: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 3. Сборник научных трудов. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 2001. С. 214–239).

ДЕКАБРЯ 12 <НОЯБРЯ 30>. ЧЕТВЕРГ. ПАРИЖ

Граф А. П. Толстой в письме к Гоголю во Франкфурт приглашает его приехать в Париж[1]:

«Я, по вашим советам, читаю Подраж<ание> И<исусу> Х<ристу>[2] и буду постоянно продолжать, хотя не подается мне живой молитвы. – – – Все утро вы будете одни, а вечер – вы при свечах, кажется, никогда не пишете».

23 декабря (н. ст.) 1844 г. графиня Л. К. Виельгорская сообщала Гоголю из Парижа, что граф Толстой назначил ему в своей квартире комнату с отдельным входом[3].

[1] См. также ***1844. Декабря 23 <11>. Понедельник. Париж***; ***1845 января 9 <1844 декабря 28>. Четверг. Париж***.

[2] См. также ***1844. Февраля 14 <2>. Среда. Праздник Сретения Господня. Ницца***.

[3] См. ***1845. Февраля 13 <1>. Четверг. Париж***.

НОЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА <ДЕКАБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА>. МОСКВА

Н. М. Языков пишет Гоголю во Франкфурт (письмо, вероятно, было отправлено позднее, 2/14 декабря 1844 г.[1]):

«Водное лечение меня соблазняет: вчера я видел разительный пример Приснецева чудодействия! Человек, поехавший к нему едва движущимся, еле живым, испорченный долголетним аптечными даже водным лечением в Питере, был у меня молодец молодцом, крепкий, краснощекий. Что ни говори, а этакой очевидный, так сказать, осязательный факт очень красноречиво говорит больному против того способа лечения, в котором он, несчастный, имеет честь находиться 10 лет! Правда, что я теперь пишу стихи, и пишу стихи, как мне кажется, не болезненные, что я во время этого писания вовсе забывал мои болезненные припадки, но зато во время отдыха я очень, очень чувствую и вижу, как сокрушительно действует на меня эта деятельность!! Не грех мне и призадуматься и подумать, что, может быть, есть на свете возможность восстановить меня покрепче и понадежнее теперешнего!!

Мельгунов писал в Москву, что водное лечение переродило его сызнова[2]: он ведь и женился возрожденный только им – он, которого тоже много лет пользовали знаменитейшие врачи и самые рациальнейшия системы врачевания... Так-то!

Хомяковы и Свербеевы тебе кланяются, брат мой Петр Мих<айлович> тоже; Елагины и Киреевские тоже».

[1] См. ***1844. Декабря 2 <14>. Суббота. Москва.***

[2] См. также ***1844. Ноября 5 <17>. Воскресенье. Москва.*** – 16 ноября 1844 г. Н. М. Языков писал также Ел. П. Языковой: «Я продолжаю аллопатствовать и собираю сведения о водолечении: один из моих приятелей, которого имя, конечно, вы знаете, Мельгунов, лечился холодною водою где-то возле Кобленца и она помогла решительно, он стал молодец молодцом!» (*Языков Н. М.* Соч. Л., 1982. С. 373).

МЕЖДУ ДЕКАБРЯ 1 И 14 <МЕЖДУ НОЯБРЯ 19 И ДЕКАБРЯ 2>. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет ответное[1] письмо к П. А. Плетневу в Петербург:

«Письмо твое я получил. Благодарю тебя за искренность... <...> Бог знает, может быть, ты, узнавши что-нибудь из внутренней моей истории, проникнулся бы состраданием, и я не получил бы от тебя даже и этого письма, которое получил теперь. А мне нужны такие письма, как твое. <...> Но как судить о скрытном человеке, в котором всё внутри, которого характер даже не образовался, но который в душе своей еще воспитывается[2] и которого всякое движение производит только одно недоразумение? <...> Упреки твои в славолюбии могут быть справедливы, но не думаю, чтоб оно было в такой степени и чтобы я до того любил фимиам[3], как ты предполагаешь. В доказательство я могу привесть только то, <что> и в то время, когда авторская слава меня шевелила гораздо более, чем теперь, я находился в чаду только первые дни по выходе моей книги, но потом чрез несколько времени я уже чувствовал почти отвращение к моему собственному созданию и недостатки его обнаруживались предо мною сами во всей их наготе. <...> Все твои замечания о моих литературных достоинствах справедливы... <...> Но увы! и в них я не встретил ничего, что бы было неизвестно мне самому. И если бы я напечатал ту критику, которую я написал сам на Мертвые души вскоре после их выхода, ты бы увидел, что я выразился еще строже и еще справедливее тебя. <...> В Москве все, кроме, может быть, одного Языкова (который потому только несколько больше меня знает, что столкнулся со мной в горькие и трудные минуты жизни, в которые, как известно, узнается более человек), все такое обо мне имеют мнение, как и ты, также упрекают меня все в скрытности и недоверчивости, еще более твоего уверены, что считаю их ни во что и что тебя предпочитаю им. <...> Ты был довольно проницателен, сказавши, что главная вина всех моих недостатков мое невежество и невоспитание. Ты это почувствовал, но ты был только несправедлив, указывая мне пути, как избавиться от этого – дело, которое требует слишком большого изучения природы того человека, которому дается инструкция. Ты вызываешь невежу на брань с невежеством, требуешь, что<бы> я теперь уже указывал другим путь и прямую дорогу и, выражаясь твоими словами, указывал на заблуждение судей-самозванцев, но, друг мой, мне может всякий сказать: лекарю, вылечись прежде сам. Я слишком хорошо знаю, что я должен это выполнить. В то же время знаю и то, <сколько нужно для этого> чистоты душевной и лучшего устроения себя и почти небесной красоты нравов. Без того не защитишь ни самого искусства, ни всё святое, которому оно служит подножием. [Друг мой, эту цель я имею всегда у меня в виду, я для ней существов<ал> <...>] Цель, о которой говоришь ты, стоит неизменно передо мною. Она должна быть и у всех в виду, но стремления к ней различны и дорога к одному и тому же у всякого своя. <...> Крутые обстоятельства заставили меня прежде времени выдать некоторые сочинения, на которых я не имел времени даже взглянуть моими тогдашними глазами, не только теперешними, и в каком ярком виде я показал всем и свое невежество и неряшество и своими же словами опозорил то, что хотел возвысить. В делах моих прозаических, в отношениях дружественных, связанных со всем этим, произошли тоже целые облака недоразумений. Друг, кто воспитывает еще себя, тому не следует и на время заглядывать в свет... Детей

не пускают в гостиную, их держат в детской. Покаместь я не выучусь прежде тому, без чего мне и ступить нельзя в свет... <...> Я не в силах еще быть другом, даже если бы и захотел. Чтобы быть кому-либо другом, нужно прежде сделаться достойным дружбы. А до того времени едва ли не лучше бы отталкивать от себя, чем привлекать к себе[4]. Смотри, как верно сказано в Imitation de Jesus Christ. Nous croyons quelquefois nous rendre agreables aux autres par une liaison que nous formons avec eux, et c'est alors que nous commençons à leur deplaire par le déréglement de moeurs qu'ils découvrent en nous[5]. <...>

Друг, ну что если бы предположить, чтобы <нашелся> один такой страдалец, над которым обрушилась такая странность, что всё, что ни сделает и ни скажет, принимается в превратном значении, что все, почти до одного, в нем усумнились, и закружился пред ним целый вихорь недоразумений, и положим, что он видит всё, что происходит. Если бы вместо меня попался другой с душой, более нежной, еще не окрепшей и не умеющей переносить горя, и видел бы он всё, что происходит в сердцах друзей его и ближних к нему, и вся душа его исстрадала и изныла бы и чувствовала бы в то время, что он не может произнести и слова в свое оправдание, подобясь [тому, который, находясь в летаргии, слышит и видит, что его приняли за умершего и зарывают живого в землю, и он не в силах пошевелить ни одним составом] находящемуся в летаргии. <...>

Бог знает, что делается в глубине человека. Иногда положение может быть так странно [и даже страшно], что он похож на одержимого летаргическим сном, который видит и слышит, что его все, даже самые врачи, признали мертвым и готовятся его живого зарывать в землю. А видя и слыша всё это, не в силах пошевельнуть ни одним составом своим. <...> Если же тебе когда-нибудь сгрустнется обо мне и будет казаться: я иду дорогой заблудшего и не той, которой мне следует, то помолись лучше так в душе своей: Боже, просвети его и научи тому, что ему нужно на пути его. Дай ему выполнить то именно назначение, для которого он создан Тобою же, для которого вложил Ты же ему орудия, способности и силы. <...>

Поговорим теперь о прозаическом деле по поводу моих сочинений[6]. Я думал, что письмо твое разрешит мне всё, — не тут-то было, я остался в тех же потемках. Друг мой, ты говоришь, что Прокопович[7] хочет, чтобы я в особом дружеском письме изъяснил ему, что мне нужно знать от него. Но рассмотри ты сам мое положение. Я уже два письма[8] писал к нему, ни на одно ответа. Я требовал отчета [и денег] что ясней этого? Требовал цифр, известить меня, сколько экземпляров налицо, сколько продано, сколько отправлено, сколько у меня есть денег, просил даже до последних подробностей. <...> Выведенный из терпения молчанием, я написал жесткое письмо[9], в котором упрекнул в бессострадательности к положению другого. Я ничем не оправдываю своего поступка, я был виноват, но, друг, человек слаб, а обстоятельства бывают сильны, я был ими стиснут крепко. С одной стороны пишет мне мать, что у ней хотят описать [за дол<ги>] имение, если она вскорости не уплатит долгов и процентов, с другой я сам не получаю денег, наконец, я болен и духом и телом. В письме этом, как жестоко оно ни было, но в нем хотя упомянуто, что я нахожусь в сжатых обстоятельствах. Прежде помоги, а потом выбрани. Если же я так сильно оскорбил, что даже мне нельзя было и простить, в таком случае следовало бы все-таки написать мне хотя таким <образом>: ты меня так оскорбил, что я прерываю отныне с тобою все сношения. Делами твоими не хочу заниматься, сдаю их все такому-то, относись к такому-то. Словом, чтобы я знал, что предпринять. Как вместо всего этого заплатить полуторагодовым молчанием. Я из журналов вижу, что в Петербурге разошлись почти все экземпляры. (В Москве из тысячи не продан ни один.) А между тем в это время терплю, нуждаюсь и ничего не могу понять из этой странной истории.

Ты говоришь: Прокопович больше прав, чем я, я тому верю, мною обижен — это правда, я против этого и не спорю. Но ты говоришь, он меня любит. Друг, любовь слишком святая вещь, страшно и произносить это имя всуе. Всякий в свете разумеет по-своему любовь, и все мы далеки от ее истинного значения. Любовь умеет перенести и оскорбление, любовь великодушна, и собою же пристыжает ее оскорбившего. Согласись, по крайней мере, что вследствие таких необъяснимых для меня поступков, мог бы и я также усумниться во многом. Но клянусь, я больше умею верить душе человека, чем всем его поступкам, хотя меня все упрекают в недоверчивости. <...> По теперешнему твоему письму я еще более уверился, что с этим завязалось столько посторонних отношений, что

изъяснениям не будет <конца> до тех пор, пока я не решусь разом и вдруг прекратить всё это, и таким образом не развязать, а разрубить узел. Для этого есть одно средство, и потому превратим это дело разом из запутанного и глупого в благородное, умное и святое. Виноват во всем я... <...> Виноватый должен быть наказан. Я наказываю себя лишением всех денег, следуемых за экземпляры моих сочинений. Лишенья этого хочет душа моя, потому что оно справедливо и законно, и без него мне бы было тяжело. Всякий рубль и копейка этих <денег> куплена неудовольствиями и оскорблениями моих <друзей>, и нет человека, которого бы я не оскорбил, деньги эти тяжелели бы на моей совести. И потому, как в Москве, так и в Петербурге, [деньги эти] все отдаю в пользу бедных, но достойных студентов[10]. Деньги эти должны им прийтись не даром, но за труды. Труды эти должен им задать ты по собственному <выбору>, найдешь что нужным для всех нас перевести или сочинить. Будут ли эти переводы полезны для всех, напечатать ли отдельно или в "Современнике", как и кому сколько дать, всё это лучше тебя никто другой не в силах сделать, а потому ты не можешь отказать даже и тогда, когда бы я просил тебя не во имя дружбы. Все деньги до [последней копейки] за экземпляры, проданные в Петербурге, за вычетом, разумеется, процентов и коих <после> вычета должно быть близко 200 тыс<яч>, должны поступать вместо того, чтоб ко мне, к тебе. Прокопович поступит благородно, это я знаю, я в нем больше уверен. <...> Он будет аккуратнее, во всем отдаст [отчет тебе во всем] до последней копейки, [как приказчик. У Бога хорошо быть и приказчиком. Если же ему почему-либо нельзя будет возиться с книгопродавцами, то передаст тебе все экземпляры, счета, хлопоты и деньги]. <...> Всё это дело должно остаться навсегда тайной для всех, кроме вас двух. Всем говорите, что деньги за экзем<пляры> посылаются мне.

Ни ты, ни он не должны сказать о нем никому, как бы они близки ни были к вам, ни при жизни моей, ни по смерти моей. Я также не должен знать ничего, кому, как и за что даются деньги. Ты можешь сказать, что они идут от одного богатого человека, можно даже сказать Государю о лице, которое хочет остаться в неизвестности. Отчет в этом принадлежит одному Богу. В Москве сделают то же самое с там находящейся тысячью экземпляров. Только двое, Аксаков и Шевырев, которому отдано, введены там в это дело[11]. Но ни они вам, ни вы никогда не должны говорить об этом деле. Просьба эта должна быть исполнена во всей силе. Никаких на это представлений или возражений. Я жду одного слова *Да* и ничего больше. Воля друга должна быть священна. Вот мой ответ. Я должен сделать так, а <не> иначе, и доказательством этому служит моя совесть. Мне сделалось вдруг легко, и с души моей, кажется, свалилась вдруг страшная тяжесть. Итак, дело это решено, сдано в архив, и о нем никогда ни слова. А ты, друг, не вознегодуй на хлопоты, которые тебе здесь предстоят. Ты получишь много внутренних наслаждений, возбуждая молодых людей к труду и к занятию. Ты откроешь между ними много талантов. Если же откроешь, будь для них тем же, чем ты был для меня, когда я выступал на поприще. Поощряй, ободряй и упрекай, но не досадуй, если заметишь в них что-нибудь похожее на неблагодарность. Это часто бывает только одно своенравное движение юношеской гордости, покажи ему любовь свою и порази его новыми благодеяниями, и он будет твой на веки.

Благодарю тебя искренно и от всей души за твою готовность помочь мне собственными твоими <средствами>. Я попрошу у тебя прямо и без всяких обиняков. Теперь же покаместь мы устроились кое-как на этот счет с Жуковским еще до получения твоего письма. О деньгах я теперь забочусь меньше, чем когда-л<ибо>. [Самое трудное время] жизненной дороги уже перемыкано [и теперь мне даже смешно, что я об] этом хлопотал, тогда как [мне меньше] всех других на земле следовало об этом заботиться, и Бог всякий раз давал мне это знать очевидно. Когда я думал о деньгах, у меня их никогда не было, когда же не думал, они всегда ко мне приходили».

[1] См. ***1844. Октября 27 <ноября 8>. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1844. Ноября 3 <15>. Пятница. Санкт-Петербург***.

[2] См. также ***1843. Апреля средина – мая 2 <апреля начало – апреля 20>. Рим*** (примечания).

[3] См. также ***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***.

[4] В сочинении <О благодарности> (см. ***1842 октября 4 <сентября 22> – 1843 мая 2 <апреля 20>. Рим***) Гоголь также писал: «Кто получил много способностей и сил, тому нужно много стараться о приведении всего, что ни есть в нем, в стройность. Лучше ему не показывать своих преимуществ до тех пор, пока все не приидет в нем в полное согласие между собою и всякая сила не стала на свое законное место, иначе он обнаружит только

неровность своего характера. Не узнавши великих сил, в нем пребывающих, назовут движенья их капризами, делом самонадеянной самоуверенности. Он сам прослывет дерзким выскочкой, привлечет к себе ненависть на место любви...» Эта же мысль повторяется у Гоголя в «Предисловии» к «Выбранным местам из переписки с друзьями»: «...Я избегал встреч и знакомств <...> будучи <...> убежден, что по причине бесчисленного множества моих недостатков мне было необходимо хотя немного воспитать самого себя в некотором отдалении от людей». В письме к Н. М. Языкову от 5 октября (н. ст.) 1846 г., он также замечал: «У нас воображают, что все дело зависит от соединения сил и от какой-то складчины. Сложись-ка прежде сам да сделайся капитальным человеком, а без того принесешь сор в общую кучу».

[5] «Мы ищем иногда угодить другим, знакомясь с ними; а напротив, тогда-то и начинаем мы им быть противными по мере, как они видят беспорядок наших нравов» (*Фома Кемпийский.* О подражании Христу / Пер. М. М. Сперанского. 4-е изд. Спб., 1844. Кн. 1, гл. VIII. С. 21).

[6] Имеется в виду собрание сочинений в четырех томах.

[7] Ср. ***1844. Декабря 1 <ноября 19>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне.***

[8] Одно из двух упоминаемых Гоголем писем к Прокоповичу см.: ***1843. Сентября 24 <12>. Воскресенье. Дюссельдорф.*** Второе письмо утрачено (см. примеч. ниже).

[9] Письмо не сохранилось (см. ***1844. Мая 10 <апреля 28>. Пятница. Франкфурт-на-Майне*** – письмо к П. В. Анненкову).

[10] См. также письмо к С. П. Шевыреву от 14 декабря (н. ст.) 1844 г. (***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***). П. А. Кулиш в 1856 г. свидетельствовал: «...до сих пор у одного его друга <С. П. Шевырева> хранятся банковские билеты на 2500 рублей серебром, положенных в рост для помощи бедным талантливым студентам Московского университета» (см. ***1852. Мая 7. Среда. Москва***).

[11] См. ***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

ОСЕНЬ[1]. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

К. А. Трутовский посещает Ф. М. Достоевского в квартире на Графском переулке. Достоевский объясняет приятелю значение произведений Гоголя.

Из воспоминаний Трутовского: «Встретил меня Федор Михайлович очень ласково, участливо стал расспрашивать о моих занятиях. Долго говорил со мною об искусстве и литературе, указывал на сочинения, которые советовал прочесть, и снабдил меня некоторыми книгами. Яснее всего сохранилось у меня в памяти то, что он говорил о произведениях Гоголя. Он просто открывал мне глаза и объяснял глубину и значение произведений Гоголя. Мы, воспитанники училища, были очень мало подготовлены к пониманию Гоголя, да и не мудрено: преподаватель русской словесности, профессор Плаксин[2], изображал нам Гоголя как полную бездарность, а его произведения называл бессмысленно-грубыми и грязными. Но значение Гоголя было в то время уже так велико, а юность так восприимчива к новым великим талантам, что никакие профессора старого закала не могли затмить для нас образ великого Гоголя. Мы зачитывались его “Вечерами на хуторе близ Диканьки”. Конечно, на нас, юношей, действовала больше внешняя сторона его произведений – его юмор и лиризм».

Трутовский К. А. Воспоминание о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964. Т. 1. С. 107.

[1] *Якубович И. Д., Орнатская Т. И.* Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 94.

[2] В. Т. Плаксин, преподаватель русской словесности в петербургских учебных заведениях, в том числе в Главном инженерном училище, воспитанниками которого были Достоевский и Трутовский. – См. также ***1838. Мая 13 <1>. Воскресенье. Рим. Вилла княгини З. А. Волконской.***

ДЕКАБРЯ 14 <2>. СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь отправляет ответное[1] письмо С. П. Шевыреву в Москву:

«Друг, прости за глупое письмо мое[2]. Я понимаю, как оно было некстати и как было оскорбительно твоему сердцу читать его. Несчастие Погодина[3] меня бы поразило сильно, если б я не был уверен, что несчастий нет для христианина. Я напишу ему[4] с своей стороны в утешение то, что в силах будет мое бессилие написать ему. Друг, не от портрета, я сказал, замедление моих сочинений, но от тех душевных внутренних моих событий, к совершению которых во мне послужили странным образом видимые ничтожные дела и вещи, последним хвостиком которых был портрет. <...> Друг, не осуждай меня также за это излишнее кокетство, как тебе кажется, или какую-то кропотливую мелочь относительно всякого рода появлений моих в свете. Они истекают не из того источника, которому ты приписываешь. И прежде, даже в минуты большей самонадеянности и уверенности в себе, я и тогда чувствовал, что тому, кто может иметь влияние на других и, говоря вообще, на свет, тому слишком нужно опасаться выходить в свет с своими недостатками и несовершенствами. Люди так умеют смешать вместе хорошее с дурным, что в том человеке, в котором заметили они два-три хороших качества (особенно если эти качества еще картинны), им кажется всё хорошим. От этого даже гении производили вред вместо пользы. Преждевременное издание моих сочинений принесло существенную пользу только одному мне, именно потому, что с ним соединились такие внутренние события, происшедшие от всей этой бестолковой путаницы, что ужас меня объемлет при одной мысли: что бы я был без этих событий? <...> Не скрою даже и того, что помещенье моего портрета именно в таком виде, то е<сть> налитографированного с того портрета, который дан мною Погодину, увеличило еще более неприятность. Там я изображен, как был в своей берлоге назад тому несколько лет. Я отдал этот портрет Погодину[5] как другу, по усиленной его просьбе, думая, что он, в самом деле, ему дорог как другу, и никак не подозревая, чтобы он опубликовал меня. Рассуди сам, полезно ли выставить меня в свет неряхой, в халате, с длинными взъерошенными волосами и усами? Разве ты сам не знаешь, какое всему этому дают значение? Но не для себя мне прискорбно, что выставили меня забулдыгой. Но, друг мой, ведь я знал, что меня будут выдирать из журналов. Поверь мне, молодежь глупа. У многих из них бывают чистые стремления; но у них всегда бывает потребность создать себе каких-нибудь идолов. Если в эти идолы попадет человек, имеющий точно достоинства, это бывает для них еще хуже. Достоинств самих они не узнают и не оценят как следует, подражать им не будут, а на недостатки и пороки прежде всего бросятся: им же подражать так легко! Поверь, что прежде всего будут подражать мне в пустых и глупых вещах. <...> Но если вместо того мы чаще будем изображать им настоящий образец человека, [образ Того] Который есть совершеннейшее из всего, что увидел слабыми глазами своими мир и перед Которым побледнеют сами собою даже лучшие из нас или еще лучше, если мы даже и говорить им не будем о Нем, о совершеннейшем, но заключим Его сами в душе своей, усвоим Его себе, внесем Его во все наши движения и даже во всякий литературный шаг наш, не упоминая нигде о Нем, но употребив Его мысленным мерилом всего, о чем бы ни случилось говорить нам, и под таким уже образовавшимся в нас углом станем брать всякий предмет и всякого человека, великого или малого, простого или литератора, — всё выдет у нас само собою беспристрастно, всё будет равно доступно всем, как бы эти все ни были противуположны нам по образу своих поступков и мыслей. Не нужно даже бывает и говорить: "Я скажу вам в таком-то духе". Дух этот будет веять сам собою от каждого нашего слова. За тобою есть так же, как и за всеми нами, этот грешок. Ты несколько пристрастен. Я перечитал теперь все твои критики в Москвитянине за 1843, который выписал на днях из Лейпциха. О достоинствах не стану и говорить: там их слишком много; но черты пристрастия кое-где сквозят, иногда даже и часто. Особенно мне показалось их много там, где говоришь ты о моих сочинениях. Иногда видно как бы напряженное усилие увидеть больше достоинств, чем есть. Я очень знаю, что я сам виноват и многими довольно [глупы<ми>] неуместными и напыщенными местами [в моих сочинениях] ввел в заблуждение и недоразумение всех: одних заставил их принять не в том смысле, других заставил подозревать тайно, что я большой охотник до фимиама[6]. <...>

Поговорим еще раз, и уже в последний, о моих делах прозаических, по поводу собрания моих сочинений, путаниц от этого и прочее. <...> Виноват во всем я, кроме всех прочих вин, я произвел всю эту путаницу и ералаш. Я смутил и взбаламутил всех, произвел во всех до единого чувство неудовольствия и, что всего хуже, поставил в неприятные положения людей, которые без того не имели бы, может быть, никогда друг против друга никаких неудовольствий.

Виноватый должен быть наказан, и лучше наказать самому себя, чем ожидать наказанья Божьего. Я наказываю себя лишеньем денег, следуемых мне за выручку собрания моих сочинений. Лишенье это, впрочем, мне не стоит никакого пожертвования, потому что я не был бы спокоен, если бы употребил эти деньги в свою пользу. Всякий рубль и копейка этих денег куплены неудовольствием, огорченьями и оскорблением многих, они бы тяготели на душе моей. А потому должны быть употреблены все на святое дело. Все деньги, вырученные за них, отныне принадлежат бедным, но достойным студентам; достаться они должны им не даром, но за труд. Полное распоряжение и назначение труда принадлежит тебе. Что признаешь полезным ныне для всех перевесть на русский язык, заставь перевести, найдешь нужным задать собственное сочинение, задай. Сколько заплатить за труд и где его потом напечатать, в Москвитянине ли, или отдельно, или совсем не напечатать — все зависеть будет от твоих распоряжений и усмотрений. Что книга, покаместь, не продается, это не беда: я потом найду средство подтолкнуть и подвинуть ее продажу. Дело это должно остаться только между тобою и Серг<еем> Т<имофеевичем> Аксаковым, и я требую в этом клятвенного и честного слова от вас обоих. Никогда получивший деньги не должен узнать, от кого он их получил, ни при жизни моей, ни по смерти моей. Это должно остаться тайной навсегда. Ты можешь сказать им, что деньги от одного богатого человека или правительственного сановника, который хочет остаться в неизвестности. Никто из вас никому даже в своем доме, как бы он близок к нему ни был, не должен этого открывать никогда и ни в каком случае. На все расспросы других давайте один ответ, что деньги идут мне, и я получаю их в исправности. Я также не должен узнать, кому, как и когда идут эти деньги. Отчет в них и ответ принадлежит Богу. И потому смотреть на это дело, как на святое, и употребить с своей стороны все силы к тому, чтобы всякая копейка обратилась во благо. Настоящие благодеяния будут принадлежать вам; более всего тебе, потому что всё здесь зависит от умных распоряжений. Пословица говорит: Не штука дело, штука разум. Это вы прочитайте вместе с Аксаковым. И никаких против этого возражений или представлений! Желанье мое непреложно. Только таким образом, а не другим должно быть решено это дело. Как бы ни показалось вам многое здесь странным, вы должны помнить только, что *воля друга должна быть священна,* и на это мое требованье, которое с тем вместе есть и моленье, и желанье, вы должны ответить только одним словом: *Да.* То же самое сделано в Петербурге[7]. Там почти все экземпляры распроданы и деньги <собраны>, но я из них не беру ничего, и они все обращаются на такое же дело, с такими же условиями и вверяются также двум, Плетневу и Прокоповичу. Но ни вы им, ни они вам никогда не должны об этом напоминать, и если бы даже вам случилось когда-нибудь потом с ними встретиться, об этом ни слова, никогда и ни в каком случае. <...> Погодин также не должен узнать об этом никогда, когда он позаботится вопросами обо мне, скажите, что деньги идут ко мне исправно, и я ни в чем не имею нужды.

Вы обо мне также не заботьтесь. В течение почти двух лет я не буду иметь никакой надобности в деньгах. Во-первых, мы устроились кое-как с Жуковским, а во-вторых, мне теперь гораздо нужно меньше, чем когда-либо прежде. Из разного множества результатов, извлеченных мною из этой истории, которая была бестолкова, открыл я между прочим и то, что человеку гораздо нужно менее, чем он думает. И как бы ему ни показалось, что он ограничил себя, а в сущности выйдет, что и половины достаточно. Теперь мне смешно, когда подумаю, о чем хлопотал. Хорошо, что Бог был милостив и всякий раз меня наказывал: в то время, когда я думал о своем обеспечении, никогда у меня не было денег; когда же не думал, тогда они всегда ко мне приходили, и я имел больше, чем нужно. Итак, ты видишь, что менее всех должен заботиться о деньгах я. Посему, если ты не посылал еще мне тех денег, о которых извещал в письме, то и не посылай, а отложи их к деньгам на дело святое; если же послал, то я буду держать их в запасе для себя, потому что не пересылать же их назад. Ни С. Т. Аксакову, ни Языкову не плати. Они мне подождут: так нужно. Благодарю тебя за некоторые литературные подробности. О смерти Крылова[8] мы узнали из немецких газет. Мир душе, исполнившей на земле чисто свое дело! Но, друг, утратами не следует сокрушаться. Покойники уходя велят ревностнее и спешней трудиться живущим. <...> Меня порадовало, что ты наконец принимаешься за подробную историю словесности нашей. Такой труд будет вполне велик. Не знаю только, каким образом добиться материалов от Жуковского о его времени. Журнала он не вел. А рассказать изустно — он даже не будет и знать, с которого конца начать, не зная, собственно, на какие вопросы

отвечать. По мере того, как мне случится временами и вскользь что-нибудь узнавать, я тебе сооб щу; но очень жаль, что ты не обобрал Тургенева[9], когда он был в Москве. У него множество бума того времени, весь протокол арзамасских заседаний; и множество стихов Жуковского, писанных в тогдашнее время, о которых никто и даже сам Жуковский не знает.

<И. В.> Киреевскому и всей братии отдай поклон, поздравление с новым годом и желание ис креннее всяких успехов журналу[10]. И скажи ему, что хотя я и не даю никакой статьи в Москвитянин по причине нищенства, но что Жуковский мною заставлен сделать для Москвитянина великое дело которого, без хвастовства, побудителем и подстрекателем был я[11]. Он вот уже четыре дни[12], бросив все дела свои и занятия, которых не прерывал никогда, работает без устали, и через два дни после моего письма Москвитянин получит капитальную вещь[13] и славный подарок на новый год. А потому ты скажи, чтобы он не торопился выдачею книжки, дня два-три можно обождать. Жуковский хочет в первый номер, да и для Москвитянина это будет лучше. Стихотворение Жуковского, составляющее большую повесть с предисловиями и послесловиями, нужно пустить вперед других статей».

Заключительное «послесловие», или «Postscriptum» Жуковского содержит в себе следующее наставление Киреевскому:

«...С журналами другими не воюй,
Ни с *Библиотекой для чтенья*, ни
С *Записками*, ни с *Северной Пчелой*,
Ни с *Русским Вестником*. Живи и жить
Давай другим; и обладать один
Вселенною читателей не мысли»[14].

Далее в письме Гоголь обращался к Шевыреву с просьбой:

«Пришли, пожалуйста, нам Москвитянин за 1844 исходящий год. Это сделать весьма легко таким же самым путем, как доставлены Погодиным русские книги лейпцигскому книгопродавцу. Ты верно знаешь имя того книгопродавца в Москве, который доставляет русские книги лейпцигскому Ему и отдай с тем, чтобы лейпцигский книгопродавец отослал их тот же час к своему корреспонденту во Франкфурте, Югелю (Jugel)[15] или же прямо на имя Жуковского. Если можешь к этому присовокупить две книжки Молодика за 1844 год, то обяжешь. <...> Душевно радуюсь появлению на свет Катеньки[16], поздравляя с таким ее приездом и ее, и тебя, и Софию Борисовну[17], и самого Бориса[18], и обнимая вас всех.

Напиши мне слово о Ел<изавете> Гр<игорьевне> Чертковой. От нее никогда не дождешься никакого письма[19]. <...> На письмо жду скорого ответа. И беспрекословно твердого: да!»

[1] См. ***1844. Ноября 15 <27>. Среда. Москва***; ***1844. Декабря 12 <ноября 30>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***.

[2] Имеется в виду несохранившееся письмо к Шевыреву от 12 ноября (н. ст.) 1844 г., в котором Гоголь выражал свое неудовольствие на М. П. Погодина по поводу опубликования в «Москвитянине» его портрета (см. ***1844. Ноября 12 <октября 31>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***).

[3] Кончина первой жены, Е. В. Погодиной (см. ***1844. Ноября 6 <18>. Понедельник. Москва***).

[4] См. ***1844. Декабря 20 <8>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***.

[5] Подробнее см. ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[6] См. также ***1844. Между декабря 1 и 14 <между ноября 19 и декабря 2>. Франкфурт-на-Майне***.

[7] См. ***1844. Между декабря 1 и 14 <между ноября 19 и декабря 2>. Франкфурт-на-Майне***.

[8] См. ***1844. Ноября 9 <21>. Четверг. Санкт-Петербург***.

[9] Александр Иванович.

[10] С начала 1845 г. М. П. Погодин передавал И. В. Киреевскому редакцию «Москвитянина» (см. ***1845. Января 23 <февраля 4>. Вторник. Москва***).

[11] См. также ***1843. Октября 6 <сентября 24>. Пятница. Дюссельдорф*** (примечания).

[12] С 12 декабря (н. ст.) 1844 г. (см. ***1844. Декабря 17 <5>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***).

[13] Имеются в виду «Две повести. Подарок на новый год издателю “Москвитянина”» (1844; опубл. в № 1 «Москвитянина» за 1845 г.). Об этом переводе В. А. Жуковского Гоголь упоминает в «Учебной книге словесности для русского юношества» (1846) (см. ***1845 октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4> – 1846 мая 6–8 <апреля 24–26>. Рим*** – примечания).

[14] *Жуковский.* Две повести. Подарок на Новый год Москвитянину // Москвитянин. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1845. Ч. 1. № 1 (цензурное разрешение 23 янв.). С. 24; с примечанием: «Эти стихи В. А. Жуковского относятся к одному литератору, который принимает участие в составлении Москвитянина».

[15] См. ***1844. Ноября 16 <4>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[16] Дочь Шевырева, о рожденьи которой он извещал Гоголя.

[17] Жена Шевырева.

[18] Сын Шевырева.

[19] См. также ***1839. Мая 11 <апреля 29>. Суббота. Рим.***

ДЕКАБРЯ 2 <14>. СУББОТА. МОСКВА

Н. М. Языков пишет Гоголю во Франкфурт (письмо, вероятно, было начато во второй половине ноября / первой половине декабря 1844 г.[1]):

«О “Москвитянине” на будущий 1845 год я распоряжусь вернее, нежели Погодин на 1844. Я не знаю, как ему не стыдно поступать с тобою так явно неосмотрительно и глупо и грубо. Пог<один> теперь находится в горе и отчаянии: у него жена умерла[2], и эта потеря сильно оцепеняет и убивает его. <...> На днях был у меня М. С. Щепкин; о книгах, которых ты от него требуешь, пишет он к тебе сам[3], я же с моей стороны сделал в этом деле все, что мог: я показал ему строки твоего письма, до него касающиеся! Благодарю тебя за это знакомство; я буду стараться содержать его в должной силе и живости! Вообрази себе, что <я> не видывал Щепкина в “Ревизоре” – и, вероятно, не увижу его уже нигде, кроме моей квартиры.

Я пишу стихи, расписываюсь – пишу стихи и духовные и мирские; прилагаю здесь образчик первого рода[4]. <...> У Ив. Киреевского идет работа[5], и все наши московские собратья ему содействуют. Петр Васильевич[6] уехал или заехал к себе в деревню и там уселся и засел и продолжает не издавать свое драгоценное и единственное собрание русских песен, т. е. пребывает с ними, глядит на них, ласкает их и ровно ничего с ними не делает. Это похоже на то, как поступают крысы с серебряными и золотыми вещами: они стаскивают их к себе в подполье, где этих вещей никто не видит, а сами крысы ими не пользуются. Но ведь крысы не берутся за не свое дело: не провозглашают себя собирателями и обнародователями своих драгоценных собраний!!

Переводов Свят<ых> Отц<ов> вышла и третья часть за 1844 год, все три части посылаю сегодня же к графу <И. П.> Толстому.

Как идет “Одиссея”?»

[1] См. ***1844. Ноября вторая половина <декабря первая половина>. Москва.***

[2] См. ***1844. Ноября 6 <18>. Понедельник. Москва.***

[3] Письмо не сохранилось.

[4] «Подражание псалму» («Блажен, кто мудрости высокой...») Н. М. Языкова; впервые опубликовано в «Москвитянине» (1845. № 1. С. 11–12); вошло в репертуар исполнителей народных духовных стихов.

[5] Имеется в виду работа И. В. Киреевского в качестве редактора «Москвитянина».

[6] Киреевский.

ДЕКАБРЯ 3 <15>. ВОСКРЕСЕНЬЕ[1]. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова отправляет Гоголю письмо во Франкфурт (письмо было начато, по-видимому, 19 ноября / 1 декабря 1844 г.[2]); к письму прилагает послание к Гоголю от Ю. Ф. Самарина[3] (не сохранилось).

Из письма Смирновой: «Все жду вашего письма и не могу понять, отчего его не получаю. <...> Сегодня у меня голова болит, хотя после обедни и чтения с детьми я спала целых два часа. Мы слишком пируем и болтаем. В четверг у Ростопчиной был вечер, театр и пели италиянцы; от ужина

я приехала в три часа. В пятницу был у меня большой съезд и кончился ужином весьма веселым, также в три часа. Я чувствую, что меня это не много завлекает, а дело в том, что ум и сердце мое ищут другой потребности и все переносятся еще с радостию и успокоением к Ницце[4]. А вот вам пока стихи Баратынского, напечатанные в "Современнике"[5]:

М о л и т в а

Царь небес! успокой
Дух болезненный мой,
Заблуждений земли
Мне забвенье пошли
И на строгий твой рай
Силы сердцу подай.

Как хорошо: "на строгий Твой рай!" Как все хорошо! Затем прощайте, друг прекрасный. Я еду к Карамзиным».

Спустя полвека, в 1893 г., дочь А. О. Смирновой Ольга Николаевна писала: «Мать <...> мне сообщила о довольно любопытной беседе Гоголя с моим отцом[6], очень восхищавшимся коротеньким стихотворением Баратынского: "Царь небес, успокой / Дух болезненный мой, / Заблужденьям земли / Мне забвенье пошли / И на строгий Твой рай / Силу сердцу подай!" Гоголь сказал моему отцу, что прежде он часто повторял эти шесть строк, терзаясь подобно Баратынскому и размышляя о значении слов "строгий Твой рай". Но потом он успокоился и слово *строгий* перестало смущать его. "Меня более не смущает строгость, – заметил Гоголь, – и это вовсе не верное изречение и понятие. Между грешником и строгостью стоит Спаситель и животворящий крест. Иго Его благо, бремя Его легко"»[7].

О содержании письма Самарина Гоголь в ответном послании к Смирновой (от 24 декабря (н. ст.) 1844 г.) сообщал: «Самарин между прочим пишет, что я сделал ему даже добро, не ведая того сам. Это не так: я ведаю вообще сноровку молодых людей и знаю, как это делается: они сначала вообразят себе, что такой-то человек, который например, подобно мне, прихвастнул несколько донкишотской замашкой благородства духа в печатной книге, есть уже что-то вроде всеобщего благодетеля, а потом вообразят себе, что они облагодетельствованы этим всеобщим благодетелем. А, на поверку, всё это существует, просто, в воображении, иногда в собственном великодушном порыве, словом, в *мысли*, а не в *деле*».

[1] Датировка письма уточнена. В. И. Шенроком, впервые опубликовавшим это письмо, оно было датировано, по-видимому, ошибочно: «Воскресенье. 4-го декабря 1844 года» (*Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 10. С. 139).

[2] См. ***1844. Ноября 19 <декабря 1>. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1844. Ноября 26 <декабря 8>. Воскресенье. Санкт-Петербург***.

[3] См. ***1844. Ноября 26 <декабря 8>. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1844. Декабря 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***.

[4] См. ***1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца***.

[5] *Баратынский Е. А.* Молитва // Современник. 1844. Т. 36. С. 368.

[6] Н. М. Смирнов.

[7] *Смирнова О. Н.* Предисловие / *Смирнова О. Н.* Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.) // *Свод.* Т. 2. С. 322.

ДЕКАБРЯ 17 <5>. ВТОРНИК. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский сообщает А. П. Елагиной в Москву:

«...*12 числа Декабря н<ового> с<тиля>* получил[1] Гоголь (у меня гнездящийся) от Шевырева письмо[2], в котором уведомил его Шевырев, что Москвитянин из Погодина обратился в Ивана Киреевского. И во мне загорелось желание выступить на сцену в его 1 №. В тот же день начал предла-

гаемую здесь пиесу, которую кончил 14-го, а до нынешнего дня поправлял[3]. <...> Пиеса переписана Гоголем, что манускрипту дает особенное достоинство, и вы можете его сберечь как драгоценный autografe[4], который после можно разыграть в лотерею в пользу двух или трех семейств».

Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод*. Т. 2. С. 57.

[1] См. ***1844. Декабря 12 <ноября 30>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***
[2] См. ***1844. Ноября 15 <27>. Среда. Москва.***
[3] Имеются в виду «Две повести. Подарок на Новый год Москвитянину» В. А. Жуковского, напечатанные в № 1 «Москвитянина» за 1845 г. – См. также ***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***
[4] Автограф (*фр.*).

ДЕКАБРЯ 20 <8>. ПЯТНИЦА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет в Москву письмо к М. П. Погодину по случаю смерти его жены Елизаветы Васильевны[1] (согласно почтовому штемпелю[2], письмо было отправлено из Франкфурта на следующий день, 21 декабря[3]):

«Я уже слышал, что Бог посетил тебя несчастием и что ты как христианин[4] его встретил и принял. Друг, несчастия суть великие знаки Божией любви. Они ниспосылаются для перелома жизни в человеке, который без них был бы невозможен; ибо природа наша жестка и ей трудно без великого душевного умягченья преобразоваться и принять форму лучшую. И потому после всякого несчастия мы должны строже, чем когда-либо прежде, взглянуть на самих себя. Что было прежде свято душе твоей, то должно быть отныне святее. Слово: Россия, для которой ты никогда не жалел трудов своих, должно быть отныне еще ближе твоему сердцу, и самые труды твои слиться с самой душой твоей. Теперь уже не должна сопровождать тебя доселе обычная торопливость[5]: она имела свои полезные стороны, но ею уже ты сделал всё, что мог. Возьмись за свое истинное дело, но возьмись за него как за святое, требующее сосредоточенного занятия, не суетного и не торопящегося. Не совершай его без внутренней молитвы и освяти прежде самого себя; без того не будет свято твое дело. Блюди в то же время за своим душевным спокойствием, истребляя в себе всё, что может поколебать его; не оставляй и мелочного недостатка в себе, не говори: это пустяк, его можно допустить; истребляй его. Этого, верно, желает и просит от тебя душа, теперь ликующая на небесах, но не расставшаяся и там с земным другом своим. Я знаю, что покойницу при жизни печалили два находящиеся в тебе недостатки. Один, который произошел от обстоятельства твоей первоначальной жизни и воспитания, состоит *в отсутствии такта* во всех возможных родах приличий, как на литературном, так и на светском вообще поприще. Слово твое не имело в себе примиряющей середины и потому никогда не производило того, чего ты хотел. Это отсутствие такта было также причиной того, что ты огорчал людей, не думая их огорчать, раздражал, думая примирять. Отсюда произошли все неприятности, в которых обвиняли тебя и в которых душой ты не был виноват. Друг, приобрести этого такта нельзя, как бы ты ни караулил сам за собой и как бы ты ни остерегался. Он получается ранним воспитанием, сливаясь уже с самого младенчества с нашей природой. Но к счастью всем нам есть средство достигнуть до него тем же путем, которым можно достигать до всего. Путь этот сам Христос. Кто живет уже по одним Его законам и внес Его во всякое дело своей жизни большое и малое — у того само собою выходит прилично. Такой человек хотя бы не знал вовсе никаких условий светских, хотя бы жил до того с зверями, а не с людьми, пустыннически и удаленно от всех, но не оскорбит никого, попавшись в соприкосновение с людьми. И даже если бы он попался в самое этикетное общество, на нем всё будет так само собою прилично, что никто не осудит в нем и малейшего движения. Друг мой, дай мне слово исполнить мою просьбу, молю тебя об этом во имя покойницы, зная, что ей будет и на небесах приятно твое исполнение такой просьбы: держи всегда у себя на столе книгу, которая бы тебе служила духовным зеркалом. Для этого можно употребить с пользою тоже Imit<ation> de Jesus Christ[6]. Дай мне слово при всяком поступке, который будет предстоять тебе, как бы, по-видимому, незначителен он ни был: случится ли тебе писать

к кому-нибудь письмо или идти к кому-нибудь с тем, чтобы объясниться с ним о деле, случится о чем-либо просить кого-нибудь или же поучать, пожурить и укорить кого, дай мне слово прежде всего подойти к столу, взять в руки свое духовное зеркало и прочесть первую главу какая попадется (почти всякая глава будет кстати) и не прежде как подумавши хорошенько о прочитанном, приниматься за дело. Другой недостаток твой, который также нередко смущал покойницу, искренно желавшую, чтобы его в тебе не было — это гнев. Друг, его также можно изгнать вовсе, и почти таким же образом. Перед тем временем, когда тебе захочется на кого бы то ни было излить гнев твой, прочти также первую попавшуюся страницу из своего духовного зеркала и подумай хорошенько о прочитанном. Изгони эти недостатки на веки. Теперь это возможно тебе: душа твоя умягчена и чрез это вся природа твоя в твоей власти; она теперь как воск и ждет того напечатления, которое ты дашь ей, совещаясь духом с самим Творцом ее. Теперь тебе возможно то, что никогда не было бы возможно доселе и что никогда не будет возможно потом. Поверь, что во всяком твоем действии в этом деле будет тебе помогать та, которая, может быть, молится о тебе всякую минуту. Да и может ли быть иначе, может ли быть, чтобы та, которая делила с тобой на земле труды и утешала тебя в минуту скорби, позабыла на небесах о своем друге. Почему знать, может быть, и это письмо, которое пишу тебе, внушилось мне вследствие ее же небесных молений о тебе: все мы не более, как орудия Божии. Во всем и повсюду нам могут предстать Божьи повеленья так же, как некогда уста ослицы издали слово, когда он повелел[7]. Но прощай! посылаю тебе страницу из Златоуста об утратах[8], которая будет тебе по душе».

[1] См. ***1844. Ноября 6 <18>. Понедельник. Москва.***

[2] См.: *Городецкий.* С. 462.

[3] См. ***1844. Декабря 21 <9>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[4] См. ***1844. Ноября 16 <28>. Четверг. Москва.***

[5] Ср. в главе *IV. О том, что такое слово* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «...Он <Погодин> торопился всю свою жизнь...»

[6] «Подражание Иисусу Христу».

[7] Четвертая книга Моисеева. Числа, гл. 22, ст. 28.

[8] Выписка из статьи: Святого Иоанна Златоустого О благоразумном перенесении скорбей, из первой Беседы на 2<-е> Послание к Коринф<янам> // Христианское Чтение. 1842. Т. 2. С. 207–210. С названием *<41> Об утратах (Из Златоуста)* выписка была включена Гоголем в его рукописный сборник «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви» (см. ***1843 ноября 19 <7> — 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца***). Эта же выписка была послана позднее лютеранину Е. Р. Рейтерну. 17 апреля (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал Рейтерну: «От Василья Андреевича Жуковского я узнал только недавно, что одна из милых дочерей ваших <Миа фон Рейтерн> уже не присутствует более с вами в смысле вещественном. Я взял в руки перо с тем, чтобы писать вам и показать мое участие. Но меня вдруг остановил вопрос: что могу я сказать вам? и чем могу показать свое участие? Кто принял с такою высокою радостию созревшего христианина Божье посещение, какие речи можно сказать такому человеку? Ничего не придумал я сделать лучше, как послать вам отрывок из Златоуста. Я уверен, что он придется вам более по сердцу, чем все те слова, какие мог бы я сказать вам».

ДЕКАБРЯ 21 <9>. СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет ответное[1] письмо С. Т. Аксакову в Москву. В тот же день отправляет написанное накануне[2] письмо к М. П. Погодину.

Из письма к Аксакову: «Наконец я получил от вас письмо... <...> Вы меня известили вдруг о разных утратах[3]. Прежде утраты меня поражали больше; теперь, слава Богу, меньше: во-первых, потому, что я вижу со дня на день яснее, что смерть не может от нас оторвать человека, которого мы любили, а во-вторых, потому, что некогда и грустить: жизнь так коротка, работы вокруг так много, что дай Бог поскорей запастись сколько-нибудь тем в этой жизни, без чего нельзя явиться в будущую. <...> Известием о смерти Ел<изаветы> В<асильевны> Погодиной я опечалился только вначале, но потом воссветлел духом, когда узнал, что Погодин перенес великодушно и твердо, как христианин[4], такую утрату. <...> Обратимся же от Погодина, который подал нам всем такой пре-

красный пример, и к прочим живущим. Вы меня очень порадовали благоприятными известиями о ваших сыновьях. Они все люди, созданные на дело, и принесут очень много добра, если при уме и при всех данных им больших способностях будут *сметливы*, то есть если заблаговременно и пораньше будут уметь смекнуть то, что следует смекнуть. Если Конст<антин> Серг<еевич> смекнет, что диссертацию[5], вместо того, чтобы переписывать набело, следует, просто, положить под спуд на несколько лет, а, вместо ее, заняться другим; если он смекнет с тем вместе, что тот совет, в котором сходятся люди даже различных свойств и мнений, есть уже совет Божий, а не людской и, стало быть, его нужно послушаться. Ему все до единого, начиная от Погодина до меня, говорили, чтобы занялся делом филологическим, для которого Бог его наградил великими и очевидными для всех способностями. Он один может у нас совершить словарь русского языка[6], такой, какого не совершит ни одна академия со всеми своими членами; но этого он пока не смекает. Еще также не смекает он до сих пор, что у него слишком велика замашка и слишком горячий прием к делу. Чрез это дело у него само собой выходит не в *ясном*, а в *пристрастном* виде, хотя он хотел быть ясным, а не пристрастным. Чрез это у него одежда, в которую он одевает мысль, не только не прозрачна, но даже не по ней. Это ощутительней оказывается у него в письме и на бумаге; тут иногда мысли то же, что короткие ноги в больших сапогах, так что формы самой ноги-то не видишь, а становится только смешно, что на ней большой сапог. Еще Конст<антин> Серг<еевич> не смекает, что в эту пору лет, в какой он <находится>, не следует вовсе заботиться о логической последовательности всякого рода развитий. Для это<го> нужно быть или вовсе старику или вовсе немцу, у которого бы в жилах текла картофельная кровь, а не та горячая и живая, как у русского человека. Поэтому-то у него оказывается в статьях одна претензия на логическую последовательность, а самой ее нет. Живая душа, русское сердце и нерасчетливая молодость пробиваются на всяком шагу и чрез это еще сильней становится противуположность двух несоединенных вещей. Через это самый тон слога неверен, фальшив, не имеет никакой собственной личности и не служит орудием к выраженью того, что хотел писатель им выразить. Черты ребячества и черты собачьей старости будут в нем попадаться беспрестанно одни подле других и будут служить вечным предметом насмешек журналистов, насмешек глупых, но в основании справедливых. Если Конст<антин> Серг<еевич> сколько-нибудь верит тому, что я могу иногда слышать природу человека и знаю сколько-нибудь закон состояний, переходов, перемен и движений в душе человеческой, как наблюдавший пристально даже за своей собственной душою, что вообще редко делается другими, то да последует он хотя раз моему совету, и именно следующему: не думать два-три года о полноте, целости и постепенном логическом развитии идей в статьях своих больших, какие случится писать ему. Поверьте, это не дается в такие годы и в такой поре душевного состояния. У него отразится повсюду только одно неясное стремление к ним, а их самих не будет.

Живой пример ему я. Я старее годами, умею более себя обуздывать, а при всём том сколько я натворил глупостей в моих сочинениях, именно стремясь к той полноте, которой во мне самом еще не было, хотя мне и казалось, что я очень уже созрел; и над многими местами в моих сочинениях, которые даже были похвалены одними, другие очень справедливо посмеялись. Там есть очень много того, что похоже на короткую ногу в большом сапоге; а всего смешней в них претензии на то, чего в них, покаместь, нет».

Говоря о «чертах ребячества и чертах собачьей старости», Гоголь подразумевал детское заболевание с таким названием (иначе – прогерия), при которой больной становится похож на старую собаку. Этим заболеванием, в частности, страдал двоюродный брат А. О. Смирновой Иван Сергеевич Кахов. Об этом Смирнова сообщала в своих автобиографических записках: «Катя <Ел. И. Кахова> замужем за Каховым – славный человек, и живут они в Пондике, да несчастье с сыном: у него собачья старость. Я видела часто бедного Ваню. Он точно был похож на старую собаку, уши отвисли, он сидел на корточках и засыпал, сидя на плече у матери. И 7 лет томился и он, и она. <...> Нас посылали с Клемой <К. О. Россет> два раза в неделю к нему, он грустно улыбался, когда мы резвились перед ним, он лакал молоко, как собака. Бывает у бедных детей атрофия, но болезни, подобной бедного Вани, я никогда не видала»[7].

Близки к гоголевскому употреблению выражения «собачья старость» (в переносном смысле) слова С. С. Уварова в известном Гоголю «Письме к Николаю Ивановичу Гнедичу о Греческом экзаметре» (1813), где говорится, что при подражаении французской словесности «наша Поэзия будет походить на младенца, носящего все признаки дряхлости, или на увядшего юношу»[8]. Позднейшее суждение Гоголя о подражательности как

«собачьей старости» дошло до нас в дневниковой записи Е. А. Хитрово от 30 ноября 1850 г.: «Француз играет, немец читает, англичанин живет, а русский обезьянствует. Много собачьей старости»[9]. Своеобразную аналогию к парадоксальному «старческому» итогу — перед которым оказалось русское «образованное» общество в XIX в. вследствие слепого подражания Западу — Гоголь находил в Римской истории. В одной из университетских лекций 1834 г., посвященной анализу причин, приведших к разрушению Римской империи[10], он замечал: «Нацию преобладающую составляли римляне, народ <...> еще <...> не достигший развития жизни гражданственной. Этот народ увидел <...> государство с просвещением, испорченною нравственностию, изобилием, естественною промышленностию и жадно бросился перенимать. Все, что заимствовал он <...> было блестящее и наружное — роскошь, без утонченного образа мыслей, понятий и жизни этих народов. Он сократил свой собственный переход и, не испытав мужества, прямо из юношеского состояния перешел к старости»[11].

Употребляя выражение «собачья старость» по отношению к диссертации К. С. Аксакова, Гоголь обнаруживает связь названия этой болезни с одним из образов «Мертвых душ». О труде Аксакова Гоголь пишет: «...У него одежда, в которую он одевает мысль, не только не прозрачна, но даже не по ней <...> тут иногда мысли то же, что короткие ноги в больших сапогах, так что формы самой ноги-то не видишь, а становится только смешно, что на ней большой сапог. <...> Я <...> умею более себя обуздывать, а при всем том сколько я натворил глупостей в моих сочинениях, именно стремясь к той полноте, которой во мне самом еще не было <...>; и над многими местами в моих сочинениях, которые даже были похвалены одними, другие очень справедливо посмеялись. Там есть очень много того, что похоже на короткую ногу в большом сапоге...»

Сходный образ встречается в описании имения Плюшкина в первом томе «Мертвых душ»: «...Наконец дверь отворилась, и вошел Прошка, мальчик лет тринадцати, в таких больших сапогах, что, ступая, едва не вынул из них ноги <...> у Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ее в доме, были одни только сапоги...» К образу Плюшкина применимо и само понятие «собачьей старости»[12].

Комментируемое письмо к С. Т. Аксакову было использовано позднее Гоголем при написании статьи «О науке», предполагавшейся ко включению в «Выбранные места из переписки с друзьями» и представляющей собою одну из глав первоначального замысла незавершенной «Учебной книги словесности для русского юношества»[13]. Советы во второй части письма — обращенные к И. С. и Г. С. Аксаковым — повторяются в «Переписке с друзьями» в главе *XXVIII. Занимающему важное место.*

В частности, со статьей «О науке» перекликаются слова Гоголя о том, что «еще Конст<антин> Серг<еевич> не смекает, что в эту пору лет, в какой он <находится>, не следует вовсе заботиться о логической последовательности всякого рода развитий. Для это<го> нужно быть или вовсе старику или вовсе немцу, у которого бы в жилах текла картофельная кровь, а не та горячая и живая, как у русского человека». В статье «О науке» Гоголь замечал: «Нам не нужно то постепенное, медленное развитие мыслей, не прерывающийся исход и вывод одного из другого, без которого немец не ступит шага и не пойдет по дороге».

Название болезни «собачья старость» употребил также в 1841 г., в широком контексте, С. П. Шевырев при разборе образа Печорина в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова: «В первой его молодости, с той минуты, когда он вышел из опеки родных, — он стал наслаждаться бешено всеми удовольствиями, которые можно достать за деньги, и, разумеется, удовольствия эти ему опротивели. Он пустился в большой свет: общество ему надоело; он влюблялся в светских красавиц, был любим, но их любовь раздражала только его воображение и самолюбие, а сердце оставалось пусто... Он стал учиться — и науки ему надоели. Тогда ему стало скучно: на Кавказе он хотел разогнать свою скуку Чеченскими пулями, но ему стало еще скучнее. Его душа, говорит он, испорчена светом, воображение беспокойно, сердце ненасытно, ему все мало, а жизнь его становится пустее день ото дня. Есть болезнь физическая, которая носит в простонародии неопрятное название собачьей старости: это вечный голод тела, которое ничем насытиться не может. Этой болезни физической соответствует болезнь душевная — *скука* — вечный голод развратной души, которая ищет сильных ощущений и ими насытиться не может. Это самая высшая степень апатии в человеке, проистекающей от раннего разочарования, от убитой или промотанной юности. То, что бывает только апатиею в душах рожденных без энергии, восходит на степень голодной, ненасытной скуки в душах сильных, призванных к действию. Болезнь одна и та же, и по корню своему, и по характеру, но разнится только по тому темпераменту, на который нападает. Эта болезнь убивает все чувства человеческие, даже сострадание. <...> Евгений Онегин, участвовавший несколько в рождении Печорина, страдал тою же болезнию; но она в нем осталась на нижней степени апатии, потому что Евгений Онегин не был одарен энергией душевной; он не страдал сверх апатии гордостью духа, жаждою власти, которою страдает новый герой. <...> Апатия, следствие развращенной юности и всех пороков воспитания, породила в нем томительную скуку; скука же, сочетавшись с непомерною гордостью духа властолюбивого, произвела в Печорине злодея. Главный же корень всему злу — западное воспитание, чуждое всякого чувства веры. <...> А между тем эта душа была сильная душа, которая могла совершить что-то высокое... <...> Век гордой философии, которая духом человеческим думает постигнуть все тайны мира, и век суетной промышленности, которая угождает наперерыв всем прихотям истощенного наслаждениями тела, — такой век этими двумя крайностями выражает сам собою недуг, его одолевающий. Не гордость ли человеческого духа видна в этих злоупотреблениях личной свободы воли и разума, какие заметны во Франции и Германии? Разврат нравов, унижающий тело, не есть

ли зло, признанное необходимым у многих народов Запада и вошедшее в их обычаи? – Между этими двумя крайностями как не погибнуть, как не иссохнуть душе, без питательной любви, без веры и надежды, которыми только и может поддерживаться ее земное существование? <...> Фауст не представляет ли гордость несытого ничем духа и сластолюбие, соединенные вместе? Манфред и Дон-Жуан Байрона не суть ли эти обе половины, слитые в Фаусте в одно, из которых каждая явилась у Байрона отдельно в особом герое? Манфред не есть ли гордость человеческого духа? Дон-Жуан не олицетворенное ли сластолюбие? Все эти три героя – три великие недужные нашего века, три огромные идеала, в которых поэзия совокупила все то, что в разрозненных чертах представляет болезнь современного человечества»[14].

Продолжая письмо к С. Т. Аксакову, Гоголь замечал: «Теперь "Москвитянин", как я слышал, перешел к Ив<ану> Вас<ильевичу> Кир<еевскому>. Вероятно, это возбудит во многих рвение к трудам. Конст<антин> Серг<еевич> может множество приготовить прекрасных филологических статей. Они будут интересны для всех. Это я могу сказать вперед, потому что я сам слушал с большим удовольствием, когда он изъяснял мне производство многих слов. <...> Он должен только заботиться о том, чтобы статья была как можно короче. Русский ум не любит, когда ему изъясняют что-нибудь слишком долго. <...> Не брать вначале больших филологических вопросов, то есть таких, в которых было бы разветвление на многие другие, но раздробить их на отдельные вопросы, которые бы имели в себе неразделяемую целость, и заняться каждым отдельно, взяв его в предмет статьи[15]; <...> ...Конст<антин> Серг<еевич> да напишет себе на бумажке всякое русское замечательное слово и потом тут же кратко и ясно его производство, и отдаст ее Ив<ану> Вас<ильевичу> Ки<реевскому>. Журналист будет доволен; публика возбудится любопытством к предмету, для нее новому и незнакомому; а Конст<антин> Серг<еевич> покажет наконец себя и скажет мне за это спасибо; ибо как ни посмотрю, приходилось мне, а не кому-либо другому, натолкнуть его на дело. "Чем ушибся, тем и лечись", говорится, а так как он опозорился в глазах света на мне (написавши статью о "Мертвых душах"[16]), то мною же должен быть подтолкнут на прославление в глазах того же света.

Но вот беда: у Константина Сергеевича нет вовсе слога. <...> ...Ему нужно непременно спуститься хотя двумя ступенями ниже с той педантской книжности, которая у нас образовалась и беспрестанно мешается с живыми и не педантскими словами. Есть один только для него способ, и если Константин Сергеевич точно так умен, как я думаю, то он его не бросит. Что бы он ни написал, ему следует, перед тем как он принимается за перо, вообразить себе живо личность тех, кому и для кого он пишет[17]. <...> Лучше всего, если он посадит вместо публики маленькую свою сестрицу и станет ей рассказывать... <...> Притом, зная, что пишет маленькой сестрице, Константин Сергеевич никак не зарапортуется, и если бы случилось ему написать производство слов: муж и жена (что он производит очень умно, я бы его прямо списал с его слов), он бы удержался в одних филологических границах, тогда как, если бы села на место маленькой сестрицы хоть, положим, Ховрина или кто другой, брошен бы был вдруг религиозный взгляд на брак и на высшее значение его, – дело конечно тоже в своем роде умное, но годное для другой статьи. Словом, этот способ я предлагал Константину Сергеевичу как самый действительный, как бы он ни показался ему с виду ничтожным и незначащим. Я браню себя за свою недогадливость и глупость, что не хватился за него пораньше; я бы гораздо больше сказал дела и даже больше бы написал. <...> Прочие ваши сыновья, если будут *сметливы*, то принесут тоже много добра. Жаль, что вы мне не описали, каким образом подвизался на ревизии Иван Сергеевич, хотя я уверен, что весьма умно, и внутренне обрадовался вашему прибавлению: *с достоинством мужа*. Но все-таки скажите и Ивану Сергеевичу, что если он будет *сметлив* и поступит таким образом (на какое бы ни послали следствие), что все до единого – и невинные, и даже виноватые, и честные, и взяточники – будут им довольны, то этот подвиг еще будет выше того, если бы только одни оправданные были довольны. В теперешнее время нужно слишком много разбирать и рассматривать взяточников; иногда они бывают не совсем дурные люди, даже такие, которых может подвигнуть доброе увещание, особенно если сколько-нибудь его узнаем во всех его обстоятельствах, как семейных, так и всяких других; если к тому в прибавку узнаем природу человека вообще и потом в особенности природу русского человека и если вследствие всего этого узнаем, как его попрекнуть, пожурить или даже ругнуть таким образом, что он еще сам скажет спасибо, – и он сделает много добра. Если Иван Сергеевич смекнет (а может быть, отчасти он уже и

смекнул), что действовать *умирительно* еще действительней, *чем распекательно*, и что внушить повсюду отвагу на добрые дела впредь еще лучше, чем картинное дело свое собственное, и что заставить человека даже плутоватого сделать доброе дело еще картиннее, чем заставить доброго сделать доброе дело, — словом, если он всё это смекнет, то *наделает много добра*. Если Гр<игорий> Сер<геевич> смекнет всё, что нужно смекнуть в городе Владимире, то наделает также много добра. Если узнает не только самую палату, но и весь Владимир, и не только весь Владимир, но даже источники всех рек, текущих со всех сторон губернии в палату; если не пропустит никого из умных и старых чиновников и расспросит их обо всем и будет *уметь расспросить* обо всем, да не пренебрежет тоже и глупых чиновников, узнает и об них, что следует, да тоже и людей посторонних приберет, даже и купцов и мещан и узнает таким образом и то, кто кого водит за нос, кто кого просто дурачит и, наконец, кто на кого или имеет, или может иметь влияние, — то наделает он много добра не только во Владимире, но даже и потом, где ему ни случится и на каком месте ему ни случится быть. Да, и Ивану Сергеевичу тоже не мешает вам с своей стороны обратить внимание на эти самые пункты. <...>

А всем вместе желаю искренно — приносить на всяком месте бытия пользу, побольше узнавать, расспрашивать и входить всем в положение всякого страждущего, и помогать ему утешительным словом и советом (деньги же есть мертвая помощь, и помочь ими еще немного значит: они почти всегда играют ту же роль, что жидкость, лиемая в бездонную бочку)[18].

Затем скажу аминь и попрошу вас узнать: во-первых, от Киреев<ского> Ив<ана> Вас<ильевича>, получил он от Жуковск<ого> стихотворную повесть[19], которую тот послал два дни тому назад, на имя Булгакова[20], вместе с больш<им> письмом Авд<отье> Петр<овне>[21] об "Одиссее"[22]? во-вторых, получил ли Шевырев мое письмо от 14 декабр<я>[23], в котором, между прочим, небольшое улучшение относительно дел по книге[24] и ее продаже, о чем он должен вам сообщить? в-третьих, получил ли письмо[25] Языков, в ответ на присланную мне от кн<язя> Вяз<емского> книжечку его стихотворений? в-четвертых, получил ли Погодин письмо, отправленное в одно время с вашим, хотя и написанное прежде[26] (вам следует с ним видеться почаще: вы можете быть ему полезны во многом вашею беседою)? в-пятых, что делает мною постыднейшим образом обруганный[27] и неисправнейший из всех доселе существовавших смертных, Михаил Семенович Щепкин? которых всех, при этой верной оказии, поздравьте от всей моей души с новым годом. <...> Напишите мне всё о Погодине: как идет теперь его жизнь, каково его состояние души и вообще каковы его перемены во всём».

[1] См. ***1844. Ноября 16 <28>. Четверг. Москва.***

[2] См. ***1844. Декабря 20 <8>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

[3] С. Т. Аксаков извещал Гоголя о смерти Е. В. Погодиной и своего друга, историка и археолога Д. М. Княжевича.

[4] См. ***1844. Ноября 16 <28>. Четверг. Москва.***

[5] Диссертация К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (М., 1846). — См. также ***1844. Ноября 16 <28>. Четверг. Москва*** (примечания).

[6] См. также ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим***; ***1848 октября вторая половина — 1849***; ***1850. Января 16. Понедельник. Москва***; ***1850. Января 20–26. Москва.***

[7] *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания / Издание подгот. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 90–91.

[8] См. ***1833. Декабря 23. Суббота. Санкт-Петербург*** (примечания). — См. также ***1834. Февраля 11. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[9] См. ***1850. Ноября 30. Четверг. Одесса.***

[10] 29 июля 1831 г., А. С. Пушкин, в период общения с Гоголем в Царском Селе (см. ***1831. Июля средина — августа начало. Царское Село***), писал П. А. Осиповой (на фр. яз.): «Холеры больше бояться нечего — она кончится в Петербурге. Знаете ли вы, что в Новгороде, в военных поселениях, произошли волнения? Солдаты взбунтовались все под тем же бессмысленным предлогом, что их отравляют. Генералы, офицеры и лекаря были все перебиты с утонченной жестокостью. Император отправился туда и усмирил бунт с поразительным мужеством и хладнокровием. Но нельзя допускать, чтобы народ привыкал к бунтам, а бунтовщики — к появлению Государя» (*Пушкин.* Полн. собр. соч.: В 16 т. <Без м. изд.> Изд-во АН СССР, 1941. Т. 14. С. 201, 432–433). 21 августа 1831 г. Осипова отвечала Пушкину из Тригорского (на фр. яз.): «Мы узнали, увы, о беспорядках в военных поселениях. Вы правы, говоря о том, чего не следует делать. Но до тех пор, пока храбрый Николай будет придерживаться военных приемов управления, дела будут итти всё хуже и хуже. Должно быть, он читал невнимательно или вовсе не читал «Историю восточной римской империи» Сегюра" (И многих других авторов, писавших о причинах падений империй.)» (Там же. Т. 14. С. 212, 435).

[11] «Взгляд на состояние Римской империи в последнее время ее существования и на причины, произведшие разрушение ее».

[12] См.: *Виноградов И. А.* «Дело, взятое из души...» // *Гоголь 2009–2010.* Т. 5. С. 543–544. См. также: *Виноградов И. А.* Гоголь о поэзии и схоластике. (К авторскому определению жанра «Мертвых душ») // Творчество Н. В. Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва, 23–24 марта; Вена, 26–27 марта 2015 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. М.: Новосиб. изд. дом, 2016. С. 226–233.

[13] См. ***1845 октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4> – 1846 мая 6–8 <апреля 24–26>. Рим*** (примечания).

[14] *Шевырев С.* Герой нашего времени // Москвитянин. 1841. Ч. I. № 2 (цензурное разрешение 31 янв.). С. 528–529, 532, 533–534.

[15] См. ***1834 – 1836 начало.***

[16] См. ***1842. Июля 24 <августа 5>. Пятница. Москва.*** – См. также ***1840. Января 2. Вторник. Москва*** (примечания); ***1844. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки*** (примечания).

[17] См. также ***1844. Декабря 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[18] В своем «Правиле жития в мире» (см. ***1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца***) Гоголь также писал: «Любовь <...> велит нам гораздо больше любить ближнего и брата, чем мы любим, она велит нам оказывать не только одну вещественную помощь, но и душевную...». («Вещественник – материалист...» – пояснял он тогда же в составленном им «объяснительном словаре» русского языка.) – См. также ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь*** (примечания).

[19] См. ***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Декабря 17 <5>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Декабря 18 <30>. Понедельник. Москва.***

[20] Александр Яковлевич Булгаков (1781–1863), московский почт-директор (с 1832 г.), сенатор (с 1856 г.), друг В. А. Жуковского и князя П. А. Вяземского.

[21] Елагиной.

[22] Статья В. А. Жуковского о переводе «Одиссеи» была опубликована (так же, как его стихотворение «Две повести») в № 1 «Москвитянина» за 1845 г.: Отрывки из письма В. А. Жуковского // Москвитянин, журнал издаваемый М. Погодиным. 1845. Ч. 1. № 1 (цензурное разрешение 23 января). С. 37–42. – В своей статье Жуковский, в частности, замечал: «...Мой добрый Гений <...> подвел меня к старику Гомеру, который меня <...> принял весьма благосклонно и с старческим детским добродушием, передавая мне Одиссею, сказал: пересели ее на твой север... <...> ...И я с тех пор всеми силами стараюсь исполнить его завещение, так, чтобы он, когда появится его Одиссея на Руси, не грозным, мстительным Демоном передо мною явился <...>, а в своем первобытном виде, <...> и сказал бы мне дружески: <...> в награду за блаженный труд твой показываюсь тебе точно таким, каков я некогда был, с костями и мясом, за 2800 лет перед сим, вопреки Вольфу и разным немцам, которые из всего мастера делать идею, и из идей, которых чисто нечего делать. Чтобы говорить вам без всяких картинностей, одиннадцать песней Одиссеи готово» (С. 38). 2 января (н. ст.) 1845 г. Гоголь по поводу этого письма Жуковского писал Н. М. Языкову: «Ты спрашиваешь: как идет "Одиссея"? <...> Двенадцать песен готовы. Впрочем, обо всем этом, равно как и о производстве самого перевода, написано им весьма замечательное письмо к Авд<отье> Пет<ровне> и Ив<ану> В<асильевичу> К<иреевскому>, которое ты, вероятно, уже и сам прочел...» В статье *VII. Об Одиссее, переводимой Жуковским* «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь, в свою очередь, замечал: «Как глупы немецкие умники, выдумавшие, будто Гомер – миф, а все творения его – народные песни и рапсодии!» (Имеются в виду ученые, принадлежавшие к школе Ф. А. Вольфа и К. Лахманна.) О современных Гоголю теориях по «гомеровскому вопросу» см.: *Лосев А. Ф.* Гомер. М., 1960; 2 изд., испр. – М., 2006. Ср. также: «..Омир (мифическое имя)...» (*Белинский В. Г.* Литературная хроника <1838> // Собр. соч.: В 9 т. М., 1977. Т. 2. С. 275).

[23] См. ***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[24] Имеются в виду сочинения Гоголя в четырех томах.

[25] См. ***1844. Декабря 2 <ноября 20>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне.***

[26] Письмо не сохранилось (см. ***1844. Ноября 12 <октября 31>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***).

[27] См. ***1844. Мая 16 <4>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Ноября 12 <октября 31>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

ДЕКАБРЯ 23 <11>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПАРИЖ

Графиня Л. К. Виельгорская пишет Гоголю во Франкфурт:

«Любезнейший друг замолчал, забывая данное обещание писать матери и дочери. Граф Толстой сказал мне, что он приглашает вас в Париж[1]... <...> Ради друзей вы никогда не решитесь приехать в Париж, но если представить вам все красоты, прелести удовольствий Парижа, если б искусное перо могло описать вам и голос <Дж.> Марио, и игру Рашель[2], шум, пестроту на бульварах, великолепные магазины, наполненные всеми произведениями роскоши, промышленности и просвещения, у вас бы ушки на макушке и вы бы сей час согласились на наше всенижайшее прошение. Мы живем в Вавилоне почти, как в Рюдесгейме[3]. Кроме итальянской оперы, мы нигде не бываем, по той причине, что зима вдруг воцарилась весьма неожиданно и мы не могли согреться в наших прекрасных чертогах. Морозы были жестоки для Парижа; тут 10 градусов. Такая стужа по причине дурного устройства домов почти народное несчастие. Французы думают, что в числе всех земных благ, они также наслаждаются прекраснейшим климатом в свете и не берут никаких предосторожностей против стужи и ветра. Анна Михайловна[4] простудилась, но теперь уже почти здорова. <...> Я часто и почти ежедневно имею удовольствие видеть Тургенева[5], но здоровьем его недовольна; он хотя н много ходит, и даже по моей высокой лестнице, но все на какую-то тяжесть в груди и в желудке жалуется, которая меня пугает. Известия из Петербурга на счет Софи[6] и Влад<имира> А<лександровича>[7] весьма утешительны. Настоящее по моему чудо, коим обязаны мы молитвам Бишки[8], вашим, любезнейший друг.

Расстроенное здоровье В<ладимира> А<лександровича>, вероятно, также содействовало в ней к счастливой перемене.

Провидение употребляет все возможные средства, дабы наставить нас на истинный путь, и болезнь одно из действительнейших к отклонению препятствий, не нарушая права нашей собственной воли. Возрадуются в семействе видя лучшее обращение с Бишкой Влад<имира>, который по временам, все еще оглядывается назад, к счастью, скоро образумляется. Мудреного в этом ничего нет: скоро ли выправишь дерево, принявшее дурное направление! Не смею еще слепо ввериться в В<ладимира>, но борьба его с собою есть уже прекрасное утешительное начало. Фофка[9], слава Богу, здорова, счастлива и довольна, что явствует из всегда веселого, хорошо расположенного духа. Сношения с Граф<иней>[10] — не весьма нежны, но весьма пристойны. Бишка часто бывает у Смирновой и весьма ее полюбила. Здоровье ....[11] в вожделенном состоянии, а Миши[12] помаленьку развивается. Утеха всего дома Беби[13] удивительно как умна, мила, добра и даже послушна. Двух особ она ненавидит: доктора, который прививал Мишеньке оспу и этот закричал; другого — Никитенко[14], оттого, что Софи при ней назвала его доктором[15]. Едва увидит она их носы, как со всех ног с криком бросится бежать от них; уж тут никто с нею не сладит. Михаил Михалович[16], слава Богу, здоров. Сомневаюсь, чтоб он мог к нам приехать, служба задерживает его в Берлине... <...> Хотя еще далеко до нашего года, но первая из всех друзей ваших, хочу поздравить вас с наступающим новым годом... <...> Тем единственно заслужили мы дружбу вашу, что она сделалась для нас потребностью сердца... <...> Анна Михайловна кланяется вам и все семейство также. Что делает дорогой наш Жуковский? Уведомьте меня о здоровьи милой его супруги».

[1] См. ***1844. Декабря 12 <ноября 30>. Четверг. Париж***. — После отказа Гоголя (см. ***1844. Декабря 28 <16>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***) граф А. П. Толстой написал ему новое приглашение (не сохранилось; см. ***1845 января 9 <1844 декабря 28>. Четверг. Париж***) и 10 или 11 января (н. ст.) 1845 г. Гоголь выехал из Франкфурта в Париж (см. ***1845 января 10 или 11 <1844 декабря 29 или 30>. Пятница или суббота. Франкфурт-на-Майне***), куда прибыл 14 января (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Января 14 <2>. Вторник. Париж***).

[2] Дебют французской актрисы Э. Рашель состоялся в 1838 г.

[3] См. ***1844. Октября 1 <сентября 19>. Вторник. Рюдесгейм (Рюдесхайм, Rudesheim)***; ***1844. Октября 23 <11>. Среда. Рюдесгейм***.

[4] Дочь Виельгорской.

[5] Александр Иванович.

[6] Дочь Л. К. Виельгорской графиня С. М. Соллогуб.

[7] Граф В. А. Соллогуб, муж графини С. М. Соллогуб.

[8] Семейное прозвание графини С. М. Соллогуб (рожд. графини Виельгорской).

[9] Имеется в виду дочь В. А. и С. М. Соллогубов, Софья (1841–1849).

[10] С. И. Соллогуб (рожд. Архарова), мать графа В. А. Соллогуба.

[11] При первой публикации письма В. И. Шенроком в 1896 г. было опущено (возможно, не разобрано) имя

старшей дочери Л. К. Виельгорской, Аполлинарии Михайловны, в замужестве Веневитиновой (ср. ***1844. Декабря 28 <16>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***).

[12] Сын А. В. и А. М. Веневитиновых Михаил (1844–1901).

[13] Еще одно семейное прозвание дочери В. А. и С. М. Соллогубов, Софьи.

[14] См. также ***1845. Сентября 12 <24>. Среда. Павлино.***

[15] А. В. Никитенко в 1836 г. получил степень доктора философии.

[16] Сын Л. К. Виельгорской.

ДЕКАБРЯ 11 <23>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Н. М. Языков пишет родным:

«Прилагаю здесь и письмо Гоголя[1]: оно мой лавр и лавр чистый и утешительный. Говорят, что у Жуковского уже готовы 10 песен "Одиссеи", и что сверх того он написал сказку[2]. Почтеннейший старец и Нестор муз!»

Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 169.

[1] Письмо от 2 декабря (н. ст.) 1844 г. с откликом на стихотворение Языкова «Землетрясение» (см. ***1844. Декабря 2 <ноября 20>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне***). Вместе с письмом к Языкову от 26 декабря (н. ст.) 1844 г. (см. ***1844. Декабря 26 <14>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***) легло в основу статьи «Предметы для лирического поэта в нынешнее время». В ответ на письмо от 2 декабря (н. ст.) 1844 г. Языков сообщал Гоголю: «*Собрание* моих стихотворений, то есть всего, что я до сих пор написал после первого, уже пропущено цензурой и скоро поступит в печать» (см. ***1844. Декабря 14 <26>. Четверг. Москва***). Сохранился экземпляр «Новых стихотворений Н. Языкова» с дарственной надписью Гоголю (см. ***1845. Июня 5 <мая 24>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Гомбург*** – примечания).

[2] «Сказка о Иване Царевиче и сером волке» (1845).

ДЕКАБРЯ 24 <12>. ВТОРНИК. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь посылает в Париж письмо к графу А. П. Толстому, с вложением собственноручного списка стихотворения Н. М. Языкова «Землетрясение» (письмо не сохранилось), а также письмо к графиням Л. К. и Анне М. Виельгорским; пишет также ответное письмо А. О. Смирновой в Петербург, с вложением писем к Ю. Ф. Самарину и к графине С. М. Соллогуб (последнее письмо тоже не сохранилось)[1].

В письме к Виельгорским Гоголь поздравлял их с новым годом: «Что вы, мои прекрасные душеньки, обе замолчали? <...> Анне Миха<й>ловне послано от меня в подарок на новый год стихотворение Языкова под названием: Землетрясение, которое вручит ей гр<аф> <А. П.> Толстой[2]. Стихотворение это она должна прочесть несколько раз и то, что в нем говорится о поэте, должна применить к себе. Не худо, если и Луиза Карловна сделает то же».

В письме к Смирновой Гоголь сообщал: «Оба ваши письма[3], так же близкие душе моей, как и вы сами, получил. Что я пишу не так часто, как бы сам того желал и хотел, на это не пеняйте; я же и не обещал этого. Мне чем дальше, тем больше набирается работы... <...> Самых нужных вещей не успеваю сделать, а вы мне еще и Самарина приплетаете. Без вас он верно бы не написал мне письма. В письме ничего, а отвечать и благодарить вследствие какого-то глупого приличия следует. Друг и душа моя, вы много заботитесь о том, о чем следует менее заботиться. Самарин человек умный. Ему нужны покаместь труд, работа и совершенное отсутствие праздного времени. Он себе пойдет [тем] следуемым ему путем, на который натолкнут его его же собственные способности и силы...

<...> Нам следует пока глядеть на тех, которым нужней наша помощь, склоняйтесь более к тем, которых видимо гибнет душа. <...> Самарину вы дайте знать вот что, если он точно чего-нибудь ищет от меня и думает, что я могу быть ему чем-нибудь полезным, то ему следует решиться на то, на что светский человек обыкновенно не решится: писать ко мне письма и не ждать на них ответов. В письмах должен быть почти дневник мыслей, чувств и ощущений, живое понятие о всех людях, с которыми ему случится встретиться, мнения о них свои и мнения других о них, и наконец случаи и стычки с ними. Словом, чтобы я *слышал самую жизнь*. Без этого я просто глуп и не гожусь ни на что. <...> ...Если он будет иметь терпение писать ко мне таким образом в продолжение целого года, не ожидая ответа ни на одно из писем, то по окончании года я, может быть, напишу ему для него точно полезное письмо. И после этого письма мы придем уже оба в состояние быть *полезными друг другу*. А иначе всякая переписка будет стрельба холостыми зарядами, произойдут куриные дела и куриные умствования. Мне этого нельзя ему сказать в письме, в котором следует только поблагодарить за комплименты, а вы ему изъяснить это можете. <...> Что же касается до дел относительно Н<иколая> М<ихайловича>[4], то мне кажется, вы берете пока еще всё это свысока. Никаких изъяснений, по моему мнению, не следует. <...> Будьте тверды – вот для вас самих и всё! <...> Вы должны его расспрашивать хорошенько сначала о том, что интересно покаместь для него, а не для вас. Расспросите его обстоятельно о следствии, на которое он был послан, как всё это и каким образом происходило. Тут вы увидите, где он хорошо поступил и где дурно. Сначала по-немногу вы даже сами увидите, в чем и как можете дать ему совет. <...> Но помните раз навсегда, что человек правится и совершенствуется только на *деле* и что, если хотите, чтобы истины высокие и христианские, которые вы скажете, со временем были приняты и поселились не на шутку, то задайте ему прежде *дело*, которое бы заняло его всего. А не то это значит поехать *не по дороге*, а по рвам, по кочкам, перелогам. Конечно всячески и повсюду и по чем бы ни поехал, можно достигнуть Христа. Но посудите сами, какого нужно терпения, характера и воли, чтобы отважиться ехать не по дороге, а по рвам, кочкам, болотам, одним словом без дороги! <...> Ставши на деле, человек стоит на земле. Только на земле можно сеять семена. А если он сам на воздухе, то и семена, которые пожелаете сеять, будут бросаемы на воздух. Итак, всякого человека, на которого вы захотели бы подействовать благодетельно, узнайте *в делах его*, возбудите в нем прежде охоту к тому делу, которое более всего по его способностям и силам, и думайте сначала только о том, чтобы он в этом деле, а не в других пустых и ежедневных делах, соображался с законом Христа. <...> Но и здесь вы не говорите ему, чтобы он шел ко Христу или соображался бы с законами Христа. Он вас не поймет и выпучит глаза, не постигая, как может дело прозаическое связаться с Христом, дело, каково, например, поверка счетов, возня с чиновниками, уборка хлеба или сочинения всякого рода сочинений во всяких родах. Вы сначала не произносите и имени Христа, возбудите прежде в нем находящиеся подстрекающие его орудия, как-то честолюбие и проч., которые огадил человек и поворотил в дурное, кольните и шпигуйте его сначала ими, а Христа лучше сначала получше заключите в самих себе и заключите Его так, чтоб Он отразился во всяком вашем действии, мнении, поступке и даже малейшем движении. И поверьте, тогда из уст ваших будет исходить один чистый разум, и воодушевленные внутренне Им, т. е. Самим Христом, вы дадите самый умный и самый полезный совет. И тогда, не произнося даже имени Его пред теми, которые не в силах понять Его, вы заставите их понемногу изумляться более и более великой правде ваших советов и наконец, когда придут в силы узнать, откуда и от кого пришли к вам эти советы, падут, может быть, *сами* в умилении и в ужасе на колени и в порыве благодарных слез не найдут, может быть, ни слов, ни молений как возблагодарить Бога за то, что ниспослал к ним вас. <...>

Я душевно порадовался вашему благодатному[5] состоянию души, которое к вам теперь приходит; но, друг мой, помните, что это не более, как знаки небесной милости Божией. Они даются нам вовсе не за заслуги, но единственно для того, чтобы ободрить нас на пути нашего стремленья к Нему. <...> И потому храни вас Бог слишком упояться такими минутами. В такие минуты вы должны сильней чувствовать свое недостоинство и приниматься живей за труды и подвиги, чтобы быть посредством их хотя сколько-нибудь достойными такой благодати. Если ж вы почувствуете в себе поползновение этим вознестись и возгордиться, то вспомните только то, что вы завтра же можете впасть в уныние, в хандру и увидеть во всем ничтожестве свое бессилие и малодушие. Поэтому-то

все минуты уныния и как бы Божьего оставления нас даются нам с неизреченно мудрым умыслом, именно для того, чтобы мы и на минуту не отдалились от Бога и чтобы узнали, как страшно быть без Него. А потому во все минуты вашего уныния и глупых состояний духа, вы записывайте такое состоянье[6]. Пусть, как в зеркале, останется там всё малодушие и всё ваше ничтожество, так, чтобы потом, когда вы почувствуете, что слишком заноситесь минутами благоволения Божия или, лучше сказать, Его небесного снисхождения, могли бы себе же показать это зеркало и увидеть в себе всю свою презренность и подивиться в то же время всей неизмеримости и бесконечности Божией любви. <...> Это один Бог может решить, кто более сделал. Тот, кто в глазах людей много сделал, может быть, еще не сделал и десятой доли того, что назначено Богом ему сделать, и он может подвергнуться строжайшему суду, чем тот, кто сделал меньше его, получив меньше и способностей[7]. <...> Соображая всё это и представляя это беспрестанно пред глаза свои, вы и не просите даже у Бога небесных наслаждений духа, но просите только сил быть достойным их, просите только дать возможность произвести больше подвигов и с тем вместе просите только о том, чтобы он не награждал нас за них в этой жизни, или лучше пусть только показывает нам здесь одно слабое мерцание наград своих, а не самые награды, потому что и малейшей части их не вынесет наше бренное тело. И недаром Давид восклицал не один раз: Боже, ослаби ми волны твоея благодати!»

Последние строки восходят к несохранившемуся сборнику выписок Гоголя «Из книги: Лествица, возводящая на небо»[8]. Ср. на 25-й ступени (в 25-м слове) «Лествицы» преп. Иоанна Синайского: «Обилие же снисходящих на нас Божиих дарований мы, яко оных недостойные, считаем тогда как бы за усугубление тяжчайшего нам за грехи наказания... <...> Есть и такие (но ныне есть ли, не могу сказать), кои для самого оных Божиих дарований на них излияния смиряются, почитая себя сокровища сего недостойными, и ежедневно долги свои умножающими». И на предпоследней ступени «Лествицы»: «Кто прежде будущего оного для праведных лучезарного света удостоился иметь такое бесстрастие, каковое имел Ефрем Сирин? Преславный во пророцех Давид глаголет к Богу: *Ослаби ми, да почию* (Пс. 38, ст. 14); а сей подвижник Божий вопиет: ослаби ми волны Твоея благодати»[9].

Далее Гоголь обращался к Смирновой: «Зачем вы не пишете мне ничего о происшествиях петербург<ского> общества... <...> Я не прошу от вас каких-нибудь сокровенных историй и секретов. Мне хочется только знать, какого рода вообще дух общества и в каком состоянии его испорченность и чем оно болеет, какого рода люди теперь наиболее его наполняют, какие классы преимуществуют и какие мнения торжествуют, какого рода разврат наиболее в ходу. <...> ...Не гнушайтесь светом. Ведь вы же входите в больницу и как ни гадки там болезни, как ни отвратительны раны и как ни болезненны вопли больных, но вас это не устрашает, потому что вы подвигнуты истинным и христианским состраданием. <...> Вначале разузнавайте и ничего более. <...> Никакой искусный и гениальный врач не возьмется лечить болезнь до тех пор, пока не узнает весь ход ее и все излучины сопровождавших ее обстоятельств. <...> Что делается у Карамзиных и какой сорт людей там бывает? <...>

Скажу вам одно слово насчет того, какая у меня душа, хохлацкая или русская, потому что это, как я вижу из письма вашего, служило одно время предметом ваших рассуждений и споров с другими. На это вам скажу, что сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому пред малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и как нарочно каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой — явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую[10], дабы порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве[11]. На сочинениях же моих не основывайтесь и не выводите оттуда никаких заключений о мне самом. Они все писаны давно, во времена глупой молодости, пользуются пока, незаслуженными похвалами и даже не совсем заслуженными порицаньями, и в них виден покаместь писатель, еще не утвердившийся ни на чем твердом. В них точно есть кое-где хвостики душевного состояния моего тогдашнего, но без моего собственного признания их никто и не заметит и не увидит.

Жаль, что вы не прочитали между прочим письма Плетнева[12]. Он тоже дал изрядного маху, основавшись, как кажется, на моих сочинениях. Он думал, что можно, не взявши в руки небесного

светильника, опуститься в темную глубину души человеческой и узнать, что такое человек, и очутился в потемках. Я написал ему ответ[13], не какой-либо оправдательный или недоумительный и поучающий, а заключающийся единственно только в том, что все мы несколько поспешны в заключениях о человеке и чрез это самое не узнаём его, что слишком рано убеждаемся, будто его узнали. Вы, не спрашивая его о самом письме, спросите только, получил ли он его.

Так как вы уже несколько раз напоминаете мне о деньгах[14], то я решаюсь наконец попросить у вас. <...> Мне нужно будет от трех до шести тысяч в будущем году. Если можете, то пришлите на три вексель во Франкфурт или на имя банкира Бетмана или к Жуковскому и ко мне. А другие три тысячи в конце 1845 года. А может быть, я обойдусь тогда и без них, если как-нибудь изворочусь иначе. Но знайте, что раньше двух лет вряд ли я вам отдам их назад. Об этом не сказывайте никому, особенно Плетневу. Он мне предлагал в письме своем денег сколько хочу, но мне никаким образом не следует у него взять. Вы спрашиваете, каково мне во Франкфурте. Скажу вам только то, что я и не замечаю, что я живу во Франкфурте, живу я там, где живут близкие мне люди, а наиболее живу в работе, отчасти в письмах, отчасти во внутренной собственной работе. Хотел бы сколько-нибудь поболее жить в Боге, но без людей и до этого нельзя достигнуть. Сами знаете: Бога никто же виде. Один Сын Человеческий его ведает[15], а он велел нам находить его в любви к ближнему[16]. С Жуковским мы ладим хорошо и никак не мешаем друг другу, каждый занят своим. С Елис<аветой> Евграфовной[17] тоже ладим хорошо и, что лучше всего, ни ей нет во мне большой потребности, ни мне в ней. А это мне теперь слишком хорошо, потому что моя семья становится чем дальше больше и я не успеваю даже отвечать на самые нужные письма. <...> Книг ваших я не получил до сих пор ни одной. <...> Зачем вы ожидаете комиссий и хотите посылать с ними? Лучше всего посылать прямо по почте. Жуковский получает так всегда книги. <...> Почты тяжелые теперь у нас устроились хорошо и доставляют прямиком во Франкфурт, а издержки совсем не дороги, что тут за утрата бросить каких-нибудь лишних 10 рублей? Но пакеты приостановите, а отправьте их с оказией. А мне, если хотите сделать теперь же удовольствие скоро, то пришлите Библиотеку для Чтения, журнал, издав<аемый> Сенк<овским> за 1842-й год, весь сполна, и не удивляйтесь тому, что мне понадобилась вдруг такая дрянь. Мне иногда именно нужна дрянь».

28 августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь, в частности, писал С. П. Шевыреву: «Пробежал некоторые номера русских журналов, которые попались мне в руки и которых в силу можно было держать в руках по причине толщины. Взгляд на них мне был нужен. Все-таки в них выражается часть того общества, которое больше всех других читает книги. Это нужно принять к сведению всякому, кто ни заводит речь с обществом. Своя собственная речь сделается доступнее. Не снизойдя к другим, нельзя их возвести к себе, а теперь, право, всяк из нас требует снисхождения: как ему не заблудиться в это время броженья и смешенья всего!»

По поводу своих писем духовно-нравственного содержания Гоголь в послании к Смирновой от 9 января – 15 марта (н. ст.) 1845 г. замечал: «...Никому, кроме разве одного духовника вашего, их не показывайте. Поверьте, что они будут чужды для всякого: ибо писаны на языке того человека, к которому писаны. А таких языкознателей или лучше душезнателей, которые могли бы читать все языки, сами знаете, немного».

В статье *XXI. Что такое губернаторша* «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь также писал, что часто священник, не искушенный в современных злоупотреблениях (в тех «видах и проделках, о которых не говорит вовсе на исповеди нынешний человек, <...> оттого что не видит грехов своих» – статья *XX. Нужно проездиться по России*), – «не знает, как ему быть с прихожанами и слушателями, изъясняется общими местами, не обращенными никакой стороной собственно к предмету». «Сказать: "Не крадьте, не роскошничайте, не берите взяток, молитесь и давайте милостыню неимущим" – теперь ничто и ничего не сделает», – полагал Гоголь. «Жизнь нужно показать человеку, жизнь, взятую под углом ее нынешних запутанностей, а не прежних...» («Нужно проездиться по России»).

По-видимому, Гоголь прямо руководствовался здесь апостольскими словами: «Кто говорит на незнакомом языке, тот назидает себя; а кто пророчествует, тот назидает церковь. Желаю, чтобы вы все говорили языками; но лучше, чтобы вы пророчествовали... <...> А потому говорящий на незнакомом языке молись о даре истолкования» (1 Кор. 14, 4–5, 13). 2 января (н. ст.) 1845 г. Гоголь писал также Н. М. Языкову об университетских профессорах: «Профессора у нас заняты только своим собственным краснобайством... <...> Они не знают, кому они говорят, а потому не мудрено, что не нашли до сих пор языка, которым следует говорить и беседовать с русским человеком. Не умея ни поучить, ни наставить, они умеют только, рассердившись, выбранить кого-нибудь, а потом жалуются на то, что не принимаются слова, что у молодых не соответствующее потребностям направление, позабыв, что если скверен приход, то в этом поп виноват, а не кто другой. Как в последние пять или шесть университетских выпусков (когда об ученьи гораздо больше было прилагаемо старания, чем когда-либо прежде, и

правительство с своей стороны сделало всё, что могло) не образовалось почти ни одного деятельно-работящего таланта!» Тогда же Гоголь советовал К. С. Аксакову перед тем как приняться за перо «вообразить себе живо личность тех, кому и для кого он пишет»[18].

В 1834 г. в статье «О преподавании всеобщей истории» Гоголь писал: «...Если слог профессора вял, <...> ложные мысли, <...> выраженные блестящим языком – увлекут их <...>, преданность к Религии и привязанность к Отечеству и Государю превращаются для них в мнения ничтожные». В том же году в «Тарасе Бульбе» Гоголь, в свою очередь, воплотил эти размышления. Имея в виду известное господствующее влияние в духовных училищах Южной России в XVI–XVII вв. католической «школьной» схоластики (или «философии», как презрительно называет эти схоластические «тонкости» главный герой повести), Гоголь изобразил здесь, как будущий предатель Андрий, слушая бесплодные схоластические «диспуты», предавался в то же время мечтам о женщине. (Кроме школярского формализма наставников, герой, конечно, и сам, своим нерадением, превращает себя в духовного «недоросля» – одну из «мертвых душ» гоголевской галереи, что не помышляют о восхождении по «лествице» добродетелей, до Господня «возраста»[19].)

Далее из письма к Смирновой: «А я вам скажу за это, что вы пропустили и не прочитали одной прекрасной вещи, именно стихотворения Языкова: Землетрясенье. Прочтите его зато несколько раз. Оно так возвышенно, просто и прекрасно и так кстати в нынешнее время, что его многим нужно читать, особенно тем, которые рождены ободрять других, стало быть и вам. Отдайте это письмо моей прекрасной и моей умнице Софье Миха<й>ловне[20]. <...> Тут же письмецо и Самарину. Поздравляю с новым годом».

В письме к Самарину Гоголь писал: «Благодарю вас за письмо и за усердное желание попотчевать меня вашим Феофаном[21], которым я однако уже попотчевал <себя> сам прежде[22]».

[1] См. ***1844 декабря 31 <1845 января 12>. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[2] Толстой выполнил поручение Гоголя. Настоящее письмо Гоголя к Виельгорским хранится «с переписанным рукою Гоголя стихотв<орением> Н. М. Языкова "Землетрясение"» (*Городецкий*. С. 444).

[3] См. ***1844. Ноября 3 <15>. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1844. Декабря 3 <15>. Воскресенье. Санкт-Петербург***.

[4] Муж Смирновой.

[5] См. ***1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца*** (фрагмент из письма Смирновой к Гоголю от 3/15 ноября 1844 г.).

[6] Ср. строки сочинения Гоголя 1843 г. <О гневе и безгневии>, адресованного А. О. Смирновой: «Некто упражнявшийся в преодолении гневного расположения прибегал к следующему средству: когда он чувствовал в душе своей гнев, тогда <...>, взяв бумагу, писал на ней в виде послания к оскорбившему его все, что мог только внушить ему самый неистовый гнев, в оскорбительнейших и жесточайших выражениях. И когда таким образом весь гнев его излился на бумагу, он прятал ее на несколько дней. По прошествии некоторого времени обратившись к написанному, он приходил всякий раз почти в ужас от злобного и негодующего духа, которым было исполнено письмо его. Просил Бога со слезами простить ему сии излишества, обращал гнев против себя и принимался за другое письмо, в котором старался сколько возможно обвинить себя во всем. Письмо сие, подобно первому, прятал на несколько дней и потом по прошествии некоторого времени сличал оба письма. Тогда чрез столкновение столь противуположных излишеств с обеих сторон открывалась ему сама собой разумная середина, а с тем вместе открывался и настоящий путь, как он должен был действовать».

[7] Ср. выписку из творений св. Иоанна Златоуста в сборнике Гоголя «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви» (1843–1844): «К праведникам везде Господь строг; является к грешникам – благ и скор к помилованию их и грешника падшего восставляет... <...> Что в мире сем богатый человек – то и праведник у Бога, и что в мире сем нищий, то у Бога грешник. Посему грешников как убогих, от праведников же яко от богатых взыскивает, к нищим убожества ради снисходит, а от сих по богатству и<х> благочестия с великою потребностью отчет требует» («Разные изречения из Иоанна Златоуста»). Эту мысль Гоголь еще раз повторяет в письме к А. О. Смирновой от 22 февраля (н. ст.) 1847 г.: «Способность созданья есть способность великая, если только она оживотворена благословеньем высшим Бога. Есть часть этой способности и у меня, и я знаю, что не спасусь, если не употреблю ее, как следует, в дело».

[8] См. ***Конец 1820-х (не позднее 1829)***.

[9] Лествица, возводящая на небо. М., 1785. Л. 113, 117, 169. – См. также ***1844 января 2 <1843 декабря 21>. Вторник. Ницца***.

[10] См. ***Летопись рода Гоголя. 1405–1808***.

[11] Таким образом на вопросы Смирновой по поводу якобы «неузнанного» самим Гоголем, «таящегося» от него самого «чувства» национального пристрастия (см. ***1844. Ноября 3 <15>. Пятница. Санкт-Петербург***)

писатель ответил вполне определенно. Из ответа Гоголя явствует, что ему был вполне чужд западнический взгляд, что будто бы в воссоединении, в плодотворном «слиянии воедино» с Россией «свободная» Украина что-то потеряла. В записной книжке 1846–1850 гг. Гоголь также отметил: «Обнять обе половины русского народа, северную и южную, сокровище их духа и характера».

[12] См. ***1844. Октября 27 <ноября 8>. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1844. Ноября 3 <15>. Пятница. Санкт-Петербург***.

[13] См. ***1844. Между декабря 1 и 14 <между ноября 19 и декабря 2>. Франкфурт-на-Майне***.

[14] См. ***1844. Сентября 26 <октября 8>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1844. Октября 10 <22>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1844. Ноября 3 <15>. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1844. Ноября 19 <декабря 1>. Воскресенье. Санкт-Петербург***.

[15] Евангелие от Иоанна, гл. 1, ст. 18.

[16] Первое Соборное послание Иоанна Богослова, гл. 4, ст. 20.

[17] Жена Жуковского.

[18] См. ***1844. Декабря 21 <9>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***. – См. также ***1847. Февраль-март <февраля средина – апреля первая половина>*** (примечания).

[19] См. ***Конец 1820-х (не позднее 1829)***.

[20] Графиня Соллогуб (рожд. графиня Виельгорская).

[21] См. ***1844. Сентября 10 <22>. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания).

[22] Ср. ***1844. Июля 17 <5>. Среда. Франкфурт-на-Майне***.

ДЕКАБРЯ 12 <24>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова начинает письмо к Гоголю во Франкфурт (письмо отправлено позднее, 18/30 декабря 1844 г.[1]):

«Не стыдно ли вам, Николай Васильевич, что вы меня совсем оставили, тогда как в душе моей завелась всякая дрянь – тревога, беспокойство и такая хандра, которой я всегда ужасно боялась... <...> ...Я привыкла иметь при себе Николая Васильевича, а <...> здесь нет такого человека, да вряд ли и в жизни найдешь другого Николая Васильевича. А притом и сколько материальных положительных причин, чтобы грустить!

Клементий Осип<ович>[2] в хандре и не в ладу с своим начальником[3]. Просит денег, а у меня их нет. Он, брат, кутит в Москве и просит места. Аркадий[4] опять болен и очень грустен. Александр[5] хотел жениться, и этому не удалось, тогда когда его душа и истинно-христианские добродетели достойны всякого счастия. Ему же даже и в службе не везет, а служит он образцом в гвардии, по словам самого в<еликого> к<нязя>[6].

Императрица[7] беспрестанно страдает биением сердца; я ее очень редко вижу. <...>

...Растолкуйте мне, почему вы перестали мне писать. Неужели я вас огорчила? Или уже не больны ли вы? Или вас заняли "Мертвые Души" так, что вы забыли об умирающих?

В воскресенье[8] я вам не писала; за то целый день читала Ев<ангелие> и ап<остола> Павла, чем и теперь сейчас займусь.

Скажите Жуковскому, что Андрей Карамзин был ранен на Кавказе легко в голову и в правую руку пулей навылет ниже локтя, что он очень отличился, командуя казачьим полком, что сам Государь сказал у Государыни на вечере. К счастью, раны не очень тяжкие; он сам матери[9] писал рукой левой несколько строк. Первая минута была ужасна для матери, но следующая почта ее успокоила... <...> Еще припишу несколько строк в воскресенье[10], а вы меня благословите. Я начну говеть прежде Рождества»[11].

[1] См. ***1844. Декабря 18 <30>. Понедельник. Санкт-Петербург***.

[2] К. О. Россет, брат Смирновой.

[3] Капитан по кавалерии К. О. Россет служил чиновником особых поручений при киевском военном губернаторе Д. Г. Бибикове.

[4] Ар. О. Россет, брат Смирновой.

[5] А-р О. Россет (род. в 1813), брат Смирновой, скончался в 1851 г. в чине полковника. Погребен в Свято-Введенской Оптиной Пустыни, где позднее, в 1854 г., рядом с ним был похоронен его брат, тоже полковник, И. О. Рос-

сет (род. в 1812). Члены семьи Россетов были крупными благотворителями Оптиной Пустыни. – Во второй половине 1840-х гг. А-р О. Россет женился на Афросимовой (Офросимовой); их дочь, Надежда Александровна Россет (1849–1909), вместе с своей прабабушкой Александрой Николаевной Афросимовой (Офросимовой) (см. также ***1849. Ноября около 25. Калуга***), в 1859 г. поступила в Белёвский Крестовоздвиженский монастырь. В 1860 г. в этот же монастырь поступила ее сестра Мария Александровна Россет. В 1887 г. Н. А. Россет была пострижена в монашество с именем Евпраксия; в 1897 г. с именем Мелания была пострижена М. А. Россет. В 1907 г. монахиня Евпраксия была назначена игуменьей Орловского Введенского монастыря (см.: *Каширина В. В.* Игумении Орловского Введенского монастыря и оптинское старчество // Альфа и омега. 2013. № 2–3 (64–65). С. 372–392; Летопись Орловского Введенского монастыря. Орел: Орловский Введенский монастырь, 2013. С. 179–181).

[6] Михаил Павлович.

[7] Александра Феодоровна.

[8] 10/22 декабря 1844 г.

[9] Е. А. Карамзина.

[10] 17/29 декабря 1844 г. (см. ***1844. Декабря 17 <29>. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1844. Декабря 18 <30>. Понедельник. Санкт-Петербург***).

[11] См. ***1844. Декабря 18 <30>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ 26 <14>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет Н. М. Языкову в Москву новое[1] письмо по поводу его стихотворения «Землетрясение», также использованное позднее при написании статьи *XV. Предметы для лирического поэта в нынешнее время* «Выбранных мест из переписки с друзьями»:

«Пишу тебе и сие письмо под влиянием того же ощущения, произведенного стихотворением твоим: Землетрясение. Друг, собери в себе всю силу поэта, ибо ныне наступает его время. Бей в прошедшем настоящее, и тройною силою облечется твое слово; прошедшее выступит живее, настоящее объяснится яснее, а сам поэт, проникнутый значительностью своего дела, возлетит выше к тому источнику, откуда почерпается дух поэзии. Сатира теперь не подействует и не будет метка, но высокий упрек лирического поэта, уже опирающегося на вечный закон, попираемый от слепоты людьми, будет много значить. При всем видимом разврате и сутолоке нашего времени, души видимо умягчены; какая-то тайная боязнь уже проникает сердце человека[2], самый страх и уныние, которому предаются, возводит в тонкую чувствительность нервы. <...> Укажи им, как сами они наказалися страхом чрез самих себя, и пусть в этом страхе увидят они Божье наказанье себе: верный знак, что далеко отбежали они от Бога; ибо кто с Богом, у того нет страха. <...> ...Громоносный упрек упадет на нынешних развратников, осмеливающихся пирушествовать и бесчинствовать в то время, когда раздаются уже действия гнева Божия и невидимая рука, как на пиру Валтазаровом[3], чертит огнем грозящие буквы. <...> ...Упрек, и еще сильнейший, может быть упадет на тех, которые осмеливаются даже в такие святые минуты Божьего посещения пользоваться смутностью времени, святокупствовать, набивать карман свой и брать взятки. Таких беззаконников, я слышал, развелось теперь у нас немало, которые воспользовались даже всякими нелепыми распускаемыми слухами, употребляя их орудиями к грабительству. Друг! много, много есть теперь предметов для лирического поэта. Всему этому найдет соответствующие картины он в Библии, где до того всё живо, что, кажется, писано огнем, а не тростью. <...> И то уже благодеяние, когда считающему себя богачом докажешь и откроешь, что он нищий[4]. <...> Внуши бодрость и выведи из уныния тех, которые стоят передовыми и могут подать пример другим. <...> Истинно же ободрить возможно только одним средством: именно, когда, ободряя кого-либо, ты в то же время напоминаешь ему, что он должен ободрять других, что он должен позабыть себя и не себя выводить из уныния, но других выводить из уныния. Сим одним только средством может человек сам выйти из него. Мы все так странно и чудно устроены, что не имеем сами в себе никакой силы, но как только подвигнемся на помощь другим, сила вдруг в нас является сама собою. Так велико в нашей жизни значение слова: *другой* и

любовь к другому. Эгоистов бы не было вовсе, если бы они были поумнее и догадались сами, что стоят только на нижней ступеньке своего эгоизма[5] и что только с тех пор, когда человек перестает думать о себе, с тех только одних пор он начинает думать истинно о себе, и становится таким образом самым рассчетливейшим из эгоистов. А потому и ты, друг мой, не думай о своей собственной хандре, хотя бы она и пришла к тебе, а думай о том, что в это время находятся другие в хандре и что следует их развеселять, а не себя — и хандра твоя исчезнет. <...> Я рад между прочим тому, что Москвитянин переходит в руки Иван<а> Васил<ьевича> К<иреевского>. Это вероятно подзадорит многих расписаться, а в том числе и тебя. Чего доброго, может быть, Москва захочет доказать, что она не баба. Я с своей стороны подзадорил Жуковского, и он, в три дни с небольшим хвостиком четвертого, отмахнул славную вещь[6], которую Москвитянин, вероятно, получил уже. Уведоми меня, как она ему и всем вообще читавшим ее показалась. Скажи Ив<ану> В<асильевичу>, чтобы он, как только будет выпечен первый № Москвитянина, прислал бы его прямо по почте. <...> Может быть, к тому времени выдет и твоя книга[7], что будет весьма кстати. Уведоми меня, посылал ли ты мне с кем-либо, или же нет, Летописцев, издан<ных> археогр<афической> комиссией[8]? Извини, что доселе не уплачиваю тебе занятого долга. Сему виною не какое-либо небрежение, неаккуратность и неисправность, а единственно неимущество... <...> Писем моих, писанных в декабре в Москву, есть уже четыре, кроме сего, т. е. одно к тебе, кажется 5-го числа[9], одно к Шевыреву[10], одно к Аксакову[11] и одно к Погодину[12], проведай при случае, исправно ли они получены. <...> Пиши, не ленясь, ко мне, если ж не захочешь писать, то пришли мне в пакете вместо письма которое-нибудь из новых стихотворений»[13].

[1] См. ***1844. Декабря 2 <ноября 20>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. также ***1843. Февраля 26 <14>. Воскресенье. Рим***; ***1844 января 2 <1843 декабря 21>. Вторник. Ницца***; ***1844. Февраля 14 <2>. Среда. Праздник Сретения Господня. Ницца.***

[3] Имеется в виду эпизод из библейской Книги св. пророка Даниила (гл. 5, ст. 1–8).

[4] В статье *XXXII. Светлое Воскресенье* «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь писал: «...Все позабыто человеком девятнадцатого века, и отталкивает он от себя брата, как богач отталкивает покрытого гноем нищего от великолепного крыльца своего». Вспоминается притча Спасителя о богаче и нищем Лазаре, переданная св. апостолом и евангелистом Лукой: «Человек же некий бе богат, и облачашеся в порфиру и виссон, веселяся на вся дни светло. Нищ же бе некто, именем Лазарь, иже лежаще пред враты его гноен» (гл. 16, ст. 19–20).

[5] Эту же мысль Гоголь повторяет в статье *XVI. Советы* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Эгоизм — тоже не дурное свойство; вольно было людям дать ему такое скверное толкование, а в основанье эгоизма легла сущая правда. Позаботься прежде о себе, а потом о других; стань прежде сам почище душою, а потом уже старайся, чтобы другие были чище». В «Авторской исповеди» Гоголь также писал: «Противным я действительно казался себе самому вовсе не от смиренья, но потому, что в мыслях моих чем далее, тем яснее представлялся идеал прекрасного человека, тот благостный образ, каким должен быть на земле человек, и мне становилось всякий раз после этого противно глядеть на себя. Это не смирение, но скорее то чувство, которое бывает у завистливого человека, который, увидевши в чужих руках вещь лучшую, бросает свою и не хочет уже глядеть на нее». О Чичикове в заключительной главе первого тома «Мертвых душ» говорится: «...Все, что ни отзывалось богатством и довольством, производило на него впечатление, непостижимое им самим. <...> Бесчисленны, как морские пески, человеческие страсти, и все не похожи одна на другую, и все они, низкие и прекрасные, вначале покорны человеку и потом уже становятся страшными властелинами его. <...> Уже родились они с ним в минуту рожденья его в свет, и не дано ему сил отклониться от них. Высшими начертаньями они ведутся, и есть в них что-то вечно зовущее, неумолкающее во всю жизнь. Земное великое поприще суждено совершить им: все равно, в мрачном ли образе, или пронестись светлым явленьем, возрадующим мир, — одинаково вызваны они для неведомого человеком блага. И, может быть, в сем же самом Чичикове страсть, его влекущая, уже не от него, и в холодном его существовании заключено то, что потом повергнет в прах и на колени человека пред мудростью небес. И еще тайна, почему сей образ предстал в ныне являющейся на свет поэме». — См. также ***1850. Июня 17–19. Суббота-понедельник. Оптина Пустынь.***

Намек на грядущее нравственное перерождение Чичикова содержится уже в самом его имени — Павел. Св. апостол Павел был одним из самых ревностных гонителей Христа, а потом стал не менее ревностным его приверженцем. Об этом Гоголь упоминает в «Страшной мести»: «Слышал ли ты про апостола Павла, какой был он грешный человек, но после покаялся и стал святым».

[6] «Две повести» (см. ***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***).

[7] «Новые стихотворения» Н. М. Языкова вышли в 1845 г. — См. также ***1845. Июня 5 <мая 24>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Гомбург.***

[8] См. ***1843. Октября 5 <сентября 23>. Четверг. Дюссельдорф.***

[9] См. ***1844. Декабря 2 <ноября 20>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне.***

[10] См. ***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***
[11] См. ***1844. Декабря 21 <9>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***
[12] См. ***1844. Декабря 20 <8>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***
[13] В начале января 1845 г. Н. М. Языков выслал Гоголю стихотворение «К ненашим» (см. ***1845. Января 11 <23>. Четверг. Москва***).

ДЕКАБРЯ 14 <26>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре[1]; в роли Кочкарева – М. С. Щепкин[2].

В тот же день Н. М. Языков отправил Гоголю ответное[3] письмо во Франкфурт:

«Твое письмо от 2-го декабря обрадовало и утешило меня... <...> Здесь ходит слух, что у Василия Андреевича уже готово 10 песней "Одиссеи" и что он написал еще сказку[4]? Наша "Одиссея" перешибет все возможные переводы: это будет памятник, про который можно сказать, что "металлов крепче он и лучше пирамид"[5]!

Я уже писал к тебе о переходе "Москвитянина" в руки И. Киреевского; это обстоятельство пробудило много спавших деятельностей... <...>

Погодин о сию пору еще не оправился после удара, его поразившего: он все еще пребывает в каком-то душевном оцепенении! На днях был у него М. Ал. Дмитриев. Погодин встретил его словами: "Как я рад, что вы меня навестили! Я теперь думал, что я скоро умру. Дайте мне слово, что вы будете заботиться о моих детях! – Дмитриев отвечал ему удовлетворительно. – Обнимите меня и поцелуйте меня". Все это говорил он, плача, как ребенок!!

Памятник, воздвигаемый в Симбирске Карамзину, уже привезен на место. Народ смотрит на статую Клии и толкует, кто это: дочь ли Карамзина или жена его? Несчастный вовсе не понимает, что это богиня истории!! Не нахожу слов выразить тебе мою досаду, что в честь такого человека воздвигают эту вековечную бессмыслицу!!

Не прислать ли тебе книгу "Царские выходы"[6]? Хоть она и довольно тяжела, но граф <И. П.> Толстой говорил мне, что это обстоятельство не должно смущать меня.

Я послал к тебе и "Стихотворения" Хомякова и "Гаммы" Полонского[7]. Полонский – малый с талантом; жаль только, что у него направление новомодное, отчаянное, но это, вероятно, пройдет с летами.

Собрание моих стихотворений, то есть всего, что я до сих пор написал после первого[8], уже пропущено цензурой и скоро поступит в печать. Прилагаю тебе одно из новейших моих альбомных, мирских стихотворений»[9].

[1] *Ельницкая 1978*. С. 253.
[2] *Гриц*. М., 1966. С. 339.
[3] См. ***1844. Декабря 2 <ноября 20>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне.***
[4] «Сказка о Иване Царевиче и сером волке» (1845).
[5] Из стихотворения Г. Р. Державина «Памятник» (1795).
[6] Имеется в виду изданная П. М. Строевым книга «Выходы Государей Царей и Великих Князей, Михаила Феодоровича, Алексия Михайловича, Феодора Алексиевича, всея Руси Самодержцев. (С 1632 по 1682 год)» (М., 1844) (см. ***1844. Декабря 2 <ноября 20>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне***). О создании книги см.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 391–399. Вероятно, Гоголь познакомился с этой книгой в Париже, куда прибыл 14 января (н. ст.) 1845 г. и где пользовался библиотекой настоятеля русской посольской церкви протоиерея отца Димитрия Вершинского – «...не оставался без русских книг, которые были мне потребны и пришлись по состоянию души», как признавался Гоголь 12 февраля (н. ст.) 1845 г. в письме к Н. М. Языкову. В своей записной книжке 1841–1845 гг. Гоголь сделал из этой книги выписки «Одеяния», «Шубы», «Узоры»; одной из них воспользовался в «Переписке с друзьями» – в статье *XV. Предметы для лирического поэта в нынешнее время*, адресованной Языкову и датированной 1844 г.: «На днях попалась мне книга: "Царские выходы". Казалось, что бы могло быть ее скучней, но и тут уже одни слова и названья царских

убранств, дорогих тканей и каменьев — сущие сокровища для поэта; всякое слово так и ложится в стих. Ди вишься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок; все зернисто, крупно, как сам жемчуг, и, прав иное названье еще драгоценней самой вещи. Да если только убережешь такими словами стих свой — целико унесешь читателя в минувшее. Мне, после прочтенья трех страниц из этой книги, так и виделся везде царь ста ринных, прежних времен, благоговейно идущий к вечерне в старинном царском своем убранстве». — См. такж ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь*** (письмо к Языкову).

[7] Сборники А. С. Хомякова «КД <24>стихотворения» (М., 1844) и Я. П. Полонского «Гаммы» (М., 1844).

[8] Речь идет о сборниках «Новые стихотворения Н. Языкова» (М., 1845; цензурное разрешение 1 декабр 1844 г.) и «Стихотворения Н. Языкова» (СПб., 1833). — См. также ***1845. Июня 5 <мая 24>. Четверг. Празд ник Вознесения Господня. Гомбург.***

[9] Вероятно, первое из стихотворений, посвященных А. В. Киреевой («Сильно чувствую и знаю...», от 26 но ября 1844 г.); впервые опубликовано в «Москвитянине». 1845. № 2 (цензурное разрешение 1 марта): «I. Алек сандре Васильевне Киреевой», с подписью: «26 ноября 1844 года» (С. 55–56). В том же номере журнала был напечатано второе послание Языкова Киреевой — «II. К ней же» («Тогда как сердцем мы лелеем...») (С. 56–57) с этим посланием Гоголь познакомился в конце апреля (н. ст.) 1845 г. по журнальной публикации (см. ***1845 Мая 1 <апреля 19>. Четверг Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне***). В письме к Языкову от 10–14 ян варя (н. ст.) 1845 г. Гоголь ошибочно пишет о послании к Киреевой как о приложенном к письму от 2 декабр (см. ***1845 января 10 <1844 декабря 29>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***).

ДЕКАБРЯ 28 <16>. СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь отправляет ответное[1] письмо к графине Л. К. Виельгорской в Париж:

«Благодарю вас, моя прекрасная душой графиня, во-первых, за ваше миленькое письмо во-вторых, за все приятные известия, которыми вы меня полакомили, как-то: о вашей Фофке[2], с всем ее семейством, об Апол<линарии> Мих<айловне>[3], о Михале Михалыче[4] и о прочем. Однак только я не понимаю, как смела моя Анна Михаловна[5] простудиться. Этого поступка я никак о нее не ожидал. Я думал, что она гораздо умнее; это вы ей сообщите. В-третьих, благодарю вас за по здравление с новым годом. Я вас также поздравил с ним от всей души. Об этом вам было написан в длинном письме (от 24 декабря)[6], которое вы, вероятно, уже получили, где находятся такие ж упреки в молчании вам, какие вы делаете мне. Что вы меня заманиваете Парижем, Рашелью, мага зинами и прочей дрянью? Разве вы не знаете, что если бы вы жили на Чукотском носу или в город Чухломе и пригласили бы меня оттуда к себе, описав мне всю тоску тамошнего пребывания, то я б скорее к вам приехал туда, чем в Париж? Ехать же в Париж, во-первых, мне нет надобности, во-вто рых, есть много к тому невозможностей, в-третьих, это баловство. Вы и без того уже слишком мен избаловали: я думаю о вас гораздо чаще, чем бы следовало. Тогда как мысль о вас должна бы быт десертом и лакомством только в праздничные дни, в награду за хорошее поведение, а свидание и подавно. <...> Жуковский здоров, вас очень благодарит и вам кланяется. Жена его ведет себя ка следует в ее положении: беспрестанно движется, часто бывает на воздухе, свежа и даже пополнел в сравнении с прежним. Оба они, кланяясь вам, посылают с тем вместе поклон и Тургеневу[7]. Пере дайте душевной поклон мой прекрасным вашим племянницам[8] и всему их семейству».

[1] См. ***1844. Декабря 23 <11>. Понедельник. Париж.***

[2] Имеется в виду дочь В. А. и С. М. Соллогубов, Софья.

[3] Веневитинова (рожд. графиня Виельгорская).

[4] Граф Виельгорский, сын Л. К. Виельгорской.

[5] Виельгорская.

[6] Шутка Гоголя; письмо было коротким (см. ***1844. Декабря 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***).

[7] Александр Иванович.

[8] Имеются в виду Антуанетта Лазарева и графиня Луиза Гогенталь, дочери брата графини Л. К. Виельгор ской (рожд. герцогини Бирон), герцога Густава Каликста Бирона. — См. также ***1844. Сентября между 19 и 21 <между 7 и 9>. Рюдесгейм.***

ДЕКАБРЯ 16 <28>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова пишет письмо в Рим к А. А. Иванову.

См. ***1843. Февраля 3 <января 22>. Пятница. Рим*** (примечания).

ДЕКАБРЯ 17 <29>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев навещает[1] А. О. Смирнову, чтобы прочесть с ней письмо к нему Гоголя от первой половины декабря (н. ст.) 1844 г.[2]

[1] См. ***1844. Декабря 18 <30>. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1844. Между декабря 1 и 14 <между ноября 19 и декабря 2>. Франкфурт-на-Майне.***

ДЕКАБРЯ 18 <30>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова, встретившись накануне[1] с П. А. Плетневым, пишет Гоголю во Франкфурт (послание было начато 12/24 декабря 1844 г.[2]):

«Вчера утром пришел ко мне Плетнев с вашим письмом[3], и мне открылась загадка вашего молчания: на такое письмо надобно время, и вы хорошо сделали, что сперва ему отвечали. Я говею[4], следовательно, очищаю душу от грехов... <...> На Плетнева вы не пеняйте за то, что он потребовал нужду показать мне ваше письмо. Во-первых, с Плетневым самим произошла большая перемена в эти последние три года, и он, несмотря на то, что вы нашли его уже созревшим и характер его образованным, он был всегда прекрасный и добрый человек без сознания христианского, а теперь, благодаря Бога и приятеля его Грота, Плетнев сделался истинным христианином, но в пределах своего практического благоразумия и данных семейных, которые давно определили его жизнь; потому Плетнев не может многого понимать того, что вы говорите и делаете; потому многое, что вы ему говорите, ему непонятно и кажется фальшивым. Он не уверен в вас, и притом ему кажется, что в вас нет простоты. <...> Проявлялся позже[5] этот недостаток в более мелочных вещах; наконец, и тогда, когда я вас спрашивала о денежных ваших обстоятельствах. Вы отвечали мне, что деньги всегда будут, а как – и не намекнули даже. Бог вас знает, какие у вас на этот счет понятия! А дело в том, что, пока вы еще не совсем расстались с миром, то должны о мирском помышлять. Что хорошо ли вы сделали, что вы запутались с светом, или дурно, – это вопрос другой, и вы сами решите его. Но если же уже запутались, то не забрыкать же ногами во всех и на все, бросить всех, а они себе там хоть умирай. Смотрите, чтобы не брыкнуть так, что вы вовек не успокоитесь после этого. Вы же мне говорили, что мы здесь тесно связаны друг с другом[6]. Это правда не в одном отношении отвлеченном, но и в материальном; так тесно связаны души наши с телами нашими, что это повторяется и в общественности нашей: мы, спасая души близких нам, не можем и не должны пренебречь о их теле. Ведь Филонов[7] умер бы с голоду, если бы Александра Осиповна ему только Библию посылала!.. У вас на руках старая мать и сестры. Хотя вы думали, что обеспечили их состояние, но что ж делать, если по неблагоразумию, или каким-либо непредвиденным обстоятельствам, они опять у вас лежат на плечах. Дело ваше прежде всего, при получении отчета Прокоповича[8], сперва и не помышляя ни о какой помощи бедным студентам, выручить ее из стесненных обстоятельств. И потому мы решили с Плетневым, что так и поступим, если точно есть какие-нибудь деньги у Прокоповича. А до московских нам никакого дела нет; там пусть делают, как хотят[9]. С вашими планами для студентов вы мне напомнили одного фурьериста, который свой капитал растратил для общественного блага, а потом сам с женой и детьми умирал с голоду; кончил тем, что брыкнул в жену ногой, а сам для общественного блага заперся в четвертом этаже. Знаете ли, что St. François de Sales говорит: "Nous

nous amusons souvent à être bons anges, et nous oublions qu'il faut avant tout être bons hommes"[10]. Итак, будьте проще, удобнее понятным всем тем, которые ниже вас на ступени духовной. Не скрывайтесь и не закрывайтесь беспрестанно. Зачем вы так тайно хотите помогать другим? Тут особенно должна быть большая простота; этому делу не надобно придавать никакой важности. Не помогать – просто мерзость, когда есть на то способы; и когда помогаешь, то на это надобно смотреть так, как на всякое житейское дело. Чтобы избегнуть упрека, что одни фарисеи раздают на перекрестках, и выполнить буквально предписание, "дабы левая твоя не ведала, что делает правая"[11], вы забываете: "да светят дела ваши добрые перед людьми в славу Божию"[12]. Кто знает? может быть, узнав, что вы своей лептой помогаете брату, на это и у других явится охота им помогать; таким образом вы поможете большему числу людей. Конечно, ни Плетнев, ни я об этом публиковать не будем, а если оно узнается, то беда небольшая, что вас назовут. Меня все старухи петербургские знают, даже и безрукие офицеры, и я вовсе от этого не прячусь и не скрываюсь; мне даже все равно, если скажут, что я ханжа. Богу одному известно, что в глубине души моей. Другое дело, если бы друзья мои меня начали упрекать в лицемерстве; им бы я открыла свою душу и не запирала бы, <ка>к вы, ее в три замка. Сознайтесь, что все ваши недоразумения произошли от вашей молчаливой гордости.

Вот вам, кажется, упреки и правда – т. е. правда по моим понятиям. Вы просили упреков, как живой воды; вот вам и от меня посыпались.

Теперь перейдем опять к делу положительному – к деньгам. Я человек практический; меня Жуковский всегда называл *честным человеком*, платящим свои долги и считающим всякую копейку. Вот что. Прежде еще получения вашего письма, мы, – а кто именно, не нужно вам знать – имели обещание получить их, и оставим их у себя впредь до вашего приказания. Меж тем Плетнев узнает у вас в деревне, сколько там нужно, чтобы выйти из крайности. Туда пошлется, сколько можно, а остальное пришлется вам. Когда Прокопович отдаст отчет и буде у него что-нибудь накопилось, оно также нам не помешает. Вы тогда должны себя и своих близких обеспечить прежде всего. Так требует благоразумие, и вы не вправе налагать на себя наказание за свои литературные грехи голодом. Эти грехи уже тем наказаны, что вас препорядочно ругают и что вы сами чувствуете, сколько мерзостей вы пером написали. Во-вторых, ведь деньги только у вас в воображении; их, может быть, нет, да и не будет, и вы мне напомнили: "Perrètte sur sa tête ayant un pot à lait"[13]; а вы уже ими и пожертвовали, не сообразясь ни с каким порядочным понятием о милостыне и подаянии. <...>

Здоровье Императрицы[14] очень нас беспокоит. <...> Знает ли Ж<уковский>, что князь Александр Николаевич Голицын умер[15] месяц после того, как опять прозрел после операций, и умер от водяной? Он был честный и добрый человек. Имение все роздал бедным: после него ничего не нашли для племянников; они, впрочем, не нуждаются. <...> Получили вы 4 пакета с книгами? Они отсюда были пересланы Михаилу Михайловичу[16]. Спросите у него о них. При первой оказии перешлю еще два последние тома Тихона Задонского[17], Макария "О молитве"[18] и книгу Самарина[19]. После начну пересылать "Христианское Чтение". Говорят, вышли славные вещи Стурдзы[20]. Хотите ли вы его? Читали ли вы что-нибудь из его сочинений?»

[1] См. ***1844. Декабря 17 <29>. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1844. Декабря 12 <24>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1844. Между декабря 1 и 14 <между ноября 19 и декабря 2>. Франкфурт-на-Майне.***

[4] Ср. ***1844. Декабря 12 <24>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[5] Ср. ***1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца*** (примечания).

[6] См. ***1844. Апреля 7 <марта 26>. Светлое Христово Воскресение. Праздники православной и католической Пасхи. Дармштадт.***

[7] См. ***1843. Марта 6 <февраля 22>. Понедельник. Начало Великого Поста. Рим*** (примечания).

[8] Имеется в виду отчет о деньгах, вырученных от продажи «Сочинений Николая Гоголя».

[9] В Москве помощь нуждающимся студентам Гоголь поручал организовать С. П. Шевыреву и С. Т. Аксакову (см. ***1844. Между декабря 1 и 14 <между ноября 19 и декабря 2>. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***).

[10] Смирнова цитирует слова католического писателя и проповедника Франциска Сальского (канонизирован Римской Церковью): «Мы наслаждаемся мыслью о том, как нам быть добрыми ангелами, и забываем, что прежде всего наш долг – быть добрыми людьми» (*фр.*).

[11] Евангелие от Матфея, гл. 6, ст. 2–3.

[12] Там же, гл. 5, ст. 16.

[13] Перетта с кувшином на голове (*фр.*). Подразумевается басня Ж. Лафонтена о молочнице, несшей на продажу кувшин молока и нечаянно его разбившей. В 1810 г. в Екатерининском парке Царского села был сделан фонтан с статуей «Молочницы» скульптора П. П. Соколова (по проекту А. А. де Бетанкура).

[14] Александра Феодоровна.

[15] 4 декабря 1844 г.

[16] Граф Виельгорский.

[17] См. ***1844. Октября 10 <22>. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[18] См. также ***1845. Марта 1 <13>. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания).

[19] См. ***1844. Сентября 10 <22>. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания).

[20] В 1844 г. в Москве вышли сочинения А. С. Стурдзы: «Нечто о философии христианской», «Нечто об этимологии и эстетике по отношению к истории и к науке древностей» и 4-е издание «Писем о должностях священного сана».

ДЕКАБРЯ 18 <30>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«К Кир<еевскому>, от коего ни слуху, ни духу. Что-то не спорится. Хотел было заехать к Шев<ыреву>, а он приехал к Кир<еевскому>, и привез стихотворен<ие> Жуковского[1]. Маленькая досада и боль самолюбия, почему мне в 4 года он не мог собраться привезть ничего, а здесь и без просьбы. Разумеется, Киреевский ему родной[2], но для общего дела, чтоб показать участие, мог бы он прислать мне хоть страницу. – И Гоголь также показал величайшее усердие, какого не видал я[3]. Ну, Бог с ними».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 488.

[1] Имеются в виду «Две повести. Подарок на новый год издателю “Москвитянина”. (Из Шамиссо и Рюккерта)» В. А. Жуковского, опубликованные в № 1 «Москвитянина» за 1845 г., переданного С. П. Шевыревым И. В. Киреевскому. – См. ***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Декабря 17 <5>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Декабря 21 <9>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***.

[2] Прабабушкой И. В. Киреевского по женской линии (бабушкой его матери А. П. Елагиной) была Мария Григорьевна Бунина, законная жена Афанасия Ивановича Бунина, отца В. А. Жуковского.

[3] Имея в виду «Две повести» В. А. Жуковского, Гоголь 14 декабря (н. ст.) 1844 г. писал С. П. Шевыреву: «...Жуковский мною заставлен сделать для Москвитянина великое дело, которого, без хвастовства, побудителем и подстрекателем был я».

1845 ЯНВАРЯ 2 <1844 ДЕКАБРЯ 21>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь отправляет в Москву ответное[1] послание к Н. М. Языкову (последнее письмо, в свою очередь[2], было использовано Гоголем при написании статьи *XV. Предметы для лирического поэта в нынешнее время* «Выбранных мест из переписки с друзьями»).

В письме к Языкову Гоголь сообщает: «Письмо твое от 2-го декабря получил. <...> Если через год и Жуковский переедет на жительство в Москву[3] (как он то помышляет), то Москва получит большую значительность и степенность, какой ей недоставало. Тогда может восстановиться в ней та литературная патриархальность, на которую у ней есть только претензии, но которой в самом деле нет. Кстати о Жуковском. Ты спрашиваешь: как идет “Одиссея”? На это скажу покаместь то, что дай Бог, дабы всё остальное так же шло на свете, как идет у Жуковского “Одиссея”. Перевод этот решительно есть венец всех переводов, когда-либо совершавшихся на свете, и венец всех сочинений, когда-либо сочиненных Жуковским. Половина его уже совершена. Две-

надцать песен готовы. Впрочем, обо всем этом, равно как и о производстве самого перевода, написано им весьма замечательное письмо[4] к Авд<отье> Пет<ровне> и Ив<ану> В<асильевичу> К<иреевскому>, которое ты, вероятно, уже и сам прочел или, по крайней мере, о нем знаешь. Движение по части "Москвитянина", о котором ты пишешь, меня радует, но сотрудников следует подзадоривать и, так сказать, подпекать на дело. Это, как знаешь, народ русский. Рвануться на работу — наше дело, а там как раз и съедешь на пшик. У нас есть старье из литераторов, мастера только приводить в уныние молодых людей, а подстрекнуть на труд и дельную работу нет ума. Как до сих пор так мало заботиться об узнаваньи природы человека, тогда как это есть главное начало всему! Профессора у нас заняты только своим собственным краснобайством, а чтобы образовать человека, об этом вовсе не помышляют. Они не знают, кому они говорят, а потому не мудрено, что не нашли до сих пор языка, которым следует говорить и беседовать с русским человеком. Не умея ни поучить, ни наставить, они умеют только, рассердившись, выбранить кого-нибудь, а потом сами жалуются на то, что не принимаются слова, что у молодых не соответствующее потребностям направление, позабыв, что если скверен приход, то в этом поп виноват, а не кто другой. Как в последние пять или шесть университетских выпусков (когда об ученьи гораздо больше было прилагаемо старания, чем когда-либо прежде, и правительство с своей стороны сделало всё, что могло) не образовалось почти ни одного деятельно-работящего таланта! И "Москвитянин", издаваясь уже четыре года, не вывел ни одной сияющей звезды на словесный небосклон! Высунули носы какие-то допотопные старики, поворотились, <...> и скрылись, тогда как с русским ли человеком не наделать добра на всяком поприще! Да его стоит только хорошенько попрекнуть, назвав его бабой и хомяком, загнуть ему знакомую поговорку и сказать, что вот, де, говорит немец, что русский человек ни на что не годен, — как из него уже вмиг сделается другой человек. А потому не позабудь, друг мой, что и ты, с своей стороны, можешь много ободрить русского человека. В самом стихе твоем есть уже что-то бодрое и бодрящее, и если таким стихом оденешь ты и мысль, вполне *бодрящую,* и если рассмотришь к тому и природу русского человека, чтобы узнать, по которому месту бить и хлестать его, то много-много можешь наделать добра. Стихи, присланные тобой в образчик духовн<ых> стих<отворений> ("Блажен, кто мудрости высокой"), получил и прочел с удовольствием. В них есть простота, величие и светлость, но они далеки от "Землетрясения". Я не думаю даже, чтобы форма псалмов была прилична тем духовным стихотвореньям, какие потребны в нынешнее время[5]. По крайней мере псалмы должны быть собственные, а не переделанные или извлеченные из Давида. <...> А <...> самые <...> побуждающие силы пробуждаются в человеке не иначе, как от соприкосновенья с живыми, текущими, настоящими современными обстоятельствами... <...> ...Прошедшее <...> и отдаленное возлюбляется по мере его надобности и потребности в настоящем. Словом, вообще удача духовного стихотворения зависит от того, когда оно предприемлется как подвиг во имя Божие, как искреннейшее дело, как то деяние, по которому будет судить нас Бог во пришествии Своем. Вот почему так холодны попытки всех прелагателей псалмов: они их брали просто как предмет для поэзии, как поэтические игрушки.

Твое духовное стихотворение ("Блажен, кто мудрости высокой") не содержит в себе ни *упрека,* порожденного гневом[6], ни *состраданья,* порожденного любовью, ни *умоления,* исторгнутого силою душевной немощи. В нем заключено *восхваление,* которое, как известно, само по себе всегда уступает в силе трем прочим. Гневается ли человек, любит ли, умоляет ли, он всегда тут становится сильнее, чем когда он хвалит. <...> Притом предмет восхваления есть муж, отстранившийся от людей и от их порочного общества, тогда как люди теперь больше, чем когда-либо прежде, нуждаются в любви к себе. Стало быть, стихотворение еще более должно отозваться какою-то черствостью. Я не говорю, чтобы род стихотворений в виде *восхвалений* был теперь вовсе бессилен или не нужен, но я думаю только то, что и в сем роде восхваляться должно только то, что наиболее нужно нынешнему человеку среди нынешнего века, и предметом восхвалений должен быть муж, потребный современным обстоятельствам. Если бы ты сказал, например, что блажен муж, который и среди уныния других не предается унынию, но сеет бодрость в души, подъемлет повсюду падшего и воздвигает дух в человеке, или — блажен муж, отдавший всего себя на служение Богу, который, взявши какое бы то ни было мирское место и звание, служит

на нем не для мира и не для своей почести и не ждет ни от кого из людей за это награды, но, как святыню, обнявши долг свой, умеет перенести всё и не оставит своего места ни в каком случае, какие бы ни нанесли ему оскорбления, не переносимые для человеческой гордости, помня только то, что не для себя, не для своего счастия, а для счастия других он взял свое место, и не для удовлетворенья своей гордости, а для защиты других должен он пребывать на нем, не ради какой-либо признательности и хвалы мира, а ради Христа, представшего перед него в виде страждущих несчастливцев, молящих и простирающих изнуренные от бесплодных простираний руки. Таким образом служащего Богу мужа можно ублажить не даром и достойно, и найдутся сами собою для того сильные и восторгающие слова. Или – блажен тот, кто, оторвавшись вдруг от разврата и от подлой пресмыкающейся жизни, преданной каверзничествам, неправдам, предательствам, особачившим дни ее и заплевавшим его человеческую душу, как бы вдруг пробуждается в великую минуту и так же *запоем*, как способен один только русский, который с горя вдруг вдается в пьянство, так же запоем из пьянства входит в трезвость души, великодушно объявляет брань самому себе, загорается еще сильнейшей жаждой небесною, чем всякой другой, и становится таким образом возвышеннее даже того, кто всю жизнь провел в честности. Здесь можно кстати ублажить и тех тюрюков[7], которые от бездельной и лежебокой жизни обращаются вдруг к деятельной и таким образом вдруг превращаются из бабы в мужа.

Или же вообще – блажен тот, кто уже загорелся небесной любовью к людям и, позабывши уже все собственные страдания, всё, что ни наносилось ему в огорченье от них или в оттолкновенье от них, влечется к ним сильнейшею любовью, до того, что, уже как бы позабывши о собственном своем спасении, помышляет только о их спасении. Словом, муж, загоревшийся той любовью, которой еще и не знали во времена Давида и которую принес Христос на землю. Да и вообще много-много других, сильнейших псалмов может произвести поэт, крещенный огнем и духом Христовым[8], если только возрожденье свое как человека внесет в поэзию свою. Я думаю, что если он ублажит таких мужей, которые именно нужны нашему времени, то он произведет действие на всех, несмотря на то, что стихотворения в виде *восхвалений* не могут иметь такой потрясающей силы, как упомянутые мною прежде роды духовных стихотворений.

Итак, вот всё, что я почел нужным сказать тебе о сем предмете с желаньем искренним помочь тебе, как брат хочет помочь любимейшему брату. <...> Да не позабудь прислать мне в образчик и мирское стихотворение. Особенно прошу тех, которые были написаны по *какому-нибудь поводу* и в писании которых ты чувствовал подталкивающую силу.

Это уже будет третье[9] письмо, которое пишу к тебе после прочтенья твоего стихотворенья “Землетрясенье”...»

[1] См. ***1844. Декабря 2 <14>. Суббота. Москва.***

[2] См. также ***1844. Декабря 2 <ноября 20>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Декабря 26 <14>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[3] В. А. Жуковский собирался вернуться в Россию и поселиться в Москве, где жили почти все его родные и друзья. Гоголь в адресованной Жуковскому статье *XVII. Просвещение* «Выбранных мест из переписки с друзьями» писал: «В Москву ты приедешь, как в родную свою семью». Этот план не осуществился.

[4] См. ***1844. Декабря 21 <9>. Суббота. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[5] См. также ***1851. Августа 20–23. Понедельник-четверг. Москва.*** – Сходное мнение Гоголь высказывал в 1851 г. по поводу подражаний античной поэзии Н. Ф. Щербины (см. ***1851. Декабрь. Москва***).

[6] См. также ***1849. Мая 16. Понедельник. Москва.***

[7] Тюрюк (тюрик) – бумажный кулек.

[8] Подразумеваются слова св. Иоанна Предтечи: «Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня; <...> Он будет крестить вас Духом Святым и огнем...» (Мф. 3, 11).

[9] См. ***1844. Декабря 2 <ноября 20>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Декабря 26 <14>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

1844/45

1844 ДЕКАБРЯ 23 <1845 ЯНВАРЯ 4>. СУББОТА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Умилительное письмо от Гог<оля>[1]. Читал его с горячи<ми> слезами. – Он указывает во мне *гнев*. Я думал, что это горячность, вспыльчивость, но гнева, в смысле злобы, я не питаю[2], ни на Качен<овского>, ни на Полев<ого>, ни на Строгон<ова>. – Второй порок мой он называет незнание приличий. Я [чувствую в] признаю его следствия, но не находил ему имени. И Гоголево, кажется, неверное. Мне чего недостает – [это чтоб я] <*1 нрзб.*> я слишком прям, что влечет для меня неприятности, кои Гоголь считает происходящими от незнания приличий. Я размышлял когда-то на днях о своих действиях, кои не приносят той пользы, какую б должны приносить, – не от того ли, что я хотел как будто сам сделать их так-то. Нет – смирись, и не думай делать сам. Сам ты ничего не можешь, а пусть делает тобою Бог. Думай, что ты ничего не делаешь, и тогда ты сумеешь много. – Можно и обмануть себя, думая, что предаешь себя в волю Божию, а делать свою!»[3]

В 1855 г., в наброске воспоминаний о Гоголе, Погодин также замечал: «Мое несчастие. Письмо его[4], которое я, переламывая себя, читал врачам. Просил его, и ответа[5] не получил на просьбу»[6].

[1] Письмо, вызванное известием о смерти 3 ноября 1844 г. первой жены Погодина Елизаветы Васильевны (рожд. Вагнер) (см. ***1844. Декабря 20 <8>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***).

[2] См. также ***1845. Января 3 <15>. Среда. Москва.***

[3] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 489.

[4] Письмо от 20 декабря (н. ст.) 1844 г.

[5] В автографе ошибочно: «и в ответ».

[6] *Погодин М. П.* <Набросок воспоминаний о Гоголе> // *Свод*. Т. 2. С. 521.

1845/44

1845 ЯНВАРЯ 6 <1844 ДЕКАБРЯ 25>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО. ПАРИЖ

А. И. Тургенев записал в дневнике:

«Бецкий[1] <...> издатель *Молодика*, перев<одчик> Jean Paul Richter».

Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод*. Т. 3. С. 79.

[1] И. Е. Бецкий. Тургенев имеет в виду изд.: Антология из Жан-Поля Рихтера. СПб., 1844. Рец. на это изд.: *Тиунский Вл.* Библиография // Москвитянин. 1844. № 6. <Пагинация 3>. С. 61–64.

1844/45

1844 ДЕКАБРЯ 25 <1845 ЯНВАРЯ 6>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Поплакали с Ол<ьгой> Сем<еновной>[1], читал ей письма Жук<овского>, Гог<оля>...»

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 489.

[1] Аксаковой.

1845 ЯНВАРЯ 7 <1844 ДЕКАБРЯ 26>. ВТОРНИК. ПАРИЖ

А. И. Тургенев записал в дневнике:

«К Сверб<еевым>. Бецк<ий> о Жук<овском>, о Гоголе, коего критикует, о книгах».

Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 79.

1845 ЯНВАРЯ 9 <1844 ДЕКАБРЯ 28>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь отправляет ответное письмо А. А. Иванову в Рим, с вложением письма к Ф. А. фон Моллеру (последнее письмо не сохранилось); пишет ответное[1] письмо к А. О. Смирновой в Петербург (письмо было отправлено позднее, 15 марта (н. ст.) 1845 г.[2] – после поездки Гоголя в Париж[3], а затем использовано в «Выбранных местах из переписки с друзьями» при написании главы *VI. О помощи бедным.* (*Из письма к А. О. С<мирнов>ой*) (глава датирована 1844 г.).

Из письма к Иванову: «Поздравляю вас <...> с новым годом и от всей души желаю, да усилится в продолжение оного ваша деятельность около картины[4]. А насчет ваших смущений по поводу денежных недостатков скажу вам только то, что у меня никогда не было денег в то время, когда я об них думал. Деньги, как тень или красавица, бегут за нами только тогда, когда мы бежим от них. Кто слишком занят трудом своим, того не может смутить мысль о деньгах, хотя бы даже и на завтрашний день их у него недоставало. Он займет без церемоний у первого попавшегося приятеля. <...> Но ваша картина не потому идет медленно, что вас *убивает* (даже в начале получаемых денег) *мысль,* что их не хватит на окончанье, но идет ваша картина медленно потому, что нет подстрекающей силы, которая бы подвигнула вас на уверенное и твердое производство. <...> ...Пока <...> в вас самих не произойдет того внутреннего события, какое силитесь вы изобразить на вашей картине в лице подвигнутых и обращенных словом Иоанна Кр<естителя>, поверьте, что до тех пор не будет кончена ваша картина. Работа ваша соединена с вашим душевным делом. А покуда в душе вашей не будет кистью высшего художника начертана эта картина, потуда не напишется она вашею кистью на холсте. Когда же напишется она на душе вашей, тогда кисть ваша полетит быстрее самой мысли. Явление же это совершится в вас вот каким образом. Начнется оно запросом: а что, если Бог в самом деле сходил на землю и был человеком и нарочно для того окружил земное пребывание Свое обстоятельствами, наводящими сомнение и сбивающими с толку умных людей, чтобы поразить гордящегося умом своим человека и показать ему, как сух и слеп и черств его ум, когда стоит одиноко, не вспомоществуемый другими, высшими способностями души и не озаренный светом высшего разума? Это будет началом обращения, концом же его будет то, когда вы не найдете слов ни изумляться, ни [достойно] восхвалить необъятную мудрость разума, предприявшего совершить такое дело: явиться в мир в виде беднейшего человека, не имевшего угла, где приклонить гонимую главу Свою, несмотря на всё совершенство Своей человеческой природы. И это будет формальным окончанием вашего обращения. <...> Напишите, что вы предприняли по поводу денеж<ных> обстоятельств. Мой совет не смущаться, брать отвсюду взаймы на время. После всё отдадите. Ведь вы не Габерцеттель. А я вам помогу потом советом, каким образом это сделать. Письмо это держите про себя и никому не показывайте. А следующее письмецо отдайте Моллеру. А Чижову поклонитесь и скажите, что я *май* и даже *июнь* месяц пробуду во Франкфурте; впрочем, он во всяком случае узнает обо мне у Жуковского. А Франкфурта ему не миновать, потому что оный есть пуп Европы, куда сходятся все дороги».

В письме к Моллеру Гоголь, по-видимому, заказывал художнику копию головы Спасителя с картины Рафаэля «Преображение Христово» (1518–1520). Иванов, прочитав это письмо, отвечал

Гоголю: «Все будет сделано по-вашему. Только одно я бы желал вам заметить, что верх картины "Преображение" гораздо меньше отделан, чем низ, или, лучше сказать, отделан на то расстояние, в каком зритель по необходимости находится, чтобы видеть снизу целую картину. Но одна голова Спасителя, без всего прочего, хотя бы вы вырезали ее из самого оригинала, не произведет никогда того действия, какое она там делает».

Из письма Гоголя к Смирновой: «Письмо ваше, добрейшая моя Александра Осиповна, меня несколько огорчило. Плетнев поступил нехорошо и вы поступили нехорошо. Плетнев поступил нехорошо, потому что рассказал то, в чем требовалось тайны[5] во имя дружбы; вы поступили нехорошо, потому что согласились выслушать то, чего вам не следовало <...> ...Вы взяли даже на себя отвагу перерешить всё дело... <...> ...Справедливо ли было с вашей стороны так скоро причислить мой поступок к *донкишотским?* <...> ...Я не почитаю себя сыном, исполнившим все свои обязанности относительно родителей, но рассмотрите сами, не сделал ли я, что по возможности мне можно было сделать: мне следовала половина имения... <...> Я их отдал матери и сестрам[6] в то время, когда я сам не имел верного пропитанья. Этот поступок называли в свое время также донкишотским многие добрые люди. Кроме того, мне удалось кое-что присылать им иногда в помощь из Петербурга, добытое собственными трудами; кроме того я поместил сестер моих в институт[7] и платил за них из своего кармана до времени, пока добрая Государыня не взяла их на свой счет[8]. Это конечно небольшое дело. Лучшим делом с своей стороны я считаю то, что пожертвовал им своим временем и провел с ними год[9] по выходе их из института, для того, чтобы хотя сколько-нибудь воспитать их для того места и круга, среди которого будет обращаться их жизнь, чему, как известно, не учат в институтах. <...> Мать моя добрейшая женщина <...>, но хозяйка она довольно плохая. Сестры мои умные и добрые девушки, любимые всеми в околодке за радушие, простоту в обращении и готовность помогать всякому, но к хозяйству и экономическим оборотам по имению имеют естественное отвращение, и немудрено, это дело мужа, а не женщины. С ними случается то же самое, что со многими: они отказывают себе во всем иногда самом необходимом, и этим однако ж ничуть не помогают хозяйству, потому что в самом хозяйстве хозяйствуют *невпопад,* воздерживают и ограничивают себя невпопад, издерживают и тратят в отношении к потребностям экономическим *невпопад.* Оказавши не один раз вспомоществованье им деньгами, даже и в последующее время (я не оставлял их до сих пор, сколько могли мне содействовать слабые мои средства), я увидел ясней, что не в деньгах сила и что они будут бросаемы как в сосуд, в котором нет дна и которого вечно не наполнишь. Я почел это знаком и определеньем Божиим, что мне следует наконец заняться самому тем, чем доселе гнушался, и взял теперь на свои руки их хозяйство. И хотя это отняло у меня много времени, но Бог милостив, Он помогает мне и здесь, как помогал мне во многом, и я больше ничего, как смиренно рассматриваю отчеты, распоряжения и проделки, вижу, что многое можно поправить простыми средствами, и есть надежда, что дело пойдет на лад, хотя слишком горьки, трудны и скучны для меня с первого раза эти занятия. <...> Еще скажу вам, что <...> не бедным студентам хочу помочь я, но *бедным талантам,* не чужим, но родным и кровным. Я сам терпел и знаю некоторые те страдания, которых не знают другие и о которых даже и не догадываются, а потому и помочь не в состоянии. Несправедлив также ваш упрек и в желании моем помочь тайно, а не явно, несправедливо также приведены здесь в другом случае справедливые слова, что дела наши должны светить всему миру, равно как невпопад было приведено вами многое из François de Sales. На всё это я могу вам сказать только словами ап. Павла: "Кийждо своею мыслью да извествуется"[10]. <...> Талантам дается слишком нежная, слишком чуткая и тонкая природа. Много, много их можно оскорбить грубым прикосновением, как нежное растение, принесенное с юга в суровый климат, может погибнуть от неуместного с ним обхождения не приобвыкшего к нему садовника. Трудно бывает таланту, пока он молод или, еще справедливее, пока он не вполне христианин. Иногда и близкий друг может оскорбить, оказав ему радушную помощь, может потом попрекнуть его в неблагодарности. <...> Оставим эти деньги на то, на что они определены. Эти деньги *выстраданные* и *святые,* и грешно их употреблять на что-либо другое. <...> Да и что толковать об этом долго: обет, который дается Богу, соединяется всегда с пожертвованьем и всегда в ущерб или себе или родным, но ни сам дающий его, ни родные не восстают против такого дела.

А потому я не думаю, чтобы вы или Плетнев вооружили бы себя уполномочием разрешить меня от моего обета и взять на свою душу всю ответственность. <...> К тому ж, сами знаете, молодые люди с дарованиями появляются редко[11], а потому сумма успеет накопиться, и что мне бы приходилось безделицами в раздробь, то придется им целиком и в значительной сумме. <...> Плетнев пусть вымет из своего кармана две тысячи и пошлет моей матери; мы с ним после сочтемся. Все объяснения по этому делу со мною должны быть кончены. Вы также должны отступиться от этого дела; мне неприятно, что вы в него вмешались. <...> Эти страницы письма вы покажите Плетневу. И во имя любви ко мне способствуйте с своей стороны в том, чтобы просьба моя была исполнена.

Отсюда письмо начинается для вас одних, не с тем, чтобы его показывать кому-либо. <...> Прежде всего скажу вам о характере моих сношений с моими литературными друзьями и приятелями, к числу которых принадлежит и Плетнев. Прежде всего у меня начались знакомства и сношенья с литераторами[12]... <...> Так как в уме моем была всегда многосторонность и как пользоваться другими и воспитываться была у меня всегда охота, то неудивительно, что мне всякий из них сделался приятелем и близким, как имеющий в себе что-нибудь такое, чего другой собрат его не имеет. Они же все как нарочно (что может случиться только у нас в России) одарены необыкновенными и с тем вместе до крайности оригинальными и не сходными между собою достоинствами, разнообразными умами, разнообразными характерами (отсюда очевидно, почему они так часто между собой враждуют и не сходятся во мнениях)[13]. <...> Никто из них меня не знал. По моим литературным разговорам всякий был уверен, что меня занимает одна только литература, и что всё прочее ровно не существует для меня на свете.

С тех [только] пор, как я оставил Россию, [началось мое внутреннее истинное воспитание] произошла во мне великая перемена[14]. *Душа* заняла меня всего... <...> Но всего этого, что произошло во мне, не могли узнать мои литературные приятели. <...> Немудрено: они все познакомились со мною тогда, когда я еще был прежним человеком, зная меня и тогда довольно плохо. В приезд мой в Россию[15] они все встретили меня с разверстыми объятиями. Всякий из них, занятый литературным делом, <...> ждал <...>, что я <...> поддержу его и защищу против других... <...> Вряд ли вы догадаетесь, какого рода были мои внутренние страдания, которых начало началось отсюда. (Плетнев меньше всех был в них виновен, или, лучше сказать, он вовсе невинен, но зато он был смешней всех и точный ребенок доныне.) Скажу вам только то, что между моими литературными приятелями началось что-то в роде ревности[16]. <...> Вот легкое понятие о моих соотношениях с моими литературными приятелями, из которых вы сами можете вывесть и соотношения мои с Плетневым. Он бы был гораздо умнее в сношеньях со мной и справедливей ко мне, если бы на беду не затянулся сам в литературное дело[17]. <...> Мне захотелось узнать наконец, в каком состоянии находится он теперь относительно себя и относительно меня, и с этой целью я наконец заставил[18] его написать откровенное письмо[19]. Из этого письма я узнал то, что он больше ребенок, чем я предполагал. В письме юношеские упреки, юношеские стремления, смешение понятий дружбы и дружеских отношений с целями литературными. К этому примешалась мысль [о соединении дела литературного с единством Церкви] о единстве Церкви в каком-то безотчетном, не объяснившемся для него самого соединении с литературой[20], наконец, противоречия себе самому и при всем этом твердая уверенность в непреложности своих положений и в том, что он наконец мне высказал всю правду, указавши мне путь и дорогу, как человеку отшатнувшемуся. Письмо это мне было нужно, потому что, кроме суждений о мне, показало отчасти его душевное состояние. Но при всем том я был приведен в совершенное недоумение, как отвечать на него. Когда я показал его Жуковскому, он рассмеялся и советовал отвечать на него в шутливом тоне, объяснив ему слегка, что он несколько зарапортовался. Но я видел, что этого никак нельзя. Плетнев бы тогда рассердился на меня на веки. В письме его слишком было много уверенности в справедливости своих положений и в том, что он один может ценить меня. При том в нем отражалась какая-то *черствость душевная*, негодующая на других, а не *размягченность душевная*, негодующая на себя, ищущая упреков себе. Я чувствовал, что мне слишком было нужно быть осторожным в ответе[21]. Я ограничился только тем, чтобы сделать ему сколько-нибудь ясным: что можно ошибиться в человеке... <...> Наконец мне хотелось сколько-нибудь возбудить в нем сострадание к положению другого... <...> Но и это письмо <...> навело на него только одни недоразумения[22].

Вы говорите, что с Плетневым произошла большая перемена в последние три года и что он сделался истинным христианином. Странно: его письмо этого не показывает. Христианин не будет говорить таким образом о чистоте души своей, как говорил он, и чем чище он будет душой, тем больше будет в силах видеть нечистоту души своей, постигая только тогда всю недоступность божественного совершенства. Христианин не будет также отзываться таким образом, как отзывается он о людях, которых считает моими друзьями[23], называя их промышленниками, раскольниками, врагами истины и просвещения и тому подобными именами. Против некоторых из этих людей[24], на которых он намекает, я более всех других имел бы право негодовать, получив личные оскорбления от них, из коих Бог знает вынес ли бы и десятую долю Плетнев. Но отстранив в сторону всякие личные отношения, я должен сказать истинную правду, а именно, что душа у них так же добрая, как и у него, и сердце так же прекрасное, как и у него, но что они так же, как и он, сбились несколько с толку [на литературе] или, как говорится, зарапортовались. Так же, как и он, отчасти бредят и единственно от неведения своего произвели некоторые поступки такие, которых бы никак не произвели, если бы были побольше христианами. Наконец мне кажется, христианин не станет так отыскивать дружества, стараясь деспотически подчинить своего друга своим любимым идеям и мыслям и называя его потому только своим другом, что он разделяет наши мнения и мысли[25]. <...> Итак, мне кажется, что вы не совсем справедливы, сказавши, что Плетнев теперь сделался истинным христианином. Я знаю также, что очень много теперь есть истинно достойных людей, которые думают, что они христиане, но христиане только еще *в мыслях и в идеях*, но не *в жизни и не в деле*. Они не внесли еще Христа в самое сердце своей жизни, во все действия свои и поступки. Есть также и такие, которые потому только считают себя христианами, что отыскали в евангельских истинах кое-что такое, что показалось им подкрепляющим любимые их идеи. А потому вы испробуйте сами Плетнева, заговорите с ним о таких пунктах, на которых узнается, как далеко ушел человек в христианстве, испробуйте также его мнения о других людях. <...> ...Но обо мне покаместь с ним не говорите, не разуверяйте его насчет меня, и храни вас Бог показывать ему какие-нибудь мои письма, да и никому, кроме разве одного духовника вашего, их не показывайте. Поверьте, что они будут чужды для всякого: ибо писаны на языке того человека, к которому писаны. А таких языкознателей или лучше душезнателей, которые могли бы читать все языки, сами знаете, немного[26]. О Плетневе вообще вот что можно сказать. Душа у него, точно, чистая и прекрасная, но он не сделал никакого тяжелого проступка, не был потрясен сокрушающей силой несчастия, Бог не призвал его к тому, *чтобы быть ближе к Нему,* а потому он горд своею чистотою[27], и в этом грех его, ибо сами знаете: Богу лучше кающийся грешник, чем гордый праведник[28]. От того и душа его обросла черствою корою всяких привычек [набралось всей пустоты] светской жизни и не слышит, что она бывает временами далека от самой себя. Плетнев имеет ум, но этот ум не *глубок* и не *многосторонен,* а потому он не может видеть далее того горизонта, который обнимают глаза его, и естественно, что отвергает самую мысль, что есть пространства вне им зримой черты. Но довольно о Плетневе. <...> Взгляните также на самих себя. Имейте для этого на столе духовное зеркало, то есть какую-нибудь книгу, в которую может смотреть ваша душа, хоть наприм<ер> Подражание Христу[29]. Первая страница, которая вами развернется, будет кстати. Она даст душе вашей покойное и мирное настроение. Совет ваш исполнится великим смирением духа, ни резкого, ни самоуверенного, ни самонадеянного не будет в нем, благоуханье любви только одно послышится в нем, и в совете вашем будет Божий совет, и не будет человека, который бы устоял против него, хотя бы в несколько раз сильнейшую правду вы хотели сказать ему».

[1] См. ***1844. Декабря 18 <30>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1845. Марта 15 <3>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.*** – В послании к А. О. Смирновой из Парижа от 24 февраля (н. ст.) 1845 г. Гоголь сообщал, что предполагает «дописать» письмо, начатое 9 января (н. ст.) 1845 г.: «На днях, то есть через два дни с небольшим, еду во Франкфурт, где оставил начатое, но прерванное недугами длинное и большое письмо к вам по поводу разных объяснений и дел, как прозаических, так и душевных. Приехавши во Франкфурт, допишу его...» Однако, дополнять написанное Гоголь, по-видимому, не стал. 15 марта (н. ст.) 1845 г. он извещал Смирнову: «Посылаю вам письмо, давно уже написанное в ответ на ваше желание и намерение перевершить решенное дело. Не сердитесь на меня за него: так мне должно было поступить. Я перечел его еще раз теперь. Многое можно было изъяснить лучше, другое короче, а о третьем и вовсе не следовало бы упомянуть. Но основанье его так и должно быть так».

[3] См. ***1845. Января 14 – марта 1 <января 2 – февраля 17>. Париж.***

[4] «Явление Мессии».

[5] Подразумевается определение Гоголем денег, выручаемых от продажи его «Сочинений», на оказание помощи «бедным, но достойным студентам» Петербургского и Московского университетов.

[6] См. ***1829. Июля 23. Вторник. Санкт-Петербург.***

[7] См. ***1832. Ноября 13. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1834. Июля 26. Четверг. Санкт-Петербург.***

[9] Полгода (см. ***1839. Ноября 19. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1840. Апреля 27. Суббота. Москва***; ***1840. Мая 18. Суббота. Полдень. Москва, Перхушково***).

[10] Послание св. апостола Павла к Римлянам, гл. 14, ст. 5.

[11] Эту же мысль Гоголь повторял в письме к С. Т. Аксакову от 25 ноября (н. ст.) 1845 г.: «...Таланты редки и не скоро один после другого появляются». – См. также ***1844. Декабря 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

[12] См. ***1830. Декабрь. Санкт-Петербург.***

[13] Подробнее см.: ***1844. Марта 12 <февраля 29>. Вторник. Ницца*** (примечания).

[14] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт*** (примечания).

[15] Гоголь приезжал в Россию дважды, в сентябре 1839 г. и в октябре 1841 г. (см. ***1839. Сентября 26. Вторник. Москва***; ***1841. Октября 7 <19>. Вторник. Санкт-Петербург***). Судя по тому, что Гоголь упоминает далее об издании своих сочинений (см. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки*** – примечания), в данном случае имеется в виду второй приезд.

[16] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки*** (примечания).

[17] См. ***1842. Мая 26. Вторник – июня 5. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечания).

[18] См. ***1844. Октября 24 <12>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[19] См. ***1844. Октября 27 <ноября 8>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[20] Гоголь имеет в виду следующие строки письма к нему Плетнева: «Когда умер Пушкин, для прочих друзей все умерло лучшее его: стремление к совершенствованию идей в нашей литературе, управа с эгоисмом и невежеством, вера в единство истинной церкви, которую должны из своего круга образовать благородные люди, понимающие дело и ни для чего не кривящие душой».

[21] См. ***1844. Между декабря 1 и 14 <между ноября 19 и декабря 2>. Франкфурт-на-Майне.***

[22] См. ***1844. Декабря 18 <30>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[23] Имеются в виду С. П. Шевырев, М. П. Погодин и Аксаковы.

[24] Намек на М. П. Погодина.

[25] Подробнее см.: ***1844. Марта 12 <февраля 29>. Вторник. Ницца*** (примечания).

[26] Реминисценция 14-й главы Первого послания св. апостола Павла к Коринфянам. Подробнее см.: ***1844. Декабря 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[27] Сходный отзыв Гоголя о П. А. Плетневе содержится в письме к графине Анне М. Виельгорской от 16 января (н. ст.) 1847 г.: «Один порок за ним был только – тот, что он, не сделавши такого дела, которое бы упрекало в чем-либо, имел некоторую гордость чистотой своей». В заключительной статье «Выбранных мест из переписки с друзьями» – *XXXII. Светлое Воскресенье* – Гоголь писал: «Нет, не воспраздновать нынешнему веку Светлого праздника так, как ему следует воспраздноваться. Есть страшное препятствие, есть непреоборимое препятствие, имя ему – *гордость*. <...> Теперь явилась она в двух видах. Первый вид ее – гордость чистотой своей. Обрадовавшись тому, что стало во многом лучше своих предков, человечество нынешнего века влюбилось в чистоту и красоту свою. <...> Стоит только приглядеться, каким рыцарем благородства выступает из нас теперь всяк, как беспощадно и резко судит о другом. <...> Без стыда и не дрогнув душой, говорит он: “Я не могу обнять этого человека: он мерзок, он подл душой... <...>” Увы! <...> Позабыто, что он сам может <...> сделать то же... <...> Позабыто им то, что, может, оттого развелось так много подлых и презренных людей, что сурово и бесчеловечно их оттолкнули лучшие и прекраснейшие люди и тем заставили пуще ожесточиться. Будто бы легко выносить к себе презренье! Бог весть, может быть, иной совсем был не рожден бесчестным человеком; может быть, бедная душа его, бессильная сражаться с соблазнами, просила и молила о помощи...» В заключительной главе первого тома «Мертвых душ» Гоголь также писал: «Вы посмеетесь даже от души над Чичиковым... <...> И после <...> с удвоившеюся гордостию обратитесь к себе, самодовольная улыбка покажется на лице вашем, и вы прибавите: “А ведь должно согласиться, престранные и пресмешные бывают люди в некоторых провинциях, да и подлецы притом немалые!” А кто из вас, полный христианского смиренья, не гласно, а в тишине, один, в минуты уединенных бесед с самим собой, углубит вовнутрь собственной души сей тяжелый запрос: “А нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?”» – См. также ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва*** (примечания); ***1842. Мая 26. Вторник – июня 5. Пятница. Санкт-Петербург.***

[28] Имеется в виду притча Спасителя о мытаре и фарисее (Лк. 18, 9–14). 25 января (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал сестре Ольге: «...Угодить Господу можно только, заботясь об овцах его и о спасении душ их. <...> Все люди стали одна семья, и загорелась небесная любовь на земле. <...> ...Ты сама уже, вероятно, узнала из Еван-

гелия, что на небесах больше радуются обратившемуся грешнику, чем самому праведнику». Слова Гоголя – автора «Размышлений о Божественной Литургии» (см. ***1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца***) – несут очевидный литургический смысл, обращая к словам Спасителя на Тайной Вечери: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга... <...> Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 13, 34; 15, 13). В статье *X. О лиризме наших поэтов* «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь также восклицал: «...На небесах <...> радуются обращению грешника еще более, чем самому праведнику, и все сонмы невидимых сил участвуют в небесном пиршестве Бога». – Вспоминаются притчи Спасителя о потерянной овце, потерянной драхме и блудном сыне, переданные св. апостолом и евангелистом Лукой: «...Так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии. <...> Так, говорю вам, бывает радость у Ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся. <...> ...Станем есть и веселиться, ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (гл. 15, ст. 7, 10, 23–24). В «Заключении» «Размышлений о Божественной Литургии» Гоголь писал: «...Если общество еще не совершенно распалось, если люди не дышат полною, непримиримой ненавистью между собою, то сокровенная причина тому есть Божественная Литургия, напоминающая человеку о святой, небесной любви к брату».

[29] См. ***1844. Февраля 14 <2>. Среда. Праздник Сретения Господня. Ницца*** (примечания).

1845/44

1845 ЯНВАРЯ 9 <1844 ДЕКАБРЯ 28>. ЧЕТВЕРГ. ПАРИЖ

А. И. Тургенев записал в дневнике:

«...У меня опять Бецкий, не застал»[1].

В статье «Хроника русского в Париже», напечатаннной в апрельском номере «Москвитянина» за 1845 г., Тургенев также сообщал:

«9 января <н. ст. 1845> меня навестил молодой Русский писатель, Б<ецкий>. Я узнал, что он издатель Харьковского журнала: *Молодика* и *Антологии* из Жан-Поля-Рихтера, которую сего дня он принес мне. Он рассказал мне о своем путешествии в Германию и в Бельгию; он путешественник и писатель и обещал мне отрывки из журнала своего – для Москвитянина: напр<имер>, посещение его Жуковского, где видел и Гоголя (уже после меня); их беседа с вдовою Жан-Поль Рихтера в Барейте, от коей узнал много любопытных подробностей о Германском Юмористе... <...> Если он принесет мне отрывок о Жан-Поле, то я постараюсь отыскать в журнале 1825 или 1827 г. (не помню) – мое посещение самого Жан-Поля в Барейте, где он доживал и допивал свой век. <...> Я бы желал, чтобы г. Б<ецкий> доставил мне для Москвитянина: посещение его и описание салона и образа жизни Жуковского: это по всему принадлежит Москвитянину, ибо и Гений Жуковского – истый Москвитянин и Москва была его колыбелью. При первом свидании я напомню об этом г. Б<ецкому>. При сем случае он может известить читателей ваших и о Гоголе, который гнездится над переводчиком Одиссеи и читает перевод ее вслух переводчику; думает, что Гоголь *ничего не пишет:* так ему показалось, но Жуковский извещал меня, что он все утро над чем-то работает, не показывая ему труда своего. Гоголь писал сюда к Г<рафине> В<иельгорской>, что в Париж не приедет[2]. Может быть и раздумает еще и не отложит приезда сюда на время, когда получит приглашение новое[3], от Г<рафа> Т<олстого> недавно ему посланное[4]. Из записки NN. вижу, что он желал бы знать, что творят здесь так называемые Социалисты и Ком<м>унисты, и какое действие производят в разных слоях здешнего общества возбуждаемые ими силы или элементы? – Действие сие выражается более в книгах и в журналах, кои сосредоточивают их отголоски, нежели в самом обществе: да и как в него проникнуть? – вообще я весьма мало важности или существенного влияния на настоящее общество приписываю сим социяльным или ком<м>унистическим проявлениям, не отказывая впрочем социялизму в будущем влиянии на европейский общественный быт»[5].

[1] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 79.

[2] См. ***1844. Декабря 28 <16>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.*** – Виельгорские приехали в Париж около 7 ноября (н. ст.) 1844 г., о чем графиня А. М. Виельгорская извещала Гоголя в письме из Парижа от 12 ноября (н. ст.) 1844 г. (см. ***1844. Ноября 12 <октября 31>. Вторник. Париж***).

[3] Первое приглашение графа А. П. Толстого к Гоголю приехать в Париж см.: ***1844. Декабря 12 <ноября 30>. Четверг. Париж***.

[4] Письмо не сохранилось. 23 декабря (н. ст.) 1844 г. графиня Л. К. Виельгорская писала Гоголю: «Граф Толстой сказал мне, что он приглашает вас в Париж, и показал мне назначенную для вас квартиру». По новому приглашению Толстого Гоголь выехал из Франкфурта 10 или 11 января (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845 января 10 или 11 <1844 декабря 29 или 30>. Пятница или суббота. Франкфурт-на-Майне***) и прибыл в Париж 14 января (н. ст.) (см. ***1845. Января 14 <2>. Вторник. Париж***). – См. также ***1845 января 10 <1844 декабря 29>. Пятница. Франкфурт-на-Майне*** (письмо к Н. М. Языкову).

[5] <*Тургенев А. И.*> Хроника русского в Париже // Москвитянин. 1845. № 3 (цензурное разрешение 7 апр.). Смесь. С. 4–5; *Свод*. Т. 3. С. 78–79.

1845 ЯНВАРЯ 10 <1844 ДЕКАБРЯ 29>. ПЯТНИЦА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь, стремясь успокоить В. А. Жуковского, с тревогой ожидавшего родов жены[1], пишет ему, накануне своего отъезда из Франкфурта[2], поздравительную записку «На 1845 год». В тот же день пишет в Москву ответное[3] письмо к Н. М. Языкову (письмо было отправлено по приезде Гоголя в Париж 14 января (н. ст.) 1845 г.)[4].

Из записки к Жуковскому: «От всей души поздравляю вас с Новым годом и подношу вам лучший подарок, какой только мог придумать. Для меня из всех подарков лучший есть упрек, а потому дарю и вас упреком. Вы уже догадаетесь, что упрек будет за излишнее приниманье к сердцу всех мелочей и даже самых малейших неприятностей, в соединении с беспокойством и раздражительной боязнью духа. <...> ...Не пренебрегите моим подарком, <...> и наступающий год будет вам плодотворнейший из всех дотоле бывших. И с ним поздравляю вас еще раз, мой друг, благодетель, наставник и виновник многих прекрасных минут в моей жизни!»

Из письма к Языкову: «Я получил твое письмо от 2 декабря и при нем стихотворение к Киреевой[5]. Оно очень мило. Намерение твое попробовать Призница[6] и воды я считаю совершенно основательным и благоразумным[7]. <...> Весьма может быть, что и сам я примусь за это лечение, и тогда разделим вместе скуку греффенбергского местопребывания. Я навербую с своей стороны разных ипохондриков, а ты с своей, и мы тогда заживем деятельным монастырем, в разного рода трудах и подвизаниях. Здоровье мое стало плоховато; и Копп и Жуковский шлют меня из Франкфурта, говоря, что это мне единственное средство. Нервическое тревожное беспокойство и разные признаки совершенного расклеения во всем теле пугают меня самого. Еду, а куда – и сам не знаю. Охоты к путешестви<ю> нет никакой. Пробираюсь в Италию и беру дорогу (избегая горных переездов и частых пересестов) на Францию и Париж. В Париже проживу месяц, а, может быть, и более; самого Парижа я не люблю, но меня веселит в нем встреча с близкими душе моей людьми, которые в нем теперь пребывают, а именно с графинями Вьельгорскими[8] и гр<афом> Толстым, братом того, которого ты знаешь[9], у которого я и остановлюсь, а потому ты адресуй следующие твои письма на имя графа Толстого в Париж: Rue de la Paix, hotel Westminster[10], № 9. Прощай, обнимаю тебя, ибо пора садиться в malle-poste, которая покамест понесет в Париж».

Позднее, 24 февраля (н. ст.) 1845 г., Гоголь, будучи уже в Париже, сообщал также А. О. Смирновой: «...Мое здоровье <...> расклеилось совершенно во Франкфурте в конце старого и начале нового года, вследствие этого мне велели сделать поездку куда бы то ни было для развлеченья и восстановления сил, расколебленных нервическими недугами. Не зная, куды направить шаги на такое короткое время, я отправился в Париж, единственно затем, что там были люди, близкие душе моей, надеясь, что просто развлечение и разговор с ними в силах разогнать всё и что это не более, как временная хандра».

[1] См. ***1845. Января 13 <1>. Понедельник. Праздник Обрезания Господня. Франкфурт-на-Майне***.
[2] См. ***1845 января 10 или 11 <1844 декабря 29 или 30>. Пятница или суббота. Франкфурт-на-Майне***.

[3] См. ***1844. Ноября вторая половина <декабря первая половина>. Москва***; ***1844. Декабря 2 <14>. Суббота. Москва***; ***1844. Декабря 14 <26>. Четверг. Москва***.

[4] См. ***1845. Января 14 <2>. Вторник. Париж***.

[5] Послание к А. В. Киреевой, вероятно, было приложено Языковым к его письму Гоголю от 14 декабря (н. ст.) 1844 г. (см. ***1844. Декабря 14 <26>. Четверг. Москва***).

[6] См. ***1844. Ноября вторая половина <декабря первая половина>. Москва***.

[7] См. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** (примечания).

[8] Луиза Карловна и ее дочь Анна Михайловна.

[9] Имеется в виду граф Александр Петрович, брат графа Ивана Петровича Толстого, с которым Языков познакомился в Москве благодаря Гоголю (см. ***1844. Октября 14 <26>. Суббота. Москва***).

[10] Название улицы и гостиницы в Париже.

1845/44

1845 ЯНВАРЯ 10[1] ИЛИ 11 <1844 ДЕКАБРЯ 29 ИЛИ 30>. ПЯТНИЦА ИЛИ СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь выехал из Франкфурта в Париж.

В. А. Жуковский записал в дневнике: «*11 января 1845 г.* Отъезд Гоголя»[2] (за два дня до рождения в семье Жуковских сына Павла)[3].

Накануне в паспорте Гоголя была сделана отметка: «Франкф<урт>-на-М<айне> 1844 29 дек<абря>/1845 10 янв<аря>»[4].

[1] См. ***1845 января 10 <1844 декабря 29>. Пятница. Франкфурт-на-Майне*** (письмо к Н. М. Языкову).

[2] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 43.

[3] См. ***1845. Января 13 <1>. Понедельник. Праздник Обрезания Господня. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Января 16 <4>. Четверг. Саксенгаузен.***

[4] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 125. – См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

1844/45

1844 ДЕКАБРЯ 30 <1845 ЯНВАРЯ 11>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова пишет ответное[1] письмо Гоголю во Франкфурт (письмо было отправлено позднее, 1/13 января 1845 г.[2]):

«Хочу еще в старом году написать вам несколько строк, не смотря на рыбное состояние, в котором я нахожусь. <...> Вы одни мне остались всегда верными, вы одни меня полюбили не за то внешнее и блестящее, которое мне принесло уже столько горя, а за искры души, едва заметные, которые вы же дружбой своей раздули и согрели. <...> К вам теперь стремится жаждущая душа моя. Вот вам моя исповедь. Но знайте же вы и то, что я хотя и горюю, но не совсем унываю. <...> Я слишком люблю и помню эти слова: "Да не смущается сердце ваше, и не устрашается"[3]. Зачем мы забываем и это: "Мир Мой даю вам, не яко же мир дает, яко же Аз даю вам[4]?" Зачем искать на земли еще другого наслаждения вне этого святого мира?

Вы меня просите вам сообщать некоторые сведения о благородном петербургском обществе... <...> Во-первых, оно делится на две партии (я говорю вам о высшем круге): одна – просто танцующая, веселящаяся до упада... <...> В этот разряд высшего круга я не заглядываю: меня туда не зовут, потому что во мне там нет нужды. <...> Другая партия этого же круга есть какой-то слиток разнородных существ, которые чувствуют, что не все в жизни вертится на польках у Средней Рогатки[5], или на арии престарелого Рубини[6], и что надо бы стряхнуть лень и заняться делом, но меж тем все-таки из пустого в порожнее переливает. К этой партии принадлежу и я. Иногда разговор принимает оборот поважнее, построже, но все есть что-то несозрелое, неоснованное, и незаметно переходят к пустякам жизни светской. Вообще продолжается страсть обсуживать во всех кругах общества, и обсуживать строго, резко, не принимая в соображение, что на высотах у многих голова

кружится, забывая и то, что каждый из нас был бы во сто крат хуже, если бы его так систематически и столько лет окружали льстецы и подлецы и не допускали никогда истины к нашим ушам. Эти строгие суждения поразили меня при приезде, поразили и Тютчева, очень милого и доброго моего приятеля, который по-французски так изъяснялся: "Je suis frappé combien on est cynique envers le Pouvoir ici"[7]. Все, все решительно перетолковывают в худую сторону и забывают, что всякий любит по-своему, и что тому надо простить, который так много и, может быть, один[8] так любит Русь и чувствует, что в ней есть достоинства, обещающие ей и будущность, и жизнь. Те именно, которые так строги (заметно, что те, которые выше сидят, более и судят), те именно не понимают еще вполне, что такое отечество. Им еще кажется милой остротой слова ф<ранцуза> при переходе через Березину: "Et les malheureux appellent cela une patrie[9]!" Так эти люди могут ли оценить то, что именно должно не только обезоружить нас, но искупить все ошибки и преступления его. Он решительно один понимает, что значит *слово* в устах наших. Это уже Богом дано и сохраняется в сердце, как пророческое чувство, не смотря на все то, что по слабости человеческой сделано ошибочного и виновного. Мне же очень грустно слушать эти разговоры. В них приметна еще ужасная личность. Всегда почти бранят относительно к себе или к близкому лицу, а потом готовы пресмыкаться, когда их пригладят или прибьют. Тут есть что-то холопское!

В итальянскую оперу ездят очень много, но уже осмеливаются критиковать, и нет того глупого, безотчетного энтузиазма. Вероятно, на будущий год они войдут в общий разряд театров, а потом выдумают что-нибудь другое, и станет пусто в опере, как теперь во французском театре, где сидит человек 50 в прошлом веке запоздалых. Российский театр же процветает, вечно набит битком от райка до бельэтажа, благодаря "Герою Преферанса"[10], "Булочнику"[11] и "Трем полькам"[12]. Госпожа Левкеева[13] приводит публику в такой же восторг, как и Рубини. Я там была на днях, нашла, что все очень пошло, и едва ли вернусь.

Пишу вам в постели, приехав из дворца, где я бываю гораздо реже и зачем, не знаю. Продолжение впредь»[14].

[1] См. ***1844. Декабря 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1845. Января 1 <13>. Понедельник. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург.***

[3] Ин. 14, 27.

[4] Там же.

[5] См. ***1843. Июля 8 <июня 26>. Суббота – августа 27 <15>. Воскресенье. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Баден-Баден, Карлсруэ, Баден-Баден*** (примечания).

[6] Дж. Рубини выступал с концертами в России в 1843–1845 и в 1847 гг. О его гастролях в Москве С. П. Шевырев писал в «Москвитянине» (1843. № 4. Московская летопись): «Рубини за три концерта повез из Москвы 70 000 р<ублей> ассигнациями. В последнем собрано им было 10 000 р<ублей>, по причине ограниченности мест театра, который был, однако, полон». Известный меломан граф Мих. Ю. Виельгорский сообщал также 18 мая 1844 г. В. А. Жуковскому: «Наша столица очарована совершенно пением Рубини. <...> Сам Государь завлечен и паки музыку начинает любить. Надеемся к зиме иметь оперу италианскую, но первоклассную» (Русский Архив. 1902. Кн. 2. С. 448). В статье *VI. О помощи бедным* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846) Гоголь, в частности, писал: «Тот же самый, кто заплатил, дабы насладиться пеньем Рубини, сто рублей за кресло в театре, продал бы свое последнее имущество, если бы довелось ему быть свидетелем на деле хотя одной из тех ужасных картин голода, перед которыми ничто всякие страхи и ужасы, выставляемые в мелодрамах».

[7] Я поражен, сколько циничны здесь по отношению к Власти (*фр.*).

[8] Имеется в виду Император Николай I.

[9] И несчастные люди называют это родиной (*фр.*).

[10] Комедия П. И. Григорьева, поставленная в Александринском театре 7 ноября 1844 г.: «Герои преферанса, или Душа общества. Оригинальная комедия-водевиль в трех картинах, сочинение актера П. И. Григорьева 1-го. Музыка составлена им же» (СПб., 1844; цензурное разрешение 24 окт.).

[11] Водевиль П. А. Каратыгина «Булочная, или Петербургский немец» (СПб., 1843) был впервые поставлен в Александринском театре 26 октября 1843 г.

[12] Переводной французский водевиль («Les 3 polka»). В то время полька была в Петербурге новым, только что привезенным из Парижа модным танцем.

[13] Елизавета Матвеевна Левкеева (Левкеева 1-я; по мужу Юинг; 1829–1881), актриса Александринского театра, дебютировавшая в 1843 г.

[14] См. ***1844 декабря 31 <1845 января 12>. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

1844 ДЕКАБРЯ 31 <1845 ЯНВАРЯ 12>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова продолжает ответное[1] письмо[2] к Гоголю во Франкфурт (послание было начато 30 декабря 1844 г. / 11 января 1845 г.[3] и отправлено 1/13 января 1845 г.[4]):

«Сегодня воскресенье; я была у обедни, видела митрополита[5]. После обедни за ним черной, длинной вереницею потянулись по длинным золотым залам сергиевские монахи[6], которые всегда накануне приезжают поздравлять царя. Вид был довольно странный и даже грустный. После обедни я детям читала из 23 главы Ев<ангелия> от Матфея, потом повторяла молитвы, ектению, а потом и я читала и поплакала, и теперь плачу. Может быть, и хорошо иногда свои колодцы открывать. Вы, пожалуйста, не замечайте, что у меня нос и глаза красны. Это все-таки мне не помешает вам высказать всякую всячину сквозь слезы. А кстати, вы еще и не видали, как я плачу: от вас мне не приходилось еще плакать. Нынче патриотический концерт. Итальянцы грянут в нашу пользу. Я было и взяла билет, но передумала просто от лени. Мне как-то всего лучше сидится дома за письменным столом.

На днях я имела разговор, который меня не мало огорчил. Есть люди, которых судьба поставила так далеко от других[7], что трудно их понять, хотя душа только этого и желает. Меж ними и нами столько промежутков, живых ступеней, и ступеней неровных, негладких, бесчувственных, или даже мешающих с умыслом. Так легко эти люди могут оттолкнуть нас совсем, что всякое слово надобно взвесить по их ушам, умам и совестям. Так страждут, может быть, больше нашего, а что ищут развлечения недостойного их, утрачивают свою душу и милость Божию, которые нам являются[8] часто с горем, – это натурально. Там едва ли выронит кто задушевное слово, а без этого, как и произойти взаимной пользе и добру? На лице написано страдание, изнеможение сердца, тоска – безутешная и бесплодная, т. е. которые не бывают переходом к лучшему и чистейшему состоянию души; а разговор все тот же, хотя не видно в нем даже старого увлечения и настоящей веселости. Это мне почувствовалось с первой минуты встречи. Бог весть, чем кончится это состояние. Помоги Бог. Я свое дело делаю – молюсь усердно.

Теперь поговорим об вас. Плетнева я сто лет не видала. К нему приехал Грот. В книжной лавке <А.> Иванова, где я взяла для вас “Воскресное Чтение” за весь прошлый год, купила я сочинения Н. Гоголя. Там мне сказали, что их продано только в этой лавке сто экземпляров, что Ольхин и Снегирев очень много продадут; в Москву и в губернии потребовали много сочинений этого автора, и проч. и проч. Следовательно, господа сенаторы, дела наши идут хорошо; а отчего же денег нет? По сему предмету надобно сделать запрос Прокоповичу, что и будет сделано согласно желанию автора, Плетневым. А меж тем А<лександра> О<сиповна>, всегда готовая к услугам, вышлет, после первого генваря 1000 <рублей> ассиг<нациями>, а деньги еще смотря по обстоятельствам автора. В этой книжной лавке сказано, что сочинения Стурдзы расходятся хорошо, новое издание Отцов еще лучше и преимущественно покупается купцами. “На сон грядущий” Сологуба печатается вторично[9]: знак, что публика любит и фашионабельство[10]. Тут спросила А<лександра> О<сиповна>, прелюбопытная дама, требуют ли еще сочинения господина Булгарина. В ответ весьма застенчиво получила *да* и прибавлено, что их не предлагают, не выставляют и стараются выставлять только книги порядочных авторов. Тут эта дама, громко вслух, пред офицерами, похвалила этого притворца книгопродавца и сказала, что не будет брать у Иванова и всем его раскритикует, если узнает, что он, как Смирдин, подружился с Фаддеем и с Сенькою[11]. Вы знаете, что я люблю поврать со всяким. Я прочитала[12] “Сорочинскую ярмарку”, “Вечера накануне Ивана Купала” и “Шпоньку”. Право, Федор Иванович был очень счастливый человек; разбирал белье и чистил пуговицы. Что может быть невиннее, как этакая голова?

Здоровье Импер<атрицы> все так же дурно: из 5, 6 и 8 дней один без биения сердца. У Государя болят ноги, была опухоль и опасались рожи; но, слава Богу, оказалось, что это геморoидальная боль. Он сам боится подагры. Он продолжает ножные ванны и много ходит, хотя медленно и иногда прихрамывая, потому что, сидя, ноги замирают. В городе этим очень обеспокоились. Я, слава

Богу, была там вчера, и Госуд<арь> сам изволил говорить о своем здоровье. В<еликая> к<нягиня> Марья Николаевна спрашивала об вас с благосклонностью[13]; вспомнила ваш визит в Риме[14]. Она поправилась теперь. Очень умна, жива и добра. Другие все здоровы.

В Петербурге много говорят о назначении графа Воронцова на Кавказ *наместником*, главнокомандующим отдельного кавказского корпуса, с сохранением должности генерал-губернатора Новороссийского края. В отсутствие его краем будет править Федоров[15], который и прежде его заменял, – очень умный и дельный человек, его правая рука. Воронцов писал Государю, что ему 64 года, что он уже слаб, а особенно глазами, что ему трудно решиться принять такую огромною ответственность, но что не считает себя вправе отказывать, пока находится в службе и когда Государь считает его способным. Он будет здесь 15 января для переговора личного условия с министрами. Все рады, что хотя этот не немец (из этого вы увидите, что на немцев более, чем когда-либо, огрызаются). Говорят, что Ермолова кто-то спросил в Москве: "Правда ли, что вас назначают на Кавказ?" И он отвечал: "Я для Кавказа теперь постарел, а он помолодел для меня теперь". Не знаю, правда ли?

Софье Михайловне[16] я передала вашу записку[17]. Она все также мила, Владимир[18] все также по старому валяется в навозе. Он затеял (по истощению кармана) писать русские гены[19] в продражание Кора[20]. Князь Вяземский заметил весьма справедливо, что едва ли где сыплют остроумия в салонах, как у нас, но что ни одной из этих шуток нельзя печатать, и потому Сологубу остается писать одни глупости. Ведь мы и вправду очень умны и забавны. Меня это особенно поразило после Парижа. Там ум изветошился; на все уже исшутились, исписались; три столетия все шутят и смеются над Богом и царями между войны, эшафота, славы и мира и наконец мануфактурою мещанского спокойствия. Теперь до завтрашего утра»[21].

[1] См. ***1844. Декабря 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

[2] Отрывок из этой части письма впервые опубликован, с ошибочной датировкой: *Шенрок*. Т. 2. С. 139. Полностью эта часть письма, также с ошибочной датировкой, напечатана: Пушкин и Гоголь. (Неизданные исторические документы) // Северный Вестник. 1893. № 1. С. 242–244. Датировка комментируемой части послания уточнена.

[3] См. ***1844 декабря 30 <1845 января 11>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1845. Января 1 <13>. Понедельник. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург.***

[5] Митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский Антоний (Рафальский, 1789–1848).

[6] Имеются в виду насельники Свято-Троицкой Сергиевой (Приморской) пустыни близ Петербурга, настоятелем которой (с 1834 г.) был святитель Игнатий (Брянчанинов), в ту пору архимандрит, впоследствии епископ Кавказский и Черноморский.

[7] Вероятно, имеется в виду кто-то из придворных лиц.

[8] Так в публикации.

[9] На сон грядущий. Отрывки из вседневной жизни. Соч. графа В. А. Соллогуба. СПб., 1841–1843. Т. 1–2; На сон грядущий. Отрывки из вседневной жизни. Соч. графа В. А. Соллогуба. СПб.: А. Иванов, 1844–1845. Т. 1–2.

[10] Фешенебельность.

[11] Имеются в виду Ф. В. Булгарин и О. И. Сенковский.

[12] В первом томе сочинений Гоголя.

[13] См. также ***1845. Января средина <января конец>. Санкт-Петербург.***

[14] См. ***1843. Марта между 21 и 26 <марта между 9 и 14>. Утро. Рим.***

[15] Павел Иванович Федоров (1791–1855), в то время генерал-лейтенант.

[16] Графиня Сологуб (рожденная Виельгорская).

[17] См. ***1844. Декабря 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

[18] Граф В. А. Соллогуб.

[19] Так в публикации.

[20] Так в публикации.

[21] См. ***1845. Января 1 <13>. Понедельник. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург.***

1844 НОЯБРЯ ПОСЛЕ 9 – ДЕКАБРЬ <1844 НОЯБРЯ ПОСЛЕ 21 – 1845 ЯНВАРЯ СРЕДИНА>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ф. И. Тютчев отправляет записку князю П. А. Вяземскому:

«Если бы я не знал, князь, как вы не любите одолжать книги, я решился бы попросить у вас несколько русских книг, например: один или два тома Гоголя, последнего издания, где находятся отдельные произведения, с которыми я еще не знаком».

Тютчев Ф. И. Соч.: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 101–102; *Свод.* Т. 3. 596.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ВАСИЛЬЕВКА

«В 1844 г. М. И. Гоголь, по-видимому, имела в виду новое расширение и переоборудование устаревшей с 1825 г. винокурни[1], по крайней мере, в одном из писем этого года А. А. Трощинский высказывает ей свои соображения относительно “предполагаемого... устроения... винокурни хозяйственным образом, полагая в половинном размере против Кибинской или Яресковской винокурни”».

Назаревский. С. 342.

[1] После 1837 г. винокурня в Васильевке была уничтожена (см. ***1805. Ноября средина. Васильевка*** – примечания).

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. МОСКВА

П. В. Нащокин пишет М. П. Погодину:

«...Вещи Пушкина с удовольствием вам доставлю, но их у меня осталось очень немного, и не все налицо... <...> ...Часы, которые он носил, тоже были мне отосланы и мною получены, но я их подарил Н. В. Гоголю[1], у которого они еще и теперь находятся... <...>; еще могу вам предоставить право на получение кровати, обагренной его кровью и на которой он скончался для нашей жизни. – В. А. Жуковский предлагал мне ее, как человеку, который, по его мнению, более всех на нее имеет право, но я отказался, не лишая себя права передать ее кому захочу. Узнайте, где она, и получите»[2].

Позднее В. А. Нащокина вспоминала: «После смерти Пушкина Жуковский прислал моему мужу серебряные часы покойного, которые были при нем в день роковой дуэли, его красный с зелеными клеточками архалук, посмертную маску и бумажник с ас<с>игнацией в 25 рублей и локоном белокурых волос. В письме Жуковский предлагал прислать и кровать поэта, на которой он умер, с каплями его крови, но Павлу Войновичу так тяжела была утрата друга, так больно было видеть вещественные знаки его преждевременной насильственной смерти, что он отказался. Впоследствии Павел Войнович часы подарил Гоголю...»[3]

[1] См. ***1842. Мая 9. Суббота. Москва***; ***1848. Августа средина – августа 24.***
[2] Гоголь в письмах П. В. Нащокина к М. П. Погодину // *Свод.* Т. 2. С. 550.
[3] *Родионов И.* Воспоминания В. А. Нащокиной о Пушкине и Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 551.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ю. Ф. Самарин пишет в Москву К. С. Аксакову и А. С. Хомякову:

«Мысль о современном значении Москвы, пущенная в ход Аксаковым[1], встретила между нами и даже в более широком кругу сочувствие и одобрение; она сделалась предметом наших разговоров и сделалась, по своей общедоступности, господствующим интересом. В то время уезжал Гоголь[2]. Ты помнишь, Аксаков, то письмо, которое он написал тебе[3]? Он упрекал тебя в том, что ты испортил ему то прекрасное, отрадное чувство, которое он питал к Москве; он просил тебе перестать толковать о значении Москвы, взяться за труд и т. д. Гоголь предчувствовал то, что теперь сбылось. Толки о Москве продолжались три года; вражда к Петербургу усилилась; на каждого выходца оттуда мы ополчались толпою и вымещали на нем наше негодование. Между тем, в продолжении этого времени Москва не явила ни одного плода своей умственной деятельности; таким образом она стала известна Петербургу и вообще всей России только с одной, чисто отрицательной стороны. Если бы мы меньше говорили о себе и больше заявляли прав на уважение, может быть, всеобщее внимание само собою обратилось бы на Москву...»

Из писем Ю. Ф. Самарина // *Свод*. Т. 3. С. 211.

[1] См., в частности: *Аксаков К.* Москве. (Отрывок) // Москвитянин. 1845. № 2 (цензурное разрешение 1 марта). С. 108; *А<ксаков К. С.>* Семисотлетие Москвы // Московские Ведомости. 1846. 23 апр. № 49. С. 344–346. – См. также ***1846. Апреля 30 <мая 12>. Вторник. Москва*** (примечание).

[2] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки***.

[3] Имеется в виду письмо Гоголя к К. С. Аксакову около 29 ноября (н. ст.) 1842 г. из Рима (см. ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим***).

Список сокращений

Гоголь 1889–1896 – Соч. *Н. В. Гоголя.* 10-е изд. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым. М., 1889. Т. 1–5; Соч. *Н. В. Гоголя.* Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым и В. Шенроком. М.; СПб., 1896. Т. 6; СПб., 1896. Т. 7.

Гоголь 1937–1952 – *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. <В 14 т.> <Л.>: АН СССР, 1937. Т. 2 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, В. В. Гиппиус, В. П. Петров, Н. Л. Степанов, Б. М. Эйхенбаум; 1938. Т. 3 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, В. Л. Комарович, Н. И. Мордовченко, Н. Л. Степанов, Б. М. Энгельгардт; 1940. Т. 1 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, Н. П. Андреев, А. И. Белецкий, Г. С. Виноградов, В. В. Гиппиус, М. К. Клеман, Н. К. Пиксанов, Н. Л. Степанов, П. Т. Щипунов; 1940. Т. 10 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, Г. А. Бялый, Г. С. Виноградов, Ц. С. Вольпе, В. В. Гиппиус, Б. П. Городецкий, А. И. Грушкин, А. Г. Дементьев, С. Н. Дурылин, А. И. Комаров, Л. В. Крестова, А. Н. Михайлова, Л. Б. Модзалевский, Н. И. Мордовченко, А. А. Назаревский, Л. А. Плоткин, И. Г. Ямпольский; 1949. Т. 5 / Тексты и коммент. подготовили М. П. Алексеев, Н. И. Мордовченко, А. А. Назаревский, А. Л. Слонимский; 1951. Т. 4 / Тексты и коммент. подготовили В. В. Гиппиус, В. Л. Комарович; 1951. Т. 6 / Тексты и коммент. подготовили В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур; 1951. Т. 7 / Тексты и коммент. подготовили В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур, В. Л. Комарович; 1952. Т. 8 / Тексты и коммент. подготовили О. Б. Билинкис, Л. М. Лотман, В. Б. Томашевский, Г. М. Фридлендер; 1952. Т. 9 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, А. А. Назаревский, Г. М. Фридлендер; 1952. Т. 11 / Тексты и коммент. подготовили М. К. Азадовский, Ц. С. Вольпе, В. В. Гиппиус, Б. П. Городецкий, А. Г. Дементьев, С. Н. Дурылин, Л. В. Крестова, Н. Г. Машковцев, Н. И. Мордовченко, А. А. Назаревский, М. А. Панченко; 1952. Т. 12 / Тексты и коммент. подготовили Р. Б. Заборова, А. Н. Михайлова, А. А. Назаревский, Г. М. Фридлендер; 1952. Т. 13 / Тексты и коммент. подготовили А. Н. Михайлова, Г. М. Фридлендер; 1952. Т. 14 / Тексты и коммент. подготовила А. Н. Михайлова.

Гоголь 1994 – *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. Сост., подгот. текстов и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Русская книга, 1994.

Гоголь 2001 – Неизданный Гоголь. Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. 600 с.

Гоголь 2001–2012 – *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 23 т. Т. 1 / Тексты и коммент. подготовили И. Ю. Винницкий, Е. Е. Дмитриева, Ю. В. Манн, К. Ю. Рогов. М.: Наследие, 2001 (2 изд., стереотипное – М.: Наука; ИМЛИ РАН, 2003); Т. 4 / Тексты и коммент. подготовили И. А. Зайцева, Ю. В. Манн. М.: Наука, 2003; Т. 3 / Тексты подготовила Л. В. Дерюгина; Коммент. подготовили С. Г. Бочаров, Л. В. Дерюгина. М.: Наука, 2009; Т. 7. Кн. 1–2 / Тексты и коммент. подготовили Н. Л. Виноградская, П. Ю. Гуревич, Е. Е. Дмитриева, И. А. Зайцева, Ю. В. Манн, О. К. Супронюк, А. С. Шолохова. М.: Наука, 2012.

Гоголь 2009 – *Гоголь Н. В.* Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009.

Гоголь 2009–2010 – *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 1–15; М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2010. Т. 17.

АВПРИ – Архив внешней политики Российской Империи Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва.

Барсуков – *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1–22. СПб., 1888–1910.

Виноградов 2000 – *Виноградов И. А.* Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы миросозерцания. М.: Наследие, 2000. 448 с.

Виноградов 2001 – *Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. Научное издание. М., 2001. 776 с. + 16 с. илл.

Виноградов 2015 – *Виноградов И. А.* Гоголь в Нежинской гимназии высших наук: Из истории образования в России. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 352 с.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации, Москва (бывш. *ЦГАОР*).

ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва.

ГЛМ – Государственный литературный музей, Москва.

Городецкий – *Городецкий Б. П.* Описание автографов Н. В. Гоголя в собрании Института Литературы Академии Наук СССР // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. 1938. Т. 1.

Гриц – *Гриц Т. С.* М. С. Щепкин. Летопись жизни и творчества / Отв. ред. и сост. первой части (1788–1822) А. П. Клинчин. «Летопись» дополнили и снабдили справочным аппаратом Т. М. Ельницкая, А. П. Клинчин, Н. Г. Литвиненко, А. Я. Альтшуллер, Л. С. Данилова, И. А. Клецкая, Н. В. Королева, В. В. Сомина, М. Б. Рабинович. Иконографию М. С. Щепкина собрал и описал Н. П. Пахомов. Вступ. ст. В. Б. Шкловского / АН СССР; Ин-т истории искусств Мин. культуры СССР; Ин-т театра, музыки и кинематографии Мин. культуры СССР. М., 1966. 881 с.

ГЦТМ – Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина, Москва.

Ельницкая 1978 – *Ельницкая Т. М.* Репертуарная сводка. Репертуар петербургского Александринского и московского Малого театров. 1826–1845 // История русского драматического театра: В 7 т. М., 1978. Т. 3.

Ельницкая 1979 – *Ельницкая Т. М.* Репертуарная сводка. Репертуар петербургского Александринского и московского Малого театров. 1846–1861 // История русского драматического театра: В 7 т. М., 1979. Т. 4.

ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург.

Клинчин – *Клинчин А. П.* Провинциальный театр <в 1826–1845 гг.> // История русского драматического театра: В 7 т. М., 1978. Т. 3.

Кулиш 1852 – *<Кулиш П. А.>* Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя // Отечественные Записки. 1852. № 4. Отд. 8. С. 189–201.

Кулиш 1853 – *<Кулиш П. А.>* Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2 (цензурное разрешение 25 янв.). Отд. 7. С. 109–121.

Кулиш 1854 (1) – *<Кулиш П. А.>* Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. Николая М. // Современник. 1854. Т. 43. № 2 (цензурное разрешение 31 янв.). Отд. 2. С. 37–92; Т. 44. № 3 (цензурное разрешение 28 февраля). Отд. 2. С. 1–84; Т. 44. № 4 (цензурное разрешение 31 марта). Отд. 2. С. 91–154.

Кулиш 1854 (2) – *<Кулиш П. А.>* Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение *Николая М.* СПб., 1854 (цензурное разрешение 22 апр.).

Кулиш 1856 – *<Кулиш П. А.> Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. СПб., 1856. Т. 1–2 (цензурное разрешение 15 янв.).

НБУ – Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины, Киев (бывш. *ЦНБ*).

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства, Москва (бывш. *ЦГАЛИ*).

РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва (бывш. *ГБЛ*).

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив, Москва.

РГИА – Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург (бывш. *ЦГИА*).

РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (бывш. *ГПБ*).

Свод – *Виноградов И. А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание. В трех томах. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1; 2012. Т. 2; 2013. Т. 3.

Супронюк. Словарь – *Супронюк О. К.* Н. В. Гоголь и его окружение в Нежинской гимназии. Биобиблиографический словарь. Киев, 2009.

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (бывш. *ЛГИА*).

ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы (бывш. *ЦГИАМ*).

Шенрок – *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1892. Т. 1; М., 1893. Т. 2; М., 1895. Т. 3; М., 1896. Т. 4.

Шубинский – Описание автографов Н. В. Гоголя. (Гос. публ. б-ка УССР. Отдел рукописей) / Сост. И. В. Шубинский. Киев, АН УССР, 1952.

Именной указатель

Август III, король Польский и курфюрст Саксонский, 29
Август, слуга графа В. А. Перовского в Риме, 281
Августин, блаженный, 284, 285
Авенариус В. П., 118
Аверкиев А. Е., 152, 154
Авикдор, банкир в Ницце, 431, 434
Агапит, диакон Великой церкви в Константинополе, 197, 296
Агния (Агнесса), св. дева мученица, 277
Адам Виртембергский, 472
Адам Е. А., 287
Адарюков В. Я., 459
Адина, дочь герцога Лейхтенбергского Максимилиана, 394, 395
Азадовский М. К., 660
Айвазовский И. К., 53, 198, 199, 413
Айзеншток И. Я., 660
Ак. С., знакомая В. С. Аксаковой, 200
Акакий, преподобный, о котором повествуется в «Лествице», 154
Аксаков А. Т., 18, 19, 20, 35, 36, 200, 211
Аксаков Г. С., 57, 77, 78, 96, 99–101, 107, 157, 158, 488, 606, 625–628
Аксаков И. С., 7, 9, 11, 22, 25, 32, 57, 90, 91, 100, 103, 106, 108, 111, 114, 115, 125, 127, 135, 143, 146, 147–149, 214, 215, 227, 264, 269, 271–276, 277, 280, 282- 284, 297, 314, 323, 324, 337, 340, 341, 360, 380, 381, 383, 385, 394, 425, 430, 438, 447, 448, 454, 457, 468, 469, 472, 479, 487–489, 492, 524, 526, 556, 558, 571, 606, 625–628
Аксаков К. С., 13, 25, 30, 33, 36, 41, 42, 57, 73, 74, 77, 78, 91, 92, 96, 99–105, 107, 124, 145–150, 161, 162, 167, 170, 175, 176, 183, 184, 186, 188, 195, 199, 203, 209, 210, 213–218, 220, 224–227, 232, 242, 257, 260, 299, 303, 312, 317, 327, 329, 332, 341, 353, 357-360, 391, 392, 396, 438, 439, 457, 468, 469, 481, 482, 488, 489, 492, 496, 526, 547, 558–560, 576, 590, 594, 606, 625-627, 635, 651, 658, 659
  Ломоносов в истории русской литературы и русского языка, 439, 606, 628
  Москве, 659
  Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова или Мертвые души», 145, 147–150, 162, 175, 176, 183, 184, 186–188, 218, 219, 227, 232, 299, 312, 358, 359
  Объяснение, 149, 175, 176, 186, 199, 203, 216–220, 329, 353, 358, 359
  Опыт синонимов. Публика – народ, 558
  Семисотлетие Москвы, 227, 659
Аксаков М. С., 147, 149, 171
Аксаков С. Т., 9, 11, 22, 24, 25, 28–30, 34, 36, 37, 39, 41, 42, 56–59, 62, 64, 72–74, 77, 78, 81, 86–88, 90–92, 95, 96, 99–102, 104–108, 111, 114, 115, 120–125, 127, 129–131, 134–137, 140, 145–149, 155, 157–159, 162, 166–168, 170–172, 174, 175, 180, 183, 186, 194, 195, 199, 204, 210, 211, 213, 214, 216, 218, 219, 221–227, 232, 234, 254, 256, 257, 261, 262, 264, 265, 267, 277, 278, 286–289, 292–295, 297, 298, 307, 311, 317, 319–321, 323, 327–329, 331, 333, 336, 338, 345, 347–350, 353, 357–360, 376, 388, 389, 396–398, 404, 405, 413, 416–419, 433, 436, 438–442, 447, 448, 454, 455, 457, 458, 463, 469, 479, 485, 487–489, 492, 494, 495, 497–499, 518, 519, 547, 554, 566, 584, 585, 590, 592–594, 603, 606, 616, 619, 624, 626–628, 638, 642, 651
  Записки ружейного охотника Оренбургской губернии, 146
  Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах, 146
Аксакова (рожд. Тютчева) А. Ф., 550
Аксакова В. С., 7, 8, 24–26, 28–30, 32–34, 36–38, 41, 42, 56, 58, 73, 76–79, 81, 83, 86, 87, 90–92, 95, 99–101, 103, 104, 106–108, 111, 115, 119, 123–125, 127, 134, 136, 139–143, 145, 146, 148–151, 159, 167, 170, 171, 174–176, 180, 183, 186–189, 193, 199, 200, 203, 210, 214–219, 222–224, 231, 232, 234, 242, 253, 254, 256, 257, 265, 267, 277, 286, 288, 289, 293–295, 297, 316, 319, 321, 323, 327, 336, 338, 345, 347, 349, 352, 358–360, 368, 371, 373, 385, 390–392, 411, 432, 447, 454, 457, 463, 469, 479, 481, 482, 487, 488, 491, 492, 606, 628
Аксакова Л. С., 99, 100, 119
Аксакова (в замужестве Томашевская) М. С., 100, 119
Аксакова Н. С., 99, 100, 119, 170, 257
Аксакова (рожд. Заплатина) О. Сем., 25, 26, 34, 77–79, 99, 100, 102, 119, 146, 157, 166, 168–170, 175, 180, 181, 189, 210, 221, 222, 225, 226, 256, 257, 267, 295, 300, 301, 317, 318, 320, 326, 327, 329, 346–350, 359, 374–377, 385, 397, 438, 442, 448, 451, 469, 485, 488, 547, 551, 594, 606, 646

Аксакова О. Серг., 99, 100, 119, 396, 397, 436–438, 484, 485, 488, 535, 594, 606
Аксакова С. С., 119
Аксаковы, 15, 29, 37, 72, 73, 83, 96, 99, 119, 123, 127, 147, 158, 171, 190, 193, 203, 211, 214, 224, 232, 253, 254, 289, 299, 352, 368, 373, 484, 522, 523, 535, 551, 583, 590
Александр I, Император, 112, 275, 439, 500, 502
Александр Невский, св. благоверный князь, 542
Александр Николаевич, Наследник Цесаревич, с 1855 г. Император Александр II, 52, 54, 85, 95, 109, 114, 129, 130, 141, 166, 207, 223, 231, 244, 254, 393, 394, 407, 426, 432, 434, 450, 471, 472, 474, 476, 477, 481, 503, 505, 509, 542, 591
Александр, слуга А. О. Смирновой в Риме, 284
Александра Александровна, великая княжна, 591
Александра (Адина) Максимилиановна, дочь герцога Лейхтенбергского Максимилиана, 323
Александра Николаевна, великая княгиня, дочь Императора Николая I, принцесса Гессен-Кассельская, 517, 535, 540, 541, 545, 548, 555, 557, 591
Александра Римская, св., 440
Александра Феодоровна, Императрица, жена Николая I, 62, 95, 109, 114, 145, 192, 207, 223, 231, 240, 254, 282, 300, 324, 387, 402, 407, 411, 412, 426, 432, 433, 434, 442, 472, 503, 525, 526, 544, 545, 549, 550, 558, 559, 574, 591, 611, 636, 637, 642, 643, 648, 656
Алексеев Г. А., 180
Алексеев М. П., 660
Алексеев, московский купец, 418
Алексей Михайлович, русский царь, 157, 158, 610, 639
Алексий, митрополит Московский, свт., 90
Алимпий (Вербицкий), монах, 498
Аллан А. *См.* Прео А., де, артист
Альтшуллер А. Я., 661
Альфонский Арк. Ал., 504, 505
Альфред Великий, святой Англиканской церкви, 105, 108
Амерлинг Ф., 284, 285
Анастасевич В. Г., 494
Анастасий Синаит, патриарх Антиохийский, свт., 198, 231
Андреев Н. П., 660
Андрей Критский, св., 470
Андрей Первозванный, св. апостол, 146, 278, 279
Андроник (Лосев), монах. *См.* Лосев А. Ф. (монах Андроник)
Андросов В. П., 157, 158
Анненков П. В., 9, 11, 19, 20, 60, 113, 115, 126, 132, 159, 168, 206, 215, 220, 286, 312, 345, 352, 362, 363, 365, 376, 440, 441, 453, 492–494, 518, 566, 580, 594, 608, 617
Анненкова, знакомая Н. М. Языкова, 532, 546, 585, 599
Антиох, князь, 607
Антоний (Рафальский), митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский, 549, 550, 656, 657
Антоний (Смирницкий), архиепископ Воронежский и Задонский, св., 575, 576, 612, 613
Аншкофер А., 197
Апраксин В. С., граф, 502
Апраксина (рожд. графиня Толстая) С. П., графиня, 48, 502
Арендт Ник. Ф., 256, 372
Аржевитинов И. С., 205, 391
Ариосто Л., 492
Аристофан, 240
Армфельд А. О., 77, 78, 187
Арнольди А. И., 472
Арнольди И. К., 282, 284, 472
Арнольди Л. И., 526, 610
Арсеньева Д., 119
Артишевский, 390
Архаров И. П., 550
Архарова С. И. *См.* Соллогуб (рожд. Архарова) С. И., графиня
Арцыбашев Н. С., 260, 261
Афанасий V, патриарх Иерусалимский, 595, 612, 613
Афанасий Великий, патриарх Александрийский, св., 446, 607
Афанасий, патриарх Константинопольский, Лубенский чудотворец, св., 152, 153
Афанасьев А. Н., 48, 49
Афанасьев В. В. (монах Лазарь), 305, 316, 391, 500
Афросимова (Офросимова) А. Н., 637
Ашель, святой католической Церкви, 278, 564
Баденская, великая герцогиня Стефания Луиза Адриенна (рожд. Богарнэ), жена великого герцога Баденского Карла Людвига Фридриха, 383
Бажанов (Баженов) В. Б., протоиерей, 548, 549, 550
Базаров И. И., протоиерей, 27, 384, 477
Базунов И. В., 417, 418, 603
Байрон Дж., 162, 184, 496
Дон-Жуан, 627
Манфред, 627
Баканов Л. С., 47
Бакунин М. А., 90, 322, 363, 518, 519
Бакунин П. А., 518

Бакунин, московский полицеймейстер, 170
Бакунины, 16
Балабин В. П., 35, 207, 208, 449, 450, 491
Балабин Е. П., 207, 208, 449, 450
Балабин И. П., 207, 208, 449, 450, 485
Балабин П. И., 389, 448, 450
Балабина (рожд. де Пари) Варвара (Паулина) О., 27, 35, 125, 389, 449, 476
Балабина М. П. *См.* Вагнер (рожд. Балабина) М. П.
Балабина (рожд. Уварова) Н. С., 449, 450
Балабины, 109, 299, 300, 460, 485, 589
Балдин (Балдов), управляющий П. М. Языкова, 31, 64, 65
Балинский, курьер А. О. Смирновой, 383, 384
Бальдус де Убальдис А., 280, 283
Бальзак О., де, 265
Баранов П. А., 256
Баранов П. Т., граф, 472
Баранов Т. И., 239
Баранова (рожд. графиня Адлерберг) Ю. Ф., графиня (с 1846 г.), 238, 239
Барберини, князья, 270, 277
Барсуков Н. П., 28, 72, 75, 81, 104, 107, 154, 155, 181, 335, 336, 412, 439, 563, 639, 661
Бартенев П. И., 75, 76, 199, 215, 229, 230, 386, 471
Бартенев Ю. П., 229
Бартоло да Сассоферрато, 280, 283
Баршев С. И., 15
Барышников, полковник, знакомый П. М. и Н. М. Языковых, 349, 363
Барятинский А. И., князь, 412
Баско, фокусник и чревовещатель, 112
Бастамова (рожд. Алмазова) Е. Н., 56
Бах И. С., 75
Бахрушин А. А., 661
Бахрушин А. П., 192
Башуцкий А. П., 32
Водовоз, 32
Бегичев Д. Н., 258
Безак К. П., 144
Безбородко А. А., князь, 192, 328
Беккер Н. Г., 244, 245
Белехова С. П., 295
Белецкий А. И., 660
Белинский В. Г., 7–14, 16, 32, 33, 50, 51, 55, 59, 60, 63, 66, 67, 69–71, 82, 85, 103, 104, 107–109, 113, 114, 126, 127, 151, 159, 162, 167, 175, 176, 180, 184–187, 193, 208, 209, 211, 212, 214–217, 219, 220, 223, 224, 232, 236, 237, 240, 242, 244, 246, 258–260, 265, 295, 297, 319, 324, 332, 365, 366, 398, 399, 492, 519, 521, 557, 563, 572, 582, 588–590, 596, 629
Белинский Н. Г., 16
Белозерский Н. Д., 396, 397
Белосельская-Белозерская (рожд. Бибикова, во втором браке Кочубей) Е. П., княгиня, 323, 324
Белосельский-Белозерский Э. А., князь, 324
Белый В. И., 363
Бем (Бёме) И., 115
Бенардаки Д. Е., 77, 86, 87, 95, 109, 155–157, 200, 201, 253
Бенардаки Н. Д., 155, 156, 200
Бенедиктов В. Г., 128
Бенкендорф А. Х., граф (с 1832 г.), 17, 22, 32, 78, 94, 525
Беранже П. Ж., 184
Берг Н. В., 582
Березовский М. С., 574
Беркут Н. К., 519, 520
Бернайс Л., 518
Бернард А., 491
Бернини Д., 276
Берри К. Ф. Л., герцогиня, 387
Бестужев (псевдоним Марлинский) А. А., 60, 577
Бестужев Анд. Вас., 271
Бестужева (рожд. Языкова) П. М., 151, 202, 368
Бетанкур А. А., де, 643
Бетман, банкир во Франкфурте-на-Майне, 634
Бетюн (Betun), княгиня Леони, 383, 384
Бецкий И. Е., 110, 459, 508, 521, 565, 581, 582, 593, 646, 647, 652
Бецкой И. И., 314
Бианки Дж., 197
Бибиков Д. Г., 636
Билинкис О. Б., 660
Бирон А., герцогиня. *См.* Лазарева (рожд. герцогиня Бирон) А.
Бирон Г. К., герцог Курляндский, 573, 640
Бирон Л. К., герцогиня. *См.* Виельгорская (рожд. герцогиня Бирон) Л. К., графиня
Бирон Л., герцогиня. *См.* Гогенталь (рожд. герцогиня Бирон) Л., графиня
Блан Л., 387, 518
Боборыкин (Боборикин, Бобарыкин, Бабарыкин) Н. Н., 73, 79, 260, 438, 439, 453, 473, 515, 522, 551, 583
Боборыкин П. Д., 410
Бог, Пресвятая Троица, Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух Святой, Господь, *См. также* **Иисус Христос**, 9, 13, 18, 26, 35, 36, 40, 49, 51, 60–62, 65, 66, 77, 80, 82, 84, 88, 91, 94, 99, 100, 102, 106, 109, 111–113, 119, 122, 123, 127, 129–135, 137–141, 145, 146, 148–151, 154, 155, 158, 160, 165–170,

176–183, 189, 191, 195, 196, 199, 201, 203, 205, 209, 211, 214, 216, 217, 220, 221, 225–228, 234, 235, 239, 241, 243, 249, 251, 254, 257, 263, 267, 268, 270, 275, 280–282, 292, 296, 298, 300–302, 307, 308, 310, 312, 313, 317, 320, 327, 329, 337, 342, 346–349, 360, 362–364, 369–376, 378, 379, 381, 382, 386, 394, 400, 402–404, 406, 413–417, 422–425, 431, 432, 434–436, 438, 439, 442, 444, 445, 449, 451, 453, 455, 456, 461–468, 470, 471, 473, 476–478, 480–486, 488–491, 493, 495–497, 502, 503, 505, 507, 508, 510–512, 514–519, 522, 525, 528, 534, 535, 538, 540–545, 547–549, 551–553, 557, 559–566, 568, 574–580, 583, 584, 586, 587, 589, 591–595, 597, 599–602, 604, 606–609, 611, 612, 614–616, 619, 623–625, 630, 632–635, 637, 641–648, 650–652, 655–657
Богданов А. Ф., 23, 163
Богучарский-Базилевский (Яковлев) В. Я., 259
Боде (в замужестве княгиня Долгорукова) А. Л., 300
Боде (в замужестве Олсуфьева, во втором браке княгиня Вяземская) Е. Л., 300
Боде Л. К., барон, 300
Боде М. Л. (в монашестве Паисия), 300
Бодянский О. М., 49, 64, 235, 236, 454, 580, 598
Божановская А. М., 23, 163
Бойен Ф., 594, 595
Бок Г. Т., 556, 558
Бомарше П., де
Женитьба Фигаро, 139, 235
Боратынская (рожд. Абамелек) А. Д., 341, 342
Боратынская (рожд. Энгельгардт) А. Л. (Н. Л.), 185, 341
Боратынский (Баратынский) Е. А., 87, 164, 185, 240, 242, 341, 622
Молитва (Царь небес, успокой...), 622
Сумерки, 164
Боратынский И. А., 341, 342
Боргезе, итальянский род, 270, 278, 279
Борджиа Ч., 278, 279
Борис Феодорович Годунов, 105, 171, 610
Бормотова (в замужестве Громова) П. К., 244, 245
Борромео Карло, святой католической Церкви, 280, 283
Бортнянский Д. С., 574
Боско Б., 234, 235
Боссюэ Ж. Б., католический епископ, 270, 387, 468, 470, 478
Боткин В. П., 10, 11, 13, 14, 33, 50, 51, 59, 60, 63, 66, 69, 70, 193, 194, 220, 236, 242–244, 260, 265, 289, 297, 332, 343, 344, 518
Боткин М. П., 507
Боткин Н. П., 60, 243, 280, 282, 284, 507
Бочаров С. Г., 660
Брагинский И. С., 509
Брокгауз Ф. А., 391
Бруни Ф. А., 210, 354
Бруннов (Брюнов) Ф. И., граф (с 1871 г.), 552, 553
Бруннова (рожд. фон Брюс) Ш. А., графиня, 552, 553
Брут М. Ю., 272
Брюллов К. П., 51, 109, 116, 117, 210, 377
Брюль Г., фон, 27, 29
Брюсов В. Я., 181
Брянские, 67
Брянчанинов Н. П., 558
Буассере С., 509
Булгаков А. Я., 118, 628, 629
Булгаков К. А., 117, 118
Булгарин Ф. В., 185, 216, 247, 248, 258, 297, 316, 335, 366, 376, 377, 441, 492, 582, 589, 656, 657
Бунин А. И., 643
Бунина М. Г., 643
Буслаев Ф. И., 40, 41, 43
Бутенев А. П., 465, 592
Быков В. И., 83
Быков Н. В., 79, 324
Быков Н. Д., 263
Бычков А. Ф., 344
Бьенэме Л., 270, 271
Бялый Г. А., 660
В. С., корреспондент газеты «Новое время», 81
Вагнер А. Л., 448–450, 460, 485, 518, 519, 530
Вагнер Е. Ф., 130, 131
Вагнер И. М., фон, 238, 239
Вагнер (рожд. Балабина) М. П., 18, 19, 27, 33, 35, 95, 114, 118, 125, 207, 220, 389, 448, 460, 476, 478, 479, 485, 491, 508, 517–519, 528, 530
Вазари Дж., 282
Валентини Д., фон, 20, 21, 80, 93, 146, 176, 266, 268, 273, 283, 285, 308
Валленрод К., фон, 491
Валтасар, царь Вавилона, 637
Валуев Д. А., 103, 107, 344, 360, 396, 397, 400, 447, 448, 576, 585
Вальтер, знакомый Аксаковых, 327
Варвинские, 507
Варвинский И. В., 349, 350, 507, 536
Варенцова Е. М., 295
Василий Великий, св., 446, 470, 471
Васильчикова (рожд. Архарова) А. И., княгиня, 141, 380
Васьков Н. И., 121, 122
Веймарн А. Ф., 144

Великанов И. И., 195
Великопольский И. Е., 51, 87
Венгеров С. А., 11
Веневитинов А. В., 75, 300, 475, 521, 560, 561, 572, 631
Веневитинов М. А., 475, 476, 630, 631
Веневитинова (рожд. графиня Виельгорская) А. М. *См.* Виельгорская (в замужестве Веневитинова) Ап. М., графиня
Вентура да Раулико Дж., кардинал, 502, 503
Вера, св. мученица, 119, 430, 520, 599
Веревкин М. Н., 383
Верещагин Л. Н., 558
Вернадский В. И., 662
Вернер К., 284, 285
Верстовский А. Н., 298, 299, 317
Вершинский Д. С., протоиерей, 470, 471, 639
Вессель И., 14
Вещезорова А. Т.. *См.* Сабинина (рожд. Вещезорова) А. Т.
Взметнев П. А., 502
Вигель Ф. Ф., 29, 590
Виельгорская (в замужестве княгиня Шаховская) Анна М., графиня, 158, 347, 389, 420–422, 424, 425, 427, 428, 430–433, 440, 442, 446, 447, 451, 462, 463, 465, 475, 478, 479, 485–487, 507, 517, 520, 532–534, 538, 540–542, 545, 554, 555, 563, 565, 566, 570–573, 576, 577, 588, 594–596, 598, 600, 601, 610, 630, 631, 635, 640, 651–653, 654
Виельгорская (в замужестве Веневитинова) Ап. М., графиня, 347, 463, 475, 520, 521, 560, 561, 567, 569, 572, 573, 576, 577, 631, 640
Виельгорская (рожд. герцогиня Бирон) Л. К., графиня, 276, 420, 421, 424, 425, 427, 430–433, 440, 442, 446, 447, 451, 452, 462, 463, 465, 467–469, 473, 475–479, 485, 486, 491, 507, 517, 520, 521, 528, 529, 533, 536, 538–542, 545, 549, 553–555, 560, 563, 565–567, 570, 572, 573, 576, 577, 594, 595, 601, 610, 613, 629–631, 635, 640, 652–654
Виельгорские, 463, 500, 505, 536, 539, 549, 552–554, 568, 570, 591, 595
Виельгорский И. М., граф, 34
Виельгорский Матв. Ю., граф, 323, 568, 569
Виельгорский (Виельгорский-Матюшкин) Мих. М., граф, 231, 420, 421, 424, 425, 431–433, 440, 442, 446, 447, 451, 462, 463, 465, 486, 487, 494, 507, 520, 541, 542, 545, 553, 558, 559, 563, 570, 573, 575, 597, 598, 611, 612, 630, 631, 640–643
Виельгорский Мих. Ю., граф, 9, 11, 23, 28, 32, 95, 109, 112, 114, 115, 204, 207, 208, 231, 314, 322, 323, 362, 377, 394, 426, 427, 430, 432, 440, 451, 452, 462, 476, 517, 520, 521, 528, 529, 538–542, 552, 553, 563, 567, 570, 595, 655
Викентий Августопольский (Сарагосский, Валенсийский), диакон, священномученик, 198, 231
Викулин И. А., 501, 502, 525, 526
Викулин С. А., 385, 387, 501, 502, 524–526, 530
Викулины, 531
Викулова В. П., 468, 580, 598, 629
Виллемер М., 508
Вильгельм II, король прусский и германский, 363
Вильямс, художник, 284, 285
Винницкий И. Ю., 660
Виноградов Г. С., 660
Виноградов И. А., 4, 12, 41, 53, 59, 94, 127, 138, 149, 173, 185, 215, 239, 246, 249, 254, 259, 276, 280, 295, 367, 391, 429, 457, 468, 477, 494, 498, 531, 538, 563, 580, 598, 613, 629, 660–662
Виноградская Н. Л., 660
Винцент Д., святой католической Церкви, 278
Вирен В. Н., 49
Висковатов П. А., 240, 242, 282, 284, 427, 430
Висконти Дж. Б. А., 273, 274, 282
Витгенштейн П. Х., граф, с 1834 г. князь, 519
Владимир, св. равноапостольный князь, 21, 68, 542
Владимир (Алявдин), архиепископ Тобольский и Сибирский, 422
Владимир Александрович, великий князь, 558
Владиславлев В. А., 12, 20
Воейков А. Ф., 377
Воейков А-р В., 170
Воейкова (рожд. Протасова) Ал. Анд., 557
Воейкова Е. А., 555, 557
Волков А. А., 94
Волков М., актер, 23, 163
Волконская (рожд. княжна Белосельская-Белозерская) З. А., княгиня, 196, 198, 209, 215, 278
Волконские, князья, 76, 519
Волконский А-р Никитич, князь, сын З. А. Волконской, 344
Волконский Г. П., князь, 44, 76, 95, 109, 118, 119, 258, 262
Волконский Г. С., князь, 76
Волконский П. М., светлейший князь (с 1834 г.), 76, 95, 362
Вольпе Ц. С., 660
Вольф Ф. А., 393, 629
Вордсворт У., 311
Воронцов М. С., граф, с 1845 г. князь, 515, 657
Воронцова М. А., графиня, 462, 478
Воронцов-Дашков И. И., граф, 393
Воронцова-Дашкова (рожд. Нарышкина) А. К., графиня, 568, 569
Воропаев В. А., 14, 138, 531, 660, 661

Именной указатель

Воротников А. К., 209, 210
Востоков (наст. фамилия Останек) А. Х., 550, 576
Вульпиус Х. А.
Ринальдо Ринальдини, знаменитый атаман итальянских разбойников, 392
Вяземский П. А., князь, 28, 59, 95, 109–112, 114, 115, 121, 164, 167, 183, 184, 204, 230, 232, 255, 256, 259, 265, 273, 288, 314, 362, 383, 394, 396, 426, 478, 486, 524, 526, 554, 572, 581, 584, 585, 597, 599, 609, 628, 629, 657, 658
Фон-Визин, 164, 183
Габерцеттель И. И., 647
Гаврилов А. К., 444
Гагарин И. С., князь, 278, 394, 446, 564
Гагарин П. П., князь, 438, 439, 606
Гагарин С. И., князь, 260
Гагарин С. С., князь, 53, 446
Гагарина (рожд. Виленская) И. А., княгиня, 53
Гаевский В. П., 337, 338
Гаевский П. И., 44
Галаган Г. П., 53, 104, 113, 141, 188, 196, 198, 235, 236, 243, 250, 252, 269, 291, 292, 313, 314, 337, 338, 342, 386, 413, 537, 547
Галаган (рожд. Гудович) Е. В., 141, 166, 188, 250, 291, 386
Галаган М. П., 252
Галаган П. Г., 252
Галанин И. Д., 474
Галахов А. Д., 242
Галахов А. П., 529, 530
Галахов И. П., 530
Галахова (рожд. Мятлева) С. П., 529, 530
Гамалея С. И., 206
Гарофало, 278, 279
Гартман, врач в Риме, 197, 202, 290, 291
Гасперович В. Н., 197–199, 231
Гебгардт К. К., 548
Гегель Г. В. Ф., 103, 257, 312, 332, 363, 403
Гедеонов А. М., 188, 189, 211, 212, 246, 247
Гедеонов М. А., 244, 292, 350
Геласины, 507
Георгиевский Г. П., 581
Гербель Н. В., 328
Гервег Г., 518
Герц, домовладелец в Бадене, 383
Герцен (псевдоним Искандер) А. И., 16, 48, 49, 121, 122, 136, 163, 164, 257, 332, 469, 527, 530
Сорока-воровка, 48, 49
Гете И. В., фон, 162, 180, 241, 242, 392, 428, 486, 508, 509, 589, 627
Gingo biloba, 508, 509
Западно-восточный диван, 508, 509
Истина и вымысел (Поэзия и правда, Wahrheit und Dichtung), 241, 242
Страдания юного Вертера, 241, 242
Фауст, 392
Гизо Ф., 270, 470, 472
Гиляровский В. А., 71, 509
Гиппиус В. В., 660
Глазунов Илья Ив., 418
Глинка М. И., 118, 266, 506
Глинка Ф. Н., 15, 29, 404, 405, 495
Гнатюк В. М., 391
Гнедич Н. И., 10–12, 625
Илиада (перевод), 382, 383, 425
Гогенталь (рожд. герцогиня Бирон) Л., графиня, 555 566, 573, 594, 595, 640
Гоголь Анна В., 28, 75, 77–79, 81, 83, 85, 90, 92, 93, 96, 99–102, 106, 107, 119, 123, 124, 129, 130, 147, 149, 152, 181, 207, 221, 222, 307, 318, 333, 346, 347, 408, 410, 455, 460, 475, 477, 502, 503, 509–515, 551, 604, 605, 607, 612, 641, 648
Гоголь (в замужестве Быкова) Е. В., 7, 14, 15, 32, 34, 37, 56, 74–79, 83, 85, 90, 92, 96, 99–102, 106, 119, 120, 123, 124, 129, 130, 147, 149, 152, 167, 203, 207, 221, 222, 279, 307, 315, 318, 333, 343, 345, 346, 347, 349, 408, 410, 455, 460, 475, 477, 509–514, 522, 550, 551, 604, 605, 612, 641, 648
Гоголь (в замужестве Трушковская) М. В., 151, 152, 154, 174, 176, 179, 207, 307, 315, 333, 346, 408, 410, 475, 495, 498, 499, 510, 522, 523
Гоголь Н. В.
50 раз должно ездить... 47
...а на деле выходит так, 113
Авторская исповедь (Повесть моего авторства), 171, 206, 348, 457, 498, 516, 580, 638
Альфред, 105, 108
Аннунциата, 21, 34, 37
Арабески, 52, 70, 71, 186, 203, 213, 243
Богатые, прежде всего помните... 407
Боже, соделай безопасным путь его... 137
Борис Годунов. Поэма Пушкина, 105, 171
В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность, 47, 59, 184, 227, 241, 349, 363, 446, 455, 456, 473, 474, 481, 557, 590
Вечер накануне Ивана Купала, 656
Вечера на хуторе близ Диканьки, 105, 125, 127, 134, 148, 185, 186, 208, 209, 213, 248, 267, 269, 287, 595, 617
Взгляд на состояние Римской империи в последнее время ее существования и на причины, произведшие разрушение ее, 626, 629
Вий, 31, 186, 273, 326

Выбранные места из переписки с друзьями, 4, 10, 11, 13, 47, 59, 94, 111, 113, 115, 122, 132, 158, 167, 170, 179, 181, 184, 212, 214, 220, 227, 235, 241, 242, 258, 259, 279, 296, 311, 326, 337, 347–349, 359, 362, 363, 398, 406, 408, 414, 415, 421, 441, 446, 449, 450, 455, 456, 463, 474, 478, 493, 499, 501, 545, 554, 557, 560, 561, 580, 582, 589, 590, 594, 607, 609, 613, 617, 624, 626, 629, 634, 637–639, 643, 645, 647, 651, 652, 655
Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви, 4, 106, 406, 420–422, 429, 434, 461, 521, 522, 555, 607, 624, 635
Выписки из Кормчей книги, 421, 430
Выписки из Псалтири, 421, 424–426, 574, 611
Выше того не выдумать, что уже есть в Евангелии, 422
Гетьман (Мне нужно видеть полковника), 108
Господи! спаси и помилуй бедных людей, 308
Дела, предстоящие губернатору, 501
Дождь был продолжительный... 108
Драма из эпохи Богдана Хмельницкого, 31, 146, 148, 173
Драматические отрывки и отдельные сцены, 96, 182, 187–189, 203, 211, 224, 225, 244, 496, 499
Дядька в затруднительном положении (литературная обработка перевода комедии Дж. Жиро), 376
Женитьба, 96, 105, 109–112, 182, 187, 193, 203, 204, 208, 209, 211, 224, 225, 234, 237, 239, 244–248, 252–255, 257, 263, 265–267, 287–289, 292–295, 297, 298, 301, 305, 310–312, 317, 321, 332, 341, 344, 350, 370, 388, 390, 399, 409, 410, 412, 437, 439, 447, 500, 532–553, 564, 567, 572, 586, 596, 639
Женихи, 193, 253, 265
Женщина в свете, 347, 463, 499
Завещание (глава из книги), 337
Заколдованное место, 469
Заметка о Мериме, 395
Занимающему важное место, 449, 450, 501, 502, 545, 613, 626
Записка о плане осмотра Рима для А. О. Смирновой (Куда предстоит Александре Осиповне наведываться между делом и бездельем...), 270
Записки сумасшедшего, 186
Записная книжка 1841–1844 гг., 71, 95, 120, 501, 502
Записная книжка 1841–1845 гг., 80, 81, 158, 159, 366, 639
Записная книжка 1841–1846 гг., 158, 296, 406, 407, 502, 531
Записная книжка 1842–1845 гг., 47, 113, 118, 197, 502
Записная книжка 1842–1851 гг., 61, 75, 86, 95, 114, 133, 143, 154, 311, 389
Записная книжка 1846–1850 гг., 636
Записная книжка, потерянная в Альбано весной 1843 г., 340
Записная тетрадь 1832–1834 гг., 105
Записная тетрадь 1833–1836 гг., 105
Записная тетрадь 1834–1835 гг., 105
Записная тетрадь 1835–1836 гг., 105
Записные книги (тетради) (шесть книг), 105
Записочки, выбранные <...> из разных мест, против уныния (для графини С. М. Соллогуб), 462, 577
Зачем же ты не вспомнил обо Мне, что Я на тебя гляжу... 578, 579
Здесь Кочкарев со свахой пикируются острыми словами (помета в рукописи «Женитьбы»), 105
Иван Федорович Шпонька и его тетушка, 656
Игроки, 157, 159, 182, 183, 187–189, 204, 208, 209, 211, 224, 225, 234, 236, 237, 244, 246, 260, 264, 265, 267, 288, 289, 292–295, 297, 298, 301, 305, 311, 317, 321, 327, 328, 332, 352–354, 361, 368, 370, 381, 386, 412, 431, 437, 501, 532, 567, 572, 585, 587
Из книги «Лествица, возводящая на небо» (сборник выписок), 415, 416, 420, 422, 633
Изложение 5–12 Слов книги святителя Иннокентия (Борисова) «О грехе и его последствиях. Беседы на Святую Четыредесятницу». Выписка из статьи И. Д. Галанина в т. 43 «Журнала Министерства Народного Просвещения» за 1844 г., 474
Изложение веры (св. Григория Чудотворца, епископа Неокесарийского) (выписка), 421
Изречения из св. Иоанна Златоуста (выписки), 429
Исторический живописец Иванов, 337
К читателю от сочинителя, 363
Календарь крестьян (Симбирской?) губернии, 454
Калмыки. Волжские в Астрах<анской> губернии (конспект), 344, 516
Книга всякой всячины, или подручная Энциклопедия, 105
Когда бы нас кто-нибудь назвал лицемером... 106
Коляска, 105, 187
Комедии, 134, 188, 209, 212, 213, 225, 244, 262, 267, 286, 295, 298, 325, 499
Кровавый бандурист (Пленник), 139
Лакейская, 182, 187–189, 225, 234, 326, 328
Лекарственный арзамасский травник, 454
Мадонна дей Фьори (Madonna degli fiori), 21
Майская ночь, или Утопленница, 532
Мария как преобразовательница верховная смирения (Преосвященного Владимира <Алявдина>) (выписка), 422
Материалы для «объяснительного словаря» русского языка, 154, 629

Материалы по русскому патриархальному быту, собранные в 1848–1850 гг., 454
Мертвые души, 4, 8–10, 13, 15–18, 22, 23, 27–29, 32, 33, 38, 42–48, 50, 52, 53, 55–59, 61–70, 72–75, 78, 80, 82, 84–93, 95, 99–114, 120–127, 130–143, 145–151, 156–167, 169–176, 178, 180, 182–191, 193–196, 199–203, 205–220, 222–224, 226–228, 230–233, 241, 242, 245–248, 254–260, 263–265, 267, 269, 276, 281, 282, 287, 288, 290, 295, 297–300, 304–308, 310–312, 314–320, 322–332, 334, 335, 344, 348, 349, 351, 353, 356, 358–363, 365, 366, 368, 376, 378, 388, 389, 392, 393, 395, 397–399, 404, 407, 408, 416, 417, 419, 420, 431, 434, 440–442, 448, 450, 455–457, 468, 481, 488, 490, 492–495, 497, 499, 502, 509, 514, 516, 522, 525–527, 529, 542, 554, 555–557, 560, 562, 576, 578–580, 583, 586, 597, 598, 600, 601, 607, 614, 626, 627, 629, 635, 636, 638, 651
Миргород, 27, 70, 125, 127, 134, 172, 186, 208, 209, 213, 256, 267, 269, 287, 384
Моршанская мельница графа Кутайсова... (выписка), 158
Мысли (выписки), 521, 522
Набросок начала безымянной трагедии из английской истории. *См.* Альфред
Надпись К. С. Аксакову на шмуцтитуле первого тома «Мертвых душ». М., 1842, 91, 92
Надпись А. П. Елагиной на экземпляре первого тома «Мертвых душ». М., 1842, 89
Надпись В. А. Жуковскому на отдельном оттиске повести «Рим». М., 1842, 136
Надпись А. В. Никитенко на экземпляре первого тома «Мертвых душ». М., 1842, 109
Надпись князю В. Ф. Одоевскому на отдельном оттиске повести «Рим». М., 1842, 74
Надпись П. И. Раевской на экземпляре первого тома «Мертвых душ». М., 1842, 89
Надпись семье Аксаковых на экземпляре первого тома «Мертвых душ». М., 1842, 92, 147
Напутствие, 178, 179, 421
Народные замечания по явленьям природы в той же губернии, 454
Не эгоист в душе... 47
Невский проспект, 105, 186
Некоторые мысли Георгия, затворника Задонского Богородицкого монастыря (выписки), 433
Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве, 259, 279
Нос, 187, 384, 458
Ночи на вилле, 477
Ночь перед Рождеством, 121
Нужно любить Россию, 421
Нужно проездиться по России, 47, 168, 455, 501, 502, 634
О благодарности, 4, 197, 296, 347, 616
О гневе и безгневии. К А. О. Смирновой, 4, 59, 229, 349, 376, 416, 421, 422, 444, 457, 584, 635
О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году, 184, 403
О добродетелях христианских (Св. Прокла, Архиепископа Константинопольского) (выписка), 421
О Крылове, 47
О лиризме наших поэтов, 113, 242, 258, 296, 473, 474, 590, 652
О любви к ближнему (Преосвященного Михаила <Десницкого>) (выписка), 421, 461
О науке, 626
О Нижегородской ярмарке (выписка), 158
О Пермской губернии (выписка), 158
О помощи бедным, 647, 655
О преподавании всеобщей истории, 635
О Русской Церкви <Иоанна Яхонтова> (выписка), 406, 422
О Современнике, 590
О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности, 47, 212, 235, 607
О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии, 4, 421, 444 461, 462
О том же (Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве), 259, 414
О том, что такое слово, 594, 624
О Щепкине, 47
Об Одиссее, переводимой Жуковским, 258, 556, 629
Об утратах (Из Златоуста) (выписка), 421, 624
Одухотворение (Из Св. Григория Нисского) (выписка), 430
Откупа, 501, 502
Отрывки из неизвестной драмы (...[иногда чувствуешь] понятно это ужасное чувство), 105, 108
Отрывок, 182, 183, 187–189, 209, 224, 225, 326, 344
Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору, 30, 187
Петербургская сцена в 1835–36 г., 137, 178, 179
Печатать на моей бумаге... (надпись на цензурной рукописи первого тома «Мертвых душ»), 64
Письмо Георгия Затворника Задонского (выписка), 421
Письмо по поводу «Мертвых душ» (В письме твоем, добрая душа, много участия), 601
Повести, 134, 208, 209, 213, 262, 267, 286, 321
Повесть о капитане Копейкине, 32, 44, 46, 55, 62, 64–67, 71, 72, 74, 76, 77, 82, 84, 187, 326, 327, 344, 345
Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, 123, 152–154, 186, 455–457, 500

Портрет, 29, 31, 52, 105, 113, 119, 143, 170–172, 187, 203, 210, 285, 287, 292, 328, 331, 366, 583
Последний день Помпеи, 117, 243
Похождения Чичикова, или Мертвые души, 27, 29, 38, 44–46, 84, 96, 103, 126, 139, 142, 143, 145, 147–151, 159, 162, 164, 166, 174–176, 183–186, 188, 193, 199, 202, 209, 213, 216, 219, 220, 232, 233, 242, 267, 295, 299, 311, 312, 334, 358, 366, 399, 498, 499
Почему ж никто не является подвижником правды... 409, 580
Правило жития в мире, 4, 421, 462, 463, 570, 629
Предисловие (к «Выбранным местам из переписки с друзьями»), 617
Предметы для лирического поэта в нынешнее время, 179, 258, 421, 473, 474, 580, 609, 631, 637, 639, 643
Приказ главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями графа П. А. Клейнмихеля от 14 сентября 1842 г. (список), 449
Прориси на лист прозрачной кальки древних икон – иллюстраций из книги А. Дидрона «Iconographie chrétienne» (Париж, 1843), 537
Пророчества о Христе (из послания св. Афанасия Александрийского к князю Антиоху) (выписка), 106, 607
Просвещение, 406, 645
Путешествие Александры Осиповны, 270–276, 278–280, 284
Развязка Ревизора, 295, 580
Размышления о Божественной Литургии, 4, 179, 228, 249, 296, 421, 422, 542, 652
Разные дела по части Гоголя, 459, 521
Разные изречения из Иоанна Златоуста (выписки), 635
Ревизор, 7–9, 17, 18, 22, 23, 26, 30, 31, 38, 48, 49, 70, 105, 113, 117, 120–122, 135, 138–140, 143, 157, 163, 167, 173, 182, 187, 190, 204–206, 225, 228, 235, 239, 244, 247, 248, 256, 258, 259, 265, 267, 293, 295, 311, 317, 326, 329, 342, 344, 350, 374, 384, 388, 399, 413, 434, 437, 438, 447, 450, 498, 499, 507, 523, 548, 561, 566, 572, 573, 586, 596, 600, 621
Рецензия для «Москвитянина». Утренняя заря, 12, 20, 70
Рим, 19–22, 24, 25, 28, 33, 34, 36–41, 43, 46–53, 56, 57, 59–63, 65, 70, 71, 74, 80, 136, 138, 158, 159, 168, 174, 187, 281, 398, 399, 468
Рисунок обложки первого тома «Мертвых душ», 64, 86, 87, 95
Рождение Господа Исуса Христа от Девы (Св. Феодота, Епископа Анкирского) (выписка), 421
Россия под игом татар, 123, 124
Рудокопов (Я знал одного чрезвычайно замечательного человека), 108
Русский помещик, 613
Сведения о Лыскове, 501
Светлое Воскресенье, 13, 158, 421, 456, 638, 651
Сельский суд и расправа, 441
Собственные результаты о славянах, 349
Советы, 415, 638
Сорочинская ярмарка, 656
Соч. и письма Н. В. Гоголя. В 6 т. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857, 108
Сочинения Ломоносова и Державина (сборник), 421, 422
Сочинения Николая Гоголя. В 4 т. СПб., 1842, 27, 31, 57, 58, 82, 95, 106, 109, 127, 130–134, 144, 172, 182, 183, 186, 188, 191, 193, 196, 203, 204, 206, 208, 209, 211–213, 216, 218, 223–225, 227, 256, 257, 259, 262, 263, 267, 269, 276, 286, 287, 289, 295, 297–301, 305–307, 311, 315, 318–320, 322, 324, 325, 327–331, 333–336, 344, 355, 356, 358, 362, 363, 365, 366, 397, 400, 403, 404, 407–409, 411, 412, 416, 419, 432, 440, 458, 494, 495, 498, 499, 566, 603, 604, 608, 615–619, 628, 629, 642, 651, 656–658
Старосветские помещики, 27, 53, 67, 70, 71, 121, 154, 186, 199, 326, 327
Статьи печатные и письменные о «Выбранных местах из переписки с друзьями» и «Мертвых душах», собранные Гоголем, 366
Статья для журнала «Соврменник» (замысел), 28, 29, 52
Страхи и ужасы России, 421
Страшная месть, 267, 399, 638
Страшная рука. Повесть из книги под названием «Лунный свет в разбитом окошке чердака на Васильевском острове в 16 й линии», 108
Сцены из светской жизни, 182, 183
Тарас Бульба, 27, 30, 31, 33, 70, 104, 105, 108, 121, 137, 157, 179, 184, 186, 192, 199, 203, 223, 240, 258, 259, 263, 298–300, 322, 324, 326–328, 344, 345, 384, 390, 391, 395, 408, 425, 426, 498, 499, 577, 597, 635, 660
Театральный разъезд после представления новой комедии, 137, 157, 159, 168, 178, 182, 187, 204–206, 209, 221, 224, 225, 236, 257, 288, 289, 295, 298, 311, 315, 317, 325–328, 379, 380, 460
Тетрадь выписок из Св. Отцов, 425
Травник симбирский, 454
Труд, 580
Тяжба, 182, 187–189, 225, 230, 234, 236, 326, 328, 469, 569, 570
«Увещательные главы» диакона Агапита св. правоверному царю Юстиниану в итальянском переводе Н. В. Гоголя, 4, 197, 296

Утро делового человека, 182, 187, 188, 189, 225, 234, 326, 384
Учебная книга словесности для русского юношества, 396, 446, 500, 557, 620, 626
Фонарь умирал... 108
Характер, 47
Христианин идет вперед, 311
Хуже всего то, что будешь судить самого себя... 409
Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России, 560, 561
Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ», 214, 241, 362
Чтения русских поэтов перед публикою, 326, 359
Что такое губернаторша, 179, 214, 634
Шинель, 92, 109, 112, 115, 120, 154, 178, 187, 209, 217, 257, 297, 298, 311, 326, 327, 344, 376, 381, 613
Я давно уже ничего не рассказывал вам... 108
Гоголь Н. В. Приписываемое
Горько, о как горько мне было 20 мая... 500
Записки русского генерала в Риме (Дневник русского генерала, веденный в Италии), 542, 562, 563, 583
Гоголь (в замужестве Головня) О. В., 78, 79, 81, 129, 130, 152, 202, 207, 221, 222, 296, 307, 315, 333, 346, 408, 410, 421, 429, 451, 475, 509-515, 551, 571, 604-606, 612, 641, 648, 651
Гоголь-Яновская (рожд. Косяровская) М. И., 54, 75, 77-80, 83, 85, 90, 92, 93, 96, 99-102, 106, 119, 123, 124, 129, 130, 137, 147, 149, 151, 152, 154, 174, 176-179, 202, 203, 207, 210, 221, 222, 227, 300, 303, 307, 315, 317, 318, 320, 326, 328, 329, 333, 344, 346, 349, 356, 359, 376, 404, 408, 410, 417, 421, 451, 461, 475, 495, 499, 503, 509, 512-516, 522, 523, 535, 547, 551, 604, 608, 612, 615, 641, 648, 658
Гоголь-Яновский В. А., 123, 203
Голер, церемониймейстер великого герцога Баденского, 383
Голицын Ал. Ал., князь, 393
Голицын А. Н., князь, 439, 642
Голицын В. С., князь, 509
Голицын Д. В., князь, 15, 24, 29, 30, 33, 34, 36-38, 40, 41, 205, 255, 302, 310, 311, 504, 530, 531
Голицын М. А., князь, 110, 111
Голицына А. В., княжна, 509
Голицына (рожд. графиня Кутайсова) А. П., княгиня, 393
Голицына (рожд. Матюнина) П. Н., княгиня, 509
Голицыны, князья, 519
Головин Н. А., 29
Головинский Г. П., 390
Головинский И. П., католический епископ, 390
Головня В. Я., 129
Голохвастов Д. П., 84
Голушков Н. А., 92
Гомер, 12, 103, 104, 147, 183, 184, 187, 199, 215, 248, 312, 369, 391, 403, 408, 412, 417, 419, 431, 453, 499, 508, 529, 530, 536, 540, 547, 555, 557, 562, 600, 603, 621, 628, 629
Илиада, 11, 104, 163, 183, 341, 382, 383, 425, 499, 556
Одиссея, 258, 324, 369, 384, 395, 403, 408, 412, 417, 419 431, 453, 508, 529, 530, 536, 540, 547, 555-557, 562 589, 600, 603, 621, 628, 629, 631, 639, 643, 652
Гомозкова М. С., 295
Гордин А. М., 64, 245
Горленко В. П., 83, 263
Горова (рожд. Щитинская) Н., 79, 81
Городецкий Б. П., 40, 56, 161, 163, 165, 206-208, 220 222, 227, 228, 230, 246, 329, 356, 363, 368, 373, 379, 382, 388, 398, 402, 403, 408, 411, 416, 433, 443, 453, 457, 468, 473, 478, 485, 494, 513, 516, 530, 545, 562, 565, 588, 609, 624, 635, 660, 661
Горчаков А. М., князь, 385, 393
Горчакова Е. П., княжна, 29, 30, 99, 100
Горчаковы, знакомые Аксаковых, 29
Горшковы, актеры, братья, 48
Горький М. (Пешков А. М.), 259
Гофман М. Л., 229, 230
Грабовский М. А., 390, 391
Грановская (рожд. Мюльгаузен) Е. Б., 527
Грановский Т. Н., 77, 78, 81, 103, 175, 260, 492, 527, 562, 563
Грациановский М. В., 498
Гребенка (Гребенкин) Е. П., 128
Грена, гувернер А. В. Перовского, 480, 481, 568
Греч Н. И., 38, 142, 208, 209, 233, 316, 376, 377, 441, 588
Грибоедов А. С., 70, 252, 295
Горе от ума, 206, 252, 258, 259, 295, 410, 572
Григорий XVI, римский папа, 196, 228, 271, 272, 274, 281, 325
Григорий Богослов (Григорий Назианзин), свт., 421 446, 453, 572
Григорий Нисский, св., 426, 430
Григорович Д. В., 518
Григорьев А. А., 112, 115
Гоголь и его последняя книга, 115
Григорьев В. В., 77, 78, 81
Григорьев П. Г., 244, 245
Григорьев П. И., 49, 189, 244, 245, 655
Герои преферанса, или Душа общества, 655
Комедия с дядюшкой, 48, 49

Похождения Павла Ивановича Чичикова (сцены в 3 картинах, составленные из второго тома «Мертвых душ»), 189
Григорьев Ф. В., 89
Гримм А. Ф., 591, 592
Гринвальд Р. Е., 393
Гриц Т. С., 81, 136, 138, 163, 190, 194, 230, 289, 295, 299, 301, 305, 312, 342, 370, 374, 380, 381, 386, 390, 399, 410, 437, 438, 447, 500, 501, 507, 532, 562, 564, 566, 567, 570, 573, 585–587, 600, 639, 661
Грот Я. К., 8, 17, 18, 23, 32, 62, 63, 76, 120, 192, 199, 213, 217, 223, 231, 240, 300, 305, 324, 335, 336, 411, 412, 460, 485, 550, 569, 571, 572, 577, 588, 641, 656
Грузинский Г. А., князь, 502
Грушкин А. И., 660
Гугерт, врач в Бадене, 486, 517
Гугорт, баденский врач, 378, 379
Гудович Анна Анд., графиня. *См.* Трубецкая (рожд. графиня Гудович) Анна Анд., княгиня
Гуревич П. Ю., 660
Гурьев Д. А., граф, 384
Гурьев Н. Д., граф, 383, 384
Гусева Е. И., 244, 245
Гусева Е. Н., 21, 53, 261
Гюго В., 328
Гюндероде, 369
Давид, св. пророк, 427, 430, 445, 537, 574, 633, 644, 645
Давыдов Д. В., 473
Даль В. И., 63, 258, 259, 498
Вакх Сидорович Чайкин, 258, 259
Даниил, св. пророк, 501, 607, 638
Данилевская А. С., 81
Данилевская В. С., 81
Данилевская (рожд. Похвиснева) У. Г., 598, 599, 608, 612, 613
Данилевский А. С., 8, 63, 76, 80, 81, 89, 133, 137, 144, 151–154, 174, 176, 178, 204, 255, 256, 283, 287, 300, 302, 304, 310, 327, 334, 335, 342, 348, 356, 371, 374, 377, 410, 412, 435, 436, 460, 479, 480, 527, 536, 543, 598, 599, 608, 612
Данилевский Г. П., 262, 310, 598, 599
Данилевский, полковник в Белгороде, дядя А. С. Данилевского, 81
Данилов С. С., 190
Данилова Л. С., 661
Данте А., 40, 163, 187
Дантес (Дантез) Ж. Ш. (барон Геккерн), 394
Дашкевич Н. П., 390, 391
Дашков А. В., 144
Дашков А. Д., 269, 568, 569
Дашков Д. В., 269, 569
Дашков Д. Д., 269, 568, 569
Дашкова (в замужестве графиня Ржевуская) А. Д., 269, 568, 569
Дашкова (рожд. Пашкова) Е. В., 269, 569
Делицын П. С., протоиерей, 446
Дельвиг А. А., барон, 223
Дементьев А. Г., 660
Демидов А. Н., князь Сан-Донато (с 1840 г.), 255, 256, 300, 303, 304
Демидов Н. П., 583
Демидов П. Н., 304, 550
Демидова (рожд. Шерваль) А. К., 304
Демидова (рожд. принцесса Бонапарт) М., княгиня Сан-Донато, 304
Денель, знакомый Г. М. Толстого в Мангейме, 518
Державин Г. Р., 59, 208, 421, 422, 455, 456, 639
Памятник, 639
Тоска души, 422
Дерюгина Л. В., 660
Дженеев В. С., 450
Джулиани Р., 119, 285
Дидрон А., 537
Димитрий Ростовский, св., 406, 438, 439, 521
Диодор Сицилийский, 237, 238
Диринг (Деринг) И. Я., 95
Дирхольц, домовладелица в Бадене, 380
Дмитревский И. И., 179, 180
Дмитриев (Федосеев) М. К., 285
Дмитриев М. А., 15, 17, 25, 26, 29, 33, 36, 37, 103, 144, 187, 590, 639
Песнь Правде, 37
Дмитриева Е. Е., 660
Доватур А. И., 443
Долгополов Ф. И., 133, 134
Долгорукий И. А., князь, 383
Долгоруков Н. В., князь, 393
Долгоруков П. В., князь, 393, 394
Доменикино, 278–280, 283
Домогацкий Ф. В., 598
Дондуков-Корсаков М. А., князь, 9, 27, 32, 39, 43–45, 76
Дон-Жуан, 627
Дорбо (Dorvault) Ф., 600
Дориа, генуэзский род, 272, 280, 283
Дорофей Палестинский, Газский, авва, св., 531
Достоевский Ф. М., 220, 518, 617
Дубельт Л. В., 111, 350, 377
Дудышкин С. С., 242

Именной указатель

Дунаев А. Г., 498
Дурасов Ф. А., 144
Дурново (рожд. княжна Волконская) А. П., 525, 526
Дурылин С. Н., 660
Дюма (Dumas) А. (Дюма-отец), 60
Дютуа-Мембрини Ж. Ф., 439
Евгения Мария де Монтихо, французская императрица, 371
Евпраксия (Россет Н. А.), игумения, 637
Ездра, пророк, 456
Ейндродт, знакомая Н. М. Языкова, 531, 532, 546, 585
Екатерина I, Императрица, 526
Екатерина II, Императрица, 153, 184, 314, 598
Екатерина Павловна, королева Виртембергская, дочь Императора Павла I, 384, 440, 499, 500
Екатерина, св. великомученица, 549
Елагин Ал. Анд., 81, 332, 614
Елагин Анд. Ал., 77, 78, 81, 614
Елагин В. А., 77, 78, 81, 363, 364, 614
Елагин Н. А., 77, 78, 81, 614
Елагина (рожд. Юшкова, в первом браке Киреевская) А. П., 14, 16, 18, 32, 33, 56, 75, 77, 79, 81, 89, 166, 171, 198, 199, 253, 257, 332, 355, 363, 364, 381, 382, 388, 406, 407, 411, 529, 609, 610, 614, 622, 628, 629, 643, 644
Елагина Е. А., 332
Елагины, 363
Елена, св. равноапостольная царица, 91, 93, 558
Елена Павловна, великая княгиня, жена великого князя Михаила Павловича, 383, 575
Елисавета Михайловна, великая княгиня, принцесса Нассауская, 555, 557
Ельницкая Т. М., 7, 23, 163, 189–191, 194, 195, 200, 220, 239, 267, 294, 299, 301, 305, 310, 312, 351–353, 355, 368, 381, 388, 390, 399, 410, 413, 431, 434, 437, 438, 440, 447, 500, 501, 507, 509, 523, 532, 553, 570, 572, 600, 639, 661
Ермакова М. Я., 104, 108
Ермилов (Ермолов) А. А., 190
Ермилов (Ермолов) П. А., 190
Ермолов А. П., 657
Ермолов Д. Н., 558
Ермолов Н. А., 292
Есфирь (Эсфирь), св. праведная, 537
Ефебовский П. В., 298, 299
Гувернантка, 246, 298, 299, 327
Ефрем Сирин, св., 227, 228, 313, 427, 446, 474, 531, 575, 633
Жан Поль (Рихтер И. П. Ф.), 459, 524, 646, 652
Жанна (Иоанна) д'Арк, Орлеанская дева, святая католической Церкви, 146
Жданов В. А., 660
Жеребцова (рожд. Толстая) П. Н., 366, 367
Жернаков В. Ф., 132, 134, 135, 144, 287, 325, 330, 400, 408, 416, 458
Жернаков К., 459
Жером Бонапарт, 304
Живокини В. И., 48, 49, 190, 225, 235, 236, 292, 294, 295, 317, 388, 447
Живокини Д. В., 23, 163
Жиро Дж., граф
Дядька в затруднительном положении, 376
Житомирская С. В., 230, 628
Жокур Л., де, 491
Жуков В. Г., 195
Жуковская (в замужестве баронесса Верман) А. В., 217, 239, 337, 338, 600
Жуковская (рожд. баронесса Рейтерн) Е. Е. (Е. А.), 82, 138, 239, 337, 345, 369, 373, 378, 387, 412, 470, 481, 491, 507, 524–526, 556, 568, 600, 611, 612, 630, 634, 636, 640, 653
Жуковские, 525, 570
Жуковский В. А., 4, 9, 18, 27, 31, 82, 85, 114, 116, 129, 130, 133, 136–138, 141, 160, 166, 172, 173, 192, 207, 217, 230, 231, 238, 239, 258, 268, 275, 278, 279, 307, 313, 319, 323, 324, 334–336, 338, 343, 345, 348, 351, 354–358, 360, 362, 369, 370, 372, 373, 376–380, 382–385, 387–390, 392–397, 400–404, 406–408, 412, 416–419, 430–432, 434, 435, 440–442, 445, 447, 448, 453–456, 459, 465, 467, 468, 470, 472–474, 476–478, 480, 481, 483, 484, 486, 489, 491, 492, 498, 500–505, 507–509, 512, 516, 517, 520, 521, 524–526, 529–531, 533, 535, 536, 538–550, 553–558, 562–566, 568–572, 574–576, 579–582, 584–587, 589–593, 600, 602–604, 609–612, 616, 619–624, 628–631, 634, 636, 638–640, 642, 643, 645–647, 649, 652–655, 658
В Сардамском домике, 541, 542
Две повести. Подарок на Новый год Москвитянину, 370, 408, 620, 623, 628, 629, 638, 643
Египетская тма, 408
Капитан Бопп, 369, 370, 403
Кот в сапогах, 555
Маттео Фальконе, 369, 370, 403, 407, 408
На кончину ее величества королевы Виртембергской, 500
Наль и Дамаянти (перевод), 412, 453, 486, 603, 604
Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа (перевод), 555

Одиссея (перевод), 324, 369, 384, 395, 403, 408, 412, 417, 419, 431, 453, 508, 529, 530, 536, 540, 547, 555–557, 562, 589, 600, 603, 621, 628, 629, 631, 639, 643, 652
Отрывки из письма В. А. Жуковского, 629
Сказка о Иване Царевиче и сером волке, 370, 631, 639
Тюльпанное дерево, 555
Ундина, 192, 453
Жуковский П. В., 654
Забела (Забило) В. Н., 527
Заблоцкий М., протоиерей, 550
Заблоцкий-Десятовский А. П., 109, 120
Заборова Р. Б., 660
Завьялов Ф. С., 354, 355
Загоскин М. Н., 15, 29, 77, 78, 80, 258, 264, 293, 295, 590
Загряжская С. И. *См.* Ксавье (рожд. Загряжская) С. И., де
Заикин П. Ф., 185
Зайденшнур Э. Е., 660
Зайцева И. А., 660
Зайцевский Е. П., 280
Залесский Б., 391
Зальцведель П., 508, 509
Замятнин, соученик В. В. Стасова, 185
Захария Серповидец, св. пророк, 607
Зедергольм (рожд. Погодина) А. М., 43, 77, 602, 604, 639
Зейдлиц К. К., 556, 558
Зеленецкий К. П., 287
Зеленин Н. П., 23, 163
Зелинский К. М., 548, 552, 567
Зензинов М. А., 288
Зеньков (Зенков) П. Ф., 419, 432, 582
Зерфуниус, секретарь пастора Пильпентафеля, 528, 530
Златопольская Л. П., 23, 163
Зон К. Ф., 192, 395, 491, 541
Зотов В. Р., 377
Зотов Р. М., 245, 246, 252
Зубова (рожд. Оболенская) Е. А., графиня, 260
Зубова (рожд. Суворова) Н. А., графиня, 260
Иаков, св. праотец, 36
Иаков, брат Господень, св. апостол, 549, 550
Иаков Зеведеев, св. апостол, 146
Иван Осипович, муж сестры А. С. Данилевского, 256
Иваненко Г. А., 527
Иванов А., книгоиздатель и книготорговец в Петербурге, 656, 657
Иванов Анд. И., 254, 261, 268, 276, 277, 364, 365, 507
Иванов Ант. Анд., 532
Иванов А-р Анд., 20, 21, 34, 49, 53, 54, 68, 82, 85, 96, 118, 119, 129–131, 141, 147, 149, 160, 165, 166, 176, 182, 188, 194, 196, 198, 200, 230, 235–239, 243, 248, 250–252, 254, 261, 266–268, 272–274, 276–280, 285, 286, 290, 291, 309, 316, 322, 329, 330, 334, 335, 337, 342–344, 353–355, 362, 364–368, 373, 378, 379, 385, 386, 397, 401, 405, 406, 411, 419, 425, 426, 430, 432, 435, 437, 438, 440, 443, 464, 489, 506, 507, 523, 536–538, 547, 562, 581, 582, 584, 592, 595, 602, 647, 661
Иванов Д. П., 16
Иванов Н. А., 335
Иванов С. А., 343, 344, 364, 437, 506, 507, 537, 562
Иванова Е. И., 268, 276, 277, 291, 316
Иванова, московская домовладелица, 174, 175
Ивашев В. П., 519, 520
Ивашев П. Н., 519
Ивашева (рожд. Толстая) В. А., 519
Ивашева Д. Н. *См.* Родионова (рожд. Ивашева) Д. Н.
Ивашева Е. П. *См.* Языкова (рожд. Ивашева) Ел. П.
Ивашева Х. Н. *См.* Лихарева (рожд. Ивашева) Х. Н.
Игнатий (Брянчанинов), свт., 308, 657
Иезекаиль, св. пророк, 607
Измайлов А. Е., 415, 416
Яшка повар, 415, 416
Иисус Христос, Бог, Бог-Сын, Сын Божий, Господь, Спаситель, Спас, Искупитель, Мессия, 7, 12, 17, 20–22, 25, 26, 29, 36, 50, 54, 61, 76, 79, 82, 83, 86, 89, 93–95, 98, 105–109, 111–114, 116, 120, 122–125, 127, 128, 137, 138, 147, 149, 155, 158–160, 165–169, 171, 172, 177–179, 181, 184, 185, 187, 189–191, 198, 203, 209–211, 219, 220, 222, 226, 227, 236–240, 249, 252–254, 257, 260, 262, 264, 267, 271, 273–276, 278, 279, 281, 283, 285, 287, 289, 291, 295, 296, 301, 308, 311, 312, 314–316, 323, 324, 329, 332, 333, 336, 339, 343, 347, 349, 350, 363–365, 368, 375, 383, 391, 395, 397, 398, 406, 407, 420–423, 425, 429, 430, 433, 434, 436, 438, 439, 441–446, 448, 449, 453, 454, 456–458, 461, 464, 465, 468–472, 475–480, 483–485, 487–491, 494, 495, 497, 499, 500, 502, 514, 516, 519–523, 525, 528, 530, 535–537, 542, 545, 547–549, 551, 552, 561–563, 565, 566, 568, 577, 579–585, 587, 591, 592, 594, 595, 602, 604, 606–608, 610, 612, 613, 615, 617, 618, 622–624, 629, 631–636, 638, 640–643, 645–648, 650–655, 657, 661
Иисус, сын Сирахов, 607
Иннокентий (Борисов), епископ Харьковский (с 1841 г., с 1845 г. архиепископ), с 1848 г. архиепископ Херсонский и Таврический, св., 24–26, 28, 29, 93, 227, 336, 473, 474, 496, 565, 593
Иноземцев Ф. И., 336, 349, 414, 504

Иоанн Богослов, св. апостол и евангелист, 106, 112, 146, 278, 546, 579, 600, 608, 636, 652, 655
Иоанн Златоуст, св., 146, 149, 179, 421, 428, 473, 474, 624, 635
Иоанн Креститель, 86, 146, 266, 270, 271, 275, 279, 285, 645, 647
Иоанн Лествичник, св., 154, 349, 415, 422, 633
Иоанна II, королева Неаполитанская, 283
Иов Многострадальный, св. праведный, 427, 445, 537, 607
Иоиль, св. пророк, 607
Иордан Ф. И., 53, 196, 197, 199, 235–237, 243, 252, 262, 290, 291, 323, 324, 337, 350, 353, 583
Иосиф Обручник, св. праведный, 36
Иринарх (Попов), архиепископ Рязанский и Зарайский, 550
Исаакий Далматский, преподобный, 354, 364, 366, 367, 435, 437
Исаия, св. пророк, 607
Исандр, 491
Истриа Д. (Duchesse d'Istrie), герцогиня, 426
Иуда Искариот, 434
Кавалерова (рожд. Воробьева) Е. М., 292, 294
Каен С. (Cahen S.), 279, 280, 537
Кайзер, гувернантка детей А. О. Смирновой, 112
Калайдович Е., 120
Калайдович И. Ф., 175, 176
Калайдович К. Ф., 176
Калайдович Н. К., 161, 248, 249
Калинин, московский актер, 23, 163
Камилла, знакомая Е. В. Гоголь, 120
Каналетто, 35, 36
Кангер И. Х., 144
Канина Л., 237, 282, 283
Канту Ч., 270, 498, 499
Каплан Л. Р., 16, 68, 149, 176, 194, 200, 201, 224, 248, 273, 275, 367, 438, 459, 492
Капнист А. В., 480
Капнист Вас. В., 152, 153
Ябеда, 259
Карамзин Анд. Н., 110, 111, 245, 309, 337, 636
Карамзин В. Н., 110, 111, 541, 542
Карамзин Н. М., 245, 261, 309, 348, 393, 542, 639
История государства Российского, 184
Карамзина (рожд. Колыванова, побочная дочь князя Анд. Ив. Вяземского) Е. А., 481, 636, 637
Карамзина Е. Н. *См.* Мещерская (рожд. Карамзина) Е. Н., княгиня
Карамзина С. Н., 309, 393
Карамзины, 337, 394, 568, 622, 633
Каратыгин П. А., 116, 655
Булочная, или Петербургский немец, 655
Карл, шведский скульптор, 197
Карлгоф В. И., 128, 377
Карнеев (Корнеев) З. Я., 439
Карнеев Е. В., 439
Карниолин-Пинский М. М., 144
Карпов Г. Ф., 390, 391
Карташевская М. Г., 25, 29, 33, 37, 56, 76, 77, 83, 90, 91, 99, 100, 104, 119, 123, 124, 127, 134–136, 139, 140, 142, 145, 146, 148–150, 159, 167, 168, 170, 175, 180, 187, 193, 200, 203, 210, 216, 217, 223, 224, 231, 242, 253–256, 265, 267, 288, 289, 293, 297, 316, 327, 336, 352, 360, 368, 371, 373, 385, 390, 391, 411, 432, 447, 481, 491, 606
Карташевская (в замужестве Маркевич) Н. Г., 135
Карташевская (рожд. Аксакова) Н. Т., 193
Карташевская (Кардашевская), родственница Карташевских, 451
Карташевские, 109, 127, 146
Карташевский Н. Г., 123, 124, 368, 373, 374, 385
Карташевский Я. Г., 90
Карташов В. С., 508, 509, 600
Карус К. Г., 531
Катков М. Н., 7, 185, 312
Катон Цензор (Катон Старший), 10
Кахов И. С., 625
Кахов С. Е., 625
Кахова (рожд. Лорер) Ел. И., 625
Каченовский М. Т., 646
Кашина Т. П., 23, 163
Каширина В. В., 637
Квитка-Основьяненко Г. Ф., 38
Кетчер Н. Х., 13, 48, 103, 175, 469
Кехли А., 518
Киль Л. И., 592, 595
Кине Г. Д., 61, 182
Киреева А. В., 640, 653, 654
Киреевская (рожд. графиня Толстая), 92
Киреевская Е. И., 382
Киреевская М. В., 37, 53, 54, 253, 332, 614
Киреевские, родственники И. В., П. В. и М. В. Киреевских, 92
Киреевский И. В., 33, 53, 54, 77, 78, 81, 92, 104, 107, 199, 253, 332, 364, 382, 535, 562, 563, 585, 599, 603, 614, 620–622, 627, 628, 638, 639, 643, 644
Киреевский П. В., 53, 54, 77, 78, 81, 199, 253, 332, 364, 382, 406, 562, 563, 614, 621
Кирилл, учитель Словенский, св. равноапостольный, 386, 537
Кирпичников А. И., 114, 558
Киселев Н. Д., 340, 426, 470, 471

Клаве П., 197
Клейнмихель Евд. (Дука) А., 337
Клейнмихель П. А., граф (с 1839 г.), 246, 299, 337, 449, 450
Клеман М. К., 660
Клементьев А. И., 179
Клецкая И. А., 661
Климент, папа римский, священномученик, 277
Клинчин А. П., 136, 138, 437, 661
Княжевич Д. М., 72, 73, 187, 379–381, 390, 606, 628
Княжевич М. Д., 72, 380, 381, 390
Кобургский герцог. *См.* Саксен-Кобургский герцог Эрнест I
Ковалев Е. П., 180
Ковалевский П. М., 343
Козьмин Б. П., 410
Кок П., де, 233, 248
Коллар Я., 304
Колонна Марк Антонио, 280, 283
Колонна, итальянский род, 275, 276, 280, 283
Колтуновский И. Я., 180
Колумб Х., 240
Кольчугин И. Г., 80
Коляда А., протоиерей, 542
Комаров А. А., 109, 114, 208
Комаров А. И., 660
Комаров Н. И., 261, 262
Комарова (рожд. Микулина) М. П., 261, 262
Комарова (рожд. Охотникова) С. А., 262
Комарович В. Л., 660
Комаровская (рожд. Галаган) М. П., графиня, 166
Комаровский Е. Ф., граф, 166
Комаровский П. Е., граф, 141, 166
Комовский В. Д., 142, 196, 202, 276
Кони Ф. А., 589
Константин Великий, св. равноапостольный, 91, 93, 558
Константин Николаевич, великий князь, 48
Константинов К. И., 491
Константиновский М. А., протоиерей (с 1838 г.), 296, 348, 502, 503
Копп И. Г., 64, 198, 290, 369, 446, 474, 481, 505, 516, 653
Копылова В., 501
Копылова, актриса, 244
Кора (?), писатель, 657
Корнеев В. Е., 94
Коровские, 507
Королева Н. В., 661
Коростин А. Ф., 263
Корреджо А., 278, 279, 367
Корроди С., 284, 285
Корсаков П. А., 14, 44, 95, 109
Корф М. А., барон, с 1872 г. – граф, 115
Корш Е. Ф., 562, 563
Костомаров Н. И., 390, 391
Косяровская (в девичестве Шостак) М. И., 515, 516
Косяровский И. М., 515, 516
Косяровский Павел П., 120
Котельников И. В., 47–49
Котляревский А-р Александрович, 335
Котляревский И. П., 569
Виргилиева Энеида, на малороссийский язык переложенная, 384
Москаль чаривник, 569
Котошихин Г. К., 157, 158
Кочетовский, московский актер, 23, 163
Кочубей В. П., граф, с 1831 г. князь, 48
Кошелев А. И., 30, 187
Кошелев В. А., 148, 176, 215, 217, 224, 359, 360
Кошелева (рожд. Петрово-Солоново) О. Ф., 29, 30, 187
Краевская А. Я., 67, 71
Краевский А. А., 51, 60, 67, 71, 95, 109, 113, 175, 209, 240, 242, 289, 319, 324, 521, 589
Крейц К. А., граф (с 1839 г.), 65
Крейц, брат графа К. А. Крейца, 65
Крестова Л. В., 230, 531, 660
Кривцов П. И., 14, 21, 54, 68, 141, 166, 194, 354, 355, 364–367, 406, 592
Кромек Т., 284, 285
Крупп А., 371
Крылов А. Л., 44
Крылов И. А., 47, 115, 377, 378, 589, 600, 603, 619
Стрекоза и Муравей, 378
Крылов Н. И., 7, 15, 22, 33, 35, 46, 56, 63, 84, 103, 145, 148, 150, 162, 175, 186, 188
Крюденер В. Ю., баронесса, 112
Ксавье (рожд. Загряжская) С. И., де, 471
Куделина В. Н., 295
Кудричевский В. О., 212
Кудрявцев П. Н., 610
Кузина Л. Н., 598
Кузьмин Н. Н., 198, 199
Кукольник Н. В., 32, 128, 377
Иван Иванович Иванов, или Все заодно, 32
Куликов (псевдоним Н. Крестовский) Н. И., 188, 190, 191, 193–195, 200, 220, 246, 509
Кулиш П. А., 8, 11, 28, 34, 36, 37, 47, 58, 59, 64, 81, 87, 92, 100, 105, 107, 108, 110, 113, 115, 121, 130, 131, 158, 170, 171, 173, 174, 181, 230, 231, 234–238, 242, 249, 252, 264, 268, 269, 271, 275–278, 280,

282–284, 286, 309, 310, 312, 314, 337–345, 347, 369, 370, 381, 382, 384, 388–391, 393, 394, 420, 425, 430, 435, 440, 441, 472, 497–499, 516, 524, 526, 531, 534, 563, 617, 661, 662
Курбатов А. Д., 29
Курбатов П. А., 29
Курилов А. С., 242
Курлепников, 434
Куси, знакомый А. О. Смирновой и Гоголя в Ницце, 446
Кутайсов И. П., граф, 158
Кутайсова А. П., графиня. *См.* Голицына (рожд. графиня Кутайсова) А. П., княгиня
Куторга С. С., 44, 246, 259, 263, 298, 299
Кушелев-Безбородко Г. А., граф, 328
Кюстин А., де, 60, 387
Лаван, отец Лии и Рахили, 36
Лаваньини А., 20, 21, 50, 68, 266, 354, 365, 379, 592
Лаваньини К., 266
Лаваньини Ч., 68, 266, 354, 365
Лаваньини, семья в Риме, 365
Лажечников И. И., 60
Басурман, 577
Лазарев И. Л., 276
Лазарев И. Я., 276
Лазарев Л. Я., 275, 276, 555, 566, 573, 594, 595
Лазарев Х. Я., 276
Лазарева (рожд. герцогиня Бирон) А., 276, 553, 554, 566, 573, 595, 640
Лазаревский А. М., 181, 252
Лазаревский В. М., 459
Лазарь, нищий, св., 638
Лазарь Четверодневный, прав., 312, 332, 469, 472, 558
Лазарь (Афанасьев), монах. *См.* Афанасьев В. В. (монах Лазарь)
Лазарь (Баранович), архиепископ Черниговский, 406
Ламбрускини Л., кардинал, 332
Ланская А. С. *См.* Перфильева (рожд. Ланская) А. С.
Ланской С. С., 112
Лаппо-Данилевская (рожд. Данилевская) М. С., 81
Лапченко Г. И., 254
Лауниц Э. Ш., фон дер, 369
Лафатер (Лавотер) И. К., 112, 371
Лафонтен Ж., де
Молочница, или Кувшин с молоком, 643
Лахманн К., 629
Лебедев В. М., 342
Лебедева О. Б., 360, 397
Левашов (ошибочно) Г. М.. *См.* Толстой Г. М.
Левенштейн Ф., 393, 401, 403
Левенштерн, 394
Левик В. В., 509
Левкеева (по мужу Юинг) Е. М., 655
Лейхтенбергский герцог Максимилиан, 309, 322, 323, 395, 397, 437, 575
Лемке М. К., 17
Ленорман (Lenormand) М. А., 112
Ленская А. Ф., 23, 163
Ленский (наст. фамилия Воробьев) Д. Т., 23, 135, 292, 293, 295
Лентовский М. В., 328
Леонардо да Винчи, 50, 60, 271, 280, 283, 285
Леонид (Краснопевков), архиепископ Ярославский и Ростовский, 308
Леонтьев Н. А., 498
Леопольд II, великий герцог Тосканский, 196
Лепре К., маркиз, 284, 322
Лермонтов М. Ю., 118, 212, 240–242, 430, 525, 563, 626
Ангел, 241
Бородино, 214
Герой нашего времени, 241, 626
Демон, 240, 242, 563
Молитва, 241
Сказка для детей, 241
Лернер Н. О., 11
Леру П., 518
Ливен В. К., барон, 550
Ливен (рожд. фон Бенкендорф) Д. Х., княгиня, 470, 472
Ливен (рожд. баронесса Гаугребен) Ш. К., княгиня, 472
Ливен Х. А., князь, 472
Ливий, 272
Липпи Ф., 280, 283
Лист Ф., 490, 491
Литвиненко Н. Г., 661
Лихарева (рожд. Ивашева) Х. Н., 519
Лия, старшая дочь Лавана, 36
Лобанов-Ростовский Б. А., князь, 144
Лобков А. И., 261, 262
Лободанов А. П., 296
Ломиковский В. Я., 256
Ломоносов М. В., 421, 422, 439, 606, 628
Ломтев Н. П., 532
Лонг Л., 197
Лонгинов М. Н., 109, 110, 114
Лопухин И. В., 206
Лорер Ел. И. *См.* Кахова (рожд. Лорер) Ел. И.
Лорер Ник. И., 471
Лоррен (Желле) К., 35, 36
Лосев А. Ф. (монах Андроник), 498, 629

Лотман Л. М., 660
Луиджи, хорватский художник, 197
Луини Б., 60, 271
Лука, св. апостол и евангелист, 146, 148, 275, 276, 611, 613, 638, 651, 652
Лукашевич А. А., 412
Лукашевич Е., 120
Лукашевич П. А., 154
Лукьянова (возможно, Лукина (Зыбина) Ф. И.), знакомая А. О. Смирновой и князя П. А. Вяземского, 314
Лукьянович (Лукьяновичева) Н. Г., 120
Лыжин Н. П., 556, 558
Львов В. В., князь, 348
Львова Е. В., княжна, 393
Львова-Синецкая М. Д., 23, 163, 189, 190
Любарский П. С., 180
Любич-Романович В. И., 104, 441
Любовь, св. мученица, 119, 430, 520, 599
Людвиг I, король Баварии, 161, 598
Людвиг, герцог Баденский, 383
Лютер М., 75, 449, 624
Лютцов Р., граф, 309
Ляцкий Е. А., 230
Магденко А. П., 521, 536, 537
Магденко В. А., 547
Мазари, домовладелец в Ницце, 428
Мазепа И. С., 185
Мазер К. П., 459, 565, 582
Макарий Великий (Египетский), св., 402, 531, 575, 576, 642
Макиавелли Н., 58
Макс И., 284, 285
Максим Исповедник, св., 531, 575
Максимович А., 342
Максимович М. А., 93, 120, 390, 391, 455
Максин Н., 23, 163, 292
Максин П. Н., 23, 163
Малинка, знакомый Гоголя и А. С. Данилевского, 256, 303
Малиновский Д. К., 158, 460
Мальцев А. П., протоиерей, 477, 542
Мамонова В. А., 393
Манн Ю. В., 507, 660
Мансуров А. П., 541, 542
Мансурова (рожд. княжна Трубецкая) Агр. И., 471, 542
Мануйлов В. А., 242
Марио Дж., 630
Мария, Пресвятая Богородица Дева, 12, 26, 36, 41, 49, 55, 82, 85, 86, 107, 141, 158, 188, 198, 202, 203, 212, 222, 227, 234, 270–280, 283, 291, 301, 309, 315, 369, 370, 382, 384, 389, 393, 395, 396, 400–402, 405, 409, 410, 416, 421, 422, 430, 431, 433, 441, 453, 461, 466, 470, 471, 475, 477, 479, 520, 525, 534, 549, 553, 555, 557, 574, 584, 613, 636, 655
Мария Магдалина, св. равноапостольная, 54, 389, 430
Мария Александровна, великая княгиня, жена наследника Александра Николаевича (с 1855 г. Императора Александра II), 393, 591
Мария Максимилиановна, герцогиня Лейхтенбергская, 323
Мария Михайловна, великая княгиня, дочь великого князя Михаила Павловича, 383
Мария Николаевна, великая княгиня, дочь Императора Николая I, в первом браке герцогиня Лейхтенбергская, во втором браке за графом Г. А. Строгановым, 18, 32, 53, 196, 227, 238, 261, 305, 309, 322, 323, 337, 354, 394, 395, 407, 426, 435, 458, 466, 556, 657
Мария I Стюарт, королева Шотландии, 569
Мария Феодоровна, Императрица, вторая жена Павла I, 387, 472
Марк Аврелий, 425, 443, 444
Марк, св. апостол и евангелист, 146, 148, 189, 191, 201
Маркевич (рожд. Лобысевич) Е. В., 386
Маркевич М. А., 386
Маркевич Н. А., 386
Маркина Л. А., 398
Марков А. Д., 164
Марков К. И., 503
Маркович А. В., 252
Маркс К., 518
Маркус М. А., 248, 249
Марморье К., 120, 300
Мартен А., 471
Мартиндейл С., 490, 491
Мартынов А. Е., 244, 245, 247, 252, 255, 298, 299, 370, 374, 569
Мартынова, актриса, 252
Марченко (рожд. княжна Шуйская) Ф., 569
Марченко (рожд. Убри, Убриль) Е. П., 569
Марченко С. П., 568, 569, 611
Масальский (Мосальский) К. П., 27, 29, 295, 498, 499
Масклет (Masclet), домовладелец в Ницце, 425
Маттей, итальянский род, 270, 275
Матфей, св. апостол и евангелист, 146, 147, 148, 171, 457, 613, 642, 645, 656
Мацапура М., 263
Машковцев Н. Г., 582, 584, 660
Медриш Д. Н., 457

Межевич В. С., 149, 150, 548, 552, 562, 564, 567, 570, 589
Мей Л. А., 328
Мелания (Россет М. А.), монахиня, 637
Мельгунов Н. А., 513, 514, 529, 532, 546, 547, 555, 556, 585, 599, 603, 614
Мельгунов С. П., 230
Мельгунова С. К., 513, 514
Ментенон Ф., маркиза, вторая жена Людовика XIV, 387
Менцель В., 180, 241
Меншиков А. С., светлейший князь, 32
Мердер С. М., 300
Мережковский Д. С., 181, 498
Мериме П., 395, 408
Души в чистилище, 395
Маттео Фальконе, 395, 396, 403
Местр Ж. М., де, 125, 313, 314, 426, 430, 471, 587
Местр К., де, 125, 471
Местр Р., де, 430, 470, 471
Местр (рожд. Загряжская) С. И., де, 125
Мефодий, учитель Словенский, св. равноапостольный, 386, 537, 538
Мещерская (рожд. княжна Трубецкая) А-ра И., 471, 542
Мещерская (рожд. Карамзина) Е. Н., княгиня, 311, 383, 393, 394
Мещерская Е. Н., княжна. *См.* Убри (рожд. княжна Мещерская) Е. Н.
Мещерские, 65, 433
Мещерский Н. И., князь, 65, 133, 134, 388, 396, 433, 470, 471
Мещерский П. И., князь, 383, 393
Мещерский Э. Н., князь, 471
Мигнанелли, итальянский род, 284
Мизко Н. Д., 241, 242, 334, 366
Голос из провинции о поэме Гоголя Похождения Чичикова, или Мертвые души, 334, 366
Голос из провинции об отрывках из второй части поэмы Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души», 241, 242
Микеланджело Б., 158, 271, 275, 277, 279, 280, 283, 285, 411
Миллер К. Ф., 284, 285
Миллер Ф. Б., 125
Миллер Ф. И., 558
Миллер, гравер, 26
Милло К., аббат, 526
Мильс, англичанин, 270
Мильчина В. А., 60, 265, 311, 554
Милюков А. П., 116, 118
Милютин Д. А., граф (с 1878 г.), 549
Минарди Т., 118
Минна, няня детей Н. М. и А. О. Смирновых, 525, 526
Минстер П. Ф., фон, 120
Митридат, 526
Митрофан, епископ Воронежский, св., 309, 310
Митусов Г. П., 144
Михаил Архангел, Архистратиг, 610
Михаил (Десницкий), митрополит Санкт-Петербургский, 421
Михаил Павлович, великий князь, 115, 209, 383, 384, 412, 472, 636, 637
Михаил Феодорович, русский царь, 610, 639
Михайлов А. В., 509
Михайлов К. Н., 181
Михайлова А. Н., 660
Михайлова Н. И., 500, 501
Михей Радонежский, преподобный, 453
Мицкевич А., 382, 383, 470, 472, 490, 491, 503, 580, 598
Дзяды, 491
Конрад Валленрод, 491
Модзалевский Л. Б., 660
Моисей, св. пророк Боговидец, 277, 607
Мокрицкий Ап. Н., 252, 287
Моллер А. В. (О. Б.), фон, 68
Моллер (в замужестве Муравьева) Е. Ант., фон, 397, 398, 401
Моллер Ф. А., фон, 20, 21, 49, 50, 54, 68, 79, 85, 91, 107, 109, 114, 118, 124, 129–132, 141, 166, 194, 198–200, 208, 248, 252, 266–268, 273, 276, 277, 286, 291, 316, 322, 329, 330, 334–336, 343, 353–355, 362, 364–368, 379, 397, 398, 401, 405, 411, 435, 437, 438, 464, 489, 513, 538, 584, 592, 595, 647
Моллер (в замужестве Глазенап) Эмилия (Амалия) Ант., фон, 397, 398, 401
Моллер (в замужестве Ниротморцева) Ю. Ант., фон, 397, 398, 401
Моллер Ю. Ш., фон, 68
Молль К., барон, 165
Молчанова С. Н., 119
Кто имя дружбы расточает... 119
Мольер Ж. Б., 104, 212, 384
Мещанин во дворянстве, 384, 385
Мольтке П. Ф., барон, 393
Мордовченко Н. И., 660
Мосолова (в замужестве княгиня Львова) В. А., 119
Мочалов И. Л., 389
Мочалов П. С., 293, 295
М–р Ульяна, фон, знакомая Е. В. Гоголь, 120

Мудров М. Я., 29
Муравьев А. Н., 249, 250, 422
Муравьев Мих. Никол., граф Виленский (с 1865 г.), 212
Муравьева Д. А., 600
Муратори Л. А., 270
Мурзакевич Н. Н., 73, 245, 287
Мусатова Т. Л., 323, 344
Муханов В. А., 348, 402
Муханов В. М., 402
Муханов Н. А., 402
Муханов Н. М., 402
Муханова Ек. А., 348
Муханова Ел. А., 348
Муханова П. А., 348
Муханова Т. А., 348
Мякотин В. А., 230
Мятлев И. П., 230
Мятлева П. И., 109
Н., знакомый А. О. Смирновой, 611
Н., корреспондент журнала «Русский Вестник», 181
Надежда, св. мученица, 119, 430, 520, 599
Надежда Степановна, няня Н. Н. Смирновой, 268, 281, 340, 480, 481, 490
Надеждин Н. И., 104, 223, 224, 254
Назаревский А. А., 658, 660
Наполеон I, 375, 472, 538
Наполеон Бонапарт Л. Л, племянник Наполеона I, лингвист, 538
Нарежный В. Т., 256
Заморский принц, или Невеста под замком, 256
Нарышкин К. А., 369
Нарышкина (рожд. княжна Лобанова-Ростовская) М. Я., 369, 393
Наумов И. М., протоиерей, 314, 548–550, 575, 576, 597, 598, 611, 612
Наумовы, родственники Н. А. Языковой (рожд. Наумовой), 202
Нафанаил, св. апостол, 146
Нахлик Е. К., 391
Нащокин П. В., 11, 48, 77, 78, 109, 155–157, 174, 175, 200, 201, 438, 455, 658
Нащокина В. А., 201, 658
Нащокины, 201
Неемия, 456, 607
Неклюдов, петербургский домовладелец, 156
Некрасов Н. А., 113, 450, 518, 520, 557, 590
Железная дорога, 450
Нелидов А. И., 47, 49
Немчинов И. И., 190
Нерон, 270, 271, 278, 284
Нессельроде К. В., граф, 384, 550, 552, 553, 576, 598
Нессельроде (рожд. графиня Гурьева) М. Д., графиня, 384, 549, 550, 575, 576
Нестор, царь Пилоса, 631
Нефедьев Н. А., 516
Нечаев С. Д., 29
Нечкина М. В., 122
Нибби А., 273, 274, 283
Нибби К. *См.* Пименова (рожд. Нибби) К.
Нибур Б. Г., 282
Никита, св. великомученик, 259
Никитенко (в девичестве Любощинская) К. К., 206
Никитенко А. В., 9, 27, 32, 35, 44–46, 55, 57, 58, 62, 64–66, 71, 72, 74–76, 82, 84, 95, 109, 114, 127, 132, 191, 200, 204, 206–209, 217, 222, 223, 237, 246, 257–259, 262, 263, 286, 298, 299, 324, 327, 330, 536, 537, 548, 590, 630, 631
Никифоров Н. М., 23, 163, 190
Николаев А. С., 139, 259
Николай I, Император, 8–11, 13, 16–18, 22, 27, 32, 50, 54, 58, 95, 109, 112–114, 130, 131, 145, 168, 207, 223, 231, 244, 246, 253, 254, 257–259, 261, 266, 275, 282, 297–299, 304, 310, 318, 319, 340, 354, 355, 365, 377, 393, 394, 401, 407, 426, 472, 500, 504, 514, 517, 518, 525, 526, 531, 539, 544, 545, 548–550, 556, 558, 559, 563, 574, 591, 592, 597–598, 603, 611, 616, 628, 636, 655–657
Николай Александрович, великий князь, 412, 591
Николай Мирликийский, св., 63, 72, 74–77, 81–83, 85, 88, 114, 124, 174, 284, 349, 356, 357, 400, 440, 485, 490, 501, 513, 522, 523, 551, 584
Ноак Ф., 285
Новиков Н. И., 152, 153, 206, 314
Новосильцев Е. И., 326–327, 466, 467, 469
Новосильцев П. П., 529, 530, 546
Новосильцев, адьютант, 450
Норов А. С., 139, 245, 246
Норов Н. Н., 144, 205
Нуньес О. Г., 139
Нюлль Э., 284, 285
Оболенские, князья, 519
Обольянинов Н. А., 459
Обресков А. М., 393
Обухов В. В., 261, 262
Обухова (рожд. Васильева) М. В., 251, 252, 261, 262
Обухова (рожд. Обрезкова) Е. В., 261, 262
Обуховы, 251, 252
Овербек И. Ф., 118, 284, 285
Овербек М. Я., 268, 272–274, 337, 338, 446, 480, 491, 525, 526, 568
Огарев Н. А., 393

Огарев Н. П., 21–24, 136
Огарева (рожд. Милославская, по др. сведениям — Рославлева) М. Л., 21, 24
Оголин А. С., 185
Одоевская (рожд. Ланская) О. С., княгиня, 74, 75
Одоевские, 519, 571
Одоевский В. Ф., князь, 8, 9, 11, 13–18, 20, 28, 32, 50, 71, 72, 74, 75, 77–79, 88, 109, 114, 120, 131, 241, 362, 377, 416, 562, 568, 572, 577, 588
Сочинения князя В. Ф. Одоевского (СПб., 1844. Ч. 1–3), 562
Озеров И. П., 542
Ознобишин Д. П., 363
Оксман Ю. Г., 13, 114, 139, 259
Олег (Олег Вещий), великий князь Киевский, 609, 610
Оленин А. Н., 377
Олсуфьев В. Д., граф (с 1856 г.), 472, 481
Олферьев (Алферьев) П. В., 262
Олферьева (Алферьева, в замужестве Галахова) Е. П., 236, 261, 262
Олферьева (Алферьева) М. П., 261, 262
Олферьева (Алферьева, рожд. Обухова) С. В., 262
Ольга Николаевна, великая княгиня, дочь Императора Николая I, с 1846 г. королева Вюртембергская (Виртембергская), 192, 244, 254, 323, 324, 411, 412, 591
Ольхин М. Д., 325, 418, 656
Онегин (наст. фамилия Отто) А. Ф., 229
Онуфрий Великий, св., 270, 271, 277
Орлов (наст. фамилия Копылов) И. В., 23, 163, 292
Орлов А. Ф., граф, 556
Орлов М. Ф., 29, 51
Орлов Н. А., князь, 471
Орлов П. Н., 21, 266
Орлова (рожд. княжна Трубецкая) Е. Н., княгиня, 471
Орлова (в девичестве Куликова) П. И., 292, 294
Орловский И. М., 212
Орнатская Т. И., 617
Осипова (рожд. Вындомская, в первом браке Вульф) П. А., 628
Осповат А. Л., 265, 311, 554
Островский А. Н., 343
Отто А. Ф. *См.* Онегин (наст. фамилия Отто) А. Ф.
Очкин А. Н., 13, 14, 44, 291
Паве (Pavey) В., 197, 198
Павел, св. апостол, 106, 142, 158, 272, 273, 385, 386, 490, 516, 544, 545, 550, 561, 607, 608, 634, 636, 638, 648, 651
Павел I, Император, 384, 387, 472, 575, 576
Павел, камердинер П. П. Смирнова, 112
Павлов Н. М., 397
Павлов Н. Ф., 15, 33, 77, 78, 86, 87, 103, 107, 142, 157, 170, 187, 264, 289–291, 293–295, 321, 358, 418
Аукцион, 142
Демон, 103, 107, 142
Именины, 142
Маскарад, 103, 107, 142
Миллион, 103, 107, 142
Новые повести, 103, 107, 142
Три повести, 142
Ятаган, 142
Павлова (рожд. Яниш) К. К., 29, 37, 51, 157, 265, 267, 289–291, 294, 305, 358
Н. М. Языкову (Приветствована вновь поэтом...), 291
Ответ Н. М. Языкову, 290, 291
Павсаний, 237, 238
Павский Г. П., протоиерей, 280, 480, 481, 483, 484, 549, 550
Падерина Е. Г., 376
Пален П. П., граф, 109
Пален, жена графа П. П. Палена, 95, 109
Пальмер В., англиканский архидиакон, 552, 553
Памфили, римский род, 270, 272
Панаев И. И., 8, 109, 113, 114, 224, 518, 557, 590
Панов В. А., 20, 42, 345, 385
Рим, 20
Панченко М. А., 660
Паоло Веронезе, 283
Паради (Paradis), домовладелица в Ницце, 425, 428, 429, 435, 446, 486
Парилова Г. Н., 332
Паскевич (рожд. Грибоедова) Е. А., графиня Эриванская, светлейшая княгиня Варшавская, 237, 238
Пахомов Н. П., 661
Пащенко И. Г., 256
Певницкий И. М., протоиерей, 383, 384, 440, 441, 448, 452, 458, 459, 530
Пейкер П. И., 100
Пеликан В. В., 504
Перекусихина М. С., 314
Перетц В. Н., 390, 391
Перовский А. В., 262, 337, 339, 340, 345, 387, 451, 480–484, 535, 568
Перовский В. А., граф (с 1855 г.), 196, 238, 261, 262, 274, 279, 281–283, 309, 322, 337, 339–341, 345, 354, 355, 365, 373, 378, 379, 387, 416, 422, 451, 463, 470, 471, 477, 480–484, 490, 491, 535, 541, 542, 544, 545, 549, 550, 568, 612
Перуджино П., 285
Перфильев С. В., 77, 78, 80, 88, 120–122

Перфильева (рожд. Ланская) А. С., 121, 122
Песоцкий И. П., 23, 140, 189–192, 194, 195, 200, 205, 239, 245–248, 263, 548, 552, 562, 564, 567, 570
Петер, слуга графини Л. К. Виельгорской, 529
Петр, св. первоверховный апостол, 40, 41, 142, 146, 228, 270–273, 275, 277, 281, 291, 305, 308, 313, 336, 385, 386
Петр I, 220, 542
Петрашевский В. М., 152–154
Петрашевский (Буташевич-Петрашевский) М. В., 154
Петров А. А., 472, 481
Петров В. П., 660
Петров Н. И., 390, 391
Печерин В. С., 506, 536, 564
Пиа Ф., 518
Пий IX, римский папа, 503
Пиксанов Н. К., 660
Пильпентафель, пастор, 528, 530
Пименов Н. С., 279
Пименова (рожд. Нибби) К., 279, 280
Пин..., знакомые Обуховых, 261
Пиранези Дж. Б., 283
Пирожкова Т. Ф., 148, 495
Писемский И. П., 29
Питирим, архиепископ Нижегородский, 406
Плаксин В. Т., 209, 617
Плетнев П. А., 8, 13, 16–19, 23, 26–29, 32, 33, 35, 39, 40, 42, 44–46, 49, 50, 52, 55, 56, 58, 59, 62, 63, 65–67, 76, 95, 98, 103–106, 109–111, 113–115, 120, 128, 132, 133, 143, 147, 148, 159, 172, 186, 188, 189, 192, 199, 204, 207, 209, 210, 212, 213, 217, 223–226, 228, 230, 231, 240, 242, 246, 257, 287, 299, 300, 305, 319, 322, 324, 325, 335, 348, 356, 360, 362, 366, 395, 398, 403, 407, 408, 411, 412, 416, 424, 426, 443, 455, 459, 460, 474, 485, 519, 550, 554–558, 562, 566, 568–572, 577, 579, 582, 587–590, 596, 597, 608, 610, 614, 619, 633, 634, 641, 642, 648–651, 656
Плоткин Л. А., 660
Плюшар А. А., 23, 395, 508, 557, 558
Погодин Д. М., 119, 602, 604, 639
Погодин И. М., 40, 41, 602, 604, 639
Погодин М. П., 12, 14, 15, 20, 23–28, 34–43, 46–51, 55, 57–59, 61–64, 68–72, 74–79, 81, 83–88, 91, 92, 95–99, 102, 104–106, 119, 125, 130, 131, 143–148, 151, 152, 154, 155, 162, 164, 167, 181, 186, 194, 195, 204, 215, 232, 240, 242, 248, 261, 262, 278, 287, 288, 300, 303, 304, 307, 315–319, 331, 335, 356, 357, 376, 398, 404, 405, 412, 413, 416, 418–421, 432, 436, 440–442, 454, 457, 459, 469, 474, 479, 487–489, 492, 494, 496, 504, 513, 514, 528–532, 534, 535, 541, 545, 546, 562, 563, 565, 581–585, 590, 593, 594, 598–604, 606, 618–625, 628, 629, 638, 639, 643, 646, 651, 658, 661
Реестр книгам, отправленным из Москвы в Рим Гоголю 1841 года Июля 11 дня, 262, 335, 474, 498
Погодина Агр. М., 130, 131
Погодина Агр. М. (младшая), 535, 602, 604, 639
Погодина А-ра М. *См.* Зедергольм (рожд. Погодина) А. М.
Погодина (в девичестве Вагнер) Е. В., 41, 43, 72, 77–79, 81, 87, 130, 131, 155, 232, 534, 535, 541, 545, 546, 582, 584, 599, 600, 602, 604, 606, 620, 621, 623, 624, 628, 646
Подчасский И. И., 144
Пожарский Д. М., князь, 576
Полевой Кс. А., 88, 108, 416, 417, 418
Полевой Н. А., 159, 217, 319, 335, 366, 398, 399, 460, 582, 589, 646
Поливанов И. Л., 557
Поллак Л., 284, 285
Полонский Я. Б., 564
Полонский Я. П., 521, 555, 557, 639, 640
Гаммы (М., 1844), 557, 639, 640
Пришли и стали тени ночи... 521, 555, 557
Стихотворения 1845 года (Одесса, 1846), 557
Полтавцев К. Н., 448
Полтавцева (рожд. Макарова) Е. П., 448
Поль К., 459, 565, 582
Поляков В. П., 140, 189–192, 194, 195, 200, 205, 239, 246
Поляков, знакомый Ф. В. Чижова, 536
Понтий Пилат, 276
Попов А-р Н., 75, 103, 199, 213–215, 257, 312, 361, 363, 368, 506, 507
Попов В. П., 360
Попов Е. И., протоиерей, 552, 553
Порошин С. А., 575
Посошков И. Т., 95
Постников И. П., 500
Потанчиков Ф. С., 23, 163
Потемкин А. М., 32
Потемкин И. А., 209, 210, 309, 323, 598
Потемкин-Таврический Г. А., светлейший князь, 450
Пото А., 119
Поттер П., 172, 173
Похвиснева У. Г. *См.* Данилевская (рожд. Похвиснева) У. Г.
Прео А., де, артист, 247
Прилежаев В. А., протоиерей, 278

Присниц В., 78, 79, 81, 144, 158, 336, 338, 361, 372, 373, 375, 376, 381, 450, 451, 534, 585, 613, 653
Прокл, архиепископ Константинопольский, св., 421
Прокопович В. Я., 355, 356, 358
Прокопович (рожд. Трохнева) М. Никиф., 209
Прокопович Н. Я., 14, 15, 19, 26, 27, 39, 41, 46, 53, 55, 57–59, 65, 67, 70, 80, 82, 84, 87, 100, 109, 113, 114, 130–135, 144, 155, 157–159, 172, 175, 182, 183, 188, 193, 203, 205, 206, 208, 209, 212, 213, 216, 221, 224, 225, 227, 228, 236, 237, 243, 244, 255, 256, 262, 263, 267, 287, 289, 304, 319, 322–325, 327, 328, 330–336, 338, 343, 344, 351, 353, 355, 356, 358, 359, 361, 362, 365, 366, 389, 400, 403, 404, 407–409, 416, 418, 440, 442, 457, 458, 493, 494, 527, 559, 566, 579, 580, 590, 594, 603, 608, 615–617, 619, 641, 642, 656
Просперо, аббат, 285, 309
Протасов А. П., 29
Протасов Н. А., граф, 550
Прохонцев, московский актер, 23, 163
Прохоров Н. Г., 295
Псиол А. И., 120
Путята (рожд. Энгельгардт) С. Л., 341, 571
Пуадбаре (Поадеборд) Ж. Б., 158
Путята Н. В., 341
Путятин Е. В., граф, 587, 588
Пушкин А. С., 8, 10, 11, 15, 52, 70, 77, 78, 104, 109, 113, 114, 116, 125, 137, 163, 171, 184, 187, 206, 223, 229, 233, 240, 249, 250, 259, 287, 313, 332, 361, 376, 377, 383, 384, 394, 426, 428, 430, 440, 441, 481, 492, 500, 501, 525, 558, 563, 577, 589, 628, 651, 657, 658, 661
Евгений Онегин, 63, 163, 626
К Н** (С Гомером долго ты беседовал один...), 10, 12, 113
Капитанская дочка, 440, 441
Молитва (Отцы пустынники и жены непорочны...), 313, 314, 427, 430
На выздоровление Лукулла, 376, 377
Пророк, 427
Руслан и Людмила, 361
Стансы Толстому, 233
Пушкина (рожд. Гончарова, во втором браке Ланская) Н. Н., 110, 125, 471
Пущина Евд. Ф. *См.* Фонвизина (рожд. Пущина) Евд. Ф.
Пущина Ек. Ф., 94
Пыпин А. Н., 9, 11, 115, 234, 264, 269, 271, 272, 276, 277, 283, 286, 314, 322, 323, 338, 341, 345, 381, 384, 390, 391, 394, 420, 430, 472, 524, 526, 531
Р., баронесса, мать А. В. Перовского, 262
Рабинович М. Б., 661
Равиньян К., де, католический священник, 468, 470, 471, 548
Радовиц И., 369
Раевская (рожд. Арсеньева) П. И., 14, 15, 56, 79, 83, 85, 89, 92, 119, 124, 279, 345, 346, 347, 349
Раевская (рожд. Константинова) С. А., 197
Раевская Софья Н., 197
Рафаил Архангел, 36
Рафаэль С., 26, 50, 85, 86, 118, 158, 271, 274, 276–281, 283–285, 324, 336, 583, 610, 611, 647
Рахиль, младшая дочь Лавана, 36
Рашель Э., 235, 236, 630, 640
Редкин П. Г., 77, 78, 353, 576
Резвой М. Д., 54
Рейтерн (в замужестве баронесса Вебренау) М. Е., фон, 525, 526
Рейтерн (рожд. Шварцель) Ш., фон, 525, 526
Рейтерн Е. Р. (Г. В.), фон, 421, 431, 481, 491, 525, 526, 624
Рейтерн М., фон, 624
Рейтерны, 525, 526
Рени Г., 277
Репнин Н. В., князь, 76, 206
Репнин П. И., князь, 206
Репнина А. Н., княжна. *См.* Репнина-Волконская (рожд. княжна Репнина) А. Н., княгиня
Репнина-Волконская (рожд. княжна Репнина) А. Н., княгиня, 76
Репнина-Волконская В. Н., княжна, 76, 104, 252
Репнина-Волконская (рожд. Балабина) Е. П., княгиня, 389, 449, 450
Репнин-Волконский (до 1801 г. Волконский) Н. Г., князь, 76
Репнины, 76
Репнины-Волконские, 76
Риббентроп А., фон, 518
Рибопьер А. И., граф, 542
Ригельман Н. А., 295, 309, 326
Ринальди Анна Мария, 197
Рихтер, вдова Жан Поля (И. П. Ф. Рихтера), 652
Ришелье Э. О., герцог, 81, 222
Р—н, знакомый Н. В. Гоголя и Ф. В. Чижова в Риме (возможно, Ригельман Н. А.), 309
Робертс Д., 272
Рогов К. Ю., 660
Рогов, петербургский домовладелец, 108
Родионов И., 658
Родионова (рожд. Ивашева) Д. Н., 519
Рожалин Н., 294, 295
Розен М. К., барон, 180

Роллен Ш., 526
Романовы, императорская фамилия, 598
Ромени, 118, 197
Ромодановская А. А., 581
Ромодановский Г. Г., князь, 153
Рославский (Рославлевский) П., 190
Роспильози, итальянский род, 277
Россет А-р О., 549, 550, 561, 636
Россет (Россети) Ар. О., 110, 111, 144, 196, 233, 260, 264, 266, 268, 269, 275, 277, 279, 280, 282, 283, 322, 335–338, 340, 348, 361, 371–374, 376, 380, 392, 394, 451, 471, 482–484, 533, 541, 542, 549, 550, 558, 559, 561, 568, 569, 579, 580, 585, 593, 597, 598, 636
Россет И. О., 637
Россет К. О., 278, 394, 625, 636
Россет М. А. *См.* Мелания (Россет М. А.), монахиня
Россет Н. А. *См.* Евпраксия (Россет Н. А.), игумения
Ростовцов Я. М., 208, 209
Ростопчин (Растопчин) А. Ф., граф, 572
Ростопчин В. А., граф, 569
Ростопчина (рожд. Сушкова) Е. П., графиня, 95, 109, 121, 285, 308, 341, 426, 561, 568, 571, 597, 621
Ростопчина Л. А., графиня, 569
Ростопчина (в замужестве графиня Торниелли Бузатти ди Вергано) О. А., графиня, 568, 569
Рубини Д., 571
Рубини Д., Шевырев С. П.
История русской словесности, 571
Рубини Дж. Б., 654, 655
Руге А., 518
Руликовский В. И., 390
Румянов М., 23, 163
Румянцев Н. П., граф, 105, 345
Румянцев С. П., граф, 345
Румянцев-Задунайский П. А., граф, 153
Рюккерт Ф.
Сказка о мудреце Кериме, 643
Рюрик, 562, 610
Сабинин С. К., протоиерей, 27
Сабинина (рожд. Вещезорова) А. Т., 27
Сабинина М. С., 27
Сабурова (в девичестве Окунева) А. Т., 292, 294
Савченко С., 252
Садовский П. М., 292, 295, 326, 327, 358, 388, 447
Саксен-Кобургский герцог Эрнест I, 524
Салтыков (псевдоним Н. Щедрин) М. Е., 362
Самарин И. В., 23, 163, 190, 246, 292
Самарин Ю. Ф., 77, 78, 102, 103, 121, 124, 175, 213–215, 217–219, 223, 224, 227, 232, 329, 353, 358, 359, 390–392, 530, 531, 550, 559–561, 568, 571, 574, 576, 587, 597, 610, 621, 622, 631, 632, 635, 642, 658, 659
Самарина, актриса московского Малого театра, 190
Санд Ж., 184, 312, 339, 340
Письма путешественника, 339
Сахаров Ф., 292
Сведенборг Э., 115
Свербеев Д. Н., 12, 77, 78, 86, 103, 141, 260, 264, 265, 305, 311, 319, 320, 418, 474, 609, 614, 647
Свербеева (рожд. княжна Щербатова) Е. А., 12, 37, 73, 77–79, 103, 107, 171, 172, 260, 264, 265, 305, 311, 319–321, 391, 474, 609, 614, 647
Свербеевы, 15
Свечин Н. С., 314
Свечина (рожд. Соймонова) С. П., 313, 314
Свешников Ф., 158
Свидзинский К., 390
Севрук (Севруг) Л. С., 504, 505
Сегюр Л. Ф., граф, 628
Семевский В. И., 259
Сен-Жорж, содержатель ресторана в Петербурге, 110
Сенковский О. И., 85, 96, 106, 126, 159, 166, 184, 185, 202, 208, 209, 212, 258, 267, 335, 366, 368, 398, 441, 492, 494, 496, 498, 582, 593, 634, 656, 657
Сен-Симон Л., герцог, 387, 426, 430
Сент-Бёв Ш. О., 281
Септимий Север, римский император, 275, 276
Серафим Саровский, преподобный, 41
Сервантес С. М., де, 184, 492
Дон Кихот, 648
Сергий (Васильев), архимандрит, 41
Сергий Радонежский, преподобный, 60, 77, 100, 154, 349, 406, 453, 457, 460, 542, 606, 656, 657
Серебряков В. А., 194, 354, 386
Серков А. И., 29
Сессаревский И. М., 144
Сиверс Л., 86, 95, 417
Сикст V (в крещении Феличе), римский папа, 141, 176, 198, 202, 204–207, 216, 229, 230, 250, 255, 274, 489
Сильвестр, слуга Н. М. Языкова, 150, 187, 195–198, 230, 260–262, 349, 351, 352, 354, 473, 474, 500
Сильчевская, сестра П. К. Сильчевского, 128, 129
Сильчевский Д. П., 129
Сильчевский П. К., 128, 129
Симеон Новый Богослов, св., 531, 575
Симонова И. А., 386
Синельников, муж М. Н. Синельниковой (рожд. Ходаревской), 515, 516
Синельникова (рожд. Ходаревская) М. Н., 120, 421, 515, 516

Сиркур А. М. П., граф, 611
Скалон (рожд. Капнист) С. В., 512
Скалон А. В., 120
Скалон Н. А., 394
Скарятин А. Я., 537
Скобелев И. Н., 363, 364
Скотт В., 180, 184, 187
Скотти М. И., 237
Слонимский А. Л., 660
Смирдин А. Ф., 30, 494, 656
Смирнов М. Н., 11, 111, 115, 230, 233, 234, 264, 269, 270–272, 276, 284, 286, 338, 429
Смирнов Н. М., 111, 115, 272, 377, 471, 480, 481, 483, 484, 505, 526, 542, 558, 559, 574, 578, 580, 591, 592, 608, 609, 622, 632, 635
Смирнов Петр П., 112, 115
Смирнова (рожд. Россет) А. О., 4, 8–13, 16–18, 20, 28, 50, 58, 59, 95, 97, 109–115, 121, 133, 134, 154, 167, 179, 192, 196, 204, 214, 215, 227, 229, 230, 233, 234, 243, 245, 246, 249, 258, 262, 264, 266, 268–286, 305, 308, 312–315, 322–324, 333, 336–341, 345, 347, 349, 354, 360–362, 365, 373, 376, 378–385, 387–389, 392–395, 397, 400–402, 416, 419–433, 435, 439, 442–444, 446–448, 451–454, 456–458, 461–469, 471, 472, 476–478, 480–485, 490–492, 495, 497, 499, 503, 505, 507–509, 517, 520–531, 534, 540–544, 547, 548, 550, 553, 554, 556, 558–561, 567, 569–575, 577, 579, 580, 583, 584, 586–589, 591–594, 596–598, 601, 608, 610, 611, 621, 622, 625, 628, 630, 631, 634–636, 641, 647, 648, 650, 653, 654, 656
Смирнова Н. Н. *См.* Сорен (рожд. Смирнова) Н. Н.
Смирнова О. Н., 9–12, 112, 115, 229, 230, 233, 262, 264, 268, 272–274, 277–279, 281, 283–286, 313, 314, 322, 323, 337–341, 345, 378, 384, 385, 387, 388, 393, 394, 420, 426, 427, 430, 435, 461, 470–472, 480, 481, 491, 524–527, 531, 541, 542, 548, 550, 569, 574, 608, 610, 611, 622
Смирнова С. Н. *См.* Трубецкая (рожд. Смирнова) С. Н., княгиня
Смыгин М. Н., 180
Снегирев И. М., 14, 15, 17, 33, 62, 84
Снегирев, книготорговец в Петербурге, 656
Соболевский С. А., 561, 572
Соймонов А. Д., 332
Соймонова С. П. *См.* Свечина (рожд. Соймонова) С. П.
Соколов В. Ф., 23, 163, 190
Соколов Д. В., протоиерей, 541, 542, 581, 584
Соколов П. Ф., 118
Соколов Пав. П., 643
Соколов Петр П., 117, 118
Сократ, 240
Соллогуб А-р В., граф, 463
Соллогуб В. А., граф, 48, 104, 107, 118, 322, 324, 382, 384, 385, 393, 401, 420, 423, 425, 426, 428–431, 433, 442, 451, 462, 464, 465, 477, 486, 487, 507, 509, 519, 549, 550, 560, 561, 563, 568, 569, 571–573, 576, 577, 579, 594, 595, 601, 630, 631, 640, 656, 657
На сон грядущий. Отрывки из вседневной жизни, 656, 657
Собачка, 48
Тарантас, 572
Соллогуб С. В., графиня, 420, 462, 463, 507, 572, 573, 576, 577, 630, 631, 640
Соллогуб (рожд. Архарова) С. И., графиня, 420, 426, 430, 431, 433, 442, 451, 462, 464, 472, 476–478, 485, 507, 549, 550, 560, 569, 572, 573, 630
Соллогуб (рожд. графиня Виельгорская) С. М., графиня, 347, 348, 382, 389, 395, 401, 420, 423, 425–427, 429–431, 433, 442, 451, 462–465, 476–479, 485–487, 509, 517, 531–533, 538, 540–542, 545, 549, 550, 553, 560, 561, 563, 567–570, 572, 573, 576, 577, 579, 594, 595, 597, 598, 630, 631, 635, 636, 640, 657
Соловьев Н. В., 554
Соломон, третий царь Израиля, 408, 537, 574, 607
Сомина В. В., 661
Сомов А. В., 237, 238
Сорен А. В., 229
Сорен (рожд. Смирнова) Н. Н., 112, 229, 230, 233, 264, 268, 272, 274, 281, 283, 323, 337–340, 345, 378–381, 384, 385, 420, 424, 427, 429, 430, 452, 453, 461, 470, 471, 481, 490, 491, 498, 499, 524, 525, 531, 541, 542, 548, 608, 611, 612
Сосницкая (рожд. Воробьева) Е. Я., 244, 245, 247, 252, 255
Сосницкий И. И., 105, 204, 224, 225, 236, 237, 239, 244–247, 252, 255
Сосновский М. Ф., 244
София, Ипостасная Премудрость Божия, Сын Божий Иисус Христос, 197, 296. *См. также* **Иисус Христос, Бог, Бог-Сын, Сын Божий, Господь, Спаситель, Спас, Искупитель, Мессия**
София, св. мученица, 430, 520, 599
Софония, св. пророк, 607
Спатти (Спетти) Дж., 197
Сперанский М. М., граф (с 1839 г.), 617
Сперанский М. Н., 192
Спиридон, архимандрит, 402, 502, 503
Ставассер П. А., 337, 532

Станкевич А-р Вл., 386
Станкевич А-ра В. *См.* Щепкина (рожд. Станкевич) А. В.
Станкевич (в замужестве Фролова) М. В., 386
Старицкая, дочь Н. Ф. Старицкой (рожд. Арендт), 256
Стасов В. В., 185
Степанов В. А., 23, 163, 292
Степанов Г. С., 229
Степанов Н. Л., 660
Степанов Н. С., 48, 50, 51, 474
Степанов П. Г., 23, 163, 190, 292
Стернин Г. Ю., 263
Стефан (Яворский), митрополит Рязанский и Муромский, местоблюститель патриаршего престола, 406, 531, 559
Столыпин А. А. (Монго), 383
Страхов Н. Н., 220
Строганов А. Г., граф, 139
Строганов Г. А., граф, 261
Строганов С. Г., граф, 17, 22, 138, 139, 159, 504, 563, 646
Строев В. М., 255, 256, 303, 304
Строев П. М., 39, 521, 610, 639
Струве А. Г., 611, 612
Струева, московская актриса, 190
Студитский А. Е., 212
Стурдза А. С., 642, 643, 656
Сулье М. Ф., 19
Если б молодость ведала! Если б старость могла!, 19
Супронюк О. К., 210, 527, 660, 662
Сусанна, 254
Сухомлинов М. И., 259
Сушковы, 297
Сципионы, 272
Сю Э., 232, 571
Тальони М., 234
Тальони Ф., 234
Тарквиний Гордый, 272, 273
Тарланов Е. З., 119, 120
Тарновский (Тарнавский) В. В., 95
Тассо Т., 270, 277
Тацит П. К., 283
Тенерани П., 270, 284, 285
Теньер (Тенерис, Тенирс) Д., 149, 153, 155
Теттенборн К. Ф., барон, 393
Тиберий (Тиверий), римский император, 272
Тимофей, слуга графини Л. К. Виельгорской, 529
Тинторетто Я., 38
Титов А. А., 391
Титов В. П., 332
Титов П. П., 332
Тиунский В., 646
Тихон, патриарх Московский, св., 598
Тихон Задонский, епископ Воронежский, свт., 575, 642
Тихонравов Н. С., 46, 236, 258, 463, 660
Тициан, 158, 271, 280
Товия (Товий), сын Товита, 36
Товянский А., 470, 472
Толстая (рожд. княжна Грузинская) А. Г. (А. Е.), графиня, 421, 502, 509, 533, 534, 595
Толстая В. А. *См.* Ивашева (рожд. Толстая) В. А.
Толстая Е. С., 518
Толстой А-р П., граф, 81, 296, 383, 389, 393, 401, 421, 443, 470, 501–503, 509, 533, 534, 540, 552, 553, 555, 587, 595, 610, 613, 630, 631, 635, 652–654
Толстой А. В., 519
Толстой А. К., граф, 369, 370, 393, 508
Толстой Г. М., 517–520
Толстой И. П., граф, 533, 546, 585, 599, 621, 639, 653, 654
Толстой Л. В., 519
Толстой М. Л., 518
Толстой Ф. П., граф, 121, 122, 597
Толстой Я. Н., 232, 233
Томашевский А. Ф., 96, 155, 170
Томашевский В. Б., 660
Тон К. А., 365, 435, 437, 562
Топорковы, 65
Топорнин А. П., 520
Торвальдсен Б., 238
Торжевский П. М., 47
Торлони (Торлониа) А., герцог, 170, 171, 176
Трахимовский (Трофимовский) А. М., 222
Трахимовский (Трохимовский) Н. М., 256, 527
Трахимовский (Трохимовский, Трофимовский) М. Я., 338
Траян (Троян), римский император, 266, 268, 273, 281, 283, 285
Троицкий И. И., 449
Трощинская (рожд. Косяровская, во втором браке замужем за И. А. Долговым) А. М., 221, 222
Трощинский Анд. А., 202, 221, 222, 658
Трощинский Дм. А., 120, 221, 222
Трощинский Дм. П., 152, 153, 155, 221, 222
Трубецкая (в замужестве Мансурова) Агр. И., княжна. *См.* Мансурова (рожд. княжна Трубецкая) Агр. И.
Трубецкая А-ра И., княжна. *См.* Мещерская (рожд. княжна Трубецкая) А-ра И.
Трубецкая (рожд. графиня Гудович) Анна Анд., княгиня, 471

Трубецкая Е. Н., княжна. *См.* Орлова (рожд. княжна Трубецкая) Е. Н., княгиня
Трубецкая (рожд. Смирнова) С. Н., княгиня, 112, 233, 264, 268, 272–274, 281, 283, 323, 337–340, 345, 378, 420, 461, 470, 491, 524, 525, 531, 541, 542, 548, 608
Трубецкой А-р Ив., князь, 383, 472
Трубецкой Н. И., князь, 471
Трутовский К. А., 617
Трушковская М. В. *См.* Гоголь (в замужестве Трушковская) М. В.
Трушковский Н. П., 179, 180, 343
Трушковский П. О., 221
Тургенев А. И., 126, 205, 206, 230, 257, 260, 264, 265, 271, 288, 297, 299, 300, 311, 315, 332, 383, 384, 391, 393, 394, 396, 401, 470, 471, 477, 478, 486, 505, 508, 524, 530, 531, 533, 545, 554, 564, 571, 579, 580, 586, 600, 610, 611, 620, 630, 640, 646, 647, 652, 653
Тургенев И. П., 206
Тургенев И. С., 343–345
Тургенев Н. И., 206, 264, 265, 297, 311, 471, 530, 531, 554
Тургенев С. И., 206
Турчанинов И. Е., 190
Турьян М. А., 75
Тынянов Ю. Н., 265, 311, 554
Тьер А., 471
Тютчев И. Н., 598
Тютчев Ф. И., 111, 115, 121, 550, 555, 556, 569, 571, 572, 597, 598, 655, 658
Тютчева А. Ф. *См.* Аксакова (рожд. Тютчева) А. Ф.
Тяпкин-Ляпкин, слуга М. П. Погодина, 49
Убри (рожд. княжна Мещерская) Е. Н., 471
Убри (Убриль) П. П., 471
Убри (Убриль) П. Я., 369, 569, 611
Убри (рожд. баронесса Герман) Ш. И., 569
Уваров С. С., граф (с 1846 г.), 9, 10, 12, 18, 23, 26, 27, 32, 39, 42, 44, 45, 70, 71, 95, 109, 114, 138, 159, 240, 258, 259, 262, 319, 376, 377, 525, 558, 562, 563, 625
Ульянов (Ленин) В. И., 122, 581
Унт Я., 444
Урусова С. А., княжна, 300
Усачев В. И., 42, 43, 61, 88
Усачев Ф. Н., 292, 295
Устименко И. С., 152, 154
Устимович А. П., 212
Ф., знакомый А. П. Милюкова, 116, 117
Фалеев, актер, 244, 255
Фальконн, содержатель трактира в Риме, 243, 309
Фарнезе А., кардинал, 271, 272, 285
Федоров Б. М., 377
Федоров Е. Я., 155
Федоров П. И., 657
Федоров, обойщик в Риме, 197
Федорук О. О., 391
Фенелон Ф., архиепископ Камбрейский, 387
Феодор (Бухарев), архимандрит, 348
Феодор III Алексеевич, русский царь, 610, 639
Феодор Иоаннович, русский царь, 610, 611
Феодор Тирон, св. великомученик, 314, 315, 382, 416, 446, 474, 505
Феодот Анкирский, св., 421
Феофан (Говоров), Затворник Вышенский, свт., 498
Феофан (Прокопович), архиепископ Новгородский, 531, 541, 542, 559, 568, 597, 610, 635
Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский и Нежинский, 439
Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский, свт., 80, 168, 453, 498, 571
Филдинг (Фильдинг) Г., 492
Филевский В. С., 180
Филипп, св. апостол, 146
Филонов В. Н., 314
Филонов, майор, петербургский знакомый А. О. Смирновой, 313, 314, 549, 641
Филонова, знакомая А. О. Смирновой в Петербурге, 313, 314
Философов А. И., 383
Финелли К., 270, 271
Флавицкий К. Д., 343
Флеров В. П., 35, 84
Фома, св. апостол, 69, 71, 74, 75, 80, 88, 217, 324, 343, 345, 350, 351, 354, 429, 451, 468, 471, 477, 480, 482, 484, 491
Фома Аквинский, святой католической Церкви, 283, 498, 499
Фома Кемпийский, святой католической Церкви, 387, 441, 468, 469, 488, 489, 498, 534, 617
Фонвизин А. И., 94
Фонвизин Д. И., 71, 94, 164, 173, 183
Бригадир, 206
Недоросль, 173, 206, 259
Фонвизин И. А., 93, 94
Фонвизин М. А., 94
Фонвизина (рожд. Пущина) Евд. Ф., 94
Фонвизина (рожд. Апухтина, во втором браке Пущина) Н. Д., 94
Фор, содержатель гостиницы в Мангейме, 518
Фотий, патриарх Константинопольский, св., 587
Франко И. Я., 390, 391

Франциск Сальский, святой католической Церкви, 387, 611, 612, 641, 642, 648
Фрейганг А. И., 44
Фридлендер Г. М., 360, 660
Фридрих Вильгельм, принц Гессен-Кассельский, 517, 548, 550
Фридрих, герцог Саксен-Руссенгальский, 323
Фьезоле Фра Джованни, да (Беато Фра Джованни, Беато Анджелико), святой католической Церкви, 280, 283
Ханыков Я. В., 275, 279, 282, 283, 322, 339–341, 354, 549, 550, 568
Хитрово Ек. А., 508, 626
Хмелевский И. Ц., 83
Хмельницкий Б. М., 31, 148, 173, 391
Хмельницкий Н. И., 148
Хованская, княгиня, 151
Хованские, 65
Хованский А. Н., князь, 64, 65, 516
Ховрин Н. В., 29, 103, 107
Ховрина М. Д., 29, 103, 107, 311, 358, 359, 627
Ходаревская (рожд. Косяровская) Е. И., 515, 516
Хомяков А. С., 12, 15, 31, 33, 53, 57, 59, 74–79, 81, 86, 90–92, 102–104, 121, 122, 142, 150, 151, 162, 175, 184, 185, 187, 204, 215, 219, 227, 228, 256, 257, 260, 271, 275, 287, 289, 293, 294, 300, 305, 323, 329, 332, 333, 336, 338, 341, 348, 382, 390–392, 418, 442, 474, 506, 507, 530, 531, 555, 556, 571, 576, 609–611, 614, 639, 640, 658
Ей же (О дева-роза, для чего...), 305, 336
КД <24> стихотворения А. С. Хомякова (М., 1844), 530, 531, 639, 640
Хомякова Е. А., 382
Хомякова (рожд. Языкова) Е. М., 12, 31, 34, 53, 57, 59, 74, 75, 77, 78, 81, 90–92, 142, 143, 150, 151, 162, 185, 187, 196, 228, 233, 260, 274, 275, 289, 294, 304, 322, 323, 333, 392, 474, 518, 576, 609, 614
Хомякова (рожд. Киреевская) М. А., 34
Хомякова М. А., 57, 91
Хюбнер Р., 371
Ц. Надежда (Nadine), 83
Цезарь Г. Ю., 281
Ценкер, московский банкир, 321, 359
Циммерман, врач, практиковавший в Риме и Неаполе, 118, 119, 141, 411
Цони (Цани, Зони), венецианский художник, 192
Цынский Л. М., 88, 89
Цявловский М. А., 230, 531
Чаадаев (Чадаев) П. Я., 29, 103, 163, 391, 590, 610, 611, 658
Чаговец В. А., 79, 81, 192, 324, 421, 429
Ченчи Б., 277, 284
Черкасов А. И., барон, 260
Черневский С. А., 23, 163, 190, 194, 228, 294, 299, 301, 305, 388, 437
Черницкая А. М., 11, 79, 81, 388, 527
Черныш Вас. Вас., 152–154
Черныш Вас. И., 152–154
Черныш Вера В., 120
Чернышев З. Г., граф (до 1826 г.), 570
Чернышева-Кругликова (рожд. графиня Чернышева) С. Г., графиня, 570, 573
Чернышев-Кругликов (до 1832 г. Кругликов) И. Г., граф, 570, 573
Чернышевский Н. Г., 121, 122
Чернышовы, графы, 519
Чероков А. С., 181
Чертков А. Д., 15, 29, 45, 77, 81, 88
Черткова (рожд. графиня Чернышева) Е. Г., 77, 78, 81, 592, 604, 620
Чижов Ф. В., 53, 60, 166, 172, 173, 181, 196, 230, 231, 235–239, 243, 249, 250, 268, 269, 280, 286, 290, 291, 309, 310, 340–343, 350, 367, 379, 385, 386, 413, 465, 471, 489, 506, 519, 521, 523, 524, 536–539, 544, 547, 548, 592, 601, 602, 647
Чижова У. Д., 236
Чуковский К. И., 520
Шаликов П. И., князь, 29
Шамбери, французская актриса, 327
Шамбо И. П., 434
Шамиссо А., де, 395, 396, 408
Предание об Александре Великом, 643
Шамшин П. М., 354, 355
Шаповаленко (Шаповалов) И. С., 21, 50, 85, 141, 196, 200, 266, 274, 278, 279, 343, 355, 364, 367, 385, 386, 464, 506, 523, 547, 592
Шаржинский С. Д., 209, 287
Шарпантье Ж., 468, 470, 471
Шатобриан Ф. О., де, 387
Шатров Н. М., 29
Шафарик П. Й., 335
Шварц И. Г., 206
Шебек, московская актриса, 292
Шевченко Т. Г., 192, 215, 263, 370, 391
Шевырев Б. С., 331, 620, 621
Шевырев С. П., 9, 10, 12, 13, 15, 24, 26, 30, 33, 34, 36–38, 40, 41, 43, 56–58, 70, 71, 73, 80, 86–88, 91–93, 95, 97, 100, 103, 104, 122, 130–132, 134, 135, 140, 143, 147, 151, 159, 160, 164, 165, 168, 172–175, 180, 183–188, 193, 195, 197, 198, 202, 204, 205, 209, 213, 215, 216, 218–220, 240, 242, 259, 262, 264, 265, 267, 287, 290, 291, 293,

302–304, 306, 307, 310, 311, 317–321, 324, 325, 327, 328, 330, 333–335, 338, 343, 344, 346, 348–352, 355–359, 363, 366, 368, 388, 389, 392, 393, 395–397, 400, 402–405, 407, 408, 416, 418–422, 429, 433, 436, 439–443, 445, 453–455, 457–459, 466, 467, 469, 479, 487–489, 494, 496, 504, 530, 531, 553, 556–559, 562, 563, 565, 566, 571, 580, 582–585, 590, 592–594, 599, 602–604, 610–612, 616, 617, 620–622, 626, 628, 629, 634, 638, 642, 643, 651, 654, 655
Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя, 93, 134, 135, 140, 160, 193, 195, 198, 350–352, 363, 368, 429, 466, 467, 553, 654
Введение в историю русской словесности, 571
Взгляд на современную русскую литературу. Статья вторая. Сторона светлая. (Состояние Русского языка и слога), 38
Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя, 122
Герой нашего времени, 629
Гулянье в Сокольниках 1-го Мая, 73
Железная дорога, 41
Жизнь Рафаэля, 611
История Русской Словесности, преимущественно древней, 571
Князь Дмитрий Владимирович Голицын, 37
Критический перечень произведений Русской Словесности за 1842 год, 122, 220, 356
Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году, 571
Об отношении семейного воспитания к государственному, 291, 311, 332, 356
Парижские эскизы. Визит Бальзаку, 265
Полная Русская Хрестоматия, или Образцы Красноречия и Поэзии, заимствованные из лучших Отечественных писателей. Составил А. Галахов. Две части. М.,1843, 242
Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Статья первая, 143, 164, 174, 185, 188, 193, 213, 216, 219
Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Статья вторая, 38, 143, 164, 188, 193, 213, 216, 220, 311
Русские художники в Риме, 291
Шекспир о Русских, 71
Шевырев С. П., Рубини Д.
История русской словесности, 571
Шевырева Е. С., 604, 620
Шевырева (рожд. Зеленская) С. Б., 216, 331, 620, 621
Шекспир У., 71, 103, 184, 199, 215, 248, 459, 460, 589
Гамлет, 116, 459, 460
Шеллинг Ф. В., 363, 403
Шёльхер В., 518
Шенрок В. И., 11, 15, 28, 59, 76, 78, 79, 81, 93, 100, 107, 112–115, 133, 146, 148, 181, 195, 225, 236, 258, 259, 262, 273, 274, 277, 278, 281, 283, 284, 286, 295, 304, 314, 315, 323, 328, 341, 344, 359, 360, 362, 363, 384, 385, 387, 427, 430, 435, 436, 463, 465, 471, 472, 481, 491, 502, 503, 509, 527, 542, 550, 569, 574, 582, 584, 591, 595, 598, 608, 622, 657, 660, 662
Шеппинг Д. А., 288
Шереметев А. В., 94
Шереметев (Шереметьев) Д. Н., граф, 376
Шереметева (рожд. Тютчева) Н. Н., 56, 79, 93, 94, 96, 99–101, 105, 107, 130, 131, 147, 157, 174, 175, 180, 181, 189, 201, 203, 210, 211, 222, 225–227, 253, 257, 267, 295, 296, 301, 312, 314, 317, 320, 332, 356, 360, 391, 400, 405–407, 419, 431–433, 438, 439, 444, 448, 458, 460, 473–475, 484, 485, 489, 490, 495, 496, 499, 501, 522, 523, 531, 543, 547, 551, 552, 562, 564, 581, 583–585, 609
Шиллер Ф., фон, 162, 486, 492, 589
Мария Стюарт, 569
Шкловский В. Б., 661
Шо (Shaw) Ф. И., 577
Шолохова А. С., 660
Шпенглер Л., 371
Штейн, мировой судья, 502
Штейнгель В. И., барон, 258, 259
Штернберг В. И., 198, 263, 413
Штрайх С. Я., 139
Штраунбирг, ресторатор, 363
Шуберт (в девичестве Куликова, во втором браке Яновская) А. И., 245, 246
Шуберт М. А., 23, 163, 190, 292
Шубинский И. В., 183, 204, 221, 224, 243, 324, 334, 336, 338, 351, 353, 404, 409, 662
Шуваловы, 541, 549
Шуйская (в замужестве Марченко) Ф., княжна. *См.* Марченко (рожд. княжна Шуйская) Ф.
Шумский (наст. фамилия Чесноков) С. В., 23, 163
Щеглов, московский актер, 23, 163
Щеголев П. Е., 259
Щепкин Д. М., 96, 101, 102, 496, 498, 594
Щепкин М. С., 8, 13, 14, 23, 29, 32, 47–50, 55, 63, 69, 70, 77, 95, 96, 99–102, 105, 135, 138, 163, 187–190, 193, 204, 208, 209, 211, 212, 222, 224, 225, 234–237, 244, 246, 260, 287–289, 292–295, 297, 298, 301, 305, 312, 317, 326, 327, 329, 332, 342, 358, 370, 374, 379–381, 384, 386, 389, 390, 399, 409, 410, 418, 437, 438, 447, 466, 467, 469, 496, 498,

500, 501, 507, 519, 532, 561, 564, 566, 567, 569–573, 585–587, 593, 594, 600, 621, 628, 639, 661
Щепкин Н. М., 48, 96, 409, 496, 498, 594, 596
Щепкина (рожд. Станкевич) А. В., 48, 49, 386, 409, 410
Щепкина А. М., 7, 8
Щербакова М. И., 259
Щербатов А. Г., князь, 447
Щербатова (рожд. графиня Апраксина) С. С., 447
Щербина Н. Ф., 459, 645
Щипунов П. Т., 660
Эйхенбаум Б. М., 660
Энгель И. Х., 95, 114
Энгельгардт Б. М., 660
Эппингер Ф. И., 413
Эфрон И. А., 391
Югель К., 599, 620
Юдин П. Л., 262
Юзефович М. В., 391
Юнгмейстер, петербургский книготорговец, 134
Юнг-Штиллинг И. Г., 112, 258
Юргановы, 187
Юрлов А. И., 127, 136
Юровская О., 391
Юрьев С. А., 509
Юрьевич С. А., 54, 85, 130
Юстиниан (Иустиниан) I Великий, св. правоверный царь, 4, 197, 296
Языков, 382
Языков А. М., 12–14, 30, 141, 142, 150, 187, 189, 196–198, 202, 276, 289, 293, 295, 315, 322, 323, 336, 357, 368, 378, 391, 398, 399, 450
Языков Д. С., 256
Языков Н. М., 4, 12–14, 16, 18, 23, 24, 30, 31, 51, 53–55, 57, 59, 61, 64, 65, 67, 69, 78, 89–91, 106, 138, 141–144, 146, 148, 150, 151, 157, 160, 161, 163–165, 176, 179, 182, 183, 187, 189–191, 194–199, 201–203, 216, 226–228, 230, 231, 233–237, 243, 249–251, 253, 260–262, 264, 265, 269, 274, 286, 289–291, 293, 296, 304, 305, 307–311, 315–318, 322, 323, 330, 331, 333, 336–338, 341, 342, 345, 349–354, 356, 357, 360–363, 366, 368–376, 378, 379, 381, 382, 388, 391, 392, 397, 398, 403, 405, 406, 408, 410, 411, 414, 416, 421, 429, 433, 438, 439, 442, 444, 448, 450, 451, 453, 456–460, 466, 473, 474, 479, 481, 482, 488–490, 492, 496, 500, 501, 504, 507, 513–516, 519, 523, 526, 529, 530, 531, 533, 542, 545, 546, 548, 551, 552, 557, 559, 562–564, 566, 571, 579–585, 590, 592, 593, 599, 600, 603, 607, 609, 610, 613, 614, 617, 619, 621, 628, 629, 631, 634, 635, 637–639, 643, 653, 654
  HS <56> стихотворений Н. М. Языкова (М., 1844), 585, 599, 600, 609, 610, 628
  Александре Васильевне Киреевой (Сильно чувствую и знаю...), 639, 640, 653, 654
  Альпийская песня (Гастуна), 23, 24
  Гоголю (Благословляю твой возврат...), 16
  Д. В. Давыдову, 473
  Девятое мая (Люблю смотреть на сине море...), 356
  Землетрясение, 609, 610, 631, 635, 637, 644, 645
  К К. К. Павловой (Забыли вы меня? Я сам же виноват...), 291
  К ней же <А. В. Киреевой> (Тогда как сердцем мы лелеем...), 640
  К ненашим, 639
  Князю П. А. Вяземскому, 581, 584
  Корабль (То ли дело как бывало...), 356
  Новые стихотворения Н. Языкова (М., 1845), 546, 585, 599, 600, 631, 638–640
  Олег, 609, 610
  Песня балтийским водам, 23, 24
  Подражание псалму (Блажен, кто мудрости высокой...), 621, 644
  Стихотворения Николая Языкова (СПб., 1833), 473, 474, 610, 639, 640
  Странный случай, 51
  Тригорское, 473, 474, 513, 529
  Элегия (В тени громад снеговершинных...), 501
Языков П. М., 12, 31, 51, 59, 64, 65, 67, 69, 83, 85, 89, 90, 142, 231, 253, 261, 262, 349, 398, 399, 453, 454, 473, 474, 500, 516, 518
Языкова Е. М. *См.* Хомякова (рожд. Языкова) Е. М.
Языкова Ек., 382
Языкова Ек. П., 31, 231
Языкова (рожд. Ивашева) Ел. П., 31, 64, 65, 89, 150, 151, 231, 519, 614
Языкова (рожд. Наумова) Н. А., 202, 290, 291
Языкова П. М. *См.* Бестужева (рожд. Языкова) П. М.
Языковы, 231, 261
Якубович И. Д., 617
Якушкин В. И., 530
Якушкин Е. И., 189, 222, 530
Якушкин И. Д., 94, 530, 531
Якушкина (рожд. Шереметева) А. В., 530
Ямпольский И. Г., 660
Яновский В. С., иерей, 71
Яновский М. К., иерей, 71
Янушкевич А. С., 360, 369, 396, 397, 419, 509, 530, 557, 558
Ярцев И. А., 89
Яхонтов И. К., протоиерей, 406, 407, 422

Conino, 323
Fedi, художник в Риме, знакомый Гоголя и А. А. Иванова, 272
N. N., корреспондент А. И. Тургенева, 652
N. N., корреспондент журнала «Москвитянин», 41
Rubini G. *См.* Рубини Д.
Sam, 383
Sarg, 337
Treuttel, парижский книготорговец, 537
Würtz, парижский книготорговец, 537

Географическая канва жизни и творчества Гоголя 1842–1844

Москва 7

1842. Января 2. Вероятный день погребения А. М. Щепкиной (третий день после кончины). На похоронах присутствуют В. Г. Белинский и, возможно, Гоголь 7

1842. Января между 2 и 7. Во время непродолжительного пребывания в Москве Белинского Гоголь, возможно, после встречи с ним на похоронах дочери М. С. Щепкина Александры, договорился о передаче рукописи «Мертвых душ» в Петербург князю В. Ф. Одоевскому. После встречи с Белинским пишет письма к А. О. Смирновой, к Императору Николаю I и к Одоевскому. Вновь встречается с Белинским и передает ему письма и рукопись поэмы. Вместе с Щепкиным обещает проводить критика в Петербург 11 января 1842 г. 8

1842. Января 7. Гоголь после передачи В. Г. Белинскому, вместе с рукописью «Мертвых душ», писем к князю В. Ф. Одоевскому, А. О. Смирновой и Императору Николаю I, отправляет по почте письмо к П. А. Плетневу, где извещает о нахождении рукописи у Одоевского и сообщает толки по поводу «Мертвых душ» в Московском цензурном комитете 13

1842. Январь — февраля начало. Гоголь заканчивает, вчерне, работу над повестью «Рим» 21

1842. Февраля 6. Пятница. Москва. Гоголь провожает святителя Иннокентия (Борисова) в Харьков и получает от него благословение на путешествие к Святым Местам 24

1842. Между февраля 24 и марта 4. Гоголь пишет в Петербург письмо к министру народного просвещения С. С. Уварову с просьбой ускорить цензурное прохождение «Мертвых душ» 42

1842. Марта 17. Гоголь посылает П. А. Плетневу в Петербург рукопись второй редакции повести «Портрет» и отдельные оттиски повести «Рим» 52

1842. Апреля между 5 и 9. Гоголь приступает к печатанию первого тома «Мертвых душ» (в количестве 2400 экземпляров); работает над переделкой запрещенной цензурой «Повести о капитане Копейкине» в десятой главе поэмы 64

1842. Апреля 10. Пятница. Гоголь в письмах в Петербург к П. А. Плетневу и к А. В. Никитенко обращается с просьбой ускорить вторичное прохождение в цензуре «Повести о капитане Копейкине» (рукопись «Повести...» была приложена к письму Плетневу) 65

1842. Апреля 26–28. М. П. Погодин выехал в Петербург для встречи и переговоров с С. С. Уваровым. Накануне отъезда Погодина Гоголь поручил ему забрать у цензора А. В. Никитенко «Повесть о капитане Копейкине» 71

1842. Мая 1. Гоголь обедает у Аксаковых, после чего два часа работает над корректурой «Мертвых душ». Вечером посещает гулянье в Сокольниках 73

1842. Мая около 4. Окончен типографский набор «Мертвых душ», за исключением «Повести о капитане Копейкине», находящейся в петербургской цензуре 74

1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Утром в Москву из Петербурга вернулся М. П. Погодин (без «Повести о капитане Копейкине»). На состоявшемся позднее именинном обеде Гоголя среди гостей были С. Т., К. С. и Г. С. Аксаковы, А. О. Армфельд, Т. Н. Грановский, В. В. Григорьев, братья В. А., Н. А. и А. А. Елагины, М. Н. Загоскин, братья И. В. и П. В. Киреевские, П. В. Нащокин, Н. Ф. Павлов, С. В. Перфильев, П. Г. Редкин, Ю. Ф. Самарин, Д. Н. Свербеев, А. С. Хомяков, вероятно, А. Д. Чертков, М. С. Щепкин и др. Вечером того же дня Гоголь в погодинском саду принимал, вместе с женой Погодина Е. В. Погодиной, О. Сем. Аксакову с дочерью Верой и его сестрой Елисаветой, Е. А. Свербееву, А. П. Елагину, Е. М. Хомякову и Е. Г. Черткову. Вероятно, поздно вечером в Москву приехала М. И. Гоголь с дочерью Анной, чтобы увидеться с сыном и забрать домой дочь Елисавету 77

1842. Мая 13. В «Прибавлении к № 38-му Московских Ведомостей», в разделе «Отъезжающие за границу», напечатано извещение о готовящемся отъезде Гоголя «в Италию и ко Святым местам». 83

1842. Мая между 11 и 15. Гоголь получил из Петербурга рукопись «Повести о капитане Копейкине», с цензурным разрешением 84

1842. Мая 15. Гоголь получил известие о выдаче билета на выпуск в свет отпечатанной книги «Похождения Чичикова, или Мертвые души...». .84

1842. Мая 20. День памяти святителя Алексия, митрополита Московского. Москва. Гоголь на именинах А. С. Хомякова подарил имениннику экземпляр только что вышедшего первого тома «Мертвых душ» 90

1842. Мая 23. Гоголь выехал из Москвы в Санкт-Петербург 96

Санкт-Петербург 109

1842. Мая 26 – июня 5. Гоголь живет в Петербурге проездом за границу; остановился либо у Н. Я. Прокоповича (которому поручает издание собрания своих сочинений в четырех томах и на квартире которого происходят его встречи с В. Г. Белинским, А. А. Краевским,

А. А. Комаровым, И. И. Панаевым), либо, что более вероятно, у П. А. Плетнева. Встречается с князем Г. П. Волконским, К. П. Брюлловым, князем П. А. Вяземским, М. Н. Лонгиновым, князем В. Ф. Одоевским, А. П. Заблоцким-Десятовским, Д. Е. Бенардаки, графиней Е. П. Ростопчиной и др., читает у А. О. Смирновой главы «Мертвых душ», «Женитьбу» и «Шинель»; бывает у Балабиных, у Ф. А. фон Моллера; навещает Карташевских; передает графу Мих. Ю. Виельгорскому три экземпляра «Мертвых душ» для последующего представления царской семье – Императору Николаю I, Императрице Александре Феодоровне и Наследнику Александру Николаевичу; дарит «Мертвые души» А. В. Никитенко, графине Пален, цензору П. А. Корсакову и др.. . . . 109

1842. Июня 2. Гоголь представляет в цензуру первый и второй тома своих Сочинений 127

1842. Июня 5 <17>. Цензурное разрешение первого и второго томов «Сочинений Николая Гоголя». В тот же день Гоголь выехал из Петербурга за границу. 132

Таурогена. 134

1842. Июня 6 <18>. Троицкая родительская суббота. В таможне Таурогена, на русской границе, в паспорте Гоголя сделана отметка 134

Берлин 135

1842. Июня 20–26 <8–14>. Гоголь проездом в Берлине. 135

Дрезден 140

1842. Июня 29 <17>. Гоголь в Дрездене 140

Прага 140

1842. Июня 30 <18>. Гоголь в Праге 140

Гастейн, Зальцбург, Мюнхен, Гастейн 144

1842. Июля 14 – сентября первая половина <июля 2 – сентября начало>. Гоголь с Н. М. Языковым живут в Гастейне. Гоголь встретился здесь с Н. Н. Норовым. В начале августа Гоголь выезжал в Мюнхен, затем вернулся в Гастейн 144

1842. Сентября 17 <5>. Гоголь с Н. М. Языковым и слугой Языкова Сильвестром выехали из Гастейна в Рим 187

Венеция 189

1842. Сентября 22–28 <10–16>. Гоголь с Языковым проездом в Венеции 189

Болонья 195

1842. Октября 2 <сентября 20>. Гоголь и Н. М. Языков с его слугой Сильвестром проездом в Болонье 195

Флоренция 195

1842. Октября 3 <сентября 21>. Гоголь и Н. М. Языков с его слугой Сильвестром проездом во Флоренции 195

Рим 196

1842 октября 4 <сентября 22> – 1843 мая 2 <апреля 20>. Гоголь живет в Риме с больным поэтом Н. М. Языковым. Встречается с А. А. Ивановым, Ф. И. Иорданом, И. С. Шаповаленко, княгиней З. А. Волконской, Ф. В. Чижовым, Г. П. Галаганом, Ар. О. Россетом, В. А. Перовским, А. О. Смирновой и др. Представляется великой княгине Марии Николаевне. В этот период Гоголь работает над изданием «Сочинений» (печаталось в Петербурге) и вторым томом «Мертвых душ»; занимается переводом на итальянский язык «Увещательных глав» диакона Великой церкви Св. Софии в Константинополе Агапита св. правоверному царю Юстиниану; пишет сочинение <О благодарности> 196

Рим, Альбано, Рим 339

1843. Апреля между 24 и 29 <между 12 и 17>. Гоголь ездил с А. О. Смирновой, ее дочерьми, В. А. Перовским (и, вероятно, с его сыном Алексеем) и Я. В. Ханыковым в Альбано 339

Рим 349

1843. Мая 2 <апреля 20>. Гоголь и Н. М. Языков с его слугой Сильвестром выехали из Рима в Гастейн 349

Флоренция 351

1843. Мая 5–6 <апреля 23–24>. Гоголь и Языков с его слугой Сильвестром проводят два дня во Флоренции 351

Болонья 351

1843. Мая 7 <апреля 25>. Гоголь и Языков с его слугой Сильвестром проездом в Болонье 351

Модена, Мантуя. 352

1843. Мая 8 <апреля 26>. Гоголь и Языков с его слугой Сильвестром проезжают Модену и Мантую 352

Верона 352

1843. Мая 9 <апреля 27>. Гоголь и Языков с его слугой Сильвестром в Вероне. Через Трент, Ровердо, Инсбрук и Зальцбург направляются в Гастейн 352

Гастейн. 354

1843. Мая 14 <2>. Гоголь и Языков с его слугой Сильвестром возвратились из Рима в Гастейн 354

1843. Мая между 24 и 28 <между 12 и 16>. Гоголь, простившись с Языковым, выехал из Гастейна в Дюссельдорф, к В. А. Жуковскому.. 360

Мюнхен 361

1843. Мая 28 <16>. Гоголь через Зальцбург прибыл из Гастейна в Мюнхен. Встретился здесь с А. Н. Поповым 361

1843. Июня 1–3 <мая 20–22>. В Мюнхен к Гоголю приезжает Ф. А. фон Моллер, с которым они проводят вместе три дня. Моллер вручает Гоголю переданные ему в Петербурге

Н. Я. Прокоповичем четыре тома вышедшего собрания «Сочинения Николая Гоголя» (СПб., 1842), книгу Н. А. Иванова «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях» (СПб., 1837. Ч. 1–4. Истории; Ч. 1–2. Статистики), карту России, а также несколько критических статей разных авторов о «Мертвых душах» 365

Штутгарт 368

1843. Июня 6 <мая 25>. Гоголь в Штутгарте 368

Франкфурт-на-Майне 369

1843. Июня 8 <мая 27>. Гоголь проездом во Франкфурте встретился с В. А. Жуковским 369

Висбаден 370

1843. Июня 10 <мая 29>. Гоголь проездом в Висбадене 370

Висбаден, Эмс 370

1843. Июня 11 <мая 30>. День Святой Троицы. Гоголь выехал из Висбадена (вероятно, после праздничной обедни) и вечером того же дня прибыл в Эмс к В. А. Жуковскому 370

Эмс, Дюссельдорф, Эмс 371

1843. Июня 15 <3>. Гоголь ездил из Эмса в Дюссельдорф 371

Эмс 372

1843. Июня 18 <6>. Прибывший в Эмс В. А. Жуковский встречается здесь с Гоголем 372

Эмс, Дюссельдорф, Эмс 374

1843. Июня 20 <8>. Гоголь, возможно, вновь ездил из Эмса в Дюссельдорф 374

Эмс 376

1843. Июня 21 <9>. Гоголь у В. А. Жуковского видится с Н. И. Гречем . . . 376

1843. Июля 2–3 <июня 20–21>. Гоголь выехал из Эмса в Баден. По дороге разминулся с А. О. Смирновой, отправившейся в это время на встречу с В. А. Жуковским из Бадена в Эмс 380

Баден-Баден 380

1843. Июля не позднее 4 <июня не позднее 22>. Гоголь приехал в Баден . . . 380

1843. Июля 8 <июня 26>. Гоголь встретился с возвратившейся из Эмса А. О. Смирновой. Смирнова, вероятно, передает Гоголю принадлежавшую ему Библию 381

Баден-Баден, Карлсруэ, Баден-Баден 382

1843. Июля 8 <июня 26> – августа 27 <15>. Гоголь живет в Бадене, общается с А. О. Смирновой и с семейством Соллогубов. Навещает А. Мицкевича в Карлсруэ 382

Баден-Баден 393

1843. Августа 27 <15>. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Баден-Баден. В. А. Жуковский утром выехал из Бадена,

через Карлсруэ и Кобленц, в Дюссельдорф. Спустя некоторое время, до обеда, отдельно от Жуковского, отправился тем же маршрутом, из Бадена в Дюссельдорф, с пакетом от А. О. Смирновой, Гоголь . . . 393

Дюссельдорф 395

1843. Августа 28 <16>. Жуковский приезжает в Дюссельдорф. Вслед за Жуковским, отдельно от него, в Дюссельдорф в тот же день прибывает Гоголь 395

1843. Августа 28 <16> – ноября 5 <октября 24>. Гоголь живет в Дюссельдорфе в доме В. А. Жуковского. Читает журнал «Христианское Чтение» за 1843 г. Жуковский в эти месяцы переводит II–III песни «Одиссеи» 395

1843. Сентября 5 <августа 24>. В. А. Жуковский уезжает в Берлин на встречу с Императором Николаем I. На время пребывания Жуковского в Берлине Гоголь, по-видимому, куда-то также уезжает из Дюссельдорфа 401

1843. Сентября 23 <11> – декабря 5 <ноября 23>. В. А. Жуковский по возвращении из Берлина живет в Дюссельдорфе 403

1843. Ноября 5 <октября 24>. Гоголь выехал из Дюссельдорфа в Ниццу. . 416

Генуя 420

1843. Ноября около 18 <6>. Болезнь Гоголя в Генуе 420

Ницца 420

1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Гоголь живет в Ницце (сначала на отдельной квартире, затем у Виельгорских); встречается с А. О. Смирновой, с графом В. А. Соллогубом и его женой графиней С. М. Соллогуб (рожд. графиней Виельгорской). Работает над вторым томом «Мертвых душ»; перечитывает свои выписки «Из книги: Лествица, возводящая на небо»; составляет сборники «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви» (из журнала «Христианское Чтение» и др. источников, используя, в том числе, свой сборник выписок из Кормчей книги). Читает Смирновой свои выписки. Пишет для нее и для Виельгорских духовно-нравственные сочинения «Правило жития в мире», «О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии», <О гневе и безгневии>; переписывает для Смирновой псалмы; приступает к работе над книгой о Божественной Литургии. Предположительно в этот же период знакомит графиню Анну М. Виельгорскую с сборником своих выписок «Сочинения Ломоносова и Державина» и перечитывает славянскую Библию . . . 421

1844. Марта первая половина <марта начало>. А. О. Смирнова с детьми выехала из Ниццы в Париж. В этот период, до отъезда Смирновой, Гоголь получил в подарок альбом, озаглавленный: «НИЦЦА. 1844», с указанием: «Н. В. ГОГОЛЮ», и надписями дарителей. 462

1844. Марта 18 <6>. День рожденья А. О. Смирновой, о котором Гоголь вспоминает в кругу Виельгорских и Соллогубов. Гоголь, вероятно, читал вслух извлечения из своего «Правила жития в мире», из трактата «О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии», а также «записочки, выбранные... из разных мест, против уныния». На чтении, возможно, присутствовала также графиня М. А. Воронцова с племянницей 462

1844. Марта 19 <7>. Гоголь выехал из Ниццы через Страсбург во Франкфурт 466

Экс 466

1844. Марта 20 <8>. Гоголь проездом в Эксе 466

Страсбург 467

1844. Марта 25 <13> – 27 <15>. Гоголь проездом в Страсбурге 467

Франкфурт-на-Майне 469

1844. Марта 28–29 <16–17>. Гоголь прибыл во Франкфурт 469

Дюссельдорф, Франкфурт-на-Майне, Дармштадт 472

1844. Марта 30 <18>. Лазарева суббота. В. А. Жуковский едет из Дюссельдорфа в Дармштадт для говения и встречи с великим князем Александром Николаевичем. Проездом во Франкфурте встречается с Гоголем, который также отправляется в Дармштадт 472

Дармштадт 472

1844. Марта 31 <19>. Вербное воскресенье. День тридцатипятилетия Гоголя. 472

1844. Апреля 4 <марта 23>. Великий четверг. Вероятно, в этот день Гоголь приобщается Св. Христовых Таин в русской церкви в Дармштадте 475

Дармштадт, Франкфурт-на-Майне 477

1844. Апреля между 7 и 12 <марта между 26 и 31>. Гоголь, возможно, вместе с В. А. Жуковским, приезжает из Дармштадта во Франкфурт (Жуковский из Франкфурта отправился далее в Дюссельдорф) 477

Франкфурт-на-Майне 478

1844. Апреля 12 <марта 31> – мая средина <мая начало>. Гоголь во Франкфурте 478

Штутгарт 499

1844. Мая с 17 по 19 <с 5 по 7>. Гоголь в Штутгарте (проездом из Франкфурта в Баден). 499

Баден-Баден 500

1844. Мая около 20 <около 8>. Гоголь прибыл в Баден, чтобы увидеться, как договаривался, с Виельгорскими (последние приехали позже) 500

Франкфурт-на-Майне 507

1844. Около июня 8 <около мая 27>. Гоголь приехал из Бадена во Франкфурт к В. А. Жуковскому. Вероятно, по приезде альбом, подаренный Гоголю в первой половине марта (н. ст.) 1844 г. в Ницце Виельгорскими, Соллогубами и А. О. Смирновой, он передарил жене Жуковского Елизавете Евграфовне 507

1844. Около июня 8 – июля 24 или 25 <около мая 27 – июля 12 или 13>. Гоголь живет у В. А. Жуковского во Франкфурте, откуда во второй половине июня (н. ст.) ездил в Мангейм и Баден. (Жуковский в эти месяцы переводил VIII песнь «Одиссеи».) В конце июня (н. ст.) 1844 г. во Франкфурт приехала А. О. Смирнова, которая провела здесь, с перерывом на пятидневную поездку в Баден, более двух недель, «видаясь каждый день с Гоголем и Жуковским». Здесь же, вероятно, находился поэт граф А. К. Толстой. В начале июля (н. ст.) 1844 г., вероятно, в Шлангенбаде, Гоголь встречался с М. П. Балабиной . . . 508

Мангейм 517

1844. Июня между 15 и 19 <июня между 3 и 7>. Гоголь живет в Мангейме в обществе Г. М. Толстого 517

Баден-Баден 520

1844. Июня 19 <7> – июня около 20 <8>. Гоголь в Бадене. Встречается здесь с Виельгорскими – графом Мих. Ю. Виельгорским, графиней Л. К. Виельгорской и, вероятно, их сыном М. М. Виельгорским и дочерью графиней Анной М. Виельгорской. (Виельгорские провожали тогда Луизу Карловну, ехавшую из Парижа, через Баден, Франкфурт и Лейпциг, в Петербург.) 520

Франкфурт-на-Майне 524

1844. Июня конец <июня средина>. А. О. Смирнова с детьми приехала во Франкфурт, где встретилась с Гоголем. 524

Франкфурт-на-Майне; Шлангенбад; Франкфурт-на-Майне 527

1844. Июля начало <июня вторая половина>. Гоголь, вероятно, ездил из Франкфурта в Шлангенбад для встречи с М. П. Балабиной 527

Франкфурт-на-Майне 528

1844. Июля 25 <13>. Гоголь выехал из Франкфурта в Остенде 532

Остенде 533

1844. Июля 26 – сентября 15 <июля 14 – сентября 3>. Гоголь в Остенде на морских купаньях, куда 8 августа (н. ст.) 1844 г. приезжает графиня Л. К. Виельгорская с дочерьми, графинями С. М. Соллогуб и Анной М. Виельгорской. Здесь же находятся граф И. П. Толстой (до начала сентября (н. ст.) 1844 г.) и его брат граф А. П. Толстой, вероятно, с женой, графиней А. Г. Толстой (рожд. княжной Грузинской) 533

1844. Августа 8 <июля 27>. Гоголь получил письмо от графа Мих. Ю. Виельгорского из Лондона, с приглашением приехать в Брай-

тон. Вероятно, в этот же день графиня Л. К. Виельгорская с дочерьми, графинями С. М. Соллогуб и Анной М. Виельгорской, приезжают в Остенде, где встречаются с Гоголем; обсуждают с ним предполагаемую поездку в Англию; решают остаться в Остенде. Об этом их решении Гоголь тогда же известил Жуковского (письмо не сохранилось). 540

Брюссель 552

1844. Сентября 16 <4>. Гоголь встретился с семейством Виельгорских в Брюсселе, где они съехались с графом Мих. Ю. Виельгорским, возвратившимся из Англии 552

1844. Сентября 17 <5>. Гоголь с Виельгорскими отправился, через Аахен, во Франкфурт и, вероятно, в Ганау, где они простились с отправлявшейся в Петербург графиней С. М. Соллогуб (рожд. графиней Виельгорской) 553

1844. Сентября 18 <6>. Предположительно в этот день Гоголь, проехав вместе с Виельгорскими Франкфурт, прибыл в Ганау, где они простились с графом Мих. Ю. Виельгорским и его сыном графом М. М. Виельгорским, сопровождавшими (до Берлина) дочь Мих. Ю. и Л. К. Виельгорских графиню С. М. Соллогуб, отправлявшуюся в Петербург. 553

Франкфурт-на-Майне 554

1844. Сентября 19 <7>. Гоголь у В. А. Жуковского во Франкфурте, где встретил А. И. Тургенева, который проживал у Жуковского на возвратном пути из Киссингена. В тот же день Гоголь отправился в Рюдесгейм (Рюдесхайм) к Виельгорским 554

Рюдесхайм 554

1844. Сентября между 19 и 21 <между 7 и 9>. Гоголь в Рюдесгейме в обществе графинь Л. К. и Анны М. Виельгорских, а также двух племянниц Виельгорской-старшей — Антуанетты Лазаревой и графини Луизы Гогенталь (рожд. герцогинь Бирон). Общается также с мужем Лазаревой, Л. Я. Лазаревым 555

1844 сентября 21 <9> — 1845 января 10 или 11 <1844 декабря 29 или 30>. На протяжении почти четырех месяцев Гоголь живет во Франкфурте у В. А. Жуковского, который в это время занимается переводом IX–XII песен «Одиссеи» Гомера. Гоголь читает перевод Жуковского III–XII песен; работает над вторым томом «Мертвых душ». В первое время, возможно, общается во Франкфурте с графинями Л. К. и Анной М. Виельгорскими. Получает от Жуковского книги, привезенные ранее из Петербурга Л. К. Виельгорской и оставленные ею у Жуковского во Франкфурте. (Из шестого номера «Отечественных Записок» за 1844 г., в частности, выписывает стихотворение Я. П. Полонского «Пришли и стали тени ночи...») Завершает составление сборника «Выбранные места

из творений св. Отцов и учителей Церкви». В конце сентября (н. ст.) 1844 г. Гоголь встречается с Н. А. Мельгуновым. В начале октября (н. ст.) вместе с Жуковским ездил в Рюдесгейм (Рюдесхайм) навестить Виельгорских 555

Франкфурт-на-Майне; Рюдесхайм 566

1844. Октября 5 <сентября 23>. Гоголь вместе с В. А. Жуковским прибыл в Рюдесгейм к Виельгорским 566

Франкфурт-на-Майне 570

1844. Октября около 12 <сентября около 30>. Гоголь получает из Берлина отправленные ему Н. М. Языковым из Москвы книги: «четыре книжки Святых Отцов», 1843 г. издания 571

1844. Декабря 2 <ноября 20>. Гоголь пишет ответное письмо Н. М. Языкову в Москву (позднее письмо было использовано Гоголем при написании главы *XV. Предметы для лирического поэта в нынешнее время* «Выбранных мест из переписки с друзьями»). . . . 609

1844. Декабря 26 <14>. Гоголь пишет Н. М. Языкову в Москву новое письмо по поводу его стихотворения «Землетрясение», также использованное позднее при написании статьи *XV. Предметы для лирического поэта в нынешнее время* «Выбранных мест из переписки с друзьями» 637

1845 января 2 <1844 декабря 21>. Гоголь отправляет в Москву ответное послание к Н. М. Языкову (последнее письмо, в свою очередь, было использовано Гоголем при написании статьи *XV. Предметы для лирического поэта в нынешнее время* «Выбранных мест из переписки с друзьями») 643

1845 января 9 <1844 декабря 28>. Гоголь отправляет ответное письмо А. А. Иванову в Рим, с вложением письма к Ф. А. фон Моллеру (последнее письмо не сохранилось); пишет ответное письмо к А. О. Смирновой в Петербург (письмо было отправлено позднее, 15 марта (н. ст.) 1845 г. – после поездки Гоголя в Париж, а затем использовано в «Выбранных местах из переписки с друзьями» при написании главы *VI. О помощи бедным*. (*Из письма к А. О. С<мирнов>ой*) (глава датирована 1844 г.) 647

1845 января 10 или 11 <1844 декабря 29 или 30>. Гоголь выехал из Франкфурта в Париж 654

Содержание

Летопись жизни и творчества Гоголя (1809–1852). 1842–1844 5

1842 7

1843 264

1844 437

Список сокращений 660

Именной указатель 663

Географическая канва жизни и творчества Гоголя. 1842–1844. 693

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

И. А. ВИНОГРАДОВ

ЛЕТОПИСЬ
ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
Н. В. ГОГОЛЯ
в семи томах

том четвертый
1842–1844

Дизайн обложки и макет тома Д. К. Бернштейн
Корректор Е. Н. Сченснович
Компьютерная верстка А. З. Бернштейн

Подписано в печать 15.10.2018

Формат 70×100[1]/16
Усл.-печ. л. 44,0; уч.-изд. л. 56,76.
Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
тел. (495) 691-23-01, 690-05-61

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ № 1029

ИМЛИ РАН

Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя

Том 4

Москва 2018